

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Rec. 278975 d. ~~80~~
~~56~~

60/14431

**О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н Ы Я
ЗАПИСКИ.**

годъ десятый.

ОТВЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКІМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
voce foris sonantem, sed intus
aureo apt veritatem docentem.*

Gersonius.

ТОМЪ LVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
указаненное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31 декабря 1847 года.

Цензоры: А. Крылов и А. Масалкин.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТЕЦЬ СЪ СЫНОМЪ.

СТАРАЯ ПОГУДКА НА РУССКІЙ ЛАДЪ.

Повѣсть,

(Посвящается С. П. Шефферу.)

II.

Въ Замоскворѣчье, гдѣ-то, помнится, у Троицы, не то на Шаболовкѣ, не то въ Кожевникахъ, стоялъ каменный домъ такой постройки и наружности, что всякий старый Москвичъ, проходя мимо, говоривалъ: «вотъ сейчасъ видно, что хозяинъ для себя строить и что самъ живеть». Все необходимое для большой семьи, для хозяевъ съ чады и домочадцы и для добрыхъ пріятелей, которые бы вздумали погостить, чтобъ нужно для простора, для пріольного житья — все было тутъ; но безполезныхъ затѣй — никакихъ.

T. LVI. — Отд. I.

1

кихъ, и въ наймы вѣдѣсь отдать нѣчего. «Не красиво, да спасибо», говоривъ хозяинъ, въ ожиданіи того, что гости станутъ отстанивать даже и красоту, зданія собственной его постройки: «кому охота въ кучу сбиваться» продолжалъ онъ, бывало, — «ступай съ Богомъ въ Питеръ, а мы Москву все такъ строимъ, пошире: всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; какова ни есть, прошу не прогнѣваться.» Домъ этотъ, устроенный во всѣхъ отношеніяхъ по-хозяйски, былъ, какъ говорится, полная чаша и могъ бы во всякое время выдержать порядочную осаду — разумѣется, еслибъ только вздумали брать его не приступомъ, а голодомъ: полные подвалы и погреба, колодезь со студеною и чистою, какъ слеза, водою, надъ которымъ поставлено было роlъ часовенъки съ иконою ангела хозяина, запасъ живности, дровъ, большой плодовый садъ и огородъ обеспечивали всѣ житейскія нужды обывателей этого хлѣбосольного дома. Не смотря на все это, были, однажъ, на Москвѣ и такие люди, у которыхъ хозяинъ этотъ слытъ скупымъ; такую молву распустили и по-временамъ поддерживали тѣ, для которыхъ скупость, порядокъ и бережъ трудовой копейки было одно и то же, и которые страхъ не взлюбили обычая хозяина не давать взаймы людямъ, полагающимъ вообще, что кто беретъ деньги, тотъ надумался прежде, а теперь-де пришла пора думать тому, кто далъ.

«Не дать взаймы — остуда на время», говоривъ старикъ, «а дать взаймы — скора на вѣкъ». На милостыню былъ онъ таровать, но съ разборомъ, не всегда и не вездѣ; помогать, онъ помогалъ многимъ, если только видѣль, какъ онъ выражался, что грѣхъ былъ денежный, т. е. что можно было пособить деньгами и ждать отъ этого прока; а гдѣ приходилось не въ коня кормъ сажать, тамъ онъ былъ и глухъ и немъ. «Истинникъ дорогъ нашему брату», говоривъ онъ: «а какъ только сталъ раздавать деньги по сторонамъ, такъ ужъ одна ножка подкосилась: далеко не уйдешь, каковъ рѣзовъ ни будь. Дворянскіе животы и тонкие, да долгіе, тянутся; а нашъ братъ какъ чуть только не по силамъ потянулся, такъ и надорвался. Опричь того — не жалѣть живота, такъ знать, что прокъ будетъ; а на вѣтеръ бросать — никому угодить.»

Въ воскресный день по вечеру, хозяинъ этого дома сидѣль съ какимъ-то приятелемъ у себя въ гостиной за шахматами и острѣль, между-тѣмъ, какъ человѣка три гостей любовались со стороны и по-временамъ смѣялись. По первому взгляду видно было, что хозяинъ и эти три посѣтителя принадлежали къ русскому торговому сословію, а противникъ первого въ игрѣ походилъ на что-то въ родѣ разночинца.

— Я тебѣ улью щей на ложку, погоди! говорилъ хозяинъ, сдѣлавъ прехитрый ходъ конемъ.

— Ваша воля — наша доля, отвѣчалъ задумавшись противникъ его, и сдѣлалъ самъ хорошій ходъ, между-тѣмъ, какъ старикъ

затянуль—было опять ту же пѣсню: «я тебѣ улью... вотъ онъ кашквъ!» продолжалъ онъ, «не трусить: умеръ, а глядитъ... боецъ ты, боецъ—постой, я тебя угомоню... кабы на горахъ не морозъ, такъ оно бы и черезъ тынъ переростъ... Не суйся жь напередъ отца въ петлю», прибавилъ онъ, и убилъ слона.

Противникъ предвидѣлъ уже ударъ этотъ, но все—таки немногѣ прикусилъ губу и молча сходилъ пѣшкой.

— По грибы не честь, и по ягоды нѣтъ—такъ хоть по еловыя шишкы, продолжалъ тотъ спокойно, погладивъ бороду, и убилъ пѣшку.—Бей ворону и сороку—добыешься и до бѣлого лебедя.

— Худо! замѣтилъ противникъ, покачивая ногой, таcъ что сапогъ началъ громко скрипѣть.

— На свѣтѣ и съ худомъ худо, сказалъ стариkъ, вскинувъ веселые сѣрые глаза на зрителей: — а безъ худа и вовсе худо. Не плакать, козявка, только сокъ выжму, прибавилъ онъ, пододвинулъ ферезъ, подгоняя ее въ два перста, вплоть къ королю противника и всталъ молча, утирая потъ платкомъ. Зрители засмѣялись, а стариkъ, взглянувъ черезъ плечо на своего противника, который все еще сидѣлъ задумавшись надъ доской, сказалъ: —Что сидишь? Кончено; тутъ, братъ, и комаръ носу не подточить. Пройдись маленько, не то одурѣешь.

Стѣпные часы ударили девять и посытители, будто сговорившись, по этому знаку всѣ взялись за шапки; разночинецъ сталъ было оправдываться въ проигрышѣ своемъ и доказывать, что игра его сперва стояла лучше, но стариkъ забросалъ его поговорками, а потомъ взялъ у него изъ рукъ шапку, сказавъ: «постой же, не бѣги; надо еще съ тобой потолковать слова два». Прочіе, простившись, ушли, а этотъ остался.

— Ну, сказалъ хозяинъ: — памъ вѣдь помѣшали; присядь, да доскажи... или, правда, тебѣ не сидится, такъ, пожалуй, ходи маятникомъ передо мной, только смотри, чуръ, не по ногамъ.

— Есть предатели, Гаврило Степанычъ! началъ тотъ єкороговоркой, и каріе глаза его заблестѣли искрой самоотверженія и злобы, губы сжались, подбородокъ задрожалъ, и по лицу пробѣгали какіе-то судорожные порывы. — Есть предатели отечества, по самозабвенію долга, чести и присяги.

— Чѣмъ жь? спросилъ спокойно стариkъ: — губные старости, чѣмъ ли? аль опять разбойный приказъ? — (Замѣтилъ, что въ то время, когда это происходило, давно уже не было этихъ мѣстъ и званій, но собесѣдники наши понимали другъ друга и въ подобныхъ случаяхъ, даже глазъ-на-глазъ, всегда выражались иносказательно).

— Нѣть, Гаврило Степанычъ, повыше-сь: не деревянная изба горитъ, а каменны палаты — совершаются беззаконія: кто правъ, тотъ и виноватъ, а кто виноватъ, тотъ и правъ.

— Кто жь у тебя въ обѣискѣ облихованъ?

— Да дѣло Кулагина проиграно.

Словесность.

— Не-ужь-то? Да, то-есть, проиграно въ продажномъ?

— Нѣть, за Никольскими. Перенесли; все какъ на ладонкѣ, развернули; думали: гдѣ правда, коли не у Спаса (...) пять тысяч, да коляску съ лошадьми (тутъ онъ шепнулъ что-то на ухо старику, перегородивъ ротъ ладонью). да...

— Эй, прикуси языкъ!

— Да, тысячу; да пять-сотъ на мелкую Сашку — а передавалъ тогдѣ, какъ его — съ Собачей-Площадки — и рвали ассигнаціи по поламъ: одну половину отдали въ задатокъ, а другую, для вѣрности, оставили у себя; де-скать сдѣлаете — отдадимъ, а обманете — пусть же не достается ни вамъ, ни намъ. Ну, и сдѣлали; а вчера побѣчеру отвезли другую половину; могарычей просилъ, не дали; а донскимъ запили.

— Экъ онъ счетъ-то знаетъ въ чужихъ карманахъ! хоть бы тебѣ за это по денежкѣ съ рубля положили, коли вѣрно сочтешь... ну?

— А коляску съ лошадьми объявили въ вѣдомостяхъ въ продажѣ; а кто пришелъ спросить, такъ говорятъ: нѣть ея, ужъ продана-де такому-то.

— Ну, а тогдѣ же что, сердечный, въ Кречетникахъ?

— Чѣмъ жь? и радъ бы всплакаться, да не кому. Это-сь, Гаврило Степанычъ, не приведи Богъ; это просто ложись живемъ подъ холстину, да и скажись мертвымъ; это извергъ подобное; это ни жить, ни умереть... (Голова его тряслась, онъ произносилъ слова съ сильнымъ ударениемъ, подтягивалъ жесткія губы, а руки, не смотря на горячность своего рассказа, почти во все время держалъ по щвамъ, изрѣдка только дозволяя себѣ махнуть рукой въ сторону, и спѣшилъ тогдѣ же опустить ее на свое мѣсто, какъ человѣкъ, привыкшій стоять на-вытяжку).

— Ну, братъ, сказалъ хозяинъ: — опять у тебя легкихъ не хватаетъ — опять заговорилъ печонкой! Брось; куда и шестомъ не дстанешь, туда носомъ не тянись: щелчка дадутъ.

— Нельзя-сь; помилуйте, Гаврило Степанычъ, это... это хоть святыхъ вонъ понеси отъ такого позору; этого стерпѣть нельзя; это, сами изволите видѣть...

— Ну, нельзя, нельзя... полно молоть: утро вечера мудренѣе; переспи, такъ угомонишься, и выйдетъ, что можно. Мало ли чего нельзя, да можно!

— Нѣть-сь, я вотъ и Михайлъ Гаврилычу докладывалъ...

— Сыну? А гдѣ ты его видѣлъ? когда? Гдѣ онъ шатается?

— Видѣлъ-сь около полудня нынче, въ Городѣ, въ Троицкомъ. Ужъ каковъ ни есть-сь, а по-крайности способный человѣкъ и съ благородствомъ. Я и Михайлъ Гаврилычу говорилъ, то-есть...

— Шатунъ онъ, сударь ты мой! шатунъ!

— Оно несомнительно; можетъ-статься, что и такъ.

(*) Извѣстная старинная поговорка.

— Да, оно такъ, продолжалъ стариkъ: — ему, сыну Гаврилы Степанова Гребнева, не приходилось бы жить такъ — отъ утра до вечера, а помянуть нѣчего; недѣля прошла, до насть не дошла. Ему бы старика-отца надо слушаться: стариkъ умнѣе его; а онъ щенокъ еще, даромъ, что ему двадцать-шестой годъ. За перо — не мы, за счеты — не мы, а попѣть да поплакать, противъ насть не ссыкать.

— Истинно такъ; свѣтъ нынѣче избаловался; одна порча нравственности первенствует...

— Чѣмъ бы ему заняться дѣломъ, учиться у старика паживать копейку, да въ помошь быть ему — а онъ норовить только выскочить куда па просторъ, ровно лихой песь, прости Господи! и пошелъ рыскать. Вѣръ у сердца мнѣ Миша этотъ, вотъ что. Знаеть одна грудь да подоплѣка, чего онъ мнѣ стѣгть. А жалѣль ли я на него расходу? Такъ ли онъ выростъ, какъ вскармливали насть грѣшиныхъ? Простите, благословенные покойники мои, батюшка Степанъ Гаврилычъ и матушка Анна Сергеевна — не вѣсь я лихомъ поминаю, успокой вѣсъ Господы! а тогда, знать, такая пора была. Мишу, хотѣль я вывести въ люди, хотѣль пустить на свѣтъ такимъ, чтобы не стыдно было показаться, а онъ вонъ куда глядитъ... правда говорится: не рожденъ — не сынъ, не купленъ — не холопъ; не вскормля, не вспоя, ворога не увидиши...

— Что жъ, Гаврило Степанычъ! на то ваша воля родительская — давать потачки...

— Своя воля — спола горя; какъ мѣй, такъ и ему: оба луки, оба туги; ужъ у него кутніе зубы всѣ вышли, не ребенокъ; па него распашонки не надѣнешь. Сынъ-то онъ мой, а умъ у него свой. Ну, не слушается отца и матери — послушается телячьеи шкуры. Видно, такъ Богу угодно. Я говорилъ, говорилъ — и языкъ обмолъзъ. Скажешь ему слово, хоть памекомъ — вотъ какъ вчера спросилъ я только: это-де какое диво, что ты нынѣ пришатнулся въ контору съ самаго утра? Опъ бросить книги, хлопнеть дверью и быль таковъ. Я только погляжу вслѣдъ и принимаюсь за работу съ наемными... Коли выростиль я тебя такого, что переросъ ты и меня — такъ учить тебя поздно. Ступай съ Богомъ. Не учили покуда — поперегъ лавочки ложился, а во всю вытянулся — не пачучишь.

— Подвергнуть бы его отеческимъ вѣзъисканіямъ...

— Нѣть, братъ, ты дѣла этого не разумѣешь. У тебя, вишь, все па умѣ служба, да подъячыи пролѣтки, да мѣры вѣзъисканій — ты гнешь, не паришь, переломишь не тужишь; а толку въ тебѣ мало; не хочу вымешать на дѣтяхъ того, чтѣ было съ нами — царство вамъ небесное! (и перекрестился) — чтобы дѣти не выменѣвали на внучатахъ...

— А можетъ статься они, Михайло Гаврилычъ, то-есть, безлестно сказать, еще исправятся-съ, Гаврило Степанычъ; есть при-мѣры...

— Привыкла собака за возомъ бѣжать — бѣжить и за саными; коли глупъ безъ усовъ, такъ борода одну дурость только и вынесеть на Божій свѣтъ—а сѣдина въ бороду, такъ еще хуже: и договаривать не надо — старая пословица! Кайка-то есть у насъ, у всѣхъ, да воротьки-то нѣту.

— Надобно надѣяться на Бога, Гаврило Степанычъ, продолжалъ тотъ скорогоркой:—сами знаете—оцо все отъ Бога, большеши отъ кого-съ.

— Нѣть, братъ, Филиппъ Егорычъ, полно: самъ будешь плохъ, такъ уже и не подастъ Богъ. Когда бъ не ъда, да не одѣжа — такъ всѣ бъ мы лежа опузырились. Наше торговое дѣло такое: копейка рубля бережетъ; а въ который день не нажилъ, такъ прожилъ: въ одной порѣ не станешь. А ты, думаешь, наживешь рискавши по Москвѣ, на погулкахъ? На кого я хозяйство покину, домъ, торговлю? Гдѣ у меня хозяинъ? Нѣмецъ мой запять своимъ — а онъ одинъ только и гожъ. Бабье дѣло пироги — а сынъ не туда глядитъ. Это все, прости ей Богъ, Голомянинова! Не такъ, скажешь, Филиппъ Егорычъ, ась?

— Должно-быть, что истинно такъ, Гаврило Степанычъ; у Голомяниновой и дочь есть.

— Да, на бѣду есть опа. Чего жь онъ къ нимъ чалится? Онъ думаетъ, никто этого дѣла и не видѣть?

— Должно-быть, думаетъ, Гаврило Степанычъ.

— Зарѣжетъ онъ меня тупымъ ножомъ, вотъ чтѣ. Я покойнику Голомянинову говорилъ давно: ты, братъ, съ пирушками своими далеко не уйдешь; либо пѣть, да плясать, либо дѣло дѣлать, а я дѣловаго скомороха еще не видалъ родясь. Ну, говоритъ, самъ посуди, какъ же миѣ не помирволить моей Аннѣ Ивановнѣ, да и Алёнушку надо потѣшить — нельзя безъ того; а того не зналъ покойникъ, что гдѣ волось доложъ, тамъ умъ коротокъ. Вотъ онъ и сѣль; еще за умъ хватился, царство ему небесное, что взялъ да померъ — хоть стыда нѣть на живой головѣ его.

— Слышино было, однакожъ, что нашелся благодѣтель, что по исправности, то-есть, разсчитываетъ дѣла ея, Анны Ивановны, потому-что ей не подѣ силу.

— Вѣрю, что не подѣ силу! Да вѣдь она же сама и мотала?

— Должно-быть, она-съ, отвѣчалъ разночинецъ весьма-утвердительно.

— Такъ чего жь тутъ въ порядокъ приводить? Ужъ видно она привела въ порядокъ все. А кто взялся?

— Не могу знать-съ; только-что кредиторы приступили къней... известно, рады бы хоть что-нибудь получить, просили хоть бы полтинку за рубль выдать; такъ она, какъ-будто этакъ, спроста ли, или по злоумышленію, — должно быть, что по злоумышленію — упросила ихъ еще на отсрочку, и будто, то-есть, обѣщаетъ больше выдать.

— Ну, да; известное дѣло, эти козы бывали и на нашемъ тор-

гу: дішь бы отвязались на время; а тамъ, авось, опять чѣмъ-нибудь проведемъ. Не такъ, скажешь?

— Должно быть истинно такъ-съ. Опричь худа, какое добро нынѣ отъ кого ожидать? Пора такая... время скудное и тажедое, только тѣмъ и живется, что авось на небось...

— Да, а тѣмъ часомъ авоська веревку вьеть, а небоська на тебя и петлю накидываетъ.

— Истинно такъ. Вотъ, хоть бы въ продажномъ приказѣ, о которомъ изволили помянуть, что тамъ дѣлается? Заподлинно известно, что за пять рублей не только человѣка утопить, душу съ начинкой дьяволу продать рады: только бери. Вотъ хоть бы дѣло Исакова — чистое, святое—ну, проиграль... А вотъ у Николы въ Толмачахъ...

— Полно, Филиппъ Егорычъ, отъ твоего прихода къ ночи такал сутолока къ сердцу подступить, что самъ отъ себя не скажешься дома.. Чѣо жъ, матушка Авдотья Ивановна, продолжалъ онъ, обратившись къ вошедшей въ комнату хозяйкѣ своей: — аль не пора еще ужинатъ? чай, пора?

— Готово все, Гаврило Степанычъ, отвѣчала она самодовольно:—я затѣмъ и вошла; милости просимъ.

Смекаемъ—подумаль про себя старикъ—стало—быть, сына вѣтъ дома, а она меня задабриваетъ. Такое заключеніе выведъ онъ изъ того, что у Авдотьи Ивановны столъ былъ готовъ минута въ ми-нуту по положенію, что она сама пришла звать къ ужину, и что вышла къ вечернему столу при такомъ ненавистномъ гость, каковъ былъ для нея Филиппъ Егоровичъ. Но старикъ не хотѣлъ болѣе сердиться въ воскресный вечеръ, а потому не показалъ и вида, что понялъ, въ чемъ дѣло, не спрашивалъ даже о сынѣ, а вѣдь бесѣду о постороннихъ вещахъ и утышилъ этимъ Авдотью Ивановну до-цельзя: она радовалась за сына и за себя, за ловкость свою и умѣнье обѣдать щекотливое дѣло. Это, впрочемъ, была слабая струнка ея, отъ которой Гаврило Степановичъ не могъ отъучить ея въ тридцать лѣтъ: она, во-первыхъ, всегда не-множко хитрила, даже и тамъ, гдѣ хитрить было вовсе нечего; а во-вторыхъ — всегда хитрила неудачно, особенно съ мужемъ, который зналъ ее насквозь и, не слышавъ голоса ея, по одной до-стуки всегда безошибочно угадывалъ, какой масти козыри пейдутъ въ ходъ.

II.

ГРЕБНЕВЪ СЪ ПРИЧТОМЪ.

Оставимъ же ихъ за щами съ кулебякой и гречневой кашей, и скажемъ нѣсколько словъ для поясненія разсказа.

Гаврило Степановичъ Гребневъ, именитый кудель на Москвѣ,

человѣкъ безукоризненной честности, большаго ума и способностей, былъ привязанъ душой и тѣломъ къ своему званію, вѣрь дѣла свои въ примѣрномъ порядкѣ, не занимался почти ничѣмъ, кроме дѣлъ этихъ, и развѣ только изрѣдка игрывалъ по вечерамъ въ шахматы, да по воскресеніямъ, возвращаясь отъ обѣдни, навѣщалъ къ обѣду свою замужнюю dochь: болѣе онъ не зналъ никакихъ удовольствій, занятій или развлечений и хотѣлъ, чтобы все жили, какъ онъ. Врагъ всего перемѣнного, моднаго, неосновательнаго, всѣхъ таѣстныхъ и неразумныхъ условій приличія, онъ требовалъ, чтобы разсудокъ, умъ и разумъ руководили человѣкомъ во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ его и порицалъ сухою и рѣзкою насыпью все то, что было противно смыслу и потребности. Самъ онъ всегда оставался вѣренъ себѣ; онъ былъ вовсе не безчувственъ, но выказывалъ не болѣе чувства, какъ ему казалось нужнымъ и полезнымъ; никто и никогда не видаль, чтобы онъ забылся и вспышился не у мѣста; онъ всегда былъ ровенъ, иногда только шумѣлъ и горячился словами, языкомъ, когда считалъ это нужнымъ, но не сердцемъ; изрѣдка, можетъ-быть, самый близкій сердцу предметъ, какъ, напримѣръ, разговоръ о сынѣ, могъ увлечь его нѣсколько за предѣлы душевнаго спокойствія; никто не видаль, чтобы онъ запустилъ какую-нибудь работу, отложилъ ее до другаго дня; сдѣлалъ какъ-нибудь, или положился въ ней на другихъ; занятія были для него жизнью, но только занятія дѣльныя, по торговлѣ, которую онъ предпочиталъ всему на свѣтѣ, и потому Гаврило Степановичъ бичевалъ поговорками своими немилосердо всякаго, у кого были свои слабости и кто иногда позволялъ себѣ кой - какія льготы и упущенія. «Этотъ не затягивается въ хомутъ своеемъ, хоть ему вѣкъ не распускай супони; и этотъ не надорвется возомъ своимъ, а чтобы не свалилъ его куда-нибудь въ канаву, такъ за это не поручусь: смотрите, доведется подпрягать всѣмъ намъ.» Такими и подобными выраженіями онъ коротко и рѣзко отдѣльвалъ людей, которые были ему не по нутру, и надобно сказать правду, ошибался рѣдко или почти никогда не ошибался: если онъ пророчилъ, что придется подпрягать, то человѣкъ этотъ на короткѣ разорялся и вылеталъ изъ трубы, т. е. дѣлался несостоятельнымъ. При опытности и прозорливости своей, Гребневъ съ нѣсколькихъ словъ разгадывалъ человѣка, видѣлъ его насквозь и нерѣдко могъ бы говорить за него, взглянувшись немножко въ лицо его и въ пріемы. Если онъ давалъ кому-нибудь прозвище, то клеймиль имъ человѣка на вѣкъ. Гребневское прозваніе всегда сшило было на такую мѣрку, что всякъ узнавалъ въ немъ человѣка, и что, казалось, человѣкъ этотъ былъ не полонъ безъ клички, а кличка создана была для него.

Гребневъ былъ по-московски торовать на нужное и полезное, но онъ не давалъ мѣднаго гроша тамъ, где это, по убѣждѣнію его, было бесполезно. Такъ, напримѣръ, онъ выручалъ многихъ купцовъ отъ несостоятельности, если они попадались въ бѣду по чужой винѣ, или по одной неосторожности; но въ этомъ случаѣ онъ

самъ разсматривалъ всѣ книги и дѣлѣ этого человѣка, приводилъ все въ порядокъ и извѣстность, рѣшалъ однимъ словомъ участъ его, давалъ ему полезные совѣты и, давъ ручательство, въ чёмъ слѣдовало, помогалъ, сколько нужно, наличными деньгами и кредитомъ своимъ и передавалъ ему опять дѣлѣ, сказавъ: «Съ Богомъ, разживайся съ легкой руки, да смотри, чтобы все было чисто у тебя: коли ты у меня хоть во снѣ увидишь, что — де живутъ же люди кривдою, такъ и намъ не лопнуть стать, то я тебя живѣемъ утѣлю, безъ пощады; издохни, коли на то пошло, да, по правдѣ — такъ ты одинъ весь кредитъ купеческій на Москву подымешь вершкомъ. Тогда будешь богатъ, передъ Богомъ, а у Гребнева за столомъ съгъ.» При такомъ нравѣ, Гребневъ могъ быть хороши только съ тѣмъ, кого онъ уважалъ; а съ кѣмъ онъ не былъ хороши; тому трудно было съ нимъ ужиться, и старикъ неумолимою строгостью и крутостью своею могъ всякаго, какъ говорится, сдѣлать сжитъ, не только выжитъ изъ своего дома. И вѣтъ ключъ и корень тому, почему онъ такъ дурно уживался съ сыномъ.

Михайла Гребневъ, которому дано было такое хорошее воспитаніе, какое рѣдко достается человѣку его круга, въ сущности стѣни своего отца, по способностямъ и качествамъ ума и сердца; но онъ былъ, во-первыхъ, еще молодъ въ-сравненіи съ отцомъ, во-вторыхъ, искалъ иногда въ домѣ родительскомъ не находилъ, а, въ-третьихъ, былъ мягче и пламенище отца, увлекался иногда тѣмъ и другимъ и скучалъ иѣсколько сухостію своего домашняго быта. Отецъ воспиталъ его такъ, чтобы его сдѣлать самостоятельнымъ, чтобы онъ, какъ старикъ выражался, смолода привыкалъ своею рукою кашу Ѣсть и не проносилъ бы ложки мимо рта, за ухо: по этому ребенку всегда давали много воли и отецъ довольно-хорошо умѣль заставить его вѣ-время судить здраво и поступать со смысломъ; но изъ этого мало — по — малу выпшло другое неудобство: сынъ, такъ — сказать, отъ рукъ отбился; онъ по вошедшему въ замокъ обычая приходилъ и уходилъ, когда и какъ хотѣлъ, не давая никому въ томъ отчета и въ послѣднее время стала уже пропадать по цѣлымъ днямъ. Отецъ, которому это крѣпко не нравилось, видѣль, однажды, самъ, что нѣть придирки, нѣть повода потребовать вдругъ отчета въ поступкахъ человѣка двадцати-пяти лѣтъ, когда это не водилось съ пятнадцатилѣтняго возраста его; что строгостью и вообще приказаніями и запрещеніями можно только испортить дѣло, а не поправить его; да Гаврило Степановичъ, впрочемъ, и всегда держался того правила, что человѣку нужна воля, что онъ долженъ дѣйствовать по разумному убѣжденію, а не по слѣпому повиновенію; но Гаврило Степановичъ, въ обращеніи съ сыномъ, не умѣль держать языка своего на привязи, и потому сынъ съ давниго времени почти не слышалъ отъ него доброго слова. Михайла занимался у него въ конторѣ особою частью: дѣлами по сплаву и гужевой перевозкѣ товаровъ, или вообще по вы-

письмъ, укладкѣ и доставкѣ ихъ, какъ въ Москву, такъ и изъ Москвы; онъ былъ исправенъ, вѣль дѣлѣ эти хорошо, нѣсколько разъ даже старики бывѣ очень-доволенъ сыномъ и почти рѣшался со-заться мысленно, что изъ Михайлы будетъ со-временемъ большой толкъ; но несправедливость его и какая-то дикость передъ отцомъ, стараніе кончить только скорѣе работу и не сказать лишняго слова бѣжать со двора—эти-то несчастныя обстоятельства все опять портили, и Гаврило Степановичъ, къ крайнему прискорбію своему, былъ увѣренъ, что сынушка его никуда не годится, что онъ шатунъ, мотыжка, и торговыхъ дѣлъ въ порядкѣ вести не можетъ.

А между-тѣмъ, ларчикъ открывался очень-просто: если Михайла, по причинамъ, о которыхъ мы говорили выше, и по другимъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, если Михайла и точно вѣль себя не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало по строгимъ правиламъ Гаврила Степановича, то холодность и сухость между ними возникли болѣе по волѣ отца, нежели сына, а созаться въ этомъ старику Гребневу было мудрено; онъ привыкъ уже къ тому, что былъ правъ всегда и вездѣ, что онъ все дѣлаетъ умнѣе, основательнѣе и лучше другихъ; словомъ, онъ слишкомъ полагался на твердый умъ свой и на беспристрастіе. Проступки или слабости сына были у него передъ глазами, не подлежали никакому сомнѣнію; ихъ можно было отдать на чей угодно судъ — и сынъ былъ виноватъ кругомъ; это такъ; но за то на обращеніе отда съ сыномъ суда и сульи не было, и Гребневъ самъ обѣ этомъ забывалъ.

Неумолимою строгостью своихъ сужденій, передъ которыми каждая вины была виновата и оправданій никакихъ не спрашивалось, еще болѣе рѣзкостью и колкостью замѣчаній, произнесенныхъ не-редко, по неосторожности, а, можетъ-быть, и съ умысломъ, въ присутствіи стороннихъ людей и даже прислузы, Гаврило Степановичъ отчудилъ сына своего отъ себя, поставилъ его въ невозможность обращаться къ отцу съ любовью и довѣріемъ и сдѣлалъ для бѣднаго Михайла изъ отняго дома мѣсто пытки, томительной скучки и огорченій. Одного взгляда Гаврила Степановича на вошедшаго въ кабинетъ и принимающагося за дѣла свои Михайла было иногда достаточно, чтобы у бѣдника отнялись для работы на весь день руки и ноги и самая голова: онъ покидалъ все и прощадалъ опять на день. А Гаврило Степановичъ, продолжая хладнокровно занятія свои, говорилъ самъ себѣ: «Что жъ? не-ужъ-то и этому я виноватъ? Не-ужъ-то и теперь тоже я его выгналъ или обидѣлъ, тогда, какъ я не говорилъ даже съ пимъ ни слова и только взглянуль на него, не вѣря подъ старость глазамъ своимъ, точно ли у меня сынъ въ десятомъ часу пришелъ уже за работу, тогда, какъ отецъ сидить тутъ съ пяти часовъ? Стало-быть, онъ и приходить за тѣмъ только, чтобы опять улизнуть, да сказать послѣ сестрѣ и вятю: я-де былъ, да житья нѣть—согналъ отецъ. Нѣть,

ужь, кто зачѣмъ пойдетъ, тогъ то и найдетъ. Я-то старъ, да вѣдь ужь и онъ не малъ; какъ себѣ знаетъ! Люди въ его лѣта съ же-ной живутъ, да съ дѣтьми, а онъ все еще толчится по Голомяни-новымъ.

Жениться... отъ этого бы, конечно, Михайла, въ его годы, не прочь — скажемъ мимоходомъ и обѣ этомъ слово — да и тутъ вышла такая бѣда, что отецъ съ сыномъ никакъ не могли сойдти. У Гаврила Степановича на этотъ счетъ, при всемъ его умѣ, понятія были немного старовѣрческія: «Я жь ему указаль вотъ не-вѣсту», говорилъ онъ, на-примѣръ, «хоть бы Андреянову вотъ — ну, что жь ему? чего жь онъ топорщится? Эта ли по немъ? и съ достаткомъ, и съ толкомъ, про домашній обиходъ и изъ хорошаго дома; а собой краля червонная — такъ нѣтъ, видно, ему искать пойти какой-нибудь Несмѣяны-Царевны, либо Василисы Прекрасной». А когда сынъ наведилъ глазами на какую-нибудь дѣвушку, которая ему казалась по немъ, то Гаврило Степановичъ давалъ ей какое-нибудь дикообразное прозвище, и дѣло разстроивалось само-собой еще далеко прежде всякаго устройства. «Сивая кобыла черноволосому покупателю не ко двору» замѣтилъ онъ сухо, разсмѣшивъ всѣхъ, когда однажды Авдотья Ивановна, съ велика-го ума, стала выхвалять дѣвицу, которую втихомолку прочила за сына; и если сынъ и не думалъ, можетъ-быть, обѣ этой невѣстѣ, то не менѣе того ему такое замѣчаніе не могло понравиться, убѣ-ждая его въ томъ, что если бы онъ и самъ когда-нибудь рѣшил-ся на выборъ, то могъ бы ожидать такого же отвѣта и привѣта.

Авдотью Ивановну, то-есть, супругу свою, которая все еще по старой привычкѣ повязывалась пирогомъ, хотя платье носила нѣ-мецкое, Гаврило Степановичъ любилъ и уважалъ, какъ скопидом-ку и добрую хозяйку — и въ этомъ ставилъ онъ все достоинство женщины, прощая ей въ такомъ случаѣ много другихъ недостат-ковъ. Мы сказали уже, что Авдотья Ивановна всегда хитрила, и всегда очень неудачно; но это не только не мѣшало доброму со-гласію супруговъ, а напротивъ нерѣдко способствовало большому утѣшенню Гаврила Степановича. Дѣло въ томъ, что если бы толь-ко Авдотья Ивановна была въ-самомъ-дѣлѣ хитрѣ и скрытна, то Гаврило Степановичъ, безъ всякихъ сомнѣнія, не ужился бы съ нею ни за что; но какъ она только сама воображала себѣ, что она очень-хитра, на дѣлѣ же была довольно-проста, довольствуясь тѣмъ, что сама себя считала злачаркой, то это только забавляло его и тѣ-шило. Въ 30 лѣтъ, Авдотѣ Ивановнѣ не удалось ни одного разѣ-чку схитрить и провести мужа чѣмъ и какъ бы то ни было; но ей казалось, что хитростю ея и умѣньемъ держится весь домъ и что не будь только ея, Гаврило Степановичъ все бы испортилъ. Минная хитрость эта, у которой, какъ Гаврило Степановичъ вы-ражался, было для обиходу и всего-то дѣлѣ либо три масти, безъ козырей, хитрость эта ему нисколько не мѣшала: онъ читалъ по глазамъ Авдотии Ивановны, какъ по открытой книжкѣ, и очень-

забавно волилъ ее иногда по цѣлымъ часамъ вокругъ да около, не давая ей въ руки клада, за которымъ она ухаживала; или же прямо и съ первого слова озадачивалъ ее, отвѣчая на вопросъ о праздникахъ отвѣтомъ о новыхъ обояхъ, къ которымъ она намѣревалась дойти не прежде, какъ къ вечеру на другіе сутки. Впрочемъ, подобный отвѣтъ никакъ не сбивалъ ее съ кону, и она оставалась все-таки въ полной увѣренности, что дѣло приняло столь неожиданно и внезапно такой выгодный оборотъ собственно по ловкому складу вступительной рѣчи ея.

Марья Гавриловна, дочь Грѣбнева, была замужемъ за Нѣмцемъ, фабрикантомъ Иваномъ Андреевымъ Шрейеромъ. Отъ матери ей досталось въ удѣль нѣсколько извѣстной намъ наклонности: держать прозапасъ и иногда пускать въ оборотъ немножко хитрости, подъ личиной кротости и смиренія; по ей также далось и отцовское наслѣдье—здоровый и весьма-дѣльный умъ, почему она и не переступала никогда лисьимъ обычаемъ своимъ извѣстныхъ предѣловъ и всегда во-время умѣла свернуть, гдѣ нужно, на другую колею. При врожденной живости и веселости нрава, искреннемъ добродушіи ея и ловкомъ умѣ, она хитрила несравненно-успѣшнѣе матери и не разъ успѣвала даже своимъ обычаемъ, подъ-стать непрітворного простосердечія, склонить отца на какое-либо дѣло—и это была одна только особа, съ которою Грѣбневъ рѣдко состязался, а всего охотнѣе ей уступалъ.

У Мары Гавриловны было уже трое малютокъ, и это была для матери сильная пружина, могучій рычагъ, которымъ она первѣко довольно-успѣшно приподымала сердце Гаврила Степановича и направляла чувства и мысли его по произволу. Если только у старика была какая-нибудь слабость—кромѣ избытка силы, самона-дѣянности и рѣзкости — то это любовь къ дѣтямъ вообще и въ особенности къ внучатамъ. Воскресенье было для старика большимъ праздникомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ у Маши расплодились ребятишки. Онь непремѣнно каждое воскресенье єздилъ съ женою, послѣ обѣда, на Прѣсню, гдѣ стояла фабрика Шрейера, и оставался у нихъ обѣдать. Старикъ тутъ всегда былъ весель, любя безъ памяти дочь, умную, живую, веселую и примѣрную хозяйку—и нѣжась на большомъ диванѣ, среди впучать своихъ, съ которыми хохоталъ до слезъ и рѣзвился самъ, какъ ребенокъ.

За безпутнаго человѣка Грѣбневъ не отдалъ бы дочери своей, однимъ одну, которую любилъ притомъ, какъ любить можно. По-знакомившись со Шрейеромъ коротко въ торговыхъ дѣлахъ и узнавъ въ немъ человѣка по себѣ, онъ подумалъ, когда замѣтилъ, что этотъ сталъ посѣщать ого гораздо-чаще, чѣмъ требовали ихъ дѣла, подумалъ: «человѣкъ по-сердцу — половину вѣнца; суженаго и на кривыхъ оглобляхъ не обѣдешь—а хороший Нѣмецъ лучше плохаго земляка». Когда же дѣло, наконецъ, состоялось, то Авдотья Ивановна ровно съ полатей свалилась — хотя все дѣжалось у нея передъ глазами; она видѣла, что Нѣмецъ увивался около Ма-

ши, что онъ жалуетъ часто и что между ними есть какія-то шаши; одну половину этой необычной тревоги она однокоже складывала на живость и вѣтренность Маши, которая, какъ любимица отца, позволяла себѣ много; другую же часть сваливала прямо на Шрейера, которому прощалось линнее потому только, что онъ былъ Нѣмецъ; но она никогда не могла себѣ вообразить, чтобы такое дѣло состоялось безъ помощи добрыхъ людей, чтобы не прѣѣзжали за этимъ по нѣсколько разъ и съ разныхъ сторонъ, и чтобы пара каретъ или колясокъ не стояли цѣлыхъ двѣ недѣли до кончанія дѣла у подъѣзда. Впрочемъ, она вскорѣ уѣхала тѣмъ, что и Гаврило Степановичъ и Маша, по-видимому, повѣрили ей на слово, будто она все это давно видѣла и знала и даже сама все къ тому вела и приспособила. Шрейеру и подавно не было никакой надобности сомнѣваться въ дальновидности Авдотьи Ивановны; отъ которой зависѣло счастье его, и потому, когда онъ, потряхивая головой и съ пріятнѣю улыбаясь, расшаркивался передъ матушкою и на всѣ замѣчанія и доказательства ея безпрекословно соглашался, то она была очень-довольна и собою и имъ, и со слезами обняла своихъ дѣтей.

Шрейеръ бытъ полуобруссѣвшій московскій Нѣмецъ, поселившійся въ Москвѣ съ отцомъ и наслѣдовавшій отъ него небольшую, но устроенную фабрику, которую самъ нѣсколько расширилъ и довѣрѣ еще до лучшаго состоянія. И онъ, какъ многіе другіе, крахтѣлъ подъ-часъ о томъ, что мастеровые распилились, что на воровство ихъ не найдешь суда, что товару нѣть продажи иначе, какъ на долгіе сроки, при которыхъ нерѣдко теряется вся минимая выгода производителя; что нельзя принудить къ уплатѣ того, кто платить не хочетъ, за что и должны отвѣтать хорошия плательщики, отъ чего выгода теряется вмѣстѣ съ довѣріемъ, а товаръ дорожаетъ; что при уплатѣ золотомъ, покупщики устанавливаютъ свой произвольный курсъ, который не входилъ въ разсчетъ продавца за 13 мѣсяцовъ, а между-тѣмъ крайность вынуждаетъ принять что даютъ, лишь бы не лишиться всего — и прочее; но Шрейеръ кой-какъ перебивался, бытъ очень-остороженъ и осмотрителенъ, а потому дѣла его шли. Правдивость его была известна всякому, кто съ нимъ знакомъ, и всякий съ удовольствіемъ имѣлъ съ нимъ дѣло. Первые годы замужества дочери своей, Гребневъ испытывалъ зятька и ловко его искашаль, полагая, что тотъ непремѣнно разсчитывалъ на стариковскій карманъ. Но когда, въ-течение двухъ лѣтъ, обѣ этомъ и рѣчи не было и Иванъ Андреевичъ ни разу не прѣѣзжалъ къ пособію его и даже, какъ-будто съ намѣреніемъ, того чуждался, а изворачивался своимъ и сторонцею помощью — то Гаврило Степановичъ попросилъ зятя посвятить его во всѣ подробности дѣла по заведенію и оборотовъ его, входилъ во всѣ мелочи, повѣрилъ и пересматривалъ все и, убѣдившись въ добромъ и надежномъ балансѣ, выждалъ рожденія первого внука и выдалъ зятю изрядную пачку на обзаведеніе. «Замужняя дочь — отрѣзан-

ный ломоть», сказала она тогда: «за нею слыдомъ и хлѣбъ—соль идетъ изъ отцовскаго дома». Маша была счастлива съ этимъ мужемъ и она съ нею.

Разночинецъ, котораго мы видѣли у Гребнева за шахматной доской, а послѣ, какъ-будто въ званіи какого-то дакальщика и вѣстовщика, былъ лицо замѣчательное. Она, впрочемъ, не разночинецъ, а небольшой чиновникъ среднихъ лѣтъ, перешедшій на вѣку своею много степеней, мѣсть, званій и вѣдомствъ, будучи постоянно удалаемъ отовсюду за беззокойный нравъ свой. Гребневъ говорилъ объ немъ, что это—де загнанная, брыкаливая кляча, которую никто не смогъ выѣздить и отучить отъ норова, сколько ни хлестали ее по бокамъ; что она, перебѣгая то поле въ три-девята поприща, то въ полтора перекликса, одинаково выбивалась изъ силь, надрываясь даже и порожнемъ, потому—что хотеть тащить за собою не телегу, въ которую запрягли ее, а весь земной шаръ.

Доказательствомъ какихъ-нибудь достоинствъ этого человѣка, можетъ, однажды, служить для насъ уже самая пріязнь съ нимъ Гаврила Степановича, который, впрочемъ, называлъ его иногда юродивымъ, но не гонялъ отъ себя, а, напротивъ, любилъ съ нимъ побесѣдоватъ. Отъ застѣю крови хороши этотъ человѣкъ, говорилъ Гаврило Степановичъ: только его принимать надо осторожно, какъ и всякое лекарство, не то разбередитъ печенку.

Егоръ Филипповичъ Сулейкинъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ, глядя на суету—суету мірскую, умъ зашелъ за разумъ. У этихъ людей бывають такие глаза, уши и вообще наружныя чувства, что они имѣютъ ничего не видѣть и не слышать вкругъ себя, кроме однихъ только беззаконій, одной воинющей неправды, продажности, словомъ, кроме зла и злоупотребленій всякаго рода при совершенномъ безсиліи доблести и правды. Они вѣдѣ и повсюду видѣть одно только торжество порока. Къ какому бы предмету люди этого разбора ни подошли, они быстро окидываютъ его взглядомъ и по этому особенному устройству глаза, или по свое-родной восприимчивости въ общемъ чувствамиющими своею, видѣть всегда только одну изнанку или одну подноготную, которая, по ихъ убѣжденію, вѣдѣ одна и та же—это. Лицевой сторонѣ, казовому концу, они никогда не вѣрятъ, и потому даже не смотрятъ на нее; они Богъ—вѣсть почему привыкли разъ—и всегда почитать ее одною только вывѣской, для приманки и обольщенія легковѣрныхъ.

Я не умѣю лучше объяснить направление ума у этихъ людей, какъ разсказавъ, что недавно еще со мною случилось, когда я съ такимъ человѣкомъ, котораго, впрочемъ, уважаю за прямоту его и благородство, прохаживался по академическому музею. Я остановился передъ слономъ и, увлеченный на ту пору думою объ этомъ громадномъ и дивномъ созданіи, хотѣлъ согрѣть тѣмъ же чувствомъ холодный и спокойный взглядъ моего товарища, который, прибыть недавно и притомъ въ первый разъ въ столицу, никогда

не видаль досель слона, ни даже чучела его, а между-тѣмъ быль, къ изумлению моему, вовсе нечувствителенъ къ такому диву. Я старался воспламенить его, обращая его вниманіе на огромные размѣры животнаго — а онъ, покачавъ головою, отвѣчалъ: «А въ немъ-то, въ немъ — то-то дряни набито — чай возами въ него мусоръ возили!»

Егоръ Филипповичъ безспорно зналъ житейскую и служебную изнанку, какъ никто болѣе въ мірѣ; онъ видѣлъ и ощущивалъ ее чуткими пальцами, при необыкновенныхъ дарованіяхъ своихъ къ тому, въ разныхъ мѣстахъ, степеняхъ, должностяхъ и званіяхъ. Еслибы мы стали рассказывать, гдѣ и какъ онъ служилъ и почему не ужился ни тутъ, ни тамъ, то, чего доброго, это принесли бы за личности, или посовѣтовали бы намъ по-крайней-мѣрѣ не говорить, что онъ служилъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, а ограничиться однимъ третьимъ, за которое, по какимъ-либо отношеніямъ и обстоятельствамъ, не постоять: поэтому, я думаю, лучше умолчать объ этомъ вовсе, тѣмъ болѣе, что послужной списокъ Сулейкина очень-обширенъ. Довольно того, что, ополчаясь всегда съ неотразимымъ мужествомъ, съ убѣжденіемъ, доходившимъ до изувѣрства и изступленія, противъ всякой неправды, этотъ несчастный Донъ-Кихотъ своего вѣка сражался и боролся съ вѣтреными мельницами, съ привидѣніями, и не разъ, въ порывѣ отчаянной битвы, пробадывалъ козы бурдюки и приходилъ въ себя, сидя на деревянной скамьѣ — вместо рыцарскаго коня; но, расплачиваясь всегда за все это своими боками, онъ увѣрялъ, что скамейка эта подставлена мошенниками, и что лошадь, на которой онъ сидѣлъ, подмѣнена. Ему хохотали въ глаза, а онъ говорилъ свое. Хоть рило въ крови — да наша взяла, подшучивалъ, бывало, надъ пимъ въ такихъ случаяхъ старикъ Гребневъ, и Сулейкинъ, изображая себя побѣдителемъ, торжествовалъ. Куда бы онъ ни попадалъ, кто бы ни бралъ его къ себѣ, надѣясь найти въ немъ надежнаго поборника безкорыстія и чести — отовсюду онъ былъ вскорѣ изгоняемъ съ безчестіемъ; нигдѣ и ни съ кѣмъ онъ не могъ ужиться, потому-что нигдѣ не находилъ и тѣни своей утопіи.

Не говорите, чтобы не было на свѣтѣ честныхъ людей, чтобы не кѣмъ было замѣстить иныхъ должностей — люди есть, но конечно все равно, что ихъ нѣть: они не годятся ни куда; это тѣ самые люди, изъ которыхъ каждый порознь называется беззаконными человѣкомъ; имъ остается одно только утѣшеніе — войти съ ума: Они переводятся и уничтожаются сами-собой, перебѣдая, если не другъ друга, то по-крайней-мѣрѣ каждый самъ себя. Они бѣснуются временно, а тамъ сходить съ ума вовсе, или умираютъ въ болгардѣніяхъ. Они остаются въ своемъ разумѣ и добромъ здравіи развѣ тогда только, когда опытная премудрость житейская переломитъ и переверстаетъ ихъ на свой ладъ, увлечетъ въ общемъ потокѣ своеемъ и даже одарить благопріобрѣтенныемъ имуществоомъ. Если же этого не случится, то люди эти неминуемо умственное

надрываются, начинаютъ путаться въ своихъ понятияхъ, бродить по цѣлому свѣту какими-то мнимо-грозными приставами Провидѣнія и бываютъ то смѣшны и жалки, то невыносимо-тѣгостны и повсюду излишни, точно какъ-бы они родились на свѣтъ по недогляду, и имъ тутъ не было ни мѣста, ни пристанища. Они жалки, какъ виновные или невинные страдальцы и жертвы, и сверхъ-того заставлять всякаго призадуматься надъ этимъ ужасающимъ примѣромъ нашей житейской превратности.

И вы, читатель мой, знавали такого человѣка: вы сперва тѣшились имъ, потому бѣгали отъ его докучливости, за тѣмъ говорили: «воля ваша, а у этого человѣка на вышкѣ обстоитъ неблагополучно; я не знаю, какъ отъ этого человѣка отвязаться!...» И онъ развязалъ васъ — изнемогши подъ бременемъ непосильнымъ; либо, продолжая въ неистовомъ, горячешномъ бреду заклинанія свои, онъ созрѣлъ для дома умалишеныхъ, либо схватился за ножъ убийцы или самоубійцы, либо, наконецъ, пропалъ безъ вѣсти, такъ-что обѣ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу... Онъ просился въ дворники, но его, разумѣется, не приняли; куда онъ затѣмъ дѣвался—не знаю.

Сулейкинъ стоялъ на раздорожицѣ между этой тройною судьбою, и неизвѣстно еще, по какому пути судьба потянетъ его за вихоръ. Горе, съ которымъ онъ вѣкъ свой пронянчился, и строптивость, съ которой старался побороть всякую супротивную встрѣчу, хотя и не сломили его еще вовсе, но крѣпко уходили и подшибли ему леткій. Нищета и голодъ были ему свои; умишко его держался кой-какъ въ мозгу, но Филиппъ Егоровичъ, человѣкъ во все непьющий, раза два на вѣку своемъ бывалъ въ блой горячкѣ. Онъ уже извѣдалъ порывы отчаянія и самаго жестокаго изступленія и въ эти минуты ножъ и огонь бывали любимыми его игрушками.

Удалившись окончательно —или удалень будучи — съ лѣствицы гражданскаго чинонаачалія, Сулейкинъ выдержалъ одинъ изъ этихъ порывовъ, а затѣмъ притихъ немного, не знаю на долго ли, будто выбившись изъ силъ на неровномъ единоборствѣ, потому-что онъ ходилъ одинъ на-стѣну, по выражению кулачныхъ бойцовъ, а это никому не-подъ-силу. Онъ сталъ промышлять хожденіемъ по дѣланымъ и приложеніемъ руки своей, въ качествѣ свидѣтеля, на совершаемыхъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ актахъ, при частныхъ сдѣлкахъ. Для этого онъ въ извѣстные часы являлся ежедневно въ этихъ мѣстахъ, и если тутъ были сдѣлки, то его приглашали къ заручной. Но рыцарь нашъ и тутъ не могъ обойдти безъ чуда-чества: цѣлковый или полтора —это была извѣстная плата за свидѣтельствованіе подписи, и просители, неприведшіе съ собою кого-нибудь изъ знакомыхъ, всегда клали сумму эту на бумагу, когда просили постороннихъ людей о такой услугѣ; Сулейкинъ расписывался, принималъ цѣлковый и послѣднѣо представляя просителю четвертакъ сдачи: Филиппъ Егоровичъ считалъ дѣломъ со-

вѣсти не брать никогда за ничтожную услугу свою болѣе трехрублеваго.

Итакъ Сулейкинъ былъ ходокъ и проводилъ свободное время у немногихъ старыхъ пріятелей и покровителей своихъ, которые при всемъ юродствѣ его могли отказать ему въ какомъ-то уваженіи или состраданіи въ хлѣбосольномъ приемѣ. Между этими покровителями, Гребицъ стоялъ въ головѣ. За то Сулейкинъ, пролизывъ все утро по крыльцамъ, лѣсенкамъ и задворьямъ, являлся всегда къ нему къ первому съ вѣстями и новостями, которая на него, Сулейкина, по замѣчанію Гребнева, наносило вѣтромъ. Эта непостижимая для нашего брата способность знать и видѣть какимъ-то чутьемъ всю подноготную по всѣмъ воровскимъ, мошенническимъ, съскскимъ, продажнымъ и плутовскимъ дѣламъ, была врождена Сулейкину, какъ потребность насущной пищи. Если бы мы не знали всей жизни и быта этого странного человѣка, кото-раго Гребневъ хотѣлъ поставить сторожемъ у открытаго сундука, когда бы вадумалъ размѣнять свои семь миллионовъ на лобанчики и ссыпать ихъ въ одну груду,—еслибы не знать этого юродиваго какъ себя, то должно бы полагать, что онъ самъ главный атаманъ всѣхъ шаекъ или по-крайней-мѣрѣ въ половинѣ со всѣми присосками разбойнаго, съскнаго и продажнаго приказовъ. Но онъ былъ чистъ, какъ младенецъ. Онъ былъ жертвой обстоятельствъ, и спасительнымъ пристанищемъ его, вѣроятно, будетъ со-временемъ мѣстечко въ домѣ умалищенныхъ.

О, нехорошо тамъ, гдѣ бродятъ юродивые этого разбора, гдѣ осторожные обходить безопокойнаго, помѣшанного на чести, безкорыстіи, долгѣ и обязанности!... Несчастные межеумки, гонимые судьбой и людьми, нетерпимые въ обществѣ, невыносимые для начальниковъ и подчиненныхъ, скажите, гдѣ ваше мѣсто въ этомъ мірѣ? Гдѣ кругъ вашего дѣйствія, зачарованный, пропавший и скрывшійся, какъ подъ шапкой—невидимкой? Или въ—самомъ—дѣлѣ народились вы безъ мѣста и безъ судьбы, безъ союзного звена, которое бы вѣсть связало съ необозримою цѣпью прочихъ созданій? Откуда же берется неумолчный потокъ вашихъ бичующихъ рѣчей? Зачѣмъ глаза ваши блещутъ такимъ огнемъ и губы дрожатъ? Большой ли мозгъ и нервы ихъ перекосили, или они хотѣли бы вы-сказать намъ великую правду? Откуда берутся, наконецъ, эти незванные поборники правды, эти продавцы и выдавцы изнанки, эти мученики чести? Зачѣмъ они всегда выходятъ изъ среднихъ, или даже низшихъ слоевъ общества и — куда прикажете съ ними дѣваться?..

Разстройство.

Гребневъ-сынъ, жившій въ пристройкѣ отцовскаго дома, полу-
одѣтый ходилъ съ беспокойствомъ по комнатѣ, нерѣшительно бралъ
ся за платье и опять покидалъ его, будто говоря самъ-себѣ въ
отчаяніи: «Кѣ-чему все это? все вздоръ, все напрасно! Удавиться
или бѣжать съ отцовскаго двора на вольный свѣтъ—вотъ что мнѣ
осталось, больше ничего! И за чтѣ, Боже мой, за чтѣ? чѣмъ я это
заслужилъ?»—и закрылъ лицо обѣими руками.

Дверь тихо отворилась, и вошла женщина въ простомъ платьѣ
и большомъ, измаранномъ бумажномъ платкѣ.

— А! Афимья, сказала Михайла, ободрившись нѣсколько:—что
скажешь?

— Да чтѣ спросите, батюшка, отвѣчала она скороговѣркой:—
пришла я не по шучему вѣльнию, сама такъ пришла; на рынокъ,
признаться, иду, для кухни господской кой-что искупить, такъ я
заплахъ поблагодарить васъ.

— Господь съ тобою, моя милай, перебилъ ее Михайло:—нѣ въ
чѣмъ тебѣ благодарить, а мнѣ не приходится этого слушать.

— Нѣть, батюшка, какъ же! ужъ воля ваша, позвольте: вѣль
вотъ, посмотрѣли бы вы, какъ господѣ-те за васъ Богу молять;
ужъ признаться, что и я на радостяхъ не утерпѣла, сдѣлала вчѣ-
ра ангелу своему супризъ, лампадку купила, а ужъ барышнѣ-то,
красная—извѣстно, дѣвичье дѣло, нѣ то, чтобы она, то-ѣсть —ну,
а ужъ васъ Господь надоумилъ, такъ-что за вами, какъ здѣ Богомъ
ѣшьтъ, словно таки вотъ въ красные дни при покойномъ баринѣ...
Вчера, батюшка, откупились вашею милостію и отъ этого, прости
Господи, что все кричали: «кормовыя дѣньги внесу, а посажу»—и
онѣ подались тѣперь, смирило все слушалъ, дѣнежки взялъ, хоть и
не такъ велики, да обѣщала сождать... Анна Ивановна такъ вотъ
сѣть увидѣла; Алѣна Юрьевна, барышня, все виши вами велича-
лась, да сперва разжалобила, а таинъ ини разсмѣшила барыню—
такъ вотъ, ей-Богу, сквозь слезы смѣялась, сердечная.

Михайло надѣлъ между-тѣмъ молча сюртукъ свой, взялъ шля-
пу, троить и только, когда онъ подошелъ къ дверямъ, которыхъ
загородила собою Афимья, эта опойнилась, стала прощаться и
спрашивать, не зайдетъ ли сегодня Михайло Гавриловичъ къ Го-
домяниновымъ?

— Не знаю, отвѣчала тотъ разсѣянно:—кланяйся, увидимъ...
Онъ вышелъ, надѣвъ шляпу, и пошелъ прямо на Прѣсню.

Тамъ дядю встрѣтили дѣти и отвели къ своей матери, а его се-
стрѣ, сидѣвшей съ двумя штональщицами за нѣсколькими поло-
винками тонкаго сукна. Изъ валальни сукно всегда переходило въ

ея руки. Поздоровавшись весело съ братомъ, она стала было продолжать работу свою, но, заметивъ по односложнымъ отвѣтамъ тревожное его состояніе, оставила все и вышла съ нимъ въ садъ.

— Чѣмъ ты у меня спять хандришь? сказала она, разглаживая у него волосы на лбу.

— Нѣть мѣчи, сестра, воля твоя. Это не житье, а каторга. Я все брошу и уйду куда глаза глядятъ, будь Божья воля!

Маша испугалась нѣсколько, но старалась скрыть это и, лаская брата, просила его объясниться.

— Не дивно ли это, сказала она, отецъ нашъ одинъ изъ умнѣйшихъ, добрѣйшихъ и правдыѣйшихъ людей на Москвѣ, а между тѣмъ онъ меня гонитъ со свѣту и мнѣ нѣть отъ него житья! У меня языкъ не поворачивается, сестра, не доставало доселъ духу вымолвить это слово; но терпѣніе мое лопнуло, а сказанное слово не воробей — какъ отецъ говорить — выпустишь, такъ не поймаешь...

— Но, рада Бога, говори, чтобъ жь случилось?

— Ничего, кели хочешь; все то же каждый Божій день — ибо капли камень долбитъ и камень же отъ жара трескается. Ничего не случилось — все идетъ по старому, по прежнему; но старое это истязало меня до того, что и я, какъ камень, готовъ лопнуть. Какое мое житье? для чего, кому въ угоду или на пользу живу я здѣсь? Я ли не признаю достоинства и благости моего отца? Но чѣмъ и какъ я ему это покажу? Сказать — онъ не поверить, одинъ словоъ своимъ заѣунеть такую занозу, что она вѣкъ не выболитъ; я записанъ у него на черной доскѣ и — ты знаешь правъ его — я уже теперь ничѣмъ не могу выслужиться. Молчать — я молчу; но кому же отъ этого легче? Желчь горкнетъ всѣ болѣе у него и у меня, и дѣло чѣмъ-нибудь должно порѣшиться. Войду я въ контору — я иду туда со страхомъ и трепетомъ — и острое, Ѣдкое словцо, въ-полголоса брошеннное при служителяхъ нашихъ, возмутить мнѣ всю душу, и я спѣшу на просторъ. Тогда я ужъ кругомъ виноватъ — шатаюсь, вѣдьто того, чтобы заниматься дѣломъ. Приду къ обѣду, къ чаю, иду, собравшись съ духомъ, спокойно и весело ему на встрѣчу — онъ встрѣчаетъ меня съ этой язвительной сухостью, или, какъ вчера, вопросомъ: «тебя какими судьбами сюда занесло?» Чтобъ на это отвѣтить? какъ жить съ такимъ отцомъ въ одномъ домѣ, сидѣть день-зѣ-день за однимъ съ нимъ столомъ? Отъ-чего же онъ милостивъ, не только справедливъ ко всемъ, къ домочадцамъ, къ сосѣдямъ и пріятелямъ, даже къ чужимъ? Отъ-чего и за что я одинъ у него отверженъ и въ загонѣ?

Маша молчала и, глядя передъ себя, съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Послушай, сказала она, рѣшивъ всѣ сомнѣнія свой съ обычною ей живостью: — послушай, Мыша, ты меня любишь. Выслѣдивъ же меня. Отецъ нашъ добръ при всей строгости своей и

справедливъ; недоразумѣніе между вами можно устранить: стойти только показать ему, что ты покорный сынъ, готовый во всемъ исполнить его волю, и что незаслуженный гнѣвъ- его тебя убиваетъ. Поди къ нему, глагъ-на-глазъ, скажи ему это, проси...

— Чего же я буду просить? сказаль Михайло въ сильномъ волненіи:—прощенія? въ чёмъ? Если отецъ, со своимъ яснымъ, спокойнымъ и пронзительнымъ взглядомъ спроситъ меня: въ чёмъ же ты просишь у меня прощенія—что я буду отвѣтить? Но онъ даже и этого не сдѣлаетъ, онъ—сказать ли тебѣ, сестра, чѣмъ онъ меня встрѣтилъ... и тогда, тогда я не знаю, что надѣть собою сдѣлаю... онъ спроситъ меня: «а кто это выдумалъ, сестра твоя или мать?» Видишь ли, на какую встрѣчу ты меня посылаешь!..

— О нѣть, нѣть, перебила его быстро сестра и кинулась ему на шею:—нѣть, ты огорченъ, а потому несправедливъ... я вижу, я понимаю горе твое; но успокойся, ради Бога, мы подумаемъ, посовѣтуемся—все перемелется, мука будетъ!

— Тѣнь будетъ, прахъ будетъ—а не мука; но долго и невыносимо тяжело этого ждать... власть Господня; я устала.

Иванъ Андреевичъ Шрейеръ, мужъ Маши, возвратившись съ фабрики своей, шель по длинной прѣсадѣ бесѣдующимъ на встрѣчу.

— Вотъ, сказала Маша:—вотъ и онъ, онъ также пособить намъ обдуматъ и исправить это дѣло. Щойдемъ.

Она пересказала въ короткихъ словахъ мужу что тутъ безъ него происходило. Иванъ Андреевичъ почмѣкалъ, покачалъ головой, опять почмѣкалъ и замѣтилъ наконецъ, что это нехорошо.

— Да это мы и безъ тебя знали, сказала быстро Маша:—ты посовѣтуй намъ что дѣлать, какъ поправить дѣло!

— Время и терпѣніе, сказаль подумавъ Иванъ Андреевичъ.

— И то и другое было, перебилъ Михайло:—да спыло; его нѣть. Иванъ Андреевичъ промычалъ, почмѣкалъ, покачалъ головой, опять замѣтилъ, что это нехорошо, и наконецъ посовѣтовалъ почти то же, что Маша: объясниться съ отцомъ.

— И я то же говорю, быстро подхватила Маша.

— Послушай, любезный другъ, сказаль Михайло, не желая въ нетерпѣніи и досадѣ повторять всего того, что онъ говорилъ сестрѣ:—мы теперь, право, не до комедіи, но я къ такому безпомощному, отчаянномъ положенію, что готовъ на все, лишь бы вы меня научили тому, чего я не понимаю, что я считаю невозможнымъ: склонить отца видѣть во мнѣ сына, а не врага. Извольте, я попираю всякое самолюбіе, всякое чувство собственного достоинства—я почти готовъ сказать: чувство чести — быть такъ; онъ во мнѣ поселилъ это чувство, я могу жертвовать имъ для него. Но коли вы взялись учить, такъ учите до конца: будь ты, Иванъ Андреичъ, отверженецъ Миша, а я буду отецъ твой; помни, ты стойши передъ Гавриломъ Степанычемъ Гребневымъ: говори и Миша отступить отъ него на два шага.

— Ты въ-самомъ-дѣлѣ хочешь разыграть комедію, сказалъ Шрейеръ.

— Нѣть, отвѣчалъ съ жаромъ Михайло:—видѣть Богъ, мнѣ не до того — никакой комедіи не хочу разыгрывать, хочу отнынѣ дѣйствовать прямо, чисто, честно; но требую, чтобы вы совѣты свои подтвердили дѣломъ: говори; если ты сладиць съ отцомъ — то я прійму совѣтъ вашъ. Говори, я готовъ: я желаю слышать, что ты будешь говорить. Ну!

Иванъ Андреевичъ взглянулъ на шурина и невольно сталъ одергиваться и оправляться. — Ну же! сказала въ нетерпѣнїи Маша, которой этотъ оборотъ бесѣды нравился, и толкнула мужа слегка двумя пальцами. Онъ открянулся, завергъ немножко головой, сложилъ передъ собой ладони на-кресть и началъ: ну, что жь, я бы, на-примѣръ, сказалъ такъ:

— Батюшка! съ нѣкотораго времени между намисталось что-то недобroe — и видѣть Богъ, у меня нѣть покоя отъ этого ни днемъ, ни ночью... Вы такъ добры, такъ добры ко всѣмъ, къ своимъ и чужимъ — ради Бога, не отвергните же сыновней мольбы... простите меня, если я стала передъ вами виноватъ...

— Ну, что жь тымолчишь? сказала въ нетерпѣнїи своемъ Маша, тронутая до слезъ и положила съ умоляющимъ взглѣдомъ обѣ руки свои на локоть брата.

— Оставь, сказалъ онъ, я дѣлаю свое, а вы свое. Продолжайте.

— Батюшка, простите меня, если я передъ вами виноватъ, и пріймите меня въ ваши отеческія объятія...

— Ну, послышалось едва внятно со стороны Маши.

Михайло, уставивъ глаза на шурина, медленно проговорилъ:

— Кабы я вѣдалъ, гдѣ ты нынѣ обѣдалъ, зналь бы я, чью ты пѣсню поешь.

— Нѣть, перебила его Маша съ горячностью:—нѣть, это не то: вотъ отвѣтъ отцовскій, продолжала она, и кинулась, какъ съ дуба свалившись, мужу на шею и зарыдала.

Михайло отвернулся быстро, положилъ руки въ карманъ и пошелъ въ пизъ по просади. Обошедъ кругомъ, онъ скрылся, и Маша съ мужемъ не видали его болѣе. Въ беспокойствѣ прошелъ этотъ день. Маша сначала настоятельно требовала совѣта отъ мужа, а когда онъ промямкалъ что-то и стала отмалчиваться, то она сама, быстро сообразивъ все, рѣшилась дѣйствовать; а именно: сбратъ на-скоро семейный совѣтъ, пригласить къ нему также мать, и потомъ двинуться общими силами на отца, не давъ ему замѣтить, что это было условлено, и подвести дѣло такъ, чтобы отпирать мировую. Маша была увѣрена, что этотъ Сулейкинъ, кото-раго она ненавидѣла и звала пожарной трешеткой, былъ всему злу причиной; но она до времени не могла придумать, какъ бы его удалить отъ отца. Посмотримъ, подумала она, какъ лягутъ кости. Она также догадывалась, что въ этомъ дѣлѣ непремѣнно замѣшалась еще что-нибудь, о чёмъ братъ ея не упомянулъ ни словомъ, и

въ этомъ отиошениі она подозрѣвала привязанность его къ Голомя-
ниловымъ. Объ этомъ она также положила разузнать непремѣнно.
Она написала тогчашь же брату записку, заклиная его сбратиться
съ послѣдними силами, потерпѣть только еще дѣць—другой, и вѣ-
въ какомъ случаѣ не рѣщаться на что-либо, не переговоривъ спер-
ва еще разъ съ сестрой.

На другой день поздѣ вечеръ, Маша влетѣла веселенкая, какъ
птичка къ отцу и привезла съ собой про задась одного внучка.
Она знала, что это въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть полез-
но. Хотя и случалось иногда, что Маша заѣзжала къ отцу такимъ
образомъ, но двухдневное отсутствіе сына изъ конторы и прибы-
тїе съ Машей внучка какъ-будто заставили его темно догадывать-
ся, о чёмъ пойдетъ рѣчь: онъ былъ уже на сторожѣ. А когда че-
резъ четверть часа вошелъ Шреіеръ, которыйѣздилъ куда-то по
близости за дѣломъ и таѢже заѣхалъ провѣдать тестя, то старики
подумалъ: жена мужа не бѣть, а подъ свой норовъ ведетъ. Про-
должая весело бесѣдоватъ съ дѣтьми и взявъ внучка на колѣни, онъ
безпрестанно оглядывался на дверь, будто еще кого-то ожидалъ; и
какъ затѣмъ действительно дверь растворилась, и Авдотья Иванов-
на вошла, ровнымъ шагомъ и съ беззаботнымъ лицомъ, то Гаври-
ло Степановичъ, въ знакъ исполненія ожиданій своихъ, кинулъ
ей привѣтливо головою. Никто, кроме М уни, не замѣтилъ этого
движенія; но она почти поняла его и потому нѣсколько смущилась.
Надобно кончить, подумала она, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше;
Иванъ Андреевичъ и безъ того сидитъ какъ-то самъ не свой, а
маменька съ меня уже глазъ не сводитъ. Гдѣ же братъ? сказала
она:— мы все нечаянно сошлись вмѣстѣ, сидимъ какъ добрые сем-
яне у доброго дѣдушки—а брату бы и не порадоваться съ нами?

— Коли вы съ нимъ не условились, сказалъ Гаврило Степановичъ:
— такъ чай не найдете его. У него свои радости. Иванъ Андреевичъ
врякинуль и тряхнуль головой; Авдотья Ивановна вдохнула, сдо-
жила руки и опять взглянула на Машу, которая одна только за
всѣхъ держалась хорошо и не смущалась.

— Отъ-чего же такъ, батюшка? сказала она:—о, вы не знасте,
какъ онъ вѣсъ любить, какъ бы онъ хотѣлъ заслужить вашу лю-
бовь и милость, еслибы вы только... и она приподняла своего ма-
лютку, поцаловала его и поставила на дѣдушкіны колѣни, повер-
тывая ребенка въ бокъ и въ другой: — если бъ вы только...

— Что? спросилъ Гаврило Степановичъ:— покачать его, не бось,
на колѣниахъ, какъ вогъ этого хвата, какъ вогъ этого купчину—и
захохоталъ, посадивъ ребенка верхомъ на одно колѣно, потомъ
сталъ его быстро качать, приговаривая въ мѣру:—замѣшился нашъ
Михайло что песть въ ложкахъ. Ни то, ни сѣ кипѣло, да и то
випѣлъ пригорѣло... на посудѣ, что на стульѣ, посидишь, да и вста-
нешь... утки въ дудки, тараканы въ барабаны... умъ хорошо, два
лучше, а три хуже... быть быдо ненастю, да дождь помышалъ!
Вотъ тебѣ и конецъ, сказаъ онъ, посадовавъ внучка, спустивъ

его на полъ и встать со стула:—ты, Авдотья Ивановна, продолжай онъ, замѣтивъ, что она хотѣла что-то сказать: —коли, можетъ жеть—статься, и твердо рѣчь свою протвердила, чайку бы намъ дала, душепарочку, такъ бы и Иванъ Андреевичъ открылся, а вѣдь онъ у насъ гость рѣдкій и дорогой. Ну, Маша, а ято твои какъ биши ихъ—камелы, камела.

— Камели? О, припявшись всѣ, отвѣчала Маша, съ невозмущеннымъ спокойствіемъ, и была весь вечеръ мила и весела, такъ-что даже Иванъ Андреевичъ любовался женой; но она уже и не зажигнулась болѣе о братѣ, не смотря ни на какіе подмигнанія матери, понявъ, что это надо оставить до другого случая.

Бѣдный Михайло былъ дома въ это время, какъ Маша очень хорошо знала; иначе, она конечно бы и не предлагала дозвать его — но и онъ положилъ безъ зову не ходить, и потому просидѣлъ въ покоихъ своихъ одинъ, во все время, что сестра съ зятемъ были у отца. Тоска и нетерпѣніе его достигли высшей степени, Послѣ безсонной, мучительной ночи, онъ съ утра стала готовиться въ путь, надѣясь черезъ два-три дня выѣхать. Куда—то было ему все равно, на просторъ; Москва ему была тѣсна; она, вопреки прѣдвидѣнію, передъ нимъ кдиномъ сошлась.

На Прѣснѣ, день этотъ также, по-видимому, сулилъ мало добра-го. Маша, озабоченная неудачею попытки спасти и участью брата, проговорила обѣ этомъ съ мужемъ своимъ до поздней ночи и проснулась съ тяжелой головой. Шрейеръ, отъ которого она требовала совсѣма, оставался при основательномъ мнѣніи своемъ, что тутъ съ стороны помочь очень-трудно. Надѣясь вечеромъ уви-даться съ братомъ, Маша считала въ нетерпѣніи часы и бѣдѣ въ бѣдѣ по немъ беспокойствѣ. Около обѣда, неожиданно вошелъ старый слуга Гребневыхъ; она бросилась ему на встрѣчу, полагая полуничь отъ брата записку, но озабоченное лицо старика заста-вило ее остановиться, а вѣсти его были неутѣшительны: видя, что между старымъ и молодымъ бариномъ дѣлается что-то недобровъ, старикъ пришелъ облегчить свою грусть и разскказать между прочимъ Марьѣ Гавриловнѣ, что Михайло Гавриловичъ не спалъ ночь, а съ утра стала укладываться куда-то въ дорогу. Увидѣвъ, что братъ не шутить, Маша рѣшилась немедленно открыть все отцу, надѣясь его этимъ тронуть и образумить. Поговоривъ съ мужемъ, который не зналъ совсѣмъ что, или отсовѣтовать, она тѣ-часъ же отправилась къ отцу. На этотъ разъ, она все взяла на себя.

Вошедшіи напередъ къ матери, она застала ее въ слезахъ и съ большими вниманіемъ выслушала подробный разскaзъ ея о томъ, что и какъ случилось; по чтобъ не наскучить читателю жалобами и повтореніями старухи, мы разскажемъ все это по-своему. Узнавъ черезъ людей о сборахъ сына, Авдотья Ивановна испугалась этого такъ, что позабыла все свои обычныя предосторожности, а пошла на прямикъ къ Гаврилѣ Степановичу и разсказала со вздохами и плачемъ, что у нихъ въ ломъ дѣлается, умоляя его скаж-

литься и смиливаться надъ единороднымъ и единоутробнымъ ихъ дѣтищемъ. Она полагала озадачить старика неожиданною и ужасною въ глазахъ ея вѣстью, что-де сынъ вынужденъ бѣжать отъ отца, но вышло совсѣмъ иначе: Гаврило Степановичъ сказалъ только: «А что жь, Авдотья Ивановна, вѣдь онъ у насъ уже не отрокъ; съ Богомъ, какъ самъ знаеть». У Авдотии Ивановны опустились руки, и она чуть не обомѣла: «Матушка», продолжалъ Гаврило Степановичъ: «успокойся; сынъ твой, признаюсь тебѣ по правдѣ, со всѣмъ не глупо это придумалять; отъ-чего же ему не проѣздиться? Съ Богомъ, и мое ему благословеніе на путь-дорожку. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше; пусть поглядитъ на свѣтъ и себя покажетъ.»

Часъ спустя, Гаврило Степановичъ — небывалая вещь — вдругъ самъ отправился къ сыну, который укладывался, еще и самъ не зная, какъ, куда и когда онъ уѣдетъ, и потому былъ до крайности пораженъ явленіемъ отца.

— Здравствуй, Миша, сказалъ стариикъ, и сѣль на диванъ, между раскиданными вещами, бумагами и чемоданами. — Я слышу, ты хочешь проѣхаться: знаешь ли? это ты вздумалъ не безпутное. Я, признаться, давно ужъ хотѣлъ-было спросить тебя, что-де не сѣѣздить ли тебѣ туда-сюда? это дѣло доброе, нашему брату полезное. Чѣдъ это у тебя, вонъ на окнѣ, какая штука?

— Это дорожная баклажка, сказалъ растерявшійся Михайло.

— А мнѣ покажись отсюда пузырь какой-то, продолжалъ спокойно Гребневъ.—Ну, куда же ты думаешьѣхать?

Михайло позамялся; его положеніе было очень-странны и неизвѣстно.

— Я думалъ, сказалъ онъ:—если вы меня отпустите, сїѣздить къ дядѣ.

— Чего къ дядѣ, два-девяносто верстъ ни сборовъ, ни подъему не стонитъ! Дядя дядей; хочешь, такъ провѣдай его, это твоя воля; а коли хочешь меня старика послушать, такъ вотъ тебѣ трактъ: въ Питеръ ступай, оттуда, на Рыбинскъ и Ярославъ, въ Нижній, какъ-разъ поспѣшь къ ярмаркѣ: затруднить тебя тамъ не стану я, дѣла не навалю, а немножко оглянешься таки, я думаю, хоть присмотришь, какъ что идетъ, мѣшай дѣло съ бездѣлемъ, съ ума не сойдешь, обѣ этомъ ещѣ переговоримъ; а вотъ какъ у насъ съ тобой чѣдъ есть, тѣ вмѣстѣ, а чего нѣтъ, пополамъ, то вотъ тебѣ и дорожный запасъ, пачка зайчиковъ.

Съ этимъ словомъ, онъ положилъ пукъ ассигнацій на столъ, а самъ привсталъ.

Михайла прошибла слеза; онъ схватилъ отца за руку, не могши ничего болѣе выговорить, а Гаврило Степановичъ понялъ нышицы руки этой, какъ-будто желая удержать сына въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи.

— За обѣдомъ—ты прійдешь сегодня обѣдать? за обѣдомъ, продолжалъ онъ:—потолкуемъ еще, да и скажешь мнѣ, когда дума-

ешь выѣхать. Въ контору на свое мѣсто пока садеть Семенъ Ивановичъ. Ну, до свиданія.

Что оставалось дѣлать Машѣ? Опомнившись отъ первого удивленія и выслушавъ разсказъ матери и брата, она старалась успокоить первую сколько могла, сама приняла веселый и безпечный видъ, убѣждая ее, что лучшей развязки нельзя было ожидать, хотя она и сама видѣла, что это еще не развязка, по-крайней-мѣрѣ, не окончательная. Она уѣхала домой и обрадовала разсказомъ своимъ Ивана Андреевича, который былъ очень доволенъ поступкомъ тестя. Но Михайло былъ поставленъ въ какое-то незавидное положеніе и упалъ духомъ. Видно было, что, кромѣ неожиданного и странного оборота, которое принесло намѣреніе его бѣжать изъ отцовскаго дома, еще и другое, и притомъ не менѣе задушевное обстоятельство, приводило его въ это отчаянное положеніе. Походивъ съ беспокойствомъ по комнатѣ, припомнивъ и передумавъ, по-видимому, многое,бросивъ взглядъ на будущность свою съ безнадежной точки настоящаго, оглядѣвъ еще разъ съ какимъ — то негодованіемъ приготовленія свои къ отѣзду, Михайло, наконецъ, въ изнеможеніи кинулся ничкомъ на свою постель и долго пролежалъ въ этомъ положеніи.

IV.

Бесѣда.

Покончивъ это дѣло, Гребневъ-отецъ воротился къ себѣ па верхъ и былъ весь день такъ веселъ и спокоенъ, что Авдотья Ивановна не могла этому надивиться. Она собралась съ духомъ, скрѣпила сердце свое въ угоду Гаврилѣ Степановичу и, ухаживая за нимъ, придумывала разныя очень-хитрыя и ловкія мѣры, то чтобы склонить его удержать сына и помириться съ пимъ, то чтобы выѣдать смыслъ загадочнаго для цея образа дѣйствій мужа; но у нея на сегодняшний день не доставало духа исполнить хотя одно только изъ этихъ хитро-придуманныхъ предположеній, которыхъ, впрочемъ, всеѣ были необыкновенно-многосложны и запутаны. Старикъ, по-видимому, не замѣчалъ ничего, былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ.

Къ вечеру зашелъ и заѣхалъ кой-кто изъ пріятелей Гребнева — люди торговые, но не все первой руки, а кто съ дѣльцомъ, кто съ просыбцией, кто провѣдать. Былъ тутъ, впрочемъ, и Сулейкинъ, который не миновалъ старика, если по Москвѣ ходили какія-нибудь вѣсти или новости, а всегда являлся съ ними первый.

Одинъ изъ гостей сталъ жаловаться на всеобщую бѣдность. Гаврило Степановичъ былъ этотъ вечеръ въ духѣ, и ему захотѣлось высказать залущенные убѣжденія свои.

— А что за такой за звѣрь бѣдность? спросилъ онъ: — и что за звѣрь богатство?

Вопросъ этотъ простили старику ради странности; все согласились, что это недостатокъ и обилю денегъ; то-есть, звонкой монеты, или, пожалуй, если кредитъ обеспеченъ, денежныхъ знаковъ.

— Ну, а я бы тебя обсыпалъ золотомъ, сказалъ старикъ: — да посадилъ бы на Ивана-Великаго, да чтобы къ тебѣ никому ни ходу, ни лазу не было, чтѣ тогда твое богатство?

Собесѣдники размѣялись и согласились, что оно бы и гроша не ствило.

— Ну, а пустилъ бы я тебя съ нимъ къ такимъ Чувашамъ, которыми золота твоего не нужно, не стали бы брать его даромъ, и не дали бы тебѣ за него ни иглы, ни кафана, ни хлѣба? Ну, а жиль бы ты съ золотомъ своимъ и между людьми, да стали бы они править съ тебя за аршинъ сукна милюйонъ, за сапожишкы два, а хлѣбъ былъ бы на вѣсъ золота! Стало-быть, не въ одномъ золотѣ сила! Тебѣ понадобились лучшія сельди; на Москву дай за нихъ, за два десятка, три цѣлковыхъ; а пойди на мѣсто, тамъ болѣе полтины серебра не возьмутъ съ тебя. Стало-быть, богатство — это обилю, избытокъ вещей, а не денегъ. Чего много въ привозѣ — тѣ дешево, тѣмъ каждый изъ насть богатъ; чего мало — тѣ дорого, тѣмъ мы бѣдны. Вотъ, по-моему, обилю и нищета, а не деньги.

«Пойдемъ дальше: по ниткѣ дойдешь и до клубка. Ты жалуешься, что много денегъ за границу идетъ, что мы у людей покупаемъ много на наличные деньги, а они у насть мало, и что отъ этого торговый балансъ бываетъ не такъ-то выгоденъ. Поглядимъ.

«Человѣкъ, какъ онъ созданъ Богомъ, не суконщикъ, не сарапаръ, не портной, но онъ все вмѣстѣ: самъ пашетъ, самъ орѣтъ, самъ и денежки беретъ; всякую потребу дѣлаетъ и добываетъ онъ самъ. Какъ только, допущніемъ Господнимъ, расплодились люди, то одинъ, которому досталось мѣсто споручное для поливки, сталъ огораживать; другой, которому достался вязовый дѣскоръ, сталъ дуги гнуть; третій полюбилъ сапожное ремесло; четвертый принялъ за портняжное, и т. д. Кто за что взялся, тѣ тому и споручнѣе; дѣло мастера боцтся — вотъ ужъ всякому и не приходится все на себѣ работать самому, а сходнѣе за размѣръ приняться; я сюю хлѣбъ: Богъ даль избытокъ, а хлѣбъ дѣлать всѣ, — мѣнило да хлѣбъ и сапоги, и кафтанъ, и дугу. Коли у меня сапожникъ захочется, подадѣется на то, что онъ одинъ, да запрѣситъ за цару сапогъ не въ мяочь и не въ мяту, то-есть, болѣе того, чего стоятъ трудъ его, то мы поглядимъ на него, да не боги и горшки обжигаютъ, кто-нибудь изъ насть и пріїмется самъ тачать, и событъ спѣсъ съ него. На рынкѣ два дурака: одинъ дорого просить, другой дешево даетъ, да цѣну устанавливаетъ Богъ; цѣна по труду; извѣдѣ только удастъ

ся нашему брату, какъ вить, моему сапожнику, сорвать побольше, коли этого товара на рынке мало, а запросъ великий, да и то—какъ пока горячо, скоро подоспѣютъ другіе.

«Теперь, братцы мои, сошлись мы на томъ, что въ торговомъ дѣлѣ два дурака и у каждого свои выгоды; одинъ говоритъ: переродъ хуже педороду, потому что ему нужно мало въ привозѣ, много въ запросѣ; другой хочетъ, чтобы было хоть въ мешкѣ пусто, да въ привозѣ густо. Сапожникъ молить Бога, чтобы никто, опричь его, не цилъ сапоговъ; мы съ тобой, Кондратичъ, чтобы намъ однимъ торговать хлѣбомъ да желѣзомъ, а прочимъ-иниымъ чѣмъ угодно; гробовщику урожай, когда люди ирутъ; но покупателю вѣтъ до насъ нужды: всякий норовить купить дешевле и желаетъ многаго состязанія, такъ же, какъ живой человѣкъ, въ углу гробовщика, умереть не想要. Кто же правъ? Живой человѣкъ, или гробовщикъ? а то же самое надо сказать и о всякомъ промышленникѣ, все одно; жаловаться на избытокъ и дешевизну сукна, потому-де, что суконщикамъ плохо—это значитъ: дома не здорово, таракашъ въ сучкѣ ногу увязилъ. Не для суконщика свѣтъ стоитъ, а суконщикъ для свѣта; стало-быть, нельзя бояться избытка товара; все одно, отколѣ бы онъ ни пришелъ; что болѣше будутъ настѣ имъ заваливать, то и лучше, тѣмъ богаче мы будемъ. Мы съ тобой себѣ-на-умѣ, Кондратичъ, а просимъ мы, воля твоя, не христолюбивое: запрети привозъ изъ-за моря, чтобы брали товаръ у насъ; да что же мірянѣ обижать? тебѣ руки погрѣть, а имъ уши отморозить? Запретить привозъ—запретить обицѣ и поселить цицету...

«Вы молчите, стало-быть, не спорите и подаетесь на то, что обицѣ—это богатство; а большої привозѣ, хоть бы тебѣ изъ лукоморья, хоть изъ-за тридевятъ земель—то же обицѣ, то же мірское богатство. А міръ великое дѣло; гдась народа гласъ Божій; выгода и польза государства есть и наша. Коли каждому изъ насъ выгодные отвезти за границу, по нашимъ цѣнамъ, на сто тысячи, а привезти за это на двѣсти, то это будетъ выгоднѣе и государству, хоть торговыи балансъ говоритъ, что мы отправили за море на двадцать миллионовъ, а взяли оттуда на тридцать, и что, стало-быть, дѣло невыгодно; пошло, видно, десять миллионовъ падничныхъ денегъ за море. Какъ же тутъ быть? поправить недолго; все мы за себя и за матушку Русь постоимъ гордѣй, добра не по-жалѣемъ; быть такъ—сложимся всѣ, нагрузимъ корабль товарами еще на двадцать миллионовъ, отправимъ его, по милости Харичкова, куда глаза глядятъ, лишь бы съ глазъ долой, да и вывалимъ товаръ въ Цѣнцкое-Море: вотъ мы, Кондратичъ, и поправили торговыи-это балансъ: вывезли на сорокъ миллионовъ, а привезли только на тридцать!... Вотъ я васъ и закрытъ мокрымъ рядомъ! прибавицъ старикъ, захочтавъ, когда на лицѣ собесѣдниковъ выразилось отчаянное недоумѣціе. Пойдемъ дальше, прибавицъ онъ, что пингѣ до клубка дойдемъ.

«Создатель съ насть ничего не береть за хлѣбъ, который онъ вы-
ростить, за крушцовую руду въ горахъ, за рыбу въ водахъ: все
наше, и даромъ наше, только бери. Въ подполѣ—подпольѣ стойть
пирогъ съ морковью—ѣсть-то хочется, да лѣзть не хочется—вѣдь
взять-то, на это время нужно и трудъ: вотъ что дорого! Надо
льсь выбрать, да подсѣчь его, да послѣ срубить, привезти—вотъ
мы за что платимъ, а не за бревно; цѣни это бревно по надобно-
сти въ немъ—такъ его не купишь на вѣсъ золота. А хлѣбъ? да
изъ золота и зерна не вымолотишь, а безъ хлѣба всѣ мы про-
пали.

«Стало-быть, братцы мои, трудъ, работа, ремесло—раждаются изъ
потребы, потому-что на всякую потребу есть помѣха, запятая.
Хлѣбъ за брюхомъ не ходить, а брюхомъ за хлѣбомъ. Всякую по-
требу протянувъ руку съ мѣста не добудешь; подѣй избы грибки
не ростутъ, а поди нарѣжь лозы, сплети вершу, поставь ее умѣючи
на стрежнѣ, зная, что рыба противъ воды идетъ, да опять поди
достань изъ иса рыбу—да тогда и пойши ушицы. Да и то пого-
ли: въ сухомятку ешь не съѣшь; надо ее очистить, приготовить, сва-
рить — и это либо самъ сдѣлай, либо дай за трудъ другому то,
что взять съ третьаго за свой трудъ; вотъ она гдѣ, круговая-то по-
рука!

«Глядите жь: ремесло, либо промыселъ строится не по щучьему
велѣнью, а тамъ, гдѣ ему потреба: это трудъ, услуга, одолженіе
помѣхи на общую пользу; вотъ почему ремесло и хлѣбъ не даромъ
ѣсть—и хлѣба не просить, а съ нимъ добро. Теперь, чтѣ же бы
вы сказали на это, если бы я взять съ своимъ кирпичнымъ заводомъ
сталь просить: запретите людямъ, кто строится, братъ ликій бу-
товый камень, велите имъ бутить моимъ кирпичомъ? А сапожникъ
сказалъ бы: не велите людямъ на волочкахъ ходить, прикажите имъ
пѣши ходить; я-де тружусь, мое ремесло дѣло нужное, по-
лезное, а харчи нынѣ дорогіе, такъ поддержите меня! Да черта
ли въ тебемъ ремеслѣ, если оно само не держится? Закрой кир-
пичный заводъ, если невыгодно, брось тачать сапоги, берись за
другое дѣло, а нѣтъ, такъ пропадай ты одинъ, а со всѣхъ насть
оброку не собирай! Мартышка у дѣлушки Крылова умаялась, ко-
лоду катавши, да спасиба ей нѣтъ ни отъ кого; трудъ за трудъ,
услуга за услугу, а черту батракъ—стъ него и проси на труды!

«Промыслы состроились для пашего раздолья; гдѣ помѣхи потре-
бѣ моей, тамъ и выросло ремесло. Такъ не-ужъ-то строить помѣ-
хи, здорово живешь, перечитъ тому, чтѣ Богъ даять, да кормить
ремесло? Пожалуй, давайте: тогда надо, напередъ всего, просить
начальство, чтобъ дорогъ не дѣлать, каналовъ не копать, пороговъ
не рвать: чтѣ больше помѣхъ, тѣ больше поживы рабочимъ... Тог-
да ломай и жги все, чтѣ называется машиной, она хлѣбъ отби-
ваетъ у людей; пряди въ ручную на самопрялкѣ, мельницы жги,
мели въ ручную, на татарскомъ жерновкѣ... Тогда, братцы мои,
не надо намъ паруса, не надо и подавно паре—повезешь все гу-

жомъ; а подумавши и гужъ бросимъ, возьмемъ вьюкъ, да и вьюка не надо, а прійнемся за носилку, не то станемъ все таскать охабкой, да пригорстью; это выгоднѣе будетъ рабочимъ, прокормить много людей... всѣ мы обнищаемъ тогда, это правда: что было дешево, будетъ дорого; запросу будетъ много, привозу мало—словомъ, будетъ бѣдность, нищета... да хоть и рыло въ крови—а наша взяла!

«Вотъ оно—куда пошло, братцы мои! вотъ онъ каковъ, клубочекъ то! Донескались, что ли?

«Чтѣ работы съ плѣчъ, тѣ человѣку легче; не работа по себѣ богатить, а работа пущная; мартышкѣ нѣть спасиба, а есть испо-лать крестьянину. Работа не цѣль, а средство; можно обойдтиесь безъ него—намъ же легче; а работа пойдетъ на другое дѣло, объ этомъ не заботься. Если одну половину народа заставишь воду толочь, а другую половину кормить за это толкуновъ—такъ это что будетъ?...»

— Хорошо все это, сказацъ Кондратычъ:—да только вотъ что, Гаврило Степанычъ, чужаго-то не пускать, чтобы свое въ ходъ пошло; на что намъ чужое? у насъ есть все свое, поддержи только своихъ!

— Коли памъ чужое не нужно, началь опять Гребневъ:—такъ мы его и сами братъ не станемъ и возять его къ намъ не будуть; почему не возять къ намъ воловыхъ шкуръ, сала и дегтя? Торговлѣ Богъ пути кажеть; она ихъ найдеть, ты только не мѣшай; про-чищать прочищай дорожку, гдѣ только можно облегчить трудъ че-ловѣческій, все это ростъ на твой инстинктъ, а препоны ис-ка-ди нигдѣ, ни запрету; запретъ не поддержка, а вѣрига; поддер-жать одного—угнести всѣхъ. Что тебѣ до межи, до грани, черезъ которую ты не хочешь пускать товаръ? Межа дѣло государево, а люди и тутъ и тамъ одни и пользы ихъ одни. Ну, вотъ тебѣ при-мѣръ: положимъ, Бельгія земля голландская; владѣть ею тотъ же голландскій король.—Тогда, говорятъ, для поддержки торговли сво-ей, бельгійской, надо французскую границу обложить запретомъ. Вдругъ перешла Бельгія къ Французамъ; владѣть ею, стало-быть, французскій король — что жь, развѣ отъ этого, что сталь другой король, и выгоды и пользы обывателей не тѣ, что были вчера? Нѣть, говорятъ, пѣ тѣ; теперь Бельгія и Франція подъ одной ру-кой, такъ будь между ними, для ихъ же пользы, торговля сво-бодная, а чтобъ не нажить грѣха отъ Голландцевъ, чтобъ они не завалили рынковъ своимъ товаромъ, такъ положи запретъ на гол-ландскую границу... Эка дичь! да какая жь и кому бѣда, коли Голландцы завалятъ рынки своимъ товаромъ? Товаръ будетъ дешевъ, деньги дѣроги, потому-что будетъ много привоза и меньше спроса, стало-быть, будетъ въ народѣ обилю, избытокъ, богат-ство!

«А твоя поддержка своихъ, нешто это не та же голодуха вмѣ-сто сытости? Въ Серпуховѣ, воинъ трое портныхъ, да и тѣ плохи,

да много вина пьютъ, да доброго берутъ за прикладъ и работу; кому сподручно, шить, сказываютъ, одежду въ Москвѣ; тутъ и лучше и дешевле: такъ они, виши, просьбу подаютъ, чтобъ Серпуховцамъ приказано было не отдавать на Москву, а ради поддержки своихъ портныхъ, хоть дери они что хотятъ, шить у нихъ? А какая жь благодать матушкѣ-Россіи отъ серпуховскихъ портныхъ? Прійдетъ такое время, что сходнѣе будетъ шить добма — мужикъ хоть и сѣръ, а умъ у него не волкъ съѣль, самъ догадается, въ Москву не поѣдетъ; а сходнѣе братъ одѣжу на Москвѣ, кому это помѣха? Если и нѣ тѣкъ сходнѣе, то я отъ этого богатѣю, а царево богатство въ нашихъ рукахъ; народъ богатъ — и царь богатъ, и царство богато. Выгода потребителя — выгода общая; барышъ промысловаго — капля въ морѣ. Не миновать того промысловому, что жить на нашъ счетъ по круговой порукѣ; да живи онъ, какъ Богъ велиль, бери по мѣрѣ труда и пользы — само прійдетъ; а дѣлъ него оброкомъ не облагать стать: этимъ народъ не разживется.»

— Истинно такъ, Гаврило Степанычъ, отозвался Сулейкинь: — только что сырый произведенія не должно выпускать, убыточнысъ; это зло-съ; сырья произведенія отдадимъ — чужія руки обрабатываютъ, везутъ назадъ-съ, да съ нась же денежки берутъ; за свое же добро да имъ же человъ!

— Не поймавъ, да щипашь, Филиппъ Егорычъ; не о всякую побру съ тобой потягаться можно; ты лбомъ въ стѣну бьешь — рѣзотъ больно; а коли рѣчь твоя будетъ впереди, такъ давай, потолкуемъ. Ты меня прямо на клубокъ-то и ведешь.

«Что за такія за сырый произведенія? Сыръ крушецъ въ землѣ, да оглобля на деревѣ — да въ то тогда, коли дерево далось тебѣ безъ уходу, безъ расходу. Всякому труду по заслугамъ — безъ этого не было бы и труда, ни купли, ни продажи. Нешто воловья шкура сырой товаръ? Нешто сало сырой товаръ, и детоть и маечтовый тѣсъ? Я купилъ на свою добрую деньгу скота, купилъ луга, ко-
силъ траву, либо платилъ за это работникамъ, нанималъ пастуха, самъ ходилъ да приглядывалъ, кормилъ и ростилъ приплодъ, погнали въ отгонъ, убили, сняли шкуру, берегъ ее отъ гнили и мо-
лїи, продалъ мясо, вытопилъ сало, сливъ въ кутыри, платилъ за складку, за провозъ, за доставку — черезъ сколько рукъ все это прошло — столько было и поживы; трудъ, время, умъ, емѣтка, по-
ложенный капиталъ — все пошло въ разсчетъ, и Англичанинъ не погрузить у меня ни одной шкурки, доколѣ не заплатитъ мнѣ за все. Гдѣ же твой сырой товаръ? Изъ шкуры можно выдѣлать кой-
жу такъ и сякъ, на сто ладовъ; можно еще и кожу всю на ремни изрѣзать, да наѣлать хлыстовъ, либо арапниковыхъ; можно всю ее изрѣзать на кбрешки, да переплести ею книги; мало ли что можно! да выгодно ли мнѣ этимъ заняться? Я взялъ на сырой ко-
жѣ, съ учетомъ труда и всего прочаго, 15 сд-ста; заставь меня наточить изъ нея сапоги — я долженъ продать въ убытокъ; вонъ, потагайся свѣкиркой, да поставь сапожную работу по

ихъ цѣнѣ; а не поставиши, такъ доплатиши. Сосѣдка моя держитъ три коровки, да продаєтъ молочко: чего жь ты глядиши? что ты ей не запечатаешь хлѣба? пусть дѣлаєтъ голландскій сырь; хоть по пальцамъ раскинемъ, такъ выгодище будетъ!

«Нѣть, другъ любезный, сыраго товара нѣть. И молочко въ коровкѣ переварилось, а труда хозяйстваго было не мало, пеколъ быть коровку свою выростить да прокормилъ. Зачѣмъ возять къ намъ на Москву свѣчи и мыло изъ Казани, да чуть-ли еще и не изъ Вологды? Стало-быть, есть выгода, и выгода не одному тому, кто продаєтъ, а и тому, кто покупаетъ, потребителю; а потребитель — народъ, вся земля. Продавъ воловью шкуру, изъ которой выйдетъ 20 паръ сапоговъ, я за выручку покупаю одну пару — да все мнѣ это выгодище, чѣмъ выдѣлать кожу самому, либо держать на это своего скорняка либо кожевника, да шить самому на себя сапоги; Мнѣ выгодно — стало-быть, я этимъ наживаюсь; а если я богатѣю, такъ это добро и государству нашему: оно стойть и красится міромъ, людьми.

«Для чего продаю я кожи свои Англичанамъ? Мнѣ выгодище — они дороже даютъ; заплати мнѣ въ Москвѣ ту же цѣну, я не пошлю ихъ въ Питеръ. Чѣдъ же будѣть, коли ты запретишь мнѣ продаивать Англичанамъ? Я продамъ ихъ по-невольѣ дома, возьму за нихъ дешево, продамъ въ убытокъ, обѣднѣю, брошу этотъ про-мысел: разводи скотъ кто хочетъ, а мнѣ не выгодно. Какая же въ этомъ будетъ польза государству? гдѣ тутъ общее благо?

«То же станется, Филиппъ Егорычъ, коли ты запрещь калитку изъ-заморья, да не пустишь сюда товаръ выдѣланый. Зачѣмъ ты, первый ревнитель общаго блага, купилъ и носишь на часахъ цѣпочку французскую? Она дрянь; ей и всего-то цѣна пять ар-тынъ — да отъ-чего же ты не даль ихъ заработать Русскому?»

— Отъ-чего? сказаъ Сулейкинъ, вытаращивъ глаза и вытянувшись въ струнку: — да отъ-того, что у насъ не дѣлаются ихъ.

— Какъ не дѣлаются! Чѣдъ ты говоришь? Закажи, сдѣлаютъ; за деньги все найдешь, кроме птичьаго молока.

— Заказать-сь, да... заказать; на-заказъ, то-есть, дорого будеть, отвѣтадъ тогъ, пойгрывая цѣпочкой.

— А! вогъ оно что! закричалъ Гребневъ: — дорого! Не бось, и тебѣ своя подопѣка ближе чужой! Вотъ въ томъ-то и дѣло; у насъ есть и свой товаръ такой, костромской работы, такъ не утаишь грѣха, что болыно-плохо; а захоти хорошаго — несходно. Коли мнѣ дома купить убыточно, такъ кому же барышни отъ этого, не-ужъ-то всему царству? Нѣть, одному только мастеру тому, который исплошилъ меня на приходѣ моей. А коли мнѣ купить изъ-за моря сходный, такъ, стало-быть, у меня лишняя юношка въ карманѣ осталась, я тѣми же деньгами изворочусь еще на другое дѣло, я стать зажиточнѣе — мнѣ добро, а никому нѣть худа: На чѣмъ ни сойдемся, Филиппъ Егорычъ, а ужъ халодна иоя: кѣль ни верти, а правда тутъ какъ тутъ.»

Раздумье.

День отошёл кончился, покинувъ всѣхъ, кромеъ самого Гаврила Степановича, въ крайнемъ недоумѣніи. Всѣ ждали большихъ тревогъ и переворотовъ, и все кончилось — если это можно назвать концомъ — тако и мирно; старикъ былъ такъ спокойенъ и веселъ, какъ-будто не бывало никакихъ семейныхъ раздоровъ, а, напротивъ, будто теперь все пришло въ желаемый порядокъ. Гребневъ сынишь заперся въ своей комнатѣ и люди увѣряли, что онъ боленъ; Маша неотступно приставала къ мужу, требуя сопѣтствія и задавая ему каждую четверть часа по новому приему плановъ и предположеній, а Шрейеръ подергивалъ головой, пожималъ плечами и видимо уклонялся отъ прямаго и положительного совѣта, чѣмъ окончательно выводилъ жену свою изъ терпѣнія. Авдотья Ивановна растерялась вовсе, не знала, жаловаться ли ей на бѣдственную судьбу свою и на испытаніе, которое Господь Богъ по благости своей насыщаетъ, или молчать и быть довольною тѣмъ, чѣмъ и какъ есть; ей казалось многа, что всякая достойная мать и благородная супруга расплакалась бы на ея мѣстѣ въ слезахъ и стала бы волить на весь домъ, но у нея не доставало смѣлости на это, она робѣла при одной мысли о Гавриле Степановичѣ и не чувствовала въ себѣ столько силы, чтобы выдержать при немъ съ надлежащимъ достоинствомъ такое поведеніе. Подумавъ немножко, она рѣшилась принять видъ двусмысленный, ни къ чему не обязывающій, то-есть, вздыхать по-временамъ, покачивая головой, но молчать и выждѣвать, подготовляя, впрочемъ, къ первому удобному случаю вѣсколько невинныхъ хитростей, которыми она, какъ вань уже известно, изворачивалась вообще довольно-удачно.

Поутру слѣдующаго дня, Михайло Гребневъ вышелъ изъ доброльного заточенія своего, блѣдный, разстроенный, но спокойный и рѣшительный. Онъ пошелъ со двора, часа черезъ два воротилъся, пошелъ къ отцу просить позволеніяѣхать сегодня, зашелъ также переговорить словцо съ матерью и послалъ за лошадьми.

Разговоръ съ Авдотьей Ивановной, впрочемъ, какъ-то не клеился; она съ трудомъ удерживалась отъ плача и смотрѣла на сына съ какимъ-то состраданіемъ и недоумѣніемъ: ей вотъ такъ и хотѣлось пуститься на причитанья, но, оглянувшись на дверь, въ которую каждую минуту могъ явиться Гаврило Степановичъ, она вѣмѣла, направляла чувства свои глубокимъ вздохомъ и беспокойно похаживала, будто за дѣломъ, отъ окна къ шкафу, а отъ шкафа къ коммоду. Даже сыну, Михайлу Гавриловичу, сдѣлалось какъ-то неволко, и онъ вскорѣ вышелъ.

Лошадей привели; колокольчикъ съ припутаннымъ язычкомъ

началь глухо побрякивать; въ домѣ Гребнева сдѣлалась какая-то необычайная тревога и суета; но когда хозяинъ явился у окна, то спокойный и чинный видъ его какъ-будто электрической искрой пробѣжалъ по всему дому и сообщился всѣмъ обывателямъ его; даже Михайло, возвившійся въ своей комнатѣ съ чемоданами, самъ не зная отъ-чего, остановился, взглянувъ въ окно черезъ дворъ, увидѣвъ отца и молча, съ глубокимъ вздохомъ принялся опять тихо за свое дѣло.

Наконецъ все было уложено; Михайло пошелъ проститься. Отецъ встрѣтилъ его спокойно и весело, будто ничего не бывало, обнялъ и благословилъ его; мать была въ крайнемъ недоумѣніи, не зная уже вовсе, какъ ей быть и что дѣлать; но вѣковая привычка безусловного повиненія Гаврилѣ Степановичу взяла верхъ; Авдотья Ивановна чинно и степенно послѣдовала его примѣру, хотя ей все еще казалось, будто передъ нею дѣлается какая-то дурная шутка и оба родимые ея, мужъ и сынъ, одумаются и покончатъ дѣло это внезапной мировой. Въ этой надеждѣ только она и рѣшилась схитрить, то-есть, удержаться въ самыхъ чинныхъ границахъ и показаться спокойною и довольною; но когда все это не повело ни къ чему, а Миша съѣль и повозка покатила со двора, то Авдотью Ивановну почти унесли на рукахъ въ ся покой. Она въ-послѣствіи долго не могла простить себѣ, что схитрила такъ неудачно. Съ сестрой и зятемъ Миша простился наканунѣ; но тѣ, не вѣрая столь скорому отѣзду его, котораго онъ, впрочемъ, и самъ не могъ въ то время опредѣлить съ точностью, завернули, вечеркомъ, провѣдать, что дѣлается въ Замоскворѣчи. Отѣзздъ мишинъ ихъ крѣпко озадачилъ; Шрейеръ посидѣлъ со старикомъ, кой о чёмъ помолчалъ и покрутилъ головой; Маша съ трудомъ нѣсколько урезонила Авдотью Ивановну, сама принявъ каючій-то невольно-веселый видъ; но, не смотря на насиліе это, была не въ своей тарелкѣ и не могла въ обращеніи своемъ попасть на такой ладъ, чтобы сколько-нибудь согласовать разладцу между хозяиномъ и хозяйкой, да и вообще цѣлаго дома.

—Что это за скуча, сказала она съ досадой и огорченіемъ мужу, когда они раньше обыкновенного поѣхали опять домой: — что это за скуча смертная! Я не вытерплю, воля твоя, крикунчикъ, я не вытерплю; у меня надрывается сердце. (Крикунчикъ — какъ она звала мужа въ переводѣ и въ насыпѣ за молчаливость его — подериуль плечами и замѣтиль, что это ничего, пройдетъ.)

— Все пройдетъ, отвѣчала Маша со слезами досады на глазахъ: — все на свѣтѣ пройдетъ и, можетъ-быть, ничего не останется, но это мнѣ плохое утѣшеніе. Нѣтъ, я хочу, чтобы это все прішло въ свой обычный, благословенный порядокъ, хочу, чтобы это было скоро, теперь же, сейчасъ; слышишь, крикунчикъ?

— Слыши, отвѣчалъ тотъ и промямкалъ что-то и покрутилъ головой.

— Вотъ что, продолжала она: — послушай меня хорошенько, т. LVI. — Отд. I.

Шрейерушка, подумай о томъ, что я скажу и разсуди: братъ уѣхалъ и это дѣло кончено; теперь надо, непремѣнно надо, устроить все такъ, чтобы къ пріѣзду его небосклонъ былъ чистъ, чтобы не было ни тучь, ни даже облаковъ, ни тумана. Надобно разъяснить все то, что въ этомъ дѣлѣ загадочнаго, неяснаго. Ты какъ хочешь, а побѣжай не отговариваясь и туда и сюда, куда тебя Богъ надоумить, и узнай все, что можно, о Голомяниновыхъ; я же поѣду къ нимъ сама, они у меня на-сердцѣ, и воля твоя, я увѣрена, что тутъ кроется что-нибудь особенное... я брата знаю; если тутъ завязалась любовишна, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, то вѣрь мнѣ, люди эти должны быть достойны нашего вниманія и участія. Это надо разузнать.

Сказано—сдѣлано. Марья Гавриловна, которая не любила откладывать что-нибудь въ долгій ящикъ, на другой же день поутру, раздавъ работу ливеръ и штопальщицамъ и распорядившись по хозяйству, отправилась прямо къ Голомяниновымъ. Иванъ Андреевичъ, побывавъ за дѣломъ въ Городѣ. (т. е. въ гостиномъ дворѣ и на биржѣ) и въ троицкомъ трактире, который служитъ Москви-чамъ торговой биржей, видѣлся кой съ кѣмъ и поразспросилъ что могъ о Голомяниновыхъ.

— Ну что? встрѣтила его жена, въ какомъ-то взволнованій, но веселомъ расположениіи:—что скажешь, крикунчикъ?

Шрейеръ отвѣчалъ, что онъ встрѣтилъ случайно одного человѣка, которому вѣрить въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ вмѣстѣ, и что этотъ человѣкъ разъяснилъ ему много и говорилъ о вдовѣ Голомяниновой одно только хорошее.

— Ну, сказала Маша: — такъ и мои вѣсти не хуже твоихъ: я просто въ восхищены! Что это за милые, достойные люди! Видишь ли, я не ошиблась? О, я знаю брата! Вообрази же себѣ, это онъ, все онъ ей помогалъ; онъ занялся и дѣлами ея всѣми, онъ помогалъ словомъ и дѣломъ... Боже мой, я не знала, куда дѣваться отъ признательности этихъ добрыхъ людей, хотя признательность эта, вѣрь мнѣ, была такъ скромна, такъ благородна, что я, право, не шутя позавидовала Голомяниновой! Она говорила такъ спокойно, съ такимъ чувствомъ... а Одинька, старшая дочь ея,—о, я сейчасъ смекнула, въ чемъ тутъ дѣло—нѣть, меня братъ не проведѣтъ! Одинька не разсыпалась передо мной, и не унижалась, но, право, возвышала и меня вмѣстѣ съ собою: такъ она была благородна, прилична и мила; я видѣла у ней на глазахъ, что она, бѣдненькая, умираетъ съ тоски безъ брата, но она вела себя такъ осторожно, такъ скромно, не смотря на бѣглый разговоръ мой, которымъ я старалась ее завлечь—а ты знаешь, крикунчикъ, что когда я заговорю отъ души, то унять меня трудно, и противостоять трудно: увлекаешься, не правда ли? (И сама дернула его за рукавъ, чтобъ вынудить отвѣтъ).

Шрейеръ важно кивнулъ головой и продолжалъ за нее: — По- слушай, вотъ въ чёмъ дѣло: вѣдь батюшка не правъ за Голомяни- нову; вѣдь она у него подъ напраслиной...

— Ну, да, да, перебила его Маша: — я это же и говорю тебѣ; она должна быть женщина рѣдкая...

— Постой, моя милая, я не договорилъ, или, пожалуй, кончи- ты прежде, а тамъ выслушай меня.

— Нѣть, нѣть, говори, я жду съ нетерпѣніемъ; я выскажала все; онѣ меня обворожили, и я непремѣнно дня черезъ два опять ихъ наѣщу — но говори, говори!

Шрейеръ крякнулъ, перекосилъ немногого лица, какъ дѣлывалъ всегда передъ важной бесѣдой, и продолжалъ:

— Вотъ видишь ли, то-есть, вотъ что: стариkъ нашъ вѣчно нападающій на Мишу по темнымъ слухамъ, или по сплетнямъ этого Сулейкина, за Голомяниновыхъ; стариkъ забилъ себѣ въ голову, что Голомянинова не стоять никакого участія и помощи, что она пустая, тщеславная женщина, которая собственно и была винною разоренія мужа, съѣдая его нарядами своими и подубарскими затѣями. Онъ называлъ ее бездонной кадкой и опасался, чтобы она не свела съ ума Миши. Это я слышалъ отъ него не разъ и модчалъ; я самъ вѣрилъ этому, полагая, что стариkъ нашъ никакого не обидить такимъ страшнымъ поклепомъ, еслибъ онъ не зналъ дѣла. Но выходитъ иначе: Голомяниновъ-покойникъ былъ безразсудный мотъ, слабый и тщеславный человѣкъ, который требовалъ отъ жены и баловъ, и нарядовъ, и выѣздовъ; у нихъ изъ-за этого не разъ выходили домашнія распри, о которыхъ никто не зналъ, потому-что Голомянинова никому объ этомъ не говорила, и всегда являлась въ людяхъ, въ угоду мужу, веселая и довольная. Вотъ истина; онъ, покойникъ, промоталъ все достояніе свое, а не она; что осталось, то сбережено ею, и она же, не послушавшись совѣта пріятелей, повела дѣла такъ, чтобы просидѣть съ семьей нѣсколько лѣтъ за черствой коркой, но не опозорить памяти мужа, не объявлять себя несостоительною, а выплатить понемногу все; вотъ почему, какъ я теперь догадываюсь, и братъ принялъ въ ней такое жиное участіе и, радуясь благородству и честности этого бѣднаго семейства, такъ къ нему привязался.

— Видишь ли? видишь ли, сказала Маша сквозь слезы, глядя десено мужу въ глаза: — я знала, что братъ не надѣлаетъ глупостей; я тебѣ сто разъ говорила, что онъ въ загонѣ; отецъ лишилъ его довѣрія, онъ не можетъ объясниться — но онъ остался себѣ вѣренъ! Боже мой! можно ли, чтобы добрѣйший, умнѣйший и пра-вдивѣйший человѣкъ въ Москвѣ, нашъ добрый стариkъ, былъ такъ склонъ и несправедливъ въ-отношеніи одного только человѣка — и этотъ человѣкъ — Миша, родной его сынъ, наступающій въ добрыхъ качествахъ и самому отцу!

— Да, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, погрѣшивая головой, за- сунувъ одну руку въ карманъ и быстро почесываясь другою въ

затылкѣ:—да, вотъ видиши ли, мой другъ, вотъ вѣдь и хорошо, что Маша уѣхала; безъ него и старикъ будеть посговорчивѣ и дѣло разъяснить авось какъ-нибудь да можно; а при Мишѣ было бы трудно: чего тутъ ожидать, коли старикъ уже не разъ скажалъ, что тотъ ему только глаза мозолить, да сердце кипятить?

— Правда твоя, крикунчикъ мой, все правда! О, да какъ же ты сегодня сталъ разговорчивъ и мыль (и вскочила съ мѣста и обняла мужа). Дѣтки, дѣтки, бѣгите сюда, пана васъ хочеть поцаловать... Шрейеръ, не ехотникъ до чувствительныхъ проявленій, поморщился немного, но перепаловалъ дѣтей и опять почесался въ затылкѣ, разумѣется, не позабывъ трахнуть и покрутить головой.

— Чѣмъ жь ты думаешьъ дѣлать теперь? спросила у него Маша, звяжъ его подъ руку и прохаживаясь съ нимъ по комнатѣ.

— А вотъ, потерпи немного, сказъ онъ:—къ отцу твоему нельзя сунуться съ вѣтру, съ одними рѣзкими словами; и уже просилъ надежныхъ людей узнать обо всемъ пообстоятельнѣе и подготовлю все, а тамъ, продолжалъ онъ, покручивая головой и пошарживая самодовольно:—а тамъ, прошу не прогнѣваться—я пристыжу старика передъ самимъ-собой... «Однакожъ, какъ?» спросила Маша, и Шрейеръ отдалъ ей общими словами, а Маша настанивала, чтобы онъ ей разскъзть все, именно все и до послѣдней мелочи, какъ и что онъ сдѣлаетъ; но Шрейеръ умѣлъ ладить съ женою, угождая ей всегда, но не поддаваясь ей во всемъ безусловно, если считать это неблагоразумнымъ; въ этомъ же случаѣ, ему мудрено было удовлетворить любопытству жены, не зная самъ еще положительно, какое направленіе дѣло по обстоятельствамъ пріиметъ и какъ ему удастся все это уладить. Побѣда осталась за нимъ, онъ не вдался ни въ какія подробности, и Маша, успокоившись наконецъ, сказала только: «Да смотри же, крикунчикъ мой, осторожнѣе, ради Бога, не испортъ дѣла—лучше тогда еще разъ посовѣтуйся со мнюю... не задѣнь слишкомъ-рѣзко честолюбія нашего старика, и прочее. Шрейеръ на все это молчавъ головой, продолжая расхаживать по комнатѣ.

Настало воскресенье; Гаврило Степановичъ всталъ, по обычаю своему, рано, умылся, помолился, присѣлъ за самоваръ вмѣстѣ съ Авдотьей Ивановной, досталъ изъ кармана какое-то письмо, вѣроятно, дѣловое, подумала Авдотья Ивановна, которая вообще не оказывала большаго уваженія къ письменности—но дѣловое письмо это, по-видимому, крѣпко занимало Гаврила Степановича, потому что получено было уже въ субботу, а нынче перечитывалось еще въ другой или третій разъ. Письмо это было отъ сына, отъ Миши, и въ нѣмъ говорилось вотъ что:

«Милостивый государь, дражайшій и душевно-чтимый батюшка!

«Отроду въ первый разъ сажусь я за письмо къ вамъ; доселѣ съ почти не разлучался съ вами, а во время короткихъ поездокъ крашихъ мигъ писать къ вамъ не случалось. Пріимите же это пер-

«вое мое письмо, какъ покаяніе и завѣщаніе мое; между вами и сминою стойть одинъ только Богъ.

«Я васъ люблю такъ, какъ только сынъ отца любить можетъ; я чту васъ и уважаю болѣе, чѣмъ кто-нибудь; а вы знаѣте сами, что вѣсть читать и уважаетъ вся Москва. Вы такъ умны, такъ добры, ко всѣмъ и такъ правдивы, что я долженъ быть передъ вами виноватъ кругомъ. Безъ вины моей не могло бы статься то, что надо мною сбылось... Я не ханжу, я искренно вѣрю теперь, что я великій грѣшникъ передъ вами и сынъ недостойный. Больше не знаю и не могу сказать теперь ничего: я еще не опомнился и голова моя идетъ кругомъ. Дайте мнѣ время, я еще подумаю, остыну, пріайду въ себя и выскажу болѣе. Теперь у меня на сердцѣ только это.

«Вотъ мое покаяніе; пріимите же, батюшка, также благосклонно и завѣщаніе мое, на время моего отсутствія.

«Вы знаете, хотя только по темнымъ и несправедливымъ слухамъ, Голомяниновыхъ. Не смѣю говорить въ пользу ихъ ничего, не чувствуя къ тому за собою никакого права. Вы не обязаны вѣрить мнѣ болѣе, чѣмъ другому. Но если правдивость ваша не откажется отъ того, чтобы узнать дѣло поближе, черезъ источники чистые, надежные — на-примѣръ, черезъ собственныя ваши ясныя очи — о, еслибъ!... то вы бы измѣнили мнѣніе свое; но я не смѣю этого надѣяться, и потому прошу и умоляю объ одномъ: помогите имъ; безъ меня имъ ни отъ кого помочь не будетъ. Пусть онѣ и недостойны милости вашей, но милость достойна будетъ васъ. Я доселъ не сдѣлалъ имъ ни одного подарка: все, чѣмъ я могъ располагать, внесено у нихъ въ долговую книгу, и если Богъ пособитъ имъ кончить дѣла, какъ они велись доселъ, то всѣ должники будутъ удовлетворены. Положеніе дѣль сихъ мнѣ известно въ точности.

«Затѣмъ, остается еще одно покаяніе — послѣднее: васъ беспокоило, вамъ не нравилось это знакомство; даю вамъ слово сына Гаврилы Степановича Гребнева, что я не только не женюсь, но и не обижусьничѣмъ безъ вашей воли на то.

«Целую ваши и матушкины ручки, молю о вашемъ общемъ благословеніи и много, много благодарю васъ за отпускъ. Я освѣжусь немного и авось ворочусь поумнѣе.»

Прочитавъ еще разъ письмо, старикъ свернулъ его, положилъ въ карманъ и сказалъ Авдотѣ Ивановѣ сухо: «Миша тебѣ кланился, старуха, да целуетъ ручки». Авдотѣ Ивановна чуть не уронила чайника изъ рукъ и посмотрѣла такъ жалобно на мужа, что онъ, разсмѣявшиясь, прибавилъ: «небось, здоровъ и невредимъ; пишетъ изъ Шипера — и пишеть хорошо; я имъ доволенъ». У Авдотѣ Ивановны отлегло немного отъ сердца, чай полился обычной струей изъ чайника; слеза капнула изъ глазъ, и она глубоко вздохнула. Она, бѣдная, такъ была убита, что ей даже не шли на умъ никакія хитрости, ни уловки. Придумала она было рано утромъ

сегодня, по поводу воскресного дня, въ который Гаврило Степановичъ никогда не сердился и давалъ языку ея полную свободу, даже острить всегда до обѣдни менѣе обыкновенного, придумала она—было, горемычна, подвести какъ-нибудь ловко разговоръ о томъ, что вотъ—де сегодня праздникъ Господень, и какъ счастливы люди, примирившіяся къ этому дню со всѣми, живущіе благополучіемъ Божіимъ среди семействъ своей, съ чадами и домочадцами и прочая, но все это она такъ только передумала, для собственного утѣшенія или забавы, не надѣясь выдержать такую поучительную бесѣду на дѣлѣ. Она, бѣдная, упала духомъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Дверь растворилась, и обычный поздравитель съ праздникомъ, Сулейкинъ, явился за своей воскресной чашкой чая. Чтобъ тебѣ ею подавиться! подумала про себя Авдотья Ивановна, взглянувъ на постыдаго гостя, и вѣрно очень ясно высказала пожеланіе это на безастрѣстномъ лицѣ свое, потому что Гаврило Степановичъ обратился къ ней въ—полголовы и сказалъ: «не хорошо, матушка, Авдотья Ивановна, встрѣтить съ такимъ недоброжелательствомъ воскресный день; налей-ка Филиппу Егорычу чашечку чайку, да побирайся, скоро пора будетъ къ обѣднѣ».

Поблагодаривъ отрывисто направо и налево и расшаркавшисьѣ два или три темпа, Сулейкинъ, или какъ его Гаврило Степановичъ зывалъ по буднямъ, скороговорка, тотчасъ завелъ и пустилъ свои куранты, но на этотъ разъ, зная обычай старика, онъ оставилъ всѣ сплетни свои въ запасѣ, на—вечеръ, а сталъ вытихивать однѣ желанныя вѣсти. Онъ выхватилъ изъ—за пазухи пучокъ бумагъ и приподнялъ ихъ побѣдоносно надъ головою: «Вотъ», говорилъ онъ: «вотъ—съ, Гаврило Степанычъ, сокровище, золото—съ, дороже хлѣба насущнаго, живота скудельнаго»—и прижалъ бумаги къ сердцу своему—«за вѣсть, за вѣсть, Гаврило Степанычъ, обрѣтаюсь въ радостяхъ, и вамъ, не въ угоду, то—есть, и не въ супротивность, а ради единаго правдолюбія, вамъ принесъ я истинную драгоцѣнность эту, на радость и на утѣшеніе,

Гаврило Степановичъ разсмѣялся, сказавъ:—что за диво такое? Ужъ не кляжескую ли граммату ты мнѣ выходилъ? А Авдотья Ивановна смотрѣла на Сулейкина въ недоумѣніи; такихъ рѣчей она отъ него еще не слыхивала.

—Лучше княжеской грамматы, Гаврило Степанычъ, продолжалъ Сулейкинъ:—дороже—съ; этого ни люди, ни царь не дадутъ — это Богъ вамъ далъ, да добрыя ваши дѣла. Вотъ, не бось, Ивану Тимоѳеичу не далъ Богъ такого сына.

— Оставь Ивана Тимоѳеича, сказалъ старикъ: — не такой теперь дѣнь, не такое время: Ѣдемъ къ обѣднѣ, не до пересудовъ. Безъ толку молитесь, безъ мѣры погрѣшаете. Ну, что же? говори!

— Вотъ—съ, продолжалъ Сулейкинъ, сияя какимъ—то вдохновительнымъ восторгомъ:—твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще—изволь-

те на досугъ прочесть—изумительно, не облыжно сказать, что изумительно!

— Да что такое, говори, безтолковый. Вѣдь съ тобою и нѣхотя согрѣшишь!

— Вотъ-съ, досталь я, по случайности — Богъ пути кажеть — кой-какія записочки Михайла Гаврилыча: то-есть, вотъ, долженъ быть человѣкъ-съ... голова, голова—и правдолюбъ какой — душа нагишомъ—вотъ, извольте видѣть—собственоручная, съ помарками—подлогу никакого быть не можетъ—истина святая—записка о торговлѣ кяхтицкой, которой намедни сами изволили ливиться, что не въ примѣръ умно написана—она собственоручная Михайла Гаврилыча, съ поправками и перемарками его же руки; вотъ-съ, о торговомъ товариществѣ для оренбургской торговли — его же-съ; вотъ еще, что прошлаго года ходила по рукамъ, да сами вы въ тѣ-поры изволили отнестись, то-есть, отозваться, что не стыдно-де тому на свѣтѣ жить, кто записку эту написалъ — вотъ она-съ, о запрудѣ Бѣль-Озера и образованіи изъ него, че-резъ Шексну, запаснаго водоема для Волги... Гаврило Степанычъ, я съ поличнымъ передъ вами; все это труды ваши, по прямому писколящему потомству—умъ и трудъ Михайла Гаврилыча!

Передавъ бумаги старику, который принялъ ихъ молча и въ какомъ-то недоумѣніи, Сулейкинъ шеревернулся на каблучкѣ къ Авдотѣ Ивановнѣ, перегибаясь къ неї въ нѣсколькихъ на-скоро отработанныхъ, деревянныхъ поклонахъ.

— И вѣсъ также, продолжалъ онъ:—и вѣсъ также, сударыня, Авдотья Ивановна, за особенное счастіе поставляю отъ искрен-нихъ силъ своихъ поздравить, со испрошениемъ отъ Создателя многолѣтія и вамъ и ему-съ.

Авдотья Ивановна, не совсѣмъ понимая, что передъ нею дѣла-лось, видѣла, однажды, что рѣчь идетъ тутъ все только о хоро-шемъ, и что выхваляется за это сынъ ея; она до того было—раз-нѣжилась, что пристала и начала снова раскланиваться съ Сулей-кинымъ, приговаривая: «простите, Христа-ради... еще чайку ча-шечку, прошу покорно...»

Гаврило Степановичъ разсмотрѣлъ поверхность поданныя ему занавески, принялъ нѣсколько задумчивый, строгій и степенный видъ, сложилъ бумаги, всталъ, поблагодарилъ Сулейкина и ска-заль: — Это надо разсмотреть на досугъ. Суетныя дѣла впереди. Пора къ обѣднѣ. Хотя Авдотья Ивановна и задержала немногого мужа, развозившись съ чаемъ и принявшиись не въ мѣру потчивать Сулейкина, но чрезъ полчаса Гребневъ стоялъ уже на своемъ мѣ-стѣ въ церкви и усердно молился.

VI.

Развязка.

Межу-тѣмъ, въ домѣ Шрейера готовились, по обычаю, встрѣтить дѣдушку. Дѣти, которых ожидали этого праздника съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, хвалились уже другъ передъ другомъ тѣмъ, кто что дѣдушкѣ разскажетъ, и ссорились напередъ о томъ, чей разсказъ будетъ лучше. Шрейеръ явно былъ чѣмъ-то сильно занятъ, ходилъ взадъ и впередъ и задумавшись обнаруживалъ по временамъ, самъ-по- себѣ, какое-то нетерпѣніе, пожимая плечами и покручивая головой. Маша подошла къ нему, обогнувъ еще разъ свое хозяйство, потрепала его по щекѣ и старалась его ободрить. Межу-тѣмъ, время шло, часъ, въ который старики столько лѣтъ сряду постоянно по воскреснымъ днямъ выѣзжали на дворъ, также прошелъ; обѣдня давно во всѣхъ церквяхъ отошла, а ихъ нѣть. Маша начала очень беспокониться, хотѣла уже послать за спаской, но Шрейеръ ее удерживалъ, поглядывалъ на часы и обнадеживалъ, что авось-де скоро будутъ. Наконецъ, точно, коляска застучала, кинулись къ окну, общій крикъ: «дѣлушка прїѣхаль!», раздался по всему дому, и старики вошли.

Весь домъ Шрейера ожиль радостю. Для Марии это былъ всегда такой же праздникъ, какъ и для дѣтей, и если бы отецъ не прїѣхалъ къ ней въ воскресеніе къ обѣду, то она не знала бы, куда въ этотъ день съ тоски дѣваться. Поэтому, запоздалый прїѣздъ старика, послѣ томительного часа ожиданія, былъ причиной еще большей радости. Когда старики усѣяли и внуки на него волѣли со всѣхъ сторонъ, на колѣни, на плеча и только-что не на голову, то Авдотья Ивановна ловко воспользовалась удобной минутой, потихоньку отозвала дочь въ другую комнату и шопотомъ сообщила ей тамъ, что Гаврила Степанычъ, противу обыкновенія своего, на этотъ разъ прїѣхалъ къ нимъ не прямо изъ церкви, а сперва завѣзъ ее, Авдотью Ивановну, домой, самъ куда-то отправился и прїѣхалъ за нею опять не прѣ jede, какъ черезъ часъ, и что вотъ-де, почему они такъ опоздали, и что все это что-нибудь да значитъ, и не даромъ, а тутъ вѣрно что-нибудь да кроется. На вопросъ дочери, что бы тутъ могло крыться особеннаго, и не просто ли Гаврила Степанычъ заѣзжалъ куда-нибудь по дѣламъ, она таинственно покачала плечами, вздохнула, покачала головой и указала молча на сосѣднюю комнату, гдѣ слышалася голосъ старика, который сидѣлъ тамъ со Шрейеромъ и съ дѣтьми; затѣмъ Авдотья Ивановна отправилась, какъ ни въ чёмъ не бывала, опять въ общую комнату.

Старикъ былъ необыкновенно-веселъ, привезъ подарки дочери, дѣтямъ и даже затю—что онъ дѣлывалъ довольно-редко и никогда

почти не дѣлывалъ безъ особеннаго повода, за исключениемъ развѣ лакомствъ и другихъ: бездѣлушекъ, которыми, подъ названиемъ гостищевъ, дарилъ обыкновенно однихъ только дѣтей. Пошли къ столу; нетерпѣніе Маша и какой-то озабоченный видъ Ивана Андреевича вскорѣ невольно уступили увлекательной веселости старика, и по временамъ только старуха, вспоминая资料 своего Мишу, горько и тяжело вздыхала, а Маша при томъ же воспоминаніи взглядывала въ какомъ-то ожиданіи на мужа, который, при такихъ обстоятельствахъ, считалъ за лучшее не замѣтить этого всовсе и устремлять глаза съ большимъ вниманіемъ въ тарелку свою, или ходить отъ души, прислушиваясь къ шуткамъ тестя. Послѣ обѣда, старикъ, по обычаю, прилегъ отдохнуть, но какъ отдыхъ этотъ никогда не длился болѣе получаса, то онъ вскорѣ опять вышелъ—и этого-то мгновенія благоразумно выжидалъ Иванъ Андреевичъ для обдуманнаго разговора своего со старикомъ. Онъ крякнулъ, когда услышалъ шаги тестя, и мигнула Маша, которая, междуѣмъ, сообщила уже что было нужно матери.

— Каково почивали, батюшка? спросилъ Иванъ Андреевичъ, расшаркавшись съ косолапымъ поклономъ.

— Вздремнулъ маленько, отвѣчалъ старикъ:— да немного—будеть съ меня; а то пробѣжалъ у тебя газеты.

— Чѣмъ же? есть чѣмъ новенькаго?

— Какъ же, отвѣчалъ старикъ, усаживаясь на свое мѣсто, посреди диванчика, передъ столикомъ:— какъ же! какой-то господинъ Бергенъ-де-Во-младшій, что ли, свалился съ лошади на псовой охотѣ и больно ушибся. Жаль бѣдняка.

Иванъ Андреевичъ невольно размѣялся, крякнулъ, и между-тѣмъ, какъ Маша, по условію, уже вымынила дѣтей въ другую комнату, чтобы они не мѣшиали, онъ подсѣлъ на стулъ подъ тестя, потрепалъ хохоль свой, покрутилъ головой и сказалъ:

— А чѣмъ, батюшка, дайте мнѣ поговорить съ вами о нашемъ общемъ дѣлѣ—мнѣ бы надо разсказать вамъ довольно-важныя вѣсти.

— Бѣль мужикъ щи съ кашей, сказалъ старикъ:— долго и много, положилъ ложку, вздохнулъ, расployсался, утерся — ты думаешь, кончилъ? Нѣтъ, онъ началъ опять снова. Такъ видно и вы.

— Прибасенка хороша, батюшка, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ:— да, чай, не про меня сложена: я доселѣ все молчалъ и въ первый разъ рѣшаюсь говорить, и хочу говорить правду— а Гаврило. Степанычъ Гребневъ, какъ слышно на Москвѣ, правды не боится.

— Говори, сказалъ старикъ, и легъ на столъ локтями, опустивъ вѣсколько голову, собираясь внимательно слушать. Между-тѣмъ, Маша сочла за лучшее усадить старушку въ другой комнатѣ, а сама, будто по хозяйству, заглядывала туда и сюда, прислушиваясь къ бесѣдѣ отца и мужа, чтобы быть подъ рукой, когда понадобится.

— Всѣгда чѣмъ, продолжалъ Шрейеръ:— одна изъ причинъ, по ко-

горькихъ вы были недовольны Мишней, это связи его съ Голомяниновыми; а связи эти не нравились вамъ потому, что вы не уважали людей этикъ, то-есть, женщинъ, полагая, что вдова была причиной разоренія покойного, и что она женщина пустая, тщеславная и суетная. Такъ ли?

— Такъ, отвѣчалъ старикъ, который рѣшился, видно, выслушать все до конца. — Ну?

— Ну, продолжалъ Шрейеръ:—а теперь на повѣрку выходить дѣлъ что:—Голомянинова женщина рѣдкая, достойная всякаго уваженія; безразсудство покойника увлекло его къ погибели; онъ самъ и онъ, одинъ въ этомъ виноватъ, а она, напротивъ, стараясь скрывать передъ свѣтомъ эту слабость своего мужа, принимала на себѣ, что могла, дѣлала все, чтѣ было въ силахъ ея, чтобы отвлечь мужа отъ несчастной его страсти, покоряясь только по необходимости; по смерти же его, она, какъ умная и благородная женщина, вѣзвавшая запутанныя дѣла мужа довольно-отчетлисто, не послѣдовала совѣтамъ добрыхъ пріятелей, которые совѣтовали ей объявить себя немедленно несостоятельною, а взялась, чтобы честно почтить память покойника, привести дѣла въ порядокъ, уплатить мало-по-малу долгій его; обремененная семействомъ и долгами этиими, истязаемая вѣрителями и заемодавцами, въ нуждѣ, въ нищетѣ, она, однажды, упорно преслѣдовала цѣль свою.... когда же почти изнемогла подъ гнетомъ этой неестественнѣй тягости и довѣдена была до отчаянія, то Богъ послалъ ей Михайла Гаврилыча, который вошелъ въ ея дѣла, разсмотрѣвъ все, обнадежилъ ее, что тутъ еще съ честію выйтіи можно, занялся ими, помогалъ ей, сколько могъ, словомъ и дѣломъ, и хотя теперь запутанныя дѣла сдѣдало еще не кончены, но общее мнѣніе, возстановленное въ пользу бѣдной вдовы, снова подарило ею своею довѣренностью, и полагаютъ, что она со-временемъ очистится и останется честною чищею.

— Ну? спросилъ старикъ, сдѣла все въ томъ же положеніи, между-тѣмъ, какъ Маша, сочтя время это приличнымъ, подошла тихонько и присѣла по другую сторону столика.

— Больше ничего, сказалъ Иванъ Андреевичъ:—я хотѣлъ только разскѣзать вамъ дѣло это, какъ оно есть, какъ я его узналъ наѣвное, потому-что васъ обманули.

— Доброе начало поздѣда откачало, сказалъ Гаврило Степановичъ:—но ты все-таки не договорилъ, сошлюсь вогь хоть на Машу: — ты захлеснуть захлеснуль узель, да не затянуль. Михайло Гаврилычъ ухаживаетъ за дочкой Голомяниновой — равные обычай, крѣпкая любовь — и дочка отъ него не прочь; затѣмъ, спасибо тебѣ, братъ, Иванъ Андреевичъ, за прямиковое слово, хоть ты меня ничѣмъ новымъ не удивилъ: все, что ты сказалъ миѣ, я уже знаю.

Шрейеръ и Маша до крайности изумились и почти въ голосъ спросили: какъ? откуда? давно ли?

— Да Маша оставилъ Голомяиновыхъ на моемъ попеченіи, такъ я сегодня утромъ, помолавшись Богу, заѣхалъ къ нимъ, поразспросилъ ихъ кой-о-чёмъ и узналъ кой-что. Гость и не долго гостить, да много видить. Да, братецъ, безъ толку молимся, безъ мѣры согрѣшаємъ, какъ быть! И ты, Маша, какъ на повѣрку выходить, хорошо сдѣмала, что побывала у нихъ. Ну, пора до двора. Пріѣзжайте-ка и вы ко мнѣ нынѣ.

— Авдотья Ивановна, сказалъ онъ громко: — а что, какъ эту вещь зовутъ, что двое стоять, двое лежать, пятый ходить, шестой водить (т. е. дверь)? Авдотья Ивановна поняла знакомый ей намекъ и вскорѣ одѣвшись вышла. Старики сѣли и поѣхали.

— Вотъ загадка! сказала Маша полурадостнымъ, полуопасливымъ голосомъ: — что это значитъ, какъ это понять?

Иванъ Андреевичъ тряхнулъ нѣсколько разъ утвердительно головой, взялъ жену за руку и сказалъ: — все хорошо, нельзя лучше.

— Кажется такъ, крикунчикъ, сказала Маша, обнимая его: — кажется, въ-самомъ-дѣлѣ, что все пойдетъ къ лучшему. О, какъ я рада! добрый Миша! Пойдемъ же поскорѣй; батюшка приглашалъ насъ не даромъ: у него навѣрно что-нибудь есть на умѣ...

У Гаврилы Степановича застали они человѣкъ пять или шесть обычныхъ посѣтителей; самого же его нашли болѣе-обыкновеннаго чиннымъ и степеннымъ. Онъ разговаривалъ мало, хотя и нельзя было сказать, чтобы онъ былъ не въ духѣ; но его брали какое-то раздумье, и онъ, поглядывая по-временамъ на дверь, явно ожидалъ какого-то явленія, къ которому готовился. Вскорѣ Судейкинъ вошелъ, расшаркавшись во всѣ стороны, какъ надломленный въ пояснице сѣрничокъ и пробормотавъ па-особицу передъ каждымъ изъ болѣе-почетныхъ гостей свое личное высокопочитаніе. Этого-то гостя, по-видимому, ожидалъ Гаврило Степановичъ и, увидавъ его, приподнялъ брови, сложилъ руки и успокоился, кивнувъ отрывисто головой и защемивъ зубы, будто сказалъ самъ себѣ: «ладно; теперь ты у меня не отвертишься».

Давъ нѣсколько поегозить Судейкину и отрапортовать о нынѣшихъ новостяхъ, Гребневъ сказалъ: «Полно тебѣ тарантить, Филиппъ Егорычъ, а-поди-ка лучше сюда, ко мнѣ поближе, вотъ «такъ, да сядь насупротивъ: я люблю говорить такъ, чтобы смотрѣть человѣку въ глаза». Старикъ легъ назадъ, на спинку кресла, а Судейкинъ, прижалъ почтительно плеча къ тѣлу, уставилъ на него сѣрые глаза свои, которые выставлялись у него въ такихъ случаяхъ какъ у трески. Всѣ приготовились слушать, что будетъ.

— А что, Филиппъ Егорычъ? началь старикъ съ ударениемъ на каждомъ словѣ: — вѣдь у насъ съ тобой сказанное слово въ калыкъ не ворочается, не такъ ли?

— Точно такъ-сь.

— То-есть, сказалъ, такъ и отрубилъ. Говорятъ, будто сказан-

ное слово серебряное, ческазанное золотое, да, видно, ину-пору сказанное и мѣдного гроша не стоять. Кто говорилъ мнѣ про Голомяниновыхъ, что они-де и такія, и скакія, что она-де всему злу корень и промотала и нѣніе, и мужа разорила, и тому подобное?

— Кто говорилъ? сказалъ Сулейкинъ: — обѣ этомъ не могу знать-сь, Гаврило Степанычъ; не при мнѣ дѣло было, можетъ-статься, вы изволили запамятовать.

— Съ большой головы да на здоровую, сказалъ старикъ, покачавъ головой: — память у меня, благодаря Бога, еще не совсѣмъ отшибло; какъ же такъ, не при тебѣ дѣло было? А нѣ ты самъ мнѣ это говорилъ?

— Кто-сь? я-сь? что вы? Господь съ вами, благодѣтель мой, Гаврило Степанычъ? когда?

— Какъ когда? да два раза, малостивецъ мой, у меня съ тобой обѣ этомъ рѣчь шла, и оба раза ты подтвердила то же; когда играли мы въ шахматы, а они ушли, ты остался еще, — наговорилъ мнѣ съ три короба про сѣнскій и разбійный приказы, да помнилъ сына, Мишу; вотъ когда, не помнишь?

Авдотья Ивановна, оправивъ концы платка, въ-тихомолку перекрестила себѣ подъ ложечкой, радуясь этой развязкѣ и уликѣ неизвестнаго ей Сулейкина. Маша также торжествовала и никакъ не сомнѣвалась, что черезъ пять минутъ Филиппъ Егорычъ будетъ уже бѣжать рысцой по улицѣ и впередъ долго не заглянетъ въ Замоскворѣчье. Даже Иванъ-Андреевичъ забирала смертная охота крякнуть и побуривать въ воздухѣ головой, въ знакъ одобрениія, но всеобщая тишина и пристальное любопытство заставили его сбраться съ лухомъ и молчать. Онъ только одернулъ на себѣ воротнички и сложилъ губы такъ, какъ онъ складывалъ самъ-себѣ каждый разъ, когда онъ чмокалъ. Прочие гости слушали, поглядывая временемъ на того или другаго, либо другъ на друга, опуская вслѣдъ за тѣмъ глаза.

Сулейкинъ вытянулся на стулѣ такъ, будто его посадили торцомъ и сказалъ: — Гаврило Степанычъ, извольте напомнить, дѣло было не такъ. Чѣо знаю, тѣ говорю, и на стѣну пойду, скажу; чѣо не знаю — не говорилъ; я Голомяниновыхъ не знаю въ глаза и ничего обѣ нихъ не слышалъ, кроме что отъ васъ. Вы въ-тѣ поры изволили сказать, что Голомяниновы вотъ то и то, а я, извѣстно, какъ дѣла я не знаю, спорить мнѣ было нѣ въ чёмъ, то-есть, полагалъ я, что вашъ по самой сущности все извѣстно, — то я только доложилъ: должно быть, что такъ-сь.

— Какъ? спросилъ Гаврило Степановичъ протяжно.

— Такъ точно-сь; будьте увѣрены, облыжности во мнѣ не найдете. Съ голода распухну, за это не поручусь, а на истину не посягну. Вы сами мнѣ сказали обѣ этомъ, то-есть, къ слову прішлося; опять же тогда гнѣваться изволили на Михайла Гаврилыча, а какъ вы меня изволили перебить, а я желалъ, то-есть, продолжать разговоръ свой, сказалъ, и какъ-и винюсь, сказалъ толь-

ко, полагаясь, то-есть, на ваши слова, что оно действительно должно быть такъ, но сказалъ голосомъ, бездоказательно, на вѣтеръ, по вашимъ словамъ.

У всѣхъ присутствовавшихъ лица вытянулись по шестую пуговицу. Этой развязки никто не ждалъ, а менѣе всего самъ Гребневъ. Подумавъ немножко, онъ сказалъ: «Хвала тебѣ, Филиппъ Егорычъ, и «прости, братъ, меня, да не памятуй впредь. За это жена станетъ тебѣ «жаловать и сама будетъ за тобою ухаживать». Сулейкинъ вскочилъ и раскланялся съ Авдотьей Ивановной, а Гребневъ, помолчавъ, продолжалъ: «На человѣческую глупость есть Божья премудрость. Теперь дѣло объяснилось, и будьте спокойны, я все устрою такъ, что никому изъ васъ противности не будетъ.» Маша вскочила и бросилась отцу на шею; а потомъ подошла къ Сулейкину и подала ему руку. Онъ кланялся въ церемоніи, бормоталъ что-то и слегка разводилъ руками, будто оправдывался. Авдотья Ивановна исподтишка плакала, но косилась однимъ угодкомъ глаза на старика, чтобы въ случаѣ чего встрѣтить взглядъ его улыбкой... что и удалось ей исполнить. Шрейеръ открылся и откашлялся въ нѣсколько цримовъ, желая наверстать потерянное время.

Миша, который было-препорядочно разнемогся, отъ того и сего, а, вѣроятно, также отъ тоски и огорченій, получилъ по первой почтѣ, послѣ описанного нами явленія, письмо, которое вдругъ поставило его на ноги и было сердцу его милѣе всего на свѣтѣ. Во всю жизнь его онъ еще такой радости не испытывалъ; вотъ оно:

«Любезный сынъ мой, Миша! На человѣческую дурость есть «Божья премудрость. Ты, братъ, ничего не могъ умнѣе придумать, «какъ уѣхать отсюда на время, чтобы дать намъ просторъ одуматься, да соскучиться по тебѣ, да распутать и очистить паутину, «которая подъ старость завелась—было въ головѣ твоего отца. «Больше никого и не вини: сестра тебѣ все расскажетъ; она все «знаетъ; отъ нея, какъ самъ ты знаешь, нашему брату не куда «дѣваться. Спасибо, что ты мвѣ, отцу, поручилъ Голомячиновыхъ; «люблю молодца за обычай. Я навѣщаю ихъ, ознакомился съ «ихъ дѣлами и объявилъ уже въ городѣ, что беру дѣла ихъ на «себя: аюсь дадутъ намъ съ тобой вѣру — ась? Вѣдь наше, аюсь «не съ дуба сорвалось. При этомъ случаѣ народъ зашевелился, «а бабы наши поправили чепцы на лѣвое ухо: смекаемъ-де, вый- «деть шарочка, баранъ да ярочка. Какъ знаешь; коли правду лю- «ди врутъ, такъ быть не по твоему; а иѣть, такъ нѣть. Образъ «вымынть недолго, хоть бы и въ золотой ризѣ. Матушка твоя «ходить около меня на цыпочкахъ, быть не бѣть, да и прочь «не йдеть—стадо-быть, вѣсти дошли и до нея, и она за тебя. Ко- «ли чтѣ, такъ ужъ ты, ради Бога, ее не минуй, а дай ей самой «сѣзидѣть за крестною и кончить все чиннымъ, исконнымъ обы- «чаємъ. Хоть въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ и не хо- «дить, но Нѣмцу моему она простила, что онъ не въ порядкѣ

«дѣло повелъ, потому-что онъ Нѣмецъ; а ты, чай, не вѣссе опите-
«рился еще и матери обидѣть не захочешь. О Голомяиновыѣ
«знаю все. А что ты не говорилъ мнѣ объ нихъ, какъ слѣдуетъ,
«такъ за это не пеяю, потому-что я бы тебѣ тогда ни въ чёмъ
«не повѣрилъ.

«Читалъ я, Миша, записки твои: ихъ добылъ наша пожарная
«стрешотка, и радовался и дивовался имъ почти со столько же,
«какъ и я; только-что онъ трещитъ, а я молчу. Хорошо; напрас-
«но ты не показалъ мнѣ раньше. Стало-быть, ты думалъ о своемъ
«дѣлѣ, и думалъ не мало. Хорошо. Такъ на Филиппа Егоровича
«впередъ не пеяй: онъ за тебя. Сердце у него доброе и толкъ
«въ немъ есть, хоть и не вѣдканъ весь.

«Тѣмъ часомъ я придумалъ вотъ что: давно уже я разбиралъ
«на умахъ, какъ бы устроить сына и передать ему торговлю свою,
«составалъ на старости лѣтъ хотъ сторожемъ съ дубиной — да я
«всѣ думалъ, что сынъ у меня не годится на это, такъ горевалъ,
«да молчалъ. Теперь, когда Господь велиъ намъ прозрѣть и вразу-
«мъ насъ, помѣхи нѣтъ. Ты пріѣдешь на готовое, я все устрою.
«На покой мнѣ рано, но теперь мы сойдемся, я тебѣ отдамъ и
«книги въ руки, благословлю, дамъ полную свободу: моя часть
«будетъ и твоя будетъ, отдельная, и истинникъ свой; раздѣлимъ
«пополамъ, а помру, все возьмешь. Ты работай своимъ умомъ и на
«себя, а я ужъ стану зарабатывать на машину лапшу, на внучатъ.
«Жить будешь на маломъ подъѣздѣ, который передѣлывается въ
«большой, а двери будутъ самыя новомодныя, съ цвѣтными стек-
«лами. Матушка твоя молчить, но ужъ носится съ образцами таре-
«локъ. Сестра твоя безъ ума отъ радости, а Нѣмецъ мой подбира-
«ется фалды и лазить по лѣсамъ между кирпичами. Судейкина я
«сгонялъ раза два со двора — суется не въ свое дѣло, не смы-
«слить ни аза въ глаза, а туда же: я засталъ его съ саженю въ
«рукахъ. Словомъ, у насъ все хорошо и въполномъ ходу.

«Вотъ и все; но пріѣжжать не торопись: ты еще провѣтрись ма-
«ленъко, а намъ дай покончить свое. Пусть время краску съ лица
«сгонитъ—обоимъ не стыдно будетъ. Прошай, братъ, Миша; мое
«стебѣ отцовское благословеніе, и отъ матери тоже.»

К. ДАЛЬ.

ДОМ ВИСЫНЬ.

Романъ

ЧАРЛЗ ДИККЕНСА.

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

ГЛАВА I.

Еще предостереженія.

Флоренса, Эдисъ и мистрисъ Скьютонъ сидѣли въ одной комнатѣ, и коляска ужѣ дожидалась ихъ у подъѣзда. Клеопатра наслаждалась генеръ собственою галерой, а Витерсъ, ужѣ болыше не тощій, становился бодро за таѣ безкolesнымъ стуломъ во время обѣда, въ голубой курткѣ и военныхъ панталонахъ, и ужѣ пересталъ служить въ родѣ тарана. Волосы Витерса были жирно напомажены; въ насташіе для него дни блаженства, онъ носилъ лайковыя перчатки и пахнулъ одеколономъ.

Онъ былъ въ комнатѣ Клеопатры. «Змѣя древняго Нила» — не нарушая къ ней должнаго почтенія — поѣхала на софѣ, вкушавъ утренній шоколадъ въ три часа пополудни, а горничная Флдуерстъ облачала ее въ моложавые воротнички и маншетки, и надѣвали на нее персиковаго цвѣта бархатную шляпку, которой искусственныя розы живописно шевелились отъ сотрясеній дряхлой головы, ажъ отъ дыханій зефира.

— Мнѣ кажется, сегодня утромъ я какъ-будто немножко нервѣна, Флодерсъ, сказала мистрисс Скьютонъ: — посмотри, какъ дрожитъ у меня рука.

— Вы вчера вечеромъ были душою общества, мэмъ, возразила Флоуресъ: — и за это, изволите видѣть, страдаете теперь.

Эдиевъ, подозвавшая Флоренсу къ окну и глядѣвшая на улицу, обратясь спиной къ туалету своей уважаемой матери. Вдругъ она отшатнулась назадъ, какъ-будто передъ нею блеснула молния.

— Милое дитя, закричала ей протяжно мистрисс Скьютонъ: — не-уже-ли и ты нервѣна? Не говори мнѣ, мой ангель, Эдиевъ, что ты, съ своею завидною комплекціей, начинаешь дѣлаться такою же мученицей, какъ твоя злополучно-созданная мать! Витерсъ, тамъ кто-то у дверей.

— Карточка, мэмъ, сказалъ Витерсъ, подавая ее мистрисс Домби.

— Я сейчасъ ѳду, отвѣчала та, не взглянувъ на карточку.

— О, ангель мой! протянула мистрисс Скьютонъ: — какъ можно отказывать, не видѣвъ кому! Покажи сюда, Витерсъ. — Ахъ, Боже мой! Да это мистеръ Каркеръ, этотъ чувствительный и умный мистеръ Каркеръ!

— Я ѳду, повторила Эдиевъ такимъ повелительнымъ тономъ, что Витерсъ, подойдя къ дверямъ, повелительно уведомилъ дождавшагося слугу: «Мистрисс Домби сейчасъ ѳдетъ; убирайся», и заперъ передъ нимъ двери.

Но слуга воротился послѣ непродолжительного отсутствія и пропшталъ что-то Витерсу, который еще разъ, и довольно-неохотно, подошелъ къ мистрисс Домби:

— Осмѣлюсь доложить, мэмъ, мистеръ Каркеръ посыпаетъ вамъ свои почтительныиѣ комплименты и просить удѣлить ему одну минуту, если вамъ можно — по дѣлу, мэмъ, если вамъ угодно.

— Право, мой ангель, сказала мистрисс Скьютонъ самымъ нѣжнымъ тономъ, видя, что лицо дочери начинаетъ принимать грозное выраженіе: — если ты позволишь мнѣ просить тебя за него, я бы полагала...

— Приведи его сюда, сказала Эдиевъ. Когда Витерсъ исчезъ, она прибавила, нахмурясь на мать: — Такъ-какъ онъ принялъ по вашей рекомендациѣ, то пусть и приходить въ вашу комнату.

— А мнѣ... можно уйтти? спросила торопливо Флоренса.

Эдиевъ кивнула въ знакъ согласія; но въ дверахъ Флоренса встрѣтила уже посѣтителя. Съ тою же неспрятаною смѣскою короткости и почтительности, съ которойю онъ адресовался къ ней въ первый разъ, онъ обратился къ ней и теперь самымъ мягкимъ тономъ изъявилъ надежду, что она здорова — о чёмъ находилъ излишнимъ спрашивать, видя ея лицо... едва имѣлъ честь узнать ее вчера: такъ удивительно она перемѣнилась — и держаль ей двери, выпуская изъ комнаты, съ тайнымъ сознаніемъ власти надъ нею, отъ которой

она невольно вздрагивала и которого не могла совершенно скрыть вся его наружная вѣжливость и почтительность.

Укрѣпившись въ гордомъ могуществѣ, при всемъ упорствѣ своего непреклоннаго духа, Эдиѣвъ все—таки чувствовала себя неловко отъ прежняго убѣжденія, что этотъ человѣкъ вполнѣ постигъ и ее и матерь съ первого дня ихъ знакомства, и знаетъ самая не выгодная стороны ихъ обѣихъ; что все унижение, которое она чувствовала внутренне, было такъ же ясно ему, какъ ей самой; что онъ прочиталъ ея жизнь, какъ скверную книгу, и перебиралъ передъ нею листы съ оттѣнками презрѣнія въ тонѣ и взглядахъ, неуловимыми ни для кого, кроме ся одной. Какъ гордо она ни противилась ему, съ повелительнымъ лицомъ, требовавшимъ его смиренія, съ презрѣніемъ на устахъ, съ гневомъ въ груди на его докучливость и съ сердито—опущенными черными рѣсницами, чтобы его не озарилъ ни одинъ лучъ свѣта глазъ ся,—какъ подобострастно онъ ни стоялъ передъ нею, съ умоляющими и обиженнымъ видомъ, но съ полной покорностью ея волѣ — она въ душѣ сознавалась, что торжество и превосходство на его сторонѣ, и что онъ понималъ это какъ—нельзя—лучше.

— Я осмѣлился испросить свиданіе и рѣшился назвать его дѣловымъ, такъ—какъ...

— Вы, можетъ—быть, имѣете отъ мистера Домби порученіе сообщить мнѣ какой—нибудь выговоръ. Вы обладаете довѣренностью мистера Домби въ такой необычайной степени, что я нисколько не удивлюсь, если вы пришли за этимъ.

— Я не имѣю отъ него никакого порученія къ дамѣ, которая покрываетъ блескомъ его имя, но прошу ее лично отъ себя быть справедливою къ смиренному просителю — не больше, какъ служащему у мистера Домби — что уже есть положеніе смиренное, — подумать о моей совершенной беспомощности во вчерашній вечеръ и о невозможности избѣгнуть участія, которое меня заставили принять насильно въ весьма—горестномъ обстоятельствѣ.

— Милая Эдиѣвъ, намекнула въ—полголоса Клеопатра, откладывая свой лорнетъ: — право, этотъ... какъ—его—зовутъ, очаровательнъ. Въ немъ столько сердца!

— Я рѣшаюсь, продолжалъ Каркеръ, обращая къ мистриссъ Скьютонъ взглядъ благодарнаго почтенія: — я рѣшаюсь назвать этотъ случай горестнымъ, хотя онъ былъ горестнымъ, конечно, только для меня, его нечаяннаго свидѣтеля. Такое легкое разногласіе между лицами, которыхъ любовь другъ къ другу основана на безкорыстной преданности и которыхъ всегда готовы пожертвовать собою одно для другаго, совершенно—ничтожно. Какъ сама мистриссъ Скьютонъ выразилась вчера съ такою истиной и такимъ чувствомъ — это ничтожно.

Эдиѣвъ не могла взглянуть на него, но сказала черезъ нѣсколько секундъ:

— А ваше дѣло, сударь...?

T. LVI. — Отд. I.

— Эдись, малуны! замѣтила игриво мистрисс Скьютонъ; — мистеръ Каркеръ все это время стоять! Милый мистеръ Каркеръ, прошу дѣсь, садитесь.

Онъ не отвѣчалъ ни слова матери, но устремилъ глаза на горную дочь, какъ-будто рѣшившись повиноваться только ей приказаніямъ. Эдись, наперекоръ самой себѣ, сѣла и небрежно указала ему на стулъ. Трудно было сдѣлать это холоднѣе, надменнѣе, съ болѣе-дерекимъ видомъ неуваженія и превосходства, но она согласилась противъ воли на такую снисходительность, которая была у нея исторгиута. Этого было достаточно! Мистеръ Каркеръ сѣлъ.

— Могу ли просить позволенія, сударыня... сказалъ Каркеръ, обративъ къ мистрисс Скьютонъ свои бѣлые зубы: — ваша преніцательность и чувствительность удостоить меня одобренія, по основательной прачинѣ, я убѣждѣнъ въ этомъ — могу ли просить позволенія обратиться къ мистрисс Дѣмби съ тѣмъ, что я долженъ сказать, и предоставить ей сообщить это вамъ, ея лучшему и драгоцѣнѣйшему другу — послѣ мистера Дѣмби?

Мистрисс Скьютонъ хотѣла удалиться, но ее остановила Эдись, которая остановила бы и его и велѣла бы ему сѣсть негодованіемъ говорить прямо или же говорить всхе, еслибы онъ не прибавилъ въ-полголоса: — Миссъ Флоренса, молодая лѣтница, которая сей-часъ только вышла отсюда...

Эдись позволила ему продолжать. Теперь она взглянула на него. Когда онъ наклонился впередъ, чтобы быть къ ней ближе, съ выражениемъ высшей степени деликатности и почтенія, съ бѣлыми зубами, блестившими убѣдительностью, и съ покорною улыбкой — она чувствовала, что была бы готова убить его на мѣстѣ.

— Положеніе миссъ Флоренсы, началь виъ: — было самое не-частное. Миссъ больно говорить объ этомъ вамъ, которой привязанность къ отцу миссъ Флоренсы должна, естественнымъ образомъ, выслушивать съ ревностью каждое касающееся до него слово... (Рѣчь мистера Каркера была всегда сладковатна и отчетлива, но никакой языкъ не выразить ея мягкости и ясности, когда онъ произносилъ эти слова, или другія подобнаго имъ значенія.) Но, какъ человѣкъ, преданный мистеру Дѣмби въ другомъ родѣ, какъ человѣкъ, которая вся жизнь протекла въ удивленіи характеру мистера Дѣмби, могу ли сказать, не оскорбляя вашей чѣмноты, какъ любящей супруги, что-кѣ-несчастію, миссъ Флоренса была оставлена безъ вниманія отцомъ. Могу ли сказать, ея отцомъ?

— Я это знаю.

— Вы знаете! воскликнулъ мистеръ Каркеръ, какъ-будто получивъ отъ такого отвѣта большее облегченіе. — Это сдвигаетъ гору съ груди моей. Могу ли надѣяться, что вы знаете, откуда вардились такое небреженіе — въ какой любезной сторонѣ гордости мистера Дѣмби... я хочу сказать, его характера?

— Можете умолчать объ этомъ, сударь, и дойдти скорѣе до конца того, что хотите сказать мнѣ.

— Я вполнѣ убѣжденъ, сударыня... вполнѣ мнѣ, глубоко убѣжденъ, что мистеръ Домби ни въ чемъ не требуетъ оправданія передъ вами. Но судите снисходительно о моихъ чувствахъ по своимъ собственнымъ, и простите участіе, которое я въ немъ принимаю, если оно въ своемъ усердіи зайдетъ даже слишкомъ-далеко.

Какой ударъ ея гордому сердцу! Сидѣть тутъ, лицомъ-къ-лицу съ нимъ, и слушать, какъ онъ ежеминутно дразнить ее ложной клятвой, произнесенной ею предъ алтаремъ; какъ гнететь онъ ее этою клятвой, какъ-будто заставляя выпить всю гущу со дна горькой чаши отвратительного питья, отъ котораго она не можетъ отвернуться, въ омерзѣніи къ которому не смѣеть сознаться! Какъ бушевали въ груди ея стыдъ, гнѣвъ, укоры совѣсти, когда, сидя передъ нимъ прямо и величаво, въ надменной красотѣ, она знала, что духъ ея лежитъ у его ногъ!

— Миссъ Флоренса, сказала Каркеръ: — оставленная попечениемъ, если можно ихъ такъ назвать, слугъ и наемниковъ, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ ея, нуждалась въ руководителѣ своихъ юныхъ дней, и, весьма-естественно, за неимѣніемъ приличныхъ руководителей, была неосторожна въ выборѣ и забыла до нѣкоторой степени свое положеніе... Была какая-то безразсудная привязанность къ одному Валтеру, мальчику простаго званія, который, къ-несчастію, теперь уже умеръ, да еще нѣкоторая весьма-неpriличный знакомства съ разными шкиперами незавидной репутацией и съ бѣглымъ старымъ банкротомъ.

— Я слыхала эти обстоятельства, сударь, возразила Эдиевъ, сверкнувъ на него презрительнымъ взглядомъ: — и знаю, что вы искажаете ихъ. Вамъ, можетъ-быть, извѣстна истина... надѣюсь.

— Извините, сказала Каркеръ: — но я полагаю, что никто не знаетъ этихъ обстоятельствъ такъ хорошо, какъ я. Ваша пылкая и возвышенная душа, сударыня, душа, которая такъ благородно-повелительна въ оправданіи любимаго и почитаемаго вами супруга, и которая осчастливила его вполнѣ по достоинству — возбуждаетъ во мнѣ восторгъ и благоговѣніе, и я преклоняюсь передъ нею. Но что касается обстоятельствъ, на которыхъ я испросила позволенія обратить ваше вниманіе, я не сомнѣваюсь въ нихъ никакъ. Стараясь исполнить свою обязанность какъ повѣренный мистера Домби, — осмѣялась сказать, какъ другъ его, — я вполнѣ убѣдилась въ нихъ. Исполняя эту обязанность, и съ весьма-понятнымъ для васъ глубокимъ участіемъ ко всему, что до него касается, участіемъ, которое усилено, если вамъ угодно (такъ-какъ я, по-видимому, не имѣю счастья пользоваться вашею благосклонностью) болѣе-низкимъ побужденіемъ доказать свое усердіе и выиграть въ его мнѣніи, я долго слѣдила за этими обстоятельствами самъ и чрезъ посредство вѣрныхъ людей: вотъ почему и имѣю безчисленныя и самыя подробныя подтвержденія словамъ своимъ.

Она подняла взоры до высоты его губъ, и увидѣла въ каждомъ зубѣ вредоносное орудіе.

— Извините, сударыня, если въ своемъ затруднительномъ положеніи я осмѣшивалась совѣщаться съ вами и рѣшусь дѣйствовать не иначе, какъ съ вашего приказанія. Кажется, я замѣтила, что вы очень интересуетесь миссъ Флой?

Чтѣ въ ней открылось такого, чего онъ еще не зналъ и не замѣчалъ? Униженная и вмѣстѣ съ тѣмъ забѣшенная отъ мысли, которую онъ снова разовьетъ въ другомъ видѣ, она закусила дрожащую отъ гибѣга губу, чтобы принудить ее успокоиться, и гордо поклонила въ отвѣтъ голову.

— Это участіе, сударыня, служащее трогательнымъ доказательствомъ того, какъ все близкое мистеру Домби драгоцѣнно вамъ, заставляетъ меня пріостановиться прежде, чѣмъ рѣшусь увѣдомить его обо всѣхъ этихъ вещахъ, которыхъ до-сихъ-поръ ему неизвѣстны. Оно до такой степени потрясаѣтъ мое вѣрионодланство, если смѣю такъ выразиться, что по малѣйшему желанію вашему я готовъ предать ихъ совершененному забвѣнію.

Эдіеъ быстро подняла голову, откинулась назадъ и устремила на него мрачный взглядъ. Онъ встрѣтилъ его самою пріятною и вѣжливою улыбкой и продолжалъ:

— Вы говорите, что въ разсказѣ моемъ эти обстоятельства искажены... Боюсь, что нѣтъ... боюсь, что нѣтъ. Но допустимъ это. Безнокойство, которое я иногда ощущалъ, думая о нашемъ предметѣ, происходить вотъ отъ-чего: одна мысль о сближеніяхъ съ подобными лицами, хотя миссъ Флоренса и дошла до нихъ по неизвѣнности и неопытной довѣрчивости, можетъ побудить мистера Домби, уже предубѣжденаго противъ нея — мнѣ извѣстно, что онъ по временамъ думалъ объ этомъ — рѣшиться на окончательную разлуку съ нею и на отчужденіе ея отъ своего дома... Сударыня! не осорвите меня и вспомните, какъ давно я знаю мистера Домби, какъ безпрестанно бываю съ нимъ въ сношеніяхъ, какъ привыкъ относиться къ нему почти съ самаго дѣтства: погѣрте мнѣ, если у него есть недостатокъ, то онъ заключается въ высиреніемъ упорствъ, утвердившемся на корѣ благородной гордости и чувства своего могущества, которыхъ мы все должны почитать: такихъ характеровъ нельзѧ осуждать наравнѣ съ другими, просто упрямыми — они выростаютъ изъ самихъ-себя, день за днемъ, годъ за годомъ.

Она все не сводила съ него глазъ; но какъ ни была твердъ взглядъ ея, ея ноздри надменно расширились, дыханіе стало глубже и губы слегка зашевелились, когда Каркеръ описывалъ то въ своемъ патронѣ, передъ чѣмъ все должны склоняться. Онъ замѣтилъ это; и хотя выраженіе лица его нисколько не измѣнилось, она знала, что онъ это замѣтилъ.

— Даже пустой случай, какъ, напримѣръ, вчерашній, продолжалъ Каркеръ: — если позволите припомнить его еще разъ — пояснить мои слова лучше, чѣмъ всякое болѣе-важное обстоятельство. Фирма «Домби и Сынъ» не знать ни времени, ни места, ни поры

года, но повергаетъ все это передъ собою... Радуюсь вчерашнему слухаю, потому-что онъ открыть миѣ сегодня возможность говорить о нашемъ предметѣ съ мистриссъ Домби, хотя и подвергъ меня пѣни ея временного неудовольствія. Сударыня, среди моихъ беспокойствъ и опасеній касательно миссъ Флоренсы, мистеръ Домби потребовалъ меня въ Лимингтонъ. Тамъ я увидѣла васъ. Тамъ я не могъ не узнать, въ какихъ отношеніяхъ вы вскорѣ будете съ нимъ, къ его и вашему прочиому счастью. Тамъ я рѣшился дождаться времени, когда вы окончательно поселитесь здѣсь, и сдѣлать, что сдѣлала сегодня. На душѣ моей нѣть упрека, что я не исполнилъ своего долга въ-отношениіи къ мистеру Домби, потому-что я высказалъ вамъ все: если два лица имѣютъ одинъ умъ и одно сердце, какъ въ такомъ супружествѣ, то одно лицо почти представляетъ собою другое. Совѣсть моя очищается одинаково, вамъ или ему высказана эта тѣма. По причинамъ, которыя я имѣль честь изложить, я предпочелъ вѣсть. Могу ли надѣяться на счастье видѣть мою довѣренность принятою, и долженъ ли я считать себя освобожденнымъ отъ ответственности?

Онъ долго помнилъ взглядъ, которымъ она его теперь надѣлила... что мотъ видѣть и забыть этотъ взглядъ? и внутреннюю борьбу, которая потомъ кипѣла въ ней. Наконецъ, она сказала:

— Я принимаю вашу довѣренность, сударь. Не угодно ли вамъ считать это дѣло конченнымъ? Дальше оно не должно идти.

Онъ низко поклонился и всталъ. Она также встала и онъ простился со всевозможнымъ смиреніемъ. Но Витерсъ, встрѣтясь съ нимъ на лѣстницѣ, остановился отъ изумленія, произведенаго красотою зубовъ мистера Каркера и его блестящею улыбкой. Когда же мистеръ Каркеръ поѣхалъ на свое мѣсто бѣлогономъ конѣ, встрѣтчный народъ принималъ его за дантиста: такие великолѣпные зубы выставлялъ онъ на показъ публикѣ. Встрѣтчный народъ принималъ ее, когда она вскорѣ потомъ выѣхала въ коляскѣ, за важную даму, столько же счастливую, сколько богатую и прекрасную. Но они не видали ея, когда она была одна въ своей комнатѣ незадолго до этого; они не слыхали, какъ она произнесла эти три слова: «О, Флоренса, Флоренса!»

Мистриссъ Скьютонъ, возвѣдая на софѣ и вкушая свой шоколадъ, не слыхала ничего, кроме низкаго слова «дѣло», къ которому она чувствовала смертельное отвращеніе; вообще, она изгнала его изъ своего лексикона, и въ-слѣдствіе этого, очаровательныи-шимъ образомъ, съ невѣроятнымъ количествомъ «сердца», не говоря уже о душѣ, чуть не разорила нѣсколькихъ модистокъ и другихъ лицъ въ томъ же родѣ. Въ-слѣдствіе чего мистриссъ Скьютонъ не дѣлала никакихъ вопросовъ и не обнаружила ни малѣйшаго любопытства. Бархатная персиковаго цвѣта шляпка доставила ей достаточно занятій, когда онѣ поѣхали: шляпка была надѣта чуть не на затылокъ, а погода стояла вѣтреная, отъ-чего Клеопатрѣ безпрестанно приходилось заботиться о спасеніи шляпки отъ игриво-

сти зола. Когда закрыли акинажь и вътру не было въ него до-ступа, дряхлость головы заиграла искусственными розами... вообще же, мистрисс Скьютонъ чувствовала себя довольно-плохо...

Къ вечеру, ей не сдѣлалось лучше. Когда мистрисс Домби, совершино одѣтая, дожидалась ее съ полчаса въ своей уборцѣ, а мистеръ Домби царадировалъ въ гостиной передъ зеркалами, въ ведичавомъ и нарядномъ нетерпѣніи — всѣ трое собирались ѿѣхать въ гости обѣдать — горничная Флоуэръ вѣжала къ мистрисс Домби съ испуганнымъ лицомъ.

— Мэмъ, извините, но я не могу ничего сдѣлать съ миссис!

— Чѣмъ тамъ такое?

— Чѣмъ, мэмъ, я, право, не знаю. Она дѣлаетъ такія лица!

Эдіе поспѣшила въ комнату матери. Клеопатра была разражена въ пухъ, въ брильянтахъ, въ короткихъ рукавахъ, нарядищена, съ фальшивыми локонами, зубами и съ прочими молодящими принадлежностями, но паралича этимъ нельзя было провести: она все-таки узнала свою жертву и поразилъ ее передъ зеркаломъ, гдѣ она лежала, какъ гадкая, упавшая изъ поль кукла.

Дочь и горничная разобрали ее по частямъ и положили въ постель немногое существенное изъ ея особы. Доктора явились немедлено и приложили сильныя средства; по мнѣнію ихъ, она могла подправиться отъ этого удара, но ужъ не пережила бы другаго. Она пролежала нѣсколько дней безсловесная и неподвижная, устав глаза въ потолокъ, изрѣдка отзыаясь невнятными звуками на вопросы, узнаѣть ли она тѣхъ, кто въ комнатѣ, и тому подобные; часто она не отвѣчала ни звукомъ, ни знакомъ, ни неподвижными глазами.

Наконецъ, она начала приходить въ себя и получила въ неко-торой степени силу движенія, хотя все еще не могла говорить. Потомъ она могла владѣть правою рукою; показавъ это горничной, ухаживавшей за нею постоянно и никакъ не могшей успѣхнуться, она потребовала знаками карандашъ и бумаги. Горничная поспѣшила исполнить ея приказаніе, думая, что она, можетъ быть, хочетъ написать духовную или изъявить какую-нибудь предсмертную волю; такъ-какъ мистрисс Домби не было дома, горничная ожидала результата съ торжественными чувствами.

Послѣ продолжительныхъ трудныхъ попытокъ и начертанія не тѣхъ буквъ, которые какъ-будто сами собою ниспадали съ карандаша, старуха напарапала слѣдующее:

«Розовые занавѣсы.»

Горничная, пораженная изумлениемъ — и не безъ причины — не могла понять, въ чемъ дѣло. Тогда Клеопатра дополннила рукопись еще двумя словами, и вышло:

«Розовые занавѣсы для докторовъ.»

Тутъ только горничная начала постигать, что она жаждаетъ этихъ вещей для выгоднѣйшаго представленія цвѣта своего лица учено-му факультету. Но знающие Клеопатру коротко были убѣждены

въ справедливости такого мнѣнія, которое она вскорѣ подтвердила сама: кровать ея обвѣсили розовыми занавѣсами, и она стала видимо поправляться гораздо-скорѣе. Черезъ нѣсколько времени, она могла уже сидѣть въ локонахъ, въ обшитыхъ кружевами чепчикѣ и ночномъ капотѣ, и съ искусственнымъ румянцемъ на ввалившихся щекахъ.

Странно было смотрѣть, какъ эта нарядная старуха жеманилась и покетничала со смертью, какъ-будто съ майоромъ Бэгстокомъ. Однако, ударъ паралича произвелъ въ ней и нѣкоторую нравственную перемѣну, достойную размышенія и дѣлавшую ее не менѣе мертвенною.

Отъ ослабленія ли умственныхъ способностей стала она лукавѣе и лжѣцѣ; или она перемѣнила свое притворное состояніе съ истиннымъ; или, можетъ-быть, явились проблески совѣсти, которой нельзя было ни задушить, ни обнаружить вполнѣ; или она была доведена до этого болѣзнью, перепутавшую въ ней все—и это, можетъ-быть, было самое вѣрное — но результатъ былъ вотъ какой: она стала необыкновенно — взъискательна въ требованіяхъ отъ Эдисеи любви, благодарности и вниманія; выхваляла себя постоянно, какъ самую нѣжную и безпримѣрную мать, и сдѣлалась чрезвычайно—ревнивою ко всему, что могло соперничать съ нею въ чувствахъ дочери. Потомъ, вместо того, чтобы помнить уговоръ съ дочерью и избѣгать непріятного для нея предмета разговора, она безпрестанно толковала о новомъ замужествѣ Эдисеи, приводя его въ примѣръ своихъ несравненныхъ материнскихъ достоинствъ—и все это съ капризами, съ слабостью болѣзненнаго состоянія, доставлявшими обильные материалы для насмѣшившихъ комментарій на счетъ ея вѣтренности и желания молодиться.

— Гдѣ мистриссъ Домби? спрашивала она у горничной.

— Выѣхала, мэмъ.

— Выѣхала! Она выѣзжаетъ, чтобы не видѣть своей мама, Флоуэресь?

— Богъ съ вами, нѣть, мэмъ! Мистриссъ Домби выѣхала только покататься съ миссъ Флоренсой.

— Миссъ Флоренсой! Кто такое миссъ Флоренса? Не говори мнѣ о миссъ Флоренсѣ. Что такое миссъ Флоренса для нея въ сравненіи со мною?

Тутъ ей приносили брильянты, или персиковаго цвѣта шляпку — она въ этой шляпкѣ принимала посѣтителей задолго до того, когда могла выйтти за двери —или наряжали ее во что-нибудь новое и пестрое, и слезы ея унимались. Она оставалась спокойною и довольною, пока не приходила къ ней Эдисея; взглянувъ на ея гордое лицо, она снова впадала въ плаксивое уныніе.

— Я увѣренна, Эдисея!... кричала она, тряся головою.

— Въ чёмъ дѣло, матушка?

— Дѣло! Я, право, не знаю, въ чёмъ дѣло. Свѣтъ сталъ такимъ искусственнымъ и неблагодарнымъ... я даже начинаю думать, что

нѣть въ немъ больше сердца—или чего-нибудь подобного. Вытерь скорѣе похожъ на мое дитя, чѣмъ ты. Она обращаеть на меня больше вниманія, чѣмъ моя дочь. Я почти желаю казаться не та-кою молодою... тогда, можетъ-быть, ко мнѣ будуть имѣть больше почтенія.

— Что же вамъ еще нужно?

— О, многаго, Эдиевъ, многаго!

— Развѣ вы чувствуете въ чѣмъ-нибудь недостатокъ? Если такъ, то сами виноваты.

— Сама виновата! сказала она, начиная плакаться.—Какою из-терью была я для тебя, Эдиевъ! я не оставляла тебѣ съ самой колыбели! А когда ты мною пренебрегаешь и не питаешь ко мнѣ исколько любви, какъ-будто я для тебя чужая—ни на двадцатую долю того, чтѣ чувствуешь къ Флоренсъ... но я вѣдь только твоя мать и могу развратить ее со временемъ!—и ты упрекаешь меня, и говоришь, что я сама виновата.

— Матушка, матушка, я не упрекаю васъ ни въ чѣмъ. Зачѣмъ вы говорите объ этихъ вещахъ?

— Развѣ мнѣ не натурально говорить о нихъ, когда я вся состою изъ чувствительности и любви, когда я уязвлена самымъ жестокимъ образомъ отъ каждого твоего взгляда?

— Я вовсе не думала огорчать васъ, матушка. Развѣ вы забыли, что было сказано между нами? Оставьте въ покой прошлое.

— Да, оставить! И благодарность ко мнѣ также оставить, и любовь ко мнѣ... я останусь въ своей комнатѣ, въ глупи, безъ всякаго общества и вниманія, пока ты отыскиваешь себѣ новыхъ родныхъ, о которыхъ заботишься, до-нѣльзя и которые не имѣютъ на тебя никакихъ правъ! Ахъ, Боже мой, Эдиевъ, да знаешь ли ты, какъ ты великодушно пристроена?

— Знаю. Перестаньте!...

— А это джентльменистое созданіе Домби? знаешь ли ты, что ты за нимъ замужемъ, Эдиевъ, и что имѣешь положеніе въ свѣтѣ, и свой экипажъ, и Богъ-знаетъ что еще?

— Знаю очень-хорошо, матушка.

— У тебя было бы все это сть этимъ премилымъ старичкомъ... какъ его звали?—Грэнджеромъ, если онъ не умеръ. А кому ты обязана всѣмъ этимъ, Эдиевъ?

— Вамъ, матушка, вамъ.

— Такъ обними же и поцалуй меня, дитя. Покажи мнѣ, Эдиевъ, какъ ты чувствуешь, что никогда не слыхала о лучшей мамѣ, чѣмъ я была для тебя... Да не дѣлай изъ меня страшналища, не утомляй и не мучь меня своею неблагодарностью; не то, когда я снова покажусь въ обществѣ, ни одна душа не будетъ узнавать меня, ни даже это пенавистное животное, майоръ Бэгстокъ:

Но по-временамъ, когда Эдиевъ къ ней приближалась, наклоняла свою прекрасную голову, прикладывала свою холодную щеку къ ея щекѣ, мать отодвигалась, какъ-будто пугаясь дочери; съ нею

хъялились припадки дрожи, и она вскрикивала, что чувствуеть, какъ мысли ея перепутываются. Иногда старуха умильно упрашивала Эдне сесть въ кресла подлѣ ея кровати, и смотрѣла на нее —когда она сидѣла въ угрюомъ размышленіи—съ лицомъ, которое казалось измощеннымъ и страшнымъ, не взирая даже на розовые занавѣсы.

Розовые занавѣсы покраснѣли въ свое время, глядя на тѣлесное испытаніе Клеопатры, на ея нарядъ—юношественный больше чѣмъ когда-нибудь для прикрытия слѣдовъ болѣзни—на румяна, на зубы, локоны, брильянты, короткіе рукава, и на весь гардеробъ куклы, упавшей передъ зеркаломъ! Они краснѣли иногда, по временамъ, отъ безсвязности ея рѣчей, сопровождавшихся невиннымъ дѣвическимъ хиханьемъ, отъ случайныхъ отказовъ ея памяти, которые не были подчинены никакой регулярности, но появлялись и исчезали по произволу, какъ-будто въ насмѣшку надъ ея фантастическою особой.

Но никогда не зарумянились они, глядя на перемѣну въ ея обращеніи, мысляхъ и рѣчахъ съ дочерью. Хотя эта дочь бывала часто подъ ихъ розовымъ влияниемъ, они никогда не видали, чтобы красота ея освѣтилась улыбкою, или суровое выраженіе смягчилось нѣжностью любви дочерни.

ГЛАВА II.

Миссъ Токсъ возобновляетъ старинное знакомство.

Злополучная миссъ Токсъ, покинутая своимъ другомъ, Лунзою Чиккъ, и лишенная милостей мистера Домби — такъ-какъ пары щегольскихъ карточекъ новобрачныхъ, перевязанной серебряной инткой, не было видно за каминнымъ зеркаломъ Принцесс-Плэса, или на клавикордахъ, или на какомъ бы то ни было праздничномъ мѣстѣ выставки—миссъ Токсъ упала духомъ и значительно страдала отъ меланхоліи. Птичьяго вальса на время не было слышно на Принцесс-Плэсѣ; растенія были запущены, и пыль покрыла миниатюрный портретъ ея предка съ напудренною головою и косой.

Миссъ Токсъ, однако, не была еще въ такихъ лѣтахъ или такой комплекціи, чтобы могла долго предаваться безполезной скорби. Дѣй только ноты клавикордъ не действовали отъ недостатка практики, когда птичій вальсъ защебеталъ снова въ тѣсной гостиної; одинъ только кустъ гераніума падъ жертвой небреженія до того времени, когда она снова собралась поливать и лелѣять свои растенія регулярно по утрамъ; напудренный предокъ оставался запыленнымъ только шесть недѣль, по истеченіи которыхъ миссъ Токсъ снова подышала на его лицо и отполировала его кускомъ замши.

А все-таки мисс Токсъ жила въ одиночной грусти. Привязанности ей, какъ смино онѣ ни проявлялись; были искрени и силы; она была, по ея собственному выражению, «глубоко уязвлена незаслуженнымъ жестокосердiemъ Луизы». Но въ составъ мисс Токсъ не входило злопамятство. Если она прошла по жизненному пути сладкорѣчию и безъ собственныхъ мнѣній, то не имѣла и суро-выхъ страстей. Однѣ вѣдь Луизы Чиккѣ, которую она подглядѣла однажды на улицѣ, въ значительномъ разстояніи, подѣйствовала до того на ея мягкую натурѣ, что она бросилась искать убѣждища въ случившейся по близости лавкѣ пирожника, и тамъ, въ темной гореинкѣ, посвященной поглощенію супогъ и пропитанной атмосферой бульона изъ бычьихъ хвостовъ, облегчила свою грудь ручьями слезъ.

Мисс Токсъ не находила никакихъ причинъ жаловаться на мистера Домби. Благоговѣніе ея къ нему было такъ велико, что однажды, удалившись у него изъ вида, она вообразила будто и всегда была въ неизѣримомъ разстояніи отъ этого джентльмена, который оказывалъ ей необыкновенное снисхожденіе, позволявшее приблизиться къ своей особѣ. По искреннему убѣждѣнію мисс Токсъ, никакая жена не могла быть для него слишкомъ-прекрасна и слишкомъ-важна; она проливала слезы при такомъ предположеніи и допускала его вполнѣ, по двадцати разъ въ день. Ей никогда не приходила на умъ надменность, съ которой мистеръ Домби подчинилъ ее своему удобству и прихотямъ, дозволивъ быть одною изъ нянекъ его маленькаго сына; она помнила только, по ея собственнымъ словамъ, что «провела въ этомъ домѣ многое счастливыхъ часовъ, за которые должна быть благодарна», и что «никогда не перестанетъ считать мистера Домби однимъ изъ дѣйнейшихъ и замѣчательнейшихъ людей».

Отрѣзанная отъ немилосердой Луизы и рабѣя майора—на котораго теперь смотрѣла она съ нѣкоторою недовѣрчивостью—мисс Токсъ находила весьма-непріятнымъ свое теперешнее нѣкѣдѣніе о прошѣодашемъ въ домѣ мистера Домби. Такъ-какъ она дѣйствительно считала «Домби и Сына» въ ролѣ оси, около которой вообще вращается міръ, то рѣшилась, въ надеждѣ пріобрѣсти какія-либо известія о столь-интересномъ для нея предметѣ, отыскать свою старую знакомку мистрисс Ричардсъ; она анала, что мистрисс Ричардсъ, послѣ ея послѣдняго достопамятного появленія передъ лицомъ мистера Домби, видится иногда съ его прислугою. Можетъ быть, мисс Токсъ, отыскивая Тудлэй, следовала тайному влечѣнію сердца найти кого-нибудь, хотя изъ самаго смиреннаго звания, съ кѣмъ бы можно было потолковать о мистерѣ Домби.

Какъ бы то ни было, мисс Токсъ направилась однажды вечеромъ къ Тудлэму. Мистеръ Тудль, въ это время, пропитанный сажею и цепломъ, освѣжалъ себѣ чаемъ въ нѣдрахъ своего семейства. Мистеръ Тудль зналъ только три разряда существованія: или онъ «севѣжалъ» и подкрѣплялся въ вышеупомянутыхъ нѣдрахъ,

или проносился по земной поверхности съ быстротою отъ двадцати-пяти до пятидесяти миль въ часъ, или сдалъ послѣ трудовъ. Онъ былъ всегда или въ вихрѣ или въ затишье, и въ томъ и другомъ случаѣ человѣкомъ мирнымъ и незаносчивымъ, передавъ, по видимому, бурливость житейскую своимъ машинамъ, которыхъ горячились, фыркали, пыхтали, рвались, дышались и выбивались изъ сидѣй беззощадно, тогда-какъ самъ онъ вѣль жизнью смиренную и рокную.

— Полли, сказала онъ, имѣя на каждомъ колѣнѣ по юному Тудлю, тогда-какъ двое другихъ готовили ему чай, да еще множество было разсыпано вокругъ—у мистера Тудля былъ всегда хороший запасъ дѣтей: — ты давно не видала нашего Байлера?

— Нѣтъ, да онъ навѣрно пріѣдетъ сегодня вечеромъ. Сегодня его вечеръ, и онъ его не пропустить.

— Я полагаю, нашъ Байлерь теперь на хорошей дорогѣ, а? Полли?

— О, конечно!

— А не по какимъ-то скрытымъ дѣламъ — а?

— Нѣтъ! возразила мистрисс Тудль увѣсисто.

— Очень-радъ, Полли, что онъ не по скрытымъ дѣламъ, замѣтилъ мистеръ Тудль съ разстановкой и ковыряя складнымъ ножомъ въ свищѣ хлѣбъ и маслѣ, какъ въ топкѣ паровоза: — а то это смотрить нехорошо; такъ ли, Полли?

— Конечно, отецъ. Какъ можешь ты спрашивать обѣ этомъ!

— Видите, вы, ребяташки, сказаль мистеръ Тудль, обратясь ко всему своему семейству: — надобно дѣлать все честно и открыто. Если вы будете въ разрѣзахъ или туннеляхъ, то не дозиньтесь тамъ въ-тихомолку, а свищите во всѣ пары, чтобы знали гдѣ вы.

Юные Тудли подняли звонкій ропотъ, изъявлявшій готовность чѣмъ воспользоваться родительскимъ совѣтомъ.

— Да отъ-чего ты говоришь это на-счетъ Роба, отецъ? спросила съ беспокойствомъ жена.

— Полли, моя старуха, я не знаю, чтобы говорилъ особено на-счетъ Роба, право. Я «стронулся» начиная съ него; потомъ подѣхалъ къ «вѣтви»; тамъ взялъ, чтѣ нашлось, а вотъ явился цѣлый цѣвѣдѣ мыслей, которыхъ прицепились къ нему прежде, чѣмъ я узналъ, гдѣ я и откуда онъ. Чѣмъ за удивительная «прицѣпка» человѣческія мысли! Пра...во!

Такое глубокомысленное разсужденіе мистеръ Тудль промылъ внизъ вмѣстительную кружкою чая и продолжалъ упрочивать его тяжеловѣснымъ количествомъ хлѣба съ масломъ. При этомъ слушачъ, онъ посовѣтовалъ дочерямъ смотрѣть, чтобы было больше кипятку, такъ-какъ онъ чувствуетъ въ глоткѣ большую сухость и опорожнить «цѣвѣдѣ видѣ» кружекъ для утоленія жажды.

Удовлетворяя себя, однако, мистеръ Тудль не забывалъ своихъ младшихъ «вѣтвей», которыхъ хотя уже и поужинали, но все-

таки были не прочь отъ иррегулярныхъ кусковъ, всегда чрезвычайно-прятныхъ. Отецъ услаждалъ имъ дѣтей, выставляя массивные ломти хлѣба съ масломъ, отъ которыхъ все семейство откусывало поочереди, въ законной послѣдовательности, и раздавалъ имъ также правильно чай по ложечкамъ: гостиныци эти доставали юнымъ Тудлиямъ такое удовольствіе, что они послѣ каждого вкушения принимались прыгать, плясать, скакать на одной ножкѣ и выражать свои чувства разными гимнастическими доказательствами. Уходивши, они снова старапливались вокругъ мистера Тудли и глядѣли пристально, какъ онъ упивалъ еще ломти хлѣба съ масломъ; притворяясь, впрочемъ, какъ-будто они не имѣютъ никакого дальнѣйшаго порыва на эти сѣбѣстыв вещества, но разговариваютъ о постороннихъ предметахъ и сообщаютъ другъ другу мысли свои по довѣренности, шепотомъ.

Мистеръ Тудль, среди своего семейства, которому подавалъ пре-восходный примѣръ касательно аппетита, мысленно перевозилъ въ Бармингэмъ двухъ сидѣвшихъ у него на колѣняхъ младшихъ Тудлей, съ отдѣльнымъ поѣздомъ, и созерцалъ остальныхъ черезъ брустверь изъ хлѣба и масла, какъ вдругъ явился Робъ-Точильщикъ въ своей юдьвесткѣ и траурномъ нарядѣ, и былъ встрѣченъ общимъ стремленіемъ къ нему братьевъ и сестеръ.

— Ну, чѣмъ, мать? Здорова ли ты? сказала Робъ, цауя ее по-чтительно.

— Вотъ мой мальчикъ! закричала Полли, обнимая и треня его по спинѣ.—Секреты! Богъ съ тобою, отецъ, какіе у него секреты!

Это замѣчаніе адресовалось къ мистеру Тудлю, для его частнаго свѣдѣнія; по Робъ-Точильщикъ, чувствовавшій себя не безъ грѣха, поймалъ эти слова на лету.

— Какъ! Отецъ опять говорилъ чѣмъ-то про меня? воскликнулъ онъ съ видомъ обиженнѣй невинности. — Охъ, какое горе, когда разъ залетишь вкосъ! А потомъ жди каждый разъ, что родной отецъ станетъ попрекать тебя этимъ за стѣною. Право, этимъ можно заставить сизака прощать и сдѣлать чѣмъ-нибудь съ досады! кричалъ Робъ, прибѣгая къ своимъ обшлагамъ въ знакъ горести.

— Мой бѣлый мальчикъ! возразила Полли:—отецъ не думалъ ничего худаго!

— А если отецъ не думалъ, хныкаль обиженнѣй Точильщикъ:— такъ зачѣмъ толковать такія вещи, мать? Никто не думалъ обомъ и вполовину такъ дурно, какъ мой ролной отецъ. Ну, право, я бы хотѣлъ, чтобы миѣ кто-нибудь отхватилъ голову! Отцу, думаю, было бы мало горя и я бы лучше хотѣлъ, чтобы это сдѣлалъ онъ, а не тотъ.

Отъ такихъ отчаянныхъ словъ, всѣ юные Тудли подняли единогласный визгъ—Точильщикъ усилилъ эффектъ этого визга, уговаривая ихъ иронически, чтобы они не плакали за него, такъ-какъ они должны его ненавидѣть, если они добрые мальчики и дѣвочки. Этимъ онъ до того растрогалъ втораго Тудля съ конца, что тогъ

весьма-чувствительный вообще, поперхнулся и добагровелъ. Мистеръ Тудль, растерявшись отъ отчаянія, поднесъ его къ ушату съ водою и вѣрою сунулъ бы туда, еслибы тотъ не оправился отъ вазарѣй на этотъ инструментъ.

Когда дѣла дошли до этого, мистеръ Тудль обласнился; добродѣтельныя чувства его сына успокоились; они пожали другъ другу руки, и гармонія воспарила снова.

— Хочешь дѣлать по-моему, Байлеръ, мой милый? спросилъ отецъ, принявши за чай съ новымъ усердіемъ.

— Нѣтъ, отецъ, благодарю. Мы пили чай съ хозяиномъ.

— А что хозяинъ, Робъ? сказала Полли.

— Да, право, не знаю, мать. Имъ нѣчего похвастать. Дѣло не юдетъ на ладъ, видиць. Онъ ничего не понимаетъ въ дѣлѣ, этотъ кэп'нъ. Сегодня еще приходилъ въ лавку кто-то и говорить: мнѣ нужно то и то, говорить... какое-то мудрое имя.—«А что такое?» спрашивается кэп'нъ. — То и то, отвѣчаетъ другой.—«Почтенный» говоритъ кэп'нъ: «не хотите ли вы сдѣлать обсервацию по всей лавкѣ?» — Ну, говорить тотъ, я осмотрѣль. — «Нашли вы, что вамъ нужно?» говоритъ кэп'нъ.—Нѣтъ, не нашелъ, говоритъ тотъ. — «А вы узнаете ту вещь, которую вайть нужно, когда ее увидите?» говоритъ кэп'нъ. — Нѣтъ, говоритъ тотъ. — «Ну, пріятель» говоритъ кэп'нъ: «такъ вы лучше ступайте да спросите у добрыхъ людей, какова она съ виду, потому-что и я этого не знаю!»

— Ну, этакъ мудрено разбогатѣть! замѣтила Полли.

— Разбогатѣть! Да онъ никогда не разживается, мать. У него такая манера, какой я не видывалъ. Онъ мнѣ не худой хозяинъ, скажу правду, да мнѣ отъ того мало прибыли, и я думаю остаться у него недолго.

— Не остаться на этомъ мѣстѣ, Робъ! воскликнула мать, между-тѣмъ, какъ мистеръ Тудль вытарашилъ глаза.

— Не на этомъ мѣстѣ, можетъ-быть, возразилъ подмигивая Точильщикъ.—Ничего нѣть мудренаго... друзъ при дворѣ, знаешь... но не заботься, мать. Все ладно!

Въ этихъ намекахъ и въ таинственности Точильщика было столько неосторожныхъ доказательствъ недостатка, о которомъ говорилъ его отецъ при самомъ началѣ, что ему бы опять пришлось обижаться, а семейству его визжать; но, къ счастію всѣхъ, показалась въ ту самую минуту въ дверахъ посытительница, которой появление изумило Полли до нѣльзя, и которая улыбалась всѣмъ присутствующимъ съ видомъ дасковаго покровительства.

— Каково поживаете, мистрисъ Ричардсъ? сказала миссъ Токсъ.

— Я пришла къ вамъ въ гости. Можно войдти?

Доброе лицо Полли засияло гостепріимнымъ отвѣтомъ, и миссъ Токсъ, принявъ поданный ей стуль и поздоровавшись благосклонно съ мистеромъ Тудлемъ, развязала ленты своей шляпки и сказала, что, во-первыхъ, она должна просить милыхъ дѣтей, отъ первого до послѣдняго, прийти и поцеловать ее.

Второй Тудль съ конца, родившися, по-видимому, подъ влия-
ніемъ злополучной планеты, не могъ принять законного участія въ
этомъ всеобщемъ цалованіи: онъ, забавляясь «зюдвѣстко» Роба,
надѣлъ ее задомъ напередъ и надвинулъ себѣ на голову до того,
что никакъ не могъ снять; случай этотъ, представляя его испу-
генному воображенію печальную картину того, какъ онъ проживеть
остатокъ дней своихъ во мракѣ и въ безнадежной разлуцѣ съ
друзьями и родными, заставилъ его отчаянно барахтаться и испу-
скать задушенные крики. Когда его высвободили, то нашли, что
лицо его было очень-разгорячено, красно и влажно; миссъ Токсъ
посадила его къ себѣ на колѣни, сильно угомленнаго.

— Вы, я думаю, почти забыли меня? сказала миссъ Токсъ ла-
сково мистеру Тудлю.

— Нѣть, мэмъ, нѣть, возвращайся тутъ. — Но вѣдь мы стали съ
того времени немножко-постарѣе.

— А какъ вы поживаете, сэръ?

— Хорошо, мэмъ, благодарю васъ. А вы каково поживаете,
мэмъ? ревматики до васъ не добрались, мэмъ? Всѣмъ намъ прихо-
дится ихъ бояться, когда дѣлаемся старѣе.

— Благодарствуйте; я еще не чувствую этой болѣзни.

— Вы очень-счастливы, мэмъ. Въ ваши лѣта, мэмъ, много на-
роду мучится ими. Вотъ, была моя мать... Но тутъ, пойманъ взоръ
жены, мистеръ Тудль вѣсмы-разсудительно уточнилъ остатокъ своей
рѣчи въ другой кружкѣ съ чаемъ.

— Вы вѣрно не скажете, мистриссъ Ричардсъ, вскричала миссъ
Токсъ, глядя на Роба: — что это вашъ...

— Старшій, мэмъ. Да, такъ точно. Это тутъ самый маленький
приятель, который былъ невинной причиной такихъ бѣдъ.

— Тотъ самый, мэмъ, сказалъ Тудль: — что были съ коротень-
кими ножками, а онъ были, прибавилъ онъ съ нѣкоторою поззией
въ звукѣ голоса: — черезъ-чуръ коротки для кожаныхъ чехловъ —
его мистеръ Дамби отдалъ въ точильщики.

Воспоминаніе объ этомъ чуть не одолѣло миссъ Токсъ. Робъ
немедленно сдѣлалъ въ ея глазахъ предметомъ особенного участія;
она попросила позволенія пожать ему руку и поздравила
Нолли съ его открытымъ, чистосердечнымъ лицомъ. Слыши такую
похвалу, Робъ старался дать своей физіономіи соответственное вы-
раженіе, но довольно-неудачно.

— А теперь, мистриссъ Ричардсъ, сказала миссъ Токсъ: — вы,
сударь, также, — адресуясь къ Тудлю, — я скажу вамъ прямо и от-
кровенно, за чѣмъ сюда пришла. Вы, можетъ-быть, знаете, ми-
стриссъ Ричардсъ — вѣроятно, это и вамъ извѣстно, сударь — что
сдѣлалось маленькое разстояніе между мною и нѣкоторыми изъ
друзей, и что тѣхъ, у кого прежде я бывала часто, теперь я уже
не посѣщаю.

Нолли, сразу появившая женскій инстинктомъ въ чемъ дѣло,
выразила ей это однимъ скорымъ взглядомъ. Мистеръ Тудль, не-

имѣшай ни малѣйшаго понятія, о чёмъ толкуетъ миссъ Токсъ, вытаращъ ей глаза въ знакъ того же.

— Развѣтъся, продолжала миссъ Токсъ: — итъ нужды разсказывать, какимъ образомъ и почему произошла наша маленькая холодность. Довольно, если я скажу, что чувствую величайшее какое только можно уваженіе и участіе къ мистеру Домби (голосъ я нѣсколько задрожалъ)... и ко всему, чтѣ до него касается,

Просвѣщенный этими словами, мистеръ Тудль покачалъ головою, сказалъ, что слыхалъ объ этомъ, и съ своей стороны считаетъ мистера Домби человѣкомъ мудрѣнѣмъ.

— Прошу вѣсъ, сударь, не говорить этого, возразила миссъ Токсъ. — Позвольте просить вѣсъ, сударь, не говорить такихъ вещей ни теперь, ни впередъ. Подобныя замѣчанія мнѣ болѣе слышать, а джентльмену съ такимъ умомъ и сердцемъ, какъ ваши, они не могутъ, я увѣrena, доставить большаго удовольствія.

Мистеръ Тудль, никакъ невообразившій, что замѣчаніе его прійдется не впопадъ, значительно смущился.

— Я желаю сказать, мистриссъ Ричардсъ, начала опять миссъ Токсъ: — я адресуюсь также къ вамъ, сударь, вотъ что: всякое извѣстіе о семействѣ мистера Домби, о благоденствіи этого семейства, о здоровьѣ этого семейства, какое только можетъ дойти до васъ, будетъ очень-много интересовать меня; мнѣ всегда будетъ очень-пріятно поболтать съ мистриссъ Ричардсъ объ этомъ семействѣ и о временахъ прошлыхъ; а такъ-какъ между мною и мистриссъ Ричардсъ никогда не было разногласія, хоть я бы и желала быть съ нею гораздо-знакомѣе, но въ недостаткѣ этого виновата я одна — то надѣюсь, что она согласится сблизиться со мною, позволить мнѣ приходить сюда, когда мнѣ вздумается, и не становить смотрѣть на меня, какъ на чужую. Теперь, право, я надѣюсь, мистриссъ Ричардсъ, сказала миссъ Токсъ съ чувствомъ: — что вы пріймете мое предложеніе, какъ доброе и милое существо, какимъ вы всегда были.

Полки бывша ей благодарна и обнаружила свою благодарность. Мистеръ Тудль самъ не зналъ, доволенъ ли онъ или нѣтъ, а потому сохранилъ на лицѣ ненарушенное спокойствіе.

— Видите, мистриссъ Ричардсъ, сказала миссъ Токсъ: — я надѣюсь и вы также, сударь... есть много неважныхъ вещей, въ которыхъ я могу вамъ быть полезною, если вы не станете меня чуждаться; и, право, я съ радостью готова сдѣлать для васъ все, чтѣ могу. На-примѣръ, я могу научить чему-нибудь вашахъ дѣтей. Я прійду когда-нибудь вечеромъ, принесу кой-какія дѣтскія книжки, если вы позволите, или какую-нибудь работу, и каждый разъ буду учить ихъ... О, Боже мой! дѣти ваши выучатся премногому и слѣдуютъ честь своей учительницы.

Мистеръ Тудль, питавшій къ наукамъ глубокое уваженіе, подмигнулъ одобрительно женѣ и помускаль себѣ руки съ явнымъ удовольствіемъ.

— Тогда, не будучи у вась чужою, продолжала мисс Токсъ: — я не помышлаю никому, и у вась все будетъ идти, какъ — будто меня тутъ и нетъ. Мистрисс Ричардсъ станетъ шить, или гладить, или чинить, не обращая на мене вниманія; а вы, сударь, можете курить трубку, если захотите; будете курить, сударь?

— Благодарствуйте, мэмъ. Да, я не прочь, закурю.

— Вы очень — добры, сударь. Право, увѣраю вась, мнѣ это доставить большую отраду; если я буду такъ счастлива, что окажусь хоть сколько-нибудь полезною вашимъ дѣтамъ, то вы больше чѣмъ вознаградите меня, если согласитесь на этотъ маленький договоръ радушно, добросердечно, безъ возраженій.

Договоръ былъ ратифициованъ на мѣстѣ, и мисс Токсъ чувствовала себя уже столько дома, что немедленно приступила къ предварительному экзамену дѣтей, всѣхъ безъ исключенія — почему мастеръ Тудль весьма удивлялся — и потомъ записала ихъ имена, лѣта и познанія на листкѣ бумаги. Эта церемонія съ сопровождавшою ее болтовнею продлила время позже того часа, когда семейство Тудлъ имѣло обыкновеніе ложиться спать, да и мисс Токсъ была задержана, такъ-что ей было уже слишкомъ — поздно возвращаться во — свой однѣй. Вѣжливый Точильщикъ выручилъ ее изъ бѣды, предложивъ проводить до ея дверей; а такъ-какъ мисс Токсъ находила утѣшительнымъ быть деведеною до своего жилища юношей, котораго мастеръ Домби облекъ въ первый разъ въ мужественный кожаный нарядъ, рѣдко называемый по имени, она охотно воспользовалась любезностью Роба.

Пожавъ руку мастеру Тудлю и Полли, и перепаловавъ всѣхъ дѣтей, мисс Токсъ вышла изъ ихъ жилища, оставя послѣ себя блестательное впечатлѣніе и чувствуя на сердцѣ такъ легко, что мистрисс Чикъ вѣрно бы этимъ обидѣлась.

Робъ-Точильщикъ хотѣлъ-было изъ скромности идти за нею, но мисс Токсъ желала имѣть его подѣлъ себѣ для разговоровъ. Онъ оказался такимъ чистымъ, свѣтлымъ и блестящимъ, что совершенно обворожилъ мисс Токсъ, которая сочла его юношей безподобнымъ — нѣжнымъ сыномъ, малымъ благоразумнымъ, смѣливымъ, добропорядочнымъ, честнымъ, мягкосердымъ, откровеннымъ — словомъ, юношѣй, подававшимъ самыя блестательныя надежды.

— Я чрезвычайно рада, что узнала вась, сказала ему мисс на разставаніи у своихъ дверей. — Надѣюсь, вы будете считать меня своимъ другомъ и посѣщать меня, когда только вадумаете. Вы держите денежный яичекъ?

— Какъ же, мэмъ! я коплю деньги, пока ихъ не наберется столько, чтобы положить въ банкъ, мэмъ.

— Очень — похвально, право; рада слышать это. Подождите же туда эту полкрону, прошу вась.

— О, благодарю вась, мэмъ; но, право, я не могу рѣшиться дипинить вась...

— Матъ очень нравится вашъ независимый характеръ; но тутъ нѣть никакого лишенія, увѣряю васъ. Вы меня обидите, если не пріймете этого, какъ знакъ моего доброжелательства. Покойной ночи, Робинъ.

— Покойной ночи, мэмъ, и очень—благодаренъ! отвѣчалъ Робъ.

Ухмыляясь побѣжалъ онъ размѣнять свое пріобрѣтеніе у пирожника. Но въ школѣ Точильщиковъ никто еще не научился честности, тогда-какъ господствующая тамъ система воспитанія порождала въ гораздо—сильнѣйшей степени лицемѣріе. Многіе изъ друзей, или хозяевъ, или господъ прежнихъ Точильщиковъ говоривали, что если таковъ результатъ народнаго воспитанія, то гораздо—лучше обойдтись безъ него вовсе. Нѣкоторые болѣе—разсудительные говорили: «давайте воспитаніе лучше». Но лица, управляемія заведеніями Точильщиковъ, вступались тогда за нихъ; они приводили въ примѣръ нѣсколькихъ мальчиковъ, изъ которыхъ вышли хорошие люди наперекоръ системѣ воспитанія, и доказывали, что въ нихъ былъ прокъ единственно отъ этого воспитанія, чѣмъ и опровергались доводы ихъ противниковъ и упрочивалась слава заведенія.

ГЛАВА III.

Дальнѣйшія приключения капитана Эдварда Коттля, морехода.

Время, твердое на ногу и крѣпкое волей, подалось впередъ на столько, что опредѣленный лядею Соллемъ годовой срокъ, раньше которого приятелю его не позволялось распечатать пакетъ, сопровождавшій адресованное къ нему письмо, уже прошелъ, и капитанъ Коттль началъ вечеромъ посматривать на пакетъ съ ощущенiemъ тайнственнаго беспокойства.

Въ благородствѣ души своей, капитанъ столько же думалъ объ открытии пакета за часъ до назначенного срока, сколько о вскрытии своей собственной персонѣ, для изученія анатоміи. Онь только вытаскивалъ пакетъ, въ извѣстный періодъ своей первой вечерней трубки, клалъ его на столъ и смотрѣлъ сквозь облака табачнаго дыма на его наружность, важно и безмолвно, часа по два и по три сряду. По—временамъ, послѣ созерцанія его въ—течение поридочного промежутка, капитанъ отодвигалъ свой стулъ дальше и дальше, какъ—будто желая выбраться въ выстрѣмовъ обаянія тайнственнаго пакета; но если таково было его намѣреніе, оно никогда не удавалось: даже, когда стулъ капитана встѣрѣчалъ предпопу въ стѣнѣ кабинетика, пакетъ все продолжалъ притягивать его къ себѣ; или, когда глаза капитана бродили въ задумчивости и устремлялись въ потолокъ или въ огонь камина — образъ пакета сѣдовалъ за ними немедленно и устанавливается среди угольевъ, или выбиралъ себѣ выгодную позицію на штукатурѣ потолка.

Т. LVI.. — Отд. I.

Относительно «удивительной миссъ», чувства отеческаго восторга и удивлениі капитана не знали перемѣнъ. Но со времени по-слѣдняго свиданія своего съ мистеромъ Каркеромъ, капитанъ Коттъ дошелъ до сомнѣнія, было ли его прежнее посредничество въ пользу этой молодой дѣвицы и его милаго Вал'ра такъ благодѣтельно, какъ бы онъ желалъ, или какъ тогдѣ думалъ. Короче, капитанъ началъ подозрѣвать съ серьѣзнымъ беспокойствомъ, что онъ падѣлалъ больше зла, чѣмъ добра; тревожимый совѣтствомъ и въ скромности своей, разсудилъ онъ, что лучшее средство помочь этому горю было — отстранить себя отъ возможности вредить невольно кому бы то ни было, бросивъ себя за бортъ, какъ человѣка, котораго присутствіе на кораблѣ опасно.

Погребенный, по этой причинѣ, среди своихъ инструментовъ, капитанъ никогда не подходилъ къ дому мистера Домби, ни подавалъ о своемъ существованіи никакихъ сигналовъ Флоренсъ или миссъ Нипперъ. Онъ даже прекратилъ сношенія съ мистеромъ Перчемъ, увѣдомивъ сухо этого джентльмена при его слѣдующемъ визитѣ, что онъ благодаритъ его за любезность, но «обрѣзахъ ба-штовъ» всѣхъ такихъ знакомствъ, будучи не въ состояніи предвидѣть, чью крюг-камору онъ можетъ взорвать на воздухъ, совсѣмъ не желая. Въ такомъ добровольномъ отшельничествѣ капитанъ проводилъ цѣлые дни и недѣли, не обмыавшись ни съ кѣмъ словомъ, за исключеніемъ Роба-Точильщика, котораго уважалъ какъ образчикъ самой безкорыстной преданности иѣрности. Въ этомъ уединеніи, капитанъ, глядя молча на пакетъ по вечерамъ, куря себѣ, помышляя о Флоренсѣ и бѣдномъ Вал'ре, пока оба они не представились его смиренной фантазіи мертвыми и перенесшими въ состояніе вѣчной юности, прекрасными и невинными дѣтьми его старинныхъ воспоминаний.

Однако, капитанъ, не смотря на раздумье, не пренебрегалъ своимъ собственнымъ усовершенствованіемъ, или умственнымъ образованіемъ Роба-Точильщика. Онъ обыкновенно заставлялъ этого молодаго человѣка читать себѣ во часу въ каждый вечеръ изъ какой-нибудь книги; а такъ-какъ капитанъ вѣроятно неукоснительнѣо во все печатное, то пріобрѣлъ такимъ образомъ свѣдѣнія о зачинательномъ множествѣ достопримѣчательныхъ фактovъ. По воскреснымъ вечерамъ, отходя ко сну, капитанъ прочитывалъ самъ извѣстное божественное поученіе, произнесенное на Горѣ, и хотя привыкъ приводить текстъ этого поученія на свой ладъ безъ кни-ги, однако читалъ, по-видимому, съ такимъ же благоговѣйнымъ уразумѣніемъ его небеснаго смысла, какъ-будто зналъ его отъ-слова-до-слова напузъ на греческомъ языкѣ, и былъ способенъ написать сколько угодно теологическихъ разсужденій на каждую изъ его фразъ.

Почтесіе Роба-Точильщика къ духовному чтенію было развито въ школѣ Милосердыхъ Точильщиковъ постояннымъ соприкосно-веніемъ его умственныхъ голеней ко всѣмъ собственнымъ именамъ

лемень Гуды, и монотоннымъ повтореніемъ — въ наказаніе — мутируемыхъ фразъ изъ священныхъ книгъ; да, сверхъ того, онъ парализовалъ, въ шестилѣтнемъ возрастѣ, въ кожаныхъ ножнахъ, по три раза въ каждое воскресенье, весьма-высоко и въ весьма-теплой церкви, имѣя подъ самымъ ухомъ своей одурманенной головы огромный органъ, который жужжалъ какъ исполнинская и до крайности дѣятельная пчела. На основаніи этого, Робъ-Точильщикъ притворялся чувствующимъ необыкновенное назиданіе, когда капитанъ переставалъ читать, и вообще зѣвалъ и кивалъ, пока чтеніе продолжалось; но послѣдняго факта добродушный капитанъ и не думалъ подозрѣвать.

Капитанъ Коттель, какъ-будто дѣловой человѣкъ, счѣль необходимымъ вести книги. Онъ записывалъ въ нихъ замѣчанія о погодѣ и теченіяхъ телегъ, каретъ, кабріолетовъ и разнаго рода повозокъ, которыя, какъ онъ замѣчалъ, направляются въ его кварталъ по утрамъ и въ-течение болѣшой части дня къ западу, а подъ вечеръ къ востоку. Раза два завертывали къ нему въ лавку какіе-то праздношатающіеся, которые «переговаривали» — такъ онъ записалъ — на-счетъ очковъ, но потомъ, не купивъ ихъ положительно, объѣщали зайти въ другой разъ: изъ этого капитанъ вывелъ, что торговля дѣла деревянного мичмана начинаютъ улучшаться, почему и внесъ такое обстоятельство въ книгу «шканечнаго журнала». Вѣтръ дулъ тогда WtN (это онъ записалъ прежде всего), довольно «свѣжий» и перемѣнившійся въ ночь.

Однимъ изъ главныхъ затрудненій капитана былъ мистеръ Тутсь, который навѣщалъ его часто, и, не сообщая ничего въ особенности, имѣть, по-видимому, мысль, что маленькій кабинетикъ инструментального мастера былъ мѣстомъ весьма-удобнымъ для его хиканья; поэтому онъ неуклонно пользовался комфортомъ этого покоя по цѣлымъ полчасамъ, не подвигаясь никакъ впередъ въ расположенніи капитана. Капитанъ же, сдѣлавшись осторожнѣе отъ послѣдняго урока, не могъ решить навѣрное, дѣйствительно ли мистеръ Тутсь былъ кроткимъ и невиннымъ существомъ, какимъ казался, или непроницаемо-коварнымъ и скрытымъ лицемѣромъ. Частыя рѣчи его о миссѣ Домби были подозрительны; но капитанъ чувствовалъ къ мистеру Тутсу тайное расположение за то, что тотъ ему вѣрился, и потому онъ удерживался отъ рѣшительного приговора и только смотрѣлъ на мистера Тутса съ невѣроятною проницательностью каждый разъ, когда тотъ касался предмета, столь близкаго его сердцу.

— Капитанъ Джилльсъ, воскликнулъ однажды мистеръ Тутсь совершенно-неожиданно, по своему обыкновенію: — какъ вы думаете, можете вы смотрѣть благосклонно на мое предложеніе объ уловительствѣ вашего знакомства?

— Ну, знаете, что я вамъ скажу, мої любезный, возразилъ капитанъ, рѣшившійся наконецъ остановиться на чёмъ-нибудь: — я уже думалъ и передумывалъ объ этомъ.

— О, капитань Джилльсъ! Вы очень добры, и я замѣтъ премионъ обѣзантъ. Клянусь моимъ честнымъ словомъ, капитань Джилльсъ, вы окажете милосердіе, если подарите меня удовольствіемъ вашего знакомства. Право, такъ.

— Видите, почтенный, произнесъ капитанъ съ разстановкой:— вѣдь я вѣсть не знаю.

— Да вы никогда и не можете узнать меня, капитань Джилльсъ, возразилъ мистеръ Тутсъ, непреклонно добивавшійся своей цѣли:— если не подарите меня удовольствіемъ вашего знакомства.

Капитанъ былъ пораженъ оригинальностью и смѣю этого замѣчанія, и глядѣть на мистера Тутса какъ-будто размышилъ, что въ немъ гораздо больше толку, чѣмъ бы слѣдовало предполагать.

— Хорошо сказано, любезный мой, замѣтилъ капитанъ, каша задумчиво головою:— правда. Теперь, смотри-ка сюда: вы сдѣлали мнѣ нѣсколько обсерваций, изъ которыхъ я понимаю, что вы очень удивляетесь извѣстному премиону существу. А?

— Капитанъ Джилльсъ, сказалъ мистеръ Тутсъ, запальчиво жестикулируя рукою, въ которой онъ держалъ шляпу:— удивленіе есть еще настоящее слово! Клянусь честью, вы не имѣете даже понятія о моихъ чувствахъ. Еслибы меня окрасили черными сдѣлали невольникомъ миссъ Дѣмби, я бы счѣлъ это комплиментомъ. Еслибы, пожертвовавъ всѣмъ моимъ имуществомъ, я могъ превратиться въ собаку миссъ Дѣмби... я... право, думаю, что никогда бы не пересталъ махать хвостомъ. Я бытъ бы такъ совершенно-счастливъ, капитанъ Джилльсъ!

Мистеръ Тутсъ проговорилъ это съ влажными глазами и прижалъ шляпу къ груди съ глубокимъ чувствомъ.

— Любезный мой, возразилъ капитанъ, тронутый до состраданія:— если вы говорите серьезно...

— Капитанъ Джилльсъ, кричалъ мистеръ Тутсъ:— я въ такомъ состояніи духа, что еслибы могъ прислагнуть въ этомъ, наложивъ руку на кусокъ раскаленного желѣза, или на горячіе уголья, или обмакнувъ ее въ растопленный свинецъ, или накапавъ на нее горячаго сургучу, или что бы ни было въ томъ же родѣ, отъ-чего бы мнѣ сдѣлалось очень-больно, я бы, право, былъ этому очень радъ и облегчилъ бы этимъ свои чувства. И мистеръ Тутсъ торопливо озирался вокругъ себя, какъ-будтоща въ комнатѣ достаточно-мучительныхъ средствъ для исполненія своего страшного намѣренія.

Капитанъ отодвинулъ на затылокъ свою лакированную шляпу, погладилъ себя по лицу тяжкою рукою— отъ-чего носъ его покрасился еще широковатѣе— уставилъ передъ мистеромъ Тутсомъ, притянувъ его къ себѣ крючкомъ за лацканъ фрака, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью, тогда-какъ мистеръ Тутсъ смотрѣлъ ему въ глаза съ большимъ вниманіемъ и нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Если вы говорите серьезно... видишь, мой любезный, начальникъ капитанъ:— то вы предметъ милосердія, а милосердіе лучшій

мазь въ коронѣ на головѣ Британца—для чего разверній конститу-
шю, какъ она назожена въ *Rule Britannia*, и когда пайдешь это
место, такъ вотъ тебѣ грамматы, которую тамъ поютъ безъ счета
разовъ ангелы. Не зѣвать на счастяхъ! Твое предложеніе меня
немножко обстенило. А почему? Потому—что я плаваю на этихъ
водахъ одинъ, понимаешь, безъ спутника, котораго у меня нѣтъ,
да котораго я, можетъ-быть, и не желаю имѣть. Такъ держать!
Ты «окликнулъ» меня первый, по случаю одной молодой и пре-
удивительной миссъ, которая тебя зафрахтовала. Такъ вотъ въ
чемъ дѣло: если намъ съ вами плавать вмѣстѣ, то имя этой мо-
лодой миссъ не должно быть выговорено между вами ни одного
раза. Я не знаю, какихъ бѣдъ могло надѣлать то, что это ими
до-сихъ-поръ вергались на языкѣ слишкомъ-свободно, а потому
я застопорилъ. Поняли вы меня ясно, мой почтенный?

— Ну, хорошо, вы меня извините, капитанъ Джилльсъ, возра-
зилъ мистеръ Тутсъ: — если я вѣсъ никогда не совсѣмъ понимаю.
Но клянусь честью, я... право, это жестоко, капитанъ Джилльсъ, не
имѣть права говорить о миссъ Домби! Право, у меня зѣться такой
тажелый грузъ! онъ трогательно указалъ на свою манишку обѣими
руками: — что чувствую днемъ и почью точь-въ-точь, какъ-будто
кто-нибудь сидитъ на мнѣ.

— Вотъ мои условия, сказалъ капитанъ. — Коли они жестоки,
что очень можетъ быть, обойдешься и безъ нихъ—руль на бортъ,
и съ Богомъ!

— Капитанъ Джилльсъ, возразилъ мистеръ Тутсъ: — я, право,
не знаю отъ-чего это, но, судя по всему, что вы мнѣ сказали,
когда я пришелъ сюда въ первый разъ, я... я чувствую, какъ-
будто лучше желаю думать о миссъ Домби въ вашемъ обществѣ,
чѣмъ говорить о ней съ кѣмъ бы то ни было другимъ. А по-
тому, капитанъ Джилльсъ, если вы подарите меня вашимъ зна-
комствомъ, я съ большимъ счастіемъ принимаю его на нашихъ
условіяхъ. Хочу быть честнымъ, капитанъ Джилльсъ, продолжалъ
мистеръ Тутсъ, взявъ на мгновеніе назадъ протянутую ка-
питану руку: — и потому считаю себя обязаннымъ сказать, что я
не въ силахъ не думать о миссъ Домби. Мнѣ рѣшительно невозможно
обѣщать вамъ перестать думать о ней.

— Любезный мой, сказалъ капитанъ, котораго мнѣніе о Тутсѣ
запачкально улучшилось послѣ этого чистосердечнаго признанія:—
человѣческія мысли какъ вѣтры, и никто не можетъ отвѣтить за
нихъ навѣрное, на какое-нибудь положенное время. Такъ уговоръ
сдѣлать на-счетъ словъ?

— Что до словъ, капитанъ Джилльсъ, я думаю, что могу огра-
ничить себя.

Мистеръ Тутсъ протянулъ тогда капитану руку; а капитанъ, съ
приятными и милостиво-снисходительными видомъ, удостоилъ его
форменко своего знакомства. Мистеръ Тутсъ былъ, по-видимому,
чрезвычайно радъ такому приобрѣтенію и клохталь въ восторгѣ во

весь остатокъ визита. Капитанъ, съ своей стороны, былъ также доволенъ положенiemъ покровителя и остался въ восторгѣ отъ своего благоразумія и предусмотрительности.

Но сколько ты былъ опь одаренъ этимъ послѣднимъ качествомъ, однако, въ тотъ же вечеръ его ожидалъ сюрпризъ со стороны столько же невиннаго, сколько проетодушшаго юноши, Роба-Точильщика. Этотъ безхитростпый малой, сидя за чаемъ вмѣстѣ съ капитаномъ и смиренно наклонясь надъ чашкою и блюдчикомъ, дѣлалъ пѣсколько времени косвенный наблюденія надъ лицомъ своего господица, который съ большимъ трудомъ, по съ приличнымъ достоинствомъ, читалъ газету сквозь очки; наконецъ, Робъ прервалъ молчаніе:

— О! прошу прощенія, капитанъ; но вамъ, можетъ-быть, не нужны ли голуби, сэръ?

— Нѣтъ, пріятель.

— Потому-что я желаю сбить своихъ, капитанъ.

— Эй, эй! воскликнулъ капитанъ, приподнявъ слегка свои щечинистыя брови.

— Да, я ухожу, капитанъ, если вамъ угодно.

— Уходишь? Куда уходишь? спросилъ капитанъ, разглядывая поверхъ очковъ.

— Какъ? вы не знали, что я васъ оставляю, капитанъ? спросилъ Робъ, улыбаясь исподтишка.

Капитанъ положилъ на столъ газету, снялъ очки и направилъ взоры прямо въ лицо дезертера.

— О, да, капитанъ. Я долженъ васъ предупредить. Я полагаю, что вы, можетъ-быть, знали объ этомъ прежде, сказаль Робъ, потирая руки и вставая. — Еслибы вы могли найти кого-нибудь поскорѣе, капитанъ, это бы меня очень облегчило. Я боюсь, капитанъ, вы не успѣете отыскать себѣ другаго мальчика завтра утромъ; можете, какъ вы думаете?

— Такъ вотъ, ты собираешься измѣнить своему флагу, пріятель, такъ ли? сказалъ капитанъ послѣ долгаго разсмотриванія его лица.

— О, это, право, болыно сизаку, капитанъ! воскликнулъ чувствительный Робъ, обидясь съ разу: — не смѣй сдѣлать честнаго предостереженія безъ того, чтобы не глядѣли на тебя нахмурясь и не назвали измѣнщикомъ и бѣглецомъ. Вы не имѣете никакого права давать такія имена бѣдному сизаку, капитанъ. Вы господинъ, а я слуга — вотъ отъ-чего вы меня поносите. Чѣмъ я сдѣлъ дуршаго? Ну, скажите, капитанъ, какое я сдѣлъ преступлениe?

Огорченныи Точильщикъ плакалъ и отиралъ глаза обшлагомъ.

— Ну, что же, капитанъ, кричалъ обиженный юноша: — вазовите мою вину! Въ чемъ я провинился? Развѣ я укралъ что-нибудь изъ товаровъ? Развѣ я зажегъ домъ? Если я это сдѣлъ, бѣгъ-чего вы не отправите меня въ судъ? Но отнимать добрую

славу у малаго, который вамъ хорошо служилъ, за то, что ему невыгодно оставаться у васъ, это злая обида! Вотъ награда за вѣрную службу! Такъ-то всегда портятъ молодыхъ сизаковъ, и они летаютъ вкрай и вкось... Я удивляюсь вамъ, капитанъ, право, удивляюсь.

Все это Точильщикъ провылъ съ плаксивымъ хныканьемъ, отдвигаясь осторожно къ дверямъ.

— Такъ ты добылъ себѣ другую койку, пріятель? такъ ли? сказалъ капитанъ, продолжая смотрѣть на него пристально.

— Да, капитанъ, если вы обѣ этомъ такъ говорите, я добылъ себѣ другую койку! кричалъ Робъ, все продолжая пятиться на задъ:—лучшую койку, чѣмъ здѣшняя, гдѣ мнѣ не будетъ нужды въ вашемъ добромъ словѣ, капитанъ, и это для меня очень—счастливо послѣ всей грязи, которою вы меня закидали за то, что я бѣденъ и мнѣ невыгодно оставаться у васъ. Да, у меня есть другая койка, и я бы ушелъ туда сейчасъ же, еслибы не оставилъ васъ безъ слуги; а это было бы лучше — по-крайней-мѣре, тогда я бы не слышалъ отъ васъ такихъ названий за то только, что я бѣденъ и мнѣ невыгодно у васъ оставаться. Зачѣмъ вы мнѣ попрекаете, что я бѣденъ и что мнѣ невыгодно оставаться у васъ? Какъ вы можете унижать себя до этого, капитанъ?

— Послушай-ка, пріятель, возразилъ миролюбивый капитанъ: — не «вытравливай» лучше такихъ словъ.

— Такъ и вы, капитанъ, лучше не вытравливайте вашихъ разныхъ прозваний, захныкала еще громче оскорблена виновность, продолжая придвигаться къ дверямъ лавки.—Вы бы лучше взяли мою кровь, чѣмъ мою добрую славу.

— Поэтому-что, продолжалъ спокойно капитанъ:—ты, можетъ быть, слыхалъ иногда о такой вещи, которая называется пенько-вымъ лицомъ?

— О, слыхалъ ли, капитанъ? Нѣть, не слыхалъ. Я никогда не слыхалъ о такой вещи!

— Ну, такъ, по моему мнѣнію, ты можешь познакомиться съ такою вещью, если не станешь смотрѣть хорошецко впередъ. Я вѣдь понимаю твои сигналы, пріятель. Можешь убираться.

— О! я могу уйтти? сейчасъ же могу, капитанъ? воскликнулъ Робъ въ восторгѣ отъ своего успѣха.—Но, замѣтьте: я не просяилъ о томъ, чтобы сейчасъ же уйтти, капитанъ. Вы не можете дать мнѣ худой атtestатъ за то, что отсылаете отъ себя по своей добroй волѣ. Вы не можете задержать мое жалованье, капитанъ!

Капитанъ рѣшилъ послѣдний пунктъ, вытащивъ свой жеётиной ящичекъ и выложивъ на столъ деньги, которыя Робу следовали по_расчету. Точильщикъ, хныкая, сморкаясь, съ глубоко-оскорблеными чувствами получалъ монеты одну послѣ другой, прихлыкивая при каждой и завязывая ихъ въ отдѣльные узлы своего носового платка; потомъ онъ поднялся на чердакъ, гдѣ нагружалъ себѣ шляпу и карманы голубями; потомъ пошелъ подъ

залаекъ, къ своей постели, и связалъ въ узелъ свою пижити, прихынивая еще громче и чувствительнѣе, какъ-будто сердце его разрывалось на части отъ трогательныхъ воспоминаний; потомъ крикнулъ: «доброй почти, капитанъ! я оставляю вѣсть безъ злости», наконецъ, дернувъ на прощаніи за посы деревяннаго мичмана, вышелъ на улицу и отправился вдоль ея, єскакъ зубы съ выражениемъ торжества.

Оставшись одинъ, капитанъ снова принялъ читать газету съ большимъ вниманіемъ, какъ-будто съ нимъ не случилось ничего особеннаго или неожиданнаго. Но капитанъ не понималъ въ газѣтѣ ни одного слова, хотя прочиталъ въ ней множество словъ: фигура Точильщика подпрыгивала передъ его глазами вверхъ и внизъ по столбцамъ новѣйшихъ извѣстій.

Сомнительно, чувствовалъ ли себя достойный капитанъ, до этого вечера, совершенно-покинутымъ; но теперь, старый Солль, Джилльсь, Валръ и «удивительная миссъ» дѣйствительно провалили для него навсегда, а, вмѣсто ихъ, его немилосердно оскорблялъ и обманывалъ мистеръ Каркеръ. Всѣхъ ихъ представлялъ собою южный Робъ, которому опять много разъ сообщалъ воспоминанія, теплившіяся въ груди его, вѣровалъ въ лживаго Роба и вѣровалъ съ удовольствіемъ; онъ сдѣлалъ его своимъ товарищемъ, какъ послѣдніго уцѣлѣвшаго матроса изъ всего судового экипажа; принялъ начальство надъ деревяннымъ мичманомъ, вмѣя Роба своею правою рукою; считалъ, что дѣлаетъ ему добро и привязался къ негодному мальчишкѣ, какъ-будто кораблекрушеніе выбросило ихъ въдвоемъ на пустынныи берегъ. И теперь, когда лживый Робъ внесъ обманъ, измѣпу и лицемѣре въ маленькой кабинетикѣ инструментальнаго мастера—въ мѣсто, священное, по его мнѣнію—капитанъ чувствовалъ, что кабинетику остается только пойти ко дну, чьму бы опять ни мало не удивился и чѣмъ бы, конечно, не былъ Богъ-знаетъ какъ озабоченъ.

Вотъ почему капитанъ Коттль читалъ газету съ напряженнымъ вниманіемъ и ничего не понималъ въ ней; вотъ почему капитанъ Коттль не говорилъ о Робѣ ни слова съ самимъ-собою и не допускалъ мысли, чтобы Робъ имѣлъ какое-нибудь спошешіе съ его чувствами, одинокими какъ Робинсонъ-Крузе.

Съ такою же спокойною и дѣловою манерой, капитанъ направился къ Лиденгальскому-Рыпку, гдѣ уговорился съ одиѣмъ стражемъ на-счетъ открыванія и закрыванія ставней деревяннаго мичмана по утрамъ и вечерамъ; потомъ завернувъ въ таверну, для уменьшепія на половину отпускающейся оттуда деревянному мичману ежедневной порции съѣстнаго, и въ портерную лавку, чтобы остановить дальнѣйшую выдачу пива измѣннику. «Мой молодой человѣкъ досталъ себѣ лучшее мѣсто, миссъ», объяснилъ онъ дѣвицѣ, стоявшей въ буфетѣ. Наконецъ, капитанъ рѣшился спать да постели подъ залаекъ, вмѣсто того, чтобы уходить изъ

ночлегъ на самый верхъ, оставшись теперь единственнымъ страшемъ имущества инструментального мастера.

Съ той поры, капитанъ Коттль ежедневно поднимался съ этого ложа въ шесть часовъ утра и падѣвалъ лакированную шляпу съ одинокимъ видомъ Робинсона, довершающаго свой туалетъ шапкою изъ козлиной шкуры. Хотя опасенія капитана на счетъ прихода дикаго племени Мэк-Стинджеровъ нѣсколько охладились, по-дѣбно опасеніямъ однокаго мореходца, когда онъ долго не видалъ слѣдовъ людоѣдовъ, однако онъ продолжалъ свои оборонительныя операции и никогда не принималъ женской шляпки, не осмотрѣвъ ея напередъ изъ своей засады. Въ то же время, въ-течение котораго мистеръ Тутсъ не дѣлалъ ему визитовъ,увѣдомивъ запискою объ отлучкѣ своей изъ Лондона, собственныи го-лосъ его сталъ какъ-то страшно звучать въ его слухѣ; онъ пріобрѣлъ также привычки глубокомысленнаго размышленія отъ частой чистки и разстановки инструментовъ и отъ частаго сидѣнья за залавкомъ, съ книгою или газетой, или глядѣнія въ окно—отъчего красный рубецъ, начертанный у него на лбу жесткою лакированною шляпой, болѣлъ иногда при избыткѣ умственной работы.

Годъ уже прошелъ, и капитанъ счелъ необходиымъ открыть таинственный пакетъ; по какъ онъ всегда разсчитывалъ сдѣлать это въ присутствіи Роба-Точильщика, которымъ пакетъ былъ ему врученъ, и такъ-какъ онъ думалъ, что будетъ правильно и «поморскому» распечатать его въ присутствіи кого бы то ни было, то капитанъ не зналъ, какъ приступить къ такому дѣйствію, за рѣши-тельнымъ недостаткомъ свидѣтеля. Находясь въ такомъ затруд-неніи, онъ прочиталъ однажды утромъ съ неимовѣрными востор-гомъ въ «Корабельныхъ Вѣдомостяхъ» о прибытии изъ прибреж-наго плаванія «Осторожной Клары», капитанъ Джонъ Бонсби. Капитанъ Коттль немедленно послалъ по почтѣ письмо къ мудре-цу, требуя пешарушимої тайны насчетъ мѣста своего жительства, и прося доставить ему удовольствіе своимъ посыщеніемъ въ раннюю пору вечера.

Бонсби, однѣ изъ мудрецовъ, которые дѣйствуютъ не иначе, какъ по убѣждению, взялъ вѣсколько днѣвъ срока, чтобы хорошошенько убѣдиться въ дѣйствительности полученнаго имъ на этотъ пред-метъ письма. Но когда, послѣ нѣкоторой борьбы съ этимъ фак-томъ, онъ наконецъ овладѣлъ имъ, то немедленно отправилъ своего юнгу съ вѣстью: «Онъ будеѣтъ сегодня вечеромъ». Юнгъ поручалось перелать эти слова и исчезнуть, чтѣ тотъ и исполнилъ, по-дѣбно смоленому духу — вѣстнику таинственного предостереженія.

Капитанъ, очень — довольный этимъ, приготовилъ пріличное ко-личество трубокъ, рома и воды, и сталъ ждать гостя въ малень-комъ кабинеткѣ. Въ восемь часовъ, басистое мычаніе за дверьми, издаваемое какъ-будто водянымъ валомъ и сопровождаемое стукомъ палки по панели, возвѣстило внимавшему уху капитану Коттлю, что

Бонсби присталъ къ борту; онъ впустилъ его немедленно, косматаго и на-распашку, съ безчувственнымъ по обыкновенію и вытесненнымъ изъ краснаго дерева лицомъ, которое не обнаруживало ни малѣйшаго сознанія чего бы то ни было предстоящаго, но казалось наблюдающимъ весьма-внимательно нѣчто, свершающееся въ другой части свѣта.

— Бонсби! сказалъ капитанъ Коттель, схвативъ его за руку: — каково, пріятель? каково?

— Товарищъ, возразилъ сиплый голосъ внутри Бонсби, не сопровождаемый никакимъ наружнымъ знакомъ со стороны самого командира «Осторожной Клары»: — ладно, ладно.

— Бонсби! воскликнулъ капитанъ, отдавая невольную дань удивленія генію своего гостя: — вотъ ты и здѣсь! Человѣкъ, который можетъ высказать мнѣнія свѣтлѣе брильянтовъ — давай мнѣ человѣка въ засмоленныхъ штанахъ, которая для меня блестятъ какъ брильянты: ты пайдешь это въ станфелльсовомъ бюджетѣ, а когда отъишешь, то запиши на память. Вотъ ты и здѣсь, человѣкъ, который на этомъ самомъ мѣстѣ далъ мнѣніе, да такое, что оно сбылось отъ-слова-до-слова, — чemu капитанъ вѣрилъ искренно.

— Эй, эй? прохрипѣлъ Бонсби.

— Отъ-слова-до-слова.

— На что? синва захрипѣлъ Бонсби, взглянувъ на своего пріятеля въ первый разъ. — Въ какую сторону? Если такъ, почему нѣть? А значитъ... Отпустивъ эти пророческія изреченья (повидимому, у капитана Коттеля закружилась отъ нихъ голова: они развернули передъ имъ неизмѣримое море догадокъ и умозрѣній), мудрецъ дозволилъ Фозянину помочь снять съ себя лоцманскій нѣпромокаемый сюртукъ, и послѣдоваль за нимъ въ кабинетъ, гдѣ рука его остановилась сама-собою на бутылкѣ съ ромомъ, изъ которой онъ немедленно составилъ прекрутой грохъ; потомъ онъ также машинально взялъ трубку, набилъ ее и принялся курить.

Капитанъ Коттель, подражая всѣмъ дѣйствіямъ своего гостя — хотя ненарушимая безмятежность командира «Осторожной Клары» была далеко выше его силъ — усѣлся у противоположной стороны камина, почтительно наблюдая физіономію мудреца и какъ-будто ожидая поощрѣнія или изъявленія любопытства со стороны Бонсби, что уполномочило бы его приступить къ дѣлу. Но краснодеревый философъ не обнаруживалъ ничего, кроме ощущеній теплоты и табаку; разъ только, вынувъ изо рта трубку, для очищенія мѣста стакану съ грохомъ, онъ замѣтилъ случайно съ крайнесуровою хриплостью, что имя его Джекъ Бонсби — объявление, не открывшее повода къ дальнѣйшему разговору. Въ-следствіе чего капитанъ, прося вниманія мудраго гостя при краткомъ похвалѣніи словъ, рассказалъ ему всю исторію того, какъ исчезъ дядя Солль, равно какъ и перемѣну, происшедшую въ его жизни и положеніи отъ этой причины; въ-заключеніе, онъ положилъ на столъ таинственный пакетъ.

Послѣ долгой паузы, Бонсби кивнулъ головою.

— Распечатать? спросилъ капитанъ.

Бонсби кивнулъ еще разъ.

На основаніи чего, капитанъ сломалъ печать и представилъ двѣ сложенные бумаги съ надписями, на одной: «Послѣдняя воля и духовное завѣщаніе Соломона Джильса; а на другой: «Письмо къ Неду Коттлю».

Бонсби, котораго взоръ наблюдалъ берега Гренландіи, повидимому, приготовился слушать. Капитанъ прокашлялся и прочиталъ вслухъ письмо:

«Другъ Недъ Коттль. Когда я оставилъ домъ свой и отправился въ Вест-Индію...»

Тутъ капитанъ остановился и посмотрѣлъ пристально на Бонсби, который, съ своей стороны, не сводилъ глазъ съ гренландскаго берега.

...«Въ Вест-Индію, для безполезныхъ, можетъ-быть, розысковъ «о моемъ миломъ мальчикѣ, я очень-хорошо зналъ, что еслибы ты «прогъдалъ о моемъ намѣреніи, то или помѣшалъ бы мнѣ, или по- «ѣхалъ бы со мною; вотъ почему я держалъ свое намѣреніе въ тайнѣ. «Если ты когда-нибудь прочитаешь это письмо, Недъ, я буду по всей «вѣроятности въ могилѣ. Тогда ты легко простишь безразсудство «старого друга, и пріймеш участіе въ неизвѣстности и беспокой- «ствѣ, съ которыми онъ отправился въ такое сумасбродное путеше- «шествіе. Объ этомъ не стдитъ больше толковать. У меня мало «надежды, что моему бѣдному племяннику прійдется читать эти «слова, или что его открытое лицо порадуетъ еще разъ твои гла- «за...» Нѣть, нѣть, никогда! — сказалъ капитанъ Коттль въ гру- «стномъ раздумъи:—никогда! Онъ лежитъ тамъ...»

Бонсби, у котораго было музыкальное ухо, вдругъ замычалъ: «Въ Бискайскомъ-Заливѣ. Ой — о — го!» чѣмъ до того тронулъ доброго капитана, который принялъ это какъ приличную дань погившему юношѣ, что онъ съ благодарностью пожалъ мудрецу руку и отеръ себѣ глаза.

— Хорошо, хорошо! сказалъ капитанъ со вздохомъ, когда «плачъ Бонсби» пересталъ потрясать воздухъ. — Онъ долго терпѣлъ горе, какъ говорятъ пѣсня, стдитъ развернуть волюму и пайдешь, гдѣ это написано.

— Лекаря, замѣтилъ Бонсби: — не пособили.

— Эй, эй, разумѣется. Что въ нихъ пользы саженяхъ на двухъ или трехъ-стахъ глубины! Потомъ, обратясь снова къ письму, капитанъ продолжалъ читать: — «Но еслибы онъ тутъ случился, когда «письмо это будетъ распечатано» — капитанъ невольно оглянулся вокругъ себя и потрясъ головою: — «или еслибы онъ узналъ о «немъ въ-послѣдствії», — капитанъ снова покачалъ сомнительно головою: — «даю ему мое благословеніе! Въ случаѣ, если прило- «женная бумага написана не по законной формѣ, въ этомъ мало «нужды, такъ-какъ кроме этого и тебя нѣть наследниковъ; мое

«желание, если онъ живъ, доставить ему немногое, чтѣ послѣ меня можетъ остататься; а если, чего я боюсь, его уже нѣть, то передать это тебѣ, Недъ. Я знаю, ты уважишь мое желаніе. Награди себя Богъ за это и за твою дружбу къ Соломону Джайлсу.» — Бонсби! воскликнулъ торжественно капитанъ: — что ты на это скажешь? Вотъ, ты сидишь тутъ, человѣкъ, у которого голова была расшиблена и проломана, начиная съ дѣтства и дающе, и въ каждой прорѣхѣ, которая въ ней открывалась, засѣло по новому мнѣнію. Ну, что ты на это скажешь?

— Если такъ, возразилъ Бонсби съ необыкновенною послѣшностью: — такъ-какъ онъ умеръ, то, по моему мнѣнію, онъ не придетъ назадъ. А если онъ живъ, то, по моему мнѣнію, придетъ. Говорю ли я, что онъ придетъ? Нѣть. Почему нѣть? Потому что румбъ этого пленага заключается въ томъ, какъ его проложишь.

— Бонсби! воскликнулъ капитанъ Коттль, по-видимому оцѣнившій мнѣнія своего замысловатаго пріятеля въ пропорціи необычайной трудности, съ которою онъ выводилъ изъ нихъ что-нибудь: — Бонсби, продолжалъ онъ, совершенно растревавшись отъ восторга: — ты легко можешь на умѣ грузъ, отъ которого утонулъ бы судно въ мои гдѣнны. Но касательно вотъ этого замыянія, я не намѣренъ сдѣлать ни шагу, чтобы принять въ свое владѣніе имущество старого Солля... обороны Богъ! я только буду беречь его для законнаго хозяина; и я все-таки надѣюсь, что законный хозяинъ, Солль Джайлсъ, еще живъ и воротится, хоть онъ и не просыпается о себѣ депешей, къ моему удивленію. Ну, каково твое мнѣніе, Бонсби, на-счетъ уборки въ трюмъ этихъ бумагъ, на которыхъ мы снаружи надѣшили, что они были распечатаны такого-то числа, въ присутствіи Джона Бонсби и Эл'рда Коттля?

Бонсби не нашелъ противъ этого никакихъ опроверженій на берегу Гренландіи, или гдѣ бы то ни было, а потому согласился съ идею капитана Коттля. Великій человѣкъ, приведя взоръ свой на минуту въ соприкосновеніе съ находившемся около него существенностью, приложилъ къ оберткѣ свою подпись, воздерживаясь совершение, съ характеристическою скромностью, отъ употребленія большихъ начальныхъ буквъ. Капитанъ Коттль, подпишасть также свое имя лѣвою рукою и замкнувъ пакетъ въ жѣлезный сундукъ, упросилъ гостя составить еще стаканъ грѣху и выкуриТЬ еще трубку; сдѣлавъ то же самое съ своей стороны, онъ впалъ передъ огнемъ въ раздумье на-счетъ вѣроятной судьбы бѣднаго старика, инструментальнаго мастера.

Теперь случилось съ ними происшествіе, столь странное, что капитанъ Коттль, если бы не былъ поддержанъ присутствіемъ мудраго Бонсби, былъ бы имъ навѣрно подавленъ и остался бы пропадшимъ человѣкомъ на всю жизнь.

Какимъ-образомъ капитанъ, даже допустивъ крайнюю степень удовольствія отъ приема такого знаменитаго гостя, могъ только

затворить дверь, а не запереть ее на замокъ (таковъ нерадѣніе было, конечно, непростительно)—это одинъ изъ вопросовъ, которымъ суждено оставаться навсегда предметами умозрѣнія или неопределѣленными обвиненіями противъ судьбы. Но черезъ эту самую незамкнутую дверь, въ эту спокойную минуту, ворвалась въ кабинетъ лютая Мэк-Стинджеръ, внося на родительскихъ рукахъ своего Александра Мэк-Стинджера, а за собою месть и отчаяніе—не говоря уже о слѣдовавшихъ за нею Джюльенѣ Мэк-Стинджеръ и братцѣ милой дѣвочки, Чарлзѣ Мэк-Стинджеръ, известномъ на по-пришѣи своихъ юношескихъ игръ подъ именемъ Чоули. Она вошла такъ быстро и безмолвно, подобно порыву вѣтерка, изъ сосѣдства ост-индскихъ доковъ, что капитанъ Коттль очутился сидящимъ противъ нея и смотрящимъ ей въ лицо прежде, чѣмъ его собственная спокойная физиономія—какою она была во время грустныхъ мечтаній передъ огнемъ— успѣла принять выраженіе ужаса и отчаянія.

Но лишь-только капитанъ понялъ всю величость бѣды, какъ инстинктъ самосохраненія внушилъ ему мысль попытки къ побѣгу. Бросившись къ маленькой двери, которая вела изъ кабинета на крутый ступени схода въ погребъ, капитанъ ринулся туда, головою впередъ, какъ человѣкъ, который не думаетъ объ ушибахъ и контузіяхъ, а только вѣщеть, во чѣмъ бы ни стало, спасенія въ нѣдрахъ матери-земли. Онъ, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, еслибъ его не задержали нѣжно расположенные къ нему Чоули и Джюльена, которые ухватились за его ноги (каждое изъ которыхъ дѣтей овладѣло по одной) и взвывали къ нему съ жалобными криками, какъ къ другу. Въ такое время, мистриссъ Мэк-Стинджеръ, которая никогда не приступала къ важнымъ дѣламъ, но перевернувшись напередъ Александра Мэк-Стинджера и не отсыпавъ ему бѣглого огня шлепковъ ладонью, послѣ чего усаживала его на зѣмлю для прохлажденія, въ какомъ положеніи читатель и увидѣлъ его въ первый разъ,—мистриссъ Мэк-Стинджеръ совершила и теперь этотъ торжественный обрядъ съ такимъ жаромъ, какъ-будто въ настоящемъ случаѣ онь былъ жертвой приношеніемъ фуріямъ; по томъ, посадивъ жертву на полъ, направилась къ капитану Коттлю съ непреклонною рѣшимостью, которая, по-видимому, угрожала царапаньемъ посредничествовавшему Бонсби.

Крики двухъ старшихъ Мэк-Стинджеровъ и страдальческие всхлики юнаго Александра, который, можно сказать, проводилъ пѣгое дѣтство—принимая въ разсчетъ, что лицо его было черно въ-течение половины этого волшебнаго, невиннаго возраста—все это со-вокуплялось къ усугубленію ужасовъ страшной грозы. Но когда тишина вдоворилась снова, и капитанъ, въ сильной испаринѣ, стоялъ и смотрѣлъ съ умоляющимъ видомъ на свирѣпую посѣтительницу, ужасы эти достигли высшей своей степени.

— О, кайна Коттль, кайна Коттль! возгласила мистриссъ Мэк-Стинджеръ, давъ своему подбородку строгое выраженіе и поше-

веливая имъ въ тактъ съ тѣмъ, что можно было бы назвать, еслибъ не слабость ея нѣжнаго пола... ея кулакомъ. — О, кэп'нъ Коттль, кэп'нъ Коттль! и вы смѣете смотрѣть мнѣ въ лицо и не повалиться на землю!

Капитанъ, котораго наружность выражала все на свѣтѣ, кроме смиренности, пробормоталъ слабымъ голосомъ: «Стоять на счастяхъ!»

— О! я была слабою и довѣрчивою дурой, когда приняла васъ подъ свою крышу, кэп'нъ Коттль, право! кричала мистриссъ Мэк-Стинджеръ. — Думать о пріятностяхъ, которыми я осыпала этого человѣка, и о томъ, какъ внушала своимъ дѣтямъ, чтобы они любили и почитали его, какъ отца, тогда-какъ нѣтъ во всемъ околодкѣ ни одной хозяйки, и въ цѣлой улицѣ ни одного жильца, которые бы не знали въ какомъ я убыткѣ отъ этого человѣка и отъ его безпорядочной жизни! И всѣ они въ голось закричали, стыдно ему обидѣть трудолюбивую женщину, которая рано и поздно на ногахъ для своего молодаго семейства, и держить въ такой чистотѣ свой бѣдный домъ, что всякий можетъ жратъ свой обѣдъ и пить свой чай, если расположенъ къ этому, на любомъ полу или на любомъ крыльцѣ, и которая столько заботилась объ этомъ самомъ человѣкѣ, не смотря на его безтолковую жизнь!..

Мистриссъ Мэк-Стинджеръ пріостановилась, чтобы перевести духъ, и лицо ея сіяло торжествомъ отъ этого вторичнаго удачнаго упоминанія о безпорядочной жизни капитана Коттля.

— И онъ убѣга-а-а-етъ! воскликнула она, продливъ послѣдній слогъ такъ, что несчастный капитанъ Коттль сталъ считать себя неблагодарнѣйшимъ изъ злодѣевъ: — и прячется цѣлый годъ! Отъ женщины! Вотъ какая у него совѣсть! У него не хватаетъ духу встрѣтиться съ не-е-е-ю! (опять удлиненный слогъ)... но онъ убѣгаетъ потихоньку, какъ воръ. Вотъ, еслибъ этотъ младенецъ изъ моихъ, сказала она внезапно скороговѣркой: — задумалъ убѣжать потихоньку, какъ воръ, я исполнила бы надъ нимъ свою обязанность, какъ мать, пока бы онъ не покрылся весь полосами!

Юный Александръ, перетолковавъ это въ положительное обѣща-ніе, которое скоро исполнится, покатился по полу въ горести и страхѣ, и лежаль съ поднятыми къ верху ножками, показывая всѣмъ подошвы своихъ башмаковъ и испуская такие оглушительные возгласы, что мистриссъ Мэк-Стинджеръ сочла необходи-мымъ поднять его снова на руки; когда онъ по-временамъ опять прорывался внезапными кваканіями, она успокаивала его, по-тряхивая такъ, что отъ этого могли у него расщататься зубы.

— Хорошаго сорта человѣкъ кэп'нъ Коттль! продолжала мистриссъ Мэк-Стинджеръ съ язвительнымъ ударениемъ на имени капитана. — Взять къ себѣ въ домъ человѣка, и спать для него, заботиться о немъ, считать его цѣпросту мертвымъ — и шататься взадъ-и-впередъ по цѣлому благословенному городу, спрашивая о немъ у всякаго встрѣчнаго! О, хорошаго сорта человѣкъ! Ха, ха, ха! Онъ стоять всѣхъ этихъ беспокойствъ и еще гораздо-

дольшаго. О, это ничего, Господь съ вами! Ха, ха, ха, ха! Кэп'нъ Коттль! (съ внезапнымъ строгимъ измѣненіемъ въ голосѣ и осанкѣ) желаю знать, намѣрены ли вы воротиться домой?

Испуганный капитанъ взглянуль въ свою шляпу, какъ-будто ему оставалось только надѣть ее и сдаться.

— Кэп'нъ Коттль, повторила мистриссъ Мэк-Стинджеръ тѣмъ же неумолимымъ тономъ: — я желаю знать, намѣрены вы воротитья домой, или нѣтъ, сэръ?

Капитанъ былъ уже, по-видимому, готовъ идти, но только слабо замѣтилъ что-то въ родѣ: «зачѣмъ же дѣлать для этого столько шума?»

— Эй, эй, эй, сказалъ Бонсби успокоительнымъ голосомъ. — Стопъ такъ, моя красотка, стопъ такъ!

— А вы что такое, если осмѣяюсь спросить! возразила мистриссъ Мэк-Стинджеръ съ высокомеріемъ.—Вы живали когда-нибудь въ девятомъ номерѣ на Бриг-Плэсъ, сэръ? Память у меня, можетъ-быть, худая, но только, кажется, не у меня. Тамъ была какая-то мистриссъ Джайлсонъ, которая жила въ девятомъ номерѣ прежде меня, и вы, можетъ-быть, принимаете меня за нее. Наче я не растолкую себѣ вашей фамильярности, сэръ.

— Ну, ну, моя красотка, стопъ такъ! сказалъ Бонсби.

Капитанъ Коттль едва вѣрилъ своимъ глазамъ—даже со стѣропы такого великаго человѣка—хотя видѣлъ это неоспоримо: Бонсби, выдвинувшись смѣло впередъ, обхватилъ мистриссъ Мэк-Стинджеръ мохнатою синею рукою и до того укротилъ ее этимъ магическимъ дѣйствиемъ и этими немногими словами—больше вѣнчаніе и не говорилъ—что она растаяла, залилась слезами, посмотрѣла на сколько мгновеній на капитана и замѣтила, что тѣнерь дитя можетъ ее покорить: такъ она упала духомъ.

Безмолвный и изумленный до-нѣльзя, капитанъ видѣлъ, какъ мудрецъ постепѣнно убѣждалъ и наконецъ убѣдилъ неумолимую женщину выйтти изъ кабинетика въ лавку, какъ потомъ воротился за ромомъ, водою и свѣчкой, поднесъ все это къ ней и умирилъ ее, не произнося, повидимому, ни слова. Послѣ этого, онъ снова заглянуль въ кабинетъ; облекшись уже въ лоцманскій сюртукъ, и сказалъ: «Коттль, я буду конвойрить до дома»; наконецъ, капитанъ Коттль, смущенный больше, чѣмъ еслибы онъ былъ самъ закованъ въ кандалы для цадежнаго доставленія на Бриг-Плэсъ, видѣлъ, какъ все семейство мирно направилось къ дверямъ, предводительствуемое самою мистриссъ Мэк-Стинджеръ. Онъ едва успѣлъ вынуть изъ своего жестянаго ящичка нѣсколько шиллинговъ и всучить ихъ Джюльенѣ, своей прежней любимицѣ, и Чоули, котораго эта отличать, находя его мальчикомъ морской конструкціи, канъ вся они оставили въ покое деревянного мачмата. Бонсби, шепнувшись, при этомъ, что онъ поведеть ихъ подъ королевскими парусами и наѣстигъ Неда Коттля прежде, чѣмъ воротится на «Осторожную

Клару», затворилъ двери за собою, какъ за послѣднімъ изъ об-
щества.

Капитаномъ овладѣли тревожныя мысли, что онъ, можетъ-быть, ходить во снѣ и былъ посѣщенъ семействомъ призраковъ, а и существъ во плоти и крови, когда онъ воротился въ свой пріютъ и снова остался одинъ; но затѣмъ, безграницкая вѣра въ филосо-
фа и невыразимое удивление его мудрости, повергли капитана просто въ обморокъ благоговѣнія.

Время проходило, а Бонсби не возвращался: это внушило капитану беспокойства другаго рода. Не былъ ли Бонсби лукаво за-
влечень въ Бриг-Плэсъ, гдѣ его задержали въ качествѣ заложника
за вѣроломнаго капитана Коттля? Въ такомъ случаѣ, ему, какъ че-
ловѣку благородному, должно выручить мудреца во чѣмъ бы то
стало, даже съ пожертвованіемъ собственной свободы. Или онъ
былъ, можетъ-быть, аттакованъ и побѣжденъ грозною мистриссъ
Мэк-Стинджеръ, и боится показаться ему на глаза, стыдясь сво-
его пораженія? Или мистриссъ Мэк-Стинджеръ, обдумавъ этотъ
предметъ подробнѣе, рѣшилась воротиться и снова абордировала
деревяннаго мичмана, а Бонсби, подъ предлогомъ приведенія сї
туда кратчайшимъ путемъ, хлопочетъ, чтобы семейство заблуди-
лось среди опасныхъ пустырей и дикихъ закоулковъ столицы?
Главное же, какъ поступить ему, капитану Коттлю, въ случаѣ,
еслибъ дѣйствительно ни Бонсби, ни Мэк-Стинджеръ не подали ему
никакихъ признаковъ своего существованія, чтѣ очень могло слу-
читься при такомъ удивительномъ и непредвидѣнномъ стечениѣ об-
стоятельствъ?

Капитанъ разсуждалъ обо всемъ этомъ до изнеможенія—а Бонсби все нѣтъ какъ нѣтъ. Онъ уже приготовилъ себѣ подъ залав-
комъ постель и собрался ложиться спать—а Бонсби все нѣтъ. На-
конецъ, когда капитанъ уже отказался отъ надежды видѣть его, по-крайней-мѣрѣ въ эту ночь, и началъ раздѣваться, вдругъ по-
слышался стукъ приближающихся колесъ; они остановились у
дверей деревяннаго мичмана, и вскорѣ потомъ раздался хриплый
окликъ Бонсби.

Капитанъ затрепеталъ при мысли, что ему, можетъ-быть, нѣтъ спасенія отъ мистриссъ Мэк-Стинджеръ, которая теперь прѣѣхала за нимъ въ экиажѣ.

Однако нѣтъ. Бонсби не сонировался ничѣмъ, кроме большаго сундука, который втащилъ въ лавку на рукахъ, а втащивъ, усѣлся на него. Капитанъ Коттль узналъ въ немъ сундукъ, оста-
вленный имъ передъ побѣгомъ въ домъ мистриссъ Мэк-Стин-
джеръ; взглянувъ внимательнѣе и со свѣчей въ рукѣ на Бонсби,
онъ убѣдился, что тотъ «зарѣвался», или, проще, пьянъ. Впро-
чемъ, трудно было удостовѣриться въ этомъ обстоятельствѣ, потому-
что лицо команда «Осторожной Клары» не имѣло никакого
слѣда выраженія, даже когда онъ былъ трезвъ.

— Коттль, сказаль онъ, поднявшись съ сундука и прютерывъ крышку: — это твоя западня?

Капитанъ убѣдился немедленно, что это его собственность.

— Обработаль все ладно, и шкоты на мѣстахъ, товаришъ, ге? сказаль Бонсби.

Благодарный и одичалый капитанъ схватилъ его за руку и хотѣлъ выразиться въ отвѣтъ изліяніемъ своихъ изумленныхъ чувствъ, но Бонсби высвободился порывистымъ движениемъ и, по-видимому, сдѣлалъ усилие подмигнуть своимъ единственнымъ врачающимся глазомъ; следствіемъ такого усилия было то, что оно его едва не перекачнуло. Тогда онъ быстро отворилъ двери и направился подъ всѣми парусами на «Осторожную Клару», чтò было его неизмѣнною привычкой, когда онъ считалъ себя совершившимъ какой-нибудь мудрѣній подвигъ.

Не имѣя особенного желанія принимать часто гостей, капитанъ Коттль рѣшился не ходить къ Бонсби и не посыпать къ нему завтра, или пока мудрецъ не изъявить милостиваго желанія увидѣться съ нимъ, или, еслибъ этого не случилось, пока не пройдетъ некоторый промежутокъ времени. Такимъ-образомъ, съ слѣдующаго утра онъ зажилъ по-прежнему отшельникомъ и глубоко размышляя по многимъ утрамъ, полуднямъ и вечерамъ, о старомъ Солль Джилльсь, о произнесенныхъ мудрыхъ Бонсби касательно его приговорахъ и о надеждахъ, какія можно было питать на счетъ его возвращенія. Частыя думы объ этомъ предметѣ подкрѣпили надежды капитана Коттля; онъ ласкалъ ихъ и себя, поджидая инструментального мастера у дверей — на чѣо онъ теперь рѣщался, пробрѣти такимъ страннымъ образомъ свободу — устанавливая стулья старика на обычномъ мѣстѣ и устроивая кабинетикъ на прежній ладъ, на случай, еслибъ дядя Солль вдругъ къ нему явился. Въ раздумья своемъ, онъ снялъ также съ гвоздика маленький миньюторный портретъ Валтера, нарисованный въ времена, когда онъ ходилъ еще въ школу, чтобы видѣть его не поразилъ старика при возвращеніи. Иногда у капитана рождались предчувствія, что старый другъ его долженъ непремѣнно приѣти въ такой-то день; однажды въ воскресенье, надежды его разыгрались до того, что онъ даже заказалъ двойную порцію обѣда. Но Соломонъ Джилльсь не являлся, а сосѣди замѣчали только моряка въ лакированной шапкѣ, который стоялъ по вечерамъ въ дверяхъ лавки и посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону улицы.

ГЛАВА IV.

Семейные обстоятельства.

Для человѣка съ характеромъ мистера Домби, было бы не въпорядкѣ вещей, еслибъ самовластная жесткость его права смягчилась отъ отпора, какой онъ встрѣтилъ въ непреклонномъ духѣ

Эдиен, или, если бъ холодная и крѣпкая броня гордости, въ которой онъ прожилъ весь свой вѣкъ, сдѣлалась гибче отъ постояннаго столкновенія съ надменною и презрительною небрежностью. Проклятие такихъ характеровъ — главная доля тяжкаго возмездія, которое они находятъ въ самихъ-себѣ—заключается въ томъ, что если почтительность и уступчивость вздуваютъ сильнѣе ихъ дурныхъ качествъ, служа пищею, на которой эти качества вырастаютъ, то, съ другой стороны, отпоръ и непризнаніе ихъ взъискательныхъ требованій поджигаютъ ихъ не менѣе. Зло это находить равномѣрную поддержку своей растительной силѣ и распространению въ противоположныхъ крайностяхъ: сладкое или горькое, унижение или гордый отпоръ, все равно — оно все-таки порабощаетъ грудь, которую избрало своимъ трономъ; боготворимое или отвергнутое, оно владыка столь же неумолимый, какъ демонъ старинныя баллады.

Относительно первой своей жены, мистеръ Домби, въ напыщенному высокомѣріи, держаль себя какъ верховное существо, какимъ почти воображалъ себя. Онъ былъ для нея «мистеръ Домби» съ первой минуты, когда она его увидѣла, и остался «мистеромъ Домби» до ея послѣдняго издоханія. Онъ предъявлялъ ей свое величие въ-течение всей ихъ брачной жизни, и она кратко признавала его. Онъ сидѣлъ въ неприступной напыщенностіи на своемъ тронѣ, а она оставалась съ неизмѣннымъ смиреніемъ на нишней его ступени: онъ почиталъ величайшимъ благомъ жить такимъ-образомъ, предаваясь въ одиночество одной постоянной мысли. Онъ воображалъ себѣ, что гордый характеръ второй жены соединится съ его собственнымъ, будеть имъ поглощеньи тѣмъ возвысить еще больше его величие; онъ видѣлъ себя надменнѣе, чѣмъ когда-нибудь, покоривъ своей власти надменность Эдиен, и никакъ не допуская даже тѣни возможности сопротивленія съ ея стороны. А теперь, види, какъ на каждомъ шагу его ежедневной жизни надменность эта возстаетъ противъ него, обращая къ нему холодное, презрительное и вызывающее на бой лицо,—гордость его, вместо того, чтобы уянуть или поникнуть отъ такихъ ударовъ, пустила новые отпрыски, сдѣлалась сосредоточеніе и напряженіе, мрачнѣе, сердитѣе, раздражительнѣе и непреклоннѣе чѣмъ когда-нибудь.

Кто носить такую броню, того постигаетъ другое, не менѣе тяжкое возмездіе: броня эта непроницаема для примиренія, любви и довѣренности; она не пропускаетъ извнѣ никакого кроткаго участія, никакой нѣжности, никакихъ сердечныхъ движений; но зато и нисколько не защищаетъ самолюбія, которое получаетъ самыя глубокія раны, и уязвимо какъ голая грудь передъ сталью. Тогда раны самолюбія болѣть такъ нестерпимо и въ нихъ зараждается такой мучительный гной, какого не знаютъ никакія другія раны —даже тѣ, которыя наносить рука гордости, одѣтая въ желѣз-

ную перчатку, гордости слабѣйшей, обезоруженной и поверженной на землю.

Таковы были его раны. Онъ чувствовалъ ихъ юдкую боль въ уединеніи своихъ старыхъ покоевъ, куда теперь снова стала удаляться чаще и гдѣ проводилъ долгіе, одинокіе часы. По-видимому, судьба создала его гордымъ и могущественнымъ, но всегда бытъ онъ жалкимъ и слабымъ тамъ, гдѣ бы хотѣлъ быть сильнѣе. Кому же суждено исполнить надъ нимъ этотъ приговоръ?

Кому? Кто овладѣлъ любовью его жены, какъ нѣкогда овладѣлъ любовью сына? Кто доказалъ ему такъ ясно эту новую побѣду, когда онъ сидѣлъ въ темномъ углу комнаты? Кто дѣлалъ малѣйшимъ своимъ словомъ то, чего не могли сдѣлать всѣ его усилия? Кто это существо, неподдержанное его любовью, вниманіемъ и заботливостью, которое выросло и сдѣлалось прекраснымъ и цвѣтущимъ, когда умирали тѣ, на комъ онъ основывалъ всѣ свои надежды? Кому тутъ быть, какъ не той самой дочери, на которую онъ часто смотрѣлъ съ беспокойствомъ въ ея осиротѣломъ дѣтствѣ, съ нѣкоторою даже боязнью, что современемъ будетъ ее ненавидѣть? Теперь предчувствіе это сбылось: онъ ненавидѣлъ дочь въ глубинѣ своего сердца.

Да, онъ опасался ненависти; но то была ненависть, хотя Флоренсу окружали еще по временамъ слабые проблески свѣта, въ которомъ она предстала ему въ достопамятный вечеръ возвращенія его домой съ молодою супругой. Онъ зналъ теперь, что она прекрасна; не оспоривъ въ ней граціозности и привлекательности, и сознавался внутренно, что появленіе ея, почти взрослой, было для него до нѣкоторой степени сюрпризомъ. Но онъ даже и это обращалъ противъ нея. Въ своемъ сердитомъ и болѣзнерномъ раздумьяхъ, несчастный человѣкъ, глухо постигавшій свое отчужденіе отъ всѣхъ сердецъ и неопределѣнно стремившійся къ тому, что отталкивалъ отъ себя во всю жизнь, составилъ мысленно превратную картину своихъ правъ и обидъ, и оправдывался ею противъ дочери. Чемъ больше достоинствъ она въ себѣ предъѣзала, тѣмъ къ большимъ притязаніямъ былъ онъ расположена на ея любовь и покорность. Обнаружила ли она когда-нибудь дочернюю любовь и покорность къ нему? Чью жизнь старалась она украсть — его или Эдиен? Для кого были ея привлекательныя качества — для него или для Эдиен? Почему опять и она це были между собою никогда какъ отецъ и дочь? Они были всегда отчуждены другъ отъ друга. Она поперечила ему вездѣ и во всемъ. Теперь она въ заговорѣ противъ него. Самая красота ея смягчала сердца, закаленные противъ него крѣпче стали, и оскорбляла своимъ противостоящимъ торжествомъ.

Можетъ-быть, во всемъ этомъ участвовалъ ропотъ заговорившаго въ груди его чувства — хотя пробужденаго себалюбіемъ и со-знаніемъ своего невыгоднаго положенія — чувства того, чѣмъ бы она могла сдѣлать его жизнь. Но онъ заглушилъ отдаленный громъ

шумомъ прибоя моря своей гордости. Онъ не хотѣлъ слушать ничего, кромъ внушеннй гордости. И въ этой гордости—грудѣ несобразностей, огорченія и добровольно-претерпѣваемыхъ, пыткы, ненавидѣль дочь.

Сердитому, упрямому, своенравному демону, который владѣлъ имъ, Эдиевъ противопоставила во всей силѣ свою гордость другаго свойства. Никогда не могли бы они жить счастливо вмѣстѣ; но ничто не могло сдѣлать жизнь ихъ несчастнѣе, какъ упрямая и рѣшительная борьба такихъ элементовъ. Его гордость наставляла на поддержаніи великоклѣпнаго первенства и хотѣла вынудить сознаніе ея въ этомъ превосходствѣ. Она же допустила бы замѣтить себя до смерти и все-таки обращала бы на него надменный взглядъ холоднаго, непреклоннаго презрѣнія. Всѣ, какъ отвѣчала ему Эдиевъ! Онъ не подозрѣвалъ,透过, какую бурную внутреннюю борьбу прошла она прежде, чѣмъ увѣнчалась благополучіемъ супружества съ нимъ. Онъ не подозрѣвалъ, какимъ неизмѣримымъ пожертвованіемъ въ ея глазахъ было то, что она позволила ему называть себя его женой.

Мистеръ Домби рѣшился показать ей свою власть. Не должно быть ничьей воли, кромъ его. Онъ желалъ видѣть ее гордою, во гордою за себя, а не противъ себя. Сидя одинъ и ожесточаясь болѣе и болѣе, онъ часто слыхалъ, какъ она выѣзжала и возвращалась домой, крутясь въ вихрѣ лондонской жизни, не заботясь никакъ, нравится ему это или нѣтъ, и думая о его удовольствіи или неудовольствіи не болѣе, какъ еслибы онъ былъ ея кошюхомъ. Ея высокое и холодное равнодушіе—*его* несомнѣмая принадлежность, ею присвоенная—уязвляло его больше, чѣмъ бы могло уязвить всякое другое обращеніе. Онъ рѣшился преклонить ее передъ своею великоклѣпнною и величавою волей.

Мысли эти давно уже бродили въ головѣ его. Однажды ночью, услышавъ ея поздній прїѣздъ домой, онъ пошелъ въ ея покон. Она была одна, въ блестящемъ нарядѣ, и только-что веротилась къ себѣ изъ комнаты матери. Лицо ея было грустно и задумчиво, когда онъ направлялся къ ней; но она замѣтила его въ дверяхъ: взглянувъ на отраженіе этого лица въ зеркаль, онъ не замедлилъ увидѣть, какъ въ рамкѣ, нахмуренное чено и омраченную красоту, столь хорошо ему знакомыя.

— Мистриссъ Домби, сказалъ онъ входя: — я долженъ просить позволенія сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Завтра, былъ лаконический отвѣтъ.

— Нѣть времени удобнѣе настоящаго, сударыня, возразилъ онъ.—Вы ошибаетесь на счетъ вашего положенія. Я привыкъ выбирать время самъ, а не ждать на это распоряженія другихъ. Вы, кажется, не совершенно понимаете, кто я и что я, мистриссъ Домби.

— А мнѣ кажется, что я понимаю васъ очень-хорошо.

При этихъ словахъ, она взглянула на него, а потомъ, спрестивъ

на волнующейся груди свои бѣлые руки, блестѣвшія золотомъ и брильянтами, она отвернулась.

Будь она менѣе прекрасна и менѣе величава въ своемъ холода-
номъ спокойствіи, она, можетъ-быть, не убѣдила бы его такъ мо-
гущественно въ невыгодности его положенія, которое поразило
его гордость въ самое сердце. Но она имѣла эту силу, и онъ чув-
ствовалъ это болѣзенно. Онъ оглянулся вокругъ себя въ комнатѣ:
вездѣ были разбросаны великолѣпные уборы, дорогія принадлеж-
ности самого роскошнаго туалета, блестящія украшенія, разбросаны-
я не по прихоти или безпечности (какъбы опѣ могъ подумать),
но изъ упорного, надменнаго пренебреженія къ цѣннымъ вещамъ—
и самолюбію его стало еще болѣе. Цвѣточныя гирлянды, раз-
ноцвѣтныя перья, драгоценныя каменья, кружевы, шелки, атласы
— куда бы онъ ни посмотрѣлъ, вездѣ богатства раскиданы съ
презрѣніемъ; по всему видно, что ихъ ставятъ ни во что. Самые
брильянты — свадѣбрый подарокъ—которые нетерпѣливо поднимались
и опускались на груди ея, какъ-будто жаждали разорвать за-
мокъ, державшій ихъ вокругъ шеи, и покатиться па полъ, гдѣ бы
она могла попирать ихъ ногами.

Онъ чувствовалъ свою невыгоду и обнаружилъ это. Торжествен-
ный, но чуждый среди этихъ разноцвѣтныхъ драгоценностей и
сладострастнаго блеска—чуждый и принужденный передъ надмен-
ною обладательницею всего этого, обладательницею, которой оттал-
кивающая красота отражалась тутъ вездѣ и во всемъ, какъ въ не-
счетномъ множествѣ осколковъ разбитаго зеркала — онъ ощу-
щалъ смущеніе и неловкость. Все, способствовавшее къ ея небре-
жному самообладанію, уязвляло его заживо. Взбѣшенный на са-
мого—себя, онъ сѣлъ и продолжалъ съ нисколько-неулучшенными
расположеніемъ духа:

— Мицтриссъ Домби, я считаю необходимымъ, чтобы мы до-
шли до взаимнаго уразумѣнія другъ друга. Ваше поведеніе мнѣ не
нравится, сударыня.

Она взглянула на него слегка еще разъ и снова отвернулась; но
она могла бы говорить цѣлый часъ и выразила бы менѣе.

— Повторяю вамъ, мицтриссъ Домби: мнѣ не нравится. Я уже
имѣлъ случай замѣтить, что желаю въ этомъ перемѣны. Теперь я
требую этого настоятельно.

— Вы избрали приличный случай для своего первого выгово-
ра, сударь, прияли приличную манеру и употребляете приличныя
выраженія. Вы требуете настоятельно! Отъ меня!..

— Сударыня, возразилъ мистеръ Домби съ самыемъ наступатель-
но-величественнымъ видомъ:—я сдѣлалъ васъ своею жену. Вы
носите мое имя. Вы раздѣляете мое положеніе въ свѣтѣ и мою
репутацію. Я не хочу упоминать, что свѣтъ вообще считаетъ васъ
отличеною такимъ союзомъ; но скажу, что привыкъ настаивать
съ тѣми, кто со мною связанъ и кто отъ меня зависѣтъ.

— Чѣмъ изъ двухъ угодно вамъ считать меня?

— По моему мнѣнію, жена моя должна быть — и есть, волю или неволей, тѣмъ и другимъ, мистрисс Домби.

Она устремила на него пристальный взоръ и сжала дрожащи губы. Онъ видѣлъ, какъ заколыхалась грудь ея, видѣлъ, какъ лицо ея вспыхнуло и потомъ поблѣдѣло. Все это онъ могъ знать и знать, но онъ не зналъ, что ее удерживало одно слово, которое шептало въ самомъ глубокомъ тайникѣ ея сердца, и слово это было: Флоренса!

Слѣпой безумецъ, бросающійся въ пропасть! Онъ воображалъ, что она стоитъ въ страхѣ передъ нимъ!

— Вы слишкомъ-расточительны, сударыня, продолжалъ мистер Домби. — Вы безразсудно-расточительны. Вы тратите множествомъ денегъ — или то, что было бы множествомъ для большей части мужей—посѣщаю такія общества, которыя мнѣ бесполезны и вообще даже непріятны для меня. Я настоятельно требую совершеннейшей перемѣны во всемъ этомъ. Знаю, что новизна обладанія десятою долей тѣхъ средствъ, какими надѣлило васъ счастье, вовлекаетъ иногда дамъ въ крайнее мотовство. Этого было уже больше, чѣмъ довольно. Я желаю, чтобы уроки другаго рода, которыми пользовалась мистрисс Грэнджерь, послужили къ наставлению мистрисс Домби.

Тотъ же пристальный взглядъ, тѣ же дрожащи губы, волнующаяся грудь, и лицо, то багровое, то блѣлое какъ полотно — и по-прежнему шепотъ: Флоренса, Флоренса, отзываившійся ей въ каждой біеніи сердца.

Наглое самодовольствіе мистера Домби окрылилось при видѣ тѣй перемѣны въ Эдии. Разбухнувъ отъ ея прошлаго презрѣнія и его собственнаго недавняго сознанія своей невыгоды, не менѣ какъ отъ теперешней покорности (такъ онъ воображалъ ея душевное состояніе), оно было слишкомъ-сильно для его груди и вырвалось изъ всякихъ границъ. Кто могъ противиться его величественной волѣ! Онъ рѣшился переломить ее — и вотъ, смотрите!

— Такжѣ точно, сударыня, продолжалъ онъ полновластно-повелительнымъ тономъ: — вы поймете ясно, что ко мнѣ должно относиться во всемъ, чтѣ должно мнѣ повиноваться. Мнѣ должно показывать положительнымъ образомъ передъ свѣтомъ почтительность и сознаніе моей власти, сударыня. Я къ этому привыкъ. Я требую этого, какъ своего права. Короче, я этого хочу, считаю это приличнымъ вознагражденіемъ за доставшееся вамъ возвышение въ свѣтѣ, и полагаю, что никто не удивится моему требованію, или вашему повиновенію... Мнѣ, мнѣ! прибавилъ онъ особенно-выразительно.

Ни слова отъ нея. Никакой перемѣны въ ней. Глаза прикованы по прежнему къ его лицу.

— Я узналь отъ вашей матушки, мистрисс Домби, сказали онъ съ магистерскою важностью: — это, вѣроятно, известно и вамъ

—что для ея здоровья ей очень рекомендуютъ жить въ Брайтонъ. Мистеръ Каркеръ былъ такъ добръ...

Она вдругъ вся измѣнилась. Лицо и грудь запылали, какъ-будто ихъ озарило краснымъ заревомъ зловѣщаго солнечного заката. Не упустивъ замѣтить это и перетолковать по-своему, мистеръ Домби продолжалъ:

— Мистеръ Каркеръ былъ такъ добръ, что побѣхъ туда и нанялъ намъ на время домъ. По возвращеніи хозяйства въ Лондонъ, я прійму мѣры, какія сочту полезными для лучшаго имъ управлѣнія. Одною изъ нихъ будетъ приглашеніе сюда (если это возможно) весьма-почтенной особы, находящейся въ ограниченныхъ обстоятельствахъ, одной мистриссъ Пипчинъ, которая занимала нѣкогда довѣренное мѣсто въ моемъ семействѣ: она будетъ здѣсь въ качествѣ домоправительницы. Такое хозяйство, какъ это, надѣялся которымъ предсѣдательствуютъ только по имени, мистриссъ Домби, требуетъ способной головы.

Она перемѣнила свое положеніе прежде, чѣмъ онъ дошелъ до послѣдней фразы, и теперь сидѣла—все не сводя съ него глазъ—вертя на рукѣ браслетъ, не легкимъ женскимъ прикосновеніемъ, но нажимая и двигая имъ по гладкой кожѣ, такъ-что на ней обозначился красный рубецъ.

— Я замѣтилъ, сказалъ мистеръ Домби: — и этимъ окончу то, чѣмъ счелъ нужнымъ сообщить вамъ теперь, мистриссъ Домби — я замѣтилъ сейчасъ, сударыня, что вы приняли особеннымъ образомъ упоминаніе мое о мистерѣ Каркерѣ. По слухамъ обнаружены вами при этомъ довѣренномъ лицѣ моего неудовольствія касательно вашей манеры принимать моихъ гостей, вамъ было угодно объявить возраженіе противъ его присутствія. Вамъ придется преодолѣть свое неудовольствіе, сударыня, и привыкнуть къ вѣроятности видѣть мистера Каркера при многихъ подобныхъ случаяхъ, если вы не воспользуетесь средствомъ отвратить это—средствомъ, которое въ вашихъ рукахъ, то-есть, если вы перестанете подавать мнѣ поводъ къ неудовольствію на васъ. Мистеръ Каркеръ — продолжалъ мистеръ Домби, который, послѣ замѣченія имъ сейчасъ волненія, надѣлся этимъ способомъ вѣрище усмирить гордость своей жены, а, можетъ-быть, желалъ также выказать передъ этимъ джентльменомъ свою власть въ новомъ и торжественному видѣ: — мистеръ Каркеръ, пользуясь моимъ довѣренностью, мистриссъ Домби, можетъ до такой степени пользоваться и вашею. Надѣюсь, мистриссъ Домби, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія, въ-течение котораго, въ усугубившейся надменности, онъ, по-видимому, остановился на своей идеѣ: — что мнѣ не будетъ случая поручить мистеру Каркеру передавать вамъ мои замѣчанія или выговоры; но какъ въ моемъ положеніи и при моей репутаціи было бы унизительно встуپать часто въ мелочные споры съ дамою, которой я сдѣлалъ величайшее отличіе, какое толь-

ко въ моей власти, я не задумаюсь воспользоваться его услугами, когда сочту это нужнымъ...

— Теперь, подумалъ онъ, вставая съ полнымъ убѣжденіемъ въ свою нравственность могущество, и вставая болѣе негибкимъ и непроницаемымъ чѣмъ когда-нибудь: — она знаетъ меня и мою рѣшимость.

Рука, которая такъ нажимала браслетъ, легла тяжело на грудь Эдисе, но она все смотрѣла на мужа съ неизмѣнившимся лицомъ, и сказала тихимъ голосомъ:

— Постойте... ради самого Бога! Я должна говорить съ вами.

Почему она не заговорила въ-течение нѣсколькихъ минутъ, и какая внутренняя борьба сдѣлала ее неспособную говорить, между тѣмъ, какъ сильное принужденіе дало лицу ея неподвижность мрачнаго? Она смотрѣла на него ни покорно, ни непокорно, безъ дружбы или ненависти, безъ гордости или смиренія — только вопрошающимъ взглядомъ.

— Соблазнила ли я васъ когда-нибудь, чтобы вы искали моей руки? Прибѣгала ли я когда-нибудь къ лукавству для привлечения васъ? Была ли я съ вами любезнѣе, когда вы искали моей руки, чѣмъ теперь, послѣ нашей свадьбы? Была ли я съ вами когда-нибудь другою, нежели теперь?

— Сударыня, я не вижу никакой надобности входить въ такихъ разсужденіяхъ...

— Думали ли вы, что я вѣсть люблю? Знали ли вы, что этого никогда не было? Заботились ли вы когда-нибудь — вы, мужчина! — о моемъ сердцѣ и о томъ, какъ пріобрѣсти такую недостойную вѣщь? Было ли въ нашемъ торгѣ какое-нибудь жалкое притязаніе на любовь — съ моей стороны или съ вашей?

— Вопросы эти не имѣютъ никакой цѣли, сударыня.

Она встала между имъ и дверью, чтобы загородить ему дорогу, и, выпрямившись во всю величавость своего стройнаго стана, продолжала смотрѣть на него пристально.

— Вы отвѣтываете на каждый изъ этихъ вопросовъ. Вы отвѣтываете мнѣ прежде, чѣмъ я говорю — да. Какъ можете вы этому помочь, вы, которому жалкая истина известна столько же, какъ и мнѣ? Теперь, скажите мнѣ: еслибъ я любила васъ до обожанія, могла ли бы я сдѣлать больше, какъ отдать вамъ всю мою волю и все мое существо, чего вы сейчасъ требовали? Еслибъ сердце мое было чисто и совершенно непорочно, а вы были бы его идоломъ, могли ли бы вы требовать большаго и получить больше?

— Вѣроятно нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ онъ холодно.

— Вы знаете, что я вовсе не такова. Вы видите, какъ я на вѣсть смотрю, и можете прочитать на лицѣ моемъ теплоту страсти, которую я къ вамъ питаютъ. (Ни малѣйшаго движенья его гордыхъ губъ, ни малѣйшаго проблеска огня въ черныхъ глазахъ, ничего, кроме того же пристальнаго и вопрошающаго взора, не сопровождало этихъ словъ.) Вы знаете мою исторію... Вы говорили

о моей матери... Не-уже-ли вы думаете, что можете унизить или переломить меня до покорности и послушанія?

Мистеръ Домби улыбнулся, какъ улыбнулся бы при вопросѣ, въ состояніи ли онъ выплатить десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Если есть что-нибудь необыкновенное тутъ, сказала она съ легкимъ движениемъ руки къ лицу, какъ и прежде, неподвижному и безвыразительному, кромъ того же пытливаго взгляда: — такъ-какъ я знаю, что теперь необыкновенные чувства здѣсь (приподнявъ прижатую къ груди руку и тяжко опустивъ ее) — подумайте, что теперешняя просьба моя къ вамъ имѣеть значеніе, которое выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Да, прибавила она послѣднѣйно, какъ будто въ отвѣтъ на нечто, отразившееся на лицѣ его: — я собираюсь простить васъ.

Мистеръ Домби, съ небрежно-снисходительнымъ наклоненіемъ подбородка, отъ-чего зашумѣлъ его туго-накрахмаленный галстукъ — сѣлъ на стоявшую подлѣ него софу и приготовился слушать просьбу жены.

— Если вы можете повѣрить, что я теперь въ такомъ состояніи духа... (ему почудились слезы на глазахъ ея, и онъ цодумалъ съ самодовольствіемъ, что довелъ ее до этого, хотя ни одна слеза не скатилась по щекѣ Эдии, и она смотрѣла на него съ такою же твердостью, какъ всегда)... если я нахожусь въ такомъ состояніи духа, которое дѣлаетъ мои слова невѣроятными для меня-самой, потому-что они сказаны человѣку, сдѣлавшемуся моимъ мужемъ, а чтѣ еще важнѣе, сказаны вамъ, то вы, можетъ-быть, придадите имъ больше вѣса. Въ мрачной цѣли, къ которой мы оба стремимся и можемъ дойти, мы запутываемъ на пути не однихъ себя—это было бы еще неважно, но и другихъ.

Другихъ! Онъ понялъ, на кого метило это слово, и угрюмо нахмурился.

— Я говорю съ вами ради другихъ... также ради васъ-самыхъ, и ради меня. Съ самой нашей свадьбы, вы обращались со мною нагло-надменно, и я отплачивала вамъ тѣмъ же. Вы показывали мнѣ и всѣмъ, кому случалось насъ окружать, что сдѣлали мною большую честь и большую милость, женившись на мнѣ. Я думала иначе и показывала это ясно. Вы, кажется, не понимаете, или (сколько-то зависѣло бы отъ вашей воли) не желаете, чтобы каждый изъ насъ шелъ своимъ отдѣльнымъ путемъ: вместо этого, вы ждете отъ меня покорности, которой никогда не получите.

Хотя лицо ея было то же, однако слово «никогда» получило свое могущественное значеніе отъ самого дыханія, съ которымъ было выговорено.

— Я нечувствую никакой нѣжности къ вамъ, вы это знаете. Вы бы и не заботились о ней, еслибы я даже любила или могла любить васъ. Так же точно я знаю, что и вы не питаете никакой нѣжности ко мнѣ. Но мы соединены другъ съ другомъ, и въ

этихъ узахъ, какъ я уже сказала, запутаны другіе. Мы оба должны умереть; мы оба уже въ связи съ мертвыми, каждый черезъ маленькаго ребенка. Будемъ удерживаться...

Мистеръ Домби тяжело перевелъ духъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: о! такъ вотъ что!

— Нѣть богатства, продолжала она, поблѣднѣвъ сильнѣе, тогда, какъ глаза заблестѣли еще болѣею выразительностью—кото-рымъ можно было бы купить у меня эти слова, или ихъ значе-ніе. Сказанныя разъ, не воротятся ни отъ какого богатства, ни отъ какой власти. Я чувствую ихъ, взвѣсила ихъ смыслъ, и оста-нусь вѣрною, потому-что рѣшилась. Если вы дадите мнѣ объ-щаніе удерживаться съ вашей стороны, я обѣщаю вамъ удержи-ваться съ своей. Мы самая несчастная чета, изъ которой исторг-нуты, по различнымъ причинамъ, всѣ чувства, дающія супруже-ское счастье, или, по-крайней-мѣрѣ, оправдывающія супружество; но со-временемъ можетъ зародиться между нами нѣкоторое друже-ство, или нѣкоторое приспособленіе другъ къ другу. Я постараюсь надѣяться этого, если вы попытаетесь сдѣлать то же; буду смо-трѣть съ надеждою на лучшее и счастливѣйшее употребленіе сво-ихъ зреѣлыхъ лѣтъ, чѣмъ то, какое сдѣала изъ своей юности и лучшей поры жизни!

Все это проговорила она тихимъ и яснымъ голосомъ, который не возвышался и не понижался ни раза; кончивъ, она опустила руку, которой удерживала грудь и принуждала себя къ безстра-стью и наружному спокойствію: руку, но не взоры, которые такъ пристально наблюдали его лицо.

— Сударыня, сказалъ мистеръ Домби, съ крайнею степенью достоинства:—я не могу принять никакихъ предложеній такого не-обыкновеннаго свойства.

Она все смотрѣла на него безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ.

— Я не могу, продолжалъ онъ, вставая: — согласиться пересу-живать или подвергать переговорамъ съ вами, мистриссъ Домби, предмета, о которомъ вамъ уже известны мои мысли и ожиданія. Я объявилъ свой *ultimatum*, сударыня, и мнѣ осталось только про-сить вѣстъ обратить на него самое серьѣзное вниманіе.

Надобно было видѣть, какъ лицо ея вдругъ приняло свое преж-нее выраженіе, только съ усилившеюся энергией; какъ эти глаза опустились, будто переставъ смотрѣть на какой-нибудь низкій и противный предметъ; какъ вдругъ озарилось это надменное чено, какъ презрѣніе, гневъ, негодованіе и отвращеніе пробились нару-жу, а блѣдная тѣнь мольбы исчезла, будто легкій паръ! Ему оставалось только смотрѣть на это, и смотрѣть къ своему унич-тоженію.

— Ступайте, судары! сказала она, указавъ повелительнымъ же-стомъ на дверь.—Нашъ первый и послѣдній откровенный разго-воръ кончился. Ничто не можетъ раздѣлить насъ больше того, какъ мы будемъ раздѣлены съ этихъ поръ.

— Я пойду своимъ путемъ, сударыня, возразилъ мистеръ Домби: — и будьте увѣрены, ничто не сорватъ меня съ него.

Она молча обернулась къ нему спиною и сѣла передъ зеркаломъ.

— Полагаюсь на лучшее уразумѣніе вами вашихъ обязанностей, на болѣе-основательныя чувства, и на болѣе-вѣрныя внушенія вашего разсудка, сударыня.

Ни слова въ отвѣтъ. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ, что лицо ея не выражало ни малѣйшаго помышленія о немъ, будто онъ былъ не больше, какъ незримымъ паукомъ на стѣнѣ или перебѣгавшимъ по полу жукомъ, или, вѣрно, будто онъ былъ тѣмъ или другимъ, видѣннымъ и раздавленнымъ ею настѣкомъ, отъ котораго она сейчасъ только отвернулась, и потомъ забыла, какъ о ничтожной, мертвѣй гадинѣ въ родѣ околѣвающихъ ежедневно на землѣ.

Онъ оглянулся назадъ, дойдя до дверей, и окинулъ взоромъ роскошный, ярко-освѣщенный покой, раскиданные вездѣ прекрасные и блестящіе предметы, фигуру Эдиен передъ зеркаломъ въ великолѣпномъ бальномъ нарядѣ, и посмотрѣлъ еще разъ на лицо ея, какимъ увидѣлъ его въ зеркалѣ; потомъ онъ отправился въ свою старую комнату, посвященную размышеніямъ, унося съ собою въ мысляхъ живую картину всего этого и блуждающую, безотчетную мысль, какія иногда бродятъ въ человѣческой головѣ: каково будетъ смотрѣть эта комната, когда онъ увидитъ ее въ сѣдующицій разъ?

Впрочемъ, мистеръ Домби былъ вообще весьма-молчаливъ, весьма-величавъ и твердо убѣждень въ непремѣнномъ достижениѣ своей цѣли. Такимъ онъ и остался.

Онъ не былъ расположенъ сопровождать свое семейство въ Брайтонъ, но благосклонно увѣдомилъ Клеопатру за завтракомъ, въ утро ихъ отѣзда, послѣдовавшаго дня черезъ два послѣ описанной нами супружеской сцены, что его можно скоро ожидать въ тѣхъ мѣстахъ. Нужно было спѣшить доставить Клеопатру куда-нибудь въ здоровое мѣсто: она казалась рѣшительно на ушербѣ и быстро склонявшаяся къ землѣ.

Не претерпѣвъ рѣшительнаго вторичнаго припадка болѣзни, старуха, по-видимому, отползла назадъ въ свое мѣсто выздоровленія отъ первого. Она была тощѣ и морщинистѣ, болѣе-сбивчива въ своемъ частомъ полоуміи, путалась чаще въ рѣчахъ и забывалась чаще. Въ числѣ признаковъ послѣдняго недуга, она впала въ привычку перемѣшивать имена своихъ двухъ зятей, живаго и покойнаго, и обыкновенно называла мистера Домби или «Гранджби», или «Домберомъ», или безъ разбора тѣмъ и другимъ именемъ.

Но все-таки она была юношественно-игрица и чрезвычайно-молодчава, явилась къ завтраку передъ отѣздомъ въ новой шляпѣ, заказанной нарочно по этому случаю, и дорожномъ платьѣ, вышитомъ и обшитомъ какъ для младенца. Теперь не легко было надѣять на нее «летучую» шляпку или удержать ее на мѣстѣ — на

темени дряхлой трясущейся головы, когда она была напомощь надъта. Въ настоящемъ случаѣ, цилинка эта все сдвигалась на одинъ бокъ, и ее безпрестанно поправляла горничная Флоуерсъ, которая держалась въ-течение всего завтрака по близости съ этой исключительной цѣлью.

— Ну, мой любезнѣйшій Грэнджиби, сказала мистрисъ Скьютонъ:—вы рѣшительно должны обѣщать къ намъ очень-скоро. Она имѣла также привычку урѣзывать слоги словъ, а иногда совершиенно выкидывать и цѣлья слова.

— Я сказалъ сейчасъ, сударыня, возразыть мистеръ Домби громко и съ напряженіемъ:—что распомагаю прѣѣхать черезъ день или черезъ два.

— Богъ съ вами, Домберъ!

Тутъ майоръ, пришедшій проститься съ дамами и вытаращенный на мистрисъ Скьютонъ свои апоплексические глаза, съ безкорыстнымъ спокойствіемъ существа бессмертнаго сказаль:

— Клянусь Богомъ, сударыня, вы не приглашаете къ себѣ старого Джое!

— Кто этотъ злодѣй? прошепеляла Клеопатра. Но Флоуерсъ потрепала ее по тульѣ съѣхавшей шляпки и какъ-будто возвратила ей память. Она привосокупила:—О! вы говорите о себѣ, негодное созданіе!

— Чертовски-плохо, сэръ, шепнула майоръ мистеру Домби. — Плохо. Никогда не укутывалась какъ должно; майоръ былъ самъ застегнутъ до подбородка.—Кого же могъ Дж. Б. подразумѣвать, какъ не старого Джое, старого Джое Бэгстока—Джозефа, вашего раба—Джое, сударыня! Вотъ онъ! Вотъ бэгстокскіе мѣхѣ, сударыня! вскричалъ майоръ, ударяя себя звонко по груди.

— Мой ангель Эдиевъ, Грэнджиби, какъ это странно, сказала Клеопатра брюзгливо:—что майоръ...

— Бэгстокъ! Дж. Б.! подхватилъ майоръ, видя, что она забыла его имя.

— Ну, это все равно, возразила Клеопатра:—Эдиевъ, мой ангель, ты знаешь, я всегда забывала имена—что же такое? О! какъ это странно, что столько народа собирается павѣстить меня. Я уѣзжаю вѣдь немножко. Я ворочусь. Они, конечно, могутъ подождать, пока я ворочусь!

Клеопатра оглядывала всѣхъ спящихъ за столомъ и казалась не въ духѣ.

— Я не хочу гостей... право, не нужно гостей; неѣмножко отдыха—и все тутъ... мнѣ больше ничего не нужно. Ко мнѣ не должны приближаться негодныя твари, пока я не поправлюсь; при этомъ, желая снова выкинуть одну изъ своихъ кокетливыхъ продѣлокъ, она хотѣла ударить майора въ юморъ, но, вместо чего, опрокинула чашку мистера Домби, стоявшую совершенію другому направлению.

Потомъ она позвала Виттерса и велѣла ему смотрѣть, чтобы не-

премышило приступили къ некоторымъ пустымъ передѣлкамъ въ ея комнатѣ, которая должно кончить прежде, чмъ она воротится паче паче немедленно, такъ-какъ нельзя сказать, когда именно ей предумается воротиться, а у нея много приглашеній, и она намѣрена дѣлать и принимать цѣлую тьму визитовъ. Витерсъ выслушала эти приказанія съ приличнымъ вниманіемъ и поручился за ихъ исполненіе; но отступивъ отъ своей госпожи шага на два нарадъ, не могъ удержаться отъ странного взгляда на майора, тотъ взглянулъ также странно на мистера Домби; а мистеръ Домби не меньше странно на мистриссъ Скьютонъ; та же, съ своей стороны, кинула до того, что шляпка свѣхала ей па одинъ глазъ, и она барабанила по тарелкѣ, дѣйствуя ножомъ и вилкою, какъ-будто играя кастаньетами.

Одна Эдиэв не поднимала глазъ ни на чье лицо изъ присутствующихъ и не казалась удивленною или огорченюю ничимъ, что бы ни дѣхала, что бы ни говорила ея мать. Она слушала ея безсвязную болтовню, или, по-крайней-мѣрѣ, повертывала къ ней голову, когда та адресовалась къ пей, отвѣчала пѣсколькими тихими словами, когда было нужно, иногда останавливалась Клеопатру, когда та бредила, или направляла ея память на путь истинный однобложнымъ словомъ, когда та сбивалась. Мать, какъ бы ни блуждали ея мысли па-счетъ всего остального, была постоянно въ одномъ—безпрестанно наблюдала физиономію дочери. Она смотрѣла на прекрасное лицо, строгое и мраморно-неподвижное, то съ какимъ-то боязливымъ восторгомъ; то съ рѣзымъ хиканьемъ, стараясь вызвать на немъ улыбку, то съ брюзгливыми слезами и завистливыми сотрясеніями головы, какъ-будто воображая, что дочь къ ней невнимательна—но всегда подъ вліяніемъ влечения къ ней, которое не слабѣло, какъ бы ни бродили мысли старухи, но овладѣло всмъ существомъ ея. Съ лица Эдиэв взоръ ея переходилъ по временамъ па Флоренсу съ довольно-дикимъ выраженіемъ; иногда она пробовала смотрѣть куда-нибудь въ сторону, какъ-будто избѣгая притягательной силы лица дочери; но глаза ея обращались къ ней снова и по-видимому пасильно, хотя Эдиэв не искала встрѣчи съ ними и не обезпокоила матери ни однимъ взглядомъ.

По окончаніи завтрака, мистриссъ Скьютонъ, прикинувшись опирающеюся съ дѣвическою легкостью на руку майора, хотя по другую сторону ее съ усилемъ поддерживала горничная Флоуерсъ, а сзади пажъ Витерсъ, добралась до кареты, въ которой должна была ѣхать въ Брайтонъ вмѣстѣ съ Флоренсою и Эдиэвою.

Не-уже-ли Джовеффъ рѣшительно изгнанъ, мэмъ? сказали майоръ, всунувъ свое синее лицо въ окончко кареты. — Годзмъ, мэмъ, не-уже-ли Клеопатра такъ жестокосерда, что запретить своему вѣрному Антоніо Багстоку приближаться въ ней?

— Убирайтесь! отвѣчала Клеопатра.—Я васъ терпѣть не могу.

Вы увидите меня, когда я ворочусь, если будете вести себя очень хорошо.

— Такъ скажите Джое, что онъ можетъ жить надеждою, мэмъ; не то онъ умреть съ отчаянія.

Клеопатра вздрогнула и откинулась назадъ.

— Эдие, мое дитя, скажи ему...

— Что?

— Какія страшныя слова! Онъ говорить такія страшныя вещи! Эдие сдѣлала ему знакъ удалиться, велѣла ѿхать и предоставила майора мистеру Домби, къ которому онъ воротился досыпавшая.

— Знаете, что я вамъ скажу, сэръ? сказалъ майоръ, закинувъ руки за спину и раздвинувъ широко ноги: — одна изъ нашихъ прелестныхъ знакомыхъ отправилась въ безъизвѣстную улицу.

— Я васъ не понимаю, майоръ.

— Я хочу сказать, Домби, что вы скоро будете осиротѣльныя зятемъ.

Мистеру Домби, по-видимому, очень не понравилась такая безперемонность, и майоръ принялъ за свой лошадинный кашель, что всегда дѣлалъ, когда хотѣлъ казаться степеннымъ.

— Годдэмъ, сэръ! Нѣть никакой нужды скрывать этотъ фактъ. Джое человѣкъ прямой, сэръ. Такая у него натура. Если вы хотите имѣть стараго Джоша, сэръ, то берите его такимъ, каковъ онъ есть, и вы найдете его чертовски-ржавымъ, старымъ забѣжкимъ, изъ зубастой Дж. Б. породы. Домби, матушка вашей жены утекаетъ, сэръ.

— Я боюсь, возразилъ мистеръ Домби весьма-философически: — что мистриссъ Скьютонъ запачтально потрясена.

— Потрясена, Домби? Разбита въ дребезги!

— Однако, перемѣна жизни и заботливость могутъ еще сдѣлать для нея многое.

— Неѣѣрте этому, сэръ. Годдэмъ, сэръ! она никогда не куталась какъ должно. Если человѣкъ не укутается, такъ его нечemu держать. Есть люди, которымъ должно умереть. Непремѣнно. Годдэмъ, они умрутъ. Они упрямы. Я вамъ скажу вотъ что, Домби: можетъ-быть, это не будетъ вычурно; можетъ-быть, не уточненно, а туго и круто, но иѣсколько старого, настоящаго британскаго, бѣгстоковскаго элемента, сэръ, не мѣшало бы подбавить въ человѣчество, для улучшения людской породы.

Сообщивъ это драгоценное свѣдѣніе, майоръ, человѣкъ по имени «синий», какими бы онъ ни обладалъ другими качествами, за которыми входилъ въ классификаціи «старого, настоящаго британскаго элемента» — чего еще никто не опредѣлилъ вполнѣ — майоръ свернулъ свои парадичные признаки и раковые глаза въ клубокъ и пыхтылъ такъ во весь остатокъ дня.

Клеопатра, то броагливая, то самодовольная, иногда сонная, иногда несонная, но вообще необычайно-юношественная, пріѣхала

въ тот же вечеръ въ Брайтонъ, разсыпалась на части, по обыкновенію, и была уложена въ постель. Тамъ мрачно-настроенная фантазія могла бы легко нарисовать болѣе-могущественное олицетвореніе смерти, чѣмъ какимъ быда ея полная, здоровая горничная, которой бы слѣдовало быть скелетомъ — олицетвореніе смерти, бодрствующее за розовыми занавѣсами, привезенными нарочно сюда, чтобы они проливали свой цвѣтъ на полу живую старуху.

Верховный совѣтъ медицинскихъ авторитетовъ рѣшилъ, что она должна ежедневно пользоваться воздухомъ, катаясь въ каретѣ, или прогуливаясь пѣшкомъ, если ее на это станеть. Эдиѣвъ была готова сопутствовать ей, всегда готова, съ прежнею машинальною внимательностью и холодною красотою — и онѣ выѣзжали вдвоемъ: Эдиѣвъ чувствовала себя неловко при Флоренсѣ теперь, когда матери ея стало хуже, и она сказала Флоренсѣ съ нѣжнымъ поцѣлуемъ, что предпочитаетъ выѣзжать съ матерью одна.

Разъ, мистрисъ Скьютона была въ нерѣшительномъ, капризномъ, ревнивомъ расположениѣ духа, которое развилось въ ней, когда она начинала выздоравливать отъ первого удара паралича. Просидѣвъ нѣсколько времени молча въ каретѣ и во все это время наблюдала лицо дочери, она вдругъ взяла ея руку и начала щаловать съ жаромъ. Рука не была ни дана, ни отнята, но просто уступила безсознательно тому, что съ нею хотѣли дѣлать, а потомъ, когда мать перестала держать ее, она опустилась сама собою, какъ безжизненная. На это старуха начала плакаться и жаловаться, и говорить, какою нѣжною матерью она была, и какъ она теперь покинута и забыта! Она продолжала сѣтовать по своеобразнымъ промежуткамъ времени, даже когда онѣ вышли изъ кареты. Старуха двигалась пѣшкомъ, при помощи Витерса и трости, Эдиѣвъ шла рядомъ съ нею, а карета слѣдовала за ними въ недальнемъ разстояніи.

День былъ пасмурный, зловѣщій, вѣтранный, и они шли по до-уисамъ, имѣя передъ собою только небо и голую полосу песчаной почвы. Мать продолжала брюзгливо свои монотонныя сѣтанія, повторяя ихъ по временамъ въ-полголоса, а гордая фигура дочери двигалась медленно подлѣ нея, какъ вдругъ на одномъ пригоркѣ показались двѣ другія женскія фигуры, которые издали казались такими странными и преувеличенными подобіями ихъ собственныхъ, что Эдиѣвъ невольно остановилась.

Почти въ одно время съ нею остановились и тѣ женщины; та, которая показалась Эдиѣвъ изуродованною тѣнью ея матери, говорила съ жаромъ другой, указывая рукою на обѣихъ дамъ. Первая, по-видимому, чувствовала расположеніе вернуться; но другая, въ которой Эдиѣвъ узнала столько сходства съ собою, что была поражена страннымъ чувствомъ, похожимъ на страхъ, продолжала идти; тогда обѣ пошли вмѣстѣ.

Большую часть этихъ замѣчаній Эдиѣвъ слѣдала, подходя къ тѣмъ двумъ фигурамъ, потому-что она простояла только на мгновеніе. Разсмотрѣвъ ихъ ближе, она увидѣла, что онѣ одѣты

бѣдно, какъ безпріютныя скиталицы; младшая разносила для про-
дажи кой-какія вязаныя вещи и товаръ въ томъ же родѣ, а ста-
рая брела съ пустыми руками.

И между-тѣмъ, какъ далеко ни была она выше младшей жен-
щины по одеждѣ, наружному достоинству и красотѣ, но все-таки
Эдиев не могла удержаняться отъ сравненія ея съ собою. Можеть-
быть, она видѣла на ея лицѣ нѣкоторые слѣды того, что гаилось
въ ея собственной душѣ, хотя и не отражалось въ наружности;
но когда младшая подошла, встрѣтила ея взглядъ и устремила на
нее свои блестящіе глаза — несомнѣнно представляя нѣчто изъ ея
вида и осанки, и, по-видимому, сочувствуя ея мыслямъ — она
ощущила, какъ по тѣлу ея пробѣгалъ ознобъ, будто день дѣлался
насмуріе, а вѣтръ холоднѣе.

Обѣ группы сошлись. Старуха, остановившись, нагло протянула
руку и стала просить милостыни у мистрисс Скьютонъ. Молодая
остановилась также; она и Эдиев смотрѣли другъ другу прямо
въ глаза.

— Что ты продаешь? спросила Эдиев.

— Только это, отвѣчала она, держа на показъ свои товары и
не глядя на нихъ.—Себя я продала уже давно.

— Милэди, не вѣрьте ей, каркала старуха, обратясь къ мист-
рисс Скьютонъ: — не вѣрьте. Она любить болтать такой вадоръ.
Это моя хорошенъкая и непокорная дочь. Я не слышу отъ нея
ничего, кромѣ упрековъ, милэди, за все, что для нея сдѣлала.
Вотъ, посмотрите на нее, милэди, какъ она глядитъ на свою бѣд-
ную старую мать.

Мистрисс Скьютонъ достала кошелекъ и принялась торопливо
и дрожащею рукою искать въ чемъ монеть, которыхъ другая ста-
руха ждала съ жадностю; дряхлые головы ихъ чуть не касались
между собою въ этой поспѣшности. Въ это время, вмѣшалась въ
разговоръ Эдиев:

— Я видѣла тебя прежде, обратясь къ старухѣ.

— Да, милэди (и она присѣла). — Тамъ, въ Варвикшѣрѣ,
утромъ, между деревьями... когда вы не хотѣли дать мнѣ ничего.
Но тотъ джентльменъ, онъ далъ мнѣ денегъ! О, Богъ съ нимъ,
Богъ съ нимъ! чавкала она, держа протянутую костлявую руку и
страшно оскаля зубы къ дочери.

— Не зачѣмъ останавливать меня, Эдиев! сказала мистрисс Скьютонъ, сердито ожидая возраженія съ ея стороны.—Ты ниче-
го не понимаешь. Я не хочу, чтобы мнѣ мѣшали. Я увѣрена, что
это предобрѣйшая женщина и хорѣшая мать.

— Да, милэди, да, шебетала старуха, протянувъ къ ней свою
алчную руку. — Благодарю васъ, милэди. Благослови васъ Богъ,
милэди. Еще шестидесятъ, моя хорошенъкая леди... сами вы
добрая мать.

— И со мною иногда поступаютъ довольно-таки непочтительно,
мое добре старое твореніе, увѣраю тебя, сказала мистрисс Скью-

тонъ плаксивымъ тономъ. — Вотъ тебѣ! Дай ми руку. Ты преборое старое твореніе—полное того, какъ оно называется—и все это. Ты вся нѣжность и прочая, не такъ ли?

— О, да, мыѣди!

— Да, я увѣрена; таково же это джентльменистое созданіе Грэнджби. Право, я должна пожать тебѣ руку еще разъ. Ну, теперь ты можешь идти, знаешь... и я надѣюсь (обращаясь къ дочери своего двойника), что ты будешь оказывать больше благодарности и врожденного —какъ его зовутъ, и все остальное... но я никогда не помнила именъ, потому что вѣрно никогда не было лучшей матери, чѣмъ было для тебя это добре старое твореніе. Пойдемъ, Эдие!

Развалина Клеопатры двигалась, продолжая сѣтовать и плакать, и отирать глаза съ осторожностью, помня о румянахъ по соѣству ихъ; а другая старуха заковыляла въ другую сторону, двигая челюстями, чѣвкая и пересчитывая деньги. Между Эдиею и младшею странницей не было сказано ни слова, не было ни одного жеста; но ни одна не свела ни на мгновеніе пристального взгляда съ другой. Все это время они стояли лицомъ-къ-лицу; наконецъ, Эдие, будто пробудившись отъ сновидѣнія, пошла тихо впередъ...

— Ты красавица, бормотала ей тѣнѣ, глядя ей вслѣдъ: — но красота насть не спасаетъ. Ты женщина гордая; но гордость насть не спасаетъ. Намъ нужно узнать другъ друга, когда мы опять встрѣтимся!

ГЛАВА V.

Еще голоса на волнахъ.

Все идетъ своимъ чередомъ. Волны охрипли, повторяя свои танцы; пыль лежитъ грудами на прибрежья; морскія птицы поднимаются въ воздухъ и парятъ; вѣтры и облака стремятся по своему бесцѣльному пути; бѣлые руки манятъ при лунномъ свѣтѣ въ невидимую страну, которая далеко за водами.

Съ кроткимъ и грустнымъ удовольствіемъ видить себя Флоренса снова въ знакомыхъ мѣстахъ, гдѣ она бродила такъ печально, но все-таки была такъ счастлива; она лумаетъ о покойномъ братѣ тамъ, гдѣ, бывало, часто съ нимъ бесѣдовала, когда вода волновалась недалеко отъ его колясочки. Теперь, сидя тутъ въ заумчивости, она прислушивается къ однообразному ронету моря и слышитъ повтореніе маленькой исторіи умершаго малютки, слышитъ отголоски его собственныхъ словъ; ей кажется, что вся ея жизнь, надежды и печали послѣ того —въ прежнемъ пустынномъ домѣ и пышномъ дворцѣ настоящаго времени—имѣютъ свою долю въ этихъ чудныхъ напѣвахъ.

Т. XVI. — Отд. I.

Добрый мистер Тутсъ, скитающийся поодаль и смотрящий внимательно на богоизбранное имъ существо (онъ послѣдовалъ за Флоренсою сюда, хотя изъ деликатности и не рѣшился тревожить ее въ такое время), также слышитъ *requiem* маленькому Домби на волнахъ, которые плавно движутся, поднимаются и опускаются, напѣвая вѣчный мадригаль хвалы Флоренсъ. Да! онъ подразумѣваетъ, бѣдный мистеръ Тутсъ, что волны говорятъ кое-что о временахъ, когда самъ онъ чувствовалъ себя нѣсколько-блестательнѣе и не такимъ безмозглымъ, какъ теперь; слезы выступаютъ на его глазахъ при опасеніи, что теперь онъ скученъ и глупъ, и годится только для посмѣшища: это отравляетъ пріятность, которую мистеръ Тутсъ ощущалъ, освободившись отъ непосредственной ответственности передъ Чиккеномъ, уѣхавшимъ (на счетъ Тутса) готовиться на побоище съ знаменитымъ боксеромъ Ларки, или Жаворонкомъ.

Но мистеръ Тутсъ ободряется, когда волны напшептываютъ ему ласковую мысль; постепенно и часто останавливаясь въ церѣшиности, онъ приближается къ Флоренсъ. Запинаясь и краснея, мистеръ Тутсъ прикидывается изумленнымъ такою встрѣчей, и увѣряетъ, хотя онъ слѣдовалъ по пятамъ за каретой, въ которой онаѣхала, отъ самого Лондона, глотая съ наслажденіемъ даже пыль изъ-подъ ся колесъ, что онъ никогда въ жизни не былъ такъ удивленъ.

— И взяли съ собою Діогена, миссъ Домби! говоритъ мистеръ Тутсъ, проникнутый нас kvозь прикосновеніемъ нѣжной ручки, протянутой ему такъ радушно и чистосердечно.

Безъ сомнѣнія, Діогенъ здѣсь, и безъ сомнѣнія, мистеръ Тутсъ имѣть причину замѣтить его, потому-что Діогенъ устремляется прямо къ ногамъ мистера Тутса и перекувыркивается въ запальчивости этого движенія, какъ настоящая собака знаменитаго Монтаржі. Но порывъ пса укрощенъ голосомъ его милой госпожи:

— Смирно, Ди, смирно! Развѣ ты забыть, кто сдѣлалъ насть друзьями, Ди? Стыдись!

О! хорошо Діогену пражимать свою морду къ ея рукѣ, метаться со стороны на сторону, кружиться около нея, лаять и бросаться, какъ бѣшеному, на всякаго встрѣчнаго, въ доказательство своей преданности. Мистеръ Тутсъ былъ бы и самъ готовъ броситься, какъ бѣшеный, на кого бы то ни было. Проходитъ мимо военный джентльменъ, и мистеръ Тутсъ чувствуетъ пламенное желаніе устремиться на него.

— Діогенъ здѣсь въ своемъ родномъ воздухѣ, миссъ Домби, не такъ ли?

Флоренса соглашается, благодарно улыбаясь.

— Миссъ Домби, извините, но еслибы вы вздумали прогуляться къ Блімберамъ, я... я иду туда.

Флоренса модча подала ему руку, и они щопли вмѣстѣ, предшествуемые Діогеномъ. Ноги мистера Тутса трясутся; хотя онъ разряженъ щегольски, однако ему кажется, что платье сдѣто не

въ перу, и онъ видѣть морщинки на мастерскихъ произведеніяхъ Боргесса и Комп.; онъ быдовольше, еслибъ надѣлъ лакированные сапоги.

Наружность дома доктора Блимбера имѣеть свой прежній художественный и ученый видъ. Наверху непримѣнно окно, куда Флоренса заглядывала, ища блѣднаго личика, окно, где блѣднѣе личико озарялось радостью увидя ее, и откуда исходила ручонка посыпала ей нѣжныя поцалуи. Дверь отворена прежнимъ слабоокимъ молодымъ человѣкомъ, который глупо оскаливаетъ зубы при видѣ мистера Тутса. Ихъ вводятъ въ кабинетъ доктора Блимбера, гдѣ слѣпой Гомеръ и Минерва даютъ имъ аудиенцію, какъ и въ старину, при степенному чиканью большихъ стѣнныхъ часовъ залы; глобусы стоятъ на своихъ прѣжнихъ мѣстахъ, какъ будто сѣсть остановился и ничто въ немъ не погибло, покоряясь общему закону, который вертитъ, и вертить его безъ устали, а между тѣмъ призываешь все къ землѣ.

И вотъ, самъ докторъ Блимберъ съ своими учеными негами; и вотъ мистрисъ Блимберъ, въ чепчикѣ небеснаго цвета; и вотъ Корнелія, со своими песчанистыми рядами кудрей и блестящими очками: она роется по-прежнему какъ могильщикъ въ могилѣ мертвыхъ языковъ. Вотъ столь, на которомъ сидѣтъ блѣдный малютка, одинокій и беспомощный, «новый мальчикъ», ученица; сюда доходитъ отголосокъ воркотни старыхъ учениковъ, живущихъ стариками въ старой комнатѣ и на старыхъ началахъ!

— Тутсъ, говорить докторъ Блимберъ:—очень радъ видѣть васъ, Тутсъ.

Мистеръ Тутсъ хикаетъ въ ответъ.

— И видѣть васъ, Тутсъ, въ такомъ хорошемъ обществѣ.

Мистеръ Тутсъ объясняетъ съ побагровѣвшимъ лицомъ, что онъ встрѣтился случайно миссъ Домби и что, такъ-какъ миссъ Домби пожелала, подобно ему, видѣть это старое училище, то они и пришли сюда вмѣстѣ.

— Безъ сомнѣнія, миссъ Домби, вы заглянете къ нашимъ молодымъ друзьямъ, сказалъ докторъ Блимберъ.—Все ваши прежніе сотоварищи, Тутсъ. Я полагаю, въ нашемъ портикѣ нѣтъ новыхъ учениковъ, моя милая (обращаясь къ Корнеліи), съ-тѣхъ-поръ, какъ насъ оставилъ мистеръ Тутсъ?

— Кромѣ Битерстона, отвѣчала дочь.

— Да, правда, Битерстонъ новое лицо для Тутса.

Новое и для Флоренсы: въ учебной комнатѣ, Битерстонъ — уже не тотъ Битерстонъ, который былъ мученикомъ мистрисъ Папчинъ—является въ тугомъ галстухѣ и брыжжахѣ, и уже носятъ часы съ цѣпочкой. Но Битерстонъ, рожденный подъ какимъ-нибудь зловѣщимъ созвѣздіемъ Бенгала, чрезвычайно — чернильный; лексиконъ его до того страдаетъ водяною отъ беспрестанныхъ справокъ съ нимъ, что уже не хочеть закрываться и какъ-будто звѣзда въ доказательство потребности покоя. То же самое дѣ-

ласть обладатель его, Битерстонъ, подверженный самому «высокому давлению» доктора Блимбера; и оъзвѣтъ Битерстона видѣя отрызаною злость, и говорить, будто бы онъ даже выражалъ ненависть поимать «старого Блимбера» въ Индіи. Тамъ бы этого старый чортъ увидѣлъ себѣ очень-скоро унесеннымъ во внутрь страны его (т. е. Битерстона) кулаками и переданъ Тхаггамъ^(*); вотъ что онъ можетъ ему обѣщать.

Бриггсъ работалъ по-прежнему надъ жерновами мельницы занія; Товеръ также; Джонсонъ также, и всѣ остальные. Старые ученики заняты больше всего, съ неутомимымъ усердіемъ, стараниемъ забыть все, что они знали, когда были молодыми учениками. Всѣ вѣжливы и блѣдны по-прежнему; между ними мистеръ Файдеръ, «баккалавръ искусствъ», съ костлявыми руками и щетиноподобною головой, трудится безъ устали надъ Геродотомъ, который только-что зарядилъ себѣ, и остальными мудрецами, стоящими за нимъ на полѣ.

Визитъ освобожденнаго Тутса произвелъ сильное впечатлѣніе даже между этими степенными юношами: на него смотрѣть съ некоторымъ благоговѣніемъ, какъ на перешедшаго черезъ Рубаконъ и уже неожиданно назадъ; покрай его плагы, колыца на рукахъ и другія галантейныя бездѣлушки возбуждаютъ у него и спиной толки въ-полголоса. Желчный Битерстонъ, не сопротивляясь мистера Тутса, прикладывается передъ младшими учениками, будто послѣднія вещи возбуждаютъ его превѣніе: онъ говоритъ, что желалъ бы видѣть Тутса съ такою дрянью въ Бенгаль, где у его матери есть изумрудъ, взятый изъ скамеечки какого-то раба. Вотъ это вещь!

Видѣть Флоренсы возбуждаетъ одурманивающія чувства: всѣ молодые джентльмены влюблются въ нее снова, кроме вынѣупомянутаго желчнаго Битерстона, который не влюбляется по собственному ему духу противорѣчія. Во всѣхъ сердцахъ рождается черная ревность къ мистеру Тутсу, и Бриггсъ изъявляетъ мнѣніе, что «наконецъ онъ еще вовсе не довольно-старъ». Но мистеръ Тутсъ уничтожаетъ такой коварный намекъ сразу, обратясь громко къ мистеру Файдеру: «каково поживаешь, Файдеръ?» и пригласить его къ себѣ обѣдать сегодня же въ Бедфордъ-Отель, не пренеся какоихъ подвиговъ онъ и могъ избавиться отъ всѣхъ вопросовъ, какъ самъ «Старый Шарръ».

Много пожатій руки, много расшаркиванья, и сильное желаніе со стороны каждого изъ молодыхъ джентльменовъ свалить мистера Тутса въ милостивомъ расположении миссъ Домби. Потомъ, когда мистеръ Тутсъ удостоился минутнаго хѣканья свою прѣжнюю конторку, онъ и Флоренса ушли съ мистрессъ Блимберъ и Корнеліей, а докторъ Блимберъ, выходя послѣ всѣхъ и запирая за собою двери, замѣтаетъ:

(*) Секта смертоубийцъ въ Индіи.

— Дженнимены, мы теперь приймемся за наши занятия.

Одно только это, да разг' еще немногое другое, смысль ученый докторъ въ говорѣ моря, или слыхалъ отъ него во всею свою жизнь.

Флоренса уходитъ потихоньку въ прежнюю спальню покойнаго брата, вмѣстѣ съ мистрессъ Блимберъ и Корнеліей; мистеръ Тутсь, чувствуя, что тамъ нѣтъ надобности ни въ немъ, ни въ комъ бы то ни было, стоитъ у дверей и бесѣдуетъ съ докторомъ, или, скопѣ, слушаетъ мудрыя рѣчи доктора и удивляется, какъ могъ енъ нѣкогда считать эту кабинетъ великимъ святилищемъ, и самого доктора съ течеными круглыми ногами, похожими на ножки духовнаго фортепиано, за великаго и грознаго человѣка. Флоренса вскорѣ спускается внизъ и прощается; мистеръ Тутсь откланивается также; Дюгемъ, который во все это время пугалъ беспощадно слaboокаго молодаго человѣка, бросается за двери и весело лаетъ на утесь, между-тѣмъ, какъ Мелія и другая служанка доктора Блимбера выглядываютъ изъ верхняго окна, посмѣшиваются надъ «этими мистеромъ Тутсомъ» и говорятъ о миссъ Домби: «праве, франко, а вѣдь она не похожа на своего брата, только пригоже его!»

Мистеръ Тутсь, увиди слезы на глазахъ Флоренсы, когда она ссыпала съ верху, мущится отчаяніемъ и беспокойствомъ, и думаетъ, что сдѣлалъ худо, предложивъ ей это посѣщеніе. Но онъ скоро приходитъ въ себя, когда она говоритъ, что ей было очень приятно видѣть эти давно-знакомыя мѣста; она бесѣдуетъ о нихъ съ удовольствіемъ, илаучи съ своимъ кавалеромъ вдоль взморья. Голоса воли, нѣжный голосъ Флоренсы, когда они подводятъ къ дому мистера Домби, и необходимость разстаться съ нею — все это порабощаетъ мистера Тутса до того, что у него не остается ни малейшої свободной воли. Когда на прощаныи она дружески протянула ему руку, онъ не въ силахъ былъ выпустить ее изъ своей руки.

— Миссъ Домби, извините, говорить мистеръ Тутсь печальнымъ шепотомъ: — «еслибы вы позволили мнѣ...»

Улыбающійся и невинный взглядъ Флоренсы ставитъ его въ тупикъ.

— Еслибы вы позволили мнѣ... еслибы не сочли вольностью, миссъ Домби, что я... безъ всякаго поощренія съ вашей стороны... еслибы могъ надѣяться, знаете...

Флоренса смотрѣть на него вопросительно.

— Миссъ Домби, (она чувствуетъ, что теперь ему уже дѣваться некуда, и надобно продолжать волей или неволей), я, право, въ такомъ состояніи... танъ обожаю васъ, что не знаю, что съ собою дѣлать. Я самое жалкое существо. Еслибы мы были теперь не на углу сквера, я бы опустился на колѣни и умолкалъ бы васъ — безъ всякаго поощренія съ вашей стороны — позволить мнѣ только надѣяться, что могу... могу считать возможнымъ, что вы...

— О, прошу васъ, перестаньте! восклицаетъ Флоренса, испуганная и оторченная.—Не дѣлайте этого, мистеръ Тутсъ. Перестаньте, прошу васъ. Не продолжайте. Изъ дружбы ко мнѣ, не продолжайте!

Мистеръ Тутсъ пристыженъ ужасно и открываетъ ротъ.

— Вы были ко мнѣ такъ добры. Я вамъ такъ благодарна, имѣю столько причинъ считать васъ своимъ добрымъ другомъ, столько люблю васъ (тутъ невинное лицо улыбнулось ему съ самымъ искреннимъ и ласковымъ взглядомъ), что увѣрена, вы хотѣли только проститься со мною!

— Конечно, миссъ Домби, я... я... Вы совершенно угадали. Только этого я и хотѣлъ. Это ничего...

— Прощайте, мистеръ Тутсъ!

— Прощайте, миссъ Домби! Надѣюсь, вы перестанете думать объ этомъ. Это... это ничего, благодарю васъ. Въ этомъ нѣтъ никакой важности.

Вѣдныи мистеръ Тутсъ отправляется въ свою гостинницу съ отчаяніемъ въ душѣ, бросается на постель и лежитъ долго, какъ будто въ «этомъ» пребольшая важность. Но мистеръ Фидеръ, «бакалавръ искусства», приходитъ къ обѣду и доставляетъ этимъ большую отраду мистеру Тутсу, который иначе настроение не могъ бы улучшить, когда онъ встанетъ. Мистеръ Тутсъ обязанъ, однако, встать и принять гостя съ должнымъ радушіемъ.

Благородное вліяніе этой общественной добродѣтели, гостеприимства (не говоря о добромъ винѣ и хорошихъ кушаньяхъ), отвергаетъ сердце мистера Тутса и разогреваетъ его разговорчивость. Онъ не разсказываетъ мистеру Фидеру о проишшедшемъ на углу сїнвара; но на вопросъ мистера Фидера: «Когда же этому свершаться?» мистеръ Тутсъ отвѣчаетъ: «Есть нѣкоторые предметы...» Чѣмъ мистеръ Фидеръ спущенъ немедленно тона на два ниже. Мистеръ Тутсъ удивляется, по какому праву смѣль Блимберъ дѣлать замѣчанія на счетъ того, что онъ въ обществѣ миссъ Домби: если онъ сдѣлалъ это изъ дерзости, то онъ, Тутсъ, вызоветъ его на дѣйствіе; буде онъ хотѣть сто разъ докторъ наукъ; но онъ полагаетъ, что это произошло отъ одного только невѣжества. Мистеръ Фидеръ съ этимъ совершенно-согласенъ.

Мистеръ Фидеръ, однако, какъ задушевный другъ, не исключень изъ довѣрности мистера Тутса, который требуетъ только, чтобы въ ней упоминалось съ таинственностью и чувствомъ. Послѣ несколькиихъ рюмокъ вина, онъ предлагаетъ тостъ за здоровье миссъ Домби, замѣчая:

— Фидеръ, ты не можешь себѣ представить, съ какими чувствами я предлагаю этотъ тостъ!

— О, напротивъ, другъ Тутсъ; они вполнѣ къ твоей чести, старый пріятель.

Послѣ этого, мистеръ Фидеръ растроганъ дружбою, и они по-жимаютъ другъ другу руки. Фидеръ говоритъ, что если Тутсъ

когда-нибудь понадобится братъ; то ему известно куда адресоваться, и онъ получитъ его немедленно по почтѣ или съ пересыпкой. Мистеръ Файдеръ говоритъ также, что, по его мнѣнию, Тутсу необходимо выучиться играть на гитарѣ или по-крайней-мѣрѣ на флейтѣ: женщины вообще любятъ музыку, когда за ними ухаживаютъ—въ чёмъ онъ убѣдился собственнымъ опытомъ.

Это наводить мистера Файдера на исповѣдь, что онъ имѣетъ виды на Корнелію Блимберъ. Онъ уведомляетъ мистера Тутса, что не считаетъ ея очковъ серыѣнныи препятствиемъ, и если докторъ согласится на благое дѣло и потомъ откажется отъ своихъ занятій, то имъ не прідется голодать. По его мнѣнию, если человѣкъ заработалъ себѣ трудомъ порядочную сумму, то онъ обязанъ отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій по своей части; а Корнелія будетъ спутницею жизни, которою всякий мужчина можетъ гордиться. Мистеръ Тутсъ, вмѣсто отвѣта, пускается въ дикія похвалы совершенствамъ миссъ Домби и намекаетъ, что иногда ему приходило въ голову пустить себѣ пулю въ лобъ. Мистеръ Файдеръ находитъ такой поступокъ безразсуднымъ и показываетъ ему, какъ лекарство примиряющее съ существованіемъ, перетреть Корнелія, съ очками и прочими принадлежностями.

Такъ проводить вечеръ эти мирныя души. Когда вечеръ синулся ночью, мистеръ Файдеръ идетъ домой въ сопровожденіи Тутса, который разстается съ нимъ у самыхъ дверей доктора Блимбера. Но мистеръ Файдеръ только «на фальшивую» поднимается по лѣстницѣ: когда мистеръ Тутсъ скрылся изъ вида, онъ спускается снова и идетъ бродить по возморью одинъ и размышляетъ о своихъ планахъ и надеждахъ. Мистеръ Файдеръ слышитъ ясно, какъ волны говорятъ ему, что докторъ Блимберъ навѣрно откажется отъ педагогическихъ дѣлъ; онъ чувствуетъ романическое удовольствіе, глядя спаружи на старый домъ и мечтая, что докторъ выкраситъ его напередъ, а потомъ подвергнетъ тщательному исправленію.

Мистеръ Тутсъ также бродитъ взадъ и впередъ около хранилища его безцѣнного алмаза; въ жалобномъ расположеніи духа и подвергаясь подозрѣніямъ полиції, онъ смотритъ вверхъ на окно, где видѣть свѣтъ, который, безъ-сомнѣнія, въ комнатѣ Флоренсы. Но онъ ошибается: это комната мистриссъ Скьютонъ, Флоренса, уснувшая уже въ другой комнатѣ, видитъ себя въ кроткихъ сновидѣніяхъ среди прежнихъ сценъ, и воспоминанія прошедшаго оживаются передъ нею; а между-тѣмъ, фигура, которая въ угрюмой существенности занимаетъ больнаго малютку, угасшаго въ другомъ мѣстѣ, и напоминаетъ снова—но какъ различно!—о смерти и тѣлѣніи, лежитъ тутъ, безсонная, жалкая и плаксивая. Безобразна и мертвенно лежитъ она на ложѣ не-отдыха; а подлѣ нея, въ страшно-безстрастной красотѣ, которая виновата страхъ угаивающимъ глазами больной — сидитъ Эдисъ. Чѣмъ говорить волны имъ въ тишинѣ ночи?...

— Эдиев, какая тамь каменная рука поднялась и хочетъ меня ударить?

— Нѣть никакой, матушка; она только въ вашемъ воображеніи.

— Только въ моемъ воображеніи! Все только въ моемъ воображеніи... Смотри! Невозможно, чтобъ ты не видѣла!

— Право, матушка, нѣть ничего. Не-уже-ли я бы могла сидѣть спокойно, еслибы тутъ было дѣйствительно что-нибудь подобное?

— Спокойно? глядя на нее дико: — теперь прошло — а почему ты такъ спокойна? Это не фантазія, Эдиев. Минъ холодно смотрѣть на тебя, когда ты подлъ меня.

— Очень сожалѣю, матушка.

— Сожалѣешь! Ты, кажется, всегда сожалѣешь... только не обо мнѣ.

Съ этимъ она расплакалась. Метая беззрѣйную голову со стороны на сторону на подушкѣ, она распространяется о невинимательности дочери, и о томъ, какою она всегда была матерью, и какая добрая мать старуха, которую онѣ встрѣтили, и какою ходнотью дочери платить материю за ихъ попеченія. Среди всей этой сбивчивой болтовни, она вдругъ умолкаетъ, взглядываетъ на дочь, вскрикиваетъ, что разсудокъ ея уходитъ, и прячетъ лицо въ подушку.

Эдиев наклоняется надъ нею съ состраданіемъ и старается успокоить ее. Больная старуха обхватываетъ ея шею обѣими руками и говоритъ съ ужасомъ во взорѣ:

— Эдиев! мы скоро воротимся домой, въ Лондонъ. Ты увѣренъ, что я еще ворочусь домой?

— Да, матушка, да.

— А что говорилъ тотъ... какъ его зовутъ, я никогда не помнила именъ — майоръ — то страшное слово, когда мы уѣзжали — вѣдь это не правда! Эдиев! (вскрикнувъ и вытаращивъ глаза) со мною вѣдь теперь дѣлается не это?

Ночь за ночью, свѣтъ видѣнъ въ окнѣ, и фигура умирающей старухи лежитъ на постели, а подлѣ сидѣть Эдиев, и неугомонныя волны взываются неумолимо къ обѣимъ. Ночь за ночью, волны охрипли, передавая свои таинства; пыль лежитъ грудами на прѣбрежья; морскія птицы поднимаются и парятъ въ воздухѣ; вѣтры и облака стремятся по своему безслѣдному пути; бѣлые руки маинть при лунномъ свѣтѣ въ невидимую страну, которая далеко за водами...

И все больная старуха смотритъ въ уголь, гдѣ каменная рука — по ея мнѣнію, часть статуи съ какого-нибудь могильнаго памятника — поднимается, чтобъ ее ударить. Наконецъ, рука эта опускается тяжко; тогдѣ видна на постели нѣмая старуха, съѣженная и скорченная; половина ея уже мертвa.

Такова фигура, размалеванная и залѣпленная, какъ-будто въ смычку надъ солнцемъ, которую каждый день возять шагомъ въ арѣтъ черезъ толпу народа; она выглядываетъ по дорогѣ и ста-

рается увидѣть «доброе старое твореніе», которое было такою матерью, и дѣлаеть гримасы, не видя ея въ толпѣ. Такова фигура, которую часто привозить па взморье, гдѣ ея экипажъ останавливается; но никакой вѣтъ не навѣтъ на нее свѣжести; ропотъ моря не вѣтъ для нея утѣшительного слова. Она лежитъ и прислушивается къ нему по цѣлому часу; но рѣчь волнъ для нея мрачна и безнадежна; страхъ изображается на лицѣ ея, и когда глаза блуждаютъ въ далекомъ пространствѣ, имъ представляется только широкая полоса печальной пустыни между небомъ и землею.

Флоренсу она видитъ рѣдко, а когда видитъ, то бываетъ сердита и дѣлаеть гримасы. Эднѣвъ подлѣ нея всегда и держитъ Флоренсу дальше отъ своей матери; а Флоренса, ночью, въ своей постели, трепещетъ при мысли о смерти въ такомъ образѣ; она пробуждается и прислушивается, думая, что смерть уже пришла въ домъ. Лучше, чтобы немногіе глаза видѣли болѣющую: дочь ей бодрствуешь у кровати одна.

Тѣнь даже на этомъ отѣненномъ рукою смерти лицѣ, заостреніе даже этихъ осунувшихся и угловатыхъ чергъ, и сгущеніе покрывала передъ глазами въ плотность гробового покрова, затмившаго послѣдній тусклый свѣтъ — наконецъ пришли. Блуждающія надъ одѣяломъ руки слабо соединяются ладонями и направляются къ дочери; а голосъ — непохожій на ея голосъ, или на какой бы то ни было, говорящій смертнымъ языкомъ, звучитъ: «Вѣдь я тебя вскорила!»

Эднѣвъ, безъ слезъ, становится на колѣни, чтобы привести свой голосъ ближе къ поникающей головѣ и отвѣчаетъ:

— Матушка, можете ли вы меня слышать?

Широко раскрывъ глаза, мать силится кивнуть.

— Можете ли вспомнить ночь передъ моей свадьбой?

Голова неподвижна, но выражаетъ какъ-то: «да».

— Я сказала вамъ тогда, что прощаю ваше участіе въ ней и милю Бога, чтобы Онъ простила мое собственное въ ней участіе. Я сказала вамъ, что прошлое забыто между нами. Повторяю это и теперь: Попадайте меня, матушка.

Эднѣвъ приложила губы къ побѣлѣвшимъ губамъ матери, и на мгновеніе все стихло. Но вдругъ мать ея, съ дѣвическимъ сѣхомъ и скелетомъ Клеопатры, поднимается въ постели...

Задерните розовые занавѣсы! Теперь еще нечто на полетѣ, кроме вѣтра и облаковъ... Задерните плотище розовые занавѣсы!

Извѣстіе о произошедшемъ послано въ городъ къ мистеру Домби, который ёдетъ къ кузену Финиксу, все еще не рѣшившемуся отправиться въ Баден-Баденъ и также сейчасъ получившему печальное увѣдомленіе. Такое добродушное существо, какъ кузенъ Финиксъ, создано нарочно для свадебъ и похоронъ, а положеніе его въ семействѣ требуетъ, чтобы съ нимъ совѣтовались.

— Домби, говорит кузен Финиксъ: — клянусь душою, мнѣ очень-непріятно видѣть васъ по такому горестному случаю. Бѣдная тѣтка! Она была чертовски-живая женщина.

— Очень, отвѣчаетъ сухо мистеръ Домби.

— И отправилась, право, молодою, знаете, принимая въ разсчетъ... Увѣряю васъ, въ день вашей свадьбы я считалъ ее надежною еще лѣтъ на двадцать. Въ сущности факта, я сказалъ одному знакомому у Брука — маленькому Билли Джоперу... вы его знаете, наѣрно — съ лорнетомъ въ одномъ глазѣ?

Мистеръ Домби дѣлаетъ отрицательный знакъ.—Касательно похоронъ, намекаетъ онъ: — я бы полагалъ...

— Да, клянусь жизнью, возражаетъ кузенъ Финиксъ, поглаживая свой подбородокъ, до которого рука его только-что достала изъ-подъ подтяжекъ: — право, не знаю. Въ моемъ имѣніи есть мавзолей въ паркѣ, да я боюсь, что онъ очень-неисправенъ и, въ сущности факта, въ чертовски-плохомъ состояніи. Но еслибъ онъ не былъ немножко-далеко, я бы, пожалуй, починилъ его; да бѣда еще вотъ какая: туда, я боюсь, съезжаются разные люди и дѣлаютъ пикники за желѣзною рѣшеткой, въ оградѣ.

Мистеру Домби ясно, что это мѣсто неприлично.

— Тамъ есть въ деревнѣ необыкновенно-хорошая церковь, продолжаетъ задумчиво кузенъ Финиксъ: — чистый обращикъ старинной англо-нормандской архитектуры и удивительно нарисованная этой мастерицей, лэди Дженин Финчбюри — она ходить въ преузомъ корсетъ и прегуго шиуруется — да ту испортили штукатуркой, а притомъ очень-далеко отсюда.

— Можетъ-быть, Брайтонъ, падоумилъ мистеръ Домби.

— Клянусь честью, Домби, лучшаго намъ ничего и не придуматъ! Это на мѣстѣ, видите, и тамъ вообще очень-весело живутъ.

— А когда полагаете вы?

— Я сочту обязанностью согласиться на любой день, который вы сами вздумаете назначить. Я буду имѣть пребольшое удовольствие — печальное удовольствие, разумѣется — проводить мою бѣдную тѣтку къ предѣламъ... то-есть, въ сущности факта, до могилы, заключаетъ кузенъ Финиксъ, не успѣвъ въ болѣе-краснорѣчиюмъ риторическомъ оборотѣ.

— Угодно ли вамъ будетъ выѣхать изъ города въ понедѣльникъ? спросилъ мистеръ Домби.

— Понедѣльникъ для меня самый удобный день; ничего не можетъ быть совершеніе. Въ-слѣдствіе чего мистеръ Домби обѣщаєтъ кузену Финиксу забѣхать за нимъ въ понедѣльникъ и откланивается. Кузенъ Финиксъ провожаетъ его до лѣстницы и говоритъ на прощаніи: — право, мнѣ очень-жаль, Домби, что вамъ приходится имѣть столько хлопотъ.

— Всё-таки, отвѣчаетъ мистеръ Домби.

Въ назначенное время, сходятся кузенъ Финиксъ и мистеръ Домби, єдутъ въ Брайтонъ, гдѣ представляютъ своими особами

всѣхъ остальныхъ оплакивателей кончины умершой дамы, и провожаютъ ея бренные останки до мѣста вѣчнаго успокоенія. Кузень Финиксъ, сидя въ траурной каретѣ, узнаѣтъ по дорогѣ несчетное множество знакомыхъ, но изъ приличія не обращаетъ на нихъ вниманія, а только исчисляетъ ихъ вслухъ, по мѣрѣ появленія; для позданія мистера Домби: «Томъ Джонсонъ, съ пробковою ногой; отъ Вайта. Канъ, ты здѣсь, Томми? Фолей, на кровной кобылѣ. Смалдеры, дѣвушки»... и такъ далѣе. Во время похоронной церемоніи, кузень Финиксъ смотритъ уныло, замѣчая, что такія обстоятельства заставляютъ человѣка подумать, въ сущности факта, о своей ненадежности; глаза его действительно влажны, когда все кончилось. Но онъ скоро успокаивается. То же дѣлаютъ всѣ остальные друзья и родственники покойной мистриссъ Скьютонъ, о которой майоръ постоянно разсказываетъ въ своемъ клубѣ, что она никогда не куталась какъ должно; а дѣвица «со спиной», которая такъ хлопочетъ съ своими вѣками, говорить съ легкимъ вскрикиваньемъ, что покойница была необычайно-стара и умерла отъ разнаго рода ужасовъ, и ... лучше не упоминайте обѣ этомъ.

Итакъ, мать Эднеи лежитъ въ землѣ, не «упоминаемая» мильными подругами, котрыя глухи къ волнамъ, охрипшимъ отъ повторенія своихъ тайнствъ; слѣпы къ пыли, лежащей грудали на прибрежье, и не видятъ белыхъ рукъ, которыхъ при лунномъ свѣтѣ манятъ въ невидимую страну, далекую, за водами... Но все идетъ по-прежнему на взморье неизвѣстнаго моря; Эднея стоитъ тамъ одна, прислушиваясь къ волнамъ, бросающимъ ей подъ ноги сырья колючія травы, которыми будетъ усыпанъ дальнѣйший жизненный путь ея.

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРДНОВЪ

Романъ Франсеса Сью

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЕРМОНИЯ.

У нея было одинъ порокъ—гордость, кото-
рая замѣнила ей всѣ достоинства.

Господинъ Бернаръ, человѣкъ простой по происхождению, про-
служивъ во времена имперіи въ морскомъ гвардейскомъ, ркннхъ,
и во времена реставраціи слѣдавшись лейтенантомъ корабля, послѣ
1830 года вышелъ въ отставку, въ почетномъ званіи капитана
фрегата.

Человѣкъ превосходный по сердцу, онъ, со времени выхода въ
отставку, жилъ очень скромно, подъзумѣвъ однѣмъ пенсиюю, кото-
рого едва доставало ему на умѣренныя нужды. Ветеранъ написалъ
небольшую квартиру въ одной изъ самыхъ уединенныхъ улицъ Ба-
тийольского-Предмѣстья.

Мадамъ Барбансонъ уже около десяти лѣтъ завѣдывала малень-
кимъ хозяйствомъ старого морика. Хотя очень къ нему привязан-
ная, почтенная экономка, нерѣдко дѣлала своему хозяину, кой-ка-
кія семейные непрѣятности.

Эта достойная женщина была характера деспотического, бранчиваго, и любила часто напоминать своему господину о томъ, что для него она оставила място, которое въкоторымъ образомъ играло довольно - значительную роль въ общественномъ благоустройстве.

Дѣйствительно, мадамъ Барбансонъ была долгое время помощницей у одной дѣвично-изъѣтной повивальной бабки.

Воспоминаніе о прежнихъ облизностахъ было для мадамъ Барбансонъ неисчерпаемымъ источникомъ множества таинственныхъ исторій. Въ-особенности, она любила рассказывать о похожденіи одной замаскированной ламы, которая въ домѣ ея хозяйки произвела на свѣтъ премиленькую дочку. Мадамъ Барбансонъ рассказывала, что она нянчила эту милую малютку ровно два года, по истечениіи которыхъ какой-то незнакомецъ взялъ дѣвочку и увезъ ненавѣстно куда.

Четыре или пять лѣтъ спустя послѣ этого достопамятнаго событія, мадамъ Барбансонъ оставила свою хозяйку и занялась отправлениемъ разомъ двухъ должностей. Она была сидѣлкою больныхъ, и экономкой.

Въ это-то время, г. Бернару, у которого раскрылись старыя раны, понадобилась сидѣлка. Онъ былъ такъ доволенъ заботливостью мадамъ Барбансонъ, что тотчасъ предложилъ ей занять у него място экономки.

— Я замѣню вамъ всѣхъ вашихъ инвалидовъ, тѣтушка Барбансонъ, сказалъ ветеранъ: — я человѣкъ не злой, и мы заживемъ очень-мирно.

Мадамъ Барбансонъ отъ всего сердца приняла предложеніе Бернара, скоро сдѣлалась, такъ-сказать, его совѣтницей, а потому, мало-по-малу, стала совершенной госпожей въ его домѣ.

Правду сказать, видя ангельское терпѣніе, съ которымъ старый морякъ переносилъ деспотизмъ своей экономки, можно было бы скорѣе приять его за мирнаго гражданина, чѣмъ за одного изъ храбрѣшакъ юновъ имперіи.

Ветеранъ страстью любилъ садоводство; своими руками онъ сѣдалъ маленькую бесѣдку, по жердочкамъ которой красиво вились лиѣль, лущистая травка и ползучка; за бесѣдкой этой онъ особенно ухаживалъ; въ ней любилъ посидѣть послѣ сытнаго обѣда, съ трубкой во рту, съ мечтой о своихъ прежніхъ товарищахъ по оружію. Эта бесѣдка была границею территории старого моряка, потому-что, какъ ни была малъ садикъ, принадлежавшій къ его квартирѣ, онъ все-таки былъ раздѣленъ на двѣ части.

Одна, находившаяся во владѣніи мадамъ Барбансонъ, имѣла претензію быть полезною.

Другая, принадлежавшая старику, была назначена только для прѣдѣла.

Правильное раздѣленіе этихъ двухъ клочковъ земли было principio нѣмой, но ожесточенной борьбы г. Бернара съ экономкой.

Никогда два соседнія государства, желавши раздвинуть свои границы одно на счетъ другаго, не употребляли столько хитрости, столько искусства, столько предусмотрительности на то, чтобы лучше прикрыть, лучше обезпечить свои безпрерывныя посягательства на чужую собственность.

Впрочемъ, надо отдать справедливость старому моряку: онъ крѣпко стоялъ только за свое право. Онъ не хотѣлъ ничего за-воевывать, но старался сохранить неприкосновенность своего владѣнія, на которое ненасытная, предпримчивая мадамъ Барбансонъ часто дѣлала нападенія подъ различными предлогами. Ей хотѣлось, во что бы то ни стало, замѣнить тюльпаны, розаны и пионы господина Берцара—петрушкой, чабромъ, эстрагономъ, лукомъ, рожашкой, и проч. и проч.

Другая причина ихъ споровъ, часто весьма-забавныхъ, была непримиримая ненависть мадамъ Барбансонъ къ Наполеону, которому она не могла простить смерть одного рекрута молодой гвардии, страстно ею любимаго.

Подъ вліяніемъ этого чувства, мадамъ Барбансонъ до-просту вызывала императора честолюбивымъ деспотомъ, корсиканскимъ чудищемъ. Эта ненависть крайне забавляла стараго моряка.

Впрочемъ, не смотря на политическія несогласія, не смотря на жаркій споръ о границахъ двухъ садовъ, мадамъ Барбансонъ была душою предана своему господину, и окружала его постояннымъ вниманіемъ, всегдашней заботливостью; за то и старый ватеранъ едва-ли бы могъ обойдтись безъ своей эпоюмки.

Весна 1844 года уже приближалась къ концу; зелень блестѣла всею свѣжестью; было около трехъ часовъ; день былъ жаркій, солнце жгло своими горячими лучами, но въ садикѣ стараго моряка разливался ароматической запахъ лилий и сирени, смѣшивавшись съ свѣжимъ запахомъ травъ, заботливо имъ поливаемыхъ.

Эту благодатную росу, напоявшую жадную отъ зноя землю, ветеранъ почерпалъ изъ небольшаго ручейка, который въ его садикѣ игралъ роль огромнаго бассейна. Въ благороднѣй великолѣпіи, онъ не забывалъ поливать и купы поваренныхъ и лекарственныхъ травъ мадамъ Барбансонъ.

Въ этотъ жаркій день, г. Бернаръ, въ костюмѣ садовника, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ, въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, отдыхалъ отъ трудовъ въ своей укромной бесѣдкѣ, которая уже довольно-густо была покрыта темными листьями хѣля и ползучки. Онъ отирали потъ, который ручьемъ катился по его широкому лысому лбу. Его загорѣвшее лицо выражало необыкновенное простодушіе и доброту, и, однакожъ, въ немъ было много воинственнаго, благодаря густымъ усамъ, столь же сѣдымъ, какъ и обстриженые подъ-гребенку волосы.

Положивъ въ карманъ маленький съ синими клѣтками платокъ, г. Бернаръ взялъ со стола свою нѣмецкую трубку, набилъ ее, за-

куриль и, разлегшись въ покойномъ креслѣ, сталъ любоваться прелестью дня.

Все было тихо. Только изрѣдка слышались свистъ дрозда и напѣвъ мадамъ Барбансонъ, которая собирала къ ужину на салатъ — петрушку и укропъ.

Еслибъ г. Бернаръ не былъ одаренъ отъ природы желѣзными нервами, безпрестанное пѣніе мадамъ Барбансонъ не мало встревожило бы его сладостное *sar piente*. Эта достойная женщина, по отдаленному воспоминанію своей юности, питала особенную привязанность къ одному очень-наивному старинному романсу. *Бѣдный Жакъ* (такъ назывался романсъ) относился именно ко времени оплакиваемаго ею рекрута молодой гвардіи.

Къ-несчастію, она чрезвычайно-смѣшио передѣльвала простыя слова этой пѣсни, дѣйствительно очень миленькой, очень меланхоличной.

Такъ, на-примѣръ, послѣдніе два стиха она пѣла слѣдующимъ образомъ:

*Mais à présent que je suis loin de toi
Je mange (*) de tout sur la terre.*

Особенно непріятно было слушать въ пѣніи мадамъ Барбансонъ, всегда фальшивомъ и гнусливомъ, это жалобное, совершенно безутѣшное выраженіе, съ которымъ она, склонивъ меланхолически голову, повторяла послѣдній стихъ:

Je mange de tout sur la terre.

Уже около десяти лѣтъ старый Бернаръ героически переносилъ непріятность этого пѣнія, но никогда достойный морякъ не вслушивался въ художественный смыслъ, который мадамъ Барбансонъ придавала послѣднему стику романса.

Въ этотъ день, онъ случайно обратилъ вниманіе на эти слова и ему показалось, что есть все на сельти (*manger de tout sur la terre*) было вовсе несогласно съ чувствомъ скорби объ отсутствующемъ любовникѣ. Выслушавъ внимательнѣе прежняго рефренъ романса, старикъ положилъ на столъ трубку и сказалъ:

— Да послушайте, тѣтушка Барбансонъ, что вы тамъ за дрянь расپѣваете?

— Я пою очень-миленький романсъ, отвѣчала сердито мадамъ Барбансонъ: — впрочемъ, у всякаго свой вкусъ, сударь. Можете сколько хотите называть дрянью мой романсъ. Вы, однакожъ, кажется, сегодня не въ первый разъ его слышите.

— О, конечно, не въ первый! возразилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Я выучила этотъ романсъ, сказала экономка, тяжело вздохнувъ: — я выучила его въ то время... въ то время... но къ-чему... прибавила она, скрывая во глубинѣ души свою грусть по миломъ

(*) Вѣсто: *je mange de tout sur la terre.*

рекрутъ. — Я вѣла также ототь романсь той замаскированной дамъ, которая, помните, пришла къ моей хозяйкѣ...

— Нѣть, лучше ужь романсь, вскричалъ г. Бернаръ, боясь сно-
ва выслушать этотъ вѣчный разсказъ: — да, по мнѣ лучше ро-
мансь, чѣмъ исторія... онъ короче... но, чортъ возьми, я все-таки
не понимаю, чѣмъ значитъ это:

Je mange de tout sur la terre...

— Вы этого не понимаете?

— Нѣть.

— Это, однакожъ, очень-просто... впрочемъ, у военныкъ такое
чорствое сердце...

— Послушайте, тѣтушка Барбансонъ, разсудимъ хорошенъко. Въ
вашемъ романсь какая-то пастушка, съ печали обѣ уѣхавшемъ
блѣдномъ Жаку, начинаетъ ъсть все на свѣтѣ.

— Ну, да, сударь; это пойметъ и ребенокъ.

— А, вотъ я — такъ не понимаю.

— Вы не понимаете? Эта бѣдная дѣвушка такъ опечалена отъ
блѣдомъ Жака, что съ той минуты начинаетъ ъсть все, чѣмъ ни попа-
ло... она съѣла бы даже яду... такъ она не дорожитъ своей горь-
кою жизнью... Она какъ-будто помѣшалась, какъ-будто какая
проклятая, сама не знаетъ чѣмъ дѣлается, ъсть все, чѣмъ попадеть
подъ руку... и эта трогательная исторія не вырывается слезъ изъ
вашихъ глазъ?..

Старый морякъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ длинный
комментарій мадамъ Барбансонъ, и, сказать правду, этотъ шоессъ
ему показался не вовсе безъ основанія; однакожъ, онъ все-таки
покачалъ головою и сказалъ:

— Ну, вотъ, хорошо... я теперь понимаю, но все равно... все
эти романсы... все, какъ-будто вытащены — за уши.

— Бѣдный Жаку? этотъ романсь вытащенъ за уши? Можно ли
такъ говорить! вскричала мадамъ Барбансонъ въ негодованіи отъ
сужденія моряка.

— У всякаго свой вкусъ, сударыня, возразилъ ветеранъ: — мнѣ
больше нравятся наши старыя матроцскія пѣсни. Въ нихъ тотчасъ
видно, о чѣмъ идетъ рѣчь... надъ ними нечего ломать голову...

И старый морякъ запѣлъ нескладнымъ голосомъ:

Pour aller à l'orient pêcher les sardines...

Pour aller à l'orient pêcher les harengs...

— Постойте, сударь! Вы забываете, что здѣсь есть женщина,
вскричала мадамъ Барбансонъ голосомъ, въ которомъ разомъ вы-
разились и негодованіе, и стыдливость. Она уже знала конецъ этой
пѣсни.

— А? гдѣ? спросилъ морякъ, протянувъ шею и съ любопытствомъ
посматривая изъ-за бесѣдки.

— Мнѣ кажется, сударь, что не нужно смотрѣть слишкомъ-да-
леко... сказала съ достоинствомъ экономка. — Я думаю, что вы
достаточно меня видите.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, тѣтушка Барбансонъ, я вѣчно забываю, что вы тоже принадлежите къ прекрасному полу. Ворочемъ, это все равно, я все-таки больше люблю мой романъ, чѣмъ вашъ. Онъ былъ въ большой модѣ на Армидѣ, на томъ фрегатѣ, на который я вступилъ еще на пятнадцатомъ году моего возраста. Потомъ мы часто пѣвали его, когда я былъ уже морякомъ императорской гвардіи. То-то славное было время!.. Я тогда былъ молодъ...

— Да, и потомъ—Бю...ю...онапартѣ, этотъ вашъ Бююонапартѣ былъ вашимъ начальникомъ.

Мадамъ Барбансонъ всегда не иначе какъ съ презрѣніемъ произносила имя этого великаго человѣка, какъ-бы желая ему этимъ отмстить за смерть资料 own beloved.

— Прекрасно, тѣтушка Барбансонъ, вотъ ужъ вы и начали, сказала Бернаръ смѣясь:—скоро будетъ и корсиканское чудовище. Бѣдняжка императоръ, вотъ тебѣ!

— Да, сударь, вашъ императоръ просто чудовище, чтобы не сказать чего-нибудь еще хуже!..

— Какъ! онъ былъ еще хуже чудовища?

— Смѣйтесь, смѣйтесь... подите вы съ нимъ... просто срамъ...

— Да что такое?

— Да, сударь! знаете ли вы, что это корсиканское чудовище сдѣлалъ съ святѣйшимъ отцомъ папой, когда онъ заперъ его въ Фонтенблѣ?.. знаете ли вы? а? знаете ли, что сдѣлалъ тогда вашъ Бююонапартѣ?

— Нѣтъ, тѣтушка Барбансонъ, не знаю, честное слово, не знаю...

— Вы не можете сказать, что это была ложь... Мыѣ рассказывали всю исторію тогдѣ рекрутъ молодой гвардіи...

— Которая теперь должна быть ужъ порядкомъ стара... но ваша исторія...

— Да, сударь, вашъ Бююонапартѣ сдѣлалъ подлость... онъ, желая унизить папу, запрѣгъ его въ маленькую колясочку римскаго короля и велѣлъ бѣдняжкѣ везти себя черезъ весь Фонтенблѣскій паркъ къ императрицѣ Жозефинѣ. И зачѣмъ? затѣмъ, чтобы извѣстить о разводѣ эту бѣдную императрицу. А она, моя красавица, была, сударь, очень набожная женщина...

— Не-уже-ли, тѣтушка Барбансонъ? сказалъ старикъ, умирая со смѣхомъ:—не-уже-ли этотъ шутникъ—императоръ такъ-таки и запрѣгъ папу въ колясочку римскаго короля и поѣхалъ къ императрицѣ Жозефинѣ съ извѣстіемъ о разводѣ?

— Да, сударь, и затѣмъ, чтобы надоесть ей своими толками обѣ ея вѣроисповѣданія, и притомъ въ присутствіи-своего страшнаго мамелюка Рустана. Потомъ онъ нарочно приказывалъ служить за ея столомъ духовнымъ, желая ихъ тѣмъ унизить. А этотъ проклятый мамелюкъ при нихъ хвастался тѣмъ, что онъ Турокъ, рассказывалъ о своемъ сераль и о своихъ безстыдныхъ бацдеркахъ,

т. LVI. — Одд. I.

такъ-что бѣдные священники краснѣли какъ вишни... Тутъ, сударь, нечemu смеяться... Въ то время всѣ обѣ этомъ знали... и...

"Къ-пѣсчастію, достойная мадамъ Барбансонъ не успѣла кончить своего разсказа. Ей страшныe, говоря ея слогомъ, анти-бююна-партическіе возгласы были прерваны сильнымъ звонкомъ, и она побѣжала къ воротамъ.

До появленія нового лица, Оливье Ремона, племянника бернарова, мы должны войти въ кой-какія объясненія.

Сестра ветерана вышла замужъ за одного чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ брачной жизни, мужъ ея умеръ, оставивъ ей послѣ себя восьмилѣтняго сына. Нѣсколько друзей покойника сложились и дали мальчику достаточное количество денегъ для поступленія въ коллегію.

Бѣдная вдова, не имѣя никакого состоянія и никакого права на пенсію, старалась доставлять себѣ пропитаніе собственными трудами, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бѣдной и трудолюбивой жизни, она умерла, оставивъ сиротку-сына на попеченіе единственнаго родственника, дяди Бернара, который былъ тогда лейтенантомъ и командовалъ надъ небольшой гоэлетой, находившейся на Южномъ Морѣ.

Возвратившись во Францію и взявъ отставку, старый морякъ нашелъ своего племянника уже въ послѣднемъ курсѣ коллегіи. Оливье, правду сказать, не пріобрѣлъ огромныхъ свѣдѣній, но все-таки хорошо воспользовался даровыми воспитаніемъ. Къ-несчастью, это воспитаніе, какъ это всегда бываетъ, не было никакими практическими и не обезпечило бѣдного сиротку по выходѣ его изъ коллегіи.

Г. Бернаръ долго думалъ о положеніи своего племянника, котораго онъ страстно любилъ, и наконецъ, видя совершенную невозможность чѣмъ-либо помочь ему, по недостаточности своего пенсіона, сказалъ ему однажды:

— Намъ остается только одно, бѣдное дитя мое... ты силенъ, храбръ, прилежень; ты получилъ воспитаніе, которое ставить тебя выше множества бѣдныхъ молодыхъ людей, брошенныхъ судбою въ армію. Въ слѣдующемъ году, ты попадешь въ рекрутъ. Поторопись предупредить эту минуту, сдѣлайся солдатомъ; теперь, по-крайней-мѣрѣ, еще можешь сдѣлать какой-либо выборъ... Въ Африкѣ война... черезъ пять-шесть лѣтъ, ты можешь быть офицеромъ. Вотъ тебѣ и карьера... Если тебѣ не нравится военная служба, посовѣтуемся о чѣмъ-нибудь другомъ. Тысячи франковъ моего пенсіона авось хватить до твоего опредѣленія. Въ моряки идти уже поздно: надобно съ-дѣлства привыкать къ этой тяжелой, совершенно-особенной службѣ. Иначе, вѣчно останешься плохимъ морякомъ... Итакъ, выбирай...

Оливье выбиралъ недолго. Черезъ три мѣсяца, онъ уже былъ солдатомъ въ африканскомъ егерскомъ полку. Черезъ два года.

Оlivье дали крестъ, а еще черезъ годъ онъ былъ уже главнымъ квартирмайстеромъ.

Къ-несчастію, сильная лихорадка схватила Оливье и онъ при-
нужденъ былъ, для излеченія, покинуть Африку въ ту самую ми-
нуту, когда имѣть надежду надѣть офицерскіе эполеты. По вы-
здоровленію онъ зачисленъ былъ въ гусарскій полкъ. Черезъ вось-
мадцать мѣсяцевъ своей службы въ этомъ полку, онъ выпро-
силъ отпускъ въ Парижъ, чтобы провести тамъ нѣсколько дней у
своего дяди.

Квартира старого моряка состояла изъ маленькой кухни, рядомъ
съ которой была комната мадамъ Барбансонъ, небольшой столовой
и еще одной комнаты, въ которой спали вмѣстѣ дядя и племян-
никъ. Оливье, зная хорошо ограниченное состояніе дяди, изъ дѣ-
ликатности не хотѣлъ оставаться безъ дѣла. Имѣя прекрасный по-
черкъ и зная хорошо счетную часть, онъ бралъ у мелкихъ ба-
тальйольскихъ торговцевъ счетные книги для повѣрки и приведенія
въ порядокъ. Такимъ-образомъ, не будучи никаколько въ тягость
дядѣ, Оливье, согласившись тихонько съ мадамъ Барбансонъ, ка-
значающей дядинаго капитала, ежемѣсячно прибавлялъ къ восьми-
десяти франкамъ его пенсіона и свою небольшую сумму. Иногда
племянникъ дѣжалъ дядѣ *сюрпризы*, которые и радовали и огор-
чали этого достойнаго человѣка, потому-что онъ зналъ, какимъ тя-
гостнымъ трудомъ Оливье приобрѣталъ деньги.

Молодой человѣкъ, очень-умный, веселый, привыкшій съ-дѣт-
ства ко всѣмъ лишненіямъ, сначала въ коллегіи, а потомъ во вре-
мя своего пребыванія въ Африкѣ, добрый отъ природы, откро-
венный, смѣлый, Оливье имѣлъ только одинъ порокъ, если толь-
ко можно назвать порокомъ деликатность въ денежныхъ вопросахъ,
какъ бы незначительны они ни были. Бывъ простымъ, бѣднымъ
солдатомъ, онъ совсѣмъ привыкъ отъ своихъ товарищѣй пригла-
шенія, если самъ не могъ участвовать въ издержкахъ. Сначала,
въ полку смыкались надѣй этой его деликатностью, называя ее при-
творною; потомъ, когда слѣдствіемъ этихъ насыщекъ были двѣ
луази, въ которыхъ отличился Оливье, стали уважать эту замѣча-
тельную черту характера молодаго солдата.

Оливье всѣмъ былъ доволенъ, на все готовъ и своими разгово-
рами и необыкновенной веселостью одушевлялъ бѣдды въ скром-
номъ домикѣ дяди.

Въ минуты отдохновенія, Оливье читалъ великихъ поэтовъ или
работалъ въ саду, вмѣстѣ съ дядей, послѣ чего оба они, закуривъ
трубки, разговаривали о войнѣ и о путешествіяхъ. Иногда молодой
человѣкъ, припоминая свои свѣдѣнія въ повареномъ искусствѣ,
пробрѣтенныя имъ въ Африкѣ, посвящалъ мадамъ Барбансонъ въ
тайны приготовленія различныхъ походныхъ яствъ. Правда, никогда
его гастрономические уроки не обходились безъ шалостей, — онъ
сердилъ экономку, напоминая ей о Бююонапартѣ. Мадамъ Барбан-
сонъ столько же бранила его, сколько и любила. Присутствіе мо-

лодаго человѣка оживило однообразную жизнь ветерана и его экономки, такъ-что они оба съ грустью помышляли о скоромъ срѣдѣ его отиука:

Итакъ, мадамъ Барбансонъ, услышавъ звонокъ, пошла отворити двери племяннику Бернарду.

III.

Оливье Ремонъ бытъ прекрасный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-четырехъ. Короткій благороднаго стука шундиръ и свѣтло-синіе панталоны прекрасно обрисовывали его тонкую, стройную талю: легкій кѣпі (родъ фуражки), тоже свѣтло-синій, надѣтый на бекренъ, и слегка только прикрывавшій коротко-обстриженные свѣтло-каштановые волосы молодаго человѣка, придавалъ ему хоти и воинственную, но иѣсколько кокетливую физіономію. На этот разъ, вмѣсто сабли, у Оливье торчалъ подъ мышкой лѣвой руки толстый свертокъ бумагъ, а въ правой онъ держалъ огромный пукъ перьевъ.

Молодой человѣкъ положилъ свои мирныя орудія на столъ и весело вскричалъ:

— Здравствуйте, тѣтушка Барбансонъ.

И онъ осмѣлился сжать обѣими руками нескладную талю экономки.

— Перестанете ли вы, шалунъ!...

— Э! э! да я только-что начинаю... Знаете ли, тѣтушка Барбансонъ, я непремѣнно долженъ сегодня соблазнить васъ...

— Меня соблазнить? меня?

— Да, васъ; непремѣнно долженъ; я принужденъ къ этому.

— А зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы вы исполнили мою просьбу...

— Ну-ка, что у васъ за просьба?

— Во-первыхъ, скажите, гдѣ дядюшка?

— Курить въ бесѣдкѣ...

— Прекрасно... Подождите же меня здѣсь и приготовьтесь выслушать вещь удивительную, неслыханную...

— Неслыханную, мосьѣ Оливье?...

— Да, иѣчто чудовищное, очень-страниное...

— Чудовищное, очень-страниное, повторила мадамъ Барбансонъ, смотря вслѣдъ мололому человѣку.

— Здравствуй, дитя мое, я не ожидалъ тебя такъ рано, сказала старикъ, протянувъ племяннику руку: — ужъ воротился; туѣмъ лучше...

— Туѣмъ лучше, туѣмъ лучше, весело повторилъ Оливье: — на-противъ, дядюшка, вы не знаете еще, что вамъ угрожаетъ.

— Что жъ такое?

— Ну, дядюшка, соберите все ваше мужество...

— Да копчишь ли ты, сумасшедший?

- Закройте глаза, дядюшка, и впередъ...
- Впередъ? да противъ кого же?
- Противъ тѣтушки Барбансонъ, любезнейшій дядюшка.
- Зачѣмъ?
- Чтобъ извѣстить ее, что... я... пригласилъ кой-кого... къ намъ на обѣдъ...
- А, чортъ возьми! вскричалъ ветеранъ.
- Да, на обѣдъ... и именно сегодня, продолжалъ молодой человѣкъ...
- Вотъ тебѣ разъ!! прибавилъ ветеранъ.
- Скажу болѣе, говорилъ, между-тѣмъ, Оливье: — мой гость не простой, а герцогъ...
- Герцогъ! вскричалъ ветеранъ: — ну, мы прощали!
- И старикъ спрятался въ самомъ темномъ углу своей бесѣдки, гдѣ, казалось, онъ считалъ себя безопаснымъ, какъ въ неприступной крѣпости.
- Нѣтъ, чортъ меня возьми, если я пойду говорить о твоемъ приглашеніи тѣтушкѣ Барбансонъ.
- Какъ, дядюшка? эскадра отступаетъ?...
- Нѣтъ, голубчикъ, это ко мнѣ не относится, это дѣло легкой кавалеріи... вѣдь ты не даромъ гусаръ... Ну, маршъ... явись молодцомъ... Да вотъ и она... видишь? вонъ тамъ...
- Именно, дядюшка, она стоитъ у бассейна... это ваша стихія... здѣсь дѣло идетъ о морскихъ эволюціяхъ... Ну, дядюшка, на абордажъ...
- О, Боже мой, она идетъ сюда... вотъ она!.. вскричалъ ветеранъ, увида экономку, которая приближалась къ нему въ надеждѣ удовлетворить свое любопытство, возбужденное пѣсеньками словами молодаго человѣка.
- Дядюшка, сказалъ Оливье рѣшительнымъ голосомъ въ ту минуту, когда мадамъ Барбансонъ показалась на дорогѣ бесѣдки: — дядюшка, отступать невозможно... гость мой черезъ часъ, не болѣе, явится... остается побѣдить... или умереть... отъ голода... и начать и моему гостю, котораго зовутъ герцогомъ Сантерромъ.
- Я ничего не значу въ этомъ дѣлѣ... возразилъ ветеранъ: — адресуйся къ тѣтушкѣ Барбансонъ...
- Оливѣ обратился къ мадамъ Барбансонъ:
- Дядюшка хочеть вамъ что-то сказать, тѣтушка Барбансонъ...
- Я? чортъ возьми! это ты хочешь говорить съ нею, возразилъ старикъ, отирая потъ своимъ кѣтчатымъ платкомъ.
- Ну же, дядюшка, вѣдь тѣтушка Барбансонъ не такъ страшна, какъ кажется; скажите же ей, въ чемъ дѣло...
- Говори самъ, любезный, я ничего не знаю...
- Мадамъ Барбансонъ смотрѣла поперемѣни то на дядю, то на племянника. Любопытство и вмѣсть какое-то беспокойство тревожили ее. Наконецъ, она спросила:
- Да что у васъ здѣсь такое, сударь?..

— Спросите объ этомъ у Оливье, душа моя. Я здѣсь человѣкъ посторонній; я и руки умываю...

— Такъ слушайте же, тѣтушка Барбансонъ, быстро сказалъ молодой человѣкъ: — вмѣсто двухъ приборовъ къ обѣду... надо было сегодня приготовить три! вотъ и все...

— Какъ, сударь! три прибора! а зачѣмъ это?

— Затѣмъ, что я пригласилъ обѣдать资料 of his old comrade...

— О Боже! вскричала экономка, поднявъ глаза къ небу; но и голосъ ея было болѣе страха, чѣмъ гиѣва: — Боже мой! гость, а у насъ сегодня простой супъ на бульйонѣ, вчерашній винегретъ и салатъ.

— И прекрасно! чего же вы еще хотите, тѣтушка Барбансонъ? весело вскричалъ Оливье, который не ожидалъ отъ нея такого снисходительного отвѣта: — простой супъ на бульйонѣ, но онъ приготовленъ вами и притомъ вами усовершенствованъ... винегретъ и салатъ, которые вы такъ мастерски дѣлаете... о, да это объѣ для боговъ и мой товарищъ Жеральдъ будетъ угощенъ какъ король... замѣтьте, что я не говорю: какъ императоръ...

Мадамъ Барбансонъ не замѣтила, однакожъ, этой деликатной оговорки. Въ эту минуту бранчивая возлюбленная рекрута молодой гвардіи исчезала передъ хозяїйкой и экономкой.

— И вы не выбрали, мосьѣ Оливье, того дня, когда у насъ бываетъ супъ съ говядиной?.. вѣдь это было не трудно сдѣлать, сказала она жалобнымъ голосомъ.

— Да, вотъ видите ли, тѣтушка Барбансонъ, мой товарищъ самъ выбралъ нынѣшній день.

— Полноте, сударь, въ обществѣ всякий день дѣляется такъ, что можно безъ церемоніи сказать: «не приходите сегодня, а приходите завтра... Завтра у насъ будетъ супъ съ говядиной». Ворочемъ, къ чему церемоніи: вѣдь мы, слава Богу, не пары, не герцоги какіе-нибудь.

Оливье очень хотѣлось сказать, что гость его былъ именно герцогъ; однакожъ, не желая поразить самолюбія мадамъ Барбансонъ, какъ поварихи, онъ только прибавилъ:

— Дѣло сдѣлано, тѣтушка Барбансонъ; теперь я прошу васъ только не осрамить меня передъ моимъ старымъ товарищемъ.

— О, Господи! можете ли вы это думать, мосьѣ Оливье? Я буду васъ срамить? Я! напротивъ, я хочу...

— Уже поздно, перебилъ Оливье: — мой другъ скоро пріѣдетъ. У него аппетитъ солдатскій... Пожалѣйте насъ, тѣтушка Барбансонъ!..

— И въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя терять напрасно ни минуты, сказала экономка.

И достойная женщина пошла въ кухню, съ грустью повторяя вѣдь нужно жь было выбрать именно нынѣшній день.

— Слава Богу, сказалъ ветеранъ: — я отдыхаю. Не ожидалъ

чтобъ дѣло приняло такой обортъ. Ты просто заколдовалъ ее... Но, любезнѣйшій, позовь спросить, отъ-чего ты не предупредилъ меня. По-крайней-мѣрѣ, твой гость нашелъ бы у насъ обѣдъ нѣсколько получше обыкновенного. А ты приглашаешь вдругъ, налету, и еще герцога. Да скажи, южнайста, какимъ-образомъ герцогъ былъ твоимъ товарищемъ въ егерскомъ полку?

— Я расскажу вамъ, лялюшка, эту исторію, и вы тотчасъ полюбите моего друга Жеральда. Прежде всего надо вамъ сказать, что мы были товарищами еще въ коллегіи Лудовика-Велизаго. Я поѣхалъ въ Африку... Черезъ шесть мѣсяцевъ, когда мы стояли въ Оранѣ, я вдругъ увидѣлъ Жеральда въ солдатскомъ мундирѣ.

— Въ солдатскомъ мундирѣ?

— Да, лялюшка, въ солдатскомъ.

— Какъ? Знатный и богатый молодой человѣкъ и не вступалъ въ сен-сирскую школу...

— Именно нѣтъ, лялюшка!

— Вѣроятно, такъ, по капризу...

— Нѣтъ, лялюшка; Жеральдъ, напротивъ, поступилъ совершенно обдуманно. Дѣйствительно, онъ знатенъ родомъ, потому что онъ вѣдь герцогъ Сантерръ...

— Да; я часто встрѣчала это имя въ исторіи, отвѣчала старикъ.

— Происхожденіе дома Сантерровъ не только древнее, но и очень-значенітное; впрочемъ, лялюшка, эта фамилія потеряла большую часть своихъ огромныхъ богатствъ. Теперь они имѣютъ, кажется, не болѣе сорока тысячъ ливровъ дохода. Это много, слишкомъ-много для пѣкоторыхъ, но мало, слишкомъ-мало для людей знатныхъ по происхожденію. Притомъ же, у Жеральда есть двѣ сестры-невѣсты.

— Дѣло не въ томъ, мой милый: ты разскажи мнѣ, зачѣмъ твой герцогъ пошелъ въ солдаты...

— Во-первыхъ, лялюшка, надо вамъ замѣтить, что Жеральдъ очень-оригинальный человѣкъ... Такимъ-образомъ, выйдя изъ коллегіи, онъ, по лѣтамъ, какъ-разъ могъ попасть въ рекрутъ. Отецъ его (тогда онъ еще былъ живъ) сказалъ ему, что хочетъ внести за него рекрутскія деньги. Какъ вы думаете, что Жеральдъ отвѣчалъ ему на это?

— А вотъ, посмотримъ.

— Любезнѣйшій батюшка, отвѣчалъ Жеральдъ: — есть налогъ, который всякий честный человѣкъ долженъ самъ за себя заплатить отечеству. Это — налогъ крови; онъ неизбѣженъ, особенно, если отечество имѣетъ въ эту минуту нужду въ солдатѣ. Я нахожу безчестнымъ откупаться отъ опасностей войны и подставлять за себя бѣднака, который, оторвавшись отъ своихъ долей или отъ своего ремесла, рискуетъ погибнуть на вашемъ мѣстѣ. И такъ, батюшка, если мнѣ вынется несчастный нумерь, я поѣду въ Африку.

— Славно, чудесно! Мне нравится твой герцогъ, вскричала вѣтеранъ.

— Не правда ли, дядюшка? Жеральдъ разсуждалъ благородно; отецъ, какъ честный человѣкъ, не сталъ противорѣчить его желанію, хотя оно и казалось ему нѣсколько страннымъ. Такъ вотъ какъ, дядюшка, Жеральдъ сдѣлался солдатомъ въ нашемъ егерскомъ полку, самъ чистилъ свою лошадь, несъ всѣ работы подобно другимъ, и сидѣлъ безпрекословно подъ арестомъ, если отлучался безъ позволенія, словомъ, онъ былъ лучшій солдатъ въ своемъ взводѣ.

— И при всемъ этомъ еще храбръ? спросилъ стариkъ, крайне заинтересованный.

— Смѣль, какъ девъ, и такъ веселъ, остроумъ, забавенъ, что шутки его морили со смѣху весь эскадронъ.

— Съ именемъ и съ протекціями... онъ, вѣроятно, сдѣлается скоро офицеромъ?

— О, конечно, онъ быль бы офицеромъ, хотя вовсе о томъ въ не заботился. На противъ, онъ хотѣлъ только заплатить себѣ долю, какъ онъ выражался, и потомъ уѣхать въ Парижъ наслаждаться жизнью.

— Славный и удивительный малый твой герцогъ.

— Послѣ трехъ лѣтъ службы, продолжалъ Оливье: — Жеральдъ, какъ и я, едѣланъ былъ главнымъ квартирмейстеромъ. Однажды въ схваткѣ съ Арабами, онъ былъ сильно раненъ въ плечо. Едва живаго я довезъ его на своей лошади до лагеря. Рана оказалась столь значительной, что Жеральдъ принужденъ былъ бросить службу и уѣхать въ Парижъ лечиться. Уже связанные школьными воспоминаніями, въ полку мы сдѣлались закадычными друзьями. Мы вели нѣреписку, и я надѣялся въ Парижѣ найти его; но по прѣѣздѣ узналъ, что онъ уѣхалъ въ Англію. Сегодня прохожу по бульвару Монсѣ, и слышу — кто-то меня кличетъ... Это былъ Жеральдъ. Онъ выскочилъ изъ великолѣпнаго кабріолета, бросился ко мнѣ... и мы обнялись, какъ на войнѣ обнимаются два друга, увидѣвшихъ послѣ жаркаго дѣла. Да вѣдь вы, дядюшка, это знаете...

— Да, да, другъ мой, знаю, знаю...

— Мы сегодня отобѣдаемъ и проведемъ весь вечеръ вмѣстѣ, сказалъ мнѣ Жеральдъ. — Гдѣ живешь ты? — «У дядюшки». (Я ему часто рассказывалъ о васъ, и онъ любить васъ почти столько же, сколько я самъ). — Ну, такъ мы будемъ обѣдать втроемъ, возразилъ Жеральдъ, ладно? Ты меня представишь дядюшкѣ; мнѣ многое нужно пересказать тебѣ. Жеральдъ малый простой и добрый; я тотчасъ же припялъ это предложеніе, предупредивъ, однакожъ, его, что только до семи часовъ могу сть нимъ остаться.

— Ты прекрасно сдѣмъ, мой другъ, сказалъ стариkъ.

— Мне пріятно представить вамъ, дядюшка, моего Жеральда. Я знаю, что онъ вѣсъ не обезпокоитъ... и притомъ, сказалъ мо-

молодой человѣкъ, слегка покраснѣвъ: — Жеральдъ богатъ, я бѣденъ... Жеральдъ помнить мою слабость... и какъ онъ знаетъ, что я не могъ бы заплатить за себя въ какомъ-нибудь извѣстномъ ресторанѣ, онъ предпочелъ самъ прійти сюда.

— Да, я понимаю, сказалъ ветеранъ: — молодой герцогъ очень-деликатенъ... Дай Богъ, чтобы винегретъ тѣтушки Барбансонъ былъ здоровъ для него.

Едва г. Бернаръ успѣлъ высказать свое человѣколюбивое желаніе, раздался звонокъ.

Дядя и племянникъ увидѣли Жеральда, герцога Сантерра, который шелъ по одной изъ аллеекъ маленькаго сада.

Мадамъ Барбансонъ, съ озабоченнымъ видомъ, въ бѣломъ переднике, торжественно предствовала начальному гостю.

III.

Герцогъ Сантерръ былъ стройный молодой человѣкъ однихъ лѣтъ съ Оливье. Черные волосы, того же цвета усы и темно-голубые, нѣсколько подернутые влагой глаза придавали его физиономіи прелестное выраженіе. Онъ былъ одѣтъ съ изящной простотою.

— Жеральдъ, мой лучшій другъ, о которомъ я говорилъ вамъ, дядюшка, сказалъ Оливье, представляя герцога старому моряку.

— Я очень-радъ васъ видѣть, отвѣчалъ простодушно ветеранъ, дружески протянувъ руку гостю.

— Мне пріятно пожать вашу руку, капитанъ, сказалъ герцогъ съ тѣмъ іерархическимъ уваженіемъ, которое почерпается исключительно въ военной службѣ: — я знаю вашу родительскую заботливость, вашу любовь къ Оливье... а вѣдь мы съ нимъ нѣсколько братъя... вы понимаете, какъ я цѣнилъ всегда вашу нѣжную привязанность къ моему другу.

— Господа, угодно вамъ обѣдать въ комнатѣ или, какъ обыкновенно, въ бесѣдкѣ? Сегодня чудесная погода.

— Любезная мадамъ Барбансонъ, мы будемъ обѣдать въ бесѣдкѣ, если позволить капитанъ, сказалъ Жеральдъ: — время безподобное. Здѣсь намъ будетъ превесело.

— Да разѣ вы меня знаете, сударь? спросила экономка, смотря съ недоумѣніемъ то на Оливье, то на герцога.

— О, конечно, я знаю васъ, весело отвѣчалъ Жеральдъ: — Оливье тысячу разъ рассказывалъ мнѣ о васъ. Мы даже не однажды спорили о васъ...

— Спорили обо мнѣ...

— Да, именно о васъ. Оливье страшный бонапартистъ. Онъ сердился на васъ за то, что вы дурно отзывались обѣ этомъ тиранѣ. Я принималъ вашу сторону, потому-что я тоже ненавижу его, это корсиканское чудовище, сказалъ Жеральдъ трагическимъ тономъ.

— Корсикансое чудовище! такъ вы изъ нашихъ, сударь? Вотъ вамъ рука моя, мы поймемъ другъ друга, вскричала съ торжествомъ экономка.

И она протянула свою костлявую руку Жеральду, который храбро пожалъ ее и смѣясь сказалъ ветерану:

— Теперь берегитесь, капитанъ, и ты тоже, Оливье. Мадамъ Барбансонъ была одна противъ васъ двоихъ, но теперь во мнѣ она найдетъ бодрого союзника...

— Послушайте-ка, тѣтушка Барбансонъ, сказалъ Оливье, поспѣшивъ на помощь къ другу, которыемъ экономка, казалось, хотѣла совсѣмъ завладѣть: — Жеральдъ умираетъ отъ голодна, а вы и не подумаете объ этомъ. Пойдемте, я помогу вамъ привести сюда столь и накрыть его...

— И въ-самомъ-дѣлѣ, я-было и позабыла объ обѣдѣ, вскричала экономка. Она поспѣшила на кухню, зовя съ собой Оливье.

— Сейчасъ иду за вами, тѣтушка Барбансонъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Э-ге, любезный, ты думаешьъ, что я позволю тебѣ одному дѣлать всѣ эти приготовленія, возразилъ Жеральдъ.

Потомъ, обращаясь къ г. Бериару, онъ прибавилъ:

— Позволите, капитанъ? Я человѣкъ безъ претензій. Притомъ же, въ полку мы съ Оливье не разъ накрывали на столъ для цѣлой артели. Вы увидите, капитанъ, что я мастеръ своего дѣла.

Трудно описать, съ какимъ непрятворнымъ добродушiemъ, съ какой веселостью Жеральдъ помогалъ своему старому товарищу накрывать на-столъ. И все это дѣлалось такъ простодушно, что можно было подумать, будто молодой герцогъ, подобно своему другу, вѣчно жилъ въ этой посредственности, столъ близкой къ нищетѣ.

Не болѣе какъ въ полчаса, Жеральдъ, что называется, одержалъ побѣду надъ ветераномъ и его экономкой, которая была очень-довольна, видя, съ какимъ аппетитомъ ея другъ анти-бонартистъѣль простой супъ, салатъ и винегретъ. Послѣднаго Жеральдъ попросилъ и въ другой разъ, желая этимъ польстить мадамъ Барбансонъ.

Нѣчего и говорить, что, въ-продолженіи этого веселаго обѣда, Жеральдъ деликатно навелъ старого моряка на рассказы о походахъ. Потомъ молодые люди, въ свою очередь, принялись припоминать свои школьныя и полковыя похожденія.

Мы забыли сказать, что бесѣдка была расположена у самой стѣны, отъ которой шель рѣшетчатый заборъ, отдѣлявшій садъ отъ улицы, такъ-что изъ бесѣдки можно было видѣть всѣхъ, кто проходилъ мимо. Это замѣчаніе необходимо для продолженія нашего разсказа.

Ветеранъ закурилъ трубку, Жеральдъ и Оливье сигары. Двое друзей говорили нѣсколько минутъ о своихъ школьныхъ и полковыхъ товарищахъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ Оливье: — что сдѣлалось съ Макрёзомъ, помнишь... тотъ, что отправлялъ въ коллегіи ремесло шпиона, бѣлошурый толстякъ, такой скверный... Помнишь, какъ, бывало, мы общими силами его колотили, — ведь онъ былъ вдвое больше и сильнѣе насть.

При имени Макрёза, на лицѣ Жеральда выразилось и негодование и вмѣстѣ отвращеніе.

— Чортъ возьми, отвѣчалъ онъ: — ты слишкомъ-легко отзы-ваешься о мосьѣ Селестинѣ де-Макрёзѣ.

— Какъ, де-Макрёзъ? Развѣ онъ прибавилъ къ своему имени благородную частичку де. Кажется, у насъ никто не зналъ, кто онъ такой, кто его родители... Я помню, какъ за одно су онъ съѣдалъ по шести мокрицъ, а еще смылся надъ бѣдностью.

— А потомъ, прибавилъ Жеральдъ: — помнишь, какъ онъ выкальвалъ булавкой глаза маленькимъ птичкамъ, чтобы посмотретьъ, какъ онъ полетятъ слѣпые.

— Негодай! вскрикнулъ ветеранъ въ негодованіи: — если съ него не сдеруть съ живаго кожи, онъ непремѣнно сдѣлается мошенни-комъ.

— Я думаю, капитанъ, что баше предсказаніе надъ нимъ ис-полнится, сказалъ, смыясь, Жеральдъ; потомъ, обратившись къ Оливье, онъ прибавилъ: — ты удивишься, если я разскажу тебѣ, что теперь вышло изъ мосьѣ де-Макрёза... Когда я, оставивъ служ-бу, возвратился въ Парижъ, однажды меня крайне-озадачилъ кам-мердинеръ моей матери, доложивъ о прѣѣздѣ мосьѣ де-Макрёза. Я тебѣ не разъ говоривъ, какъ нашъ большой свѣтъ, наше Сен-Жерменское-Предмѣстье обыкновенно бываетъ разборчиво въ вы-борѣ людей, которые являются въ его салонахъ...

По этому я удивился, когда узналъ, что мосьѣ де-Макрёзъ, о которомъ доложилъ каммердинеръ, былъ именно нашъ старый знакомецъ. Я всегда не терпѣлъ этого негодая; при появленіи его въ нашемъ домѣ, тотчасъ же пошелъ къ матушкѣ.

— Зачѣмъ вы принимаете этого господина? спросилъ я. — «Это... это мосьѣ де-Макрёзъ», отвѣчала она тономъ глубокагоуваженія. — Да чѣмъ жь это такое, этотъ мосьѣ де-Макрёзъ? Я еще ни разу не видалъ его у васъ?

— И не могъ видѣть, потому-что онъ недавно воротился изъ вояжа. Это—прекрасный, достойный молодой человѣкъ, примѣрной набожности. Онъ основалъ общество св. Поликарпа.

— Общество св. Поликарпа! спросилъ я: — что это за общество.

— Это благочестивое общество, цѣль котораго—наставлять бѣд-ныхъ въ самоотверженіи, заставлять ихъ бодро переносить ништу, и убѣждать, что чѣмъ болѣе они страдаютъ здѣсь на землѣ, тѣмъ блаженіе будутъ на небесахъ. — Si по вего вене trovalo, сказалъ я, смыясь. Но мнѣ кажется, что у этого молодца и щеки слиш-комъ-полны и носъ слишкомъ-красенъ для профовѣдника воздер-жанія.

«— Это дѣло очень серьѣзное, мой другъ, отвѣчала матушка.— Люди самые почтенные присоединились къ благочестивому обществу, основанному мосьѣ де-Макрѣзомъ, который съ истинно-евангельской ревностию распространяетъ свои наставленія. Но вотъ онъ... Я тебя ему представлю.

«— Нѣть, матушка, пожалуйста, не представляйте, отвѣчалъ я: — я не могу быть съ нимъ вѣжливымъ. Онъ мнѣ вовсе не правится и притомъ я знаю про него кой-какія подробности, по которымъ онъ мнѣ просто противенъ... Мы были вмѣстѣ въ коллѣгіи и... Но я не успѣлъ досказать фразы, потому-что Макрѣзъ вошелъ въ комнату.

«— Мосьѣ де-Макрѣзъ, сказала матушка, бросивъ на меня строгій взглядъ:—представляю вамъ моего сына, одного изъ вашихъ соучениковъ. Ему будетъ пріятно возобновить знакомство съ вами.—Макрѣзъ мнѣ поклонился и сказаълъ немножко смущенный: — «Я недавно возвратился въ Парижъ и не ожидалъ встрѣтить васъ сегодня у вашей матушки... Мы, дѣйствительно, были вмѣстѣ въ коллѣгіи и...»—Да, сударь, прибавилъ я:—я еще помню, какъ вы подсматривали за нами и пересказывали потомъ учителямъ про наши шалости, помню, какъ вы за одно су съѣдали по шести мокрицъ и выкальвали птичкамъ глаза; вѣроятно, вы дѣлали это въ той надеждѣ, что страданія ихъ на землѣ будуть сочтены тамъ, выше...

— Превосходно! вскричалъ ветеранъ, умирая со смѣху.

— Что жь отвѣчаль тебѣ Макрѣзъ? спросилъ Оливье.

— Онь покраснѣлъ какъ ракъ, старался улыбнуться и что-то шепталъ сквозь зубы. Въ эту минуту матушка, желая вывести его изъ затруднительного положенія, встала и предложила ему свою руку.

«— Не угодно ли вамъ, мосьѣ де-Макрѣзъ, выпить со мной чашку чаю? сказала она, взглянувъ на меня съ упрекомъ.

— Но какъ этотъ негодяй попалъ въ вашъ кругъ? спросилъ Оливье.

— Вотъ ужь этого никто не знаетъ. Впрочемъ, въ большомъ свѣтѣ ступить только попасть въ одинъ салонъ, остальные откроются сами-собою. Я не могъ узнатъ, кто отворилъ Макрѣзу двери первого салона. Мнѣ рассказывали, что его ввѣль будто-бы abbать Леду, человѣкъ модный въ Сен-Жерменскомъ-Предмѣстіи. Это очень могло быть, и за это я возненавидѣлъ abbата столько же, сколько Макрѣза. Впрочемъ, я не даромъ не терплю Макрѣза: онъ стѣнть того. Я слышаълъ о немъ сужденіе одного удивительного человѣка, который никогда не ошибается въ оцѣнкѣ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ!

— Кто же это такой непогрѣшительный судья? спросилъ, улыбаясь, Оливье.

— Маленький горбунъ, вотъ эдакой, сказалъ Жеральдъ, поднявъ руку фуа на четыре съ половиной отъ полу.

— Горбунъ? спросилъ удивленный Оливье.

— Да, горбунъ, остроумный, какъ чортъ; онъ поражаетъ, гонитъ всѣхъ, кого не уважаетъ или презираетъ, и полонъ живѣйшаго участія, глубокой преданности къ тѣмъ, кого уважаетъ... а такихъ не много... Впрочемъ, онъ не скрываетъ ни симпатіи, ни антипатіи, которая ему внушаетъ кто-либо.

— Хорошо, что его физическій недостатокъ позволяетъ ему пользоваться правомъ говорить свободно, сказалъ ветеранъ:—иначе вашему горбуну пришлось бы играть въ опасную игру.

— Его физической недостатокъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Жеральдъ: — хотя маркизъ де-Мэльфоръ очень—горбать, но...

— А, такъ онъ маркизъ!..

— О! да, маркизъ, и маркизъ древняго рода. Онъ происходит изъ дома герцоговъ Бомартелей... Да; я хотѣлъ сказать, что маркизъ де-Мэльфоръ хотя и очень горбать, но силенъ, ловокъ и проровенъ, какъ юноша, а ему, между тѣмъ, сорокъ—пять лѣтъ. И притомъ... ты, Оливье, и я... мы оба, не хвастаясь, можемъ сказать, что не послѣдніе въ искусствѣ фехтованья...

— Ну, да...

— Ну, такъ маркизъ изъ двѣнадцати дастъ намъ восемь... достойный противникъ несравненнаго Бертрана... быстрѣ, какъ молния, легокъ, какъ птица...

— Мнѣ нравится вашъ храбрый горбунъ, сказалъ ветеранъ: — если у него бывали дуэли, противники его, вѣроятно, разыгрывали забавныя роли.

— У него было много дуэлей, отвѣчалъ Жеральдъ:—и онъ всегда являлся храбрымъ, хладнокровнымъ, изумительнымъ. Мнѣ рассказывалъ это мой отецъ, который былъ другомъ маркиза.

— И, не смотря на свой горбъ, онъ бываетъ въ свѣтѣ? спросилъ Оливье.

— Иногда онъ не пропускаетъ ни одного бала; иногда вдругъ запрется у себя въ комнатѣ и не показывается цѣлые мѣсяцы. У него престранный характеръ. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что маркизъ долгое время былъ глубокимъ меланхоликомъ, но я всегда видѣлъ его веселымъ, вѣчно шутившимъ...

— Съ этимъ умомъ, съ этой храбростью и искусствомъ владѣть шпагой, онъ страшенъ... его надо бояться, сказалъ Оливье.

— И дѣйствительно, трудно себя представить, какъ одно присутствіе его женируетъ, беспокоитъ извѣстныхъ лицъ, которыхъ въ свѣтѣ принимаютъ по праву рождения, даромъ—что они извѣстны своими пороками или глупостью. Вотъ, напримѣръ, Макрѣй... увидавъ маркиза, онъ тотчасъ уходитъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ событиемъ вовсе-незначительнымъ въ другихъ частяхъ города, но не совсѣмъ обыкновеннымъ въ Батинъольскомъ-Предмѣстьѣ.

Передъ рѣшоткой бесѣдки, въ которой сидѣли трое нашихъ собесѣдниковъ, остановилась великолѣпная карета, запряженная парою прекрасныхъ лошадей.

Въ каретѣ не было никого.

Лакей, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ и одѣтый, подобно ему, въ богатую ливрею, сошелъ съ козель, вынувъ изъ кармана письмо, прочелъ адресъ, посмотрѣлъ на обѣ стороны, какъ-будто хотѣлъ увидать номеръ дома и наконецъ пошелъ по улицѣ, сказавъ кучеруѣхать за собою.

— Въ-течениіи десяти лѣтъ, которые я живу въ этой улицѣ, сказала старый морякъ:—это первая карета. Не правда ли, какая честь для всего квартала?

— Я никогда не видывалъ такихъ прекрасныхъ лошадей, сказала Оливье съ видомъ знатока:—это твои, Жеральдъ?

— Что ты? Ужъ не считаешь ли ты меня мыльонеромъ? все-таки возразилъ молодой герцогъ:—у меня есть одна только верховая лошадь... Въ кабролетѣ я запрягаю одну изъ лошадей ма-тушки, когда она не выѣзжаетъ. Вотъ и вся моя конюшня. Ворочемъ, я до безумія люблю лошадей и принадлежу къ самыми отчаянными спортсменамъ... Но кстати о лошадяхъ: помнишь ты эту лошадиную физіономію—Морнана, нашего школьнаго товарища?

— Морнана? о, да, его тоже мы оба не могли терпѣть. Чемъ онъ?

— Онъ также сдѣлался важнымъ человѣкомъ.

— Не-уже-ли? Ты шутишь...

— Я тебѣ говорю, сдѣлался важнымъ человѣкомъ, наслѣдованнымъ паромъ... Засѣдаетъ, сударь, въ палатѣ... Говорить... и его слушаютъ... пожалуй, министромъ будетъ... .

— Морнанъ!..

— Ну, да, Боже мой, Морнанъ!.. Онъ важенъ,увѣсистъ, глупъ; онъ только и думаетъ о своемъ достоинствѣ, честолюбивъ необыкновенно и принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые ревнивы и завистливы, потому-что сами люди... такъ... ни то, ни се. золотая посредственность. У этихъ молодцовъ необыкновенное искусство выходить въ люди не спиной, такъ...

Въ эту минуту, лакей, исчезнувшій на нѣсколько времени, возвратился, подошелъ къ рѣшоткѣ сада и, приложивъ руку къ щипѣ, сказала:

— Позвольте спросить, господа, не принадлежитъ ли этотъ садъ дому подъ номеромъ седьмымъ?

— Да, мой милый, отвѣчалъ ветеранъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, этотъ садъ, вѣроятно, принадлежитъ къ квартирѣ первого этажа?

— Именно такъ...

— Я три раза звонилъ, но мнѣ не отвѣтываютъ, прибавилъ лакей.

— Это моя квартира въ первомъ этажѣ, сказала ветеранъ, нѣсколько удивленный:—что тебѣ надо?

— Вотъ, сударь, очень нужное письмо къ госпожѣ Барбансонъ, которая, кажется, живетъ въ вашей квартирѣ.

— Да, любезный, она живеть именно, здѣсь, отвѣчаль стариkъ, болѣе и болѣе приходя въ удивлениe.

Потомъ, увидавъ свою экономику въ глубинѣ сада, онъ закри-
чалъ:

— Эй, тѣтушка Барбансонъ, чтоб вы тамъ воюете противъ мо-
ихъ пѣтровъ? Подите сюда: къ вамъ есть письмо... Вотъ ужъ три
раза звонили, а вы и не слышите...

IV.

Услышавъ голосъ г. Бернара, мадамъ Барбансонъ пришла из-
виниться передъ нимъ и спросила у человѣка, который ожидалъ ее:

— У васъ есть письмо ко мнѣ, мой милый?.. отъ кого оно?

— Отъ графини де-Бомениль, сударыня; вотъ оно, отвѣчаль ла-
кай, подавая его сквозь рѣшетку.

— Графиня де-Бомениль!.. вскричала бывшая повивальная баб-
ка:—не знаю ея...

И она распечатала письмо, повторяя:

— Не знаю графини де-Бомениль; совсѣмъ, совсѣмъ не знаю...

— Графиня де-Бомениль! сказалъ Жеральдъ тономъ участія.

— Ты знакомъ съ нею? спросилъ Оливье.

— Года два-три назадъ, я встрѣтилъ ее въ свѣтѣ, отвѣчаль
Жеральдъ: — она была тогда удивительно-хороша, но, теперь бѣд-
няжка уже годъ не встаетъ съ постели. Говорить, она больна от-
чаянно. Къ-несчастію, графъ де-Бомениль, который повезъ дочь въ
Італію лечиться, умеръ въ Неаполѣ, упавъ съ лошади.

— Какая страшная судьба! сказалъ Оливье.

— Такъ-что теперь, продолжалъ Жеральдъ: — если графиня де-
Бомениль умретъ, дочь ея останется пятнадцатилѣтней сиротой.

— Бѣдное дитя! жаль ея, сказалъ ветеранъ.

— По счастію, возразилъ Жеральдъ: — мамзель де-Бомениль бу-
детъ богатѣйшею наслѣдницей Франціи. Богатства Боменилей счи-
таются до трехъ миллионовъ годового дохода...

— Три миллиона! вскричалъ Оливье.—Такъ это правда, что есть
на свѣтѣ такие богачи... И все это движется, ходить, говорить
такъ же, какъ и мы, бѣдняки!.. Покажи мнѣ, Жеральдъ, хоть
одного изъ этихъ феноменовъ...

— Изволь... Но я предувѣдомляю тебя, что обыкновенно это
зрѣлище не очень-пріятно. Я не говорю о мамзель де-Бомениль...
не знаю, такъ ли она хороша, какъ ея мать...

— Чортъ возьми! я тоже хотѣлъ бы знать—можно ли молчать
о трехъ миллионахъ годового дохода! сказалъ простодушно вете-
ранъ, выбивая пепель изъ трубки.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! вскричала мадамъ Барбансонъ,
которая въ-продолженіи этого разговора читала письмо:—возмож-
но ли? мнѣѣхать въ каретѣ? и еще въ графской каретѣ?

— Что съ вами, тѣтушка Барбансонъ? спросилъ ветеранъ.

— А воть что, сударь. Вы должны мнѣ позволить сейчасъ же выйти.

— Сдѣлайте милость; но куда, если смѣю спросить?

— Къ графинѣ де-Бомениль, и еще въ ея собственной каретѣ, отвѣчала экономка важнымъ голосомъ:—дѣло идетъ о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, которыя, какъ кажется, я одна только могу доставить. Ей-Богу, не знаю, въ чёмъ дѣло, но все равно...

Потомъ мадамъ Барбансонъ вдругъ вскрикнула, какъ будто бы какая-то внезапная мысль мелькнула въ головѣ ея и, обращаясь къ г. Бернару, сказала:

— Послушайте-ка, сударь.

— Что прикажете?..

— Пожалуйте на минутку ко мнѣ, въ садъ. Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ по секрету.

— О, о!! дѣло, какъ кажется, важное! сказалъ ветеранъ, вставая:—пойдемте, тѣтушка Барбансонъ, пойдемте...»

Экономка отвела его на нѣсколько шаговъ отъ бесѣдки, и съ таинственнымъ видомъ тихомъко сказала:

— Вы знаете, сударь, мадамъ Эрбо, которая живеть во второмъ этажѣ... у нея есть еще двѣ дочери... назадъ тому дѣлъ не дѣли, я представила ей вашего племянника...»

— Нѣтъ, я ея не знаю; впрочемъ, вы мнѣ говорили о ней. Но въ чёмъ же дѣло?..

— Я припоминаю теперь, что ея пріятельница, мадамъ Ленѣ, теперь въ Италии гувернанткой дочери одной графини, цимъ которой походитъ на имя Бомениль... вѣдь, можетъ-быть, это она и есть, та важная графиня...

— Очень можетъ быть, да что жь дальше?

— Знаете ли, можетъ-быть, хотать имѣть свѣдѣнія объ этой Ленѣ, которую я видѣла у мадамъ Эрбо.

— И это можетъ быть; и вы это все узнаете сейчасъ же, потому-что ёдете сами къ графинѣ де-Бомениль.

— Ахъ, Боже мой, сударь! еще другая мысль!

— Расскажите вишь другую мысль, отвѣчаль морякъ съ ангельскимъ терпѣniемъ.

— Я вѣдь вамъ говорила о замаскированной дамѣ...»

— Вы хотите разсказать еще разъ эту исторію? вскричаль ветеранъ, отступая.

— Нѣтъ, сударь; но чтѣ, если все это имѣть связь съ этой молодой дамой?

— Лучшее средство узнать все это—ѣхать немедленно къ графинѣ де-Бомениль. Мы оба отъ этого выиграемъ.

— Да, я єду...

Г. Бернаръ воротился въ бесѣдку, а экономка подошла къ решоткѣ сада и сказала человѣку:

— Я буду сейчасъ готова, мой другъ... только надѣцу мою новую бранжевую шаль и чепчикъ съ большимъ бантомъ...»

Чрезъ нѣсколько минутъ, мадамъ Барбансонъ торжественно прошla, мимо рѣшотки сада, сѣла въ карету, и потомъ, привставъ, граціозно поклонилась своему господину и его собесѣдникамъ.

Въ эту минуту пробило семь часовъ...

— Чортъ возьми! сказалъ Оливье съ недовольнымъ видомъ: — уже семь часовъ... я долженъ тебя оставить, любезный Жеральдъ...

— Уже? Но зачѣмъ?..

— Я обѣщала одному каменщику прійтти къ нему въ это время для повѣрки счетовъ. Ты, вѣдь, я думаю, не знаешь, что такое повѣрка счетовъ?..

— Я и забылъ; ты мнѣ еще утромъ говорилъ, что уйдешь въ семь часовъ повѣрять эти счеты. А мнѣ было такъ весело!..

— Оливье! сказалъ ветеранъ, который казалось, о чёмъ-то думалъ въ то время, какъ племянникъ его говорилъ о своей работе: — за отсутствіемъ тѣтушки Барбансонъ, поди-ка въ погребъ, да принеси послѣднюю бутылку кипрскаго вина, которое я нѣкогда привезъ изъ Леванта... Мосьѣ Жеральдъ не откажется выпить стаканъ... Полчаса опоздать не бѣда... Твои счеты авось не сгортатъ...

— Безподобная идея, лядюшка... бѣгу въ погребъ... слава Богу, здѣсь не въ полку: можно опоздать нѣсколько минутъ... и Жеральдъ попробуетъ вашего нектара...

Оливье исчезъ.

— Мосьѣ Жеральдъ! сказалъ тогда ветеранъ съ цѣкоторымъ волненіемъ. — Я послалъ Оливье не только за тѣмъ, чтобы попотчевать вѣсль моимъ кипрскимъ виномъ, но и за тѣмъ, чтобы поговорить о немъ съ вами... поговорить искренно... чтобы разсказать вамъ, лучшему его другу, обо всемъ, что есть въ немъ хорошаго, благороднаго, великодушнаго...

— Я знаю все, капитанъ; но мнѣ пріятно будетъ услыхать кое-что о немъ отъ васъ, потому-что вы такъ хорошо умеете цѣнить его.

— Нѣть, мосьѣ Жеральдъ, нѣть, вы не знаете всего... вы не можете вообразить, какому тягостному труду подвергаетъ себя Оливье не только для того, чтобы не быть мнѣ въ тягость, но и для того, чтобы дѣлать мнѣ подарки, отъ которыхъ я не смѣю отказываться, боясь оскорбить его, опечалить... Онъ мнѣ подарилъ и эту прекрасную трубку... Я люблю дикие розаны... Недавно онъ принесъ два куста разныхъ родовъ... Но это еще не все... Давно хотѣлось мнѣ завестись спокойнымъ кресломъ, потому-что когда раны мои раскрываются, я бываю принужденъ проводить нѣсколько ночей сидя; но спокойные кресла стоятъ дорого. Недѣлю назадъ, вдругъ мнѣ принесли такие кресла, о которыхъ я такъ давно мечталъ... Оливье просидѣлъ нѣсколько ночей за письмомъ... простите мнѣ, мосьѣ Жеральдъ, эту довѣренность простаго, бѣднаго человѣка, сказалъ старикъ задыхающимся голосомъ и яркая слеза канула на сѣйдой усы его: — простите мнѣ, но вѣдь я чув-

стую, сердце мое полно... надо же раскрыть его, а рассказать все это вамъ, моись Жеральдъ, для меня двойное счастіе...

Жеральдъ что-то хотѣлъ сказать. Бернаръ перебилъ его.

— Вы найдете меня очень болтливымъ, но Оливье скоро воротится, а я еще долженъ просить у васъ одной милости... Въ вашемъ положеніи, вы, конечно, имѣете связи съ людьми знатными, важными. У Оливье нѣтъ покровителей, и, однakoжъ, по своей службѣ, по воспитанію и поведенію, онъ имѣетъ полное право на офицерскіе эполеты... Самъ онъ никогда не хотѣлъ и не смѣлъ просить обѣ этомъ своихъ начальниковъ. Я это понимаю, потому что, еслибы я былъ низкопоклонникъ, я вѣрно былъ бы капитаномъ корабля... Что прикажете дѣлать... кажется, ужъ таково наше семейство... Оливье подобенъ своему дядѣ... Мы бываемъ сколько есть силь, мы рабы службы, но когда дѣло дойдетъ до просьбы, мы дѣлаемся совершенно глупы, намъ совсѣмъ... Но тише, вотъ Оливье, сказалъ живо морякъ, быстро схвативъ трубку и начавъ курить ее: — не говорите ему ничего, и виду не показывайте... Онъ сейчасъ станеть подозрѣвать.

— Капитанъ, даю вамъ слово, что до окончанія отпуска Оливье будетъ офицеромъ, сказалъ Жеральдъ, совершенно-растроганный: — у меня нѣтъ никакого кредита, но я вамъ говорилъ о киркѣ Мэльфорѣ. Онъ уважаемъ всѣми, и рекомендаций его тотчасъ доставятъ Оливье заслуженное повышеніе. Будьте покойны.

— Ахъ, моись Жеральдъ, я сразу оцѣнилъ васъ; вы истинный братъ моему бѣдному Оливье; но вотъ онъ, пожалуйста, и виду не показывайте...

И достойный человѣкъ началъ курить трубку съ беззаботнымъ видомъ, на-скоро оттеревъ непокорную слезу, которая насильно сверкнула въ его глазахъ.

Жеральдъ тотчасъ же обратился къ своему старому товаришу, желая удалить всякое подозрѣніе о предметѣ разговора.

— Ну, скоро ли ты тамъ, волокита? вскричалъ онъ: — можетъ подумать, что въ погребѣ тебя задержала какая-нибудь хорошенькая, какъ, помнишь... въ Оранѣ... ту Жидовку... Чтобъ, забылъ о бѣдняжкѣ Даниѣлѣ.. А, доя-Хуантъ!

— Да, она была прекорошенькая, отвѣчалъ молодой человѣкъ, улыбаясь съ удовольствіемъ: — но она просто дурнушка въ-сравненіи съ дѣвицей, которую я сейчасъ встрѣтилъ на дворѣ, привѣтилъ Оливье, осторожно поставивъ на столъ покрытую толстымъ слоемъ пыли почтенную бутылку кипрскаго.

— А! теперь я понимаю, отъ-чего ты долго не являлся.

— Смотри ты, какой молодецъ, прибавилъ ветеранъ. — Кто жъ эта красота, которую ты встрѣтилъ?

— Ну-ка, расскажи намъ о своей побѣдѣ, сказалъ Жеральдъ.

— А вы какъ думаете, господинъ герцогъ? сказалъ Оливье сѣясь: — это герцогиня!..

— Герцогиня! какъ такъ? спросилъ Жеральдъ.

— Герцогиня дѣлъ Батинъольскомъ-Предмѣстіи! воскликнулаъ ветеранъ: — это новое растеніе и притомъ очень-лестное для нашего околодка.

— Погодите, любезный дядюшка; вотъ, я сейчасть васъ разочарую. Во-первыхъ, я побѣды еще не одержалъ, а во-вторыхъ, герцогиня-то совсѣмъ не герцогиня, а только ее называли герцогиней.

— Называли? За что? спросилъ Жеральдъ.

— Да то, возразилъ Оливье: — что она, говорятъ, прекрасна и горда, какъ герцогиня.

— Прибавь и цѣломудренна... сказалъ, смеясь, Жеральдъ.

— Цѣломудренна? да развѣ герцогини...

— Замолчишь ли ты, злой языкъ, перебилъ Жеральдъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я скажу, возразилъ Оливье: — что она прекрасна, горда и цѣломудренна, какъ герцогиня. Отъ этого-то и называли ее герцогиней.

— Кто жъ она такая? — въ качествѣ герцога, мнѣ очень любопытно знать про эту герцогиню.

— Она учитъ музыкѣ... стало-быть, поступаетъ очень ще по-герцогски...

— Напротивъ, я думаю, фортепьяно дѣлается аристократическими подъ ея прекрасными пальчиками... вѣдь у ней должны быть и руки хорошенъкія, какъ у герцогини?.. Ну же, расскажи намъ, чортъ возьми! Ты влюбленъ... такъ кого же тебѣ и выбрать въ свои наперсники, какъ не дядю или товарища.

— Да, я хотѣлъ бы имѣть право сдѣлать васъ моими довѣреными особами, сказалъ Оливье смеясь: — но, къ-несчастію, не могу; я сегодня въ первый разъ вижу эту дѣвушку.

— Но какъ же ты знаешь о ней всѣ эти подробности?

— А вотъ видите ли, возразилъ Оливье: — у насъ во второмъ этажѣ живетъ вѣкая мадамъ Эрбѣ. У этой безподобной женщины каждое воскресеніе собираются молодые дѣвушки, подруги ея дочерей. Однѣ изъ нихъ ведутъ книги въ магазинахъ, другія учатъ юнію или музыкѣ, какъ герцогиня. Есть между ними премиленькія. Впрочемъ, и всѣ онѣ славныя дѣвушки, работаютъ всю недѣлю въ пѣты лица, а въ воскресеніе шумно веселятся у мадамъ Эрбѣ. Тутъ, братецъ, есть и маленькія игры, и танцы, и музыка... очень весело... Вотъ уже два воскресенія я былъ у мадамъ Эрбѣ... и...

— Я требую, чтобы ты меня представилъ мадамъ Эрбѣ, воскликнулаъ молодой герцогъ.

— Ты требуешь... ты думаешьъ, что стоять только потребовать? а? весело возразилъ Оливье: — такъ узнай же, мой другъ, что наша батинъольскіе такъ же разборчивы, какъ и вашъ большой свѣтъ.

— Прекрасно... я вижу, ты ревнивъ... вотъ ужъ вовсе некогда, потому-что и настоящія и предполагаемыя герцогини меня вовсе не привлекаютъ. Итакъ, разувѣрься. Впрочемъ, если ты откажешься въ моей просьбѣ, такъ я попрошу мадамъ Барбансонъ...

— Ну, да тамъ посмотримъ, можно ли тебѣ цвести въ наше

общество, сказала Оливье съ комической важностью: — да же идет о герцогиня. Въ прошедшее воскресенье, когда я былъ у мадамъ Эрбѣ и хвалилъ ея милое общество, она май вдругъ говорить: «что же бы вы сказали, когда бы увидали герцогиню?» Тутъ она мнѣ рассказала тѣ подробности, которая я передалъ вамъ. «Къ несчастію», привѣтила мадамъ Эрбѣ: «вотъ уже два воскресенья герцогиня не была у насъ... Бѣзъ нея мы многое теряемъ, потому что она хотѣ иерцожия, однажды ее всѣ любятъ. Все это время она бываетъ у какой-то знатной и богатой дамы, которая, говорить, больна такъ, что доктора, не зная, чѣмъ дѣлать, вѣдумали испытать—не утишить ли боли музыка».

— Вотъ странно! воскликнулъ Жеральдъ.

— Что странно? спросила Оливье.

— А то, что эта большая лада, къ которой ходить въ герцожия, не кто иная, какъ графиня де-Бомениль.

— Та самая, которая присыпала за мадамъ Барбаконъ? спросилъ ветеранъ.

— Да, капитанъ; я слышала обѣ этомъ леченіи музыкою, которое приложили къ болѣзни графини.

— Вотъ странное столкновеніе обстоятельствъ, сказала Оливье: — и кажется, попытка докторовъ не безуспѣхна, потому что герцогиня каждый вечеръ ходить къ графинѣ де-Бомениль. По этому то я и не видѣла этой дѣвушки на вѣчерахъ мадамъ Эрбѣ, отъ которой, вѣроятно, она сейчасъ выходитъ. Она удивительно хороша и прекрасно сложена. Я нарочно спросила у дворника, кто она. Онь-то и сказала мнѣ, что это герцожия.

— О, да это пренитересно, только для меня слишкомъ алегато, сказала Жеральдъ: — я предпочитаю веселыхъ, простыхъ дѣвушекъ, какія, вѣроятно, бываютъ у мадамъ Эрбѣ... и если ты меня не представишь ей, такъ ты просто человѣкъ неблагородный... Припомни-ка молодецкую алжирскую торговку, у которой еще была хорошенъкая сестра...

— Какъ! воскликнулъ морякъ: — а Жидовка, оранская маркиантка?

— Такъ что же, дядечка? Пріѣхалъ въ Оранъ—въ Оранѣ влюбленъ... ушелъ въ Алжиръ—любашъ въ Алжирѣ...

— Да ты, голубчикъ, я вижу... Жеконду... обольститель, сказала старикъ, чрезвычайно доволивъ усмѣхами племянника.

— Чѣмъ прикажете дѣлать, капитанъ? это вѣдь не отъ беспостоянства, а такъ... приходится сидѣвать за полкомъ... Отъ этого-то мы съ Оливѣ оба оставили въ Оранѣ по влюблѣнной, отъ свою Жидовку, а я Мавританку... въ Алжирѣ нашли другихъ... другихъ премиленькихъ торговокъ.

— На повѣрку выходить, сказала старый морякъ, разселившись отъ алжирскаго, которого бутылка ходила кругомъ въ продолженіи этого разговора: — да... на повѣрку выходить; что, перв-

мѣная квартиры, мы оставляли мартиникскихъ мулатокъ для рыболовецкъ Новой Земли.

— Вотъ такъ перемѣна войса! — сказалъ Жеральдъ, толкнувъ локтемъ Бернара: — вѣдь это — перемѣнить огонь на ледъ, капитанъ?

— Нѣтъ, чортъ возымъ! возразилъ ветеранъ: — не знаю отъ чего; но у этихъ рыбачекъ, хоть онѣ и бѣлобрысы, какъ Альбиноски, кажется, были сантъ чортъ въ тѣлѣ. Въ особенности я помню одну, совсѣма съ бѣлыми рѣсницами...

— Что жъ, лялюшка? Температура Сенегала? А?

— Да, голубчикъ, того... отвѣчалъ ветеранъ.

И онъ, поставивъ стаканъ на столъ, щелкнулъ языкомъ; но трудно было понять, къ чему относился этотъ одобрительный знакъ, — къ молоденькой ли красавицѣ съ бѣлыми рѣсницами или къ старому кипрскому ину.

— Не чѣ же это такое! воскликнулъ достойный морякъ: — вотъ что значить примѣръ: и я, старый тюлень, разговорился о любовныхъ шашниахъ съ молодежью. Нѣтъ, лучше разсказывайте-ка вы мнѣ о своихъ Жидовкахъ, Мавританкахъ, герцогиняхъ... вамъ это по-крайней-мѣрѣ къ-лицу...

— И такъ, Оливье, изъ благодарности ты долженъ представить меня мадамъ Эрбо, — сказалъ настѣйчиво Жеральдъ.

— Вотъ что значитъ пресыщеніе! воскликнулъ Оливье: — ты посыпаешь большой свѣтъ, и вдругъ желаешь попасть на наши бѣлые батицьольскія вечеринки...

— Ты думаешьъ, что онъ очень-интересентъ, нашъ большой свѣтъ. Нѣтъ, мой другъ, я бываю въ этомъ обществѣ только потому, чтобы сдѣлать удовольствіе матушкѣ. Завтра, напримѣръ, я долженъ престрадать цѣлое утро, потому — что матушка даетъ утренний балъ. Но, кстати, Оливье, приходи завтра...

— Куда?

— На нашъ утренний балъ...

— Я?

— Ну, да, ты...

— Я... Оливье Ремонъ, квартирмейстеръ гусарскаго полка, и пойду на балъ въ Сен-Жерменское-Прадмѣстѣ!

— Чѣ же тутъ удивительнаго? Развѣ я не могу пригласить на балъ моей матери, моего лучшаго друга — потому — что онъ имѣеть честь быть однѣмъ изъ храбрѣйшихъ солдатъ французской арміи... Нѣтъ, ты, непремѣнно придишь, Оливье; я хочу...

— Вѣ доломанъ?.. не правда ли? сиренѣлъ, улыбаясь, Оливье.

Жеральдъ зналъ, что у молодаго солдата не было статскаго шателья, знать — на чѣ онъ употреблялъ пріобрѣтенныя тѣждымъ трудомъ деньги, и могъ только сказать ему:

— Дѣйствительно, я-было и позабыть объ этомъ... А жалъ: мы бы приятно провели время... я показалъ бы тебѣ нашихъ мод-

ныхъ красавицъ... и увѣренъ, что въ этомъ отношеніи ты пожа-
лѣлъ бы о вечерахъ мадамъ Эрбѣ.

— Слышите ли, дядюшкѣ, какъ молодецъ искусно повернулъ
дѣло?..

Въ эту минуту пробило гдѣ-то восемь часовъ.

— Уже восемь часовъ, вскричалъ Оливье: — мой каменщицъ
пѣлый часъ доходитъ меня. Ну, мой другъ, теперь я непремѣн-
но долженъ уйтти. Я обѣщаю быть исправившимъ... Опоздать ча-
сомъ — это много... Точность въ исполненіи обѣщанія, сударь,
важнѣе всего для тѣхъ, кто повѣряетъ счеты, — сказалъ шутливо
Оливье и протянулъ руку дядѣ: — прощайте, дядюшкѣ!...

— Ты будешь работать ночью, мой другъ, сказалъ старикъ,
значительно взглянувъ на герцога: — мнѣ, стало-быть, не надо до-
жидаться тебя?...

— Нѣтъ, дядюшкѣ, ложитесь спать... да не забудьте сказать тѣ-
тушкѣ Барбансонъ, чтобы она взяла ключъ у дворника, а спички
— въ кухнѣ... я не буду стучать и не разбуджу васъ...

— До свиданія, мосьѣ Жеральдъ, сказалъ ветеранъ, подавши
руку молодому герцогу. Въ эту минуту, онъ выразительно смо-
трѣлъ на Жеральда, желая ему взглѣдомъ напомнить о своей
просьбѣ.

— До свиданія, капитанъ, отвѣчалъ Жеральдъ, пожимая руку
старика и стараясь показать ему, что онъ его понялъ: — вы, ко-
нечно, позволите мнѣ навѣщать васъ?

— О, ваше посѣщеніе, мосьѣ Жеральдъ, будетъ для меня ис-
тиннымъ удовольствиемъ... будьте увѣрены...

— Вѣрю, капитанъ, вѣрю... я сужу по себѣ... Ну, Оливье...
маршъ... Я доведу тебя до самыхъ дверей твоего каменщика.

— Стало-быть, я все-таки выиграю хоть четверть часа, сказалъ
Оливье: — до свиданья, дядюшкѣ...

— До свиданья, мой другъ...

Оливье взялъ свертокъ бумагъ и пукъ перьевъ, и молодые лю-
ди вышли. Жеральдъ довелъ своего друга до квартиръ каменщи-
ка, у дверей которого друзья разстались, обѣщаю часто видѣться.

Черезъ часъ послѣ ухода Оливье, мадамъ Барбансонъ вернулась
домой въ каретѣ графини де-Бомениль.

Г. Бернаръ, удивленный задумчивостью и безмолвіемъ своей эко-
номки, напрасно начинать говорить съ нею. Наконецъ, онъ по-
просилъ ее спрятать остатокъ кипрскаго вина. Мадамъ Барбансонъ
взяла бутылку, пошла потихоньку и вдругъ въ самозабвеніи сло-
жила крестъ-на-крестъ руки. Отъ этого движения, почтенныя остат-
ки старого вина полились по полу. Бутылка разлетѣлась въ дре-
безги.

— А, чтобы чортъ васъ поборалъ! вскричалъ ветеранъ: — теперь
прощай, мое кипрское...

— И въ-самомъ-дѣлѣ... я разбила бутылку, отвѣчала экономка,
никакъ-бы проснувшись отъ тяжелаго сна: — и это меня не удивля-

есть... съ-тѣхъ-поръ, какъ я видѣла графиню де-Бомениль, говорила съ нею... Господи, Боже мой, въ какомъ она положеніи, бѣдняжка!.. Никакъ не могу придумать одной вещи, какъ ни ломаю голову... странно... Съ-этихъ-поръ долго я не буду годна ни къ чему... Да, сударь! подумайте объ этомъ...

— Хорошо, хорошо... по-крайней-мѣрѣ, а теперь зараже знаю обѣ этомъ, отвѣчалъ ветеранъ съ своей обыкновенной кротостью, вида, какъ мадамъ Барбансонъ снова впала въ таинственную задумчивость.

v.

На другой день послѣ встречи Оливье Рэмона съ Жеральдомъ, герцогиня де-Сантэрръ давала утренній балъ, о которомъ именно молодой герцогъ и говорилъ своему другу.

Герцогиня де-Сантэрръ, по своему происхожденію и связямъ, принадлежала къ числу самыхъ аристократическихъ дамъ Сен-Жерменского-Предмѣстья. По-этому-то она, не смотря на недостаточность состоянія и свой небольшой домикъ, все-таки каждую весну давала четыре или пять утреннихъ баловъ. Общество, сбывающееся въ ней, было немногочисленное, но за то отборное. Герцогиня сама и обѣ ея дочери принимали гостей съ истинно-изящной любезностью.

Три окна залы, въ которой танцевали, выходили въ прекрасный небольшой садикъ. Въ этотъ день погода была чудесная. Между танцами, навалеры и дамы уходили въ садъ и прогуливались по его аллеямъ, усаженнымъ по обѣимъ сторонамъ купами цветовъ.

Несколько человекъ, усѣвшись пѣдь широкими кустомъ сирени, болтали о тысяче тѣхъ мелочей, изъ которыхъ обыкновенно состоятъ звѣдневные съетсніе разговоры.

Две изъ нихъ заслуживали особенное вниманіе.

Одни, лѣтъ тридцати, съ презрительнымъ, доволившимъ видомъ, погруженный въ самого-себя, съ мутными глазами, назывался графомъ де-Морианомъ. О немъ-то говорила вчера Жеральдъ и Оливье, припомненная съ своихъ школьныхъ товарищахъ.

Месье де-Морианъ, какъ говорили, былъ наследственный промъ.

Другой, закадычный другъ графа, былъ баронъ де-Равиль, высокий мужчина, тоже лѣтъ тридцати, сухой, угловатый, нѣсколько сгорбившійся и уже довольно-лысый. Его салюшевшая голова, страшно выпуклые глаза, нѣсколько налившіеся кровью, придавали его физиономіи какой-то змѣиный характеръ. Хотя средства существованія барона де-Равilla были очень-загадочны, его, однажды, принимали въ большемъ свѣтѣ, къ которому, впрочемъ, опь принадлежала по рожденію. Ни одинъ интриганъ не былъ столько наглъ, столько безстыденъ, сколько баронъ де-Равиль.

— Видели ли вы леса нынешняго бала? спросил граф де-Морнан один из говорившихъ.

— Я только-что пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ: — не знаю, о комъ вы говорите.

— Конечно, о маркизѣ де-Мельфорѣ.

— Объ этомъ горбунѣ? вскричалъ де-Равиль.

— Ну, да, о немъ... балъ былъ такъ скученъ, что ужасъ. Маркизъ хотѣлъ развеселить общество своей шутовской особой.

— Не понимаю, зачѣмъ являться въ свѣтѣ съ такой фигурой, сказалъ де-Морнанъ. — Несчастный маркизъ долженъ бы, по-крайней-мѣрѣ, имѣть сознаніе о... своемъ горбѣ...

— Удивительно, что маркизъ оть-времени-до-времени появляется въ обществѣ... и вдругъ на долго исчезаетъ...

— Я подозрѣваю, что онъ дѣлаетъ фальшивую монету и бываетъ иногда въ обществѣ, чтобы разсыпать произведенія своей остроумной промышленности, сказалъ де-Равиль. — Однажды онъ мнѣ далъ взаймы тысячу франковъ, которые я проигралъ и которые, конечно, я ему никогда не отдамъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, этотъ билетъ былъ непремѣнно фальшивый; во-вторыхъ, дерзкій горбунъ, отдававшій мнѣ деньги, сказалъ: «никогда будешь прѣмъ, баронъ, часто спрашивай у вѣсъ эту тысячу франковъ». Пусть онъ не беспокоится, проклятый уродъ, я долго буду доставлять ему это удовольствіе.

— Шутки въ сторону; маркизъ удивительный оригиналъ... Маркиза, его мать, оставила ему большое состояніе. Чтѣль онъ изъ него дѣлаетъ, неизвѣстно. Маркизъ живеть такъ скромно...

— Никогда я видывала его часто у этой бѣдняжки графини де-Бомениль.

— Кстати, — сказали вы, что она при смерти?

— Графиня де-Бомениль?..

— Да. Говорятъ, что на-дняхъ она непремѣнно умретъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчала мадамъ де-Маркуръ, которая, ючу сюда, остановилась на минутку у дома графини, чтобы спросить обѣ ея здоровье.

— Бѣдняжка! умереть въ такихъ латахъ!!

— Какое огромное наслѣдство достается ей дочери, вскричалъ де-Морнанъ. — Это будетъ богатѣйшая наслѣдница во всей Франціи, и въ добавокъ еще сирота... Вотъ лакомый кусочекъ!

Говоря это, де-Морнанъ встрѣтился глазами съ барономъ де-Равилемъ.

Оба они вздрогнули, какъ-будто внезапная мысль явилась въ головахъ ихъ. Они поняли другъ друга.

— Богатѣйшая наслѣдница во всей Франціи!..

— И еще сирота!

— И притомъ все богатство состоять въ земляхъ! вскричали одинъ за другимъ трое другихъ собесѣдниковъ, съ простодушными выраженіемъ жадности.

Но съмъ одинъ изъ нихъ, не замѣчай значительныхъ взглядовъ де-Морнана и де-Равиля, спросилъ:

— А' какой годъ мадмуазель де-Бомениль?

— Ей сдва минуло пятнадцать лѣтъ... отвѣчалъ де-Равиль: — такая худенькая!.. очень-нехороша собой...

— Дурна! вы говорите... такъ вы ее видѣли?

— Нѣтъ, одна изъ моихъ тѣтокъ... видѣла ее въ монастырѣ, еще до отѣзда ея въ Италію, куда она поѣхала по приказанію врачей...

— А самъ-то Бомениль, бѣдняжка, умеръ, упавъ съ лошади... въ Неаполь, кажется?..

— Такъ вы, любезный баронъ, говорите, что мадмуазель де-Бомениль очень-дурна? спросилъ одинъ изъ говорившихъ, между тѣмъ, какъ де-Морнанъ все болѣе и болѣе о чёмъ-то задумывался.

— Просто уродъ, отвѣчалъ де-Равиль насыпшиво. — Кажется еще, что она упала съ масти, и отъ-того у неї сдѣлалась чахотка. Когда графъ умеръ, докторъ, который сопровождалъ его въ Неаполь, объявилъ, что не отвѣчаетъ за мадумамзель де-Бомениль, если она воротится во Францію... У неї чахотка... чахотка въ сильнейшей степени...

— Богатая наследница и еще чахоточна! да это просто прелест! самая интересная, самая лакомая невѣста, сказалъ одинъ изъ слушающихъ, съ видомъ человека, понимавшаго дѣло.

— Я думаю! возразилъ де-Равиль: — останется только желать, чтобы она могла прожить до той минуты, когда кто-нибудь на ней женится. Но, къ-несчастію, мадмуазель де-Бомениль не доживетъ до этой минуты... она уже приговорена къ смерти... Я слышалъ это отъ де-Ларошлю, ая ближайшаго родственника. Онъ, вѣроятно, это хорошо знаетъ, потому-что останется ея наследникомъ.

— Можетъ-быть, по этому-то онъ теперь въ такомъ нарядѣ...

— То-то будетъ довольна мадамъ де-Ларошлю, которая такъ любить роскошь, балы...

— Да... у другихъ...

— Странное дѣло, сказалъ одинъ изъ разговаривавшихъ: — мнѣ, напротивъ, говорили, что мадмуазель де-Бомениль похожа на мать... а вѣдь графиня была одна изъ красивѣйшихъ жѣщинъ въ Парижѣ.

— Не правда, возразилъ де-Равиль: — мадмуазель де-Бомениль необыкновенно дурна и даже, кажется, кривобока...

— Я тоже слышалъ о ней что-то подобное, сказалъ, наконецъ, де-Морнанъ, выходя изъ своей задумчивости: — де-Равиль правъ...

— Скажите, пожалуйста, отъ-чего же графиня не поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Италію?..

— Потому-что она была больна той же болѣзни, какъ и теперь... Говорятъ, бѣдняжка была очень огорчена тѣмъ, что не мог-

и жить вместе съ дочерью... Эта грусть, будто-бы, и довела ее до того отчаянного положенія, въ которомъ она теперь...

— Стало-быть, музыкальное леченіе доктора Дюпона не имѣть усилія?..

— Какое музыкальное леченіе?

— Вы не слыхали? Дѣло вотъ въ чемъ. Докторъ, зная страсть графини къ музикѣ, посовѣтовалъ ей чаще слушать извѣсную тихую музыку... Онъ полагалъ этимъ облегчить ея страданія и развлечь ее...

— Мысль не дурна, сказала, смѣясь, де-Равиль.

— Чѣмъ же вышло изъ этого?..

— Говорить, что графиня сначала почувствовала какое-то облегченіе, что музыка ее нѣсколько развлекала; но что, наконецъ, болезнь все-таки взяла свое...

— Притомъ же, и смерть мужа нанесла сильный ударъ ея сердцу...

— Вотъ вздоръ!.. вскричала де-Морианъ, пожавъ плечами: — да разве она когда-нибудь любила мужа? Она вышла не за него, а за его миллионы... Еще до замужства у нее было множество любовниковъ... Сказать правду, прибавила она съ презрительнымъ видомъ: — графиня де-Бемениль женщина потерянная, и несмотря на огромное богатство, которое послѣ нее останется дочери, никакой порядочный человѣкъ не захочетъ жениться на девушки, которой мать была женщина... развратная...

— Подлецъ!.. сказала язв-за куста. Это слово явно относилось къ последнимъ словамъ де-Мориана.

Съ минуту продолжалось всеобщее молчаніе, потомъ де-Морианъ покраснѣлъ отъ гнѣва, быстро бросился къ кусту...

Онъ не нашелъ никого. Въ этомъ есть аллея была такъ густа, что человѣкъ, сказавшій слово: подлецъ, могъ легко скрыться.

— Подлецъ только тотъ, вскричала тронко де-Морианъ, воротившись: — да! подлецъ только тотъ, кто скорбляетъ изв-за угла, не смѣя показаться....

Въ эту минуту раздались звуки музыки и увеселіи гуляющихъ въ залу.

Де-Морианъ остался съ де-Равилемъ.

— Тебя кто-то называлъ подлецомъ, сказала де-Равиль: — но не осмѣялся показаться. И прекрасно. Оставимъ это... Но ты меня помнишь? а?

— Совершенно! Эта мысль, какъ и у тебя, мгновенно мельнула въ головѣ моей... но страннее дѣло!.. въ сколько минутъ я не могъ отъ нее отомкнуться...

— Болѣе трехъ миллионовъ годового дохода! А! какими бы тогдѣ неподкупнымъ министромъ ты сдѣлался. Не правда ли?..

— Перестань!.. Отъ этого можно сойти съ ума...

• Попытавшись нового лица прервалъ разговоръ двухъ друзей.

— Позвольте въстать попросить, графъ, быть моимъ визави! спасалъ пришедший съ изъясненій вѣжливостью.

Де-Морнанъ отступилъ на нѣсколько шаговъ: такъ велико было его удивленіе, когда онъ узналъ въ этомъ человѣкѣ маркиза де-Мэльфора, удивительного горбунца, о которомъ уже было говорено нѣсколько разъ.

Кромъ удивленія и какое-то другое чувство не позволило де-Морнану тотчасъ же отвѣтить на странное предложеніе маркиза. Де-Морнану казалось, что въ голосѣ Мэльфора было что-то похожее на голосъ невидимаго лица, которое называло его подлецомъ, когда онъ назадъ тому нѣсколько минутъ слишкомъ-грубо выразился на счетъ графини де-Бомениль.

Маркизъ де-Мэльфоръ, какъ-будто незамѣтивъ оскорбительного удивленія, съ которымъ де-Морнанъ принялъ его предложеніе, повторилъ снова свою просьбу и опять съ тою же совершенной вѣжливостью:

— Позвольте въстать попросить, графъ, быть моимъ визави на сѣдующий контрактъ.

— Быть вашимъ визави, маркизъ? спросилъ де-Морнанъ, сдава удерживаясь отъ смѣха.

— Да, графъ, возразилъ маркизъ съ самой простодушной миной.

— Но, сударь... то, чего вы у меня просите... позвольте вамъ замѣтить... очень-странны... и очень-щекотливо...

— И очень-опасно, любезный маркизъ, прибавилъ де-Равиль, засмѣявшись.

— Вамъ, баронъ, отвѣчалъ Мэльфоръ; — я могъ бы сдѣлать въ просьбѣ менѣе странный и менѣе щекотливый; но, можетъ-быть, болѣе опасный — когда вы возвратите мнѣ тысячу франковъ, которые я имѣлъ честь одолжить вамъ?

— Вы очень-любопытны, маркизъ.

— Полноте, баронъ, возразилъ горбунъ: — не обходится тѣлько вымысли остротами Талейрана, какъ вы обходитесь съ асигнаціями...

— Чѣмъ вы хотите этимъ сказать, маркизъ?

— Я хочу сказать, баронъ, что для васъ ничего не стоять — щучать въ ходъ и тѣ и другія...

Де-Равиль закусилъ губы и сказалъ:

— Это объясненіе несовсѣмъ меня удовлетворяетъ, маркизъ.

— Дѣйствительно, баронъ, отвѣчалъ Мэльфоръ: — вы можете быть очень разборчивы на объясненія, но не имѣете права быть нескромными, а вы сию минуту именно были очень, очень-нескромны. Я имѣлъ честь говорить съ графомъ, а вы вѣшались въ нашъ разговоръ... это очень-непріятно.

Потомъ, обращаясь къ де-Морнану, горбунъ сказалъ:

— Вы изволили отвѣтить, графъ, на мою просьбу, что она очень странна, очень щекотлива... такъ, кажется?..

— Да, сударь, отвѣчалъ де-Морнанъ, на этотъ разъ очень-серѣз-

но, потому-что какое-то предчувствие говорило ему, ико... страшная просьба маркиза была только предлогомъ къ разговору; и тъмъ болѣе онъ вслушивался въ голосъ горбунца, тѣмъ болѣе ему казалось, что, именемъ онъ называлъ его поддѣломъ: — да, сударь, я приѣхалъ съ гордой увѣренностью: — я дѣйствительно скажу, что быть вашимъ визави очень-щекотливо...

— Но позвольте спросить, сударь, отъ-чего же!

— Но... но, отвѣтъ де-Морнанъ нерѣшительнымъ голосомъ: — но отъ-того... отъ-того, что я нахожу очень-страннымъ...

И какъ де-Морнанъ не окончилъ фразы, Мэльфоръ весело сказалъ:

— У меня безподобная привычка, графъ...

— Какая, маркизъ?..

— Такъ-какъ я горбать и, следствѣнно, очень смѣються, я предоставилъ исключительно одному себѣ право смѣяться надъ моимъ горбомъ... и какъ я имѣю претензію доставлять этимъ всеобщее удовольствіе (простите мнѣ эту глупость)... то и не позволю, чтобы другіе дѣлали дурно то, что я дѣлаю хорошо.

— Но, маркизъ, живо скажи де-Морнанъ: — я...

— Позвольте, графъ, примѣръ, перебилъ Мэльфоръ: — вотъ, погоди, на-примѣръ, я прошу васъ сдѣлать мнѣ честь быть моимъ визави... вы... вмѣсто того, чтобы отвѣтить вѣжливо: да или пѣти... вы, умирая со смѣху говорите, что быть моимъ визави крайне-щекотливо... Конечно, это мой гербъ вызываетъ васъ на шутку; но когда я попрошу васъ пополнить ее, высказать всю... вы не смыслились, чтобъ сказать... очень, очень-жаль!..

— Не я хочу, сударь...

— Извините, графъ, снова перебилъ горбунъ: — если, вмѣсто того, чтобы быть вѣжливымъ, вы хотѣли пошутить надо мной, такъ могли бы сказать мнѣ что-нибудь очень дерзкое, на-примѣръ, это: «я страхъ боюсь пыткъ, маркизъ, и вовсе не хотѣла бы при осуществлении прѣпятствия вашей дамы». Или вотъ что; для очеви сострадателенъ, маркизъ, и не могу безъ боли видѣть, когда люди вѣкъ несеть на себѣ замѣшанную тяжесть... Тедоръ видитъ, графъ, что, смысьсь самъ надъ собой, я смысьлю лучше другихъ, и потому не могу позволять грубыхъ, плоходушныхъ шутокъ...»

— Вы говорите, сударь, возразилъ де-Морнанъ: — что не можетъ позволять...

— Полнѣо, Морнанъ, это шутка, вскричалъ де-Равиль: — а вы, маркизъ, у васъ слишкомъ-много ума, чтобъ...

— Не въ таинъ дѣло, перебилъ де-Морнанъ: — мосье, де-Мэльфоръ сказалъ, что ешь не познаешь...

— Чтобъ надо мной смыслились, сказалъ Мэльфоръ: — да, сударь, я не позволяю, повторяю вамъ...

— Но, маркизъ, вскричалъ де-Равиль: — Морнанъ, вѣрно, не умѣлъ смыться недѣ вами...

— Въ-самомъ-дѣло, баронъ?

— Ну... да!

— Не-уже ли баронъ въ самомъ-дѣлѣ не хотѣлъ?

— Да, да! конечно, не хотѣлъ...

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Мэльфоръ: — мосьѣ де-Морнанъ сдѣлаетъ мнѣ честь объяснить, чтобъ онъ разумѣбѣть подъ этимъ — очень-щекотливо...

— Это очень-просто... я...

— Перестань, Равиль, сказалъ де-Морнанъ съ твердостью: — ты заходишь слишкомъ-далеко. Пускай маркизъ упражняется въ сарказмахъ, въ угрозахъ; я не нахожу нужнымъ объяснять ему мои слова... Мосьѣ де-Мэльфоръ можетъ дать имъ смыслъ... какой ему угодно...

— О! о! дать смыслъ вашимъ словамъ! сказалъ насмѣшило горбунъ: — нѣтъ, я не берусь за этотъ трудъ. Пускай обѣ этомъ подумаютъ ваши достопочтенные товарищи по палатѣ... они привыкли къ вашимъ великолѣпнымъ рѣчамъ... которыхъ вы одни имѣете исключительный даръ понимать...

— Кончимте, сударь, возразилъ Морнанъ, выходя изъ гербѣнія: — считайте мои слова за величайшую дерзость...

— Но ты съ ума сошелъ, вскричалъ де-Равиль: — все это очень-смѣшино...

— Вы правы, мой милый баронъ, сказалъ Мэльфоръ простодушно: — все это очень-смѣшино и можетъ сдѣлаться страшно смѣшино для... для мосьѣ де-Морнана. Но такъ-какъ я человѣкъ не злой, я удовольствуюсь его извиненіемъ передъ тремя или четырьмя свидѣтелями, которыхъ я выберу. Пусть графъ скажетъ мнѣ: «Мосьѣ де-Мэльфоръ, я прошу васъ увѣдомить меня въ томъ, что я освѣдомлялся...

— Довольно, сударь, вскричалъ де-Морнанъ: — не считаюте ли вы меня подлецомъ или глупцемъ?..

— Такъ вы отказываете мнѣ въ извиненії? спросилъ маркизъ: — рѣшительно отказываете?..

— Да, сударь, рѣшительно отказываю, вскричалъ де-Морнанъ: — очень-рѣшительно!..

— Въ такомъ случаѣ, графъ, я долженъ извинить этотъ разговоръ той же фразой: какой начальъ, и снова спросить вѣсть: не угодно ли вамъ удостоить меня чести быть моимъ визави?

— Какъ, сударь? вашимъ визави? спросилъ де-Морнанъ въ удивленіи.

— Да-съ... моимъ визави... мы будемъ танцевать вдвоемъ, отвѣчалъ горбунъ съ выражениемъ жестокости: — вы меня понимаете?..

— Дуэль! съ вами?.. Но...

— Не хотите ли вы с一点儿 сказать какъ-давно, перебилъ, смыясь, горбунъ: — что и это визави тоже очень-щекотливо... или слишкомъ-ласко, какъ сказалъ мосьѣ де-Равиль?

— Нѣтъ, сударь, я не нахожу его опаснымъ, вскричалъ Морнанъ:—но это было бы очень-смѣшно...

— Ну, да, именно такъ я и говорилъ почтенному барону, что это будетъ очень-смѣшно, страшно смѣшно для васъ, мой безцѣпный графъ, во чѣмъ прікажете дѣлать...

— Я не потерплю, господа, вскричалъ де-Равиль:—чтобъ...

Потомъ, увидавъ вдругъ Жеральда, онъ прибавилъ:

— Но вотъ герцогъ Сантерръ... Онъ поможетъ мнѣ кончить эту безумную ссору...

— Именно, господа, вскричалъ горбунъ: — герцогъ приходитъ очень-кстати.

— И, обращаясь къ молѣдому человѣку, онъ сказалъ:

— Любезный Жеральдъ, подите къ намъ на помощь...

— Чѣмъ прікажете, маркизъ? спросилъ Жеральдъ съ видимымъ уваженiemъ.

— Есть у васъ сигары?

— Безподобныя, маркизъ.

— Прекрасно! вотъ мы все трое до-смерти желаемъ курить... Пойдемте же въ вашу комнату...

— Очень-радъ, весело сказали Жеральдъ:—а я, кстати, не ангажировалъ никого на слѣдующий контранансъ, стало быть, могу распорагать четвертью часа...

— Намъ именно и нужно столько времени, перебилъ горбунъ, значительно посмотрѣвъ на Морнана и Равиля, которые, однакоже, не поняли, чѣмъ онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Пойдемте же, господа, прибавилъ онъ, взявъ подъ руку Жеральда.

Черезъ нѣсколько секундъ, они поднялись по второй этажу дома герцогини и вошли на половину Жеральда. Она состояла изъ трехъ комнатьевъ, изъ которыхъ одна была довольно обширна.

Герцогъ вѣжливо далъ дорогу Морнану и Равилю войдти первыми. Въ эту минуту, Мэльфоръ, заперъ дверь и помѣшилъ ключъ въ карманъ.

— Позводите, мой другъ? спросилъ онъ Жеральда.

— Но зачѣмъ, маркизъ, вы запираете дверь на ключъ, сказалъ удивленный Жеральдъ.

— А чтобы намъ никто не помѣшилъ, возвразилъ гамѣстенно горбунъ:—по-крайней-мѣрѣ, теперь мы можемъ курить совершен-но-спокойно.

— О, да вы, маркизъ, человѣкъ чрезвычайно-предусмотрительный, сказалъ смѣясь Жеральдъ.

И онъ звѣль двоихъ гостей въ самую послѣднюю комнату, которая была гораздо больше другихъ и служила приемной для гостей и кабинетомъ для самого герцога.

На одной изъ стѣнъ этой комнаты, на красномъ бархатномъ ковре, были разыщены вѣнчаныя и охотничья оружія.

VI.

Де-Морнанъ, видя, что маркизъ запираетъ дверь на ключь, почти угадалъ его намѣреніе. Тѣмъ болѣе ему нельзя было сомнѣваться въ этомъ, когда Мэльфоръ съ удивительнымъ проворствомъ началъ снимать галстукъ, фракъ и жилетъ, къ совершенному изумленію Жеральда, который пошелъ—было взять съ каминка лицикъ съ сигарами.

Маркизъ, указавъ пальцемъ на двѣ шпаги, висевшія вмѣстѣ съ другимъ оружиемъ на стѣнѣ, сказалъ герцогу:

— Сдѣлайте милость, любезный Жеральдъ, смиграйте, вмѣстѣ съ барономъ, эти двѣ шпаги, и если они не равны, предложите ту, которая длиннѣе, моему противнику... Мне все равно... ведь вы знаете пословицу: у горбатыхъ руки длинны...

— Какъ! вскричалъ Жеральдъ:—шпаги?..

— Да, мой другъ. Дѣло вотъ въ чёмъ. Мосьѣ де-Морнанъ сказалъ мнѣ глупую дерзость и отказалъ въ извиненіи. Теперь я уже самъ не прійму его извиненій, и такъ... мы будемъ драться... Вы будете моимъ секундантомъ, баронъ—секундантомъ мосьѣ де-Морнана.

Потомъ, обращаясь къ де-Морнану, маркизъ сказалъ:

— Ну же, сударь, скидайте сюртукъ... Жеральдъ дарить часъ только четвертью часа.

— Какъ жаль, что Оливье не присутствуетъ при этомъ интересномъ представлѣніи! подумалъ Жеральдъ, который находилъ такое приключение забавнымъ, тѣмъ болѣе, что не любилъ ни Морнана, ни Равиля, а, напротивъ, циталъ большую привязанность къ маркизу.

— Вы понимаете, герцогъ, что эта дуэль невозможна, сказалъ де-Равиль съ точностью совершенного убѣжденія.

— Невозможна? а почему такъ? сухо спросилъ молодой человѣкъ.

— Благодарю, Жеральдъ, благодарю, сказалъ маркизъ.—Шпаги вамъ... скорѣе шпаги...

— Не послушайте, герцогъ, дуэль въ ломѣ вашей матушки! сказалъ де-Равиль, видя, что Жеральдъ снялъ со стены двѣ шпаги и внимательно ихъ осматривалъ.

— Подумайте, мосьѣ Жеральдъ, прибавилъ онъ съ настойчивостью: — дуэль въ комнатѣ!.. у васъ!.. и нѣ-за такихъ пустаковъ...

— Я одинъ, сударь, могу судить о приличіи того, что происходитъ у меня, холодно отвѣчалъ молодой человѣкъ:—есть тысяча примѣровъ подобныхъ дуэлей. Нѣть ничего проще и удобнѣе. Не правда ли, мосьѣ де-Морнанъ?

— Всакое место прилично для отмѣненія обиды, отвѣчалъ граѳъ.

— Браво!.. Сидѣлъ не сказалъ бы лучше! вскричалъ горбунъ: —

поторопитесь же, мосьё де-Морнанъ, скиньте вашъ сюртукъ... Видите, я первый показаъ вамъ примѣръ, я, человѣкъ далеко не похожій на Аполлона-Бельведерскаго... партія неравна...

Де-Морнанъ, доведенный до крайности, снялъ сюртукъ.

— Объявляю, что я не буду свидѣтелемъ подобной дуэли, вскричалъ де-Равиль.

— Какъ вамъ угодно, возразилъ горбунъ: — ключъ отъ комнаты у меня въ карманѣ... смотрите въ окно... попробуйте побарабанить по стеклу; можетъ-быть, выйдетъ какая-нибудь бравурная арія... она можетъ произвести не дурной эффектъ на мосьё де-Морнана...

— Де-Равиль, вскричалъ графъ: — скорѣе, смѣрай шаги...

— Такъ ты хочешь этого?

— Да, я хочу...

— Будь такъ, но ты съ ума сошелъ.

Потомъ, обращаясь къ Жеральду, де-Равиль прибавилъ:

— Вы будете, сударь, отвѣтать за это.

— Довольно, сударь, возразилъ молодой герцогъ, мѣря шаги, между-тѣмъ, какъ де-Морнанъ снималъ жилетъ.

Пословица, приведенная маркизомъ, оказалась совершенно справедливою, потому-что, засучивъ рукава рубашки по-лекоть, горбунъ показалъ действительно длинную руку, сухую, жилистую, покрытую волосами, между-тѣмъ, какъ рука его противника была кругла, какъ-то безобразно полна.

Оба противника стали въ позицію и скрестили шаги. Жеральдъ, по согласію съ де-Равилемъ, подалъ знакъ начала дуэли. Съ первыхъ ударовъ можно было угадать, на чьей сторонѣ будуть перевѣсь.

Де-Морнанъ показалъ столько мужества, сколько стыдно не показать цорячному образованному человѣку, но онъ былъ видимо смущенъ. Можно было замѣтить, что онъ знакомъ съ искусствомъ фехтованья, потому-что управлялъ шагой довольно недурно. Но казалось, что онъ робълъ, потому-что все держался въ оборонительномъ положеніи, почти только отражалъ удары противника и не нападалъ самъ.

Лицо маркиза приняло совершенно другое выраженіе: за изнѣту веселое, насмѣшилъ, оно слѣдалось вдругъ полно испуга, жестокости. Онъ злобно, страшно смотрѣлъ на де-Морнана, и отбивъ его шагу, вдругъ направилъ-было свою прямо въ сердце противника, Жеральдъ и де-Равиль побѣдѣли.

Но, какъ-будто вспомнивъ о чёмъ-то, горбунъ, снова веселый и насмѣшилъ, удержалъ ударъ. Потомъ, вѣроятно, желая кончить непріятную сцену, быстро нанесъ на противника; Морнанъ во усилилъ отразить удара, и правая рука его въ мигъ была преколота насѣквѣ.

— Довольно, господа, довольно, вскричали Жеральдъ и де-Равиль при видѣ крови.

Оба противника опустили шаги, и маркизъ громко сказалъ:

— Я доволенъ, мосье де-Морнанъ; я даже униженно прошу васъ, графъ, простить мнѣ за то, что... я горбать; сказать правду, это единственное извинение, которое я могу вамъ предложить...

— Довольно, сударь, сказалъ де-Морнанъ съ горькой улыбкой, между тѣмъ, какъ Жеральдъ и де-Равиль перевязывали платкомъ его рану, впрочемъ, вполне неопасную.

Противники одѣлись.

— Прошу васъ, графъ, сдѣлать мнѣ милость — выйтіи на два слова вонъ въ ту комнату, сказалъ Мэльфоръ.

— Къ вашимъ услугамъ, маркизъ, холодно отвѣчалъ де-Морнанъ.

— Вы позовите, Жеральдъ? спросилъ горбунъ герцога.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ молодой чудовѣкъ,

Оба противника вышли.

Хотя очень-дурно и глупо хвастать своимъ великодушiemъ, графъ, сказалъ Мэльфоръ съ насмѣшивымъ видомъ: — но я долженъ вамъ признаться, что съ минуту мнѣ очень хотѣлось убить васъ... и что это для меня было очень-легко сдѣлать...

— Напрасно вы и не воспользовались, сударь.

— Нѣть-съ, я подумалъ...

— О чёмъ, маркизъ?

— Вы позовите мнѣ быть не совсѣмъ откровеннымъ. Прошу васъ только смотрѣть на невинный ударъ моей шпаги какъ на нѣчто подобное тѣмъ замѣткамъ, съ помощью которыхъ можно, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, облегчить свою память.

— Я васъ, сударь, не понимаю.

— Вы, конечно, согласитесь, что часто кладутъ кусочекъ бумаги въ табакерку, или, если не нюхаютъ, такъ завязываютъ узелокъ на платкѣ... чтобы потомъ припомнить... назначеннное свиданіе... число или просьбу...

— Что же дальше, маркизъ?

— Да дальше, графъ... я надѣюсь, что съ помощью маленькой царянины, которую я сдѣлалъ на вашей руѣ, въ знакъ памяти; вы не забудете нынѣшняго дня?..

— Но чѣмъ за выгода въ томъ, маркизъ, забуду ли я его или нетъ?

— Ахъ, Боже мой, дѣло ясно... Я желалъ бы, чтобы съ помощью этой царянины вы не позабыли нынѣшняго дня... потому что... очень можетъ быть... въ-послѣдствіе времени... я попрошу васъ припомнить все, о чѣмъ вы говорили сегодня утромъ...

— Припомнить все, что я сказалъ сегодня утромъ?

— Да, сударь, все, что вы сказали въ присутствіи неопровергнуемыхъ свидѣтелей, которыхъ я вызову... въ случаѣ необходимости.

— Я васъ все меныше и меныше понимаю...

— Въ настоящую минуту, мнѣ и не нужно, чтобы вы лучше

меня поняли, любезнейший месье де-Морнанъ. Позвольте же мне теперь привести ваше мое глубочайшее уважение и идти проститься съ Жеральдомъ.

Читатель легко догадается, что настоящей причиной вызова, сдѣланного Мэльфоромъ, была именно оскорбительная выходка де-Морнана на счетъ графини де-Бомениль. Морнанъ не ошибся; действительно, горбунъ былъ тѣмъ невидимымъ человѣкомъ, который вызвалъ его подлецомъ, когда онъ дерзко выразился о графинѣ.

Но почему же маркизъ, всегда столь-отировенный, прямой, употребилъ на этотъ разъ вичтовъный предлогъ, чтобы отмотить обиду, навесенную имени графини де-Бомениль? Съ какою цѣлью хотѣлъ онъ въ - послѣдствіи потребовать отчета отъ де-Морнана о томъ, что сказали тогдѣ при неопровергимыхъ свидѣтеляхъ?

Все это будетъ объяснено въ ярдолженіи разсказа.

Только-что маркизъ де-Мэльфоръ простился съ Жеральдомъ, каммердинеръ принесъ молодому герцогу письмо отъ Оливье.

«Милый Жеральдъ», писалъ Оливье, «человѣкъ предполагаетъ, *«а Богъ располагаетъ»* (прости мнѣ эту сентенцию); вчера вечеромъ *«мой добрый каменьщикъ* сказалъ мнѣ, что я долженъ уѣхать съ *«нимъ* изъ Парижа недѣли на три... Мѣй очень-досадно на эту спѣзду, потому-что, такимъ-образомъ, *«наше намѣреніе послѣ завтра* не можетъ исполниться.

«Дѣло вотъ въ чёмъ: мой патронъ очень слабъ въ ариѳметикѣ. Онъ такъ запуталъ счеты работъ, которыя онъ производилъ въ *«одномъ замкѣ»*, близъ Люварша, что ни самъ не можетъ въ нихъ *«ничего понять, ни я не въ состояніи объяснить ихъ.* Поэтому мое присутствіе при немъ необходимо для избѣжанія новыхъ логографій. Патронъ мой славный малый, старый инженерный сержантъ, *«человѣкъ честный и простой.* Ты знаешь, что съ такими людьми *«дѣгдѣ ужиться.* Притомъ же, мнѣ кажется, что онъ надѣдалъ множество большихъ промаховъ и къ своей же невыгодѣ. Мѣй очень-пріятно помочь ему въ повторкахъ.

«Съ беспокойствомъ оставляю моего доброго дядюшку... Не правѣда ли, мой другъ, у него золотое сердце? Мадамъ Барбансонъ, воротившись домой отъ графини де-Бомениль, впала въ сильное бездѣйствіе... Особенно это вредить скромнымъ объданамъ дядюшки... Она хранить какую - то тайну... останавливается вдругъ въ задумчивости, посреди аллеи, и по вѣскольку минутъ стоитъ спередъ печкой, ничего не дѣлая. Все у неї не ладится.

«Предупреждаю тебя нарочно, мой добрый Жеральдъ: неравнѣсты *«залимаешь, зайдти пообѣдать къ дядюшкѣ.* По всему видно, что тѣгушка Барбансонъ смерть хочетъ разсказать о своемъ вчерашинемъ приключеніи. Но ты знаешь, какъ дядюшка и я, оба мы *«осторожны съ цей въ подобныхъ случаахъ.*

«Если, въ мое отсутствіе, у тебя будетъ нѣсколько свободныхъ минутъ, зайди къ дядюшкѣ; ты доставишь ему этимъ большое удовольствіе. Не можешь себѣ представить, какъ онъ тебя

«бить... достойный человѣкъ!... Сколько въ немъ простодушной «доброты!... Какое прямое, чистое сердце подъ простой оболочкой! Увы, мой другъ! Я никогда не желалъ богатства, но съ ужасомъ думаю, что, съ лѣтами, людюшкѣ все болѣе-и-болѣе будетъ «трудно и тяжело жить своимъ маленькимъ пенсиономъ, не смотря на всѣ лишенія, которыя онъ съ твердостью переносить... «Что, если онъ еще сдѣлается боленъ, потому-что дѣтъ изъ его «ранъ часто раскрываются?.. Для людей бѣдныхъ болѣзы дорогое «обходится... Ахъ, Жеральдъ, страшно подумать объ этомъ!»

«Прости меня, мой другъ, мой братъ... я началя это письмо вѣсело... кончаю грустно...»

«Прощай, Жеральдъ; пиши мнѣ въ Люзаршъ, poste restante.

«Сердцемъ и душою твой,

«Оливье Рамонъ.»

VII.

Вечеромъ того дня, въ который происходила дуэль маркиза съ де-Морнаномъ, часу въ восьмомъ, когда солнце уже начало закатываться за темныя, густыя тучи, предъвшавшія непогоду, когда уже дождь начиналъ стучать въ стекла рѣдкими, но крупными каплями, молодая девушка проходила черезъ Площадь Согласія въ предмѣстье Сент-Оноре.

Девушка несла подъ лѣвой рукой двѣ нотные тетради, которыхъ обертка, ветхая и полинявшая, свидѣтельствовала о ихъ чаѣстомъ употребленіи. Въ правой руцѣ у неї былъ маленький зонтикъ, подъ которымъ она тщетно старалась укрыться. Ея простенькая одежда состояла изъ чернаго шелковаго платья, такого же цвѣта мантильи и замкнѣй шляпки, хотя уже было вѣсенное время. Вѣтеръ не скромно шевелилъ прелестные бѣлокурые локоны девушки, разсыпавшіеся изъ-подъ шляпки. Ей, по видимому, было не болѣе восьмнадцати лѣтъ. Ея свѣженькое лицико, въ эту минуту подернутое глубокой грустью, было необыкновенно мало, скромно и хранило въ себѣ какое-то сознательно — гордое достоинство. Эта гордость, какъ-будто врожденная, проявлялась даже въ меланхолическомъ выраженіи голубыхъ глазъ. Походка молодой девушки была легка, свободна, изящна, и хотя широкая мантилья скрывала талию, однакожъ можно было догадываться о ея стройности и гибкости. Платье и мантилья были довольно-помошены, но необыкновенно-опрятны и надѣты съ такимъ изяществомъ, съ такимъ вкусомъ, что поневолѣ приходилось забыть о ихъ ветхости.

Переходя черезъ межу, девушка приводнила нѣсколько платье. Стройная, маленькая ножка ея была обута въ лакированные полу-саложки; сколько можно было замѣтить, чулки блестѣли снѣжной бѣлизной, такъ же какъ и подоль юбки, обшитый бумажнымъ кружеvомъ.

На углу Улицы-Елисейскихъ-Полей какая-то ющая, съ ребенкомъ въ рукахъ, жалобно попросила у нея милостыни. Дѣвушка остановилась, вынула изъ кармана шелковый кошелекъ, сняла перчатку и подала ющей два су.

— Простите меня, добрая женщина, что я не могу, вамъ дать больше, сказала она очаровательнымъ голосомъ; потомъ, нѣжно посмотрѣвъ на изнеможенное личко ребенка, которого ющая прижимала къ груди своей, она прибавила:

— Бѣдная малютка!.. Да сохранитъ тебя Господь...

Подавъ милостыню, дѣвушка надѣла перчатку, запытую во мѣстахъ, еще разъ взглянула съ состраданіемъ на ющую и пошла по Улицѣ-Елисейскихъ-Полей.

Мы описали всѣ эти подробности потому-что они намъ кажутся очерь-важными.. Какъ бы ни было незначительно подаяніе, оно было принесено безъ гордости, не разсѣянно.. молодая дѣвушка не бросила монеты въ руку той, которая умоляла ее о милосердіи. Нѣтъ! она для этого даже сняла перчатку, какъ сдавала бы опа, желая пожать руку своей подруги... Многие ли поймутъ это тонкое, деликатное чувство?..

На углу улицы незнакомка случайно встрѣтилась съ де-Равильемъ, который возвращался домой, проводивъ своего ранѣнаго друга. Пораженный ея красотой и величавой поступью, де-Равиль съ безстыдствомъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы, и пошелъ вслѣдъ за нею.

— Вѣроятно, какая-нибудь неприступная красавица Консервато-рия, подумалъ онъ, увидавъ потную тетрадь, которую она держала подъ мышкой.

Дѣвушка повернула въ Улицу-де-Ларкадъ, въ то время еще очень-мало обитаемую.

Дѣ-Равиль ускорилъ шагъ и, подойдя къ незнакомкѣ, нагло склонилъ:

— Вы, вѣроятно, даете уроки музыки, сударыня. Не угодно ли вамъ зайти ко мнѣ... дать одинъ урокъ?..

И онъ пожалъ ея локоть.

Испуганная дѣвушка вскрикнула и, быстро обернувшись, бросила на Равиля такой уничтожающій, презрительный взглядъ, что не смотри на свое безстыдство, онъ потупилъ глаза и, кланяясь ей съ усмѣшкой, сказалъ:

— Извините... книжка... я опшибся...

— Все равно, подумалъ де-Равиль: — я буду ее преслѣдовати! Смотри, пожалуй!.. съ своимъ изношеннымъ платьемъ и оборванной тетрадью поть — туда же задастъ тонъ... точно герцогиня какая-нибудь!

Дѣ-Равиль, не зная самъ, сдѣлялъ удивительно вѣрное срав-неніе, потому-что Эржинѣ (молодая дѣвушка называлась именно такъ и не имѣла другаго имени — бѣдное дитя любви!) была, действительно, герцогиня, если понимать подъ этимъ словомъ ту

грацію, то врожденное изящество въ манерахъ, которое еще болѣе возвышается непомѣрною гордостью, столь свойственною всмъ чувствительныиъ, восприимчивыиъ натурамъ.

Сколько герцогинь, по своимъ качествамъ, по своей физиономіи, рождаены гризетками, и сколько бѣдныхъ созданій язикаго класса могли бы быть герцогиями по своей умной, благородной, прекрасной натурѣ.

Эрминія служила новымъ, сильнымъ доказательствомъ этого мнѣнія. Подруги молодой дѣвушки всѣ называли ее герцогиней и вѣдь, которая изъ зависти или въ насмѣшку, большая же часть изъ нихъ потому-что они не знали, какъ лучше выразить то впечатлѣніе, которое производили на нихъ изящно-простыя, полныя прелести ея манеры, ея чудно-благородный характеръ.

Легко угадать, что Эрминія была та самая герцогиня, о которой Оливье рассказывалъ Жеральду за обѣдомъ у г. Бернара.

Молодая лѣвушка, чистойчиво преслѣдуемая де-Равилемъ, изъ Улицы-де-Ларкадъ повернула въ Улицу-д'Анжу, и въ ней вошла въ двери великолѣпнаго отеля, скрывшись наконецъ отъ безстыднаго барона.

— Странно! подумалъ онъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля: — странно? Зачѣмъ эта дѣвочка вошла къ графинѣ де-Бомениль съ своей нотной тетрадью? Конечно, она не живеть здѣсь.. А! понимаю! Она, вѣроятно, очарованіемъ своей игры старается утишить болѣзнь графини, обладающей огромными богатствами, наслѣдницей которыхъ будетъ мадмуазель де-Бомениль... А Морнанъ, кажется, жадно подумываетъ объ этой невѣстѣ!.. Странно; эта музыкантша меня что-то очень задѣла за сердце. Подожду, пока выйдетъ... Надо непремѣнно узнать, гдѣ она живеть.

Грусть, которая выражалась на прекрасномъ лицѣ Эрминіи, казалось, еще болѣе увеличилась, когда молодая лѣвушка схватилась за ручку дверей отеля. Пройдя молча мимо швейцара, который тоже не обратилъ на это никакого вниманія, какъ-будто дѣвушка была вседневной посѣтительницей, она пошла по широкой, великолѣпной лѣстницѣ дома.

Хотя еще было светло, однакожь, весь первый этажъ былъ ярко освѣщенъ множествомъ свѣчъ, горѣвшихъ въ люстрахъ и золоченыхъ канделябрахъ.

Эрминія быстро вошла въ прихожую.

Тамъ не было ни одного изъ слугъ, которые обыкновенно тутъ находились.

Глубокое молчаніе царствовало въ домѣ, по обыкновенію не слишкомъ шумномъ, но насильственно оживленномъ множествомъ прислуги.

Молодая дѣвушка съ грустью остановилась и пробѣжала взглядомъ длинную анфиладу огромныхъ и роскошно-убранныхъ комнатъ. Всѣ двери были растворены.

Въ комнатахъ, ярко освѣщенныхъ, не было никого.

Эрминія не могла отдать себѣ отчета въ страшномъ волненіи, прошла со страхомъ нѣсколько комнатъ въ другъ остановилась...

Ей послышались вдалекѣ заглушаемыя рыданія. Въ концѣ этой афилады комнатъ, Эрминія увидѣла всю прислугу отеля, стоявшую на колѣнахъ передъ растворенной дверью.

Страшное предчувствіе волновало молодую дѣвушку...

Вчера еще, когда она въ этотъ же часъ уходила отсюда, графиня была въ довольно отчаянномъ положеніи.

Сомнѣваться было нечего... эти зажженныя свѣчи, это мрачное молчаніе, изрѣдка прерываемое глухими рыданіями, все это свидѣтельствовало о томъ, что больная графиня приготовлялась къ смерти... Мы скоро узнаемъ, какая таинственная связь была между ею и Эрминіей...

Молодая дѣвушка, совершенно потерявшись, чувствовала, какъ силы ее оставляли. Она была принуждена опереться... потому, стараясь скрыть свои чувства и отеревъ слезы, она четвертымъ шагомъ подошла къ двери и стала на колѣни посреди толпы прислужниковъ...

Въ растворенную дверь можно было видѣть внутренность спальни графини де-Бомениль.

VIII.

Графиня де-Бомениль, женщина лѣтъ тридцати-восьми, изнеможенная тяжкою болѣзнью, блѣдная, сильна на постели, поддерживаемая подушками.

Черты лица ея, никогда блеставшія рѣдкой красотою, выражали глубокое грустное чувство; большіе голубые глаза, когда-то яркіе, живые, теперь, казалось, потеряли свой блескъ. Съ благодарностью въмѣстѣ съ томительной грустью графиня смотрѣла на аббата Леду, который пришелъ исповѣдать и причастить ее.

За минуту до прихода Эрминіи, графиня, понизивъ голосъ, уже и такъ истощенный ожиданіями, говорила священнику:

— Простите мнѧ, отецъ, но въ эту торжественную минуту... я не въ силахъ не думать съ грустью объ этомъ бѣдномъ ребенкѣ... она тоже дочь моя... несчастный плодъ моего проступка... совѣсть отстила мнѣ за это... ея угрызенія убили меня...

— Тише, сударыня, возразилъ аббать, увидавъ Эрминію, стоявшую на колѣнахъ въ группѣ слугъ: — тише, она здѣсь...

— Ова?

— Да... только-что пришла... она стала на колѣни вмѣстѣ съ вашими людьми...

Сказавъ это, аббать притворилъ двери и сдѣлалъ знакъ, что исповѣдь кончена.

— Да, я припоминаю теперь, сказала графиня: — когда Эрминія вчера уходила, я просила ее прійтіи сегодня, въ это время.

Докторъ правъ: голосъ этой милой девушки, ея такое, сладкое пѣніе часто унимали мои страданія.

— Берегитесь, сударыня, сказалъ аббатъ, оставшись наединѣ съ графиней:—будьте благоразумны...

— О, да! возразила больная съ горькой улыбкой: — дочь мои ничего не подозрѣваетъ.

— Случай, отвѣчалъ аббатъ:—или, лучше сказать, сокровенная воля провидѣнія сблизила васъ съ этой девушкой. Безъ-сомнѣнія, самъ Господь хотѣлъ подвергнуть васъ этому тяжкому испытанію.

— О, да, мой отецъ, точно тяжкому испытанію, потому что я должна умереть, не сказавъ этой несчастной: дочь моя... Увы! я должна унести съ собой... въ могилу эту грустную тайну...

— Это священный долгъ вашъ, графиня; вы поклялись, сказалъ строгого аббатъ:—не исполнить клятвы было бы святотатствомъ!...

— Нѣть, отецъ, я никогда и не думала о томъ, что можно не сдержать этой клятвы, но Господь жестоко наказываетъ меня... Я умираю и принуждена обращаться съ моей дочерью, какъ съ чужою... а она здѣсь, въ исколькихъ шагахъ, за меня молится и не должна знать, что я мать ея...

— Вашъ проступокъ былъ великъ... также велико должно быть и страданіе, которымъ вы должны искупить его...

— Ахъ, отецъ мой! давно уже я страдаю за этотъ проступокъ. Вѣрная клятвѣ, развѣ я не имѣла твердости отречься отъ моей дочери... я не искала случая узнать, что сдѣлалось съ этимъ бѣднымъ, покинутымъ ребенкомъ. Увы!.. еслиъ случай не сблизилъ насъ, я бы и умерла, не видѣвъ ея уже семнадцать лѣтъ.

— Грѣшно думать такъ, сестра, сказалъ аббатъ съ благочестивымъ видомъ:—эти мысли вчера довели-было васъ до неосторожности, вовсе неблагоразумной...

— Не беспокойтесь, отецъ мой... эта женщина, за которую я вчера посыпала, не можетъ подозревать, какой интересъ имѣла я въ тѣхъ подробностяхъ, которыя только она одна могла передать мнѣ... я сдѣлала это явно, безъ всякой таинственности.

— Что же вы узнали?..

— То, чего я ожидала. Я узнала, что Эрминія моя дочь...

— Но какъ можно положиться на скромность этой женщины? Развѣ она не могла узнать вѣсть?..

— Я вамъ сказала, отецъ мой, что я была въ маскѣ, когда эта женщина помогла Эрминіи явиться на свѣтъ. И вчера еще, разговаривая съ нею, я легко увирила ее, что мать ребенка, о которой я у неї спрашивала, давно умерла.

— Еще ложь, которую я долженъ разрѣшить вамъ, возразилъ строгого аббатъ:—видите ли какъ велики славствія вашего преступнаго желанія узнать обѣ этой девушки, которая, по вашей клятвѣ, должна навсегда быть вамъ совершенно чужой?..

— Эта клятва, которую вырвала изъ меня упреки совѣсти, благодарность къ великодушному прощению моей вины... я часто проговаривала ее, отецъ, но всегда хранила...

— И, однажды, даже въ эту минуту, все мысли ваши сосредоточены на этой девушки...

— Всѣ? нѣтъ, отецъ мой; у меня есть еще и другое дитя, Эрnestina... но я не могу запретить своему сердцу биться, когда вижу Эрмицию... вѣдь она тоже дочь моя!.. Вы хотите невозможнаго! если я съ твердостью скрываю свои чувства при видѣ этого бѣднаго созданія, если я не говорю..., не смотрю на Эрмицию, какъ на дочь мою, я не въ силахъ воспретить себѣ быть матерью...

— Вы должны меня слушать, сударыня, должны запретить этой девушки входъ въ вашъ домъ... да это есть много благородныхъ предлоговъ; поговорите мнѣ... поблагодарите ее за услуги... и...

— Нѣтъ, никогда! у меня на это не достанетъ твердости... Развѣ уже недовольно того, что другое дитя мое, далеко отъ меня, оплакиваетъ страшную кончину своего отца и, можетъ-быть, подобно мнѣ готова умереть!.. Бѣдная жка! она уѣхала отсюда такой болезнѣй, слабой. О! нѣтъ матери, которая бы была достойна сожалѣнія болѣе менѣ!..

И двѣ крупныя капли горячихъ слезъ брызнули изъ глазъ графини де-Бомениль.

— Успокойтесь, дочь мой! сказала вкрадчивымъ голосомъ аббатъ: — не отчаявайтесь такъ, возложите надежду на Бога... Его милосердіе велико... Онъ вознаградитъ васъ за ваши страданія... Благодаря Бога, ваше здоровье хотя очень-худо, но еще отчаяваться нечего...

Графиня де-Бомениль печально покачала головой.

— Нѣтъ, отецъ мой, сказала она: — я чувствую, что я очень, очень-слаба; но, исполнивъ послѣдній священный долгъ, я стала покойнѣе... О, еслибы я не думала о моихъ дѣтихъ, я умерла бы совершенно спокойно.

— Я понимаю васъ: будущность вашей дочери... законной, конечно... я о ней только и долженъ говорить вамъ, сказала сладкимъ голосомъ аббатъ, взвѣшивая каждое слово и внимательно наблюдала за физіономіей графини: — ея будущность васъ беспокоитъ... и вы правы... бѣдное дитя, останется сиротой..., въ такихъ лѣтахъ!..

— О, да! матери никто не замѣнить!..

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ аббатъ: — зачѣмъ же медлить?.. почему не обезпечить счастія дочери?.. отъ-чего вы не позволите мнѣ представить вамъ этого молодаго человѣка, такого благочестиваго, такого доброго, скромнаго, о которомъ я не разъ говорилъ вамъ? Ваше материнское сердце должно бы давно оцѣнить это сокровище христіанскихъ добродѣтелей... Вы вѣдь уверены въ повиновеніи вашей дочери, такъ могли бы написать ей нѣсколько строкъ

и предложите ей избрать мужемъ Селестана де-Макрёза... Я передамъ ей эти строки... и ваша дочь будетъ имѣть супруга, избранного ей Богомъ, потому-что...

— Остановитесь, отецъ мой, перебила аббата больная, не будучи въ силахъ скрывать тяжкаго впечатлѣнія, которое производилъ на нее этотъ разговоръ: — я уже сказала вамъ, что не сомнѣваюсь въ достоинствахъ этого молодаго человѣка; но Эрнестинѣ еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ... я не хочу заранѣе опредѣлять ея будущности, не хочу заставлять ее избрать мужемъ того, кого она вовсе не знаетъ. Она такъ любить меня, такъ уважаетъ, что могла бы пощертовать собой для моей послѣдней воли...

— Оставимъ этотъ разговоръ, сказала аббатъ съ недовольнымъ видомъ: — предлагая на вашъ выборъ г. де-Макрёза, я хотѣль только избавить васъ отъ беспокойства объ участіи милой замъ Эрнестинѣ, а вы стали мнѣ говорить о пожертвованіи... Страшитесь, напротивъ, чтобы дочь ваша не слѣдалась жертвой какоголибудь недостойнаго супруга, человѣка развратнаго, мота, вѣчества. Вы не хотите прямо опредѣлить судьбы вашей дочери; но кто будетъ руководить ея выборомъ, если, къ-несчастію, она потеряетъ васъ? Не родственники ли ея, люди вѣчно-беззаботные, эгоисты? Или, можетъ-быть, простодушное, довѣрчивое дитя, она сама покорится слѣпому влечению сердца?.. И тогда, о! я трепещу при этой мысли! какому горю, какимъ страданіямъ несчастная подвергнетъ себя. Подумайте о тысячи претендентовъ на ея руку... несметное богатство, которое вы ей оставляете, соберетъ множество ихъ вокругъ нея. Повѣрьте мнѣ, предупредите угрожающую ей опасность благоразумнымъ выборомъ.

— Извините, отецъ мой, возразила графиня, встревоженная и желавшая окончить этотъ тягостный разговоръ: — извините, я чувствую себя очень слабой; я цѣню участіе, которое вы принимаете въ Эрнестинѣ и исполню мои материнскія обязанности, сколько это отъ меня зависитъ... Будьте увѣрены, что ни одно изъ вашихъ словъ не пропадетъ даромъ. Дай только Богъ, чтобы мнѣ достало силы и времени что-нибудь слѣдѣть.

Аббатъ Леду былъ слишкомъ-хитеръ, слишкомъ-остороженъ и потому больше не настаивалъ о выборѣ де-Макрёза въ мужья Эрнестинѣ и сказала съ сокрушеніемъ сердца:

— Молите Бога, дочь моя, чтобы Онъ помогъ вамъ; Онъ просвѣтитъ васъ; будьте покойны и не отчаивайтесь... До завтра, сестра, до завтра...

— Завтра принадлежитъ Богу, грустно отвѣчала больная.

— Я буду молить Его продолжить дни ваши, сказалъ аббатъ, и вышелъ.

Графиня де-Бомениль тотчасъ же позвонила. Явилась ея горничная.

— Мадмуазель Эрминія здѣсь?

— Здѣсь, сударыня.

— Попроси ее ко мне...

Эрминия, бледная, печальная, но, по-видимому, спокойная, вошла в спальню графини де-Бомениль, держа в рукахъ свою новую тетрадь.

— Вамъ было угодно меня видѣть, графиня, сказала она съ уваженiemъ.

— Да! у меня есть къ вамъ просьба, отвѣчала больная, придумывая средства какъ-нибудь подозревать дочь ближе къ себѣ.

— Чѣдѣ прикажете, графиня? спросила девушка, потупляя глаза.

— Мне нужно кое-что написать... такъ... нѣсколько строкъ, но у меня не достаетъ силъ. Не можете ли вы быть моимъ секретаремъ на эту минуту?..

— О, съ большимъ удовольствиемъ, графиня, живо проговорила Эрминия.

— Благодарю васъ.

— Прикажете подать все, что нужно для письма? спросила тихо молодая девушка.

— Не беспокойтесь, я позвону кого-нибудь. Мне не хотелось бы затруднять васъ, отвѣчала несчастная мать, желая, однако же, от души оставаться наединѣ съ дочерью.

— О, въ этомъ нѣтъ никакого труда, графиня; прошу васъ только сказать, где я найду все, что вамъ нужно?

— Вонъ тамъ, на столѣ, у фортепиано... зажгите также и свѣтку. Лампа какъ-то темна... Но, право, я употребляю во зло вашу добруту, сказала графиня, въ то время, какъ ея дочь спѣшила ижесть свѣчу и подать бумагу и перья.

Графиня судорожно взяла изъ рукъ Эрминіи перо и листочекъ бумаги, который положила себѣ на колѣнца. Она попробовала написать нѣсколько словъ, но не могла; перо выпало изъ рукъ ея.

Опустившись на подушку, бледная женщина старалась удержать глубокій вздохъ и насильственно улыбнулась.

— Я слишкомъ нападаюсь на свои силы, сказала она.—Вижу, что должна принять ваше милое предложеніе.

— Вы такъ долго оставались въ постели, графиня, немудрено, что очень ослабѣли.

— Это правда. Позвольте же, я вамъ продиктую... Но снимите, пожалуйста, шляпку: вамъ будетъ удобнѣе, легче, сказала графиня; — эта шляпка скрывала нѣсколько лица дочери.

Эрминія сняла шляпку, и больная, пожирая глазами дочь, съ материнской гордостью любовалась ея прелестной головкой.

— Я готова, графиня, сказала девушка, сядясь за столъ.

— Такъ пишите, пожалуйста, вотъ чѣдѣ, сказала больная и пропитовала слѣдующій строiki:

«Мадамъ де-Бомениль почтеть себя крайне обязанною маркизу де-Мэльфору, если онъ возьметъ на себя трудъ зайти къ ней тогъ часъ же... Хоть бы это было даже въ очень-поаднев время...

«Мадамъ де-Бомениль, чувствуя себя очень-слабой, принуждена прибѣгнуть къ чужой помощи, чтобы написать эту записку маркизу де-Мэльфору, которого она смытье увѣрить въ своемъ глубокомъ уваженіи.»

По-мѣрѣ-того, какъ графиня диктовала эту записку, сердце ея склонилось отъ одной изъ тѣхъ чрезвычайно-дѣтскихъ, но сильно-томительныхъ мыслей, которые могутъ рождаться только въ головѣ матери.

Графиня была поражена простотой и изяществомъ манеръ Эрминіи, съ гордостью слушала ее, признавала въ ней первоклассное музыкальное дарование и съ беспокойствомъ, со страхомъ спрашивала себя—было ли воспитаніе дѣвушки полно, не пренебрегла ли чѣмъ-нибудь въ пользу ея таланта?

Въ эту минуту, мадамъ де-Бомениль думала: — умѣть ли дочь ея правильно писать? красиво ли она пишетъ?

Такимъ образомъ, графиня, казалось, не рѣшилась взглянуть на письмо, которое Эрминія писала; наконецъ, она не удержалась отъ искушенія.

— Написали? спросила она.

— Да, графиня.

— Дайте взглянуть такъ ли... написано... имя... имя моя дѣмэльфора? я въ забытьѣ сказать вамъ, какъ оно пишется.

Эрминія подала письмо. Графиня была изумлена. Письмо было написано не только совершенно правильно, но и почеркъ его былъ необыкновенно красивъ.

— Безподобно. Я никогда не видела такой красивой руки, сказала быстро мадамъ де-Бомениль:—напишите, пожалуйста, на адресъ такъ:

Господину маркизу де-Мэльфору, въ Улицѣ-де-Мартиръ, № 45.

Графиня позвала свою любимую горничную и сказала:

— Возьмите карету, мадамъ Дюпонъ, и отвезите сами это письмо по адресу. Если маркиза нѣть, но вамъ скажутъ, что она скоро воротится, такъ вы его подождите...

— Но, отвѣчала горничная, удивленная приказаниемъ, которое могъ бы исполнить и всякий другой: — но, графиня, если я вамъ на что-нибудь повадоблюсь... а...

— Сдѣлайте прежде это, возразила мадамъ де-Бомениль:—мадмуазель Эрминія будетъ такъ добра, что, въ случаѣ нужды, поможетъ мнѣ.

Эрминія поклонилась въ знакъ согласія, и когда графиня отдавала приказанія своей горничной, внимательно посмотрѣла на мать. Въ ея глазахъ выражалась извѣжность и вмѣстье беспокойство.

— Только украдкой, думала она: — я осмысливаюсь смотрѣть на нее, а вѣдь она моя мать. О, дай Богъ, чтобы она никогда не догадалась, что я знаю печальную тайну моего рожденія!

IX.

Невозможно передать, какое счастие выражалось на лице графини де-Бомениль, когда она увидела, что горничная вышла.

Бедная мать знала, что теперь она цыпью часть пробудет наединѣ съ дочерью.

Легкая краска оттеснила бледное лицо ея; глаза, до того потухшие, лахорадочно заблестали; казалось, она ожила. Такъ сверхъ-естественно было усиление, которое она сдѣлала, чтобы воспользоваться случаемъ поговорить съ своей дочерью, можетъ-быть, въ послѣдній разъ.

Эрминія сидѣла, потупивъ глаза, полные слезъ.

— Будьте такъ добры, дайте мнѣ пять или шесть ложечекъ капель, вонь изъ той стеклянки, что на каминѣ, сказала наконецъ мадамъ де-Бомениль.

— Но, графиня, возразила съ беспокойствомъ Эрминія: — вы, въ-ролтино, забыли, что докторъ запретилъ вамъ принимать больше двухъ или трехъ самыхъ маленькихъ ложечекъ этихъ капель. Мнѣ кажется, вчера онъ вамъ именно это сопѣтвовалъ.

— Да, но я чувствую себя гораздо-лучше, и думаю, что этотъ приемъ придастъ мнѣ силы...

— Вамъ лучше? спросила Эрминія, не зная, вѣрить ли словамъ графини.

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Я... графиня...

— Конечно, давишия печальная церемонія навела на васъ ужасъ, но ведь это было сдѣлано только изъ предосторожности... мнѣ хотѣлось исполнить этотъ священный долгъ, чтобы быть готовою представать предъ лицо Всевышняго. Отъ-этого мнѣ сдѣмалось гораздо-легче. Я стала гораздо-покойнѣе и полагаю, что приемъ нѣсколькихъ капель этого лекарства совершенно подкѣпить меня. Я могла бы еще разъ послушать васъ. Ваше вѣніе столько разъ утишало мои страданія, разсѣвало мою грусть. А вы не хотите мнѣ дать этого лекарства, прибавила графиня, улыбаясь.

— Если вы этого непремѣнно требуете, отвѣчала Эрминія: — я сейчасъ назью...

И молодая девушки, подумавъ, что нѣсколькоѣрѣвѣй или менѣй пріемъ крѣпительнаго не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, назила четыре ложечки въ чашку и подала графинѣ.

Мадамъ де-Бомениль, принимая чашку, какъ-будто неварочно дрогнула до руки дочери. Она была такъ счастлива, что ея дочь была подлѣ нея... Эрминія, наклонившись къ подушкѣ матери, держала подиць, чтобы принять снова чашку. Больная пила лекарство медленно, каплю за каплей, и потомъ опустилась въ изнеможеніи на подушку.

— Вы устали, графиня?

— Да, немножко!.. Мне кажется, что если бы я могла сидеть, мне было бы лучше; но я такъ слаба, что не могу держаться...

— Обоприте на меня, сказала нервнительна Эрминия: — можетъ-быть, вамъ... будетъ не такъ тяжело сидѣть...

— О, я бы бы очень рада... но... но боюсь васъ беспокоить... право, вы такъ добры ко мнѣ; отвѣчала болѣвая, стараясь скрыть радость, которую доставлялъ еї успехъ материнской хитрости.

Эрминия не могла отвѣтить. Сердце ея было полно вѣчной любви къ матери. Она сѣла у изголовья постели и графиня положила голову на грудь дочери.

При этомъ сближеніи, обѣ онѣ невольно вздрогнули; но ни та, ни другая не могла этого замѣтить. Иначе, можетъ-быть, мадамъ де-Бомениль, не смотря на свою клятву, высказала бы свою тайну, или, можетъ-быть, она увидѣла бы во взглядѣ Эрминіи, что ей тоже известна тайна—ея рожденія.

— Нѣтъ, нѣтъ, прѣчь эта преступная слабость, думала въ эту минуту мадамъ де-Бомениль, удерживая порывы своего сердца: — нѣтъ, пусть это несчастное лягушка никогда не узнаетъ печальной тайны; я дала клятву и должна сдержать ее. Развѣ съ меня не довольно неожиданного блаженства—наслаждаться милой заботливостью, которой она меня окружаетъ по добротѣ своего сердца, можетъ-быть, по тайному предчувствію.

— Нѣтъ, лучше умереть, думала въ свою очередь Эрминія: — лучше умереть, чѣмъ заставить мать мою подозрѣвать, что мнѣ известна тайна, которую она до-сихъ-порѣ скрываетъ. Впрочемъ, можетъ-быть, она и сама не знаетъ... Можетъ-быть, одинъ случай сблизилъ меня теперь съ нею; можетъ-быть, въ ея глазахъ съ ей чужая, совершенно чужая?..

И мать и дочь, обѣ глотали слезы, желая скрыть ихъ. Обѣ онѣ старались собрать свое мужество, одна—нацоимная себѣ о данной клятвѣ, другая,—находя силу въ самоотверженіи, смѣшанномъ съ глубокой чувствительностью и гордостью.

— Благодарю васъ, мадмуазель Эрминія, сказала наконецъ мадамъ де-Бомениль, не смыкая, однакожъ, взглянуть на дочь: — мнѣ гораздо лучше...

— Позвольте мнѣ поправить подушки, графиня... Вамъ будетъ ловче лежать.

— Какъ вы добры, мадмуазель Эрминія!

Бѣдная мадамъ де-Бомениль была очень-довольна этимъ предложеніемъ, потому-что оно заставляло Эрминію пробѣтъ еще нѣсколько минутъ близь нея.

Мадмуазель Эрминія... графиня... Невозможно передать, съ какими странными выраженіемъ мать и дочь обмѣнивались между собою этими церемонными названіями, которые никогда не казались имъ объять столь ничтожными, столь холодными!

— Еще разъ благодарю васъ, сказала графиня: — я чувствую себя все лучше и лучше, благодаря вашей милой заботливости... да и кръпительное, кажется, нѣсколько помогло мнѣ... Мнѣ кажется даже, что я почти совершенно здорова... Вѣроятно, мышью почь я буду спать покойно.

Эрминія бросила грустный взглядъ на свою шляпку.

Она боялась, чтобы графиня не отпустила ее еще до возврата горничной. Можетъ-быть, уже графиня не хотѣла заставлять ее играть на фортепиано.

Однакожь, не желая отказаться отъ послѣдней надежды, молода дѣвушка кротко спросила у своей матери:

— Вчера вы просили меня, графиня, принести что-нибудь изъ «Оберона»... не знаю... угодно ли вамъ будетъ сегодня прослушать?..

— О да, непремѣнно. Вы знаете, какъ ваше пѣніе, ваша игра утихаютъ мою боль. А сегодня мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что слушать васъ мнѣ будетъ истиннымъ удовольствиемъ...

Эрминія снова взглянула на графиню де-Бомениль и была поражена перемѣной, которая выразилась на лицѣ ея. За нѣсколько времени бѣдное, изнеможденное, теперь оно было спокойно, весело и даже легкая краска появилась на щекахъ его.

При этомъ странномъ превращеніи разсѣялись всѣ страшныя предчувствія молодой дѣвушки; надежда ожivила ея сердце. Ей казалось, что мать ей спасена однѣмъ изъ тѣхъ неожиданныхъ переворотовъ, которые часто случаются во всѣхъ болѣзняхъ.

Совершенно счастливая, покойная, она взяла ноты и сѣла за фортепиано.

Надъ фортепиано висѣлъ портретъ дѣвочки лѣтъ пяти или шести, которая играла съ огромной собакой. Она не была хороша, но ея дѣтское личико выражало необыкновенную прелестъ, кротость и простодушіе.

Это былъ портретъ Эрнестины де - Бомениль, законной дочери графини, писанный десять лѣтъ назадъ.

Эрминія еще прежде угадала, кто былъ оригиналомъ этого портрета, и нѣсколько разъ украдкой бросала кроткій, нѣжный взглядъ на свою маленькую сестру, которую она не знала и, можетъ-быть, никогда не должна была знать.

Подъ вліяніемъ этого чувства, Эрминія и теперь, взглянувъ на портретъ, не могла удержаться отъ судорожного волненія, нѣсколько мануть не могла оторвать отъ него глазъ своихъ, и машинально открывала фортепиано.

Мадамъ де-Бомениль, внимательно съдившая за всѣми движеньями дочери, видѣла, съ какимъ удовольствиемъ она рассматривала портретъ Эрнестины.

— Бѣдная Эрминія, думала графиня: — у нея есть мать... сестра... и она никогда не должна узнать этихъ сладкихъ словъ: ма-менька... сестра моя.

Потомъ, быстро отеревъ сбѣжавшую на щеку слезу, она громко сказала дочери:

— Это..., дочь моя... Не правда ли, какое кроткое, милое лицо?

Эрминія вздрогнула, какъ-будто ее поймали въ какой-нибудь винѣ, покраснѣла и тихо сказала:

— Извините, графиня... но... я...

— О, смотрите на нее, смотрите, перебила графиня: — она теперь хоть и выросла и перемѣнилась... но въ ней сохранился этотъ взглядъ, кроткий, откровенный; конечно, она далеко не такъ хороша, какъ вы, почти невольно прибавила пѣсчастная мать сътайной гордостью. Она была совершенно счастлива тѣмъ, что могла соединить обѣихъ дочерей своихъ въ этомъ сравненіи: да! она далеко не такъ хороша, какъ вы, но въ ея лицѣ, какъ и въ вашемъ, такъ много неуловимой прелести. Бѣдняжка!.. что-то съ ней теперь? Лучше ли ей?

— Развѣ вы, графиня, серьёзно беспокойтесь на счетъ ея здоровья?

— Да! она заболѣла во время своего рesta... Она такъ быстroe росла! Мы очень за неe боялись... Доктора послали ее въ Италию, куда я не могла за ней ехать; потому-что не могла встать съ постели. Благодаря Бога, послѣднія письма ея меня очень успокаиваютъ. Она пишетъ каждый день. Это журналъ всей ея жизни. Какъ простодушны, какъ нѣжны, какъ трогательны эти письма. Я прочту вамъ нѣкоторыя изъ нихъ и вы полюбите Эрнестину, какъ-будто бы вы ее знали.

— О, я не сомнѣваюсь и благодарю васъ за это обѣщаніе, вскричала Эрминія, не скрывая своей радости: — если послѣднія извѣстія мадамузель Эрнестины успокаиваютъ васъ, такъ вы напрасно боитесь за неe... Въ юности такъ много силъ, графиня! Притомъ же, прекрасное солнце Италии, говорятъ, такъ живительно!..

Горькая мысль мелькнула въ головѣ мадамъ де-Бомениль.

Думая о дорогомъ путешествіи, о безмѣрныхъ издержкахъ, которыя принесены въ жертву слабому здоровью Эрнестины и внимательной заботливости о ней, графиня спрашивала себя, что стала бы дѣлать Эрминія, бѣдное, покинутое літіе, еслибы она была въ такомъ же болѣзnenномъ состояніи, какъ Эрнестина, и еслибы единственнымъ способомъ сохраненія жизни своей ей оставался этотъ долгій вояжъ, сопряженный съ такими огромными издержками, доступными только людямъ богатымъ.

При этой мысли, мадамъ де-Бомениль почувствовала болѣе, чѣмъ когда-нибудь, желаніе узнать, какъ Эрминія преодолѣвала все трудности, все случайности своего тажкаго положенія, съ-тѣхъ-поръ, какъ была оставлена матерью, до той минуты, когда случай сблизилъ мать и дочь самымъ неожиданнымъ образомъ.

Но какъ, не измѣнила себѣ, могла мадамъ де-Бомениль вызвать дочь свою на откровенность? Какому страданію, какой грусти могла она подвергнуться, слушая разсказъ дочери?

Эти-то причины удерживали ее до-сихъ-поръ отъ всѣхъ вопросовъ о прошедшей жизни Эрмини.

Но въ настоящую минуту, мадамъ де-Бомениль рѣшилась спросить дочь свою обо всемъ; она рѣвалась, можетъ-быть, потому что предчувствовала въ своемъ сомнительномъ облегченіи скорый конецъ; можетъ-быть, потому-что была не въ силахъ дольше прятаться чувству материинской нѣжности, чувству, которое, въ-силѣ ствіе многихъ подробностей этого свиданія матери съ дочерью, достигло своего высочайшаго развитія.

X.

Междудѣмъ, какъ графиня де-Бомениль придумывала средства навести Эрмини на разговоръ о ея прошедшой жизни, молодая девушка стоя перебирала ноты и ожидалась, когда графиня пригласить ее сесть за фортепіано.

— Я могу показаться вамъ очень-странный, сказала мадамъ де-Бомениль:—знаете, мнѣ хотѣлось бы лучше слушать васъ самъ, чѣмъ музыку... уже около десети часовъ... Это обыкновенное время моего кризиса... Можетъ-быть, сегодня онъ и не случится, если мнѣ все будетъ такъ же легко, какъ теперь. Иначе, мнѣ будетъ очень-досадно на то, что я слишкомъ-рано прибѣгла къ счастью, которое успокоивало столько разъ мое страданія. Но это еще не все... вы, пожалуй, назовете меня не только странной, но и небоѣтной, можетъ-быть, нескромной.

— Почему же, графиня?

— Сядьте, пожалуйста, здѣсь, поближе ко мнѣ... расскажите мнѣ, какъ это вы... въ такихъ юныхъ лѣтахъ... ведь вамъ, я думаю, не болѣе семнадцати или восемнадцати?

— Да, мнѣ восемнадцатый годъ...

— Какъ же это вы въ эти лѣта сдѣлались такой превосходной музыкантшой?

— Вы слишкомъ-снисходительны, графиня; впрочемъ, я, съ-дѣлствомъ люблю музыку, имѣла къ ней способность и очень-легко выучилась немножко играть...

— Кто же былъ вашимъ учителемъ? Гдѣ вы учились?..

— Въ пансіонѣ...

— Въ Парижѣ?..

— Нѣтъ, я не все время была въ пансіонѣ, въ Парижѣ...

— Гдѣ же вы были до прїезда въ Парижѣ?

— Въ Бовѣ. Тамъ я жила до десети лѣтъ.

— А потому?

— Потомъ меня отдали въ пансіонъ въ Парижѣ.

- И вы долго въ немъ оставались?
- До семнадцатаго года.
- И потомъ вышли?..
- Да, выйдя изъ пансиона, я стала давать уроки музыки.
- И у васъ было... Но, право, мнѣ стыдно за мою нескромность... Но она можетъ быть нѣсколько простительна... Я принимаю въ васъ живѣйшее участіе.
- О, мнѣ самой пріятно отвѣтить вамъ со всѣмъ чистосердечіемъ. Вы такъ милостивы ко мнѣ, графиня.
- Ну, такъ скажите же мнѣ, у кого вы жили во выходѣ изъ пансиона?
- Мнѣ нѣ у кого было жить.
- Какъ! у васъ не было никакого родныхъ? спросила графиня съ истинно-героическимъ спокойствіемъ.
- У меня вовсе нѣть родныхъ, отвѣтала Эрминія съ такою же твердостью.
- Какъ ваша фамилія?
- У меня нѣть и фамиліи, отвѣтала дѣвушка, и подумала: «да, точно, она не подозрѣваетъ, что я дочь ей. Иначе у неї не дѣстало бы силы сдѣлать подобный вопросъ».
- Въ такомъ случаѣ, съ кѣмъ же вы живете теперь?
- Одна, графиня.
- Какъ, совершенно одна?
- Да.
- Простите мнѣ... но... но въ ваши лѣта... такое положеніе, мнѣ кажется, очень-рѣдко... Имѣете ли вы, по-крайней-мѣрѣ, достаточно уроковъ?
- О, да, графиня, мужественно отвѣтала Эрминія.
- Удивительно!
- Чѣмъ прикажете дѣлать, графиня? Судьбы не избираютъ, остается только за нею сдѣловать... Съ твердостію, съ трудолюбіемъ можно жить, если не блестящимъ образомъ, по-крайней-мѣрѣ хоть покойно и счастливо.
- Счастливо! вскричала мадамъ де-Бомениль съ радостью, которой не могла удержать:—такъ вы счастливы?
- Въ лицѣ и въ голосѣ графини выразилось столько блаженства, что въ головѣ Эрминія явились новыя сомнѣнія.
- Вѣроятно, она не знаетъ, что я дочь ея, думала Эрминія:—иначе, зачѣмъ бы ей знать, счастлива ли я? Но все равно, если она знаетъ, что я ея дочь, я должна узвѣрить ее въ своемъ счасти, чтобы избавить ее отъ печали, можетъ-быть, отъ угрызеній совѣсти.
- «Если она считаетъ меня чужою, я все — таки узвѣрю ее въ моемъ довѣрствѣ... Она не должна думать, что я желаю возбудить ея сожалѣніе, жалость... О, моя гордость возмущается при одной мысли...»
- Такъ вы счастливы? Дѣйствительно счастливы? сказала ма-

дамъ де-Бомениль, услышавъ это признаніе, столь драгоценное и материинскому сердцу.

— Да, графиня, отвѣтала девушка почти веселымъ голосомъ: — очень счастлива.

Видя прекрасное лицо дочери, блестящей красотой, юностью и невинной веселостью, графиня сдѣлала страшное усилие, чтобы не измѣнить себѣ.

— Не смѣйтесь надъ моими вопросами, сказала она, подражи веселости своей дочери: — не смѣйтесь, потому что, по-несчастію, намъ, привыкшимъ къ удобствамъ жизни, къ роскоши, многое кажется страннымъ, непонятнымъ; на-примѣръ, вотъ вы... какъ вы устроились по выходѣ изъ пансіона?

— О, тогда я была богата, графиня! отвѣтала улыбаясь Эринія.

— Богата?

— Да, богата! Черезъ два года послѣ того, какъ меня отдали въ пансіонъ въ Парижъ... за меня перестали платить... Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ... Содержательница пансіона очень любила. Однажды она мнѣ сказала: «мнѣ перестали платить за мое; но, дитя мое, я все-таки не оставлю васъ».

— Безподобная женщина!

— О, лучшая изъ женщинъ! но, къ-несчастію, она больше не существуетъ, отвѣтала грустно Эринія; между-тѣмъ, не желая оставлять графиню подъ влияніемъ грустнаго чувства, она прибавилъ:

— Но эта добрая женщина не подумала о моемъ главномъ порокѣ... Я должна все разсказать вамъ; вѣдь вы хотите, чтобы я была съ вами откровенію. У менѣ есть странный недостатокъ, гадкій порокъ...

— У васъ порокъ? полноте!

— Увы, графиня, страшный порокъ — гордость.

— Гордость?

— Да, да — гордость. Поэтому-то, когда содержательница пансіона предложила мнѣ изъ милосердія остаться у неї... Моя истинская гордость возмутилась... Я сказала, что соглашусь на это предложеніе только съ условіемъ... платить менѣ трудами за то, что она предлагала мнѣ даромъ.

— Въ двѣнадцать лѣтъ такая гордость! Но какой же трудъ на себя принялъ?

— Я повторила музыкальные уроки съ тими изъ менѣ по-другъ, которыхъ были слабѣе менѣ въ музыкѣ, поѣтому-что, по возрасту, я уже довольно недурно играла на фортепіано... Я всегда имѣла страсть къ музыкѣ...

— И содержательница пансіона принесла ваше продолженіе?

— Съ радостью, графиня. Моя рѣшительность ее тронула.

— Я думаю!..

— Съ этой минуты, благодаря моей благодѣтельницѣ, у менѣ было много ученицъ; многія изъ нихъ были гораздо старше менѣ го-

лами. Видите ли, графиня, у меня вездѣ гордость, всегда гордость. Сначала я учила такъ... шутя... по дѣтской прихоти, но потомъ у меня явилось истинное къ этому призваніе, которое въ-послѣдствіи послужило мнѣ безцѣннымъ источникомъ для моего существованія. Въ четырнадцать лѣтъ я была помощницей музыкальной учительницы. Мнѣ дали тысячу двѣстѣ франковъ жалованья... Представьте же себѣ ту сумму, которую я собрала до того времени, когда, наконецъ, вышла изъ пансиона. Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ съ половиной. Въ пансионѣ я издерживала очень немного... только на свое содержаніе.

— Былое дитя! въ эти лѣта такое трудолюбіе, такая благородная гордость, сказала графиня и не могла удержать слезъ, которыхъ обильно полились изъ глазъ ея.

— Не зачѣмъ же вы оставили пансионъ? привѣтила она.

— Моя добрая благодѣтельница умерла, другая замѣнила ее, но эта другая, увы! вовсе не походила на прежнюю. Однакожъ, она предложила мнѣ остаться въ пансионѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ я была. Я согласилась; но черезъ два мѣсяца... мой гадкий порокъ... и моя сумасшедшая голова заставили меня выйтіи...

— Отъ-чего же?

— Сколько прежняя содержательница пансиона была со мною добра и ласкова, столько новая была повелительна и груба... Однажды...

Эрминія остановилась и прекрасное лицо ея, при этомъ восполненіи, покрылось живымъ румянцемъ.

— Однажды, повторила она: — эта женщина сдѣлала мнѣ одинъ изъ тѣхъ упрековъ, которые глубоко ранятъ сердце: она сказала мнѣ...

— Чѣмъ вамъ сказала эта злая женщина? быстро спросила мадамъ де-Бомениль, потому-что Эрминія не осмысливалась повторить передъ графиней, не опечавивъ ее, тѣхъ жестокихъ, унизительныхъ словъ, которые высказала ей содержательница пансиона:

Вы слишкомъ горды для незаконной дочери Богъ-знаетъ кого!

— Что она сказала вамъ? повторила мадамъ де-Бомениль.

— Простите, графиня, я не могу повторить этихъ жестокихъ словъ... Если я не позабыла ихъ, по-крайней-мѣрѣ простила... На другой же день я оставила пансионъ, взявъ съ собой свое маленькое богатство, плодъ моихъ уроковъ. Съ помошью его, я устроилась и съ-тѣхъ-поръ жила одна... въ моей квартирѣ...

Эрминія произнесла эти слова: *въ моей квартире съ такимъ занѣжнымъ, довольнымъ и гордымъ видомъ, что мадамъ де-Бомениль, съ новыми отъ слезъ глазами, съ улыбкой на устахъ, схватила и пожала руку молодой дѣвушки, сидѣвшей у ея изголовья.*

— И я увѣрена, моя гордая собесѣдница, что ваша квартира прекрасна.

— О, въ этомъ слушай, графиня, для меня вѣть ничего слышкомъ-изящнаго...

— Въ-самомъ-дѣль? ну, а сколько же комнатъ въ нашей квартире? спросила, улыбаясь, графиня.

— Одна... и еще прихожая... выходитъ въ садъ... моя комната очень-мала, и потому я могла себѣ позволить украсить ее только хорошенькимъ ковромъ и обоями, повѣсить персидскія занавѣски. У меня одно-только кресло, но оно обито бархатомъ, и притомъ этотъ бархатъ вышить шелкомъ... мнай-самой, разумѣется... У меня очень мало вещей, но за то все выбрано со вкусомъ, я въ этомъ увѣрена! Но это еще не все... у меня было честолюбіе и я скоро осуществлю его...

— Какое же это честолюбіе?

— Мне хочется имѣть маленьку дѣвочку, которая бы служила мнѣ, такъ... дѣвочку лѣтъ тринадцати или четырнадцати, которую бы я могла исторгнуть изъ жалкаго положенія и которая бы со мнай была счастлива. Мнѣ говорили уже обѣ одной сыретки. Ей только двѣнадцать лѣтъ; у нея, сказали, предобroe сердце, характеръ самый кроткій. Я буду очень счастлива, когда возьму ее къ себѣ въ усдуженіе... Притомъ же, это будетъ вовсе не пустая, не глупая прихоть. Она можетъ провожать меня, когда я пойду давать уроки. Вы знаете, графиня, что значить идти женщинѣ одной...

Эрминія не могла кончить фразы; стыдливые слезы блеснули на ея рѣсицахъ, когда она вспомнила о грубомъ преслѣдованіи ле-Равиля. Молодая дѣвушка нерѣдко подвергалась подобнымъ встрѣчамъ, не смотря на свою скромность и гордое достоинство, которое ярко отражалось на лицѣ ея.

— Я понимаю васъ, дитя мое, сказала мадамъ де-Бомениль съ чувствомъ:—но ваши уроки? кто вамъ достаетъ ихъ? Можетъ-быть, иногда у васъ и не бываетъ уроковъ?

— Рѣдко, графиня, на-примѣръ, лѣтомъ, когда многія изъ моихъ ученицъ уезжаютъ въ деревни. Тогда я прибываю къ другимъ средствамъ: вышиваю или сочиняю что-нибудь... притомъ, я очень дружна со многими моими пансіонскими подругами. Вотъ именно одна изъ нихъ и послала меня къ женѣ вашего доктора, который искалъ какую-нибудь нѣсколько порядочную музыкантшу къ вамъ, графиня...

Въ эту минуту, Эрминія, которая начала свой разсказъ, сидя на стулѣ у постели матери, уже сидѣла на ея постели... и почти въ ея объятіяхъ.

Она обѣ почти безсознательно уступили могущественному порыву чувствъ, потому-что мадамъ де-Бомениль, посадивъ Эрминію подъ себя, увлеклась и держала руку дочери во все время этого простаго и трогательнаго рассказа...

Такимъ-образомъ, по-мѣрѣ-того, какъ Эрминія рассказывала графинѣ де-Бомениль исторію своей прошлой жизни, она чувство-

вала сначала, что рука матери сжимала ея руку, потомъ больная привлекала ее къ себѣ все ближе, ближе, такъ-что, наконецъ, рука ея обвилась вокругъ шеи дочери...

Наконецъ, не въ силахъ больше противиться материнской нѣжности, мадамъ де-Бомениль схватила очаровательную головку Эрминіи, и, не произнеся ни одного слова, покрыла ее страстными поцелуями и слезами.

Мать и дочь долго оставались въ этомъ измѣнѣ, лихорадочномъ забытьи.

Вѣроятно, ихъ общая тайна, сохраняемая до-сахъ-поръ съ такимъ трудомъ, въ эту минуту высказалась бы совершенно, еслибы обѣ онъ варугъ не опомнились, услыхавъ стукъ у дверей спальни.

Мадамъ де-Бомениль, въ ужасѣ отъ клятвопреступленія, которое она готова была совершить, по счастію скоро оправилась. Смущенная, не зная, какъ объяснить дочери этотъ безумный порывъ нѣжности, она, наконецъ, сказала прерывающимся голосомъ:

— Простите, простите мнѣ, дитя мое, это увлеченіе... но вѣдь я мать... дочь моя далеко... ея отсутствіе страшно печалитъ меня... какъ слаба голова моя... въ самозабвеніи... мнѣ казалось, что... это она—моя дочь, которую я оплакиваю... мнѣ казалось, что это ея я сжимаю въ своихъ объятіяхъ. Будьте снисходительны къ этому материнскому заблужденію... надо винѣтъ сожалѣніе къ бѣдной матери, которая должна умереть и не можетъ въ послѣдній разъ обнять дитя свое!..

— Умереть? вскричала дѣвушка, поднявъ лицо, облитое слезами и со страхомъ смотря на мать.

Но, услышавъ снова стукъ у дверей, Эрминія быстро отерла слезы и употребила всю силу, чтобы казаться совершенно-спокойною.

— Вотъ уже второй разъ стучатся въ дверь, сказала она.—Отворите.

Горничная вошла и сказала:

— Какъ вы изволили приказать, графиня, я дождалась маркиза де-Мельфора.

— Ну, что жъ? пріѣдетъ ли онъ? быстро спросила мадамъ де-Бомениль.

— Господинъ маркизъ ожидаетъ въ гостиной.

— О, благодарю Бога, прошептала графиня, смотря на дочь свою:—небо вознаграждаетъ меня за то, что я сохранила клятву. Сю минуту вы введете сюда маркиза, сказала она горничной.

Эрминія, глубоко встревоженная, чувствовала, что присутствіе ея здѣсь теперь лишнее и взяла шляпку, чтобы удалиться. Графиня не сводила съ нея глазъ.

Она видѣла дочь свою, можетъ-быть, въ послѣдній разъ; несчастная, она чувствовала, что силы ея совершенно истощились въ насилиственномъ напряженіи.

Однакожъ, мадамъ де-Бомениль имѣла твердость съ увѣренностьюю сказать Эрминія:

— До завтра... мадмуазель Эрминія... завтра мы сыграемъ Оберона... Вы будете такъ добры, что прійдете пораньше. Не правда ли?

— Да, графиня.

— Мадамъ Дюпонъ, проводите мадмуазель Эрминію и попросите по мнѣ маркиза.

И, съѣдая грустнымъ взглядомъ за дочерью, которая подходила къ дверямъ спальни, мадамъ де-Бомениль не могла удержаться, чтобы не сказать ей еще разъ:

— Прощайте, мадмуазель Эрминія.

— Прощайте, графиня, отвѣчала дѣвушка.

Этими холодными, церемониальными словами высказали свое отчаяніе оба бѣдныхъ существа, которыя, быть-можетъ, видѣлись въ послѣдній разъ.

Мадамъ Дюпонъ провела Эрминію, обойдя гостиную, въ которой дожидался де-Мельфорть.

— Вы забыли свой зонтикъ, сказала горничная съ участіемъ, когда Эрминія уже выходила на лѣтнюю: — а съ будеть замѣтъ пленцъ нуженъ. Дождь такъ и дѣлать.

— Благодарю васъ, отвѣчала Эрминія, веротившись взять зонтикъ, который она позабыла у дверей прихожей.

Дѣйствительно, дождь былъ проливной: но моладая дѣвушка, погруженная въ тайную грусть свою, едва замѣтила, что ночь была темна, что дождь падаѣтъ крупными и частыми каплями, когда она, одна-одинехонъка, въ эту страшную погоду, въ это позднее время и въ такой безлюдной части города привуждена была вѣтромъ свою дѣвственное жилище.

XI.

Маркизъ де-Мельфоръ дожидался, какъ мы сказали, въ залѣ.

На лицѣ горбuna не видно было обидной насмѣшки; напротивъ, въ его чертахъ выражалась глубокая грусть и удивленіе.

Онъ стоялъ облокотившись о каминъ, и, казалось, о чёмъ-то лумая, какъ-будто хотѣть найти отвѣтъ на непонятную для него загадку. Вдругъ, пробудившись отъ глубокой задумчивости, съ грустью посмотрѣлъ вокругъ себя и слезы блеснули въ его черныхъ глазахъ.

Черезъ пѣсколько минутъ, мадамъ Дюпонъ вошла и попросила его къ графинѣ де-Бомениль.

— Графиня проситъ г. маркиза войти къ ней.

Мельфоръ пошелъ за горничной.

— Г. маркизъ де-Мельфоръ! сказала горничная, введя его въ спальню мадамъ де-Бомениль.

Графиня уже несколько оправилась: ея волосы, приведенные въ беспорядокъ, были снова приглажены, легкій кружевной чепчикъ прокрывалъ отчасти ея блѣдное лицо, съ которого спадъ давнишній лихорадочный румянецъ. Гдаза, за минуту блиставшіе материнскою нѣжностью, казались потухшими; руки, которыя были такъ горячи, когда сжимали руку дочери, уже охладѣли.

При видѣ этой страшной перемѣны въ лицѣ мадамъ де-Бомениль, которую маркизъ видѣлъ блисташею красотой и молодостью, онъ вздрогнулъ, и противъ воли остановился на минуту.

Лицо горбуня измѣнило его грустному удивленію, потому-что графиня, оставшись съ нимъ наединѣ, улыбнулась и сказала:

— Вы находите, что я очень перемѣнилась... Не правда ли, маркизъ?

Горбунъ не отвѣчалъ ничего, потупилъ голову, и когда черезъ минуту онъ взглянула на больную, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть.

Мадамъ де-Бомениль попросила его сесть подальше отъ постели и важною голосомъ сказала:

— Боясь, что минуты моей жизни счесть... поэтому я все разскажу вамъ, маркизъ, въ короткихъ словахъ.

Мэльфоръ тихо сѣлъ у постели больной.

— Мое письмо, конечно, васъ удивило, маркизъ? спросила мадамъ де-Бомениль.

— Да, графиня...

— И вы поспѣшили пріѣти ко мнѣ. О, вы всегда добры, всегда великодушны.

Мэльфоръ поклонился.

— Вы меня очень любили, маркизъ... сказала больная растроганымъ голосомъ.

Горбунъ вскочилъ отъ удивленія и, смишавшись, прямо смотрѣлъ на графиню.

— Не удивляйтесь, что я знаю тайну, которую я одна могла проникнуть... истинная, благородная любовь не можетъ не измѣнить себѣ возвѣлюбимой особы.

— Итакъ, графиня... вы знали... прошепталъ горбунъ, выйдя нѣсколько изъ своего смущенія...

— Я знала все, отвѣчала мадамъ де-Бомениль, протянувъ маркизу свою холодную руку.

Мэльфоръ съ уважениемъ, съ любовью пожалъ эту руку, между темъ, какъ слезы, которыхъ онъ не могъ удержать, обильно покатились по его щекамъ.

— Да... я все угадала... и величества вашей любви, которую вы скрывали, и ваши страданія, которыя вы переносили съ благородной твердостью.

— Вы знали все? прошепталъ маркизъ:—вы знали все и, между-тѣмъ, когда мнѣ случалось изрѣдка подойти къ вамъ, говорить съ вами, вы всегда были ко мнѣ добры, благосклонны. Вы

знали все... и никогда я не видаль на вашихъ устахъ фасонованной улыбки: ваши глаза никогда не выражали ни преврѣнія, ни горькаго сожаленія.

— Во имя этой любви, которую вы питали ко мнѣ, маркизъ, сказала графиня съ трогательнымъ достоинствомъ: — во имя глубокаго уваженія, которое внушалъ мнѣ вашъ величедушный характеръ... въ эту минуту... можетъ-быть, торжественную минуту... я хочу повѣрить вамъ самыя драгоценныя для меня садесы, самыя задушевныя мои желанія...

— Простите меня, графиня, возразилъ де-Мельфоръ съ восстанавливающимъ волненіемъ: — простите меня, что я осмѣялся думать, что съ такимъ благороднымъ сердцемъ вы могли симпатизировать мнѣ, презирать... чувство, которому я не въ силахъ быть противиться, но которое съято хранилъ въ душѣ моей. Говорите, графиня, я почитаю себя достойнымъ вашей довѣренности.

— Нынѣшнюю ночь, маркизъ, я перестану жить...

— Графиня...

— О, я не ошибаюсь... только моя душевная твердость помешаетъ мнѣ еще нѣсколько бороться со смертью... Слушайте же, маркизъ... мнѣ недолго остается жить...

Горбунъ отеръ катившіяся по щекамъ слезы и внимательно послушивался въ слова больной.

— Вы знаете, маркизъ, говорила мадамъ де-Бомениль: — отъ какого страшнаго случая умрь мужъ мой. Умру я... и дочь моя... моя Эрнестина останется сиротой; въ чужой земль, на рукахъ гувернантки. Эрнестина — ангелъ доброты, и она чистосердечна, робка, робка до невѣроятности. Мы воспитали ее со всемъ нѣжностью, никогда ея не покидали... но она не знаетъ жизни, счастья, потому что всегда любила уединеніе... конечно, я могла бы умереть своей, потому-что дочь моя богатѣйшая наследница во всей Франціѣ... но я не могу не беспокоиться думая о тыхъ, которые противъ моей воли должны ей замѣнить меня... Мосьѣ и мадамъ де-Ларошгю — ближайшіе родственники Эрнестины; вѣроятно, вѣдь она будетъувѣрена... Уже давно я оставила все связи съ этимъ семействомъ; вы ихъ знаете столько, чтобы понять мои опасенія.

— Да, графиня, пріятно бы пожелать, чтобы ваша дочь нашла лучшую опеку. Но вѣдь мадмуазель Эрнестина уже шестнадцать лѣтъ, стало-быть, эта опека не долго продлится... Прятомъ же, эти лица, о которыхъ вы мнѣ говорите, больше сѣмнадцати лѣтъ... Ихъ нечего много опасаться.

— Я знаю это... но рука Эрнестины будетъ предметомъ столькихъ соперниковъ... Я даже кое-что обѣ этомъ узнала, сказала мадамъ де-Бомениль, вспомнивъ совѣтъ своего духовника, который говорилъ ей о Макрѣзѣ: — дочь моя будетъ окружена людьми, которые могутъ употребить во зло ея довѣренность... и я тогда только останусь совершенно пекойной, когда буду увѣрена, что у неї будегь другъ истинный, преданный ей всено душою, умомъ,

— который бы могъ руководить ея выборомъ... О, маркизъ, будьте для нее лучше другомъ, умоляю васъ... Тогда я покину этот міръ, уверенная въ томъ, что участъ моей дочери будетъ столько же счастлива, сколько блестяща.

— Я сдѣлаю все, чѣдь отъ меня зависитъ, отвѣчалъ маркизъ: — я буду лучше другомъ для вашей дочери.

— О, теперь я не боюсь болѣе за мою Эрнестину... Я знаю цѣну вашимъ обѣщаніямъ. маркизъ, громогласно сказала графиня, на лицѣ которой въ эту минуту блеснула надежда и торжественное спокойствіе...

Но вдругъ мадамъ де-Бомениль почувствовала сильное разслабленіе. Ей казалось, что конецъ ея приближается. Въ лицѣ ея снова выражалась тоска и она умоляющимъ голосомъ быстро начала говорить:

— Это еще не все, маркизъ. У меня есть къ вамъ еще просьба, важнѣе, гораздо важнѣе той.

Де-Мэльфоръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на мадамъ де-Бомениль.

— Просвѣщенная вашими совѣтами, маркизъ, моя Эрнестина будетъ непремѣнно счастлива... Будущность ея теперь совершенно видна для меня... но есть еще бѣдное, благородное созданіе, будущность котораго я хотѣла бы... вамъ...

Мадамъ де-Бомениль не могла кончить.

— Чѣдь съ вами, графиня? спросилъ маркизъ, видя первѣтельность мадамъ де-Бомениль: — какую другую услугу я могу оказать вамъ? Скажите, вѣдь вы знаете, что можете располагать мною, какъ преданныйшимъ изъ друзей вашихъ.

— О, да, я знаю это, возразила больная съ глубокимъ страданіемъ: — но я не смѣю, боюсь...

И она снова остановилась.

Маркизъ, тронутый ея смущеніемъ, поспѣшилъ ей на помощь.

— Когда вы остановились, графиня, сказалъ онъ: — вы мнѣ, кажется, говорили о будущности бѣднаго, несчастнаго ребенка... Чѣмъ могу я помочь ему?..

Больная закрыла лицо обѣими руками и зарыдала; но чрезъ минуту она устремила на маркиза свои облитые слезами глаза, старалась быть покойною, и прерывающимся голосомъ сказала:

— Да... вы могли бы помочь одной... бѣдной девушки... достойной вашего участія... потому-что она очень, очень несчастна, сирота... безъ опоры... безъ состоянія... но она девушка съ гордымъ сердцемъ... трудолюбивая, клянусь вамъ... она — ангелъ!.. приблизила графиня съ восторгомъ, который очень удивилъ де-Мэльфора.

— Да, продолжала мадамъ де-Бомениль: — это ангелъ доброты, невинности, твердости... Для чеѧ-то я прошу, маркизъ, вашего участія, какъ просила его для моей Эрнестины... умоляю васъ, не откажите мнѣ...

Этот восторгъ, это видимое смущеніе, съ которыми мадамъ де-Бомениль умоляла де-Мэльфора раздѣлить свое участіе между Эрнестиной и бѣдной сиротой, все эти обстоятельства болѣе-и-болѣе возбуждали его удивленіе.

Несколько мануть противъ воли онъ хранилъ молчаніе, потому вдругъ вздрогнуль; казалось, какая-то горькая мысль мелькнула въ головѣ его. Онъ вспомнилъ о безславныхъ телкахъ, которые никогда были распущены на счетъ графини, и за которые онъ въ этотъ же день утромъ хотѣлъ отомстить, вызвавъ де-Морвана подъничтожнымъ предлогомъ.

Были ли сколько-нибудь основательны эти слухи? Какое таинственное участіе мадамъ де-Бомениль принимала въ этой сиротѣ? Не была ли эта девушка плодомъ ея проступка?

Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ проходили въ головѣ маркиза; но скоро, полный довѣрія къ добродѣтели графини, онъ отвергъ эти грустныя подозрѣнія, упрекая себя, что на минуту могъ увлечься ими.

Мадамъ де-Бомениль, почти устрашеннная молчаніемъ горбuna, въ смущеніи сказала ему:

— Простите меня, маркизъ, вижу... я употребила во зло ваше великодушіе, вашу снисходительность. Мнѣ было мало того, что вы увѣрили меня въ вашемъ отеческомъ участіи къ моей дочери... Эрнестинѣ... я еще стала просить васъ за... другую... чужую... простите меня, маркизъ.

Въ голосѣ графини было столько отчаянія, что де-Мэльфоръ снова не могъ удержаться отъ подозрѣній, которыя растрѣвали его сердце. Ему казалось, что исчезло, разрушилось одно изъ благороднѣйшихъ, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ его вѣрованій: мадамъ де-Бомениль не была болѣе для него тѣмъ идеальнымъ созданіемъ, которое онъ такъ долго боготворилъ.

Но, великодушный человѣкъ, онъ понялъ, какъ должна быть страдать несчастная мать; онъ пожалѣлъ ее и слезы полились ручью изъ глазъ его.

— Бѣльте уѣханы, графиня, сказала онъ растроганнымъ голосомъ: — я сдержу мое обѣщаніе. Бѣдная сирота будетъ для меня столько же дорога, сколько и Эрнестина. Вместо одной, у меня будутъ двѣ дочери.

Маркизъ почтительно подалъ руку графинѣ, какъ-бы желалъ этимъ освятить свою клятву.

— О, теперь я могу спокойно умереть! вскричала мадамъ де-Бомениль и прижалась къ своимъ холоднымъ губамъ руку маркиза прежде, чѣмъ онъ могъ тому воспротивиться.

Де-Мэльфоръ болѣе не сомнѣвался, что бѣдная сирота была незаконная дочь графини.

Вдругъ мадамъ де-Бомениль вскрикнула, какъ-будто почувствовавъ ужаспѣйшую боль.

— Боже мой! что съ вами, графиня? спросилъ де-Мельфоръ, устрашенный совершеннымъ измѣненіемъ лица ея.

— Ничего, ничего, отвѣчала больная съ твердостью:—такъ, мнѣ сдѣлалось немножко больно; но прошу васъ, возьмите скорѣй этотъ ключъ...

Она вынула изъ-подъ подушки ключъ и подала маркизу.

— Отоприте это бюро...

Маркизъ повиновался.

— Въ среднемъ ящикѣ есть портфель... нашли?..

— Вотъ онъ.

— Оставьте его у себя, прошу васъ... въ немъ заключается небольшая сумма, которой я имѣю право располагать по своей волѣ. Этой суммы достаточно будетъ, чтобы навсегда обеспечить отъ нужды бѣдную сироту, которую я поручаю вамъ. Но вы должны обѣщать мнѣ — никогда не произносить моего имени передъ этой несчастной дѣвушкой, никогда не говорить, кто просилъ васъ передать это небольшое состояніе... но, умолю васъ, скажите ей, что она была любима... нѣжно любима до конца жизни... что... надо было...

Де-Мельфоръ не могъ разслышать послѣднихъ словъ мадамъ де-Бомениль, силы которой истощились.

— Но этотъ портфель, графиня... кому я долженъ отдать его? Кто эта дѣвушка? какъ ее зовутъ? гдѣ я отыщу ее? торопливо спрашивалъ маркизъ, испуганный быстрымъ измѣненіемъ лица мадамъ де-Бомениль и мелленностью ея дыханія.

Графиня не могла отвѣтить на эти вопросы: она упала въ совершенномъ изнеможеніи на подушку, испустила раздирающій крикъ и сложила крестъ-на-крестъ на груди руки.

— Говорите же, отвѣчайте, графиня, гдѣ нашла я эту молодую дѣвушку? кто она? говорилъ маркизъ, наклонившись къ мадамъ де-Бомениль.

— О! я умираю... прошептала графиня, поднявъ глаза къ небу. — Не забудьте же... клятву... мою дочь... бѣдную сироту, шептала она, стараясь собрать оставлявшія ее силы.

Черезъ нѣсколько минутъ, графиня умерла.

Маркизъ де-Мельфоръ совершенно увѣрился, что сирота, имени которой онъ не зналъ и которую не зналъ даже, гдѣ отыскать, была незаконная дочь графини . . . . .

Похороны мадамъ де-Бомениль были великолѣпны. Баронъ де-Ларошю, какъ ближайшій родственникъ, распоряжался всѣмъ.

Маркизъ де-Мельфоръ, приглашенный отдать послѣдній долгъ, какъ въ всѣ другія лица, посыпавшія общество мадамъ де-Бомениль, грустный шелъ за гробомъ.

Въ темномъ углу церкви стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка. Незамѣченная никѣмъ, она съ жаромъ молилась, заглушая свои рыданія...

Это была Эрминія.

ХII.

Черезъ нѣсколько дній послѣ похоронъ мадамъ де-Бомениль, маркизъ де-Мельфоръ, выѣдя, наконецъ, изъ грустнаго унынія, въ которое смерть графини погрузила его, вспомнилъ ей послѣднюю просьбу о бѣдной спроткѣ, и почувствовалъ всю трудность ея исполненія.

Дѣйствительно, какъ найти эту дѣвушку, о которой мадамъ де-Бомениль такъ настоятельно его просила?

Къ кому адресоваться, чтобы собрать свѣдѣнія о ней, иди по крайней-мѣрѣ указанія, которыхъ могли бы извести его на путь?

Особенно затруднительно было собрать эти свѣдѣнія такъ, чтобы не оскорбить памяти мадамъ де-Бомениль.

Перебирая различныя воспоминанія, горбунъ припомнилъ, что графиня, въ день своей смерти, присыпала за нимъ мадамъ Дюпонъ.

— Эта женщина, думалъ онъ:—давно служить у графини. Она, вероятно, можетъ сообщить мнѣ что-нибудь до этому поводу.

Де-Мельфоръ послалъ за ней своего человѣка и черезъ нѣсколько времени мадамъ Дюпонъ явилась.

— Я знаю, любезнѣйшая мадамъ Дюпонъ, сказалъ маркизъ: — какъ вы преданы были вашей госпожѣ...

— Ахъ, ваше сіятельство, графиня была такая добрая, возвра-
зила женщина, утопая въ слезахъ: — было невозможно не любить
ея... не...

— Вотъ потому-то, что я зналъ вашу преданность къ графинѣ,
и я въопросилъ васъ ко мнѣ; дѣло идетъ обѣ одномъ очень-важ-
номъ обстоятельствѣ...

— Я слушаю васъ, маркизъ.

— Довѣренность, которую графиня оказала мнѣ въ послѣднія
минуты своей жизни, должна служить намъ доказательствомъ, что
вопросы, которые я хочу вамъ сдѣлать, очень-очень важны и свя-
щенны... Надѣюсь на вашу откровенность и скромность.

— О, господинъ маркизъ, вы можете быть увѣрены...

— Вотъ видите ли, въ чёмъ дѣло. Какъ кажется, одна изъ
подругъ мадамъ Бомениль поручила ей заботиться обѣ одной не-
счастной спроткѣ, которая теперь, со смертью своей покровитель-
ницы, находится, можетъ-быть, безъ всякой опоры... Я не знаю
ни имени этой дѣвушки, ни дома, где живетъ она, а мнѣ нужно
найти ее. Не можете ли вы что-нибудь сказать о ней?

— Спротка? говорила мадамъ Дюпонъ, стараясь что-то припомнить.

— Да...

— Въ десять лѣтъ, которая я прослужила у графини, я неви-
дѣла ни одной дѣвушки у госпожи моей, которую бы она особен-
но покровительствовала.

— Вы уверены въ этомъ?

— Очень-увѣрена, господинъ маркизъ.

— И мадамъ де-Бомениль никогда не поручала вамъничего, чтобы могло имѣть въкоторую связь съ дѣвушкой, о которой я говорю?

— Никогда, господинъ маркизъ.—Часто приходили къ графинѣ просьбами, потому-что она многимъ помогала, но я не замѣтила, чтобъ она кому-нибудь отдавала преимущество... А я думаю, что еслибъ моей госпожѣ нужно было сдѣлать что-нибудь не совсѣмъ явно, она, конечно, поручила бы мнѣ исполнить эту комиссию.

— Я то же самое думалъ и потому-то надѣялся что-нибудь узнать отъ васъ. Подумайте хорошенько... можетъ-быть, и напомните...

— Нѣтъ; я не напоминаю ничего подобнаго, отѣчница мадамъ Дюпонъ, послѣ нѣсколькоихъ минутъ раздумья:—рѣшительно ничего не напоминаю.

Эрминія мелькнула-было на минуту въ головѣ мадамъ Дюпонъ, но мысль ея не остановилась на этой дѣвушкѣ.

Наружное обращеніе графини съ Эрминіею не могло навести мадамъ Дюпонъ на путь, не могло представить ей доказательствъ этого особеннаго покровительства, на которое намекалъ маркизъ.

— Нѣчего дѣлать, сказалъ маркизъ, вздыхая:—надо будетъ стараться отыскать какую-нибудь иную дорогу.

— Позвольте, господинъ маркизъ, есть одна вещь, которую я должна сказать вамъ... только не думаю, чтобъ тутъ была какая-нибудь связь съ дѣвушкой...

— Что же это такое? говорите скорѣе.

— Вотъ видите ли, сударь: наканунѣ своей смерти, графиня позвала меня и сказала: «Возьмите фіакръ и отвезите это письмо къ одной женщинѣ, которая живетъ въ Батиньольскомъ-Предмѣтѣ; не говорите ей отъ кого оно. Привезите съ собой ее ко мнѣ...

— Какъ зовутъ ее?

— Ее зовутъ мадамъ Барбансонъ, престранное имя, отъ-того я и не забыла его.

— Видали ли вы ее когда-нибудь у мадамъ де-Бомениль?

— Нѣтъ, только въ этотъ разъ...

— Такъ вы ее привезли?..

— Нѣтъ, не я...

— Какъ такъ?

— Графиня, подумавъ, перемѣнила свое приказаніе. Она изволила сказать мнѣ: «Я думаю, что лучше вамъ самимъ неѣхать, мадамъ Дюпонъ. Это будетъ имѣть видъ тайны. Прікажите просто запрашивать мою карету, и велите кому-нибудь изъ людей отвезти письмо къ этой женщинѣ и сказать, что пріѣхали за нею отъ мадамъ де-Бомениль».

— И такимъ образомъ привезли ее?..

— Да, сударь.

— Мадамъ де-Бомениль разговаривала съ ней?..

— Цѣлыхъ два часа, господинъ-маркизъ.
 — Какихъ лѣтъ была эта женщина?
 — По-крайней-мѣрѣ пятидесяти, — такъ женщина изъ простаго званія.

— Что же, послѣ разговара съ графиней, она...
 — Ее отвезли домой въ той же каретѣ.
 — И болѣе вы не видали ея въ вашемъ домѣ?
 — Нѣтъ, господинъ маркизъ.

Горбунъ съ минуту о чёмъ-то думалъ, потомъ, обратившись къ мадамъ Дюпонъ, спросилъ:

— Какъ-быши вы сказали, называлась эта женщина?
 — Мадамъ Барбансонъ.

Горбунъ вписалъ въ портфель это имя.

— А гдѣ живеть она?
 — Въ Батиньольскомъ-Предмѣстѣ.
 — Въ какой улицѣ? который нумеръ?
 — Не знаю, господинъ-маркизъ. Помню только, что человѣкъ, котораго посыпали, разсказывалъ намъ, что домъ, въ которомъ жила эта женщина, находился въ самой безлюдной улицѣ; что при домѣ былъ небольшой садикъ и въ немъ видна была маленькая бесѣдка.

Горбунъ записалъ все, что рассказала мадамъ Дюпонъ.

— Благодарю васъ, сказала онъ потомъ, обращаясь къ ней: — благодарю за эти свѣдѣнія. Можетъ-быть, по-несчастію, они будутъ бесполезны для меня, но во всякомъ случаѣ, если вы пропомните что-нибудь, чтобъ, по вашему мнѣнію, можетъ помочь мнѣ въ моихъ розысканіяхъ, потрудитесь передать мнѣ.

— О, непремѣнно, господинъ-маркизъ.

Де-Мэльфоръ, щедро наградивъ мадамъ Дюпонъ, сѣлъ въ фіакръ и велѣлъ везти себя въ Батиньольское-Предмѣстѣ.

Черезъ два часа, горбунъ отыскалъ домикъ г. Бернара. Дома была только одна мадамъ Барбансонъ.

Оливье уѣхалъ съ каменщикомъ; старикъ пошелъ, по обыкновенію, прогуливаться въ Монсо.

Мадамъ Барбансонъ, отворивъ маркизу дверь, была непріятно поражена его безобразіемъ. Поэтому, не впустивъ горбuna въ комнату, она стала на порогѣ, закрывъ собою дорогу,

Де-Мэльфоръ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, которое произвела на мадамъ Барбансонъ его наружность, очень-вѣждливо ей поклонился.

— Не съ мадамъ ли Барбансонъ я имѣю честь говорить?
 — Чѣмъ вамъ угодно, сударь?

— Я желалъ бы, сударыня, чтобы вы удѣлили мнѣ нѣсколько минутъ.

— Зачѣмъ же это, сударь?

— Мнеъ нужно кѣй-о-чѣмъ поговорить съ вами.

— Со мной? Я васъ не знаю.

— А я, сударыня, я имѣю счастіе знать васъ, хотя, правда, только по имени.

— Эка диковина! Этакъ, пожалуй, и я знакома съ турецкимъ султаномъ.

— Позвольте, сударыня, замѣтить вамъ, что въ комнатѣ нашей удобнѣе было бы говорить, чѣмъ здѣсь на лѣстницѣ.

— Благодарствуйте, сударь, грубо возразила экономка: — япускаю къ себѣ въ комнату только тѣхъ, кого знаю... .

— Я очень понимаю, сударыня, вашу недовѣрчивость, отвѣчала маркизъ, стараясь скрыть свое нетерпѣніе: — по-этому, долженъ напомнить вамъ имя одной особы, которая вамъ очень известна.

— Кто же эта особа?

— Графиня де-Бомениль.

— Вы пришли отъ графини де-Бомениль? живо спросила экономка.

— Нѣтъ, не отъ неѣ, отвѣчала маркизъ, печально покачивъ головою: — она уже умерла...

— Ахъ, Боже мой! умерла! бѣдняжка! когда же это, сударь?

— Прошу васъ, сударыня, войдемте въ комнату и я буду отвѣчать на ваши вопросы.

Экономки, любопытствуя узнать все, что касалось до мадамъ де-Бомениль, впустила, наконецъ, горбуну въ скромное жилище г. Бернара.

— Такъ графиня умерла, сударь? спросила она.

— Ужѣ нескользко дней, и именно на другой день послѣ твоего разговора съ вами.

— Какъ, сударь, вы знаете?..

— Да, я знаю, что графиня долго разговаривала съ вами, и пришѣть исполнить одно изъ еї послѣднихъ приказаний — передать вамъ эти двадцать пять золотыхъ наполеондоровъ.

И горбунъ вынула зеленый шелковый кошелекъ, сквозь скважины которого виднѣлось золото.

Двадцать-пять золотыхъ наполеондоровъ непріятно прозвучали въ уши мадамъ де-Барбансонъ. Страшное впечатлѣніе сдѣлало на нее имя корсиканского чудовища.

Мадамъ Барбансонъ оттолкнула съ презрительнымъ, величивымъ жестомъ кошелекъ, который маркизъ предлагалъ ей, желая расположить ее къ довѣрчивости.

— Я, сударь, не принимаю вашихъ наполеондоровъ, сказала она съ особыннмъ ударениемъ на этомъ непріятномъ для еї слуха имени. — Да, сударь, не принимаю этихъ наполеондоровъ отъ первого встрѣчнаго, понимаете ли вы, сударь?..

— Помилуйте, любезнѣйшая мадамъ Барбансонъ...

— Да, да, сударь, не принимаю, потому-что не знаю тѣхъ, которые бредутъ наполеондорами, какъ-будто сказать лгидоръ у нихъ языкъ. О, да это известно... Свой своему по-неволѣ братъ... Довольно, сударь, я вѣсть понимаю...

- Понимаете?
- Да-съ, понимаю, вижу, кто вы... пожалуйста, скорѣе, что мне отъ меня нужно... мнѣ нѣкогда...
- Я уже сказалъ вамъ, сударыня, что прошель сюда зетьи, чтобъ прінести вамъ это вознагражденіе за осторожность, за скромность... въ дѣль...
- Въ какомъ дѣль?
- Вы сами знаете.
- Всвѣтъ.
- Ну, полноте, любезнѣйшая мадамъ Барбансонъ, будьте со мною откровенны. Я быть однѣмъ изъ лучшихъ друзей графини... мнѣ известно, что... спрота...
- Какая спрота?..
- Та молодая девушка... но—дѣ видите, что мнѣ все известно.
- Такъ что жь вы у меня спротаиваете, если все знаете?..
- Мнѣ нужно знать, гдѣ живетъ эта девушки... у меня есть до нея очень-важное дѣло...
- Не-уже-ли?..
- Уверяю васъ...
— Смотри, пожалуй! сказала экономка насыпавши.
- Но, любезная мадамъ Барбансонъ, что жь тутъ удивительного во всемъ этомъ?
- Удивительно то, что вы, сударь, старый прѣдокъ.
- Я?
- Да, сударь; вы хотите золотомъ заставить меня все вамъ болтать...
- Уверяю васъ...
— Да пусть вашъ горбъ будетъ весь набить наполеондорами, такъ я за нихъ не скажу вамъ того, чего не хочу говорить. Вотъ я какова. Попрѣмъ васъ, сударь. Что жь? Досадно, не бось!..
- Послушайте, мадамъ Барбансонъ, вы честная, достойная женщина...
- И хвалюсь этимъ...
- Очень-хорошо дѣлаете. Поэтому, надѣюсь, что вы меня выслушаете и будете отѣбѣтывать мнѣ...
— Ни то, ни другое, сударь... Я покляла васъ, старый бояти-дѣньки... и потому прошу меня оставить.
- Одно слово, неоцѣненная мадамъ Барбансонъ, только одно слово, умоллю васъ! сказала маркиза почтительнымъ голосомъ и хотѣла взять руку экономки.
- Та съ ужасомъ отскочила.
- Это еще чѣ-такое? вскричала она гѣѣнно.—Пожалуйста, безъ пожатій. Ахъ, Боже мой! Теперь я совершенно понимаю, затѣмъ вы предлагали ваши наполеондоры. Подите прочь, старый развратникъ... Эта-кая змѣя... то сударыня, то любезнѣйшая мадамъ Барбансонъ... теперь уже неоцѣненная... не хотите ли еще позвать крокодицемъ? Не такъ ли, сударь?

— Клянусь вамъ, что...

— Не даромъ говорятъ, что горбатые хуже обезьянъ... извольте выйти, сударь, не то я буду кричать... созову весь домъ...

— А! черть возьми! вы, кажется, съ ума сошли, вскричалъ маркизъ, въ совершенномъ отчаяніи отъ неудачи.—Чего вы испугались? слава-Богу, вы такъ же дурны, какъ и я, и намъ нѣчего соблазняться другъ другомъ. Повторяю вамъ въ послѣдній разъ, что я пришелъ къ вамъ затѣмъ, чтобы быть полезнымъ бѣдной сиротѣ, которую вы должны знать... и если вы ее знаете, вы ей вредите, безконечно вредите вашимъ упорствомъ. Подумайте хорошенько... Судьба, вся будущность этой дѣвушки въ вашихъ рукахъ... и я уѣрѣнъ, что у васъ слишкомъ-добroe сердце; вы не захотите вредить несчастному ребенку, который не сдѣмалъ вамъ зла.

Де-Мольфоръ говорилъ съ такимъ увлечениемъ, что предубѣжденія мадамъ Барбансонъ начали разсыпаться.

— Хорошо, сударь, сказала она: — Положимъ, я ошиблась, вообразивъ, что вы расчетываете на меня.

— Ну, слава-Богу...

— Но, во всякомъ случаѣ, вы не узнаете отъ меня ничего... можетъ-быть, вы и честный человѣкъ и пришли сюда съ добрымъ намѣреніемъ, но и я, сударь, я тоже честная женщина... Я знаю, что магъ должно дѣлать, знаю, что я не должна говорить... Такъ вотъ, хоть зарѣжьте меня, я ничего не скажу вамъ. У меня, сударь, такой характеръ...

— Чертъ возьми, какая странная осторожность! подумалъ маркизъ, выходя изъ комнаты. Онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, съ горестью видя, что его первые розыски о незаконной дочерѣ мадамъ де-Бомениль не принесли ему ничего утѣшительного.

ХІІІ.

Уже два мѣсяца прошло послѣ смерти мадамъ де-Бомениль.

Удивительная дѣятельность царствовала въ домѣ барона де-Ларошту, который, въ семейномъ совѣтѣ, былъ избранъ въ опекуны Эрнестинѣ.

Слуги суетились, переносили и переставляли мѣбель. Баронъ и жена его надзирали лично за всемъ. Имъ помогала и сестра барона, мадмуазель Елена де-Ларошту, сорока-пятилѣтняя дѣва, одѣтая вся въ черномъ. Ея вѣчно потупленные глаза, бледное, сухое лицо, ея тихая, важная поступь, придавали ей видъ монахини, хотя мадмуазель Елена не произносила обета посвятить себѣ монастырской жизни.

Месьѣ де-Ларошту былъ высокій, сухой мужчина, лѣтъ подъ шестьдесятъ, лысый, съ узкимъ лбомъ, съ маленькимъ носомъ, съ нѣсколько-вдавшимся подбородкомъ, съ большими оловянными гла-

зами. Онъ почти всегда улыбался, показывая такимъ образомъ чрезвычайно-бѣлые, но крайне-длинные зубы, которые окончательно придавали ему физиономію обезьяны. Впрочемъ, баронъ былъ превосходно сложенъ. Всегда на-глухо застегнутый, вѣчно въ бѣломъ галстукѣ и въ накрахмаленныхъ воротничкахъ, баронъ си-лился сдѣлать изъ себя живой портретъ Канинга, совершенный типъ государственного мужа и вмѣсть джентльмена, какъ замъ-чалъ онъ.

Сказать правду, мосьѣ де-Ларошю не было государственнымъ мужемъ, но уже давно крѣпко надѣялся имъ сдѣлаться. Онъ бре-дилъ пэрствомъ. Эта мысль почти не выходила изъ головы его, была чымъ-то въ родѣ хронической болезни, которая пожирала все существо барона. Почитая себя непризнаннымъ Канингомъ и не имѣя возможности добраться до ораторской трибуны въ верхней палатѣ, онъ съ жадностью пользовался малѣйшимъ случасиѣ про-изнести Speach и принималъ при этомъ тенъ и положеніе оратера, хотя бы дѣло шло о страшныхъ пустякахъ.

Одною изъ рѣзкихъ чертъ ораторскаго искусства барона было изобиліе эпитетовъ, которые, по его мнѣнію, должныствовали устроить эффектъ его прекрасныхъ, великихъ Идей. Но, говоря ораторскимъ слогомъ мосьї де-Ларошю, не было ничего—лѣзажи-тельнѣе, темнѣе, пустѣе того, что называлъ онъ своей идеей.

Мадамъ де-Ларошю, женщина лѣтъ сорока-пяти, была нѣкогда хороша, очень любезна и въ добавокъ первостепенная кокетка. Ея талия еще была довольно-стройна, но слишкомъ дѣвическая изъ-исканнѣсть туалета вовсе не согласовалась съ ея зрѣлымъ возрас-томъ.

Баронесса страстно любила удовольствія, роскошь, великолѣпныя празднества и всегда хотѣла распоряжаться и предсѣдательствовать на нихъ. По несчастію, ея доходовъ, хотя довольно-значитель-ныхъ, вовсе не доставало для удовлетворенія страсти къ огром-нымъ издержкамъ. Притомъ же, она боялась разориться, и потому старалась искусно пользоваться вліяніемъ, которое доставляло ей почетное положеніе въ свѣтѣ. Баронесса всегда играла роль покро-вительницы тѣхъ темныхъ, неизвѣстнаго происхожденія богачей, которые, явясь внезапно, какъ великолѣпные метеоры, блестають нѣсколько лѣтъ и вдругъ погружаются навсегда въ ничтожество и въ совершенное забвеніе.

Мадамъ де-Ларошю брала на себя трудъ проложить этой бе-гатой посредственности дорогу въ большої свѣтѣ. Она управляла выборомъ ихъ знакомствъ, говорила, кого исключительно они дол-жны принимать, часто отвергала тѣхъ друзей или состечествен-цевъ ихъ, которые, по ея мнѣнію, недостойны явиться въ бѣ-бородый цвѣтникъ парижской аристократіи.

Баронесса, принадлежа къ высшему обществу, была проводни-комъ своихъ клиентовъ въ самые аристократические салоны, до-

тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, не замѣчала ихъ совершенного разоренія.

Само собой разумѣется, что она давала имъ почувствовать всю необходимость имѣть оперную ложу, въ которой первое мѣсто всегда было назначено для нея. То же случалось и въ дни скачекъ въ Шантанѣ, или поездокъ на морскія ванны. Клиенты баронессы напоминали тамъ дома, посыпали туда поваровъ, прислугу, лошадей, экипажи, и мадамъ де-Ларошю угощала тутъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Въ свѣтѣ, въ самомъ высшемъ обществѣ, таится иногда такая вѣкъ жадность къ удовольствіямъ, что всѣ никакъ не возмущаясь тѣмъ, что женщина высокаго происхожденія пускалась на такую продѣлку, всѣ, на противъ, хвалили мадамъ де-Ларошю, верховную распорядительницу этихъ роскошныхъ празднествъ, а она сама безстыдно хвасталась выгодами, которыхъ почерпала изъ этого покровительства. Впрочемъ, очень умная, хитрая, вкрадчила, баронесса была одна изъ тѣхъ семи или восьми женщинъ, которая имѣютъ полное, исключительное влияніе на такъ-называемое парижское высшее общество.

Эти три особы, о которыхъ мы сейчасть рассказали, присутствовали при послѣдней уборкѣ первого этажа одного изъ отелей Сен-Жерменскаго-Предмѣстія. Все было отдано, вызолочено, обмѣровано за-ново, съ удивительной роскошью.

Эти великолѣпныя комнаты были назначены для Эрнестины де-Бомениль, которой здоровье позволяло воротиться во Францію. Она должна была прѣѣхать именно въ этотъ самый день, въ сопровожденіи своей гувернантки.

Невозможно вообразить, съ какой мелочиной заботливостью баронъ, жена его и сестра, всѣ трое вмѣстѣ, прилагали старанія объ уборкѣ комнатъ, назначенныхъ для мадмуазель де-Бомениль.

Въ малѣйшихъ обстоятельствахъ проявлялась излишняя предупредительность, съ которою ожидали мадмуазель де-Бомениль. Но было что-то печальное въ огромныхъ, великолѣпныхъ покояхъ, въ которыхъ шестнадцатилѣтня дѣвушка, казалось, должна была потеряться.

Осмотрѣвъ въ послѣдній разъ всѣ приготовленія, мосьѣ де-Ларошю собралъ всю свою дворню, и воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ произнести рѣчь.

— Я собралъ всѣхъ васъ, сказалъ онъ съ обыкновеннымъ своимъ величиемъ: — чтобы объявить, извѣстить, уведомить васъ, что мадмуазель де-Бомениль, моя кузина и патомица, должна сегодня воротиться изъ Италии. Мадамъ де-Ларошю и я... мы хотимъ, желаемъ, требуемъ, чтобы всѣ вы новиновались приказаніямъ мадмуазель де-Бомениль даже преъмущественно чѣмъ памъ... то есть, все, что скажетъ, велить, прикажетъ мадмуазель де-Бомениль, вы должны слышно и немедленно дѣлать, исполнять, совершасть, какъ-бы эти приказанія были даны мною самимъ или го-

спожею де-Ларошню. Я увѣренъ въ ревности, въ прилежаніи, въ
расчительности всѣхъ васъ... и съумѣю отличить тѣхъ изъ васъ,
которые будуть исполнять приказанія мадмуазель де-Бомениль
съдѣто, заботливо, предупредительно.

Конечно эту великолѣпную рѣчь, баронъ отпустилъ людямъ, при-
надѣльныхъ быть ежеминутно готовыми, на случай, еслибы
мадмуазель де-Бомениль, по пріѣздѣ, вздумала бы чего-нибудь спро-
сить.

— Теперь мы можемъ пойти на верхъ, сказала Мадамъ де-Ла-
рошню, — мы должны еще поговорить о многомъ.

— Здесь мы должны замѣтить, что Мадамъ и я съѣхали съ де-Ларошю,
убравъ первый этажъ для Эрнестины, сами переселились во вто-
рой, который одинъ часъ занимала мадмуазель Елены дѣ-Ларош-
ю, а эти другой обыкновенно останавливались въ иль дочь барона,
привозившіе иногда изъ деревни въ Парижъ.

— Итакъ, мы сказали, что баронесса продолжала идти на свою
половину.

— Я только-что хотѣла это сказать вамъ, душа моя, сказала
мосьѣ де-Ларошю, улыбнувшись и выставивъ свои бѣлые зубы.

Всѣ трое поднялись, но вдругъ явился одинъ изъ лакеевъ.

— Какая-то девица просить позволенія говорить съ госпожей
баронессой, сказала онъ.

— Кто она такая?

— Она мнѣ не сказала своего имени, но говорить, что пришла
зачѣмъ-то по поводу покойной графини.

— Ну здѣсь, сказала баронесса.—Кто бы это была эта девушка?
прибавила она, обращаясь къ мужу и къ сестрѣ.

— Не знаю... посмотримъ, отвѣчалъ баронъ, съ видомъ размы-
шляющаго человѣка.

— Можетъ-быть, пришла за деньгами. Надо будетъ отосдать къ
потаріусу.

Скоро слуга отворилъ дверь. Вошла Эрминія.

Хотя еще прекрасное, лицо герцогини было бѣдно; глубокая
грусть, причиненная бѣдняжкѣ смертью матери, оставила на ней
прамѣтные слѣды. Красивые блокурные волосы, обыкновенно
разсыпавшіеся въ длинныхъ буклихъ, были теперь едва причесаны;
потому-что бѣдная девушка, погруженнная въ глубокую скорбь
послѣ смерти графини, ни на минуту не думала о невинномъ ко-
ществѣ, столь свойственномъ ей возрасту; бѣлые руки были безъ
перчатокъ, потому-что ея несчастныя перчатки, столько разъ ис-
кусно зашиваемыя, вѣсѣ износились, а бѣдность, бѣдность-бѣдность
увеличивавшаяся, не дозволяла ей купить новыхъ.

— О, да, несчастная сиротка была уже бѣдна, потому-что, пора-
женная въ самое сердце смертью матери, въ-течение шести лѣтъ
страдавшая болѣнію, она не могла давать уроковъ, которые были
единственнымъ источникомъ ея существованія. Бѣдность заставила
Эрминію заложить въ ломбардъ серебряный приборъ, который си-

купила во времена своего богатства. Этими жила она, дожидаясь уплаты за уроки, которые начала давать нѣсколько дней назадъ.

При видѣ этой бѣдной, но прекрасной дѣвушки, одежда которой, не смотря на свою чрезвычайную опрятность, свидѣтельствовала о нищетѣ, баронъ и жена переглянулись крайне удивленные.

— Что вамъ угодно, мадмуазель? спросила баронесса.

— Я пріамъ, сударыня, поправить ошибку, вѣдоящи, неумышленную, и возвратить вамъ эта пять-сотъ франковъ, которые присланы миъ сегодня утромъ потериусомъ... покойной... графини де Бомениль.

Не смотря на твердость, съ которой Эрминія произнесла имя матери, она чувствовала, что слезы грозы брызнуты изъ глазъ ея. Собравъ всѣ усилия, чтобы побѣдить свое волненіе, она подала баронесѣ банковскій билетъ, завернутый въ листъ съ следующимъ адресомъ:

Дѣміль Эрміній, учительница музыки.

— Ахъ, извините, мадмуазель, сказала баронесса, прочитавъ письмо: — такъ это вы были приглашены къ графинѣ...

— Да, сударыня.

— Я помню, что въ семейномъ совѣтѣ поможено было послать вамъ пять - сотъ франковъ въ вознагражденіе. Полагали, что эта сумма...

— Достаточна... прилична... необидна, прибавилъ баронъ, перебивая жену.

— Мы не думаемъ, продолжала баронесса: — чтобы вы пришли требовать...

— Нѣть, сударыня, сказала Эрминія, съ кроткимъ и вмѣсть гордымъ видомъ: — я пришла возвратить вамъ эти деньги... Миръ уже заплаченъ...

Никто изъ дѣйствовавшихъ въ этой сцѣнѣ не могъ почувствовать, сколько грусти, сколько страданія выражалось въ этихъ словахъ: миъ уже заплаченъ.

Благородное безкорыстіе Эрминіи было еще болѣе поразительно потому, что во всемъ была замѣтна нищета молодой дѣвушки. Все это крайне удивило особенно баронесу.

— Миъ остается только хвалить вашу деликатность, сказала она Эрминію: — мы не знали, что вамъ уже заплачено; но во всакомъ случаѣ, я прошу вѣстъ сохранить эти пять - сотъ франковъ, какъ знакъ благодарности...

И баронесса подала герцогинѣ банковскій билетъ, сънова взглянувъ на ея бѣдное платье.

Благородный румянецъ оскорблennой гордости выступилъ на лицѣ Эрминіи.

Невозможно выразить, съ какой вѣжливостью, съ какой геройской простотой молодая дѣвушка отвѣчала госпожѣ де-Ларошлю:

— Прошу васъ, сударыня, сохранить эту великодушную милостыню для тѣхъ, которые прибѣгнутъ къ вашему милосердію.

Эрминія поклонилась баронессѣ и хотѣла выйті.

— Простите, быстро сказала баронесса: — выслушайте... одно только слово.

Молодая дѣвушка воротилась. Она была не въ силахъ скрывать слезъ. Она была тяжко унижена.

— Что вамъ угодно, сударыня? спросила Эрминія.

— Прошу васъ извинить меня, отвѣчала баронесса: — не думайтѣ, чтобы я хотѣла унизить васъ...

— О, я никогда не думаю, чтобы меня кто - нибудь хотѣлъ унизить, сказала дѣвушка съ твердостью, перебивъ баронессу.

— Цѣ вы правы, мадмуазель. Напротивъ, вы внушаете совершенно иное чувство... Теперь я должна сказать вамъ, что у меня есть къ вамъ проосьба...

— Проосьба? ка мнѣ?

— Да. Вы продолжаете давать уроки музыки?

— Да, баронесса...

— Мосьё де-Ларошю, сказала баронесса, указывая на супруга, который улыбнулся по обыкновенію: — опекунъ мадмуазель де-Бомениль. Она должна пріѣхать въ Парижъ сегодня вечеромъ.

— Мадмуазель де-Бомениль! быстро проговорила Эрминія съ невольнымъ волненіемъ: — она пріѣдетъ сего дня? пріѣдетъ сюда?..

— Да, именно, какъ баронесса имѣла честь сказать вамъ, мы ожидаемъ сегодня мадмуазель Эрнестину де-Бомениль, мою возлюбленную племянницу, сказалъ баронъ: — эти комнаты достойны богатѣйшей наслѣдницы во всей Франціи, потому-что нѣтъ чего...

— Мадмуазель Эрнестинъ шестнадцать лѣтъ, сказала баронесса, перебивая мужа: — ея воспитаніе еще не совсѣмъ кончено; ей будутъ еще нужны многіе учителя... Если бы вы, мадмуазель, согласились принять на себя трудъ давать ей музыкальные уроки, мы сочли бы за счастье вѣрить вамъ это милое дитя.

Эрминія нѣсколько предчувствовала предложеніе баронессы. Само предвиженіе, казалось, сближало ее съ сестрою. При этой мысли, волненіе молодой дѣвушки было такъ велико, что она непремѣнно измѣнила бы себѣ, еслибы баронъ не ухватился за удобный случай сказать рѣчь.

Онъ не далъ Эрминіи отвѣтить на слова баронессы, всталъ въ позицію, засунулъ, по обыкновенію, между двухъ петлей застегнутаго фрака лѣвую руку, а правую, подобно маятнику, началъ медленно поводить изъ стороны въ сторону.

Таково было содержаніе новой рѣчи барона де-Ларошю.

— Мадмуазель, говорилъ баронъ: — если мы священней обязанностью считаемъ рачительно... строго... благоразумно... руководить выборомъ наставниковъ, которымъ вѣряемъ нашу возлюбленную племянницу... за то... съ другой стороны... считаемъ за осо-

бенное счастье,... за несказанное удовольствие,... за великій почетъ встрѣчать такихъ особы, которые, подобно вамъ, соединяютъ всѣ условія, необходимыя для исполненія тѣхъ обязанностей, которые онъ принимаютъ на себя въ пользу воспитанія.

Эта рѣчь, которую произнесъ баронъ непереводя духу, доставила Эрминію время оправиться.

— Меня очень трогаетъ, баронесса, довѣренность, которой вы меня удостоиваете, сказала молодая дѣвушка почти совершенно спокойнымъ голосомъ:— я надѣюсь доказать вамъ, что я достойна вашего выбора.

— Такъ-какъ вы принимаете наше предложеніе, то мы увѣдомимъ васъ, когда мадмуазель де-Бомениль будетъ въ состояній братъ уроки, потому что по пріѣздѣ ей нужно еще нѣсколько дней, чтобы оправиться отъ утомленія, отъ долгаго пути.

— Итакъ, я буду ждать вашего увѣдомленія, баронесса, отвѣчала Эрминія, выходя изъ залы.

Съ какой живой радостью Эрминія воротилась въ свое скромное жилище.

Она надѣялась увидать сестру свою,... видѣть ее часто; думала привязать Эрнестину къ себѣ, окруживъ ее всею нѣжностію души своей.

Конечно, Эрминія не должна была говорить сестрѣ о томъ, какъ таинственная связь была между ними, какъ этого она съ твердостью не сказала своей матери; но самое сближеніе съ сестрою уже приводило молодую артистку въ восторгъ и приносило ей вовсю неожиданное утѣшеніе.

Врожденная проницательность и почти совершенно-инстинктивная недовѣрчивость, которую Эрминія съ первого раза получила къ барону и баронессѣ, говорила ей, что ея сестра, уже столь юная любимая, могла бы быть довѣрена людямъ болѣе достойнымъ. Если это предвидѣніе не обманывало Эрминіи, то привязанность, которую она надѣялась внушить сестрѣ своей, могла имѣть вдвойнѣ спасительное вліяніе на Эрнестину.

Нужно ли говорить, что, несмотря на недостатокъ, на видимую нищету, въ которой находилась Эрминія, она ни разу не подумала сравнить почти баснословное богатство сестры съ своимъ бѣднымъ, печальнымъ существованіемъ...

По уходѣ Эрминіи, баронъ, баронесса и мадмуазель Елена де-Ларошю пошли на-верхъ совѣщаться по поводу близкаго пріѣзда Эрнестины де-Бомениль.

XIV.

Когда баронесса, баронъ и его сестра собирались въ достойной второго этажа, Елена де-Ларошгю, которая, по приходѣ Эрнестин, казалось, о чёмъ-то думала, вдругъ кротко и медленно сказала:

— Мне кажется, сестрица, что вы напрасно взяли эту девицу въ учительницы Эрнестинъ де-Бомениль.

— Почему такъ? спросила баронесса.

— Эта девушка, кажется, очень-горда, возразила Елена: съ време-
ни кротостью:—замѣтили ли вы, съ какимъ высокомъріемъ воз-
вратила она банковый билетъ, хотя ветхость ея платья доста-
точно доказывала, что эти деньги были бы ей очень-нужны.

— Это-то именно меня в тронуло, возразила баронесса:—что-то привлекательное, трогательное выражалось въ горделивомъ откагѣ этой бѣдной девочки... въ ея манерахъ было столько естественна-
го достоинства, что я противъ волн сдѣлала ей предложение, ко-
торое вы, любезная сестрица, охуждаете.

— Въ гордости нѣть ничего ни привлекательнаго, ни трогатель-
наго. Гордость—грѣхъ самый тяжкій изъ семи смертныхъ грѣховъ,
возразила Елена медоточивымъ голосомъ:—гордость—противорѣчіе
христіанскаго смиренія, безъ котораго н'есть спасенія. Я страшусь,
чтобъ влияніе этой молодой девушки не было пагубно для Эрне-
стинъ де-Бомениль.

Мадамъ де-Ларошгю, взглянувъ на мужа, непринѣмно улыбну-
лась, баронъ отвѣчалъ пожатіемъ плечъ, что ясно свидѣтельство-
вало, какъ оба супруга обращали мало вниманія на замѣненіе
Елены.

Уже издавна привыкнувъ считать ее за лицо совершиенно не-
чтоное, ни баронъ, ни баронесса не подозрѣвали, что эта ста-
рая святоша, вѣчно-смиренная, съ умомъ очень-ограниченнымъ,
говорившая не болѣе двадцати словъ въ день, могла имѣть въ го-
ловѣ какой-нибудь идею, неотносящуюся къ ея церковнымъ
обязанностямъ.

— Мы воспользуемся, сестрица, вашимъ замѣчаніемъ, сказала
баронесса:—вѣдь мы еще не сказали ничего рѣшательнаго этой дѣ-
ушкѣ. Но, впрочемъ, предметъ нашего разговора...

При этихъ словахъ, баронъ вскочилъ, перевернувъ стулъ, чтобы
удобнѣе опереться объ его спинку и встать въ привычную оратор-
скую позу. Уже, положивъ лѣвую руку между петель фрака, онъ
приготовился говорить, какъ внезапно былъ прерванъ баронессой.

— Оставьте, сударь, въ поковъ вашъ стулъ и садьте. Вы може-
те сказать ваше мнѣніе безъ ораторскихъ жестовъ... сохраните вѣ-
ше могущественное искусство для парламентской трибуны, кото-

рой вы непремѣнно достигнете. Говорите прежде какъ человѣкъ умный, у котораго есть тактъ... иначе, я буду перебивать васъ на каждомъ словѣ.

Баронъ уже зналъ, какую ненависть мадамъ де-Ларошю питала къ его рѣчамъ; поэтому онъ тихонько перевернулъ стулъ и усѣлся.

— Эрнестина пріѣдетъ вечеромъ, сказала баронесса:—надо усмѣваться...

— Да, это необходимо, воскликнулъ баронъ:—все зависитъ отъ вашего согласія... Надо, чтобы мы имѣли другъ къ другу довѣренность—самую слѣпую... самую полную... самую совершенную...

— Безъ этого, перебила баронесса:—мы потеряемъ всѣ выгоды, которыхъ можемъ ожидать отъ этойopeki.

— Да, наконецъ, вѣдь не изъ удовольствія же я сдѣлался опекуномъ, сказъ баронъ.

— Напротивъ, возразила мадамъ де-Ларошю:—надо поступать такъ, чтобы этаopeka доставляла намъ и выгоды и удовольствія.

— Это-то я и хотѣлъ сказать, отвѣчай почтительно супругъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... Во-первыхъ, надо положить, что во всѣмъ, касающемся до Эрнестины, мы будемъ всегда дѣйствовать общими силами, и никогда — отдельно другъ отъ друга.

— Принимаю, сказъ баронъ.

— Совершенно-справедливо, сказала Елена.

— Такъ-иакъ уже давно, сказала баронесса:—мы поссорились съ графиней де-Бомениль, характеръ которой для менѣя всегда былъ незыносамъ, то мы не знаемъ ничего, каковы чувства, привычки Эрнестины... Но, по-счастью, ей только шестнадцать лѣтъ и въ два дня мы проникнемъ ее насквозь...

— О, что касается до этого, надѣйтесь только на мою прозорливость, сказъ баронъ съ макіавелевской улыбкой.

— Безъ сомнѣнія, я буду надѣяться на вашу прозорливость, но также и на свою, если вы позволите, отвѣчала мадамъ де-Ларошю насмѣшиво:—во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ характеръ Эрнестины, намъ не нужно перемѣнить нашихъ распоряженій. Надо окружить ее вниманіемъ, предупредить ея маленькия прихоти, угадывать ея вкусы, хвалить ихъ, льстить, очаровать ее, словомъ, дойти до того, чтобы она меня любила, обожала... Вотъ ваша цѣль... Средства для достижениія мы найдемъ въ познанії вкуса и чувствованій Эрнестины.

— Я думаю, сказъ баронъ, торжественно вставая:—я думаю, во-первыхъ, что...

Строгій взглядъ жены посадилъ барона, и онъ скромно продолжалъ:

— Надо, чтобы Эрнестина думала, видѣла, дѣйствовала только нами... Это всего важнѣе...

— Цѣль... оправдываетъ средства, набожно замѣтила Елена.

— Теперь мы, кажется, хорошо условились, какъ вести дѣло,

сказала баронесса: — Эрнестина непременно будет довольна, что мы перешли во второй этажъ, оставивъ ей первый, мѣблеровка и убраненія котораго стоятъ болѣе пятидесяти тысячъ экю.

— И все это, разумѣется, останется въ нашу пользу, потому что домъ — нашъ, прибавилъ баронъ съ веселымъ видомъ. — Вѣдь надо же было прілично принять и помѣстить богатѣйшую наследницу во всей Франціи... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, рѣшено было въ семейномъ совѣтѣ.

— Подумаемъ теперь о самомъ важномъ, самомъ деликатномъ обстоятельствѣ, возразила мадамъ де-Ларошю: — подумаемъ о жениахъ, которые непременно со всѣхъ сторонъ появятся и будутъ искать руки Эрнестины...

— О, да, непременно, замѣтилъ баронъ, избѣгая взглядовъ жены своей.

Елена не произнесла ни одного слова, но, казалось, удвоила вниманіе.

Баронесса продолжала:

— Эрнестинѣ уже шестнадцать лѣтъ, она невѣста. Это обстоятельство доставляетъ намъ огромное вліяніе въ свѣтѣ, потому-что всѣ будутъ думать, и не ошибутся, что мы можемъ рѣшительно руководить выборомъ жениха нашей питомицы.

— Надѣюсь, что такъ! замѣтилъ баронъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы получили спеку надъ Эрнестиной, говорила мадамъ де-Ларошю: — это вліяніе уже сильно обнаружилось, потому-что многія лица, весьма значительныя по своему положенію въ свѣтѣ или по рождению, дѣлаютъ всевозможныя, самыя низкія продѣлки, чтобы задобрить меня... Очевидно, мы можемъ много выиграть съ помощью этой опаски.

— Я то же замѣтилъ, сказалъ баронъ: — многіѣ изъ тѣхъ, съ которыми я давно не видался и былъ даже нѣкоторымъ образомъ въ разладѣ, дѣлали тысячу глупостей, чтобы возобновить со мною прежнія сношенія... Вотъ, еще недавно, на вечерѣ у мадамъ де-Мирекуръ... отъ меня не отходили, не дали ни минуты покоя... я буквально былъ окруженнъ... стѣненъ... чуть не задушенъ...

— Даже этотъ злой горбунъ, замѣтила мадамъ де-Ларошю: — маркизъ де-Мальфоръ, котораго я всегда ненавидѣла, презирала, тоже повадился къ намъ...

— Я самъ не терплю этого горбuna, вскричалъ баронъ, перевивая жену: — нѣтъ ничего непріятнѣе, несноснѣе, отвратительнѣе этого адскаго урода.

— Я видѣла его два раза, сказала въ свою очередь Елена: — всѣ пороки написаны на его лицѣ... у него видъ сатаны...

— Такъ вотъ, этотъ сатана, продолжала баронесса: — недавно, какъ-будто съ облаковъ свалился, пришелъ ко мнѣ съ своей обычновенію самоувѣренностью, хотя пять или шесть лѣтъ уже, какъ нога его не была въ нашемъ домѣ... И онъ уже нѣсколько разъ изволилъ являться...

— Надѣюсь, что онъ вамъ льститъ, по-крайней-мѣрѣ, не для себя, возразилъ мосьѣ де-Ларошю:—иначе онъ очень ошибается...

— Очевидно такъ, сказала баронесса:—я убѣждена, что у него есть что-нибудь на умѣ; но будьте покойны, я все разгадаю... Ему не удастся...

— Проклятый горбунъ! я просто въ отчаяніи, что принужденъ видѣть его, возразилъ баронъ:—у меня къ нему страшная антипатія, отвращеніе, ненависть...

— Ахъ, Боже мой! перебила мадамъ де-Ларошю: — какая бы антипатія ни была, а надо принимать маркиза... Притомъ же, ужь если такой важный, знатный человѣкъ, какъ онъ, заискиваетъ нашего знакомства, такъ что же будутъ дѣлать другіе... Все это доказываетъ, что мы имѣемъ большое вліяніе... Остается только пользоваться имъ, и мы будемъ очень глупы, если не изберемъ Эрнестинъ жениха, выгоднаго для насть-самихъ.

— Вы чудесно понимаете дѣло, моя милая, сказалъ баронъ, удвоивъ вниманіе.

Елена тоже, видимо крайне-заинтересованная, подвинула свой стулъ къ креслу сестры.

— Теперь, продолжала баронесса:— надо рѣшить, ускорить или замедлить то время, когда Эрнестина должна сдѣлать выборъ жениха?

— Да, это очень-важный вопросъ! сказалъ баронъ.

— По моему мнѣнію, говорила мадамъ де-Ларошю:—следовало бы отсрочить мѣсяцъ на шесть всякое рѣшеніе этого дѣла.

— Я то же думаю, вскричалъ баронъ, видимо доволынъ мнѣніемъ жены.

— И я совершенно согласна съ вами, сестрица, замѣтила Елена, которая, во все время разговора, слушала съ глубокимъ вниманіемъ, потупивъ глаза и какъ-будто о чѣмъ-то размышляя.

— Безподобно! сказала баронесса, радуясь общему согласію: — вотъ именно только такимъ-образомъ, обдумавъ и согласившись напередъ всѣ трое вмѣстѣ, мы можемъ достичнуть нашей цѣли... Нѣдѣлья клятвою, прибавила она торжественно: — мы должны дѣйствовать съ-обща и це принимать никого изъ претендентовъ на руку Эрнестины, не предувѣдомивъ другъ друга, не посовѣтовавшись...

— О, да! дѣйствовать тайно было бы недостойно, постыдно, подло! вскричалъ мосьѣ де-Ларошю, казалось, возмутившійся при одной мысли о подобной измынѣ.

— Господи, Боже мой! кротко замѣтила Елена, сложивъ руки: — кто осмѣлится подумать о такомъ прегрѣщеніи!..

— Это было бы очень-подло, сказала въ свою очередь баронесса:—да, кроме того, и очень-глупо, потому-что сколько мы будемъ сильны вмѣстѣ, столько слабы отдельно...

— Да, союзъ образуетъ силу! рѣшительно возгласилъ мосьѣ де-Ларошю.

— Итакъ, стало-быть, мы откладываемъ на шесть мѣсяцевъ выборъ жениха Эрнестинъ, чтобы имѣть время употребить съ пользою наше теперешнее вліяніе...

— Рѣшивъ этотъ вопросъ, снова начала баронесса: — остается еще уговориться: нужно ли оставлять при Эрнестинѣ ея теперешнюю гувернантку?.. Эта мадамъ Ленэ, сколько я могла узнать, кажется, не принадлежитъ къ обыкновенному разряду горничныхъ. Она уже больше двухъ лѣтъ находится при Эрнестинѣ, стало-быть, имѣеть на нее иѣкоторое вліяніе.

— Сдѣляемъ вотъ что! вскричалъ баронъ, съ глубокомысленнымъ видомъ: — гувернантка надо отказать, или, по-крайней-мѣрѣ, уронить ее въ мнѣніи Эрнестинѣ... Это было бы очень-умно...

— Напротивъ, это было бы очень-глупо, возразила баронесса.

— Но, моя милая...

— Но, сударь, просто надо обратить это вліяніе гувернантки на Эрнестину въ нашу пользу... Надо сдѣлать такъ, чтобы мадамъ Ленэ была откровенна съ нами, дѣйствовала по нашему желанію. Тогда ея вліяніе можетъ служить для насъ могущественнымъ средствомъ ко многому...

— Совершенно справедливо, замѣтила Елена.

— Стало-быть, разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, сказала баронъ глубокомысленно: — гувернантка можетъ сдѣлаться... очень-полезной... очень-выгодной... очень-услужливой... Однако же, еслиъ она вздумала не привѣтствовать нашей стороны, или еслиъ наши попытки... наши желанія... наши старанія... привлечь эту женщину, возбудили подозрѣніе Эрнестинѣ...

— О, за это надо взяться искусно, и я на себя беру этого труда, возразила баронесса: — если мы увидимъ, что нельзя привлечь мадамъ Ленэ на нашу сторону, мы последуемъ мнѣнію мосьѣ де-Ларошю, то есть, откажемъ ей...

Вдругъ этотъ разговоръ былъ прерванъ однимъ изъ лакеевъ, который, быстро войдя, сказалъ: — пріѣхалъ курьеръ, который говоритъ, что черезъ полчаса мадмуазель де-Бомениль будетъ въ Парижѣ.

— Надо скорѣе переодѣться, вскричала баронесса, когда слуга вышелъ.

Потомъ, какъ-будто одумавшись, она прибавила:

— Знаете, что пришло мнѣ въ голову? какъ родственники покойной графини, мы шесть недѣль носили трауръ; недурно было бы еще поносить? а? Всѣ люди Эрнестинѣ въ черномъ; я вѣдь даже обшить чернымъ флѣромъ и ея экипажи. Какъ вы думаете? не было бы непріятно этой малюткѣ видѣть меня въ цвѣтномъ платьѣ?

— Очень можетъ быть, моя милая, сказала баронъ: — ужъ лучше носи трауръ, хоть вѣдѣли двѣ, небольшѣ...

— Это довольно непріятно, возразила баронесса: — чертѣбѣ ужасъ какъ нейтѣть ко мнѣ. Но что дѣлать. Надо сдѣлать это пожертво-

ваніе... Чѣдъ жъ касается до нашихъ условій, то смотрите... не дѣлать ничего безъ общаго согласія, тайно... Это подъ клятвой...

— О, да! воскликнула баронъ.

— Конечно, тихо сказала старая дѣва.

Всѣ трое разошлись по своимъ комнатамъ.

Баронесса заперлась у себя, и наскоро написала слѣдующую записку:

«Ма сїёгте Julie, малютка прїдетъ сегодня вечеромъ. Я буду у васъ завтра часовъ въ десять утра. Намъ нельзя терять времени.
«Предупредите, кого слѣдуєтъ.

«Молчаніе и осторожность.

«Л. де-Л.»

На запискѣ былъ слѣдующій адрессъ:

«Виконтессъ де-Мирекуръ».

— Сейчасъ, какъ-только мы сядемъ за столъ, сказала мадамъ де-Ларошю, обращаясь къ своей горничной и отдавая ей записку:— Отнесите это къ мадамъ де-Мирекуръ... Да возьмите картонку, какъ-будто идете за чѣмъ-нибудь въ магазинъ.

Почти въ то же время и баронъ заперъ на ключъ дверь своего кабинета и написалъ письмо такого содержанія:

«Мосьѣ де-Ларошю просить барона де-Равиля подождать его у себя завтра отъ первого до втораго часа. Это свиданіе очень-важно.

«Мосьѣ де-Ларошю увѣренъ въ обязательности барона де-Равиля и имѣеть честь пребыть и проч.»

На адресѣ было написано:

«Господину барону де-Равилю, въ улицѣ Годо-де-Моруа, № 7.»

— Пошли кого-нибудь отнести на почту эту записку, сказала баронъ своему каммердинеру.

Наконецъ, и мадмуазель Елена, въ свою очередь, окруживъ себѣ тѣми же предосторожностями, какъ мосьѣ и мадамъ де-Ларошю, написала тайно слѣдующее письмо:

«Любезный аббатъ, постараитесь прїйти завтра въ десять часовъ утра. Это именно день нашего совѣта.

«Да будегъ Господь съ вами... Часъ насталъ... Молитесь обо мнѣ, какъ я молюсь о васъ.

«Е. де-Л.»

На адресѣ Елены написала:

«Господину аббату Леду, въ улицѣ де-Лапланшъ».

XV.

На другой день послѣ событій, бывшаго въ семействѣ де-Ларошю, три важныя сцены произошли у слѣдующихъ особъ.

Первѣя имѣла мѣсто у аббата Леду, котораго мы уже видѣли въ дому графини де-Бомениль.

Аббатъ былъ маленький человѣчекъ, съ полными, румяными щеками, съ вкрадчивой улыбкой, съ хитрымъ, проницательнымъ взглядомъ, и съ сѣроватыми, нѣсколько напудренными волосами.

Съ беспокойствомъ ходилъ онъ по своей спальней и отъ-времени-до-времени посматривалъ на часы. Казалось, аббатъ съ нетерпѣніемъ кого-то дожидался.

Вдругъ раздался звонокъ, отворилась дверь и явился старый нашѣ знакомецъ, мосьѣ Селестинъ де-Макрѣзъ.

Благочестивый основатель *общества св. Поликарпа*, былъ высокий молодой человѣкъ, съ светлорусыми волосами, съ одутловатымъ, румянымъ, но довольно-правильнымъ лицомъ. Онъ могъ бы даже показаться очень-красивымъ, еслибы въ его чертахъ не выражалось слишкомъ-примѣтно какое-то приторное довольство самимъ-собой и худо-скрываемое вѣроломство.

Де-Макрѣзъ по-христіански пепаловалъ аббата въ обѣ щеки; аббатъ сдѣлалъ то же.

— Вы не можете себѣ представить, любезный Селестинъ, сказавъ аббатъ: — съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ васъ...

— Сегодня было засужденіе; отвѣчалъ Макрѣзъ: — и засужденіе очень-шумное! трудно понять ослѣщеніе и возмутительный духъ этихъ бѣдняковъ. Ахъ, сколько надо труда, чтобы втолковать этимъ скотамъ всю неоцѣнимость, всю святость искупленія ихъ отъ страшной нищеты, въ которой они погрязли. Но вообразите... вместо того, чтобы довольствоваться этимъ шагомъ къ спасенію... они обращаютъ жадные взоры на то, что происходитъ на землѣ, сравниваютъ свое положеніе съ положеніемъ другихъ, напоминаютъ о своихъ правахъ на трудъ... на довольство... на счастіе. Они имѣютъ права на счастіе? какая ересъ!.. это доводитъ меня до отчаянія!

Аббатъ слушалъ Селестина и съ улыбкой смотрѣлъ на него, думая о сюрпризѣ, который ему готовилъ.

— А знаете ли вы, любезный Селестинъ, сказалъ аббатъ: — что въ это время происходило здѣсь? Я говорилъ о васъ съ мадмуазель Еленой дѣ-Ларошгю... Предметомъ нашего разговора были... были пріѣздъ Эрнестины де-Бомениль.

— Не-уже-ли? вскричалъ де-Макрѣзъ, покраснѣвъ отъ удовольствія: — Эрнестина де-Бомениль пріѣхала.

— Да, вчера вечеромъ.

— И мадмуазель де-Ларошгю...

— Очень расположена къ вамъ, готова сдѣлать все, чтобы только это огромное наслѣдство не попало въ худыя руки. Сегодня утромъ, я ее видѣлъ; мы не мало совѣтовались... и это уже будетъ не наша вина, если вы не женитесь на Эрнестинѣ де-Бомениль.

— О, еслибы этотъ прекрасный сонъ осуществился! вскричалъ Макрѣзъ дрожащимъ голосомъ и пожимая руки аббата: — тогда

бы я былъ обязанъ вамъ этимъ несметнымъ, неисчислимымъ богатствомъ.

— Такъ всегда будуть вознаграждаемы благочестивые юноши, которые въ этотъ нечестивый вѣкъ подаютъ собою примѣръ христианскихъ добродѣтелей, сказалъ аббатъ съ веселымъ видомъ.

— О, Боже мой! такое богатство—хоть кого ослѣпить!

— Бѣдняжка! съ какимъ простодушiemъ выражаетъ онъ свою любовь къ деньгамъ! сказалъ аббатъ улыбнувшись и милостиво потрепавъ юную щеку де-Макрѣза:—теперь, надо серъезно подумать обо всемъ... къ-несчастію, я никакъ не могъ уговорить упрямую графиню де-Бомениль въ завѣщаніи назначить васъ въ супруга Эрнестинѣ. Будь это завѣщаніе... дѣло было бы конечно... Повинуясь послѣдней волѣ умирающей матери, малютка согласилась бы на все,—притомъ же, я и мадмуазель де-Ларошю уговорили бы ее... но теперь, нѣчего объ этомъ и думать.

— Почему же нѣчего? спросилъ нерѣшительно Макрѣзъ, уставивъ на аббата свои проницательные глаза.

Аббатъ, въ свою очередь, внимательно посмотрѣлъ на Селестину. Селестинѣ потупила голову и, улыбаясь, продолжалъ:

— Я сказалъ это, предполагая...

— Завѣщаніе?.. сказалъ аббатъ и не могъ вынести дерзаго взгляда де-Макрѣза.

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Итакъ, намъ надо начать новую кампанію, сказалъ аббатъ:—обетолятства вамъ благопріятствуютъ, потому-что ни баронъ, ни баронесса не имѣютъ еще въ виду никого... такъ, по-крайней-мѣрѣ, сказала ми мадмуазель де-Ларошю, душою памъ преданная. Баронъ и его жена жадные эгоисты... стало-быть, если они замѣтятъ, что мы имеемъ успѣхъ въ нашемъ предпріятіи, они пріймутъ нашу сторону, разумѣется, для собственной выгоды... & въ этой выгодѣ очень-легко ихъ увѣрить; но прежде намъ необходимо сильно укрѣпиться...

— Когда же и какъ я буду представлена мадмуазель де-Бомениль? спросилъ Макрѣзъ.

— Мы уже думали объ этомъ важномъ вопросѣ; очевидно, формальное представленіе невозможно. Это значило бы испортить все дѣло. Баронъ и баронесса попали бы тотчасъ наши виды... Надо действовать стайкой; надо возбудить любопытство въ мадмуазель де-Бомениль, а для этого необходимо изучить ея характеръ...

Де-Макрѣзъ съ вопросительнымъ видомъ посмотрѣлъ на аббата.

— Оставьте все на наше попеченіе, датя мое, продолжалъ аббатъ тономъ превосходства:— мы знаемъ людей, какъ свои пять пальцевъ. Я уже собралъ кое-какія свѣдѣнія о нашей невѣстѣ. Въ особенности, мы много помогли замѣчанію Елены де-Ларошю. Эта девушка во многихъ случаяхъ очень-проницательна и удивительно вѣрно и быстро понимаетъ вещи. По ея мнѣнию, мадмуазель Эрнестина должна быть очень религіозная, очень

милосердая девушка. Притомъ же, весьма-пріятно знать, что она преимущественно приходитъ молиться въ придель Бого诞ицъ.

— Позвольте перебить васъ, сказаъ съ живостью Макрэзъ.

— Что, дитя мое?

— Вотъ видите ли: баронъ и баронесса не очень-то различно исполняютъ свою религіозныя обязанности, но за то мадмуазель Елена никогда не пропускаетъ священной службы...

— Именно такъ.

— Въ такомъ случаѣ, она можетъ очень-легко приводить Эрнестину въ церковь св. Фомы-Аквитанскаго, въ свой приходъ?..

— Конечно...

— Теперь только остается сдѣлать такъ, чтобы съ замѣтнаго же дна она приводила съ собой свою питомицу въ церковь... къ дѣйти часамъ...

— Очень-легко...

— Пусть она становится... хоть нальво отъ алтаря...

— Налъво отъ алтаря? Зачѣмъ же?

— А за тѣмъ, что я тоже буду стоять здѣсь въ молитвѣ рядомъ съ Эрнестиной де-Бомениль.

— Безподобно! вскричалъ аббатъ: — даю пойдти само-себѣ... мадмуазель Елена постараєтся обратить на васъ вниманіе своей питомицы... Вотъ чудесно придумано...

— Не приписывайте мнѣ чести этого изобрѣтенія, возврашай Селестинъ съ иронической скромностью: — воздадимъ кесарю кесарево...

— Какому же кесарю надо приписать счастливую идею этого первого свиданія, такъ искусно обдуманнаго... такъ ложне подготвленнаго?..

— Тому, который написалъ вотъ эти стихи...

И де-Макрэзъ насыщеннымъ голосомъ прочелъ слѣдующую траду:

О, еслибы знали вы, какъ я его упала,
И въ вашей бы душѣ любовь къ нему запала:
Онъ первоъ каждый день смиренно посѣщалъ,
И близъ меня всегда колѣни преклонялъ,
И, къ небесамъ возвѣзвъ въ святѣнь восторгѣ руки,
Казалось, забывалъ души болѣющей мѣни...
И въ храмѣ взоры всѣхъ тогда онъ привлекалъ...
Такъ жарко къ небесамъ вѣсты онъ возсылалъ, и пр.

— Не прѣда ли, здѣсь все предвидѣно, сказаъ де-Макрэзъ.
— Пусть послѣ того говорять, что творенія такого рода не включаютъ въ себѣ морали и видимой пользы!..

— О, да! отвѣчалъ аббатъ, умирая со смеху: — да поможетъ намъ небо восторжествовать надо всѣмъ. Ободритесь, любезный Селестинъ; мы въ хорошемъ положеніи... Вы искусны, вѣрдѣши, упорны, болѣе чѣмъ всѣкій другой способны обелестить эту миленькую спротку, лишь бы только она увидѣла васъ, услышала

иши разговоръ... По этому слушаю, будьте внимательнѣе къ вашему туалету; одѣвайтесь проще, но изящно, даже немножко изъсканности не помѣшаетъ... Взглядните-ка на меня... Да!.. вмѣсто гладкой прически, сльдовала бы волосы слегка завить... Дѣвушки прельщаютъ не одиними словами.

— Ф, будьте покойны, аббатъ! я хорошо понимаю всѣ мелочи искусства нравиться. Часто съ малыми средствами доблаютъ большие успѣхи... О, еслибы я могъ успѣть!..

— И вы должны успѣть, возразилъ аббатъ: — мы употребимъ всѣ средства, какими можемъ располагать, а у насъ ихъ множество, и притомъ же различныхъ родовъ.

— Ахъ, аббатъ, сказалъ Селестинъ сладкимъ голосомъ: — какъ много я буду вамъ обязана!..

— Не преувеличивайте того, чѣмъ вы намъ обязаны, возразилъ аббатъ, улыбаясь: — вашъ успѣхъ не для однихъ васъ интересенъ!..

— Какъ таcъ?..

— Ну, да, конечно... вашъ успѣхъ имѣлъ бы страшное влияніе на всѣхъ этихъ вольнодумцевъ, этихъ равнодушныхъ, холодныхъ скептиковъ, которые не поддерживаютъ насъ; вашъ успѣхъ послужилъ бы имъ золотымъ доказательствомъ того, что можно пріобрѣсти отъ жизни помощью. Это уже несколько доказано вашимъ значительнымъ положеніемъ въ обществѣ, положеніемъ... котораго, какъ мнѣ кажется, трудно было бы достичь въ ваши лѣта... и... съ вашимъ происхожденіемъ, довольно неизвѣстнымъ, вполнѣ прибавилъ аббатъ, видимо покраснѣвъ.

Селестинъ, казалось, тоже былъ очень смущенъ — не менѣе самого аббата.

— Да, любезный де-Макрэзъ, продолжалъ тотъ: — теките съ миромъ... и между-тѣмъ, какъ безстыдные дворянчики опустошаютъ свои юношески, тратятъ свое здоровье въ гнустыхъ оргіяхъ, въ глупыхъ, безсмысlenныхъ удовольствіяхъ, вы, дитя мое, прішедши неизвѣстно откуда... воспитанные, покровительствуемые, введенныe въ свѣтъ неизвѣстно комъ, вы, говорю я, въ тишинѣ, въ тѣни, совершайте путь свой... и скоро... скоро свѣтъ удивится, осльпнетъ отъ блеска вашихъ неожиданныхъ, несметныхъ сокровищъ.

— О, будьте уверены, аббатъ, что моя признательность...

— Перестаньте говорить намъ о вашей признательности, перебаѣлъ аббатъ, и на лице его мельнула странная, непонятная улыбка: — съ какихъ трудно быть неблагодарными... Будьте уверены, что мы не дитя... что мы стараемся всегда обеспечить себя, беремъ предосторожности.

Макрэзъ сдѣлалъ странное движеніе.

— Вы хотите знать, какія предосторожности, замѣтилъ аббатъ, по-видимому, отвѣчая на мысль Селестина: — мы беремъ въ залогъ сердца и уѣзъ у тѣхъ, кому служимъ со всейю преданностью...

И онъ, склонивъ съ отеческой лаской ушипуниль за ухо благочестиваго юношу.

T. LVI: — Отд. I.

— Теперь надо подумать еще объ одномъ, не менѣе важномъ дѣлѣ, продолжалъ аббатъ. — Конечно, мадмуазель Еленѣ будетъ очень-краснорѣчиво говорить о васъ Эрнестинѣ де-Боменіць. Надо только поступать такъ, чтобы мадютка вѣсъ замѣтила, а тамъ ужъ не заботьтесь ни о чѣмъ. Мадмуазель де-Ларошфю будетъ безпрерывно хвалить ей ваши добродѣтели, ваше благочестіе, ангельскую кротость вашаго лица, вашу скромность. Она употребитъ всѣ возможныя усилія, чтобы въ высшей степени возбудить любовь въ этой девочкѣ... но, знаете... было бы еще лучше, еще рѣшительнѣе, еслибы ей хвалы нашли отголосокъ въ людяхъ, имѣющихъ искромѣйший вѣсъ въ обществѣ. Эти люди могутъ иметь вліяніе на Эрнестину, которая стала бы гордиться всеобщими хвалами вашимъ достоинствамъ.

— Суперѣдно справедливо, вскричалъ Селестинъ: — бѣзподобно придумано...

— Ну, такъ вотъ, припомните-ка, любезный другъ, которая изъ вавиныхъ почитательницъ, благоговѣющихъ передъ вами, могла бы съ усѣдомъ исполнить это деликатное порученіе? На-примѣръ, мадамъ де-Франсуа?

— Нѣтъ, она слишкомъ-глуна.

— Ну, такъ мадамъ де-Бонрец?

— Она слишкомъ-неросторожна и любить много болтать...

— Стадо-быть, мадамъ Лefебуръ...

— Куда ей съ ея мѣтцанскими манерами?

Де-Макрэ задумался.

— Есть только одна женщина, сказалъ онъ послѣ некотораго молчанія: — на расположение которой я могу разсчитывать: это герцогиня де-Сантэрръ...

— Что жъ? прекраснѣо: герцогиня имѣть большой вѣсъ въ высшемъ кругу, и чѣмъ кажется, что вы не ошибаетесь въ ея расположении къ вамъ... Я не разъ слышалъ, какъ она принципиала вашу стерому, еѣ жаромъ защищала вѣсъ... даже сожалѣла, что си съѣхъ, Жеральдъ, нечестивый развратникъ, не походить на вѣсъ...

Физиономія де-Макрэ измѣнилась, когда аббатъ произнесъ имъ Жеральда.

— Этотъ человѣкъ оскорбилъ меня... при всѣхъ... и въ отчину ему, сказали онъ съ искренностью.

— Ахъ! возразилъ улыбаясь аббатъ: — моя хладнокровно, говорить лагунская словница... и говорить справедливо... Дожидайтесь, что будетъ дальше... вѣдь вы уже пріобрѣли большое вліяніе на мать Жеральда?..

— О, да! отвѣчалъ де-Макрэ: — чѣмъ больше думаю, тѣмъ больша убѣжденіе, что для успѣха въ нашемъ предпріятіи я долженъ, по мнѣнію причинамъ, имѣніе адресоваться къ герцогинѣ де-Сантэрръ. Уже иѣсколько разъ я имѣлъ случай судить о прочности еї расположения ко мнѣ. Довѣрѣнность мои уъ такомъ важномъ дѣлѣ должна непремѣнно ее тронуть... Я не сомнѣвался

въ этомъ. Правда, что она еще незнакома съ мадмуазель де-Бомениль, но это ей очень-легко сдѣлать...

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ аббатъ: — надо скорѣе увидѣть герцогиню...

— Тѣперь еще только половина первого, возразилъ де-Макрэзъ, взглянувъ на часы: — мадамъ де-Сантэрръ принимаетъ близкихъ знакомыхъ отъ часа до двухъ... бѣгу къ ней сю же минуту...

— Дорогой, дитя мое, подумайте хорошошенько: будетъ ли ловко и удобно поступить такъ... Я, съ своей стороны, предвижу для насъ только однѣ выгоды...

— Я то же думаю. Итакъ, любезный аббатъ, завтра, въ девять часовъ, нальво отъ алтари, въ церкви св. Фомы-Аквитанскаго...

— Какъ сказано, возразилъ аббатъ: — я предупрежу обо всемъ мадмуазель Елену. Завтра, въ девять часовъ, она непремѣнно явится въ церковь съ Эрнестиной де-Бомениль... Спѣшите же тѣперь къ герцогинѣ.

Де-Макрэзъ и аббатъ поцаловались и благочестивый юноша отправился въ отель де-Сантэрръ.

XXI.

Утромъ того же дня, въ который происходилъ предшествовавшій разговоръ, герцогиня, получивъ очень-важное письмо, противъ обыкновенія вышла въ десять часовъ изъ дома. По возвращеніи, она послала за Жеральдомъ. Каммердинеръ молодаго герцога доложилъ, что герцогъ не ночевалъ дома.

Въ двѣнадцать часовъ, нетерпѣливая мадамъ де-Сантэрръ послала въ другой разъ. Жеральдъ все еще не возвращался. Наконецъ, черезъ полчаса, онъ явился къ матері, хотѣлъ-было ласково поцаловать ее, но герцогиня тихонько оттолкнула его и съ упрекомъ сказала:

— Вотъ уже три раза я посыпала за тобой...

— Я только-что воротился. Чѣмъ вамъ угодно, маменька?..

— Только-что воротился... такъ поздно... Боже мой, какъ дурно ты ведешь себя, Жеральдъ...

— Я дурно веду себя?..

— Послушай, мой другъ, есть вещи, которыхъ я не хочу и не должна знать; но не думай, чтобъ я, потакая тебѣ, удерживалась отъ какихъ-либо замѣчаній.

— Перестаньте, маменька, возразилъ Жеральдъ почтительнымъ и вѣсты двердымъ голосомъ: — я всегда былъ послушнымъ, любящимъ сыномъ. Мнѣ не нужно говорить, что имя мое будетъ во здѣ и всегда уважаемо... Но чѣмъ дѣлать, маменька? Мнѣ двадцатьчетыре года... Я живу и веселюсь, какъ молодой человѣкъ этикъ дѣлать...

— Уже давно меня огорчаетъ такая жизнь твоя... Ты живешь въ самомъ высшемъ кругу почетное место... а постыдна дурны общества...

— Женскія... правда..; но для меня ~~такъ называемое~~ цурное общество женщины есть именно самое лучшее. Ну, конечно, маменька, не сердитесь... Я откровененъ... сознаюсь въ женевъской слабости къ гризеткамъ... Но за то мои друзьяи можете гордиться всякой порядочнѣйшей человѣкъ... Еслибы вы знали, маменька, моего лучшаго друга, моего старого подковаго товарища, вы, право,чили бы обо мнѣ лучше мнѣніе.

— Ахъ, Жеральдъ, только ты одинъ умѣешь выбирать друзей между солдатами, сказала герцогиня, пожимая плечами.

— Надѣюсь, чортъ возьми: во вслкому удастся найти себѣ друга на полѣ битвы!

— Я ничего не говорю тебѣ противъ твоихъ товарищѣй и друзей, но мнѣ очень непріятны твои связи съ этими недостойными существами...

— Съ ними тѣкъ веселъ!..

— Перестань!..

— Простите меня, малая маменька, сказалъ Жеральдъ, поправивъ герцогиню: — я не хотѣть сказать ничего непріятнаго для васъ... но что прикажете дѣлать... вѣдь мнѣ не даромъ двадцать четыре года... я не люблю весталокъ... Да и непріятно было бы видѣть, еслибы я поселилъ раздоръ между какими-набудь честными супругами, прибавилъ молодой герцогъ траги-комическій голосомъ: — сказать правду, ужъ я испыталъ и даже успѣлъ... во что... лоретки по мнѣ гораздо-лучше!.. Съ ними не возмутишь семейнаго спокойствія, да онѣ какъ-то и веселье и занимательнѣ...

— Перестань, мнѣ нѣтъ дѣла до выбора твоихъ любовницъ, но я должна сказать, что твое поведеніе непростиительно, что ты отъ него много теряешь.

— Чѣмъ жь я теряю?..

— Ты, можетъ-быть, не знаешь, что дѣло идетъ о твоей же итьбѣ...

— Какъ о женитьбѣ, да я еще не женюсь...

— Слырай милость, только выслушай менѣ...

— Я слушаю...

— Ты знаешь мадамъ де-Мирекур?

— Знаю... но она, по счастію, замужемъ... Страшная интриганка.

— Очень можетъ быть, что она дружна съ баронессой де-Ларошю, тоже одной изъ моихъ младыхъ знакомыхъ...

— Давно ли? мнѣ помнится, вы часто говорили, что баронесса просто олицетвореніе низости...

— Не въ этомъ дѣло, перебила герцогиня: — надо знать, что

иностранца баронессы, мадмуазель Эрнестина де-Бомениль, богатейшая наследница во всей Франции.

— Да она въ Италии...

— Нѣтъ, въ Париже...

— Уже веротиась?..

— Вчера вечеромъ... сегодня въ десять часовъ, я была уже у мадамъ Мирекур; тамъ я имѣла послѣднее совѣщеніе съ баронессой де-Ларошфюромъ. Уже сколько мѣсяца я занималась этимъ дѣломъ, но не хотела ничего говорить тебѣ, знала твою вѣтривность. Благодаря Бога, до сихъ-поръ, все шло такъ хорошо, что мы видѣмъ полную надежду...

— Надежду-то на что?

— На усѣхъ троихъ женитбы на мадмуазель де-Бомениль.

— Какъ? мнѣ жениться! вскричала Жеральдъ, покочивъ со стула,

— Да, да! и жениться на богатѣйшей наследнице во всей Франціи, возразила герцогиня:—всѣ шансы были бы на твоей сторонѣ, еслибы только ты не такъ дурно вѣль себѧ... Претенденты являются со всѣхъ сторонъ... соперничество самое ожесточенное! Тебѣ очень могутъ повредить... Ахъ, еслибъ съ твоимъ мнѣніемъ, съ твоимъ умомъ, наконецъ, съ твоимъ дѣяніемъ видомъ ты могъ бы еще быть примѣромъ прекрасного поведенца, какъ, напримѣръ, безподобный мосьѣ де-Макрэзъ.

— Послушайте, маменька... да вы серьезно собрались женить менѣ? спросилъ Жеральдъ съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Я думаю, что серьезно.

— Я знаю, что вы, милая маменька, дѣлаете это съ самыми добрыми намѣреніемъ; но я... вовсе не хочу жениться...

Герцогиня опрокинулась на спинку кресла, подняла руки къ себѣ и въ отчаяніи вскричала:

— Боже мой, Боже мой! Этого еще не доставало... отказывается отъ руки богатѣйшей наследницы во всей Франціи!

— Выслушайте меня, милая маменька, сказалъ Жеральдъ съ нежностью:— я человѣкъ честный, и признаюсь, что до безумія люблю удовольствія... Я люблю ихъ такъ, что, право, былъ бы отвратительнымъ мужемъ даже богатѣйшей наследницы во всей Франціи.

— Несметное богатство! болѣе трехъ мильоновъ годового дохода! повторяла герцогиня, пораженная отказомъ сына: — болѣе трехъ мильоновъ дохода!..

— Я предполагаю свободу и удовольствія! сказалъ Жеральдъ.

— Это глупо, вскричала герцогиня, выходя изъ себя:—ты безумецъ!..

— Что прикажете дѣлать? отвѣчалъ улыбаясь Жеральдъ. — Я отъ души люблю веселые вечера, развлѣкъ, смыкающихся женщинъ и независимость жизни холостяка. О, благодаря Бога, мнѣ остается еще шесть цвѣтушихъ лѣтъ, лѣтъ счастія и влажденій... и я не отдать ихъ ни за какие мильоны на свѣтѣ... Да и потому, при-

бавилъ молодой человѣкъ съ благороднымъ негодованіемъ:—у менѣ нетъ столько низости, чтобы сдѣлать несчастной и смѣшию бѣдову дѣвушку, на которой я женюсь за ея... деньги. Впрочемъ, маменька, вы уже знаете, что я не хотѣлъ купить рекрутѣ, который бы подвергалъ свою жизнь за меня... стало-быть, можете понять, что и нѣ продамъ себя за женины миллионы...

— Но послушай, Жеральдъ...

— Нѣтъ, милая маменька... это такъ... Вашъ безподобный мосье де-Макрѣзъ, человѣкъ, конечно, очень-благочестивый, можетъ-быть, и не бывалъ бы такъ щекотливъ, какъ я; но вѣдь за то я нечестивъ грѣшникъ... Да, милая, добрая маменька, я таковъ, такимъ останусь навсегда... и еще пѣжище, чѣмъ когда-нибудь буду любить васъ, сказалъ молодой герцогъ, почтительно падая руку матери.

Бываютъ странные случаи...

Едва Жеральдъ успѣлъ произнести имя фаворита своей матери, вошелъ слуга и доложилъ, что мосье де-Макрѣзъ желаетъ говорить съ герцогиней по одному очень-важному дѣлу.

— Ты, стало-быть, сказалъ, что я лома? спросила герцогиня.

— Ваша свѣтлость не изволили приказывать...

— Ну, хорошо... попроси мосье де-Макрѣза подождать нѣсколько минутъ...

Слуга вышелъ.

— Твой неонятный отказъ очень огорчилъ меня, съ прискорбіемъ сказала мадамъ де-Сантэръ сыну:—сдѣлай милость, другъ мой, подожди меня здѣсь... я ворочусь сю минути... Ахъ, мой другъ, ты не можешь себѣ представить, какъ сильно ты огорчилъ мене...

— Перестаньте, милая маменька, не говорите этого, возразилъ Жеральдъ, тронутый грустью матери: — вѣдь вы знаете, какъ я люблю васъ...

— Это — слова, Жеральдъ; мнѣ нужны доказательства...

— Такъ откажите этому животному де-Макрѣзу и поговоримъ дружески. Я докажу вамъ, что мое поведеніе — благородно, честно... Но вы уходите...

— Мосье де-Макрѣзъ ожидаетъ...

— А, чортъ возьми, я велю сказать ему, чтобы онъ убирался...

И молодой герцогъ всталъ, чтобы отдать это приказаніе. Мадамъ де-Сантэръ остановила сына.

— Минѣ непріятно видѣть, Жеральдъ, съ какимъ отвращеніемъ, нѣ хочу сказать съ какой видимой завистью ты говоришь объ этомъ молодомъ человѣкѣ, котораго примѣрное поведеніе, скромность и благочестіе должны служить примѣромъ для всѣхъ. Дай Богъ, чтобъ ты былъ подобенъ ему! Ты нѣ предпохѣль бы тогда свойхъ преступныхъ утѣхъ бѣгатому браку, который можетъ составить и твоѣ и мое счастіе.

Сказавъ это, мадамъ де-Сантэръ вышла, взявъ съ сына слово дождаться ея возвращенія.

Герцогиня возвратилась чрезвычайно изволнованная; лицо ей покраснѣло отъ негодования.

— Какая дерзость! вскричала она, входя въ комнату.

— Чѣмъ такое, маменька? спросилъ молодой герцогъ.

— То, что мосьѣ де-Макрѣзъ негодай...

Жоральдъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Вотъ странное, неожиданное превращеніе! сказала онъ.—Не осмѣлился ли онъ,—маменька, чѣмъ-нибудь оскорбить васъ?..

— Да развѣ эти люди осмѣливаются когда-нибудь забывать привилія? отвѣчала мадамъ де-Сантэръ съ презрѣніемъ.

— Такъ за что же вы сердитесь? Съ минуту назадъ, вы почти божились своимъ де-Макрѣзомъ...

— Прошу не называть его моимъ де-Макрѣзомъ, вскричала герцогиня съ гневомъ.—А угадаешь ли ты цѣль его посыщенія?.. Онъ просилъ меня разскѣвать про него все хорошее... .

— Кому разскѣзать? съ какой цѣлью?

— Съ какой цѣлью? Онъ имѣть претензію свататься на мадмуазель де-Бомениль.

— Онъ?

— Не правда ли, какая дерзость?

— Де-Макрѣзъ хочетъ свататься на мадмуазель де-Бомениль? де-Макрѣзъ!!!

— Ничтожный глупецъ! желала бы я знать, кто ввелъ такого негодяя въ нашъ кругъ?

— Но зачѣмъ же онъ сообщилъ вамъ свой планъ?..

— Ахъ, Боже мой! ну, да потому, что я отличала его, привыкла съ уваженіемъ, какъ и другія подобныя мнѣ луры... вотъ онъ и вздумалъ прийтіи ко мнѣ—сказать, что, видя то участіе, которое я принимаю въ немъ, онъ почель за долгъ довѣрить мнѣ свои тайныя намѣренія на мадмуазель де-Бомениль. Этотъ болванъ надѣялся, что я помогу ему и расхвалию его мадмуазель Эрнестинъ... Какая наглость!

— Сказать правду, маменька, вы самы тутъ отчасти виноваты. Зачѣмъ хвалили его, возносили до небесъ?

— Хвалила? сказала простодушно герцогиня:—да развѣ я тогда могла думать, что онъ осмѣлился имѣть претензію на богатѣйшую наследницу во всей Франціи,—идти по слѣдамъ моего сына? Впрочемъ, при всей своей хитрости, онъ очень—глупъ. Обращается съ просьбой именно ко мнѣ. Вотъ я услужу ему!.. безыменный выскочка, какой-то бродяга!. неотесанный болванъ съ нескладной фігурой разболѣтаго пономаря, который идетъ на обѣдъ къ священнику... Педантъ! ханжа! о, какъ онъ невыносимъ со всѣми своими притворными добродѣтелями... Впрочемъ, ему не удастся. Баронесса сказала мнѣ, что мадмуазель де-Бомениль будетъ въ восхищеніи отъ герцогскаго титула. Она любитъ удовольствія и хотѣла бы пользоваться всѣми преимуществами, которыхъ даетъ

богатство, соединенное съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ! можно надѣяться, что мосьѣ де-Макрѣзъ не поставитъ ее на изгнаніе.

— Что же вы, маменька, отвѣтили де-Макрѣзу на его просьбу?

— Въ первомъ разѣ я хотѣла было сказать ему, что его претензіи слишкомъ дерзки и глупы, хотѣла было запретить ему вѣдь надѣяться, но обдумалась... Чтобы, боясь вѣдьмачки, вреда, надо казаться гоголемъ иъ его услугами... Поэтому я приобѣщала выскладать мадмуазель Эрнестинъ все, чѣго она заслуживаетъ; и уж конечно хдержу обѣщаніе... я славно усажу ей!

— А знаете ли, маменька, что де-Макрѣзъ очень можетъ достичнуть своей цѣли.

— Можетъ измениться на измугазель де-Бомениль?

— Да.

— Какой вздоръ! ты съ ума сошель.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, маменька. Его поддерживаетъ люди очень могущественные. Теперь, когда вы уже презираете его, я скажу вамъ, что за него стоять всѣ старухи, которыхъ сдѣлали набожными, потому-что устарѣли; многія молодыя жѣнщины, которыхъ ведутъ себѣ строго, потому-что дурны собой; множество мужчины ханжей, которые составили себѣ изъ набожности какое-то занятіе, и, наконецъ, всѣ такъ-называемые важные люди, которые отъ излишней важности поглупѣли... Видите ли, какъ много у него покровителей...

— Но мнѣ кажется, что я имѣю довольно значительное влияніе въ свѣтѣ... возразила герцогиня:—моё мнѣніе что-нибудь и значить...

— Правда; но ваше мнѣніе до сей поры было въ пользу де-Макрѣза. Быстрая перемѣна покажется странной... Начнутся толки... и война, которую вы хотите поднять на него, можетъ послужить ему же въ пользу. Макрѣзъ лукавъ. Вы еще не знаете, маменька, съ кѣмъ имѣете дѣло...

— Не понимаю, Жеральдъ, сказала съ горестью, герцогиня:— какъ можешь ты говорить объ этомъ съ такимъ хладнокровіемъ?

— Вовсе нѣтъ, маменька... клянусь вамъ... меня, бывшую, размушаетъ всю мою душу мысль, что какой-нибудь Макрѣзъ имеетъ подобныя претензіи и можетъ осуществить ихъ. Макрѣзъ, который еще въ коллегіи внушилъ мнѣ отращеніе... И бѣдная мадмуазель де-Бомениль, которой я хоть и не знаю, но которая становится въ моихъ глазахъ очень интересной, должна быть жертвой такого мерзавца! А, чортъ возьми!... я очень хотѣла бы, хотя бы только для того, чтобы разрушить планы де-Макрѣза спасти отъ его когтей бѣдную девицку...

— Ахъ, мой малый Жеральдъ, вскричала мадамъ де-Сен-Жоржъ твой бракъ сдѣлалъ бы меня счастливѣйшую изъ матерей...

— Да! но моя свобода, моя дорогая независимость!!!

— Шедунай, другъ мой, о томъ, что съ однимъ изъ знатнейшихъ членъ во всей Франціи ты сдѣлался бы ея богатейшимъ владѣльцемъ.

— А моя веселая холостая жизнь!

— За то, какое несметное богатство! какое неизутишнее значение имѣть бы тогда въ счастье...

— Правда! отвѣчать молодой человѣкъ въ размноженіи:—но какъ осудить себя въ вѣчной госкѣ, въ вѣчному принужденію, изъ большими шелковыми чулками... бросить вѣчною милостью, веселыхъ женщинъ, которыхъ искренно меня любятъ... да, искренне любить, потому что, имѣя счастье быть молодымъ и небогатымъ, я долженъ взвѣтъ ихъ безкорыстной любви.

— Но послушай, мой другъ, возразила герцогиня, притѣзъ золи увлеченная честолюбивымъ желаніемъ видѣть своего сына согласнымъ на богатый бракъ:—ты слишкомъ преувеличиваешь строгость своихъ брачныхъ обязанностей... если женатся, такъ еще неѣть причины...

— Ну, вотъ, маменька, теперь вы сами начинаете проповѣдывать свободу въ семейныхъ отношеніяхъ...

— Ахъ, мой другъ, возразила въ смущеніи мадамъ де-Сантэръ:—ты не такъ понялъ мою мысль, я совсѣмъ не то хотела сказать.

— Нѣть, ужь говорите мнѣ лучше о де-Макрѣзъ...

— Видиши ли, другъ мой; если я говорю обѣ этомъ бракѣ, то не столько за тѣмъ, чтобы внушить тебѣ желаніе перебѣгть у него-для де-Макрѣза богатую невѣсту, сколько за тѣмъ, чтобы доказать, что съ твоей стороны подобный бракъ бытъ бы поступкомъ честолюбивымъ...

— Честолюбивымъ?..

— Конечно! бѣдная Эрнестина де-Бомениль умерла бы съ тѣскіи съ такимъ чудовищемъ, какоѧ де-Макрѣзъ... и отнять ее у него было бы, дѣйствительно, великодушнымъ, достойнымъ по-дѣяніемъ.

— Ну, милая маменька, сказалъ, улыбаясь, Жеральдъ:—вы скажете, пожалуй, что за этотъ бракъ я бытъ бы удостоенъ монтіоновой преміи...

— О; да, еслибы только монтіоновой преміей награждали также и сына, который составилъ счастье своей матери, отвѣчала мадамъ де-Сантэръ, устремивъ на Жеральда глаза полные слезъ.

Молодой герцогъ нѣжно любилъ свою мать. Ея грусть и слезы увлекли его.

— О, какъ опасно говорить съ матерью, сказалъ онъ:—пожалуй, не-неволѣ женившись на наслѣдницѣ трехъ миллионовъ годового дохода, особенно, когда дѣло идетъ еще о похищеніи бѣдной милионерки у какого-нибудь негодяя де-Макрѣза... Да, дѣйствительно, тѣмъ больше я думаю обѣ этомъ, тѣмъ больше мнѣ хочется съагратъ подобную штуку.— и съ нимъ и со всѣми лицами

широкими сияющими, огненными глазами... Всегда красивая была бы она, Маркиза; да и не только ей; а целой тысячи постыдных физиономий... Но я и позабыть об этом маленькомъ, нирета, очень важномъ затрудненіи...

— Чѣмъ такое?

— Не знаю еще, понравлюсь ли я мадмуазель Эрикстин...

— Тебѣ стоять только захочеть, мой другъ; и ты непремѣнно понравишься...

— Истинно материнскій отъѣтъ...

— Однакоже, я тебя хорошо знаю...

— Вы? сказала Жеральдъ, изумя мать. — Вы не можете подать своего мнѣнія въ настоящемъ случаѣ... нѣжность ваша идетъ оставаться вѣчно...

— Ужь ты, пожалуйста, скажи, скажи, какъ и когда пойдутъ чудеса...

— Знаете ли, что теперь вѣсъ можно принять за страшную интриганку! сказала весело молодой герцогъ. — Впрочемъ, когда надо заключить что-нибудь для пользы сына, она дѣлается просто львицей... Ну, хорошо, дѣлайте, чтобъ вамъ угодно...

— Ахъ, Жеральдъ; ты не можешьъ вообразить; какъ я теперь счастлива! воскликнула мадамъ де-Сантэрръ, устремивъ на сына глаза, влажные отъ слезъ: — о, теперь я надѣюсь на успѣхъ... проклятый де-Мандель умретъ съ досады...

— Прекрасно! я заставлю его умереть отъ жажды, вместо шпаги, отъ которой она павѣрное бы отказалася...

— Перестань, Жеральдъ, поговориъ сорѣбенко:

— Я слушаю, маменька.

— Такъ-какъ ты рѣшился, то непремѣнно долженъ спорѣ увидать мадмуазель де-Бомениль.

— Очень-радъ...

— Это первое свиданіе очень-важно...

— Вѣ-само-тѣ-дѣлъ?..

— Ну, да, конечно... Я обѣ этомъ уже говорила сегодня съ мадамъ де-Миренуръ и съ мадамъ де-Ларонжю: Мы знали, что все-таки лучше было бы...

— Чѣмъ такое, маменька?

— Вѣ-первыхъ, мы, къ-счастью, увидѣли невозможность представить тебѣ человѣкомъ соединимъ...

— И прекрасно едвали; иначе я очень бы скоро предалъ васъ!..

— Такъ вотъ, мы обсудили легкомысленность твоего повѣденія и придумали обратить вѣ-твою же пользу то, чтобъ могло бы по-вредить тебѣ!..

— Только разъ матери могутъ быть такими ироничными душеватками!..

— Мадамъ де-Ларонжю разговаривала вчера вечеромъ съ Фран-той и заявила, что молодая девушки очень любятъ роскошь,

великолѣпіе; удовольствія...: Но этому мы рѣшили, чтобы ты на первый разъ показался передъ Мадмуазель де-Бомениль однѣмъ изъ изящнѣйшихъ молодыхъ людей въ Парижъ...

— Согласенъ, если вы сумѣете найти случай, въ которомъ я бы могъ показаться такъ...

— Послѣ завтра, кажется, будуть въ Булоньскомъ-Лѣсу скачки... Ты долженъ принять въ нихъ участіе.

— Я уже обѣщалъ де-Курвилю попробовать его славнаго Коня Young-Estrapog въ скачкахъ съ препятствіями. У де-Кураля превосходныя лошади, но онъ страхъ боится на нихъѣздить...

— И прекрасно... Мадамъ де-Ларошгю привезетъ Эрнестину на скачки... Тамъ ты очень-удобно можешь подѣхать къ нимъ до начала скачекъ. Твоя жокейская бранжевая куртка и черная бархатная фуражка очень идутъ къ тебѣ...

— Однакожъ...

— Дай мнѣ досказать. Мадмуазель де-Бомениль увидитъ тебя посреди множества изящныхъ молодыхъ людей, которыхъ ты, жаде сознаться, превосходишь во всѣхъ отношеніяхъ... Я не сомнѣваюсь, что ты выиграешь праъзъ: ты долженъ его выиграть, непремѣнно долженъ...

— Не знаю, захочетъ ли Young-Estrapog раздѣлить со мной это желаніе.

— Тыѣдишъ верхомъ превосходно... и когда Эрнестина де-Бомениль увидитъ, какъ ты, опередивъ своихъ соперниковъ, при общихъ кликахъ избраннаго общества достигнешь цѣли... она, безъ сомнѣнія, обратитъ на тебя вниманіе... Это первое впечатлѣніе будетъ, стало-быть, въ твою пользу... Если же ты еще захочешь быть столько любезенъ, сколько можешь, то будь увѣренъ, что наглый де-Макрэзъ покажется ей послѣ тебя совершенѣи-чтожнымъ, отвратительнымъ...

— Теперь, могу ли я въ свою очередь сказать...

— Ну, что еще?

— Вотъ видите ли... правда, очень-естественно быть представляемымъ мадмуазель Эрнестинѣ въ день скачекъ; но не лучше ли бы было въ первый разъ показаться не въ жокейской курткѣ?..

— Почему же? Этотъ костюмъ, напротивъ, прекрасно идѣть къ тебѣ.

— Можетъ-быть, но...

— А! ты становишься теперь слишкомъ - разборчивымъ! Вотъ какъ!

— Перестаньте, маменька. Вы, стало-быть, хотите, чтобы я воскресиль способъ обольщенія мосьѣ Эльфю, который, говорить, произвелъ страшный эффектъ своимъ панталонами...

— Ахъ, Жеральдъ! перебила герцогиня съ возмущенной стыдливостью:—у тебя вѣчно какая-нибудь глупая мысль въ головѣ...

— Да вѣдь вы сами, не подозрѣвали того, придумали ее... Но,

говоря серьёзно, представьте меня мадмуазель Эрнестинъ гдѣ хотите, когда хотите и какъ хотите, верхомъ или пѣшкомъ, я на все со-гласень... Только я ни за что не соглашусь приѣхать къ помошни- нескромнаго жокейскаго костюма... Я не имѣю въ этомъ нужды, прибавилъ Жеральдъ съ удивительнымъ простодушиемъ: — я слѣду ослѣпить мадмуазель де-Боненциль тысячию нравственныхъ досто-инствъ... очень почтенныхъ и очень необходимыхъ для супруга...

— Ужасно, Жеральдъ! съ тобой просто нельзя говорить серьё-
зно о дѣлѣ...

— Что жь за бѣла... Лишь бы только оно исполнилось...

Еще разъ разговоръ герцогини съ сыномъ прерванъ былъ пол-
вленiemъ жеральдова каммердинера.

— Господинъ баронъ де-Равиль, сказалъ онъ; — жеааетъ гово-
рить съ вашей свѣтлостью о важномъ и очень-нужномъ дѣлѣ... Го-
сподинъ баронъ ожидаетъ вашу свѣтлость въ кабинетѣ...

— Хорошо, отвѣчалъ молодой человѣкъ, удивленный этимъ из-
вѣтомъ...

Каммердинеръ вышелъ.

— Что, у тебя за дѣла съ де-Равидемъ? спросила мадамъ де-
Сантэръ.—Его принимаютъ вездѣ, а подобно другимъ и я тоже,
но я терпѣть не могу этого барона...

— Очень-понятно, что его принимаютъ вездѣ. Отдѣль де-Равиль
былъ человѣкъ со связями, человѣкъ любезный. По отдѣлу принима-
ютъ и сына... Впрочемъ, я тоже не люблю его... Со времени стра-
нной дуэли маркиза съ де-Мориадомъ, я не встрѣчалъ никѣй де-Рави-
ля... Не знаю, чего онъ отъ меня хочетъ... Вотъ, кстати, о немъ
анекдотъ, который чудесно обрисовываетъ его характеръ. Какой-
то бѣднякъ далъ барону въ займы двѣсти луидоровъ. Что жь, вы
думаете, сказалъ о немъ де-Равиль? Вотъ что: «у кого бы это
боязнь могла стянуть дѣлти луидоровъ, которые онъ одолжилъ ми?»

— О, какой мерзавецъ! вскричала герцогиня.

— Пойду отѣмъться отъ него скорѣе, сказала Жеральдъ: —
впрочемъ, иногда его пріятно слушать. У него змѣйный языкъ...
И въ добавокъ, онъ знаетъ всѣ сплетни... Чрезъ нѣсколько ми-
нутъ я ворочусь... и буду, можетъ-быть, въ восхищении отъ баро-
на... вѣдь вы возвратились же отъ Макрѣза въ совершеніи от-
чаяніи...

— Какъ ты золь, Жеральдъ...

— Да, надо сознаться, малая мамецка, что сегодня мы об-
что-то не имѣемъ удачи въ..., хорошихъ знакомствахъ...

И герцогъ де-Сантэръ пошелъ въ свой кабинетъ, гдѣ его ожи-
далъ де-Равиль.

ХVIII.

Молодой герцогъ встрѣтилъ де-Равиля съ холодною вѣжливостью, которая, впрочемъ, никакъ не смущила безстыднаго барона.

— Чему долженъ я приписать честь вашего посѣщенія? спросилъ сухо Жеральдъ, не приглашая барона сѣсть.

— Я пришелъ, герцогъ, предложить вамъ превосходную сдѣлку, отвѣтълъ де-Равиль, совершенно равнодушный къ холодному приему.

— Я, сударь, не занимаюсь этимъ...

— Судя по обстоятельствамъ...

— Что вы хотите сказать?

— Не хотите ли вы жениться, герцогъ?

— Странный вопросъ, баронъ!

— Извините, герцогъ; я пришелъ къ вамъ для вашей выгоды, и, разумѣется, также для своей собственной... Благоволите выслушать. Вѣдь вы ничего не потеряете. Прошу десяти минутъ, не болѣе.

— Я васъ слушаю, отвѣтълъ Жеральдъ, любопытство котораго было несколько возбуждено вопросомъ де-Равиля,—вопросомъ довольно-страннымъ, и притомъ же имѣвшимъ вѣкоторую связь съ послѣднимъ разговоромъ молодаго человѣка съ матерью.

— Итакъ, герцогъ, хотите ли вы жениться? Мне нужень отъть, чтобы продолжать нашъ разговоръ...

— Но, баронъ, я...

— Извините, я худо выразился. Хотите ли вы вступить въ богатый бракъ, баснословно богатый?..

— У васъ, конечно, есть на примѣтѣ невѣста?

— Именно есть.

— Но вы сами человѣкъ холостой, баронъ; отъ-чего же вы не женитесь?

— Я человѣкъ бѣдный, имя мое не имѣеть никакого значенія. Я дурень собой, съ дурными манерами, задорный, словомъ, я не имѣю никакихъ шансовъ достигнуть цѣли. Поэтому я и подумалъ о васъ, герцогъ.

— Очень благодарю за такое великодушіе; но прежде, нежели мы дойдемъ до подробностей, позвольте мнѣ сдѣлать вопросъ деликатный... Я не хотѣлъ бы, конечно, задѣтъ ваше самолюбіе...

— У меня очень-мало самолюбія...

— Я не зналъ. Ну, такъ, просто, скажите, какую цѣну вы назначаете за ваше сватовство?..

— Я прошу полтора процента съ приданаго, нагло отвѣтълъ де-Равиль.

Жеральдъ не могъ не выразить своего отвращенія. Баронъ замѣтилъ это и хладнокровно спросилъ:

- Мне кажется, я предупредил васъ, что мы говоримъ о сда-
кль...
- Такъ точно, баронъ.
- Къ-чemu же тутъ фразы?..
- Рѣшительно ни къ чemu, а потому я и скажу вамъ безъ це-
ремоній, что вашъ расчетъ на полтора процента очень благораз-
уменъ.
- Не правда ли?
- Въ -самомъ -дѣлѣ... но еще остается спросить, на комъ вы
хотите женить меня, и какъ достигнете своей цѣли?
- Вы очень любите охоту, герцогъ?
- Да.
- И вы хорошо ее знаете...
- Совершенно.
- Ну, такъ вотъ... когда вашъ Нахаль или Бекасъ выгонятъ
зайца... они исполнили свою обязанность? не такъ ли? Остальное
зависитъ отъ вашей ловкости, отъ вѣрности вашего гнада и отъ
быстроты, съ которой вы успѣете выстрѣлить...
- Если вы, баронъ, понимаете подъ этимъ, что я должна уже
выдать вамъ полтора процента...
- Вовсе нетъ, герцогъ; я слишкомъ совсѣмъ другой че-
ловѣкъ всякаго рода и не предложу вамъ подобнаго... Я толь-
ко говорю, что могу навѣрно доставить вамъ превосходное состоя-
ніе, недостижимое ни для кого другаго... Ваше знатное имя,
ваше положеніе въ свѣтѣ сдѣлаютъ остальное.
- Въ чёмъ же дѣло?
- Вы, конечно, знаете, герцогъ, что я не такъ молодъ, чтобы
высказать вамъ мой секретъ прежде, нежели вы дадите ми че-
стное слово благороднаго человѣка...
- Довольно, мосьѣ де-Равиль, перебилъ Жеральдъ:—ваше шут-
ка слишкомъ-длинна...
- Какая шутка, герцогъ?
- Вы понимаете, что я не могу серьезно отвѣтить на подобное
предложеніе... Жениться, подъ вашимъ покровительствомъ, было
бы рѣсколько странно...
- Такъ вы отказываетесь?
- Да.
- Подумайте, герцогъ. Припомните, что сказалъ Талейранъ...
- Вы часто приводите слова Талейрана?
- Онъ мой учитель.
- И вы дѣлаете ему честь. Но послушаемъ, что сказалъ Талей-
ранъ...
- Вотъ что, герцогъ: надо всегда болѣеть передъ уѣзжаніемъ...
потому-что оно обыкновенно бываетъ... доброе! Не правда ли, ка-
кая глубокая истинна. Воспользуйтесь сю...
- Чортъ возьми, баронъ; вы не знаете, какъ эта фраза кета-
ти... относительно васъ...

— Въ-самъ-дѣлъ...
 — Именно такъ, потому-что, еслибы я уступилъ первому движо-
 нию, которое мнѣ внушila ваша честная сдѣлка, я давно бы...
 — Чѣмъ бы вы сдѣлали?
 — Вы слишкомъ проницательны, чтобы не угадать, и я слиш-
 комъ вѣжливъ, чтобы объяснить вамъ...
 — Извините, герцогъ, но мнѣ, право, нѣть ни времени, ни ох-
 гы забавляться шарадами... отвѣчайте: принимаете ли вы мое
 предложеніе.

— Нѣть...
 — Еще одно слово... Я долженъ предупредить васъ, что ны-
 ющій вечеръ уже будетъ поздно, потому-что у меня есть на-
 приимѣтъ одинъ человѣкъ, который замѣнить ваше мѣсто. Я о немъ
 подумалъ прежде, нежели о васъ, но разсудилъ, что вы имѣете
 больше шансовъ, нежели онъ. Мнѣ же нужно только обработать
 эту сдѣлку и получить за комиссию полтора процента съ прида-
 ваго. — И такъ, если вы отказываетесь, я возвращаюсь къ моему
 первому соображенію...

— По-крайней-мѣрѣ, баронъ, вы человѣкъ осторожный... те-
 перь я не боюсь моимъ отказомъ лишить васъ законной прибыли
 за ваше почтенное ходатайство. Но вы развѣ не страшитесь, что
 я могу имѣть нескромность разскажать про любопытную промыш-
 ленность, которой вы занимаетесь.

— Напротивъ, я буду совершенно доволенъ. Слухи привле-
 кутъ тысячи клиентовъ... Но до свиданія, герцогъ; очень-радъ
 услужить вамъ въ чѣмъ-нибудь на будущее время...

Де-Равиль, вѣжливо поклонившись Жеральду, отправился въ ули-
 цу де-Ламаделенъ, въ которой жилъ его другъ, де-Морнанъ.

Этотъ мишурный герцогъ, думалъ де-Равиль:—конечно, по-
 вѣль, что дѣло шло о мадмуазель де-Бомениль; онъ надѣется
 безъ процентовъ достичь цѣли, но я не поддамся. Однакожъ, до-
 садно, Жеральдъ—герцогъ, хороши собой и довольно уменъ. У
 меня было много шансовъ. Нѣчего дѣлать; надо обратиться къ тол-
 столапому де-Морнану. Я хорошо сдѣлалъ, что не намекнулъ ста-
 рому болвану де-Ларошгю на Сантерра. Конечно, еслибы эта пре-
 красная птичка откликнулась на мой свистокъ, я могъ бы еще все
 передѣлать; сказаль бы старой колдунье мадамъ Ленэ, что отнынѣ
 нашимъ лозунгомъ будетъ *Сактерр*, а не *Морланъ*, и дѣло пошло
 бы само-собой, потому-что мадамъ Ленэ для меня на все готова...
 Ея собственные выгоды того требуютъ... Жаль! но что дѣлать;
 придется обратиться къ толстяку де-Морнану, который, я думаю,
 ржетъ отъ нетерпѣнія, желая знать результатъ моего разговора
 съ барономъ де-Ларошгю.

Въ этихъ мысляхъ де-Равиль дошелъ до Улицы-Елисейскихъ
 Полей, гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ Эрминіо, когда она шла
 къ графинѣ де-Бомениль.

Здѣсь, сказаль про себя де-Равиль:—я встрѣтилъ ту хорошень-

кую дурочку, которая вошла въ отель де-Бомениль въ день дуэли де-Мориана съ горбуномъ... Я потомъ узналъ отъ людей графини де-Бомениль, что эта девчонка учить музикѣ, называется Эрминией и живеть въ улицѣ Монсо, въ Батиньольскомъ-Предмѣстьѣ... Не знаю, отъ-чего она такъ задѣла меня за сердце... О, еслибы мнѣ удалось обработать сдѣлку на-счетъ приданаго калютки де-Бомениль, я успѣлъ бы настроить на свой ладъ фантазіи этой музыкантши... Надѣюсь, что съ своей милою *сердечки* и съ общепанцымъ чернымъ платьемъ, она не отказалась бы принять отъ меня небольшую квартирку... Я думаю, она умираетъ съ годами съ своими музыкальными уроками... Но полно... посыпавъ разогрѣть де-Мориана... Онъ глупъ, но упрямъ, какъ оселъ и страшно честолобый... Простакъ де-Ларенгю очень раснеложенъ... Будемъ надѣяться.

И де-Равиль вошелъ къ своему другу.

Н О В Ы Й - Г О Д Ь .

Вчерашия история.

—

ВСТРЕЧИ.

Тридцать-первого декабря, въ полдень, кандидатъ Зарницынъ возвращался своимъ привычнымъ путемъ изъ Малой-Мильонной въ Среднюю-Мѣщанскую. Впрочемъ, онъ былъ совершенно увѣренъ, что ежедневныя должностныя хожденія его по этому пути кончились благополучно, и что жизнь его должна принять, съ наступающимъ новаго года, новое направление; но какое направление? По какимъ улицамъ и переулкамъ, въ какую часть Петербурга придется ему ходить «впередь» неуклонно и ежедневно, исключая праздничные и табельные дни? И не случится ли съ нимъ такая исторія, часто случающаяся съ петербургскими пролетаріями, что вовсе некуда будетъ ему ходить, что не будетъ никакой существенной цѣли для его хожденія, и человѣчество не станетъ освѣдомляться и заботиться о томъ, рано ли проснулся кандидатъ Зарницынъ, ушелъ ли онъ куда ему слѣдуетъ изъ своей темной каморки, или еще почивать изволить?

Предложивъ себѣ эти вопросы, кандидатъ Зарницынъ разрѣшилъ ихъ не вполнѣ, не къ совершенному своему удовольствію, и даже сознался, что «будущность», которая наступить для него съ той роковой минуты, когда онъ возвратится въ свою квартиру предъ грозными очи негодящей хозяйки, обѣщаетъ ему на первый случай жаркую схватку, изъ которой онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не выйдетъ побѣдителемъ.

Дѣйствительно, дѣло его было достаточно-плохо: не выдержавъ постоянныхъ механическихъ занятій и страдательного существования.

T. VI. — Отл. I.

14

нія въ качествѣ дѣловаго человѣка, онъ объяснился по этому случаю съ Борисомъ Александровичемъ и былъ, наконецъ, освобожденъ отъ своихъ обязанностей. Борисъ Александровичъ очень со жалѣлъ о его рѣшимости отыскивать себѣ какія-то другія, болѣе свойственныя ему занятія, поставилъ ему въ примѣръ кандидата Рожкова, который такимъ же образомъ начиналъ свою карьеру, а теперь — человѣкъ! Впрочемъ, присовокупилъ Борисъ Александровичъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ удерживать при себѣ никого, тѣмъ менѣе человѣка образованнаго и умнаго, и успокоилъ его на счетъ двадцати шести рублей серебромъ, забранныхъ «впередъ»: обѣ этой суммѣ обѣщаѣтъ сдѣлать особое распоряженіе. Что же касается до продолженія знакомства, то онъ, Борисъ Александровичъ, надѣется оставаться неизмѣнно въ прежніихъ «дружественныхъ» отношеніяхъ къ кандидату Зарницаину. Послѣ этого-то объясненія онъ и возвращался изъ Малой-Мильйонной; оно, вполнѣ удовлетворивъ его амбиціи и самосознанію, лишило его возможности разсчитывать, по-прежнему, на первое число. А никогда ему не были такъ нужны рубли, какъ теперь. Онъ уже проклиналъ свою амбицію и неудачное, вовсе несвоевременное ея проявленіе. Порывъ мелочной досады на неудачу въ мелочнѣхъ искательствахъ замѣнился въ немъ прочнымъ убѣждѣніемъ, что сегодня тридцать-первое и послѣднее число декабря, а завтра еще хуже — первое число и новый годъ, и всего хуже — хозяйка ждетъ, и въ маскарадѣ нужно быть, всенепремѣнно....

На мгновеніе онъ былъ обрадованъ надеждою на свои «уроки»: въ нѣсколькихъ домахъ онъ давалъ уроки, за которые платили ему хорошо; но вдругъ вспомнилъ онъ, что всюду, гдѣ можно было получить что-нибудь «впередъ», онъ получилъ давнѣй-давно, потому-что прежде тоже случались крайнія нужды въ деньгахъ. Слѣдовательно, съ этой стороны ожидать ему нечего.

Появилась-было другая надежда на нѣкоторыя лішнія вещи въ его гардеробѣ и на господина Макарова, принимающаго на храненіе всякую рухлядь, но и эта надежда разрушилась, когда вспомнилъ онъ, что гардеробъ его во всей полнотѣ поступилъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ къ господину Макарову, такъ-что еще подумать надо, какъ ему завтра пристойнымъ образомъ сдѣлать самыя необходимые визиты, а о томъ, чтобы сходить въ маскарадъ, разумѣется, и думать нечего.

Кандидатъ Зарницаинъ, пораздумавъ о своемъ положеніи, вѣшилъ, что если сегодня хозяйка не доведетъ его до сумасшествія, то, все равно, онъ рѣхнется завтра въ роковую пору маскарада въ Большомъ-Театрѣ...

Онъ уже приближался къ своей квартирѣ, призывай на помощь все свое мужество и краснорѣчіе, всю свою любезность, чтобы укротить сколько-нибудь хозяйку, непрѣнимающу въ резолюции чѣго, кроме наличныхъ денегъ; но такъ-какъ съ каждымъ шагомъ мужество его ослабѣвало, приготовленное объясненіе, что

денегъ нетъ, казалось все меньше-краснорѣчивымъ, а дополненіе къ этому объясненію, что и достать ихъ нѣгдѣ, вовсе-нелюбезнымъ, то онъ призналъ удобнѣйшимъ, во избѣженіе мѣгущихъ быть неспрѣятностей, на этотъ разъ вовсе не являться къ хозяйкѣ, а дождаться гдѣ-нибудь той вожделѣнной и довольно-поздней поры, когда уже нельзя ожидать опасной встречи съ хозяйкою, особенно, если пройдти въ свою комнату по черной лѣстницѣ, черезъ кухню, а спички лежать на печкѣ, въ знакомомъ углу; притомъ же, вѣроятно, часовъ въ двѣнадцать ночи, кухарка Настя будетъ искать тамъ же, на лѣстницѣ, свиданіе съ поваромъ генерала, живущаго внизу... если все это случится по ожиданію, то дверь будетъ отперта, и онъ пройдетъ неслышно и незамѣтно для хозяйки,

Признавъ эту мѣру полезнѣшую въ своемъ положеніи, онъ покинувъ свою квартиру съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не показываться на глаза своей хозяйкѣ раньше будущаго тысяча-восемьсотъ-еврооктакого-то года; онъ прошелъ нѣсколько улицъ, пре-клиная свое злосчастное положеніе и находя иестерпимо-глупыми всѣ встрѣчавшися ему лица, эзабоченные праздничными хлопотами. Мысль о хозяйкѣ и маскарадѣ долго не выходила у него изъ головы; наконецъ, головъ и холодъ стали одолѣвать его: онъ почувствовалъ настоятельную надобность зайти въ какой-нибудь трактиръ отогрѣться и пообѣдать — только затруднялся въ выборѣ трактира: не то, чтобы онъ былъ очень-разборчивъ въ качествѣ кушанья, или особъ, съ которыми придется ему сидѣть въ компаніи — нетъ, покушать онъ готовъ былъ теперь что-нибудь, а на-счетъ особъ былъ увѣренъ, что облагороживается своимъ присутствіемъ всякую компанію; его смущало другое, весьма-важное для него обстоятельство: во всѣхъ кухмистерскихъ и трактирахъ, мимо которыхъ проходилъ онъ замершій и голодный, онъ былъ долженъ — до такой гадкой степени долженъ, что лучше было замерзнуть на улицѣ отъ холода, или умереть отъ гомода, нежели зайти въ эти заведенія, чтобы отдаться безответной жертвой въ руки раздраженныхъ и, главное, невѣжественныхъ кредиторовъ.

Только вечеромъ, когда на улицахъ засверкали газовые фонари, кандидатъ Зарницынъ замѣтилъ совершенно-новое для него введеніе — какой-то городъ Новый-Китай, въ которомъ онъ, на своей памяти, никогда не былъ, следовательно, ни гроша не долженъ, и потому, заключилъ онъ основательно, можно зайти въ этотъ Новый-Китай, не подвергаясь ни малѣйшей опасности.

— Слава Богу, сказалъ онъ, взбѣгая по лѣстницѣ: — слава Богу, что есть еще въ Петербургѣ мѣста, гдѣ меня вовсе не знаютъ!

— Дмитрій Алексѣевичъ! Батюшка, Дмитрій Алексѣевичъ! вѣтъ ужъ не чайхъ! раздалось въ ушахъ кандидата Зарницына въ ту самую минуту, какъ онъ, довольный открытиемъ мѣста, гдѣ его не знаютъ, очутился въ трактире Нового-Китая.

— Ну, что изъ это въ самомъ дѣлѣ? подумалъ Заринцынъ: — даъ такої вышель для менѣ роковой, че-ли! Голосъ-то знакомый, гадалъ Иваца Моисѣича... Да какъ же это?

И точно, оглянувшись въ комнатѣ, въ которую онъ только-что вошелъ, онъ увидѣлъ распирывающагося буфетчика Ивана Моисѣича, того самого Ивана Моисѣича, котораго синъ мѣсяцемъ тому, оставилъ въ большихъ дуракахъ и въ маленькомъ трактирѣ со-воймѣ въ другой, въ противоположной сторонѣ города. Видно было, ято судьба рѣшилась преслѣдоватъ хлопотливаго кандидата Заринцына до конца.

Однакожъ, Заринцынъ, оправившись отъ глубокаго изумленія и невольнаго ужаса, которыи поразилъ его эта неожиданная встрѣча, подошелъ къ своему благопріятелю, Ивану Моисѣичу, и первый нѣхъ къ нему такую убѣдительную рѣчу:

— Бестыдный ты человѣкъ, Иванъ Моисѣичъ! Ну, какъ же это можно? вдругъ пропасть какъ въ воду канула! Ужъ я разспрашивала, разспрашивала...

— Вотъ, я этого не чаялъ, Дмитрій Алексѣевичъ! Съ той самой поры, какъ вы перестали ходить въ «то» заведеніе, я-таки ждалъ вѣсъ долгонько. Все думаю, авось зайдутъ да разсчитаются, Дмитрій Алексѣевичъ! Вѣдь я все это по добротѣ души, Дмитрій Алексѣевичъ, а не то, чтобъ изъ прибыли какой: самъ знаете!

— Знаю, любезнѣйшій, знаю; потому-то я и «нашелъ» тебя... только денегъ у менѣ теперь... на этотъ разъ ты меня извини: завтра новый годъ, праздники, требуются большие расходы — понимаешь?

— Я, Дмитрій Алексѣевичъ, про деньги ужъ не говорю: если вы—такъ, какъ я вижу теперь, по честности, и въ заведеніе становите ходить, такъ мнѣ и ничего, подожду, пока вы разбогатѣете маленько! Только бы тово... это замѣть Федоръ Никитинъ сказалъ, что я въ здѣшнее заведеніе поступиль?

— Федоръ Никитинъ? Какой Федоръ Никитинъ?.. Ахъ, да! точно Федоръ Никитинъ.

— Нынѣшній буфетчикъ въ томъ заведеніи-сь...

— Ну, да, да... Я еще съ нимъ незнакомъ; времена, петь са-мый! сказалъ Заринцынъ рѣшительно, думая, что если уже можно отдохнуться хитростью, такъ хитрить до конца.

— Чѣмъ жъ вы прикажете, Дмитрій Алексѣевичъ? спросилъ Иванъ Моисѣичъ, обрадованный добровольнымъ назначениемъ своего должника и пріятеля.

— Я пришелъ, Иванъ Моисѣичъ, откѣчать Заринцынъ: — пришелъ я сюда собственно для того, чтобы увидѣть тебя и успо-хонять на-счетъ того «малень-каго» должника: онъ — шустрый должокъ, Иванъ Моисѣичъ — и я заплачу тебѣ послѣ праздниковъ. И такъ-какъ я уже пришелъ, то, разумѣется, должны сущности твоему заведенію какую-нибудь пользу. Изволь. Со мною всѣхъ

деметь один рубль серебряный: я рѣшился издержать его у тебя.—Гей, слуги подавайтъ обѣдать—сюда!

Зариницынъ, рѣшившись пожертвовать послѣдній рубль для поддержания своего достоинства въ глазахъ Ивана Менѣтчика, предположилъ вознаградить себѣ за эту непредвидѣнную потерю, просилъ сидѣть въ тепломъ углу, роковой естаконъ исчезающаго года, чтобы до завтра не встрѣтиться съ хозяйкой.

Только что Зариницынъ принялъ за свой дорогой и ценный обѣдъ, предложилъ, впрочемъ, горечь завтрашняго дни, въ комнату, где сидѣлъ онъ, вошелъ какой-то господинъ въ бекешѣ съ бобровымъ, золотникомъ, сопровождаемый извозчикомъ. Бросивъ буфетчаку, краснѣтый билетъ, онъ спросилъ мелочи, чтобы разочароваться съ извозчикомъ. Потомъ онъ оглянулся и встрѣтился взглядомъ съ Зариницынымъ, который смотрѣлъ на него пристально...

— Зариницынъ! Ты ли? Вотъ неожиданность! воскликнулъ господинъ къ бекешѣ, бросаясь къ Зариницыну.

— Рожковъ! Ахъ, Рожковъ! Да тебя узмать целяя! Боже мой, ты баринъ, рѣшительно баринъ, и бариномъ смотришь! Поздравляю!

— Ну, а ты что жь теперь? Все тотъ же пролетарій?..

— Я-то? Садись, пожалуйста, поговоримъ, я тебѣ все расскажу. Э! да что и говорить!

— Видно безъ разсказа, замѣтилъ Рожковъ.—Впрочемъ, мы съ тобой все-таки потолкуемъ немножко; я отогрѣюсь, а ты мнѣ по-разскажешь: я уступилъ женѣ свой экипажъ, а самъ часа три сряду Ѵздили на этомъ ванѣ... чуть не замерзъ. Ну, какъ же ты? разскажи; вѣдь мы съ тобою не видались года четыре, съ того времени, какъ вышли изъ университета.

— Ну, да, ты уѣхалъ за тридевять земель и женился; скажи мнѣ, пожалуйста, какимъ это образомъ ты женился?..

— Обыкновеннымъ. Тамъ, куда я Ѵздили, по порученію—благодаря моей роди и письмамъ Бориса Александрыча—къ его важнымъ пріятелямъ, я имѣлъ, какъ говорится объ актёрахъ, успѣхъ необыкновенный. Сдѣлавъ свое дѣло, я влюбился; влюбившись, женился; потомъ пошелъ служить по другой части... Это уже по возвращенію въ Петербургъ.

— Ну, а жена... я все на счетъ жены твоей? Чѣд, она хороша, и мила, и добра?

— Я совершенно счастливъ: жена моя супrий антѣль... какъ мужъ, лгать не могу.

— Очень-радъ. Это нынѣче рѣдкость!..

— Ты самъ увидишь. Кстати, сёродня ты непремѣнно долженъ быть у меня: я познакомлю тебѣ съ женой; кромѣ тебѣ, будуть одинъ ф. родные; съ моей стороны — такъ-какъ у меня нѣтъ родныхъ... будешь ты. Мы презавѣто встрѣтимъ новый годъ...

— Просуди же о несѣть горькомъ положеніи, Рожковъ: я не могу быть у тебѣ!

— Какъ? почему? спросилъ тутъ съ изумленіемъ.

— Ты, вѣроятно, уже забылъ, какого рода жизнь ведутъ наши братья-пролетаріи. У менѣ, точно по какому-то проклятию, самый влюблённый день выпалъ сегодня. Даже, признаюсь тебѣ, я сижу здесь потому только, что боюсь идти домой, чтобъ не встрѣтиться съ хозяйкой... понимаешь? Ты когда-то самъ просиживалъ такимъ образомъ!

— Только-то! Это бѣда не велика; все это можно поправить...

— Еще есть у менѣ одна скорбь—сердечная скорбь... Завтра, во что бы то ни стало, я долженъ быть въ маскарадѣ...

— Ахъ, злодѣй! Мало тебѣ обманывать бѣдную хозяйку, вѣроятно, какую-нибудь благородную вдову — ты еще заводишь интриги... Ну, братъ, какъ я вижу, ты нисколько не измѣнился; любовь для тебя такая же потребность, какъ обѣдь, и обѣдь—актъ любовь.

— Такъ вотъ какое мое положеніе; чтобъ тутъ распространяться! Сама судьба, преслѣдующая менѣ цѣлый день, наконецъ умилостивилась надо мною и послала тебѣ сюда, въ этотъ скверный трактиръ (это, Иванъ Моисѣичъ, въ «относительномъ» смыслѣ я называю Новый-Китай сквернымъ трактиромъ), послала тебѣ сюда, чтобъ ты спасъ менѣ — во что бы то ни стало. Спасай же, спасай, а ужъ я тебѣ услужу, разумѣется...

— Вѣдь дѣло-то вee, я думаю, въ какихъ-нибудь пѣсколькихъ рубляхъ?

— Нѣсколькихъ десяткахъ рублей, драгоценный Рожковъ!

— Только-то! и ты будешь спасенъ? спросилъ Рожковъ, открывая свой бумажникъ.

— Спасенъ! отвѣчалъ Зарницаинъ торжественнымъ голосомъ.

— И приѣдешь ко мнѣ встрѣтить новый-годъ?

— Новый-годъ! повторилъ Зарницаинъ.

— А завтра будешь въ маскарадѣ?

— Въ маскарадѣ.

— И будешь, какъ прежде, счастливъ?

— Счастливъ! подтвердилъ Зарницаинъ, судорожно ежась плененный ему билетъ уважительного достоинства и вдругъ почувствовавъ себя въ благопріятныхъ, даже блестательныхъ отношеніяхъ къ жизни.

— И ты, конечно, продолжалъ Рожковъ:—повѣришь мнѣ тайну твоей интриги? Жаль, что завтра я не могу быть въ маскарадѣ... Вообще я давно, больше года, не былъ въ маскарадѣ; при томъ же, я терпѣть не могу маскарадовъ, а вотъ жена моя отъ нихъ восторгъ. Ну, что жъ? что тамъ такое ждегъ тебѣ въ маскарадѣ?

— А ты, женатый человѣкъ, все-таки интересуешься «современными» проявленіями холостой жизни? Изволь, я расскажу тебѣ... но что жъ я расскажу? Вотъ уже годъ, какъ я завелъ тамъ интригу, любовь—все, что угодно. Не могу пожаловаться на «же-

стокость», но, представь себѣ: я все еще не знаю кого люблю, кто интригуетъ меня, или, пожалуй, любить — однимъ словомъ, кто она такая?

— Кто она такая? повторилъ Рожковъ.

— Она, та самая—моя любовь, моя богиня... ты понимаешь... вѣдь цѣлый годъ, братецъ! Счастья тутъ цѣлый рай, но и мѣки—бездна! Согласись, что мучительно, наконецъ, видѣть къ себѣ такую продолжительную недовѣрчивость. Она любить меня — ну, любить — на это ужъ я имѣю доказательства; но, кто бы она ни была, хоть бы сама даже... кто бы она ни была, она не должна бы мучить меня таинственностью... Право, странный народъ эти женщины! Чѣдѣ ужъ тутъ, кажется, имя? такъ вѣтъ!

— Э-ге! Такъ у тебя, братецъ, цѣлый романъ; настоящій романъ! Любовь, таинственность, свиданья въ маскарадахъ, мѣры предосторожности противъ всякаго скандала... да это любопытно! Если хочешь, я, такъ и быть, отправлюсь съ тобою въ маскарадъ, пособлю тебѣ разузнать... Эхъ, братецъ, да ты вовсе не умѣешь; я на твоемъ мѣстѣ давно бы узналъ... Рѣшено! Бду съ тобою въ маскарадъ.

— Знаешь ли: у меня есть какое-то предчувствіе, что ты въ этомъ дѣлѣ поможешь мнѣ. Я помню, когда ты, бывало, въ блаженные времена студенчества...

— Безъ комплиментовъ. Такъ-какъ я ужъ встрѣтилъ тебя въ отчалинномъ положеніи, то и берусь спасать тебя до конца — и однѣнъ, безраздѣльно.

II.

Господинъ Перевулковъ.

Въ это время появилось новое лицо страннаго вида: мужчина, очевидно, благороднаго званія, блѣдныи, тощій и небритый, въ ветхомъ фрачишкѣ съ длинно-предлинными фалдами, который колотили его по пятамъ; прочія части его одежды соотвѣтствовали фраку и поражали своею несоразмѣрностью съ особою, которую прикрывали; въ рукахъ его была измятая шляпѣнка, вытертая по ливамъ, а шинели какъ-будто вовсе онъ не имѣлъ и точно пришелъ онъ сюда согрѣваемый только чувствомъ собственнаго достоинства. Вообще этотъ человѣкъ былъ очень-похожъ на извѣстнаго разбойника Фра-Дьяволо, кающагося въ своихъ прегрѣшніяхъ, и нисколько не походилъ на другаго молодца, тоже извѣстнаго съ другой стороны — Донъ-Жуана, въ лучшую пору его дѣятельности. Войдя въ трактиръ, онъ былъ принятъ служителями съ лукавою внимательностью: всѣ ему стали кланяться и приглашали его сдѣлать милость пожаловать въ угловую комнату. Онъ, между-

тѣмъ, открылъ табакерку, объявивъ, что забѣжалъ только такъ на минуту, табачку понюхать, да вотъ что жаль: табачку-то и нѣтъ, а еслибъ случился онъ у кого-нибудь изъ нихъ или изъ гостей... потомъ онъ обратился съ тѣмъ же объясненіемъ къ Ромко-ву и Зарница-ну, которые смотрѣли на него съ изумленіемъ и со- болѣзваніемъ; въ то же время онъ былъ окружены остроумными служителями, которые наперерывъ одинъ передъ другимъ труни- ли надъ нимъ, и наконецъ, одинъ изъ нихъ, самый бойкій, прив- нялъ на себя важный видъ, заговорилъ такимъ-образомъ:

— Ваше высокоблагородие! Ну, чего жь это вы надѣлали? Вашъ по- лиція ищетъ! самъ городовой пришелъ сюда съ двумя подицами. Что-ефто ихное, говорить, высокоблагородие Евстигній Лукынычъ, оставили свою супругу въ такое праздничное, знатное и горячее время. На кого, говорить, ихное высокоблагородіе покинулъ свою супругу? На Владимира Андреевича, что ль? Нѣтъ, говорить, это онъ такъ только сочиняетъ, будто покинулъ на Владимира Андре- ича, а по правдѣ-то покинулъ, потому-что потаскунъ онъ такой, ихное-то, высокоблагородіе, изъ поконь-вѣку шатается по тракти- рамъ, какіе нинаесть лучшіе въ Петербургѣ, шампанское пѣть, въ каретахъ разъѣзжаетъ, въ венгеркахъ ходить, да въ Англійскомъ-Клубѣ просиживаетъ по цѣлымъ ночамъ, а супруга ихная, го- рить, глаза выплацала отъ тоски, искахла отъ безсонницы, а все любить, говорить, беззлаберное этакое ихное высокоблагородіе, за- шу де-скать милость Евстигнія Лукыныча: такъ вотъ что, прими- зано, говорить, взять ихъ, да въ карету посадить, да съ поче- томъ и за строжайшимъ карауломъ доставить къ цеутѣшной су- пругѣ, чтобы вмѣстѣ они, въ своихъ господскихъ вызолоченныхъ палатахъ, при готовомъ и стеариновомъ освѣщеніи въ счасты и богатствѣ встрѣтили новый-годъ. Вотъ что-сь, ваше высокобла-городіе!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! повторилъ всѣ: — съ наступающимъ благополучно новымъ-годомъ, тысяча-восемьсотъ такімъ-то и такімъ-то всеуниженійше вѣсель поздравляемъ. При-кажите, ваше высокоблагородіе, шампанскимъ, а не то такъ и на- стоящимъ полушиампанскимъ угоститься подъ новый-годъ за ваше дороже здравіе, и супруги вашей и друга вашего Владимира Ап- реевича. Не такъ ли-сь? Да что жь вы это призадумались, при- горюнились, закручинились, ваше высокоблагородіе? Аль и табачку березовскаго нѣтъ, аль шинелишки нѣтъ, аль и впрямъ супруга-то Надежда Львовна, по отцу мѣщанка Закоулкова, по мужу дво- рянка Переулкова, аль и впрямъ-то ваше высокоблагородіе?.. Раз- скажите, ваше высокоблагородіе, сдѣлайте такую милость. Не-ужто и впрямъ...

— Позвольте, господа, табачку... Я тороплюсь къ женѣ: вѣдь въ-самомъ-то дѣлѣ, она, пожалуй, разсердится; она капризна та- кая... Сдѣлайте одолженіе—табачку...

— У меня нѣтъ табаку, отвѣчалъ Зарница-нъ.

— Да расскажите же, ваше высокоблагородие, правда, что ль, будто меня вѣсъ обижаетъ — табачку дадимъ.

— Правда, правда, отвѣчалъ онъ, глядя въ свою открытую табакерку: — жена меня совсѣмъ гонить, жена обманула меня и сгубила меня... Ахъ, Надежда Львовна, мѣщанка Заокулкова! не я лъ тебя сдѣлать такою-то совѣтницею, Переулковою? А ты-то со мною... что? Выслушайте меня, милостивые государи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Зарницыну и Рожкову: — разсудите меня съ мою законную жену, съ Надеждой Львовною, разсудите, виноватъ ли я; вѣдь меня, милостивые государи, обманули, обманули.

— Расскажите, если это можетъ облегчить васъ; мы готовы слушать...

— Вотъ какъ-съ: я жилъ въ Семеновскомъ-Полку... нѣть, виноватъ, живу я въ Измайловскомъ-Полку, въ Четвертой-Ротѣ, у отставнаго полотрѣ Макара Иваныча Горчицына... отецъ его былъ тоже отставной полотрѣ — только умеръ давно, и я его не знаю, а Макара Ивановича Горчицына знаю: человѣкъ былъ хороший. У него-то я занималъ комнату, цѣлую особую комнату, веселую, съ зелеными бумажными обоями, теплую, съ садикомъ подъ окнами... и обѣдъ у меня былъ пристойный — за обѣдъ я платилъ особо, по пятнадцатишилику за обѣдъ, а за квартиру десять рублей въ мѣсяцъ, такъ мнѣ еще оставалось изъ жалованья, на разныя шалости и на черный день рублей, можетъ-быть, пять съ полтиною или и шесть... Счастливо я жилъ въ то время! Бывало, соберемся, все молодёжь, народъ веселый, у меня притомъ была гитара, а Самсонъ Давыдовъ умѣлъ играть на гитарѣ, а Митя Кочергинъ бывало поетъ... а потомъ, знаете, на Острова, бывало, если лѣто, а если зима, такъ въ грандиръ, бывало, завернемъ и прійнемъ пить чай, а тутъ намъ музыка всякая почище самсонъ-давыдовчевої музыки — увертюры, арии и все, бывало, съиграеть органъ, а мы слушаемъ, да чайку напиваемъ; а первого числа такъ ужъ всемнепремѣнно и кутнѣмъ въ складчину — вотъ какое времечко было золотое!

Евстигній Лукьянныч опустилъ пальцы въ табакерку и, ненайдя табаку, продолжалъ:

О службѣ говорить нечего. Чинъ я имѣлъ изрядный, ассесорскій, только жалованышко маленькое. Мне хотѣлось больше. Не потому, чтобъ ужъ въ-самомъ-дѣлѣ я нужду терпѣль большую, а потому — что всякий молокосось щель впередъ, а я какъ-будто застыдѣлъ на одномъ мѣстѣ въ однѣмъ окладомъ. Притомъ же, я былъ горячаго характера и свою имѣль амбицію: я и принялъ ходатайствовать у Владимира Андреича, моего благодѣтеля, что сдѣлайте же милость, окажите защиту и покровительство, войдите въ мое положеніе, заставьте по гробъ мой молиться за васъ.* Владимиръ Андреичъ долго отыѣвался, говорилъ, что не знаетъ, какое изъ меня сдѣлать употребленіе, что мнѣ надобно годиться къ тому же, къ чему годятся другіе выскочки, молокососы, ученикѣ: тогда, говоритъ, и окладъ былъ бы соразмѣрный... но я все-

таки не переставалъ утруждать его при случаѣ, такъ-что Владими́ръ Андреичъ однажды разгорячился и спросилъ у меня, гнѣвно: да что у васъ, сударь, есть что ли пѣчего? что у васъ семейство обширное — виноватъ я, что ли, что вы обзавелись обширнымъ семействомъ?

« — Владими́ръ Андреичъ! отвѣчалъ я, во истину съ чувствомъ отвѣчалъ и съ горькими слезами. Богомъ клянусь вамъ, что никакого семейства я не имѣю, хоть извольте навести справку; я одинъ какъ перстъ на бѣломъ свѣтѣ; я, Владими́ръ Андреичъ, круглый, бесприютный сирота, а вы у меня одинъ отецъ и благодѣтель! Когда я объяснилъ Владими́ру Андреичу все, что у меня было на душѣ, они какъ-будто пришли въ сердечное умиленіе и опять спросили у меня, что я, стало-быть, не женатъ, и почему же это они считали меня женатымъ. Я тотчасъ и на этотъ счетъ отклонилъ отъ себя всякое сомнѣніе, объяснилъ, что женатъ не я, а другой Переудковъ, не Евстигній Лукьяновъ, а Лука Ивановъ, въ другомъ рангѣ состоящій и въ другомъ столѣ, и что этотъ Переудковъ мнѣ вовсе чужой человѣкъ, даже вражду питаетъ ко мнѣ и, происходя изъ ученыхъ, занимается не столько дѣломъ, сколько стихотворствомъ, несвойственнымъ благонамѣренному человѣку. Тутъ Владими́ръ Андреичъ поняли совершенно мое положеніе, освѣдомились, что я за человѣкъ такой нынче, то-есть, на ту пору, и что получаю, и когда я отвѣчалъ откровенно, что, по милости его, отца моего и благодѣтеля — я такой-то и пять сотъ ассигнаціями; они вновь пришли въ умиленіе, сказали, что я действительно жалкій человѣкъ, а впрочемъ, если ужъ я не обязанъ семействомъ, то помочь моему горю можно легко; и сказали, чтобы я пришель къ ihnenъ черезъ три дня; а они въ то время все обдумаютъ. Я и пришель. Владими́ръ Андреичъ сказали, что много думали о темѣ, чтобы помочь моему горю, и придумали наконецъ, что мнѣ слѣдуетъ жениться. Я поклонился, поблагодарилъ и объяснилъ Владими́ру Андреичу, что, по незначительности своей и по совершенной бѣдности никакихъ видовъ на женитьбу не имѣю; они отечески посмѣялись надо мной и сказали, что выбрали уже для меня невѣstu совершенно по мнѣ, что есть одна прекрасная особа, которой не достаетъ только порядочного имени, чтобы занимать приличное ей мѣсто на бѣломъ свѣтѣ, что порядочное имя есть у меня, и что, если я хочу, такъ вотъ какъ: мнѣ сочетаться законнымъ бракомъ съ нею, съ прекрасною, т. е. особою и мѣщанкою Надеждою Львовиою Закулковою, которую «опекаютъ» они сами, Владими́ръ Андреичъ; тогда, значитъ, по заключеніи законнаго брака, они выдашутъ въ собственные мои руки двадцать тысячъ бумажками (въ тѣ поры бумажки ходили), и потомъ ужъ въ мои дѣла не станутъ вмѣшиваться, я могу жить себѣ на покой, кутить, или Богу молиться, что мнѣ угодно.

« Такъ вотъ, господѣ, какое вдругъ передо мною — горюнонъ открылось поприще широкое: двадцать тысячъ бумажками! Я, при-

знатъ, какъ и обрадовался такому счастію, однакожъ, все-таки подумалъ и догадался въ чёмъ дѣло — а послѣ опять подумалъ, поразсудилъ, что у меня иной разъ и свѣчки сальной не на что купить и частенько хожу въ оборванномъ сюртучишѣ, такъ тутъ ужъ дѣло известное, какая амбіція! да и что такое, въ-самомъ-дѣлѣ, амбіція, когда тутъ мнѣ дураку оказываются снискожденіе люди—вотъ какіе! что за амбіція передъ двадцатью пятью или наличныхъ рублей!.. Прикинулся я все это на разумъ и засмѣялся, а когда рѣшился, сами Владіміръ Андреичъ — ей же, ей же! сами они заѣхали ко мнѣ на квартиру, вошли въ мою коморку бѣдную и въ мое горькое положеніе (это случилось вечеромъ), заставили меня надѣть фрачникъ мой ветхій и прифрантиться, а сами, пока я, знаете, снаряжался и, разумѣется, стыдился, что все это передъ такою особой, и конфузился, что каморка моя такая—стульчика крѣпкаго не было и пертреть Наполеона висѣлъ на стѣнѣ, а слѣдовало бы быть портрету ихъ самихъ, Владіміра Андреича, (только я по бѣдности не могъ подпинаться на портретъ моего бла-годѣтеля) — пока все это со мною дѣлалось, они закурили сигару, вѣроятно, ужъ настоящую, и стали трунить надо мною и подсмѣ-иваться, не то, чтобы въ юбиду или въ оскорблениe, а совершенно-особымъ милостивымъ, и до крайности отеческимъ образомъ, такъ-что у меня всѣ жилки заходили отъ умиленія... Я тутъ-то и по-думалъ, что вотъ вы тамошніе, важные и очень-важные — посмо-трѣли бы вы какъ тутъ со мною сами Владіміръ Андреичъ, предъ которыми вы гнетесь въ три ноги, посмотрѣли бы и, что бы вы подумали? подумали бы, что вотъ человѣкъ вышелъ на свою дорогу, что Переулковъ начинаетъ свою карьеру, что не-чего теперь глумиться надъ Переулковымъ и спрашивать, по како-му это вы слушаю, господинъ Переулковъ, такого достигли уважи-тельнаго званія?.. Ну, знаете, многое, очень-лестное пришло мнѣ въ голову, такъ-что ужъ я подумалъ, что и въ самомъ-то дѣлѣ, чѣмъ я не гожусь въ пріятeli Владіміру Андреичу.....

«Когда я снарядился во что Богъ послалъ, Владимиръ Андреич повезли меня въ своей собственной каретѣ на Вознесенскій-Проспектъ; тамъ карета остановилась у какого-то дома (теперь, впрочемъ, я его хорошо знаю), и мы вошли по парадной лѣстницѣ, освѣщенной газомъ, въ квартиру сироты, опекаемой Владимиромъ Андреичемъ. Квартира была въ четвертомъ этажѣ; но что за квартира! я только въ трактире у Палкина видѣлъ такое великолѣпие, какъ въ этой квартирѣ, нѣчего и говорить, что полы паркетные—это пустяки, а обои-то, обои какіе—все бархатныя: въ одной комната золотыя, въ другой зеленыя, въ третьей какъ жаръ красныя; а мебель-мѣбель — самъ чортъ выдумывалъ такую мѣбель—стыдно и совѣстно сѣсть на какую-нибудь тамъ табуретку или въ кресло; а зеркала, а вазы съ цветами, а занавѣски на окнахъ и дверяхъ, да и дверей-то не было, а такъ просто одна занавѣсь — дѣрнешь за шнурокъ—она и откроется, и ступай дальше; тамъ

опять то же; тамъ опять; а тамъ ужъ и очутишься въ стенной комнатѣ, гдѣ все и цветы, и подушки, и собачки, и занавѣски, въ серебряные подсвечники и матовые лампы, и кушетка — въ мои невѣста!

«Господѣ! еслибы вы видѣли мою невѣсту... я отъ роду не видѣлъ такихъ красавицъ! Конечно, по Невскому можно встрѣтить, но тамъ, знаете, магазины; а въ магазинахъ ленты, забѣзы — портреты знатныхъ обоего пола особь; по неволѣ развлекающей и не обратишь вниманія — хозяйки же у меня бывали все сварливы и до крайности почтенные женщины; а у нашей браты — жены и сестры и племянницы — вы знаете, тоже хозяйки въ какоморомъ смыслѣ: есть полноценныя, кругленькия и такъ будто любезныя — да куда! Ни одѣться танѣ не умѣютъ, ни огненой юности не имѣютъ, а неговорить — что и говорить! Конечно, если настѣть дровъ и Сѣнной-Площади, на-счетъ того, какъ ближе притоюить и гдѣ башмаки дешевле купить — въ этомъ нужно имѣть смиренность — въ Семеновскомъ-Палку могутъ перенесоглять Надежду Львовну, но за то ужъ въ чёмъ другомъ, знаете, настѣть милатностей, пріятности въ обхожденіи, они передъ нею нась.

«Владимиръ Андреичъ отрекомендовалъ меня Надеждѣ Львовнѣ, какъ своего друга и сослуживца (ей же, сй, не лгу!). Я, разумѣется, не беру на себя лишняго — не очень-то разговаривъ и говорилъ съ женщинами... Я какъ сѣль на диванѣ, такъ и присроюсь къ дивану; глаза у меня растерялись и языкъ примеръ... а она тутъ все, окондо меня, знаете... говорить со мною, да вдругъ такъ пристально взглянетъ на меня, что во мнѣ вся душа задрожитъ, — чуть не пропаду я въ тотъ вечеръ; не помню, что я говорилъ; тогда, кажется, только и говорилъ, что «да» и «нетъ-съ», а они между собою все говорили, и даже Владимиръ Андреичъ за меня отвѣчалъ исколико разъ, когда она вдругъ, было, что-нибудь спросить у меня — живая такая; а глаза... какъ взглянетъ на васъ вдругъ, такъ и обдастъ жаромъ; ужъ я краснѣль, краснѣль, и такъ досадовала, что не знать приличного обхожденія. Однакожъ, ничего. Она вовсе не замѣчала, какой на меня столбнякъ напала, и пригласила меня съ собою въ театръ. Можете представить! Я взглянула на Владимира Андреевича, и онъ сказалъ мнѣ: «какъ же, какъ же! я доводу васъ» — и точно, въ семь часовъ покатили мы всѣ втроемъ, въ Большой-Театръ. На словечка я тамъ понять не могъ, притомъ же растерялся до крайности: Владимиръ Андреичъ ушелъ въ кресла, а мы остались въ ложѣ въ третьемъ ярусѣ. Надежда Львовна почти безпрерывно говорила со мною, а я сижу-себѣ, какъ пень, не знаю, какъ тутъ быть... ну, да ужъ за одно и рубну что-нибудь съ пачка, — ну, словомъ, былъ въ такомъ отчаянномъ положеніи, что разъ былъ — ради, когда по окончанію оперы пришли Владимиръ Андреичъ да и отпустили меня, а сама Надежда Львовна просила меня пожаловать вѣсть съ Владимиромъ Андреичемъ, черезъ день, кажется, обѣдать. Тутъ ужъ, господа, на третій день я немножко освоя-

ся съ своимъ положеніемъ, а можетъ-быть, и не освоился бы, еслибы не помогалъ тутъ Владимиръ Андреичъ.

«Не помню уже, какъ это все велось, только помню, что я былъ настоящимъ женихомъ Надежды Львовны, что, наконецъ, потерялъ свою робость, покрывшись къ своему положенію и совершивши взлюбился въ свою невѣсту. Я даже замѣтилъ, что очень понравился ей, и только о томъ и бредилъ, чтобы ~~помогъ~~ кончить всѣ перемоини... Ну, перемени всѣ были кончены благополучно, и я прѣѣхалъ съ Надеждой Львовной въ ед. квартиру, законнымъ ей мужемъ... Благодѣтель мой, Владимиръ Андреичъ, разумѣется, былъ съ нами. Это было вечеромъ часовъ въ десять. Ни душа посторонней, кроме насъ, не было. Мы поужинали... я таки, чѣмъ сказать, на радостяхъ, славно тогда поужинали, и выпили порадочно, не смотря на то, что сидѣли за одинимъ столомъ съ Владимиromъ Андреичемъ. Всѣ, знаете, мы поужинали, потолковали, чай пили, и время этакъ часовъ до двѣнадцати провели въ домѣ съ Владимиromъ Андреичемъ, а жена моя ушла въ свою комнату. Наконецъ, Владимиръ Андреичъ сказали мнѣ, что они теперь исполнять осталыя свои обязанности ко мнѣ по договору, и затѣмъ ужъ мнѣ останется исполнить свои: тутъ они вынули изъ бумажника билетъ ломбардный на мое имя, да еще наличныхъ толстеньку пачку и отдали мнѣ—всего было на двадцать тысячъ. Потомъ сказали: «Теперь живите-себѣ счастливо, господинъ Переулковъ—живите, какъ знаете и гдѣ знаете, никто съ вами отчета не спроситъ.» Я кланялся и благодарилъ, а Владимиръ Андреичъ посмотрѣлъ на часы, продолжали: «Скоро полночь. Пора намъ домой. Не угодно ли я довезу васъ до вашей квартиры?...»

— Какъ-такъ, до моей квартиры? спросилъ я Владимира Андреича.—«Да такъ же, какъ всегда. Чѣмъ вы это?» сказали они съ усмѣшкою. Столбнякъ на меня нашелъ, и глаза у меня помутались, и въ ушахъ засвѣтило... Да не-ужъ-то я не у себя?.. гдѣ же это я, Владимиръ Андреичъ? — «Какой вы странный человѣкъ: не понимаете чѣмъ ли; что вы, т. е. мы оба, здѣсь, въ чужой квартирѣ, въ гостяхъ у коллежской ассе-сорши Переулковой? — Да вѣдь она жена моя, Владимиръ Андреичъ, моя законная жена! — «Конечно, конечно, жена ваша, никто въ этомъ не сомнѣвается, да квартира-то не ваша и не моя: таъ вѣтъ и слѣдуетъ, что мы должны благополучно отправиться, безъ подробнѣйшихъ объясненій, которая ни къ чому добруму не ведутъ; вѣдь, вѣдь же!» сказали они мнѣ вдругъ, и въ первый разъ послѣ сватовства моего сказали собственнымъ сномъ голосомъ, такимъ тихимъ, шепучимъ голосомъ, который бросаетъ въ поть и дрожь, и пронзитъ, которого никакое человѣческое сопротивленіе невозможно. Я испугался и растерялся... «Шинель господина Переулкова!» сказалъ Владимиръ Андреичъ, отворивъ дверь въ переднюю... Я вышелъ за мнѣ столбъ-столбомъ, дуракъ-дуракомъ... Трехполинный верзило, Триофф, накинулъ на меня шинель и обхватилъ мнѣ обѣ-

ими руками шею, застегнуль воротникъ съ такою манерою, какъ будто хотѣлъ тутъ же и задушить меня... Дѣлать было нечего! не помни себя, я пошелъ съдомъ за Владимиремъ Андреичемъ. На лѣстницѣ они мнѣ сказали:—«Чтѣ вы какъ ребенокъ маленький? —опомнітесь. Сегодня мы хорошо поужинали, такъ и сѣдовала; но завтра вы поразсудите хорошенько. Хотите, чтобы я дожѣ вастъ?»—«Нѣть-съ, всеніжайше благодарю!» отвѣчалъ я испуганный до крайности;—я ужъ самъ какъ-нибудь... Онь и не усиливался. «Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ. Прошайтесь; желаю вашъ счасты. Теперь вы имѣете средства—прощайте. «Тутъ онь подаль мнѣ изъ затѣльный палецъ, и я со страхомъ сжалъ обѣими руками головной перстень на пальцѣ. Потомъ, они сѣли въ карету и нѣхалѣ себѣ, а я остался тутъ на улицѣ и съ полчаса мерзъ и дрожалъ, не понимая, что обстоятельно, это такое случилось со мною; въ головѣ что-то шумѣло и въ глазахъ искорки сверкали... Я думалъ, думалъ и ничего не придумалъ; а домой, къ себѣ, т. е. на извѣтиру, какъ-то стыдно было; такъ ужъ я разечтался и хоть багажа своего не вывелъ оттуда, но заявилъ, что женюсь и переѣхжай въ женину квартиру... Ахъ, какая тоска на меня напала—тоска отъ того, что въ толкѣ я не могъ взять ничего, самъ себѣ не могъ вѣрить, что со мною случилась такая комедія на лбу, а не во слѣ, не въ театрѣ. Вотъ я и пошелъ-себѣ куда глаза глядятъ... вѣ и голову ломаю соображеніемъ, а сердце-то такъ и рвется отъ боли и горя... вдругъ, глядь въ сторону: красный фонарь мелькнулъ передъ моими глазами; дай-ка, подумалъ я, зайду сюда, въ трактиръ, поразсудить о своемъ положеніи, отогрѣться немножко и душу замученную отвести чайкомъ. Я и нашелъ въ этотъ самый трактиръ, гдѣ и теперь нахожусь. Зашелъ я въ трактиръ и вижу, что наша братья гуляетъ... т. е. не столько гуляетъ, сколько ругается съ буфетчикомъ и свою амбицію выставляетъ въ разныхъ видѣахъ посмѣяніе подлой черни, служителей трактирныхъ... Тутъ только вспомнилъ я, какая страшная куча денегъ у меня въ карманѣ; вспомнивъ обѣ томъ, я почувствовалъ облегченіе въ душѣ и приказалъ подать пуншу. Выпилъ пунши, потребовалъ еще чего-то, потомъ еще, а потомъ ужъ стала быть толку угощать всѣхъ, кто тутъ ни былъ, да и напился я при этомъ случай до крайности. Тутъ я въ первый разъ въ жизни моей напился какъ слѣдуетъ, и узналъ, почему это такъ любить пьянствоватъ бѣдные люди—д потому, господа, что горе гнететъ бѣднаго человѣка, что вижда єсть бѣднаго человѣка, что здравый разсудокъ, проклятый здравый разсудокъ безпрерывно говорить бѣдному человѣку такое страшное, беспощадное, что не знаетъ онъ куда лѣваться, гдѣ забыться отъ своего безжалѣстнаго мучителя, здраваго разсудка, не знаетъ, гдѣ утопить свой здравый разсудокъ, потому-что на кой-чортъ, въ-самонь-дѣль, здравый разсудокъ бѣдному человѣку, если не на его погибель и уничтоженіе! Вотъ и нашелъ бѣдный человѣкъ одно спасеніе въ питьѣ, и пока онъ пьеть и пьянъ, здравый раз-

судокъ въ немъ спить, а отъ самъ, бѣдный человѣкъ, живеть, т. е. не мучится, а всякия приятныя ощущенія испытываетъ и воображаетъ себѣ свободно, чѣмъ только ему угодно, и самъ вѣрить тому, что о себѣ воображаетъ.

«Такъ вотъ, господа, при этомъ-то горькомъ случаѣ я напился въ первый разъ въ жизни, и тутъ же всѣмъ моимъ пріятелямъ, съ которыми, впрочемъ, въ первый разъ встрѣтился, рассказалъ свою горестную исторію... Тогда всѣ начали смеяться надо мною, такъ-что я, какъ ни былъ пьянъ, все-таки чуть не умеръ отъ стыда. И стали они съ разными насмѣшками надо мною разспрашивать меня обо всемъ подробно; я рѣшился ужъ за-одно признаваться и подробно—признался и въ томъ, что не больше, какъ полчаса тому, получилъ отъ Владимира Андреевича двадцать тысячъ, которыхъ у меня въ карманѣ. Когда я признался во всемъ этомъ откровенно, они вдругъ перестали смеяться надо мною и начали глубоко сожалѣть обо мнѣ, сказали, чтобы я распорядился обѣ ужинѣ, и вдругъ сами начали распоряжаться всѣмъ, а потомъ начали громко сожалѣть обо мнѣ и осуждать мою жену и Владимира Андреича. Потомъ начали шумѣть и сговариваться о чёмъ-то такомъ... Стало поздравлять меня и просить у меня денегъ, и я бросилъ имъ свой бумажникъ; они кинулись на него и снова зашумѣли между собою. Мнѣ было очень—весело, и я все хотѣлъ, а пріятели мои уже затѣвали драку. Тутъ явился трактирщикъ, разобралъ дѣло, отобралъ у нихъ мои деньги, пересчиталъ и отдалъ буфетчику на сохраненіе, а мнѣ оставилъ какую-то небольшую бумажку. Пріятели сначала горячились, а потомъ уговорили меня идти съ ними почевать куда-то. Трактирщикъ хотѣлъ отправить меня домой съ своимъ служителемъ, но я не захотѣлъ: мнѣ было такъ весело на ту пору, что я хотѣлъ провести время съ пріятелями, и такъ-какъ я уже былъ совершенно «готовъ», то меня вели подъ руки два человѣка, еще не совсѣмъ готовые... Ну, и привели меня куда-то, бросили на диванъ, вынули у меня изъ кармана бумажку, которую оставилъ мнѣ трактирщикъ и, больше я ужъ ничего не помню: я совершенно обезпамятѣль и очнулся только на другой день, часовъ въ десять, отъ толчковъ, которые кто-то давалъ мнѣ подъ бокъ.

«Я открылъ глаза и увидѣлъ одного изъ вчерашнихъ пріятелей. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я вставалъ и шелъ поскорѣе съ нимъ. Я зовиновался; голова у меня трещала, и я чувствовалъ уныніе смертельное. Пріятель уже на пути признался мнѣ, что онъ даже въ должность свою не пошелъ для того только, чтобы сохранить меня, что скоро, можетъ-быть, черезъ часъ, а не то такъ и слѣдомъ за нами появятся прочие пріятели, которыхъ я угощалъ вчера; что они будутъ всячески стараться искусить и соблазнить меня, потому-что они известные во всѣмъ Петербургѣ мошенники и живутъ только тѣмъ, что шляются по всѣмъ трактирамъ, привязываются къ хорошимъ посѣтителямъ, подбираются къ пьянымъ и обираютъ

ихъ, или затѣваютъ ссору съ мастеровыми и простыми русскими людьми, сами на себя накликаютъ почечину или другой какой гостинецъ, а потомъ ужъ таинуть бѣднаго запущеннаго человѣка въ полицію,—ты—дескать кто таковъ,—я вотъ каковъ—благородный дворянинъ—плати, говорить, такой-сакой—безчестіе по рагу, наличными деньгами! Вотъ какіе были пріятели, на которыхъ наткнулся я въ этомъ трактирѣ, и я былъ очень—благодаренъ ему, что онъ предупредилъ меня; онъ притомъ напомнилъ мнѣ, где оставилъ деньги на сохраненіе по его совѣту, и пояснилъ, что потовъ даже на висѣлицу и къ самому чорту только бы сберечь имъ.

«Мы пришли въ трактиръ. Я потребовалъ свои деньги, и мнѣ ихъ отдали; потомъ я хотѣлъ угостить пріятеля за его почечину обѣ мнѣ, но онъ поблагодарилъ меня и сказалъ, что ничего отъ немъ не хочетъ, а старался за меня по добротѣ души, какъ за своего брата роднаго, какъ за себя—самого, а, впрочемъ, если мнѣ угодно, онъ готовъ сдѣлать мнѣ компанію, чтобы меня не обидѣть, только не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, потому что сюда того и смотрѣ нагрянутъ вчерашніе пріятели. Я согласился идти куда онъ хочетъ, и онъ повелъ меня отсюда въ другой какой-то до крайности гадкій, но, по его словамъ, совершенно-безопасный для меня трактиръ. Тамъ онъ посовѣтовалъ мнѣ опокмѣлиться, чтобы голова не болѣла, и тутъ же самъ распорядился о похмѣльѣ... При этомъ случай, господа, я въ первый разъ узналъ, что значитъ для прощающаго человѣка похмѣлье и почему онъ тоскуетъ съ похмѣльемъ, и почему онъ напивается усердно съ похмѣлья...

«Потомъ онъ сталъ разсказывать мнѣ, какая съ нимъ—самимъ случилась исторія: есть у него жена и дѣти, а содержать ихъ нечѣмъ, и холодно притомъ, мѣста порядочнаго, или хоть какого-нибудь, онъ не имѣть, а времена пришли скверныя, дворники изъ квартиръ гонять, да, сверхъ-того, его обокрали на днахъ—все будто-бы имѣніе, какое тамъ у него было, повытаскали изъ квартиръ. Поѣздъ того онъ заплакалъ горькими слезами и потребовалъ закуску и вина; потомъ кинулся ко мнѣ на шею и началъ меня цаловать и называть благороднейшимъ человѣкомъ въ мірѣ. При этомъ случай пришло мнѣ въ голову, что я не знаю даже, какъ зовутъ моего пріятеля, и спросилъ у него: онъ отвѣчалъ, что имъ и званіе человѣческое ничего не значитъ, главное дѣло душа, —впрочемъ, онъ не отирается, что зовутъ его Лукиянъ Карповичъ Судаковъ и званіе имѣть—какъ всѣ, а денегъ—ни гроша. Я предложилъ ему двадцати-пяти рублейную бумажку, чтобы его не обидѣть, въ займы. Онъ залился горючими слезами и сказалъ мнѣ, что вѣкъ свой не встрѣчалъ такого благороднаго человѣка, и что недаромъ онъ почувствовалъ ко мнѣ пріятельское расположение еще вчера, какъ только я вошелъ въ трактиръ городъ Новый-Китай. Потомъ признался онъ мнѣ отъ искренняго сердца, что, если ужъ такъ, то дадь бы я ему сто рублей ассигнаціями на дѣлѣ, что ли, а онъ по-гробъ свой не забудеть моего добра. Я

снова начинать хмельть; головная боль у меня прошла, и мѣ становилось почему-то весело, такъ-что я часто, ни съ того ни съ этого, принимался смеяться и хохотать. Я далъ ему сто рублей и предложилъ сѣзжть со мною въ мою квартиру; онъ согласился. По дорогѣ мы останавливались у разныхъ заведеній, чтобы подкрепиться, и я ужъ не помню, какъ очутился въ своей квартире. На другой уже день, хозяинъ мой, все тотъ же Макаръ Иванычъ Горчицынъ, сказывалъ мнѣ, что пріѣхалъ я съ кѣмъ-то въ жалостномъ состояніи, что человѣкъ, который меня привезъ, очень заботился о томъ, чтобы уложить меня спать, и долго со мною возился, и ушелъ тогда уже, когда я уснуль. Въ это время, я чувствовалъ тѣ же страданія, что и паканувъ — и вдругъ вспомнилъ, что можно поправиться.

« Но представьте, господа, мое положеніе, когда я не нашелъ у себя ни гроша изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, которые со мной были! Оставался одинъ ломбардный билетъ на десять тысячъ... А голова у меня трещала. Лукьянъ Карычъ, Владимира Андреичъ, Надежда Мьевна безпрерывно мелькали передъ моими глазами и какъ-будто дразнили меня. Я дрожалъ отъ страшного холода, который замораживалъ кровь. Я, наконецъ, не могъ опомниться и одуматься хорошенько. Хозяинъ спрашивалъ, что со мною случилось, гдѣ жена моя и проч.; я рассказалъ ему. Потомъ, кинулася я иъ мѣнялась и, обративъ свой ломбардный билетъ въ деньги, снова зашелъ въ какое-то заведеніе, чтобы поправиться, а потомъ ужъ и за разумъ взяться... »

« Тутъ, господа... да и къ чему ужъ повторять всѣ подробности! Этотъ день я провелъ такъ же, какъ и предшествующій, слѣдующій день тоже, и такъ цѣлый мѣсяцъ жилъ въ какомъ-то новомъ для меня мірѣ. Около меня, паяву или въ воображеніи, мелькали разныя лица: они жили со мною, угождали меня, обирали меня, и я ничему не противился. Я сігналь тушить каждую искру сознанія, зарождавшагося во мїе послѣ долгаго сна. Въ тотъ мѣсяцъ я совершенно измѣнился во всемъ... Несчастное происшествіе, доставившее мнѣ деньги, было забыто... Только тоска иногда грызла меня даже въ часъ опьянѣнія... Я рвалъца себѣ волосы въ отчадніи, чувствуя свое беспылѣе остановиться и опамятоваться... Наконецъ, я остановился и опамятался... Первое, что я вспомнилъ и почувствовалъ, было то, что всѣ деньги мои издержаны, и мнѣ нечѣмъ поправиться... Три дня послѣ того я пролежалъ большой, все еще въ чаду, истощенный и обезумѣвшій отъ всего, что случилось со мною. Потомъ, я рѣшился выйтіи и какъ-то случайно очутился у одного дома, гдѣ погубили меня безвозвратно. Я думалъ, думалъ — и рѣшился, что имѣю же какое-нибудь право пріѣхати къ своей женѣ, и пришелъ. Меня, впрочемъ, спросили подождать въ передней, а въ зеленую комнату и не пустили трехногій мерзавецъ, даже спросилъ, какъ обо мнѣ доложить, не... посмотрѣвъ на меня пристально, узналъ меня — вѣроятно, что узналъ

и мою историю... Опь ушелъ къ моей женѣ и черезъ нѣсколько мишути вышелъ ко мнѣ съ отвѣтомъ, что барыня не здорова и никого не принимаетъ, а вотъ вамъ, говорить, пять рублей ассигнаціями. Я... ахъ, господа! еслибы вы знали, какую грозу готовилъ я женѣ моей, какіе плахи па счетъ справедливости и правосудія строилъ я, и все разрушилось вдругъ передъ — синей ассигнаціей!.. Дешьга, дешьга!.. Какъ-только я взглянула на нее, разумъ мой помутился совершенно... Я былъ и боленъ, и голоденъ, и, главное, хотѣлъ пить, т. е. выпить! Я взяла бумажку, поклонилася мерзавпу, и вышелъ..."

На этой фразѣ Рожковъ остановилъ рассказчика.

— Такъ вы такъ-то съ-тѣхъ-поръ живете-себѣ одни? Всё тѣмъ же порядкомъ?

— Все тѣмъ же порядкомъ! отвѣчалъ онъ.—Нѣть ли, господа, табачку?

— Табачку пить, а если чѣго-нибудь другаго...

— Холерной, вы думаете?

— Да, на-примѣрь, холерной...

— Съ благодарностью за ваше здоровье, господа.

— Такъ прикажите. Гей, буфетчикъ! вѣли подать господину... этому господину...

— Переулковъ, Евстигній Лукьянъчъ, шепнулъ рассказчикъ.

— Господину Переулкову вѣли подать туда, въ ту комнату, этой гадости...

— Холерной.

— Да, бишь, холерной, что ли; ну, и закуску хорошую, какую ему угодно.

— Московскую...

— Московскую закуску.

— Нѣть-съ, это селянка такая есть, московская: весьма-отличный вкусъ имѣеть.

— Ну, селянку...

Холерца янтарного цвѣта двинулась на подносъ въ сияющемъ сосудѣ, и всѣдѣ за нею поплелся въ другую комнату радостный желудокъ господина Переулкова.

— Заставилъ же ты меня выслушать эту исторію!

— Опа тебѣ кажется не любопытно?

— Пошлою, потому-что это весьма-обыкновенная исторія.

— Для меня въ ней другой интересъ... Но, ты идешь?

— Мигъ пора, пора. Вотъ тебѣ мой адресъ. Въ одиннадцать часовъ, не позже, ты долженъ быть у меня... Теперь, если хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ, пока тебѣ одна дорога.

— Ты довезешь меня до господина Макарова, въ Мѣщанской: господину Макарову поручилъ я на сохраненіе мой гардеробъ. Процайдѣ, Иванъ Монсѣчъ, до свиданія! Видѣшь, ты замѣтилъ, что у меня дѣла поправляются? То-то! Я къ тебѣ, Иванъ Монсѣчъ, черезъ недѣльку, на-дняхъ, можетъ-быть... до свиданія...

Такимъ-образомъ кандидатъ Зарницаинъ выходилъ изъ трактира Нового-Китая съ совершенно - возстановленнымъ духомъ и вообще настроенный, какъ слѣдуетъ, по-празничному. Усѣвшись съ Рожковымъ на извозчика, опять обратился къ своему пріятелю съ вопросомъ:

— Кѣкъ ты думаешь? Ты ци къ какому заключенію не пришелъ послѣ того, что выслушалъ исторію господина Переулкова?

— Пришелъ.

— Имено?

— Пришелъ къ тому заключенію, что не онъ первый и не опять послѣдній въ Петербургѣ бѣдный мужъ,—да утѣшилъ его эта аксіома!

— Не то! Я въ другомъ смыслѣ говорю: миѣ кажется, что она, эта исторія, имѣть связь съ мою маскарадною исторіею, которую я тебѣ разъяснялъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?.. И тѣ можетъ быть!

III.

Новый-годъ.

Въ квартире Рожкова собрался избранный кружокъ своихъ людей, самыхъ близкихъ и родныхъ, какъ слѣдуетъ для сиромной, сердечной встречи новаго-года. Рожковъ могъ гордиться тѣмъ, что все, бывшіе въ эту замѣтальнную ночь въ его гостиной, птили къ нему безпредѣльное сочувствіе—отъ жены, обворожившей гостей его своею неистощимою любезностью и сохранившей къ нему страстную, эпгерическую привязанность, до Бориса Александровича, который заступалъ мѣсто отца роднаго и походилъ болѣе на патріарха, нежели на Бориса Александровича.

Полночь приближалась. Гости вели оживленный разговоръ о какихъ-то «семи въ червяхъ», должно быть очень-важныхъ червяхъ, потому-что Борисъ Александровичъ очень горячились, пристойно, величественно, съ улыбкой на устахъ, но все-таки было замѣтно, что горячились, и нѣтъ сомнѣнія — основательно горячились. Собесѣдники съ глубокимъ сочувствіемъ слушали разсказъ его о «семи въ червяхъ» и прерывали его въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ замѣчаніями о томъ, что это случается — рѣдко, очень-рѣдко, но дѣйствительно случается, даже съ ними однажды случилось. Тутъ собесѣдникъ, съ которымъ «это случилось», разсказывалъ, какимъ образомъ, при какихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ и въ какую незабвенную пору жизни его все это случилось — чѣмъ сопровождалось, кто да кто былъ при томъ, и можетъ подтвердить, что все это — не сказка. Даже дамы принимали горячее участіе въ «семи въ червяхъ», и онъ-то исключительно разска-

зывали такие случаи со всеми подробностями и были, между прочим, звачить — внимательно выслушиваемы. Мужчины, по привычке, излагали дело вкратце и тут не успевали изложить его до конца, были прерываемы другими лицами из своей братии, жизнь которых тоже была описанована точно таким же редким и весьма достопримечательнымъ происшествиемъ. Вообще, по всему видно было, и сюжетъ оживленного, горячаго разговора окончательно опредѣлять, что общество, собравшееся къ Рожкову для встречи нового года, было общество избранное, европейски-образованное, имѣющее свои положительные, независимыя стремления въ жизни, и, если ужь говорить, хорошо поговорить, провести время въ умной бесѣдѣ, то зналъ, о чёмъ и поговорить.

Изрѣдка, въ пылу разговора, гости и хозяева бросали заботливый взглядъ на часы. Стрылька приближалась къ двѣнадцати. Зарница еще не явилась, и Рожковъ съ досадою подумалъ: «снять закутыль!» Въ это время, ощущая звонокъ въ передней и вышелъ въ залу.

Пришелъ, паконецъ, Зарница, почти-пенохожій на прежнаго Зарницуна: такую совершиенную благовидность принялъ его давнишняя растрепанная, небритая и нравственно-раэстроенная личность. По наружности рѣшительно нельзя было узнать въ немъ петербургскаго пролетарія.

— Ну, что же ты?.. Экой ты, братецъ! ну, можно ли такъ? чуть не опоздаешь, замѣтилъ Рожковъ, встрѣчая своего университетскаго товарища.

— Я, однакожъ, торопился... прождалъ у Федорова, у того, знаешь, у которого были на сохраненіи мои «домашнія обстоятельства», и погомъ, представь себѣ, представь, иду я къ тебѣ — это было часа два тому...

— Что жь мы стоимъ здѣсь? идемъ...

— На секундочку: тамъ нельзя этого говорить...

— А? Ну, ну; только потише. Я, паконецъ, почти завидую тебе — твоей независимой жизни, хотя и не каюсь, что живлюсь — и счастливъ! Ну, что же такое, что? Опять интрижка?..

— И какая! Иду я по Невскому... я терпѣть не могу жадить на извощикахъ...

— Безъ подробностей,—идемъ, я тебя познакомлю съ жизнью.

— Постой же, доскажу. Иду я, знаешь, чу, въ отличномъ расположении...

— Боже мой, меня ждутъ...

— Вдругъ встрѣчу... чудо! Я за ней, то-есть, за нимъ, за моимъ чудомъ: она, то-есть, спо, мудо-то, съ картонкой... помнишь?

— Ничего не хочу понимать — посып! Идемъ... воскликнулъ Рожковъ, схвативъ Зарницуна за руку.

Зарница сдѣдалъ нѣсколько шаговъ и, пристановившись, въ дверяхъ залы, изъ которой отворялась линия изъ группы гостей Рожкова, вдругъ подался назадъ.

— Да что это съ тобою, Зарницынъ? Ты никакъ съ ума сошъяшь! замѣтъ Рожковъ, гляди съ изумлениемъ на своего пріятеля.

— А? ничего, ничего! маленько потрясеніе... Это со мною случается. Идемъ...

Зарницынъ отправился вслѣдъ за Рожковымъ, прошелъ двѣ комнаты и очутился въ третьей, гдѣ мелькали однообразные черные юбки и разноцвѣтныя дамскія платья.

— Вотъ, Варинка, мой лучший другъ, Дмитрій Алексѣевичъ Зарницынъ — ученый мужъ и страхъ мужей! Рекомендую. Я совершенно-неожиданно встрѣтилъ его послѣ четырехъ лѣтъ... Прошу полюбить...

Варинка покраснѣла, смутясь на мгновеніе... и молча поклонилась лучшему другу своего мужа...

Въ то же время часы зашипѣли и медленно стали бить полночь...

Разговоръ умолкъ. Всѣ присутствовавшіе въ этой комнатѣ сгруппировались вокругъ большаго стола, на которомъ стояли бокалы съ длинными шейками. Никто не обратилъ вниманія на вновь-появившееся лицо Зарницына — а появилось оно какимъ-то особеннымъ, замѣчательнымъ образомъ. Притомъ же, Зарницынъ успѣлъ оправиться отъ своего мгновеннаго безпамятства; онъ тихонько присоединился къ группѣ, устремившей внимательные очи на Бориса Александровича, который стоялъ отдѣльно отъ нея — собственно ни на кого не глядя, но, такъ-сказать, пребывая въ торжественномъ самосозерцаніи.

Съ послѣднимъ ударомъ часовъ — пробка хлопнула и покатилась по полу. Благородная струя полилась въ бокаль... Борисъ Александровичъ, поднявъ бокаль, окинувъ все собраніе величественнымъ взглядомъ...

Вообще, въ лицѣ Бориса Александровича, особенно въ эту торжественную минуту, было много патріархальнаго. Его сіяющая лысина — куда, лысина! можно даже сказать — его почтенное чело — покраснѣло или, справедливѣе, просіяло еще болѣе отъ сильной дѣятельности мозга, приготовлявшаго приличную слушаю рѣчъ.

— Господѣ произнесъ наконецъ Борисъ Александровичъ: — за здоровье и благополучіе всѣхъ благородныхъ людей, за успѣхи въ процвѣтаніи доброй нравственности...

— Послушай, какъ ты находишь мою жену? шепнулъ Рожковъ Зарницыну: — скажи откровенно, безъ лести.

— Да, я нашелъ ее... нашелъ... отвѣчалъ смущенный Зарницынъ, дѣйствительно нашедшій свою маскарадную незнакомку.

— И семейной жизни, продолжалъ Борисъ Александровичъ съ страстнымъ одушевленіемъ.

— Да что! замѣтилъ Рожковъ шотогомъ, лукаво ушипнувъ Зарницына: — ты нынче скучъ на любезности, ты бережешь ихъ...

— За укрѣженіе чистыхъ нравственныхъ узъ, связующихъ всѣхъ насъ, такъ-сказать, въ одно семейство! продолжалъ Борисъ Александровичъ.

сандро́вичъ, совершенно воспламенившись своею ораторскою рѣчью и даже начиная понимать глубокій смыслъ своей рѣчи.

— Для расхода въ маскарадъ, отвѣчалъ Зарницаинъ въ-полголоса.

— И, паконецъ, заключилъ Борисъ Александровичъ: — за пренепрѣядие всего человѣчества на пути истины и добродѣлій съ наступающимъ новаго-года!

— Ур-р-р-ра! закричали двадцать голосовъ, весело выпивши свои бокалы ц, значитъ, встрѣчая новый-годъ въ добромъ здравьѣ, взапомѣнъ согласія и совершенно-пріятномъ расположении духа.

Л. ВУТКОВЪ.

9 к. Цифры эти выведены по трехлетней сложности, т. е. сообразно съ числомъ записывающихся въ обыкновенную книгу новыхъ гражданъ въ 1844, 1845 и 1846 годахъ.

Несравненно-важное этого сбора — доходъ, получаемый съ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, состоящихъ въ черте города. Въ Петербургѣ, онъ составляетъ 751,200 р.; въ Москве — 499,359 р. 58 к.; следовательно, и въ томъ и въ другомъ городе, более трети общаго этого текущихъ доходовъ. Сравнительно съ 1844 годомъ, онъ въ Петербургѣ увеличился на 264,611 р. или на 42%; въ Москве же не только не увеличился, но, напротивъ, уменьшился на несколько сотъ рублей. Такое возвышение суммы оцѣночного сбора въ Петербургѣ такъ значительно, что нельзя не остановиться на этомъ фактѣ и не вслѣдовать настоящей его причины. Причина эта заключается во введеніи новаго, болѣе-современнаго порядка для оценки недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ. Постараемся указать въ немногихъ словахъ на существо и благоприятные результаты этой важной реформы, которая особенно замѣчательна темъ, что увеличила доходъ не возвышениемъ размѣра, но улучшениемъ распределеніемъ налога.

Денежный сборъ съ осѣдлыхъ городскихъ обывателей, основанный на оценкѣ частныхъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ черте города, существуетъ въ Петербургѣ съ 1804 года. Введенъ онъ бывъ-по тому случаю, что прежде петербургскіе жители несли налогую ревизію городскія изысканія, какъ, напримеръ, исправленіе полицейской и пожарной службъ, содержаніе почты и карауловъ, личный нарядъ для мещанія уланъ передъ казенными домами, освященіе и содержаніе фонарей и т. п.; между-тѣмъ, какъ въ 1804 году, въ-следствіе доказанныхъ самимъ опытомъ неудобствъ такого порядка вещей, личный нарядъ обывателей замѣненъ былъ учрежденіемъ постоянныхъ командъ: полицейской, пожарной и другихъ, а мещаніе казенныи часть и освященіе уланъ отнесено было на счетъ города. Въ-следствіе установленія этого нового сбора, произведена была въ 1804 году первая оценка недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ и, сообразно съ этой оценкою, сумма, въ которой нуждался городъ на полицейскіи и другіи надобности, распределена была между жителями. Вторая такая же оценка произведена была еще въ 1821 и 1822 годахъ, послѣ чего уже не сдавало было ни разу общей оценки всѣхъ имуществъ и только въ частности, по мѣрѣ нужды, перечиснялась некоторые зданія, вновь-воздвигнутыя, перестроенные или прішедшия въ ветхость. Прошло двадцать лѣтъ и въ цѣнности домовъ совершились столь значительныя измѣненія, что оценка 1821 года перестала уже соответствовать настоящему положенію имуществъ. Вновь-построенные дома платили сравнительно гораздо-больше, чѣмъ дома прежніе, уже существовавшіе во время оценки. Отъ этого терялъ много города; теряли и самые обыватели, которые были обложены сбоемъ весьма-неуравнительно и вовсе-несоразмѣрно съ своими способами. По этой-то причинѣ, въ 1842 году призцария была необходимость новой общей оценки недвижимыхъ имуществъ и поведено было: для

уравнительного распределения городского сбора между владельцами недвижимых имуществ в г. Санктпетербургъ, сдѣлать новую оценку оныхъ, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ и распоряженiemъ министра внутреннихъ дѣлъ. Для исполненія этого изданы были отъ министерства подробный наставлениe (13), которыя были основаны отчасти на прежнихъ узаконеніяхъ, отчасти на новыхъ правилахъ, утвержденныхъ также законодательною властію. Одни изъ этихъ правилъ относились къ оценкѣ домовъ, другія — къ оценкѣ прочихъ недвижимыхъ имуществъ, какъ, напримѣръ, лавокъ, фабрикъ, огородовъ, бани, и т. п. Такъ-какъ дома приносятъ одни $\frac{1}{3}$ всего дохода, и, следовательно, занимаютъ безспорно первое мѣсто въ ряду городскихъ недвижимыхъ имуществъ, то понятно, что всего больше заслуживаютъ вниманія те начала, которыя приняты были въ основаніе пра иль оцѣнкѣ. Эті-то начала и постараемся мы изложить здесь въ возможно-краткомъ очеркѣ.

Налогъ, взимаемый съ домовъ, можетъ имѣть два различныя характера: или характеръ, косвенного или характеръ прямаго налога. Въ первомъ случаѣ, онъ принадлежитъ къ числу налоговъ съ потребления, взимаемыхъ непосредственно, и получается не съ владельцемъ дома, а съ жильца, который, по предположенію закона, платить всегда за наемъ квартиры цѣну, соответствующую его состоянию. Такой налогъ существуетъ въ Англіи и во Франціи (contribution ѿ bimiliére) и соразмѣряется то съ общирностью квартиры, то съ цѣною ея. Прямой налогъ падаетъ, напротивъ, на хозяина дома и принадлежитъ къ налогамъ на капиталы, потому-что въ такомъ случаѣ облагаемый податью домъ рассматривается закономъ какъ капиталъ, приносящий владельцу извѣстный доходъ. Къ этой послѣдней категоріи относится и налогъ, взимаемый въ русскихъ городахъ съ владельцемъ недвижимыхъ имуществъ.

Для установленія и раскладки прямаго налога, взимаемаго съ домовъ, существуютъ различные способы. Первый, самый несовершенный состоитъ въ обложеніи домовъ податью, соразмѣрно съ про странствомъ земли, находящейся подъ строеніемъ. Такая метода употреблялась прежде въ герцогствѣ Нассау, где, впрочемъ, принимались также въ соображеніе, кроме пространства земли, населенность мѣста и число отажей. При всей простотѣ этой методы, нельзя не заметить съ первого взгляда, что она не имѣть никакого рациональнаго основанія и уничтожаетъ всякую возможность уравнительнаго распределенія подати между домовладѣльцами. То же самое должно сказать и о способѣ раскладки по числу жилыхъ якоевъ, существующемъ въ Австріи. Число жилыхъ покоя не можетъ служить мариломъ для определенія того количества дохода, которое доставляется домомъ, а между тѣмъ, подать съ домовъ принадлежитъ, по самому существу своему, къ числу податей, взимаемыхъ съ дохода. Въ некоторыхъ мѣстахъ, напримеръ въ герцогствахъ Гессенскомъ и Баденскомъ, налогъ на дома удаво-

(13) См. статью: *Новая оценка недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ*, въ «Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ», часть I, стр. 115 — 137.

вляется сообразно съ ихъ цѣнною, дѣйствительнойю или средней (т. е. выведенною по сложности известного числа лѣтъ). Но и этотъ способъ, хотя имѣетъ много преимуществъ въ сравненіи съ двумя первыми, представляется еще весьма-несовершеннымъ, потому-что предполагается не всегда существующее сопротивление между цѣнною дома и количествомъ доставляемаго имъ дохода. Самая лучшая метода для обложенія домовъ податью состоитъ, очевидно, въ установлениіи сбора, основаннаго на прямомъ опредѣленіи получаемаго съ домовъ дохода. Такая метода опирается на началъ совершенно-раціональномъ и справедливомъ, потому-что принимается въ основаніе необходимость требовать отъ каждого гражданина количество податей, соразмѣрное съ его средствами и состояніемъ. Этой самой метода слѣдовали и въ Петербургѣ при оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, произведенной, какъ мы замѣтили уже выше, въ 1842 году.

Точное, математически-вѣрное опредѣленіе чистаго дохода, получающаго съ домовъ, рѣшительно невозможно. Въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ только стараться о достижениіи известной степени вѣрности и отказаться заранѣе отъ всякой надежды на безошибочность расчетовъ. Но само-собою разумѣется, что большая или меньшая степень точности въ оцѣнкѣ чистаго дохода, зависитъ совершенно отъ тѣхъ средствъ, которыя избираются для достижениія этой цѣли. Ошибка во всякомъ случаѣ неизбѣжна; но чѣмъ больше принимается мѣръ для ея предупрежденія, тѣмъ незначительны становятся и она сама. Въ этомъ отношеніи, нельзя не сознаться, что метода, принятая у насъ въ 1842 году для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, можетъ быть названа самою удовлетворительною изъ всѣхъ, какая только употреблялись до - сихъ - поръ. Всего лучше можно убѣдиться въ ея преимуществахъ, сравнивъ ее съ тамъ прорѣдкомъ оцѣнки чистаго дохода съ домовъ, которому слѣдуютъ во Франціи, где, надо замѣтить, часть эта устроена гораздо-лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ. Во Франціи, какъ и у насъ, для опредѣленія суммы валового дохода принимается въ основаніе наемная цѣна квартиры, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что тамъ обращается преимущественное (14) вниманіе на среднюю цену; у насъ — на дѣйствительную. Но въ исчисленіи расходовъ, сопряженныхъ съ владѣніемъ дома, наша метода имѣетъ явное преимущество надъ французской; тамъ расходы эти не опредѣляются особо, а дѣлается вообще предположеніе, что они должны составлять четверть дохода валового. Очевидно, что такое предположеніе, по самой своей общности, не можетъ всегда быть справедливымъ въ приложеніи къ частнымъ случаамъ; действительная сумма расходовъ бываетъ въ большей части случаевъ или больше, или меньше валового дохода; поэтому-то во французскомъ законодательствѣ и опредѣляется известный *minimum* чистаго дохода, и при томъ опредѣляется такъ, что для поверхности принимается простой доходъ съ лучшей земли; для зданій, построенного въ

(14) Мы говоримъ «преимущественное», потому-что и у насъ предписано применять въ расчетъ не одинъ послѣдній годъ, но, если можно, и предыдущіе.

земль—двойной доходъ; для одноэтажного зданія—тройной; для зданій съ несколькими этажами—четверной. У насъ есть никакой необходимости прибѣгать къ такимъ фактическимъ предположеніямъ, потому-что опредѣляются съ точностью действительные расходы по каждому дому, хотя при этомъ и соблюдается необходимое различие расходовъ случайныхъ отъ постоянныхъ. При нашей оценкѣ принимаются въ соображеніе: 1) расходы по управлению домомъ; 2) имъ содержавіе дворниковъ; 3) на ремонтъ и поддержаніе зданія; 4) на содержаніе мостовой и троттуара; 5) на очищеніе трубъ и дренажъ; 6) недоборъ доходовъ, въ случаѣ частаго простоя квартиръ безъ жильцовъ, и 7) на застрахованіе строеній. Сверхъ того, въ издержкахъ случайныхъ, вычитаются изъ дохода издержки владѣльцевъ: 1) на отопление квартиръ, для чего начисляются по контрактамъ, съ японцемъ на счетъ владѣльца; 2) на меблированіе квартиръ, где они отдѣляются въ наемъ стъ мѣбелью; 3) на снабженіе жильцовъ водой, если это лежитъ на обязанности владѣльца, и 4) на освѣщеніе и другие предметы, принадлежащіе за себя домовладѣльцу, воронаграждающіе себя прерогативъ увеличенія цѣнности квартиръ. По каждой изъ показанныхъ статей расхода, определена нормальная мѣра, (шіпірши и тахітам), такъ-что, ограничивая производство однющію, мѣра эта легко примѣняется ко всѣмъ разнороднымъ частнымъ случаямъ. Само-собою разумѣется, что установление такой нормы представляло важнейшее затрудненіе въ настоидшемъ дѣлѣ; для этого созвано было 39 депутатовъ отъ домовладѣльцевъ всѣхъ сословій и совокупно съ семью особо-отличительными чиновниками, которые представляли интересы фиска, вопросъ этотъ былъ обсужденъ въ рашень, въ присутствіи начальника губерніи, самымъ обстоятельный образомъ.

Такъ-какъ главною целью общей преодолѣніи недвижимыхъ имуществъ, създанной въ Петербургѣ въ 1842 году, было стремленіе достичнуть возможной уравнительности въ распределеніи налога, то очевидно, что необходимо было принять мѣры для ограниченія права владѣльцевъ отъ всѣхъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ, стасіонѣй. Съ этой-то целью въ предписании было возложено обязанность производства оценки на избранныхъ представителей владѣльческихъ сословій въ Петербургѣ. По числу частей города, образовано было тридцать одѣвочныхъ комиссій, которыя были составлены изъ депутатовъ, избранныхъ отъ каждого сословія городскихъ обывателей, имѣющихъ недвижимыя собственности въ столицѣ, именно: 1) отъ дворянъ въ разночинцѣ; 2) отъ купцовъ, и 3) отъ мыщанъ и ремесленниковъ. Для наблюденія за производствомъ оценки и за соблюдениемъ въ комиссіяхъ законнаго порядка, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ назначило отъ себя въ сколько чиновниковъ, взвѣшивъ каждому изъ нихъ два или три одѣвочные комиссіи. Сверхъ того, съ целью достичнуть владѣльцамъ возможность защищать свои права, постановлено было, чтобы комиссіи собирались разъ въ недѣлю въ общую залу лумы, куда приглашались и владѣльцы одѣвенныхъ имѣній. Владѣльцы, разсмотрѣвъ одѣвочные листы, должны были тутъ же подписать на нихъ, что довольны оценкою, или что,

напротивъ, "найрены" подать возраженія. На эти возраженія комиссии должны были писать объясненія и потомъ, пришивая поданный возраженій къ оцѣночному листу, представлять, выѣсть съ этимъ листомъ, на разсмотрѣніе высшаго начальства. Эта мѣра значительно способствовала къ тому, чтобы предупредить всякия неудовольствія и доставить обиженнымъ средство для законнаго охраненія своихъ правъ отъ неправильныхъ или ошибочныхъ действій оцѣнщиковъ.

Самое лучшее доказательство правильности принятой въ 1842 г. методы и успѣшности ея результатовъ представляютъ слѣдующія цифры: цѣнность недвижимыхъ имуществъ Петербурга, опредѣленная по прежней оцѣнкѣ, въ 55,880,552 руб. 63 к., возросла, въ-слѣдствіе новой оцѣнки, до 88,809,654 р. с. или на 60%; брачеть изъ 8493 владѣльцевъ, только 242 чол. подали возраженія противъ оцѣнки—возраженія, разсмотрѣнныя и разрѣшеныя своимъ порядкомъ. Въ-слѣдствіе такого измѣненія оцѣнки, сборъ, установленный по 1 проценту (тогда-какъ прежде брали 7 и 10%), увеличился безъ обремененія владѣльцевъ въ 42%.¹⁵⁾ Въ Москве, где еще не сдавано покуда подобной переоцѣнки, цѣнность недвижимыхъ имуществъ полагается съ небольшимъ въ 60 миллионовъ рублей, и оцѣночный сборъ, составляющій 1%, процента съ суммы чистаго дохода, равняется только двумъ третямъ того дохода, который доставляетъ этотъ сборъ въ Петербургъ.

Третью категорію въ бюджетѣ городскихъ доходовъ составляютъ прямые налоги, взимаемые съ промышленниковъ. По важности своей, они занимаютъ второе място въ бюджетѣ какъ Петербурга, такъ и Москвы, составляя въ первомъ городе 31, а во второмъ 38 процентовъ на всю сумму текущихъ доходовъ. Сравнительно съ 1846 г., они увеличились въ Петербургѣ на 33,235 р. 63 $\frac{1}{4}$ к.; въ Москвѣ—на 13,043 р. 50 коп. Увеличение это, какъ видно, весьма-незначительно, особенно въ Москвѣ. Объ этомъ можно показать, тѣмъ болѣе, что возвышение суммы сборовъ, взимаемыхъ съ промышленниковъ, служить естественнымъ послѣдствіемъ, а выѣсть и варварскимъ признакомъ соразмерного усиленія торговой и промышленной дѣятельности города. Впрочемъ, такъ-какъ то, что общимъ называемъ "налогомъ на промышленниковъ" соединено изъ сколько налогами разнаго рода, то мы важнейшюю изъ нихъ разсматриваемъ подробнѣе.

Доходы этой категоріи распредѣляются между тремя главными видами промышленниковъ:

торговцами вскаго рода,

содержателями трактирныхъ заведеній,

и людьми, живущими по найму у другихъ.

Послѣдній разрядъ промышленниковъ, въ сравненіи съ прочими двумя, занимаетъ по количеству дохода первое място въ петербургскому бюджету (205,112 р. 73 $\frac{1}{4}$ к. (15) и третье въ московскомъ (104,971 руб. 30 к.). Извѣстно, что, по нашимъ законамъ (Уставъ о Паспортахъ), лю-

(15) Сверхъ того, къ этой же категоріи можно отнести сборъ съ биржевыхъ артельщиковъ (6,390 р. 10 к.).

Ли, промышляющіе въ столицахъ исправленіемъ частныхъ должностей по найму, должны записываться въ Адресной Экспедиціи и получать оттуда билетъ на жительство. При получении такого билета, вносится известная подать, которая и поступаетъ въ пользу города. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ, подать эта взимается неодинаково. Въ Петербургѣ, все лица, подлежащія запискѣ въ Адресной Экспедиції, раздѣляются на пять разрядовъ, такъ-что въ первомъ разрядѣ платить въ годъ мужчины по 7 р. 15 к. с.; женщины—по 4 р. 29 к.; во второмъ разрядѣ мужчины платить по 4 р. 29 к.; женщины—по 2 р. 15 к.; въ третьемъ мужчины по 2 р. 86 к. с.; женщины по 1 р. 43 к. с.; въ четвертомъ мужчины по 1 р. 43 к. с.; женщины по 72 к. с., и наконецъ въ пятомъ мужчины по 86 к. с., женщины по 29 к. с. Къ первому разряду отнесены закономъ учителя, гувернёры, страпчіе, письмоводители, практики, управители, и проч.; ко второму — дядьки, дворецкие, казначеи, маркеры, экономки и проч.; къ третьему—каммердинеры, повара, садовники, сидѣльцы, мастеровые, нянки, швеи, и проч.; къ четвертому—кучера, лакеи, дворники, прачки, кухарки, кормилицы; къ пятому—поваренки, форейторы, чернорабочіе въ домахъ, ученики, разношники, и проч. Въ 1843 году, по каждому изъ этихъ разрядовъ записалось въ Санктпетербургской Адресной Экспедиціи (съ платежомъ адресного сбора) слѣдующее число лицъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.		
По первому разряду	1564	42.		
— второму —	592	79.		
— третьему —	17,407	1442.		
— четвертому —	17,748	1364.		
— пятому —	73,133	32,209.		
<hr/>		Всего		145,580.

Если же присоединить къ этой цифре 11,130 иностранцевъ, записавшихся въ Адресной Экспедиціи въ-течение того же года, то получится цифра 156,700 чел. Въ 1845 году, выдано было изъ Петербургской Адресной Экспедиціи мужскихъ билетовъ 121,118, женскихъ — 42,298; всего 163,416; следовательно, въ-течение двухъ лѣтъ число лицъ, живущихъ по адреснымъ билетамъ, увеличилось на 7000. Число лицъ этого рода относилось въ 1843 году къ числу всего народа населенія въ Петербургѣ, какъ 1 къ 3; среднимъ числомъ, каждый изъ нихъ платилъ городу одного прямаго налога по 1 р. 25 к. с.

Въ Московской Адресной Экспедиціи записываются тѣ же лица, какъ и въ Петербургской, но съ тѣмъ различиемъ, что въ Москве они раздѣляются на два отдѣленія, и состоящіе въ первомъ платить по 3 руб. (мужчины) и по 1 р. 50 к. (женщины); а состоящіе во второмъ по 90 к. (мужчины) и по 30 к. (женщины). Къ первому отдѣленію причисляются лица, отнесенные въ Петербургѣ къ первымъ тремъ разрядамъ: ко второму—лица, отнесенные къ двумъ послѣднимъ. Съ 1843 по 1845 годъ записалось въ Адресной Экспедиціи по каждому отдѣленію слѣдующее число лицъ:

По 1 - му отдѣленію	въ 1843 г.	1844 г.	1845 г.
мужчинъ	2,718	2,665	3,249.
женщинъ	1,042	1,040	1,052.
По 2 - му отдѣленію	Въ 1843 г.	1844 г.	1845 г.
Мужчинъ	95,432	99,102	96,798.
Женщинъ	26,272	26,245	25,490.
Итого	125,876	129,042	126,589.

Такимъ-образомъ, въ 1843 году лицъ, живущихъ по адреснымъ билетамъ, было въ Москве 125,876 чел.; двадцать-пять тысячами меньше, чмъ въ Петербургѣ. Въ-течение двухъ лть, къ числу этому при соединилось не болѣе 800 чел., т. е. гораздо менѣе одного процента, между-тѣмъ, какъ въ Петербургѣ увеличеніе послѣдовало болѣе чмъ на $4\frac{1}{4}$ процента. Число этихъ лицъ къ числу всего народонаселенія въ Москве относится такъ же какъ 1 къ 3; среднимъ числомъ каждый изъ пяти платиль въ городскую казну одного прямаго налога по 84 к. с.; следовательно, одною третью менѣе, чмъ въ Петербургѣ.

Другая статья (трактирныхъ заведеній) по своей доходности занимаетъ, совершенно наоборотъ, первое мѣсто въ московскомъ бюджетѣ, и третью въ петербургскомъ. Впрочемъ, въ томъ и другомъ, статья эта особынно важна по вѣрности дохода и удобству взиманія. Въ Петербургѣ получается 105,441 р. 53 к. съ 46 трактировъ, 50 гостиницъ, 67 рестораций, 75 харчевенъ, 12 кофейныхъ домовъ и 5 кафе - ресторановъ, всего съ 255 трактирныхъ заведеній, находящихся въ слѣдующихъ частяхъ города:

	1 Адмирал-тѣской.	2 Адмирал-тѣской.	3 Адмирал-тѣской.	4 Адмирал-тѣской.	Нарѣзкой.	Литейной.	Каретной.	Московской.	Романтиче-ской.	Васильев-ской.	Петрбур-гской.	Выборгской.
Трактировъ	6	9	11	2	1	4	3	3	1	3	1	-
Гостиница	45	3	8	1	1	5	8	3	3	3	7	1
Рестораций	3	5	21	5	4	7	9	3	3	5	1	1
Харчевень	6	5	14	5	4	9	16	3	7	3	2	1
Кофейныхъ домовъ . . .	2	2	3	-	1	3	1	-	1	-	-	-
Кафе-ресторановъ . . .	-	4	1	-	-	1	-	-	-	2	-	-

Въ Москвѣ, городская казна получаетъ съ трактирныхъ заведеній 174,010 р. 73 к. с. Заведеній этихъ было въ 1843 г. 289; въ 1844 г. 297, а въ 1845 г. 306. Изъ пяти разрядовъ, на которые раздѣляются эти заведенія, было:

Въ 1843 г. 1844 г. 1845 г.

Трактировъ . . .	40	40	40
Гостиница . . .	13	14	14
Рестораций . . .	204	183	206
Харчевень . . .	1	42	30
Кофейныхъ домовъ	18	6	4

И временныхъ палатокъ, устроившихъ во время гулини 13

12 12

Сверхъ того, къ этому же роду промышленности должно отнести постолые дворы, которыхъ въ петербургскомъ бюджетѣ не значится во-все; въ Москвѣ же 290 дворовъ даютъ дохода 4,167 р. 86 к. Вообще, сравнительно съ Петербургомъ, Москва имѣеть большее число трактирныхъ заведеній и получаетъ съ нихъ большее количествомъ дохода. Если сравнять число этихъ заведеній съ количествомъ народонаселенія, то окажется, что въ Петербургѣ приходится по одному заведенію на 1,735 человекъ; въ Москвѣ по одному на 615 жителей. Если же сравнять это число съ количествомъ самого дохода, то выйдетъ, что въ Петербургѣ среднимъ числомъ каждое заведеніе платить городу въ годъ 413 р. 50 к.; въ Москвѣ 568 р. 66 к. (не считая постолыхъ дворовъ); некоторые же изъ такихъ заведеній платить ежегодно и въ Москвѣ и въ Петербургѣ огромную сумму: 1,200 р. с. Вообще, изъ вышеисписанныхъ нами цифръ можно, кажется, вывести то заключеніе, что въ Москвѣ трактирная жизнь развита гораздо-больше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Остается еще обратить вниманіе на тѣ сборы, которыя взимаются въ пользу города съ лавъцъ, производящихъ торговлю, именно съ купцовъ местныхъ и вногородныхъ, съ иностраннѣнныхъ гостей и съ торговщиками крестьянъ. По нашимъ законамъ, все лица, записанные въ города въ одну изъ трехъ гильдій, обязаны вносить ежегодно въ городскую казну по четверти процента съ объявленныхъ ими продѣлъ-скихъ капиталовъ. Та же самая новинность лежитъ и на купцахъ вногородныхъ, которые торгуютъ оптомъ или записываются въ местное купечество для производства различного торга. Иностранные гости платятъ въ Петербургѣ одинъ съ четвертью, въ Москвѣ четверть процента съ гильдейского капитала. Крестьяне, торгующие въ городахъ, платить акцізъ, количество которого опредѣляется различно, смотря по роду торговаго синдикатства и по роду самого торга. Наконецъ, особый акцізъ взимается съ купцовъ, купческихъ детей, маклеровъ и крестьянъ, находящихся въ проказникахъ и сидельцахъ. Къ облагу же роду сборовъ должно отнести особый налогъ на ткани и магазины по десяти процентамъ съ наемной цены помѣщѣній. Всѣ эти сборы въ совокупности винимаютъ между промышленными налогами второе место, какъ въ петербургскомъ (до 195,000), такъ и въ московскомъ бюджетѣ (до 120,000).

Налогъ съ местныхъ купцовъ составляетъ въ Петербургѣ — 27,941 р. 44 к.; въ Москвѣ — 31,284 р. 50 к. Этихъ лавъцъ было:

Въ Петербургѣ:

По 1-й гильдіи	151
— 2-й	255
— 3-й	2,855
<hr/>	

Всего 3,261.

Въ Москвѣ: въ 1843 г., 1844 г., 1845 г.

По 1-й гильдіи 169 . . . . . 161 . . . . . 163 . . . . .

— 2-й —	288	335	351
— 3-й —	3,011	3,561	3,504
Всего	3,468	4,077	4,018

Изъ этихъ цифръ видно, что въ Москве больше купцовъ, чмъ въ Петербургѣ, и что, сравнительно съ народонаселеніемъ, въ Петербургѣ приходится по одному купцу на 136 человкъ; въ Москве по одному на 90.

Налогъ съ многородныхъ купцовъ и съ иностранцевъ доставляется Петербургу 12,992 р. 10½ к.; въ Москвѣ 14,681 р. 20 к.; въ Петербургѣ считается иностраныхъ гостей, платящихъ по 1½ процента съ капитала первой гильдіи—23 человкы, а многородныхъ купцовъ;

По 1-й гильдіи 66 человкы.

— 2-й —	218	—
— 3-й —	197	—

Всего 481 человкы.

Въ Москвѣ, число многородныхъ купцовъ и торгующихъ иностранцевъ было въ три послѣднія года слѣдующее:

Въ 1843 году	582	человкы.
— 1844 —	594	—
— 1845 —	582	—

Эти цифры показываютъ опять, что въ Москве число лицъ, занимающихъся торговлей значительное, чмъ въ Петербургѣ. Число многородныхъ и иностраныхъ купцовъ относится ко всему количеству народонаселенія въ Петербургѣ, какъ 1 къ 880; въ Москвѣ, какъ 1 къ 760.

Что касается до налога съ крестьянъ, торгующихъ въ городахъ, то онъ доставляется въ Петербургѣ — 57,078 р. 84 к.; въ Москвѣ 41,297 р. 74 к. Въ Петербургѣ считается крестьянъ, торгующихъ оптомъ 3; крестьянъ, торгующихъ по мелочамъ въ лавкахъ и на особыхъ дворахъ 1,338; крестьянъ, торгующихъ на ярмаркахъ въ разносомъ 3,339 человкы. Всего: 4,680.

Въ Москвѣ находилось въ 1845 году лавчиковъ: получавшихъ купеческия свидѣтельства 2-й гильдіи 1, и 3-й гильдіи 11; крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ 2-го рода 7, 3-го рода 128, 4-го рода 1,103, безъ свидѣтельствъ съ огородовъ 158, производящихъ маркиантскій торгъ 898, разношниковъ 3,327. Всего 5,630.

Слѣдовательно, и число торгующихъ крестьянъ опять значительное въ Москвѣ, чмъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ приходится по одному крестьянину на 83 жителя; въ Москвѣ по одному на 85.

Наконецъ, сборъ съ тепыхъ лавокъ и магазиновъ представляется совсѣмъ — различные результаты: въ Петербургѣ они приносятъ 65,641 р. 3½ к.; въ Москвѣ 18,359 р. 95 к.; слѣдовательно, съ небольшимъ четвертую часть. Такъ-какъ налогъ падаетъ собственно на торговлю предметами роскоши, не въ рядахъ, но въ обыкновенныхъ жилыхъ домахъ, то показанные цифры довольно-краснорѣчиво указываютъ на характеръ мелочной торговли въ обѣихъ столицахъ.

Остальные сборы съ промышленности нечтожны: съ пивоваренъ и извоевиковъ въ обывихъ столицахъ, и—съ бани и рыбныхъ садковъ, съ судовъ и пароходовъ, съ биржевыхъ служителей и ремесленниковъ — собственно въ Петербургъ. Замечательно, что въ Москве установленъ особый сборъ съ фабрикантовъ, по числу рабочихъ; налогъ этотъ, составляя до 30 к. с. съ рабочаго, приноситъ съ небольшимъ 8,700 р. с. (следовательно, все число работниковъ на московскихъ фабрикахъ составляетъ не болѣе 30,000).

Налоги косвенные доставляютъ въ Петербургъ 122,861 р. 19 $\frac{1}{4}$ к., и въ Москве 66,053 р. 54 к. И въ томъ, и въ другомъ городѣ они составляютъ около 6 % на всю сумму текущихъ доходовъ. Сравнительно съ 1846 годомъ, они въ Петербургѣ уменьшились на 5,654 р. 97 $\frac{1}{4}$ к., и въ Москве увеличились на 4,034 р. Вообще, нельзя не заметить, что налоги этого рода занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ бюджетѣ городскихъ доходовъ, въ которомъ значительно преобладаютъ налоги прямые. Въ этомъ случаѣ, существуетъ разное различіе между хозяйствомъ городовъ въ Россіи и хозяйствомъ городовъ въ другихъ государствахъ. Въ городахъ не-руssкихъ обыкновенно большая часть дохода взимается путемъ косвенного налога. Такъ, напримѣръ, въ Париже одинъ *octroi* (таможенный сборъ) доставляетъ ежегодно городу около 30 миллионовъ, т. е. почти двѣ трети всего городскаго дохода, составляющаго въ настоящую минуту около 46 миллионовъ франковъ.

Междудо налогами косвенными, первое мѣсто, по важности, принадлежитъ налогу съ договоровъ, векселей и заемныхъ цицемъ, свидетельствующихъ въ столицахъ нотаріусами и маклерами, налогу, поступающему, да основаній нашихъ законовъ, въ пользу городской казны. На 1847 годъ предполагалось получать съ этой статьи дохода въ Петербургѣ 96,453 р. 13 $\frac{1}{4}$ к., въ Москве 58,266 р. 49 к. Другой косвенный налогъ, существующій во всѣхъ русскихъ городахъ, взимается за克莱меніе въсерь въ мѣре, городскими думами и доставляется городу въ Петербургѣ 1488 р. 26 $\frac{1}{4}$ к., въ Москвѣ 3996 р. 40 к. Къ той же категоріи принадлежатъ доходъ съ аукціонныхъ продажъ, съ лоттерій и существующіе въ оному Петербургѣ сборы съ судовъ, проходящихъ подъ Нѣвскими-Мостами и по Обводному-Каналу. Послѣдніе сборы доставляютъ городу довольно-значительную сумму: 14,552 р. 83 к.

Что касается до вспомогательныхъ доходовъ отъ казны, то въ Петербургѣ считается ихъ 259,703 р. 93 $\frac{1}{4}$ к. или почти 14 процентовъ, а въ Москве только 18,258 р. 71 к. или 1 $\frac{1}{4}$ процента съ общаго итога текущихъ доходовъ. Это различіе достаточно объясняется тамъ, что Петербургъ, какъ средоточіе государственной дѣятельности, требуетъ большаго способа отъ казначейства.

Наконецъ, послѣднее мѣсто въ городскихъ бюджетахъ занимаютъ доходы случайные, состоящіе, главнымъ образомъ, въ ценныхъ и штрафахъ разнаго рода, а также въ некоторыхъ мелочныхъ статьяхъ. Они доставляютъ въ Петербургѣ только 2 $\frac{1}{2}$, а въ Москве не болѣе 4 процентовъ съ общаго итога текущихъ доходовъ.

Въ общей сложности всѣхъ текущихъ доходовъ, расписаны 1847 годомъ,

сравнительно съ росписями 1846 года; представляютъ некоторое возвышение суммы прихода, особенно значительное въ Петербургѣ. Городскіе доходы увеличились въ Петербургѣ на 159,174 р. 98 к., или на 8%; въ Москвѣ только на 23,327 руб. 28 к., или на 2%. Главную причину этого различія мы указали уже выше: оно состоитъ въ значительномъ увеличеніи суммы оцѣночнаго сбора въ Петербургѣ, прямомъ послѣдствіи новой, болѣе-совершенной оцѣнки недвижимыкъ имуществъ.

Впрочемъ, для того, чтобы правильнѣе судить о томъ, въ какой степени увеличиваются доходы нашихъ столицъ отъ развитія и усовершенствованія городового хозяйства, отъ умноженія народнаго богатства и народонаселенія, представляемъ слѣдующую таблицу, въ которой показано постепенное возрастаніе суммы городскихъ доходовъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ съ 1832 по 1847 годъ (считая на серебро).

Количество дохода: Въ Петербургѣ: Въ Москвѣ:

Въ 1832 году	1,286,819	р. 85 коп.	
— 1833 —	1,104,391	— 86 —	
— 1834 —	1,247,382	— 98%, —	520,793 р. 54%, к.
— 1835 —	1,146,564	— 62%, —	690,748 — 60 —
— 1836 —	1,300,867	— 41%, —	812,111 — 12 —
— 1837 —	1,384,477	— 18%, —	679,052 — 55%, —
— 1838 —	1,381,188	— 17%, —	686,152 — 80%, —
— 1839 —	1,780,605	— 63%, —	763,985 — 3%, —
— 1840 —	1,592,844	— 50%, —	860,784 — 67%, —
— 1841 —	1,690,849	— 13%, —	857,439 — 48 —
— 1842 —	1,768,304	— 50%, —	848,387 — 96%, —
— 1843 —	1,679,210	— 57%, —	883,447 — 61%, —
— 1844 —	1,768,410	— 81%, —	1,069,000 — — —
— 1845 —	1,787,797	— 6%, —	1,073,308 — 99%, —
— 1846 —	1,894,875	— 69%, —	1,104,613 — 63 —
— 1847 —	1,910,119	— 71%, —	1,127,940 — 91 —

Изъ этой таблицы видно, что въ-течение 16 лѣтъ (съ 1832 по 1847 годъ) общий итогъ доходовъ возвысился въ Петербургѣ на 673,000 р. или 53%; въ Москвѣ на 607,000 р. или 116%. Если же взять еще болѣе продолжительный періодъ времени, съ 1804 по 1847 годъ, то окажется, что сумма городскихъ доходовъ простиралась въ Петербургѣ въ 1805 году до 982,000 р. дес., а въ Москвѣ въ 1806 году до 963,000 р. дес. Следовательно, доходы увеличились въ Петербургѣ въ-течение 43 лѣтъ на 1,750,000 р. сер. или въ 7 разъ, а въ Москвѣ въ-течение 41 года на 850,000 р. с. или въ 4 раза. Если, наконецъ, сравнить возрастаніе доходовъ въ-течение этого періода времени съ возрастаніемъ народонаселенія въ-течение того же періода, то получается слѣдующіе результаты:

Въ Петербургѣ было:	Доходъ.	Народонаселенія.
Въ 1804 году	982,000 р.	дес. 295,000 человѣкъ.
— 1818 —	1,577,000 —	— 422,000 —
— 1832 —	1,936,000 р.	сер. 449,000 —
— 1847 —	1,910,000 —	— 460,000 —

Въ Москвѣ:

Въ 1806 году. 963,000 р. асс. 189,000 человекъ.
— 1847 — 1,127,000 р. сер. 350,600 —

Такимъ-образомъ, съ начала вышеннаго столѣтія, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, количество дохода и народонаселенія возрастило въ сорокъ-пять разъ:

Въ Петербургѣ:

Доходы. Съ 1804 по 1818 г. на 60%
— 1818 — 1832 — 174—
— 1832 — 1842 — 55—

Народонаселеніе.

Съ 1804 по 1818 г. на 40%
— 1818 — 1832 — 6—
— 1832 — 1842 — 2—

Въ Москвѣ:

Съ 1806 по 1847 г. на 309%.

90% отъ этого заслуга

Изъ этого цифра ясно видно, что въ послѣднее время слѣдуетъ го-
родскіе доходы увеличивались въ пропорціи бѣлье-быстро, нежели
народонаселеніе. Это доказываетъ возрастаніе общественности бѣлье.
Чтобы яснѣе уловить разницу, восмотримъ, какъ часъ курскаго
дохода приходился въ разныи эпохи на долю каждого жителя.

Въ Петербургѣ: въ 1804 г. 3 р. 33 к. асс., въ 1818—3 р. 76 к. асс.,
въ 1832—2 р. 75 к. сер., въ 1847—4 р. 15 к. сер.

Въ Москвѣ: въ 1806 г. 5 р. асс., въ 1847—3 р. 18 к. сер.

Въ настоящую минуту, на долю каждого изъ жителей приходится въ
Петербургѣ по 4 р. 15 к. с., въ Москвѣ только по 3 р. 18 к. сер.,
следовательно, одной третью менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Уменьшасть съ
перваго взгляда можетъ показаться слишкомъ высокой и обременительной;
но при этомъ не измѣнить, что въ Париже, где суммы гордѣ-
скихъ доходовъ простираются до 46 миллионовъ франковъ, на долю
каждаго жителя приходится по 46 франковъ или сколько 10 рублей. Отсъ
показываетъ, что Парижанинъ гораздо-богаче петербургскаго и курскаго
жителя, и что потому самому онъ покупаетъ себѣ царскосель-
богатое удобство и выгоду. Посмотримъ же теперь, наѣдѣяясь упомянутыми,
пріобретаемыя жителями двѣхъ русскихъ столицъ. Этимъ можетъ обра-
ружиться изъ разсмотрѣнія расходовъ.

Расходы раздѣляются въ бюджетѣ на текущіе, однократные и пер-
иодичные. Послѣдніе не относятся на счетъ годовыхъ доходовъ и по
тому о нихъ нужно говорить особо.

Общая сумма текущихъ расходовъ должна состоять въ 1047,7000, по
предположенію "Бюджета".

Въ Петербургѣ . . . . . 1,606,298 рублей 90/1000
— Москва . . . . . 1,074,742 руб. 95/1000

Между различными статьями расходовъ суммы распределены сле-
дующимъ образомъ:

На уплату долговъ . . . . . 74,009 р. 96 $\frac{1}{2}$ к. 90/1000
На содержаніе Тифлологического упра- . . . . . 1,074,742 руб. 95/1000
вленія . . . . . 681,257 » 80 $\frac{1}{2}$ » 341,796 » 45 $\frac{1}{2}$ »

На помашеніе городового управлінія и вообще на содержание городскихъ алатій и заведений	103,911	$\frac{5}{4}$	75,790	$\frac{87}{4}$	"
На городское благоустройство	285,693	$\frac{41}{4}$	191,589	$\frac{30}{4}$	"
На помашеніе войскъ	209,871	$\frac{74}{4}$	184,908	$\frac{46}{4}$	"
Пособія учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ	203,507	$\frac{52}{4}$	119,463	$\frac{64}{4}$	"
Пособія разныимъ постороннимъ вѣдомствамъ	122,980	$\frac{92}{4}$	75,458	$\frac{25}{4}$	"
На мелочная и непредвидимая издержки	15,000	—	12,000	—	"

Первое место въ бюджета расходовъ занимаетъ расходъ на уплату долговъ въ Петербургѣ проценты и погашение капиталъ составляютъ $\frac{4}{5}$; въ Москве 7 процентовъ на всю сумму текущихъ расходовъ въ Петербургѣ считалось до 1847 года долгомъ на города — 720,458 р. $\frac{6}{5}$ к.; въ этомъ году предполагалось внести въ уплату земельныхъ 59,171 р. $96\frac{1}{4}$ к. (изъ тѣхъ чиселъ на погашеніе капитала 18,323 р. 99 к. и собственно процентовъ 40,847 р. $97\frac{1}{4}$ к.). Сверхъ того, въ 1847 году предполагалось еще присоединить къ этой суммы 14,898 р. на уплату капитала и процентовъ по двумъ новы-заключеннымъ займамъ, въ которыхъ одинъ состоялся въ Государственной Земской Банкѣ для перестройки съѣзжихъ домовъ въ бывшей тюрьмы въ Демидовскомъ-Царевъ, а другой въ вѣнчаниемъ приказъ общеславянскаго аризона для устройства набережной раки Фонтанки и береговъ Обводного-Канала.

Долгъ, лежащіе на Петербургѣ, происходять отъ несколькихъ займоў, заключенныхъ городомъ съ 1824 по 1847 годъ. Первымъ обществомъ, побудившимъ городъ къ заключенію займа, была необходимость исправить поврежденія, причиненные наводненіемъ 1824 года, для удовлетворенія этой настоятельной потребности. Приказъ Общественнаго Праирѣнія занялъ въ Окружнаго Совета 34,285 руб. $71\frac{1}{2}$ коп.; въ обращеніемъ платежа этихъ денегъ на городскую думу. Последующіе займы состояли въ суммѣ, взятыхъ изъ Окружнаго Совета членами разныхъ общеполезныхъ заведеній; первоначальный капиталъ отъ этихъ займовъ, составлялъ сумму въ 657,142 р. 85 к. Приказу Общественнаго Праирѣнія, Маринскому Институту и лейб-гвардійскому полку городъ долженъ 78,422 р. 84 к. за дома и мыса, взятыхъ подъ постройку Петровскихъ Казармъ, женскаго отдѣленія, Обуховской Больницы и съѣзжаго дома 2-й Адмиралтейской Часті. Государственному Заемному Банку городъ долженъ 259,110 р. 10 к. по займамъ, заключеннымъ въ 1845 и 1847 годахъ на устройство съѣзжихъ домовъ и бывшей тюрьмы въ Демидовскомъ-Царевъ. Наконецъ, изъ Приказа Общественнаго Праирѣнія занята въ 1847 году сумма въ 295,000 р. на устройство береговъ Обводного-Канала и набережной раки Фонтанки. Такимъ-образомъ, если свести въ одинъ

итогъ всѣ долги, заключенные Петербургомъ съ 1821 по 1847 годъ, то получится цифра 1,243,961 р. 50 $\frac{1}{4}$ к. Но изъ этой общей суммы надо вычесть 275,203 р. 43 $\frac{1}{2}$ к., какъ часть первоначального капитала, уже погашенную ежегодными уплатами. Еслибъ городъ не заключалъ вновь займы, онъ бы въ 1849 году уплатилъ самыи первый долгъ, а въ 1884 самыи послѣдній, такъ-что въ этомъ году освободился бы совершенно отъ своихъ долговъ. Но подобная надежда была бы совершенно неосновательна, потому-что ежегодно являются новыя потребности, которыя невозможнo удовлетворить изъ текущихъ доходовъ къ для которыхъ требуются новые займы. Такъ и въ 1847 г. предположено сдѣлать по мѣрѣ надобности слѣдующіе новые займы:

На работы по устройству Обводного-Канала и набѣ-

режной рѣки Фонтанки	205,000 р. — »
На перестройку съѣзжихъ домовъ	66,529 р. 51 к.
На устройство городскихъ буяновъ, хайбныхъ анба- ровъ и пристаней	1,870,000 » — »

Еслибъ эти предположенія осуществились на самыи дѣль, то долги Петербурга увеличились бы значительно и возрасли бы до весьма высокой для Петербурга суммы: 3,130,000 руб. сер. За то у Петербурга есть и немаловажные запасы капиталовъ, которые совершенно обеспечиваютъ его на случай экстраординарныхъ надобностей. Такихъ капиталовъ показано къ 1847 году: неприисновенного 392,925 р. 73 к., остаточнаго 304,162 р. 84 к., и недоимочнаго 428,108 р. 42 к., итого 1,125,196 р. 99 коп. Капиталы эти постоянно наростиаютъ процентами, которые не присоединяются къ текущимъ доходамъ. Сверхъ того, капиталы ежегодно умножаются текущими сбереженіями или излишками, такъ-что къ 1848 году, городской запасный фондъ долженъ возрасти до 1,300,000 р. сер. Эта сумма вполнѣ покрываетъ общій итогъ городскихъ долговъ, если не считать предстоящаго займа на постройку анбаровъ, идоторый самъ-собою покрывается, создавая новую значительную статью городского дохода.

Что жъ касается до Москвы, то суммы, занятыи ею съ 1812 по 1847 годъ изъ Государственного Заемнаго Банка, Московскаго Опекунскаго Совѣта и Государственнаго Казначейства, простираются до 1,140,970 р. 43 коп. Часть этого первоначального капитала, 375,570 р. 68 к. уже уплачена, такъ-что остается уплатить только 765,399 р. 75 к. Суммы эти были заняты на устройство разныхъ общеполезныхъ заведеній, въ числѣ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Кремлевскій Арсеналь, Большой Театръ, Городская Больница, триумфальные ворота, Москворѣцкій Мостъ, казармы, домъ для помѣщенія штаба 6-го пехотнаго корпуса и домъ для помѣщенія московскаго обер-полиціймейстера. Къ означенной выше суммѣ надо присоединить еще ежегодный платежъ 2,000 р. с., который производить дума Воспитательному Дому за представление въ вѣчную собственность города бывшихъ въ завѣданіи Воспитательного Дома устино-островскихъ башнъ и другихъ оброчнныхъ статей на Москву-рѣку. Окончательное погашеніе всѣхъ долговъ Москвы должно последовать въ 1876 году. Сравнительно съ

Петербургомъ, Москва имѣть гораздо больше долговъ, особенно, если принять въ соображеніе не одну цифру долга, но вообще состояніе всей городской казны. Впрочемъ, въ сравненіи съ прежними годами, состояніе московской казны значительно улучшилось. Въ 1843 году, остаточный капиталъ (т. е. капиталъ, образуемый изъ остатковъ отъ ежегодныхъ доходовъ прежнихъ лѣтъ) составлялъ только 255,000 р.; въ 1844 году онъ увеличился до 485,000 р.; но за всѣмъ тѣмъ балансъ капиталовъ и долговъ представлялся еще весьма-невыгоднымъ, потому что первые (т. е. остаточный и неприкосновенные капиталы) составляли только 58 процентовъ, а послѣдніе 83 процента на всю сумму годового дохода. Къ 1-му июля 1846 года, одного остаточного капитала показано слишкомъ 650,000 р.; общая же сумма капиталовъ составляетъ уже 79 процентовъ, а долги только 77 процентовъ на все количество годового дохода. Это тѣмъ больше замѣчательно, что съ 1843 года не только не введено никакихъ новыхъ налоговъ, но даже важнейший изъ нихъ—сборъ съ осѣдлыхъ городскихъ обывателей—уменьшена на 25 процентовъ.

Расходъ на содержаніе городского управлениія — самый значительный изъ всѣхъ текущихъ расходовъ. Въ-отношеніи къ общему ихъ итогу, онъ составляетъ въ Петербургѣ 45 (почти половину) въ Москве 30 процентовъ. Равложивъ его на составные части, мы увидимъ, что въ него входятъ расходы слѣдующаго рода:

Въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ.

На общественное управление (думу, депутатское собрание, аукціонную камеру и наружную городскую чиновъ).	96,000 р.	26,464 р. 74 $\frac{1}{4}$ к.
---	-----------	-------------------------------

На полицейское управление (городскую полицію, контору адрессовъ и жандармскій дивизіонъ)	535,932 р. 33 $\frac{1}{2}$ к.	286,926 р. 71 $\frac{1}{4}$ к.
--	--------------------------------	--------------------------------

На судебное управление (магистратъ, коммерческий судъ, на раззыады стряпчими, и въ Петербургѣ сиротскій и словесные суды)	15,805 р. 69 $\frac{1}{4}$ к.	16,262 р. 85 к.
---	-------------------------------	-----------------

На строительную часть	23,759 р. 77 $\frac{1}{4}$ к.	11,946 р. 44 к.
---------------------------------	-------------------------------	-----------------

На торемкую часть	6,079 р. 93 к.	885 р. 70 $\frac{1}{4}$ к.
-----------------------------	----------------	----------------------------

изъ особаго накопленнаго капитала

На пожары.	3,680 р.	2,161 р. 8 к.
--------------------	----------	---------------

Эти цифры показываютъ, что всего дороже обходится городамъ управление полицейское. Въ Петербургѣ сумма, отпускаемая на содержаніе чиновъ этого управления, составляетъ 25% на общій итогъ городскихъ доходовъ, между-тамъ, какъ содержаніе управлениія общественнаго, сопирающаго ежегодно одинакъ городскихъ доходовъ больше, чѣмъ на 2 миллиона руб. сер., стоять менѣе 5 процентовъ. Правда, нынѣшнія въ свою пользу болѣе четверти городского дохода, полицейское управление, въ замѣнъ того, обеспечиваетъ городу безопасность лицъ и имуществъ, наблюдаетъ за чистотою и порядкомъ, прекращаетъ пожары и другія вра-

жедебныя дѣйствія природы, предупреждастъ и пресыщаетъ преступленія. И такъ, расходъ этотъ соотвѣтствуетъ результатамъ. На всемъ земномъ шарѣ не найдется конечно ни одного угла (за исключеніемъ размѣсть необитаемыхъ), въ которомъ было бы столько тишины, сколько находимъ мы въ Петербургѣ и въ Москвѣ — въ энтахъ огромныхъ и многолюдныхъ столицахъ...

Впрочемъ, нельзя не заметить, что сумма годового дохода не совсѣмъ соразмѣрна съ количествомъ издержекъ на содержаніе городскаго управлѣнія. Они поглощаются въ Петербургѣ почти половину, въ Москвѣ треть всего дохода, тогда какъ въ Париже, жители которой живутъ на излишество этого расхода, онъ не простирается свыше 10 миллионовъ франковъ въ годъ и, следовательно, составляетъ съ небольшимъ $\frac{1}{4}$ всего эта го-
да городскихъ доходовъ.

Значительность расхода по этой статьѣ достаточно объясняется большимъ числомъ служащихъ на городскомъ жалованіи. Въ Петербургѣ число это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

По управлѣнію:

Обществен-	Полицей-	Судеб-	Итого.	Оклады жалованія (минимумъ и макс. им.)
ному.	скому.	ному.		

Служащихъ по выбору.	147	5	74	226	39—4,000 руб.
Высшихъ чиновъ . .	85	512	51	648	86—7,500 —
Нижнихъ чиновъ (съ писарями) . . .	179	4254	97	4530	7½ — 363, —
Итого. . .	411	4771	222	5404	

Слѣдовательно, приходится по 1 служащему на 85 жителей. Въ этомъ общирномъ штатѣ значится до 3,300 человѣкъ разныхъ полицейскихъ командинъ и 473 жандарма; при нихъ 331 пожарная лошадь и 383 жандармскихъ.

Слѣдуетъ за тѣмъ расходъ на помѣщеніе мѣстъ и лицъ городского управления, на содержаніе городскихъ зданій и засѣдѣній — расходъ, со-
ставляющій въ Петербургѣ 5, въ Москвѣ 7 процентовъ на общей итогѣ текущихъ расходовъ. Въ Петербурга, городу принадлежащему и на счетъ его содержатся слѣдующія зданія: 1) генерал-губернаторскій домъ; 2) домъ городской думы; 3) 18 полицеицкихъ зданій, 311 будокъ въ 2 брандвахты; 4) 2 тюремныхъ зданія; 5) скотопригонный дворъ и скотобойня; 6) 5 булновъ и 7) зданія въ Екатерингофе. Кроме того, на счетъ городскихъ доходовъ называются и содержатся квартиры для некоторыхъ управлений, по случаю перестройки городскихъ зданій или недостатка въ нихъ помашеній. Въ Москвѣ, городскія зданія суть: 1) полицеицкія, именно: будки, обер-полиціймейстерскій домъ, полиціймейстерскіе, фурманній и сѣльские (въ числѣ 17) дома; 2) губернаторскіе дома, именно: для военнаго генерал-губернатора и для гражданскаго губернатора, и 3) тюремные зданія. Называются на счетъ го-
рода дома для помѣщенія конторы адрессовъ и двухъ частныхъ пре-
ставовъ съ ихъ командами.

Общий итогъ расходовъ по этой статьѣ слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей:

Расходы.	Въ Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
На наемъ квартиръ	45,891 р. 43½ к.	5,001 р. 42½ к.
— содержаніе наемныхъ квартиръ	7,629 « 31 «	—
— отопленіе городскихъ зданій и заведеній . . .	25,571 « 37 «	57,180 р. 43½ к.
— освѣщеніе	6,818 « 37 «	4,210 « 63½ «
— прочія издержки по содержанію ихъ . . .	18,001 « 4½ «	9,398 « 37½ «

Между различными вѣтвями управлениія суммы эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Въ Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
На управлениіе губернское (военнаго генерала - губернатора и гражданскаго губернатора)	8,481 р. 9½ к.	10,693 р. 60 к.
— общественное и судебнѣе	11,008 « 32½ «	—
— полицейское	68,889 « 67½ «	47,326 « 47½ «
— тюремную часть	11,326 « 56½ «	17,770 « 79½ «

Слѣдовательно, въ-отношениіи къ помѣщенію, точно такъ же, какъ въ-отношениіи къ содержанію, управлениіе полицейское обходится гораздо дороже всікаго другаго. Въ Петербургѣ, расходы по его помѣщенію составляютъ 70, въ Москвѣ 75 процентовъ на весь итогъ издержекъ этого рода.

Къ четвертой категоріи городскихъ расходовъ относятся издержки, производимыя для наружнаго благоустройства города. Они составляютъ въ Петербургѣ 16, въ Москвѣ 18 процентовъ на всю сумму текущихъ расходовъ. Въ обаихъ столицахъ они раздѣляются на три главныя категоріи: къ первой относятся ремонтныя работы; ко второй — освѣщеніе улицъ и площадей, и къ третьей — очищеніе ихъ. Общая сумма расхода распредѣляется между этими тремя категоріями слѣдующимъ образомъ:

	Въ Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
Ремонтныя работы	191,440 р.	138,214 р. 39 к.
Освѣщеніе столицы	75,991 « 68½ к.	43,874 « 91 «
Очищеніе площадей и улицъ	9,234 « 57 «	9,500 «

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ требуютъ ежегоднаго ремонта городскія зданія, шоссе, мосты, мостовыя, набережныя, троттуары, барьеры и тумбы, водосточные трубы, аллеи и скверы и т. д. Для то-

го, чтобы судить о результатахъ расходовъ этого рода, необходимо имѣть статистическая свѣдѣнія о числа и состояніи мостовъ, мостовыхъ троттуаровъ, трубъ и т. д. въ обоихъ столицахъ. Къ-сожалѣнію, свѣдѣній этого рода мы не находимъ въ приложеніяхъ къ росписямъ 1841 года. Въ замѣнѣ того, мы находимъ въ этихъ приложеніяхъ подробныя таблицы объ освѣщеніи уличныхъ фонарей въ 1847 году. Такъ изъ таблицъ этихъ можно вывести самыя достовѣрныя свѣдѣнія степени освѣщенія нашихъ столицъ, то мы и воспользуемся ими для того, чтобы сдѣлать сравнительный очеркъ состоянія этой части въ Москве и Петербургѣ.

Изъ росписей 1847 года видно, что расходы на освѣщеніе улицъ составляютъ въ Петербургѣ $4\frac{1}{2}$, въ Москве— $4\frac{1}{10}$ процента со всей суммы текущихъ расходовъ. Слѣдовательно, въ-отношеніи къ насту, занимаемому издержками этого рода въ общемъ городскомъ бюджетѣ, разница между Петербургомъ и Москвой весьма-невзначаць. За то въ другомъ отношеніи, между двумя столицами, существуетъ разное различие. Въ Петербургѣ на 76,000 р. с. освѣщается 4,656 фонарей; въ Москвѣ на 44,000 р. с.—7,821 фонарь. Изъ этого цифры видно, что въ Москвѣ на освѣщеніе расходуется вдвое меньше, а фонарь освѣщается вдвое больше, чѣмъ въ Петербургѣ, такъ-что среднимъ числомъ освѣщеніе фонаря въ Петербургѣ стоитъ вчетверо-дороже, чѣмъ въ Москвѣ. Вызвести изъ этого факта заключеніе, неыгодное для Петербурга, было бы не совсѣмъ справедливо, потому-что въ ней введены некоторые улучшепія по этой части. Первая и самая главная праця-дешевизны въ Москвѣ заключается въ томъ, что въ ней вовсе еще не существуетъ газового освѣщенія, которое, между-тѣмъ, стоитъ вѣкъ известно, несравненно дороже масланаго (16). Если принять въ соображеніе это различие и исключить изъ числа 4,656 фонарей, существующихъ въ Петербургѣ—447, освѣщенныхъ газомъ, то выйдетъ, что масляный фонарь въ Москвѣ обходится не вчетверо, а только въ вос-дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ (17); кроме того, хотя въ Петербургѣ чило фонарей искыше, но за то въ немъ и пространство города не такъ велико, а самые фонари лучшаго устройства. Въ Москвѣ, за исключеніемъ 98 такъ-называемыхъ варшавскихъ фонарей, существуютъ только фонари самого простаго, а потому и самого дешеваго устройства, освѣщаемые кованымъ масломъ, между-тѣмъ, какъ въ Петербургѣ такихъ фонарей только 588; все остальные—устройства усовершенство-

(16) Петербургъ освѣщеніе 447 фонарей газомъ обходится ежегодно въ 20,513 р. 31 коп., между-тѣмъ, какъ освѣщеніе 4209 фонарей масломъ стоитъ ему не болѣе 45,184 р. $27\frac{1}{4}$ к., такъ-что для освѣщенія газомъ 447 и масломъ 1930 фонарей нужно одна и та же сумма. Изъ этого расчета видно, что въ Петербургѣ газовый фонарь обходится въ $4\frac{1}{2}$ раза дороже масланаго.

(17) Въ Петербургѣ освѣщеніе масломъ 4209 фонарей стоитъ 43,148 р. $27\frac{1}{4}$ к., такъ-что каждый фонарь обходитъ въ 4 р. 75 к.—Въ Москвѣ за сумму въ 38,871 р. $91\frac{1}{4}$ к. освѣщается 7821 фонарь; слѣдовательно въ ней каждый фонарь обходитъ въ 4 р. 97 коп.

вашнаго, освѣщаются масломъ ламповый и хотя стоять дороже, но горятъ польскою свѣтлую. Наконецъ, надо заметить въ то, что въ Москвѣ каждый фонарь освѣщается въ-течение года только въ-продолженіе 1,944 часовъ, между-тѣмъ, какъ въ Петербургѣ онъ освѣщается въ-продолженіе 2,578½ часовъ.

При всемъ томъ, Петербургъ много еще уступаетъ въ этомъ отношеніи другимъ европейскимъ столицамъ. Въ немъ до-сихъ-поръ газовое освѣщеніе является только въ видѣ исключенія, а не въ видѣ правила, между-тѣмъ, какъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ лишь самые отдаленные и малонаселенные кварталы не пользуются еще преимуществами этого освѣщенія, а довольствуются тусклымъ и дрожащимъ свѣтомъ масляныхъ фонарей. Не говоря о Лондонѣ, въ которомъ существуетъ 17 газовыхъ компаний и который въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣ другія столицы, мы возьмемъ, какъ точку сравненія, Парижъ, въ которомъ на 8,733 (18) газовые рожка приходится только 5,880 рожковъ масляныхъ, тогда-какъ въ Петербургѣ число масляныхъ фонарей почти вдвое больше числа газовыхъ. Въ Парижѣ для освѣщенія города газомъ существуетъ шесть компаний; въ Петербургѣ только одна. Въ Парижѣ газовые трубы уже въ 1846 году проложены были на 280,000 метровъ (144,896 сажень), при чемъ предполагалось провести ихъ еще на 120,000; въ Петербургѣ протяженіе такихъ трубъ не простирается свыше 15,000 саженъ. Наконецъ, въ Париже разстояніе между газовыми фонарями бываетъ обыкновенно отъ 30 до 40 метровъ (отъ 15 до 20 сажень), такъ-что каждыи фонарь освѣщается площадью въ 100 саженей; а въ Петербургѣ разстановка газовыхъ фонарей делается такъ, что между ними остается обыкновенно двойное противъ Парижа пространство (30 или 40 сажень), такъ-что на каждый фонарь приходится площадь въ 200 или 250 квадратныхъ саженей (19). Все это показываетъ, что относительное освѣщеніе улицъ между Парижемъ и Петербургомъ есть большая разница, невыгодная для послѣдняго.

Доказывать преимущества газового освѣщенія надъ маслянымъ — бесполезно. Всякій житель Петербурга можетъ убѣдиться въ действительности этихъ преимуществъ собственнымъ наблюденіемъ, сравнивъ освѣщеніе Невскаго-Проспекта съ освѣщеніемъ другихъ улицъ, въ которыхъ поставлены только масляные фонари. Если въ Петербургѣ между фонарями газовыми оставалось то же разстояніе, какое оставляется между ними въ Парижѣ, то сила газового освѣщенія превосходила бы рѣзко уже осуществленіе.

(18) Эта цифра заимствована изъ сѣдѣній, относящихся къ 1846 году (*Journal des Débats*. 9 мая 1846). Тогда предполагалось къ существовавшимъ уже въ то время 8733 рожкамъ прибавить еще 1000 новыхъ. Въ настоящую минуту это предположеніе вѣроятно уже осуществлено.

(19) Въ Парижѣ разстояніе между масляными фонарями бываетъ обыкновенно отъ 45 до 50 метровъ, изъ чего видно, что тамъ газовые фонари стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ масляные. Въ Петербургѣ делается наоборотъ; между масляными фонарями остается менѣе разстояніе, чѣмъ между газовыми.

дила бы втрое силу масляного. Принимая въ соображеніе какъ это, такъ и многія другія второстепенные преимущества газа надъ масломъ, нельзя не пожалѣть, что освѣщеніе первого рода такъ мало еще распространено въ Петербургѣ. Мы уже видѣли, что въ нашей столицѣ только 447 фонарей въ пяти частяхъ города освѣщаются газомъ; въ томъ числѣ у зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Театральной Дирекціи—26 фонарей; у Александровской колонны — 20; на Аничковомъ и Синемъ Мостахъ по 8 и на разныхъ площадахъ и улицахъ — 385. Сверхъ того предполагается поставить вновь 118 фонарей по Невскому Проспекту (отъ Литейной до станціи Московской Желѣзной Дороги), по Большой-Морской и по новому нѣвскому мосту. Очевидно, что это число весьма-незначительно и далеко не соответствуетъ наружному благоустройству Петербурга въ другихъ отношеніяхъ. Хорошее освѣщеніе улицъ составляетъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ успѣшаго развитія городской жизни, въ потому нельзя не желать, чтобы Петербургъ сравнялся и въ этомъ отвѣщеніи съ другими городами и воспользовался вполнѣ всѣми выгодами газового освѣщенія.

Хотя распространеніе газа потребуетъ новыхъ издержекъ, ибо, какъ мы видѣли выше, газовый фонарь стоитъ въ Петербургѣ въ $4\frac{1}{2}$ раза дороже масляного; но по числу фонарей весь излишекъ расхода, для цѣлаго города, составилъ бы съ небольшимъ 150 т. руб. въ годъ, чтобъ, безъ сомнѣнія, не превышаетъ способовъ столицы. Эта прибавка расхода была бы тѣмъ справедливѣе, что, сравнительно съ другими столицами, Петербургъ тратитъ нынѣче весьма-мало на освѣщеніе своихъ улицъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, ежегодный расходъ на освѣщеніе улицъ простирается до 1,662,449 франковъ; въ Петербургѣ, освѣщеніе, какъ замѣтили мы выше, обходится только въ 75,991 р. 68 $\frac{1}{2}$ к., т. е. почта въ $6\frac{1}{2}$ разъ менѣшь. Впрочемъ, дороговизна газового освѣщенія проистоходитъ у насъ отъ особыхъ, совершенно-случайныхъ причинъ, существование которыхъ можетъ, кажется, устраниться со-временемъ.

Разумѣется, для освѣщенія такого города, какъ Петербургъ, однаго общества слишкомъ — недостаточно. Но для этого могутъ образоваться новые компаніи, которыя легко размежуютъ между собою столицу. Что такія предпріятія могутъ существовать — нельзя, кажется, сомнѣваться: явилась бы потребность, а въ средствахъ си удовлетворенія не будетъ и не можетъ быть недостатка. Коль скоро сбыть газа будетъ обеспечено для производеній, найдутся и капиталы, которые нынѣче не обращаются на предпріятія этого рода только потому, что предпріятія эти не обещаютъ никакого успѣха. Распространеніе же числа газовыхъ обществъ могло бы имѣть и то полезное сльдствіе, что хотя каждое изъ нихъ, по свойству самаго предпріятія, пользуется монополіею извѣстной мѣстности, но самая сила мешаетъ породить между ними некоторое соревнованіе, которое будетъ содѣйствовать и понижению самой цѣны на газъ. Мы уже видѣли, что въ Парижѣ существуетъ 6 газовыхъ компаний; въ Лондонѣ — 17; очевидно, что будь въ этакъ столицахъ по одному только обществу, такое освѣщеніе никогда не достигло бы тѣхъ

размеровъ, въ которыхъ оно намъ представляется въ настоящую минуту.

Наконецъ, надо замѣтить и то, что нынѣшнія цѣны на газъ, обусловленные самимъ способомъ производства, принятымъ на здѣшнемъ заводе, не могутъ никакъ служить мѣриломъ для цѣнъ будущихъ. Каждый газъ означается въ этомъ отношеніи какимъ-нибудь новымъ усовершенствованіемъ въ способа добыванія газа, уменьшающимъ въ известной степени и самыя издержки производства. Такъ въ послѣднее время Мурдохъ въ Авгліи, а Булачже и Раго во Франціи придумали три новые, усовершенствованіе способы для добыванія газа. Это три способа сходны между собой въ основной мысли, которая заключается въ томъ, чтобы смолу, получаемую при дистилляціи каменаго угля и оставшуюся послѣ безъ употребленія, разлагать также въ освѣтительный газъ, очищая его отъ сарныхъ частей не известно, а пропуская черезъ жалезные опилки и обломки, на которыхъ сара осаждается въ видѣ пыли. Особенаго вниманія заслуживаетъ способъ Раго, потому-что онъ былъ испытанъ не только въ Парижѣ особою комиссіей, которую назначило общество поощрения народной промышленности, но и въ Петербургѣ; также особою комиссіею экспертовъ, назначенною отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Многочисленные опыты, произведенныя обѣими комиссіями, доказали, что, кроме преимуществъ относительно качества добываемаго газа, новый способъ превосходитъ старый—самою дешевизною производства. Съ одной стороны, добываемый по новой методѣ газъ несравненно чище прежн资料 и имеетъ гораздо-больше освѣтительной силы; а съ другой стороны издержки его производства должны, по расчету здѣшней комиссіи, сократиться по-крайней-мѣрѣ на десять, а при условіяхъ благопріатныхъ и на болѣе число процентовъ. Утвержденіе въ несомнѣнныхъ преимуществахъ этого способа побудило наше правительство выдать Раго шестидесятную привилегію на введеніе его въ Россіи; и для освѣщенія этимъ способомъ некоторыхъ частей столицы, составленъ подробный проектъ, который рассматривается теперь въ городской общей думѣ. Если проектъ этотъ, какъ надо ожидать, будетъ приведенъ въ исполненіе, то несомнѣнно, что новое газовое освѣщеніе обойдется дешевле, и облегчитъ распространеніе этого важнаго для жителей предприятия.

Впрочемъ, сколько бы ни пожертвовалъ городъ для распространенія газового освѣщенія, можно сказать заранѣе, что на первый разъ, онъ принужденъ будетъ ограничиться въ этомъ отношеніи самыми значительными кварталами, и въ-особенности тѣми улицами, которыя ближе къ центру города. Въ Парижѣ, где на усовершенствованіе этой части ассигнуется ежегодно весьма-значительная сумма, до-сихъ-поръ еще не усугубить газомъ всѣхъ улицъ, такъ-что въ отдаленныхъ кварталахъ существуютъ и теперь масляные фонари въ числѣ 2,608. Очевидно, что въ Петербургѣ не скоро удастся замѣнить вполнѣ масляное освѣщеніе—газовымъ, а потому желательно бы, при распространеніи газового освѣщенія въ наиболѣе-значительныхъ кварталахъ, заботиться въ то же время и объ улучшеніи масляного освѣщенія въ кварталахъ.

лахъ, болѣе-отдаленныхъ отъ центра города. Надо сознаться, что въ Петербургѣ есть еще много совершенно-темныхъ улицъ и много частей, освѣщенныхъ весьма-скоро и вовсе-несоразмѣрно съ ихъ пространствомъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если сравнить пространство каждой части съ числомъ существующихъ въ неї фонарей. Вотъ таблица, показывающая это отношеніе:

Въ 1-й Адмиралтѣйской Часті, гдѣ полъ улицами и переулками 70,550 кв. саж., находится 628 фонарей, такъ-что на каждый фонарь приходится 101 $\frac{1}{2}$ кв. саж.

Въ 3-й Адмиралтѣйской.	92,675	кв. с.	—	763	фон.	—	121 $\frac{1}{4}$	кв. с.
Во 2-й Адмиралтѣйской.	51,350	"	—	405	"	—	126 $\frac{1}{2}$	"
Въ Латинской	147,475	"	—	500	"	—	294 $\frac{1}{2}$	"
— Московской	152,250	"	—	456	"	—	333 $\frac{1}{2}$	"
— Петербургской.	229,425	"	—	521	"	—	440 $\frac{1}{2}$	"
— 4-й Адмиралтѣйской.	93,425	"	—	204	"	—	457 $\frac{1}{2}$	"
— Рождественской	145,850	"	—	362	"	—	482 $\frac{1}{2}$	"
— Нарвской.	159,225	"	—	319	"	—	499 $\frac{1}{2}$	"
— Васильевской	259,400	"	—	293	"	—	816	"
— Охтенской	35,100	"	—	40	"	—	877 $\frac{1}{2}$	"
— Выборгской	104,375	"	—	112	"	—	931 $\frac{1}{2}$	"
— Картной	140,400	"	—	113	"	—	1245	"

Изъ этой таблицы видно, что не всѣ кварталы Петербурга освѣщены одинакимъ образомъ. Сравнительно съ пространствомъ, въ Васильевской, Охтенской, Выборгской и Картной Частяхъ существуетъ въ 8, въ 9 и даже въ 12 разъ менѣе фонарей, чѣмъ въ 1-й Адмиралтѣйской; а въ прочихъ частяхъ (кромѣ 2-й и 3-й) число фонарей въ 3, 4 и 5 разъ менѣе, чѣмъ въ центрѣ города. Понятно, что жители этихъ отдаленныхъ кварталовъ, принадлежащіе по-большей-части къ бывшему классу, должны подвергаться многимъ стѣсненіямъ и неудобствамъ отъ недостатка свѣта на улицахъ. На этомъ основаніи, нельзя не по желать возможнаго уравненія различныхъ частей города въ этомъ отношеніи. Это тѣмъ спрашивавъ, что жители всѣхъ частей, будучи обложены одинаковыми податями, имѣютъ право и па одинакія удобства.

Къ расходамъ по наружному благоустройству города относятся также расходы на очищеніе троттуаровъ, улицъ и площадей, лежащихъ въ городскомъ счету. Удовлетвореніе этой необходимой потребности стоять въ Петербургѣ — 9,234 р. 57 к.; въ Москвѣ — 9,500 руб. (менѣе одного процента со всѣй суммы текущихъ расходовъ). Въ Петербургѣ троттуары, устроенные на площадяхъ, мостахъ, набережныхъ, пристаняхъ, спускахъ, противъ казармъ и домовъ, принадлежащихъ городскому вѣдомству, пространствомъ въ 5,436 $\frac{1}{4}$ кв. саженей, очищаются подрядчиками по контракту, съ платежемъ вимъ по 59 $\frac{1}{2}$ к. на сажень, а за всѣ количества по 3,234 р. 57 к. въ годъ. Очищеніе же грязи съ городскихъ площадей, улицъ у гвардейскихъ казармъ въ окрести Инженернаго-Зыни, примирино въ 140,292 кв. саженей, принадлежитъ къ обязанностямъ по лицамъ, получающимъ за то отъ города 6000 р. с. ежегодно. Вообще, ра-

сходъ этотъ, который до 1844 года былъ гораздо-значительнѣе, нынѣ довольно-умѣренъ; въ Петербургѣ, гдѣ полиція обязана очащать есь улицы безъ исключенія, статья эта требуетъ ежегодно большой суммы: 1,100,000 франковъ.

Пятую категорію въ бюджетѣ расходовъ составляютъ расходы на пожищеніе войскъ. Въ Петербургѣ они составляютъ 12 $\frac{1}{2}$, въ Москвѣ 16 процентовъ на всю сумму текущихъ расходовъ. Въ составъ этого расхода входитъ издержки на выдачу квартирныхъ денегъ, на наемъ военныхъ помѣщений, на содержаніе казармъ, ордонаанс-гауза и караульныхъ домовъ. На каждую изъ этихъ статей ассигнованы въ 1847 году слѣдующія суммы:

Въ Петербургѣ: Въ Москвѣ:

На выдачу квартирныхъ денегъ и наемъ военныхъ помѣщений.	65,895 р. 59 $\frac{1}{4}$ к.	43,759 р. 92 $\frac{1}{4}$ к.
На содержаніе казармъ.	124,472 р. 30 к.	125,935 р. 20 к.
На содержаніе Ордонаанс-Гауза.	19,503 р. 84 $\frac{1}{2}$ к.	12,070 р. 48 к.

Къ шестой категоріи городскихъ расходовъ относятся учебныя и благотворительныя заведенія. Эти заведенія не содержатся на-счетъ города; на нихъ отпускаются, по пешимъ законамъ, только известныя пособія изъ городскихъ суммъ. Такъ, напримѣръ, хотя учебныя заведенія содержатся на-счетъ самой казны, однако на содержаніе пародныхъ учащихъ въ Петербургѣ городъ даетъ 14,571 р. 42 к. и на содержаніе гимназій и приходскихъ учащихъ въ Москвѣ — 7,768 р. 56 $\frac{1}{4}$ к. Сверхъ того, по благотворительной части отпускается отъ Петербурга 188,936 р. 10 $\frac{1}{2}$ к. (именно на содержаніе больницъ: Обуховской, Петровской, Калининской, св. Маріи Магдалины, освященнаго заведенія, богоугодныхъ заведеній, Дома Трудолюбія, городскихъ богаделень и Капелларія Попечительного Совета Заведеній Общественнаго Призрѣнія); а отъ Москвы: 111,695 руб. 7 $\frac{1}{4}$ к. (на клинику при Московскому Университетѣ, городскую больницу, полицейскія больницы и заведенія, состоящія подъ вѣдѣніемъ Попечительного Совета). Какъ въ Москве, такъ и въ Петербургѣ, расходы этого рода составляютъ около 12 процентовъ на всю сумму текущихъ расходовъ.

Расходы, образующіе седьмую категорію въ бюджетѣ и означенныя подъ общемъ именемъ пособій, составляютъ въ Петербургѣ 8, въ Москвѣ 6 процентовъ на всю сумму текущихъ расходовъ. Въ обѣихъ столицахъ, городъ отпускаетъ довольно-значительныя суммы, въ видѣ пособія, на содержаніе театровъ и по управлению военныхъ генерал-губернаторовъ и гражданскихъ губернаторовъ. Сверхъ того, въ Петербургѣ выдаются пособія городу Кронштадту, Комитету Высочайше учрежденному въ 18 день августа 1814 года, и проч.

Изъ представленнаго очерка видно, что обѣ столицы употребляютъ безъ малаго половику дохода на содержаніе своего управления и разныхъ городскихъ заведеній, одну шестую — на наружное устройство своихъ зданій и улицъ, одну восьмую — на помѣщеніе войскъ, и почти столько же на учебныя и благотворительныя заведенія. Остальное есть постороннимъ вѣдомствамъ и для уплаты долговъ.

Въ общей сложности, изъ росписей 1847 года оказывается, что итогъ текущихъ расходовъ увеличился противъ 1846 года въ Петербургѣ на 36,776 р. 6½ к.; въ Москвѣ на 2,983 р. 41½ к. Въ 1832 году, т. е. 16 лѣть назадъ, городскіе расходы Петербурга не превышали 1,413,095 р. сер. (по нынѣшнему курсу), а въ 1804 (за 43 года назадъ) составляла только 827,259 р. ассигнаціи. Въ Москвѣ, общій итогъ городскихъ расходовъ составлялъ въ 1806 году 811,910 руб. ассиг., а въ 1834 году 686,573 р. серебромъ. Изъ этого видно, что въ Петербургѣ съ 1832 по 1847 годъ расходы увеличилась на 446,000 р. или на 31%; а въ Москвѣ на 422,000 р. или на 60%. Въ-течение цѣлаго пятидесятилѣтія, расходы увеличились какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ по той же самой пропорціи, какъ и доходы, т. е. въ Петербургѣ въ 6 разъ, въ Москвѣ въ 3 раза.

Переходимъ теперь къ расходамъ единовременныхъ, покрытіе которыхъ отнесено также на-счетъ текущихъ городскихъ доходовъ. Въ 1847 году предполагалось ихъ слѣватъ:

Въ Петербургѣ на 163,636 р. 86 к.

Въ Москвѣ на 36,980 р. 27 к.

Единовременные расходы въ обѣхъ столицахъ раздѣлены на две категории; расходы первой категоріи производятся самой думой; расходы второй — Правлениемъ Перваго Округа Путей Сообщенія. Важайшіе изъ числа этихъ расходовъ ассигнованы на слѣдующіе предметы: въ Петербургѣ: на постройку новыхъ жандармскихъ конюшень, на распространеніе и перестройку городской тюрьмы, на передѣлки въ Гагаринскомъ-Будинѣ, на устройство моста на Обводномъ-Каналѣ, на устройство польцейскихъ будокъ, на устройство подземныхъ трубъ въ колодезяхъ въ разныхъ частяхъ города; въ Москвѣ — на исправленіе подземныхъ трубъ, нающеніе нѣкоторыхъ улицъ и на построеніе 24 польцейскихъ будокъ.

Присоединивъ сумму единовременныхъ расходовъ къ суммѣ расходовъ текущихъ, мы получимъ слѣдующій результатъ, выражающій союю балансъ городскихъ доходовъ и расходовъ въ 1847 году:

	Въ Петербургѣ:	Въ Москвѣ:
Доходовъ	1,910,119 р. 71½ к.	1,127,940 р. 91 к.
Расходовъ { текущихъ . .	1,696,292 р. 90½ к.	1,071,712 р. 15 к.
единовременныхъ	<u>163,636 р. 86 к.</u>	<u>36,980 р. 27 к.</u>

Затѣмъ въ остатокъ 51,310 р. 67 к. 19,248 р. 49 к.

Изъ этихъ цифръ видно, что нынѣшнее состояніе городской казны весьма-удовлетворительно какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ; въ той и другой столицѣ оказывается, за вычетомъ расходовъ, известный остатокъ, въ Петербургѣ даже довольно-значительный, для всякаго рода непредвидимыхъ надобностей. Этотъ результатъ темъ болѣе утѣшителенъ, что подобные остатки стали появляться въ столичномъ хозяйствѣ только весьма-недавно; въ прежніе годы, никогда не удавалось привести расходы въ соразмѣрность съ доходами, и каждый годъ оказывался въ городскомъ бюджетѣ больше или менѣе значительный дефицитъ. Такъ съ 1804 по 1818 годъ среднимъ числомъ приходилось

въ Петербургѣ около 60,000 р., ежегоднаго дефицита; въ Москве въ 1806 году дефицитъ простирался свыше 87,000 руб. Даже въ ближайшее къ цѣмъ время, дефицитъ въ городскомъ бюджетѣ выдѣлялся гораздо чащѣ, чѣжаки остатки. Такъ въ Петербурга съ 1832 по 1835 годъ оказывалось, въ общей сложности, ежегоднаго недостатка по 16,000 р., а съ 1840 по 1843 годъ—по 136,000 р. Въ Москву находимъ мы ежегоднаго дефицита съ 1832 по 1835 годъ на 152,000 р., съ 1836 по 1839 на 132,000 и вакансіе съ 1840 по 1843 на 154,000 руб.

По системѣ, принятой въ финансованіи управлениія нашихъ столицъ (сколько можно судить изъ расписей четырехъ послѣднихъ лѣтъ), подобные дефициты уже не допускаются. Въ случаѣ же расходовъ чрезвычайныхъ, непокрываемыхъ текущими доходами, изыскиваются особые источники. Такимъ-образомъ поступлено и въ 1847 году, по случаю открывшейся надобности въ нѣкоторыхъ капитальныхъ постройкахъ, необходимыхъ для города. Нужные для этого расходы, составляющіе въ Петербургѣ 271,162 р. 97 к., въ Москву 141,259 р. 60 $\frac{1}{2}$ к., отнесены на слѣдующіе источники:

Въ Петербургѣ:

На счетъ открытаго въ 1845 г. займа	
350,000 р. с.	87,029 р. 51 к.
На счетъ остатковъ отъ суммъ, отпущен- ныхъ на строительныя работы въ 1846	
году.	34,133 р. 46 к.
На счетъ запаснаго капитала, ...	150,000 р.

Въ Москвѣ:

На счетъ остатковъ отъ суммъ, ассигно- ванныхъ на производство городскихъ работъ въ Москву по 1847 годъ. . . .	18,750 р. 31 $\frac{1}{2}$ к.
На счетъ имѣющейся въ Правлениі IV Округа Путей Сообщенія особой сум- мы, отпущенной на перестройку Сре- тенскаго Съезжаго Дома.	26,500 р.
На счетъ имѣющейся въ виду суммы отъ продажи разныхъ домовъ и стро- еній.	37,142 р. 86 к.
На счетъ остаточнаго капитала преж- нихъ лѣтъ.	58,866 р. 43 $\frac{1}{4}$ к.

Такимъ-образомъ, хотя нѣкоторые изъ единовременныхъ расходовъ и не покрываются вполнѣ доходами текущими, однако они не составляютъ дефицита и не нарушаютъ баланса, потому-что производятся на счетъ прежнихъ остатковъ, и только частію на счетъ новыхъ займовъ, совершенно обезпечиваемыхъ годовыми излишками дохода.

Рассмотрѣвъ расписи 1847 года въ финансованіи отношенія и указавъ на источники доходовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и на предметы расходовъ въ обѣихъ столицахъ, мы исполнили свое желаніе, т. е.

познакомили читателей съ нынешнимъ состояніемъ столичнаго хозяйства и съ содержаніемъ тѣхъ любопытныхъ документовъ, которые изданы по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ. Намъ остается только пожелать, чтобы эти важные документы, которые теперь будутъ, вероятно, издаваться ежегодно, не пропадали даромъ и безъ пользы для науки. Изъ сличенія подобныхъ материаловъ за всколько лѣтъ можно будетъ со-временемъ сдѣлать множество интересныхъ и, главное, вполнѣ-достовѣрныхъ статистическихъ выводовъ. Поле открыто для тѣхъ изъ нашихъ статистиковъ, которые решатся послѣдовательно привести гг. Заблоцкаго и Анироссова и посвятить свои труды подробному изученію столицъ въ-отношении къ общестранному и частному быту ихъ жителей.

***

ПРОБЛЕМЫ

СТАТИСТИКИ

1912

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРЬНИЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНИЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНИЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ ЗА НОЯБРЬ 1847 ГОДА.

==

I. Государственные учреждения. (Изменения и дополнения в составе и правах ихъ.)

— Къ штату Канцелярии Московского Опекунского Совета, по случаю умноженія дѣлопроизводства, прибавленъ одинъ экспедиторъ, одинъ экспедиторскій помощникъ и два писара (Выс. пов. 18 октября).

— Разрешено продолжить еще на три года существование временно-го дополнительного штата Межевой Канцелярии, Высочайше утвержденаго въ 21 день октября 1844 года.

— Въ имперіи Высочайшихъ указахъ, данныхъ въ 10 день октября Правительствующему Сенату, изображено: *Въ первомъ: по назначении срока къ изыятію изъ обращенія депозитныхъ билетовъ, признать вужившіе, сообразно съ IX статьею манифеста 1 июня 1843 года, действие Депозитной Кассы прекратить, повелеваемъ: 1) Экспедицію Депозитной Кассы къ 1-му января 1848 года упразднить; 2) всю дѣла овомъ, равно наличныя суммы въ серебряной и медной монетѣ, передать хъ изначеному времени въ Экспедицію Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, и 3) вклады въ посудѣ и вещахъ, принесенные въ Депозитную*

т. LVI. — Отд. III.

1/1

Кассу на хранение, передать къ тому же времени въ Государственный Коммерческий Банкъ, съ тѣмъ, чтобы пріемъ онъхъ на будущее время производимъ бытъ въ этомъ банкѣ, на правилахъ Свода Зак. Т. XI, Уст. Кред. Устан. (изд. 1842 г.) въ статтяхъ 1013—1023 постановленныхъ. Во второмъ: съ назначениемъ окончательного срока для вымѣна государственныхъ ассигнацій на государственные кредитные билеты, дальнѣйшее существованіе Ассигнаціонаго Банка признается болѣе не нужнымъ. Посему, согласно съ представлениемъ министра финансовъ, въ Комитетъ Министровъ разсмотрѣннымъ, повелѣваемъ: 1) Государственный Ассигнаціонный Банкъ съ 1-му января 1848 года упразднить, и 2) наличныя суммы въ ассигнаціяхъ въ медной монетѣ, и также вся дѣла, дѣль и прочее имущество того банка передать къ означеному времени въ вѣдѣніе экспедиціи Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ.

— Государь Императоръ, для развитія нашей торговли съ Австріею признавъ полезнымъ допустить некоторыя облегченія и на сей конецъ утвердивъ расписъ товарамъ, относительно которыхъ, при провозѣ на сухопутной австрійской границѣ, взимаются таможенные пошлины, Высочайше повелѣть въ 11 день октября Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы съ 19 ноября (1 декабря) текущаго года эта расписъ приведена была въ дѣйствіе.

— Обнародованъ Высочайший указъ, данный въ 22 день августа сего года изъ вида министра финансовъ, объ открытии пятаго четырехпроцентнаго займа въ четырнадцать миллиновъ рублей серебромъ, для удовлетворенія расходовъ, предлежащихъ въ 1848 году по сооруженію санктпетербургско-московской железнной дороги.

— Высочайше утвержденъ дополнительный штатъ Перваго Отделенія Департамента Министерства Юстиціи.

— Разрешенъ привозъ къ архангельскому порту иностраннай черепицы на корабляхъ, вместо балласта, безъ платежа пошлины въ-точнѣе навигаций 1848 и 1849 годовъ, а безпошлинный привозъ въ Архангельскъ на томъ же основаніи иностраннаго кирпича ограничить навигацией 1848 года.

— Дѣтскіе пріюты, по уваженію благотворительной вѣдомости, освобождены отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ, какъ за поддержанные имѣнія, приобрѣтаемыя покупкою, такъ и за обращаемыя, для пользы по завѣщаніямъ или дарственнымъ записямъ дѣшевыми въ поддержанныхъ имуществахъ (указъ Прав. Сен., 12 ноября).

— Высочайше утвержденъ, по положенію Комитета Министровъ, правила о мзрахъ къ прекращенію беззорядкъ по отбытию подводной повинности (указъ Прав. Сен., 13 ноября).

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данный Правительствующему Сенату въ 8 день ноября, изображенъ:

• По действующему въ Грузии съ 1824 года закону, преобразованному въ 100½ ст. Св. Зак. въ Сост. (Т. IX), возникла некоторыя недорумки. Въ разрешеніе онъхъ повелѣвается руководствоваться иными дѣйствиями, въ Государственномъ Секретѣ разъясненными, приведенными: въ

1) Когда **населенное недвижимое имение**, за лежащие на немъ долги казенные, частные или въ кредитных установлениях, назначено будетъ въ публичную продажу, крестьянамъ, къ такому имѣнію принадлежащимъ, предоставляется выкупать себя, вместе съ землею и прочими составными онаго частами, чрезъ взнесъ посѣдне-состоявшейся на торгахъ цѣны, или, при неявкѣ покупщиковъ, полной оцѣночной суммы. Но въ посѣднемъ случаѣ, если оцѣнка не достигаетъ суммы долга, лежащаго на имѣніи, **заложенномъ въ кредитных установлениях**, или же въ частных руках, крестьяне обязаны принять на себя платежъ такого обезпеченаго имѣніемъ долга въ полномъ его количествѣ.

2) Выкупъ на упомянутомъ основаніи разрешается только въ цѣломъ составѣ продаваемаго имѣнія, или, когда оно продается участками (Св. Зак. Граж. Т. X, ст. 4001), въ цѣломъ составѣ каждого участка, отъ всѣхъ въ совокупности крестьянъ того имѣнія или участка.

3) Для совершения выкупа, то есть, въ коемъ продажа производится, по окончаніи торга и переторжки, или при неявкѣ покупщиковъ, по измѣненнымъ срокамъ, обязывается извѣстить местное губернское правленіе о выкупной цѣнѣ, на основаніи 1-й статьи настоящаго указа исчисленной, а губернское правленіе, какъ въ семъ случаѣ, такъ и тогда, когда продажа въ немъ самомъ производилась, даетъ знать о сей цѣнѣ крестьянамъ, чрезъ земскую полицію, со взятіемъ отъ нихъ расписокъ въ лихъ выслушавшія. Всѣ дѣйствія полиціи по объявленію крестьянамъ выкупной цѣны и по выплатѣ ихъ отзыва, а потомъ и самъ взносъ подлежащей суммы, совершаются всегда по иначе, какъ при совокупности въ томъ участкѣ предводителя дворянства и уѣздного стряпчаго, въ подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ.

4) Крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму, не ожидая никакого отъ казны пособія, въ-течение 30-ти дней, которые счисляются со времени объявленія имъ той суммы до времени поступленія оной сполна въ местное губернское правленіе, где бы, впрочемъ, продажа имѣнія не производилась.

5) Когда крестьяне отказутся отъ выкупа, или, изъявивъ желаніе заплатить выкупную сумму, не внесутъ оной на срокъ: имѣніе утверждается за тѣмъ, что имъ оно осталось по торговамъ; а если, по неявкѣ желающихъ, торгоѣ не было, съ онымъ поступается по правиламъ, существующимъ для тѣхъ случаѣвъ, въ коихъ публичная продажа спиптается несостоявшимся (Св. Зак. Гражд. Т. X, кн. VII, разд. II, главы 5, отъданіе 5).

6) По внесеніи выкупной суммы, крестьяне снимаются данью, но безъ взятія крепостныхъ пошлинъ.

7) Выкупившися поступаютъ въ государственные крестьяне и приобрѣаютъ право собственности на землю и все прочие принадлежности имѣнія, съ коими они выкупились. Но приобрѣтая такимъ-образомъ землю выкупившися крестьяне имеютъ право передавать, посредствомъ продажи, обмена или другихъ способовъ, въ посвѣрховѣ руки не иначе, какъ по мѣрѣ закона о прѣтвореніи въ съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ оставлениемъ при томъ всегда неотдѣль-

юю принадлежность по два десятавы земли усадебной, огородной, пашевой и садово-огородной, въ совокупности, въ общемъ на вымѣру ревизскую луну счета. На сїе себестоимое количество земли, въ упомянутомъ выше размерѣ, не должны равномерно указать въ: никакъ долги крестьянъ.

8) Выкупавшися въ чисто государственныхъ крестьянъ подлежатъ въсѣмъ установленнымъ съ послѣднихъ податицъ въ предѣстѣахъ, кроме только оброка, соотвѣтственно чему и получаются называемые беззборочныя.

9) Сила сихъ постановлений, въ-следствіе соображеній, еще съ 1824 года возникшихъ въ удостоенныхъ тогда предварительного одобрѣнія блахѣнныя памятія Императора Александра I-го, распространяется въ на всѣ прочія части Имперіи.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ.)

— Міускому опружному съскому начальству (въ Области Войска Донского) назначено на канцелярскіе потребности по 30 руб. сер. въ годъ.

— Высочайше повелѣно: 1). на подкѣрѣваніе суммы, подлежащей по общему войскому штату на канцелярскіе расходы ставившіеся правленіемъ, опредѣлять пообѣде для войска ежегодно, начиная съ 1847 года, по 750 руб. сер., т. е., илькою болѣе того, сколько въ мѣсяцъ изъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ передорожавшись ставочными дѣставами на канцелярскія надобности; 2) войсковому правлѣнію войска Донского предоставить, съ строжайшою разборчивостью въ съ утвержденія пакетного атамана, назначать изъ сихъ 750 руб. сер. на счетъ стамачныхъ дѣдовъ, по принадлежности, необходимыя къ канцелярскимъ расходамъ суммамъ добавки единѣнъ таѣмъ ставочными правленіями, которыя по общирности своего дѣлопроизводства и по указанію опытовъ прежнихъ лѣтъ будуть иметь действительную нужду въ усиленіи способовъ на удовлетвореніе канцелярскихъ потребностей, не выходя, впрочемъ, за предѣлъ суммы видомъ при подобномъ распределеніи изъ ежегодно-назначаемыхъ за сей предметъ 750 руб. сер.; 3) согласно предѣшущимъ пунктамъ 1 и 2, дополнить особыиъ привѣщемъ штатъ воинскаго и гражданскаго управлѣнія. Высочайше утвержденный 20 мая 1835 года.

— Дозволено тифлескому военному губернатору, съ утвержденіемъ начальника Кавказскаго, опредѣлять къ себѣ двухъ чиновниковъ особыиъ порученій, сверхъ состоящихъ при немъ штатныхъ, съ привѣщемъ имъ всѣхъ правъ службы юному старшаго артиллерийскому градинскому чиновнику особыиъ порученій, но безъ залоговъ.

— Къ штату Канцелярскаго Уезднаго Суда прибавлять: первымъ, съ отношеніемъ должности его, изъ XII классу, а для начальства Уѣзднаго и съ производствомъ, жалованья по 200 руб. сер. въ годъ; вторымъ,

— Находящимъ во городкахъ Царскому-Селу, Петровскому Гатчине, Павловске и Оренбургѣ подчинены поголовно: поголовно въ

възыдавшіи Министерства Императорскаго Двора и отпускаемыя изъ государственного казначейства на содержание трехъ изъ означенныхъ полицій, т. с. царскосельской, павловской и орѣббаумской, суммы, вносить въ рѣдь въ сметы сего же министерства, по примеру полицій петергофской и гатчинской.

— Чиновникамъ петергорской городской полиціи повелено произвести квартерные деньги въ томъ размѣрѣ, какъ опредѣлено пунк. 2 и 3 приложения къ ст. 1013 Т. III, Св. Уст. о Служб. Прав. и потребныд на это увеличение деньги, сверхъ того, что вынѣ отпускается изъ казны на производство квартерныхъ денегъ упомянутой полиціи, обратить на состоящія изъ въданій начальника кавказскаго суммы минеральныхъ водъ, до-тыхъ-поръ, пока будетъ возможно эту издержку обратить на городскіе доходы.

— Для завѣданія керчи еникольскимъ городовымъ архивомъ, разрешено опредѣлить при тамошней думѣ особаго архиваріуса, съ присвоеніемъ ему по должности X класса, по пенсіи IX, а по мундиру X разрядовъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Т. III, Св. Уст. о Служб. Гр., изд. 1842 г., постановлено слѣдующее: 1) чиновники, служащіи въ Закавказскомъ-Краѣ, изъ туземцевъ, въ-продолженіе службы ихъ за Кавказомъ предоставляются слѣдующія преимущества: а) тѣмъ изъ нихъ, которые по воспитанію принадлежать къ числу чиновниковъ первого и второго разрядовъ (на основаніи ст. 81 Т. III, Св. Уст. о Служб. Прав.), срокъ службы за Кавказомъ для производства въ сълѣдующіе чины, согласно ст. 1289 Т. III, сокращается однимъ годомъ противу общаго положенія; б) все вообще чиновники изъ туземцевъ, занимающіе должности, поименованные въ ст. 1106, награждаются орденами, согласно правилу, въ сей статьѣ изложенному; в) преимущества, означенныя въ ст. 1294—1297, о лечевіи въ военныхъ госпиталяхъ и о воспитаніи детей на казенный счетъ, распространяются вполнѣ на чиновниковъ изъ туземцевъ; 2) за тѣмъ преимущества, изложенные въ ст. 1290 и 1291, о производствѣ пребывшаго жалованья, также въ ст. 1293 сокращеніи срока на полученіе ордена св. Владимира и въ ст. 272—278 Уст. о Ненсахъ, не распространяются на чиновниковъ изъ туземцевъ, которые получаютъ орденъ св. Владимира, немнѣ и единовременными способами за основное общаго проинаго, и 3) все вообще преимущества, предоставлены служащимъ въ Закавказскомъ-Краѣ гражданскаго чиновничества, какъ пра-переданныхъ имъ на службу туда, такъ и-продолженіе службы за Кавказомъ и при увольненіи отъ онай, вполнѣ распространяются на военныхъ генераловъ, чтобы и обер-офицеровъ, занимавшихъ гражданскія должности въ Закавказскомъ-Краѣ. Само-собою разуместе, что ограничія, наложены установленными въ отношении преимуществъ чиновниковъ изъ туземцевъ, распространяются также на военныхъ чиновъ изъ туземцевъ, служащихъ по гражданскому подразделенію въ Кавказе (утв. Прав. Осн., 17 ноября).

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКИЕ.

— Евреямъ, на основаніи ст. 21 Т. XIV Св. Уст. о Пасхѣ живущимъ нынѣ въ Закавказскомъ-Краѣ, дозволено участвовать въ торгахъ и подрядахъ по этому краю на правѣ поселанья, юбезпечивающа подряды круговою порукою. (Ук. Прав. Сен. 17 ноября.)

— Въ Закавказскомъ-Краѣ жителямъ дозволено представлять доказательства и документы по тяжебнымъ дѣламъ и послѣ подачи инициативъ симъ дѣламъ апелляціонныхъ жалобъ, если только въ-слѣдствіе этихъ жалобъ не состоялись уже рѣшенія; но съ тѣмъ, что эти доказательства приемлются судебными мѣстами, послѣ подачи апелляціонныхъ жалобъ, не иначе, какъ съ разрешеніемъ каждыи разъ замѣстника казакскаго. (Ук. Прав. Сен. 17 ноября.)

— Правила, изданныя 24 сентября 1846 года, на счѣтъ вѣзысканія долговъ въ Закавказскомъ-Краѣ по роспискамъ не судебнѣмъ, а полицейскимъ порядкомъ, повсѣльно дополнить слѣдующими постановленіями: такія заемныя обязательства между жителями закавказскаго края, которыя написаны по формѣ, изданной для векселей, хотя бы они были не только не протестованы по прошествіи срока, но даже и не засвидѣтельствованы, гдѣ слѣдуетъ, при написаніи, если должникъ займа не отвергаетъ, или заемъ подтверждается порядкомъ, установленнымъ на простыхъ росписокъ, обращать ко вѣзысканію (въ отмѣну ст. 517 Т. XI Св. Зак. Уст. Торг., изд. 1842 г.) не судебнѣмъ, а полицейскому порядкомъ, съ тѣмъ только, чтобы по подобнымъ векселямъ кредиторъ не быть удовлетворяемъ определеніемъ ст. 558 того же тома и устава неустойкою, и чтобы полицейское начальство вѣзыскивало съ кредитора, при удовлетвореніи его долговою суммою, за непредъявленіе векселя къ протесту: а) 30 к. с. въ пользу казны за листъ гербовой бумаги, на основаніи п. II ст. 48 Т. V Св. Уст. о Пошл., изд. 1842 г. и б) полпроцента съ рубля той суммы, какая въ вексель означена, въ пользу города, на основаніи ст. 718 Т. X, Св. Зак. Гржд. и 493 Т. II Св. Уст. Торг., изд. 1842 г. (Ук. Прав. Сен. 17 ноября.)

V. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

— По вопросу о перенѣ вѣзысканій есть чиномъ межеваго корпуса постановлено: 1) для написанія за переданіе въ службу изъ другого подведомствѣ таихъ чинъ нѣмѣнѣніемъ межевыѣхъ чиновъ, которыя присоединять вѣзы сбер-офицерскаго дѣлъ, командироватъ таихъ безъ вышевія званийъ, на два или на три года, для санитаріи наравнъ съ чиномъ снаiorабочаго роты, существующаго при Межевомъ Кашцелярии; 2) таихъ, однакожъ, что если они въ течение трехъ лѣтъ не исправляемы не окажутся достойными къ избранию переводу въ межевыій корпусъ, то давать таихъ чиноватѣльно въ военное вѣдомство, для назначенія въ нижніе воинскіе чины, съ предварительною присвоеніемъ, но безъ правъ по воспитанію. При семъ годовые могутъ получать по фрапту, а вѣнчаніе какіе-либо тѣлесные недостатки, шь писара. 2). Сообразно тому и на таихъ же основаніи таихъ чиновъ, которые присоединять мѣтъ воспитаніемъ воспитательныхъ домовъ изъбытнаго прохождѣнія.

нія также прикомандировать къ военинарабочимъ ротамъ Межевой Канцелярии. 3) Для сохраненія различія между межевыми чинами, происходящими изъ обер-офицерскихъ дѣтей и воспитанниковъ воспитательныхъ домовъ въ родахъ занятій, возлагаемыхъ на военинарабочіа роты ст. 116 Св. Зак. Меж. Т. X, употреблять: а) обер-офицерскихъ дѣтей для отправленія обязанности курьеровъ и разношаковъ пажетовъ Межевой Канцелярии или при губернскихъ чертежныхъ; б) воспитанниковъ воспитательныхъ домовъ неизвестнаго происхожденія для обязанностей сторожей, истопниковъ и т. п.; в) по неудобству же во время подевыхъ межевыхъ дѣствій дѣлать строгое различіе въ занятіяхъ этихъ лицъ при командировкѣ ихъ въ составъ военинарабочей роты, предоставить дѣлать это различіе на усмотрѣніе того чиновника, которому они подчинены (Ук. Прав. Сен., 29 октября.)

====

СОБЫТИЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА НОЯБРЬ 1847 ГОДА.

Народное просвещеніе. — Высочайше утвержденъ уставъ Керченскаго Кушниковскаго Института для воспитанія девицъ. Представляемъ изъ сего устава краткое извлеченіе. Этотъ институтъ, учрежденный въ 1836 году, состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Онъ царемъованъ Кушникорскимъ въ память великодушнаго подвига дѣствительного статского советника Кушникова, пожертвовавшаго значительныи денежныи капиталъ, который, по просьба его наследниковъ, употребленъ на распространеніе этого института. Это заведеніе принадлежитъ ко второму разряду женскихъ учебныхъ заведеній. Командовать воспитанницъ опредѣляется: въ 60 пансионерокъ союзныхъ и 16 пансионерокъ, которыхъ содержаніе отнесенъ на счетъ процентовъ съ капитала Кушникова. Въ институтѣ принимаются дочери потомственныхъ и земельныхъ дворянъ, сенаторско-и царсково-служилыхъ, почегныхъ, гражданъ, купцовъ 1-й гильдии и корни-еникольскаго жителей Крепости, пользующихся сберѣженіемъ прозмы. Институтъ подчи-няется Главному Совету Женскихъ Учебныхъ Заведеній и состоитъ во ведомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Мѣстное управлѣніе возлагаются, подъ главнымъ начальствомъ новороссійскаго и бессарабскаго генерал-губернатора, на советъ, который составляется пресидателемъ Керченско-Кизильскій градоначальникъ, старший, или роза Кушникорская, во диколадской линіи, начальница института, членъ же ладитъ учебной

и членъ по части хозяйственной. Для производства дѣлъ совета, учреждается при немъ канцелярия, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ предсѣдателя. Ближайшее завѣданіе отдѣльными частями института ввѣряется по воспитанію девицъ нравственному и физическому—начальнице, по образованію умственному—члену по учебной части, по содержанию—члену по части хозяйственной. Постоянный надзоръ за поведеніемъ воспитанница поручается класснымъ дамамъ. Непосредственное наблюденіе за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ и успѣхами предоставляемъ инспектору классовъ. Исполненіе всѣхъ распоряженій по хозяйственному и полицейскому управлению возлагается на экзамен. Для пользованія больныхъ воспитанницъ, институтъ имѣть врача, и для наблюденія за порядкомъ въ лазаретѣ, смотрительницу. Служащіе при институтѣ пользуются всѣми правами, предоставленными служащими при другихъ институтахъ, удостоенныхъ Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы, и считаются въ действительной государственной службѣ. Возрастъ для приема воспитанница назначается: въ высшій классъ отъ 9 до 10, а въ высшій отъ 11 до 13 лѣтъ. Въ посыпѣ изъ этихъ классовъ принимаются только такія девицы, которымъ по испытанію окажутся способными къ дальнѣйшему, наравнѣ съ прочими, прохожденію учебного курса. Плата за содержаніе и обученіе воспитанницъ определена: за дочерей жителей города Керчь-Еникала 150 рублей, а за иногородныхъ 180 рублей серебромъ, въносатся каждые полгода впередъ. Сверхъ-того, при поступлении каждой воспитанницы, берется единовременно по 60 рублей серебромъ на первоначальное обзаведеніе. Въ институтѣ преподаются слѣдующіе учебные предметы и искусства: законъ Божій, русская словесность, французскій языкъ, немецкій языкъ, звѣметика, географія, исторія, рисование, чистописаніе, пѣніе церковное, танцованиe, рукодѣліе. Дочери Грековъ, выѣсто французскаго или немецкаго языка, могутъ обучаться греческому языку за особенную плату. Учебный курсъ продолжается 6 лѣтъ и раздѣляется на два класса: нижній и высшій. При выпускѣ паспортъ Кушникова, выдаются вимъ денежныя пособія изъ остаточной суммы отъ процентовъ съ кушниковскаго капитала. Лучшія изъ выпускницъ Кушникова по благонравію и успѣхамъ оставляются въ Институтѣ непиньерками въ помощь класснымъ дамамъ.

— Для поощрения объ Осташковскомъ Женскомъ Начальномъ Училище, воевѣнно учредить званіе почетнаго блюстителя премиумъ изъ купеческаго сословія, съ обязанностями въ правахъ, присвоенными этому званію Высочайше утвержденными 1-го ноября 1809 г. положеніемъ о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москве, и съ предоставлениемъ начальнику Тверской-Губерніи утверждены въ семъ званіи лица, избранныхъ училищами начальствомъ съ согласіемъ городского общества, состоявшаго во время городскихъ выборовъ.

Промышленность. — Выданы привилегіи: 1) «Почетному гражданину Санктпетербургскому 1-й гильдіи купцу Исааку Лихачеву и учителю словесности Николаю Каневу на вновь изобрѣтенный имъ изальвон».

щильнымъ способомъ обвязки прядильныхъ растеній, посредствомъ придуманного имъ для этой операции снаряда. Главное преимущество этого способа, по объясненію изобрѣтателей, противъ нынѣ опредѣляемыхъ способовъ, состоить въ томъ, что, посредствомъ его, изъ того же количества палокъ растеній получается горнаго въ продажу волокна отъ 3 до 5 разъ болѣе, а пряжи отъ 17 до 20 разъ болѣе, нежели по другимъ способамъ. Сверхъ-того, онъ представляетъ много удобствъ въ отношении къ легкости и скорости работы. 2) Иностранцу Клаусену на новоизобрѣтенный вазальныи станокъ. 3) Механику Мерценфельду на усовершенствованную имъ продолльную строгальную машину. 4) Варону Петру Аману дэ-Сегіе на изобрѣтенную имъ систему влечения пѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ посредствомъ легкихъ паровозовъ съ двигательными горизонтальными колесами, дѣлающими удобнымъ употребление машинъ съ непосредственнымъ вращеніемъ при усиленіи скорости, каковы суть реактивные рычаги и тюбини, движимые парами, водою, воздухомъ и проч. и 5) Архитектору коллежскому советнику Свѣязеву на изобрѣтенные имъ ново-русскія или современно-русскіе нагревательные приборы. Г. Свѣязевъ въ описаніи своего изобрѣтенія говорить, что во время многолѣтней практики онъ обращалъ особенное вниманіе на предметъ важный и необходимый въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ, именно на отопленіе нашихъ жилищъ съ ихъ недостатками, и имѣть возможность убѣдиться, что все наши печи далеко не соотвѣтствуютъ современными центрамъ обѣ удобствахъ и потребностяхъ жизни, потребляя двойное количество топлива, весьма уже пынаго. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ исправильного устройства топки, съскомъ-обширной по количеству вымѣщаемаго въ нее топлива и худаго отъ того сгоранія газовъ, а съ другой отъ недостаточнаго охлажденія дыма, уносящаго въ атмосферу болѣе 100 градусовъ теплоты. Для этого охлажденія обыкновенно устроиваются изъ сколько кирпичныхъ оборотовъ, сомкнутыхъ между собой, и въ одномъ нераздѣльному току послѣдовательно вращающихся дымъ, отъ хайла до вышушки, вверхъ и внизъ, поперемъно. При маломъ числѣ оборотовъ дымъ, быстро текущій, не можетъ достаточно охладиться, сколько по худой тепло проводимости кирпича, столько же и по сомкнутости оборотовъ и недоступности къ нимъ комнатнаго воздуха. При продолжительномъ же топленіи печи, если первые обороты нагреваются, то передаютъ теплотуще воздуху, а послѣдующимъ оборотамъ, и такимъ образомъ, вновь подогрѣваютъ охладившій въ нихъ дымъ. Если обороты сдаляются много, то печь начинаетъ дышать и, по закрытии вышки, издавать запахъ; топливо горитъ еще хуже и труба засоряется сажей. Вообще, израсходовавши наши печи, сами награцаясь медленно, медленно нагреваются въ комнату, а желѣзныи, даже и утермарскіи, хотя и скоро нагреваются, но неравномерно и скоро простызываютъ; случаются въ такихъ печахъ, которыи, какъ бы ни были предварительно закрыты, всегда производить угаръ, особенно при открытии душникомъ для вентиляционныхъ дверецъ. Открывать же ихъ бываетъ необходимо при толстыхъ стѣнахъ печи, худо передающихъ теплоту; но такое нагреваніе внутрен-

нею теплотой печи, всегда сопровождается, кроме угара и запаха, вы-
мстаніемъ изъ душинковъ сажи и золы въ видѣ тонкой пыли, садя-
щійся на все, что ни есть въ комнатѣ. Сверхъ-того, возможность вы-
паданія изъ топки головешекъ и углей, растрескиваніе печей при край-
ней недостаточной ихъ прочности, очень горячій дымъ въ трубѣ и
засоръ ее сажей, бываютъ причиной частовременныхъ пожаровъ, осо-
бенно при малѣшемъ упущеніи въ устройствѣ раздѣлокъ около дере-
ва. Отвращеніе этихъ псудобствъ и замѣненіе существующихъ печей
больше удовлетворяющими потребностямъ времени, по объясненію г. Си-
лезева, было постояннію его мыслю при производствѣ разнообразныхъ
опытовъ, которые доказали ему, что безъ радикального измѣненія вра-
нітой системы невозможно дальнѣйшее усовершенствованіе нашихъ пе-
чей, и что это усовершенствованіе въ сбереженіе горючаго материала
возможно только съ допущеніемъ въ устройство печей металла, какъ
хорошаго проводника теплорода, и, следовательно, лучшаго дѣятел-
и окончательномъ охлажденіи дыма. Затѣмъ оставалось ему вр-
иискать способы совершенно безвреднаго для здоровья, возможно мѣнь-
шаго и пагубнѣйшаго употребленія металла, съ сохраненіемъ п-
ечи теплоты на продолжительное время. Это повело къ изобретенію
особаго рода топки, теплоемкіовъ и новой системы расположения ды-
моходильниковъ, подробности которыхъ изложены въ приведеніи.

(*) Си. въ этой же книжкѣ, въ отдѣлѣ «Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Про-
мышленности вообще» статью: *Современно-русскія печи.*

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

СОВРЕМЕННО-РУССКИЙ ПЕЧИ, ИЛИ НАГРЪВАТЕЛЬНЫЕ РАЗНАГО РОДА АППАРАТЫ АРХИТЕКТОРА И. И. СВЯЗЕВА.

«Въ нашъ только вѣкъ искали, что самое благородное и прекрасное назначение употребить для служить людямъ здѣль; куда призываются его нужды ихъ; что изъ достойнѣйшаго употребленія его способностей, какъ орудіе враждебныхъ силъ природы и сочетаніе ихъ съ судьбами нашей жизни, и что образованность состоить въ распространеніи здоровыхъ, сѣйтыхъ и точныхъ новатій между всѣми, кто призванъ дѣлствовать на земли и употреблять ихъ во благо себѣ и другимъ.

И. К. Китенко.

Поучительно и даже необходимо восходить къ началу всякаго дѣла, следить за постепеннымъ его развитіемъ и по настоящему его состоянію предугадывать будущее усовершенствованіе. Съ первого взгляда на подручные намъ предметы, которыхъ услугами привыкли мы пользоваться безсознательно, намъ кажется, что они никогда и не могли бытъ виноваты, какъ они теперь; а между тѣмъ, смѣшино сказать! — даже у зажигательной спички должна быть своя история, свое историческое развитіе! И сколько вѣковъ надобно было прожить человѣчеству, сколько переспытать разныхъ способовъ добыванія огня, сколько разъ, подвигаясь впередъ,

т. LVI. — Отд. IV.

1

заходить въ сторону, дѣлать обходы и ворочаться назадъ, чтобы дойти, наконецъ, до прошѣйшаго разрѣшенія задачи — однинъ трешіемъ спички о шероховатую поверхность добывать огонь, когда понадобится! А между-тѣмъ, было время, когда почитали огонь небеснымъ гостемъ на земль, воззвигали ему жертвеники, посвящали непорочныхъ дѣвъ дія храненія его на потребу грѣшныхъ людемъ, а теперь эти грѣшные люди обращаются съ нимъ за пани-брата, носять его у себя въ карманѣ!

Но отъ-чего же мы смотримъ равнодушно не только на спички, но и на многія вещи поважнѣе ихъ? Не отъ-того ли, что «жизнь корабль, несущемся на всѣхъ пазусахъ, не замѣчаемъ быстроты его движенія, и только, взглянувъ на пройденный неподвижный путь, узнаемъ, что онъ быстрѣе отъ часъ убѣгаєтъ?»

Не менѣе мудрено было дойти человѣку до уразумѣнія и примененія свойствъ и силы огня къ разныемъ потребностямъ общественного быта. Намъ не нужно углубляться въ отдаленную древность, ни пускаться въ историческія изысканія для того, чтобы добраться до первонаачальныхъ способовъ, какіе употребляли первобытные люди для согреванія себя и приготовленія пищи. Стойте только посмотрѣть на извощаковъ и дорожныхъ работниковъ, какъ они грѣются около разведенаго на земль огня и вѣрятъ себѣ кушацье. На Кавказѣ и въ Тифлисе пекутъ чурекъ, промазывая тѣсто къ нагрѣтымъ бокамъ ямы, въ которой разведенъ былъ огопъ. Очевидно, что наша русская, сбитая изъ глины, печь безъ трубы, есть первородная дочь этой ямы. Море времени должно было пролетѣть, пока люди догадались, что можно пользоваться благотворною теплотою огня и не страдать отъ Ѣдкаго результатата горѣнія — дыма. Выпустивъ его въ отверстіе, сдѣланное вверху шафаща и потомъ сообщая это отверстіе съ самымъ мѣстомъ горѣнія теплица, люди добрались наконецъ до устройства трубъ. Но въ то время, когда одна часть людей выдумываетъ, трудащіяся, хлопочетъ для другой, — другая упорно отвергаетъ то, что для пользы ея придумано, и дымовые трубы, освобождающія жилище отъ пыли, сажи, кошоти и вредныхъ для здоровья газовъ, находятъ еще и нынѣ закоснѣлыми противниками, которые остаются кончеными сельдями, вѣроятно, въ угоду гг. поэтамъ, воспѣвающимъ, что дымъ въ курной избѣ «и сладокъ и приятъ».

Междудѣмъ, какъ вторая категорія людей упивалась сладостю и пріятностю дыма, первая пошла еще дальше. Для нея мало уже было освободить жилище и глаза отъ дыма: она захотѣла отнять у него не только всю теплоту, но даже совершенно сжечь его. Сюда стремились и стремятся всѣ новейшія изобрѣтенія и усовѣщеніствованія печей; но предоставимъ достижение этого будущему, оглянемся на прошедшее и поговоримъ о настоящемъ.

Очень-вѣроятно, что у насъ не было известно никакихъ другихъ печей, кроме такъ-называемыхъ русскихъ до временъ Иоан-

на III, когда иностранные мастера могли занести к намъ чѣко-
рые правила изъ сѣверо-германской системы устройства печей? Съ того времени, люди знатные и зажиточные начали строить хо-
ромы съ изразчатыми печами, вмѣсто курныхъ съ очагами. Въ 1655 году, бывшій въ Москвѣ алеопскій архидачонъ Павелъ гово-
рятъ, что печи дѣлались тогда глиняныя на обрубахъ и ценинныя,
или изразчатыя живописныя съ прильпами. Прицъ Бугхавскій
утверждаетъ, что еще въ 1679 году жилища бояръ и горожанъ
походили на избы и крылись соломой. Теплые избы въ самой
столицѣ были курныя; стекло замѣняли пузырь и холстъ, нама-
занные масломъ.

Съ основанія Петербурга началось у насъ коренное преобразо-
ваніе печей. Современное этой эпохѣ устройство ихъ описано г.
Шретеромъ въ XII части «Трудовъ Вольного Экономического Об-
щества» на 1790 годъ. Вначалѣ, онъ дѣлались кирпичныя, длиною
и вышиною отъ 2 до 3 арш., шириной $1\frac{1}{2}$ ар. Подъ возвышался
отъ пола комнаты около 1 арш. Внутреннее устройство во всѣмъ
сходно было съ русскою печью, исключая устья меньшей вели-
чины, для накладки дровъ и особаго падъ нимъ отверстія для ис-
хода дыма въ трубу. Тѣло печи выдавалось въ комнату, а щить
я, или передняя часть, обращенъ бытъ въ съни или корридоръ,
гдѣ устроивалась труба и откуда производилась топка. При та-
комъ расположеніи, встречающемся и теперь въ Германіи, печь,
если она была цѣла, не могла надымить въ комнатѣ. Дровъ кла-
дили за одинъ разъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 пул., а въ морозы топили по 2
раза въ сутки. Когда головешки сгорали, тогда топочное и ды-
мовое отверстія заслоняли заслонками, а трубу закрывали кирпичами.

Для каменныхъ домовъ достаточные люди выписывали изъ Гер-
маніи чугунныя печи, какія потомъ въ большомъ количествѣ от-
лавали въ Тульѣ, въ олонецкомъ и сибирскихъ заводахъ. Но какъ
переплеты въ окнахъ были одинакіе и притомъ жестяные или свин-
цовые, съ мелкими стеклами, вмѣсто которыхъ вставлялась, большою
частію, слюда, то чугунныя печи, по малому количеству удержи-
ваемой ими теплоты, не могли войти въ общее употребленіе.

Междудѣмъ, изъ Голландіи стали привозить муравленые израз-
цы, изъ которыхъ складенный голландскими мастерами печи на-
чали называть голландскими; въ первое время, они были непрочны
и дровъ сжигали много, такъ-что въ царствованіе Анны Ивановны
оказалась надобность употреблять желѣзо для укрѣпленія печей и
устроивать въ нихъ, вмѣсто одного, иль сколько сводовъ. Междудѣ-
ми оставались горизонтальные обороты, по которымъ дымъ, вин-
тообразно вращался взадъ и впередъ, выходилъ въ трубу болѣе,
чѣмъ прежде, охлажденнымъ. Топку стали устраивать въ самой
нагреваемой печью комнатѣ, чтѣ также способствовало къ сохра-
ненію теплоты и горючаго матеріала. Вмѣсто глиняныхъ вошли въ
употребленіе чугунныя выношки, которыя ставили на чердакѣ, чтѣ
и нынѣ дѣлается въ Москвѣ и въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Такое устройство печей, съ винтовыми оборотами, весьма склонно къ *Шуросаитум* древнихъ Римлянъ. Какимъ путемъ перешли они къ панѣ, определить трудно. Надобно полагать, что ихъ начали устраивать, при Петре-Великомъ, Шведы, а они могли занять ихъ въ Англіи, гдѣ сохранились остатки многихъ римскихъ построекъ.

Переходъ отъ горизонтальной системы дымооборотовъ къ вертикальной былъ не такъ уже труденъ. Надо было только убѣдиться, что дымъ, не обращаясь въ комнату, можетъ проходить значительное разстояніе по горизонтальнымъ оборотамъ съ переломами. Въ царствование императрицы Екатерины II, вертикальные обороты (колодцы) составляли общую длину отъ 11 до 24 арш. Ихогда проводили дымъ изъ печи нижняго этажа въ верхнюю печь, которой особой топки не давали. И теперь на этотъ tour de force не всякой печникъ рѣшился.

Топочная дверцы дѣлались шириной около 7, высотою около 5 верш.; иногда ставили и двойные дверцы. Такъ-какъ работа производилась тщательно и материалы употреблялись хорошие, то и не удивительно, что печи могли существовать 20, 30 и больше лѣтъ. На комнату, въ本事очности около 15 куб. саж., на поддержание температуры отъ 12 до 13°, дровъ употреблялось отъ 1 до 1%, пуд. — равнѣехолько такое же количество, какое и теперь издерживается.

По сторонамъ топки клади, иногда, балластъ или чугунные ящики, отъ-чего жаръ въ печи дольше сохранялся. Для нагреванія комнаты во время топки печи въ дѣлѣ приведенія въ движение комнатного воздуха, дѣлали попытки впускать атмосферный воздухъ черезъ металлическія трубки, обхватываемыя пламенемъ печи.

Разсмотрѣвъ внимательно чертежи печей, предложенные къ описанію г. Шретера, мы должны сознаться, что въ устройствѣ печей, не смотря на быстрое движение естественныхъ и математической наукъ, не смогра на общіе успѣхи образованія и на измѣненіе во многомъ ломашняго быта, мы нисколько не подвижнулись впередъ въ-течениѣ слишкомъ полуувѣка. Правда, нынѣшній наши печи красивѣе старинныхъ; но чтобъ и въ красотѣ при плодомъ здоровы? Правда, вкусъ нашъ развернулся, и форма улучшилась, но содержаніе все то же, потому-что умъ и знаніе исполнителей все тѣ же. И можетъ ли быть иначе, когда все описанное г. Шретеромъ, въ 1790 году, приходится такъ къ-стати и къ нашему времени?

•Кому надлежитъ спрашивать онъ: «при строевіи дома смотрѣвіе патѣ Владѣцъ дома ставитъ говорить, что онъ сего не разумѣеть и времени не иждетъ. Архитекторъ скажетъ: я-де только начерчиваю планъ рисунокъ и смотрю, чтобы по плану моему строено было. Подрядчикъ скажетъ: я-де единственно стараюсь скорѣе привести работу къ окончанію, а вы радуетесь, что строеніе такъ скоро оканчивается, не уѣдешь въ томъ—какъ оно дѣлалось.

•Итакъ никто не долженъ полагаться на мастеровъ и подрядчиковъ безъ юрнаго присмотра, ибо въ противномъ случаѣ, потерявъ время и деньги, вы учпшься впередъ быть поумнѣ.

— По откуда возмезъ такого знающаго строителя, который бы о всѣхъ работахъ имѣть истинныя свѣдѣнія, со внимательными практическими испытаниями и который бы зналъ каждого работника, къ настоящему исполненію его должностіи, черезъ прілежный присмотръ наставлять и повуждать? ...

Этотъ вопросъ г. Эбергардъ Йоганъ Шретеръ, членъ и архиварій Большаго Экономическаго Общества въ Петербургѣ и членъ Академіи Наукъ въ Мюнхенѣ, оставляетъ однажды безъ отвѣта. Мы также не беремся его рѣшить и обращаемся къ своему дѣлу.

Мы сказали выше, что и у насъ, до 1790 года, дѣлались опыты надъ впусканіемъ атмосферного воздуха въ нагревательный приборъ. Идея эта, кажется, принадлежитъ Франклину, илъ графу Румфорду, который устранивалъ каминъ съ притокомъ атмосферного воздуха въ всеобщую полость, откуда вытекалъ онъ въ горячемъ состояніи въ комнату.

Такая система представляла возможность — возобновлять комнатный воздухъ не отворяя дверей и оконъ, и проводить нагрѣтый въ приборѣ воздухъ въ другія комнаты. Но нѣкоторымъ остаткамъ древнихъ памятниковъ догадываемся, что Римлянамъ извѣстно было искусство нагревать верхніе этажи печами, устроеными въ подвалѣ; но это дѣжалось, какъ полагаютъ, некоторые писатели, не грѣтымъ воздухомъ, но непосредственно горячимъ дымомъ, проведеннымъ изъ печи въ стѣнахъ около нагреваемаго пространства. Подобная система отопленія существуетъ доселе у Китайцевъ, коиорые изъ печи проводятъ дымъ, въ разныхъ направленихъ, подъ половыи нагревающей комнаты. Мы не смыслимъ утверждать, кто далъ первую идею отоплять зданія воздухомъ, нагрѣтымъ калориферами или, по-нашему, духовыми печами: Китайцы ли, Римляне ли, Франклінъ или Румфордъ, но ручаемся въ томъ, что не пропадаетъ ни на копейку ума человѣческаго въ суммѣ умственнаго капитала всего человѣчества, и всякая новая и полезная идея, кому бы и гдѣ бы она ни запала въ голову, рано или поздно дѣлается обще-человѣческимъ достояніемъ. Какими путями падеи проинкаютъ и разносятся отъ парода къ пароду, изъ стравы въ страну, по всему свѣту — вопросъ чрезвычайно сложный и превосходящій наше разумѣніе. Но то достовѣрно, что въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи устроились уже калориферы, и у насъ, въ 1793 году, г. Львовъ издалъ свою *Ниростапику*, въ которой онъ подробно описываетъ конструкцію духовыхъ печей, имъ самимъ устроенныхъ. Въ Москвѣ, говорятъ, до сихъ-поръ существуютъ духовыя печи, современныя Екатеринѣ-Великой. Даже въ Сибири была известна система духовыхъ печей прежде 20-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ Санктпетербургѣ употреблялись большею частію калориферы съ коробами изъ котельнаго желѣза. Во Франціи придумано было множество системъ, которыхъ перечисление бесполезно для нашей цѣли.

Въ 1819 году, бывшій директоръ петергofской бумажной фабрики, фонъ-Вистинггаузенъ, получивъ привилегію на особое устрой-

ство калориферовъ съ вентиляторомъ (вътрогономъ) для усиленаго притечеия атмосферного воздуха. Этими калориферами производилась сушка бумаги съ замѣчательною скоростію.

Въ 1821 году, г. Мейснеръ, профессоръ технической химии въ Политехническомъ Институтѣ въ Вѣнѣ, издалъ свое сочиненіе обѣ отоплениі зданій грѣтымиъ воздухомъ, сдѣлавшее значительный переворотъ въ пиротехническомъ искусствѣ. Важнѣйшая заслуга Мейснера состояла въ томъ, что онъ первый, по-крайней-мѣрѣ печатно, замѣтилъ въ устройствѣ калориферовъ недостатокъ канала для истечения испорченного комнатнаго воздуха и большую потерю горючаго материала отъ постояннаго въ калориферъ притечеія атмосферного воздуха. По-этому, въ систему Мейснера вошли два новые элемента: а) вентиляторы или вытяжные каналы и б) опускные каналы для возвратнаго движенія охлаждавшагося комнатнаго воздуха въ калориферъ для подогрева снова. Такимъ образомъ, когда нѣтъ надобности въ возобновлении комнатнаго воздуха, тогда, закрывая вентиляторы и поддувало для притечеія атмосферного воздуха, открываютъ дверцы опускныхъ каналовъ въ калориферъ начинаять действовать, какъ всякая комнатная печь, т. е. вновь нагреваетъ охлаждавшійся комнатный воздухъ, который, по большой плотности своей, постоянно опускается на дно калорифера и, нагреввшись въ немъ, опять втекаетъ въ комнату черезъ тепловые душники.

Какъ калориферы Мейснера могли нагревать огромныя пространства, то и надобно было много нагревающихъ плоскостей, для которыхъ употребилъ онъ желѣзныя цилиндрическія трубы, взогнутыя въ разныихъ направленіяхъ. Дѣланы ихъ изъ кровельнаго же лѣза, нельзя избѣжать проникновенія дыма въ тепловой резервуаръ, а изъ него и въ комнаты. Для того, чтобы удобно было осматривать трубы и замазывать щели, Мейснеръ сдѣлалъ резервуаръ, въ которомъ онъ заключались, просторный, съ дверью для входа, и назвалъ его тепловою камерой (*).

Введенію этой системы у насъ въ Россіи предшествовали слѣдующія изобрѣтенія:

Около 20-тыхъ годовъ въ Петербургѣ появились желѣзныя цилиндрическія печи, называемыя по имени изобрѣтателя утермарскими. Внутреннее устройство ихъ отличается отъ обыкновенныхъ голландскихъ печей тѣмъ только, что между дымовыми оборотами помѣщается небольшая тепловая камера, въ видѣ вертикальной же лѣзной трубки, черезъ которую проходитъ комнатный воздухъ и нагревается во время топки печи. Хотя приборы эти неодинаково нагреваютъ воздухъ и черезъ сутки значительно охлаждаются, однако жъ они съ пользою употребляются въ тѣхъ мѣстахъ, где

(*) Подробное описание и чертежи калориферовъ профессора Мейснера по-нѣмцамъ въ 4 № - Журнала Мануфактуръ въ Торговли. 1834 г., въ кратковременномъ понятіе дано въ «Лѣтописахъ Открытий». 1829 г.

нужно скорое нагревание воздуха, или гдѣ нельзя устроить массивныхъ голландскихъ печей.

Для устраненія замѣченного выше неудобства утермаркскихъ печей, артистъ Шемаевъ примѣнилъ систему ихъ къ изразчатымъ печамъ, съ дополненіемъ канала для притока атмосферного воздуха. Но какъ приводъ его иногда былъ весьма затруднителенъ и притомъ въ нашемъ сурвомъ климатѣ трудно защищаться отъ холода при каждомъ сообщеніи съ наружнымъ воздухомъ, то печи эти, кажется, преданы уже забвению. За всѣмъ тѣмъ, въ рукахъ мастера они могли бы имѣть успѣхъ и дать голландскимъ печамъ лучшее направление.

Въ 1833 году, г. архитекторъ Дихтъ началъ устраивать въ Санкт-петербургѣ комната пеши по системѣ Мейснера, т. е. съ жѣлезными, вместо кирпичныхъ обортовъ, трубами, вымѣщенными въ изразчатую печь. По недоступности къ трубамъ, для обмазки ихъ въ случаѣ дымления, и по потребности топки два раза въ сутки (*), печи г. Дихта были также оставлены безъ вниманія въ замѣнены другими, той же системы. Но въ исторіи печного искусства имя г. Дихта должно стоять на видномъ мѣстѣ, потому что онъ первый началъ устраивать у насъ калориферы съ жѣлезными трубами, съ свободно тепловою камерой и съ обратными каналами для воздуха.

Въ 1835. году появилась на печной сценѣ такъ-называемые дымогарные пневматическіе калориферы, давшіе системѣ Мейснера большое практическое примѣненіе. По теплотѣ и сухости воздуха, по удобству и невидимости отопленія, печи эти были приняты публикою съ должнымъ вниманіемъ, хотя далеко не выполнили своего обѣщанія на счетъ сбереженія горючаго материала. Послѣ похвальной статьи, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 года, показалась чья-то брошюра, подъ названіемъ о калориферахъ вообще и о пневматическихъ въ особенности, которая, между прочимъ, доказывала, что $\frac{1}{10}$ частію того количества дровъ, которое употреблялось у насъ до калориферовъ, не только невозможно, но и неестественно отопить жилыя комнаты даже тогда, когда эта десятая часть дровъ будетъ сожжена въ самой комнатѣ, по методу курной избы—безъ малѣшаго выхода дыма на воздухъ. Развѣется, въ то горячее время, когда все принималось безсознательно, по одной вѣрѣ въ авторитетъ, на безымянную брошюру эту, написанную хладнокровно, никто не обратилъ вниманія: стало быть, не принесла она въ то время и пользы. Теперь намъ ясно, что она говорила правду. Въ-послѣдствіи времени, сама «Библіотека для Чтенія», по случаю восхваленія бумажныхъ печей —

(*) Мы не можемъ добраться до причины ненависти нашей къ топкѣ печей по два раза въ сутки. Вьюшки мы не ставимъ на чердакѣ; привозка дровъ по подиуму кажется легче, чѣмъ во буду за разъ; уходъ за тонкою печи не Богъ-знаетъ какой. . .

этой проста-дѣтской игрушкѣ, — обмолвилась мніоходомъ, что пневматические калориферы извергаютъ густые клубы дыма! Куда же дѣвалась дымогарность? А безъ дымогарности возможно ли напопить комнату, вѣсто 10-ти, одинъ полѣнъ? Итакъ, рука, воздвигнувшая бумажную статую калориферамъ, сама посагнула на ся разрушеніе!

Но отложимъ въ сторону журнальные похвалы и скужевія, такія шаткія въ своемъ основаніи, когда дѣло касается предмета специальнно-учеваго или техническаго, о которомъ нельзя порадомъ разсуждать безъ собственнаго изученія, безъ личныхъ наблюдений, и скажемъ о пневматическихъ калориферахъ то, чего они по исей справедливости заслуживаютъ. Но обладая новостю вѣн и не представляя ничего оригинального и самобытнаго, система калориферовъ отличается строгою расчетливостю и обдуманностю, вѣрнымъ распределеніемъ частей, тщательностью и совершенствомъ исполненія. Помредствомъ ихъ, ремесленное, бессознательное здѣніе печника возвысилось до степени рациональнаго искусства, требующаго образованнаго руководства и специальнаго надзора, для которого и достаетъ ни средствъ, ни времени у архитектора. И дѣйствительно, съ изявленіемъ калориферовъ, архитекторы, какъ-бы сознавъ свое измѣненіе въ этомъ дѣлѣ, совершилио устранились отъ него, и устраивая и украшая только зданіе, предоставили внутреннюю живопись его, т. е. отчетлиное отопленіе, отдѣльному, самостоятельному лицу.—Такимъ-образомъ, въ публикѣ начало возникать убѣденіе, что для отопленія зданій и удовлетворенія сопрѣженнѣй съ цимъ другихъ потребностей и условій, недостаточно простаго толка и натуральпаго смысла печника—въ своемъ родѣ фельдшера, а не доктора, землемѣльца, а не агронома—не достаточно одной рутины и паглядности, но потребно присутствіе ума, развитаго продолжительными, систематическими изученіемъ предмета. Рассказываютъ за-вѣрное, будто-бы въ настоящее время люди, имѣющіе возможность, вѣсто самородковъ Вавилъ и уловленыхъ изъ каммердинеровъ Тришекъ, занимаютъ въ свои деревни управляющихъ, хоть немножко знающихъ сельское хозяйство. Мы сами знаемъ, что эти люди, живущіе здѣсь въ Санктпетербургѣ, въ случаѣ нездровья, не обращаются къ знахарю за сладобѣемъ, но, по рецепту доктора, пошаютъ въ аптеку за лекарствомъ. И странное дѣло! Тѣ же самые люди, которые не рѣшаются проглотить пиялю, если она не приготовлена учеными руками аптекаря, занимаютъ знахаря-печника для устроенія прибора, который долженъ приготвлять имъ жизнепиный элексиръ, теплый и здоровый воздухъ, которымъ они будутъ дышать въ-продолженіе восьми-мѣсячнаго своего зимою заключенія въ сундукахъ, называемыхъ домами! А вѣшки наши, откровенно сказать, ни болѣе, ни менѣе— машины, годные для толченія промывки и растиранія материаловъ, въ которыхъ составлять лекарство должны бы образованный аптекар! Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ дѣйствовала г. изобрѣтатель Емо-

реферовъ. Онъ познакомилъ насъ съ тѣми выгодаами и удобствами, вѣ которыхъ мы нуждались по нашимъ повятіямъ и образу жизни, которыхъ требовали и не получали отъ нашихъ безответственныхъ печниковъ. Эти почтенные аптекаря-самоучки, просто, безъ восточного впереболизма, кормили насъ грязью, приготовляя намъ зимю воздухъ, скѣшанный съ угаромъ, золой, пылью и сажей!

Но при всей современности исполненія, идея пневматическихъ калориферовъ, по своей исключительности и односторонности, не могла выйтъ общирнаго примѣненія. По запачтливости своей, приборы эти могли быть установлены только въ казенныхъ зданияхъ и людьми важиточными, а по своей системѣ — только въ каменныхъ, много-этажныхъ домахъ съ подвалами. Но русская жизнь, какъ море, широка и глубока. Для нея нужны и корабли въ расширеныхъ, ладья и коломенки, барки и плоты, шлюпки и ялаки! Намъ нужны комната, рускія, банныя, пекарныя и овнныя печи; намъ нужны камни и очаги, мы хотимъ иногда не только чувствовать теплоту тѣломъ, но осязать руками нагрѣтая плоскости, во видѣть газамъ, какъ рождается пламя, какъ тусклое топливо обращается въ раскаленный металль, который блестить всеми радужными цветами, потомъ затухаетъ, всыхиваетъ, чахнетъ, умираетъ и встѣхаетъ. Нигдѣ и ни въ чёмъ такъ очевидно и быстро не совершаются тайный процессъ видовмѣненія и разложенія тѣлъ, какъ въ горѣніи дерева; нигдѣ и ни передъ чымъ не любимъ мы такъ сладко, такъ грустно помечтать о жизни и смерти, какъ передъ горящимъ каминомъ! Не даромъ же любятъ сидѣть передъ нами люди, которые находятъ смыслъ не въ однихъ словахъ и печатныхъ буквахъ!...

Такимъ-образомъ, пневматические калориферы, ограпившись заимъ богача, не пожелали заглянуть въ кабинетъ, будуаръ его супруги, успокаивающіе бытіе въ нихъ каминъ, и по аристократическому вниманію не вспоминали о людской, враческой и кухнѣ; обращаясь въ высшемъ кругу, они не могли выйтъ места въ домѣ купца, разсчитывавшаго на уменьшеніе доходовъ съ дома отъ отдачи подваловъ подъ калориферы и дѣтъ содержанія для нихъ особаго прислужника. По той же причинѣ и еще потому, что голландскія печи, отопляя комнату, перѣдко нагрѣваютъ и утюги, чтобы не держать для нихъ неугасимаго огня на очагѣ во время гляженія бываль, калориферы не могли быть приваты и въ скромный одноэтажный домикъ, построенный изъ лучшаго матеріала на свѣтѣ: труда и бережливости. Мы не говоримъ уже о тѣхъ убогихъ жилищахъ, куда не заглядываютъ очи, закрывающіяся, когда должны открываться карманъ или сердце, т. е. о жилищахъ, нагрѣваемыхъ потомъ и кровью. А кажется, здѣсь-то и должно было подумать объ экономіи дровъ, на которую такъ сильно претендовали калориферы.

Не обнимая важнѣшыхъ потребностей русской разнообразной и многосторонней жизни во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, вѣ которыхъ вступила крайняя уже удобность позаботиться о єбѣрженіи горю-

чаго материала, пневматические калориферы вызвали другихъ дѣтелей на незанятыя мѣста печного поприща. Между болѣе-извѣстными новѣйшими изобрѣтеніями, мы упомянемъ о комнатахъ нагревателяхъ, которые, по идѣи—не что иное, какъ шемаевскія печи въ миньютюрѣ, съ тою только разницей, что въ нихъ кирпичъ замѣненъ глиняными призматическими трубами, а приводъ атмосфернаго воздуха—поддуваломъ изъ самой комнаты, какъ въ печахъ Удермарка. Потомъ явились еще теплоѣникія печи..., но удачное въ названіе освобождаетъ насъ отъ труда говорить о нихъ. Теплоемкій значить тепло-приимающій, а принимающій—не значить еще отдающій, следовательно, отъ этихъ печей нечего и ждать тепла, которое онъ, принимая отъ горѣнія дровъ, не отдаютъ комнатному воздуху. — Если мы сами изобрѣтемъ печи, то еще выразительнѣе назовемъ ихъ дрово-пожирающими; но къ крайнему нашему сожалѣнію, такія полезныя для торгующихъ дровами печи давно изобрѣты подъ безхарактернымъ названіемъ кухонныхъ очаговъ, банныхъ и овинныхъ печей.

Весьма-недавно началь кто-то устроилъ въ Петербургѣ духовыя печи изъ чугунныхъ ящиковъ, разобщенныхъ между собою и въ которыхъ лымъ двигается по винтовой линіи (по горизонтальному оборотамъ); но очень-давно подобного рода печи устраивались въ Москвѣ помѣщикъ Вышеславцовъ; онъ теперь уже оставлены. Система эта доказывается совершенное отсутствіе теоріи, незнаніе практики, климата и характера русскихъ историковъ. Трудно понять, какъ могли эти чугунныя печи быть предпочтѣны калориферамъ г. Амосова, которыхъ система, гораздо-болѣе удовлетворяя законамъ теоріи, при всемъ томъ подвергалась нареканію за изсушеніе воздуха. Если это справедливо, то старо-новые чугунные калориферы должны воспалить воздухъ или, по-крайней-мѣре, сдѣлать его удушливымъ и головоломнымъ! Возможность существованія этихъ приборовъ доказывается, что мы движились—отступательно. Или непремѣнно уже надобно, чтобы удобное во Франціи было удобно и у насъ? Мы видѣли года два тому назадъ подобную печь, привезенную А. А. Фаддѣевымъ изъ Парижа; но она хороша, какъ комнатная.

Особенно было замѣчательно то, что на усовершенствованіе печей посвящали свои досуги у насъ люди разныхъ степеней образованія, и духовные и свѣтскіе, чиновные и разпочинцы, дворяне и простолюдины. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что печное искусство равно понятно и доступно всѣмъ? Или оно такъ прибыльно, что всякаго завлекаетъ на поживу? Или мы такъ преданы общественной пользѣ, что всякому хочется на алтарь ея принести свою лепту?

Мы не знаемъ—являлся ли кто-нибудь съ своимъ изобрѣтеніемъ изъ желанія личной пользы; еще меньше подозрѣваемъ кого-либо въ умысленномъ обманѣ, но готовы утверждать, что многіе усовершенствованія своими обманывали сами себя, отъ-того, что, не зная предмета исторически, они считали новостію то, что давно уже было

известно и оставлено не безъ прачины. Какъ бы ни было, но подобное столкновеніе разнаго званія людей на одномъ путѣ неоспоримо доказываетъ, что печи наши, безъ которыхъ не обходится ни одно слово, действительно дурны, потому-что не удовлетворяютъ современнымъ условіямъ, требованиеамъ и обстоятельствамъ. Это общее движение къ одной цѣлѣ доказываетъ собственную работу общества, которое, не удовлетворяясь настоящими, совокупно подготавливаетъ, для будущаго, всякаго рода материалы, пока явится зодчій, который разберетъ ихъ, распределить по роду, качеству и принадлежности, годные употребить въ дѣло, негодные отложить на-отвозъ, свяжетъ и укрѣпитъ ихъ единствомъ цѣли и мысли и создастъ, такимъ образомъ, цѣловое, стройное зданіе. Пусть со временемъ разрушится оно, но изъ обломковъ и праха его образуется новая почва для нового прекраснѣшаго зданія. Такъ, по нашему мнѣнію, совершаются въ мірѣ и всѣ великия открытия и преобразованія; поэтому выраженія: я изобрѣлъ, я преобразовалъ, какъ неимѣющія ни логического, ни исторического смысла, намъ кажутся эгоистическими, потому-что невозможно представить никакой великой личности,ничѣмъ не обязанной обществу, живущей въ его понятії, движенія, увлеченія и интересовъ. Еслибы спросили настѣ, кто пустыль въ ходѣ первую идею о желѣзныхъ рельсахъ? Мы бы отвѣчали безъ затрудненія: тотъ неизвѣстный труженикъ, который, желая сколько-нибудь облегчить себя, первый вздумалъ подложить доску подъ тачку! Но доскѣ онъ не выдумывалъ; бревно, топоръ и пила извѣстны были прежде его, и т. д. Все связано между собой неразрывною цѣпью, и прошедшее не было безплодно для настоящаго, а въ настоящемъ зараждается будущее, для котораго служитъ новымъ материаломъ всякое дополненіе къ старому.

Но старое имѣть для настѣ какую-то необъяснимую прелестъ, какъ гнилой сыръ съ червями. Исключая модъ, мы все немножко спаровываемъ во многомъ, и новое входить въ врата жизни черезъ таможню, въ которой каждый изъ насъ служитъ досмотрщикомъ. Иногда мы не пропускаемъ даже старого, извѣстнаго товара только потому, что у него новая обертка, или новое название, котораго нетъ въ тарифѣ. Какъ бы ни было дурно старое, но мы къ нему привыкли, прокоптились имъ насквозь, какъ курною избой, отъ этого трубы не сдѣлаемъ: ведь и труба для нежившихъ еще людей — нововведеніе. Поэтому, нисколько неудивительно, что, послѣ пятнадцатаго существования калориферовъ, г. Амкосовъ, въ брошюрѣ своей о пневматическомъ отапливаніи, вотъ что говоритъ:

• Не смотря на сильные успѣхи, пневматическое отапливаніе все еще имѣеть многихъ противниковъ, отъ которыхъ вредные ему слухи продолжаются, и это весьма естественно: во первыхъ, нетъ такого предмета, о которомъ бы люди думали всѣ одинаково; во вторыхъ, изобрѣтенія, и сравнено важнѣшія, имѣли ту же участъ. Паровая машина, въ теченіе полутораста лѣтъ, не всѣхъ еще преклонила на свою сторону.

• Мы равнодушно терпимъ старую вещь, со всѣми ее недостатками и не-

удобствами, потому только, что къ ней привыкли, на-прим. что бы ни случилось при голландской печи: холодно, душно, чадно — ей по знакомству прощають все. Напротивъ того, при пневматическомъ отоплении, не только изъ всякое нерадѣніе, за всякую оплощенность источника, отвѣтаетъ печь, но даже и тѣ случаи, въ которыхъ она не можетъ имѣть ни малѣйшаго участія, все сваливаются на нее безъ пощады. Иные порицаніи пневматическое отопление въ такихъ домахъ, гдѣ его вовсе нетъ.

• По этому-то отъ нового дѣла, какъ бы оно полезно ни было, можно требовать только того, чтобы оно поддержало себя на ходу въ-послѣдствіи; и войти скоро въ употребленіе, сдѣлать первые шаги, безъ опоры власти, покровительства или другихъ счастливыхъ обстоятельствъ, оно не въ-силахъ.

• Еслибъ знаменитому Ватту не шоссажъ Богъ такого просвещеннаго твориша, каковъ былъ Болтонъ, то паровая машина, можетъ быть, и по-выѣт оставалась бы въ томъ же полуумертвомъ состояніи, въ-какомъ она засталъ ее.

Часто самой ничтожной бедѣлицы достаточно, чтобы опрокинуть дѣловое и основательное, пока оно еще въ-дѣствіи, и пока не умѣютъ или не хотятъ обходиться съ нимъ какъ должно. Весьма хорошій способъ Девагюи, для очищенія воздуха въ Пижней Шалатѣ (въ Парижѣ), погубила въ-конец служанка, разъ-одѣгая въ-вентиляторѣ варочную не въ-вадлежащее время, а на оборотъ! Ей досадно было, что воня съ вентиляторомъ отвлекала ее отъ другихъ упражненій. •

Едва-ли есть другой какой предметъ, въ-которомъ требованія были бы многообразнѣе, претензіи причудливѣе, желанія не удовлетворительнѣе, какъ при устройствѣ печей. То оно много сжигаютъ дровъ и мало нагреваются, то сильно грѣютъ, то сушатъ воздухъ, то производятъ сырость, то угары, то дымятъ и коптятъ, то непрочны, то прочны до того, что и фасонъ падѣстъ! Если кто и хвалитъ печи, то развѣ хозяева домовъ, когда отдаютъ квартиры въ-наемъ. Поэтому, трудно добыть себѣ почетное имъ ия такомъ скользкомъ и неблагодарномъ поприщѣ, гдѣ па-каждомъ шагу можно встрѣтить холодность, сомнѣніе, недовѣрчивость (*), пристрастіе, недоброжелательство, непониманіе дѣла, иногда въ-грубо-швѣржество. Зная все это, надобно имѣть большое самоотверженіе, чтобы рѣшиться посвятить печному дѣлу цѣлую жизнь свою, отказавшись отъ всѣхъ ея благъ и наслажденій, какъ сдѣлалъ это г. архитекторъ Иванъ Ивановичъ Свѣдзевъ, о печахъ котораго мы напѣрены теперь говорить. Правда, мы ожидали — было отъ него или курса архитектуры или чего-нибудь въ-родѣ составленаго въ «Руководства», но узнали, что онъ говоритъ и пишетъ охотно только о печахъ (**), будучи одержимъ сильнѣшою къ-нимъ страстью,

(*) Послѣ несбывшихся надеждъ на обѣщанія многихъ изобрѣтателей, мы имѣемъ причину быть недовѣрчивыми. Но и то сказать — кто же памъ имѣтъ вѣрить цирюльникамъ, которые выдаютъ себя за докторовъ?

(**) Читатели нашего журнала, вѣроятно, обратили внимание на иѣсколько замѣчательныхъ статей г. Свѣдзева, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошедшаго года. Ред.

столъ простительною въ странѣ, гдѣ царствуетъ холодъ восемь или девять мѣсяцівъ въ году.

Но какъ всякая страсть имѣть свое начало, то любопытно изслѣдоватъ причину этого необыкновенного психическаго явленія, противорѣчащаго обыкновеннымъ человѣческимъ страстиамъ: къ почетямъ, деньгамъ, картамъ, лошадямъ, собакамъ и другимъ одушевляющимъ и одушевленнымъ предметамъ.

Въ 1822 году, г. Свиязевъ, пріѣхавъ въ Пермь, панилъ небольшой домикъ, въ которомъ онъ, въ 1824 году, удостоился принять блаженное памятіе Государя Императора Александра I. По дурному устройству печей, домикъ этотъ оказался весьма-холоднымъ зимою; но оставить его было ему жаль по драгоценному воспоминанію, а потому г. Свиязевъ началъ заботиться какъ бы устроить печи получше. Въ это время онъ познакомился съ Петромъ Григорьевичемъ Соболевскимъ, человѣкомъ рѣдкой души и необыкновенчаго ума, обогащенаго многосторонними свѣдѣніями, которыми, въ-послѣдствіи времени, обратилъ онъ на себя особенное вниманіе знаменитаго Гумбольдта, а потомъ европейскихъ ученыхъ на съездѣ въ Стутгартъ. Пояучительныя бесѣды съ П. Г. Соболевскимъ дали практическое направление теоретическому образованію И. И. Свиязева и расширили его попытія по части физики и химіи, а подаренная ему П. Г. Соболевскимъ «Русская Пиростатика Львова» отвѣтала на первые его запросы. Вновь построенные печи оказались удачными: дѣйствію ихъ уступили сибирскіе морозы! Но одинъ успѣхъ ведетъ къ другому, одна победа проситъ другой, потому-что проявленіе своего превосходства въ чемъ бы то ни было непасытимо въ человѣкѣ — и съ-тѣхъ-поръ пиротехника сдѣлалась постоянной страстью И. И. Свиязева, поглотившую всѣ другія. Какъ архитекторъ, въ притомъ архитекторъ ученый и опытный, онъ имѣлъ возможность удовлетворять этой страсти, производя устройство печей по своимъ предположеніямъ, каждый разъ новымъ образомъ. Наблюдая и сравнивая дѣйствіе разнаго рода печей, онъ внимательно замѣчалъ явленія и всегда находилъ какой — набудь фактъ для нового преслѣдованія. Самыя неудачи были не менѣе поучительны въ подстрекали его энергію къ новой борьбѣ съ стихіей опасной, съ непріятелемъ, котораго тактика и силы не все еще извѣданы.

Въ 1832 году, И. И. Свиязевъ опредѣленъ былъ архитекторомъ и преподавателемъ архитектуры въ Горномъ Институтѣ. По назначению горныхъ инженеровъ, статью о печной работе онъ долженъ былъ читать съ большимъ отчетомъ и подробностью. Это потребовало внимательнаго теоретического изученія предмета и постояннаго изслѣдованія новѣйшихъ пиротехническихъ открытій. Библиотека Горнаго Института и особенно библиотека П. Г. Соболевскаго доставляли любознательности И. И. Свиязева роскошную пищу, а каждогодная перестройка печей Горнаго Института представляла обширное поле для примѣненія теоріи къ практикѣ, поль-

шокровительствомъ просвѣщеннаго начальника К. В. Чевкина (*). Какъ расширялся кругъ свѣдѣній И. И. Свіязева, объ этомъ можно судить по сравненію двухъ изданій его «Руководства къ Архитектурѣ», въ 1833 и 1841 годахъ. Но постояннымъ наставникомъ И. И. Свіязева былъ все тотъ же П. Г. Соболевскій, въ домъ котораго онъ познакомился съ извѣстными нашими учеными: Г. А. Іоссой, П. И. Евреиновымъ, А. А. Фаддеевымъ и другими. Поучительныя бесѣды ихъ И. И. Свіязевъ приминаяль къ своей пиротехнику и нерѣдко обращался къ нимъ за объясненіями и сопѣтами по встрѣчнымъ имъ недоразумѣніямъ.

Прочитавъ упомянутую нами статью о калориферахъ, напечатанную въ «Библіотекѣ для Чтенія», И. И. Свіязевъ усомнился, чтобы печи, помѣщенные въ подвалахъ, представляли болѣе выгодныхъ условій къ сбереженію горючаго матеріала, нежели печи, находящіяся въ самомъ нагрѣваемомъ пространствѣ. Если сбереженіе это происходитъ отъ употребленія металла въ устройство калориферовъ, отъ медленной и продолжительной ихъ топки и внимательнаго надзора, то по какой же причинѣ, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, не могутъ обнаруживать такого же полезнаго дѣйствія въ комнатныя печи? Эта мысль, какъ тѣнь, преслѣдовала И. И. Свіязева и не давала ему покоя до тѣхъ-поръ, пока онъ не составилъ проекта комнатной печи, пока не изложилъ на бумагѣ, что печь эта, хотя и металлическая, должна нагрѣвать воздухъ равнотѣрно, какъ во время топки, такъ и по прошествіи сутокъ. Причины сбереженія горючаго матеріала показаны были очевидно. Предложенія свои И. И. Свіязевъ представилъ ревностному покровителю всего полезнаго, графу Е. Ф. Канкрину, который дозволилъ устроить опытную печь въ квартирѣ его, г. Свіязева, на счетъ Горнаго Института. Въ-продолженіе всего периода топки, отъ осени до весны, г. Свіязевъ самъ топилъ устроенную имъ печь, управляя ея горѣнiemъ, то медленнымъ, то скорымъ, по надобности, и получае-мые результаты, употребленное количество дровъ, комнатную и на-руженую температуру, равно какъ и температуру лыма при томъ или другомъ образѣ топленія, каждый день записывалъ въ жур-налѣ. Изъ него видно, что для отопленія комнаты въ 17 кубиц. саж., при средней разности температуръ комнатнаго и наружнаго воздуха 16° —дровъ березовыхъ, полусухихъ, употреблено въ зиму около $\frac{1}{3}$, куб. саж., или съ небольшимъ $\frac{1}{4}$, саж. здѣшней петер-бургской длины. Но получить такой удивительный результатъ воз-можно было только при внимательномъ надзорѣ за топкой и учѣ-ніи обращаться съ печью. Этого и добивался г. Свіязевъ, чтобы

(*) По недостатку положеннаго количества дровъ для отопленія квартиры И. И. Свіязева, въ первый годъ онъ долженъ былъ прикупить около 10 са-женъ. По предѣлы же печей и очага, у него сдѣлялся еще остатокъ отъ казенныхъ дровъ. Очевидно, что печи, отапливаемыя казенными дровами, не всегда же бываютъ самыя лучшія и выгодныя...

оправдать свое предположение о возможности сберегать горючий материалъ въ комнатныхъ печахъ болѣе, чѣмъ въ калориферахъ, а упрощеніе ухода за печью предоставило онъ времени, приготовивъ, такъ-сказать, только почву, на которой трава выростаетъ сама-собою.

По отъездѣ И. И. Свиязева въ Москву, построенная имъ печь — эта юная дочь его, избалованная вѣжными родительскими попеченіями, неопытная, незнавшая людей и свѣта, непріученная къ его причудамъ, капризамъ и небрежному обхожденію, попала въ грубья, варварскія руки, которыя кочергой привыкли выражать свои вѣжности на толстыхъ деревенскихъ бабахъ, называемыхъ голландскими печами. Обходясь съ нею по привычкѣ, т. е. напихивая ей въ ротъ огромные ломти хлѣба, новый господинъ ея — лакей, требовалъ, чтобы крошечный желудокъ ее переварилъ въ полчаса то, что онъ могъ переварить только въ 4 часа. Изволь съ нею пальщаться, а господину-лакею крайне-надобно побывать въ портерной, или просто, подремать на конькѣ. И вотъ онъ давай оговаривать несчастную, но невинную дочь г. Свиязева, называть ее лѣнивой и негодяйкой, и вотъ — дочь плюсную несчастного отца выгнали изъ дома и, по рекомендациѣ лакея, приняли на мѣсто ея, для дальниѣшихъ услугъ, толстую голландскую коровницу. По Сенкѣ и шапка!

Вѣсть о бѣдственной участіи дочери еще болѣе убѣдила отца, что, по неизповѣданнымъ величіямъ судьбы, дѣти его изобрѣтательного ума, назначающіеся для праслугъ господамъ всякаго рода — разсудительнымъ и капризнымъ, терпѣливымъ и вспышчивымъ, богатымъ и бѣднымъ — либо карманомъ, либо головой —

Тому-сему, другому
Беатолкову, пустому

должны имѣть, сколько-возможно, всѣ степени угодливости, всю ловкость и расторопность сметливой прислужницы. Это-то и заняло въ Москву г. Свиязева, чтобы систему свою, оказавшуюся по опыту столь-превосходно въ-отношениѣ сбереженія горючаго материала, сдѣлать удобопримѣнаемою къ нашимъ привычкамъ и потребностямъ.

Хотя опыты свои г. Свиязевъ производилъ большую частію у себя, подвергая въ своихъ печахъ разнородные материалы дѣйствію жара, газовъ и жидкостей, подъ ближайшимъ своимъ наблюденіемъ за всѣмъ, чтѣ можетъ открыться непредвидимаго, однакожъ занятія его сдѣлались известными въ Москвѣ, и вотъ по какому случаю:

• Всегда обращая вниманіе (говорить въ своемъ отрывѣ Московскаго Университета профессоръ химіи Р. Г. Гейманъ) • на все то, что можетъ быть полезно и интересно для посѣтителей множества публичныхъ бесѣдъ изъ-технической химіи, я случайно узналъ, что въ домѣ г. Черкесова устроенъ г. архитекторомъ Свиязовымъ очагъ, дѣйствующій чрезвычайно малыми количествами дровъ. Зная, по сочиненіямъ г. Свиязева, основательныя его свѣдѣнія

но предмету широтехники, и при всемъ томъ видѣ его постоянныи постѣніе моихъ лекцій, особенно, когда я говорилъ о теплородѣ и о всѣхъ его привычнѣхъ къ разныиъ погребностямъ общественной жизни, иѣ въсѧ любопытство было знать — что можетъ сдѣлать образованый человѣкъ изъ предмета, вредоносимаго у насъ, по обыкновенію, простымъ работаніемъ, и потому я пожелалъ вникнуть во всѣ подробности устройства очага и производимаго имъ полезнаго дѣйствія. Съ первого взгляда, меня поразила компл. системы, сопряженной со всѣми удобствами для киническихъ, жаренія и печн. и потому устраненіе всякой возможности сжигать топлива больше, чѣмъ требуетъ действительная надобность. Чтобы изобрѣть собственныиъ изобрѣденіемъ удостовѣреніе г. хозяина дома о немъ-то и-же употребляемаго ручаго матеріала, я приказалъ сдѣлать приготовленія для очага слоевыи дрова, посредственной добродти и сухости, и послѣ изготавленія для 30 особъ пушанья, я опредѣлилъ по остытику дровъ, что ихъ поддерживо было 1 вул. б. фун. А какъ очагъ действовалъ въ продолженіи 12-ти часовъ, то въ кажды часъ употреблялось по 6 $\frac{1}{4}$ фунтовъ, слѣдовательно около 4 разъ искѣ, чѣмъ горить на обыкновенномъ очагѣ. Такое необыкновенное обереженіе горючаго матеріала, важное какъ для частнаго, такъ общественнаго-и-государственнаго хозяйства, побудило меня обратить вниманіе моихъ слушателей на счѣтъ г. Свѣязева,— и съ 1842 года въ каждый годъ началь увоминать въ моихъ лекціяхъ объ этомъ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ приборѣ. Мѣрѣ время думать, что черезъ мое посредство многие изъ московскихъ жителей воспользовались безкорыстнымъ дозволеніемъ г. Свѣязева, устроить въ своихъ-и-махъ очаги по образцу сдѣланнаго у г. Черкесова, который съ русскимъ рѣшениемъ позволялъ осматривать свой очагъ, каждый день действовавшій.

Въ послѣдствіе времени я почелъ обязанностю мою заняться и другими привѣтствіями системы г. Свѣязева. Въ квартирѣ его было прежде 4 глинѣскія печи, которыми невозможно было нагрѣть всѣхъ комнатъ до потребной температуры. Въ 1843 году онъ устроилъ, для опыта, два комнатные калорифера, которыми нагрѣвалось 10 комнатъ (въ полутора этажахъ) до температуры отъ 14 до 16°, гораздо менѣшимъ количествомъ дровъ противъ прежнаго. Хотя печи эти состоятъ изъ металлическихъ плоскостей, заключенныхъ въ кирпичномъ футлярѣ, за всѣмъ тѣмъ, во время самаго сильнаго ихъ топленія, не бываетъ ни малѣйшаго признака запаха, промѣхоящаго отъ раскаленнаго металла. Съ другой стороны, онъ никогда не охлаждается до такой степени, что бы температура комнаты могла понизиться менѣе 14°. Такимъ образомъ система г. Свѣязева, совершенно новая по идѣи, разрѣшаетъ важную задачу въ холодномъ климатѣ, состоящую въ возможности употребленія, безъ всякихъ-и-неудобствъ, металла, безъ котораго нельзя уловить той теплоты, которая безполезно уносится въ атмосферу.

Кромѣ значительного обереженія топлива, промѣхоящаго: 1) отъ изѣжащаго его сгоранія въ дымогарной топкѣ самаго простаго устройства, 2) отъ протеканія дыма по металлическимъ каналамъ, которыхъ положеніе наиболѣе способствуетъ успѣшиому его охлажденію, и 3) отъ истеченія въ изѣмую трубу негорючихъ газовъ возможно никакой температуры, — печи г. Свѣязева представляютъ еще слѣдующія удобства: а) совершающую безопасность отъ угара и пожара, б) при постоянной циркуляціи воздуха, въ случаѣ потребности дать исходъ комнатномуъ воздуху, безъ пособія форточекъ, подвергающихся просгудѣ, — это удобно дѣлается посредствомъ особыхъ въ печи дверецъ, черезъ которыя, однакожъ, тепло изъ печи не выходитъ, и съ возможностью управлять температурою такъ, что если комната нагрѣвается отъ

солнечныхъ лучей, либо отъ стечения людей, то стоитъ только закрыть душинки печи — и большая часть теплоты остается внутри ея, весьма медленно передаваясь воздуху всредствомъ вышнихъ стѣнъ; или, еслиъ ходить варугъ увеличился, то металлическими печами можно скоро нагрѣвать воздухъ и поддерживать его въ потребной температурѣ продолжительную топкой, чего нельзя сказать въ деревчато-кирпичныхъ печахъ, которые отъ сильного жара изогружаются (жаромъ раздуваются).

• Какъ система г. Свиязева основывается на теоретическихъ законахъ горѣнія, нагреванія и охлажденія тѣла и такъ просто въ своихъ начальахъ, то и примѣняется удобно во всѣхъ родахъ нагревательныхъ приборовъ, начиная отъ малого очага до большого калорифера. Мнѣ известно, что по убѣждению строителей новой католической Петро-Павловской Церкви, начинавшихъ денежныхъ средства устроить калориферы генерала Аммосова, г. Свиязевъ безкорыстно составилъ проектъ, по которому устроенные г. архитекторомъ Жилиарди, въ подвалахъ церкви 4 калорифера, при необыкновенной дешевизнѣ своей, чрезвычайно прочны и представляютъ всѣ условія и удобства, необходимыя для отопленія, провѣтриванія и осушенія нового зданія.

• Для лекцій моихъ перечитавъ, какъ надѣюсь, большую часть того, что было написано о пиротехникѣ, и видѣвъ въ Европѣ многія замѣчательныя пиротехническія сооруженія, я долженъ васъ предупредить, что никогда не встрѣчалъ этой русской остроумной догадки — скоро и правильно охлаждать горячіе газы, именемъ совершенно новой и отличающей систему нагревательныхъ приборовъ г. Свиязева отъ другихъ доселе известныхъ системъ. Для меня ясно, что мнѣ первому удалось замѣтить и оценить это важное открытие, которое сдѣлалъ радикальный перегоротъ въ пиротехническомъ искусствѣ и доставить обществу немножко выгоды, особенно тогда, когда г. Свиязевъ примѣнить мысль свою къ устройству водяныхъ калориферовъ и паровиковъ. Въ настоящее время я имѣю удовольствіе видѣть, кроме действующихъ приборовъ, готовые чертежи: разнаго рода комнатныя нагревательныя — переносными и постоянными, нѣсколькоимъ калориферамъ для нагреванія верхнихъ этажей; русской, пекарской, сушильной, бани и кирпично-обжигальной печи, переносной камфоркѣ и разной величины и сложности англійскимъ очагамъ. •

Послѣ двухлѣтняго испытанія упомянутыхъ г-мъ профессоромъ Гейманомъ печей въ Петропавловской Церкви, г. Свиязевъ получилъ отъ церковнаго совѣта свидѣтельство такого содержанія:

• Въ 1844 году, мы нижеподписавшіеся, обратились къ повѣреному въ Москву генерала Аммосова съ просьбою объ устройствѣ пневматическихъ калориферовъ въ новой Католической Церкви во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, возведенной подъ нашимъ попеченіемъ. Но какъ объявленная г. повѣреннымъ цѣна калориферовъ (5000 руб. серебромъ) не соотвѣтствовала денежнымъ средствамъ церкви, то мы, зная, по сочиненіямъ г. архитектора Свиязева, отличныя его свѣдѣнія по этой части, рѣшились просить его способствовать окончанію Церкви — устройствомъ, для надлежащаго ея нагреванія, печей, которыхъ стоимость не превосходила бы 1430 руб. серебр.-Г. Свиязевъ, сообразно условіямъ мѣстности и требованій, составилъ проектъ духовныхъ печей (калориферамъ), совершаю новаго рода, и передалъ его зодчему Церкви г. Жилиарди, который и устроилъ въ подвалахъ Церкви, по назначенію г. Свиязева, 4 печи, безъ малѣйшаго отступленія отъ его проекта. На устройство ихъ, большую частію изъ огнестойкаго (гжельскаго) кирпича и толстаго.

го... *которого же изъява, употреблено, бывъ душниковъ въ провода кирпичныхъ и дымоходъ каминовъ, около 1360 руб. сер. Прочность печей не подвергна никакому сомнѣнию, потому что всѣ желѣзныя плоскости, къ которымъ должны бы прикасаться пламя и дымъ, обложены гжельскимъ кирпичемъ, отчего при самой сильной топкѣ не замѣченъ ни малѣйшей пригары, запаха, дыма и угары. Нагреваніе внутрен资料 воздуха, до 900 куб. саж. (*), разныи образомъ и возобновленіе его по надобности такъ удовлетворительны и совершенны, что зутие и требовать не льга. Все это возлагается на чистъ непрѣльную обязанность стоять и следить за газомъ газовому промышленности и благодаресъть за это безкорыстное исполненіе всѣхъ просьбъ по устройству печей; представляемыхъ изъмененіемъ письмами изъ Церкви, которая, во этой працѣ, спасетъ людъ чистой благодати искривленій, перегородокъ, споробствовавшихъ трудами и посильными, своди прющощеніи сооруженію религіознаго зданія* (**).

Какъ всякое художественное изобрѣтеніе и усовершенствованіе неизменно подвергается подъѣзду и подражанию, которыми отъ новѣйшаго, или отъ дурнаго исполненія изъ корыстныхъ ради предъ усѣхъ дѣла и, нарушая общестѣнное извѣсіе, на пользу нововведенія, преисполнють его распространенію, то все, убѣжденно въ важности изображенія И. И. Свѣтлова, совѣговали ему просить привилегію и исключительную присвоить пиротехническія изысканія свои на пользу общую. Хотя болѣзнь выказала новую идею, противорѣчащую общимъ понятіямъ, и страхъ на каждомъ шагу всѣгда сопровождалъ, могутъ быть, сильнѣю склоняющею притчию, однаконъ, не думаютъ, чтобы г. Свѣтловъ, удерживался открыто выступать на публике, покрываю изъ ложнаго стыда разницу дѣлъ, которое, большую частью, предоставилось у насъ престыдѣ работникамъ и подрядчикамъ; но мы замѣкли выше, почему это такъ было и, кажется, доказали, должно ли такъ быть. Если за какое-нибудь дѣло возмется членъ съ рѣшителѣніемъ привилегіемъ къ этому дѣлу, то въ рукахъ его нынѣ и пучко становится огромнымъ и важнымъ, и безмыслие полунастъ логіческий смыслъ. Впрочемъ, въ даша время, не указываетъ человѣческаго достоинства никакое занятіе, если только оно исполняется добродѣтельно и во благо общества, а талантъ и знаніе уважаются более чистой прѣздности и надутойничности. Но, удалившись отъ публичной гласности, И. И. Свѣтловъ тѣмъ не менѣе действовалъ въ кругу своихъ знакомыхъ, и устроенные имъ, здѣсь въ Петербургѣ, разнаго рода нагревательные приборы вполнѣ подтвердили то, что выше изложено было о печахъ его системы. Можно вообразить, сколько предстоило ему труда переломить изъ починки заскучающую привычку безумнаго уничиженія, подчинить ихъ себѣ и заставить исполнять все, казавшееся имъ непонятнымъ и дикимъ.

(*) Постъ просушки строенія для отопленія, этого количества воздуха достаточно будетъ двухъ печей.

(**) Попытка доказать церкви, 8-ми членами Совѣта и архитекторомъ с. Москва 9-го октября 1846. № 331.

Разумеется, по добросовестности своей, они не упускали случая напомнить хозяину, что они такихъ фибулъ безъ топокъ^(*) въ обб-ротокъ отродясь не делывали и не знаютъ, будеть ли въ томъ какой прокъ. Имъ очень было весело видѣть, когда печь при первой пробѣ иногда дымила; но нельзя выразить ихъ изумленія, когда речь, по просушкѣ, начинала действовать, нагреваться и нагревать. Имъ казалось невозможнымъ, пронести такой жаръ такими малыми количествами дровъ. Особенно недоволенъ казалась имъ очагъ г. Свѣзева, которые, неизвестно для нихъ какимъ чудомъ, горятъ безъ поддувальной решетки и гореть, хотя безъ шума и трескотни, однакожъ все кипятятъ, все покутъ и жарятъ. Поехъ токо, если тому же печнику, который въ первый разъ съ такою недовѣрчивостью работалъ у И. И. Свѣзева, удавалось работить въ другой разъ, то что, очистивъ его очагъ-то совсѣмъ-проста, совершенномъ покорился что-были и исполкалъ уже безъ толковъ и умнѣчанья чрезъ приставки, никакъ бы они ни назывались ему странными^(**). Не пониманіе дѣлъ своего происходства заѣдь умомъ простыхъ и необразованыхъ, а толкутъ ему о пользѣ нововведенія, о теоретическихъ законахъ, на которыхъ оно основано, о нашемъ долгу, о современности и т. п., оно ничего не пойметъ, не перейметъ, не усвоитъ! Не отъ этого ли вѣдь наши агрономическія бѣстѣды и наставления остаются гласомъ воинющій въ пустынѣ?

Наконѣцъ, съ предварительного разрешенія господина министра финансъ, И. И. Свѣзевъ подалъ просьбу о выдаче на изобрѣтенные имъ разного рода нагревательные приборы безплатной премии во уваженіе ихъ общеполезности. Въ приступѣ къ описание своихъ приборовъ, названныхъ современно-русскими, г. Свѣзевъ говоритъ:

«Во время пределавательской моей практики, я обращалъ особенное вниманіе на такой важный и необходимый въ нашемъ сыс-ремъ и холодномъ климатѣ предметъ, какъ отопление нашихъ жилищъ, и иныхъ возможность убѣдиться, что все наши печи *единако не соответствуютъ современнымъ понятіямъ обѣ удобствахъ и потребностяхъ жизни, истребляя много горючаго материала, значительно уменьшающаго ценаго.* Это происходитъ, съ одной стороны, отъ

(*) Но всімѣньшо готовыхъ дверецъ такой малой величины, какія нужны г. Свѣзеву, съ употреблениемъ для точекъ большіе душечки, и отъ-того, де лѣтія стоятъ дечи, печника думали, что дрова вѣкуда будуть и пласти.

(**) Продолжительные бываютъ оппозиціи со стороны истопниковъ и кухарокъ, которые нацацаютъ на печи И. Ц. Свѣзева съ самой чувствительной для нихъ стороны, именно со стороны нравственной, что накладывать въ нихъ дрова и вожигать ихъ надоно не по-людски, не какъ Богъ велѣлъ. Противъ этого дѣчего возражать! Впрочемъ, сочные и лѣгкіе, не смотря на нарушеніе прадѣловскихъ обычаевъ, скорѣе мирятся съ калюдскими печами, поимавши изъ нихъ покороче: дрова носить меньше, ухаживать легче—какое благополучіе!

неправильного устройства топки (горнила, огнища), слишком обширной по количеству выхлестающего тепла и худой отъ того «старатія» газовъ, а съ другой — отъ весьма недостаточного охлажденія дыма, уносящагося въ атмосферу выше 100° теплоты: Для охлажденія его обыкновенно устроиваютъ нѣсколько кирпичныхъ оборотовъ, сокинутыхъ между собою и последовательно, вращающихся дымъ, подергиваніемъ вверхъ и внизъ, въ одномъ первомъ и непрерывно токъ. При маломъ числа оборотовъ, сдымъ, по быстротѣ своего теченія, не можетъ достаточно охлаждаться, сколько по худой теплопроводности кирпича, столько же «и по сокинутости оборотовъ и недоступности къ немъ комнатнаго воздуха. При продолжительномъ же теплении печи, первые съ оборотовъ, скорѣе нагрѣвающіеся, передаютъ свою теплоту во «духу, а послѣдующіе обороты и вновь подогреваются, охлаждившійся въ нихъ дымъ. Если же число оборотовъ увеличилось, то печь начинаетъ дымить, теплоиз. горитъ хуже, отчего «труба засоряется сажей и печь издастъ запахъ, когда вышли изъ кроютъ. Вѣобще, изразчатыи наши печи весьма медленно нагреваютъ воздухъ, а желѣзныя, даже утермарскія, хотя и скоро нагреваютъ, но неравномѣрно, и скоро охлаждаются. Слыхаются и «такія печи, которыя, какъ бы ни couldо были закрыты, всегда производятъ угарь, особенно при открываніи душниковъ или трубныхъ лверецъ. Такое нагреваніе комнатъ, впрочемъ, нелобжное «по тодстотѣ печныхъ стѣнокъ, дурно-передающихъ теплородъ. «всегда сопровождается, кроме случайного угла и занака, постепеннымъ увлечениемъ изъ печи сажи и золы, садящихся въ «точкой пыли на все, что ни есть въ комнатѣ. Сверхъ-того, возможность выпаданія углей изъ горнила и растрескиваніе печей «при малой ихъ прочности, высокая температура дыма въ засорѣ «трубы сажей, бывающій причиной частыхъ пожаровъ и особенно «при малѣшемъ упущеніи въ устройствѣ раздачекъ около деревянныхъ частей зданія.

«Отвращеніе этихъ недостатковъ и неудобствъ, замѣненіе существующихъ печей болѣе-удовлетворяющими потребностямъ времени и оказавшаяся надобность въ сбереженіи дровъ, было постоянной моей мыслю, подстрекавшею къ производству иного «численныхъ опытовъ, которые убѣдили меня, что безъ радикальнаго измѣненія принятой системы нельзя сдѣлать никакого въ «ней усовершенствованія; на тѣ же самые опыты доказали совер- «шеннюю невозможность получить лучшіе результаты безъ употреб- «ленія для устройства печей металла, какъ хорошаго проводника теплорода и, следовательно, лучшаго двигателя въ окончательномъ охлажденіи дыма (*). Затѣмъ оставалось мнѣ пріискать спо- «собы совершенно безвреднаго для здоровья, возможно-меньшаго

(*) Ложную мысль, что въ холодномъ климатѣ самыи лучшіи печи — кирпичные, поддержалъ и знаменитый Некле.

«и наша годийшаго употребленија металла, съ удержаніемъ въ «приборъ теплоты на продолжительное время. Это привело меня «къ устройству особаго рода горна, теплопріемниковъ и дымоходо-«ходильниковъ».

Послѣ объясненія основной идеи современно-русскихъ приборовъ, образа ихъ устройства и дѣйствія, И. И. Свіязевъ переходитъ къ подробностямъ примѣненія этой идеи къ разнымъ потребностямъ общественности, и описываетъ представленные имъ чертежи слѣдующими приборами:

1) *Перекосная цилиндрическая печь*, въ діаметрѣ до 10 вершковъ, изъ обыкновенного листового или бронзовированного жалѣза, или изъ бронзы со всевиа желаемыми украшениями. Если отъ существующихъ печей недостаточно бываетъ тепла, особенно утромъ, когда они еще топятся и не нагреваютъ комнатнаго воздуха, или если по недостатку места нельзя устроить никакого другаго прибора, то печь эта можетъ быть употреблена съ большою пользою въ замкнѣ голландской печи.

2) *Постоянная цилиндрическая печь изъ металла* съ десятью дымоходильниками, которыхъ число можетъ измѣняться по надобности. Такой приборъ весьма-полезенъ для нагреванія большихъ или скоро-охлаждающихся пространствъ, напримѣръ, лѣстницъ, магазиновъ, цирковъ, манежей и т. д.

3) *Комнатная печь*, штучная, изъ изразцовъ, кирпичная оштукатуренная или обиванная подъ мраморъ. Форма и устройство ея измѣняются сообразно мѣстности. Если печь устроивается въ такомъ мѣстѣ, где нагрѣтые виѣшнія плоскости беспокойны или вредны, напримѣръ, близъ шкафа, постели, рабочаго стола, дивана и т. п., или печь должна быть обклеена обоями, то пріемники и холодильники совершенно отдѣляются отъ виѣшнихъ стѣночкъ, и тогда приборъ обращается въ калориферъ или духовую печь, т. е. нагревающую комнату не виѣшними плоскостями, но нагрѣтымъ въ особомъ теплоскопѣ воздухомъ. Для вытеканія его въ комнату въ верхней части теплоскопа ставится душники, а для входа въ него комнатнаго воздуха — внизу устроиваются щелдувала съ щѣтками или дверцами. Открывая или закрывая душники по мѣрѣ надобности, можно управлять температурою комнаты по произволу.

4) *Изразчатая печь съ открытыми металлическими дымоходильниками* для скорѣйшаго полученія теплоты при затопленіи прибора. Съ измѣненіемъ горна, печь эта легко можетъ быть обращена въ каминъ или шведскую печь.

По формѣ данного мѣста, по величинѣ нагреваемаго пространства и по другимъ потребностямъ и условіямъ, комнатные нагреватели, не измѣняясь въ общихъ основаніяхъ современно-русскихъ приборовъ, могутъ быть разнообразны какъ во виѣшнемъ своемъ видѣ, такъ по мѣсту и формѣ топки, по числу и формѣ теплопріемниковъ и дымоходильниковъ. Въ случаѣ особой потребности, въ

теплоснабжение можно проводить атмосферный воздух особыми камнами; испорченный же комбатный воздух вытекает из посредством самаго прибора, или посредством дверца въ печь поставленныхъ.

5) Духовая печь или большой калориферъ, устроенный под ванахъ для нагревания верхнихъ этажей. Приводъ атмосферного воздуха, проведение нагретаго въ комнаты и обратное его движение въ теплоснабжение, основаны на системѣ Мейснера, но приняты все предохранительные мѣры отъ раскаленія металла при небрежности источниковъ и отъ прониканія въ комнаты пыли, весьма затѣтной въ прежніхъ калориферахъ, требовавшихъ приточнаго весьма продолжительной топки для сохраненія равномерной температуры въ комнатахъ. По значительной массѣ нагревающаго новыи калориферы изъ кирпича, теплота сохраняется въ нихъ продолжительна, и потому уходъ за ними незатруднителенъ.

Система устройства калориферовъ измѣняется по мѣсту и обстоятельствамъ. Она удобно примѣняется также къ сушению разныхъ веществъ грѣтымъ воздухомъ болѣе или менѣе высокой температуры, при чёмъ если нужно ускорить сушеніе, то къ поддувалу прибавляется вѣтрогонъ. Въ печахъ же обицкихъ, гдѣ сушка производится непосредственно самимъ дымомъ, металла, кроме дверецъ, не употребляется вовсе, а движеніе или перемѣна воздуха, безъ чго не можетъ быть ни скорого высыпыванія хлѣба, ни сбереженія горючаго материала, производится посредствомъ деревянныхъ трубъ.

6) Обыкновенная русская печь, усовершенствованная въ той мѣрѣ, сколько позволяла ея назначеніе, условія устройства и потребность удовлетворенія народнымъ привычкамъ.

7) Духовая пекарная печь, постоянно действующая во время топки, которая продолжается по мѣрѣ надобности. Такъ-какъ въ нѣсколькихъ тепловыхъ камерахъ ея можетъ быть разная температура по роду печенья, то печь эта весьма-удобна для булочниковъ, такъ-что въ-продолженіе цѣлаго дня, чрезъ каждый часъ, могутъ они имѣть свѣжее печенье. При большой потребности въ черномъ хлѣбѣ, на-прим., для войска или для большихъ заведений, одна подобная печь, нагревающаяся всякаго рода топливомъ, можетъ замѣнить пять и болѣе обыкновенныхъ хлѣбопекарныхъ печей.

8) Банная съ трубчатою системою печь, действующая во время топки, чѣмъ много сберегается горючаго материала и устраивается наилѣпшее опасеніе угары.

9) Английский очагъ разной величины и сложности.

10) Переносный очагъ въ діаметрѣ около одного аршина.

11) Надтрубный колпакъ для защиты трубы отъ влажнаго вѣтра, дождя и снѣга.

За тѣмъ г. Свѣзевъ исчисляютъ слѣдующія удобства и выгоды приборовъ его системы:

- a) Возможность употреблять въ однину и туманъ же горючий материалъ всякаго рода и вида.
- b) Извинительное упражненіе горѣніемъ топлива и сложнотехническимъ температурою прибора и количествомъ производимаго и изъ дѣйствія. Такимъ образомъ, если встрѣтится надобность въ скоромъ нагреваніи или въ замедленіи нагреванія комнатнаго воздуха, или въ прекращеніи горѣнія топлива, это дѣлается весьма-леско и просто.
- c) Возможность устроивать комнатные нагреватели, смотря по мѣсту, средствамъ, обстоятельствамъ и потребностямъ изъ того или другаго рода употребительныхъ материаловъ.
- d) Постоянная, въ-продолженіе сутокъ, температура, циркуляція и чистота воздуха. Въ пособіи по отношению, весьма-важно то обстоятельство, что въ этихъ приборахъ быть адресы, душинки, изъ которыхъ въ обыкновенныхъ печахъ выносится легкая вспышка, а нерѣдко угаръ и запахъ.
- e) Устраненіе угаръ и происходящихъ отъ раскаленнаго металла запаха и азота.
- f) Совершенная безопасность отъ пожара по особому устройству горнила, изъ которого не могутъ выпадать головешки и уголья и по охажденію дыма до температуры, при которой не воспламеняется уже дерево (*).
- g) Большая прочность приборовъ отъ употребленія листового жильза, препятствующаго растрескиванію кирпичныхъ стынокъ отъ расширенія жаромъ. Жильзо же надлежащимъ образомъ обдѣляется во всѣхъ мѣстахъ, недоступныхъ для осмотра.
- h) Меньшая потребность мѣста и меньшая стоимость устройства, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда расположение комнатъ позволяетъ, вмѣсто трехъ или четырехъ обыкновенныхъ печей, устроить одинъ современно-русскій приборъ. Если жь принять въ соображеніе каждодневное сбереженіе горючаго материала и меньшую потребность въ ремонтномъ исправленіи, то современно-русскіе приборы обойдутся вдвое дешевле обыкновенныхъ (**).

(*) У одного переноснаго прибора было привѣзено бумажное кольцо (погружокъ) къ дымовой трубѣ, а вышка сделана изъ картона; у постоянной же печи разъ заторилась ветхая труба на чердакѣ, а между тѣмъ, неизна этого, затошила печь. Чтобы освободиться отъ дыма, г. Свѣтловъ отворилъ прочищающую дверцу въ борозѣ, чрезъ которую дымъ выходилъ на чердакъ и чрезъ слуховое окно на воздухъ. Такимъ-образомъ, печь истончилась безъ малѣйшемъ опасности для строенія. Этотъ фактъ весьма-важенъ въ томъ отношеніи, что половину случающихся у насъ пожаровъ должно отнести въ весьма-непрочную устройству печей и трубъ, и къ тому, что весьма-горячая температура дыма, протекающаго по трубѣ, увеличиваетъ еще опасность.

(**) Не все тѣ дешево, что обходится дешево. Нагдѣ таъ дешево не работаютъ печей, въ видѣ таъ часто не передѣзываютъ ихъ — какъ въ Петербургѣ. Здѣсь платятъ за работу дечъ даже по 3 р. 50 к., и въ Москвѣ горючий печими не возвышаетъ менѣе 10 руб. сереб.

и) Сбережение горючаго материала до полезныи употребляющагося нынѣ количества, а въ очагахъ и больше, особенно, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что, послѣ устройства очагъ новой системы, оказывается неужиць всѣ другія печи, употребляемыи въ большіе морозы для нагреванія кухонь. Это подтверждалось уже несколькими опытами.

По разсмотрѣніи описанія и чертежей, представленныхъ г-нъ Свиязевымъ въ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, они препровождены были въ Главное Управление Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій по Департаменту Разсмотрѣнія Проектовъ и Смѣтъ. Здѣсь подвергались они внимательному разсмотрѣнію и ученыму разбору. Второе отдѣленіе этого департамента, анализируя систему современно-русскихъ приборовъ, нашло, что она состоитъ изъ трехъ новыхъ оснований:

1) Питать горѣніе притокомъ воздуха сверху топлива.

2) Передавать теплоту нагреваемому воздуху посредствомъ свободнаго доступа его къ каждой плоскости прибора, нагрѣтой пламенемъ.

3) Отдѣлять послѣднюю теплоту отъ дыма посредствомъ вертикальныхъ охладителей, раздробляющихъ массу дыма на несколько отдѣльныхъ и возможно-малыхъ токовъ ровной температуры, имѣющихъ движеніе противоподобное, направленію нагреваемаго воздуха.

Притеченіе воздуха сверху, сопливъ, удовлетворяя условію какъ болѣе спаренности газовъ, представляетъ первую причину сбереженія горючаго материала и доставляетъ возможность управлять горѣніемъ топлива и температурою комнаты по произволу, чго нельзя достигнуть при обыкновенномъ способѣ тепки печей. Далѣ, предоставляется пламени наибольшее соприкасаніе съ плоскостями прибора, чѣмъ, съ одной стороны, температура пламени скорѣе понижается, а съ другой — скорѣе нагревается и воздухъ, имѣющій свободный доступъ къ нагрѣтымъ плоскостямъ, и, наконецъ, дымъ, раздробленный на отдѣльные возможно-малые токи, приводится въ наибольшее соприкасаніе съ воздухомъ и, двигаясь въ направлениіи, противоположномъ движенію воздуха и проходя такимъ образомъ черезъ среду нестабильно-цишшей температуры, скорѣе и дѣятельнѣе передаетъ остаточную свою теплоту передъ входомъ въ дымовую трубу. Такое окончательное охлажденіе дыма способствуетъ также значительному сбереженію тепловаго материала.

Эта основная идея, развитая и примѣненная къ разнымъ случаюмъ въ представленныхъ чертежахъ разныхъ нагревательныхъ снарядовъ, заслуживаетъ полнаго одобрения. А какъ она принадлежитъ собственно г. Свиязеву, то «современно-русскія печи», устроенные въ Россіи только имъ самимъ, по справедливости можно считать изобрѣтеніемъ новымъ и нѣизвестнымъ, въ то же время

ей заслуживающимъ ходатайства о выдаче беспощадной привилегии (*).

Тѣмъ, кому слово новость кажется еще страннымъ, напомнимъ, что приборы И. И. Свиязева существуютъ, по частямъ, уже около 25 лѣтъ, съ тѣхъ-поръ, какъ случай, о которомъ мы упомянули выше, навелъ его на мысль о реформѣ существующихъ печей. Съ тѣхъ-поръ, развивалъ онъ эту идею постепенно до настоящаго результата. Вѣрочемъ, мы живемъ не во времена изобрѣтѣй стременъ (**), когда новое и отечественное (инострانное всегда не-

(*) Привилегію эту И. И. Свиязевъ получилъ 24-го октября 1847, о чёмъ публиковано уже во всѣхъ газетахъ.

(**) Римляне цѣлые шесть вѣковъ отъ основанія Рима взѣзали на лошадей со скамеекъ или съ камней, а молодые люди скакали съ земли, какъ волтижеры. Одинъ неизвѣстный гражданинъ, Инвенціусъ, вѣроятно, скакавшемъ страхнувшій себѣ животъ, выдумалъ стремена и представилъ ихъ консулу М. Веллую Бонифацію, для введенія въ кавалеріи. Консулъ, для разсмотрѣнія изобрѣтѣнія, назначилъ комиссію изъ трехъ высшихъ чиновъ военнаго ведомства. Эта почтенная комиссія восмѣялась сначала надъ названіемъ и фигурую стременъ и надъ затѣйникомъ, который хочетъ учить римскихъ генераловъ, какъ должна кавалерія садиться на лошадей, и какъ будто безъ этихъ пустыхъ затѣй Ромуль не взѣзалъ на лошадь, а Цорсенна, Пирръ, Митридатъ и Ахинея не были побиты — и, по внимательному разсмотрѣнію и обсужденію дѣла со всѣхъ сторонъ, положила:

1) Что стремена — вещь новая и неслыханная, а извѣстно, что лески не хорошо перемѣнять обычай, съ-издавна укоренившійся, и что солдаты, сидящіе иногда съ лошадей, вовсе не жалуются.

2) Изобрѣтатель, какъ человѣкъ не военный, не могъ предвидѣть всѣхъ неудобствъ стременъ, ибо

3) Стоитъ величайшаго труда и многолѣтнихъ усилій пріучить къ чему-либо солдата, а чтобы ввести что-нибудь новое, опять повадобятся новые труды и терпѣніе и, уча и переучивая, можно даже сбить съ толка несчастныхъ солдатъ.

4) Солдаты наши не такъ нѣжны, чтобы безъ лѣсенка не могли вспрыгнуть на лошадь, а допустивъ стремена, прійдется имъ на грѣвать и постели въ даргахъ.

5) Солдаты, всунувъ ноги въ эти колодки, будутъ сидѣть на лошади не свободно, но какъ привязанные или прикованные.

6) Нельзя думать, чтобы солдатъ, садясь на лошадь, могъ всегда потрасти ногой въ стремя, а если онъ только разъ оступится, то больше потеряетъ времени, чѣмъ вскакивая на лошадь по заведенному порядку; цѣль же всякой изобрѣтѣнія должна именно состоять въ выигрышѣ, а не въ потерѣ времени.

7) Извѣстно уже и высшему начальству, что ноги у солдатъ не бываютъ равныя, а какъ ихъ сплющивать или уголщать нельзя, то и надобно будетъ заказывать стремена по мѣрѣ для каждого солдата. Но подобныя вещи для арміи всегда ставятся подрядомъ.

8) Если лошадь упадетъ или будетъ убита въ сраженіи, то всадникъ, привязанный къ ней стременами, можетъ разломать себѣ ноги.

9) Нельзя подумать называемъ на бѣдную скотину какой-либо лишний

т. LVI. — Отд. IV.

много стареть, пока доходитъ до пась) казалось чѣмъ-то страннымъ, встрѣчало дикое предубѣжденіе, навлекало насмѣши и даже гоценіе. Совсѣмъ не то въ наше время, когда все человѣческое и полезное находить теплое сочувствіе и безкорыстное одобрение: мы привели выше безпристрастные отзывы объ усовершенствованыхъ печахъ И. И. Свѣзева,—и что всего утѣшительнѣе — отзывы лѣдѣй, совершаю ею неизвѣстныхъ и сочувствующихъ только дѣлу, а-не лицу. Но, съ другой стороны, наше время не увлечется никакою нелѣпостю, не поверить, что золото можно давать изъ всего, а печи топить безъ топлива. Нѣть! въ наше время никакому авторитету не поверить на слово, но все свѣять, смиграютъ, испытываютъ. И публика и изобрѣтатели современные понимаютъ другъ друга. А кажется, давно ли было время, въ которое, если бы кто сказалъ: «я сберегу вамъ половину дровъ», то публика отвѣчала бы: «пустяки — не изъ чего хлопотать: вотъ подождемъ, и

грузъ, а же лѣзныя стремена хотя и не весьма тяжелы, олпакожь, въ дальніхъ походахъ и это много значить, какъ убѣдились бы въ томъ г. изобрѣтатель послѣ первого похода, если бы пришлось ему вести стремена на себѣ.

10) Отъ утомленія лошадей и поврежденія ихъ боковъ стременами вѣтъ нечего легче, какъ остаться въ походѣ безъ лошадей, и потому, на всякий случай, надобно обучать конницу и пѣхотной службѣ.

11) Снабдить всю кавалерію этими вещицами будетъ стоить величайшихъ издержекъ, а общественную казну, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надобно сберегать для предметовъ необходимыхъ, общеполезныхъ, важныхъ, а не для такихъ, которыѣ польза гадательна, а вредъ очевиденъ, и, паконецъ,

12) что изобрѣтеніе это, какъ доказательство изобрѣтательного таланта г. Инвениціуса, вещь сама-по-себѣ хорошая, но не годится для мужчинъ, тѣмъ менѣе для солдатъ, и потому полезно было бы изобрѣтателю обращаться къ дамамъ.

Кто разберетъ, почему эти люди такъ дѣйствовали? Потому ли, что они знали на этотъ счетъ мысли своего начальства, или собственное самолюбие ихъ было оскорблено чужою выдумкою, или они въ-самомъ-дѣлѣ были убѣдены въ своихъ сужденіяхъ — кто ихъ разберетъ? Гораздо позже, варинская Сорбонна выкидывала такія штуки, въ которыхъ не только образованный умъ, но даже простой смыслъ какого-нибудь Савояра находилъ противорѣчія, и за всѣмъ тѣмъ нельзѧ было понять, смигались ли господѣ-ученые, или вѣтъ.

Какъ бы то ни было, но бѣдный изобрѣтатель нашъ получилъ формальное извѣщеніе, варочемъ, очень-учтивое, что изобрѣтеніе стременъ найдено неудобнымъ, а потому и принято быть не можетъ.

Но какъ все люди, чувствующіе въ себѣ языку генія, которая блеснетъ та вѣдѣсь, то-тамъ, нашъ Инвениціусъ, большой притомъ патріотъ, и не могъ скоро успокоиться. Объ изобрѣтеніи своемъ написалъ онъ небольшую тетрадочку, въ которой какъ-то, задѣль господѣ членовъ комиссіи, и за это (при другомъ консулѣ не отдался бы такъ дешево) просидѣлъ съ полгода изнѣпти. Въ темнинѣ придумалъ онъ еще два значительныхъ изобрѣтенія, но, не желая опять попасть туда, гдѣ сидѣлъ, не сказалъ о нихъ даже своимъ друзьямъ, которые совсѣмъ ему отправились съ стременами къ варварамъ.

возьмется ли кто нагрѣвать насъ однимъ полѣномъ». Симпатизируя съ публикой, тотчасъ являлись такія желаемыя изобрѣтенія; публика бросалась на нихъ и, разумѣется, обманывалась, но не роптала, сама повѣривъ невозможному и чеестественному. Она становилась только недовѣрчиваю, т. е. болѣе-разсудительною.

Но, находясь въ состояніи недовѣрчивости, мы легко можемъ пропустить вещи, заслуживающія полного нашего вниманія. Если испытаніе и усвоеніе нового дѣла, важнаго по намѣренію, мы, изъ страха вновь обмануться, будемъ сваливать на другікъ, то и другое въ-правѣ ожидать того же отъ насъ, и дѣло нисколько не подвижется впередъ отъ нашихъ перекоровъ и выжидавій. Гений ничего не въ состояніи сдѣлать одинъ; онъ видѣть только мысль, какъ зерно, а общество, какъ почва и воздухъ, воспринимаетъ ее, укореняетъ, питаетъ, раститъ и оплодотворяетъ. Въ дѣлѣ общеполезномъ, каждый долженъ участвовать по мѣрѣ силъ своихъ и возможности (*).

Какъ въ духѣ нашего времени производить не только все хорошо, но съ возможно-меньшими трудами и издержками, и какъ печи составляютъ у насъ не только необходимость, но климатическую принадлежность, наше зимнее солнце, то изобрѣтеніе г. Свѣтцева есть явленіе безспорно современное, развившееся изъ чувствующей всѣми потребности, и по послѣдствіямъ своимъ полезное и благодѣтельное, какъ для отдельныхъ лицъ, такъ и для цѣлаго

— они, дескать, люди умные, и все умнее призываютъ и вознаграждаютъ. Однако, Инвенціусъ не дѣлалъ этого изъ любви къ отечеству, хотя никому не показалось бы страннымъ, еслибы это патріотическое чувство посохладѣло въ человѣкѣ, презрѣнномъ своими согражданами.

Между-тѣмъ, что же случилось? Парейне, чрезъ своихъ единовѣцъ, бывшихъ въ Римѣ, узнали о стременахъ и взвели ихъ въ своей конницѣ. Съ ними скорѣе становились всадники въ строй; сидя крѣпче въ сѣдѣ, съ большою меткостю метали копья и стрѣлы, проворнѣе повертывали въ рукахъ своихъ мечи, съ большою твердостю и рѣшимостью нападали на пѣхоту — и гордые Римляне въ первой войнѣ были разбиты на-голову.

Когда римскіе полководцы, теряя битвы и провинціи на Востокѣ, не знали что дѣлать, а побѣдные бюллетени — что писать, тогда поникли великия головы сената и уперлись лбами одна о другую. Въ это время, вѣстники вновь подтвердили, что перевѣсь непріятеля происходит отъ стременъ. «Ну, чтѣ жъ вскрикнули головы очнувшись: «не худо и наѣзъ перенять это пароское изображеніе; отъ умнаго врага не глупо поучиться: такъ думали и поступали наши великия предки». Умная рѣчь всѣмъ понравилась; въ образецъ взяли украденное у Парейнъ стремя, и одинъ изъ геніевъ сената усовершенствовалъ его, прибавивъ за ремни лишнюю дарочку. Отъ этого дополненія, сдѣланнаго превосходительною головою, все изобрѣтеніе стало превосходнымъ и пошло въ ходъ по бѣлому свѣту.

(*) Иначе правѣ будетъ Гоголь, который говорить: «Самъ человѣкъ лежитъ на боку, въ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другаго торопить изъ всѣхъ силъ — таинуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку».

общества. Кроме материальныхъ выгодъ, оно можетъ имѣть и практическое значеніе: отъ значительного сбереженія топливного матеріала представляются новые, неожиданные способы, усилить свою дѣятельность тѣмъ обществамъ и лицамъ, которые въ одновѣтъ только христіянскому чувству милосердія и самопрѣверженія доселе находили средства для своей благотворительности. Она могла бы получить новый видъ своего проявленія — устройствомъ въ квартирахъ бѣдныхъ топливо сберегающихъ печей. Мы не говоримъ о цѣлой Россіи; но еслиъ одинъ только Петербургъ рѣшился пожертвовать сбереженія, послѣдующія отъ введенія этихъ печей, въ общемъ употреблѣніе, то черезъ нѣсколько лѣтъ скопились бы миллионы рублей въ пользу бѣдныхъ. Если положить, что на отопленіе Петербурга издерживается въ годъ только пять миллионовъ руб. серебромъ, а изъ этого сбережется хотя одна третья часть, то въ кассу для бѣдныхъ поступитъ 1,666,000 руб. А что это несомнѣвительно, въ томъ убѣждаются единогласные отзывы о печахъ И. И. Свіязева тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ они устроены. Не желая лишить себя наслажденія, мы, ради бѣдныхъ, и для собственной экономіи, не имѣемъ духа посовѣтовать и другимъ: не кушать устрицъ, не курить сигаръ, неѣздить въ оперу; но что и удовольствіе и какая кому польза жечь ассигнаціи на огонь, кидать дрова на воздухъ (какъ выражается Свіязевъ) нашими дѣятельными въ этомъ отношеніи печами? А такъ — какъ пригодныхъ нашему климату и духу сапей и печей намъ иностранцы никогда не выдумаютъ, то и будемъ искать помощи въ собственныхъ своихъ силахъ, чтобы скоро не пришлось намъ нагреваться торфомъ или другимъ ароматическимъ суррогатомъ. Напротивъ, мы имѣемъ твердое основаніе думать, что, при надлежащемъ развитіи на отечественной почвѣ національной идеи И. И. Свіязева, мы подѣлимъся ею съ Европою и уплатимъ часть нашего долга.

V.

ГРИФА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1847 ГОДУ.

Литература — выражение общественного мнѣнія: обозрѣть ея движение въ извѣстный періодъ времени — значитъ показать движение мыслей, управлявшихъ жизнью общества въ то же время.

Но если словесность народовъ, путемъ искоговѣковаго исторического развитія, достигшия цивилизаций, представляетъ различныя направлѣнія и различныя степени каждого направлѣнія, то еще меньше надобно искать единства въ словесности того народа, который, силою поздняго и быстраго развитія, поставилъ одну часть свою въ уровеньъ съ вѣкомъ, и тѣмъ самымъ отдалъ отъ нея другія части, для которыхъ не настала еще пора созывать требованія вѣка. Одни и тѣ же явленія могутъ быть слѣдствіемъ неоднаковыхъ причинъ: различіе возарѣй, существованіе литературныхъ партій и особеннохъ органовъ для

каждой партіи можетъ быть плодомъ укоревшшейся цивилизациіи, разлитой по всѣмъ слоямъ общества, и оно же, это отсутствіе единства, можетъ происходить отъ цивилизациіи неравномерно-разлитой, отъ избытка ея въ однихъ, отъ сильнаго недостатка въ другихъ. Такъ отсутствіе убѣждений есть или результатъ скептицизма, который сознаетъ неосновательность всѣхъ убѣждений, или простая, необходимая принадлежность жизни безсознательной.

Приводить доказательства того различія, которое мы видимъ въ произведеніяхъ отечественной литературы, кажется намъ пустою тратаю времени. Оно очевидно — отъ цвѣта журналовъ, изъ которыхъ большая часть безцвѣтны, до миащаго вкуса въ театральныхъ пьесахъ, которые такъ часто отличаются безвкусіемъ. Стотъ только просмотрѣть каталоги книгъ изъ

войти въ любую библиотеку для чтения, чтобы убѣдиться во множествѣ разнохарактерныхъ писателей и въ такой же разнохарактерности читающаго класса. Каждый авторъ найдетъ себѣ потребителей, между которыми встрѣчаются и такие, «для коихъ таинствомъ есть всякая печать». Для нихъ все книги хороши потому только, что они любятъ читеніе.

Какія же сочиненія должно имѣть въ виду преимущественно, говоря о литературѣ за истекшій годъ? Тѣ, которые, въ той или другой формѣ, представляютъ современное направлѣніе цивилизованнаго общества. Какъ лучшій кругъ людей есть кругъ людей образованныхъ, такъ и лучшимъ произведеніемъ литературы будетъ то, въ которомъ выражены высшія стремленія этой части общества. Для того, чтобы литературное произведеніе служило первымъ органомъ современности, авторъ долженъ стоять въ уровнѣ съ своимъ временемъ; его обязанность — не быть чуждымъ ни одному изъ поднятыхъ вопросовъ, следить за всѣмъ, что есть высокаго и благороднаго въ современныхъ нравахъ и поштіяхъ, живо сочувствовать важайшимъ интересамъ своего вѣка и своего народа. — Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы наше обозрѣніе совершенно исключало всѣ другія явленія литературы: нѣтъ, они войдутъ въ него, но войдутъ какъ объясненія или указанія того смысла, который сообщаетъ единство въ всѣхъ литературѣ современной, разумѣя подъ этимъ словомъ только тѣ произведенія, въ которыхъ выражаются современные стремленія образованныхъ обществъ. Гдѣ сѣть, такъ и тѣль, нужна для того, чтобы яснѣе видѣть яркость сѣти. Иногда предметъ всего лучше опредѣляется предметомъ ему противоположнымъ.

Можетъ-быть, замѣтить, что, такимъ-образомъ, мы слишкомъ стѣсняемъ годовой итогъ словесныхъ произведеній и ограничиваемъ объемъ наше обозрѣнія. Но мы никогда и не

имѣли въ виду количественнаго значенія словесности, никогда не заботились о ввѣшнемъ объемѣ годовыхъ отчетовъ. Дѣло не въ количествѣ, не въ массѣ. Теоревія, выражающія мысли немногихъ, но передовыхъ въ дѣятельности общества, служатъ органомъ большинства, стоящаго въ заднихъ рядахъ. Бываютъ случаи, когда сочиненіе, не выражая общественного мнѣнія, занимаетъ однакожъ почетнѣйшее мѣсто. Если авторъ стоитъ выше своего общества, то онъ сознаѣтъ другую, высшую жизнь этого общества — сознаѣтъ то, что для другихъ есть только смутное предчувствіе, неясная потребность. Его горизонтъ шире, и потому солнце восходитъ для него раньше. Такъ одинъ англійскій романистъ изобразилъ въ своемъ романѣ жизнь слѣдующаго времени — и изобразилъ такъ, какою она должна была бытъ по его соображеніямъ. Современники называли мысль автора поэтическимъ вымысломъ, воздушнымъ замкомъ; но потомки современниковъ увидѣли изъ лѣтъ то, что предвидѣлъ авторъ умомъ. Въ литературѣ задобро различать два родаведеній: выраженіе тенденцій, мысль стремлений, принадлежащихъ самой малой долѣ общества, составляющихъ иногда убѣжденія одного только лица, береть верѣдко верхъ надъ, выраженіемъ осуществленнаго въ жизни, надъ мыслю о томъ, что уже исполнено обществомъ. Смѣшно называть фантастическими произведенія первого рода: мысль, соединенная съ выраженной немногими, даже одни, принадлежитъ автору, какъ его лѣтствительное, благородѣйшее пріобрѣтеніе. Онъ живеть ею, и не его вина, если другое еще не въ-силѣть ею жить.

Истекшій годъ не ознаменовался ни однимъ крутымъ переломомъ въ литературѣ. Если называть ежегоднымъ моментомъ особенныхъ колебаний при развитіи мысли, въ немъ не было ничего особенно-важнаго. Но оазъ многозначительенъ, какъ дѣятельное продолженіе работы, начатой прежде, подъ опре-

дѣлленіемъ сознаніемъ цѣли. Въ то время, когда возбужденъ вопросъ и большинство образованныхъ членовъ общества занялось имъ съ любовью, достоинство литературной жизни состоитъ не въ числѣ неожиданныхъ извѣстій, не въ быстрыхъ переходахъ ея отъ однихъ пунктовъ къ другимъ, а въ силѣ ровнаго развитія вопроса, въ успѣхѣ спокойныхъ стремленій къ желанной цѣли. Новыиъ будетъ адѣлье-и-болѣе ясное сознаніе начатаго, высшая степень развитія того же короля, прогрессивная разработка того же основанія. Количество и качество на-шахъ пріобрѣтеній въ этомъ родѣ и составлять истинно - литературный итогъ истекшаго года, его подарокъ наступившему.—Въ-самомъ-дѣлѣ, про-смотрите журналы, которые держатся извѣстнаго именія и держатся этѣмъ именіемъ: ихъ программы обѣщали слѣдоватъ прежнему направлению, и каждый номеръ оставался вѣренъ обѣ-щанному; даже оди兹ъ журналъ, под-вергшись коренному преобразованію, принялъ въ основаніе реформы то же направлѣніе, которое, замѣтимъ мимо-ходомъ, одно только и даетъ успѣхъ періодическимъ изданіямъ; книги, удо-стоившіеся сочувствія публики, заслу-живали его развитіемъ тѣхъ же нача-зть; другія возбуждали едъ вниманіе отрицаніемъ того, въ чёмъ она видѣтъ интересъ современаго человѣка. Вы-сѣдѣствіе этого, мы называли движеніе литературы за истекшій годъ важ-нымъ пріобрѣтеніемъ: оно важно, какъ дѣятельное развитіе сознанійъ стрем-леній, какъ высшая степень успѣха, какъ дальниѣшій членъ прогрессив-наго образованія—разумѣя подъ прогрессомъ постепенное знакомство съ тѣми идеями, которыя управляютъ со-временномъ цивилизованныхъ обществъ. Да и смыслио теперь съ по-внѣтіемъ объ успѣхѣ соединять понятіе о какихъ-либо необычайныхъ откры-зеніяхъ времени, о наполеоновскихъ потрясеніяхъ въ сферѣ мысли: какъ земля начинаетъ описывать вокругъ солнца новый вращающійся безъ грома и

молніи, такъ и ходъ литературы про-шлаго года совершился безъ переско-ротовъ, въ томъ же направлѣніи, толь-ко въ болѣе-широкой орбитѣ, съ дви-женіемъ ускореннымъ и яснѣ-ви-димымъ для глазъ, вооруженныхыхъ мыслью.

Какое же это направлѣніе, которое литература приняла въ послѣднее время и по которому она твердо и дѣя-тельно слѣдовала въ прошломъ году?

Исторія человѣчества открыла не-сомнѣнную цѣль его стремленій: «развѣтіе личности человѣка во всемъ ея истинѣ и полнотѣ». Иль тщательнаго изученія жизни гражданскаго об-щества видно, что борьба, на которую они обречены, есть борьба съ пре-пятствіями на пути указаннаго раз-витія, что ихъ завоеванія заключаются въ уничтоженіи препятствій.

Мы не выскаживаемъ новой мысли, но беремъ извѣстную, готовую, итог-рая ииѣть близкое отношеніе къ предмету нашего обзора. Развыя фор-мулы, выражающія цѣль, къ которой стремится человѣчество въ своемъ раз-витіи, оставляютъ непримѣнен-ными оди兹ъ и тотъ же смыслъ ея. На-зовемъ ли ее раскрытиемъ элементовъ человѣческой природы, полными про-свѣщеніемъ, истинной цивилизаціей— все равно. Главное въ томъ, что въ этомъ, а не къ другому чену-нѣбудь направляется неизмѣнное шествіе человѣчества, что въ этомъ шествіи про-грессъ его, и что обязанность исторіи вѣрою передавать всѣ обстоятельства борьбы между стремленіями къ цѣли и преградами въ се достижениіи.

Различіе препятствій, задерживаю-щихъ человѣчество, во разо ииѣ подъ-во побѣждаемыхъ имъ, опредѣляется ступени его возвышенія, характери-зуетъ періоды его развитія, члены прогресса. Вооружаться противъ то-го, что уже отжило свое время, чтѣ уже не въ-силахъ вредить намъ, зна-чить сражаться съ привидѣніями, донкихотствовать; не видѣть дѣйстви-тельныхыхъ препятствій — значить жить въ невѣдѣніи вѣка.

Въ литературѣ выражается все то, чѣмъ живетъ общество и къ чему оно стремится, его побѣды и борьба, его временное наденіе и немыслимое торжество. Поэтому, указаніе современаго литературнаго движенія нераздѣльно связано съ указаніемъ общественной жизни и мысли, съ опредѣленіемъ того, чѣмъ занято общество въ настоящую эпоху, съ какимъ препятствиемъ имѣеть оно теперь дѣло.

Самый опасный врагъ, которому человѣкъ долго служилъ и надъ которымъ теперь одерживается явное превосходство, заключается «въ отчужденіи отъ дѣйствительности». Одни называютъ его фантастическимъ, другіе романтизмомъ, третіи идеализмомъ, и т. д. Но смотря на оттѣнки названий, сущность предмета, ими означеннаго, одна: любовь къ мечтательному, преисполнованію несуществующаго. Въ следствіе этого, отрицательная обязанность современаго человѣка состоить въ удаленіи отъ того, что есть созданіе дустой фантазіи, въ чемъ имѣть дѣйствительного бытія. Положительная обязанность выражается такъ: изваніе дѣйствительного міра, изученіе положительно-сущаго, открытие законовъ естества — послѣднее въ обширномъ смыслѣ, какъ совокупность всего существующаго. Результатомъ его подвиговъ будуть законное пользованіе дѣйствительной жизнью, приобрѣтеніе реальныхъ благъ, доступныхъ природѣ человѣка.

Умъ человѣческій, не понимая своего истиннаго значенія, долго разрабатывалъ созданіе мечты, отвлеченное отъ міра. Теперь онъ видѣть свои истинныя нужды, знаетъ тайну своего могущества, и предметомъ изслѣдованій положилъ — натуральность — предметъ до того обширный, что самая первостепенная любознательность не исчерпаетъ его богатства, и до того богатый, что самая жадная потребность счастія найдетъ въ немъ полное удовлетвореніе. Нѣть больше надобности искать другихъ сферъ для изслѣдованія. Во власть человѣку дано очень многое — самъ человѣкъ и природа. Пе-

рель имъ «подное славы творенье»: уже-ли закроетъ онъ глаза, чтобы во мракѣ строить царство видѣній? Онъ можетъ быть счастливъ на аву, счастливъ дѣйствительно: зачѣмъ же отходить ко сну и блаженствовать въ грехахъ?

Въ этомъ поворотѣ жизни и мысли отъ воображаемаго къ дѣйствительному, отъ мечтательнаго къ реальному, спасительно участвовало естествознаніе. Знакомство съатурой заставило полюбить натуральное. Астрономія, физика, анатомія, физиология, химія на мѣсто бесплодной игры фантазіи и построекъ отвлеченнаго міра поставили серьёзовое занятіе дѣломъ, изученіе явлений, объясненіе фактовъ. Новый характеръ знаній и жизни — характеръ положительности — пріучилъ человѣка доказывать, а не утверждать бездоказательно, находить искомое, а не искать безнадежно, созидааться въ незнаніи того, чтѣ занять невозможно, и отвергать бытіе того, чтѣ дѣйствительно не существуетъ.

Конечно, такая работа началась не вчера. Какъ въ знаніи вообще, такъ и въ кругѣ каждого знанія, человѣкъ постепенно шелъ отъ приврозовъ къ дѣйствительному бытію, отъ иносогъ къ отвлеченностямъ къ реализму. Первично, воображеніе превращало огонь въ Вулкана, воду въ Нептуна; въ движениі міровъ Платонъ слышалъ хоры бессмертныѣ боговъ; другіе философы объясняли строеніе вселенской таинственными числами. Истинная наука, разсѣвъ химеры и обнаживъ пустоту отвлеченностей, абстрактовъ, открыла наблюдателю положительные факты и законы. Для ряда явлений, одинъ къ другому въ конъ-то враждебномъ отношеніи, начали сливаться въ одинъ. Измѣнилось даже понятіе объ относительномъ превосходствѣ наукъ, которыхъ заѣдывали двумя сферами предметовъ, осужденныхъ на различное существованіе. Подчиненное перешло въ подчиняющее, и наоборотъ. И если нѣкоторыя сочиненія трактуютъ о психоло-

гіи наряду съ физіології, то другія видатъ въ психології отрасль физіології, только съ особеннымъ видовымъ признакомъ, расширяющимъ логическое, а не предметное содержание. Притомъ физіологія человѣка, отведенная въ область физики, выстѣ съ физикою, полагается въ основание физіологии общества—если можно такъ выразиться—безъ которой многое остается необъясненнымъ ни въ жизни человѣчества, ни въ исторіи, изображающей эту жизнь.

Понятно, что, при направлении ума и воли къ дѣйствительности, больше и больше теряютъ свой кредитъ создаваіе фантазіи и отвлеченности метафизической. Жизнь изъ сферы идеальныхъ стремлений ступила на твердую землю—на почву положительныхъ благъ, реального бытія. Заботы всѣхъ обратились на удовлетвореніе требованій того, въ чемъ нуждается природа человѣка, чтѣ принадлежитъ ей, какъ ея кровная собственность. И никогда потребность выразить эти дѣйствительныи вужды человѣческаго бытія, найти средства исполнить ихъ, чтобы жизнь каждого проходила не даромъ—никогда эта потребность не обнаруживалась такъ сильно, какъ въ наше время—замѣчательное, славное время!

Но стремленіе къ дѣйствительности, которая служить истинной основой для полнаго развитія человѣческой личности, тѣогда только упрочивается въ успѣхѣ, когда оно совершается подъ эгидою общества, при дружномъ согласіи его членовъ. Совокупность есть необходимое условіе для безпрепятственнаго наслажденія дарами жизни—отъ возвышенныхъ чувствъ и мыслей до грубыхъ произведеній земли. Единицы ничего не значать, общественное единство значить все. Надежда каждого на обеспеченіе своей жизни хранится въ общественномъ ручательствѣ. Баснописецъ давно уже опровергъ весокрушину силу общаго въ связѣ прутьевъ...

Итакъ, сочиненіе дѣйствительныхъ

интересовъ жизни и обеспеченіе ихъ за каждымъ членомъ общества—вотъ въ чёмъ дѣло и характеристика современнаго человѣка.

При извѣстныхъ стремленіяхъ науки и жизни, когда сферы той и другой раздвигаются и человѣкъ видитъ яснѣ въ болѣе-обширномъ горизонте, при болѣе-яркомъ свѣтѣ—производится переработка того, что было создано. Безпрерывное движение живущаго есть выстѣ безпрерывное его измѣненіе. Въ этой совмѣстности движения съ измѣненіемъ и заключается великая тайна совершенствованія міра. Прогрессъ, устремлія человѣчество впередъ, дѣйствуетъ и обратно: все, выработанное человѣчествомъ, освящается новымъ свѣтомъ, представляется подъ новою точкою зреінія. Останавливаясь при новѣйшемъ міросозерцаніи, мы или отрицаємъ то, что прежде считалось истиннымъ, или признаемъ истиннымъ то, что прежде считалось ложнымъ, или, наконецъ, приобрѣтаемъ новое, чего не знали прежде: въ резулѣтатѣ подобныхъ отрицаній и положеній выходитъ яснѣшее раскрытие истины, постепенное улучшеніе жизни. Парадигмъ съ положительными приращеніями, человѣкъ имѣть полное право гордиться и приращеніями отрицательными, какъ потому, что они сами-по-себѣ важны, такъ и потому, что въ нихъ зародышъ положительныхъ, часто великихъ богатствъ. Основаніе, въ силу котораго мы отрекаемся отъ чего-либо или возвращаемся къ чему-нибудь, было плодомъ новѣйшихъ приобрѣтеній, позднѣйшихъ изслѣдований, и самѣ дастъ плодъ—положить основаніе съзѣдующему міросозерцанію. Вышедшее изъ жизни сдѣлается въ свою очередьдвигателемъ жизни. Въ этомъ плодотворномъ взаимодѣйствіи настоящаго и прошедшаго и въ связи ихъ съ будущимъ, въ этой работе безъ конца и отдыха, въ этой формировкѣ современного міросозерцанія, при которомъ вся прежнія воззрѣнія передлагаются на новый топъ, заданный новою мыслю, и вся частная стремленія

себаобразуются съ требованіями общаго, господствующаго стремлѣнія вѣка — состоять истинное достоинство разума, величайшая сладость жизни.

Отличительныя свойства господствующаго направлениія вообще принадлежать, безъ сомнѣнія, и современному направлению вѣ-особенности. Мы сказали выше, что характеръ нашего времени — «стремлѣніе къ дѣйствительности и обеспеченіе этого стремлѣнія обществомъ». Сообразно такой задачѣ, опредѣляются всѣ дѣйствія современного человѣка и осматриваются всѣ его приобрѣтенія, физическая, умственная и нравственная. Всѣ многоразличныя явленія человѣческой жизни тяготятъ къ начертанному пути, подачиваются господствующему стремлѣнію. Вѣ-слѣдствіе этого, опредѣляется и основа нашего отчета: точка врѣвії, съ которой мы должны смотрѣть на литературу, есть точка врѣвії дѣйствительности, общественнаго стремлѣнія къ истиннымъ, существеннымъ интересамъ дѣйствительной жизни.

Конечно, не всѣ члены общества разно понимаютъ истинныя требованія современности и, понявъ, не всѣ одинаково переводятъ мысль въ дѣло, сознаніе въ жизнь. Какъ въ религиозныхъ убѣжденіяхъ, такъ и въ сферѣ болѣе обширной — въ сферѣ міросозерцаній — есть ультра-монтансты, для которыхъ неподвижность равновѣсительна идеалу общественнаго блага и счастливѣйшее состояніе человѣка есть *statu quo*. Они не только не думаютъ примирить авторитетъ съ свободными развитіемъ личности, но въ этомъ примиреніи видѣть кореневую гибель своей основы, т. е. авторитета и преданія. Это — такъ-сказать, католики жизни. Означеніе ихъ дѣятельности можетъ и должно входить въ обзоръ современнаго стремлѣнія жизни, какъ рѣзкая ему противоположность, какъ реакція современному дѣйствію, объясняющая смыслъ дѣйствія. Другое, которыхъ съдугутъ назвать протестантами въ мысли и жизни, увлекаются движе-

ніемъ времени только на-половину. Удѣль ихъ — шаткое, колебательное положеніе между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. У нихъ вѣчны противорѣчія въ дѣйствіи и сознаніи дѣйствія. Они боятся выговорить послѣдніе, самые логические выводы всмѣлокъ, въ истинѣ которыхъ убѣждены. Видя спрашиваемость своей мысли, они не хотятъ вполнѣ оставить спрашиваемость другихъ мыслей, и потому общество получаетъ отъ нихъ мало пользы. Иногда, вместо того, чтобы осудить свою робость передъ авторитетомъ или свою привычку помолчаться ему, они начибаютъ осуждать современниковъ, позабывши, что современники гораздо ихъ послѣдовательнѣе. По ихъ мнѣнію, виновато общество, отъ нихъ оставшее, тѣмѣль за позѣрку выходитъ, что они сами добровольно отчудили себѣ отъ общества. Въ заканчиваніе за свое сердитое состояніе между двумя первыми порядками вещей, они остаются при одномъ чувствѣ новой жизни безъ жизни въ-самомъ-ѣй, при однѣхъ идеяхъ мірскаго устройства, безъ приложенія идей къ міру дѣйствительному, современному. Мы не находимъ ничего достойнаго гордости въ безплодномъ превосходствѣ надъ людьми. Для потребностей, имѣвшихъ широкімъ развитіемъ духа, нужны орудія удовлетворенія, а эти орудія вручаетъ полное сознаніе и полная рѣшимость дѣйствія по сознанію. Если человѣкъ, понимая назначение общества, не хочетъ или не имѣетъ достаточной силы духа перевести пониманіе въ дѣйствительное, онъ походитъ на того несчастнаго, который, выражаясь словами поэта, отошелъ отъ смертныхъ и самъ не їдетъ къ Богамъ. Къ нему во всей ясности прилагается то самое, чѣдъ Лермонтовъ сказавъ о русской публикѣ: она луро воспитанъ. Пускай же она, страдающій самъ-отъ-себя, испытываетъ всю тягость судьбы серединной, перешальной, служа какъ-бы очистительной жертвой за грѣхи, не изъ совер-

шенные! — Къ третьему разряду относятся лица нормальные, здоровыя. Они отличаются отъ первыхъ противоположностью своего взгляда на общество, а отъ вторыхъ — признанiemъ этой противоположности во всей ея полнотѣ и силѣ, признавиемъ не только въ мысли, но и на дѣлѣ, общественаго служенія.

Избравъ точку врѣнія, нужную для оцѣнки литературнаго движенія за прошлый годъ, переберемъ главнѣйшиe факты современной жизни, какъ европейской вообще, такъ и отечественной въ частности. Само-собою разумѣется, что подробности не будуть имѣть мѣста: вниманіе наше остановится только на томъ, что нужно для оправданія воззрѣнія, положенного въ основу нашей статьи, и для приложенія основы къ замѣчательнымъ произведеніямъ прошлогодней литературы.

Самое важное, характеристическое явленіе современной жизни заключается въ сильномъ стремлении общества къ материальными интересамъ. Вещественное благосостояніе человѣка занимаетъ умы всѣхъ сословій. Удобства земного существованія, повсюдуное довольство — вотъ главный вопросъ, вспіощаа забота нашего вѣка. Въ этой заботѣ сказалась, съ одной стороны, любовь къ дѣйствительности, которую прежде такъ презирали, съ другой — любовь къ романтизму, который прежде такъ высоко ставили. Теперь уже никакой философъ не воскликнетъ: «чѣденьги!» но всякий, философъ и не-философъ, понимаетъ, что отъ денегъ зависитъ и независимость; что безъ материальнаго благосостоянія нѣтъ цивилизаціи, не можетъ быть свободнаго развитія личности. Направление вѣка къ положительнымъ благамъ жизни совпадаетъ съ другимъ, противоположнымъ фактомъ: отчужденіемъ того же вѣка отъ всего, лежащаго въ дѣйствительной жизни. Не говоря уже о предаціи и авторитетахъ, какъ господствовавшемъ элементѣ миѳологическаго периода общества, на который

мало обращаютъ вниманіе и потому, между прочимъ, что перестали его страшиться — все отвлеченнное, метафизическое, анти-реальное не возбуждаетъ бывалаго сочувствія, какъ предметъ, преимущественно свойственный второму периоду человѣчества — периоду, изъ котораго оно вышло. Отсюда понятно, почему вѣкоторые науки теряютъ свою важность, тогда-какъ другія становятся на первомъ планѣ. Давно ли Германія погружена была въ умозрѣнія? Теперь иное время. Метафизическая эпоха германской жизни кончилась. Путешественники, посыпавши Берлинъ, нашли опустѣвшими аудиторіи философскихъ наукъ. Публика охладѣла къ лекціямъ профессора Гегеля. Предложевіе Фихте учредить съѣзы философовъ, по образцу другихъ ученыхъ съѣзовъ, осталось предложеніемъ. Вниманіе и надежды обратились къ требование общественной жизни, которой вѣчно дѣлать въ холоной отвлеченности философскихъ системъ... Какимъ же наукамъ принадлежитъ теперь первенство и сила развитія? Наукамъ общественнымъ. Какъ земное благосостояніе человѣка замѣнило собою его идеальное, фантастическое, отвлеченное отъ земли блаженство, такъ политическая экономія изгнала философію. Но интересы дѣйствительности должны быть развиты по всему обществу и застрахованы обществомъ: поэтому, другая характеристическая черта нашего времени — соціальность — предлагаетъ господствующей наукѣ главную задачу: показать законы равномѣрнаго распределенія благъ по всѣмъ классамъ, определить разумныя начала, постоянныя правила общественнаго богатства. — Общее движеніе времени отозвалось и у насъ, въ литературѣ и не въ литературѣ. Книга г. Бутовскаго «Опытъ о Народномъ Богатствѣ или о началахъ Политической Экономіи», подверглась разбору въ нѣсколькихъ журналахъ. Критика осталась ю недовольна потому именно, что авторъ смотрѣтъ на предметъ съ точки врѣнія исключи-

тельной (Ж. Б. С.) и какъ бы не хотеть, знать новыхъ наслаждений, въ которыхъ по-преимуществу выражаются современные вопросы. Съ другой стороны, вниманіе къ ученому труду, который въ прежнее время прошелъ бы незамѣчаннымъ, съ другой — недовольство критики, которая, въ сколько лѣтъ тому назадъ, отнеслась бы о немъ съ большою похвалою, имѣютъ источникомъ одно и то же: сочувствіе дѣйствительнымъ общественнымъ интересамъ человѣка. Другое событие гораздо-更重要е. Мы говоримъ о печатныхъ и не-печатныхъ сужденіяхъ объ отечественномъ земледѣліи. Изъ нихъ видно, что, несмотря на разногласіе судящихъ, вопросъ приводится къ устройству нормальныхъ отношений между двумя сторонами. Одна изъ сторонъ начинаетъ понимать, что въ предметѣ, ее занимающемъ, главное дѣло — дѣйствительный интересъ, за который съ радостю можно отдать всѣ мнимыя выгоды, каковы, напримѣръ, привыканность къ прежнему положенію вещей, привычка къ неустроенной распорядительности, желаніе ввести образованіе, замыкающее павѣки цѣлый классъ въ особый, неимѣющій исхода кругъ, патріархальность, идеалическая простота жизни и нравовъ, и проч. Дѣйствительные выгоды, а не пустые слова, служить движителями сужденій и дѣйствій. Постановить нормальные отношения между трудомъ и капиталомъ, опредѣлить, где больше обойдовой пользы — въ барщинной обработкѣ, или въ отдаче земли въ наемъ — такова настоящая задача землевладѣльцевъ! Нѣкоторыя книги и журнальныя статьи показали, что люди, принимающіе участіе въ устройствѣ сказанныхъ нормальныхъ отношений, находятъ только тѣ привилегіи важными, отъ которыхъ есть существенный интересъ.

Съ перспективы взгляда на дѣйствительное счастіе человѣка и общества,измѣнились понятія объ удовольствіяхъ жизни и объ утѣшенияхъ въ несчастіи.

Въ число разумныхъ требованій нашей природы вошли земные радости. Наслажденіе утратило прежній, опьяненный смыслъ; оно сдѣлалось нормальною потребностю человѣка, такъ что теперь быть больше надобности раздѣлять предметы на полезные и приятные. Окризять желанія, стремиться не къ личеніямъ, а къ удовлетворенію потребностей, искать удовольствій и наслажденій, а не убѣгать ихъ, устраивать недостатки и приобрѣтать все нужное, быть веселымъ придовольствій и не пѣть идеалистическихъ похвалъ бѣдности — вотъ чего требуетъ природа человѣка и что должны исполнить усилія общества. Наука обязана стать за-одно съ жизнью и дружнымъ содѣйствіемъ привести настъ къ желанной цѣли. — Что же касается до несчастій, которая посыпаетъ человѣку или онъ самъ или жестокая необходимость судьбы, то характеръ современности обнаруживается въ уклоненіи отъ вымыщленныхъ облегченій и въ изысканіи дѣйствительныхъ отрадъ. Больные не успокаются теперь тѣмъ предположеніемъ, что «все къ лучшему». Они хотятъ реальнаго лекарства и выбираютъ врачомъ общество, которое одно только способно оградить человѣка и отъ враждебныхъ вѣяній природы, и отъ его собственной несостоятельности. Постепенно приобрѣтая новыя владѣнія въ войнѣ за жизнь, человѣкъ дѣлаетъ теперь въ практикѣ, на дѣлѣ, то же самое, что прежде вымыслилъ въ теоріи: постепенно успокаиваетъ себя. Какъ поступаетъ умъ, строя систему? Подводить частности подъ общія начала, частнос покоряетъ общему, которое часто въ предполагается. Такинъ-образомъ, онъ создалъ оптимизмъ — идею, которая изгнала бѣдствія изъ мысли, но неизгнала ихъ изъ жизни. Какъ должна поступать жизнь? Спасать частное общіе, только не ипотетически, а дѣйствительно, не въ умѣ только, но въ самой жизни, не въ философской системѣ, но на дѣлѣ: ибо жизнь должна быть дѣйствительнымъ, не воображаемымъ счи-

стемъ. При неуклонномъ стремлениі общества къ огражденію себя со всѣхъ сторонъ, оно не только не хочетъ страдать, но хочетъ блаженствовать, поражая бѣдствія въ самомъ ихъ вародышѣ, уничтожая ихъ радикальными средствами. Въ случаѣ же бѣдствій, оно прибегаетъ не къ идеальныиимъ рецептамъ, а къ существеннымъ врачеваніямъ. Для него скріптии венпръ и хирофориъ драгоценнѣе всѣхъ пріектоў оптимизма, и операциі, произведенія при помощи этихъ усыпляющихъ средствъ, дѣйствительнѣе стонческихъ настороженій и поучительныхъ сенсаций.

Постоятельная потребность разумнаго понятія о пессастіяхъ и объ искорененіи несчастій сказалась у насъ въ спорахъ о благотворительности. Два мнѣнія о сущности этой добродѣтели и о средствахъ употреблять ее вытекли изъ двухъ различныхъ взглядовъ на жизнь: одинъ, п-современный, ратуетъ за помощь индивидуальнуу, придаетъ значеніе благотворительности частной; другой, современный, требуетъ организаціи благотворительности общественной, хочетъ замѣнить подаяніе лишь твердымъ обезпечепіемъ отъ лица всего общества, которое одно въ силахъ застраховать бѣдные классы отъ житейскихъ невзгодъ. Благотворительность частная доставляетъ только временные, случайные пособія, не уничтожая корня вла: філантропія современная отъискиваетъ радикальные средства устроить судьбу импенства, а эти средства—въ нѣдрахъ правильной организаціи: ея цѣль — чтобы со временемъ, если можно, никто не нуждался ни въ явной, ни въ тайной помощи, чтобы, при повсюдно-разлитомъ довольствѣ, управднилась необходимость благотворить, чтобы не было больше ни просящихъ, ни дающихъ... Філантропы-романтики страшатъ верѣко отъ своихъ щедротъ.. Я разорился на подпискахъ и лотереяхъ въ пользу бѣдныхъ! воскликнула съ сожалѣніемъ олинъ лобрый благотворитель. Філантропъ истиинный, філан-

тропъ-реалистъ не простираетъ жертвы до вреда себѣ или ближнимъ: его дѣло — не разорять однихъ для обогащевія другихъ, не дать каждому законныиимъ средства удовлетворять человѣческія потребности, насаждаться жизнью.

Другая наука, получившая въ послѣднее время сильное развитіе, есть физіология. Такъ и быть должно! Ея быстрые успѣхи и обширное приложеніе сознадаютъ съ осѣдлостью той мысли, что человѣкъ, назначенный на землю, не долженъ упускать изъ вида своего призванія, если онъ хочетъ произвести что-нибудь прочное. Винъство вражды съ живымъ организмомъ, современность начала изучать его строеніе и отправленія. Бросивъ гипотезы, она избрала методу положительныхъ исслѣдованій, и при помоши ихъ увидала, въ чёмъ истинная сила людей. Успѣхи физіологии (и естественныхъ наукъ вообще) приводятъ къ сознанию началь и законовъ общественной жизни: другихъ путей къ этому не существуетъ. Въ-самомъ-дѣль, общество не разрушаетъ природы человѣка, но только измѣняетъ ея законы. Въ-самомъ-дѣль, общественное развитие общественной жизни, развиваются явленія, незамѣчаемыя въ природѣ человѣка отдельно взятаго. И потому «фізіология индивидуальная», т. е. наука о жизни человѣка - индивидуума, начинавшася тамъ, где кончилась фізіология растѣній и животныхъ, даетъ сама начало фізіологии общественной. — наукѣ, имѣющей предметомъ высшія формы жизни общественной, самой многосложной, наименѣе-точной, наиболѣе-зависимой и между-тѣмъ соверше-нѣйшей. Эта многосложность услов-ливаетъ ея зависимость и вмѣстѣ красо-ту, ибо высшая красота состоить въ сильнѣйшемъ проявленіи жизни, въ наибольшей полнотѣ дѣйствительности... Будущность ждетъ великихъ от-кровеній отъ естественныхъ наукъ. Кто знаетъ? Если въ семействахъ человѣческаго организма хранится опре-дѣленіе дѣятельности каждого человѣка, если имъ ограничивается то, на

что она способна или къ чему неспособна; то физиология общественная, изучивъ законы развитія народовъ—этихъ общественныхъ организмовъ—научить опредѣлять роль каждого народа въ развитіи человѣчества. И то, что мы теперь несправедливо называемъ судьбою народа, точно такъ же, какъ есть у насъ судьба отдельныхъ лицъ — то самое окажется естественнымъ, незвѣжнымъ следствіемъ народныхъ организмовъ, результатомъ данныхъ, тѣхъ или другихъ стихій, вложенныхъ природою въ народы. Тогда объяснится какъ-нельзя лучше медленное развитіе однихъ, быстрое совершенствованіе другихъ... Исторія привыкаетъ въ соображеніе известныхъ условій народного развитія: необходимо принять ей и условія народа органическія, чтобы ходъ развитія обозначился еще яснѣ, оцѣнился еще беспристрастнѣе. Серръ, французскій физиологъ, взглянуль, уже съ этой точки зрѣнія на семейства человѣческія, въ прекрасной статьѣ своей того же имени (переведенной въ русскихъ журналахъ). — Успѣхи физиологии, съ одной стороны, заходятъ у насъ сочувствіе въ известномъ кругу образованаго общества, чѣмъ доказывается въ немалой мѣрѣ статьяни, помѣщаемыи въ журналахъ, съ другой — встречаютъ противодѣйствіе, которыи обнаруживаются еще болѣе сила произведения дѣйствія...

Стремленіе жизни къ дѣйствительности увлекаетъ за собой и искусство. Позавѣтнаго отцаѣтъ, и новое время приводитъ съ собою новыя пѣсни. Извѣстное понятіе объ изящномъ соотвѣтствуетъ изѣстному міросозерцанію, къ которому пришло человѣчество въ своемъ позднѣйшемъ развитіи. Съ измѣненіемъ народныхъ чувствъ, народнаго образа мыслей, измѣняется и поэзія. Поэтъ, какъ и всякий человѣкъ, не можетъ жить жизнью другой эпохи. Если онъ выражаетъ прошедшее, то это выраженіе не что иное, какъ копія выраженнаго; плодъ его творчества—подражаніе искусству, от-

жившему свой вѣкъ, не больше. Дѣйствительно, въ новейшіи всѣхъ временъ и народовъ надобно разлачать двѣ стороны: общечеловѣческую и частную, или современную. Одна воспроизводить дѣйствительность въ общемъ смыслѣ, изображаетъ жизнь въ общемъ ея значеніи; другая воспроизводитъ дѣйствительность текущей эпохи, изображаетъ жизнь современную. Капыбы мы ни уважали первую заѣртъ и силу изображеній, но преимущественно сочувствуемъ второй. Поэтому быть, безъ сомнѣнія, полное право почерпать свое вдохновеніе исходу, гдѣ ни остановится его творческія способность, но особенно должно его занимать чувство современности, взаимоѣніе на жизнь его эпохи, стремленія общества, посреди котораго живетъ онъ. Въ современности его исходная точка и цѣль...

Мы сказали, что характеристическія принадлежность нашего времени—направленіе къ дѣйствительности въ общественности. Въ-силу этого и поэзія, какъ воспроизведеніе жизни, изображаетъ современную эпоху съ двухъ сторонъ: со стороны ея стремленій къ реальнымъ благамъ жизни и со стороны ея стремленій къ общественности. Такъ и выходить на самомъ дѣлѣ. Первоклассные романисты нашего времени какъ-нельзя-больше современныихъ романовъ, по всей справедливости, носятъ название «соціальныхъ», хотя въ этомъ общемъ направлениѣ легко подмѣтить отг҃тки и степени. Изображаетъ ли Жоржъ Зандъ, въ формѣ романа, общественную утопію, какъ иллюзія будущаго совершенійшаго устройства человѣческихъ отношеній, представляя ли Эженъ Сю недостатки общества въ текущій моментъ, смытъ ли Диккенсъ надъ искашеніемъ чистой природы, порожденными неправильными движеніями общественныихъ дѣлъ, или рисуетъ красоту природы венскаженої—и этотъ идеалъ общественного устройства, сказавшіяся такъ или иначе, предчувствіемъ или сильнымъ желаніемъ въ сердцахъ вс-

многихъ, и по возможности сформулированный въ науку, и это намѣреніе поднять вопросъ, выставить напоказъ болѣзнь общества, имѣютъ цѣль одну—соціальность. Развинца въ томъ, что одинъ останавливается на представлѣніи недостатковъ, другой идетъ отъ нихъ къ представлению лучшаго. Потребность совершенствованія, мысль о томъ, въ какомъ видѣ должно явиться совершенійшее, принадлежать къ дѣйствительности, потому что существуютъ въ кругу избранныхъ. Къ Жоржу Занду прилагается именно то раздѣленіе поэтическихъ личностей, о которомъ упомянули мы въ началѣ статьи: въ избѣгавшихъ своихъ произведеніяхъ, она есть поэтъ благородѣйшихъ стремлений къ лучшему будущему, тогда какъ въ другихъ выражаетъ уже осуществленное въ жизни, исполненное обществомъ.

Гервинусъ заключаетъ свою «Исторію Литературы» тою же мыслью. По его мнѣнію, общественный бытъ, государственная жизнь должны служить единственнымъ содержаніемъ новой поэзіи; всякая другая поэзія, въ настоящее время, анахронизмъ, цѣлѣтъ отцѣтый: она—недостойное чтеніе зрѣлому духу. Авторъ говоритъ: кто хочетъ быть великимъ поэтомъ, тотъ долженъ быть прежде великимъ характеромъ. Такой человѣкъ не пойдетъ по дорогѣ, избранной тѣми поэтами, которые, уклонившись отъ борьбы съ общественными условіями цѣлаго, обратили ее противъ вѣщниковъ препятствій, ушли въ маленькие подземные каналы общественной и частной жизни. Истинный талантъ не найдетъ вѣдь больше достойного себѣ предмета. Въ прошломъ столѣтіи, человѣкъ независимаго духа оскорблѣемъ былъ на каждомъ шагу обычаями и правилами жизни, и, оскорблѣнныи, поднималъ тревогу; въ наше время, власть приличий, жеманство, принужденность изгнаны изъ частной жизни, такъ-что гений и энергія ни мало не стѣснены съ этой стороны. Только жизнь государственная, общественная вызываетъ въ Европѣ на

дѣло... Гёте еще въ юности чувствовалъ, что недостатокъ жизни политической обезсиливаетъ литературу, ибо только тамъ, гдѣ поэзія выходитъ на широкую площадь жизни, гдѣ она беретъ своимъ предметомъ самое великое, гдѣ она вступаетъ въ союзъ съ общественнымъ бытомъ, соперничаетъ съ самою жизнью, тамъ только отдѣляется пшеница отъ пшеницы, и между темъ, какъ убогій талантъ идетъ подъ однѣмъ бременемъ съ истиннымъ гениемъ—при нормальномъ устройствѣ общества отрывается нормальный путь течеія, и сила сама-собою отдѣляется отъ безсилія... Даже и въ старости, Гёте не отступилъ отъ своего мнѣнія, только не хотѣлъ онъ пожелать обществу того устройства, которое могло бы подарить его классическими произведеніями. Каковы бы ни были тѣ средства, которыя потребны для достижения желанной цѣли, только на томъ пути, которымъ шла прежняя поэзія, ни эта цѣль, ни эти средства не могутъ быть достигнуты; не приведутъ къ нимъ ни прежнія сказочки съ ихъ наивною веселостью, ни старыя и новые поэмы съ ихъ болѣзненной унылостью. Въ заключеніе, Гервинусъ говоритъ: «сколько мы понимаемъ мысль вѣка, мы желали бы, чтобы кончилось наконецъ это раздробленіе общественной дѣйствительности, и вся она нашлаась въ той точкѣ, куда очевидно устремлены самыя горячія жедакія. Искусство совершило свой подвигъ: теперь должно поставить себѣ другую цѣль, въ которую еще не попадалъ у насъ ни одинъ стрѣлокъ, и да подастъ намъ Аполлонъ и заѣдь такую же славу, въ которой не отказалъ онъ тамъ!»

Наша литература (разумѣемъ ея лучшія явленія) тоже отражаетъ въ себѣ характеръ эпохи. Со временемъ Гоголя, котораго, по всей справедливости, можно назвать «великимъ живописцемъ и вѣдѣ строгимъ судьею дѣйствительности», романъ вышелъ на новую дорогу и не хочетъ оставить ее. Мы не строимъ больше воздушныхъ замковъ, не претендуемъ

на изображение идеальной, то есть, небывалой жизни, но сошли въ воспроизведенію страстей дѣятельныхъ. Предметомъ нашаъ повѣстей сдѣлались горе и радости людей невымышленныхъ, которые живутъ имѣтъ съ нами и на которыхъ разнодушно смотрѣло прежнее, романтическое и классическое, искусство, устроимая свои взоры въ туманную даль, или прогуливаясь подъ небомъ Аттики. Название «натуральной школы» должно остаться по праву за господствующимъ направлениемъ современной литературы. Тотъ, кто окрестьялъ ее такимъ именемъ, конечно, и не думалъ, что онъ безсознательно скажетъ ей самую лучшую похвалу и самое строгое осужденіе противоположному направлению литературы. Судьба возвѣщаетъ иногда истину веринными устами!.. Огнительные свойства этой школы—натуральность и возврѣтие на предметы со стороны общественной жизни. Сильна сказавшаяся потребность послѣдней заставила подвергнуть анализу элементы современной жизни. Въ-сдѣствіе этого, вымышенныя лица повѣствовавшій служить представителями сословій, образами различныхъ общественныхъ рядовъ: посредствомъ первыхъ читатель узнаѣтъ взаимныя отношенія послѣднихъ. Такъ Записками Охотника г. Тургеневъ знакомитъ насъ съ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ помѣщикамъ. Натуральная школа не пренебрегаетъ ни однинъ сословіемъ общества, ни одною степенью или видомъ жизни сословій, хотя, подчиняясь истинно-человѣческому духу времени, клонится преимущественно въ сторонѣ бѣдныхъ классовъ народа — и сочувствіе публики оправдываетъ ея наклонность: повѣсти г. Григоровича: *Даренія* и *Антонъ Горемыка* прочтены были съ большимъ интересомъ. Такъ-какъ она рассматриваетъ избранный предметъ не съ точки простаго любопытства, не съ эстетической только стороны, а изъ видовъ общаго устройства, то въ каждомъ ея

произведеніи — если оно написано подъ вліяніемъ серьёзной мысли — непремѣнно присутствуетъ нравственна тенденція, которая обнаруживается часто раскрытымъ болѣзнью современной жизни, обнаруживаемъ честного положенія тѣхъ или другихъ состояній. При этомъ можетъ, конечно, школа впадать въ односторонность, занятая исключительно и душевно сюжетомъ; но эта односторонность есть неизбѣжное сдѣствіе каждого нового стремленія литературы — а что неизбѣжно, тѣ не подлежитъ осужденію. Говорить также, что подобное направление вредитъ чисто-эстетической сторонѣ изящныхъ созданий; во что же дѣлать, когда теперь искусство, въ второмъ планѣ, даже въ тылу самаго искусства? Когда оно, во словахъ германскаго историка литературы, совершило свой подвигъ, взявшисъ самому себѣ перешло въ тылъ другимъ предисторіямъ? Мы прибавимъ къ этому еще замѣчаніе, съ которымъ, конечно, не все согласятся, именно, въ наше время не кゝжеть я существовать чисто-объективнаго произведения поэтическаго — такого возсоздавшаго чистоты, которое было бы совершилно отрѣшено отъ личности поэта. До-того искусство сдѣлалось служебнымъ предметомъ для другихъ цѣлей; до-того эти цѣли ставятся выше художественныхъ образовъ, до-того современность занята увлекающими ее дѣломъ, что неизбѣжны личны возврѣтия автора, который выражаетъ ихъ то въ лирическихъ выходкахъ, то въ дидактизмѣ... Публика не только интересуется съ нарушеніемъ объективности, но и смотритъ на это какъ на обычную принадлежность новаго, особенно современного направления искусства: ибо самые строгіе пѣнители и суды изящнаго — прежде всего горячіе поборники идей, движущихъ общество, ибо трудно оставаться въ спокойномъ совершенствованіи расположениіи духа при глубокой симпатіи къ интересамъ для всѣхъ вопросамъ, — и центральный поэтическаго творчества возникъ

граждается избыткомъ сочувствія къ человѣчеству.

Что дѣлаетъ критика при такомъ движеньи ума? Конечно, не остается праздною или неподвижною. Она измѣняетъ свою точку зренія сообразно общему повороту, объявляетъ новые поводы къ своему расположению или непріязни. Замѣчательно, что послѣдній періодъ нашей литературы, извѣстный подъ именемъ «пушкинского», отличается двумя характеристическими чертами: сильнымъ развитіемъ поэзіи и сильнымъ развитіемъ критики, особенно въ послѣдніе годы (*). Но въ этой быстро-поднявшейся, хотя и молодой новремени критикѣ, легко уже подметить періоды возрастанія, степени успѣха. Теперь съ чисто-естетической арены она ступила на другія пространства, не стѣсняясь одною сферой художественного творчества, но имѣя дѣло съ цѣлью твореніемъ жизни. Она вымѣнила себѣ въ обязанность смотрѣть за произведеніемъ словесный съ той стороны, которую они соприкасаются съ общественнымъ бытомъ. Ея цѣль—оцѣнить литературу дѣятельность въ-отношеніи къ общественнымъ вопросамъ. Такій критикомъ явился у насъ преимущественно В. Н. Майковъ, быстро заслужившій извѣстность и, къ общему сожалѣнію, умершій въ цѣнѣущей порѣ юности. Для примѣра укажемъ на его статью о «Романахъ Вальтера Скотта» («Отечество. Записки, 1847 г.»): въ ней идетъ дѣло не объ одномъ уже эстетическомъ значеніи романовъ британскаго поэта, не объ одномъ также вѣрномъ воспроизведеніи исторіи, но объ идеѣ общественнаго устройства, которую проникнуть былъ шотландскій романистъ и которая опредѣлила его убѣждѣнія.

Новая критика подвергаетъ и старыя, извѣстныя произведенія новому анализу. При изданіи «Полнаго Собрания Сочиненій Крылова», въ «Санкт-

петербургскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана была замѣчательная статья В. С. Порошина, который, говоря о басняхъ, коснулся еще петронутаго у насъ предмета — обращенія съ животными. Предметъ действительно важный и современный. Устроившая нормальную отношенія между людьми, человѣкъ хочетъ опредѣлить и законную основу для своихъ отношеній къ писаннымъ существамъ. Прекрасную статью свою: «Будущность Животныхъ», А. Эскиро, французскій ученый заключаетъ темъ, что изреченіе древнаго поэта «я человѣкъ, и мнѣ не чуждо ничто человѣческое», не вполнѣ обнимаетъ кругъ нашей дѣятельности, не совершенно исчерпываетъ силу нашей любви. Отъ человѣка мы должны перейти ко всѣмъ созданіямъ и сказать: «а тварь — и мнѣ не чуждо ничто сотворенное». Въ дополненіе къ статьямъ г. Порошина и Эскира, не мѣшасть поставить на видъ журнальные толки объ обращеніи съ животными: они могли достигнуть смѣшнаго въ крайностяхъ, но источникъ ихъ не смѣшонъ. Желали бы мы, чтобы не однѣ басни Крылова, но и всѣ его сочиненія были разсмотрѣны критикой со стороны новыхъ интересовъ общества и современныхъ вопросовъ (*): анализъ вышелъ бы любопытный. Изъ него открылось бы, что многіе враги, противъ которыхъ вооружался нашъ, въ послѣдствіи беспечный, сатирикъ, давно уже вымерли, что новому сатирику приходится воевать съ другими, можетъ-быть, противоположными настасями, и что, если басня заклеймила нозоромъ того, кто не перестанетъ воровать, хоть дай ему миллионъ, то поэма написала апологію «пріобрѣтателя», которому, какъ и всякому здравому человѣку, хочется жить и который боится несостоительности своего состоянія, необеспеченности своей судьбы. Критика сдѣлалась теперь су-

(*) Мы подраздѣляемъ пушкинскій періодъ на два отдѣла: второй начинается Гоголемъ.

(*) Постараемся въ непродолжительномъ времени сдѣлать опытъ такого разбора.

ищественною частью журнала и любимию членами тѣхъ читателей, которые читаютъ не для одного превращенія времени. Такъ-какъ современные отъ нея требованія обозначились ясно, то вновь-появляющіеся или реставрированные журналы настраиваютъ свои сужденія на принятый прежде имъ тонъ...

Когда умы заняты ближайшими предметами, тогда они отвлекаются отъ предметовъ прошедшихъ, занимавшихъ прежнее общество. При извѣстной настроенности, или, вѣрѣю сказать, вѣрности мысли, недавно-бывшее становится отдаленнымъ и не совсѣмъ-старое довольно-устарѣлымъ. Не то, чтобы она забывала величие умершаго, но у нея есть своя мѣрка величиа и свое, быть-можетъ, болѣе-великое. Такъ, напримѣръ, смѣшино Французамъ, въ ихъ восторгѣ позложени, при вопросахъ, теперь ихъ занимающихъ, восторгаться побѣдами Наполеона и ставить его идеаломъ государства-могущества. Точно также было бы неприлично современнѣй критикѣ погружаться въ оценку эстетическихъ красотъ Пушкина по-мнѣю идеи идѣй, которымъ служилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Трудъ вышелъ бы не ко времени. Да и раскрытие этихъ идей имѣло бы теперь только «относительную» важность: оно указало бы ихъ согласіе или несогласіе съ идеями современными. Вотъ почему несправедливы тѣ упреки, которые дѣлались статьямъ о Пушкинѣ, помѣщеннымъ въ нашемъ журналь, и которые заключались въ томъ, что о Пушкинѣ говорится въ нихъ меньше, нежели о другихъ предметахъ. Именно такъ: эти такъ-называемые посторонніе предметы теперь важнѣе самого Пушкина... Право, мы идемъ быстро и ушли уже далеко. Нельзя не замѣтить нашихъ успѣховъ.

При сильномъ голосѣ современныхъ требованій, занятія отечественною исторіей становятся больше, чѣмъ когда-либо обязательными и важными. Исторія наша вступила теперь въ третій

періодъ своего развитія. Первый былъ періодомъ противонатурального воззрѣнія, когда факты и взглядъ на нихъ противорѣчили другъ другу. Факты принадлежали вамиъ, а взглядъ, существовавший у западно-европейскихъ историковъ, прилагался къ нимъ на-силственno, и одинъ только гений Карамзина могъ скрыть на-время это неестественное соединеніе несомнѣнныхъ предметовъ. Все, сказанное историкомъ о нашей жизни, могло бы въ такой же мѣрѣ оказаться о жизни другихъ государствъ; особенности народного развитія замѣнились сектен-ціями о развитіи народовъ вообще, и потому, имѣя «Исторію Государства Россійскаго», мы не имѣли возможно-сти понимать нашу исторію, разутьше наше прошедшее. Второй періодъ от-личался направлениемъ критическихъ, которое, мало-по-малу уничтожая пре-вратныя понятія о русской исторіи, привело ее къ естественнымъ раз-рамъ, къ возврѣнію дѣйствительному. Характеръ треть资料, современного на-мъ періода, состоять въ существен-номъ, живомъ пониманіи нашей исто-рии, которое столько же далеко отъ преувеличеній прошедшаго, изведен-ныхъ Карамзиномъ, сколько и отъ со-мѣнія въ истинности источниковъ, по-ставленного Каченовскимъ. Открытие и разработка многихъ историческихъ матеріаловъ, строгое изученіе факти-ческой части идетъ рѣломъ съ общими началами. Съ одной стороны, дѣй-ствительное состояніе нашего государ-ства выводится изъ самихъ источни-ковъ, слѣдовательно, освобождено отъ всего преувеличеннаго, фантастиче-скаго, идеальнаго; съ другой — такъ-какъ законъ человѣческой природы одинаковъ для всѣхъ людей и, слѣдо-вательно, въ развитіи каждого народа, при всемъ различіи физиологическихъ, географическихъ и историческихъ ус-ловій, является общее, всему человѣ-честву свойственное — современный историческій изслѣдований исходитъ изъ общихъ началъ, которыхъ, служа-ніи основой, не искажаютъ факты,

потому-что не прилагаются къ фактамъ извѣтіи, насильственно и произвольно. Отъ-того, содержаніе историческихъ сочиненій запечатлѣно положительностью, дѣйствительностью, къ которой стремится теперь всѣ науки, тяготѣть всякая жизнь. Таковы труды профессоровъ Московскаго Университета, С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Однѣиъ своими диссертациами: *Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ* и *Исторія отношений между Русскими Князьями Рюрикова дома*, другой учеными и критическими статьями въ журналахъ (въ томъ числѣ и въ «Отечественныхъ Запискахъ») положили коренное преобразованіе исторической литературы, открывая новыя давныя, поставляя вопросы совершенно-иначе, нежели прежде, разрѣша причины, создавшія государство, и указывая по-чому государство пріяло такой, а не иной характеръ.

При взглядѣ на прошедшее, подъ руководствомъ вѣро-понятыхъ фактовъ и общихъ началъ, когда оно представлется намъ въ дѣйствительномъ своемъ видѣ — предстаѣтъ вмѣстѣ и колоссальная фигура преобразователя Россіи, которого дѣйствія велики, съ какой стороны на нихъ ни взглянешь: со стороны ли прошедшаго Россіи, которое показываетъ необходимость совершенной вмѣ реформы, со стороны ли современныхъ требованій, осуществленію которыхъ онъ открылъ пространное поприще, со стороны ли будущаго нашего величія, которое всѣми своими отраслями выйдетъ изъ корня реформы. Но есть другая историческая школа, сначала много говорившая, а теперь уже неслышная, которая отдѣляетъ Славянъ отъ остальныхъ народовъ и такимъ-образомъ уничтожаетъ единство человѣческой природы. Она тоже полагаетъ необходимыя условіемъ фактическое изученіе исторіи; но, предполагая фактамъ задушевную мысль — преувеличенное значеніе до-петровой Россіи, она тѣмъ самымъ уничтожаетъ дѣйствительную иtru событий, искажаетъ смыслъ исто-

рія. Въ примѣръ исторического изданія или, лучше, искаженія, съ точкою зрения фантастической, укажемъ на статьи г. Хомякова: *Федоръ Иоаничъ* и *Иоаннъ Грозный*. — Кроме внутреннаго мѣрила, есть виѣшай критеріумъ истинности или ложности какогонибудь ученія. Публику обаять трудно. Сознательно или бессознательно, она ведетъ въ ту сторону, куда влечетъ ее сила живой доктрины, духъ времени. Мертвое не возбуждается ея участія. Гдѣ же, скажите, то сочувствіе, которымъ могла бы похвалиться школа славянской исключительности? въ какихъ словахъ ея вліяніе? на какомъ пункте она одержала победу... *Московскій Сборникъ*, проникнутый отжившими идеями, столько же скучный, сколько огромный, рѣщительно не имѣть хода: его иди не читали, или, прочитавъ, смыались. Особенно посыпались надъ нимъ двѣ критические статьи «Сына Отечества», которые, подобно оазису въ пустынѣ, составляютъ счастливое исключение въ содержаніи этого журнала. Должно думать, что исключительные доктрины влѣдѣютъ особымъ способомъ выражать свое вліяніе: они и мертвое возбуждаютъ гальванически — на живую, а прозрачныя жизни. «Магъ», бывшій представитель указанной выше доктрины въ самомъ преувеличенномъ видѣ, умеръ. «Москвитинъ» изъ 12 книжекъ перешелъ сперва въ 12 номеровъ (что совсѣмъ не одно и то же, какъ известно подписаніемъ этого журнала), потомъ изъ 12 номеровъ въ 4 книжки (изъ которыхъ одной еще не выдано); наконецъ, обѣщаеть въ выйшемъ году обновиться, т. е. возмодѣтъ снова, не бывъ никогда молдымъ... Странная участъ всѣхъ органовъ того ученія, которое противъ современныхъ требованій! Отъ-чего же это? Почему оно не живуще? Почему не отдаются ему люди съ талантами, а увлекаются иль преимущественно такъ-называемые приверженцы буквы? Отъ-чего не вдохновить оно ни одного поэта, не скажется иль

однимъ важнымъ произведениемъ науки? — Отъ-того, что люди вообще, и таланты въ-особенности, любятъ живую современность и бѣгутъ прочь отъ прошлого и отсталаго...

Усиленное дѣйствіе ученыхъ обществъ (особенно Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ, и Географическаго) указываетъ также на характеръ современности. Общая извѣстность современнаго въ наукѣ становится болѣе-и-болѣе настоятельную потребностью не только для посвящившихъ себя наукѣ, но и для всей публики: отсюда важное значеніе публичныхъ лекцій, число и вліяніе которыхъ увеличиваются съ каждымъ годомъ. — Самый характеръ ученой дѣятельности измѣнился во многомъ, сообразно современнымъ требованіямъ отъ знанія. Сколько, съ одной стороны, неприлична, даже вредна тупая преданность одному предмету, оторванная отъ всѣхъ прочихъ интересовъ, незаправленная энциклопедическими свѣдѣніями, столько же, съ другой стороны, неприличенъ и запасъ общихъ знаній, приобрѣтенный только изъ любви къ знанію, но чуждый приложенія къ жизни, отвлеченный отъ дѣйствительнаго участія въ общественномъ бытѣ. Специализмъ и дилеттантизмъ въ наукѣ равнѣ достойны не-почтенія: одинъ дѣлаетъ ученость тупою, другою—легкою. Оба они безчувственны къ истиннымъ пользамъ міра. Современность требуетъ, чтобы ученый, изъ лушшаго, огражденнаго отъ общества плотными стѣнами кабинета, вышелъ изъ шумного покрища жизни—участвовать въ ней и помогать жизни другихъ...

Этимъ оканчиваемъ мы первый, общий отдѣлъ нашего обзора. Второй, частный, посвящаемъ обзору замѣчательныхъ произведеній русской литературы, появившихся въ прошломъ году. Въ суждениі о нихъ, мы будемъ руководствоваться тѣми основаніями, которыя изложили выше.

Новый 1847-й годъ открылся двумя замѣчательными событиями въ литературномъ мірѣ: сочиненіемъ Гоголя *Выбраннаго художника изъ переписки съ друзьями*, и восстаніемъ за него всѣхъ почти журналовъ. Трудно сказать, который изъ этихъ фактозъ важнѣе. По крайней-мѣрѣ, ясно, что поэзійный столько же обрадовалъ истинно-просвѣщенную публику, сколько первый огорчилъ ее. Въ елизавѣтиномъ отзывѣ periodическихъ издаваній мы увидѣли не случайное согласіе вкусовъ, а единство литературнаго направления: не мелкое чувство зависти или презрѣнія ополчило икъ на поэта, а любовь къ идеѣ, оскорблennой поэтической личностью.

Въ-самомъ-дѣлѣ, книга Гоголя не-пріятно поразила всѣхъ мыслящихъ. Высокій живописецъ природы и характеровъ вздумалъ поучать, и замѣнѣвъ своихъ уроковъ выбралъ такіе идеи, которые, при господствующемъ направлѣніи вѣка, не могли возбудить ни малѣшаго сочувствія въ кругу людей образованныхъ. Дидактика началь прославлять то самое, чѣмъ прежде поражалъ какъ художникъ. Для такихъ превращеній нуженъ второй Овидій... Новою книгою, авторъ «Мертвыхъ Душъ» завербовала себѣ особенный кругъ читателей—тѣхъ именно, которые смотрѣли на прежнія его произведенія, какъ на грѣховыя четы праздной фантазіи, которые могли читавшіе назидательное и пропагандирующее слово поучительное высокой простотѣ истинно-поэтическѣй изображеній. Впрочемъ, не только въ изсѣкѣ публики, но и въ кругу литераторовъ оказались мнѣнія разнѣчные, даже противодоложныя. Поэты болѣні, говорили одни; неправда, возражали другіе: онъ никогда не былъ тѣль здоровъ. Авторъ «Мертвыхъ Душъ» умеръ, слышалось съ одной стороны: напротивъ, отвѣчала другая сторона: онъ воскресъ, и его внутреннее восстаніе таинственно соединяется съ идеями другаго поэта (Н. М. Языкова). Le poète est mort, vive le

роѣте^(*)! Между различными отзывами, Гоголь встрѣтилъ такую похвалу, которая, безъ-сомнѣнія, наградила его достоинство за его отступничество отъ прежней дѣятельности. «Новое произведение Гоголя», сказано было въ одной газетѣ: «истинное торжество для ея издателей». Этотъ отзыв напомнилъ намъ дохотопную мораль азбуки: ии одинъ хороший поступокъ не остается безъ награжденія...

Возвращаемся къ недовольству критики, которое, по нашему убѣжденію, есть замѣтательно-отрадный фактъ. Дѣйствительно, что вооружило ее? Пoэтическій талантъ автора ярко выдается и въ новомъ произведении. Вооружило направление, противное современности. И вотъ, несмотря на то уваженіе, которымъ авторъ пользуется за свое поэтическое творчество, несмотря на всѣ похвалы, которыя расточались ему заслуженно тѣми же лицами, въ тѣхъ же журналахъ, эти лица въ журналы вооружились противъ его книги, какъ противъ учения, противорѣчащаго цивилизациѣ. Уваженіе къ даровитой личности уступило место уваженію къ идеѣ, потому-что эта личность уважалась нами, какъ живой органъ извѣстныхъ идей. Намъ дорогъ талантъ, но дороже благое направление его дѣятельности. Теперь никто уже не будетъ любоваться на дары разумной природы отвлеченно отъ ихъ употребленія въ ту или другую сторону. Чисто-естетическое удовольствие сифилилось понятіемъ о пользѣ, приносимой человѣкомъ, приложениемъ данныхъ къ служенію общественному.

Но если недовольство критики имѣетъ источникомъ защиту идеи отъ посагательствъ на нее сильной личности; если самое ожесточеніе недовольныхъ вытекаетъ изъ того же источника — значитъ, идея считается драгоценной.

ныть дріобѣтеніемъ: она проникаетъ жизнь и управляетъ ею. Мы не разстаемся или разстаемся трудно съ тѣмъ, чѣмъ видимъ лучшее богатство и надежды. Мнѣніемъ, взятымъ безъ внутренняго участія, пожертвовать было бы легко. Вотъ въ какомъ смыслѣ несисходительный приемъ писемъ Гоголя есть фактъ весьма-замѣтательный: онъ показываетъ, что литературные мнѣнія управляются у насъ извѣстными идеями, благоприятствующими цивилизациѣ...

Сверхъ-того, значеніе Гоголя, его вѣсь въ литературѣ увеличивали силу того несогласного съ современными идеями вѣянія, которое книга могла промзвести на публику: это опасеніе заставило критиковъ быть еще строже къ автору. Потомъ, жалко было видѣть въ такомъ лицѣ, какъ Гоголь, уклоненіе въ ту сторону, где появляется всякая личность, при всей искренности убѣжденія, и понижается еще больше, если убѣжденіе притворно. Наконецъ, анти-современное ученіе грѣшило противъ логической постройки: въ немъ не было послѣдовательности, согласія выводовъ съ основами, крѣпкаго единства въ цѣломъ, общности взгляда. Оно исполнено противорѣчій, часто смѣшныхъ, явныхъ для всякаго...

Результатомъ всего этого было то, что большинство публики оказалось на сторонѣ Гоголя. Книга расходилась много хуже его поэтическихъ произведеній. Читатели втайне говорили ему словами извѣстной плиграции: «И, бабушка! затѣяла пустое: до кончи лучше вань». Мертвые Души».

Непредвидѣнное дѣйствіе Гоголя вызвало энергическое противодѣйствіе. Извѣстныхъ критическихъ отзывовъ о его книгѣ первое мѣсто безспорно принадлежитъ отзыву г. Павлова (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»). Его три письма къ Гоголю — образецъ критики чрезвычайно-умной, острой, полтеровски-вой. Не знаешь, почему авторъ прервалъ рядъ своихъ писемъ, которыхъ читались всѣми съ истин-

(*) См. статью кнзя Вяземскаго въ №№ 90 и 91-й «Санктпетербургскаго Вѣдомостей».

мыть удовольствиемъ. Иль ибчего было бояться заиздадости: они составляютъ капитальную статью литературы безъ отношенія къ предмету, ихъ вызвавшему; они сами по себѣ сочиненіе. Критикъ поражаетъ автора его же собственнымъ оружіемъ. Ставъ на ту же точку зрения, съ которой Гоголь смотритъ на міръ, критикъ показалъ ясно, что авторъ «Выбранныхъ» есть неъ иерописанъ съ друзьями, неъ соизбѣнъ понимаетъ сущность той доктрины, которой вѣялся служить. Отсюда противорѣчія между мнѣніемъ автора и начальникомъ ученика, отъ имени которого онъ говорить; отсюда противорѣчія однихъ писемъ другимъ, одниѣиѣсть письма другимъ иѣстамъ того же письма; отсюда, наконецъ, страннѣе — если не больше — выходки, несрѣдственно поражающія каждого, у кого-есть мало-нальскій природная логика. Женщина о семи кучкахъ, какъ пасаль-семейственаго устройства финансова, и конѣцкъ, который, привесивъ преорѣбіи къ деньгамъ, становится Кровомъ, вошли чуть-чуть не въ ноговорку.

Основаніе критики, выбранное г. Павловымъ, въ настоящемъ случаѣ есть не только лучшее, но и единственное-нужное и возможное... Но если г. Павловъ поразилъ Гоголя, ставъ на его точку зрения, то другой, болѣе-оборотливый дialectикъ, поразитъ г. Павлова, съ той же точкой зрения, или свидѣтельствуясь какими-нибудь авторитетами, или опирась на какія-нибудь таинственные непредожности, или, наконецъ, выводя изъ ипотезъ такія заключенія, которыхъ трудно было предлагатъ въ нихъ. Вотъ, въ чёмъ неудовлетворительная сторона критики г. Павлова!

Кромѣ книги Гоголя, ничего особен-но-замѣчательнаго въ чисто-литературномъ отношеніи не явилось въ отдѣльныхъ книгахъ прошлыхъ годовъ, если не считать новыхъ изданий прежнихъ литераторовъ, о чёмъ будемъ говорить ниже. Новые имена и новые белье-тиристическая произведенія печатались

въ періодическихъ изданіяхъ. Журналы (мы разумѣемъ очень-немногое) захватили на свои страницы всю почту литературу. Пусть возрастаетъ кто хочетъ противъ сильно-развившейся журнальной дѣятельности; но публика, для которой не существуетъ прежнаго раздѣленія литературныхъ трудовъ на книги и журналы, понимаетъ дѣло по-своему. Она съ большинъ удовольствіемъ подписывается на журналы. Поэтому, наша обязанность — выскажать свое мнѣніе о замѣчательнѣхъ романахъ и поэмыахъ, которые помѣщены были въ журналахъ, и изъ которыхъ ціые отпечатаны потому особенно.

Прежде всего скажемъ о романѣ г. Гончарова: *Обыкновенная Исторія*. Никакое, и романъ возбудилъ говоръ. Въ произведеніи талантливаго автора, какъ и во всякомъ поэтическомъ произведеніи, отличимъ идею отъ формы.

Начнемъ съ первой. Мысль автора — противопоставить два направления жизни: романтическое (въ лице Александра Федорыча) и практическое (въ лице его дяди, Петра Иваныча). Не смотря на преобладавшее въ повѣсти этическаго характера, при которомъ авторъ могъ бы, кажется, оставаться лицомъ совершенно-постороннимъ, чуждымъ участія въ созданіи и въ событий, иногда тонъ разсказа, а чадце подборъ обстоятельствъ явно показываютъ, что онъ склоняется на сторону Петра Иваныча и враждуетъ Александру Федорычу. Что жъ понравилось ему особенно въ холодной, эгоистической положительности петербургскаго жителя, и что не понравилось въ повѣденіи романтика? Всѣ дѣйствія Петра Иваныча заключены въ предѣлахъ разсудочности: онъ даже не слышитъ слѣдиться широкимъ себялюбцемъ — эгоизмъ его узокъ. Напрасно хвалится онъ передъ землянникомъ, что онъ слѣдить за современными вопросами и читаетъ постоянно три-четыре иностранные журналы: къ чему привело это это чтеніе? Къ безсилію освятить ежедневные хлопоты какимъ-нибудь широкимъ замы-

сломъ, поставить впереди коммерческихъ расчетовъ достойную цѣль жизни! Избави Богъ проводить время съ Александромъ Федорычентъ: овъ скученъ своимъ упорнымъ романтизмомъ; но еще больше избави Богъ быть компанийономъ практическаго Петра Иваныча: онъ отталкиваетъ своихъ, лишенныхъ цѣли эгоизомъ, свою честолюбивою положительностью, которая ничего не полагаетъ, кроме денегъ въ ломбардъ. Жена романтика найдетъ своего мужа несносныиъ, приторныиъ; разлюбить его, измѣнить ему: въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды. Жена Петра Иваныча заахла, что весьма естественно, ибо чахнетъ живущее подъ узкаго эгоизма и холодной положительности, которой позволено существовать на свѣтѣ подъ одинакъ только условиемъ—какъ противоположному полюсу романтизма, доходящаго въ инербологическомъ развитіи до чрезвычайно-смѣшнаго. Нѣтъ, пустъ при людяхъ останется романтизмъ, если ужъ онъ необходимъ долженъ переходить въ такое дѣловое направлениe, какова положительность Петра Иваныча!

Не знаемъ, почему авторъ, владѣя несомнѣнныиъ талантомъ, не хотѣлъ изобразить романтизмъ въ его не-инербологическомъ развитіи и положительность въ ее разумномъ стремлени. Все естественное — право, все разумное хорошо. Развѣ онъ боялся, что его исторію назовутъ «необыкновенною», и действующія лица отнесутъ къ исключеніямъ? Пусть такъ: необыкновенное, т. е. болѣе-рѣдкое, чѣмъ какая-нибудь пошлость, можетъ также служить содержаніемъ поэтическаго представленія. Если жъ онъ скажетъ просто (а онъ сказать это въ правѣ): «я не хотѣлъ», то въ такомъ случаѣ мы попросили бы его ограничить название своей поэзіи прибавкою иѣкоторыхъ признаковъ, опредѣляющихъ иѣсто, время и другія обстоятельства. Пусть, вѣ-принѣръ, это будетъ: «обыкновенная исторія грачевскихъ романтиковъ въ петербургскихъ положительныхъ

людей». Мы уѣрены, что въ другій иѣстакъ и въ другія времена, какъ романтизмъ, такъ и положительность признаются менѣе-инербологическое проявленіе и приводить изъ болѣе-разумныхъ цѣлями.

Въ склоненіи автора на сторону положительности и его неблагороднѣйшаго романтизму, который онъ представилъ въ смѣшныхъ формахъ и слишкомъ-круцкыхъ размѣрахъ, мы видимъ намѣреніе дѣйствіе. Есть два рода борьбы, которую можетъ вести человѣкъ: борьба съ идеями и борьба съ чувствами.

Труднѣе воеовать съ идеями; но если воюющій встрѣчаетъ упорное сопротивление со стороны тѣхъ немногихъ, которые убѣждены въ справедливости идей, отжившихъ или отживающихъ свое время, и для которыхъ иѣнѣе есть вѣѣть и дѣло ихъ жизни, то онъ безъ труда одолѣваетъ слабую защиту мирныхъ, которыхъ жизнь протекаетъ вѣѣ убѣждений. Тамъ легко поколебать идею, гдѣ она не пустыла еще корней — а много ли такихъ умовъ и сердецъ, которые служатъ воспріимчивою почвою для благодатныхъ убѣждений? Открыть общее въ раду разнообразныхъ явленій, способны только особенно зоркіе. Притомъ, сфера идей есть сфера отвлеченнаго. Цѣлые толпы могутъ признавать ихъ справедливость или несправедливость, и цѣлые же толпы могутъ покидать ихъ равнодушно, или равнодушно смотрѣть на нихъ, потому-что отвлеченное не трогаетъ тѣла, не волнуетъ кровь. Только избранные, понимая важность господства идей, не отличаются общаго отъ собственнаго; идеи становятся ихъ главною заботою, мученьемъ или отрадой. Но для этого — повторяемъ — надоѣдно стать на значительную высоту. Какъ часто безсмыслие смеется надъ преслѣдованиемъ той самой идеи, которая разила вокругъ него счастіе, или восхищается похвалою идеи противной, которая несетъ въ своихъ дѣрахъ горе цѣлаго поколѣнія!

и Другого рода въина съ чувствами, съ цепосредственнымъ сознаниемъ самого себя. Здѣсь каждый — судья дѣлу, потому что оно доступно каждому. Здѣсь есть надобности въ логическихъ доказываніяхъ, чтобы узнатъ, что мы ощущаемъ. Лишнимъ выходить посредничество убѣжденія, когда сильно говорятъ природы. Ея голосъ винятъ силлогизмы. Она убѣждается скоро, потому что побѣжлаетъ. Ходъ чувства, движение страсти есть ходъ въ движении интигиковъ, живущихъ въ пещерѣ тѣлъ, воинищахъ неумолкаемо. Простое выраженіе того, что есть, заставляетъ вѣдь вскакое объясненіе явленій. Доказательства обращаются въ доказаніе предмета. Мы болѣе, потому что болѣе; мы пріятно, потому что пріятно; это такъ, отъ-того, что такъ. Все естественное отличается необходимымъ истиностию. Сущность природы — въ ея искренности. И вотъ, почему тотъ самый, который легко можетъ одну идею на другую, вооружается всюю силой, когда входить въ скатую атмосферу его личныхъ страданій и радостей, вѣтъсій горизонта его индивидуального существованія, и когда захотять убѣдить его въ истинѣ того, что его чувство находить лождимъ. Напрасны всѣ клятвы и уверѣнія: никто имъ не поверитъ!

Вы вооружаетесь противъ романтизма; но чѣмъ же смѣшна въ необходимости степени человѣческаго развитія? Послѣ этого, вамъ позволено смѣяться надъ младенчествомъ, отрочествомъ, юношествомъ и прочими возрастами нашей жизни. Естественное и смѣшное — два несовмѣстимыхъ понятия. Можетъ-быть, ваше негодованіе вовбуждено тѣмъ упорствомъ, которое обнажилъ долгий, живучій романтизмъ Александра Федорыча? Но въ такомъ случаѣ, действующее лицо непослѣдовательно самому-себѣ, и повѣсть грѣшила противъ истины: какимъ образомъ этотъ упорный романтизмъ вдругъ перешелъ въ отчаянныи позитивизмъ, такъ-что племянникъ превзошелъ даже дядюшку? Выдержанность характер-

юда есть необходимо условіе эстетическихъ пропагандъ. Оно только то, что нашему инфилю, изобрѣтѣльству, быстрое, преобразованіе характера, и себѣгвоядіе, автора изъ романтизму, и его благодискордность изъ практическому. Погрѣхъ Ильинскаго — первое желаніе изобразить романтизмъ въ драматическихъ разыгрываніяхъ, самому-себѣ дѣлъ, разрывъ оружіемъ, часѣніемъ то, что бывало вѣдѣ, не ко времени, чѣмъ оно было, мы служили въ жизни, въ наукѣ. Эдо какъ-бы мѣщеніе за заслуги, причинальный, романтическаго, недородливостью, и теперь, еще, по-прежнему, причиняющій ею. А цѣль уходить въ современное, напрощеніе чадокъ оправдываетъ недостатки каждого изъ ствій, съдовадѣльно, и драматического произведенія.

Что касается до художественного исполненія, оно обнаруживается въ начальственный, эпитетскій наизнѣкѣ, характеръ романа рѣко: отличается «объектаннымъ, скульптурнымъ изображеніемъ действительности», чѣмъ пишется очень-рѣдко, при судискусствѣ рѣтѣ подавать современное лицо голосъ въ событияхъ или чистота драмы Амьера, воимающая свою силу отъ гордаго стилемъ въ искусствѣ, оживленіи и подъ чась удовѣрѣніемъ (съ-зап.); честъ: даетъ ей большие зданія, чѣмъ бы съдовали, речами придавалъ очарование изображеніемъ, чѣмъ-кажды, пралиторъ, на-примѣръ, гордой рукописи, грозы въ деревнѣ. Но, при содѣйствіи какъ-то неподвижнаго деревенія, честъ выказывается и недостаткомъ. Первый — отсутствіе трагизма, отъ котораго авторъ и не долженъ да и не можетъ избавляться, потому-что такое направление его таланта. Второй — величина сочиненія: авторъ пишетъ тутъ умно, что длинные разговоры длинными съ писаницыю не важутся (только-что не важутся) длинами, то ли

разумѣющаго читателя несопрѣимѣнности между двумя частями романа очевидна: «вторая половина искоторезомъ обозначаетъ первую, т. е. облагаетъ впечатлѣніе, сю произведеніе. Наконецъ, третій недостатокъ— это Петра Иваныча: оно рѣшительно не типично; а созданное для выразительности сюжетныхъ сторонъ романа— Полнота человѣка въ немъ нѣтъ: въ немъ одна только сторона — та, которую она обращается къ романтизму своего изобрѣтника.

Совершенно другаго «рода» романъ Искандера: «Кто виноватъ?» искажающій авторъ двойную силу большаго таланта: силу изображать трагической положеніи и силу изображать комическую вторую жизнъ. Поговорь г. Гончаровъ про честна и честна всѣми: обстоятельство, говорящее столько же въ шемъ, какъ поэтическаго представления, сколько въ другомъ представления негубокаго. Поговорь Искандера про честна, ибо въ нихъ видятъ одинаковъ, а иначе не видятъ въсѣ: первое сомнѣвается въ глубокаго вѣжда въ жизнь. Первое же простирается дальше паблюденій вѣдь «вѣжливъ», поверхностнъ; второе подставляетъ важные вопросы; тѣмъ что эти головы мыслящаго читателя естьятся не только содержание того, чтобъ они читали, но и мысли о томъ, за чѣмъ указала поговорь и для представленія чего нужны еще многія познанія, для рѣшенія чего нужны многія разсужденія. Эта внутренняя, мысльюансная сила поэтическихъ произведеній свидѣтельствуетъ о важности нѣтъ философскаго значенія, пото-рого напрасно мы будемъ искать въ романѣ и поговорѣ, нравящихся большинству. Между тѣмъ, другая сторона романа «Кто Виноватъ?», сторона художественная, очевидна въ созданіи такихъ типическихъ характеровъ, каковы Белтова, Круциферская, Крупновъ, Жюссеъ. Притомъ, весь рассказъ освѣщаетъ современныи пониманіемъ вещей, знакомствомъ съ наукой и обществомъ; а такое освѣщеніе или обстановка-сама-ко-собѣ есть уже досто-

инство, независимо отъ поговоры, и служить второю причиной, почему подобныи произведенія понимаются всѣми. Надобно стать въ уровень съ всѣкомъ, чтобы находить пріятность и пользу въ современныхъ взглѣдахъ, въ выраженіи, соотвѣтственномъ эпохи. Такія лица, какъ Петръ Иванычъ и его племянникъ, по плечу всѣмъ; но такія лица, какъ Бельтова и Круциферская, выше очень многіхъ. Вотъ почему романъ Искандера мы ставимъ гораздо выше романа г. Гончарова.

Записки Доктора Крупнова, того же автора, еще выше романа «Кто Виноватъ?». Въ нихъ и мысль глубокая и форма оригинальная. Отбросивъ глупый прилірка къ словамъ, мы видимъ въ нихъ больше, чѣмъ талантъ, и потому можемъ назвать ихъ величайшимъ произведеніемъ вашей литературы. Это — вѣла сатира на искаженіе правъ человѣческой природы, на близорукое понедѣление обществъ, на ихъ уклоненіе отъ законовъ истинной нравственности. Остроумная и вѣдь ёдкая иронія автора поражаетъ не простыя глупости и мѣлкія странности, которыя только-что смыши, но важные общественные и семейные пороки и заблужденія, которыхъ вѣдініе незамѣримо-вредно. Эти заблужденія и пороки, заключающіеся преимущественно въ сфере одного общества, не ограничиваются, однакоожъ, имъ исключительно: они охватываютъ многія общества, и болѣе и менѣе образованыя. Впрочемъ, не всѣ, вѣдьши уши, слышали: благодаря глубинѣ мысли и оригинальности формы, съмъ. Записокъ. пало только частію на воспринимчивую землю, въ чёмъ, конечно, виноватъ не авторъ.. Характеръ Жюссе — высоко-художественный.

Но пусть удивляется кто хочетъ, а мы недовольны Письмами изъ Астрии Маріи, того же Искандера — не потому недовольны, чтобъ не видали въ нихъ таланта автора, а потому-что имъ право ожидать отъ нихъ другаго. Въ чёмъ же могло быть это другое? Въ ласкихъ впечатлѣніяхъ автора, въ

его собственномъ пониманіи французскаго общества, парижской жизни. У такой личности, у такого просвещеннаго ума—и впечатлѣнія и пониманіе вышли бы непремѣнно интересными, оригинальными. Въ «Письмахъ», напротивъ, содержаніе не оригинално. Дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобы въ какіе-нибудь два мѣсяца, путешественникъ самобытно изучилъ всю многосложность общественной жизни какого бы то ни было из-рода. Ясно, что, излагая намъ характеръ этой жизни, онъ познакомился съ нею посредствомъ книгъ, которыя могли читать мы сами, не отправляясь въ Парижъ. Слѣдовательно, взглѣдъ его заимствованый. Заимствовалъ же онъ его изъ маѣній той, котеріи, которая въ исторіи видѣла борьбу пролетаріевъ съ буржуазіею, бѣдного и богатаго класса народа. Намъ было странно, по-крайней-мѣрѣ безполезно, встрѣтить въ еловыхъ автора повтореніе словъ Луи Бланна и компаний. Сверхъ-того, истина дороже Аристотелей и Платоновъ, и что бы ни говорили другіе, а мы должны объявить, что первый томъ сочиненія Луи Блана, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, есть все-таки памфлетъ, который можетъ грѣшить противъ исторической истины если не искаженіемъ фактовъ, то искусственнымъ ихъ подборомъ въ пользу любимаго ученія. Буржуазія создала силу Франціи: неужели русскій путешественникъ XIX столѣтія не видѣть въ ней ничего, кроме злоупотребленія власти? Вопросъ о богатомъ сословіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о капиталѣ: для чего брачно вы первое, ничего не говоря о послѣднемъ, не опредѣлять его добра-го или злого могущества? Есть же во Франціи, ищущей слишкомъ 30 миллионовъ жителей, что-нибудь другое, промѣ пролетаріата; отъ-чего же этого другаго неѣть въ «Письмахъ»? Отъ-того, что авторъ пошелъ по слѣдамъ недавно-вышедшихъ твореній, полулученныхъ, впрочемъ, и изъ Петербурга и изъ Мюнхена. Въ иказаніе за по-

добное заимствованіе, безъ которого истинный талантъ можетъ обходиться, дѣйствіе писемъ вышло обратное ожидаемому автора: для тѣхъ, кто читалъ подлинники, въ письмахъ неѣть особенно-новаго, кроме остроумія и таланта, разумѣется; а тѣ, передъ которыми источники закрыты, выведутъ сначала неблагоприятное заключеніе о французскомъ обществѣ, въ которомъ такъ ишо-го неправедно-страдающіхъ и неправедно торжествующихъ, а потому из-ключатъ кстати о благоденствіи тѣхъ обществъ, въ которыхъ неѣть буржуазіи... Мы думаемъ, что послѣдніе и мѣшало бы имѣть ее, что иль не слѣдуетъ еще издаваться надъ предметами негодованія Луи-Блана и русскаго путешественника... Прибавимъ еще, что мимоѣзомъ Искавдеръ раскупилъ Германію: за что же это? Виновата ли она, что онъ не потрудился выйти изъ изъ загона? Воля ваша, такъ будь на-легу, съ высоты жельзы из-рогъ, больше чѣмъ подозрительна.

Намъ гораздо-больше нравится «Письма изъ Испаніи» В. П. Боткина. Если неѣть въ нихъ того остроумія, которымъ отличается Искавдеръ, то въ нихъ болѣе правдолюбиваго, добровѣтнаго изученія предмета. Они представляютъ очень-интересное об-саніе интереснейшей страны.

Г. Тургеневъ поѣхалъ въ журна-ляхъ повѣсть «Брестѣръ», въ которой представленъ герой въ соединеніи съ невѣжествомъ, и «Рассказы Охоматка», изъ которыхъ лучшіе, изъ нашего маѣнія «Каратасевъ», «Бурмистръ», «Оллюдорецъ Овсянниковъ». Форма, выбранная авторомъ, очень-удачна: она даетъ ему свободу, какъ и автору «Мертвыхъ Душъ», исходить вдоль и поперекъ пространіе русское на-чество и на пути знакомитъ съ раз-личными лицами и явленіями вѣт-стной сферы жизни. Знакомство это сводится подъ видѣніемъ современ-наго взгляда на сельскій бытъ, чѣмъ со-общаетъ рассказчикъ внутренній ин-тересъ и цѣлостъ, которыя могутъ и мѣшать интересу вѣтчицкому. Но-

следний, однакожъ, ниже первого, потому-что г. Тургеневъ, какъ умный и просвѣщенный человѣкъ, опередилъ г. Тургенева, какъ талантливаго рассказчика. При современномъ взглѣдѣ на организацію тѣхъ сословій, которыя онъ избралъ предметомъ своихъ рассказовъ, необходимо освободиться отъ идеальныхъ замашекъ, которыя всегда вредятъ истинному представлению вещей и вліяніе которыхъ замѣтно въ первомъ рассказѣ: «Хорь и Калинычъ». Это идеалія—не въ родѣ г-жи Девульерь, во все-таки идеалія. Конечно, дружба въ «викомъ» состояніи—дѣло возможное, но такая дружба, при которой одинъ мужикъ несетъ въ подарокъ другому (страшно вымолвить!) пучокъ земляники, не существуетъ, по крайней-мѣрѣ, въ великороссійскихъ губерніяхъ. Мужику въ голову не прійдетъ набирать ягодъ, для презента «своему» брату: для оброка онъ наберетъ—непремѣнно наберетъ. Если жъ ягоды какъ-нибудь попадутъ ему въ руки, такъ онъ скорѣе всего сѣсть ихъ самъ.

Г. Даль и Григоровичъ, при всей разности своихъ талантовъ, лучше инициаторы крестьянскаго дѣла. Г. Даль не художникъ: это ему самому известно; но онъ до того свыкался съ народнымъ языкомъ, съ житѣемъ-бытьемъ помѣщиковъ, средняго сословія и мужиковъ, что его повѣсти, не представляя художественнаго цѣлаго, прекрасны въ частяхъ, чрезвычайно-интересны въ подробностяхъ. Впрочемъ, повѣсть: *Павелъ Алексѣевичъ Ирмей*, напечатанная во 2-й книжкѣ «Отеч. Записокъ», составляетъ исключение: она очень-хороша и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Г. Григоровичъ, въ первой своей повѣсти: «Деревня» набросилъ нѣсколько-идеальный цвѣтъ на героя, но повѣсть: *Актона-Горемыка*, напечатанная имъ въ прошломъ году, чужда идеализаціи, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ не однаго прошлаго года. Истинное изображеніе трогательнаго и смѣшнаго въ жизни простыхъ, темныхъ людей производитъ

вполнѣ удовлетворительное дѣйствіе. Нѣтъ ничего придуманнаго, насыщенного-эффектнаго и, между-тѣмъ, судьба дѣйствующихъ лицъ захватываетъ все сочувствіе читателя. Источникъ такихъ впечатлѣній, искусство производить ихъ — заключается на въ одной силѣ таланта, но и въ непосредственномъ сближеніи таланта съ народомъ—сближеніи, о которомъ такъ много и такъ мистическимъ толкуется узкая исключицельность и которое принадлежитъ къ неоспоримымъ пунктамъ учения. Жаль только, что эта точка былъ столько же неоспорима и до этого известнаго учения, и что противъ него никто никогда не думалъ вооружиться.

Въ повѣсти А. Нестроева: *Бессрасельта*, прекрасно выставленъ характеръ ротмистра Клокова, мужа героя; но настѣль больше интересуетъ она психологический анализъ самой геройни. Если можно замѣтить, что въ письмахъ страдающей женщины, которая сама раскрываетъ свое положеніе, есть нечто философское, книжное, то, съ другой стороны, надо знать, что эта ошибка художественного представленія выкупается глубокимъ проникненіемъ въ сердце нѣжнаго, любящаго существа, котораго вся жизнь сдѣлалась ирачною, безразвѣтною. Талантъ автора видѣнъ не менѣе въ повѣсти *Собесѣ*; но такъ-какъ она не кончена, то мы отложимъ сужденіе о ней до выхода второй части.

Безъ-сомнѣнія, читатели прочтутъ также съ удовольствіемъ повѣсть г. Достоевскаго, *Хозяйка*, которому желяемъ побольше искаго раскрытия основной мысли и поменьше оригинальной формы, всегда засложнющей содержаніе. Выборъ странныхъ, не-нормальныхъ лицъ, и какое-то особенное изложеніе не совсѣмъ-благоприятно дѣйствуютъ на галантъ, если онъ есть (какъ въ г. Достоевскомъ) и ничего не сдѣлаютъ, если таланта нѣтъ. Повѣсти г-на Буткова: *Гирлянда*, и *Кредиторы*, *Любовь въ Франціи* стра-

даются художественно, а не же грёзко, т. е. таинством, да еще заимствованы из гоголевской манеры въ рассказѣ и въ разговорахъ действующихъ лицъ: зачѣмъ даровитому автору пребывать къ нуждѣманамъ?.. Позднѣе Саксъ, г., Дружинина, обѣщаютъ въ будущихъ трудахъ автора — если онъ лѣтъ первый разъ явится въ литературу — чѣмъ отиѣздо, хорошее. Сто-Однѣ напечатали дѣло прошлому году, въ журналахъ: *Лукомъю*, *Домофонъ* и *Превращеніе*. Не принадлежать въ «пѣвѣстѣ» собственно, эти рассказы выказываются, однѣкожъ, мысль ярко. При томъ уважаемы, которыхъ въ наше время пользуются каждое дѣло, совершенное подъ вліяніемъ мысли, авторъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Недостатокъ концепціи, поэтическаго представления пѣвѣстѣ вскрыываетъ, впрочемъ, хорошихъ частностей, върной обрисовки вѣкогорыхъ характеровъ и занимательныхъ положеній, въ которыхъ характеры поставлены.

Къ числу замѣчательныхъ бѣлье-тристическихъ сочиненій относятся также: *Отрывокъ изъ Записокъ Человѣка*, Сто-Однѣго, которыхъ продолженіе было бы весьма желательно видѣть, *Паставленіе для племяннику*, А. Майкова, и журнальные статьи, подписаны псевдонимомъ «Л-скій».

Современная литературовая эпоха есть царство прозы; для стиховъ вѣтъ теперь ни великихъ талантовъ, ни охоты въ читателяхъ, ни мѣста въ журналахъ. Много приличь такиму охлажденію къ «языку боговъ», но все оно легко объясняется предыдущими развитіемъ литературы и современнымъ направлениемъ умовъ. Художественный стихъ, выработанный Жуковскимъ, Батюшковымъ, Шацковымъ и Шушкинымъ, до того избаловалъ честь, что теперь наилучшество вѣнчайшей формы стало необходимымъ условиемъ каждого поэтическаго произведения, написанаго ее въ прозѣ. Надобно быть особымъ талантомъ, постомъ

художникомъ, чтобы выразить во-времѣнныя, стѣснительныя, исключительно, трудныя требованія избѣгнуть проповѣдей, — а у насъ вѣтъ въ настоящее время другаго Пушкина: на вѣтъ и суда вѣтъ. Въ разрушѣи нашемъ къ стихамъ, которымъ лѣтъ за десятать пять живались бы съ видѣніемъ угодольскіе, дѣжды изслѣдованіе, и въ нашемъ разгульномъ трѣтьѣ къ стихамъ, видѣи-художественные всѣ, и много утешителнаго: то и другое служить достойнѣйшимъ указаниемъ того, какъ мы выросли. Нельзя угадать въ формѣ насть, чѣмъ выбудь. Невозможность стиховъ въ ваше время вымыть, съ одной стороны, есть: того, что у насъ были стихи первоклассовые, а что, нѣкоторы, мы не хотимъ знать — стихи второклассныхъ. Журналы обходятъ безъ стиховъ, ни мало не охва, и читатели вовсе не думаютъ о ритме, найдутъ ли они или не найдутъ стихотворный заветный. Вотъ первы пречана господство прозы. Но есть и другая. Уже Пушкинъ, изъ послѣднѣе времена, обратилъ къ прозѣ — въ смыслахъ: новыѣ заботы нового времени, которое чувствуетъ настоятельную нужду высказывания выраженнаго въ стихахъ мысли свободно, не вуждясь азъ творческимъ талантъ, не скованъ требованіями формы; и если было сказано, что «короткій сонетъ спѣтъ поэмы», то ваше время говорить: одна мысль, свободно передаваемая обществу, стоять превосходенія, дававшаго прекрасными стихами. Надо из-заходить даже формы превосходнѣи, и мы смыслили ихъ, жертвуя всѣми раздѣлѣніями и подраздѣленіями словесныхъ родовъ свободной возможности выражать мысли. Въ са-момъ-дѣлѣ, кто талантъ будетъ хлопотать о томъ, о чёмъ съ такою важной добросовѣтностью хлопотали прежде, т. е. какъ называется ваше сочиненіе — драма или повѣсть, ода или аллегія. Дѣло не въ томъ, куда отнести его во системѣ прозамъческихъ или поэтическихъ промаведеній, а въ томъ, что

оно съзываетъ содержить: роза и белье
външне важнее розы.

Тѣлье привлѣте, на безмолвіи стихотворныхъ извѣстий, при външнѣтельной
силѣ тѣхъ требовательности — когда
слово стихотворца пріобрѣтается не-
препятственно поэтическимъ талантомъ —
искрѣнность такихъ таланты въ гг. Майко-
вѣ и Некрасовѣ, которые одни заставляютъ читателя своимъ стихотвореніемъ. Пер-
вый — художникъ въ описаніяхъ; каждая
изъ шедевра его — картина, передающая
изящество и тѣло цѣлѣ, формы, движение
предметовъ; любинъ родъ его, въ которому она всегда хороша, авто-
логический. Но какъ-только онъ пере-
ходитъ въ несвойственное ему таланту
изображеніе внутренняго міра, въ зна-
чении мысли, въ раскрытии чувства —
то съзывается уже такой пре-
лестный видъ таей въ той страсти, въ
ней прелесты, которыми запечатлены
картины природы и произведений ис-
кусства — картины изъ яркихъ сти-
ховъ «автогоги древней флады». Въ
прошломъ году писалъ онъ «Очерки Рима», классическаго города, подъ не-
бомъ кетерого невольно художникомъ
становъ «и беррилю». Извѣстнѣе
«Очерковъ» — только одинъ, четырь-
надцатый («Своимъ меѣ, ты любишь ве-
редицъ своей!»), уклоняется отъ изо-
бражательного рода и переходитъ въ
анализъ чувства: поэтъ очень-рѣдко
оставляетъ кисть и беретъ арфу.

Песни г. Некрасова подраздѣляются
на два отдѣла: одинъ, поэтически-
извѣрванны, берутъ стихотворную фор-
му только для каприва или шутки;
другой — выразить въ ней совре-
менную мысль, особенно поразить са-
мокритически выходками южные вага-
лы на ющія, грубые человѣческія за-
блужденія. Такова, на-принѣръ, пье-
са: «Нравственный Человѣкъ», при-
надлежащая къ одному разряду съ
«Кольбельной Пѣсней», помѣщенной
въ «Петербургскомъ Сборникеъ». Дру-
гія песни чисто-поэтическія изъ лири-
ческаго рода. Отличительная черта
ихъ — рѣзкое, до глубины сердца про-
никающее обнаруженіе тѣлесныхъ и

душевныхъ страданій, при которомъ
вѣтъ никакой пощады чувствительно-
сти. Авторъ не прикрываетъ своихъ
картинь даже легкимъ покровомъ, изъ
снисхожденія къ слабымъ глазамъ; не
жалаетъ сурдинки на болѣе большаго
сердца, но позволяетъ ему кричать
всю силуою естественнаго крика. Нашъ
случалось слышать отъ некоторыхъ,
въ видѣ упрека стихотворцу, что чув-
ство, такимъ образомъ выраженное,
становится возмутительнымъ. Конечно,
такъ; но для чего же употреблять
во зло какой бы то ни было предметъ,
даже пощаду слабымъ душамъ? Пу-
скай слабонервные не смотрѣть на
кровь, текущую изъ сердца, или пусть
видятъ разы такими, какіе онѣ есть:
блаженныи средины вѣдь вѣтъ. Виноватъ
ли авторъ, что одинъ человѣкъ
падаетъ въ обморокъ отъ того, что
другой перевоспитъ мужественно, и что
толпа вѣдьняетъ первому въ заслугу
его вѣшнюю чувствительность, во
замѣчая у второго внутренней муже-
ственности борьбы? Ко второму отда-
ешь принадлежать: «Тройка», «Влу-
ли ночью по улицѣ темной», и другія.
Стихъ г. Некрасова не всегда вырабо-
танный, но всегда сильный.

Еслибъ не журналы — нашъ нечего
бы было бы читать по части словесности
собственно-такъ-называемой. Наибо-
лѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи,
явившееся предыдущимъ годомъ, при-
налѣжитъ прошлому времени: къ на-
шему оно относится только новыи
изданіями. Мы разумѣемъ Полное Со-
брание Сочиненій Русскихъ Асторовъ,
предприятое Смирновымъ, которому
за то честь и слава. Доб-сихъ-поръ
отпечатаны: Домоносовъ, Державинъ,
Фонвизинъ, Озеровъ, Княжинъ, Кан-
темиръ, Хемницеръ, Муральевъ, Лер-
монтовъ. О Фонвизинѣ и объ Озеровѣ
журналъ нашъ представилъ отчетли-
вые критики, обратившиа на себя об-
щее вниманіе знатоковъ исторіи ли-
тературы. Въ скромъ времени чита-
тели увидали такие же разборы. Кан-
темира, Домоносова и Княжинина, а по-
томъ и другихъ, сколько они того ба-

служиваются. Много можно говорить о способах издаваний литературных произведений. Но, при значительном разногласии в выборе того или другого способа, остается несомненным то, что, вначале, они должны быть изданы без всяких приложений, сопровождающих окончательное, наилучшее издаание, т. е. без комментария, без оценки литературной деятельности писателя, даже без его биографии... Пусть по выходе литературных произведений в томъ самомъ видѣ, какъ они вышли изъ пера автора, заговоритъ и заговорится критика, которая выскажетъ или согласное мнѣніе, или противорѣчащіе отзывы; пусть каждое отдельное сочиненіе подвергнется специальному разбору, соберутся достаточные материалы авторской жизни, сличится его деятельность съ деятельностью другихъ действователей отечественныхъ или иностранныхъ, трудившихся въ одномъ и томъ же родѣ — и тогда уже будущий издатель, воспользовавшись уставившимся мнѣніемъ, приложитъ полный комментарий и представитъ вѣрную оценку того, чѣмъ сдѣлалъ такой-то писатель. При изданіи литературныхъ памятниковъ, надобно или объяснить все цѣлесообразное, или не объяснять ничего. Для первого не настало еще теперь время; сдѣловательно, по необходимости должно выбрать второе, какъ и поступили издатели. Исключительное допускается одно: если примѣчанія къ сочиненіямъ сдѣланы самимъ авторомъ или явились при первомъ изданіи трудовъ его (какъ, напр., въ сатирахъ Кантемира), то они, составляя текстомъ вѣчно неравдѣльное, не должны отъ него отдѣляться и при новыѣ издаваніяхъ.

Другие издатели подарили публике Полныде Собраниемъ Сочиненій Крылова, въ трехъ частяхъ, и новыи издаціемъ его басенъ. Читатели увидятъ въ скромъ времени, въ нашемъ журнальѣ, подробный анализъ твореній русскаго баснописца, и потому ограничивающемся теперь одицъ замѣчані-

емъ, что сличеніе разныхъ послѣдовательныхъ временъ, въ которыхъ писалъ Крыловъ, его отношенія къ современности, противопоставленіе тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, противъ которыхъ вооружалась его сатира, съ тѣми, которые дѣйствуютъ въ наше время, его деятельность, какъ баснописца, драматурга и журналиста — все это можетъ сдѣлать критическую статью очень-любопытною. — Сверхъ-того, напечатаны *Повѣсти, Сказки и Разсказы Казака Луганского*, писателя чисто-народнаго, умнаго, бойкаго, вѣриаго физиолога нашихъ нравовъ; да появился седьмой изданіецъ *Юрій Милославский*, послѣ которого г. Загоскинъ не написалъ ничего лучше. — Изъ новостей можно указать на *Путевыи Записки* г.-жи Т. Ч. и разѣ на первую часть *Октаэса Вердеревскаго: Бояльи*. Впрочемъ, послѣдняя новость есть уже анахронизмъ: ей бы сдѣлывало явились вѣтшими годами раньше, когда поэзія любила знакомить читателей съ страдальцами переходныхъ временъ, несчастными и отъ дурнаго общественного устроства и отъ собственной болѣзни огражденіи. Чѣмъ дѣлать нашему времени съ больными? Ему нуженъ человѣкъ здоровый — не толь, чѣмъ составляетъ предметъ второй части *Октаэса*, а толь, котораго не изображала еще поэзія. Сожалѣю ей посмотреть на него пристальнѣе, оставилъ нравственныхъ калекъ на содержаніи инвалидной фантазіи.

Ученыхъ сочиненій вышло больше, особенно по части отечественной истории, которая въ послѣдніе годы получила сильно-ускоренное движение. Въ разредѣ историческихъ книгъ, мы различаемъ материалы и изложеніе. Къ первымъ относятся *Членія изъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ* (восемь нумеровъ въ годъ), которыя журналъ въ нашемъ бытъ подвергнуты отчуждливому разбору однимъ изъ первыхъ знатоковъ отечественной исторіи, и *Памятники, изданія Кіевскою Временною Комиссіею для*

разбора древнихъ актовъ. Ко второму разряду принадлежитъ: *Исторія от-
лошній между князьями Рюрикова-До-
ма*, профессора Московскаго Универ-
ситета, С. Соловьева—образцовое про-
изведеніе исторической литературы,
которое доставило автору почетную
извѣстность, и въ которомъ видны, съ
одной стороны, чрезвычайно-богатый
запасъ фактическихъ знаній, а съ дру-
гой—умѣнье объяснять ихъ значеніе.
Птичная жизнь древнійшей Руси,
Руси до-московской, раскрыта автом-
ромъ превосходно. Потомъ: *Очеркъ
Исторіи Русской Церкви въ періодѣ до-
Татарской*, Архимандрита Макарія; *Исторія
Русской Церкви, въ періодѣ
Патріаршества*, Філорета Рижскаго
(объ этомъ сочиненіи мы получили уже
статью того же критики, которому
принадлежитъ статья о *Чтешіяхъ въ
Московскомъ Обществѣ Исторіи и
Древностей*); *Древніе и пынчіи Сло-
весе*, 2-й томъ Ю. Веневитина; *Изслѣдо-
вія о Русской Правде*, Н. Калачова; на-
конецъ, *Историческое Обозрѣніе Цар-
ствованія Императора Николая I-го*, г.
Устровова, и *Описаніе второй войны съ
Наполеономъ, 1806 и 1807 годовъ*, г. Ми-
хайлова-Данилевского.

Изчислимъ ученые сочиненія по от-
дѣлу другихъ наукъ, обратившія на
себя вниманіе публики и критики:
Опыты о народномъ бытѣ, г. Бу-
товскаго; *Справочній Энциклопедическій
Словарь* (далеко, впрочемъ, неудовле-
творяющій требованіямъ отъ энцикли-
педій вообще); *Китай въ гравюрахъ
и краснѣнномъ состояніи*, отца Іанин-
са; *Греческо-Русский Словарь*, г. Косс-
овича; *Очеркъ истории русской поэзіи*,
г. А. Милюкова; *Курсъ физиологической
химіи*, г. Ходкевича; *Курсъ теоріи сло-
вности*, г. Чистякова; новое изданіе
Предварительного курса астрономіи,
Д. М. Переображенскаго; *Учебная книга
российской гражданской судострои-
тельной и судостроительной фабрикъ*, Н. И.
Дега; *Взглядъ на современное положе-
ніе гражданской судостроительной фабрикъ*,
его же; *Объ отношеніяхъ медицины къ государ-
ству*, г. Маркуса (на франц. языке);

*Ученыя наблюденія, собранныя во время
путешествія въ Печорскую Землю въ
1845 г. (на пѣмѣцкомъ языке)*; *Европ-
скіе религиозные секты въ Россіи*, г-на
В. Григорьева; *Чтения о церковной сло-
вности*; *наконецъ, записки разныхъ
ученыхъ обществъ: Географического,
Минералогического, Общества Испы-
тателей Природы, и проч.*

Для полноты отчета считаемъ нуж-
нымъ исчислить также лучшія сочи-
ненія переводные, какъ бельгетристи-
ческія, такъ и ученые. Ихъ, впрочемъ,
немного: *Письма о Химіи*, Льбиха;
Римскіе Папы, Равис; *Исторія Кон-
сультса и Имперіи*, Тьера; *Эстетика*,
Гегеля. Лучшіе переводы иностранн-
ыхъ романовъ и повѣстей печатались
въ журналахъ. Такъ, читатели ваши
видѣли: *Лукрецию Флоріану* и начало
Пиччинино (Ж. Зауда), *Адама и Сильв*
(Диккенса), *Неліду* (Д. Стерна); сверхъ-
того переведены были въ другихъ
журналахъ: *Битва Жизми* (Диккенса),
Оттміл (Гёте), и др. Въ журна-
лахъ же помѣщены многія ученые ста-
тьи, въ разрядѣ которыхъ входить и
статьи критическія. Такія оригиналь-
ныя, составленія или переводные сочи-
ненія, каковы: *Пролетаріи и паупе-
ризмъ во Франціи и Англіи*, В. А. Ми-
лютина и *Причины колебанія цѣнъ па-
хъльбы въ Россіи*, А. П. Заблоцкаго —
могутъ называться европейскими и по-
служили бы истинными украшеніемъ
любого западнаго журнала. Сверхъ-
того, заслужили общую похвалу по-
мѣщенные въ нашемъ журнале: *Фи-
зико-астропомическое обозрѣніе солнеч-
ной системы*, Д. М. Переображенскаго,
*Северо-Американскіе Соединенные Шта-
ты*, Антоніо-Перес и Филипп II и
Физиология человеческой мозга, — и въ
другихъ журналахъ: *Взглядъ на юри-
дический бытъ древней Россіи*, К. Д. Ка-
зеліна (образцовое произведеніе), *Ир-
ландія*, г. Н. Сатина, *Государственное
хозяйство при Петре Великомъ*, г-на
А. Асанасьева, *Мальтус и его против-
ники*, В. А. Милютина. Читатели *Оте-
чественныхъ Записокъ* сознаются, что
критика, въ статьяхъ о Романахъ В.

Скотта, о сочинении Фон-Визинга и Озерова и объ «Опыте» зародовъ багатствъ сдѣлала большою шагъ впередъ не только противъ прошлой критики, но даже противъ критики недавнаго года: она вышла изъ тѣснаго круга своего предмета, своего города и времени, и рассматривала «живое сочиненіе» въ-отношеніи къ другимъ предметамъ зданія, къ другимъ сочиненіямъ; по тому же предмету, иностраннымъ и отечественнымъ. Тоже въ статьѣ о Фон-Визингѣ литературная любительность Фон-Визинга выведена изъ круга чисто-литературного тѣсно связана съ государственнымъ дѣятельностью Екатерины II, а изъ статьи объ Озеровѣ, трагедіи русской выведена изъ круга русской трагедіи и поставлена лицомъ-къ лицу съ сочиненіями того же рода, древними и новоевропейскими.

Можетъ-быть, настъ упрекнуть въ чрезвычайной гордости за то, что мы, говоря о своемъ журналь и только о вѣковыхъ другихъ, молчимъ о прочихъ, какъ-будто они совсѣмъ не существуютъ. Это не гордость, а послѣдовательность основному началу нашей статьи, по которому обязанность наша была говорить только о тѣхъ литературовыхъ произведенияхъ, въ которыхъ больше или меньше выражаются современные стремленія. Вѣрное основаніе, въ естинѣ которого убѣждены, мы исполнили долгъ свой—долгъ правдоловія, придавая слову истина значеніе совершенно противное тому, которое прилагали ей субботы фѣлѣговы. Другіе отчеты о движении отечественной литературы, выступивъ въ другихъ исходныхъ пунктовъ, найдутъ, быть-можетъ, ся достойнѣйшее проявленіе въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сынѣ Отечества», «Библіотекѣ для Чтенія» и проч. Они будутъ правы съ своей точки зрѣнія, точно такъ же, какъ мы правы съ своей: намъ нельзя отступить отъ собственныхъ убѣждений, ни вѣти противъ шубанки, которая своимъ особеннымъ вниманіемъ почтила только немногіе журналы. Конечно, публи-

ка эта неправдоподобицца, чѣмъ не получается правдѣ: но «субботы фѣлѣговы»—но это умнѣющіеся «убѣжденія фѣлѣговитовъ».

Вирочимъ, для помѣщенія обзоровъ недѣль спасать вѣскою свое оторванныхъ изданий газетъ и т. п.

Начнемъ съ «Сѣверной Пчелы». Онъ все-таки же—и благо ей! Читатели бы жалко замѣтить въ ней хоть нѣсколько помѣщенія къ лучшему Данѣлью ракѣвѣдамъ юности ее газету для тѣхъ людей, которые уже разлюбили «Сѣверную Пчелу» и не преобразили свое новое сотрудники, восседающіе въ А. Я. И.; которые слѣдятъ себѣ чубашку и вишнью т. Булгарина, «честно» ищущіе честности; «оставшееся для честныхъ». Есть вѣкоторые шаги и писателей, а пишущіе, вѣкоторые уѣхали очень-скоро придать себѣ честность... неѣстѣщаго рода! Какъ приѣхалъ Геростратъ не умретъ никогда, такъ однажды изъ русокій Геростратовъ склонился бессмертіе: «своимъ юношескимъ нападками» на «Герострата У.». Равнымъ образомъ произнесъ «Аристократъ», и передъ вами А. Я. Я. Спросите еще: кому же врѣшили стихи А. Я. Майкова? Отвѣтъ: А. Я. Я. Кто въ «Сѣверной Пчелѣ» обижалъ Ионаилера за сочиненіе романы? Кто виноватъ? Кто западаетъ изъ Гоголя и признается публично, что не занимаетъ современнымиъ вопросами? Это же: А. Я. Я.... Сокраша пріносить своимъ общественнымъ положеніямъ, ратуя за чистоту русскаго языка, идеалъ, котораго, разумѣется, въ этомъ издании «Сопрано-Русской Грамматики» Н. Гроча, «Сѣверной Пчелы» допустила, однакожъ, малѣкое вѣнчаное изнѣженіе: вѣкоторые строчки съ столбцовъ печатаются на разныхъ строкахъ.

Если вскрыть книгоиздательский объявленіи въ характерѣ прошлого видѣть внутренній характеръ журнала, то Сынъ Отечества выходитъ въ кругѣ всѣхъ: или его начальство въ «Сѣверной Пчелѣ» на первомъ листѣ в

окрестъ Мориа бывшемъ. Желаемъ видѣть террасы подъескочь, г. извѣстна обѣдѣть проектия къ нему гравя первый томъ романа: «Дама-Биккетъ», прошедшій съюзъ огня и воду, т. е. съдѣль прощанію, объявленную вскорѣ отъ г. Плюшара и имъ собранныю въ дѣйствіи драмѣтъ Смирнова. Это приложеніе предполагаетъ вѣсты и программы журнала, извѣщеніе его духа и направленія; которому г. Мессальскій оговаривалъ речью вѣренія. Но мнѣніе япончика должно быть отъ долгаго засидѣнія промывденіемъ Сервантоса — почтенный ладдентъ, безпрестанно вѣрить съ фантастическими врагами, съ опасностями дон-кихотовской фантазіи. Побѣждать ная не трудно: вѣдь онъ собственное его изобрѣтеніе! Иль содержаніе журнала за цѣлый годъ, ицъможетъ указать только на двѣ критическіе статьи, принадлежащія, безъ сомнѣнія, одному и тому же перу: «Чтениѧ о Русской Словесности, г. Шевырева», и о «Московскомъ Литературномъ и Ученомъ Сборникѣ».

Московицкая возвращается къ первоначальному состоянію — къ 12 цифрамъ (не же книжкамъ — замѣтѣ!). Такой фаренольдъ извѣстъ не могъ совершился безъ особыхъ окказій: и въ-которые изъ соудариковъ объявлены разладъ и недоразумѣніе. Въ числѣ измѣнѣй изъ лучшему, обѣщаны: гг. Погодинъ, находятся одно всѣмъ-заключеное: каждый сотрудникъ будетъ подавливать свое имена! И все это-заремъ... Пренумеранты не пла-тятъ ничего лиш资料 за такую откры-ваемость журнала. Напротивъ, они са-могутъ получить лишнее къ концу года: Тѣль мы согѣтуемъ почтенному членству журналу, на послѣдней извѣнкѣ выставить №№: 9, 10, 11; 12 и—43. Иль всѣхъ статей за прошлый годъ замѣчательны только три: «Записки Грибоедова о Екатеринѣ», «Объ историческихъ и литературныхъ извѣ-ніяхъ Сорременника» М. З. К., и «За-мѣчаніе на статью М. З. К.».

Библиотека для Чтенія — узы! — съ-году-на-годъ все болѣе оказывается от-

сутствіе управляемой сильной руки. И неизвѣстъ предѣла вѣсельствъ, кого-рохъ, въ наше время, нельзя удовлетворить публику. Чубинца любить постыдиться, но не страшна смѣха первою своей облавностью: она хочется дальнего, серьезнаго. Иногда, впрочемъ, выыхаиваетъ пламъ: племянъ прежній огненъ, какъ, наприм., въ разборѣ стихотвореній Губера, однако же это только огонь, не золотъ остроумнаго юмора, а погасшая сошка блогуретта. Въ прошломъ году, журналъ наполнился только переводами второклассныхъ французскихъ романовъ. Для чего бы ему не называться «Музей Современ-ной Литературы», такъ-какъ «Музей Современной Литературы» иль было право называться «Библиотекой для Чтенія»?

Финскій Вѣстникъ, съ помощью объявленныхъ имъ семидесяти сотрудниковъ, обращается теперь въ Слово Обозрение и, какъ слышно, хочетъ поднять упавшій «Макъ». Желаетъ ему сдѣлать какъ-можно-свѣтлѣе въ лабиринтѣ извѣстнаго исключительного учения. До-сахъ-поръ, тамъ страшнотамъ. Можетъ-быть, мистическое число — семьдесятъ — озарить своимъ факелами мистическая подземелья. Дай только Богъ, чтобы эти факелы были не погребальны!.. Между статьями «Финскаго Вѣстника» за прошлый годъ мы замѣтили хорошія три, двѣ, переведены съ французскаго: «О будущ-ности животныхъ» и «О человѣческихъ племенахъ», и третью — «Извлеченіе изъ книги барона Гакстгаузена».

Привнесемъ откровенно, мы ждали большаго отъ Санктпетербургскихъ Вѣ-домостей. Ожиданія наши не ограничивались тѣмъ только, что они сдѣляютъ менужною «Сѣверную Пчелу»: это еще не важный подвигъ, который они заслужили уже и совершили, а черезъ годъ или два совершаютъ окончательно. Иль, мы думали, что при такомъ форматѣ, дающемъ просторъ статьямъ, статьи будутъ однообразны по начальному, безъ котораго периодическое изданіе обращается въ сборникъ чай-чего. На-

должны наши не оправдались, ибо чого, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы въ газете не было хорошихъ статей. Онѣ есть, но число ихъ иссorазимѣрно съ средствами, по-крайней-иѣрѣ съ вѣнчаниемъ объемомъ издания.

Литературный Газета — что бы ни говорили ея противники—представляла довольно разнообразія и интереса. Статьи по части естественныхъ наукъ могли бы войти въ составъ даже ученаго, специального журнала; стихотворенія, подписанные разными именами, во приведеніяхъ, по всейѣѣ фронтире, одному и тому же автору; всегда выражаютъ довольно-грациозно мысль — конечно, мысль, большую частью большаго человѣка, о которомъ пока-

перестать заботиться нашемуѣѣму, во все-таки мысль, отсутствіемъ которой страдаютъ вообще стихотворные произведения.

Объ *Иллюстраціи и Московскомъ Городскомъ Листокѣ* сказать нечего: они не обозначили никакого направления.

Замѣчательныи статьи возобновленнаго въ прошломъ году журнала *Со временемъ* нечисленыи выше, когда мы говорили о бельетристическихъ произведенияхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Здѣсь же замѣтимъ только, что *Франкофінанская* часть *Со временемъ* не существовала ученої и критической его частіи: всѣйднія иного уступали ей.

VII.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕКАМЕРЪ. 1847.

1) Романы, Повѣсти и Расска-
зы Евгения Гребенки. Салют-тер-
бурс. 1847. Всѧ книга — учебныхъ
засѣданий. Три тома. Всѧ 16-ю д. л. Всѧ
I-й томъ 151, со II-й—158, со III-й—
154 стр.

Вы давно знаете, читатель, г. Гре-
бенку, какъ романиста, повѣстователя
и рассказчика, даже больше — вы зна-
ете имена тѣхъ повѣсти и рассказы, ко-
торые помѣщены въ двухъ вышедшихъ
теперь томикахъ, потому-что повѣсти
и рассказы эти были уже напечатаны;
на-прим. *Искатель Мѣста*, *Вѣрное Ле-
карство*. Такъ иногда люди жалуются,
Исаакъ Исааковичъ, *Николай Федоровичъ*
Горекъ, *Быль не было и по сказка*, *Лука*
Прокоросичъ, *Мачиха* и *Панночка*. Эти
то восемь повѣстей или рассказовъ, не
знаемъ какъ лучше назвать, потому-
что не уѣдѣмъ отличить повѣсти отъ
рассказа, и составляютъ содержаніе
двухъ вышедшихъ томиковъ. Вы ви-
дите, что романовъ еще нетъ, но, вѣро-
ятно, они будутъ. Итакъ, скажемъ иѣ-

сколько словъ о повѣстяхъ и разска-
захъ.

Кѣкъ вы думаете о талантѣ г. Гре-
бенки? кѣкъ вамъ кажутся его повѣсти
и рассказы, вошедши въ изданные вы-
шѣ три томика? всѣ они имѣютъ инте-
рѣс скавочный? Совсѣмъ иѣть; у г.
Гребенки есть иѣсколько наблюдатель-
ности; слѣдовательно, повѣсти его от-
личаются наблюдательностью? И того
иѣть, потому-что у него есть повѣсти
чисто-скавочнаго содержанія. Какая жъ,
наконецъ, это повѣсти? имѣютъ ли онъ
интересъ внутренній? видите ли въ
нихъ идею и характеры, на нихъ осно-
ваніе, или, лучше сказать, характеры,
которые wantъ вѣроятно говорить
объ идеѣ? Бываетъ и это, но чрезвы-
чайно-рѣдко. Какое жъ общее понятіе
вы извлечете изъ всего сказаннаго о
восьми повѣстяхъ? То, что у г. Гребен-
ки есть всего по-немногу, но изъ этого
еще не слѣдуетъ, чтобы въ общей
сложности у г-на Гребенки выходило
много. У него есть засадки, элементы

т. LVI. — Отд. VI.

1

того, изъ чего составляется талантъ; но зачатки эти, какъ намъ кажется, не развиваются. И, Боже мой! сколько молодыхъ людей вѣчно подаютъ надежды, даже до самой старости, и на старости обманываютъ публику и журналистовъ! Да не будетъ этого съ г. Гребенской, который до сихъ-поръ еще все представляется талантомъ подающимъ надежды!

Чтобъ приговоръ нашъ не казался бездоказательнымъ, посмотримъ, чѣдъ подаетъ надежды въ повѣстяхъ г. Гребенки.

Первая повѣсть «Искатель Мѣста». Въ ней подаетъ надежды дѣячокъ, который отправился изъ деревни въ Петербургъ искать мѣста у князя Потемкина. Когда этотъ князь былъ еще Гришой, его училъ грамотѣ дѣячокъ Осипъ. Въ то время у Осипа бѣлая еще голосъ, а потому пропалъ...

— Ну, что Осипъ? спросила старуха (дѣячика) не перемѣнія своего положенія.

— Ни что не береть, отѣчъ-то вздохнувъ Осипъ, и кланялся и просилъ, такъ и слушать не хочетъ. — Я говорить, за свои деньги сычу человѣка съ голосомъ, уже, говорить и послать къ благочинному.

— Въ правду ли послать?

— Послать, говорить ирикающій.

Молчаніе.

— А ты ему чѣо?

— Все говориль, и про старую службу и про все.

— А онъ чѣо?

— Пой, говорить, такъ оставлю.... Какъ же пѣть, когда голосъ Богъ взялъ — гдѣ и его возьму?

Молчаніе.

— Вотъ бѣда! Хоть бы начь праздникъ тутъ прокинть, сказала дѣячика. — Рождество будешь чрезъ двѣ недѣли.

— И думать нечего! Къ празднику привезутъ другаго дѣячка, и насъ выпроводить на всѣ четыре стороны. — Охъ-о-о!

— Тебѣ другое мѣсто дадутъ...

— Не при, жена, куда я гожусъ?... Быть голосъ, быть голосъ и — се не бѣ. А туть вотъ еще Богъ послать дочекъ... Худой товаръ дочки... Хашаанская жены дочки... Вотъ Андрюшка подростъ: отдалъ въ бурсу и спокоенъ, — онъ одѣть, обутъ, дойдеть разума, и и спокоенъ.

— Ну ужъ не говори, бѣла я въ этой бурсѣ, не пускалъ сторожъ, пытакъ да-ла, а таки вошла, а тамъ ихъ много скопицою словно гаду какого, вѣдъ изъ-пестраниныхъ халатикахъ, всилу унѣлъ Андрюшку...

«Осипъ весь свой вѣкъ славословилъ Господа на клиросѣ и не знала другой работы, думая, что доведется ему кончить такъ въ вѣкъ — вышло иначе. Въ юркій лѣтній день онъ написалъ воды со льдомъ; кажется, ничего пить воду, спѣлько-то проходитъ; но бѣдному дѣтчику не прошло, горло ему сдавило, перекашли, звонкость и добrogласіе гордели, какъ выражалася онъ, дѣствали и всѣсто изъявлялся мерзкій гласть въ роли шипы, очень сходного съ шавканьемъ земляной утки. Бабы шептали наль имъ, погасили всячину — ничто не помогло; что дѣлъ рѣчь дѣячка становилась хуже и онъ изъ думѣй уѣхалъ, будто Богъ испытываетъ его добродѣтель. Между тѣмъ покидалъ сердися, не слыша обычнаго грохота пѣнки въ своей церкви, и рѣшительно подождалъ изгнать дѣячка, какъ членъ-ка неспособнаго.»

Мы сказали, что въ этомъ отрывѣ подается надежды дѣячокъ, пробывши, что подаютъ надежды въ лѣтніе дѣти! Состѣяла исторія, у которой выражаются лѣтній юморъ и наблюденітельность познаній этой сцены; но это одна сцена, въ которой было проблемъ чисто; затѣмъ все оставшееся есть только смы-на, и мы уже не видимъ болѣе изображенного мѣста, которое бы показало надежды. Такимъ-образомъ, г. Гребенка думала обрисовать Потемкина склоняющімъ разсказомъ:

«.... Свѣтлѣйшій въ легкомъ шаль-вомъ шлафрокѣ лежалъ на диванѣ; подъ дивана стоялъ въ полномъ мундирѣ гла-тантъ. Болѣе никого въ кабинетѣ не было.

«Ну, а что таинъ? тѣже спросилъ Потемкинъ.

— Прѣнамъ полна изароду.

— Чего они хотятъ отъ меня?.. ну-то тѣже, не даютъ никою...

— Дожидаются счастія видѣть вашу сча-достъ.

— Ведикое счастіе!.. А что, ловится ли-рюшка?...

— Я полагаю... думаю...

— Думать нечего, узнай, если не ло-

ваться и достать нельзя, такъ испрѣмѣнно прикажи мнѣ подать блюдо корюшки къ обѣду.

— А если ловится?

— Ну, такъ на что мнѣ она?

— Слушаю, ваша свѣтлость.

Тутъ авторъ хотѣлъ выразить человѣка, которому нечего желать и который скучаетъ отъ того, что ему нечего желать. Но такъ ли это? Потемкинъ ли это? есть ли вѣдь хоть сколько-нибудь знанія такого человѣка, которому все надоѣло, которому скучно, который прихотливъ отъ скуки? Такой человѣкъ можетъ захотѣть и корюшки и капусты и... чего хотѣтъ, и онъ потребуетъ, чтобы ему доставили то, чего онъ хочетъ, но никогда не станетъ спрашивать, есть ли на бѣломъ свѣтѣ то, чего онъ хочетъ; ему это все равно: онъ хочетъ и требуетъ, чтобы ему доставили требуемое; а когда ему доставятъ того, чего онъ желалъ, можетъ быть, оно ему и не понравится, и онъ велитъ взять его прочь, и ему уже не захочется ни корюшки, ни капусты... Но то былъ капризъ, порожденный скучкой и пресыщеніемъ. Желать же только того, чѣго нѣтъ—совсѣмъ не въ духѣ скуки и пресыщенія... Вы видите, авторъ обратился къ обрисовкѣ характера совсѣмъ-самаго, чѣмъ его газантъ, совсѣмъ-внутреннаго, чѣмъ взѣмнаго-и обѣглъ, и ему не удаляется характеръ. Скуку и пресыщеніе такого человѣка, какъ Потемкинъ, нелегко обрисовать; тутъ дѣло не въ корюшкѣ...

Поощряхе на другія повѣстія: опять та же доля сказочности, опять немного наблюдательности, и опять желаніе построить внутренній характеръ, который создается г. Гребенюко какъ-то вѣтромъ, на оборотѣ обстоятельствъ, случаевъ, маленькихъ исторій. На-прим., въ повѣстіи *Вѣрное Лекарство*, чиновникъ, между прочими, оченъ-милѣ разсказываетъ, какъ онъѣхалъ въ Семеновскій-Цолкъ:

« Я чтобъ удобнѣе отыскать домъ, пошелъ пѣшкомъ въ Госпитальную улицу. Боже мой, какихъ мрачныхъ улицъ! Всюдѣ

щесто, вездѣ тихо, темно; каждыи то зевывалъ, то замиралъ потухающій фонарь, точно въ-просонкакъ ингая глазами; цѣпкая собака, спущенная на ночь, рада свободы, выбѣжала на улицу, исконтрѣла дѣвъ стороны и дру лужку на изгасающій фонарь. Нусто! ни души живой; градко, темно... »

Конечно, эта кроуница наблюдательности расцвѣщенца въ довольно-большомъ разсказѣ, и мы въправѣ сказать классическое сравненіе, что она пороглащается «какъ капля въ морѣ».

Задѣсь задача повѣстіи *Вѣрное Лекарство* была чисто-внутренняя: нужно было представить, какъ начальникъ отдѣленія, дожившій до 50 лѣтъ и проинавшій щету своего величия, а живѣтъ езъ тѣмъ утратившій силу физическую и энергію душевную, начинаетъ дѣлаться датой, какъ его способности начинаютъ притупляться, какъ это воображеніе начинаетъ ему смутно рисовать тѣ радости, которые ушли отъ него невозвратно съ молодостью, потраченную исключительно въ дѣловыхъ занятіяхъ, какъ много сторонъ однѣ вычеркнули изъ своей жизни. Все это выводить грусть изъ старого начальника отдѣленія,—а между тѣмъ, время идетъ, способность его слабѣть, онъ все болѣе и болѣе дѣлается старикомъ и ребенкомъ... Вы видите, что уже сама эта задача лѣаетъ честь г. Гребенюку; но выполненіе ея опять ниже идей. Старикъ хочетъ веселиться такъ, какъ веселятся молодые люди, танцуетъ на балы, маскарады, даже въ такц-классы, лорикуетъ актрисъ, пугать съ столомачадниками, не смотря на иерархическое разстояніе между ими и ими... и только. А тутъ же та внутренняя драма, которая должна была происходить отъ сознанія утраченной молодости, отъ уѣзженія, что много сильѣ немъ погребено заживо? Ихъ нѣтъ; этой внутренней обрисовки не достаетъ г. Гребенюкъ.

Въ двухъ рассказахъ «Гансъ никогда люди неются» и «Иоаннъ Ивановичъ», сюжеты, довольно разнородные; но-одиному, имѣютъ иного общаго: Въ

первый и единственныйший цветок в
цветах Зараты.

« Привольите Хоромелько, Миро! Имяк
этого чудотворца. У него круглые, полные
липо, короткие, кудрявые волосы золотистого
цвета и колесообразный нос. Въ
полку онъ слылъ второгодъ, «Задоровъ,
танцовщикъ и мастеромъ» расхуривать
бутылки; онъ не очень жалованъ, да и
бесѣды и бесѣды любить пурпуръ сть ам
мономъ. Въ полку и теперь «онъ» расху
рируютъ много анекдотовъ про капитана
Зараты. «Послушайтъ» говорятъ, «онъ»
даже одинъ подтасонъ сейтеръ, который
меня за шуговину: «послушайте, я въсю
рассказу удивительную исторію. Однажды
во время стоянки нашего полка чть Грод
ноской губерніи, капитанъ Заратъ Миро
игралъ впуть, въ окну» почу «все» вы
стать, «бѣ рѣшительно», даже ружьемъ
отвергну... Плохо привѣтъ добрую жену!
Что бы вы сдѣлали на его месте? А
онъ начнѣтъ: «банкъ ротъ крахатъ, боярата
сѣ въ четверу на ротный дворъ въ вел
кое аниумлицы, забывъ раны сѣкундъ.
Тогда начнѣтъ капитанъ демонстрацію, ибо
благодарить за исправность и приходъ,
для облегчения людей на возвращеніе пу
ти, выбросить на ротномъ дворѣ тѣло.
Цѣны на фуражъ были тогда огромные;
хотѣли выбросили, бударь «солдаты» сѣло...
Вечеромъ капитанъ поставилъ тѣло бояре
вокругъ сѣна въ лесичка рублей, икъ приста
ли; занялась игра и къ сѣну Зараты
все воротились свое, да еще у одного изъ
нихъ прапорщика выскакала беломоръ пр
сонника, лаганую собаку въ юбку побы
ду. Ксъ?»

«За этого капитана Зараты, единъ
хоромельский погонщикъ, членъ Фес
тиль Петровичъ, выдалъ воспитаннице
льтию дочь свою Анну Петровну.
Ей было 18 дѣтъ. Она любила все
прекрасное, заглядывалась на луну,
сладко-грустна, доля переликатую
пѣсню соловья въ плачахъ пады стиха
ми Пушкина и Жуковскаго».

Что должно съ менъ сдѣлать цесар
брата съ погонщикомъ Заратскимъ? дол
жна ли она расстаться съ нимъ, умереть
въ чистотѣ? Опасеніе, которое забро
ситъ т. Гробенка, можетъ лишило ико
нинъ способности, и въ конецъ, пото
рые помирятся съ капитаномъ Зара

томъ; «но чѣмъ?» озабоченъ упакует
быть его сообщество? Аланъ Фестиль
умеръ. «Но въспомнишь, что
бывшаго Зараты погонщика забылъ
умереть во сну, когда спасибою из
дѣлъ, точкоу Аланъ Фестиль при
чадѣлся въ ихъ честныхъ боярникахъ.
Съжальство, спасибою заслонило при
чины, и поэтому Миро въспомнилъ

«Иванъ Фестиль, герой другой па
трии, сыновъ моего отчугу съ боярами,
былъ уже изъ того что капитанъ Заратъ
изъ, и потому Фестильскому отчугу, пр
обрѣтъ съюзникъ въ Петербургѣ, и
въ это же время Иванъ Фестиль отъ
чего въ Швейцарию. Продѣлѣвъ съ от
чугомъ скромную жизньъ, онъ покрылъ
себя въ Крайбаденскомъ чистой
сокѣ Монморансию, огражденную
богатырскими боярами».

— Ахъ вотъ же! — говоритъ Миро.
— Ахъ, ахъ!

Они дождались друга другу, буди съ боя
рьемъ чувствомъ.

— что, топъ снегъ, какъ твой Аланъ Фес
тильский герой?

— чудесно! Аланъ Фестиль въ Фес
тильскомъ чудо! Братъ! Такъ-такъ
же уѣхъ, дорогъ венчанъ, ученъ, венчанъ
приходитъ! И съюзъ этотъ вѣтъ

— Ну, а съюзъ-то, это? Ахъ же!

— Ода! Была просто склонъ, да
факъ, я тебѣ склонъ, просто ротъ.

«При этомъ второй склонилъ вѣтъ
чески падающій лѣвой рукою въ конъюнкту
ре».

— Ну, а Мартыновъ склонилъ вѣтъ
онъ продуманную штуку!..

— просто! (все) «Аланъ Фестиль»
это чѣмъ? — это съюзъ чѣмъ? — это
до страданія, чѣмъ? — это съюзъ чѣмъ?
это членодавъ, ахъ членодавъ! — да
только!..

— Да, вѣдь, онъ часто фокусничалъ

такъ снегъ,

Этотъ Иванъ Фестиль былъ обрѣ
ченъ съ дочерью одного членодава
Шеффъ обрученъ; онъ отѣсанъ изъ
которыхъ времъ склону, склонъ онъ

зропору вы «Пензебург», зоррънълъ и да
Пензенскій Острогу. Ильинъ Федор
съжитъ и приступаетъ къ письму, собрав
все дѣла, оставленыя замужа за чорнаго
и владимирскаго Димитриемъ, доныне
беспрѣятно, житораго Димитрия спер-
ва письмомъ, а потоъ въ крайности
изъщѣбомъ, изъвать съсюмъ, будто
Послѣ всего этого, Ильинъ Ильиничъ
уѣхалъ изъ Морозова, не поклонясь, ни не
шѣсть въ изъ города, бѣдѣ, чѣмъ
злѣть. Съѣхала въ исторію. Едина, въ
прѣиѣзжемъ, изъѣхать замужу, да въ
жизни прийтіе. Ильинъ Ильиничъ бы спѣ-
шился, и примишилъ къ изъѣзду изъ города,
чѣмъ бы стѣ въ бѣдѣ и обрадованъ, болѣе
западнилъ, а такъ неспасимое въ горамъ
никъ, и покубенное жалѣло, отъ злѣго
дѣлать, мимоходомъ, и съѣхѣлъ обручеви-
съ и свадьбою Ильинъ Ильиновичъ. —
Пензенскій письмо письмо Димитрия не
было лучше письма Адама Васильевича
и здѣтъ оно

въ Уѣса, самого крымскаго Горева, вѣдѣть
идущаго мужика и спросить: дома ба-
ринъ? Мужикъ посмотрѣлъ на Горева,
удивился, взглянулъ, подорвалъ я норогъ
дѣлъ. На крыльцѣ стояла старуха.

Дома баринъ?

Слава Богу! Дома корнишонъ!

Можно видѣть?

Нѣху, подади, вѣдь отлучка.

Где?

Садѣбу, гулдахъ, Богъ радость дади!

Сынъ, онъ живетъ?

Нѣху, то, сударикъ, рѣхъ холостъ, а
занѣдѣлъ, мужъ за Сельку лакей, гор-
ницкую Дундицу. Дамы же свѣтѣѣ; вѣль-
можиѣѣ; вѣльможиѣѣ;

Богъ же свѣтѣѣ?

Да, сборной изѣѣ, корнишонъ, таѣѣ
и наѣѣ, предѣѣтѣѣ, дади Господь! Я при-
догодъ, нацѣѣ, и лицца и лицца, и браж-
ицѣѣ, и зорко, Садѣба, не какая ли будь
предѣѣтѣѣ, членѣѣстъ; вѣдь какъ, у

человѣѣ, Хоромо, наручка, вѣдь же сборная
изѣѣ?

А вѣдь уѣзжай улицы, вишнѣ, по-
водѣѣ осени, думъ Тареха пляшеть, гарь
и сѣѧтъ?

Спасибо малушка! Прощай!

Прощай, сударикъ-корнишонъ, то-то
обрадилъ гостя Родионъ Ильиновичъ!

Вѣѣ, сборной изѣѣ на первомъ мѣстѣ за
занѣдѣлъ сидѣла Дундиша, краснощекая,
здорова, лѣзда; съ одной ея стороны до-
мѣстѣѣлъ мужъ, додгодзай лакей, отъ
людейѣѣ на бутылку рейнвейна, а съ дру-
гой, искѣстѣѣлъ мужчина дѣлъ тридцати
стъ, кудрявый юношъ, какъ щошка, съ
огромными усами, съ вольной рѣзью, съ
зипуномъ на распашку. Это самъ Ах-
матъ-сторожъ, семъ Родионъ Ильиновичъ. Ры-
жийъ-сторожъ поклонился Нахалу, склон-
илъ, бодрой породы. Даѣѣ сидѣли на
дверяхъ, мужики и бабы. Отдѣлъ Дундиша
обносилъ честную компанию виномъ; бол-
шину чарку вина, а Нахалу кусокъ гови-
дины. Пусть же и онъ потѣшается, пусть
и она знать предѣѣтѣѣ! Собака же про-
стая — болѣрка!

Что вы не поете, бѣбы? А! сказали
Лихомброты, покрутили усы.

Все бы тебѣ-изѣѣ, бѣры, да зѣѣть,
а не воду пить изѣѣ.

Этой сѣѣть стала, подумала, сло-
вно барану не стыдно жить безъ сѣѣти.
Дѣлать ничего, нетъ приводу, и скогре-
те, жаръ, вѣѣтъ, со звѣѣмъ изѣѣ.

— Сноемъ, сноемъ, вотъ какъ! Спасибо кормилецъ. Гдѣ же Стешка! Безъ Стешки пѣть нельзя, темпить некому.

— Подать сюда Стешку! закричалъ Родионъ Ивановичъ. Безъ темпу не пѣть!

— Стешка, а Стешка! отсыпалась разные голоса изъ избѣ и по тѣнице.

«Пришла Стешка, женщина лѣтъ подъ тридцать, полная, здоровая, стала по среди избы, подбоченилась, крикнула: Эй вы бабы голосисты! дернула плечами и цѣсколько десятковъ бабыхъ головъ гаркнули любимую Лихощѣртову:

«Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ. Жаво поютъ бабы пѣсни. Стешка въ такту подергиваетъ плечами, тонаетъ ногой и щурить глаза. «Эйъ баба» поквариваются мужики; «посмотрѣ, какъ темпить! — А еще молодца, стѣчаль другой, дай ейъ въ лѣта вѣйти. — «Что-то будетъ, какъ потенции она лѣтъ патокъ», подхватили третій.

«И Родионъ Ивановичъ въ восторгѣ; огнѣ присадливаетъ, подпрыгиваетъ на мѣстѣ и крачить браве!»

И разѣ вы не видите, послѣ этого всего, Лихощѣртова? разѣ не видите, что онъ будетъ поить юрчайшимъ каждаго, кто къ нему заѣдетъ, и не пускать отъ себя рабыни трехъ дней, потому что онъ радъ каждому новому члененію, и то бы онъ ни былъ? Чѣмъ болѣе почтны теперь Родионъ Ивановичъ незавѣтно, а въ 1812 году онъ пошелъ въ дружину или ополченіе; онъ непремѣнно промсходилъ отъ мелкоштатныхъ лѣтей боярскихъ, слѣжившихъ нѣкогда въ дружинахъ великихъ князей нашихъ...

Въ трехъ остальныхъ повѣстяхъ «Быль не былъ и не сказка», «Лука Прохоровичъ», «Мачиха и Паничка» вы уже нисколько не остановитесь надъ содержаніемъ: оно очень-бѣдно, а мимоходомъ только встрѣтите нѣсколько и проблесковъ наблюдательности, иногда очень-милой. Поэтому, о содержаніи этихъ повѣстей и говорить нѣчего. Въ одной, статской соѣдѣніи, старикъ Гутентагъ, женится на молоденькой вдовушкѣ, въ пользу которой рѣшился спорное дѣло въ одиночку присутственномъ мѣстѣ; въ дру-

гой, губернскій секретарь, Лука Прохоровичъ, женится на кухаркѣ. Бѣдный Лука Прохоровичъ думаетъ, будто бы она выиграла девятьсотъ тысячу златыхъ... Это было на Петербургской-Сторонѣ.

«Есть на Петербургской Сторонѣ много улицъ; иныхъ изъ нихъ лѣтомъ до того бывають сухи, что можно ходить по нихъ не замарать грязью сапогами; другія постоянно залиты тиною; а вѣкотыя прикрываютъ свое болотистое достоинство досчатою мостовою, такъ что, съ первого взгляда, онѣ показуются вамъ пустыми; а попробуйте по нимъ походить: доски застучать, запрыгаютъ подъ колесами зашага экипажа, какъ клавиши на старый клавикордакъ; изъ всякой щели какало-ничиста сила станетъ бросать грязью вамъ прямо въ лицо, хотя бы вы были въ чинахъ, и въ крестахъ. Вашъ прекрасный плащъ примѣтъ пѣтѣй цѣвѣй; ваша манишка останется въ пятнахъ; ваше сѣжее пріятное лицо станетъ похоже на грудь рыбчика. Смѣю васъ уѣбрать..

«Утомительное дамско выглядываетъ на Петербургской Сторонѣ такая клавикордная улица; одевши конюхъ она выходитъ на Большой проспектъ, а другія чуть ли не упираются въ Дедовское море. Я думаю объ этомъ должно быть извѣстие въ путевыхъ запискахъ къ сѣверному полюсу капитана Росса.

«По обѣимъ сторонамъ клавикордной улицы есть досчатые тротуары; за тротуарами, какъ грибы, выросли сѣреній одноэтажныя деревянныя домики. Иногда, въ оконкахъ этихъ домиковъ, вы увидите розовое лицико дѣвушки, или трубку съ чубукомъ, или артиста въ одномъ килѣ, играющаго на скрипкѣ; иногда изъ форточки какой-нибудь чепчикъ торкуетъ сига; иногда кто-нибудь отворитъ форточку, плюнетъ на тротуар да и затворитъ ее опять; а иногда на окошкѣ ростутъ красные и бѣлые бальзамины. Удивительное разнообразіе...

«Въ одномъ изъ этихъ домиковъ есть мелочная лавочка. Вы ее токтесь отъ ището днемъ, но выѣскѣ на которой въ голубомъ полѣ нарисованы: гадюшка, вѣбузъ, окорокъ ветчины, дѣвъ бритъ и маска съ надписью № 1.»

Въ этомъ домѣ жилъ Лука Прохоровичъ, который женился на кухаркѣ...

Все это можетъ статься. Но мы хотѣли только сказать, что самая женитьба въ такъ занимательна, какъ описаніе той юности, въ которой она происходила...

Вотъ всѣ восемь повѣстей или разсказовъ, заключающихся въ трехъ вышедшихъ томикахъ. Просмотрѣвъ ихъ, въ заключеніе мы повторимъ то же, чѣмъ сказали и въ началѣ: въ повѣстяхъ г. Гребенки есть всего поневолѣ: и наблюданія создать характеры; но все это вѣтѣ не составляетъ многаго, и большую частію въ каждой повѣsti не достаетъ либо одного, либо другаго... Но вѣдь на этотъ счетъ еще и Ломоносовъ сказалъ:

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ вѣми кто дарами цѣль:
Тотъ крѣпкое имѣть тѣло;
Но дука въ мечѣ слабъ и умъ не зрѣлъ.
Въ мечѣ блестаетъ умъ небесный,
Но душа себѣ имѣть гѣснѣй...

Вѣроятно, въ скромъ времени должны выйтти еще нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя повѣсти г. Гребенки: мы скажемъ о нихъ въ свое время и разсмотримъ, насколько овѣ справдаль надежды, о которыхъ говорили мы выше.

2) Опытъ переклаженія въ стихахъ нѣкоторыхъ изъ Священнаго Писания. И. Фараонова. Санкт-Петербургъ. 1847. Въ тип. И. Глазунова и Комп. Въ 8-ю д. л. 178 стр.

Въ наше время очень-трудно увлечь публику подражаніями древнимъ литературамъ, какъ это было прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Притомъ отъ подражавія мы болѣе требуемъ теперь, нежели прежде: По-большѣй-части, неудача нашихъ поэтовъ въ подражаніи памятникамъ еврейской поэзіи заключается въ томъ, что они пересыпаютъ свои пѣснопѣнія вос точными названіями и именами, передаютъ стоны страждущей души,

стремящейся къ Богу, изображаютъ Иегому, являющемся въ бурѣ, съ громомъ и молнией, въ сонмѣ херувимовъ, или повторяютъ проклятія, произносимыя нѣкогда пророками врагами народа іудейскаго. Хотя это и есть одно изъ главныхъ проявленій поэтическаго духа Евреевъ, но это не главный характеръ еврейской поэзіи. Еврейская поэзія — какъ всякая поэзія первоначальныхъ народовъ, есть по преимуществу поэзія природы, посреди которой живетъ народъ, которая налагаетъ свой отпечатокъ на всѣ произведения мысли, вросшаго на ея лоинѣ, и на которую, съ своей стороны, она смотритъ сообразно съ своимъ бытомъ, нравами, обычаями и нравственными понятіями. Рассматривая красоты еврейскихъ пѣснопѣній, вы вѣдѣ встрѣчаете поэзію природы, оживленную патріархальнымъ на нее взглядомъ человѣка. Съ этой точки зрѣнія и можно вполнѣ опѣнить красоты еврейскихъ пѣснопѣній ихъ и понимать многія изъ-стата, которые безъ того покажутсяdziли и странными. Задача поэта, передающаго на какой-нибудь языкъ произведенія чуждой ему и еще болѣе чуждой литературы, преимущественно должна состоять въ томъ, чтобы понять и усвоить взглядъ на вѣнчайшій въ внутренній мѣру того народа, чьи произвѣденія бѣзъ берется передать. Мы приводимъ это вѣдѣ потому, что г. Фараоновъ взялся за передачу одного изъ памятниковъ еврейской литературы, ярче прочихъ запечатленныхъ характеромъ «иерусалимскаго эпопеи», и въ которыхъ поэзія природы отразилась въ блестящихъ образахъ, со всемъ силой воображенія и глубиною мыслей Востока.

Кромѣ этой книги, т. е. Книги Іова, въ «Опытахъ» г. Фараонова ваходимъ еще три Повѣстованиѣ — Сусана, Іудиѳ, Эсѳирь; Избранныя мыслы изъ пророковъ и, наконецъ, Селенченная пѣсни Иерамія.

Кромѣ упомянутаго нами главнаго и почти общаго недостатка всѣхъ подражавій еврейской поэзіи, у боль-

шой части земель постороннею заселеныю еще другой — именем отречению, если можно было вырваться, поддерживаясь производлением древности, т. е. передавать имъ своеобразство отъ усвоимъ имъ гробованиемъ послѣднаго времени. Всикій заселій срѣгиналь, чужестуютъ; что при такомъ переденіи нессъ характеръ подчиняется его первоначальному патрархальному простота и величие исчезаютъ навсегда. Наши весты впадаютъ въ ту же ошибку, възну-
ющую възла Дюсі, передѣльскому Шен-
сира. Възьмите «Книгу Іова» вы дерев-
ложевіи въ г. Фараоновъ, и вы убѣ-
дитесь, какъ она иного терпѣть не пе-
реложевіи своемъ на русскіе сибирь-
скии «кантеры», и какъ она потерпѣла отъ «уничтожения» Бирономъ,
изощренного; можетъ быть, утомлены-
ными красоты восточнай рѣчи.

У г. Фараонова поэма пѣтилась
такъ:

Въ степныхъ странахъ Азіатидок
Златые всѣхъ вѣчаныхъ главы;
Правдина, не злобна, но лукава,
Была юноша житель Идумы.
Красой смертнаго явода
Ких на лицахъ жарыны стадись.
Въ лугахъ насласи и размножадись
Его безсчетныи стада:
Въ дому тьмоцисленные слуги
Предъ ними стояли дерь и иощь;
Блажили недруги и други
Его властительную монью.
Изъ патрарховъ аравийскихъ
И изъ правителей сирийскихъ,
Изъ тѣхъ, кѣмъ славиася Земля,
Никто богатствомъ и добромъ,
Никто съ ними мошью не рвиадись;
Друзьями они были царей;
Врагу безсильному сиблись,
И быль самъ царь земли свой.
Три дочери — краса Востока
И семь почтительныхъ сыновъ,
И живы святамъ, бывъ первоз,
Изъ нихъ Божій изъ него покровъ.
Онъ чтиль законъ; зари явилась —
Онъ славиъ Бога своего;
П старость тиха его,
Какъ вечеръ, къ западу склонялась...
Не-правда ли, стихи звучны, плавны и какъ будто иное живописуютъ, вспоминая искорежено начало Поставы:

Богат и-савекъ Кочубей, это
Его луга необозримы...

Но, сличивъ ихъ съ «Фараономъ»,
увидимъ, что г. Фараоновъ склоня-
сь наль то же, что Дюсі въ Шенси-
ромъ. Въ оригинале просто сказано,
что быль юношъ, по имени
Юсъ; онъ былъ чадо-чай, праведникъ,
любилъ Бога и уважалась имъ имъ. У
него было семь сыновъ и три дочери;
много скота; семь тысячъ овецъ, три
тысячи верблюдовъ, пятнадцать пары
быковъ и ослицъ въ почи, и множе-
ство слугъ, и доля земли блажу у него и
земли... Сыны его склонялись другъ къ
другу, готовили вѣсть обѣдъ каждый
день и прислашади съ собою есть въ
пять сестеръ своихъ. Когда дошлиши
пары поочереди у камня, юнъ
созывалъ лѣтей скопки и очищалъ
рано поутру: съя привесали къ юнъ
жертвы по числу ихъ, и вѣшили тѣл-
ца за нихъ грѣхи, ибо, говорилъ Юнъ:
можетъ быть, когда-нибудь согрешатъ
сыны мои и попадутъ въ труды
здесь противъ Бога.

«Въ простотѣ этого нальбомы, вѣ-
дѣньи патрархъ, подобно которому
ходится въ поэзии въ сибирь Аре-
зинъ: богатство икъ Гана въ величи-
и количествомъ рогатаго скота; вѣ-
дѣно благословеніе Воже почетъ и
нихъ, ибо у нихъ много работъ и онъ
окружены благочестивыи симѣ-
вомъ, связаннымъ между собою узами
любви и дружбы и вѣдѣннаго гостепри-
имства... Видимъ самого патрархъ,
какъ верховнаго судью и жреца, приво-
сящаго жертвы за каждого изъ сыновъ
своихъ, и явлюющагося посредникомъ
между ними и Богомъ. Вѣдѣнъ артесь,
все прелестъ этого «савека» патрар-
хального быта исчезла отъ холода и
ремѣніюовать давнее произведеніе Ве-
стона. Это странное явленію вѣро-
въ и да же достопамятна подлиннѣи
кочъ прѣмѣры.

Савака испросилъ у Бога возоменіе
искусить любовь и попорность Ему ю-
на, отнявъ у него богатства и ногубъ
лѣтей его. Вѣсть вѣдѣстъ приводитъ
изъ патрарху...»

Пишуя глаголъ мужа слезы
У брата старшаго въ дому.
Онъ привѣтъ имъ забытъ,
Но злѣстника прибѣжалъ къ нему.
И горорахъ: воловъ оравшіхъ,
Продавъ пасомы стада
Въ рука враговъ пашавшихъ
Испасся въ одинъ суда.
И кончилъ оробѣтый
Софіюкъ горестныхъ извѣстий,
Чтимъ лицомъ грабъ дома: проклятый
Ему глашай: «ты заслужилъ посѣлъ
Семьи, погорѣлъ судъ, побѣдѣтъ
И дождѣлъ пастирей, одеяній
Лицъ, я спасенье судьбы, чудесной
И новый пагубный гонецъ.
Глядѣть горчайшую утрату:
Сыновъ твоихъ и дочерей,
Пришедшіхъ веселиться къ брату,
Забытъ юноскій внутрь стѣнъ,
Забытъ мъній отъ пустыни:
Несколько разъ, рабы, рабыни,
И хромые, пѣлѣ драматика, болѣе
Мощнѣніи, вихъ поть нападающій.
После описанія этихъ бѣдствій, Фаралоновъ сказао: «Услышашъ то
Іова въосталь, растерадъ одѣжду
Свою, острѣніе волосы на головѣ своей,
просидѣлъ ее целомъ и, павъ на землю,
благословилъ Господа. Все это совер-
шается, потому, прилично достоинству
патріарха; отчаяніе Іова смиряется
передъ покорностию волѣ Божіей. Г. Фара-
лоновъставилъ два стишка, оты-
вавшіеся романтизмомъ нового време-
ни:

Ты будешь Іова надежды?
Когда старецъ склонъ молчу?
Онъ рѣтъ въ отчаяніи одѣжды
И събираетъ кепель на главу...

Посмотрѣмъ дальше. Сатана не удо-
волялся этимъ: Господь позво-
лилъ ему поразить Іова «гноемъ лю-
тъимъ отъ ногъ даже до глаўы». Жена
убѣжалаза его возвратить и умереть, но
Іовъ терпѣль. Г. Фаралоновъ счѧлъ за
нужное выпустить то, въ чёмъ собст-
венно заключается вся величества. Кни-
ги Іова, и гдѣ развѣняется основная
мысль ея: онъ пропустилъ посѣщеніе
трехъ другихъ аманіровъ, друзей Іова,
каждаго мудреца по-своему пренес-

тіемъ потому, что выраженіе ихъ
участія и умара несгодно съ творчес-
твомъ поэта. Графъ друзей Іова, ульша
о «творчествѣ», приналѣ-
житъ ею каждодѣй путь скромныя «по-
эты». Увидѣлъ это писательница, и покрытаро
твоими, одинъ изъ умари, возозвалъ и
проклиналъ, растерзали свою одѣжду и
посыпали пепломъ головами. И сидѣлъ
онъ съ шиньономъ дномъ и съмъ ночью:
какъ день тому писала изъ своихъ словъ,
ибо ониъ были его страданія. Тогда
Іовъ отвернуто и проезжалъ день
събѣ рожденія.

Собственное говори, эти же проказі-
тели отарьгаются плавно содержаниемъ
«Книги Іова». Третій другъ высказы-
ваетъ мнѣніе: «злодѣй» изъ жалобы старца своимъ
именемъ и стараются опровергнуть его
слова—но онъ «нобѣдающій» икъ. Въ
своихъ рѣчахъ ониъ склонны изобразить
величество, благость и могущество Бе-
зіє, выразившееся въ природѣ созданія
всѣхъ красотъ ея. Но одинъ изъ
нихъ же пропускаетъ случаи: нарисо-
вать картины природы съ поразитель-
ной силой, сжатостью и ясностью, ко-
торыя, однако, всѣ ничто въ сравненіи
съ тою, которую начертываетъ самъ
Богъ, являющійся подъ - конецъ для
обличенія ихъ суетной мудрости. Эти
споры съ друзьями возобновляются
три раза; Іовъ, невѣдающій, за что онъ
наказанъ, жалеетъ только одного —
увидѣть своего судію, своего боже-
ственнаго патріарха, въ великой семье
котораго принадлежать всѣ земные
тѣлѣ, и звѣры друзья его, и самъ
онъ. И онъ вырывается своего судію,
припоминаетъ, когда бы онъ могъ про-
гнѣвить его, и хотеть передъ нимъ дер-
жать отвѣтъ: «и если» говоритъ онъ
«я былъ хлѣбъ, свой одинъ и не далъ си-
рому — ибо отъ юности моей я корниль
сиротъ какъ овецъ; если я видѣлъ паг-
агаго, погибающаго и не оѣлъ, если
немощные не благословили меня и
шерстью агнцевъ моихъ не были со-
крыты ихъ плечи... если, говоритъ
онъ, я измѣнился или седину или зу-
бѣ, и прелестылось сердце мое мое, и

если я поднесъ тогда руку къ устамъ и забыть ее (ибо это беззаконіе передъ Богомъ вашимъ)... да отпадетъ рука моя... и пр. Полный своей правоты она смѣло и сильно поражаетъ друзей своихъ, которые, изображая правосудіе Божіе, стараются ему истолковать воду Іеговы и оправдать того, кто разгѣлъ невинную жертву; для этого они природятъ доказательства, печерпнутъ изъ ихъ знаній и изъ философіи; рѣчи ихъ—все, что могъ сказать въ углѣшніе человѣческій разумъ...

Въ переложеніи г. Фараонова, вмѣсто аморгического страдальца, вмѣсто этого наказаннаго неправедно раба, которому правота даетъ смѣость приходить неоднократно къ палатамъ своего господина и требовать правосудія и обличенія виновныхъ, его оклеветавшихъ; вмѣсто этой колоссальной личности, какими только привыкало наше воображеніе населять страны Востока во времена отдаленной древности — выходить плачущій романтикъ, который вспоминаетъ о прошломъ, о томъ, что онъ былъ, и что стала, какихъ благъ онъ лишился и какія страданія испытываетъ теперь. Правственное величіе этого грандіозного образа совершенно исчезаетъ, несмотря на то, что вошли и стены его выражены у г. Фараонова часто очень звучными стихами и взаимствованы изъ подлинной рѣчи Йова:

Теперь мій лазъ не не силишъ.
О! если бы кто взойти могъ
Или взыѣрить въ мѣдлому!
Онъ бесчетны какъ песокъ.
Неутолимо прокажой
Все тѣло рушится мое;
Окрестъ наполнилъ я заразой
Жилище смрадное свое.
Во мій дыханіе сгорѣло;
Огонь въ крови моей течетъ;
Ужель я каменное тѣло?
Изъ иди ль сковать мой животъ?
Какъ въ этой родникъ пересыхаетъ,
Иссохла слава твоѧ моя.
Мана бѣжитъ и презираеть
Кого рабомъ имѣть здесь я.

Бо мій соѣди друга чими,—
Я чуждъ юмъ, ненавистенье стадъ;
И ты меня не настыши,
Кого любилъ я и ласкалъ

Заря взойдеть—жду ночи сноva.
Отрады дни моя ясли;
Ужасныя видѣнья, сны:
Меня въ часъ ночи возмущаютъ.

Совѣскъ, о Боже, какъ одежду,
Вѣнецъ и славу Ты съ меня,
И ты срубилъ мою надежду,
Какъ древо рубить для огня!

И безнапомощныиъ былъ отрадѣ,
Я былъ отецъ своей земли.
И я мечталъ жити отъ земли разъ,
Какъ пальма при потокѣ вода,
Главой стольгней наказавъ,
Многъ долго оставлять народъ.
Но где же тщетныя мечтанія?
Мой жребій—спѣчные страданія!

Послѣ этихъ двухъ совершенно алегико-романтическихъ стиховъ, являетъ ся изъ тучи Господь. И тутъ авторъ «Одыты» остался невѣренъ организу: послѣ того, какъ страдальца заставили поднѣтать троихъ старцевъ-эмировъ, оправдался въ собственныхъ глазахъ, и готовъ состязаться передъ лицомъ Бога, выступаетъ на сцену молодой человѣкъ Эліусъ, который просилъ поклоненія у эмировъ сказать свое слово, ибо, когда говорили старцы, онъ обязанъ быть изъ уваженія къ нимъ побачать и не показывать передъ ihnen своего знанія. Эліусъ — тоже замѣтное лицо: онъ высокаго низкаго о своей мудрости, говоритъ краснорѣчно, но неопредѣленно, и, самъ того не замѣчая, повторяетъ только то, что высказали передъ нимъ, только съ большей увѣренностью и опредѣленностью, какъ мужи, искушенные опытомъ, старцы и Йовъ. Вотъ тутъ-то, послѣ его рѣчи, послѣ его самонадѣянности и увѣренности въ непогрѣшимости его философіи, подымается буря и слышится слово Іеговы, передъ которымъ смущились и юноша, напыщенный своимъ знаніемъ, и старцы — истолкователи Божіихъ промысловъ, въ

Іовъ, гордый своею праведностью. Они смущались, когда возвзвалъ Іегова:

«Кто ты, здѣсь спорящій со мной?
Кто знать судьбы мои дерзаетъ?
Я вопрошо—май дай отвѣтъ!

Или, напр. у Ломоносова:

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ!

Эта рѣчь Іеговы изъ тучи—есть истинно громовой ударъ въ «Книгѣ Іова», который совсѣмъ неподготовленъ къ которому совершенно не съынчно, въ передѣлкѣ г. Фараонова, при его люсісовскомъ обращеніи съ подлинниками. Этого монолога Іеговы изъ тучи намъ предстоитъ въ подражаніи Ломоносова. Нигдѣ, можетъ-быть, въ еврейской литературѣ не выразилась съ такой звергѣстей, богатствомъ и роскошью поэзія природы, какъ здѣсь, въ этомъ монологѣ; и притомъ эти картины представляютъ циклъ всѣхъ понятий, наукъ и познаваній, нравственныхъ доблестей и пороковъ той отдаленной древности, въ которой относится эта книга; классификація животныхъ, известныхъ поэту, и другихъ, о которыхъ онъ знаетъ по наслышкѣ, по предавію, какъ крокодилъ, левіафантъ; астрономическая свѣдѣнія — все встречается перемѣшанное съ поэтическимъ представлениемъ мира, какъ дома Божія, священнаго его престола, грома и молніи, какъ вѣтниковъ его гнѣва...

Мы старались напомнить читателямъ отличительныя черты подлинника для того, чтобы подтвердить скаженное въ началѣ вашей рецензіи — именно, что подражанія или переложенія произведений древности, всѣхъ первоначальныхъ эпохъ, характеризующихъ свою эпоху и выражаютъ ее вполнѣ, какъ, напримѣръ, «Іліада», «Дантовъ» Адъ», «видѣйскія поэмы и проч., могутъ только тогда достигнуть своей цѣли, когда сдѣланы почти подстрочис; иначе они только искаца-

ють подлинникъ и посыпаютъ въ читателяхъ предубѣжденіеъ къ самому оригиналу. Передѣлываніе же стихъ памятниковъ сообразно со вкусомъ и понятіемъ настоящей эпохи — въ наше время уже должно считать ошибкою непростительною. Да не прѣметъ авторъ «Опытовъ» въ обиду вашимъ словъ: они относятся не личнѣ къ нему; мы только сомнѣваемъ, что онъ увлекся примѣрами другихъ, испортившихъ все дѣло прежде его и позволявшихъ себѣ «умничанье» въ передачѣ такихъ произведеній, которыхъ надобно понять прежде, нежели передлагать на другой языкъ. А чтобы понять ихъ, необходимо, во-первыхъ, отрѣшиться отъ условныхъ, привытыхъ теоріей и стихотворной рутиной понятій, и, во-вторыхъ, воспользоваться тѣми способами, въ которыхъ есть недостатка въ наше время, именно — изучать исторію, въ обширномъ смыслѣ этого слова: она одва указываетъ автору, какъ должно смотрѣть на все встрѣчаемое въ великихъ подлинникахъ, и на что въ нихъ особенно должно обращать вниманіе. Можетъ-быть, напр. советъ пригодится и г. Фараонову, который, какъ могли замѣтить читателями, алѣеть стихомъ довольно-довѣро и научъ не хуже другихъ нашихъ поэтовъ, — напримѣръ, гг. Ф. Глинки и Соколовскаго, исключительно трудившихся надъ передачею намъ русскими стихами красотъ еврейской священной литературы, и, увы! избиравшими только чуть-ли не общія иѣста въ богатыхъ источникахъ оригинальной иже изъ древнейшихъ поэзій...

3) Сочиненіе Ломоносова. Издано отъ Гидрографического Департамента Морского Министерства. С.-Петербургъ. Въ морской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 150 стр.

Настоящее заглавіе этого сочиненія находится на слѣдующей за краткимъ предисловіемъ страницѣ; вотъ оно: Краткое епісаніе разныхъ путешестій по сѣвернымъ морямъ, и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ-

Океаномъ въ Восточную-Индію? Нѣтъ
нуждыъ пояснитьъ, что главныйъ затѣя-
рь этого сочиненія въ томъ, что оно
писано Ломоносовымъ и показываетъ
черту "дѣятельнаго" его ума, который
не могъ оставаться прокованымъ въ
одному предмету: ему необходимо бы-
ло заниматься всѣмъ, обнайти цѣлый
миръ, нынѣходоѣ приѣхать въ че-
му-нибудь, поражавшему его особено-
но. Такого рода умы не бываютъ въ
изѣльяніи въ чём-либо исключительно,
и только общность труда есть искъ-
поражаетъ разностороннѣстю въ даже
трапезностию своею. Таковъ былъ въ
Франціи Вольтеръ, который также бы-
лся обо всемъ, qui a tout fait, какъ го-
ворять о немъ Французы, умелъ пред-
дать внимательность всѣму, умѣлъ
дать толчокъ идей; но изъ всего, что
заключается въ симъдости тойадѣ его
сочиненій, нѣть почти ничего, изъвѣ-
неновавшаго геніемъ исключительно-
нымъ, потому что онъ не былъ ни по-
дѣль, ни философъ, ни учёный: онъ
былъ сильный дѣятель, двигатель сво-
его народа и даже своего вѣка. Нашъ
Ломоносовъ—гений точкѣ такого разра-
ла. Обстоятельства, въ которыхъ онъ
провелъ большую часть своей жизни,
придали генію его особенный отблескъ
борьбы и упорства; но главныиъ дѣнь-
заніемъ его ума, его силы, была стру-
ящая дѣятельность, приводящая въ
изумленіе: Онъ съ равной готовностью
и легкостью занимался изысканіями
филологическими и физическими,
науками и художествами, государственными
учрежденіями и сильными
проектами. И во всемъ этомъ дѣйствова-
валъ онъ съ пылкостью, съ увлече-
ніемъ, разными силами его ума, отъ чего
и совершилъ такъ много въ крат-
кую эпоху своей общественной жизни:
Соотечественники опѣвали въ поэзіи
только поэта, который изъ глубины
самаго тѣжкаго нѣгѣмства умелъ
стать на высшую ступень просвѣще-
нія. Ихъ удивляло только, что Ломоно-
совъ былъ сыномъ рыбака, точно какъ-
будто у него прибавилось бы ума и
способностей, еслибы онъ былъ сыномъ

генерала! Для такихъ людей есть до-
волѣтъ, зреющіе въ чёмъ-нибудь
и не значатъ: мы видѣмъ съ прези-
стѣемъ, но впротомъ не умѣемъ назы-
вать того, что дѣлаетъ люди сами.
Фигаро очень-вѣроѣ скажетъ, что подъ
въ его положеніи, героями-героями
поддерживается, ижесть изънутри
будутъ театроѣ другаго рода; но Фигаро
былъ и остается первокласснымъ, это
другое "остаются" стоящими-героями,
праворѣщами, изъмчанами, крестиль-
нами, не уѣдѣ съѣзжаться придетъ изъ
честныхъ выѣзжаковъ отъ человѣ-
чества и даже въ "своемъ варете...". Да
намъ дѣятельность "переносится" въ
обрядъ съ симъдостиной "святини" въ
частѣ гордости и превозношения именъ;
но "тѣль" и "спасибо" въсѧтъ все имена.
Это замѣчаніе, поѣтъ умножитель, и то
есть, въ тѣль быть должноѣ имена; или
Ломоносовъ, изъмчата рѣко, и у насъ
вѣроѣ не опѣшила этого особы имен-
го человѣчина, находящагося въ кончи-
иѣ учёного, но же изъдателя чудомъ-
нѣшаго, дѣятельнаго, "переноса" и
имѣнъ честныхъ, какъ обработаны
онъ—почему имена и не могъ быть и
имена; ии учёными исключительно.
Мы даже не знаемъ именъ всей ста-
хьиности, потому что чѣмъ лиши-
ли его сочиненія имена: и зрячи-
иѣ архивахъ и въ частяхъ рѣко.
Нѣдѣльно, что у редкихъ превознош-
енія, уг. Риенцихъ, есть, какъ-то-гра-
ней-иѣрѣ, имена, имена рѣкою.
Единственная дочь Ломоносова имена
за Константина, бывшаго сибирско-
го героя Академіи Наукъ, а единствен-
ная дочь Константина былаъ въ и-
мени за Николаса Николающими.
Распутинъ, героянь, отечественны-
мой. Онь деревка папки имѣ-
своей супруги, собираясь въ тиражи
храмы все, къ нему относившись, и
отъ него перешло все это къ проѣ-
щеніемъ его дочери, Екатеринѣ Нико-
лающай Орловой, супругѣ генерала
полковничаго капитуляцію Парижа.
У Орловыхъ былъ единственнѣй оре-
гинальный портретъ Ломоносова и
много его рукописей, изъ измѣни-

ней-то» цитаты г. Демидова, прямо: «есть пленочную машину, илюминаторы для ледокола Ломоносова. Напечатано и конспект употребление сей замечательных рукоююй. У ледокола Н. И. Сарычева и ледокольных французов есть даже бывало рукоююи: «зимнее» видение Ломоносова — и здесь же оговаривается подъ аудиомагнитофоном. Можемо рукоююи, илюминаторы, архивы, и особенно чистые архивы Академии Наукъ вспоминаются, были много времени назадъ бывшаго Ломоносова, но еще никто, не являлся, чтобы, и даже до сихъ доказать, что у генерала учёного, изданія его сочинений, Монографии, Общество Любителей Российской Словесности, объявлены было о непрекращении редакции, скроено письмо начальника Ломоносова, и даже обнародовано письма литераторовъ, подтверждены, было, письмами вице-канцелярии; что, однако же, тѣмъ дѣло и кончилось: «Намъ, чрезвычайно жаль!»

Время сего: каждымъ годомъ удаётся что-нибудь новое, и либо же, что получается изъ рукописи Ломоносова: подсчитугутъ для построения? Еще за десять лета можно было бы собрать многое изъ лазореваго папки выше; теперь это трудно, а черезъ десять лета, можетъ быть, окажется и совсемъ невозможнымъ.

Тѣлье больше надобно быть благодаренъ Гидрографическому Департаменту, который подалъ письме сочиненіе Ломоносова, остававшееся совершенство-известными. Не назна- ся только, почему при немъ напечатано мазульское объяснительное при-
чины, а подробная статья, объясняющая все исторію изданияго письма. «Сочиненіе Ломоносова», не-
только изъ V части «Записокъ Гидро-
графического Департамента», откуда мы, по необходимости, занимствуемъ некоторые подробности: безъ этого «Сочиненіе Ломоносова» казалось бы неполное. Вотъ по какому случаю было оно написано. Плановый учёный, занялся разными частями фи-
зики и астрономіи, подагралъ, что есть возможность достигнуть Ледовитаго,

Моря и береговъ Канады. Не ужъ начнѣть заняться бѣзъ увлечения, для составленія проекта экспедиціи, ко-
торая могла бы пройти, предполагаемыя, въ приведеніи и открыть та-
кую образцомъ ближайшаго сообщеніе
съ Восточномъ Идею. Проектъ, свой представилъ онъ, 20 сентября 1763 года, его Высочеству генерал-адмиралу Павлу Петровичу, который отдалъ его на обсужденіе въ Морскую Россійскіе Флотъ Комиссію. Этотъ-то самый проектъ, отъисканъ письме въ Главномъ Морскомъ Архивѣ, въ дѣлахъ бывшаго президента адмиралтейства-
комитета, графа Н. Г. Чернышева.

Ломоносовъ доказываетъ, что въ широтѣ 80 градусовъ, поларное море въ лѣтніе мѣсяцы должно быть чисто отъ льдовъ, и предлагаетъ спарадъ экспедицію для удостовѣренія въ томъ. Главнѣшія доказательства его были слѣдующія: 1) часто-замѣчаемыя сѣ-
верные сіянія у береговъ Ледовитаго Моря, и у Шпицбергена, свидѣтель-
ствуютъ открытость моря (до созданіи Ломоносовъ тѣоріи электриче-
ства); 2) воды окреста вообще имѣютъ теченіе отъ востока на западъ, а на западной сторонѣ Шпицбергена устрем-
ляются къ сѣверу: следовательно, за
сінь проливомъ есть великое море
и странахъ подполлярныхъ; а какъ обратное, отливное теченіе весьма-
слабо, то и должно заключить, что
приднѣю обходить кругомъ полюса; 3)
по аналогіи съ положеніемъ матери-
ковъ земного шара, надобно думать,
что ю полюсъ есть земля, и что эта земля, въ противоположность півні-
чному, отлогому сибирскому берегу,
высокая и преглубокая; 4) подобныя земли не имѣютъ большихъ рѣкъ, изъ
чего можно заключить, что и дѣловъ не памераетъ тамъ столько, сколько у
береговъ Сибири; 5) количество льдовъ
въ поларномъ морѣ, по примѣрному
исчислению, занимаетъ $\frac{1}{4}$ часть всего
этого моря, а предположимъ материки
въ самыи полюсъ — только $\frac{1}{10}$ часть:
«дозвольное пространство къ корабль-
ному ходу сѣверомъ къ Японію и въ

«Ост-Индію»; б) эти льды, судя по генодействующим на Бѣломъ-Морѣ вѣтрамъ, весною относятся къ сѣверу, а лѣтомъ къ югу, и, между-тѣмъ, восточными теченіема прибываются къ западу; а потому: въ половинѣ и въ концѣ юна мѣсяца должно Сѣверному Океану, между Новою Землею и Шпицбергеномъ, быть чисту и безледну, и скончому чистому океану простираться далече на востокъ бѣво льду, по мѣдной мѣрѣ на тысячу верстъ... сіе чистое мѣсто должно быть за широту около 80°, отъ сибирскихъ береговъ около 600 верстъ».

Морская Россійскихъ Флотовъ Комиссія собрала какія можно было свѣдѣнія, относившіяся къ предложенному ей проекту, и, въ-сѣдѣствіе того, Ломоносовъ нѣсколько измѣнилъ свой проектъ, чтѣ и составляетъ содѣржаніе двухъ «Прибавленій», приложенныхъ къ его проекту. Между-тѣмъ, онъ торопилъ членовъ комиссіи, какъ видно, раздѣлявшихъ его мнѣнія, и проектъ его былъ высочайше утвержденъ. Повелѣно было: снарядить экспедицію для прохода Сѣвернаго-Океаномъ въ Камчатку, но держать ее въ глубочайшей тайне, даже и отъ Сената до времени, а официальную называть «экспедиціею о возобновленіи китовыхъ и другихъ звѣріныхъ и рыбныхъ промысловъ». Начальникомъ назначенъ былъ капитанъ-командоръ В. Я. Чичаговъ, въ-послѣдствіїи знаменитый адмиралъ. Онъ вышелъ въ море 9-го мая 1765 года, съ тремя кораблями, и первое путешествіе его было неудачно. Адмиралтействъ-Коллегія извѣтила за то ему неудовольствіе и отправила его, въ слѣдующій годъ, съ новыми средствами; но онъ опять возвратился безъ всякаго успѣха, чтѣ очень-естественно, потому-что проходъ, о которомъ мечталъ Ломоносовъ, не отысканъ и до-сихъ-поръ, несмотря на самыя смѣлые и разнообразныя къ тому попытки. Между-тѣмъ, самъ творецъ проекта умеръ, еще до начала перваго путешествія Чичагова, и все это дѣло осталось тайною, потому-что о

немъ, по-видимому, не хотѣли вспоминать, какъ-будто стыдася неудачи.

Никто изъ писавшихъ о Ломоносовѣ даже не зналъ о существованіи его проекта, который составляетъ довольно-большую книгу, довѣрительно обширная его свѣдѣнія и подтверждающую, какъ разнообразна была дѣятельность этого необыкновенного человека. Пора, давно пора собрать, наконецъ, всѣ его сочиненія, по-крайней-мѣрѣ, уцѣлѣвшія до-сихъ-поръ, издать ихъ ученымъ образомъ, и тогда обсудить основательно величина его генія, которая достойна удивленія и теперь, когда мы еще не знаемъ его вполнѣ, и судимъ только по тому, что до-сихъ-поръ изучено.

4) Записки Гидрографического Департамента Морскаго Министерства, издаваемыя съ Высочайшимъ разрешеніемъ. Часть V. Санкт-Петербургъ. Въ морской типѣ. 1847. Въ 8-ю д. л. II и 525 стр., со многими таблицами и рисунками.

Каждый томъ «Записокъ Гидрографического Департамента» наполненъ сочиненіями, любопытными не для однихъ моряковъ. Такъ и въ V томѣ изъ находимъ болѣе или менѣе обширные статьи, изъ которыхъ могутъ обратить на себя вниманіе всякаго читателя слѣдующія: «Опись береговъ Сѣвернаго Океана, отъ Канина-носа до Обдорска, штурманъ Иванова и Бережныхъ» (110 стр.); «Замѣтки о Каспійскомъ Морѣ: сѣверо-восточная часть, Бакинскіе острова, Карабогазскій Заливъ. Ал. Соколова» (79 стр.); «Озенскіе острова, М. Рейнеке» (20 стр.); «Гидрографическія работы въ Балтійскомъ Морѣ въ 1846 году»; «О новомъ способѣ морской съемки, Венсандонъ-Дюмулена, П. Кувницова»; «Проектъ Ломоносова и Экспедиція Чичагова. (Г-на Соколова). Нѣкоторыя подробности изъ этой любопытной статьи помѣстили мы выше, сокращенно, въ занятіи о самомъ проектѣ Ломоносова, изданномъ особо, подъ заглавіемъ: «Сочиненіе Ломоносова». Для исторіи но-

жетъ быть полезна статья: «Морские походы противъ Шведовъ, 1742 и 1743 годовъ, А. Соколова». Чрезвычайно интересно начало статьи, имѣющей заглавіе: «Русская морская библиотека. Періодъ первый: царствованіе Петра Великаго». Тутъ находимъ извѣстіе о книгахъ, съ самыми затѣйливыми заглавіями; новѣй онѣ показываютъ, какъ заботилъся Великий Петръ о миломъ своемъ флотѣ! Вотъ заглавіе *первой* русской книги о морскомъ дѣлѣ: «Книга, учащая морского плаванія, которую издали Остапидыскія Компания Геометра и преславѣтѣйшаго во всей Европѣ математика, Шынгерскаго мастеръ и учитель Абраамъ Дографъ. — Юже по указу Великаго Государа нашего, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всесъ Волынія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, отъ Латинскаго языка преведе въ Славянороссійскій діалекъ, вторичною совороженій первыи, Elias Коніссей. Въ Амстерадамѣ. 1701. Ноемвриа въ 24 день. Напечаталъ Авраамъ Бреманъ. 1 т. въ 4, стр. 109. Церкви. печ.»

Всѣ другія статьи «Записокъ» исключительно относятся къ морскому искусству въ изукии, входящей въ составъ его. Морави, вѣро, имѣть эту книгу, а для читателей вообще, самымъ заглавіемъ нѣкоторыхъ статей си были бы понятны. Множество кетерологическихъ таблицъ оканчиваютъ книгу.

3) *Обзоръ кіївськихъ древностей*, изданное по Высочайшему соизволенію писемчию гражданскаго губернаторомъ Иваномъ Фундулькоемъ. Кіївъ. 1847. Въ тиц. Вальтера. Въ болыи. четвертую д. к. XVI и 108 стр.

Нельзя не отдать справедливой благодарности за этотъ роскошно-выполненный трудъ г. издателю. Мало таинъ блестящихъ изданій нашихъ древностей, о которыхъ, сказать правду, мы недавно начали и заботиться. Обзоръ кіївскихъ древностей состоитъ изъ описанія ихъ и 62 рисун-

ковъ, чрезвычайно-хорошо отпечатанныхъ въ Парижѣ, въ литографіи братѣвъ Тьери. Обзоръ кіївскихъ древностей раздѣлено на четыре отдѣла. Къ первому отнесены прымѣрательнѣйшия урочища или мѣстности, образованныя природою, но означеніемъ событиями историческими. Ко второму—пещеры и насыпи, образованныя рукою человѣческою. Къ третьему—памятники древнаго волчества, состоящіе преимущественно въ зданіяхъ церковныхъ. Здѣсь же говорится и о тѣхъ вещахъ, которые составляютъ привилегіность описываемыхъ зданій. Четвертое отдѣленіе назначено для тѣхъ старинныхъ вещей, церковныхъ и мірскихъ, которые не вошли въ составъ предыдущаго отдѣленія. Такъ-какъ при обзорѣ кіївскихъ зданій и другихъ предметовъ, необходимо было говорить и о современномъ ихъ состояніи, то въ составъ этого сочиненія введены нѣкоторые новые предметы, по связи ихъ съ древними, или по особенной ихъ замѣчательности.

Такимъ-образомъ показаны реставраціи нѣкоторыхъ зданій въ прежній ихъ видѣ. Большая часть зданій и вещей, о которыхъ говорится въ описаніи, представлены на рисункахъ и чертежахъ; этихъ чертежей, зацѣ мы сказали выше, шестьдесятъ-два. Изъ нихъ замѣчательные: софійскій соборъ, сооруженный Ярославомъ I, мраморная гробница Ярослава I въ софійскомъ храмѣ, изруинированная стѣна греческой мозаики въ большомъ алтарѣ софійского храма, древніе фрески софійского храма, остатокъ Золотыхъ-Вратъ ярославовыхъ, михайловская золото-верхая церковь, сооруженная Михаиломъ-Святополкомъ въ 1108 году, великая пещерская церковь, святые врата Печерской Лавры, основанные въ 1106 году, видъ трапезы въ бывшемъ ионіератахъ, плащ лазаревыхъ ионіерата, ближнихъ и дальнихъ, церкви, устроенные Петромъ Могилой изъ остатковъ древней Десятинной, остатки мозаїческаго пола и стѣнной живописи въ

этой церкви, церковь Пустынько-Никольского Монастыря, называемая стоянковымъ, и многихъ другихъ церквей, реставрированныхъ въ новѣйшее время; сверхъ-того, рисунки окладовъ древнихъ евангелій и крестовъ. Древнихъ мірскихъ вещей очень-много; помѣщены снимки: трехъ кіоскихъ гризинъ серебра, изъ развалинъ еодоровской церкви, варяжскаго шлема, вырытаго въ старокиевскомъ валу, и большой серебряной серыги, найденной въ развалинахъ еодоровской церкви, большой плетеный золотой браслетъ въ ½ фунта и серебряный браслетъ съ принадлежностями, найденные въ Михайловской-Горѣ.

Вотъ въ чёмъ состоять обзоръ киевскихъ древностей. Оно, по множеству рисунковъ, чрезвычайно-тищательно сдѣланыхъ, по отчетливому описаниею древностей, стоило много труда и издержекъ издателю. Честь ему и слава!

Въ Россіи, гдѣ, большою частію, правительство само обязано предпринимать на свой счетъ издаваніе учёныхъ трудовъ, гдѣ эта дѣятельность еще такъ мало возбуждаетъ сочувствія въ людяхъ, которые и по своему званию и по своему достатку могли бы много сдѣлать для литературной славы отечества—изданіе, выполненное г. киевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, должно обратить на себя сираведливое вниманіе всѣхъ Русскихъ. Со временемъ Петра-Великаго и Екатерины-Второй, главною задачею сдѣлалось образованіе народа, и правительство неутомимо старалось заводить академіи и университеты,—а много ли мы насчитаемъ людей государственныхъ, которые бы оставили во себѣ память на литературномъ жонющіѣ? И, однако, вотъ уже полтораста лѣтъ, какъ мы неутомимо бѣжимъ по новой аренѣ, къ новымъ цѣлямъ; вотъ уже полтораста лѣтъ, какъ мы сдѣлися догадкой въ образованіи Запад-

ную — Европу; вотъ уже полтораста лѣтъ, какъ наши государственные люди напрягаютъ свои силы за ту, чтобы поднянуть наше въ бѣртѣніи... Наши предки, люди старой Руси, были благочестивы, и чтобы ознаменовать свое благочестіе и передать потомству свою религію къ иѣрѣ — строили храмы и монастыри. Прошло несколько столѣтій, Россия вытерпѣла многое перевороты, и то — храмы и монастыри, разрушеніе отъ времени, изъ разрушенія изъ дѣла руки человѣческіи, изъѣдѣніи, отѣбовѣніи и прѣвращеніе говорятъ обо мнѣніи строителей, чѣмъ «сущіе остатки храмовъ... И мы, люди образованыи, мы стараемся отличиться въ просвѣщеніи, ибо наши предки желали вреумѣніи и благочестію: отъ чѣгожибы не старимся оставить по себѣ памятниковъ, которые бы на долго сохранили памятью, которые бы сказали, что они мудрые не дѣромъ жили въ эти прошліе времена, которые бы доказали, что и мы хотѣли того, чего требовали отъ насъ вѣкъ и общество? Гдѣ же изъ жертвованія, гдѣ приношеннія нашихъ богатыхъ и сильныхъ людемъ на дѣло общее, на дѣло благородное, которое должно характеризовать эпоху?.. Не ужъ-то отъ насъ, въ этомъ случаѣ, и остается памятниковъ, какъ не осталось ничего отъ древней Руси, противъ памятниковъ религіозныхъ? Мы же и будемъ надѣяться на противное...

Но простите... Эта лирическая прѣда невольно вырвалась у насъ при разсматриваніи изданія г. Фудалова, который пожертвовалъ своимъ трудомъ и капиталомъ на дѣло чисто-ученое. Снова повторяемъ: честь ему и слава! Передъ нами памятникъ одного изъ древѣйшихъ русскихъ городовъ, одного изъ самыхъ важныхъ центровъ жизни, къ которому въ-течение несколькихъ столѣтій была привлекана судьба Россіи... Но посмотрите—все это памятники религіозные; гдѣ же памятники признаки побѣдъ нашихъ; гдѣ сцены жизни государственної и общественной

ной? Гдѣ волыножескихъ теремовъ, боярскихъ зашатъ, народныхъ себра-
вий? Все прошло, все сладилось, искъ
сама днепровая, ревная Русь... Не будь
этотомъ, можно бы подумать, что
мы живемъ, очень недавно. Иди это
отъ-того, чтобы каждому общественно-
му дѣлу давало религіозное значеніе въ
въ память его строилъ храмы; мы
одерживали добѣду и строили, вместо
трудозѣльныхъ ворота, церкви; вели-
кии князь подольский Полюдовъ, Пече-
нгъзовъ, Татаръ, иди нещоморыхъ
изладышахъ братъя, и строили мона-
стыри? Посмотрите наладъ села и ле-
ревъ: разъ ли увидите, гдѣ вѣково-
жили вадѣльцы ихъ? разъ вы уви-
дите, гдѣ провозѣлъ свой вѣкъ богатый на-
слѣдникъ, князь и боярана? Нѣтъ;
домъ, его, сгинулъ; потомокъ, да и есть
этого дома, срубилъ новый домъ, кото-
рый вѣдь, свою очередь также развалился...
и село вы увидаете по одной церкви,
которая была построена изъ материала
больѣ-прочнаго, которая уцѣльла въ
то время, какъ жилища князей и бояръ
гнили, точно такъ же, какъ избы бѣ-
ныхъ крестьянъ и городскихъ жите-
лей... Младенческое состояніе народа
не могло оставить намъ такихъ памят-
никовъ, какіе встрѣчаемъ у другихъ
народовъ. Отсутствіе эстетического
развитія было причиной того, что у
насъ нѣтъ остатковъ древнихъ теат-
ровъ, церквей, нѣтъ следовъ пласти-
ческаго искусства, завѣщанаго намъ
древними народами; малонаселеність
и гражданская неразвитость причин-
ной, что наши предки не оставили
намъ великолѣпныхъ дорогъ, подоб-
ныхъ римскимъ, не оставили намъ на
память множества мелкихъ вещицъ,
показывающихъ уточченность жизни
общественной, вещицъ, которыхъ мы
находимъ разрытые не только этру-
сскія, римскія, греческія гробницы, но
даже наши херченскія древности.
Сидящее населеніе страны однимъ
родственнымъ племенемъ, тѣсно свя-
заннымъ между собою происхождені-
емъ, языкомъ и вѣрою, племенемъ ми-
ролюбивымъ, погруженнымъ въ семей-

ный быть и выходившимъ изъ гра-
ници своей семейной жизни для поддер-
жанія того или другого князя, который
до казывалъ своимъ родственнымъ права
на одинъ изъ столицъ княжескихъ, ли-
шило страну воинскихъ укрѣплений
феодальныхъ временъ Западной-Европы.
Къ-чему было изъ дома или горо-
да дѣлать крѣпость, когда жили въ
немъ и окружали его—все свои, даль-
ние, либо ближніе?..

Съдовательно, остается одна исключи-
тельная точка вѣрѣ... Набожность
князей и народа побуждала ихъ употреблять
свои достоянія на строеніе
церквей. Оттуда арагоцѣнныя древно-
стіи кіевскія въ религіозномъ отноше-
ніи, храмы—Софійскій-Златоверхій и
Михайловскій служить достойными
памятниками старины. Оттуда и это
множество церквей въ древнемъ Кіевѣ,
которое для людей нашего вѣка
кажется невѣроятнымъ. По свидѣтель-
ству Дитмара, въ Кіевѣ, въ 1018 году
было слишкомъ четыреста церквей, и
въ чашихъ лѣтописѣ говорится, что
во время пожара 1124 года, истребив-
шаго почти весь Кіевъ, сгорѣло од-
нѣхъ церквей до шестисотъ. Построеніе и украшеніе значительнейшихъ
церквей въ Кіевѣ производили сва-
чаля, какъ извѣстно, художники гречес-
кіе. Огь нихъ уже въ послѣдствіи на-
учились и природные Русскіе, между
которыми особенно прославился со-
временникъ Нестора, Алимпій, иконопи-
сецъ и мозаистъ. Такимъ-образомъ,
вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняты
были изъ Греціи и художества, т. е.
живопись и архитектура церковныхъ;
изъ Кіева овѣ распространились во
всей Руси, въ томъ же византійскомъ
вкусѣ. Какъ самый замѣчательный па-
мятникъ древности, Софійскій Соборъ
свидѣтельствуетъ о состояніи гречес-
каго искусства у насъ во време-
ни Ярослава I. Онъ воздвигнутъ въ
силѣстїе политическаго события, и въ
другое время, можетъ-быть, вмѣсто
его бы былъ построенъ памятникъ въ
честь храбрыхъ воиновъ... Св. Софія
воздвигнута Ярославомъ на томъ мѣ-
2

сть, ейъ съѣхъ въ 1006 году одержали победу надъ Печеңгами, нанесшими на Кіевъ: Здніє построено было греческими мастерами, по образцу константинопольской софійской церкви, хотя въ нынешнемъ разныѣ: Ярославъ такъ украсилъ софійскую церковь, что остатки ея еще и теперь возбуждаютъ неизъяснимое благоговѣніе; при ней съѣхъ учредилъ митрополію, которая и въ настоящее время та же находится, устроилъ монастырь и завелъ церковную библіотеку, въ которой были «книги многи, или же поучашася вѣрѣніи людь, наслаждаются ученьемъ божественнаго...».

Мы скажемъ объ этомъ соборѣ въ-сполько-подробнѣе, во-первыхъ, потому-что онъ уцѣлѣлъ болѣе другихъ памятниковъ древности; во-вторыхъ, потому-что по остаткамъ его можно судить вообще о церковныхъ постройкахъ древности, и, въ-третьихъ, потому-что онъ можетъ дать понятіе о греческомъ церковномъ искусствѣ, привнесенномъ къ наше вмѣстъ съ религіею.

Мы сказали уже, по какому новоду построены Софійский Соборъ—въ-слѣдствіе победы надъ Печеңгами: поэтому здѣсь погребенъ и самъ Ярославъ, въ-уцѣлѣвшей до настоящаго времени мраморной гробинѣ, и сынъ его Всеволодъ съ двумя своими сыновьями: Ростиславомъ и Владициромъ-Монахомъ. Гробница Ярослава находится въ одновѣтъ алтарныхъ приделахъ, по лѣвой сторонѣ отъ главнаго алтаря. На плитахъ бѣлаго мрамора, изъ котораго она устроена, находится выпуклая изваянія крестовъ, пальмовыхъ и канарисовыхъ деревьевъ на верхней доскѣ, включенный въ пять квадратахъ. Въ трехъ среднихъ квадратахъ, между крестовъ, греческая надпись: «Іисусъ Христосъ побѣждаетъ». Въ одновѣтъ такихъ квадратовъ вверху помѣщены, вмѣсто деревьевъ, двѣ рыбы; а еще въ одновѣтъ пары голубей. Вероятно, эти надгробные украшения должны имѣть какое-нибудь символическое значеніе.

Кромѣ гробницы, въ софійскомъ храмѣ есть поражающіе извѣническіе украшенія. Они находятся въ алтарѣ, надъ горницей — мѣстомъ. Посрединѣ этого мѣста, выше всѣхъ изображеній, почти на сводѣ, представляется изображеніе Божіей Матери въ-золотомъ полѣ, исполненномъ роста. Ставя ея утверждены на четырехъ угловыхъ золотомъ камѣ, руки ея, обвязанные въ-лавровымъ поручи, поддѣланы изъ золота, поддерживаемы хранящимъ яблоню. Золотое покрытие на головѣ опускается до плечъ. Ни чѣлъ, ни плечахъ по одной блестящей змѣї. Изображеніе это въ народѣ называетъ «нерушимою стѣною» — отъ-того, можетъ-быть, что, въ-иродоженіе восемьѣковъ, среди разореній и опустошеній, которымъ подвергалась городъ и храмъ, оно осталось непроникнутымъ. Широкая полоса бѣлаго цвѣта съ-брѣссками отдѣляетъ ею верхнее изображеніе отъ группы среднаго ряда, представляющей тайную вечерю. Для агела, одѣтые въ-бѣлье жертвы, сѣютъ трапезу. Всѣхъ ободѣ параллельныхъ угловъ трапезы начертаны и совершенно-сходны между собою изображенія Спасителя. Съ правой стороны Спаситель изображенъ престолющимъ святой хлѣбъ, а съ лѣвой — сияющую чашу. По шести сподоламъ, благоговѣйно преклонивъ голову, подходитъ къ принятію хлѣба и вина. Надъ апостолами, червлены извѣническими буквами надписаны греческіе слова: «пріините, да-то сіе есть тѣло» и т. д. и «пійте отъ ведре». Этотъ средній рядъ изображеній отдѣленъ отъ нижнаго, какъ и отъ верхнаго, широкую мозаическую полосою. Въ нижнемъ ряду помѣщены изображенія святителей III-го и IV-го вѣковъ: Николая-Чудотворца, Григорія-Богослова, Клиmenta, папы римскаго, св. Епифанія, Василія-Великого, Іоанна-Златоустаго, Григорія-Великаго и Григорія-Чудотворца. Всѣ они болѣтъ съ евангеліями въ-рукахъ. Одна половина изображеній изъ изу-и-

мозаики осмыкалась. Подъ ними находятся разные мозаическия арабески, более грубой работы.

На ближайшей къ иконостасу аркѣ въ вѣтѣ алтаря подъ куполомъ, уцѣлѣли также мозаическія изображенія. Внутренность арки представляется на золотомъ полѣ черныя арабески, а съ наружной стороны изображеніе въ трехъ кругахъ Спасителя, у которого съ правой стороны Богоматерь, а съ лѣвой Предтеча. Подъ куполомъ были изображены мозаикою четыре евангелиста, въ нихъ уцѣлѣли ликъ евангелиста Марка и половина образа евангелиста Иоанна. Сверхъ-того, на дугахъ подъ куполомъ, отъ сорока мучениковъ, изображенныхъ каждый отдельно въ кругахъ, съ крестомъ въ рукахъ и съ надписью имени, осталось пятнадцать изображений. Вообще, вѣдь дуги и столбы подъ куполомъ сохранились еще слѣды мозаики.

Эти удивительные и сложные работы доказываютъ толькo, какъ много бы могли бы имѣть свѣтскихъ памятниковъ бодчества и мозаикъ, еслиъ вся умѣтвеннѣя, эстетическая и нравственная жизнь древней Руси не со средоточилась исключительно въ одномъ редкѣстномъ направлении. Тѣ же Греки, которые строили церкви, могли бы строить и дворцы, и терема, и палаты. Скажутъ: были, и дворцы, и терема, и палаты, но теперь вѣдь и слѣдовъ ихъ...

Но мы еще ничего не сказали о стѣнной живописи Софійскаго-Собора.

Остатки софійскихъ фресковъ съ древнихъ временъ были открыты въ одновъмъ въ четырехъ небольшихъ отдѣленіяхъ храма, устроенныхъ наподобіе портика. На крутомъ склонѣ его, съ давнаго времени видно изображеніе звѣзды, составленной изъ двухъ равновонечныхъ крестовъ, соединенныхъ между собою въ центрѣ. Потомъ ниже, въ кругахъ изображены четыре лика ангеловъ, написанныхъ въ обыкновенный человѣческій рѣсть, въ-полѣ. Каждый ангелъ держитъ въ лѣвой ру-кѣ шаръ или державу, на которой из-

ображенъ крестъ. Нѣкогда въ промежуткѣ круговъ, въ которыхъ находятся изображенія ангѣловъ, стѣну ограждали изображенія двухъ серафимовъ и двухъ херувимовъ, въ перенесенномъ порядке. Крайѣ этой живописи, еще въ нижней части храма, къ югу отъ главнаго алтаря, въ придѣлѣ, посвященномъ Антонію и Феодосію чечерскимъ, съ лѣвой стороны, очень-давно было видно вѣсколько изображеній, вызывавшихъ изъ-за известной побѣлки. На этомъ-то основаніи, 1848 года приступлено было въ открытии фресковъ по всѣмъ другимъ стѣнамъ и куполамъ софійскаго храма. Для этого назначенъ былъ академикъ Соллогубъ, который и открылъ фрески не только винту на всѣхъ стѣнахъ софійскаго храма, но и на хорахъ и даже въ двухъ галеренъ, вѣдущихъ на хоры. На куполахъ портиковъ, подобныхъ бывшему выше, находятся тѣ же типы изображенія, какъ и на немъ. Винту на стѣнахъ храма и четырехъ-угольныхъ колоннахъ открыты ликъ святыхъ, мучениковъ и иученицъ. Всѣ эти живописные изображенія очень-сходны съ мозаическими, находящимися въ нижней части главнаго алтаря и на аркахъ софійскаго храма, и съ живописью, оставшуюся въ Полоцкѣ, въ храмѣ Всемилостиваго Спаса, построенному съ Евфросиніею, княжною полоцкой. Надъ лѣстницами, вѣдущими на хоры, предметы для стѣнной живописи взяты изъ натуральной исторіи, или же состоятъ изъ эмблематическихъ изображений.

И столько искусства привнесено было нашему обществу изъ Греціи, въ то время, когда Русь еще зачиналась, но искусство это не развилось въ-послѣдствії! Живопись русскихъ доморощенныхъ художниковъ не подвигалась впередъ; мозаика встремляется мало, и архитектура до позднѣйшихъ временъ, за исключеніемъ весьма-многихъ памятниковъ, не представила блестящихъ стѣронъ своего развитія. Общество, въ которое привнесены были эти искусства вѣдь съ религіемъ,

до того еще было малочесное, что не заключало въ себѣ сильную заносительного развитія. Въ течеіе столѣтій мы видимъ рядъ чрезвычайныхъ построекъ, утратившихъ живонимъ, въ сущности бывшихъ воспроизведеніемъ одного и того же... Въ-течение столѣтій мы имъ имѣть приказанія, забыть, что они чужие, и изобрѣтичай считать ихъ свою собственностью... Отъ-чего же теперь, со временемъ Петра, когда мы вновь начинаемъ придавать въ здания и памятники извѣстность — отъ-чего мы вспомнимъ ихъ, отъ-чего мы цедовѣрчны по всему иностранному? Не отъ-чего ли, что это извѣстность еще помо; что оно не-является за себѣ таинственіемъ, некоторые бы успокоили болезненную рутину? А потому, когда проѣдемъ по этой стадѣ всѣколько столѣтій, мы уже не будемъ считать свою собственность и будемъ бояться вспомнить ее?... Тѣ, которыхъ пугаетъ рационализмъ нововведенія, по-крайней-мѣрѣ, должны успокоиться, глядя на такую способность Русскихъ усвоивать себѣ чужое до возможности считать его себѣ чуждымъ и поэтому приваджествою жизни:

При разсмотрѣніи кіевскихъ древностей и трудовъ частныхъ лицъ и правительства на возобновлениѣ ихъ, вѣсъ невольно поражаетъ на видахъ прицѣлъ имъ знаменитаго Петра-Могилы, митрополита киевскаго. Не говоря уже о томъ вліяніи, которое имѣть отъ ученьшій человѣкъ своего времени на образованіе края и всей Россіи (о чёмъ недавно сказали мы при разборѣ Членія Московскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ), мы невольно останавливаемся предъ дѣятельностью его на этомъ вопросѣ, при восстановленіи древностей. Прежде всего вѣсъ поражаетъ его тактъ, который онъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ: онъ, при восстановленіи древнихъ церкви, старался сохранить все, что наблюдало разрушеніи. Такими образомъ, по разрушеніи Батыемъ Десятинной Церкви, основанной Владимиromъ, изъ всего

зданій уцѣлѣли только кирпичные углы. Четыре столѣтія Десятинной Церкви оставались въ развалинахъ: она въ 1638 году возобновлена была изъ оставшейся кирпичной кладки: ее хотѣли придать новыи стѣны: есть пренебрежимъ материала. Въ уцѣлѣвшемъ отъ разрушенія шифре вѣстаровъ: было выстѣнено изъ камняхъ греческій матеріи, которыхъ измѣненіе до сихъ поръ еще не испытано, ибо они найдены въ этомъ шифре, въ такомъ бытъ первоначально и, разруши, все-таки уцѣлѣли. Въ 1824 г., при разработкѣ кунсткамеры, открыты остатки склеповъ изъ каменіи и гіаданіи, пещера изъ каменіи пола, чудесніе обломки кирпичныхъ базъ, напичкѣнныи другихъ упразднѣній; множество кусковъ кирпича въ ямы, подъ крестиковъ и стеклянныхъ браслетъ, кирпичная — разбитая доска въ другіхъ земляхъ: Отъ древней Васильевской; построенной также Владимиромъ именемъ сынишней преподобнѣйшой церкви, во времена Болдана (около 1637 г.) оставались полуразрушенныи стѣны отъ 3 до 6 футовъ, покрыты греческими драконами, падишахами, вырѣзанными изъ алебастра, по отъ временіи почти-совѣршенно покрытими маса. Церковь эту также возобновилъ митрополитъ Моргунъ, построивъ изъ драгоценныхъ остатковъ новую церковь: верхъ ея стѣнъ съ карнизомъ въ стѣнамъ пиластрамъ, также окна слѣдѣны вновь, и только одно узкое окно въ сверху, въ притворѣ алтаря, оставлено древнее. Всѣдѣя надломы были куски такого же красноватаго изфера, никакимъ выстѣлкой быть волѣ изъ Десятинной Церкви, изъ того и заключаютъ, что и въ древней Васильевской бытъ такой же полъ.

Киево-софиейскій Соборъ, именемъ архітектора церкви, въ-течение времени во-результатѣ былъ ограбленъ и удалимыи ликвидированъ, и Татарами, и уніатами. Ихъ старый и величіи въдергнуть судило митрополиту Петру-Могилѣ пострадать послѣ нихъ софийскую церковь, по его ходатайству у Владислава II возвращенную привозомъ: Съ того

времени, для предохранения стены отъ дальнѣйшаго разрушенія, накладены съ боями чада винами богоизбраннымъ пристѣнными, вровень съ архитектурою церкви, не даѣтъ верхней галерей. Петъ-Могила, также воссновавъ и Спасъ-на-Берестовѣ, церковь, построенную Владицію и разрушенную до основатѣй во время татарскаго нашествія, при восснованіи оныя старалася сократить ее, чтобъ уцѣльть. Стѣны же жалелись, какъ видно изъ подписанійъ въ самой церкви, въ память Могилы по проприией перстами. — Въ первомъ эти оскъ дѣлали благородія привыкшія, опасаясь, чтобъ пальцы не расхотѣли, прибрасывали: «Да никто же убо сты сего сътако хреинъ дерднеть отъѣти, отдамътъ ми себѣ присоюни, подъ язмою, и никомъ же ни отъ кого это фаврѣйшию клятвою и авдо-шено». П столько слѣдовъ одиръ че-ловѣкъ, дѣлъ такую скону, когда у насъ ешко не думали о важности древно-стей! *Свѣтъ*

6). *Підвор'я суконуткої экспедиції въ Індію, предложеній императору Павлу Церюашчу первымъ консуломъ Наполеономъ Бонапартомъ. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 12-ю д. л. 36 стр.*

Книготечакіе русское представляется многоглавицательный явлениемъ. Выходить въ свѣтъ книги, означенованные греками, всемирныхъ именемъ Наполеона, съ предметомъ, чрезвычайно важнымъ для исторіи не только Франціи, но и Россіи. — И эта книга требуетъ, чтобы въѣхали на слово! Ихъ предисловія, имъ примиціавій въ нихъ, никакихъ объясненій неѣтъ! Русской переводчице не удостоиваетъ своихъ читателей ни однимъ словомъ, ни однимъ замечкомъ о томъ, изъ какой книги или изъ какого архива заимствованъ онъ поименникъ проекта, который даѣтъ имъ въ русскомъ перевѣдѣ. Вѣрьте на слово, что Наполеонъ присыпалъ въ Россію вотъ какой проектъ — вѣрьте, потому что и хамидане вѣ-

руть же своему Корану. Еще думаютъ, что изъ посыпѣ винки есть какіе-то сооруженія, воѣтъ кто винить вину, и кто тутъ же дѣлать окнаши паски-вѣрраженія? Все это остается во сты, и читателю ничего не понимаешь, даже читая чье-то книжки. Ось-чего же это? — это какого-то лѣтскаго изданія, что тварь неизвѣдѣвать. историческое доказательство. Еслибы переводчикъ или издатель-изтуралилъ приложить поясненія о подлиннотѣ и обѣ обстоятельствахъ, давшихъ къ нему возникновеніе, это прижало бы вину видѣть, все было бы ясно, умѣство, и обогатило бы наше литературу любопытству ветеранскому комітѣю; но теперь — это вѣдомое-вѣра въ загадки. Больше ничего. Для кого я для чего издана эта книжка?.. Долго не могли мы угадать ничего, но, переворачивая еще разъ загадочное-засточки, увидѣли слова: «Платону Васильевичу Голубкову, мѣдворному сосланнику, кицлеру оренбургскому. Акты сїверной степи, украшенію алмазами, и т. д. Владимира четвертой степени съ бѣзномъ. Въ знакъ глубонѣщаго уваженія исключительности перегодичинъ». Мы готовы были восхищаться при этомъ, какъ Архимедъ: «какшель! на-шель!»

Дѣ, разгадка найдена... Но смиренно признаемся, трудно было бы найти ее, если бы въ умахъ нашихъ не раздавались еще недавно кличи за Ииндію, но случено проекта также «суконуткої экспедиціи въ Ииндію», но экспедиція мирной, торсовой, нехожей на наполеоновскую. При сужденіяхъ о ней, война ограничилась журнальными выстрѣлами въ фельетонахъ газетъ. Карточка, грамота, бомбъ не употребили. Однѣмъ фѣдѣ, несть чрезвычайно обрадовало его-скуту обширнаго торговаго и пр. противъ: экспедиція въ Ииндію — редаріанская пламенная и бѣ васлужила хвалы его; но противъ — скорѣстный выстрѣлъ изъ фельету ихъ разладок миролюбиваго и съ на, обыкновенно тутъ же зашла рѣчь о Кобленѣ, кото-раго первыи «вѣстеніе» называлъ

торгашомъ и фабрикантомъ, разъезжающимъ по Европѣ съ обраѣчниками своихъ засарныхъ сатцевъ. Мирный фѣдѣтонистъ возвсталъ именно за торговую дѣятельность Кобдена, только въ другомъ, больше - возвышенномъ смыслѣ, а проектъ торговой экспедиціи въ Индію назвалъ чѣмъ-то въ родѣ мечты. Тутъ-то противникъ его открылъ сильную канонаду холостыми выстрѣлами, и журнальная перестрѣлка окончилась, какъ обыкновенно, тѣмъ, что каждый остался при своемъ мнѣніи. Выстрѣлы казались потраченными напрасно. Звуки ихъ перестали уже раздаваться въ ушахъ нашихъ — какъ другъ теперь, въ защиту торговой экспедиціи въ Индію, о которой помышлялъ П. В. Голубковъ, является русскій переводъ на Наполеона проекта сухопутной экспедиціи въ Индію, посвященный П. В. Голубкову. Сближеніе, счастливо-придуманное, и на первый взглядъ очень-обольстительное! Но почтенный П. В. Голубковъ, конечно, не воображаетъ, что о проектѣ его уже усердно хлопочутъ, и едва-ли можетъ быть доволенъ, что подъ защиту мирной его идеи приносить проектъ, который имѣлъ цѣль политическую, сообразную обстоятельствамъ исключительнымъ. Тамъ была сила, которая соловьи ломитъ, по русскому присловью; а торговля и промышленность больше всего боятся такой силы и требуютъ именно того, о чѣмъ хлопочетъ Кобденъ... Сближать проектъ П. В. Голубкова съ проектомъ Наполеона — значитъ уничтожать его, потому-что Наполеонъ хуже всего понималъ основы. начала богатства народовъ, и это было имъ способствовало разрушению отчасти что могущества, имъ созданной громады. Что учиться въ исторіи подлаго. Можемъ, но только не подлаго его въ экономіи, и надо-бно учитъической онъ, что о промышленности знать цинтизмъ, — того, чтобы оставо-общество развѣ для чая все это, г. Голубковъ вѣрою не порадуется сближенію своего имени съ именемъ Наполеоновымъ,

и, можетъ-быть, повторить излюбленный стихъ Крылова... Но перевадчикъ, какъ видно, хотѣлъ усилить подійскому проекту его напоминаніемъ, что, дескать, вотъ и Наполеонъ, человѣкъ былъ не глупый, а думалъ съ томъ же.

Слова наши могутъ привлечь другую; но мы и не шутя сказали бы то же самое, потому-что какъ иначе объясните вы появление книги, подобной переводу наполеоновскаго проекта? И не въ правѣ ли мы удивляться появлению такихъ книгъ, которыекъ значеніе надобно угадывать, сбивая разнородные обстоятельства, по-видимому, далекія одно отъ другаго? Кобденъ, Пиль, Наполеонъ, П. В. Голубковъ, выстрѣлы журнальныхъ фельетоновъ, политическая экономія...

Чтѣмъ вы, о, поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дниахъ?

7) Сказание о Видѣніи дѣвичества Димутаваганы. Послѣсть Сомадевы Бхагаваты. Переводъ съ санскритской К. Бессовицкаго. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. XIII и 88 стр.

Въ исторіи санскритской литературы надо-бно различать два периода: древнійшій и позднійшій. Въ древнійшихъ ея произведенияхъ: «Рамаянъ», «Магабхаратъ», «Ведахъ» по-вѣтвовательного содержанія, неотъшливъ объективны и занять не эффектами, а художественны предста-вленіемъ своего предмета. Во второмъ періодѣ — періодѣ передѣлокъ и ком-пилиацій — по-вѣтвовательные сочине-ния имѣютъ видъ огромной поэзіи; весь объемъ ихъ состоятъ изъ шестидесятихъ самостоятельныхъ разсказовъ, вставленныхъ искусствомъ рукой, въ видѣ эпизодовъ, и подчиненныхъ общей или главного рассказа. Прерывая читателя въ тѣхъ именно пѣ-стахъ, где наиболѣе возбуждено его любопытство, возбуждая потому любопытство снова неизничесмыми, новыми разсказами — подобныемъ изложениемъ, авторъ умышленно изъ-

дый разъ старается утолить жажду любозытнаго читателя только вполону, имѣя, въ виду завѣсить его до самаго окончанія главной повѣсти. Въ тамошнѣйшемъ изложеніи знаменитое собрание санскритскихъ басенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Настащеніе полесакому*, и даже большая часть Пурани, сочиненій чисто-религиознаго содержанія. Подобное же изложеніе находился въ арабскихъ сказкахъ «Тысяча и Одна Ночь», и въ басняхъ Пильпана. Оно родилось въ то время, когда истощилось духовное творчество Индуистовъ и когда притупленный вкусъ нуждался въ раздражительныхъ средствахъ. Не будучи въ силахъ произвести нового, позднѣйшіе иудейскіе поэты поставлена были въ необходимость повторять то, что давно уже было изложено ихъ геніальными предшественниками; для того же, чтобы чѣмъ-нибудь отличиться отъ нихъ, они частью представляли содержаніе, заимствованное у древнихъ поэтовъ въ утонченѣйшей полиграфїи языка, частью прибѣгали къ средству давать своимъ компиляціямъ новый, эффектный видъ безпрестанно прерываемаго и возобновляемаго рассказа.— Но разомъ съ крайнею искусственностью какъ языка, такъ и общаго изложенія, и отсутствіемъ истинной оригинальности въ позднѣйшой повѣстовательной санскритской литературѣ, драма санскритская сохранила художественность, простоту и естественность человѣческой мысли и слова. Этотъ фактъ можетъ объясняться только тѣмъ, что назначеніе драмы было всегда для большинства общества, искусственность же въ подѣла никогда не могла находить сочувствія въ массахъ народа. — Впрочемъ, не вся санскритская поэзія позднѣйшаго времени, кроме драмы, лишена всякой оригинальности. Нерѣдко, подъ изысканною оболочкою щеголеватаго слова, видны истинное чувство и мысль. Но это уже поэзія знатоковъ, а не всечеловѣческая поэзія; это Виргилий, а не Гомеръ, не Вальтеръ.

Рассказъ о Виджандгарѣ Джиннутаваганѣ заимствованъ изъ огромнаго санскритскаго сборника рассказовъ нравственно-миѳологическаго содержанія, подъ названіемъ: «Море слившихся потоковъ рассказовъ». Само заглавіе обнаруживаетъ способъ изложенія рассказовъ. Сборникъ принадлежитъ къ позднѣйшей литературѣ, о характерѣ которой мы сейчасъ скажемъ. Авторъ его, Сомадѣва-Бхатта, жилъ въ Кашмирѣ въ началѣ XII-го столѣтія и, по преданію, составилъ его, чтобы утѣшить царицу Сурьявати въ потерѣ ее внука, кашмирскаго царя Гарша-Девы. Въ началѣ своего произведенія, онъ самъ сознается, что его власуга состоитъ только въ переложеніи въ стихи огромнаго собранія санскритскихъ рассказовъ, и что онъ это сделалъ для того, чтобы легче было читателю удержать въ памяти рассказы его первообраза.

Г-нъ Коссовичъ перевелъ «Сказаніе» изъ изданія г-на Брокгауза и привезъ въ примѣчаніяхъ объясненія географическихъ мѣстъ, предметовъ по части естественной исторіи и нѣкоторыхъ имёнъ мифологическихъ. Каждый ученый и добросовѣтный трудъ достоинъ уваженія, и мы нисколько не возьмемъ на себя обязанности счи-
таться надъ наукой, къ какой бы отрасли знанія она ни привадлежала—будетъ ли то греческій, или санскритскій языкъ. Нѣкоторые журналы потому только воздвигаются на сочиненіе или переводъ, что сочинитель или переводчикъ посвятилъ себѣ специальному занятию. Это несправедливо. Но мы вооружаемся противъ неловкихъ, насильственныхъ примѣчаній прошлаго къ настоящему, противъ натянутаго сходства между древне-индійскимъ и ново-европейскимъ. Такъ мы имѣемъ право посмѣяться надъ именемъ переводаши ивайской драмы: «Торжество Свѣтлой-Мысли», который въ си-
ицизмѣ, изображенномъ этой драмой, видѣтъ прородженіе гегедовой философіи! Такъ и теперь не можемъ не находить забавными сбывающіи

слова г-на Коссовича: «Дай Богъ, чтобы совершенство вашъ швейцарскіе (!!) послѣдователи Сивантоя, которые съ такою поразительной вѣрности предугадали въ драмѣ («Торжество Свѣтлой Мысли») наши разностные журнальные поборники изъ ученика, дай Богъ, чтобы тѣ и другие наши Сиванты примили себѣ когда-нибудь въ образецъ Сивантия Сонядевы! Воля ваша, это изъ-руцъ-вонь! Думалъ ли какой-нибудь Оксенбейль или Зигвартъ Мюллеръ, что они всю свою особою, что зодчерибуль и незодчерибуль всѣмъ своимъ составомъ войдутъ въ драму или новѣсть видѣвшихъ писателей, которыхъ имѣли нельзя проницать правильно безъ того, чтобы не сломить, по-крайней-мѣрѣ, двухъ переднихъ зубовъ! Сближеніе переводчиковъ такихъ отдаленныхъ предметовъ напоминаетъ проницательность суды (въ «Ревизорѣ»), который въ простотѣ прѣтѣдѣ ревизора видѣть войну съ Турками... Не меньшее забавно притѣчаніе на страницѣ XI-й предисловія: «Овѣбленіе, съ которымъ мой трудъ бытъ встрѣченъ во многихъ журналахъ, въ особенности же: въ «Современникѣ», въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «Сынѣ Отечества», можетъ быть оправдано только сказкою объ обезьяны, разсердившейся на зеркало за то, что оно очень-вѣрно отразило безобразныя черты ея. Но виноватъ ли переводчикъ Санскритской драмы, что ваши мудрователи встрѣтили въ ней самихъ-себя и что ученикъ, которое предано въ этой драмѣ поруганію, похоже на ихъ ученика? Когда поставишь рядомъ три предмета, родственные по мнѣнію переводчика: Индію, Швейцарію и современные русскіе журналы, то повелъ согласившись, что «крайности сходятся»...»

8) Лѣсная Промышленность. IV. Часть Химическая. Переведена съ французского, по приказанію г. министра финасов. Санктпетербургъ. Въ тип.

Доп. Вѣшней Торговли. 1847. Въ 8-и д. л. 459 стр.

— Чертежи яо химической части лѣсной промышленности. Э. Вермана. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-и д. л. 64 стр. и XXX чертежами.

Мы уже имѣли случай говорить о первой части труда Г. Вермана; вышедшемъ книга содержитъ въ себѣ ту часть лѣсной технологии, которая главнымъ образомъ основывается на химическихъ процессахъ. Въ ней зачатается сама упаковка предметовъ: о деревоохраненіи дерева отъ корчи и пронизывающихъ его красильныхъ веществахъ; о деревѣ, какъ горючемъ материалѣ, и обугливаніи дерева; о турѣ; о дрезенской кислотѣ, древесномъ спиртѣ и химическихъ продуктахъ, получаемыхъ посредствомъ ихъ; о смолистыхъ деревьяхъ вообще и продуктахъ, добываемыхъ изъ нихъ; о приготовлении сажи, жирного вара и смолистой маслянки; освѣщеніе листучими маслами; о красильныхъ веществахъ; дубовой корѣ и лектѣ изъ бересковой коры. Изъ этого видно, что содержаніе книги Г. Вермана весьма интересно для людей специальныхъ, занимающихся лѣсной технологіею; оно было бы еще интереснее, еслибы авторъ или переводчикъ сдѣлалъ указанія на способы, употребляемые въ вашей лѣсной промышленности. Можно также замѣтить, что теоретическая часть книги не вполнѣ удовлетворяетъ современному состоянію науки. Такъ, наприм., § 1-й вѣдѣтъ заглавие: «Химический Сессионъ Растений», — а между тѣмъ въ немъ говорится только объ замѣнѣмости лѣстчатки, тогда-какъ мы ожидали встрѣтить здесь свѣдѣнія о такъ-называемыхъ непосредственныхъ началахъ растений (*principes immédiats*), каковы: фибринъ, кавенинъ, клейковина, трахималь и проч.

9) Народная Медицина, химико-хирургия къ русскому быту и различнѣ матности Россіи; изданныя Фондомъ медицины и хирургии А. Чоруковскимъ.

Отдых четвертый. Внутрення болезни. Часть седьмая. Санкт-Петербург. 1847. Вс. тип. военно-учебных заведений. Вс. 8-ю д. л. 586 и IV стр.

При выходѣ изъ свѣтъ первыхъ частей «Народной Медицины», мы уже высказали свое убѣжденіе о пользѣ и достоинствахъ труда г-на Чаруковскаго, и теперь, прочитавъ седьмую часть, остасимся при премнѣи мнѣніи. Въ этой части говорится о ликорадахъ и коричкахъ, о воспаденіяхъ, о ликорадочныхъ острыхъ сыпахъ, безликорадочныхъ хроническихъ сыпахъ, о хроническихъ, продолжительныхъ, медленныхъ болѣзняхъ, о болѣзняхъ нервныхъ, въ худосочіи, о женскихъ и детскихъ болѣзняхъ, а въ концѣ приложеніе наставлѳніе о предохраненіи и леченіи отъ холеры.

10) *Русско-Латинский Фразеологический Словарь, составленный по Иосифу и Фаччіолати, съ помощникомъ и казалоромъ Александромъ Бѣликовымъ. Москва. Вс. университетской тип. 1846. Три части. Вс. I части 296, со II—290, въ III—234 стр.*

Хотя на заглавныхъ листахъ первыхъ двухъ частей выставленъ 1846 годъ, на заглавномъ листѣ третьей части 1847-й, но, какъ видно изъ объявленія въ «Московскихъ Вѣдомостахъ», «Словарь» этотъ поступилъ въ продажу только въ концѣ октября 1847 года.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору его считаемъ нужнымъ сказать вообще о томъ, какую цѣль и какое назначеніе долженъ имѣть русско-латинский словарь.

Извѣстно всякому, кто учился какому-нибудь иностранному языку, что гораздо-труднѣе переводить съ отечественного языка на иностранній, чѣмъ съ иностраннаго на отечествен-года. При переводахъ съ иностраннаго языка, даже тотъ, кто лишь начинаетъ учиться этому языку, часто, узнавъ только значеніе словъ, и то не всѣхъ, и не вникнувъ хорошошенько въ формы словъ, угадыва-

етъ взаимную ихъ связь и отношеніе, и потому съ плохими знаніями формъ и даже неполными знаніемъ значенія словъ, можетъ съ иностраннаго языка на отечественный перевести иное мѣсто довольно-порадочно. При переводѣ же съ отечественного на иностранній, нужно хорошо знать не только значеніе всѣхъ словъ, но даже и формы, какія приходится употребить. Этого мало: ученики не всегда сумѣютъ применить къ дѣлу даже известные иму слова и формы: нужно много навыка, чтобы употребить къ мѣсту или другую форму, то или другое слово; тотъ или другой оборотъ. Изъ сказаннаго нами само собою слѣдуетъ, что больше или менѣе совершенное знаніе иностраннаго языка достигается только при переводахъ съ отечественнаго на иностранній. Хорошо перевести съ отечественного языка на иностранній — труднѣе даже, чѣмъ писать на иностранномъ языке. Кто пишетъ на языкѣ иностранномъ, тутъ имѣть полную свободу выбрать какое угодно слово, какой угодно оборотъ. Кто переводить, тотъ долженъ постоянно писать въ виду оригинала, и употреблять только слова и обороты, соответствующіе словамъ и оборотамъ оригинала и вмѣстѣ не противорѣчащіе духу языка, на который переводится. Русско-латинский словарь долженъ быть пособіемъ къ переводамъ съ русскаго на латинскій и къ писанію на латинскомъ языкѣ.

Въ послѣднее время, въ Германіи, где, такъ много занимались и занимаются латинскимъ языкомъ, возникли сомнѣнія, споры о пользѣ латинскаго языка и вообще языковъ классическихъ. Споры эти, какъ и всякие вообще споры, не обошлись безъ натяжекъ, безъ крайностей. Во всякомъ случаѣ, они служатъ многоизначительнымъ доказательствомъ того, какую сильную потребность чувствуетъ современный человѣкъ въ приложenіи науки къ жизни. Онъ не хочетъ учиться, чему учились его отцы и дѣды, только по той причинѣ, что...

оин этому учились. Желательно, чтобъ вопросъ о томъ, полезны ли классические языки или нѣтъ, и если полезны, то въ какой степени, поскорѣе рѣшено быть для Россіи, относительно Россіи. Мы еще такъ молоды, такъ свѣжі, такъ, благодаря великому Петру, свободны, отъ предразсудковъ...

Вопроса, выставленного нами, решать не беремся: для этого нужно другое мѣсто, другой случай, и — много подготовки. Скажемъ только, что мы вовсе не сомнѣваемся въ полезности классическихъ языковъ, убѣждены въ ихъ полезности. Только думаемъ, что преподаваніе ихъ должно принять, особенно у насъ, другое направление, чѣмъ какое имѣю оно до сихъ-порѣ. Въ настоящемъ случаѣ, считаемъ нужнымъ только поговорить о томъ, въ какой степени, по нашему мнѣнію, полезно писать по-латини, и считаемъ это нужнымъ потому — что, какъ сказано, цѣль русско-латинского словаря пособлять пишущему по-латини.

Теперь доказано положительно, что писать въполномъ смыслѣ по-латини невозможно; что можно только приблизиться къ истинно-правильному и изящному латинскому языку; что не было ни одного ученаго, который бы не дѣлалъ ошибокъ противъ чистоты и изящества латинского языка, хотя многие изъ нихъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ не только много писали, но даже и много говорили по-латини, и съзывали превосходныхъ стилистовъ. Ученые: мужи, безпрестанно ловить другъ друга въ промахахъ, издѣлаются другъ надъ другомъ, часто довольно-неучтиво, и всѣ пишутъ по-латини — съ ошибками. Нигдѣ, можетъ-быть, бренность и виѣсть самодовольствіе человѣческой природы не выказывается въ такомъ свѣтѣ, какъ въ латинской стилистикѣ. Вотъ, въ подтвержденіе, нѣсколько фактовъ. Еще въ половинѣ XVII столѣтія, Caspar Schoppe (*Scioppius*), большой охотникъ ловить чужие промахи, въ книгѣ своихъ: «*In famia Fiamiani*» (т. е. Без-

славіе Фаміана: тутъ по-латини налажуръ), жестоко отдалъ книгу Фаміана Страды: «*Bellum Belgicum*»; а въ книгѣ: «*De stilo historico*» выставилъ множество ошибокъ Липсія, Казанбона, Скалигера, Мурета и другихъ славныхъ филологовъ и стилистовъ. Нѣчего и говорить, что самъ Шоппе грѣшилъ противъ латинскаго языка не менше ихъ. Рункеній, знаменитый голландскій филологъ прошедшаго столѣтія, во второмъ изданіи своего «*Elogium Hemsterhusii*», очень-многое измѣнилъ, а въ примѣчаніяхъ къ Мурету (примѣчанія эти состоять большую частію въ поправкахъ языка Муретова) исправляетъ многія ошибки, найданныя имъ въ другихъ прежнихъ сочиненіяхъ. Наконецъ, въ Германіи составлено нѣсколько *antilibarbarorum*, *antilibarbi*, въ которыхъ собраны и исправлены главнѣйшия ошибки новыхъ латинистовъ. Лучшимъ антивараромъ считается креbsom (*Antilibarbarus der lateinischen Sprache*, von Dr. I. Ph. Krebs. 1837). Книга Кребса представляетъ много интересныхъ фактovъ касательно истории латинской стилистики: главнѣйшіе мы приведемъ сейчасъ. Замѣчательно, что Кребсъ (стр. 10) при ошибкахъ выставляетъ, хоть и не всегда, имена ученыхъ, часто высоко поченныхъ (*hochachtbaren*), вирочемъ, только имена умершихъ уже ученыхъ, а изъ живущихъ — только иностраннѣхъ. Живущихъ еще Нѣмцевъ не трогаетъ: похвальная деликатность! Кребсъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говорятъ, что невозможно писать по-латини совершенно-правильно. Всего легче вкрадываются въ латинскую рѣчь нового латиниста идѣотизмы роднаго языка (стр. 65). И это очень естественно; латинскій языкъ очень отличается отъ новыхъ языковъ, а виѣсть — крайне-точень. Гораздо-свободнѣе языкъ греческій: въ немъ нѣтъ такихъ твердыхъ, никогда-невозможныхъ оборотовъ, какіе такъ часты въ латинскомъ языкѣ. Чтобы показать, въ какой степени латинскій языкъ от-

личается отъ русскаго, приведемъ не- сколько прицѣрвъ, взятыхъ нами изъ Кребса же. По-русски: «въ одномъ мы *выше тебя*»; по-латини: *quod te vincitum*. По-русски: «я потерпѣлъ его *некоторыи*»; по-латини: *vix alieno tempore amisit*. По-русски: «мне болѣло, что ты меня подозрѣвалъ въ *нерадѣніи*»; по-латини: *te potius negligentiæ suspicimus tibi esse doleo*. По-русски: «въ этомъ *сказа- зываша* ты *прѣтнку* для меня *лю- бовь*»; по-латини: *in eo rgaes te ferga dulcem mihi affectu*ющим**. По-ру- скии: «*прибавьте* къ *этому* *суетѣрье*: *кто поддергаетъ* ему, *но* *можетъ* *нико- гда* *быть* *докоенъ*»; по-латини: *accedit superestilio, qua qui est imbuitus, qui- eatus impunam esse potest*. У Кребса (стр. 65) многое еще подобныхъ лати- скихъ примѣровъ, переводимыхъ на нѣмецкій языкъ совершенно — иными словами. Замѣчательно, что переводъ русскій почти всегда сходенъ съ нѣ- мецкими. Если вы слышите хоть эти примѣры съ русскимъ переводомъ, увидите, въ какой степени нужно про- питаться *imbui*, латинскимъ языкомъ, чтобы, пишя по-латини, выражаться латинскимъ выраженіемъ, а не русскимъ. Кребсъ, какъ и прочіе стили- сты, для забѣжанія галицизмовъ, германизмовъ, русизмовъ и т. п., со- вѣтуетъ думать по-латини (стр. 65 *Denke das zu Schreibende lateinisch*). Легко сказать: думай по-латини! Но дѣлай этотъ советъ безполезенъ, по- тому-что выполнить его невозможно. Если не думали вполнѣ по-латини, какъ самъ Кребсъ доказываетъ, люди ученые, трудолюбивые, годовъ по пя- тидесяти иногда писавши и говорив- шие по-латини, такъ заботливо стара- вшіеся о чистотѣ латинской рѣчи; если не достигли этого даже тѣ изъ нихъ, которые съ трудолюбіемъ и тщатель-nostю соединили даровитость, то они этимъ уже давали невозможность думать по-латини.

И вообще нужно сказать, что до- сихъ-поръ многие не понимаютъ ясно истинны простой аксиомически-вѣрной, что, на-прим., Русскій и можетъ, по-

жалуй, думать на латинскомъ, нѣмец- комъ, французскомъ языкѣ, но думать по-латини, по-нѣмецки, по-француз-ски, т. е. какъ Римлянинъ, Нѣмецъ, Французы — не можетъ. Вѣдь всѣ согласны въ томъ, что какъ всякий от- дѣльный человѣкъ, такъ и всякий на- родъ имѣть свою особность, свой ха- рактеръ — а характеръ народа всего на- стояніе, опредѣлительное назначает- ся въ языке. Правда, иногда даютъ человѣку такое воспитаніе и образова- ніе, которое, кроме того, что ока- зывается ему въ-послѣдствіи почти ненужнымъ (многое ли вамъ пригоди- лось, читатель, изъ того, чему вы учи- лись во время био? что вынесли вы для себя, для души вашей, изъ раз- ныхъ реторикъ, логикъ, грамматикъ, исторій, etc.?) имѣть еще похвальное свойство на прокрустовомъ ложѣ сво- емъ уравнивать людей, приводить ихъ къ безличности, безхарактерности. Не поддается этому воспитанію только тотъ, у кого довольно-эдоровая голова. При всемъ томъ, быть двухъ человѣкъ, похожихъ другъ на друга. Какъ иудро ни убивай личность, она будетъ жива, пока человѣкъ будетъ живъ, только не разовьется. Такимъ же точно обра- зомъ, невозможно истребить и наци- ональной особности. У насъ, на-при- мѣръ, многѣ съ малолѣтства до самой смерти говорятъ по-французски; по-руски же очень-рѣдко. Что выходи- тъ изъ такихъ людей, кто не знаетъ? Да даже цоложимъ, что Русскій вовсе оправдывается, вырастетъ во Франціи, будетъ жить только съ Французами: и тогда мы очень сомнѣваемся, чтобы изъ него вышелъ настоящій Фран- цузъ.

Теперь легко решить: 1) возможно ли думать по-латини, 2) полезно ли думать на латинскомъ языкѣ. А какъ умилительно представить какого-ни- будь смириаго Нѣмца думающимъ, какъ думать, на-прим., Цезарь!.. Какъ истати, какъ идугу къ нему разныя латинскія выраженія, перешедшія изъ военного быта въ обыкновенный языкъ: *fortis et respondisti, comitabilitonem!*

Люди ученые въ-самомъ-дѣлѣ воображали себѣ Цезарями... Иначе, какъ объяснить, что ини таихъ правилось называть своихъ слушателей: *comitatores?*

Чтобы писать хорошо по-латини, для этого, кроме обширной начитанности въ римскихъ классикахъ (это единственный путь къ думанию по-латини); нужно еще многое и многое. Нужно самое глубокое знание грамматики; а такъ-какъ до сихъ-поръ латинская грамматика не установилась, то, пока она установится, пишущіе по-латини вѣчно будутъ дѣлать ошибки. Кроме грамматикъ, нужно еще усвоить стилистику латинскую: обѣ ней многие писали. Потомъ нужно знать хорошо различие синонимъ (Дѣдерлейна синонимика въ 6 томахъ; есть много и другихъ). Нужно хорошо ознакомиться съ римскими древностями, римскимъ правомъ, и проч., и проч. Однимъ словомъ, можно, даже человѣку съ большими способностями, посвятить цѣлью жизнь искусству писать по-латини; съ полной увѣренностью, что никогда не будешь умѣть писать по-латини, и что, рано или поздно, имъ твои попадетъ въ антиварваръ...

Чтобы дать возможно-полное понятие о томъ, что такое значитъ писать по-латини, мы для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не иѣли счастія и удовольствія хоть попробовать себя въ этомъ дѣлѣ, покажемъ, какъ начинаютъ учиться ему. Послѣ предварительной подготовки, продолжающейся иногда годовъ пять, шесть, и состоящей въ переводахъ съ латинского на отечественный языкъ и съ отечественаго на латинскій, заставляюга будущаго писателя изощрять и собственныя творческія силы. Латинь сперва, конечно, выходитъ плоховата. Его исправляютъ, говорятъ, что онъ преимущественно долженъ держаться Цицерона, Цезаря и еще нѣсколькихъ писателей, отъ которыхъ донынѣ до насъ только маленькие отрывки, но которые жили въ одно время съ Цицерономъ и Цезаремъ. Онъ только тогда имѣ-

етъ право обращаться къ другимъ классикамъ, когда Цицеронъ и Цезарь его не выручатъ—и то съ крайней осторожностью. Даже на Линий онъ не смѣеть полагаться: въ немъ своего *ratavibitatis*. О Саллюстіи и говорить нечего: одинъ древній грамматикъ называлъ его *priscorum Catonis verborum ineruditissimum fureum* (т.е. ирреобразованый воромъ склонныхъ словъ катоновыхъ) (*). Замѣчательно, что такое мнѣніе устанавливается очень рано. Квинтилианъ еще (Іза. VIII, 3) говоритъ: «Мы передаемъ способъ выраженія. Да что! весь почти языкъ переданъ. *Dicendi начинанинъ* — *дело*. *Quid tacitus* — *тобъ* *раско пишдис* — *затъ зогъ*. Еще рѣче выражается Плиний Младшій (Крест. 39); говоря обѣ одновѣковѣ, тѣль говорить: «*такъ-то* съ языкомъ *по-латини*, *такъ-то* *изъ языка* *по-латини*, *такъ-то* *(olim, quum latine юсаевемаг)*». И такъ, будущему писателю мужна смертнасправляться о каждомъ словѣ. И что же? онъ, сирахнинъ, находить, что такое-то слово употреблять Цицеронъ, такого же быть. На-принѣръ, онъ находится у Кребса подъ словомъ *bonis*: «классическое выражение есть только *aequi et boni*, а не *boni et aequi*». Почему тѣ выражение классическое, а это не классическое—вѣреятно, не объясняльнъ бы и самъ Цицеронъ. Примѣръ приводится рѣдко: на сто словъ не болѣе пяти разъ. Этого мало. Съ тинь говорить учитель по-латини: «Будь, если онъ будетъ полагаться на ладъ учителя! Съ-тѣхъ-поръ, какъ латинскій языкъ сталъ языкомъ школы и монастырскими, онъ, до XV вѣка, съ каждымъ столѣтіемъ, съ каждымъ даже десятилѣтіемъ (Krebs. Antiharb. VII стр.) болѣе-и-болѣе портился. Съ одной стороны, писавшимъ и говорившимъ на немъ нужно было привораливаться къ понятіямъ толпы, и въ мысли, и въ выраженіи; съ другой стороны, писавшие и говорившие по-латини

(*) См. Кребсъ, стр. 7 и 9.

ни были, почти незнакомы съ классическими писателями. Съ XV вѣка, изъ которыхъ стали знакомиться съ классическими писателями, и вслѣдствіе этого заботились о чистотѣ латинскаго языка. Но они не въ силахъ были ни отстать отъ обихода, которымъ затвердили еще въ школѣ въ азбукахъ, грамматикахъ, молитвникахъ и т. п., ни не дѣлать самимъ новыхъ ошибокъ. Перелистите, говорить Кребель, античарль, и найдете, что многое вы или слышали изъ устъ людей ученихъ, выражены по-латински. (soziet achsbarer gelehriger Männer), или митали въ ихъ сочиненіяхъ. За гдѣмъ исчислять имена умершихъ философовъ (живыхъ онъ, какъ сказано, уже не трогаетъ), и все людей очень-значенійныхъ—изъ Нѣмцевъ: Гесмера, Эрнеста, Гейне, Вольфа; изъ Голландцевъ: Гроновія, Гревія, Бурманна, Дракенборха, Гемстедтгуса, Удендорпа, Валькенера, Рунека, Виттембаха, чей пагубный примеръ такъ вредно дѣйствовалъ на латинскихъ учениковъ, полагавшихъ на учителей своихъ болѣе, чѣмъ сколько подобаетъ полагаться на смертныхъ.

Скажутъ: положимъ, что невозможно писать по-латини вполнѣ хорошо; все-таки полезно писать порядочно. А порядочно писать теперь по-латини очень-нерудно: знающему основанія латинскаго языка это легко. Мы искренно убѣждены, что нѣтъ ровно никакой ни пользы, ни надобности писать по-латини болѣе, чѣмъ сколько потребно для основательного изученія латинскаго языка. Понятно, почему писали по-латини, и писали обо всемъ, годомъ двѣсти, триста тому назадъ. Причины этому были историческія. Съ легкой руки Римлянъ, внесшихъ въ завоеванные ими страны свое право, свою цивилизацию, свой языкъ, Европа долго находилась подъ римской опекой. Западная церковь, избравшая латинскій языкъ своимъ органомъ, укрепила еще болѣе эту опеку. Понятно, почему писали по-латини, когда новая Европа еще смутно понимала

себя, когда кругъ ее понятій былъ далеко-тысѧчѣ круга понятій классического мира, и человекъ имѣлъ въ классической древности всю премудрость; когда языки ее еще не выработались, мало-коэфѣнты, были, къ выражению сколько-нибудь възъяненныхъ надѣ будничною жизнью понятий. Но скажите, зачѣмъ теперь писать на языке, на которомъ не выражишь и десятой доли, нашихъ понятій иначе, какъ не точными, описаціями, перифразами, когда на своихъ языкахъ мы можемъ выразить всѣ, свои понятія точно и изящно? Языку ли народа практическаго, даже материальнаго, самобытно въ-царствѣ мысли ничего почти, кроме права, не завоевавшаго—этому ли языку, въ-которомъ, мимокодомъ сказать, такъ мало отвлеченыхъ понятій, ему ли быть нашимъ ученымъ, общимъ языкомъ? До начала прошедшаго столѣтія, писались на немъ всѣ государственные трактаты, договоры; въ Венгрии только недавно судопроизводство перешло производиться на немъ—а почему? Почему другому, какъ не по безсомнѣнности, какъ не по безотчетности, нераумности, слѣпой привязанности къ старинѣ, къ преданію? Пора же намъ, хоть когда-нибудь, прочистить глаза отъ вѣковой пыли, по выражению шекспира Коріолана; пора взглянуть на все, и на это, прямо, своими глазами. Пусть пишутся на латинскомъ языкѣ тощія филологическая диссертациі; пусть прикрывается имъ бледность и тупоуміе: много намъ случалось видѣть диссертациі и иностранныхъ, и русскихъ, которыхъ, не будь написаны по-латини, навсегда осрамили бы авторовъ своихъ; пусть иной досужій Нѣмецъ переводить латинскими стихами лирическія произведения Шиллера (мы читали гдѣ-то года четыре назадъ объявление о такомъ переводе); но да хранить Господь отъ писательства латинскаго вся живую душу!..

И въ Германіи многие уже возставали противъ обычая писать по-латини. Недавно Кёхли написалъ двѣ брошю-

ры, въ которыхъ онъ восстаёт противъ теперешняго преподаванія классическихъ языковъ, особенно же противъ писанія по-латинѣ. На его брошюру читали мы прекрасную рецензію Фосса (въ первомъ номерѣ берлинскаго журнала, только съ прошлаго, 1847 года, начавшаго издаваться, *Zeitschrift für das Gymnasialwesen*). Фоссъ, возражая на мненіе пункты брошюры Кёхли, ничего не возражаетъ на нападки Кёхли противъ писанія по-латинѣ; и, что всего замѣчательнѣе, признаетъ основательность мненійъ возраженій по этому предмету, какъ Кёхли, такъ и другихъ. Вообще, надо сказать, что рецензія Фосса образецъ благородной полемики: невольно съ нимъ соглашаешься.

Теперь приступимъ къ лексикону г. Вѣликова. При книжѣ этой нѣть никакого предисловія: ужъ такой обычай у иныхъ лексикографовъ! Поэтому мы рѣшительно не можемъ сказать, для чего онъ составлялъ свой словарь, и какими при этомъ руководствовался мѣрзостями. Не знаемъ, почему онъ называлъ лексиконъ свой фразеологическій. Въ немъ есть фразы? Но фразы помѣщаются всегда въ латинскихъ лексиконахъ порядочнаго объема. Не знаемъ также, хотя, признаться; и собственно намъ, что значитъ выраженіе: «составленный по Ноэлю и Фаччіоли». Мы перебрали всѣ лучшіе лексиконы съ какого-нибудь новаго языка на латинскій, и не нашли ни одного, составленного или по Ноэлю, или по Фаччіоли. Имя Ноэля напѣтъ известно, какъ имя составителя разныхъ учебныхъ французскихъ книгъ, между прочимъ латино-французскаго и французско-латинскаго словарей; но почему удостоился Ноэль чести руководить г. Вѣликова, когда есть столько прекрасныхъ немецко-латинскихъ словарей, передъ достоинствами которыхъ словарь Ноэля просто ничтоженъ—этого мы не знаемъ. Имя Фаччіоли известно намъ по огромному латинскому лексикону (*Totius Latinis Læxicon*) въ 4-хъ, мелко-издѣл-

танныхъ томахъ, составленномъ Форчеллии вмѣстѣ съ Фаччіоли, въ послѣдніе времена съ многими по-правками и дополненіями изданному въ Германіи—и по изданію: *Nicollii Thesaurus*. Та и другая книга Фаччіоли не идутъ прямо въ труда г. Вѣликова. Странная задача задана: иногда Русскіе, издающіе разныя книги! Еслиъ вы знали, сколько мы просмотрѣли книгъ, какъ надобно знакомить наше латинистиче вопросомъ кто такой Ноэль и Фаччіоли?—и отъ кого не узнали ничего болѣе того, что мы сейчасъ сообщили. Самъ посудите: ведь досадно не знать трудовъ такихъ людей, которыхъ, вероятно, г. Вѣликовъ считаетъ всѣмъ известными; иначе онъ пребывалъ бы, до此刻ъ именно книгамъ Ноэля и Фаччіоли составлять его словарь.

Нельзя ли было бы г. Вѣликову написать дѣлъное предисловіе, чѣмъ печатать троекратное, иѣсколько-странное, объявленіе о своей книжѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»? Объявление это (№ 125 и слѣдующіе) такъ интересно, что мы считаемъ долгомъ познакомить съ нимъ публику. Книга сія исполняетъ опущительный недостатокъ въ кругу нашихъ учебныхъ латинскихъ книгъ. Въ кругу нашихъ учебныхъ книгъ, и латинскихъ, и другихъ, стольно недостатковъ, что многое и многое нужно, чтобы пополнить эту пустоту. Плохихъ книгъ учебныхъ, конечно, много. Но восполнить недостатокъ въ кругу плохихъ книгъ еще недѣлаетъ чести. Притомъ выраженіе объявленія явно несправедливо: въ 1825 и 1826 годахъ изданъ былъ русско-латинский словарь г. Лебедева, немного хуже разбираемаго наименования словаря. «Это не краткій ручной словарь, но полнѣйший лексиконъ, указывающій въ латинскомъ—всѣ употребительныя русскія слова и выраженія и объясняющій разныя ихъ значенія въ латинскихъ выраженіяхъ». И не совсѣмъ-грамотно, и несправедливо! Въ словарѣ г. Вѣликова 820 страницъ, а въ словарѣ г. Лебедева

ва 723 страницы. Разница не велика: всего 97 страниц. И печать-то немногого помельче словаря г. Лебедева. Если словарь г. Былкова полнейший лексиконъ, что же сказать о въмѣцко-латинскихъ лексиконахъ? Въ словарѣ, напримѣръ, Георга около 2,000 страницъ, и изъ нихъ каждая равняется болѣе чѣмъ 1½ страницѣ словаря г. Былкова; т. е. словарь Георга въчетверо больше словаря г. Былкова. Мы не думаемъ, чтобы г. Былковъ самъ написалъ такое объясненіе...

Сколько мы могли замѣтить, постолицкихъ правилъ при составленіи лексикона у г. Былкова не было никакихъ. Видно даже, что онъ плохо знакомъ съ правилами и приемами, введеніемъ которыхъ употребляются составителями лексиконовъ. Полноты въ немъ нѣтъ. Помѣщены, напримѣръ, слѣдующіе названія странъ: Англія, Андалузія, Венгрия, Россія, Польша, Франція, Греція и пр. А Португалія, Испанія, Германія, даже Италия, вѣтъ! Г. Былковъ, какъ и слѣдуетъ составителю русско-латинского лексикона, показываетъ въ словарѣ своеимъ, какъ переводить различныя названія картъ. У него есть тутъ, бубны, трофеи, черви, двойка, тройка, король, дама, валетъ... Но мы не нашли: пики, кеcыръ, префэрансъ и т. п.; даже и тутъ ненадолго! Издание не совсѣмъ исправное. Кроме опечатокъ, непріятно бросается въ глаза почти на каждой страницѣ по нѣсколько разъ значокъ †, который г. Былковъ употребляетъ для разныхъ службъ. Онъ у него ставится и надъ нарѣчіями, и надъ предлогами, и надъ винительнымъ и родительнымъ падежами именъ IV склоненія (*spiritus sagae*), и надъ окончаніемъ неопределеннаго падеженія *na ēre*, втораго спряженія: *miscēre*. Но, что всего хуже, иногда такой значокъ ставится, иногда вѣтъ; а иногда и нѣвѣрно ставится: подъ словомъ *зражданіе*—*рагсѣре* (*parcere*).

Всего болѣе замѣтно незнаніе лексикографическихъ приемовъ въ томъ, что г. Былковъ нигдѣ не различаетъ пер-

воначального значенія отъ производнаго. У него безъ всякаго порядка, безъ всякихъ рубрикъ, стоять рядомъ слѣдующія, напримѣръ, выраженія:

• *Отражать*: отразили опасность — отражать удары — луна отражаетъ солнечный светъ — отразить нападеніе — отражать силу силою — светъ и звукъ отражаются. *Отпустить*: отпустить слугу — отпусти ему эту авану — отпусти меня — отпустить саблю, — волосы, бороду.»

Эти два примѣра взяты нами наудачу и притомъ — на одной страницѣ. Почти на каждой страницѣ можно найти такое же безосновательное размыщеніе значеній. Какъ трудно присматривать по словарю г. Былкова, очевидно: скоро ли догадаешься, что «отростить волосы» нужно носить подъ словомъ «отпустить».

Не въ томъ ли полнота нового лексикона, что въ немъ есть слѣдующія русскія слова: «выскакивъ», «ласа», «лабзить», «саламата», «расны», «тазать», «тавлей», «отава», «серпянка» и т. д.? Помѣщать такія слова въ русско-латинскомъ словарѣ совершенно бесполезно: кто о предметахъ таникъ, какъ саламата, пишетъ по-латинѣ? Многие ли Русскіе знаютъ значение словъ: «ласа», «лабзить», «расны», «тавлей»? Притомъ, употреби кто-нибудь въ русскомъ литературномъ произведеніи какое-нибудь изъ этихъ словъ, такъ г. Былковъ первый осудить и найдетъ ихъ неприличными «возвышенному слогу». Любопытно было бы знать, откуда попадаютъ въ такого рода словари эти слова! Въ началѣ прошлаго года, разбирая русско-греческий словарь г. Синайскаго, мы встрѣтили то же явленіе.

Г. Былковъ плохо переводить русскія фразы на латинскій языкъ: не точно, иногда и нѣвѣрно даже. Неточно: «(Отражать): этого удара отразить было не можно. — *petitio ita conjecta*, ut vitari non possit, т. е. ударъ былъ такъ направленъ, что избѣжать его было невозможно. • (Гость). Изъ тебѣ будетъ гость не выскакивъ, но забар-

ный. — accipies non multi cibi hospitem, sed multi joci, т. е. ты пріймешь гостя, который не потребует отъ тебя большого угощенья, за то распотѣшишь. (Неправота). Важнейшая не- «правота есть тѣхъ, которые черпютъ своихъ дѣйствій прикрывають добро- дѣтелью — totius injustitiae capitalior est nulla, quam eorum, qui quum maxime fallant, id agunt, ut viri boni videantur, т. е. изъ всѣхъ родовъ несправедливости иѣть ни одного преступнаго несправедливости тѣхъ, которые, поступая въ высшей степени фальшиво, заботятся о томъ, чтобы показаться добродѣтельными.—Г. Бѣликовъ сдѣлалъ совершенно вольный переводъ!

Невѣро: «Хотя) хотя это и слу- чится, но я перенесу — utcunque ade- gruit res, patienter feram, т. е. какъ бы ни расположились обстоятельства, я перенесу терпѣливо». (Крѣпить). Кто имѣеть нужду въ крѣпкомъ снѣ, тотъ долженъ на ночь напрыскать тѣло себѣ хорошимъ винограднымъ ви- номъ. — Somno quibus opus est alto, sorgis irriguum thero sub noctem ha- bento (Hor.). Irriguum habere sorgis значить больше, чѣмъ напрыскать: значить пропитать, смочить виномъ. (Отрада). Прочитавъ твое письмо, я получилъ иѣкоторую отраду — litteris tuis lectis aliquantum acquievi, т. е. прочитавъ твое письмо, я иѣсколько успокоился. — Вообще очень трудно встрѣтить въ лексиконѣ г. Бѣликова вѣрный и точный переводъ...

Мы приготовили было еще иѣсколько замѣчаний объ этомъ лексиконѣ, но послѣ сказанного нами считаемъ лишнимъ говорить о немъ больше. Мы хотѣли сличить этотъ лексиконъ съ лучшими иностранными словарями того же рода; хотѣли требовать отъ него того, чего имѣеть право требовать отъ словаря, вышедшаго въ наше времѧ. Но можно ли требовать чего-ни- будь дѣльного отъ словаря, въ кото- ромъ и переводъ-то даже неточенъ, невѣренъ, плохъ?

Занемѣнѣемъ другаго, лучшаго рус- ско-латинскаго лексикона, прійдется

разумѣться, кому нужно, пользоваться и этимъ словаремъ, особенно тому, кто не знаетъ на столько иѣменского языка, чтобы употреблять иѣменско-ла-тинские словари. Но мы советуемъ обращаться съ словаремъ г. Бѣлико- вова очень осторожно, не полагаться на него ни относительно перевода, ни относительно достоинства словъ. У него слова поэтическія стоять рядомъ съ прозаическими, даже съ цицероновыми. Мѣста, откуда взяты слова, не показаны. Текстъ часто исправленъ: г. Бѣликовъ очевидно не имѣлъ подъ рукой всѣхъ хорошихъ изданій.

Есть даже ошибки противъ общеизвѣстныхъ правилъ грамматики: (Ку- рьеръ) имѣть готовыхъ курьеровъ — disponere, qui vesciant; нужно — spicent. При словѣ *асесь*, переводимъ черезъ fors^{an}, forsitan, два пріимѣра изъ поэзіи съ будущимъ изъявительного наклоненія, и не сказано ничего о томъ, что у прозаиковъ эти частины обыкновенно соединяются съ сослагательнымъ наклоненіемъ.

Недавно видѣли мы объявление о подпискѣ на иѣбывающій скоро выйтіи русско-латинскій лексиконъ г. Ива- шковскаго. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что словарь этотъ давно уже приготовленъ къ печати. Желательно, чтобы г. Ивашковскій принялъ въ соображеніе лучшіе иѣностран- ные словари, особенно иѣменско-ла-тинскіе, именно Крафта, Георга и другихъ; а главное, хорошоенькъ обсудилъ цѣль своего словаря и ознакомился съ приемами заграничныхъ лексикографовъ, которые, въ чёмъ и самъ г. Ива- шковскій, конечно, согласится, большие мастера своего дѣла. Это гораздо-ку- жиѣ, чѣмъ обогащать словаря пріимѣрами изъ русскихъ поэтовъ (слова объявленія). Не думаемъ, чтобы кто-нибудь у насъ вдумалъ перѣлагать Пушкина на латинскій языкъ... Советуемъ ему, наконецъ, не дѣлать такихъ промаховъ, какими, какъ намъ показано было недавно, наполнилъ его греческо-русскій лексиконъ.

Вообще, очень прискорбно, что въ

прошломъ году вышло кѣсколько словарей по классическимъ языкамъ (г. Синайского русско-греческій, г. А. К. греческо-русскій коротенький, г. Коссовича греческо-русскій пополнѣе, г. Былинкова русско-латинскій, и еще ручной латинско-русскій словарь, составленный по Георгу: мы не помнимъ, чтобы какой-нибудь годъ быть такъ плодороденъ на такія книги!), и ни одинъ изъ вышедшихъ словарей не удовлетворяетъ настоящей потребности, ни одинъ не можетъ замѣнить иностраннныхъ лексиконовъ. А между тѣмъ, написать словарь дѣло не легкое: оно требуетъ усидчиваго труда и сколько-нибудь лѣтъ. Поэтому-то и прискорбно намъ, что столькое труда потрачено попусту. Вѣдь ямы порядочный греческо-русскій, латинско-русскій, и т. п., словарь, всѣ эти словари, равно какъ и всѣ прежніе, канутъ въ Лету. А нужно замѣтить, что положеніе русскаго лексикографа далеко не такъ затруднительно, какъ положеніе лексикографа нѣмецкаго. Нѣмецкій лексикографъ не посмѣть издать лексиконъ, въ который онъ не прибавить ничего нового: на него посыпятся десятки рецензій, которымъ разберутъ словарь по ниточкамъ. Мы же, Русские, отъ лексикографа греческаго или латинскаго больше ничего не требуемъ, больше ничего пока и не имѣемъ права требовать, какъ того, чтобы онъ передалъ съ толкомъ нѣмецкіе словари. Кажется, это не трудно? Да, не трудно: только нужно порядочно познакомиться со современной классической филологіею. А этого у насъ многіе не дѣлаютъ — изъ какой-то недоброжелательности... Мы-де и сами не хуже Нѣмцевъ! Подъ этой недоброжелательностью скрывается, кажется, иногда лѣнъ. Можно просидеть десятки лѣтъ за книгами и быть умственно лѣшившимъ.

11) ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА, составленная А. К. Москва. Въ синодальномъ типографіи. 1847. 152 стр.

Г-нь А. К. большой охотникъ писать пособія къ изученію классиче-

скихъ языковъ: въ «Московскій Вѣдомостя» видѣли мы объявление о пяти или шести такихъ книгахъ, составленныхъ г. А. К. Недавно говорили мы о греко-русскомъ словарѣ его. словарь маленькій, плохо и небрежно составленномъ, неизвѣстно, для какого назначенія, и неизвѣстно, какъ — т. е. какими правилами руководствовалася г. А. К. при его составлении. Одно можно сказать: странные правила у г. А. К. — Теперь передъ нами его новая книга. Она начинается определеніемъ латинской грамматики: «Латинская грамматика есть руководство къ изученію латинскаго языка, составленное при пособіи латинскихъ образцовыхъ сочиненій, сохранившихся до сего времени». Определеніе совершеннѣе-новое — только, къ-несчастію, неудачное. Оно такъ же идетъ къ латинской грамматикѣ, какъ и къ латинскому лексикону и ко всякой другой книгѣ, имѣющей предметомъ латинскій языкъ. И грамматика, и лексиконъ, и вообще всякия книги о латинскомъ языке, суть руководства къ изученію этого языка, составляются при пособіи образцовыхъ сочиненій. Впрочемъ, выраженіе: «составленное при пособіи латинскихъ образцовыхъ сочиненій» невѣрно: образцовые сочиненія даютъ материалъ грамматикѣ, лексикону; пособіями же бываются *прежде-написанные* грамматики, лексиконы, разные специальные трактаты о языкахъ. Классическихъ латинскихъ писателей никакъ нельзя назвать пособіемъ къ составлению латинской грамматики. Наконецъ, прибавка: «сохранившихся до сего времени» совершенно лишняя, неужужна: развѣ можно составлять что-нибудь по несохранившемуся, или, что одно и то же въ настоящемъ случаѣ, по несуществующему?

Опечатокъ въ книгѣ г. А. К. очень много: исправлено только щестъ. Между исправленными есть довольно-грубыя. на стр. 101 *qui* вмѣсто *quia*; на стр. 120 *instar monis aquum* (т. е. *equum*) *adficant?* Но есть много и

грубыхъ ошибокъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ уже нельзя назвать опечатками. Болѣе всего поразило насть, на первой же страницѣ, съдѣющее мѣсто. Показывая, какъ произносить латинскія буквы, авторъ сличаетъ ихъ съ русскими: *A*—*а*, *B*—*б*, *C*—*ц*, и т. д. Потомъ, *Hh*—*т*. Ужь этого мы вовсе не понимаемъ! Какъ произнести *х*? По нашему мнѣнію, никакъ нельзя. Что же это значило бы? А что-нибудь, вѣдь, да скрывается же подъ интересныи ерограммой *х*: не даромъ и по латини написаны прочисная и строчная буквы *Hh*, тогда-какъ въ другіхъ мѣстахъ только прописная буквы *A*, *B*, *C*...

Переводить латинскія выраженія г. А. К. часто совершенно-должно. На стр. 113 *improvidus futuri*—не заботя щїся о будущемъ, вмѣсто: *негидящий ничего въ будущемъ, незнающій будущаго*. На стр. 101 *todo*, *dummodo*, если только; *dum ne*, если только не. Не такъ: *modo*, *dummodo* значить: лишь бы, лишь бы только; *dum ne*—лишь бы не, лишь бы только не. На той же страницѣ: *tanquam* такъ какъ, вмѣсто какъ бы.

Но мы должны сознаться, что намъ ужасно неловко писать эту рецензію. Выставляя и опровергая ошибки г. А. К., мы немного боимся, чтобы надъ нами самими не посмѣялся читатель. Чтобы видѣть ошибки г. А. К., для этого нужно знать латинскій языкъ въ весьма-небольшой степени: ихъ замѣтить даже гимназистъ высшихъ классовъ, занимавшійся латинскимъ языкомъ порядочно и съ хорошими учительемъ. Еслибы мы стали подробно говорить обо всѣхъ ошибкахъ г. А. К., опровергать его сердѣнно, то не въ правѣ ли мы смыться надъ нами, какъ въ правѣ были бы мы смыться, еслибы увидѣли какого-нибудь порядочнаго латинскаго учителя расточающимъ свою ученость передъ ученикомъ второго или третьаго класса гимназіи? Притомъ, это даже и безполезно. Еслибы мы видѣли какую-нибудь пользу въ этомъ, еслибы ошибки г. А. К. бы-

ли почему-нибудь поучительны, то для пользы читателей не пощадилъ своего самолюбія.

Сказанного нами о книгѣ г. А. К. очень-достаточно, чтобы, съ полнымъ сознаніемъ справедливости нашего мнѣнія, поставить книгу г. А. К. наряду съ самыми плохими.

Еще нѣсколько словъ о г. А. К. Хотя изъ опредѣленія его латинской грамматики слѣдуетъ, что пособіемъ ему, при составленіи, служили образцовая латинскія сочиненія, тѣлько менѣе, всматриваясь въ книгу его, мы замѣтили, что шумилова грамматика, бывшая до выхода Донара лучшей грамматикою латинскою на русскомъ языкѣ, ему многое пособила. Только г. А. К. немножко попортилъ ее. Кѣмъ же это случилось? А вотъ какъ. Безъ сомнѣнія, многіе изъ читателей юности, когда были еще въ школѣ, не довольствались тѣмъ, чѣмъ должны были они заниматься ex officio, читали иногда такія книги, которыми были имъ еще не-подъ-силу, и дѣлали изъ нихъ извлечения. Когда случалось такія извлеченія пересматривать года черезъ два, черезъ три, сколько открывалось въ нихъ ошибокъ, пристекавшихъ изъ ложнаго, превратнаго пониманія! Г. А. К., задумалъ писать самъ пособія къ классическимъ языкамъ: считалъ неприличнымъ просто компилировать, овъ задумалъ ввести еще кое-какія новости—опредѣлилъ, на-примѣръ, на новый манеръ латинскую грамматику. И вообще въ книгѣ его многое нововведеній... Укажемъ хотя на различие, какое онъ дѣлаетъ между первою и второю формою повелительного (зата—аматъ). Результаты вышли плачевые...

Посовѣтуемъ, наконецъ, будущимъ составителямъ какихъ бы то ни было учебниковъ, во-первыхъ, хорошошенько изучать тотъ предметъ, для котораго пишутъ они учебники (совѣтъ простой, но, къ-несчастію, немногіе ему слѣдуютъ); потомъ, не смотрѣть на учебники, какъ на дѣло легкое: сославшись хорошии учеб-

никъ трудеи, чѣмъ написать всякую другую книгу. А вредъ отъ плохихъ учебниковъ значительне вреда всякой другой книги. Плоха ученая книга: ее прочтутъ только ученые, занимающіеся специально тѣмъ же предметомъ, и, безъ сомнія, легко увидать всѣ недостатки ея. Плохъ романъ, плоха поэзія: образовавшій читатель сейчасъ же замѣтить, что плохо въ такомъ произведениіи; а необразованный смотрѣть только на содержаніе, и какъ польза изящнаго произведенія, такъ вредъ неизящнаго, плохаго, относительно его очень-невзначительны. Иное дѣло учебникъ. Ученикъ обязанъ усвоить себѣ все, что написано въ учебнику. А между тѣмъ, къ предмету, излагаемому учебникомъ, въ-слѣдствіе раздвоенія настоящей науки, особенно элементарной, первоначальной, съ жизнью — такъ мало сочувствія въ ученикѣ, такъ плохо сознаетъ онъ его, что самъ никогда не замѣтить недѣлостей учебника и вѣрить ему на слово. И мы, т. е. тѣ изъ Русскихъ, которые уже кончили первоначальное образованіе, много страдаемъ отъ-того, что начали учиться по плохимъ учебникамъ. На каждомъ шагу должны мы повѣрять себя, справляться о самыхъ простыхъ вещахъ. И такъ-какъ на это не у всякаго хватаетъ терпѣнія, то и не удивительно, что въ русской книгѣ, часто очень-дѣльной, встрѣчаются довольно-грубые промахи. Обязанность добросовѣстнаго журналиста быть синхронистомъ къ такимъ промахамъ, и умахивать о нихъ, если чѣмое выкупается небольшія погрѣшности... Не можемъ не припомнить въ настоящемъ случаѣ слѣдующихъ случаевъ, оставшихся у насъ въ памати. Г. Зацѣпинъ, редакторъ теперь, кажется, прекратившагося «Терапевтическаго Журнала» (что-то обѣ вѣмъ давно не слышино), не сколько лѣтъ назадъ вступилъ въ страшную полемику съ различными журналами по поводу рецензій, написанныхъ на его статьи «о жизни», и между-прочимъ ужасно подтруни-

валъ надъ однимъ рецензентомъ, назвавшимъ его, *vir doctissimus!* вѣсто *vir doctissime!* Любопытнѣе еще была замѣтка въ старой «Иллюстраціи» о греческомъ эпиграфѣ «Библіотеки для Чтенія» (мимоходомъ—страницо, какъ до-сихъ-поръ не исправлять опечатокъ въ этомъ эпиграфѣ: четырнадцать лѣтъ съ начала изданія «Библіотеки для Чтенія» до-сихъ-поръ повторяются однѣ и тѣ же опечатки!). Эпиграфъ этотъ взятъ изъ Ксенофона: слова Сократа. Извѣстно, что Платонъ и Ксенофонъ (этотъ въ «Достопамятностяхъ Сократовыхъ») постоянно влагаютъ въ уста своего учителя свои мысли. Подъ эпиграфомъ подписано: *Socrates ap. Xenoph.* in Memor. Въ «Иллюстраціи» замѣчали, что тутъ видно незнаніе: *вѣдь Сократъ-то писалъ по-гречески...* Кто замѣчалъ, тотъ, видно, не зналъ, что Сократъ ничего не писалъ — ни по-гречески, ни по-русски.

Впрочемъ, въ настоящее время, русскіе учебники начинаютъ поправляться. Окончательному улучшенію ихъ можетъ способствовать возможно-строгая журнальная оцѣнка: по нашему мнѣнію, учебники сдѣлуетъ подвергать болѣе-строгому разбору, чѣмъ всякия другія книги, ибо, повторимъ, плохіе учебники вредище всякой другой плохой книги.

12) ГРАММАТИЧЕСКИЙ КУРСЪ НЕМЕЦКАГО ЯЗЫКА. (.) составленный бакалавромъ Санктпетербургской Духовной Академіи Евграфомъ Бенескриптовымъ. Часть I. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведений. 1847. Въ 8-ю д. л. и 165 стр.

Пять лѣтъ тому назадъ, съ 1835 по 1842 годъ, бакалавръ г. Евграфъ Бенескриптовъ былъ преподавателемъ немецкаго языка въ Духовной Академіи и, соображеніемъ съ потребностями воспитанниковъ, составилъ свои занятия. Въ благополучно-протекшемъ 1847 году воспитанники, чувствуя потребность повторить пройденное и не мѣя подъ руково школьніхъ те-

трагоъ, изъявилъ желаніе видѣть за-
пискій г.-на Бенескриптона въ печати.
Въ съдѣствіе такого лестнаго для на-
ставника и похвальнаго для самихъ
воспитанниковъ желанія, а равно и мо-
бѣспечному ублаженію, что трудъ его
не будетъ безполезенъ и для другихъ,
обучающихся немецкому языку — г. Бе-
нескриптовъ рѣшился издать въ сѣть
свои записки, съ «Предувѣдоисленіемъ»,
въ которомъ, изъяснивъ вынесенные имъ
и исчислены пятьдесятъ бывшихъ
у него подъ руками сочиненій, гово-
рить:

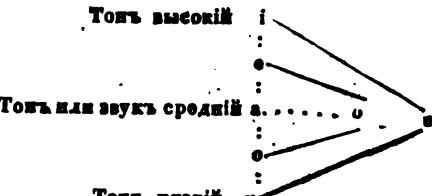
«При такихъ богатыхъ источникахъ, ки-
чими я пользовался, — съ филологической
любознательностью можно бы было зай-
ти слишкомъ далеко, еслибы не управля-
ла мною мысль — не выступать изъ про-
дѣловъ Грамматики. Ограничившись та-
кимъ образомъ потребностями (своими
прежнихъ воспитанниковъ) и цѣлю (составить грамматический курсъ), я не
издавался много (т. е. издавался, но не много)
въ уточненія филологическихъ наслѣ-
дований, которыхъ при всемъ интересѣ,
могли бы только раздѣлить вниманіе уча-
щихся; (;) но съ другой стороны я не
хотѣлъ также опустить ничего существен-
наго и необходимаго.

«Составленный такимъ образомъ мною
Грамматический Курсъ Нѣмецкаго язы-
ка и раздѣленъ на две части, изъ конца
первой старался я обнажь съзре-
ніемъ языка (?), и заготовить, такъ сказа-
вать, матеріалъ для постройки, а во вто-
рой — положить правила словосочиненія,
или законы, по которымъ матеріалъ сей
приводится въ дѣло (?). Но такъ какъ, до
преднамѣтенному мною плану, о всѣхъ
вообще частяхъ рѣчи мѣй приходилось
подробнѣе говорить въ Синтаксисѣ, а въ
Этимологіи ограничивалася наибольшою
частію единой формацией слова; то, онъ же-
редѣніемъ изъ этой подробнѣйшихъ по-
вѣдомлѣній статьи трактаторъ — въ
Синтаксисѣ, первая часть моего сочиненія
всѣстности должна показаться краткою въ сравненіи со второю. Къ синѣ
двумъ частямъ я надѣюсь присовокупить
со временемъ нирѣко, въ которой начи-
ренъ и помѣстить отрывки изъ сочиненій
Нѣмецкихъ Классиковъ, для практичес-
каго повторенія правилъ, изложенныхъ
въ Грамматикѣ и небольшой Словарь для
перевода.»

Ниѣ подъ руками только одну вер-
ную, этимологическую часть сочине-
нія г. Бенескриптона, мы не можемъ
судить, въ какой степени сокращено
ей казаться краткою въ сравненіи со
второю частью; но — говоря такъ, безъ
сравненія съ тѣмъ, чего еще не вѣ-
сь удовольствія знать — она показа-
лась намъ необыкновенно пространною.
И эта необыкновенная пространность
первой части «Грамматического Кур-
са» объясняется словами самого ав-
тора: «при такихъ богатыхъ источни-
кахъ, киими онъ пользовался, съ та-
кою филологической любознательно-
стью, какою онъ одержимъ, можно бы-
ло зайдти слишкомъ-далеко».

Г-нъ Бенескриптовъ именно зашелъ,
какъ онъ говоритъ, слишкомъ-далеко; нап-
римеръ, въ первой главѣ «Ореогра-
фіи» (замѣтно, Ореографіи), начер-
тавъ вѣнчаній алфавитъ съ буквами
хia и *oode*, онъ объясняетъ произноше-
ніе гласныхъ слѣдующимъ образомъ:

«Пусть *a* немного уточнится въ звуکѣ,
тогда оно обратится въ *e*, а если *e* сама
уточнится, тогда рождается *i*; (*i*) если же
о будеть становитъ(ъ)ся гуще, тогда буд-
етъ *o*, если *o* сама будеть гуще, — тогда
произойдетъ *u*. Въ такомъ (?) случаѣ
гласные будуть стоять въ такой схемѣ:

«Тоже самое слышно, въ звуکѣ различ-
ной величины колоколъ (?)!».

Оно, конечно, въ звукахъ различной
величины колоколъ, можетъ-быть, и
слышно чѣмъ подобное; но въ грам-
матическихъ курсахъ такого объясне-
нія, право, не слыхано. Не слыханы
и такие правила, по которымъ бы
нѣмецкое *Leb* произносилось, какъ рус-
ское *лѣб*, *лѣбікъ* — лѣбильщикъ, *Bad* — бани,
schädlisch — шкодливъ, *Auge* — аuge, *etwa* — егзалинъ; *Froed* — какъ русское
брюзель или *ee* — Ресель...

Также ясного-далеко видеть г-нъ Бенескриптовъ «въ разсужденіи удара».

Надобно отдать справедливую честь Нѣцц. иѣ: говорить онъ: «что иль языкъ иль это въ отношеніи (т. е. въ разсужденіи ударенія, или, какъ сказывалъ бы авторъ, «въ разсужденіи т. е. ударенія) имѣетъ значительную особенность въ сравненіи со многими другими языками, которыми учатся кистерранцы (?)». Но опыты извѣстно, какъ часто бываетъ (?), что, даже при хорошемъ знаніи другихъ языковъ, иностранцы не могутъ въ предложеніи полной жизни свободиться отъ ошибокъ въ разсужденіи ударенія, хотя бы изучили они все отнесащіяся къ тому правила. Въ Нѣмецкомъ языке напротивъ, при предварительномъ знаніи нѣсколькихъ琰къ правилъ, эти трудности легко преодолимы можно.

«Въ разсужденіи ударенія» продолжаетъ авторъ: «дѣланіе голосомъ надъ словами, Нѣцы болѣе прочихъ народовъ приближались естественности его разстановки. Въ самонь дѣлѣ, если удареніе есть такой знакъ, который вѣт слоги слова для нашего уха присоединитъ къ единству (?)», содѣнилъ онъ такъ сказать въ одинъ бо-
ку: то всякой можетъ видѣть, какъ правильно поступили въ этомъ отношеніи Нѣцы, когда въ какомъ либо словѣ они обыкновенно дѣлаютъ удареніе надъ та-
кимъ слогомъ, который значительные про-
чти въ составѣ слова, которымъ т. ск.
живутъ каждое слово и на которомъ дер-
жится смыслъ смысла».

Не правда ли, хорошо пишеть г-нъ Бенескриптовъ? А главное, какъ понятно! Кѣкъ онъ вошелъ въ духъ нѣ-
мецкаго языка! Прочтите нашему вос-
питаннику приведенное выше объясне-
ніе «въ разсужденіи ударенія», и оно
будетъ безошибочно читать, что
ударено, на кѣмъ-коемъ языке, дѣлая голо-
сомъ удареніе надъ словами, которые слы-
шателю прочти въ составѣ словъ,
которыми слова, такъ сказывать, живутъ
и на которыхъ держатся...

Чемъ-далеко также зашелъ г-нъ Бенескриптовъ въ разсужденіи способа облегчения для себя изученія Нѣмецкаго языка и въ разсужденіи частной полу-
чи отъ изслѣдований какого-то предло-
гія. Вообще на первыхъ (23-хъ) стра-

ницахъ автора, упрашиваемый съ одной стороны мыслью — въ выступать изъ предѣловъ грамматики, а съ другой —
свою философскую любопытственно-
стью, уклонился отъ грамматиче-
скихъ и отъ филологическихъ исслѣ-
дований, побѣгъ по диагонали параллограма двумъ действовавшимъ на
него силъ и зашелъ куда-то немножко
далеко... На 24-й страницѣ онъ по-
палъ на стѣну, проложенную Шумахеромъ, Гейко и другими, и оставилъ ее
временемъ только въ тѣхъ экстрен-
ныхъ случаяхъ, когда представлялось
изрѣдѣальное сходство нѣмецкаго
языка съ греческимъ или латинскимъ.
На-принѣръ, говоря о частцахъ ср.,
г. Бенескриптовъ объясняетъ:

«Она соответствуетъ Греч. ἀτι въ мож-
етъ быть иль него образовалась, будучи
сначала иѣ въ древн.-Нѣмецкомъ языке.
Въ такомъ случаѣ она имѣетъ значение
Нѣмецкаго wider; ибо wider параллельно
Греч. ἀτι (напр. Ατιχριστος — Widerchrist),
и wider, что значитъ окликъ, обратно.»

Логика удивительная!

Что касается до предначертанного г-нъ Бенескриптовымъ плана для его «Грамматического Курса» и сдѣлан-
наго имъ перевода подробѣйшихъ по
нѣкоторымъ статьямъ трактатовъ изъ
первой части Курса во вторую, то изъ
первой части можно усмотретьъ только,
что планъ его отличается отъ плана
грамматики Ганке въ первыхъ 23-хъ
страницахъ, о которыхъ мы уже гово-
рили; а подробѣйшіе трактаты, пе-
реведенные изъ этимологіи въ синтаксисъ,
суть трактаты о неизмѣнляемыхъ
частяхъ рѣчи: нарѣчіи, предлогѣ, со-
юзѣ и именеместіи, о которыхъ первая
часть «Грамматического Курса» умаля-
чивается.

13) ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ РУС-
СКАГО ЯЗЫКА, составленный по руко-
водствамъ Гречса, Востокова, Плаксина,
Полонцова, Иванова и другихъ, для пре-
подаванія въ высшихъ и среднихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ Русскимъ и иностраннымъ.
Санктпетербургъ. 1847. Въ тиц.
Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. IV и 106
стр.

Вотъ новая попытка упростить или облегчить изучение русского языка. Конечно, всякая новая грамматика русского языка есть попытка такого рода, но частная, и тѣмъ меньше заинтересованная, чѣмъ неоступимѣе авторъ ея идетъ по следамъ своихъ предшественниковъ. Но бываютъ попытки рѣшительныя, гдѣ авторъ хочетъ быть вполнѣ новымъ. Въ концѣ прошедшаго года была такими явленіемъ «Русская Азбука» г-на Греча. Дѣло не въ вавеніи, а въ томъ, что авторъ наѣлся превратить азбуку въ энциклопедію, предложилъ склады по-своему, и, въ видѣ упражненій для чтенія, хотѣлъ объяснить цѣлый міръ. Чтобы еще яснѣѣ выразить нашу мысль, напомнимъ вѣдь исторіческія подробности.

Русской публикѣ искони винушено мнѣніе, что у нея нѣтъ хорошей русской азбуки; что, нѣтъ превосходные трактаты обѣ астрономіи и философії, она лишена счастія учить дѣтей грамотѣ по азбукѣ, сколько-нибудь сносной. Слѣдовательно, обстоятельства были чрезвычайно-благопріятны для появленія азбуки г-на Греча, которого имя — авторитетъ въ первоначальномъ обученіи русскому языку. Онъ издалъ нѣсколько грамматикъ, большихъ и маленькихъ, полныхъ и веполныхъ, нѣсколько руководствъ, ключей, лекцій, критикъ, замѣчаній и всякаго рода трудовъ — все касательно русского языка; наконецъ онъ, по собственно-му сознанію, прочиталъ въ корректурѣ всю русскую литературу... Азбука была какъ-бы вѣнцомъ огромнаго зданія, воздвигнутаго имъ въ-продолженіе цѣлой жизни. Онъ училъ нашихъ отцовъ, училъ насъ, и сбирался учить нашихъ маленькихъ дѣтей. Но — мало всего этого: въ предисловіи къ своей «Азбукѣ» онъ объяснялъ, что главная мысль великаго его «труда» принадлежитъ искреннему, незабвененному его пріятелю Ивану Александровичу Гульянову, который уже умеръ, но вѣщалъ г-ну Гречу свои мысли, свои материалы, и въ предчувствіи близкой

своей кончины просилъ его довершить начатое, перемѣнить, дополнить — какъ задумывается, только непремѣнно напечатать (Азбуку). Извѣстно, что г. Гульяновъ занимался не только языкомъ живыми и мертвыми, но и существующими болѣе, разбиралъ іероглифы, спорилъ Шампольона, торжествовалъ побѣду надъ нимъ, и хотя вѣтротѣнныя Французы не сознаются въ пораженіи своего соотечественника, но г. Гульяновъ составляетъ громкій авторитетъ во всемъ, насаждаемомъ языкоученія. Къ двумъ такимъ авторитетамъ (какъ объясняетъ предисловіе г. Греча къ «Азбукѣ») присоединился третій — Филиппъ Ивановичъ Рейфъ, сочинитель грамматикъ и лексиконовъ русскихъ, смотрѣлъ за изяществомъ и исправностью Азбуки, и напечаталъ ее въ Карлсруе, въ придворной типографіи. Итакъ, соединенные усилия трехъ друзей (какъ объясняено въ предисловіи), трехъ взяточниковъ языка русского и знатиѣшихъ другихъ языковъ, произвели — «Азбуку». Замѣтимъ еще одно обстоятельство: глубокомысленный трудъ г. Гульянова пробывъ пять лѣтъ въ горицѣ опытыности г-на Греча, и тогда-уже, при пособіи г-на Рейфа, явился въ свѣтъ, какъ долголѣтній плодъ учености и дружбы. Журналисты единогласно расхвалили этотъ памятникъ труда и глубокихъ сображеній. «Отечественный Записки» также прикрыли своимъ знаменемъ новорожденное дитя и благословили его успѣшио передавать грамоту русскимъ дѣтямъ, не ручаясь, впрочемъ, никакъ за пользу его въ приложеніи и прелеставивъ опытъ рѣшить дѣло. Съ-тѣхъ-поръ прошелъ годъ, и опытъ показываетъ, что «Русская Азбука» г-на Греча хороша, гдѣ въ ней идутъ А, Б и прочія буквы, хороша и таъ, гдѣ изъ буквъ составляются склады и изъ складовъ слова; но приложеніе къ ней ви мало не улучшаютъ ее, а вѣкоторыя изъ нихъ даже портятъ ее. Къ чemu служить указаніе обѣ асигнаціяхъ, которыхъ уже не существуютъ, и о платиновыхъ деньгахъ, которыхъ

не существовали во время издания? «Азбуки»? Къ-чemu служатъ въ ней вершина истории, географіи и прочихъ наукъ, расцвѣтавшіе ошибками? Раки причислены къ наслѣдству! Рыбы рождаются отъ солнечной теплоты! Устрицы называются червями! Къ животно — растеніямъ причисляются черви!... (Стр. 63). Не изъ такихъ ли свѣдѣній составляется та ученость, которая называетъ шлакъ — металломъ, а копаль — горючою смолою, какъ то недавно утверждалъ одинъ журналистъ? Въ «Азбукѣ» есть даже ошибки при указаніи произношенія словъ; на-примѣръ, она ведитъ произношить: счастливъ — счастлифъ; — шерховатый — шерхаватай! Кто же произноситъ этикъ?

Опять показалъ, что «Азбука» г-на Гречъ не подвигнула ни на шагъ обыкновеннаго обученія русской грамотѣ, а разными своими затѣями даже можетъ подвинуть назадъ учениковъ, если они станутъ безусловно вѣрить всему, что найдутъ въ ней. Это пусты служить новымъ доказательствомъ, какъ трудно изобрѣсти что-нибудь новое для облегченія трудной науки — учить дѣтей!... Тутъ все должно быть основано на теоріи, новѣренной опытомъ.

Невѣдомый авторъ «Практическаго Курса Русскаго Языка» худо рекомендуетъ свою книгу, выставляя въ заглавіи, что она «составлена по руководствамъ Гречса, Востокова, Плаксина, Полозкова и другихъ», потому-что этимъ онъ даётъ согласіе на всѣ разности, какія находятся у нашихъ грамматиковъ. Чѣдже это будетъ за руководство, которое соглашается принять именно то, въ чемъ несогласны между собою другіе, то-есть о чёмъ еще идетъ споръ, и чѣдже, съдовательно, еще не пояснено достаточно? Главный основанія у всѣхъ нашихъ грамматиковъ одни; не соглашаются они между собою въ томъ, что не извлечено изъ сущности языка, а придумано за него, именемъ лучшаго, *максима*, покуда, какъ, на-примѣръ, раздѣление склоненій въ спряженії. Многихъ подробностей на-

шихъ грамматикъ даже невозможнѣо согласить; на-примѣръ, г. Гречъ велитъ писать *декарь*, а г. Востоковъ *лькарь*: какъ же съдововать имъ, когда не становитъ разсуждать сами?

Къ-счастію, «Практическій Курсъ» — только на заглавномъ листѣ съдѣаетъ всѣмъ русскимъ грамматикамъ: на дѣлѣ, онъ является самостоительнымъ, дѣйствуетъ независимо, и даже предлагаетъ свою систему въ изученіи русскаго языка, почему и начали мы рѣчь о рѣшительныхъ попыткахъ въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, это книга, расположенная совсѣмъ не такъ, какъ располагаются всѣ другія русскія грамматики; она не отвергаетъ ничего, пріобрѣтенного опытностью другихъ, но почти все предлагается въ своемъ, новомъ видѣ.

Вначалѣ помѣщена въ ней азбука, то-есть, руководство для тѣхъ, кого еще надобно научить читать — азбука, состоящая изъ буквъ, складовъ и словъ; далѣе идетъ грамматика, изложенная по методѣ больше-логической, нежели какую находимъ въ другихъ руководствахъ къ русской грамматикѣ, и обогащенная примѣрзми, вопросами и разными упражненіями. Все это составляетъ полный «Практическій Курсъ Русскаго Языка», и потому авторъ имѣлъ право назвать его такимъ образомъ; но онъ долженъ былъ бы прибавить, что его руководство можетъ служить для учителей, а не для учениковъ, которымъ не по плечу слишкомъ сжатые выводы, и которымъ многое не нужно, чтобъ служить путеводною звѣздою учителямъ, какъ-то вопросы послѣ вѣкоторыхъ правилъ, примѣры и наставлѣнія, какъ употреблять методическія правила курса. Въ предисловіи своемъ, авторъ, кажется, самъ раздѣляетъ это мнѣніе, но, Богъ-знаетъ почему, не выражается прямо. Первая страница его предисловія написана неясно, и даже — страшно сказать — не-правильно! Вотъ какъ тутъ пишеть авторъ: «Первая глава моего Практическаго Курса содержитъ (въ себѣ?) не-обходимыя и предварительныя пона-

— тѣ (чего? о чём?)», которых легко можно и должны объяснить учитель при самоле началь». При началь че же же? Учебник азбуки? Но какъ же въ на-
ківіи поэтии можно объяснить ребенку, не знающему и азбуки? Мы увидимъ даље, что въ главѣ, о которой говорить авторъ, многое надобно передать ребенку постепенно, а не при самоле началь. Вместо того, чтобы вычиты-
вать изъ азбуки слова, пробрази-
вныя безъ цѣли говорить они: «не
лучше ли замѣтать таинія, которыя
прямо относятся къ Грамматикѣ и
облегчаютъ дальнѣйшее изученіе
языка?» Но есть слова относятся къ грамматикѣ... Мы видимъ, что хотѣть сказать здесь авторъ, даже согласны съ нами, но удивляемся, какъ можно такъ небрежно выражаться, особенно если онъ пишетъ въ виду учениковъ, а не учителей!

«Практическій Курсъ» расположены такимъ-образомъ, что въ немъ за азбу-
кою и односложными словами слѣду-
ютъ примѣры словъ двухсложныхъ,
трехсложныхъ, сложныхъ съ предлогами,
изменяющими значеніе отъ первыхъ
одной буквы; даље показывается
измененіе одной буквы въ другую, про-
изношеніе словъ, различное отъ пра-
вописанія; слѣдуютъ примѣры словъ,
изменяющими значеніе отъ ударе-
нія; слова мужскаго и женскаго рода,
означающіе личные и ощущенные
предметы; слова, употребляемыхъ въ
единственномъ или множественномъ
числѣ, и т. д.; даже не упомянуты имена
словъ, гдѣ употребляется замѣ-
нителная буква Ё, синтаксы, знаки пре-
пинанія, и, въ заключеніе, примѣры
употребленія ихъ. Все это составля-
етъ еще только одну Азбуку! Иль испо-
лучающіеся ознакомится практическими со
многими, что будетъ объясняемо ему
въ грамматикѣ. Это было бы прекрасно, если бы тутъ не встрѣчалось двухъ
неудобствъ. Первое, что дѣти, обучаю-
щіеся азбукѣ, то-есть читанію, въ се-
мействахъ своихъ, выучиваются чи-
тать довольно, даже сами не знаютъ то-
го, точно какъ-бы они родились съ

этой способностью, и для нихъ уже скучно будетъ повторять склады и от-
дельные слова, которые научились имъ
читать съ свою маменько или ба-
бушкою. Скучное повтореніе изусты-
наго всегда бесполезно. Второе неудоб-
ство, что дѣти, которыхъ научить съ А
и Б учится по «Практическому Бур-
су» долго не поймутъ, къ чему засту-
паютъ ихъ повторять какіе-то слова и
слова, и, даже вытвердивъ ихъ ви-
деость, не будутъ еще помнить пре-
мѣненіе ихъ и, правильность граммати-
ки. Между-тѣмъ, это займетъ много
времени и можетъ надѣяться—а надоб-
но всегда опасаться—ограничить
ученіе. Поэтому-то, для обучения гра-
матѣ варугъ многихъ дѣтей, то-есть,
для обучения взрослого, всего лучше
ланкастеровъ метода, при которой дѣ-
ти оказываются успѣхами изумительными,
остаются всегда въ дѣятельности и
развиваютъ вообще свои умственные
способности.

Со второй главы начинается соб-
ственная грамматика Въ наложении,
авторъ отступаетъ отъ обыкновенной
методы, налагая сначала общія вока-
зія о цѣломъ составѣ языка, къ раз-
дѣллю неделимому его на словоизъ-
дѣніе, словосочиненіе, правописаніе.
Видимъ, что онъ вполнѣ достигаетъ
свой предметъ, когда говоритъ:

«Изученіе какого-нибудь языка неогра-
ничивается однимъ грамматикой; она даетъ
намъ понятіе только о механическомъ
его составѣ, а не о степени beautы
или способности выражать духовные зна-
женія. Для этого надобно знать душу
языка, чтѣ пріобрѣтается только врем-
еннымъ изученіемъ кородилою характера,
исторіи и лучшихъ произведенияй, писан-
ыхъ на семъ языке.»

Объ этомъ не упоминаютъ другіе ма-
ши грамматики, стараясь убить
только, что грамматика научаетъ пра-
вильно писать, читать и говорить.—Въ
следующей главѣ, авторъ подробно
объясняетъ часты рѣчи и разныя ихъ
подраздѣленія. Въ главѣ четвертой
объясняется измѣненіе словъ. Грам-
матика посвящена саржинскому глаго-

ловъ. Въ главѣ шестой предложены таблицы окончаний и спряжений. Глава седьмая объясняет причастія и предлоги. Выглагъ восьмой заключены главные законы синтаксиса. Глава девятая называется правописаніе. Глава десятая, упоминая о различіяхъ словъ, замечаетъ весь курсъ указаній по знанию прописанія. Все это можетъ чрезвычайно-крайне, такъ-что лишь опытный учитель можетъ, съльдя за авторомъ, разобрать все правила языка для необыкновенныхъ умовъ. Но скромной на правила, авторъ благородилъ роскошь въ премѣтахъ: большая часть каждой главы его книги наполнена прямѣрами разнообразными, показывающими на практикѣ то, что сжато излагается въ теоріи. Учителю остается только быть дѣтальщикомъ; вѣхі, заложны разставлены: вездѣ, и при каждомъ растѣ есть обильный запасъ необходимыхъ материаловъ.

Мы не станемъ оспаривать тѣкоторыхъ опредѣлений автора, хотя не можемъ согласиться съ ними; не станемъ, потому-что початки ихъ исключены, которыхъ могутъ быть исправлены въ сколькихъ вечерами那人. Да и кто поручится, что опредѣленія самыи обдуманныи не состарются вскорѣ, при быстрыхъ успѣхахъ въ изученіи языка и въ разсмотрѣніи различныхъ частей и подробностей его? Гораздо-важнѣе сообразить вопросъ: до какой степени методъ изученія русскаго языка, предлагаемый авторомъ, проводимъ предшествовавшиимъ? Если исключить изъ книги его азбуку, то-есть, первоначальное чтеніе, то въ оставшемся составѣ она будетъ хорошимъ руководствомъ — для учителя, но не для учениковъ, которые даже едвѣ ли поймутъ что-нибудь въ сокращенныхъ ехъ выводахъ. Намъ кажется даже, что учитель не долженъ давать ее въ руки ученикамъ: она можетъ диктовать имъ не все, что почетъ нужныи, можетъ развивать, излагать подробнѣе некоторые части ея, и вообще употреблять ее какъ настоящую книгу для руководства въ русской языкѣ.

Нѣкоторыи части ея можно избѣгнуть при такомъ употреблении, и это будетъ зависѣть уже отъ опыта и разныхъ требованій учителя. Но давать ее въ руки дѣтамъ было бы совершенно незадачно, потому, повторяю, что изогое въ ней будетъ для дѣтей непонятно, и — что едвѣ ли не хуже — изогое сбѣсть иль съ болѣю..

Вотъ еще маленькое практическое замѣткіе: книга, при частомъ употреблении въ классахъ и дома, не становится ученику и на годъ: сколько же потребуетъ овъ экзаменаторъ этого «Практическаго Курса», съ которымъ необходимо должно быть very well? потому-что должна пройти по нему языкъ во всей полнотѣ его объема?

16) Речь и Отчугъ Московской I-й Гимназіи за 1846—7 учебный годъ. Мѣсца. 1847. Въ университетской типографіи. Въ 4-ю д. л. 29 и 26 стр.

Обращаемъ вниманіе гг. преподавателей математики на рѣчь старшаго учителя, г. Ивана Галакова: «О начальномъ ариѳметическомъ ученикѣ». Оно заслуживаетъ того и по содержанію своему, и по изложенію.

Авторъ раздѣлилъ ее на четыре отдѣла. Въ первомъ, онъ решаетъ вопросъ: какъ приворовать ариѳметическое ученикѣ въ дѣтскому возрасту, или сдѣлать его доступныи, изгладыши. Для достижени этой цѣли, онъ предлагає: 1) устроить всѣ дефиниціи и заучивание предварительно-данныхъ правилъ, пріучать учащихся раскрывать сущность дѣла и постепенно извлекать общее изъ частностей; 2) производить вычисление съ меньшими и удобѣйшими числами (всего чаще въ пространствѣ чиселъ отъ 1 до 1000), предоставляемъ критонъ выборъ сократительныхъ приемовъ собственному соображенію учениковъ. Въ второмъ отдѣлѣ, авторъ поизыскиаетъ необходимость соединить умственныя вычисления съ численными, доказать предварительно, что обѣ вѣты вычислений, первѣго излагаемыя отдалено, не вѣ-

ютъ никакого существеннаго разли-
чія. Тѣсная связь теоретического уче-
ния съ практическими, разносторонними
развитіемъ въ преподаваніи, и указаніе
того содѣйствія, которое необходимо
со стороны наставника при анализѣ
практическихъ вопросовъ, составляеть
предметъ третьаго отдѣла. Четвертый,
заключительный отдѣлъ посвященъ
краткому изложению нового взглѣда
Грубе на сущность предварительныхъ
упражненій. Здѣсь авторъ, вслѣдъ за
Грубе, отвергаетъ тотъ схематизмъ,
которому обыкновенно подчиняются
начальные занятія въ томъ случаѣ,
когда, при распределеніи учебнаго ма-
теріала, за основу лѣзенія принимаютъ
дѣйствіе, а не сущность числа.
Начальные занятія, по его жеѢмію,
должны имѣть характеръ совершенно
органической цѣлостности, т. е., начинаю-
щіе должны сравнивать каждое число
(въ предѣлѣ отъ 1 до 1000 и даже бо-
льше) со всѣми предшествующими по
всѣмъ видамъ ихъ взаимной зависи-
мости. При такой разработкѣ арифмети-
ческаго матеріала они узнаютъ составъ
чиселъ, ихъ связь, измѣненіе и полу-
 чаютъ понятіе о дѣйствіяхъ, не при-
мѣтно выучиваясь писать число отъ
1 до 1000, и заранѣе подготавливаются
къ знакомству съ дробями и отноше-
ніями между принятыми мѣрами. Тотъ
же тѣмъ лѣзла соблюдаются и при на-
чальныхъ занятіяхъ съ дробами. Ав-
торъ, при составленіи рѣчи, какъ вид-
но изъ приведенныхъ нынѣ цитатъ,
пользовался учебными руководствами
Краине, Зигера, Шольца, Грубе, ука-
заніями, находящимися въ сочиненіи
Дистернега: «Руководство къ образо-
ванію учителей», и собственою опыт-
ностью.

Изложеніе рѣчи такое, какое пра-
во, не часто встрѣтишь и въ не-мате-
матическихъ сочиненіяхъ. У языка
математического есть своего рода изы-
чество: точность, чистота, отсутствіе
сухости при всей опредѣлительности
изложенного предмета. Всѣ эти ка-
чества находятся въ рѣчи г-на Гала-
кова.

Не можемъ также пройти молча-
ниемъ разсужденія г. Васильчикова:
«О баснѣ». Оно замѣтально, какъ
введеніе исторического и философиче-
ского изслѣдованія поэтическихъ ро-
довъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора настъ убѣ-
диться, что эти два рода изслѣдованій,
особенно историческое, гораздо — пло-
дотворнѣе и несравненно — важне
всѣхъ теорій поэзіи, въ которыхъ по-
стоянныя правила для каждого поэти-
ческаго рода извлечены изъ одного
какого-нибудь писателя, любимаго ав-
торомъ или публикой, на-пр., изъ г-на
Евона или изъ г-на Лафонтена. Подоб-
ныя теоріи поэзіи совершенно одно и
то же съ грамматиками русскаго язы-
ка, составленными по одной какой-ни-
будь книгѣ, на-пр., «по Исторіи Го-
сударства Россійскаго». Но ужъ из-
вестно каждому, что въ такихъ рус-
скихъ грамматикахъ очень мало рус-
скаго!

15) Путешествіе вокругъ Свѣ-
та. Южная Америка и Ангольские
Острова. Издан. Ф. Студитскій. Съ
8-ю картинками и 5-ю полутынцами.
Санктпетербургъ. Въ тип. книжнаго
магазина Крашенениковаго и Ко. 1848.
Въ 12-ю д. л. 457 стр.

Наконецъ, передъ вступленіемъ
правдивыхъ и столь-важдѣльныхъ для
кингодѣлителей блокъ, посыпалось со
всѣхъ сторонъ такъ-называемыя дѣт-
скія книжки — большия и маленькия, съ
картиками и безъ картинокъ, съ про-
стыми и затѣнливыми извѣсніями,
«карманныя», т. е. съ исключительны-
ми претензіями на вашъ карманъ, и
безъ этихъ неделикатныхъ претен-
зій... Приступаемъ къ отчету о нихъ.

Г. Студитскій извѣстенъ уже публи-
кѣ своимъ трудами по части географіи.
Въ 1841 году, онъ издалъ «Географію
для дѣтей», въ прошломъ — первую
часть своего «Путешествія вокругъ
свѣта», заключавшую въ себѣ описа-
ніе Южной - Франціи. Мы тогда же
имѣли случай замѣтить (Отч. Запи-
ски, 1841 г. ноябрь) особенную мето-
ду, употребляемую г. Студитскимъ

при преподавании географии, состоящую в томъ, чтобы дѣти не занимались механическимъ заучиваниемъ одной помехлатуры науки, чѣмъ безъ всякой пользы обременять ихъ память, а старались понимать преподаваемое, привязывались къ наукѣ и собственностямъ своимъ побуждениемъ кѣдали ее.

И дѣвушки существуютъ въ мірѣ люди, сильно заботящіеся о чистотѣ правовъ вообще, и чистотѣ наукъ въ-особенности, которые утверждаютъ, что наука тогда только и остается наукой, могла сохранять приличную ей важность и достоинство. А для соблюдения этого, наука, по мнѣнію ихъ, должна быть, во-первыхъ, суха, исполнена правдивыхъ сентенций или головоломныхъ фактовъ; во-вторыхъ, она должна, какъ Добія отецъ, сидѣть на креслѣ безукоризненно-прочно, мерто и отнюдь не сидѣть пошевельнувшись головой, на какой конецъ и устроенъ для ляя особенный, сильно-накрахмаленный галстукъ. Въ противномъ случаѣ—говорятъ эти искусно-устроенные автоматы, посвящіе имъ педагоговъ — наука перестанетъ быть наукой и сдѣляется простымъ, нѣважимымъ занятіемъ, почтѣ игрою... Игрою? Въ-самомъ-дѣлѣ? У, какъ это страшно! Спасемте, спасемте, господа, спорѣ гибающее достоинство науки! употребите всѣ силы, чтобы дитя, учась чему-нибудь, дѣйствительно слушало, дѣйствительно ощущало, что оно учится, и вѣкъ бы помнило, чѣмъ такое привилегия важность науки. Пусть его потѣстъ, пусть его хирѣтъ и чахнетъ, это бѣдное, еще недавно столь розовое и полное жизни созданіе! —пусть его! Зато на развалинахъ его возвигнется гордо и самодовольно спасенное достоинство науки!

Весьма-желательно, чтобы г. Студитскій впредь шелъ по избранныму имъ путѣ и удерживался отъ че-резъ-чуръ кудреватой рѣчи, аль родѣ сдѣлающей:

«Величественно и страшно море, когда грозятъ дозѣрчному широколицемъ менѣжъ-

кою гибелью. Оно прекраснѣе, когда разстилаетъ передъ начи безкомѣтную, прозрачную поверхность своихъ водъ и слегка струится подъ безоблачнымъ лазурнымъ небомъ, которое какъ бы смотрится въ свѣтлыхъ струяхъ его; оно величественно-ужасно подъ икрачено тучею, поглощающейся на горизонти, когда грозно вспыхиваетъ, подымая до облаковъ водяные горы, которыхъ съ ревомъ низпадаютъ разверстые бездны, снова встаютъ еще ужаснѣе и наконецъ въ безсильной ярості сокрушаются о прибрежныя скалы и осыпаютъ ихъ жемчугомъ.»

Подобная вычурность только времѣнь дѣлу, которое само-по-себѣ весьма можетъ быть полезно. Да, сверхъ-того, вамъ не нравится, что г. Студитскій, явно переволя свою книжку съ французскаго, ни слова не говорить обѣ этомъ и какъ-будто хочетъ напомнить, что это не переводъ, а его собственное произведеніе.

16) *Русские Сказки для Дѣтей*, разсказанные наложкою Авдотьєю Степановною Черепъевою, изданные К. Авдѣвой. Издание второе. Санкт-Петербургъ. 1848. Въ тип. воен-ко-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 72 стр. и 10 картишокъ.

Трудно рассказывать дѣтямъ сказки лучше, нежели разсказываетъ ихъ ванюшка Авдотья Степановна Черепъева; о достоинствѣ труда г-жи Авдѣвой по изданию этихъ «Сказокъ» также говорить нѣчего: за что возьмется г-жа Авдѣева, то дѣлаетъ она съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и съ совершенными знаніемъ дѣла. Но второе, именно второе издание «Русскихъ Сказокъ для Дѣтей» заставляетъ наѣть выскакивать почтенней, издавательницъ наше изѣніе о вѣдѣніи, какое производить на умы ребенка вообще такъ-называемыя народныя сказки.

Рѣшить положительно, что наилѣпшіе вымыслы, несобразныя съ законами дѣйствительной жизни произведений досужей фантазіи полезны или вредны для всевоспринимчивой головы ребенка—невозможно. Для такого рѣшенія нужны доказательства, основаны-

ныхъ на икогочесанныхъ фактахъ, на сравненіи головъ, всевидимыхъ на скажахъ, и головъ, неслыханныхъ этихъ скажокъ въ дѣтствѣ. А такъ-такъ подобныхъ фактовъ никто не собираль и подобныхъ наследованій никто не предпринималъ, да и существованіе головъ, нессыпавшихъ подъ наношками скажи, вообще сомнительно, то имъ по-новогрѣдъ должны отклониться отъ прямого, положительного рѣшенія вопроса и начать дѣлъ съ конца—съ наследованіемъ источника тѣхъ страннѣхъ и весьма-ненормальныхъ идей, которыя такъ часто встречаются въ головахъ окончательно сформировавшихъ-ся, и происхожденіе которыхъ нельзя объяснить законами логики.

Такія идеи не только слышаны отъ ближайшаго; или подсвѣдомы въ близи-
нѣи почти при каждомъ столкновеніи съ ними, на каждомъ шагу; во членѣи
мало-мальски сознательный, не
сталкнулся ни съ гѣмъ, не дѣлалъ па-
гу изъ своего забывчика, частекенно
съ душевнаго прискорбіемъ удача-
ется изъ нихъ самаго-себя. И особенно
рельсово выказываются онъ, эти
идеи, въ тотъ пагубный декартов-
скій періодъ развитія человѣка, когда
онъ, оставши школьную скамью и ко-
нчахувшись при первомъ глоткѣ изъ
кубка дѣятельности, начинаетъ
испѣтъ на все прошлое вообще и на
школьную скамью въ — особенности.
Чего-чего не окажется при этой стро-
жайшей ревизії! И исправляя скажи,
и улучшаю, и проволочниа... одинъ
словомъ, все испорчено, все надо ис-
редѣлать—надо, если можно, переро-
диться. Но, knownъ разъ въ житейское
море, надо работать, по-крайней-мѣ-
рѣ барахтаться, чтобы не утомить, и
потому всего передѣлать некогда, не-
перордиться нельзя, вознаградить улу-
щенное тоже невозможно. Начинаютъ-
ся перестройки демократами средоточиями:
но-что, не-какъ и не-гдѣ, при чѣмъ
преимущественно обращаются вниманіе
на улучшенія, слѣдившиа въ послѣднее
время, потому-что они въ пророститель-
ные и живѣе въ некихъ. Но такъ-какъ

эти улучшения большую частью приво-
дятъ отъ улучшений предшествовав-
шихъ, которые въ свою очередь также
изѣли источникъ выше, и большую
частю во времени, покрыты правою
бессознательности, сквозь камыши и
ланюшки, то послѣ докторской по-
редѣлки голова человѣка и получаетъ
фасадъ того построеннаго при Екатер-
инѣ II понѣщичьяго дома, къ которому
разные наследники пристраивали съ
различныхъ сторонъ разныя клеми и
каноры — по усмотрѣнію... Эти пере-
стройки, эта борьба человѣка съ са-
мимъ-собою, съ своимъ прошлымъ,
съ своимъ въ дѣтствѣ слушаниемъ об-
разомъ мыслей—эта страшная, болѣ-
нная драма, иѣщающая человѣку
жить положительной жизнью, дѣлаетъ
тѣмъ страшне и болѣе-нѣ, чѣмъ
лучше, чѣмъ сознательнѣе человѣкъ...
И горе тому, кто не дождается ее раз-
вала, кто не вынесетъ этой борбы до
конца, кто не подводить эдакій подъ
одинъ общиій фасадъ! Иравственное
бездобразіе, безобразіе и убѣждени-
я, куже физическаго безобразія; по-
тому-что при послѣднемъ непримеси-
вшиа его личность, тогда-нѣть при
первомъ, при закоренѣлостяхъ въ об-
разѣ мыслей, эта личность невозможна:
она превращается въ ючину, которую
также нужно замѣзывать еже-
минутно, чтобы не выказываться такими,
каковъ есъ; та же борьба съ самимъ-
собою, но это уже не драма, а комедія...

Невольно рождается вопросъ: какъ
избавить ребенка отъ болѣи, кото-
рая поставила насть самихъ, которая
иѣщаетъ намъ жить полною жизнью?..
Избавить его совершенно отъ этой
болѣи, конечно, невозможно, по-
тому что никакъ бы мы ни стара-
лись о логичности его воспитанія,
объ отстраненіи отъ его восприим-
чивой головы предразсудковъ изъ вся-
кихъ величестей, никакъ бы тщательно
ни разметали предъ нимъ дороги въ
дѣятельной, самостоятельной жиз-
ни — онъ, какъ членъ нового-семей-
нія, которому суждено жить малѣ-

иась, будуть видеть вещи ясно, но, коли мы не будемъ въ настоящую минуту, и, следовательно, борьба съ себимъ-собою, хотя и не такая изнурительная, какую мы выдерживаемъ—будетъ и для него: такъя заботъ разнятъ члвчества.

Но, въ-следствіе этого закона, каждое поколѣніе должно выкупать цѣною страданія только тозъ шагъ впередъ, который оно само дѣлаетъ; борьба за то, за что уже боролось предшествовавшіе поколѣній—не законна. И обвиненіе въ этой незаконности падаетъ прямо на воспитателей, которые не умѣли передать наследникамъ свое собственное приобрѣтеніе, которые воспитывали молодое поколѣніе такъ же, какъ сами были воспитаны, не устранивъ изъ этого курса того, что такою болью отозвалось имъ самимъ—рассказывали своимъ дѣтямъ тѣ же сказки, на которыхъ сами были вскормлены... Да, именно сказки, потому-что въ нихъ притонъ предрасудковъ самыхъ закоренѣлыхъ и вѣсты самыхъ благовидныхъ, самыхъ вредчайшихъ—по наружности; потому-что ребенокъ неспособенъ различать сказочного имена отъ действительности; потому, наконецъ, что сказки сдѣлялись обычаемъ, необходимостью, вѣками освященнымъ обрядомъ въ воспитаніи, и пестуйъ, рассказывая ребенку сказку, не думаетъ о томъ, какое заключеніе выведетъ для себя изъ приключений! Цѣтишина-золотаго-гребешка—ловкій софистъ-слушатель, и какъ отзовется ему въ-послѣствіи это убаюкивающее, наркотическое средство доброй, словоохотливой Авдотьи Степановны...

Сообразите все это, почтенные изда-
тельницы Сказокъ иллюстраций Черепальской,
и вы, юные родители, поставляющіе
вашимъ детямъ въ достоинство—умѣнье рассказывать сказки;
а мы съ своей стороны обѣща-
емъ въ непродолжительномъ времени
преложить болѣе точный и болѣе
ославительный доказательства въ под-

твержденіе высказаннаго сдѣльши-
емъ о вѣдѣ народныхъ сказокъ на
вострѣвичныхъ головы.

17) *Совѣздіе Молодыхъ Лю-
дей. Поэзіи и Рассказы, переселенные
со французскаго А. Ивановымъ. Съ до-
слѣдами оригинальными картинами, рисо-
ванными и литографированными В.
Агравиль 2-иѣ. Сактилаторбургъ. 1848.
Въ тиц. III Отдѣленія Собственное
Е. И. В. Капцелларіи. Въ 12-ю д. л.
196 стр.*

Г. Ивановъ перевѣлъ, назывомъ боль-
шака нашихъ переводчиковъ, де-
сять фасоль-чувствительныхъ, вѣсма-
перѣкаркаль-вѣжливыхъ и не очень-
высокумныхъ рассказовъ Кастеллана, Ми-
шюона. Евгениі Фоа, графини де-
Базавиль, г-жи Симонъ, Додровонъ и
Леклеръ. Картины изъ того г. Агрии,
котораго мы знаемъ по «Ста Рисун-
камъ изъ Мертвыхъ Душъ» (тотъ, вѣ-
роятно, Агрии 1-и, а это старой); ио
въ нашемъ дѣтскомъ книжкѣ въ таїхъ
картинахъ—рѣдкость. Молодые люди,
особенно дѣвочки 8—11 лѣтъ, будутъ
благодарны г-ву Иванову, конечно, въ
такомъ только слушать, если онъ знакомы
сказочно-нибудь съ прочими собесѣдниками. Съ своей стороны, мы не-
совѣтствуемъ переводчику быть пора-
борчивѣе, въ оригиналахъ. И почему
непремѣнно переводить поэзіи? —
есть біографіи, есть цутенштейнія...

18) Григорій Александровичъ
Поткинъ. *Историческая поэзія
для детей. Соч. П. Фурмана. Въ двухъ
частяхъ, съ 20-ю картинами, рисованы-
ми Р. К. Жуковскаго. Сактилатор-
бургъ. Въ тиц. военно-учебныхъ засед-
аній. 1848. Две части. Въ 12-ю д. л. Въ
I-й 159, со II-й—151 стр.*

Не знаемъ, рѣшительно не знаемъ,
полезно ли дѣткамъ чтеніе поэзій, и
въ-особенности историческихъ, подоб-
ныхъ той, которую написалъ г. Фур-
манъ. Намъ кажется, что съ дѣтьми
особенно опасно шутить—а нѣтъ вѣдѣ
щутовъ чтеніе поэзій едва-ли не
самая негодная для ребенка. Мы ко-

жемъ представить себѣ, из-примѣръ, что чтеніе біографій Плутарха можетъ привести пользу ребенку: тамъ всякое слово — истина, каждая черта взята изъ дѣйствительности, такъ-что ребенокъ, читая плутарховыхъ знаменитыхъ людей, свыкается съ жизнью и не только получаетъ совершенно вѣрные и здравыя понятія о различныхъ эпохахъ и страдахъ древнаго міра, но и для себя собственно извлекаетъ весьма-важный практическій результатъ отъ этого чтенія. Люди, съ которыми знакомится онъ — люди живые, люди съ плотью и кровью, и если можно справедливо предположить, что общество, среди которого человѣкъ живетъ, можетъ переработать его натуру, то точно такое же благодѣтельное влияніе нѣтъ на природу ребенка въ чтеніе, подчиненное строгому выбору.

Поэтому мы никакъ не думаемъ отвергать пользу, которую могло бы принести сочиненіе г. Фурмана, если бы оно было хорошо задумано и исполнено. Но, въ томъ-то и бѣла, что авторъ впалъ въ эту саму ошибку, общую всѣмъ дѣтскимъ писателямъ. Писатели этого рода непремѣнно хотятъ обращаться съ дѣтьми не какъ съ людьми, а какъ съ высшими организмами, немного-чѣмъ повыше минераловъ. Они рѣшительно не хотятъ понять, эти добрые люди, что дѣти, въ своей, т. е. приличной степени ихъ развитія, сферѣ, точно такъ же взрослые, какъ и самые взрослые; разница только въ томъ, что одни начинаютъ, а другіе продолжаютъ или кончаютъ, и если некоторые виды нѣудобны для дѣтей и несогласны съ складомъ ихъ ума, то это потому; что, по самой своей сложности, эти знанія предполагаютъ наличность другихъ знаній менѣе-сложныхъ, и что развитие человѣка требуетъ постепенности и никогда не совершается скачками. Если вы будете толковать ребенку о свойствахъ души, когда онъ не знаетъ ни на волосъ о свойствахъ предмета больше ему близкаго — о свойствахъ его брачнаго маленькаго тѣла, есте-

ственно, что философія покажется ему пугающею, на которое онъ будетъ смо трѣть не иначе, какъ со страхомъ и отвращениемъ. Изъ этого, казалось бы, должно вывести то прямое слѣдствіе, что ребенку не подъ силу философія, что ему не нужно избирая словъ о свойствахъ души и т. д.; но педагоги искать ничего не хотятъ... Въ пользу своего варварскаго пропагандизма, они и что бы ни стало хотятъ вдохнуть ребенку несвойственную его возрасту изуку, и на этотъ конецъ выдумываютъ для него другую философію, еще не хѣше ихъ ординарной — философію дѣтскую. Странное дѣло! никто не требуетъ отъ ребенка, чтобы онъ читалъ не свою азбуки, а между-тѣмъ всякий считаетъ себѣ въ правѣ излагать ему понятія объ обязанностяхъ, о долгѣ и т. п., чего онъ никакъ не понимаетъ! Вотъ, из-примѣръ, г. Фурманъ издастъ дѣтскую біографію Потемкина. Ну, кажется, отъ чего бы и не уповать дѣтамъ жизни одного изъ знаменитѣшихъ людей временъ Екатерины, особенно, если жизнь эта хорошо рассказана... Но г. Фурманъ никакъ не можетъ упустить изъ виду, что дитя существуетъ малое, неразумное, что ему дѣлать надобно легонькую исторію, гавное, съ нравственностью проправой. Поэтому, все сочиненіе его премѣнено моральными сантенцій, въ гдѣ Потемкинъ, по мнѣнію автора, поступаетъ хорошо — тамъ такъ и говорится, что вотъ это молъ хорошо, и этому надо поощрять, а гдѣ встѣрѣвается безнравственный поступокъ, тамъ дѣти предупреждаются, что это-молъ безнравственно. И что такимъ-образомъ поступать все съ дуетъ...

Автору очень хорошо известно, что взрослый человѣкъ отнюдь не возьметъ себѣ примѣръ для подражанія ни Потемкину, ни другого, ибо взрослый человѣкъ знаетъ, что обстоятельства жизни у всякаго различны и своеобразны: поэтому г. Фурманъ и не претендуетъ, чтобы книгу его читали взрослые, и заранѣе оговоривается, что это-де

скать повесть для детей... Для детей! Но какое право имъ это вы заключать, что дѣти будутъ интересно читать вашу повѣсть, когда въ ней дѣйствуютъ не живые люди, а какие-то образы безъ лица, ходячія сенсациі? Почему вы думаете, что если взрослому покажется диковинъ, будто двадцатилѣтній Потемкинъ не хуже любого сантиментального господина, крѣпко жметъ руку матери отъ умиления при видѣ «Москвы», то еще большую букову не покажется это ребенку? Какую пользу можетъ привести дѣти ничего-неговорящее разсужденіе о дружбѣ (Ч. II, стр. 7—10)? Какого, на-принѣръ, практическаго результата желаетъ достичнуть авторъ своими анекдотами о разныхъ краяхъ: толкахъ иностранцевъ про Россію? Приводимъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ:

«Другой (авторъ говорить объ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи), обѣдая однажды у Русского, слышалъ, какъ малѣкѣй сыночекъ хозяина безпрестанно просилъ квасу, когда отецъ его пилъ, говорить: я мѣшь, чашенька, я мѣшь! и уѣбрать, что въ Россіи есть особенный напитокъ, который называется Нутенѣ.»

Или:

«Третій, замѣтилъ у Большаго-Театра костры, у которыхъ зимою, во время спектаклей, грѣются купера и лягушки, говорить, что зимою въ Петербургѣ бываетъ, иногда, такъ холодно, что топятъ улицы.»

Право, повторить на слово г. Фурману, такъ выходить, что все иностранцы прогулѣшишій народъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ потомъ самъ авторъ:

«Невѣжда похвалы малѣйшей не умѣетъ, и то не похвала, когда невѣжда хвалитъ.»

Итакъ, иностранцы могутъ быть по-коинъ; только все-таки не понимаешь, въ какой мѣрѣ полезны подобные анекдоты въ дѣтской книгѣ.

А между-тѣмъ, намѣреніе г. Фурмана, очевидно, было похвальное...

Издание чисто и красиво; къ книгѣ приложено двадцать рисунковъ г-на Жуковскаго, изъ которыхъ некоторые сдѣланы весьма-удачно.

19) Благовоспитанникъ Дитя, или какъ должно вести себя. Соч. Жозефина ле-Бассю. Съ французскаго. Издание второе. Санктпетербургъ. Въ тип. Мицис. Госуд. Имущество. 1847. Въ 8-ю д. л. 158 стр.

• Благовоспитанное Дитя. г-жи Жозефины ле-Бассю достигло у насъ втораго изданія; сдѣлательно, нашлись люди, которые убѣждены въ пользѣ системы воспитанія сочинительницы этой книги. Книги такого рода тогда достигаютъ своей цѣли и заслуживаютъ похвалы, когда съ одной стороны разрушаютъ разные предразсудки, получаемые дѣтьми отъ родителей, или отъ наставъ, а съ другой—содѣйствуютъ развитію нравственнаго чувства и проясненію истинныхъ понятій ребенка о мѣрѣ въ вещахъ. Между-тѣмъ, бодьшая часть ходячихъ учебниковъ нравственности наполнена исчислениемъ обязанностей дитяти и преподаніемъ ему правилъ, которыя весьма-часто для него лишены всякаго смысла, потому-что или основаніе ихъ ему непонятно, или прѣведены имъ основанія ложныя.

Главное стремленіе существующихъ учебниковъ нравственности состоять въ томъ, чтобы заставить дѣтей любить Бога, родителей, близкихъ, высшихъ, писшихъ, разныхъ и т. д., и показать, какъ должно имъ вести себя въ отношеніи лицъ, въ окружающихъ. Намъ кажется, что полезно было бы издавать книги въ поученіе самимъ родителямъ и наставникамъ, какъ способы любви ребенка, внушить ему къ себѣ довѣріе, послушаніе и уваженіе, а отнюдь не приказывать ему питать къ нимъ эти чувства. Внушите привязанность ребенку, и онъ будетъ поступать съ вами гораздо-лучше, нежели какъ это предписано въ учебникахъ; ему самому на ка-

жданъ могу представится случай выразить въ тысячу разъ наше и наимѣшъ свое чувство, тогда-нанѣ оно даже воне и не подсказываетъ того, что выражаетъ. Толко такая привязанность дитяти къ-менѣ есть родительскій вѣйтъ, что его окружаетъ.

Г-жа ле-Бассю раздѣлила свою книжку на сорокъ страницъ: первая заключаетъ въ себѣ обязанности сестричекъ, въ Богу, вторая—семейные: о любви къ родителямъ, о братскихъ чувствахъ, третье — обязанности въ-отношениіи къ вышшимъ, четвертая — въ-развѣніи, пятая — въ письмѣнн., шестая—обязанности домашнія, седьмая — обязанности въ-отношениіи къ обществу.. Главы состоять изъ ненесложнѣхъ добродушнѣхъ, которая должны проявить дѣтѣ во всѣхъ видахъ отношениехъ; приложенія и познательныя поѣтоти по эти темы. Въ заключеніи выражено то, что «вѣйтъ въ виду сочинитѣльница: я указала вамъ, съ какими постулатами какія чувства должны быть первоначальны, опредѣлѣла формы и выраженія, по-средствомъ которыхъ должно излагать міни маго, и надѣюсь, что говорила не напрасно». (Стр. 154).

Нанѣ кажется, что совершенно-на-просто старалась г-жа ле-Бассю объяснить, «съ какими постулатами какія чувства должны быть первоначальны», потому-что чувство должно быть руководителемъ въ-всѣхъ видахъ того, что ему жалъ это или хочется ему помочь; старалась же ея опредѣлѣть формы и выраженія, посредствомъ которыхъ должно изъяснять чувства — напоминать имъ бѣа, имъ же, какъ мыслящими, изъ которыхъ появлялось тоже изъясненіе всѣхъ чувствъ, только письменно.

Сверхъ того, самыя предписанія г-жи ле-Бассю до крайности бесполезны. Наприм., изложивъ сколь-нибудь забыты родителямъ о родствѣ и воспитаніи дитяти, учебникъ предписываетъ:

«Запишите же за всю эту (родительскую) любовь къ-вамъ (дѣтамъ) живѣшему

благодарствіе, предстающіе позади уходящіе лицъ, совершающіе... бодропословныя подвиженіяъ цѣлъ-преднамѣнія. Встрѣчайте же съ сидомъ почтительными, юморите съ именами ласковыми; во-берегитесь, чтобы ваше дружеское обращеніе не переходило въ-вольность, веселую стъ потешеніемъ, которое вы должны имѣть къ родителямъ.» (Стр. 5).

Идц:

«.... Когда они (родители) заботятся или оторвены какими-нибудь почестями, звучаніемъ.... удовольствіе тогъ иши ласки, предупреждѣніе зритѣемъ на ласкѣ родителей, и будьте осторожны, чтобы не обезпокоить ихъ своей важностью...» (Стр. 6). Чувство любви къ родителямъ, сродное сердцу каждого, можетъ быть оживлено извѣстными обстоятельствами, требующими особенного вниманія, напримѣръ: днемъ рождения, или первымъ днемъ года. Въ эти торжественные дни малолѣтніе душевной ловкости да-же мѣтъ быть усерднѣе въ общемъ-изъянѣ.... Каждъ отдаленность детства, какъ необходимость ротаваться изъ уединъ, разлучать вѣсъ съ именемъ, старайтесь же поградить эту потерю исправно времінскій: пускай письмо за вѣсъ говорить о вашей превзіащности, о всегдашней готовности исполнять вѣтъ воли, которая, для вашей же пользы, разлучила васъ съ именемъ» (стр. 8).

Мы сказали, что эти предписанія бесполезны, потому-что лучше всего наихъ исполняться не по-внушенному же г-жи ле-Бассю, а по-внушенному самого чувства дѣтей; не должно забывать, что ребенокъ тотъ же человѣкъ, только маленький, и потому проявленіе въ немъ всего, что не проистекаетъ изъ его убѣждений или чувствъ, нежасть вѣсъ непріятно — на-примѣръ, когда ребенокъ выражаетъ любовь родителямъ какими-нибудь предписаными обрядами, какъ сказали въ описанной выше письмѣ: «спирчайше же съ сидомъ почтительными...» Чѣмъ такое это? почтительный видъ? Но то ли, что ребенокъ долженъ встать со стула, если сидѣть — когда маленька входитъ въ дверь? Да если такія отношения устанавлены между отцомъ и ребенкомъ,

найдется можно сказать, что такое дитя не дружно съ родителями, и на него не подействует книжка г-жи Бассю, купленная для него «на блку». Родители, понимающие природу ребенка, не станут этого требовать, и темъ больше не будутъ «внушать любовь къ себѣ» нечеселевшемъ того, что они сделали для ребенка.

Посмотримъ далѣе, какія воли-
тія внушаются книжечкой, побуж-
дающею вторымъ изданіемъ на рус-
скомъ языкѣ: благовоспитанное дитя
въсъ мѣа узнаетъ, что люди раздѣ-
ляются 1) на родныхъ и постороннихъ,
и во 2) на высшихъ, равныхъ и низшихъ.
Первый раздѣлъ первого отдѣла долж-
енъ пользоваться наибольшею лю-
бовью дитяти, и книжечка увѣрляетъ
малолѣтняго своего читателя, что лю-
ди этого отдѣла имѣютъ особенное
право на любовь, слѣдовательно, иногда
совершенно наперекоръ влечению
ребенка; ребенокъ, въ силу этого на-
ставления, долженъ любить стороннаго
родственника больше, нежели знакомы-
го, который, можетъ-быть, для него
гораздо-интереснѣе въ мысль. Сверхъ
того, нравственная книжечка научаетъ
ребенка, что есть люди высшіе, равные,
и, что особенно внимательно, низшие.
Надобно было бы, ужъ кстати излож-
ить, какими вышешимъ признаками
отличаются эти низшие. Нравственная
книжечка увѣрляетъ малолѣтняго чита-
теля, что не должноничѣмъ гордить-
ся, что все люди равны передъ Богомъ, что не должно судить о человѣ-
кѣ по платью, и выѣтъ съ тѣмъ от-
крываетъ, что 1) тѣ, которые положе-
но, 2) прислужники, 3) тѣ, которые
боялись его—называются низшими... На
какомъ же основаніи? Хорошо будетъ
дитя богатой фамиліи, если оно, при-
нимая состояніе родителей за мас-
штабъ въ распознаваніи высшихъ и низ-
шихъ и, кроме того, равныхъ себѣ, буд-
детъ обращаться съ ними имѣя въ голо-
вой такую норму! А дитя бѣдныхъ
родителей? Да, еслибы оно достаточно
разсудило по смыслу нравственной
книжечки, оно должно было бы чув-

ствовать постоянно свою худость, какъ
выражались встарину, и уважаться
передъ всеми, что лучше его
одѣть!.. Всѣ эти науки о томъ,
чего должны любить и уважать
ребенокъ, и какъ сносить къ себѣ
любовь и ласки другихъ, не клонятся
ли къ тому, чтобы развить въ немъ
притворство, склонность во лжи и ис-
кусительство?...

По счастію, въ школахъ — въ этой
маленькой республикѣ, составленной
изъ членовъ, еще непосвященныхъ
ко то, что составляетъ различіе людей
по ихъ общественному положенію,
представляется примеръ совершенно-
противоположный: дѣтскій смыслъ
всегда отличаетъ аристократію ума, и
цѣлый классъ невольно-попирается та-
кому аристократу, помимо вопроса о
предкахъ и о состояніи родителей;
тамъ знаютъ «глѣбы грязи послашен-
ной» только по стиху Державина...

Въ дѣлѣ воспитанія не столь важно
для ребенка познаніе всѣхъ его обя-
занностей, заученное изъ книги, сколько
развитіе и благородное направле-
ніе его нравственного чувства, кото-
рое само укажетъ ему всѣ его обязан-
ности. Сверхъ того, совершенно-безпо-
лодно и для взрослыхъ дробить обя-
занности ихъ въ отношеніи другихъ
людей — все бы будете строить пре-
воловы на слова любить, помочь,
уважать и пр., а между тѣмъ, не по-
пресчитаете всѣхъ обязанностей: наша
общественная и частная отношенія
до того сложны, до того обусловлены
разными обязанностями, что живь
очень-точно можно определить исполне-
ніе всѣхъ обязанности. Человѣчество не
разъ оставляло себѣ вопросъ: да на чёмъ же
основаны эти обязанности, которыхъ
оно исполняетъ съ начала вѣка? Ища
этой основы, оно, какъ съ нимъ всегда
случается, построило множество си-
стемъ, даже создало цѣлую науку подъ
названіемъ сначала практической фи-
лософіи, а потомъ нравственной фи-
лософіи. И каждая система приво-
дить свое основаніе... Впрочемъ, не

Европейцы занимались этимъ дѣломъ: Китайцы, оставивъ въ сторовѣ наслѣдованіе объ основаніи отношений людѣй между собою, занимались только исчислениемъ пріемовъ, какъ должны обращаться между собою люди, находясь въ границахъ приличія и учтивости, и сообразно съ ихъ поломъ, возрастомъ, степенью родства съ ними, ихъ званіемъ и чиномъ, и пр. Эта книга или философія общества у Китайцевъ называется «десятъ тысячами церемоній»... Тотъ и считается вполнѣ благовоспитаннымъ человѣкомъ въ поднебесной имперіи, кто не только обходится учтиво съ другими, но и знаетъ наизусть «десять тысяч церемоній», и знаетъ съ какими поступками, какія чувства должны быть неразлучны, сверхъ того помнить всѣ опредѣленныя формы и выраженія, посредствомъ которыхъ должно изгласить ихъ... Но едва ли это затвержданіе наизусть сцен-тетнц и правиль поведеть къ развитію нравственнаго чувства.

20) Домашній Театръ. Съ чертежами къ устройству и расположению ширмового театра. Санктпетербургъ. 1848. Въ тин. И. Фишока. Вѣ 12-ю ф. л. X и 450 стр.

Авторъ этой книжки старается оказать двойную услугу любителямъ домашнаго театра, во-первыхъ, облегчить построеніе сцены и расположение декораций, и во-вторыхъ, доставить для домашнѣхъ спектаклей цѣлый репертуаръ пьесъ. За первое, конечно, любители поблагодарятъ автора, который признается, что образцомъ для его театра служили ширины, употреблявшіяся для домашнѣхъ представлений пьесъ въ тюильрійскомъ дворцѣ, у герцогини Беррійской; эти ширины, обрамленыя обоями, складываются и разставляются по мѣрѣ надобности, безъ большинства хлопотъ, ступотни и шума. Это все очень-хорошо, когда театръ долженъ представлять комнату; но если дѣйстіе должно происходить на открытомъ воздухѣ, то авторъ «Домашнаго Театра» предлагаетъ два

средства: или вовсе не играть тѣатръ пьесъ, или, какъ водилось въ старину, въ глубинѣ сцены выдвигивать пьесы:

Это садъ,
или

Это площадь.

Нельзя не сознаться, что такое упрощеніе трудностей при постановкѣ пьесъ на домашнѣхъ театрахъ очень-остроумно, и не одобрить его только какая-нибудь помѣщница Коробочка, которая, пожалуй, во все продолженіе пьесы *всегда* не возвьметъ—да какъ же тутъ площадь, или садъ, когда она видитъ комнату, оклеенную обоями!..

Что же касается репертуара пьесъ, предлагаемыхъ авторомъ для домашнаго театра, то едва ли за него будутъ благодарны любители. На первый разъ репертуарь этотъ состоить изъ трехъ комедій: «Романъ въ подианкѣ и въ перевѣдѣ», соч. Ольги П., «Мастерской Портретъ» комедія, переделанная съ немецкаго, и «Осенний Притокъ», тоже сочиненіе Ольги П. Пьесы эти отличаются отъ не-домашнаго ви-шего репертуара только тѣмъ, что они еще блѣднѣе и безхарактернѣе. Авторъ старался больше всего, чтобы въ предлагаемыхъ трехъ пьесахъ не было ни одного слова, которое бы должно было вычеркнуть при ихъ представлении особыми лучшими обществомъ... Мы же будемъ входить въ разсужденіе о томъ, какое общество боится произносить разныя слова, считая ихъ неприличными, а отсылаемъ автора къ пьесѣ Гоголя. Развѣдь посѣть представлѣніе одной комедіи!—потому-что объ этомъ предметѣ было много писано въ свое время, и у всѣхъ еще въ памяти слова одного извѣстнаго нашего литератора, котораго голосъ въ этомъ дѣлѣ очень-уважителенъ, ибо никто не можетъ упрекнуть его въ незнаніи такъ-называемаго «высшаго общества, посреди котораго онъ жилъ и живетъ постоянно...» Просимъ заглянуть въ статью князя П. А. Вяземскаго о «Ревизорѣ», помѣщенную въ «Современникѣ» 1836 года, издававшемся Пушкинымъ.

Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что еслибы авторъ предлагаемыхъ пьесъ и не имѣлъ такихъ странныхъ понятій о хорошемъ тонѣ и изыскѣ лучшаго общества, пьесы его немного выиграли бы, потому-что онъ не обнаруживаются въ немъ главнаго—таланта, ни въ завязкѣ интриги; ни въ сознаніи характеровъ, ни въ веденіи разговора... Трудно себѣ представить, чтобы на домашнемъ же театрѣ, представленный «импровизованными» актёрами, эти пьесы поддержаны были и талантливыми артистами, которые иногда своюю игрою даютъ жизнь и упрочиваютъ долговѣчность множеству драмъ, комедій и водевилей на лучшихъ сценахъ европейскихъ театровъ.

21) Альманахъ для Дѣтей—Архангельскъ, собранный (?) изъ статей въ стихахъ и прозѣ разныхъ А(а)второвъ. Съ 14-ю иллюминованными картинками: П(и)ортретами российскихъ государей, гербами Архангельска и уездовъ его, памятникомъ Ломоносова въ Архангельскѣ, Дѣтской праздникомъ «Елка» (.) щедра на оленяхъ и съ карточкою Архангельской Губерніи. Дѣтская Карманская Библиотека. Зима. Санктпетербургъ. MDCCCXLVIII. Въ тип. К. Винкебера. Въ 16-ю д. л. 82 и VIII стр.

Прочитавъ это многосложное заглавіе, нельзя не задать себѣ вопроса: почему изданный въ Петербургѣ альманахъ называется «Архангельскъ», украшенъ гербами Архангельска и уездовъ его, рисунками архангельского памятника Ломоносову и карточкою Архангельской Губерніи, и какое, наконецъ, отношеніе между первымъ заглавіемъ—«Альманахъ для Дѣтей», и вторымъ—«Дѣтская Карманская Библиотека. Зима?.. Собственными средствами, напряженіемъ своей изобразительной способности, вы не добьетесь до рѣшенія этого вопроса: пособіе издателя тутъ такъ же необходимо, какъ необходимо собственное ваше пособіе для ребенка, когда онъ будетъ читать собранные въ «Альманахъ» стати разныя

авторовъ, и рассматривать четырнадцать иллюминованныхъ картинокъ (т. е. гербовъ Архангельской-Губерніи)... Издатель чувствовалъ это и на внутреннихъ сторонахъ обертки напечаталъ объясненіе. Изъ этого объясненія оказывается, что альманахъ, подъ наименіемъ «Архангельскъ», есть не что иное, какъ-будто-бы первый выпускъ изданія «Дѣтской Карманской Библиотеки», которая будетъ выходить четыре раза въ годъ: книжка «Зима»—къ празднику Рождества Христова, книжка «Весна»—къ празднику Пасхи, книжка «Лѣто»—выйдетъ къ 1-му июня, книжка «Осень»—къ 1-му сентября. Каждая изъ этихъ книжекъ посвящается одной изъ губерній Россіи, такъ—что если ребенокъ на шестомъ году своей жизни прочтетъ альманахи: Архангельскъ, Астрахань, Воронежъ и Владимира, то, достигнувъ двадцатилѣтаго возраста, онъ будетъ иметь удовольствіе прочесть «Альманахъ для Дѣтей—Ярославль». И чего—чего не узнаетъ ребенокъ изъ Карманскої Библиотеки, прямо обращающейся къ карману его панченьки! Альманахи стараются склонить юныхъ читателей къ понятію о славѣ нашего отечества, кромѣ (?) сподѣлъ по разнымъ отраслямъ наукъ, необходимыхъ для каждого благоспитанного дитятка—и внушать наивѣрно: за успѣхъ ручается первая книжка «Архангельскъ».

Раскрываете книгу—передъ вами одинъ господинъ въ туалетикѣ, другой въ салопѣ: по объясненію альманаха, это Рюрикъ и Олегъ. Но не отчаявайтесь: переверните еще листокъ; передъ вами стихи:

Время было: въ колыбели
Ты спокойно почивалъ;
Дни текли, года летѣли,
Возмужалъ ты—миръ узналъ (?).

Это, извольте видѣть, привѣтствіе Николаи(е)дѣнъ: «въ день рождения его батюшки». За тѣмъ слѣдуетъ еще картинка, изображающая руснаго господина—папашу, румянную госпожу—мамашу, и румянаго мальчика—дѣнъ

дрюшу! Повесть, обвязывающая мартины, тоже не бывает румынами, только неизвестно, отчего этот румынинец — от стыда, или от самодовольства? Потомъ — Науки и Художества... Боже! чю, за наукъ ч то за художество!.. За землю — Смысь, и въней, подъ рубрикой «Достопамятныи мартьчения»: можете, между прочими, прочесть съ дующее: «Всѧя то же кочто начинается, — скажет Кутузовъ, когда посланникъ Наполеона предложит ему кончить войну по слѣвъ взятія Мѣсквы... Всѧ и все парѣченіе! Эта книжка, по истинѣ вѣроятіемъ, издана для дѣтей съ особенными способностями, потому-что иначе никакъ нельзя понять словъ Кутузова, когда они не представленаы въ связи съ тѣми событиями, на проводу которыхъ были скаваны.

Но первыя алманаха-драматическіе сцены «Вима въ Сибири». Тутъ дѣти прочтутъ слѣдующій изыскательный разговоръ:

1-й Остакъ.

А помнишь ли отца моего? Онъ въ однажды убилъ трехъ медведей.

2-й Остакъ.

То-то былъ богатырь!

1-й Остакъ.

За то я шаманы его любили.

2-й Остакъ.

За то и за твою матеръ замѣтилъ она пятьдесятъ оленей, а я га свою женку для подобно дослать.

Изъ этого дѣти увидятъ, что жонка, за которую платятъ пятьдесятъ оленей, лучше жонки, за которую платятъ только десять. Чрезвычайно-практическій результатъ! и за все это нужно заплатить 75 копеекъ серебромъ! Нѣтъ, лучше приверечь эти деньги да купить себѣ жоку, милый ребячокъ!

Натѣшившись во отвѣту «Изящной Словесности», милый ребячокъ переходитъ къ «Науки и Художествамъ». Здѣсь, въ «Очеркѣ Русской Исторіи» (Рюрикъ и Олегъ), онъ увидѣтъ, что «Рюрикъ, никогда сильный доблестью, — ослабѣлъ въ иѣгѣ и вѣль, скрученный изъликою зародовъ сѣверянъ»,

что тогда «вѣчнѣе Россіи» явился (откуда-то) «Малѣбъ» героямъ, новые права въ Европѣ воспріяла новый образъ (?) до выѣзда юно-современникъ въ главныхъ чертахъ политического бытія... Увидѣтъ будущее поколѣніе, что «всѣиѣ юдѣиѣ» были славянскими дикарями первыми изобрѣли образованію гражданскою... Въ отвѣтъ «Смысь», оно научится уважать спасы своего двоюроднаго брата — очень-просто — скажетъ: «я не могу премнѣнуть право руки къ Востоку, а вѣчнѣе ожидаетъ на пѣни купу золота» (изъ книги «Медальонъ» (предполагается, что старшіе укажутъ ребенку, куда проложить правую руку) «дѣлайтъ вскому куку свѣзды!») си вѣдомъ.

Особенно же замѣтна премнѣющая г. Димитровъ-Хиграстъ, чрезвѣческая, каки только найдутъ яко до извѣстныхъ дѣланіяхъ обстоятельствъ... Что бы, казалось, не могъ сказать публику тѣа «подъ узомъ» подобной книги? Пожалѣли же тутъ писателя: то посвѣдѣніе книги вы-сѣдѣло съ пустымъ объясненіемъ, въ которомъ приводится почетнейшую публику (признанную въ всемъ фантастикой) и адресъ мѣстности премнѣрастворъ «занѣ... падиорое» въ концѣ книжки. О, самѣе чисто-честное! — ну, здѣсь тутъ, въ сѣдѣнѣ, удержаться и не пытаться никакъ вѣль и мой Миша смысъ будетъ извѣстованъ; да и по извѣстѣ другой, въспомѣнѣ мой, творческой или чудесной Миша... Недарѣла гаубію — шумѣлъ сердце человѣка!

Однѣиъ неизвѣстный писатель во введеніи этого объявленія, сообщая извѣстѣ, что онъ тутъ на время привезется ребячонку, а подишишетъ на разберѣшую книгу книжку... Извѣстѣ лишилъ тутъ, что привѣдѣваться, и особенно на времѣ, современное-извѣстие, что дѣти вообще любятъ, чтобы изъ считали извѣстіемъ.

22) Словечко о Нѣчѣвѣкѣ. Брошюра. Въ 48-ю д. л. 46 стр.

Она брошюра есть: превосходно изѣстлаге своимъ сочиненіемъ извѣст-

жълтодаска р. Витебскаго. Авторъ
получилъ награду:

REFERENCES AND NOTES

... «Балаклава», пурпур, полевизка-нища, а не
полюсок! Цветы, дарящиеся только не-только ни-
дру, (и есть), но и золото (воскъ) тому, кто
стъ ухаживаетъ за ними ухаживаетъ. Мель-
есть чистейшая земная часть цвѣтковъ —
вещество, одаренное благодѣтельными
свойствами. Сахарь только сладокъ, но
медъ бальзамъ, и потому полезнѣй для
груди; боли которой утоляетъ. Медъ, со-
бранный съ цветочинъ, чистится лишь
и бодрствуетъ (*Caxdus acanthoides*), право-
склонитъ своимъ, віяніемъ на человѣческій
организмъ.

• Чтобы доказать благодательное ві-
яніє меда на человѣческій организмѣ,
авторъ приводить въ примеръ Дено-
ніярия; жившаго 109 лѣтъ, Анакреона;
шоевъ, несомненно употреблявшаго медъ
и прожившаго 115 лѣтъ. Пелю Ро-
муль, другъ наукъ, Цезаря и другъ
меда; жившаго болѣе 100 лѣтъ. Гиппо-
кратъ; основатель медицины, съвѣто-
валъ употреблять медъ собственно для
продолженія жизни; онъ подавалъ со-
бѣ антиціръ, и прожилъ восемьдесят
лѣтъ. Весь времпіе, что Диогенъ и
Демокритъ, пившись единственно не-
день и гайдукъ, жили долго, исколо и
безъ болѣзней; даже въ глубокой ста-
рості. Краса польскихъ поэтовъ Треи-
бецкій, не употреблялъ гевидины, а
въ возрастѣ сѣстры нациковъ доволѣст-
волился; легонькихъ медомъ при про-
стой пивѣ съ медомъ же. Ему было
80 лѣтъ, когда авторъ познакомился
съ нимъ; г. Витвицкаго удивляла его
боязнь изумрудъ и копритечная ве-
селость. Учиталь г. Витвицкаго - эксъ-
-іезуитъ Мюльбахеръ; жилъ 120 лѣтъ
и умеръ прогулываясь. Онъ съѣдалъ
ежедневно по ложкѣ меда предъ обѣ-
домъ и поздно вечеромъ.

Радуйтесь, юноши, девы и старцы!
Тайна долголѣтія и веселости избѣдена,
и вѣкъ она проста! Съѣдайте ежедневно
по ложкѣ меда предъ обѣдомъ и
поздно вечеромъ, и вы проживете весело
по-прѣмѣнѣиѣ-шѣрѣ 120 лѣтъ, и упра-
те прогулкаась!

Въ доказательство, что пчелы доставляютъ и водого, авторъ говоритъ следующее:

— Какой великий уронъ пренесла г.
Вьетнамъ самодельныя кубынцістанъ,
которые и доселъ, не смотря на всѣ
свои труды, не разрѣшили вопроса о
штурмированії! А лорчанъ просто откры-
вался, да еще какъ просто! Французы,
Нѣмцы — и Англичане, въ-особенности
Англичане! разводятъ побольше пчелъ,
преимущественно въ соломеныхъ уль-
яхъ и въ бортахъ, и у васъ не будетъ
ни одного болнаго! Мильйоны фунтовъ
стерлинговъ, которые вы тратите на
прокормление умирающей отъ голода
Ирландіи, останутся у васъ, и вы уви-
дите, что пчелы доставляютъ золото.

Не смотря, однако, на все преувеличения пользы отъ пчель, не смотря на то, что мы не думаемъ, чтобы медъ и воскъ убили сахаръ и стеаринъ, мы того мнѣнія, что пчеловодство составляетъ одну изъ первыхъ отраслей сельской деятельности, и желаемъ ей пользы и преуспѣнія. Мы уважаемъ такихъ неутомимыхъ ревнителей и защищниковъ пчель, какъ гг. Прокоповичъ и Витвицкій; люди специальные рѣдко не вдаются въ крайности: такъ удаѣтъ человѣка. Брошюра г. Витвицкаго написана плавно, и ходъ ее можетъ прочесть ее не безъ удовольствія...

28) Прибавление къ Рыжину
Письма мъ. Санктпетербургъ. 1847. Вы-
тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Кал-
чаловъ. Вы 12-ю д. л. 200 стр.

• Прибавление къ Римскимъ Письмамъ • заключаетъ въ себѣ нѣсколько посланій того же автора изъ Венеции, Милана, и еще одного посланія объ Авгліи. Любители духовнаго чтевія охота найти здесь уже знакомаго имъ странника, совершающаго благочестивое хожданіе свое на отысканіе священныхъ древностей христіянства, на поклоненіе мощамъ угодниковъ, на обличеніе заблужденій римской церкви и повѣданіе правды церкви восточной.

Въ Венеции поклонился авторъ мощамъ св. евангелиста Марка, иконѣ Влахернской Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукою, мощамъ мученика Исидора, землѣ, обагренной кровью Господа, соблюдаемой въ великолѣбной дарохранительницѣ въ ризнице Собора св. Марка; онъ видѣлъ часть столба, къ которому Спаситель былъ привязанъ во время біенія, вожь, послужившій для пасхальной вечери, тернъ вѣнца, гвоздь распятія, часть черепа божественнаго предтечи и другія драгоценности собора... Византійская архитектура базилики св. Марка понравилась путешественнику; онъ вообразилъ-было себѣ въ храмѣ православномъ, но очарованіе это скоро исчезло:

• Радостно (говорить онъ) поднялся я къ алтарю, ожидалъ родныхъ звуковъ православнаго богослуженія; ибо внутреннее онъ устройство совершенно казалось наивысшее; но выѣсто иконостаса представилась мій легкая колоннада съ изваяніями Апостоловъ; даѣте подъ сѣмью рѣзныхъ В(изантійскихъ) стелбовъ, стояль самыи престолъ С(офійскій), похищенный К(рестоносцами); священникъ латинскій совершаѣтъ тайную литургию посреди безмолвнаго храма и пѣсолькихъ молитвениковъ (?), сидѣвшихъ на пустыхъ скамьяхъ. Сердце мое стѣснилось, какъ будто бы чуждая рука внезапно сжала его въ моей груди и подавила первоначальный восторгъ. Душа жаждала звуковъ и словъ дѣда гробомъ благорѣстнца Слова: мій же вмѣлись только условныи тѣлодвиженія, какъ буквы безъ духа, поднятіе рукъ и паденіе на колѣна; не было никакого единства въ сей разобщенной молитвѣ,

лишенній того словеснаго достоинства, которое есть лучшее украшеніе человѣка. Съ нетерпѣніемъ дождался я окончанія службы, чтобы проникнуть за престолъ, гдѣ положены подъ скудочь мои Евангелисты... Только такъ, простираясь книга на мраморныи ступени, могла я усоконить, въ единненій молитвѣ, душу мою, нотрасимую впечатлѣніями чуждыми, нѣ родственными ей святынью. » (стр. 6).

Изъ прежніихъ писемъ автора • Прибавленія • читатели уже знаютъ, что болѣе всего оскорбляетъ благочестивую душу упадокъ на Западѣ уваженія къ святымъ, и, главное, упадокъ чествованія святыхъ мощей. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Венеции онъ зашелъ то же самое. Говоря о « нетѣліиныхъ тѣлесахъ » св. Саввы, Асанасія, патріарха александрийскаго, и « ищелюбиваго патріарха Иоанна Мвостиваго », авторъ пишетъ, что не только • Римляне • (т. е. римско - католики) • мало о нихъ заботятся, но и Греки и Славяне (въ Венеции) вовсе о нихъ не знаютъ и никогда имъ не поклоняютъ-ся: (стр. 101).

Это замѣтно не только въ публикѣ, но и въ самыхъ церковникахъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ авторъ • Римскихъ Писемъ »:

« Мій хотѣлось приложиться къ нетѣліинымъ останкамъ великаго Саввы, но положеніе его поверхъ алтаря и стекло препятствовало это исполненію. Я прошу однако клараковъ доставить мій наскоро либо возможность приложиться: скромнѣ отзывались они, что ключи находятся у того благороднаго семейства Тіеною, предки коего перенесли угодника Божія съ Востока; потому одинъ изъ нихъ хотѣлъ отвернуть замокъ безъ ключа, и для этого взлѣзъ ногами на алтарь; и ужаснулся, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что это была весьма обыкновенная на Западѣ, потому что тамъ иначе не зажигаютъ напрестольныхъ подсвѣтилокъ; однако стараѣ наши остались тщетными, замокъ не отпирался: мій хотѣлось, хотя скроюсь стекло, приложитьсь къ рукѣ угодника и я просилъ подставить себѣ лѣстницу, чтобы только опереться на алтарь въ то время, какъ буду прикладываться: тацая пред-

осторожность показалась весьма странною Римлянамъ, хотя они исполнили мою просьбу...» (стр. 105).

Въ послѣднемъ посланіи своемъ «объ Англіи», авторъ предположилъ себѣ цѣлью изобразить, въ какомъ положеніи находится нынѣ англиканская церковь. Онъ начинается блестящимъ изображеніемъ Лондона, которое проникнуто совершенно-особеннымъ взглядомъ...

«Страшно смотрѣть на это непрестанное движеніе неизѣкающей никогда толпы, которая пестро движется передъ нами во всѣхъ направленіяхъ, такъ что голова можетъ окружиться отъ постоянного вниманія къ множащимъ. «Какая жизнь!» — сказалъ я однажды Шальмеру, бросаясь съ мѣна на отчаливающей пароходъ. «Въ здѣшь еще больше!» спокойно отвѣчалъ онъ, и это глубокое слово запало мнѣ въ сердце, когда я подумалъ: многіе ли изъ всей этой необятной массы, которая такъ торопится действовать и жить, многіе ли помышляютъ въ сию минуту о томъ, что единствено же потребу, по словамъ Спасителя?» (стр. 171).

За этой картиной рассказана вратиль исторія англиканской перивы и описано путешествіе автора изъ Оксфорда, гдѣ онъ былъ принять діакономъ Пальмеромъ, однѣмъ изъ представителей религіозной секты, известной подъ именемъ люсезма и стремящейся къ обновленію религіи въ Англіи на основаніи вселенскихъ соборовъ. Пальмеръ два раза былъ въ Россіи для того, чтобы изучить уставы православной церкви, которую онъ признаетъ сохранившую въ чистотѣ всѣ постановленія первонаучальныхъ временъ христіанства, и познакомить съ нею своихъ соотечественниковъ. Авторъ Римскихъ Писемъ былъ принять имъ въ Коллегіи св. Магдалины, гдѣ, между прочими изъявленіями радушки и гостепріимства, Пальмеръ «угостили его kostкою трапезою», нарочно для него приготовленной въ готической залѣ коллегіи, по случаю Петрова-поста...

24) Искусство настроивать фортепіано, или систематическое изложение способа научиться безъ труда и въ самое короткое время, сърло и чисто настраивать, съ показаниемъ искусства катить струны и средствъ поддерживать инструментъ въ подлежащемъ порядкѣ. Сочиненіе М. Берварда. Санктпетербургъ. 1848. Въ тип. Карла Крайя. 23 стр.

Въ этомъ заглавіи высказано содержаніе брошюры г. Берварда. Научая каждого съ помощью вѣрного слуха настраивать фортепіано, авторъ находитъ вѣтъ привести пользу діцентантамъ, живущимъ въ небольшихъ городахъ Россіи и особенно въ деревняхъ, где при отсутствіи и другихъ важнейшихъ удобствъ жизни, недостатокъ настройщиковъ—очень-обыкновенный и очень-досадный недостатокъ.

25) Руководство къ Исторіи Новѣйшихъ Бальныхъ Танцевъ. (La Danse des Salons). Сочиненіе слависо парижскаго танцмейстера Целларіуса. Переводъ Ф.И. Я. Съ картинаами. Санктпетербургъ. Въ 8-ю д. л. 443 стр.

Книга знаменитаго въ Парижѣ танцмейстера Целларіуса, написана имъ, какъ онъ удѣряеть, по просьбѣ его многочисленныхъ учениковъ; они говорили ему, что «такое сочиненіе будетъ полезно для всѣхъ, какъ для добутантовъ, которые, читая его, будуть учиться, такъ и для экспертизы, любящихъ оспоминать о своихъ прошедшыхъ усълыхахъ». Въ-самомъ-дѣлѣ, «La Danse des Salons», появилась въ числѣ настольныхъ книгъ у французскихъ дѣловъ—потому ли, что они убѣдились въ необходимости этого руководства, или изъ уваженія къ старому образователю ихъ ногъ...

Целларіусъ написала эту книгу ей *artiste* своего дѣла, въ томъ смыслѣ, какъ всякий французскій парижмакъ называетъ себя артистомъ, *artiste* ей *cheveux*, считаетъ себя также служителемъ музъ, и обижается, когда называютъ его просто *monseigneur le peign-*

циет. Ось въ предисловіи обѣщаетъ показать сущность разнообразныхъ тайцевъ, утверждть ихъ права; опредѣлить ихъ характеръ, и наконецъ доказать, что французсіе салоны весьма легко могутъ допустить ихъ, и не сколько не осмѣбляя ни привычкѣ, ни тѣжестѣ; ни вкусе. Кѣль бы то ни было, книга эта до того специальна, что рѣшительно не принадлежитъ къ другу явленій литературныхъ; да то мы предполагаемъ ейъ большой упѣхъ въ салонахъ среди другихъ, и у юношей, въ гимназии покупавшихъ книгу; въ родѣ «Искусства привлечь женщинъ», «Свѣтскаго Человѣка» и проч. Она найдутъ здѣсь изящество интересныхъ вещей, посрѣдствомъ которыхъ, разумѣется, будуть винѣть большой успѣхъ на свою вѣрищѣ, такъ-что, со временемъ, когда сойдутъ съ него, какъ старые эксперты, не взмутъ книгу г. Целларіуса, свой таинственный, и предадутся сладкимъ воспоминаніямъ, читая описание фигуръ, которыхъ никогда продѣльвали... А фигуры этикѣ г. Целларіуса пригодятъ до восьмидесяти сантиметровъ въ одномъ видѣ! Въсѣдѣвіе, бѣгъ, шагъ, шагъ, сидѣніе ламы, монастырской привратникъ, волнившееся море, журавли, кавалеры вѣчѣвъ, восемь, двѣнадцать пастушка, коранка... лабиринтъ... таинственная простыня, водушка, Х кавалеръ, Х кавалера и ламы, соединеніе паръ, и проч., и проч... Будетъ что вспоминать старымъ экспертомъ!..

Издание украшено изящно-литографированными рисунками.

26) *Совѣты Молодымъ Дамамъ и Дѣвицамъ, касательно обремененія красоты, умнѣя одѣяться и образованія себѣ. Необходимая книга для дамскаго туалета. Санктпетербургъ. 1848. Въ 24-ю д. л. 126 стр.*

Изъ этой миниатюрной книжки, безъ оборваниемъ - изданной въ написанной довольно-грамотно, молодыхъ дамъ и дѣвицы узнаютъ, главное, какъ предупрѣженіе корсета. Модникъ, который ее составилъ, или отъ имени кото-

раго она цыганка, представить весь вредъ, промеждающій быть «миниатюрнаго спирожанія»; она предлагается замѣнить вынѣшній корсетъ аручинъ, его изобрѣтенія, и сверхъ этого сказывается, что перетягнутый тѣло, пчелы, вовсе не изящна. Для боярско-ссыпательного, нагляднаго доказательства, авторъ приводитъ два рисунка, изъ которыхъ на одномъ сѣвѣрнѣ очеркъ формъ Венеры Милосской, а на другомъ та же обнаженіе Венеры, но съ гладкой грудью, какая выходить у вынѣшнихъ «северныхъ» красавицъ, перетянутыхъ спирожаніемъ. Нельзя не согласиться, что это наглядное доказательство сильно доказываетъ автора, говорить ей пользу-его положенія. Указаны за эти изображенія, авторъ продолжаетъ:

«Не лудайте, чтобы красота и греческая ваша (обращаешься къ дамамъ) потеряться отъ изгнанія корсета. Женщины Греции, статун которыхъ и теперь еще служатъ моделями для артистовъ, совершенно не знали употребленія шпурѣрокъ; скрою портишахъ талию, ижели обрисовывашъ ее. Ежели женщины думаютъ, что мужчины правятся икою-стокраса талии, то они очень ошибаются; только дѣти или глупецъ можетъ восхващаться, какой бы то ни было странностию. Я утвержд, что самыя тѣ женщины, которые трехъ разныхъ терапіи дѣлаютъ себѣ талию, талию въ рюмочку, бока вѣдоѣ бѣгѣ на-туральныхъ, шею вытянутую, оченъ бы огорчались, еслибы ихъ создала такъ природа. Весь трудъ искъ я вѣтъ пугачи, которыхъ онъ подвергаютъ себя для того, чтобы понравиться, совершенно извѣсны; ежели глушецъ и пѣтѣтъ, не бѣтъ воздушною талией, какъ теперь называютъ ихъ, то человѣкъ умный и первою смотрящій на жизнь, ужаснется при мысли соединить свою судьбу съ женщиной, которая отъ дуповенія вѣтерка можетъ переломиться....» (Стр. 42—44).

Все это очень-справедливо, надоѣдо согласиться, очень-сильно сказано: не слурайтесь, а то и выйдете замужъ, особенно за человѣка достойнаго, который живется, по смыслу древнаго грекскаго проза, «liberum qui praestato

тихъ *gratia*... Но съвѣ-ли убѣжденія антиподъ Соловьевъ подѣбствуютъ на «молодыхъ замѣ и дѣвичь», потому-чѣ творчества таѧ при условности певицѣ красоты, для нихъ пока все то же, что для Китайки вога бывообразно-валасъ:

27) ЖУРНАЛЪ МИЧМАНА. САНКТИ-ПЕТЕРБУРГЪ. 1837. Въ тиц. Н. Греч. Въ 8-ю д. л. 30 стр.

Авторъ этой брошюры, г. Петръ Зотовъ, на тридцати страницахъ оправдываетъ, съ помощью всевозможныхъ логикъ совершенно-навязанныхъ общихъ мѣтъ, существствіе свое въ Петербурга въ Архангельскъ и за тѣмъ благоломучное плаваніе изъ Архангельска въ Кронштадтъ, на вновь-построенномъ корабль «Іезекіиль».

Съ первого шага, съ первой строки, вы уже чуствуете себѣ совершенно дома, вы угадываете манеру извѣстиваго класса сочинителей: та же манера, та же духъ, то же направлѣніе—все, рѣшительно все фамильное. И, во-первыхъ: самое выраженіе, постоянное изумленіе привыкдѣ изъ веща, совсѣмъ не выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Смотрите чи, напримѣръ, г. Петръ Зотовъ на корабль—ему кажется, что по физическимъ силамъ (?) и росту подобное вдавлѣе принадлежить вѣссе не человѣку, а существу гораздо возвышенѣйшему и совершиеннѣйшему.. Поставьте подѣлъ него самого рослого человѣка (восхищаетъ въ извѣстии сердечной простодушный сочинитель): что онъ будетъ значить? Это будетъ муравей подѣлъ стоящаго дуба.—Однакожъ, это дѣло рукъ и ума человѣческаго! продолжаетъ вскользь, и, какъ-будто самъ пораженный дерзостью подобной мысли, тутъ же называетъ корабль «деревлякою крылатою крѣпостью, летающею отъ одного полюса къ другому (?)», посыпаю ее пѣдрахъ своихъ (?) громадныя жерла, раздробляющія стены и города.... Все, рѣшительно все, какъ у извѣстивущихъ народовъ: та же невавистъ въ простотѣ, то же пристрастіе къ блаж-

ну и сурину, потому-чѣ у извѣстившаго народа въ очень всѣхъ другихъ способностей гуляетъ воображеніе... Отъ этого-то «корабль» ладнѣй человѣка никакъ не можетъ понять, если не прибавить къ нему крылатой прѣности, лежающей отъ однаго полюса къ другому... Бирочемъ, можетъ-быть, это происходитъ и отъ-то-го, что г. Зотовъ моракъ, а, по его словамъ, «моряки должны пить вѣчно особенное, поэтическое погоню, изълечить видѣть, что плаванію по морямъ уединяя ихъ отъ вседневныхъ занятій обыкновенной жизни, пріучаетъ къ совершенію высокихъ картина природы, то дикой, тихой и благотворной, какъ мать, то грозной и ужасной, какъ каратель!.. Семь, однажды, уѣхѣть г. Зотовъ, что особенный характеръ, приспособленій пить всѣмъ морякамъ—сущая выдумка, и мы съ своей стороны знаемъ многихъ изъ нихъ, въ характерѣ которыхъ нѣтъ ничего такого, о чёмъ такъ вѣхновенно говорить сочинитель.

Другое качество, которымъ отличается г. Зотовъ, состоять въ насыщеніяхъ надъ петербургскою погодою. Цѣлые годы въ газетахъ жужжать памъ постоянно остроумные колкости на счетъ петербургской весны, лѣта, осени и зимы, смотря по времени года. И г. Зотовъ не могъ удержаться—не пойти по тѣмъ же слѣдамъ. Кажется, что можетъ быть общаго между кораблемъ «Іезекіиль» и петербургскою весною? Но г.— въ Зотовъ и тутъ нашелся; онъ придрался къ отъѣзу своему изъ Петербурга, а надъ весной его все-таки поостризъ, назвавъ ее «насильственнымъ періодомъ», въ-продолженіе котораго нельзяѣ ѻздѣть по городу ни въ какомъ вѣнчажѣ, а только разѣ можно плавать пѣшкомъ». О, сугеста человѣческихъ усилій! И сиятся, въ хлопочеть человѣкъ, чтобы сказать что—нибудь острое, чтобы пасквиль проколою истируемый субъектъ, и вѣчно скажетъ что-нибудь такое не-благообразное!

Въ «Журналѣ Мичмана» прогляды-

важъ и другія, не меншіе замѣчательные качества. Такъ, на-примѣръ, на стр. 15-й, мы узнаѣмъ, что г. Зотовъ не можетъ танцевать, потому-что танцуютъ, по его мнѣнію, только или влюбленные, или самые пустые люди, овь же изъ первому разряду не принадлежитъ, «а само-любіе не позволяетъ ему причислить себя ко второму»; поэтому, прибавляетъ г-жъ Зотовъ, «и почти все-гда ухожу съ нихъ (щ. с. съ баловъ), чтобы поговорить съ кѣмъ-нибудь и передать всѣ грустныя и веселыя мысли, которымъ возводило во мнѣ «вертиющееся человѣчество». Однимъ словомъ, г. Петръ Зотовъ смотритъ на «вертиющееся человѣчество» да и вообще на всю видимую природу съ точки зрения высшаго организма...

Всѧ брошюра наподобна подобными, совершенно-личными замѣткамъ; по-рою только встречаются такого рода замѣткія, вполнѣ, впрочемъ, достойныя таинствскаго пера:

«18 числа та же вѣсь, та же качка, толькъ же противный вѣтеръ.

«19 числа, ко всѣмъ прежнимъ удовольствіямъ привился еще сильный туманъ и дождь. Все и всѣхъ вымочило, и даже злопыхъ скользило.»

Или:

«Сегодня снята вѣлья иѣспелько китовъ; весь день нынѣдя стояла прекрасная; команда корабля играла, пѣла иѣспи, и вообще весь день прошелъ, какъ нельзя лучше.»

Конечно, все это драгоценныя черты для будущаго историка русской литературы, если г. Петръ Зотовъ со временемъ сдѣлается знаменитымъ писателемъ; а до-тѣхъ-поръ публика русская въ брошюре его решительно не чувствуетъ никакой надобности.

28) Русский Пѣсенникъ, или собрание лучшихъ и любопытнейшихъ пѣсень, романсовъ и водевильныхъ куплетовъ, изъвестныхъ писателей, изданій К. Адѣвой. Сенквіпторбургъ. 1847.

Въ тип. ессен-учебныхъ заведеній. Для части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й 249, то II-й 263 стр.

Появленіе русскихъ пѣсенниковъ въась, где всѣ, отъ мала до велика, отъ млада до стара, поютъ—с совсѣмъ не вѣбѣсть и не диво: отъ-того-то, за это прѣбывальное книгоиздатное дѣло поочередно брались и грамотные и безграмотные, всѣ, кто только смѣкалъ тутъ пользу. Такимъ-образомъ, каждый русскій пѣсенникъ есть собраніе не только пѣсень, но и лучшихъ и любопытнейшихъ водевильныхъ куплетовъ изъвестныхъ писателей. А если бы спросить у гг. писателей, кто же у васъ лучшій, любимѣшій и извѣстный водевильный писатель, что они на это скажутъ, когда у васъ есть только плохіе водевильные писатели? Развѣ на основаніи пословицы: не бѣрыбы и ракъ рыба, придается называть любимѣшіемъ то, что въ сущности очень-плохо, раза-стораждю и осетромъ: тогда у васъ будуть и любимѣшіе куплеты, и любимѣшіе водевили, и, склонительно, можетъ существовать даже собраніе любимѣшіихъ водевильныхъ куплетовъ. И оно существуетъ, хотя бы, наприм., въ лицѣ русскаго пѣсенника К. Адѣвой. Если эту книгу составила та же г-жа К. Адѣева, которая издала «Ручную Книгу Опытной Русской Хозайки», то ел. «Русский Пѣсенникъ» не говоритъ объ едѣ сказкахъ: это другое дѣло) въ полномъ смыслѣ «tutto dulci». Гораций, сиѣсь пріятного съ по-лезнымъ и новымъ застегреть русской кухни.

Дѣйствительно, всматриваясь блажь въ «Пѣсенникъ» г-жи К. Адѣвой въ ея «Опытную Хозайку», мы открыляемъ между ними много сходства. Наприм., «Хозайка» г-жи Адѣвой соѣтывала таакъ составлять виногретъ: взять судака, солить съ него кожу, выбрать кости, изрубить, прибить хлѣба, масла, соли и, сѣдавъ промогнатую рулетку, поставить въ печь; потомъ взять горчицы и изразцового масла, стереть хорошенко ложкой, прибавить сахару и соли и обжечь въ-

негреть. Сверху убрать солеными лимонами, мочеными яблоками. Вотъ и винегретъ «Песенникъ» г-жи Аудеевой составленъ такъ: вѣсто судака, взяты за основаніе пѣсни г. Нелединскаго-Мелецкаго:

Не толь, чтобы нечаянъ,
Въ любви наѣтъ находить,
Наѣтъ боги сердце дали
Способное любить...

Выдуль я на рѣченку,
Посмотрю ль на быструю,
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченка съ собой!

прибавлено къ пѣсмѣ масла и хлѣба изъ пѣсни Карамзина:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, въ сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Изъ этого содержанія вышла уже рулетка; стопроцентно ее обличть, вѣсто смѣхъ изъ горчицы, соли и сахара, пѣсенкой:

Винять меня въ народѣ,
Любить мнѣ не винять;
Вольно же было природѣ,
На свѣтѣ меня создать...

— и вышелъ винегреть; оставилось украсить его лимонами и сливами, т. е. именами Пушкина, Кольцова, Жуковскаго, чтобъ и сдѣлано.

29) *Княгиня Девюронъ*. Сочиненіе Александра Делавернъ. *Санктпетербургъ*. Въ тип. А. А. Плюшара. Три части. Въ 46-ю д. л. Въ I-й — 144, во II-й — 146; въ III-й — 168 стр.

30) *Маркизъ Леторъ*, романъ ЕвгÃїя Сю, переводъ В. М. Строева. *Санктпетербургъ*. Въ тип. А. А. Плюшара. Две части. Въ 46-ю д. л. Въ I-й — 151, во II-й — 168 стр.

31) *Женская война*. Романъ Александра Дюма (Дюмâ-сына?) переводъ В. М. Строева. *Санктпетербургъ*. Въ

тип. А. А. Плюшара. Две части. Въ 46-ю д. л. Въ I-й — 143, во II-й — 156 стр.

Эти романы составляютъ продолженіе «Карманной Библіотеки», изданія г. Плюшара. Благодаря своей плодовитости и ловкости, французские писатели доставляютъ разнообразную пищу переводчикамъ, типографскимъ станкамъ, антрепренерамъ и читающей публикѣ почти всей Европы. Это главное достоинство такихъ произведений, какъ, напримѣръ, «Женская Война». Спасибо имъ и за это; читатели этихъ переводовъ у насъ увлекаютъ изъ нихъ многое, чего не найдутъ въ оригиналъ романахъ вѣстнаго издалия, которыми до того они питали свой умъ и удовлетворили незавидную страстишку почитать.

32) *Родственники*, романъ шведской писательницы баронессы Киррингъ. *Санктпетербургъ*. Въ тип. К. Жернакова. 1847. Въ 8-ю д. л. 206 стр.

Читая романъ шведской писательницы «Родственники», мы невольно оцѣнили достоинство романовъ, поименованныхъ выше. И это достоинство немаловажное: въ нихъ вѣтъ претензий на уроки морали. «Женская Война» занимаетъ васъ постоянно вопросомъ: «убить, или не убить?», а до того, чтобы показать читателямъ торжество добродѣтели или глупость цирюка, автору и дѣла нѣтъ. За шведскимъ романъ, напротивъ, вы принимаетесь съ тѣмъ чувствомъ, какое овладѣваетъ ваши, когда вы совершаете рѣдкій и трудный винить въ какой-нибудь старушкѣ-тѣтушкѣ, охотничь до нравственныхъ сентенций и непропускающей случая пожурить племянничка за «легкое» поведеніе и неуваженіе къ вещамъ, которыя уважались въ ея времена. Мы уже такъ предубѣждены въ морали шведскихъ писательницъ, что романъ «Родственники» показался намъ просто вольнодумнымъ романомъ: авторъ не стремится доказать вообще преимущество брака и семейныхъ добродѣтелей передъ жизнью безбрачной,

адѣльствъ ограничено въ какихъ роляхъ; браки должны быть заключаемы до сердечной склонности мужа и жены, и притомъ между обеими, которые, пожалуй, при склонностиъ характеровъ или темпераментовъ, согласовались бы въ общихъ идеяхъ и цѣляхъ жизни. Но, испугавшись такой смѣйкой мысли, госпожа Кноррингъ сѣѣщая искупить ее передъ строгою нравственностью: «если же уже заключены бракъ между двумя существами, совершенно несходными между собою, если мужъ отравляетъ жизнь жены своей, то достоинство посѣѧемъ будеть состоять въ томъ, чтобы перенести все это со стойческой твердостью, и пожалуй, умереть отъ чахотки, не смотря на то, что мудрые замѣны шведскіе дѣлаются, разводъ чрезвычайно легкъ». Впрочемъ, и то сказать, еслибы несчастная чета развелась, и супруги устроились бы каждый къ своему удовольствію, то не нужно бы было и писать романа г-жы Кноррингъ...

33) Гузинъ въ Павловске. Но-
вомодѣрненная картонажная игра для
забавы и увеселенія дѣтей, со многими
раскрашенными фигурами, и декораціями,
представляющею Павловскій вокзалъ,
срисованный съ натуры. Составленная и
изданная Нелюбовынъ. Санктпетер-
бургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заседе-
ний. 1847.

34) Царскосельская желѣзная
дорога и пр... Составленная и издан-
ная Нелюбовынъ. Санктпетербургъ. Въ
типоографіи военно-учебныхъ заседе-
ний. 1847.

Эти листочки заключаютъ въ себѣ
описаніе картонажной игры, состоя-
щей изъ вырѣзанныхъ фигуръ, какъ
настуаетъ изъ нихъ заглавія.

35). Петербургскіе Служи или
Воздухоплаватель. «Фарсъ—á(á) prð(o)-
ros» въ однамъ дѣйствіи(,) съ (С)очиненіемъ
П. Татаринова. Санктпетербургъ. 1847.
Въ 16-ю д. л. 40 стр.

Вѣтъ чѣмъ значить нравствости?..
Г. Татариновъ устроилъ дѣло такъ,
что весьма-тупая дѣвочкѣ Вѣра Ше-
стронна Коринкина, другъ-полобка
совершенно-туповицаго молодаго че-
ловѣка, Евгения Николаевича Вергли-
ева, который сначала ужасно надо-
ѣдалъ ей своими неуважими компли-
ментами. Такъ-какъ между подобны-
ми личностями возможенье только
одинъ фарсъ-женитьба, между тѣмъ,
отецъ Верочки иѣль-твѣрдѣюшій
жесть ее за своего яруга, Семена
Назаровича Бочкова, и о Верглиевѣ
быть, напротивъ, самого незыгоднаго
и нѣкѣнія, то г. Татариновъ, чтобы вы-
вести жаждихъ молодыхъ людей изъ
столъ затруднительнаго положенія и
во что бы то ни стало съѣхдѣти съ па-
ни фарсъ, дѣластъ — пользуясь автор-
ской властію—самого отца Коринки-
на и Семена Назаровича Бочкова такъ-
же тупыми и глупыми, тунѣ и глуп-
шѣ всію данной величины, и та-
кимъ образомъ променовидѣть съѣдаю-
щую сцену:

«Коринкинъ. Вотъ-то иль-и-здрас-
твуйте Семенъ Назаровичъ... что это
васъ такъ давно не видѣтъ?..

Бочковъ. Да все некогда-сь, а то
мы слышали, вѣдь Леда изъ паркога
уѣхала во Францію?

Корз. И по этому вѣрите?..
Бочк. Помилуйте!.. какъ же не вѣ-
рить, всѣ такъ говорятъ.

Корз. То-то и бѣла что всѣ врутъ, а
я такъ самъ слышалъ какъ сего днѣа чи-
тали въ Полтавской газетѣ что она за-
дуль публику.

Вѣрочка. Неужели!
Марья Ивановна (жена Вѣрои). Да
заскимъ же образомъ?

Бочк. Это что-то не спорядило.
Корз. Очень просто. — вѣдьто дѣло
была посажена чучела.

Бочк. Вѣтъ ужъ что несправда, такъ
несправда, я самъ видѣлъ собственными
своими глазами какъ они «с-собѣю» изъ-
подъ земли рекламировались...

Корз. Вѣтъ-то вѣдь что чучела
была на пружинѣ — вѣтъ газетѣ вратъ
не станутъ... тамъ даже печатка и висъ-
но какого-то очевидца, обѣ вѣтъ про-
метѣ.

В течении земли, чай что-то не вьется... — вы проще не понимали...

К о р . Чемое?... не-попады... до-ко-
му это, сударь, вы говорите... да что, я
для добра, дурака, что ли, какой достался...
не поищады... прошу покорно.

Б ѿ р ч к а (съ стороны). Воспользуясь
этими слухами! (съ слухом) Напашепка,
полюбят сордится, вѣль Семенъ Назаро-
вичъ привѣтъ проѣхать моей руки.

М а т ъ я Ильиновна. Да мой другъ, я
давно обѣ ю помѣстя скончалъ.

Б ѿ р ч к а. Испрошуши: свою обѣщаніе.

К о р . И, ды, думаетъ что Б ѿ р ч к а нѣ-
да и нѣ будь будетъ, рабцомъ, женою... будутъ
судары, этому нѣ бышать.... Сыншице-чи?...

Б ѿ р ч к а. Петръ Ивановичъ!... побойтесь
Бога, за что такая не милость.

К о р . А за то что бѣ вы недурачны
мевъ на старости лѣтъ... не понялъ вишъ
накую булю изволить смыть. (Б ѿ р ч к а)
Вѣль и тѣмъ его не любили?

Б ѿ р ч к а. Не люблю чашашинка.

К о р . И прекрасно дѣлаюте... Б ѿ р ч к а
да сась, дѣлать же можете... дѣл... же
поищады!... хорошо, за то ты будешь пром-
нить меня.

Б ѿ р ч к а. Ужъ писано никогда незабуду...
за тѣмъ прошайтесь! (Б ѿ р ч к а) будьте сча-
стливы съ вашими любовниками.

36) Г е р о й , вѣль Тысячи Одной
Ночи, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штиба
Отд. Корп. Вицм. Стражи. Въ 8-ю
д. л. 30 стр.

Какой-то переложенный съ француз-
ского водевиль, о которомъ, впрочемъ,
тищательно умолчано, что онъ передѣ-
ланъ. Водевиль оттѣй переложенъ даже
не на русскіе праѣы, а только на ше-
пербургскую мѣстность. Въ немъ все
есть, даже и обыкновенное обращеніе
водевильныхъ актёровъ къ публикѣ въ
концѣ дѣйствія, какъ, въ китайскихъ
комедіяхъ, гдѣ актёры на сценѣ угов-
ариваются прежде, чѣмъ сыграть, а
потомъ уже начинаютъ играть. У насъ
то же дѣлается, только наоборотъ:
актёры сыгрываютъ водевиль, а потомъ
обращаются къ публикѣ, ванть наэто
сочинитель, и просить извинить вѣзъ,
что они сыграли такую плохую шут-
ку. Это обращеніе къ публикѣ бываетъ

обыкновенно въ родѣ сбывающаго пу-
ншата:

Сегодня мѣй счастъ во всемъ улыба-
юсь
И я, страхъ доволенъ своею судьбой...
Теперь же пантъ всѣмъ ожидать лишь
— осталось,
Довольны ль остались вы нашей игрой?..
Нашъ авторъ не поймать себя отъ смущенья:
Вѣль «дѣлъ не помогаетъ ему» и Ал-
ександъ — «дѣлъ не помогаетъ ему» даахъ...
И, такъ, ожидаемъ: отъ васъ мы рѣ-
шенья...
Теперь, надѣ счастъ вѣль въ вашихъ
рукахъ!...

Всегда бываетъ въ этомъ родѣ, одно
и то же.

73) НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА. Шут-
ка водевиль въ одномъ дѣйствіи. Санкт-
петербургъ. Въ тип. Имп. Акад. Наукъ.
1847. Въ 16-ю д. л. 59 стр.

Б ѿ д ная, б ѿ д ная натуральная школа!
Чѣмъ съ тобою теперь сдѣлалось? Ты те-
перь шутка, ты теперь просто водевиль,
или даже то и другое вмѣстѣ, ты
— шутка-водевиль. Въ твою голову,
утинающую молодыми заврами, впiledи
колючій тернъ — шутку, ядовитый
волчецъ — водевиль! Какую жалкую
гримасу ты должна сдѣлать, увида се-
бя въ новомъ, неприличномъ уборѣ
шутки-водевиля! Хоть бы ты наклика-
ла на себя бѣды отъ одной шутки, а то
и отъ водевиля вмѣстѣ! Вы не знаете,
что такое шутка-водевиль вмѣстѣ, т. е.
шутка-водевиль? Мы расскажемъ вамъ
примѣрами въ лицахъ.

Одинъ шутникъ (говорить): «Да
чѣгдъ вы боятесь? что насть сѣвасть,
что ли? Напротивъ, мы сами заѣдь чу-
десно изматрасимъ. Наша шутка са-
мая простая и разлѣка будеть еще
еще проще.

Другой. «Будеть вамъ разлѣка,
какъ городничій волить васъ перес-
ѣзжай».

Третій. «И прекрасно, а до тѣхъ
поръ будьте изразезды».

Наконецъ:

Однѣшъ говорить: «Всѣ сутки суета —
суета, всяческая суета!»

На это шутникъ отвѣтствуетъ: «Что вы
— тутъ суетесь... вѣсъ не спрашиваютъ...
Или:

• Вы только съ сестрицей не вѣйай-
• те, старайтесь распустить слухи, что
• она держитъ лѣтей на одномъ изъ береговъ —
• супъ, тогда вы вѣрно обѣбѣтѣ у нея
• хлѣбъ».

Или:

• Потомъ онъ началъ говорить такъ
• краснорѣчиво, все съ-высока, все съ-
• высока...»

— . Какъ это интересно! съ-высока на
• проѣзжей дорожкѣ.

Все это были шутки; водевиль еще
не было. Водевиль собственно заклю-
чается въ томъ, что двое молодыхъ лю-
дей и одинъ уже пожилой прѣезжаютъ
изъ южнаго города и выдаютъ себя за
учителей натуральной школы — это
очень-натурально. Одинъ изъ этихъ
молодыхъ людей выучиваетъ лѣвицъ
изъ пансіонѣ курить папиросы, другой
рисуетъ имъ карикатуры, а третій ни-
чего не дѣлаетъ, потому-что его вѣ-
нили въ шутку... виноваты — въ воде-
виль, молодые люди и выдали за учи-
теля танцованные, тогда какъ онъ вовсе
не уѣхѣлъ танцевать. Это также очень
естественнѣ, или натурально.

Но гдѣ же водевиль?...

Потомъ содержательница пансіона
увѣдѣтъ, что это не учителя, а писа-
тели натуральной школы — и... и...
вотъ замѣтъ шутка-водевиль «Натураль-
ная Школа».

Конечно, это тарже очень — на-
турально, да гдѣ же водевиль, по-
дайте нацѣ водевиль! говорите вы.
Ахъ, Боже мой, да это не воде-
виль; откуда мы возьмемъ замѣтъ воде-
виль? это толькo шутка-водевиль...
Вы понимаете, что на сценѣ не даютъ
шаржъ ни водевила, ни комедіи — вѣтъ,
замѣтъ покажутъ чѣ-нибудь не спроста,
или шутку-водевиль, или шутку-коме-
дію, или оригиналную шутку-воде-
виль, или оригиналную шутку-коме-
дію, такъ-что, когда вы спросите, гдѣ

же водевиль, гдѣ же комедія, замѣтъ скажутъ, что это шутка. Вотъ въ этомъ-то
смыслѣ и «Натуральная Школа» есть
шутка-водевиль.

А каково тѣмъ писателѣмъ, пото-
рыхъ въ этой шуткѣ, или въ этомъ во-
девилѣ, осмѣяли передъ публикой? како-
во, наприм., Виссариону Кесаревичу
Недостоину, который, выучилъ цѣлый
пансіонѣ курить папиросы?.. каково
это?.. Удасно... вѣдь маѣтъ! А
каково Модесту Модестовичу Не-
городичу, который рисовалъ дѣвич-
камъ карикатуры?.. Мы думаемъ,
что онъ теперь не знаетъ, куда ему дѣ-
ваться, боится и вовсѣ показывать въ те-
атръ, боится, что, какъ-точко онъ по-
кажется туда, такъ вотъ вся публика
встадеть, укажетъ на него пальцами и
скажетъ: «Помилуйте-съ, Модестъ Мод-
естовичъ-съ! Вы карикатуры-съ из-
волите рисовать; помилуйте-съ...» То-то
несчастный, мы думаемъ, ведетъ себя
совсѣмъ-ненатурально, даже оставилъ
неестественную привычку говорить
авдіокъ натуральной школы... не за-
ложилъ бы на себя руки!

О, несправедливая въ настоящемъ
случаѣ Немезида, представшая предъ
театральную публику въ видѣ шутки-
водевиля! Зачѣмъ ты ищешьъ свою шу-
товскіе громы вкрай и вкось и попа-
даешьъ въ невинныхъ? Кто тебя оби-
дѣлъ за твои невинныя шутки?
Вѣрою не сочинители натуральной
школы. Они не виноваты. О, воде-
вильная Фемида! синими на этотъ слу-
чай свою повязку и посмотрите, что
дѣлаютъ твои дѣти, сыны шутки и во-
девиля! О Талия, о Мельпомена... о вы,
всѣ семь музъ, и законецъ ты, Апол-
лонъ, взгляните на театръ, посмотрите
на шутовскіе костюмы, изъ которыхъ
всѣ таинѣ произвольно одѣли, поспо-
сите, что вы дѣлаете!.. Рѣшительно,
нира только старѣются и-намордко не
двигаются впередъ... Все та же ровная
судьба, которая царствовала наль дре-
вности, въ лицѣ старыхъ бабъ, сидѣ-
ніи съ веретенами и прядущими нашу
скоропечатную жизнь, все та же слу-
чай безжалостно губитъ прекрасное въ

нашой жизни... Думали ли вы, несчастные писатели натуральной школы, что эта коварная судьба бросить прилагу, возвратить в руки водевиль и нагреть на вас? и в чём, и про чём... Вы, молвь, курите папиросы, вы пишёте карикатуры, вы говорите непонятный для меня, старухи, языкокъ, такъ умри же! умри, натуральная школа! умри! «Да, помилуй, мы пишемъ понятныи языкокъ, и если ты, шутиха, на старости чго-нибудь читала...» И слушать не хочется! только и повторяетъ, что умри да умри.

И не умь-то ови, бѣдные, должны умереть во цвѣтѣ лѣта, сказавъ водевилюмъ простате на вѣкъ? О, нѣтъ! Тогда да поразить водевильный громъ самихъ шутниковъ!

38) Книга для чтения воспитанниковъ сельскихъ училищъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Винкебера. 1847. Въ 8-ю д. л. 443 стр.

Многіо обстоятельствъ заставляютъ рецензента смотрѣть снисходительно на всякую попытку, даваемую съ цѣлью распространить элементарное образование въ самыи иногородненомъ классѣ народа. Важность предмета, новость его у насъ, трудности, съ которыми на каждомъ шагу долженъ бороться человѣкъ, посвятившій себя этому прекрасному дѣлу—все это такие пункты, которые непремѣнно должно принять въ соображеніе при опѣнкѣ труда, направленного къ народному образованію.

Вопрѣкъ о народномъ образованіи—чрезвычайно щекотливъ. Многіе, и даже весьма-благовамѣренныи, по-свѣдѣнію, люди утверждаютъ, пожалуй, что въ извѣстной сферѣ вское образование вѣщъ лишний. Съ своей точки вѣрія, господа эти даже весьма-послѣдовательны и вѣрны себѣ. Принимая извѣстное положеніе вѣщей за окончательную норму общества, они, совершенно-соответственно своему отправному пункту, заключаютъ, что слово «воспитание» для извѣстнаго человѣка въ извѣстный моментъ равновѣщающе съ

словомъ «несчастіе». Но очевидно, что если господа, придерживающіеся подобныхъ понятій о народномъ воспитаніи, и вѣрны своему основному убѣждѣнію, за то самое основное убѣждѣніе ихъ неѣроно. Думать, что человѣчество нашло уже окончательную норму, далѣе которой оно не пойдетъ, значитъ или вѣѣть слишкомъ-высокое понятіе обѣ этой нормѣ, или, наконецъ, все сущее подчинить закону смерти, закону имперіи, значитъ окончательно закрыть исторію человѣчества, торжественно провозгласивъ на развалинахъ его: *concupitatum est*. Въ первомъ случаѣ, заключеніе будетъ немногимъ-поспѣшно, потому-что къ совершенству мы еще далеко не пришли, да и прійдемъ ли когда—неизвѣстно; на-противъ, все какъ-будто-бы скорѣе заставляетъ думать, что много и долго еще прійдется исклопотать бѣднымъ смертнымъ за этомъ грѣшномъ сѣльѣ, пока получится хоть тѣнь, хоть малѣшій признакъ, который бы позволилъ подозрѣвать о совершенствѣ. Во второмъ случаѣ, заключеніе будетъ еще неосновательнѣе, потому-что человѣкъ, какъ живое существо, никогда добровольно не подчиняется закону мертвѣнности, и какъ ни старайтесь, какъ ни сковывайте его, жизнь все-таки возвратить свое, и непремѣнно выразится, только выразится, можетъ-быть, нестройно — а почему? потому что иначе, что не воспитывали ея...

Наше щурое правительство, въ по-столичной заботливости своей обѣ улучшеннѣ участіи вручесмыи помечено: его поданныхъ, лучше всего разрѣшаетъ запутанный вопросъ о народномъ воспитаніи, саме издавая книги для элементарнаго образованія исчезшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи, много пользы оказали уже элементарные книги, изданныя въ разныи времена съ тою же цѣлью Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, и преимущественно Сельское Чтеніе, издаваемое княземъ В. Ф. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ, котораго четвертая книжка вышла ии-дняхъ (см. ниже), и

которое, по нашему мнению, весомо и удовлетворительно достигает своей цели.

Кто-то, какъ видно, увлекаемый притиромъ «Сельского Человѣка», составилъ теперь Клику для членія воспитанниковъ Сельскихъ Училищъ. Книжка эта издана съ целью объяснить земледѣльцу только бросающіеся въ глаза и относящіеся непосредственно къ его обыкновенному быту явленія, съѣть, чтобы, какъ говорить авторъ, «быть могъ винкнуть въ времядрое и непостижимое дѣяніе Всеблагаго Бога», т. е., чтобы онъ не смотрѣлъ, на-принѣръ, «что ежегодный урожай отъ поспевшаго, какъ на чѣмъ объясняемое и должно, а, чтобы по праспорѣ, члену выраженію автора, каждое зерно омыло слезами умиленія и благодарности»...

Чтение предназначено для сельскихъ училищъ: поэтому, очевидно, въ предметъ его, и способъ изложенія, и форма доказательствъ должны были бы соответствовать единственно этой цѣли. Но хотя отъ такой книги странно было бы требовать вполнѣ научнаго достоинства, однакожъ, нельзя преступить ей и тѣхъ промаховъ, которые могутъ ввести въ заблужденіе учащихся, даъ въ свѣдѣнія неточныя, или, чтѣ еще хуже, совершенно ложныя. Изъ благоговѣнія къ великому дѣлу народнаго образования и въ намѣреніи усажить автору для втораго изданія его книги, укажемъ здѣсь на некоторые изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ остановили наше вниманіе и которыхъ дѣлаютъ трудъ его не совсѣмъ-то полезными для юного поколѣнія сельскихъ читателей.

Въ первой главѣ книги разсуждается обѣ устройствѣ мѣра вообще. Въ ней мы встрѣтили, между-прочими, слѣдующіе фразы:

• Люди, одаренные отъ Бога особымъ разумомъ (какой же это особенный разумъ?) • въ проницательностью, • проводящіе дни свои въ соверченіи • Божія созданія, повѣдамъ, и пр. (стр.

2). Но-умѣ-ли посаѣдью образу авторы считаютъ винятво для крестьян?

• Яdro, выстрѣленное изъ винти, • не долетѣло бы до него (до солнца) • рано 3½ юдоевъ (стр. 3). Нѣтъ, не изъ 3½ гола, а въ 9 лѣнъ. Объ этомъ можно было бы справиться хоть въ Географії, изданной для военно-учебныхъ заведеній. Не говорилъ уже о пятии то и не совсѣмъ легкомъ ли уразумѣнія крестьянамъ оборотъ фразы: «не долетѣло бы рано...»

• Отъ-чего ходить земля вокругъ • солнца, человѣку постичь неѣ? (стр. 4). Почему же неѣ? Это постигли Ньютона и Конверанса!

• Каждую минуту земля пробѣгаєтъ до 1,700 верстъ. (стр. 4). Нѣтъ, не 1,700, а 1,540 верстъ.

• Во время обхода то одна, то другая • сторона земли наиболѣе согрѣвается • солнцемъ, и отъ сего проходитъ • четыре времени года: весна, лѣто, • осень и зима. (стр. 5). Такое объясненіе временъ года совершенно ложно: времена года проходятъ отъ-того, что земля ось наклонена въ эклиптицѣ; безъ этого, при обращеніи земли около солнца, не было бы разности ни въ долготѣ дній, ни во временахъ года. Да притомъ, не всегда бываетъ четыре времени года: весна, лѣто, осень и зима; подъ экваторомъ, на-принѣръ, два лѣта и двѣ зимы...

• Чтобы обѣхать всю землю, нужно • проѣхать 36,000 верстъ. (стр. 6). Неправда: 37,590 верстъ!

• Земля не ходить вокругъ солнца, а • катается (на чёмъ же?) какъ ядро. • Въ 24 часа, или въ сутки, она обер- • тывается (?!) кругомъ себя. (здесь это «пойметъ крестьянинъ, уѣхавшій обертывать вокругъ ноги овчины по полсу кушанья?)

• Еслибъ земля не ворглась ежесу- • точно вокругъ себя и стояла бы на • одному мѣстѣ: то солнце постоянно • освѣщало бы одну ее сторону, а на • другой была бы вѣчна ночь. (стр. 8). Ну, а еслибъ солнце обращалось • вокругъ земли, ровно оно изъ одно гро- • ма освѣщало бы ее со всѣхъ сторонъ).

«Луна, обойдя землю, появляется на западе... мы называем сие рождение — сень нового месяца». Это напечатано на 10-й странице, а на 11-й сказано вот что: «Луна становится невидима — доколе не появится снова на востоке в риль молодого месяца». Чему тут върить? Откуда же появляется молодой месяц — съ запада, или съ востока?

• Ночной светъ, на будучи смишомъ светъль, дабы не могъ возмущать пашего успокоенія, не слишкомъ и теснъ... ц. пр. (стр. 13). Свѣтъ свѣтель, свѣтъ теменъ — Богъ знаетъ, какъ поймутъ это сельские читатели!

• Луна отстаетъ отъ земли на 360,000 верстъ. (стр. 13). Неправда: на 3,570,000 верстъ. Это разница значительная!

• Въ виннюю ясную ночь видимъ мы на небѣ безчисленное множество звѣздъ. (стр. 14). Почему жъ только въ виньюю? Звѣзды бываютъ видимы и днёмъ. Звѣзды сіи суть такія же солнца, какъ и наше. (ibid.). Во первыхъ, не все звѣзды — солнца. Во вторыхъ, если поверить автору, что звѣзды — солнца, то какъ же объяснять себѣ сказанное далѣ, на страницѣ 30-й: свѣтъ сосредоточился въ солнцѣ?... Ужъ не говорить о томъ, что крестьянины не пойметъ этого «сосредоточилъся»... Даѣте авторъ говорить о звѣздахъ съ хвостами, а о планетахъ ни полслова!

Первая глава оканчивается съдьюющею тирадой:

• И таинъ земля безпрестанно движется и воротится; мы обращаемся то въ одну, то въ другую сторону, можно сказать, съсизъ съмизъ голого надѣ немалымъ бедствіемъ зембы, и никогда не приѣчаемъ сего движениѧ, а всегда сидимъ, что будто склонимо ходимъ подъ сводомъ небеснымъ» и проч. (стр. 18).

Любопытно бы узнать, какъ поймутъ это крестьянские мальчики!

T. LVI. — Отд. VI.

Вторая глава трактуетъ об устройствѣ земного шара. Тутъ также многое неѣрностей, могущихъ подать поводъ къ заблужденіямъ. На-примѣръ, первые строки этой главы:

• Весь земной шаръ населенъ человѣкомъ (людьми?), начиная отъ страшныхъ маркихъ до мѣстъ самыхъ холодныхъ. (стр. 20). А Новая Земля въ сѣверныхъ оконечности Сибири и Америки? а внутренность Африки? а земли Южнаго Поля? Ось же населены?

На стр. 22 авторъ называетъ Россію страною умѣренною на таѣлѣ и холодахъ, забывая, что въ Россіи же есть и Новая Земля и Дальштидія, которые, кажется, лежатъ не въ умѣрении позѣ.

• Въ странахъ, лежащихъ по срединѣ земли, гдѣ солнце въ теченіи почти цѣлаго года стоитъ прямо вдѣ головою, Господь повелѣлъ возсмыться высочайшимъ горамъ, и на вершинахъ ихъ, для утренія зноя, возложилъ никогда нетающей вѣчный ледъ. (стр. 23) Гдѣ же эта средина? Ужъ не разумѣтъ ли тутъ авторъ страны, лежащія подъ экваторомъ? Избави Богъ! Тогда великолѣпная фраза его выкуда не будетъ годиться.

Вотъ что говоритъ авторъ о горахъ: • Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ трубами для исхода подземного огня, и называются огнедышащими (стр. 23)... Огонь выходитъ оттуда въ разные времена, выбрасывая тучи пепла, огромные камни и горящія рѣки распыленныхъ камней и песку. (сталобыть, камни горятъ?), «не среди ни мало жилищъ и труды человѣческіи... (стр. 24)... Авторъ забылъ только Помпею и Геркуланумъ, покубленные Везувіемъ; да и вообще еще не случалось, чтобы изверженіе Везувія или Этны не разрушило садовъ, виноградниковъ, посѣвовъ... Жаль! а фраза выходила великолѣпная!

Вотъ о водѣ:

• Теченіе воды въ рѣкахъ нужно было и для того, чтобы она не портилась: ибо стоячая вода всыпь-скоро портится и гнѣтъ. (стр. 26). Но въ большихъ озерахъ вода стоячая, а между тѣмъ она не гнѣтъ; на-примѣръ, въ озерахъ Балхашъ, Урсихъ за Кавказомъ и др.

• Вода изъ моря поднимается на небо — туманомъ, изъ котораго составляются облака, а облака, превращаясь опять въ воду, ниспадаютъ на землю — дождемъ, градомъ и снѣгомъ. (стр. 27) — и только. А роса? О вѣй тоже не худо бы что-нибудь узвать крестьянину!

Въ третьей главѣ говорится о свѣтѣ, теплотѣ и воздухѣ. Тутъ тоже не мало ликовинокъ. На-примѣръ — свѣтъ открываетъ (?) намъ предметы и краска красиетъ ихъ. (стр. 31); лучи солнца окрашиваютъ небо и облака разнообразными и восхитительными красками, ибо глянецъ, лоскъ, блескъ — одно и то же. — Свѣтъ истекаетъ изъ солнца бѣлый. (ibid.). Помилуйте! Въ томъ-то и дѣло, что свѣтъ не имѣть никакою цѣлы. — Вѣкѣтъ со свѣтомъ истекаетъ изъ солнца пера-зѣльно въ теплоту, такъ-что лучъ (ъ) солнечный виѣстъ и освѣщаетъ и грѣтъ. Теплота производитъ испареніе изъ земли и воды. (стр. 35). Совсѣмъ нѣтъ! Теплота истекаетъ и безъ свѣта, на-примѣръ, въ облачное время или лѣтньюю ночь; свѣтъ истекаетъ безъ теплоты, на-примѣръ, посѣтъ нахожденія солнца; теплота сама-по- себѣ ничего не производить... Свѣтъ, соединенный съ теплотою, есть огонь. Посему солнечный лучъ (ъ) есть окно. (стр. 36) — новое, неслыханное открытие! Напротивъ, иѣвѣстно, что огонь есть особое химическое явленіе; свѣтъ можетъ быть безъ огня, огонь безъ свѣта, теплота безъ свѣта и огня; на-примѣръ, хоть теплота руки. — Солнце самое то-

ритъ. (стр. 37) — еще новое, неслыханное открытие! — Нельзя сказать, чтобы и вимою воздухъ былъ совер-шенно лишенъ теплоты, ибо онъ сту-стился бы какъ вода и даже превра-тился бы въ ледъ... (стр. 37). Трудно себѣ представить, сколько тутъ вѣ-кообразностей, которыхъ могутъ сбить съ толку всякаго неученаго читателя! Вѣдь только водяные пары замерзаютъ; но кто же видывалъ мѣрзій воздухъ?.. • Годное на топливо дерево распространено по всей землѣ (одно дерево распро-странено по всей землѣ? такъ можетъ понять крестьянинъ), «и хотя истреб-ляется беспрестанно, но опять возвра-ждается изъ пурпуръ» (стр. 38). А въ нашихъ степяхъ тоже много дерева, голнаго на топливо? Не говоримъ уже о степяхъ африканскіхъ! — Никто въ свѣтѣ не объяснилъ, что такое воз-духъ, точно также, какъ не объяснилъ, что такое свѣтъ въ теплотѣ: человѣку сего знать не дано. (стр. 39). Да загляните въ любую физику: тамъ найдете отвѣтъ... Не понимаемъ, что за цѣль скрывать подобная вещь отъ крестьянина и стараться облекать ихъ тайною! Вѣдь вы взялись прояс-щать, такъ просвѣщайте же, уча тому, что открыла наука и что подтверж-диль опыты. — Въ мѣстахъ, где въ воз-духѣ не движется, какъ, на-примѣръ, въ пещерахъ, въ подвалахъ или ко-лонахъ, онъ портится и дѣлаетъ смертельнымъ. (стр. 40) Авторъ рѣ-шигельно дасть воздуху такое значе-ніе, какого воздухъ не имѣетъ. Вѣдь въ пещерахъ и подвалахъ не воздухъ, а углекислота. Точно также во дѣлѣ стра-ницы (стр. 38) онъ утверждалъ, что для горенія огня нуженъ воздухъ — вѣдѣто того, чтобы сказать: кислородъ. — Еслибы туманы не поднявались и не разстилались по землѣ: они задушали бы насъ свою чистотою» (стр. 45). Это тоже замѣчательная новость! Но не угодно ли послушать объясненіе элек-тричества? Въ облакахъ собирается иногда особенная сила, которая про-изводитъ огонь, т. е. молнию и громъ (!) Сила сїй развита Господомъ шевил-

• мо во всемъ мѣрѣ вѣдается видима
• только, когда исходитъ изъ облаковъ.
• Господь сотворилъ сю силу для поль-
• зы растѣ(е)ній, животныхъ и человѣ-
• ка; но (опять!) дѣствія ея съ тру-
• домъ постигаются и самыми мудрыми
• людьми...» (стр. 47). Чему изо всей
этой тирады научатся крестьянскій
мальчики?..

Далѣе: «Радуга раскильвается толь-
ко на тучѣ и до земли не сходитъ»
(стр. 49). Крестьянинъ, пожалуй, по-
вѣрить замѣтъ, что человѣку не дано
знать, чѣмъ такое воздухъ; а радугу-то
видѣть онъ собственными глазами и
зведаль, какъ она до земли сходитъ...
Падающія звѣзды суть небольшіе ог-
ни, зага(о)рающіеся въ воздухѣ...
Вотъ тутъ то бы умѣстнѣе была скром-
ность, потому что никто до сихъ поръ
не знаетъ, чѣмъ падающія звѣзды—
ни самъ Арагд, столько лѣтъ из-
слѣдывающей ихъ.

Четвертая глава разсуждаетъ о *живи-
стыхъ и растеніяхъ*. Здѣсь, между-
прочимъ, говорится къ сюму о расте-
ніяхъ, что «уга и лѣса покрываются
зеленью, и не только представляютъ
приятное, но и весьма, такъ скавть,
(какъ хорошо для крестьянъ это та-
къ-сказать!) удобное для вѣтнія вашего
видѣніе: ибо зеленый цвѣтъ есть лег-
кій для глазъ, а всяко(i)й другой
цвѣтъ бы для нихъ тяжель»
(стр. 56). Это напоминаетъ намъ одно-
го стариннаго профессора, который
говаривалъ, что самый лучшій цветъ
голубой, потому что небо голубое!
Однѣ: только пивы покрываются жел-
тизною, или позлащаются, и потому
не рѣдко называются златыми или
золотыми... Къ чѣму всѣ эти фра-
зы?.. Даѣте, говоря о собакахъ, ав-
торъ прибавляетъ: «Среди горъ, покры-
тыхъ щучными льдами» и пр. (стр. 65)
Горы покрытыми щучными льдомъ—
вѣтъ, а есть горы, покрытыя снѣгами.—
О лошади даются также не со-
всѣми-вѣрныя понятія. Авторъ утверж-
аетъ, что земледѣлецъ безъ лошади не

могъ бы ни обрабатывать своей ни-
ви, ни перевести произведений труда
своего въ городъ на продажу, ни да-
же привести дровъ изъ лѣса; сдо-
вомъ (,) безъ лошади земледѣлецъ
быть бы какъ безъ рукъ, (запятая!)
и едва ли бы могъ существовать,
(стр. 68). Что то скажутъ, прочитавъ
это краснорѣчивое мѣсто, крестьяне
малороссийскихъ губерній, которые
лошадей почти вовсе не употребля-
ютъ, а довольствуются волами?.. Рав-
сужденія автора о коровѣ и быкѣ (ст.
71 и 72), нельзя читать безъ улыбки:
корова, по его словамъ, полезна, по-
тому-что приноситъ молоко, кожу,
идущую на приготовленіе юти, мясо,
и пр., и вслѣдъ за этимъ сказано:
быкѣ, принося туже (т. е. ту же)
самую пользу, употребляется... и пр.
Выходить, что и быкъ приносить мо-
локо!

Но невозможно слѣдить за всѣми
неточностями и невѣрностями, кото-
рыхъ такъ много въ этой небольшой
книжечкѣ. Одна пятая (и послѣдняя)
глава — о человѣкѣ можетъ доставить
желающему богатый матеріалъ для
выписокъ и замѣчаній. Тутъ ужъ у
автора что ни вопросъ, тѣ ватруднѣ-
ніе... сего никакая человѣческая му-
дрость постичь не можетъ... никто
изъ людей не можетъ постичь сего...
сего человѣку знать не дано... и поди-
бонные фразы встрѣчаются безпре-
станно. А между-тѣмъ, некоторые во-
просы, дѣствительно нерѣшенные,
авторъ рѣшаетъ смѣло, хоть и самъ
же себѣ проговорѣчить въ рѣшеніяхъ.
Такъ, на пр., на стр. 85 ё сказано, что
«душа сидитъ внутри тѣла», а на стр.
77-й говорится, что «мозгъ въ головѣ
есть виѣстилище души»—гдѣ же кре-
стьянинъ будетъ искать душу? Но-
томъ, на стр. 95 вопросъ еще болѣе
затемняется словами: «душа есть то,
что человѣкъ, говоря о себѣ, называетъ:
я...». Такихъ несобразностей
множество и въ другихъ мѣстахъ этой
главы, трактующей о человѣкѣ. Па-
р. «глаза (говорить авторъ на стр.

88) не только видеть, но еще какою способность въ вниманіи отличать прекрасное отъ дурного — а между тѣмъ, главы у многихъ животныхъ гораздо лучше, чѣмъ у человѣка, и при всемъ томъ животные не отличаются прекраснаго отъ непрекраснаго!..

Но мы утомили бы читателей дальнѣшиими выписками, которыхъ и безъ того слишкомъ-много въ нашей статьѣ. Итъ сказаннаго довольно уже ясно, говорится ли эта книжка для чтенія крестьянскимъ мальчикамъ, которыхъ она хотѣла научить устройству мира (шутка!), какъ гласить ея название. Но что вы скажете, если мы прибавимъ, что въ этой книжкѣ, состоящей изъ 113 страницъ весыма-крупной и разговористой печати, цѣлыя страницы заняты реторикой — самой пышной, самой изысканной, ничему неизучавшей и вовсе неисполнитѣй для крестьяниновъ?. Дополнимо указать на стр. 9, 41, 48, 53, 55, 73, 74, 87 и мн. др.

Вотъ что впечатлить взяться говорить съ простонародьемъ, не приготовившись заранѣе ощутомъ и вспомнѣть! Поприще чрезвычайно-замѣччивое: я выше крестьянинъ по своему образованію; следственно, какъ же мнѣ не научить его? Ступить только выѣзжать то, что и знаю, маленько-мужицкимъ слогомъ — и дѣло єсть докторомъ. А попробуйте-ка объяснить просто то, что вы знаете — увидите, что вѣль надо въ тысячу разъ болѣе узвѣстить, чтобы овладѣть предметомъ со всѣхъ сторонъ и найти простѣйшее ему выраженіе; да, сверхъ-того, подобно узвѣстить вполнѣ-натуру и бытъ простолюдина, чтобы заговорить понятнымъ ему языкомъ. Реторики вашей оны не пойметъ и слушать не будегъ. Поученія получше вашихъ слышать оны изъ устъ пастырей первыхъ и въ словахъ священнаго писания. Ваше дѣло — ужъ если вы взялись за него — научить крестьянинна простымъ, нагляднымъ способомъ тому, что нужно для его интеллектуальнаго развитія, не ора-

терствую передъ нико, а говоря ему просто, какъ въ обыкновеніи съ нимъ разговариваѣтъ (если вы когда-нибудь разговаривали съ нимъ и умѣете разговаривать), даже не давая ему чувствовать, что вы его поучаете. Дѣло чрезвычайно-трудное, за которое очень немногіе могутъ взяться! По характеру нашего образования, фраза такъ далеко стаѣтъ отъ мужицкаго языка, что сблизиться имъ можно только посредствомъ особаго искусства, посредствомъ долгой и трудной науки.

Душевно сожалѣемъ, что встрѣтилась съ «Книгою для чтенія воспитавшихъ сельскихъ ученицъ», и что должны были высказать ей узкія истини.

39) Сельское Чтеніе. изданіе князя В. О. Одоевскаго и А. П. Заблоцкаго. Книжка четвертая. Санкт-Петербургъ. 1848. Въ 8-ю д. л. 124 стр.

Повышился Сельскаго Чтенія, такъ же хороши, какъ и предыдущіе: они весь состоятъ изъ трудовъ гг. Заблоцкаго, кн. Одоевскаго и Дана, и нужно имъ отдать справедливость, статьи ихъ читаются съ необыкновенною пріятѣйствіемъ и должны принести много пользы тѣмъ крестьянамъ, которые будутъ читать ихъ. Большая статья. О томъ, что такое животное, какъ оно живѣтъ, что ему вѣдорово и что вѣдорово, есть цѣлый трактатъ о важности животныхъ въ сельскомъ хозяйстве, о способѣ ухаживанія за ними; вся статья написана такимъ языкомъ, который будетъ понятъ каждому крестьянину, чтѣ дѣластъ безспорно большую честь автору. Повторяю, что сказали сейчасъ: у насъ лувиютъ, что пѣть учего легче, какъ написать понятно для простаго народа такую вещь, которая уже вѣль извѣстна въ мірѣ образованіемъ. А выходить, что мы очень-ясно можемъ наложить свои мысли въ кругу людей одинаково-го съ нами образованія, но когда бы

цень принуждены' объясняться' со простымъ человѣкомъ, часто этого не достигаютъ—тѣмъ больше, когда это дѣлается на письмъ Поэтому, еще разъ повторяю: излагать ученыя вещи для простаго народа — очень-трудно

За трактатомъ г. Заблоцкаго о животномъ непосредственно сдѣлютъ по важности своей два бѣзподобные рассказа г. Даля: «Родство и Служба» и «Хиуль, Сонъ и Явь». Особенное содержаніе первого рассказа должно поставить въ тупикъ не одну крестьянскую голову. Дѣло въ томъ, что въ одинъ сель выбранъ былъ въ головы приказанные изладшій подъ братией Степанъ. Въ этой деревнѣ, где жилъ старшій братъ Степана, Григорій, отъ дождевой промокини сдѣлался овражень, а изъ овражка вышелъ черезъ годъ съ лѣтомъ оврагъ, да ужъ такой, что стало подымывать избы.

«Вотъ мужики мон по веснѣ сойдутся, поглядѣть на оврагъ этотъ, почешутъ затылки, потошкуютъ, что надо бы перегатить и завалить—да и розойдутся. Мужики умень, да міръ дуракъ; всакій поразъ и видитъ, что надо сдѣлать, да все вѣдѣтъ умовъ не сведутъ въ одинъ, и нахнутъ рукой.

«Прѣѣхалъ нашъ голова, поглядѣть да распорядился: «вы, братцы мон, сказать онъ крестьянамъ, видно молоды еще, хоть и состарѣлись: борода съ ворота, а ума съ изконыльникъ не вынесла. Разг҃ъ не видите, что на весну оврагъ подъ избы подойдетъ? Тогда, что ставите дѣлать? Всѣ тутъ 76 тягъ; по пяти воровъ земли на 70 тягъ, всего 350 воровъ, этого довольно; а шесть тягъ нарубите, да привезите хворосту полъ гвѣзь—и дѣло готово. Тогда вода пойдетъ у васъ нижинъ овражкою и село будетъ цѣло. Смотрите, чтобы къ Спасу было сдѣлано!»

«Пришелъ срокъ, какъ голова иззвѣтилъ, а овражекъ еще не засыпанъ. Ни кому не охота первому прииматься за дѣло, все одинъ глядѣть на другаго; а какъ старшій братъ Степанъ, Григорій, который былъ одинъ только голова по-

старѣе его, не разсудыть послушаться головы, такъ и иронію на него глядя, машинали рукой.

«Голова потребовалъ ходить въ примѣтъ на раздѣлку. Туда, сюда — а одинъ въышелъ да и говорить: «что же ты, Степанъ Овисимовичъ, изъ настъ однихъ взѣлъ? Отчего же ты брата своего не спросишь, для чего силь отъ настъ не отсталъ?»

— А гдѣ братъ Григорій Овисимовичъ, спросилъ голова, позвать его.

Да не идеть, говорить.

Степанъ послалъ за монъ и велѣлъ его привести, привели.

— А что братъ, спросилъ Степанъ, ты для чего не идешь, когда голова за тобой шаетъ? Это для міра привѣтъ не хороши: я не думай тебя къ себѣ звать, я бы и самъ потрудился къ тебѣ прийти; я звать тебя на расправу, въ приказъ. Что же скажи, ты своемъ настъ бывовъ привезъ въ оврагъ?

— Нѣтъ не привезъ, отвѣчалъ братъ; да что и буду возить, да за что я буду водить, нешто безъ меня народа мало? что я тебѣ, работника что ли? Ты мий что за указчикъ, а старшій твой братъ, исбѣжилъ слушанія, и не лиши тебѣ.

«Тогда Степанъ сказалъ: my братъ любізный, не взъяши, а видно надо тебя поучить, что бы ты звалъ, какъ съ головой, говорить и какъ его слушаться. Степанъ тотчасъ же положилъ своего брата и отсчиталъ ему при всѣхъ, сколько слѣдовало розогъ, а покончить это дѣло, при всѣхъ же поклонился ему изъ-подъ и сказалъ:

— Прости, братъ Григорій Овисимовичъ, до взъяши....»

У насъ ужъ тѣмъ видется, что будь старшій братъ хоть дуракъ, а изладшій — семи шлядъ во збу, во все-таки слушай его. И это не въ одинъ крестьянскомъ быту бываетъ — рассказъ г. Даля годится и для многихъ другихъ. Изъ него же читатель видить, до какой степени исподвольно-народныи

изъявомъ пишутъ статьи въ «Сельскому Чтению», которому остается же лать большаго и большаго успѣха не только между крестьянами, но и вообще

между простымъ народомъ. Въ немъ объясняется многое изъ щего для всѣхъ полезныхъ...

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

1) *ICONOGRAPHIE D'UNE COLLECTION CHOISIE DE CINQ MILLE MEDAILLES ROMAINES, BYZANTINES ET CELTIQUE-MEDEAIS par J. Sabatier. Membre Fondateur de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Petersbourg (Иконография пятитысячной коллекции отборныхъ римскихъ, византийскихъ и цельтиберийскихъ медалей Ж. Сабатье, члана-основателя Санктпетербургскаго Археологического-Нумизматического Общества). Санктпетербургъ. 1857. Во французской тип. Въ листв. СХХ стр.*

Это монументально - великолѣпное издание раздѣлится на 16 — 20 выпусковъ, которые будуть выходить чрезъ каждые два мѣсяца. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ «Введеніе». Ознакомимъ читателей съ этимъ трудомъ словами самого г. Сабатье:

«Нумизматка» говоритъ авторъ: «не есть просто пріятное занятіе это — ис тинная наука, необходимая для археологии. Съ помощью медалей, дѣйствительно, мы узнаемъ названія провинцій и городовъ, имена правителей и государей, пероевъ и событий, о существованіи которыхъ безъ нихъ не имѣли бы никакого понятія. Съ помощью

старинныхъ памятниковъ, исторгаемыхъ каждыи день изъ недръ земли, мы можемъ изучать металлургію древнихъ, процессы ихъ лігатуры, способы плакировки, золоченія и серебренія металловъ, тогдашнюю систему въсѣй и мѣръ, образъ счисленія, имена, титулы и костюмы князей и властителей, божества съ ихъ атрибутами, орудія, вооруженіе и проч. Нумизматика служить пособіемъ и для филологии, при объясненіи нѣкоторыхъ иѣстъ греческихъ и латинскихъ авторовъ. Наконецъ, съ помощью старинныхъ монетъ можно определить различные фазы монетнаго искусства, его исторію и эпохи. По стечению счастливыхъ обстоятельствъ, въ мои руки досталось значительное собрание римскихъ и византійскихъ медалей, и небольшая отборная коллекція подлинныхъ монетъ цельтиберийскихъ и римско-испанскихъ колоній — я намѣрѣнъ издать ихъ.»

«Много писали о нумизматикѣ, и почти во всѣхъ сочиненіяхъ этого рода авторъ соглашается, что одно описание, безъ снимковъ, даетъ понятіе весьма-невудовлетворительное; между темъ, наперекоръ этой общепризнавшей истинѣ, текста и описаний всегда

мало, а рѣдко есть рисунковъ вездѣ обличающей тупую борзощивость. Притомъ, эти сочиненія, кроме весьма - немногихъ, суть простыя номенклатуры, или каталоги болѣе или менѣе систематические, и весьма-часто похожіе одинъ на другое. Каждый дѣлаетъ планъ по-своему, и между-тѣмъ, какъ одинъ ведетъ рѣчь о любимой специальности, другой ограничивается исчислениемъ въ нѣкоторыхъ только категоріяхъ тѣхъ экземпляровъ, которые считаются самыми рѣдкими. Другіе, болѣе-развѣзные, врываются во всѣ части нумизматики, и, какъnomады, никогда ни на чёмъ не останавливаются. Въ-отношении рисунковъ также справедливо можно упрекнуть большую часть нумизматовъ въ томъ, что, представляя медали совершенно-новые, они поэтизировали ихъ изображенія и такимъ образомъ погрѣшили и противъ вкуса, и противъ истини. Наконецъ, до-сихъ-поръ, сколько мѣвъ извѣстно, никто не заботился составить, если не общую, то по-крайней-мѣрѣ нѣсколько-полную римскую и византійскую нумизматику. Итакъ, представить полную серію извѣстныхъ типовъ этого рода, значитъ уничтожить важный проблѣкъ, значитъ быть полезнымъ для науки и для ея любителямъ. Подобный трудъ, если онъ хорошо исполненъ, позовитъ людямъ, неимѣющимъ подъ рукою нумизматической коллекціи, изучать исторію по ея самыи достовѣрныи памятникамъ и прослѣдить шагъ-за-шагомъ фазы монетнаго искусства отъ Помпея до конца греческой имперіи, т. е. въ-текущіе почти пятнадцати столѣтій. Но гдѣ найти человѣка, имѣющаго необходимыя свѣдѣнія и который бы согласился добровольно пожертвовать своимъ временемъ и такимъ значительнымъ капиталомъ? — и безъ дѣйствія общества, безъ пособія правительства, этотъ проектъ никогда не приведется въ исполненіе. Потому я долженъ быть составить для себя планъ болѣе-скромный, но который, впрочемъ, въ извѣстной степени удовлетворяетъ требо-

ваніе: объясняюсь въ немногихъ словахъ.

Собранныя мною коллекціи состоять почти въ пяти тысячахъ экземпляровъ, изъ которыхъ, сколько могу судить, есть ни одного ни поддѣльного, ни сомнительного; многие весьма-редки, другие до-сихъ-поръ были совершенно-неизвѣстны, а нѣкоторые даже единственные въ своемъ родѣ. Въ цѣломъ они представляютъ почти непрерывный рядъ лицъ, чеканившихъ монеты, начиная со втораго римскаго триумвирата до паденія византійской имперіи. Если въ этомъ длинномъ ряду есть еще нѣсколько проблѣковъ, то число ихъ съ каждымъ днемъ уменьшается: до окончанія изданія, вѣроятно, новые экземпляры пополнятъ эту и безъ того богатую для частнаго человѣка коллекцію, и тѣ изъ нихъ, которые не успѣютъ занять в настоящихъ своихъ мѣстъ, составятъ содержаніе нѣсколькоихъ дополнительныхъ листовъ. Я считаю достаточнымъ дать для каждого царствованія одинъ общій типъ медали, не воспроизвести многочисленныхъ видовъ измѣнений, которые отличаются отъ него только обозначеніемъ монетнаго двора, прибавленными или опущенными символами или буквою. Я ограничусь только указаніемъ этихъ легкихъ различій — въ текстѣ. Въ-отношении классификаціи, я вообще слѣдовалъ Эккелю, Майонне и Сольси, прибавляя въ концѣ каждого царствованія колоніальныя монеты, съ чеканомъ имени римскихъ императоровъ, и располагая ихъ въ алфавитномъ порядкѣ названій городовъ. Этотъ новый распорядокъ, который я нахожу болѣе-раціональнымъ и болѣе-полнымъ, позволить оцѣнить различіе чеканнаго искусства метрополіи и самыхъ отдаленныхъ частей имперіи. Я буду тщательно наблюдать, чтобы каждая монета была изображена совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась, и строго слѣдить за точностью надписей, формами буквъ, ри-

сунковъ головъ и оборотоеv, а равно и
за вѣрность размѣровъ.

2 Loisirs d'une femme, ou Recueil de poésies légères, par la comtesse de Loménie de Marém. Deuxième Édition. St.-Pétersbourg, de l'imprimerie du Journal de St.-Pétersbourg. 1847. Вс 8-ю д л 54. стр.

Въ предисловии къ ефемерію разныхъ стихотвореній, авторъ говоритъ:

«Полагаясь на синхронность жителей города, где я нашла столько уте-

стія, я рѣшилась издать собрашіе стихотвореній, которыя бы никогда не вышли изъ моего бюро, если бы не мои начальныя обстоятельства. Да найдутъ они читателей столько же синхронительныхъ, сколько я нашла сердецъ, привнесшихъ участіе въ моихъ страданіяхъ.»

Эти обстоятельства обезоруживаютъ критику, тѣль болѣе, что явленіе стихотвореній на французскомъ языкѣ въ Россіи — явленіе рѣдкое, объясняющееся только затруднительнымъ положениемъ ихъ автора.

ЛІТАФЕРМ БАДІНІЯ

Літографія Бадінія, въ 1847 г., по рисункамъ А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, съ подписью: «Літографія А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, въ 1847 г.»

Літографія Бадінія, въ 1847 г., по рисункамъ А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, съ подписью: «Літографія А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, въ 1847 г.»

Літографія Бадінія, въ 1847 г., по рисункамъ А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, съ подписью: «Літографія А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, въ 1847 г.»

Літографія Бадінія, въ 1847 г., по рисункамъ А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, съ подписью: «Літографія А. Г. Грибоедова и А. А. Григор'евъ, въ 1847 г.»

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ранториъ, соч. Леуиса; Запокъ Гранлей, соч. мистрисс Фуллертонъ; Скала и Вода, соч. мисс Мартинъ; Маркова Скала или Кратеръ, соч. Дж. Фен. Купера.

Одною изъ отличительныхъ чертъ англійской литературы нашего времени должно считать отвращение отъ произведений Жорж-Занда. Мы не знаемъ, много ли въ подлинникѣ читаютъ романъ Ж. Занда въ Англіи, но достаточно то, что ихъ переведено очень-немногого и что каждый переводъ какого-нибудь романа ея служитъ поводомъ къ громонеснымъ вылазкамъ англійской критики противъ несчастного переводчика, избравшаго себѣ такого автора. Правда, Ж. Занда не смыываются тамъ съ другими многочисленными "нувеллистами" французскими; но несмотря на это отличие она не всегда получаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду французскихъ писателей и часто поставляется позади самыхъ обыкновенныхъ нувеллистовъ, какъ женщина съ ложныимъ и чрезвычайно-вреднымъ направленіемъ, съ произведениями которой должно избѣгать знакомства. Произведения эти по мнѣнию такихъ гл. критиковъ не что иное, какъ страшнѣшая пародоксальность, облеченнная въ довольно-изящныя формы и тѣмъ вредѣюща, что невольно и незамѣтно подры-

ваетъ основаніе общественной нравственности.

Такое мнѣніе не столько замѣчательно по своей ложности, сколько потому, что оно указываетъ на роль, которую англійская литература беретъ на себя, на ту физіономію, которая кажется ей самою приличною. Осуждая романы Жорж-Занда какъ парадоксальные и вредные для общественной нравственности, англійская критика вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на романы своихъ женщинъ-писательницъ, какъ на произведенія несравненно-болѣе согласныя съ требованиями современности и истиннаго искусства. Всего больше въ романѣ англійская публика и англійская критика пѣнитъ направление консервативное и повторяю поучительное, доказательное. Реформы, новыхъ требованій они не въ состояніи вынести, и со стороны романа это имъ кажется какимъ-то святотатствомъ, дѣломъ къ нему не йдущимъ. Ими допускаются только тѣ протесты въ романѣ, которые требуютъ отъ общества подчищенія, подрѣзыванія, выщемленія, но не тѣ, которые говорятъ о рѣшитель-

иомъ переломъ. Смотря съ этой стороны ясно, почему эпический талантъ В. Скотта сразу нашелъ себѣ сочувствіе въ Англіи; онъ преимущественно консервативнаго направленія. Между тѣмъ, прошло много времени прежде, чѣмъ полюбили талантъ Байрона, полный протеста. Кажется, у женщинъ - писательницъ, неодаренныхъ настоящимъ талантомъ, можетъ быть только два настроенія: одно фантастическое, идеальное, ищущее всего необыкновеннаго въ психологическомъ мірѣ, удивительныхъ страстей, удивительныхъ характеровъ, удивительныхъ спѣленій всякаго рода; другое, исполненное добродѣтелей до плоскости, проповѣдующее семейную Аркадію въ формахъ до того сладкихъ, что посажетъ въ васъ самое непрѣятное чувство. Но иное, глубокое настроеніе англійскихъ женщинъ-писательницъ преимущественно цѣнится въ Англіи. Предполагается, что романами такого содержанія они исполняютъ настоящее призваніе женщины, перенесенное отъ тихаго домашняго очага на общественную каѳедру; сочиненія эти получаютъ величайшую популярность а на прежніе романы, получившия такую широдѣсть, указываютъ какъ на романы, имѣющіе величайшее вліяніе на воспитаніе національного чувства. Въ этихъ произведеніяхъ диссонансы, тоже что въ музыкѣ, преходящія ноты, на которыхъ нельзя долго останавливаться и которая служатъ только для того, чтобы тотчасъ же дать случай свѣтлому и спокойному разрѣшенію. Ни одинъ романъ не смѣеть представить диссонанса, оставшагося неразрѣшеннымъ, какъ это часто бываетъ въ дѣйствительности, не смѣеть, потому-что сама цѣль, для которой построены весь романъ, этому противит-ся. Самъ В. Скоттъ не могъ уйтти отъ этого англійскаго направленія: ему казалась великимъ талантомъ пріятельница его, миссъ Эджевортъ, излившая на Англію потоки добродѣтелей, вознагражденныхъ послѣ искушений въ неизвестныхъ горестахъ, измѣнахъ и

трудныхъ, общественныхъ отношеніяхъ.

Въ этомъ вкусѣ В. Скотта нечего удивительнаго: какъ всегда почти бываетъ съ великими людьми, онъ перестаетъ быть великъ токо стороною, которою привязанъ къ своему народу; здѣсь гений лишается всей своей силы, вкусъ исходитъ съ высоты своей истины, и тотъ самый человѣкъ уже думаетъ и чувствуетъ за-одно съ прочими своими соотечественниками. Точно такъ было и съ Гёте, такъ было и со многими другими; вся разница здѣсь въ томъ, на сколько человѣкъ бываетъ, въ-слѣдствіе первыхъ обстоятельствъ молодості, захваченъ тѣмъ, что его окружаетъ.

Женское направленіе романовъ не осталось у однихъ женщинъ-писательницъ; когда оно во вкусѣ всѣхъ, когда на него какая-то мода, когда оно поддерживается и поощряется голосомъ критики, оно должно было скоро перейти и къ мужчинамъ. Такимъ образомъ, большинство англійскихъ романовъ (за исключеніемъ романовъ историческихъ и романовъ особыхъ на интригѣ, которыхъ немногій раздѣлилось на двѣ половины: романы, написанные мужчинами и романы, написанные женщинами). Между тѣмъ и другими одна толькъ разница, въ герояхъ. Мужчины изображаютъ участъ героевъ мужскаго рода, изображаютъ какъ они, послѣ разнообразныхъ казусныхъ случаевъ, ставящихъ коренное англійское чувство въ немалый тупикъ и подвергающихъ основные мысли ихъ колебанию, какъ они, наконецъ, послѣ всего этого благополучно вошли въ благодатную гавань, въ которой, пріотягясь твердо, крѣко, непоколебимо, безбоязненно отъ дальнѣйшихъ размышленій. Женщины изображаютъ подобнымъ образомъ участъ героевъ женскаго пола. Слѣдовательно, разнообразія бываетъ не слишкомъ много; на каждымъ шагу чувствуешь, къ чему дѣло идетъ. Теперь, въ нѣкоторыхъ литературахъ, какъ-то нельзя называть главныхъ дѣй-

ствующія лица героями романа, потому-что они хотя и *главны*, однакожъ лица; въ англійской же литературѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь можно называть лица—герои. Все, съ ними связываетъ, какъ-то особенно, не по-человѣчески, не такъ, какъ съ другими; словомъ, они точно такие же герои, какіе были въ рыцарскихъ романахъ, только теперь геройство ихъ упражняется на другомъ поприщѣ. Изумительное, ничѣмъ неодолимое постоянство, одинаковость характера съ первой страницы до послѣдней, способность преходящимъ образомъ любить въ короткое время очень-многихъ одного за другимъ — тѣ же. Верочень, маленькое непостоянство не вредить истинному постоянству, потому-что тотъ, или та, которыхъ въ-самомъ-дѣлѣ должно любить, берутъ непремѣнно верхъ и, следовательно, выигрываютъ. Наконецъ, пунктовъ сравненія прежнихъ рыцарскихъ съ вынѣшними англійскими романами очень-много.

Недавно выступилъ на сцену въ англійской литературѣ ифто *Леусъ* (Lewes) со своимъ романомъ *Ранториъ* (Rantorne). Романъ этотъ, принадлежащий направлению сейчасъ нами описанному, очень понравился и *Леусъ* занесенъ въ списокъ газантливыхъ романистовъ, подающихъ большія надежды. Уже одно посвященіе занятіесовызывающее въ пользу личности автора: оно посыпаетъ свой романъ супругѣ, или той, которая облегчила бремя трудной жизни его. Но мало того, что съ первого взгляда всякий знаетъ въ супружеской солидности и теперешней безмятежности автора;— слѣдующіе за посвященіемъ листки, названные предисловіемъ, объясняютъ, что романъ этотъ давно уже лѣтъ пять, тому назадъ написанъ, но является въ свѣтъ только теперь, потому-что рука другой исправила его недавно; послѣ этого исправленія, изъ трехъ томовъ вышелъ одинъ. Слѣдовательно, не читать еще романа, мы уже знаемъ, что авторъ стоитъ подъ двумя счастливыми союзами любви и дру-

жбы, оказывающими и оказавшими надъ нимъ самое благодѣтельное влияніе свое, что онъ самъ лично находится уже въ той гавани, которая есть «искомѣ» англійскихъ романовъ. Это внушаетъ, какое-то довѣріе, какое-то особенно благопріятное для автора расположение духа. По любви къ нему, не примѣчаешь даже странности по правокъ, совершенныхъ надъ его романомъ дружескою рукою а поправки эти такого удивительного свойства, что многія части не имѣютъ связи другъ съ другомъ. Видны болѣшіе пропуски, отчего на сцену являются люди, или совершаются события безъ всякаго повода, какъ въ книгѣ, изъ которой вырвано въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколько страницъ. Но авторъ въ предисловіи говоритъ, что книга его подвергалась «превосходной критикѣ двухъ славныхъ друзей», а потому англійская публика закрыла гидой своей благосклонности то произведеніе, которое вышло изъ горнала дружественной критики Слѣдовательно, и мы, по всей совокупности этихъ многочисленныхъ причинъ, признаемъ книгу превосходною и заслуживающей вниманія.

Ранториъ, о которомъ идетъ дѣло въ томъ романѣ, есть молодой человѣкъ довольно бѣдный материальными богатствами, но за то щедро надѣленный отъ природы богатствомъ духовнымъ. Въ-слѣдствіе юности и избытка способностей, онъ мечтать въ поэты, самъ впрочемъ не зная навѣрное, куда ему можно почасть. Притомъ, онъ находится между двумъ огней. Между отцомъ и между Изорой. Прежде когда, бывало, отецъ видалъ, что Ранториъ на свои карманныя деньги покупалъ всякой дряни, какихъ-нибудь великихъ поэтовъ (каковы, напримѣръ, Шеллей и другіе), вместо того, чтобы хорошенъко пообѣдать на эти деньги, онъ всегда бранціралъ его и представлялъ доводъ, что изъ него никогда не выйдетъ томка. Но Черн Ранториъ въ канія минуты обращалъ всѣръ свой на молодую Изору, воспитав-

Мысль отца, и въ этомъ находилъ себѣ вознагражденіе за всѣ непріятности, которыя терпѣлъ отъ отца. Въ глазахъ Изолы онъ всегда читалъ: не слушай отца, пускай себѣ толкуется, дѣлай по-своему, какъ самъ разумѣши. Такими «образами», это были первыя коллизіи, между которыми нужно приводиться и задать себѣ вопросъ: кого изъ нихъ обоихъ слушаться?

Разумѣется, слушаться самого-себя, когда хочешь наподелать себѣ великихъ проказеній своего дара. Молодому, веру все кажется необыкновенно легко и если оно напечатаетъ множество стихотворений, то ихъ съ большою радостью начнутъ гдѣ угодно... остановка будетъ только за выборомъ издателя. Но на позѣрку выходитъ совсѣмъ иначе: чи одинъ журналъ, или одинъ книгоиздатель не береть на себя риска пустить въ миръ произведенія новой лирической музы и Изола, какъ та женщина, кѣтой должна вѣсти Рантория въ гавань счастія и спокойствія, исполняетъ при немъ роль угѣшительницы. Она твердо убѣждаетъ его въ той мысли, къ которой онъ, какъ-нельзя-больше расположень, что онъ талантъ, но-только талантъ непрізнанный, какъ и всѣ великие люди. Такое положеніе до того живо, что авторъ находится себѣ вынужденнымъ отъ своего лица говорить англійской публикѣ:

«Когда кому-нибудь не удается литературу, необувшися честою любви къ стоящему этого недѣлѣю, вообразить, что публика неспособна понимать его произведенія, что она впереди своего времени. Но если у всякаго паденія есть два исхода: дѣлѣ, отъ чего бы никогда не подозвѣрять втораго? Отъ-чего бы не допустить, что произведенія остаются позади своего времени? Нельзя слишкомъ-бѣлью обратиться съ податліемъ о маинѣ времени. Какъ вамъ хотѣто, а помните по тѣло идете: это диктуетъ впередъ гигантскими шагами и тому же перегнать его, кто сдѣланъѣтъ обычнаго гѣста. И держитесь-то съ кѣмъ перваго не вѣрою дамо. Поднимаетъ вылью-ско—удѣлью ненасытна. Различны степени духа тѣкъ, которые стремятся добѣть

себѣ чинъ господина «или вынуть изъ па другіхъ» дорогакъ. Одни вынути по честолюбію, другіе — по злобѣ, третьи — по лжи; илучшіе съ філософіи, четвѣртіе — злобой лжи; другие — нозадѣлъ. Но есть еще креативъ-модный: Всѧкъ людъ здѣшній. Одни, по-честолюбію, честолюбіе: да хо у нихъ дородыя прѣбрѣзти; честолюбіе теченья: да хо у нихъ дѣлъ быть, срамъ. За то они сидятъ на берегу и жаждутъ всплыть и призыыватьъ Человѣчество поклоняться, какъ они сдѣланы устроены и т.д., чисто? Нѣтъ. «Завѣтъ! Кирѣ гаукъ; склоняясь; вѣнчаны! Фро-блѣжть вѣнчать, и на него никто не бородаетъ вѣнчанія; кроме птицъ-гигантовъ, птицъ-запятыхъ, или франтѣтъ-птицъ, души, ко-торыя, собираются, около ногъ и дышатъ ею особому складу. Погибъ, боялся, не убо-ваться его вырвать разрывъ. Оть кир-нуль... но еда окунутъ и уже выходитъ изъ круговорота съ закрученіемъ головою; флегма въ изглатывающій дѣлѣтъ-горѣ, пока доберется до щекъ и вѣтриваетъ щеки, которые удаляютъ «фи», и говорятъ, что винѣю-насъ: всегда «не вѣрятъ и рѣчатъ: иль вѣнцы разумѣтъ юды» идѣи, чтобы было съ кѣмъ бороться!»

Принципиальная, таинственная образность дубильду, авторъ продолжаетъ, негорѣю: Чѣмъ ни было то у Шерса Рантория вѣтеръ отличные способности: Если онъ отѣдѣлагъ изъ жизни, чѣмъ-такое, «изуми-шися надежда быть авторомъ», необходимо дать ему отѣдѣлать и тѣго, чѣмъ про-тивоположно неисполненному надеждѣ. Посему, въ-слѣдствіе полнѣбнаго дре-вращенія, сердца, издахшей и склон-продавленыя, вдругъ сдвигаются и про-изведенія Рантория, нечтатоеся безъ затрудненія. Но мало-тено, что она видѣть себѣ изъ печати, — та самае не-продолжительное время онъ поѣздаетъ въ литературные зѣвы. Въ родѣ не объяснило, какимъ образомъ посред-ствомъ изданной книжечки судокто-реній онъ очутится въ центре большаго сѣта и моды, окруженнаго ул-ялліемъ и обожаніемъ, широчайшаго, это, можетъ-быть, и лживое: дѣло не въ подробностяхъ, а въ фактѣ. Фактъ же состоять въ томъ, что юбка дол-вольно бѣднаго, почти громаднаго су-ществованія, (тѣ началь розана, Перс-

во время проливного дождя странствуешь по лондонским улицам въ длохой шинели, не совсѣмъ надежной шапкѣ, безъ перчатокъ, почти безъ сапогъ), Перси и, богаты и счастливы. Уже одна лондонская модная красавица желаетъ занять его сердце въ видѣ Иездѣ больше и больше любить его и съ-минуты-на-минуту ожидаетъ осуществленія надежды своихъ — брака. Перси не въ состояніи устоять, простирая всемогущество модной красавицы, да и яко-по-маду, начинаетъ изъывать Иездѣ.

Возможное совершенство неожиданное; литература глава "Аттилакательная" красавица составляютъ второе искушеніе Ранторна. Что касается до необходиаго признания въ любви оно произошло слѣдующимъ образомъ:

— Вы, дуродоры, дуродор Флоренса, въ притворѣ забытъностью. — Я несчастна сдѣлала. — О, если бы только въ этомъ складѣ она, слова, впада въ свою воспоминанію радости, то не жалко бытъ и сожалѣнія. Вы знаете, любы, должны быть несчастны для того, чтобы сѣрѣйшии не познать! — Вотъ отъ-этого мірѣ такъ дурно и обращается въ новизну, сминая сѣи отъ-какогоруго горѣнья. Она болѣется, что память будетъ мало прѣкрасна, прелестна, и потому, собираста, залѣваша, страждущими, пылающа, отверженію, замирая, презрѣдя. Мы вѣдѣли этицы, у, которыхъ люди выкальзываютъ глаза, чтобы видеть больше гротескальнаго нашей пѣсни! — Ah! сѣ, vous allez donc faire le Bouton! — Я говорю сердѣзно. — Какъ, вы жалуетесь на себѣ? — Я жалуюсь на одно лицо. — О, этотъ чѣтыре лиро. Я п-уд-жалася! Теперь, вы должны покѣратъ мнѣ все. Она должно-быть, отель-хороша, если покорила вѣсть; но еще больше жестокосерда, если была бѣзъ милосердія къ ванѣ! Voyons, monsieur le руѣ. Кто это *la belle perfide!* — Развѣ вы ея не знаете? спросилъ онъ. — Я не могу отгадать, отвѣтала она ѿ самыи невинныи видѣніи. — Можете ли вы не прочитать чувствъ, изъясняющаго на лицѣ? Можете ли вы обмануться въ глазахъ? — Никто бы, не могъ обмануться въ его глазахъ, въ зорѣ его голоса, во всемъ его вѣшненѣ обращеніи; во удивительно-слѣпца кокетки — особенность природы.

Флоренса отвѣтала: «Кто же обманется въ глазахъ? Это такая обманчивая вещь! И потому, никогда нельзя знать, серьезно ли вы, поэты, говорите. — Развѣ пѣть хотимъ, отвѣтала онъ со страстью: — которые бы *шаговерѣвали* то, и передѣльть составляющиейся *дрожающіе* кубы? Развѣ яйти твойе, которые, дрожающи, склоняютъ склонъ шампуни разговора, дѣлать смыслъ садмыи незначащими словами? Развѣ смущеніе, страхъ, дрожь, ревность, горячіе глаза и рѣющи щеки не могутъ высказать различія между притворюю и настоящимъ любовью? — Да, но вы, мужчины! выѣтѣмъ сознанія! Съѣю я и продолжатъ сознанія, Отѣмъ *les dessins* Вы были художниками-красавицами, въ краснорѣвѣ времѧ! — Итакъ, васъ познаваютъ? — Можете-быть. — Потомъ, чувствуя, что деша до крайней точки, и что нужно было перемѣнить разговоръ, она беззабоѣ спросила: « Вѣдѣли ли вы бѣ Ранторна? Не вѣдѣла ли, какъ это чудесно? Вѣдѣли таѣй душка! — Пожалуйста, пошутишь со мной. Отѣмъ искѣ, побѣдилъ міръ. Умываясь, вспоминаю, какъ мы мѣдя? — Ахъ, разъ de землѣтіе, я напомнила это. Пожалуйста, безъ театральности, тіо саго рѣта. Переѣхѣти разговоръ. Ранторнъ, отвѣтала со страстью: «Перемѣнить разговоръ... Я не могу перемѣнить его! Онъ мучитъ меня какъ сонъ. Только вѣдѣ-вѣдѣ я и думаю. Вы есть все что существуетъ! — Вы забываетесь, сказала она, въ высокостѣремъ, немногого недовольна обѣзведеніемъ, которое вынуждена.

— Въ аху самую минуту Изела шла по лѣстницѣ, въ уборную взять книгу для лѣпї Терезы, и, слыша голосъ Ранторна ей слишкомъ-знакомый, остановилась за вломомъ и недолго стала слушать.

— Я забываюсь! отвѣтель онъ съ горького ушибкой. Да, это правда, и вѣтъ мой заграда! Я не могу преодолѣвать этому! Одибо мое у-вѣтъ-вашихъ, Флоренса, поправьте его; раздѣлите въ немъ всѣ чувства, вѣнѣ-вѣдѣте въ него дыханіе новой и сѣйшей жизни! Флоренса, я люблю васъ!

— Мистера Ранторна! воскликнула она, поднимаясь съ притворными удивленіемъ. — Я люблю вѣсть, люблю вѣсты повторять, они съ аростью.

— Тихий п-задумчивый прикѣ заставлялъ ихъ обонѣкъ здоровнуть. Четыре чѣткое умѣло на вѣль. Они воспроизѣбли, и увидѣли несознанную Изелу бѣзъ чудесъ. . .

— О, Боже мой, Боже мой, Боже мой! воскликнула Ранториц, закрывая лицо своими руками, пораженный видомъ того, что она сдѣлала. — Миссъ Чуртль въ обморокѣ, позвоните, сказала Флоренса.

— Въ обморокѣ! отвѣчала она глу-
химъ голосомъ... Она умерла! умерла
— и я убила ее! Не говориъ ли я, что
сердце мое у ногъ вашихъ? Вотъ оно,
вотъ оно, продолжалъ она, указывая на
Изолу. Я принесъ ее въ жертву своей
безрассудной страсти, я наполнила душу
свою ужасомъ и раскаяниемъ для то-
го, чтобы заслужить одну вашу улыбку, и
теперь вѣдь когда эта жертва моей любви
лежитъ между нами, повторяю: я дол-
блю 'едсы' — чѣмъ вы на это отвѣтите? Вы
молчите! Вы меня не любите! Вы играли
со мной! Посмотрите, чѣмъ вы сдѣлали!

О, Боже мой, Боже мой!..

Но, разумѣется, Изола не умерла:
иакъ ей умереть, когда она герояня,
и романъ только на 90-й страницѣ; она
осталась жива, исчезла изъ города и
изъ романа, чтобы Перси Ранторицъ
искусился въ другихъ отрасляхъ человѣ-
ческаго горя и блаженства. Послѣ прекрасной сцены, только-что вычи-
санной нами изъ романа, едва ли усту-
пающаго некоторымъ русскимъ ро-
манамъ, Ранторицъ рѣшительно пере-
сталъ любить Флоренсу, и уѣхалъ,
что въ такой любви не найдти ему ис-
тиинаго, солиднаго счастія. Флоренса
довершила ударъ, выйдя замужъ за
одного флегматического Англичанина.
На одну минуту исторія Флоренсы
умолкаетъ и возобновляется только
подъ конецъ романа, для подкрѣпле-
нія своимъ примѣромъ одной особен-
ной истины изъ консервативнаго ко-
декса. Между тѣмъ, Перси вполнѣ
предается другой наклонности своей;
она обратилъ больше, чѣмъ когда-ни-
будь, къ поэзіи и театру, потому-что
она сознавъ наконецъ, что настоящее
его назначеніе — театръ. На этомъ по-
прищѣ посыщаются его поперемѣнно
величайшія горести и величайшія ра-
дости; онъ постоянно живеть между не-
бомъ и адомъ, страданіями и возна-
гражденіями за эти страданія. Его
пьесы, то соглашаются то отказы-
ваютъ представлять. Едва Ранторицъ

успѣлъ отереть потъ съ лица послѣ
такихъ переворотовъ и собрался от-
дохнуть на лаврахъ, случилась новая
бѣда: актеры, успѣвшіе выучить свои
роли, начинали на репетиціяхъ до
того коверкать каждую роль, каж-
дое слово, что у бѣднаго автора воле-
сы стали дыбомъ. Они готовы пре-
дать всѣмъ фуріямъ тотъ день и
часть, когда вадумали писать трагедіи,
а главное, отдавать ихъ на театры.
Мало-по-малу, все улаживается, за-
твѣрживается все довольно спокойно; из-
чинается представление, Перси въ ра-
дости, въ полномъ восторгѣ... У ка-
кого автора не таяло сердце сладкій
блаженствомъ, когда представляли
его пьесу въ первый разъ передъ много-
численною и блестящею публикою.
Но какой-то злой демонъ, должно
быть, демонъ, назначенный для иску-
са добродѣтельныхъ лицъ англійскіхъ
романовъ, начинаетъ мутить актеровъ
и зрителей своимъ злобнымъ дыха-
ніемъ. Актеры спотыкаются, начина-
ютъ говорить всякую нелѣпцу, зри-
тели же, подъ вліяніемъ демона, начи-
наютъ приходить въ какой-то при-
падокъ смѣха и гнѣва. Коверканье
несчастной пьесы доходитъ наконецъ
до послѣднихъ границъ нелѣпости и
комизма; зала разражается неслыхан-
ной бурей; смѣхъ и свистъ уподобля-
ются выпущеннымъ изъ мышковъ вѣ-
трамъ гомеровской бури. Перси какъ
съумасшедшій бѣжитъ изъ театра —
утопиться въ Темзѣ, потому что это
второе происшествіе трагическаго со-
держанія, столько же ужасное, какъ и
сцена съ Флоренсою, ставить въ ту-
пикѣ всѣ чувства и лучшія намѣренія
добродѣтельной и страстной души.

Умереть ему не даютъ, даромъ, что
онъ уже взобрался на перила одного моста и собирался сдѣлать скакечку
его за полу оттащилъ старичикъ, ко-
торый во время гнуснаго представле-
нія сидѣлъ въ углу театра, и, не
привималъ участія въ тиранской по-
тѣхѣ публики. Разными философски-
ми доводами, старичикъ успѣлъ убѣ-
дить Ранторна, что не нужно тошнить

ся, потому что можно и такъ обойдтись. Одержавъ рѣшительную побѣду стари-чокъ, успѣлъ заинтересовать Перси—свою дружбою. Забывъ трагедію, точно такъ, какъ забылъ Флоренсу, Перси раскрылъ сердце свое для дру-бъ къ старишку, который за фаль-отташилъ его отъ воды; Перси посе-лился даже у него на квартирѣ, чтобы ближе имѣть въ виду этого почтенаго человѣка... Но злобный духъ не даль-сму и тутъ спокойствія. У почтеннаго старишка былъ племянникъ, кото-рый появился было на первыхъ стра-ницахъ романа, но потомъ пропалъ. Онъ снова упалъ точно съ неба и на этотъ разъ убилъ самымъ злодѣйскимъ образомъ своего дядю, оставивъ все подозрѣніе на злосчастнаго Перси. Ско-ро и это несчастіе прошло, а потому авторъ схватился за такой моментъ, чтобы свести счеты съ прочими дѣ-стующими лицами, такъ-какъ дѣло близко къ концу.

И, во-первыхъ, онъ принимается за прежнюю миссъ, а теперь леди Фло-ренсу, чтобы доказать, какъ не го-дится любить не того, кого слѣдуетъ. Надъ прекраснымъ господиномъ Ран-торномъ она смѣялась, кокетничала съ нимъ, и болѣе ничего; не полюбила его, а полюбила какого-то богатаго джентльмена, въ которому думала найди-ти все свое счастіе: какъ она ошиблась! въ мужѣ своемъ она не нашла счастія! Онъ вскорѣ надѣлъ ей, а она принуж-дена быда выбрать какого-нибудь изъ окружавшихъ ее обожателей, чтобы дать просторъ своимъ чувствамъ. Она выбрали одного литератора, который показался ей великимъ героемъ. Пере-говоривъ съ нимъ за одинъ балъ о своей любви, выслушавъ его призна-ніе, она на слѣдующее утро явилась въ комнату у этого господина и объ-явила твердое намѣреніе соединить свою судьбу съ нимъ и не покидать его никогда. Это привело въ совершен-ное отчаяніе писателя, избраннаго въ мужья такимъ образомъ. Онъ боялся мужа по двумъ причинамъ: мужъ былъ храбрый чоловѣкъ, которому жизнь бы-

ла копейка, а этотъ господинъ былъ ро-бокъ и притомъ вовсе не намѣренъ об-заводиться семействомъ послѣ каждого бального призванія въ любви. Эта сцена Флоренсы, преслѣдующей своей лю-бовью труса, который хочетъ какъ-ни-будь избавиться отъ такого неожида-наго счастія и выпроводить безпок-ойную любовницу, полна комизма и можетъ казаться лучшею главою романа, потому что (можетъ-быть, и безъ намѣренія) представляеть *climax* на известную сцену Иосифа Прекрас-наго. Но гордой, кокетливой Флоренсъ, не умѣвшей опѣнить истинной любви, настало, наконецъ, достойное наказа-ніе: она увидѣла, на какое низкое суще-ство напала, какое пресмыкающеся выбрала предиѣтомъ своей страсти. Ко-гда она униженная выходила отъ писа-теля, ее постигло послѣднее наказаніе, совершенно удовлетворительное для англійской нравственности. У самыx дверей она встрѣтилась лицомъ къ ли-цу съ мужемъ, который вчера на балѣ все видѣлъ, не проронилъ ни одного слова и теперь подъкараулъ ее на улицѣ, чтобы имѣть удовольствіе нераз-ить преступницу страхомъ и ужасомъ. Мужъ этотъ никогда не шутилъ: недолго до того, она застрѣлила на дуали одного Француза, виконта, который осмѣялся ухаживать за его женой. Какова же была встрѣча съ такимъ мужемъ жены, уже и безъ того зам-занной? Весь разговоръ супруговъ и окончательная размолвка ихъ — вѣтъ, настоящее торжество консервативнаго автора и англійской публики! Кто мо-жетъ этого можетъ сомнѣваться еще, что никогда не должно поступать такъ, какъ поступала Флоренса? Конечно, никто! Всякій, само-собой разумѣется, будетъ удаляться отъ такихъ исторій, за которыхъ ожидаетъ васъ пагуба и столько непріятностей. Гораздо лучше и разсчетливѣе предаваться чувст-вамъ нѣжнѣмъ и добрымъ, какъ дѣ-лали другія дѣствующія лица того же романа, хотя и они вѣ безъ ошиб-окъ и промаховъ достигли того, «что требовалось доказать».

Авторъ романа всегда радъ, когда есть случай дать читающей публике насыщенное изобилие, если встречаютъся въ романѣ такие минуты, что нечестно рассказывать... Теперь нужно говоритьъ про Иозу, а между тѣмъ нечего сказать; — вотъ авторъ и схвачился за воспоминаніе дѣлъ, центръ которыхъ предлогомъ, что Иоза, удалившись отъ сцены, для изученія гамбургской химии въ однокомнатной квартирѣ въ дальнемъ отъ города, въ глухи, и для пропаганды времени занималась воспитаніемъ показавшаго ей на руки мальчика. Кажи, тинъ весь Анджеевъ, Иоза воспитывала этого мальчика (поподражаемъ), либо чувствовала болѣе сильную страсть, чѣмъ нужно для человѣка и чѣмъ находятъ необходимымъ для воспитанія самъ авторъ, когда она воспоминаетъ... Это просто невѣроятно! Въ странѣ, которую недѣлья называютъ страной безумныхъ, недѣляютъ дѣтей химіи, геодезіи, астрономіи! О, вы, ученыййіе лордера, добродушные родители, несчастныййіе дѣти! Для васъ всяко приближается тѣкущіе, когда воображенію и чувству не будутъ больше упирать душу; когда предразсудки будутъ предметомъ насѣданій, а дифференциальному исчисленію дадутъ место въ лѣтской школѣ, когда дѣтицы будутъ умилиться сердцемъ — надъ коническими юношами; когда романтическіе юноши, получившіе себѣ наполненными гамбургской составленіемъ началь. Тогда воздухъ будетъ маюсъ вздохами объ спредѣстствіяхъ пропорціахъ; театръ, газеты, изысканія замѣняются учеными сображеніями. Тогда красавица, встрѣчаясь со своимъ возлюбленнымъ при дуновѣніи скѣтъ, будетъ делить свои чувства обѣ атомистической теоріи, а любовникъ — отвѣтить ей страстными опиціаліями, становитъ зловѣхъ и горныхъ породъ... Въ это самое время, когда Иоза занималась воспитаніемъ, совершиенно прокивоположнымъ вынѣщему воспитанію, она познакомилась съ однѣмъ молодымъ человѣкомъ, Гарри. Этотъ молодой человѣкъ является на сцѣну для того, чтобы подвергнуться Иозу и Пѣрони

самому горшему изъ испытаний, за то и послѣднему, пока звѣздается въ Иозу гордость же, какъ удавленіе.

Долго не видѣть Пѣрони, рожденная отъ природы въѣхѣльщица чувствами, Иоза, мало-по-малу, удовлетворяетъ Гарри, и ужъ говорятъ оѣмъ яко же, но чуть-ко и проникнута рѣшительные задачи созѣть, инымъ образомъ, потому что Пѣрони искренне изъ своего времени отыскиваетъ Иозу, и обижаетъ, изываетъ ее, проситъ проконсультовать все прошедшее и требуетъ ее себѣ жену! Иоза не идетъ, потому что не хочетъ состояться отъ давнаго Гарри слова съѣдѣнія и проникнуть сама въ макианіе. Гламуріе исторіи, Пѣрони и Иоза проѣхали разное, разные шлютеріи, рѣшительно и окончательно остановились на томъ, что они необходимы другъ для друга; что они брака, счастіе невозможны, — такъ какъ всякая другая любовь къ другу не кончается добротой; съѣдѣніе, только самое первое сношы. Игакъ, Пѣрони и Иоза, сбѣданы другъ для друга, но жаль быть сыѣ Гарри, который иѣшаетъ, и которому неизѣтѣнности неизѣмъ ничего сказать! Прекрасности судьбы оканчиваются сказомъ Гарри, логодавшійся изъ воспоминаній, заложекъ и полуправдами Иозы, что ей, до-прѣкнemu, дорогъ Пѣрони и что она ему все просила. Разумѣется, что Гарри дѣлаетъ великолѣпную услугу, которая состоѧтъ въ финальную сцену романа: самъ же онъ живетъ на одной молодой лѣбушкѣ, бывѣтъ Флоренса, въ которую ушѣлъ уже влюблиться; и, которая сама измѣнитъ до тѣхъ влюблена была въ Пѣрони.

Рассматривая цѣль этихъ событий, невозможно останавливаясь предъ иллюстрированными рядомъ гравюрами, которые въ романахъ консервативного направления также ничего неизначаютъ и сидѣютъ быстро, какъ у паннонскихъ лѣвочечекъ. Для этого надобно принять въ соображеніе, что въ этихъ романахъ такое явленіе вскрывается въ слѣдствіе особаго призыва: любовь, какъ же, земь и прочіе природны

этот романикъ, свойства доказательного; поучительного; въ ней ясно просыпчается та мысль, что все на свѣтѣ должно перемещаться—именемъ, препятствія страсти—и дать напоминъ просторъ тихому, настоящему благополучію, для котораго человѣкъ именемъ назначена: Мѣта юродѣстїи, наизъ известуетъ весь цивилизованій англійскій романистъ, за то и созданы, чтобы человѣкъ прошелъ подъ зѣмлю прохожденіи королевской пустыни, чьи концы которой находятся благополучная гавань, все время изливавшая его изъ себѣ, но измѣненно заставлявшая то туманами, то каменищами ложными образами. Каждый изъ героя, достигшаго счастливыхъ лѣтъ, слѣдующихъ за годами искуса и премогѣтій, по справедливости можетъ сказать, что «быть хлѣбъ своей въ ногѣ лица». Кажется, иной даже напередъ въ состояніи былъ бы отказаться отъ благополучной гавани, только бы надѣть чѣмъ-то не обрушился ежеминутно непрѣятности. Отцы, сестры, браты, все родственники, религіозные члены, одни словомъ все заинтересовались въ эту исторію, чтобы только сочинилось затрудненіе, которое нужно преодолѣть со временемъ юности. Сами герои поневолѣ уклоняются отъ естественнаго порицка отъѣздовъ и поведенія, чтобы только устроилось новое премогѣтіе. Еслибы герой поступилъ или отѣстилъ въ затруднительномъ случаѣ такъ, какъ-бы отѣстилъ или поступилъ обыкновенный человѣкъ, все бы благополучно прошло и ничего было бы мѣбѣждать; а то она или не договорить, или переговорить, или одѣвать что-нибудь такое, изъ чего сейчасъ же заваривается каина.

Удобнымы прикинуть этому пускай послужить «Замокъ Грантлей», романъ, юди Джорджіаны Фуллертонъ (Grantley Manor by Lady Georgiana Fullerton), писательницы также консервативнаго направлѣнія, также окраинительницы общественнаго чувства въ Англіи. Въ этомъ романѣ главный изъ источниковъ бѣзъ—любовь; авторская

слова, честолобие и другое демоны человѣческой жизни не допущены въ романъ, потому что все дѣло исключительно идетъ о двухъ сестрахъ и объ отцѣ; къ каждой сестрѣ приставлено по обожателю, для удовольствія публики.

Дѣвъ сестры, Маргретъ и Джиннера, происходятъ отъ одного и того же отца, но отъ разныхъ матерей, разныхъ націй и разныхъ вѣръ. Маргретъ рождалась отъ первого брака; отъ Англичанки и, следовательно, принадлежитъ къ англійскому вѣровѣданію. Когда мать ей умерла, отецъ уѣхалъ изъ Англіи сѣрѣтствовать, и, конечно, пріѣхалъ въ Италію, такъ-какъ въ романѣ большая часть привязанностей начинается въ Италіи. Тамъ, полковникъ Лѣсли избираетъ себѣ новую супругу, Итальянку, католичку, отъ которой и рождается дочь Джиннера. На нее переносится полковникъ Лѣсли всю свою привязанность, всю юность, а съ другой дочери, которая въ Англіи почти забываетъ. Маргретъ усъѣда подростки и завестись необходимою принадлежностью женскаго пола—обожателемъ, которому имя Уальтеръ Сидней. У нихъ дѣло идеть уже ясно, казалось бы, всему и конецъ, но въ это время лица увеличившія число обитателей замка Грантлей, внезапно перемѣнили весь ходъ дѣла и дали начало длинному роману. Прежде другихъ пріѣхалъ Невиль, давнишній приятель Уальтера, человѣкъ молодой, прекрасный, наполненный всеми вѣковыми совершенствами для того, чтобы любить въ себѣ. Такъ и случилось: Маргретъ немедленно любилась въ него; — первое препятствіе и отложеніе отъ истиннаго пути. Уальтеръ терпѣть не могъ, когда вѣшались въ его серьезныхъ дѣла; онъ очень разсердился, замѣтилъ, какъ начинаетъ себѣ вести Маргретъ; но въ это время давно ожидавшій отецъ, полковникъ Лѣсли, пріѣздомъ своимъ далъ всему новое направление. Маргретъ ожидала, какъ маини небесной, пріѣзда въ юности

отца: но вместо того она написала отца холодного, молчаливого, къ ней нерасположенного и даже ирачного. Это заставило ее призадуматься не-привычнымъ образомъ и отложить въ сторону свою страсть. Она предалась печальнымъ размышлениямъ, какъ вдругъ, однажды, отецъ привезъ ей, что скоро приѣдетъ сестра ее, съ которой она должна обращаться хорошо и привлично. О такой сестрѣ Маргреть никогда еще не слыхивала; это обстоятельство всегда скрывали отъ нея съ самого дѣтства. Но у нея постоянно было какое-то желаніе имѣть сестру, и потому только-что услыхала она объявление это отъ отца своего, всѣ прежнія желанія, пробудились въ нея, глаза наполнились слезами, щеки загорѣлись, и она почувствовала необыкновенное счастіе. Видѣсто то-го, отецъ принялъ все это за выраженіе неудовольствія и читалъ въ гла-захъ ея твердое намѣреніе быть вра-гомъ сестрѣ, и потому объяснилъ ей, что никогда не простить такихъ небла-гопріятныхъ для сестры чувствъ. Тутъ всыхнула вся оскорбленаа гордость Маргреть: то-го и обращеніе отца ос-корбили ее, ей это показалось безпри-мѣрно несправедливостью, и вотъ вдвойне-то проіошло довольно - удиви-тельное *inbroglie*. Отецъ по натурѣ сво-ей былъ расположенъ любить дочь свою Маргреть, но молчалъ о своей прива-занности и обращался съ дочерью дур-но потому-что воображалъ, будто у нея холеднее, безчувственное, завистли-вое сердце. Маргреть, съ своей сто-роны, думала дурно о своемъ отцѣ, и, вместо того, чтобы естествен-нымъ образомъ рассказать ему, что она и сама готова полюбить свою сест-ру, сѣдала отцу своему совсѣмъ не-ожиданный отпоръ и отвѣтила, что: «она всегда любила тѣхъ, которые ее любили; къ чужимъ же людямъ, все равно, родственникамъ или нѣть, она никогда не однушала ничего, кроме радиодушія». Такой поворотъ разгово-ра необходимъ былъ для того, чтобы

запутать дѣла; они и получаютъ отъ-того очень-узловатый видъ. Вскорѣ дѣла становятся еще труднѣе, когда прѣѣзжаетъ Джиневра. Она хороша собой, необыкновенно — талантлива, привлекаетъ къ себѣ мужчинъ и жен-щинъ всѣхъ безъ исключения, владѣетъ полною любовью своего отца, и видимо отнимаетъ у Маргреть всѣхъ, кто ее прежде любилъ, въ томъ чи-слѣ и Невилла: остается вѣренъ одинъ Уальтеръ. Какъ тутъ любить та-кую зловредную сестру? Между-тѣмъ, и Джиневра, по вѣжности и тонкости чувствъ, ищетъ, жадеетъ только одно-го: любви своей сестры, Наконецъ, это второе затрудненіе романа порѣшаетъ разомъ, потому-что Маргреть съ Джиневрой, на конецъ, объясняются во всемъ и миролюбиво раздѣляютъ между собою обладаніе Уальтеромъ и Неви-лемъ: первый отходитъ во владѣніе Маргреть, второй — подъ власть Джиневры.

Тогда происходять затрудненія дру-гаго рода. Джиневра, такъ-счастли-во отбивша Невилла изъ-подъ зна-менъ противной стороны, давно уже обѣянана съ Невиллемъ, еще въ Шта-лии; но бракъ этотъ Невилла устро-илъ съ нею по секрету, потому-что величайшиа опасности угрожали бы ему со стороны отца и вообще всего семейства, если бы они узнали что въ родильномъ вошло лицо католического вѣроисповѣданія. Этотъ труднѣе обстоятельство из-брано авторомъ, во-первыхъ, для того, чтобы слѣдать около Невилла и Джиневры особенное затрудненіе, а во-вто-рыхъ, для того, чтобы показать англій-скому народу, какъ нехорошо различие вѣръ,ющуше приводить къ та-кимъ затруднительнымъ обстоятельст-вамъ. На этотъ предметъ лады Фул-лертомъ много упирается, и, вѣроятно, не безъ успѣха. Несмотря на нѣсколь-ко писемъ, Джиневра отвѣчала что она никогда не оставитъ своей вѣры; про-исходить скора и рѣшительная раз-молвка. Съ своей стороны, Уальтеръ прославляетъ Маргреть, подорвавши-въ продолженіи прежней любви къ

Невиллю. И здесь пишутся съ обѣихъ сторонахъ письма, производящія рѣшительный разрывъ, такъ что всѣ четверо разъезжаются въ разныя стороны: это и есть послѣднее и самое трудное испытаніе, нанесенное постыдству каждой стороны. Къ этому прибавляется еще новый искусъ: за Джиневрой увиваются и преслѣдуютъ ее своею любовью многіе блестящіе кавалеры, за Невиллемъ увивается одна прекрасная дама, ищущая его супружества. Читатель можетъ самъ судить, сколько грановъ горечи прибавилось во взаимныхъ отношеніяхъ Джиневры и Невилля, когда они увидѣли другъ друга въ залѣ домашняго театра, окруженныхъ новыми своими собесѣдниками. Наконецъ, Маргреть и Джиневра омичательно распутываются все дѣло, потому-что обладаютъ тѣми качествами, обрисовкѣ которыхъ посвящаетъ обыкновенно свои страницы консервативный романъ: — чувствомъ невоамути мой привязанности, преданности, терпѣнія, и, особенно желанія устроить ту свадьбу, которая нужнѣе всего для героя, или сохранить въ нихъ тѣ чувства, которыхъ всего способнѣе радовать англійское сердце. Маргреть узнаетъ, что Уальтеръ лежитъ больной въ Швейцаріи: почти въ одно мгновеніе она она уничтожаетъ раздѣляющее ихъ разстояніе, переносится къ постели Уальтера, исцѣляетъ его и возстановляетъ въ душѣ всѣ прежнія чувства. Несравненно запутаніе дѣла другой пары. Долго, очень-долго они ничего не слышатъ другъ о другѣ. Вдругъ совершиенно случайно Джиневра узнаетъ, что Невилль живится. Полусумасшедшая, растерившаяся, Джиневра въ омнибусѣ прилетаетъ въ Лондонъ, прямо въ церковь, въ ту самую минуту, когда начинался брачный обрядъ. Но Невилль участвовалъ въ свадьбѣ, какъ свидѣтель брака своего кузена. Не замѣтивъ этого обстоятельства, Джиневра со своею добычею, съ своимъ дорогимъ сокровищемъ бѣжитъ по улицамъ далеко отъ напугавшей ее церкви и падаетъ безъ чувствъ. Долго проло-

жается съ нею горячка; она уже у дверей гроба. Въ эту минуту, не издѣясь больше на ея жизнь, Невилль объявляетъ своей сестрѣ тайну своего брака, скрытую отъ всѣхъ, объясняетъ, что готовъ пожертвовать заинъціемъ отца, пугавшимъ его до той поры, готовъ отказаться отъ всего—только бы воротить жизнь Джиневры. Тутъ, бросившись въ его объятия, сестра объявляетъ ему, что отецъ, умیرая, смигнулъ прежнюю свою непреклонность простиль сына и возвратилъ ему всѣ права за то нарушеніе воли, которое давно подозревалъ.

Итакъ, Невилль переломилъ всѣ свои расчетливыя побужденія, сдѣлался безкорыстенъ, благороденъ, рѣшился жертвовать своимъ лучшими выгодами въ пользу добродѣтели и утѣшительныхъ правилъ жизни. Какое торжество для романиста, умѣющаго отыскивать такие сюжеты для своихъ романовъ; какое торжество и для публики, которой дано наслаждаться такими сюжетами! Но пусть торжествуетъ и Невилль, обратившійся къ истиннымъ и прекраснымъ чувствамъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени, Джиневра выздоравливаетъ и, вторая пара, желая слѣдовать примѣру первой, испрашивается прощенія и согласія строгаго и молчаливаго отца Джиневры, помѣщенаго въ романѣ только для завязки первого затрудненія и развязки послѣдняго. Неразрывныи узы законной и нескончаемой любви заключены. Такъ цѣлое семейство кончаетъ рядъ затрудненій, бѣдствій и страданій.

Но такъ, благополучно и счастливо идуть дѣла, только въ романахъ консервативныхъ. Едва отшатнешься отъ нихъ въ дѣйствительную жизнь, и увидишь вездѣ другую исторію, увидишь, что если началась цѣлью препятствій, страданій и горестей, то рѣдко бываетъ имъ конецъ, что во всемъ этомъ несравненно менѣе и романтизма, чѣмъ въ романахъ консервативаго, утѣшительного направления. Надобно только послушать вѣр-

ные рассказы, взятые изъ действительности, чтобы убѣдиться, какъ все бываетъ иначе.

Миссъ Мартинъ, известная своими популярными сочиненіями въ послѣдній англійскаго народа, сдѣльно по части политической экономіи, недовольна выдумками, которыми наполнены романы соотечественниковъ и союзечественницъ, вѣдулага заинтересовать всеобщее вниманіе читателейъ изъ дѣйствительности. Авторъ ищетъ свою исторію изъ достовѣрныхъ источниковъ, а потому психологический элементъ, «стремленіе любезный англійскому роману не существуетъ въ этомъ романѣ. Никакихъ психологическихъ замѣтокъ ни со стороны автора, ни со стороны дѣйствующихъ лицъ: все одинъ фактъ и фактъ о томъ, что никакъ случилось. Да и вообще вся задача миссъ Мартинъ состояла въ томъ только, чтобы передать народу и сдѣлать какъ-могно-болѣе популярную исторію леди Гренджъ, разставшую въ романѣ подъ названіемъ *The Willow and the Rock*. (Волны и Скала). Нельзя объяснить, почему миссъ Мартинъ избрала своимъ предметомъ происшествіе изъ англійской исторіи XVII столѣтія, происшествію не имѣющее никакой необходимости въ популярности. Это—исторія, довольно похожая на известную французскую исторію о жгловѣйной маскѣ. Въ одномъ случаѣ дѣйствующими были мужчины, въ другомъ женщины. Дѣло въ томъ, что леди Гренджъ, жена одного изъ первыхъ лордовъ Шотландіи, была схвачена въ своемъ собственномъ домѣ, какими-то неизвѣстными людьми; ей забили глаза и отвели на одинъ необитаемый островъ, гдѣ она нашла ликихъ жителей, не понимавшихъ ея языка. Таинственная стража стерегла ее и лишала всякой возможности возвратить свою свободу. Наконецъ, ей удалось доставить въ Эдинбургъ, къ одной пріятельнице, письмо о всемъ случившемся — но тираны ея узнали обо всемъ, перевезли ее на другой, еще болѣе глухой

островъ, гдѣ она прожила много лѣтъ. До сихъ порѣ остается споромъ: пушкинъ, умерла ли она въ послѣдній заточеніи, или ее «освободили», и она скончалась «погибла» въ тѣхъ днѣахъ. Но многочисленныхъ (но утвержденію англійскихъ журналовъ) писателей, одни говорятъ такъ, другие иначе. Иными чѣмъ не звѣтъ даже имена здѣсь Гренджъ, но въ прошедшемъ столѣтіи не одна «сторона» страницъ послѣднѣя «была споромъ» обѣихъ исторіяхъ и разныемъ историческими и философическими разытіемъ. Миссъ Мартинъ, настойчивѣвшая на эту исторію и на объемистую ея литературу, захотѣла воскресить интересъ и сдѣлать изъ неї исторію народную. Поэтому она не позволила себѣ ничего отъ собственнаго лица, кромеъ иѣхъорѣхъ «писаній» природы и окончаній. У миссъ Мартинъ леди Гренджъ не умираетъ въ заточеніи, но за то и не получаетъ спасенія отъ своихъ друзей, — съ ней происходитъ что-то среднее, заинтезированное отъ того и другаго положенія, друзья и прѣизаютъ «освободить» ее, она съ ними бѣжитъ, садится въ толку и на дорогѣ умираетъ. Конечно, миссъ Мартинъ сочла эту среднюю «штуру» за болѣе поэтическую «разлѣку» и тѣмъ надѣялась придать иѣхъорѣхъ жизнъю своей сухой исторіи. Но какъ бы то ни было, сдѣлали же эта исторія несмотря на всѣ предпринятія иѣхъ, на необыкновенную дѣйствованію въ совершенную удобопонятность, слѣдуетъ популярною, и сдѣлали же Гренджъ становить жить въ устахъ народа. Кому инымъ дѣло до разъясненія настоящихъ причинъ этого давно—забытаго происшествія? Кого интересуетъ, что г-жа Гренджъ была можетъ быть жертвой ревности мужа, который подозревалъ ее въ тайной связи съ иѣхъорѣхъ лордомъ Эдуардомъ Д., а можетъ быть и жертвой иѣхъ мужа, который узналъ, что она хотѣла донести на него правительству во случаю одного политического дѣла? Но первые критические англійскіе

хурнады не такъ думаютъ; сътая романы французские, въ которыхъ ивогда столько настоящихъ искръ таланта, произведеніемъ чеснокими, разочаровывающими сердце и душу, сътая несравненно выше. *Mystere de Ra-*, гдѣ свой дохорошеннія, произведенія, къ родѣ, большюю романы «Лукреція», или «Дѣти Ночи», хурнады эти не сравнено выше ставятъ вышѣшій романъ имень Мартинъ. Что послѣ этого говорить, о вкусахъ англійской публики и англійской критики?

Скажемъ же, заключеніе искромѣ склонъ о послѣднемъ романѣ Кунера. *Mark's reef or the sailor* (Маркова скала, или крахъ), Въ недавно-вышедшемъ сочиненіи «Американою писатели да проза», Грисвальдъ, разсказываетъ, по какому поводу Кунеръ написалъ свой романъ «The Pilot» (Боричій). Въ то время, когда вышелъ романъ В. Скотта «Морской Разбойникъ», Кунеръ со всѣхъ егеронъ ссыпалъ необыкновенные хвалы удивительнымъ изображеніямъ В. Скотта, которые давали ему возможность быть превосходнымъ писателемъ даже въ подробностяхъ морской жизни. Однажды, въ разговорѣ обѣ этомъ же предметѣ съ Чарльзомъ Уильямомъ, человѣкомъ съ большими вкусомъ и смысломъ, Кунеръ сталъ ссыпаться надъ этими похвалами, и общаясь написать морской романъ, который съ удовольствиемъ будуть читать всѣ сухопутные люди, но истину котораго будутъ чувствовать всѣ моряки. «Боричій» былъ плодомъ этого разговора. Такимъ образомъ, морскіе романы Кунера обязаны своимъ происхожденіемъ этому источнику. За ними слѣдовали другие не менѣе прекрасные романы Кунера, и въ жизни дикихъ американскихъ Индійцевъ. Наконецъ, для Кунера настала такая эпоха, въ которую ему не хотѣлось больше изображать ни морскихъ сценъ съ мастерскими картинами мора, ни поразительную по своей простотѣ жизнь Индійцевъ, всреди великолѣпнейшей природы; добимая прерия тѣма Куне-

расъ стояла въ первобытномъ членѣ съ человѣкомъ, приведшимъ въ амурансіе лѣса, и въ обществѣ образованій, перестала быть для него прелестъ. По мѣрѣ того, какъ военное соревнованіе становилось все важнѣе и важнѣе, въ глазахъ его соотечественниковъ военчій иъ политическаго и соціального направлѣнія, ихъ все меньшее значение чинили въ Европѣ, идти романы или любые иными художественнымъ интересомъ Главная ихъ тема, политическая и религиозный секты Старой Америки, ихъ спишки, преступления и любѣды, наконецъ, обѣщаютъ участь нынѣшней Америки.

Не приступая еще къ своему роману, Кунеръ разсматриваетъ различные американские вопросы и однажды высказываетъ такой общий взглядъ на состояніе Америки въ наше времена: «Мы, конечно,ѣдемъ въ Соединенныхъ Штатахъ много шаговъ впередъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ; но по какому это направлѣнію, въ высшей ли точкѣ человѣческаго совершенства, или къ разрушению добѣхъ началъ, это, конечно, разсудить слѣдующее поколѣніе лучше, чѣмъ мы». Создавая такое положеніе Америки, авторъ избралъ романъ какъ форму, для того, чтобы еще лучше разыскать эту мысль.

Главное действующее лицо романа, Маркъ Уильстонъ, лейтенантъ военного судна спасается отъ кораблекрушения съ своимъ товарищемъ Бобомъ Бетсомъ; съ остатками корабля, они попадаютъ на скалы какого-то небывалаго острова Тихаго-Океана и остаются на этикъ скалахъ безъ всякой надежды на спасеніе, безъ всякаго выхода. Наконецъ, они рѣшаются отѣпѣтъ отъ корабля лодку и пуститься въ открытое море. Но посреди работы, горестная участъ постигаетъ Марка: онъ еще не спустился въ лодку къ Бобу Бетсу, какъ напоръ волнъ унесъ въ море Бетса съ членкомъ. Маркъ остался одинъ. Но вдругъ, о чудо! въ эту же самую бѣдственную ночь проходитъ землетресеніе, кратеръ вол-

каны, скрытый за стеною утесовъ, начинаять дышетворить со страшною силою, вода крутится и пѣнится подъ раскаленными обломками, кровавое зарево освещаетъ пустынное море; надъ головой Маркъ летаютъ огни, корабль трещитъ и ломится подъ ногами его. Безъ всякой надежды, готовясь къ смерти, Маркъ стоялъ, устремивъ глаза въ сверкавшее въздами небо, какъ вдругъ о радость! ужасное землетрясение дѣлаетъ проломъ въ стѣнѣ скай, у подошвы которыхъ корабль стоялъ, и Маркъ перенаправляется на твердую землю. Часть ночи и занимавшагося утра Маркъ проводить въ изгнаніи своей благодарности передъ Творцомъ, приготовившимъ ему такое удивительное спасеніе. Но куда ему подсобрать, чтѣ еще ему готовится! Не даромъ мать его была примирая Американка; за добродѣтели ея суждено сыну ея свершить великое дѣло.

Надругое утро, послѣ ужасной ночи, Маркъ отправился обозрѣвать тотъ островъ, на который попала такими волшебными прѣвращеніями. Долго-долго ходилъ онъ, удивляясь красотѣ и величію природы, восхваляя блажость Творца и... вдругъ открылъ, что этотъ островъ, наполненъ многогодульнѣмъ поколѣніемъ дикарей. Маркъ тотчасъ же чувствуетъ настоащую задачу свою—просвѣтить и научить ихъ. Онъ такъ и поступаетъ. Онъ дѣлается царь-комъ ихъ, устроиваетъ флотъ, войско, ходить съ ними на войну противъ другихъ народовъ, держитъ имъ рѣчи и поступаетъ вообще очень-поучительно для соотечественниковъ своихъ, Сѣвероамериканцевъ. Вскорѣ Бобъ Бетса, снасшійся на членокѣ, самымъ чудеснымъ образомъ и благополучно доѣхавшій до роднаго своего города, Филадельфіи, возвращается назадъ на тотъ же островъ съ женой и цѣлой но-

вой колоніей Сѣверо-Американцевъ. Но между природными обитателями острова и новыми пришельцами проиходять многочисленныя несогласія, раздоры и т. д., точь-въ-точь какъ въ Сѣверной-Америкѣ. Великій законодатель и администраторъ Маркъ старается мирить спорящихъ, доказываетъ имъ выгоды мира, общаго согласія и счастія. Но все тщетно! У него-самого отбираютъ всю диктаторскую власть и заставляютъ удалиться американскихъ пришельцевъ туда, откуда пришли. Они удаляются, но провидѣвъ месть за вихъ жестокосердья островитянъ. Маркъ, воротившись въ Америку, въ Бристоль, пожилъ тамъ нѣсколько времени, но, отвѣдавъ разъ власти, онъ не могъ уже жить въ Бристолѣ и сидѣть сложа руки. Потерявъ всякое терпѣніе, онъ утовариваетъ своего пріятеля, Боба Бетса, еще разъ (для Боба въ третій разъ) сѣдѣть въ прежнее царство, гдѣ можетъ быть раскаявшіеся подданые снова пойдутъ подъ пастырскій жезлъ его. Будутъ, прѣѣзжаютъ и чтѣ же видѣтъ? Второе землетрасеніе поглотило въ нихъ отсутствіе почти весь островъ, ии одного жителя не уцѣльо, всѣ до единаго стерты Всемогущею рукою съ лица земли, конечно, въ предостереженіе тѣмъ же Сѣверо-Американцамъ, соотечественникамъ Купера, неизи-мающимъ голосу правды и мудрости Маркъ и Бобъ посмотрѣли, посмотрѣли, сѣди на корабль и поѣхали назадъ.

Таковъ весь романъ. Судя по новымъ романамъ Купера, должно ожидать, что слѣдующій романъ будетъ еще хуже. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, и чтѣ Куперъ былъ въ состояніи подарить свѣту такое произведеніе, какъ: «Шпіонъ», «Послѣдній Монгиканъ», «Путеводитель въ Пустынѣ Къ-несчастію, это почти цѣвѣроятно.

VIII.

СИБОЛЬ.

РАСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ.

Статья седьмая (*).

Путь изъ Минусинска въ Красноярскъ. — Жить-быть простаго народа. — Красноярскъ. — Золотопромышленный людъ. — Красноярская цари. — Отъездъ. — Прогулка по Енисею на плотахъ. — Стражка. — Прогулка до Ангара въ лодкахъ. — Тасъка. — Мурожные-Столбцы. — Пороги. — Шуга. — Наледи. — Село Рыбное. — Равбойники. — Приисковые рабочие. — Тайжныя почты. — Дамскія поздѣни тайгой. — Енисейская тайга.

Возвращенный путь изъ тайги не былъ означенованъ ничѣмъ особыннымъ. Та же самая таежная дорога, тотъ же самый Амыль съ его обрывистыми берегами, та же самая очаровательная природа, даже тѣ же самые, кажется,

комары и мошки, веупускающие случая поживиться человѣческою кровью. Желая сократить время прогулки, удовольствія которой были для насъ такъ чувствительны — мы, возвращаясь назадъ въ сопровожденіи только казака и двухъ конюховъ, употребляли всѣ возможныя усиленія скорѣй добиться до резиденціи.

Въ послѣдній день наездническихъ подвиговъ, мы простились съ Амылемъ и Тубою, переплыть ее въ знакомомъ уже намъ тополевомъ корытѣ. Но лишь-только, послѣ этого, мы вскочили на сѣдла, лошади почуяли, что таежные тропинки кончились, что начинается хорошая дорога, что жильѣ недалеко. Не ожидая понужденія на гайкой, они дружно пошли сначала легко рысью; потомъ, постепенно усиливая бѣгъ, поскакали быстрѣ; наконецъ, понесли насъ чтѣ-есть-духу. Мы летѣли какъ птицы; сѣтки были сорваны и заткнуты за поясъ; вѣтеръ раздувалъ волосы и сѣистѣль въ уши, и мы, въ упоеніи теперъ только постигнутаго наимѣ дикаго наслажденія удалою потѣхой, забывали усталость, которою еще такъ недавно томились. Люди, разгорячаясь сами, горячили и

(*) Первая шесть статей напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1847 года (томы LII, LIII, LIV и LV).

коней, щекотя ихъ бока легкимъ шен-
келемъ и оглашая воздухъ криками,
свистомъ и гиканьемъ.

Растутъ, которому и солидный сто-
личный житель чуть-было не преда-
лся наравнѣ съ простыми конюхами,
подъ вліяніемъ чудныхъ красотъ при-
роды и пропитанного ароматическими
испареніями воздуха — разгуль этотъ
не былъ продолжителенъ: мы очутились
подъ Каратузомъ, взлетѣли на гору,
на которой было расположено селеніе,
и остановились передъ красиевенькимъ
домикомъ, выстроеннымъ въ концѣ
ряда другихъ домовъ и обращеннымъ
лицевою стороною на живописную до-
лину, разстилавшуюся подъ горою.

Тратить лишнее время здѣсь — было
не для чего. Слегка отдохнувъ и заняв-
шись сборами къ дальнѣйшему стран-
ствованію, мы могли въ тотъ же ве-
черъ пуститься въ дорогу.

На другой день, я былъ уже въ Ми-
нусинскѣ и хлопоталъ о томъ, чтобы
совершить отсюда путешествіе водой,
такъ-какъ течениемъ Енисея мы могли
спокойно достигнуть Красноярска, мо-
жетъ-быть, и въ болѣе-продолжитель-
ное время, но за то такими очарова-
тельными мѣстами, съ которыми мо-
гутъ сравняться развѣ только роскош-
ные виды береговъ Оренбоки или Мис-
сисипи.

Особенный интересъ этого плаванія
заключался въ томъ, что здѣсь пред-
ставлялась возможность осмотрѣть всѣ
мѣстами или лѣсами, какъ здѣсь вон-
дуть древнія надписи, и изъѣченія на
каменистыхъ берегахъ рѣки из-
ображенія венцовъ, звѣрей и домаш-
нихъ животныхъ. Изображенія эти,
подобныя тѣмъ, какія встрѣчаются и
по утесамъ рѣки Томи, хотя свидѣ-
тельствуютъ и о младенчествѣ искус-
ства у первобытныхъ обитателей Юж-
ной Сибири, но все-таки доказываютъ,
что эти народы стояли уже на извѣст-
ной степени гражданственаго разви-
тия.

Вѣтъ, чтѣ говорить обѣ этомъ преж-
деѣвшемъ енисейскому губернатору г.
Степанову въ описаніи своего этого

края: «Старинные знаки, начертанные
на утесахъ Енисея, состоять одни —
изъ буквъ, другіе — изъ фигуръ; иные
изображены черной или красной
краской, иные вычеканены. Буквы
на нѣкоторыхъ мѣстахъ изображены
отдѣльно, а на другихъ — въ стро-
номъ порядке; въ семь послѣднихъ
случаѣ составляютъ уже конечно
полныя надписи. Строкъ въ нѣкото-
рыхъ мѣстахъ находится до двадца-
ти. Въ иныхъ мѣстахъ строки распо-
ложены горизонтально, въ другихъ
перпендикулярно. Первые имѣютъ
что-то турецкое, послѣднія — монголь-
ское. Фигуры представляютъ людей
пѣшихъ и конныхъ, безоружныхъ и
со стрѣлами; различныхъ звѣрей и
домашнїй скотъ — медведей, быковъ,
оленей, лошадей, свиней, деревы
хвойныя; круги, похожіе на колеса:
лини прямые, пересѣкающія одна
другую; треугольники, сегменты, се-
канцы, трапеции и разные безвкус-
ные узоры. Можетъ-быть, фигуры
сіи означаютъ то же въ безлюдныхъ
горахъ, что насѣчки на деревьяхъ въ
лѣсахъ дремучихъ, то есть условны
или даже не условные знаки для пред-
охраненія отъ чего-нибудь, или про-
сто для путесѣдованія; а можетъ
быть, заключаютъ въ себѣ какіе-и-
будь заслуживающіе уваженія іерог-
лифи. Я съ своей стороны, могу
только сказать, что точно такихъ же
фигуръ, какъ на утесахъ Минусин-
скаго округа, находятся и на уте-
сахъ Верхней Тунгуски». — Далѣ, г.
Степановъ продолжаетъ: «Во времена
девятнадцатаго пребыванія моего въ
Сибири многіе иностранные путеше-
ственники посещали различные си-
стороны: знаменитый Гумбольдтъ,
норвежскій профессоръ Гансенъ,
лейтенантъ норвежскаго флота Ага-
 молодой неутомимый докторъ Єр-
манъ. Всѣ они съ особенной страстью
къ познаніямъ, не смотря на труды
или жестокость климата, бодрству-
ли посвящали себя на пользу свѣта,
каждый по своимъ занятиямъ, но ни
одинъ изъ нихъ не обратилъ вниманія

на сіі надписи. Паласъ и Спасскій
коснулись ихъ слегка, и послѣдній
сдѣлалъ ихъ извѣстными чрезъ сним-
ки, по сличенію — не совсѣмъ вѣр-
ные. Минъ случилось имѣть ихъ съ
собою въ Маймачинѣ, гдѣ никто не
могъ прочесть ихъ.., Какъ не обидно
въ самомъ дѣлѣ, что мы, Русскіе, об-
ладатели тѣхъ мѣсть, гдѣ кочевало
продолжительное время царственное
стойбище Чинхисъ Хана и гдѣ нахо-
дятся врата, въ которыхъ изъ Монго-
ліи хлынули безчисленныя орды за-
воевателей запада, — не имѣемъ ни-
какого свѣдѣнія о тѣхъ памятникахъ
древности, которые тамъ сохранило
время!... » (1).

Для контраста съ этимъ благород-
нымъ рисенiemъ образованного человѣ-
ка, приведемъ случай, разсказанный
занемнитымъ де-Генниномъ, въ его
запискахъ. Дѣло вѣть въ чёмъ: въ цар-
ствование Петра-Великаго, въ нерчин-
скіе заводы посланъ быль, для глав-
наго начальствованія ими, Голенищевъ-Кутузовъ. Въ маѣ мѣсяца 1722
года, въ чудскихъ копяхъ при Пого-
даевскомъ-Рудникѣ рабочіе нашли дѣль-
вещи, которыя по наружной формѣ
называны были гириами. Гири эти были
сдѣланы изъ мѣди и обратили на себя
особенное вниманіе вычеканенными
на нихъ рѣченіями. Бывшіе здесь въ
это время для осмотра границъ Китай-
цы, которымъ гири были показаны,
осмотрѣли находку, но объявили, что
оны словъ этихъ прочитать не могутъ,
потому-что письмо на нихъ не китай-
ское, не маньчжурское и не «мунгаль-
ское». — Голенищевъ-Кутузовъ поду-
малъ-подумалъ, взять да и вѣльзъ эти
гири перенести въ другое дѣло (2).

(1) «Енисейская Губернія» г. Степано-
ва, 1835. Сочиненіе г. Спасскаго носить
титулъ «De antiquis quibusdam sculpturis
et inscriptiōnib⁹ in Sibiria repertis».

(2) «Записки Генералъ-Лейтенанта де-
Геннин», помѣщены въ «Горючъ Жур-
налъ» за 1828 годъ. Въ числѣ управите-
лей и начальниковъ нерчинскихъ заво-
довъ г. Слюсаревъ въ своемъ «Историче-

Предположеніе наше на-счетъ изы-
ванія, за разными мелочными прене-
стѣніями, не могло состояться. Надо
было бѣхать сухими путемъ и изъ терни-
стасъ миновать ложбины и долмы, узорчато - испещренныя красными
пѣвѣтами.

Дорога отъ Ачинска къ Красноярс-
ку повсемѣстно прерывается горами, и
путникъ, безъ всякихъ барометри-
ческихъ наблюдений, по одному толь-
ко наглядному виду на усиливающую-
ся синеву неба, можетъ, какъ уль-
яряютъ, замѣтить, что онъ поднимается
все выше и выше сравнительно съ
путемъ, которымъ бѣхаль всю дорогу
отъ Урала. Минѣе это хотѣть подтвер-
дить тѣмъ, что самую дорогу, сибир-
скій трактъ въ тотъ конецъ, по не-
правленію къ Красноярску и далѣ къ
Иркутску, народъ называетъ дорогою
снизу, а обратный путь въ Россію — до-
рогою на низъ. Причину этого названія
можно гораздо-проще объяснить по
синевою неба, а наприменіемъ Антар-
иры, въ вершинахъ которой лежитъ
городъ Иркутскъ.

Жаль, что баронъ Гумбольдтъ, во
время путешествія своего по Сибири,
не постыдилъ здѣшнихъ краевъ, достой-
ныхъ изученія великаго геолога и вели-
каго наблюдателя. Еслибы онъ уви-
дѣлъ здѣшній край и повнимательнѣе
посмотрѣлъ на здѣшній людъ, онъ,
можетъ-быть, не сказалъ бы, что Евро-
па кончается Окой, и что даѣтъ
идеть уже настоящая Азія! Намъ,
профанамъ, такъ кажется, что по Си-
бири ёдени-ёдени, а все не видишь
Сибири въ томъ смыслѣ, какъ у насъ
большинство привыкло понимать эту
страну. Другое дѣло — тайга: тутъ
смѣшишь было бы и требовать Европы.
— Мы, простые люди, сравнивая житѣё
и нравственный бытъ здѣшніихъ пре-
столъ съ чужеземными описаніями

скомъ Обозрѣніи Сибири» понимаютъ
кабинет - фурьера Ил. Голенищева-Куту-
зовъ, управлявшаго заводами съ 1720 по
1726 годъ.

того положения, въ которомъ находятся фермеры и простые работники во Франціи и въ Англіи, какъ-то невольно смеешься, что русскій Сибирякъ стоитъ далеко выше земледѣльца про-сдѣленныхъ европейскихъ націй. Мы ужъ не говоримъ此刻 о Екатеринбургѣ или Барнаулѣ—объ этихъ нравственныхъ оазисахъ, населенныхъ людьми высшаго образования, учеными и художниками, о городахъ, которыми любая держава Запада могла бы справедливо гордиться: мы указываемъ только на чернь, на массу народа—населенія этой далекой страны.

Ужъ однажды то, что此刻 женщина—жено, жена — не работница; что большинство здѣшнихъ крестьянъ не носятъ бороды, въ состояніи вести умныя рѣчи, понимаетъ свои нужды, одѣвается съ щегольствомъ, не имѣетъ поганя въ лаптихъ (конечно, лыка не изъ чего взять: въ Сибири липы вѣтъ, кроме очень-немногихъ есть Тобольской-Губерніи и одного пуста на островѣ р. Енисея, близъ Краснодарска); что此刻 здѣшний мужикъ носить хорошую обувь, одѣвается въ чистое бѣлье, живеть въ крѣпкомъ домѣ по-человѣчески, съ удобствами, есть почти каждый день хлѣбушку, пить каждый день чай, не отказываетъ себѣ въ рюмкѣ вина, знаетъ себѣ цѣну и не бываетъ принужденъ ставить себя въ уровень съ животными — одно это доказываетъ, какое пролито此刻 довольство, укоренившееся, впрочемъ, съ давнихъ временъ и еще болѣе развитое постоянно, обширными торговыми сельскими производеніями и домашнимъ скотомъ, особенно въ настоящее время, когда, за уменьшеніемъ числа рабочихъ рукъ и за огромностию требованій, произведенія эти вошли въ дорогую цѣну.

Прошли тѣ времена, нынѣ баснословныя, когда пудъ ржи此刻 продаился много по полтии мѣди, пудъ овса по тридцати копеекъ и около рубля пудъ маса, хотя это было и въ нашихъ времена, при началѣ частной золотопромышленности и только десять лѣтъ назадъ. Нынѣ же, самая нисшая

цѣна на все, въ дешевое время, — въ пять разъ дороже того, что тогда считалось дорогоизною. И это только въ городахъ, а не на приискахъ, где, по причинѣ отдаленности отъ населеній и трудности подвоза, цѣны эти доходятъ до чудовищности: есть мѣста въ дальней тайгѣ, на-примѣръ, по системѣ Подкаменной-Тунгуски, где пудъ хлѣба обходится иногда въ 5 рублей сереб., то-есть, въ двѣнадцать разъ дороже петербургскаго. Поэтому, нынѣ же грудулюбивый крестьянинъ легко можетъ нажить деньги, если только приложитъ малѣйший уходъ за богатою внутренними силами землею. Ова此刻, то-есть, начинаетъ отъ Оби до Енисея, такъ плодородна, что общій выводъ урожая за нѣсколько лѣтъ даетъ слѣдующія цифры: рожь — въ южныхъ предѣлахъ родится самъ-20, въ среднихъ самъ-8; ярица — 9 и 5; пшеница — 13 и 7; овесъ — 9 и 6; ячмень — 10 и 5. не смотря на то, что орудія земледѣльческія помнятъ времена царя Гороха. Лѣтъ за пятнадцать назадъ, въ Красноярскѣ посыпали 12 золотниковъ яицъ скаго ячменя: его уродилось 13 фунтовъ; посыпали его еще 20 фунтовъ — собрали 40 пудовъ; посыпали кырмыкъ 6 пудовъ — собрали 60 пудовъ; сдѣлали пробу съ канарскимъ сѣменемъ, и изъ 3 фунтовъ его уродилось полтора пуда. Такое богатство земли, при обширномъ ея пространствѣ и при полной возможности крестьянину пахать сколько ему угодно и где ему заблагорассудится — естественно, сдѣлали эту страну въ полномъ смыслѣ земледѣльческою и житницею всей Сибири. Церурожанъ рѣдки и ограничиваются небольшими околодками. Изъ замечательныхъ неурожаевъ известны: неурожай 1802 года, въ Нерчинскомъ-Брат; неурожай 1813 года, въ Иркутской Губерніи, и неурожай, посыпавший эти же отдаленные предѣлы въ памятный этого рода бѣдствія 1833 годъ. Правда, неурожай въ сибирскихъ пустыняхъ ужаснѣе всего по отдаленности подвоза; но блестящий налогоръ за запасами хлѣба въ магазинахъ, всѣ

да наполненныхъ исправно прошамъ, избавляетъ край отъ тяжкихъ опасений.

Въ посѣднее время, отсутствіе рабочихъ рукъ и дорогоизна хлѣба были задачею нѣкоторыхъ мечтателей, думавшихъ, какъ бы пособить горю, проистекающему отъ благотворного вліянія золотопромышленности на цѣльный край. Придумывали разные способы, прекрасные на бумагѣ, но рѣшительно недоступные къ исполненію; думали наводнить край иностранными жонглистами, которые переселяются же въ Америку (3); думали приспѣвать ссыльныхъ къ фабрикамъ золотопромышленниковъ, которыхъ слѣдовало обязать вести у себя тѣбовашество; думали и о другихъ, не менѣе хитрыхъ проектахъ, съ первого взгляда весьма-полезныхъ, но при настоящихъ отношеніяхъ пріисковъ къ ихъ хозяевамъ на дѣлѣ невыгодныхъ и невозможныхъ ви для каз-

ны, ни для частныхъ лицъ. Но пока объ этомъ думали, русскій мужичокъ поневолѣ принялъ за болѣе-прилежное обработываніе полей, усилилъ изѣру вознагражденія своихъ трудовъ, набилъ цѣву на всѣ сельскія производствія и до сихъ-поръ не произвелъ нигдѣ на пріискахъ остановки за безхлѣбцемъ. Примѣръ одного возбудилъ и другаго къ усиленіемъ трудамъ и породилъ въ зажиточныхъ крестьянахъ желаніе заняться перекупомъ хлѣба.

Разъ какъ-то, мнѣ случилось заѣхать къ одному крестьянину, чтобы перемѣнить у него юшадей и пообѣдать. Вмѣстѣ со мною подѣхала къ тому же дому тройка добрыхъ коней. Толстый, высокій мужикъ вышелъ изъ долгушики (телея на длинныхъ драгакъ), расправилъ на крыльца усы, обставилъ платье, чтобы оно лучше сидѣло, вытеръ ноги объ разостланную на крыльце кошму и вошелъ въ горницу, сътворивъ крестное знаменіе.

— Здравствуйте, Евсей Петровичъ! сказалъ онъ хозяину, который, сдавъ меня на попеченіе домашнихъ, пошелъ на встрѣчу гостя.

— А! Кунрепинъ Ильичъ! отвѣчалъ тотъ, протягивая гостю руку для пощатія. — Наше вамъ почтеніе! Какъ васъ Богъ милуетъ?

— Ничего-съ! Благодаримъ Создателя: живемъ мало-мало!

— Давно мы не видались!

— Давно же, парень, не видѣлись! А мы къ вамъ по нуждѣ!

— Просимъ присесть; отдохните. — Мамонька, заревите страшкѣ самовара поставить!.. — Ну, чего такого? спросилъ хозяинъ, обращаясь къ гостю.

— А вотъ чайку попьемъ—скажетъ.

За тѣмъ разговоръ принялъ другое направление про посторонніе предметы. Страшкѣ закрыла столь чистой салфеткой, поставила весь чайный приборъ, какъ водится—съ серебряными ложками и прочими принадлежностями, въ числѣ которыхъ первое место занималъ штофъ съ ромомъ, конечно, не ямайскимъ, а обыкновен-

(3) Начиная съ 1883 года по 1862, переселено разнаго звания изъ Россіи въ Сибирь 62,600 душъ мужскаго пола; сослано 7,400 м. п.; съ 1862 по 1709 годъ вновь переведено правительствомъ крестьянъ для заселенія 2,000 м. п.; вновь сослано въ Сибирь на поселеніе около 20,000 м. п.; самозильно принято крестьянъ, крѣпостныхъ и государственныхъ въ старообрядцовъ 28,000 м. Въ 1727 году всѣхъ жителей въ Сибири, кроме кочевыхъ и бродачихъ, считалось 5,500,000. Въ 1747 году, народонаселеніе это возрасло свыше 6,000,000 м. О дальнѣйшемъ заселеніи Сибири мы съѣзжий не имѣемъ, кроме того, что съ 1822 по 1833 годъ туда сослано за разныя преступленія и удалено за проступки: мужчинъ 72,904, женщинъ 10,793, обого пола 83,699 душъ, и что въ промежутокъ времени между седьмую и восьмью народными переписями приращеніе народонаселенія по сибирскимъ губерніямъ выражалось слѣдующими цифрами: въ Тобольской-Губерніи болѣе, чѣмъ на 22%; въ Томской почти на 25%; въ Енисейской почти на 17%; въ Иркутской почти на 29%. («Историческое Обозрѣніе Сибири» Соловьева, 2 ч. 1838 и 1846 г. и «Материалы для Статистики Российской Имперіи» 1839.)

ныть, откупщикииъ. Хозинъ и гость сняли съ себя верхнія одѣжды, остались въ однихъ шараварахъ (которые, изъ противоположности съ великокорс-сийскимъ обыкновенiemъ, носятся всегда сверхъ сапоговъ и поддерживаетъ съ помочами) и цвѣтныхъ рубахахъ и, по мѣстному обычаяу, принялись за трубки. Когда хозяйка заняла свое мѣсто и стала заваривать чай, хозяинъ позвалъ гостю:

— Такъ вы по нѣждѣ?

— Есть мало-мало!

— На-тко-сь?

— Намъ бы хлѣбца: нельзя ли проплатить?

— Пощѣдѣе нельзя? можно!

— А у васъ гдѣ-ка? спросилъ гость акрадчивымъ голосомъ.

— Да у меня съ занѣки домой все свѣдено, въ амбары, отвѣчалъ хозяинъ съ довольной улыбкой.

— Много у васъ туто-ка?

— Однако тысяча-друга мѣста будеть... просимъ покорно чашечку... Хозяйка, подчуи!

Купецъ и продавецъ прекратили разговоры. Каждый изъ нихъ, поднеся къ лоркамъ (ноздрямъ) штофникъ съ видомъ знатока, ухнуль по малости рома, цапнулъ себѣ на блюдечко кипящаго чаюстю китайской травки и сталъ глотать ее съ сильнымъ всхѣбыванiemъ и прихрикиванiemъ. Когда чашка была опрокинута вверхъ дномъ и увѣличана маленькимъ огрызкомъ желтоватаго сахара, разговоръ снова завязался.

— Еще чашечку прикажете?

— Ей-Богу, не могу; благодаримъ покорно, отвѣчалъ гость, отирая выступившій на лицѣ потъ рукавомъ слегка-спущенной съ плеча рубахи.— Такъ, того, какъ же, Евсей Петровичъ? спросилъ онъ послѣ минуты общаго молчания.

— Да вотъ, что вы скажете.

— А мы вѣдь ждемъ.

— А я чего? По мнѣ какъ знаете!

— А велика ль цѣна?

— Возьмемъ по три!

— Однако не ладно!

— А мы бы дакъ?

— А два рубли!

— Однако, нѣты!.. Хозяйка, чаю! Наступило молчание — собесѣдники пили чай.

— Еще чашечку прикушаете?

— Ей-Богу, не могу; благодаримъ покорно... Ну, а хлѣбца?

— Мы поѣздили.

— Мы торговали.

— Не ладно торгууете; я, пожалуй, съ моѣго торга по гривѣ, по другой уступки сдѣлаю.

— А мы тамо-ка по двѣ гривны сами прибавимъ.

— Ужо-молчи мало; не урождайно было!

— Послѣдне слово?

— Два восемь.

— Два двадцать?

— Однако, нѣты!.. Хозяйка, чаю! Снова воцарилось молчаніе.

— Еще чашечку прикушаете?

— Ей-Богу, не могу; благодаримъ покорно!.. А чтѣ, часомъ братаны! Полно уроды (упримиться)... Поберегите вы мой зеленъ (карманъ)! ласково проговорилъ пріѣзжій, слегка потрепавъ хозяина по плечу.

— Пощло на то: ну, два седьмь гривень; по рукамъ!

— Эхма, не хватить!

— А вы чего жъ?

— Два съ четвертью?

— Однако, нѣты!.. Хозяйка, чаю!

Выпивъ еще чайку и раскрасившись ужъ отъ посторонней прымѣси, гость и хозяинъ стали снова торговаться. На этотъ разъ уступлено по пятаку на пудъ. Однако жъ, не сошлись и привились за пятую чашку чая. Эти перемѣны продолжались до-тѣхъ-поръ, пока торгъ не былъ заключенъ по двѣ рубли сорока копѣекъ. Тогда гость, выпивъ послѣднюю чашку, вытащилъ изъ кармана бумажникъ, нѣсколько разъ обвернутый шестрымъ платкомъ, вынувъ изъ него кипу асигнацій, отсчиталъ тысячу рублей и изъ полы въ полу передалъ въ задатокъ хозяину, уговорившись о количествѣ, срокѣ и мѣстѣ, куда хлѣбъ надлежало доставить. Въ заключеніе всего, гость вы-

пиль, закусилъ и изъ-всего уѣхалъ домой въ другую деревню, за нѣсколько десятковъ верстъ. Росписокъ тутъ не было никакихъ: торгъ состоялся на одномъ честномъ словѣ. Вотъ ужъ Азіатъ! И надобно замѣтить, что оба крестьянина не были коротко знакомы, а такъ, съыхали только другъ про друга, что они парни исправные.

Съ самаго начала своего путешествія, яѣхъ, оградицъ себя отъ опасныхъ встрѣчъ саблю и шарю заряженныхъ пистолетовъ. Проѣхавъ слишкомъ шесть тысячъ верстъ и не имѣя ни разу надобности употребить это оружіе въ дѣло противъ дорожныхъ негодяевъ, о которыхъ здѣсь и слыхомъ не слыхать, я отложилъ въ сторону всякое беспокойство о воображаемыхъ опасностяхъ и убѣдился вполнѣ, что въ Сибири несравненно меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, случаются у проѣзжающихъ кражи, не говоря уже о насилии.

Однажды, подъезжая въ теплую лѣтнюю ночь къ Красноярску, станціи за три оттуда, я довѣрчиво спалъ въ тарантасѣ. Вдругъ страшный шумъ и крики разбудили меня.

— Что такое? спросилъ я, высунувъ голову изъ кузова.

— Гора крута; кони не ташутъ (не везутъ)..., вишь вѣдь лѣтій! заворчалъ ящикъ, стегнувъ порядочно одну изъ приставныхъ.

— Дай имъ вздохнуть, вѣ бей! Вотъ мы съ человѣкомъ выѣзжемъ вонъ — легче будетъ.

Не смотря на уменьшеніе груза, лошаденки плохо вѣдывали: тяжесть почти-висящаго экипажа невольно тянула ихъ подъ гору. Ящику одному трудно было справиться: надобно было и мнѣ съ Никитой приняться за подиогу. Вдвоемъ съ нимъ мы понаперли сзади и, сколько было силъ, подталкивали тарантасъ сверху, время отъ времени подкладывая подъ шины обломки камней, чтобы колеса не катились и чтобы въ эти промежутки люди и лошади цѣнноюко отдохнули. Дѣло какъ-то удавалось: мы вѣзъздали

на небольшую плоскадку близъ вершины высокой горы. Намъ оставалось добраться до послѣдняго не слишкомъ-крутаго возвышенія. Лошади перестали задыхаться; ящикъ обдернулъ на нихъ сбрую, поправилъ у бычка (коренной лошади) хомутикъ и, подбирая вожжи, крикнулъ подозрительнымъ басомъ:

— Нутко вы — пора!

— Нутко вы — пора! громко повторилъ такою же голосомъ сзади.

— Нутко вы — пора! глухо подхватилъ кто-то внизу на мостикѣ.

Это что значитъ? подумалъ я, услышавъ перекличку, которая не могла мнѣ понравиться. Я смолчалъ, но оглынулся. Никого; голоса смолкли. Я окинулся взоромъ мѣстности. Дорога была пробита въ горѣ. Впереди, за послѣднимъ возвышеніемъ и по сторонамъ дороги ничего не видно. Внизу, прямо подъ нами, небольшой ручеекъ гѣнко журчалъ въ тишинѣ ночи.. Новади нась стояла такая же высокая и крутая гора, какъ и та, на которой находились мы одни — одинѣхонки. Кругомъ мрачный лѣсъ оторачивалъ прошастъ, которая чернѣла въ промытомъ водою рѣ. Едва свѣтало; заря чуть-чуть брезжила за дальними вершинами. Вездѣ пусто и дико.

— Не робѣй — не бойсь! крикнула опять ящикъ.

— Не робѣйтъ — не бойсь! лаственное отвѣчалъ голосъ съ противоположной горы.

— Не робѣйтъ — не бойсь! раздалось подъ ногами.

— О, змѣиная натура! подумалъ я. Ты думаешь, мы съ тобой не сиранимъся? Постой же! Я кинулся за пистолетами — но, увы! они у меня лежали въ чехоланѣ, на самомъ низу экипажа. Я сталъ искать саблю — но вспомнилъ, что и ту подарилъ казаку въ Каратувѣ. Чѣмъ было дѣлать? Не-уже-ли безмолвно подставить шею разбойникамъ, которые видимо сковорились съ ящикомъ-злодѣемъ?

— Ну, разъ, два! окомандовалъ предавъ, помахивая бичомъ.

— Разъ, два! отвѣчалъ одинъ разбѣдикъ.

— Разъ, два! отвѣчалъ другой разбѣдикъ.

— А вотъ тебѣ и три, мошеникъ!.. Никита, вѣжъ его, кашалью! сказалъ я, своему слугѣ, не разбирая бормотавшихъ въ сторонѣ голосовъ и кинувшись на немъянка.

— Фу, ты, баринъ! воскликнулъ удивленный крестьянинъ.— испугалъ было совсѣмъ!

— Фу, ты, баринъ! испугалъ было совсѣмъ! отвѣчалъ другой голосъ, рѣмительно съ тою же интонациею.

— Фу, ты, баринъ! испугалъ было совсѣмъ! раздалось въдъ горою..

Тутъ только и узналъ, что эхо такъ жестоко подсмѣялось надо мною; а Никита, чтобы больше въ этомъ увѣриться, долго еще съ миѳомъ аукался, покрикивая и всхлипывая на разныя манеры.

На слѣдующее утро намъ привелось проѣзжать черезъ одно селеніе, соединенное изъ пѣсколькихъ деревень, съ небольшими промежутками. Главная улица этого селенія, отъ начала первой деревни до конца послѣдней, продолжалась верстъ на семь, не включая сюда посѣтницы, или огражденнаго лѣгкою нагородью деревенскаго выгосна для домашнаго скота. Посѣтница обыкновенно занимаетъ жѣсто на три версты кругомъ отъ концовъ деревни.

Послѣднюю станицю мыѣхали все въ гору. Наконецъ, отлогость эта, теряясь на востокѣ, вдругъ остановилась передъ самимъ городомъ и открыла передъ нами окруженнную возвышеностями яму, въ которой расположень Красноярскъ.

Городъ этотъ построенъ въ 1628 году и названъ настоящимъ своимъ именемъ потому, что окружень отовсюду ярами, или обрывами глинистыхъ уваловъ краснаго цвѣта.

Гостиницъ въ Красноярскѣ нѣть. Я остановился въ постояломъ дому на берегу Енисея. Прямо противъ моихъ очей возвышались гористыя стѣны

другого берега, по склону которого живописно лѣшились прекрасныя, бѣгатыя деревни Торгомово и Басанка. Высоко надъ окружающими ихъ горами вѣдьмалась сопка Кызыль съ бѣчатою гранитною вершиной. Но утромъ густой туманъ испареній плотнымъ покровомъ скрываетъ ихъ отъ взора. Но мало — по — малу отдѣльные клубы утреннихъ облаковъ размыгаются, скользятъ по уклонамъ, лѣниво переворачиваются, поднимаются все выше и выше, вѣячаютъ Кызыль и потомъ скрываются въ лазуревой глубинѣ неба. Здѣсь Енисей горадо-шире Невы, и если городскую сторону рѣки грѣшило сравнивать съ нашей Англійской-Набережной, за то противоположный берегъ, по своей громадности и грандиозности, не можетъ нести въ уровень съ Васильевскимъ Островомъ и съ его мелкими четырехэтажными домиками.

Главная улица, изъ числа немногихъ красноярскихъ улицъ, тянется черезъ весь городъ версты на три. Это красноярскій Невскій-Проспектъ. Улица эта, съ одного конца вѣснящая рыхлымъ пескомъ, съ другого обѣлагая въ родѣ шоссе, съ обѣихъ сторонъ украшена широкими деревянными троттуарами и доставляетъ удобное мѣсто для прогулки. Вирочень, красноярскіе жители вовсе не охотни до пѣшаго хождѣнія: пѣштюю ходить тамъ означаетъ дурной тонъ. Съ одной стороны, восточной, улица эта упирается въ соборъ, стоящий на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Качи въ Енисей. Съ другой стороны, она какъ-будто заслонена Черной-Сопкой, высокую одинокою горою, которая какъ гигантъ господствуетъ надъ всѣми окрестностями; но громадность и яркою зеленою раскинутаго на вѣтѣ лѣса она сближаетъ даль и заставляетъ забыть восьмиверстное расстояніе, отдѣляющее ее отъ города.

Подойдя къ собору, окруженному каменномъ оградою, любитель природы можетъ спокойно отдохнуть тутъ деревянномъ павильонѣ, на самомъ

мысу и любоваться окрестными видами, отъ которыхъ новому человѣку глязъ не вѣялъ оторвать.

Енисей, вырвавшись съ запада и пробивъ себѣ дорогу между отвесныхъ, крутыхъ и высокихъ скалъ, быстро и, до первого вѣтра, спокойно катить свои холодныя воды, гармонически вспышетъ о края множества временныхъ острововъ, наполненныхъ дичью, и позволяетъ предпринимчивому охотнику далеко разгуливать по своему, мѣстамъ обнаженному ложу. Воздухъ чистъ, сухъ и прощаченъ до такой степени, что въ ясные дни утромъ, въ полдень и вечеромъ можно, такъ сказать, глазомъ уловить тонкія, лучистыя испаренія, освобождаемыя зеленью, окружающей павильонъ площадки, и за версту различать движенія на противоположномъ берегу. Въ этомъ самой мѣстѣ, река дѣлаетъ неизпанный поворотъ въ сторону и своимъ разломомъ образуетъ пространную долину; съ обѣихъ сторонъ, ее обхватываютъ дикие неприступные берега, сверху до низу унизанные зеленою гѣсью и кустарникомъ. Зелень эта, по мѣрѣ отдаленія отъ наблюдателя, незамѣтно измѣняетъ свой цвѣтъ тысячами тѣней и, наконецъ, сливается съ синевою горизонта, прорѣзанного въ этомъ направлении Ботойскою-Скалою.

Черная-Сонка привѣтливо заманивала меня прогуляться подъ тѣнистыя свои вершины. Насъ собралась цѣлая мавалькада, и мы верхами отправились туда завтрашать. Проскакавъ на-рысяхъ городъ и поля, мы подъѣхали къ Сонкѣ и на коняхъ вообразили до зловивы высоты. Здѣсь мы привязали лошадей къ деревьямъ и стали подниматься на вершину, скользя по травѣ и поминутно зацепляясь за кустарники. Подвиги наши были вознаграждены видами, какихъ въ Петербургѣ нѣгдѣ сыскать. Съ Черной-Сонки однимъ взглядомъ можно окинуть всѣ окрестности; но лучшій видъ — это видъ на городъ Малевый Красноярскъ показался изъ Вавилономъ временъ Семи-

рамиды и чуть-ли не первымъ по огромности городомъ въ мѣрѣ. Сначала, видишь длинный улицы близъ-лежащаго селенія, обрамленныя великолѣпными садами. Даѣще, за садами, снова появляются строенія, вытянутыя по ниткѣ и кажущіяся какъ-будто загородными дворцами, красивыми и уютными. Потомъ идутъ опять сады и расположенный гирляндами аллеи, снова опоясывающія зданія; наконецъ, въ туманной дали, церковь. Невольно спрашивашася себя: откуда все это взялось? Кажется, въ Красноярскѣ ни дворцовъ, ни аллей, ничего подобнаго не водится. Опять смотришь на городъ, и опять видишь богатыя зданія, далеко раскинувшіяся и утонувшія въ яркой зелени садовъ. И только привыкнуть къ этому обману зрѣнія, сѣумѣшь отдать себѣ отчетъ въ дѣствительности. Густые кустарники съ волнообразными вѣрхушками, покрываючи все пространство острововъ, кажутся съ высоты садами. Между ними сверкаютъ волны игриваго Енисея, тогда-какъ онъ весь въсплоненъ крутымъ берегомъ; общественный садъ и одинокія деревья въ городѣ — помогаютъ очарованію; а острова, сливаясь въ одно цѣлое, такъ сокращаютъ разстояніе, что и береговая селенія пажутся продолженiemъ города. Наконецъ, узнаёшь и дворцы, за которыйѣ прежде принимали частные дворы и казенные магазины (4).

Поѣзда наша па Кызыль въ Базайху ограничилась вссельмъ пиршествомъ. На самую вершину не было возможности взобраться: она, какъ Арапатъ, не попирается стопами профановъ. Однакожъ, мы все-таки поѣздили по здѣшнимъ лѣсамъ, восхищаясь живописными долинами и узкими горными разсыпинами; видѣли пезвичательной величинѣ естественную арку, пробитую усилиями природы насквозь и служащую самодѣльнымъ мостомъ съ одной тропинки на другую;

(4) « Енисейская-Губернія »; Степанова.

бросали съ одной горы по ея покатымъ глыбы камней, которыи рикошетомъ скакали по ея уклону, ускользнули свой бѣгъ и съ шумомъ и звономъ раскатывались по долинѣ; убили тутъ двухъ тетерекъ и, довольные собой, возвращались домой.

Въ Красноярскѣ три особенности обращаются на себя вниманіе каждого.

Первое—то, что съ самаго полудня, въ-продолженіе трехъ часовъ, постоянно дуетъ вѣтеръ по направлению главной улицы, то-есть, съ западной стороны. Это объясняютъ тѣмъ, что крутые утесы, между которыми Енисей протекаетъ на пространствѣ 120 верстъ, образуютъ собою стѣны сжатыя, обрывистыя, занесенные почти вездѣ на такую высоту, что солнце только съ полудня начинаетъ освещать и согрѣвать ихъ. Временное теплоторное влияніе его на воздухъ, крайне-оклажденный въ прочее время дня, необходимо должно нарушать равновѣсіе температуры.

Вторая особенность—это песчаные вихри и мятли, которые оставили по-радочные по себѣ памятники и сдѣлали многія мѣста въ городѣ почти непроходимыми. На этотъ счетъ рассказываютъ, что на западной сторонѣ города, надъ крутымъ берегомъ Енисея, была нѣкогда превосходная роща строеваго лѣса. Но такъ-какъ у каждого жителя почти на все свою руку была владыко, то рощу эту всю вырубили, такъ-что теперь малѣйшаго скѣда ея не замѣтило. На этомъ самомъ мѣстѣ воздвиглись песчаныя горы, съ которыхъ песокъ не только засыпалъ улицы, но завалилъ даже село Ладейское, лежащее въ семи верстахъ отсюда на противоположномъ берегу Енисея. Когда рѣка, переставъ наводнить окрестности, покойно течетъ между островами въ обыкновенныхъ руслахъ своихъ—песчаныя мели появляются наружу, и длинными косами тянутся на далѣкое пространство, образуя бесплодные острова даже среди течения рѣки. Въ это время, западный вѣтеръ, дулъ изъ трубъ утесовъ въ обна-

женный песокъ, поднимать его за высокіе берега, крутить по улицамъ и переносить на другую сторону рѣки. Природа и тутъ прежде человѣка позабылась исправить его ошибочность: жидкій березнякъ разросся кѣльмъ лѣсомъ во многихъ мѣстахъ бывшихъ хвойныхъ деревъ⁽⁵⁾.

Третья особенность—ранній лѣтній путь. На послѣднихъ двухъ станціяхъ къ Красноярску, начинаясь юзданіе на колесахъ тогда, когда на остальной протяженіи большой дороги къ Томску спокойно продолжаютъ кататься на саняхъ, время-отъ-времени поджигаетъ мороза.

Случаю познакомился я въ Красноярскѣ съ человѣкомъ, которому рѣшительно не вѣзло въ золотомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ разговорились про пріиски; но замѣтилъ, и очень-ясно, что онъ недоволенъ бывшими усилиями другихъ и огорченъ собственными неудачами.

— Красноярскъ еще больше, чѣмъ Томскъ, говорилъ онъ мнѣ: — пустыня въ золотопромышленности. Всѣ, отъ первого до послѣд资料, посредственно или непосредственно, участвуютъ адѣль въ пріисковыхъ операцияхъ. Торговый классъ, имѣющій уже определенное занятіе — сбыть заводскій или мануфактурныхъ произведеній, кромѣ торговли, почти непремѣнно занимается добычей золота въ разсыпахъ и за одну и ту же новинкость участвуетъ такимъ образомъ въ двухъ совершенно отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Согласитесь сами: ведь съ первого раза какъ-то дико видѣть за прилавкомъ почтеннаго ветоцианта, который отмѣриваетъ приходящему покупателю аршинъ дешевъ и тѣсемокъ или завертываетъ въ бумагу бутылку вина, а между тѣмъ самъ же разъясняетъ, что на пріискахъ у него можетъ восьмой пудъ золота?

— А Богъ съ нимъ! Я тутъ ничего особеннаго не вижу, кромѣ того, что

(5) Ibid.

этому человѣку тѣжело быть безъ по-
стоянного занятія, и что онъ предпо-
читаетъ трудъ бедѣлью...

— Но у насъ и такъ бывало, что лю-
ди, по своему сословію неимѣющіе
правъ на золотопромышленность, ни-
сколько не стѣснялись въ изобрѣтеніи
способовъ участвовать въ этихъ опе-
раціяхъ, не смотря на запрещеніе за-
кона, который требуетъ, чтобы всякий
желающій быть золотопромышленни-
комъ — записался не менѣе какъ во
вторую гильдію и имѣлъ привилегію,
или дозволеніе Министерства Финан-
совъ искать золота. Русскій человѣкъ
хитръ и находчивъ. Онъ знаетъ, что
нынѣчѣ болѣе не выдаются привилегіи,
что переписка въ гильдію стоитъ лиши-
нихъ денегъ, и что титулъ золотопро-
мышленника — самъ-по- себѣ пустой
звукъ: тутъ, говорить, дѣло не въ на-
значеніи, а дѣло въ дѣлѣ.

— Извините; я васъ не совсѣмъ по-
нимаютъ: чѣмъ вы именно хотите этимъ
сказать?

— А то, что, благодаря общей испор-
ченности человѣческой природы и
подъяческой натурѣ нѣкоторыхъ из-
браниковъ, нынѣчѣ придуманы вѣр-
ные средства, дающія каждому, кому угодно,
возможность искать золото,
добывать его и получать барышъ безъ
гильдіи и безъ привилегій: были бы
деньги! Конечно, все это дѣлается вѣ-
тихомолку, чтобы было шико и кре-
то, не гласно и не дошло до чуткаго
уха блюстителей законовъ, кото-
рые, вѣдь Богъ ихъ знаетъ! могутъ
перетолковать это въ дурную сто-
рону: могутъ сказать, что здесь
казна терпѣть убытокъ; могутъ, по-
жалуй, подвести ихъ подъ такую ста-
тью нового Уложенія, которая подоб-
ные спекуляціи прямо называется хоть
и звучнымъ; но вовсе не академиче-
скимъ выраженіемъ. Вотъ, для того-
го, чтобы не довести себя до грѣха—
дѣла эти хранятся въ ненарушимой
тайнѣ. Одинъ юристъ, который, по
мѣсту своего служенія, не долженъ
быть заниматься этого рода дѣ-
лами, старался ловить мѣръ, но слу-

чаю нѣкотораго обстоятельства, что
если человѣку хочется попытать свое
счастіе на поприщѣ золотопромышле-
нности, а онъ не успѣлъ получить до-
звolenія на это, то ему стѣтъ только
кликнуть кличъ, учредить компанію
подъ щитомъ какого-нибудь подстав-
наго лица, обладающаго привилегіей
— и дѣло кончено!

— Ну, какое же тутъ злоупотребле-
ніе? Тутъ дѣло въ фирмѣ! Для этого
довольно одного имени, а не десятковъ
именъ всѣхъ участниковъ. Всегда, ве-
здѣ и во всѣхъ коммерческихъ обще-
ствахъ такъ дѣлалось!

— Но если обстоятельства и разные
случаи жизни таковы, что человѣку
невозможно быть гласнымъ членомъ
компаніи, тогда что?

— Тогда онъ и не будетъ членомъ
компаніи!

— Нѣтъ, ужъ извините! У насъ и
это дѣло можно легко уладить и обез-
печить свою часть крѣпко сѣтью
разныхъ ловкихъ домашнихъ актовъ
или и открытымъ, формальнымъ обя-
зательствомъ о выплатѣ «предъявите-
лю» столькихъ-то процентовъ съ чи-
стаго барыша компаніи или по столь-
ку-то сотню рублей серебромъ съ каж-
даго добытаго пуда золота. Да маю ли
и другихъ, не столь грубыхъ, а болѣе
утонченныхъ приемовъ? Если дѣла
пойдутъ хорошо и человѣкъ поразож-
дается — ну, тогда скромный счастли-
вецъ-невидимка выступитъ на сцену
во всеузвѣніе. Если онъ былъ иѣща-
нинъ — онъ запишется въ гильдію,
сдѣлается почтеннымъ негоціантомъ,
положить основаніе новому торговому
дому, поступить въ члены попечитель-
ныхъ заведеній, будетъ носить ши-
тый каftанъ и саблю — значитъ, буд-
етъ играть первостепенную роль въ
кругу бывшихъ своихъ товарищѣй. А
если это чиновникъ такого управления,
членамъ котораго запрещено прини-
мать участіе въ золотопромышленности
— онъ перемѣнитъ тогда родъ службы,
или выйдетъ совсѣмъ въ отставку. Съ
полнымъ карманомъ онъ важно сой-
детъ съ чреды служенія отечеству и

будет жить бариномъ, напутствуемъ благословеніемъ вдѣль и сиротъ, которыхъ каждую субботу онъ щедрою рукою самъ станетъ раздавать по пол-копейкѣ серебра въ милостыню.

— Но развѣ это есть? спросилъ я съ изумлениемъ.

— Я не говорю, что это есть, но вы видите, что это легко можетъ быть. Я вамъ вотъ еще что скажу, продолжалъ онъ далѣе: — чѣмъ дольѣ вы будете заниматься въ Сибири, чѣмъ болѣе будете входить въ заколдованный кругъ золотопромышленности, тѣмъ болѣе становите ссыпать толковъ въ такъ-называемыхъ компанийонахъ. Эти люди тонкими памеками даютъ знать при первомъ же разговорѣ, что они не-какіе-нибудь мелкие труженики, а участники въ барышахъ такого-то значительного лица, или такой-то могущественной компании, обеспечившій ихъ участъ подписками, свидѣтельствами и иными документами. Они бываютъ трехъ разрядовъ. Одни, то-есть, большая часть, — люди истинно-благородные, которые ждутъ-себѣ свою дорогою прямо и чистотою своиѣ дѣйствій пріобрѣтаютъ общее уваженіе. Другіе изъ нихъ — имѣютъ въ виду одну цѣль, собственную наживу, и помощію двойной итальянской бухгалтеріи выставляютъ по отчетамъ своимъ довѣрителямъ двойные во всемъ суммы такъ искусно, что неопытному глазу покажется, будто суммы эти поставлены только въ одинъ рядъ. Нѣкоторые изъ нихъ, забывъ о людахъ, которымъ они взялись посвящать свои труды, не упускаютъ случая входить въ сношенія съ постоянно-ропнами лицами и сбывать имъ такие пріиски, которые обогатили бы тѣхъ, кому по совѣсти должны были принадлежать. Трети, наконецъ, имѣютъ въ виду пользу своихъ довѣрителей, тѣсно-связанную съ ихъ собственными выгодами. Въ отихъ видахъ они гремать громкими именами членовъ своей компании, трубятъ всѣми въ уши о небывалыхъ ея мыльонахъ, продаютъ простакамъ пустые пріиски, забѣря въ выгодности честью своихъ

довѣрителей, обморочиваются поку-щика фирмой своей компании, въ числѣ членовъ которой попадаются иногда имена весьма-хорошо знакомыхъ публикѣ, и пріобрѣтаютъ сами новые пріиски грѣшными жѣрами јѣздѣ и прѣтензій людямъ, которымъ трудно даромъ съискать себѣ протекцію, особенно, если дѣло сопровождается ущербомъ какихъ-нибудь обрядовъ, иногда мелочныхъ, къ которымъ можно быть симоходительнымъ въ отношеніи простаковъ, незнакомыхъ со всѣми тонкостями юриспруденціи. Нынче далеко не то, что въ старину бывало; по мы, свидѣтели всѣхъ прежнихъ споровъ, чѣмѣръ и оттятившій, помнить это бывалое направленіе и жалѣть только, что благородные лѣвѣрители не знаютъ, не вѣдаютъ, что незапятнанныя дотолѣ въ имена служить у насъ или блестящей выѣской темной западни, въ которую люди, облеченные ихъ довѣріемъ, заявляютъ новичковъ, или надежными он-готомъ, который въ состояніи прокрыть сущажническіе подвиги лицъ, нерав-бирающихъ средства для достиженія заманчивой цѣли... Теперь этихъ людей очень- мало, и они замѣтно не-реводятся на бѣлокъ сѣть... Остались, говорить, еще кой-гдѣ астрѣбы и вороны, но они забылись въ такія непрокодинныя трущобы, что о существованіи ихъ можно только подозрѣвать, и то лишь по аналогіи къ прочему миру, гдѣ зло непремѣнно перешло съ добромъ.

• Кромѣ этихъ маленькихъ-зем-кихъ людей, со всѣми прыличными э-трибуатами людей очень-почтенныхъ, адѣсь, какъ и въ Томскѣ, гурьбой лѣжаются къ ванъ смиренныя лица съ предложениемъ указать на богатую розсыпь. И пріемы одни, и результаты тѣ же, съ тою разницей, что тамъ богатства Крева были погребены въ донинахъ рѣчки Ушайки, а адѣсь открылось, что они разбросаны по рѣчкамъ Качѣ и Манѣ..

Я вѣрю, что это все, можетъ-быть, рассказы, и рассказы неправдиво-об-

ные; но если даже предположить, что действительно существовали такие не-многочисленные выродки, которые, заглушавъ въ себѣ сознаніе долга, съ-уиѣли скрыть свои дѣйствія отъ бли-дальнаго ока карательнаго закона въ темныхъ закоулкахъ хитрыхъ про-исковъ, за то, съ другой стороны, мы тѣмъ болѣе считаемъ адѣль необходимымъ указать на остальное большинство—на цвѣты золотопромышленности, на людей, которые дѣяніями своими пріобрѣли неотъемлемое право казнь на укажденіе къ нимъ-самимъ, такъ и на сочувствіе къ разработанной ими отрасли государственного хозяйства.

Мы не станемъ говорить про огромные капиталы, которыми они, носредствомъ или всесредствомъ, усилили государственные доходы. Про это го-ворить не стоитъ: это слабая и притомъ невольная дань правительству, облег-чавшему всѣмъ доступъ къ быстрому обогащению; само-собой разумѣется, что за это должна быть полная при-знателность и первомачальнымъ от-крывателей розыпней. Не будемъ го-ворить и про развитіе въ отдаленіи краѣ многихъ отраслей промышле-нности, чѣмъ было необходимоимъ съд-ствіемъ производства золотой добычи, хотя и въ ущербъ многаго, что дол-жно было бы идти своимъ поряд-комъ къ лучшему. Предметъ этотъ мы предоставляемъ обсужденію эконо-нистовъ и не беремся въ нашихъ бѣг-лыхъ и краткихъ очеркахъ вдаваться въ разрѣшеніе ученыхъ вопросовъ. Укажемъ на то, что ближе къ намъ, что доступно всѣмъ — и на первомъ планѣ поставить то добро, которое за-висѣло исключительно отъ произвола частнаго лица. На-примѣръ, трудно назвать хотя одного человѣка изъ чи-сла золотопромышленниковъ, который не пожертвовалъ бы отъ достатковъ своихъ чѣмъ-либо на облегченіе участія бѣдныхъ-своихъ собратій, на спо-собствованіе видамъ правительства къ распросстраненію просвѣщенія въ род-ной сторонѣ и на призрѣніе сырыхъ и убогихъ. Но, скажутъ: « жертвовать

деньги на бѣдныхъ можно, когда кар-манъ полонъ: и Царвостатейный що-жертвовать сто рублей въ-миліонѣ!». Такъ. Но у всяаго ли есть потреб-ность думы жертвовать хоть что-ни-будь для бѣдныхъ? Не въ собствен-номъ ли нашемъ примѣрѣ заключается отрицательный на это отвѣтъ? Еслиъ въ подмогу нашему петербургскому Обществу Просвѣщенія Бѣдныхъ каж-дый житель петербургскій удѣлилъ для нового года только по серебряно-му пинтачуку, тогда составился бы ка-питаль въ 25 тысячъ рублей сереб-ромъ — капиталъ, достаточный для значительного усиленія средствъ Об-щества. Малы покажутся жертвы Си-бириаковъ для Бѣдныхъ или для хра-мовъ Божіихъ — мы укажемъ на отчуж-деніе въ пользу благотворительныхъ заведеній не мелочными, сравнитель-но съ состояніемъ доброхотныхъ дат-цевъ суммами, а цѣльми капиталами, вещественными или денежными. Мы можемъ указать на безкорыстныя траты для сознаній необходимости расширить и укоренить въ дальнѣхъ краяхъ разные фабрики и заводы при такихъ обстоятельствахъ, когда пельзя еще было гадательно опредѣлить: воз-наградятся ли эти траты выгодами и личными барышами. Мы можемъ ука-зать на подобный пожертвованія ка-питалами для распространенія вну-тренней торговли, на учрежденіе па-роходства на Байкалѣ, на заведеніе па-роходныхъ сообщеній по всѣмъ рѣ-камъ, связывающимъ Европейскую Россію съ Восточною Сибирью, на всегдашнюю готовность большинства золотопромышленниковъ содѣйствовать всякому полезному предпріятію, съ полнымъ рвениемъ отвѣтить на вызовъ правительства, где требуется сочув-ствіе его видамъ со стороны мѣстныхъ капиталистовъ, и на множество дру-гихъ подвиговъ высокаго нравствен-наго чувства такъ или иначе жить для пользы отечества—подвиговъ, которые вызываютъ признателность, доказы-ваютъ, что вездѣ больше хорошаго, чѣмъ дурнаго, выставляютъ величность

русской души въ самомъ блестящемъ видѣ...

Въ Красноярскѣ я бывалъ въ то время, когда здѣсь, въ началѣ лѣта, собирались всѣ важнѣйшіе дѣйствователи золотого промысла. Тутъ были сами золотопромышленники, здѣшніе жители и приѣзжие изъ другихъ городовъ, все люди извѣстные по газетамъ и притомъ привыкшіе за правило лично быть на пріискахъ и слѣдить за всѣмъ строгимъ собственнымъ наблюденіемъ. Это похвальное правило имѣло слѣдствіемъ то, что ихъ-то именно пріиски и ставятся въ образецъ порядка и благоустройства, тогда-какъ этими достоинствами весьма-редко могутъ похвальиться пріиски тѣхъ хозяевъ, которые туда вовсе не заглядываютъ, а довѣряютъ во всемъ прикащикамъ. Тутъ были представители весьма-извѣстныхъ компаний, неусѣвшіе еще разъѣхаться по промысламъ, потому-что имъ предстояли совѣщанія съ отводчиками площадей на-счетъ послѣдовавленныхъ пріисковъ. Тутъ были и горный ревизоръ—отъ правительства поставленное лицо для надзора за правильностью горныхъ разработокъ и для подавлія иногда надлежащихъ совѣтовъ золотопромышленникъ. Горные исправники олицетворяли собою земскую полицію за сохраненіемъ об-

щихъ законовъ благоустройства и благочинія въ предоставленномъ каждому изъ нихъ отдѣль золотопромышленного округа Енисейского-Уѣзда. Высшая полиція, наблюденіе за всѣмъ, чтѣдѣется въ тайгѣ, преслѣдованіе преступокъ, которыхъ положительные законы не могутъ предвидѣть, но которые прямо осуждаются совѣтствомъ, какъ явное оскорблѣніе чужаго права,—весь этотъ высший, болѣе нравственій надзоръ сосредоточивается въ лице «команданта», въ званіи, которое общій голосъ присвоиваетъ поставляемому здѣсь законами, независимо отъ губернскаго штаб-офицера, штаб-офицеру жандармскаго корпуса при золотыхъ пріискахъ». Только эти блюстители общественнаго порядка, основываясь на силѣ своей власти, союзными силами съ мѣстными чинами, могли прекратить, уничтожить тѣ буйныя нарушенія правъ, которыхъ могли случиться въ темномъ лѣсѣ въ мѣстахъ, где трудно, почти невозможно слѣдить за поступками всего народонаселенія, раскиданаго на необозримыхъ пространствахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы предлагаемъ взглянуть на объемъ земель, занимаемыхъ уѣздами или округами трехъ сибирскихъ губерній, Тобольской, Томской и Енисейской.

Тобольский округъ занимаетъ пространство 11,500,000 квадратныхъ десятинъ.

Тюменскій	—	—	—	1,700,000	—	—
Ялуторовскій	—	—	—	1,800,000	—	—
Курганскій	—	—	—	2,000,000	—	—
Туринскій	—	—	—	7,800,000	—	—
Ишимскій	—	—	—	3,500,000	—	—
Тарскій	—	—	—	9,800,000	—	—
Тюкалинскій	—	—	—	3,200,000	—	—
Березовскій	—	—	—	85,000,000	—	—
Омскій	—	—	—	800,000	—	—
Петропавловскій	—	—	—	650,000	—	—
Семипалатинскій	—	—	—	2,100,000	—	—
Устькаменогорскій	—	—	—	500,000	—	—
Томскій	—	—	—	24,300,000	—	—
Канискій	—	—	—	9,100,000	—	—
Кольцансій	—	—	—	7,600,000	—	—
Барнаульскій	—	—	—	6,875,000	—	—
Енискій	—	—	—	13,300,000	—	—

Кузнецкий (6)	округъ занимаетъ пространство 7,000,000 квадратныхъ десятинъ.		
Красноярский	—	—	7,300 верстъ.
Ачинскій	—	—	50,000 —
Канская	—	—	50,000 —
Минусинскій	—	—	болѣе 110,000 —
Енисейскій (7)	—	—	болѣе 2,600,000 —

Теперь забыты ужасы дикой тайги; вышли изъ памяти жителей страшныя дѣла «Общества Пустынниковъ» томскихъ и канскихъ лебрей; не слышно стало о разбояхъ по дорогамъ; кончились убийства возвращавшихся съ пріисковъ рабочихъ; прекратились тайные питейные выставки и сокрытые въ кустарникахъ уединенныхъ острововъ большихъ рѣкъ запрещенные продажи, гдѣ мелкие торгаши наизывали свои товары разгулявшейся черни, спаивали ее виномъ и обирали дочиста, навьючивъ ее кипами негодныхъ произведений; положенъ предѣль усиленными работами, выходящими изъ черты общаго урочного положения; прекратилась высыпка съ пріисковъ людей удрученныхъ болѣзнями и гибель ихъ отъ бесприютнаго скитаальства по лѣсамъ въ лишеніяхъ отъ недостатка пищи и теплой одежды. Все это вѣо уничтожено въ самомъ кориѣ, погублено въ самомъ зародыши. Надобно только вспомнить про страшную даль, про недоступность для бдительного надзора, и тогда только можно сознать и въ душѣ раздѣлить то благоговѣніе, которымъ невольно проникаешься къ грозному мечу правды. Велики были усилия правительства; тяжки были труды людей, избранныхъ имъ для укорененія въ пустынной глухи владычества закона; но подвигъ совершился, край благоденствуетъ и благословляетъ руку, осыпающую его дарами благими и сѣющую добрыя сѣмена на ненеблагодарной почвѣ.

Въ кругу ли этихъ людей, изъ которыхъ каждый занимается своимъ дѣломъ по крайнему своему разумѣнію,

стъ сознаніемъ своего долга, по чистой совѣсти, прійдеть на умъ искать предметъ для удовлетворенія общаго каждому прѣѣзжему желанія посѣщаться надъ провинціалами, да еще въ общемъ и полномъ ихъ собраніи? Нѣть! стрѣлы, которая хочется пустить за крайности, невольно срывающія улыбку, тутится о предметы, заслуживающіе того, чтобы на нихъ смотрѣть съ серѣйной точки. И въ чёмъ же здѣсь искать провинціализма? Не болѣе ли обширное поле представляеть намъ наша столица? На каждой шагу мы у себя встрѣчаемъ толпы людей, блестящихъ по наружности, но при каждомъ случаѣ обнаруживающихъ или допотопность своихъ понятій, или невѣжественный образъ мыслей, или дикость замашекъ, или, наконецъ, странность своихъ странностей. Недоросли—и тѣ, если только они были въ Сибири—перевелись всѣ они со всѣхъ концовъ обширной имперіи стеклисѧ въ Москву и въ Петербургъ и стройными рядами рыщутъ по кандитерскимъ, клубамъ, театрамъ и маскарадамъ, сбросивъ съ себя тришкины цафтаны и облекшись въ модные платья первыхъ столичныхъ портныхъ. Но въ высшемъ, т. е. образованномъ слоѣ сибирского общества, провинціаловъ и не сидишь. Другое дѣло мелкие кружки, разбросанные по всюду по Сибири: тамъ хотя рѣдко, но все же пошадаются рѣзкія наимености. Но мы не хотимъ выносить соръ изъ избы и выставлять на посѣщаше то, чтѣ не есть ип зло, ии благо, а тѣсть себѣ, мелочь. А безъ этой мелочи, дѣйствительно, трудно схватить такую

(6) Материалы для статистики Россійской Имперіи 1839 года.

(7) «Енисейская Губернія» Г. Степанова 1835.

особенность, которая прямо бы говорила, что вотъ это Красноярскъ, а это не Красноярскъ. Скажемъ только, что большие сибирские города — всѣ на одинъ покрой и различаются отъ нашихъ городовъ развѣ только тѣмъ, что тамъ всѣ ёдятъ чудныхъ стерлядей, очень дурную икру, которую тамъ не умѣютъ приготовлять, бреагаютъ ершами, не имѣютъ понятія о ракахъ, не разводятъ кореньевъ для стола (8), и покупаютъ яблоки и сайки фунтами, хлѣбъ въ зернѣ и въ муѣ пудами, а не четвертями, печеньй хлѣбъ иногда на взглѣдъ, хлѣбъ на корню и єжатый суслонами (по десяти спичекъ каждыи), сѣно концами, масло бесменами (2½ фунта), собблей и бѣлокъ сороками — вотъ и все! Въ семейной жизни царствуетъ патріархальность: супруги обожаютъ другъ друга; романсы и драмы чрезвычайно рѣдки... однажды, слушаются; дѣтей держать въ почтеніи и — въ страхѣ. Лѣтомъ съ июня по октябрь городъ пустѣ и тихъ: всѣ разѣзываются на пріиски.

Въ Красноярскѣ жителей немногого; круглымъ числомъ считаются до восьми тысячъ человѣкъ. Общественное воспитаніе сосредоточено въ уѣздахъ и приходскихъ училищахъ; гимназіи вѣтъ; богатые родители вѣдѣсь, какъ и въ Томскѣ, выписываютъ для дѣтей своихъ домашнихъ на-

ставниковъ изъ обѣихъ столицъ и, кромѣ того, приглашаютъ иностраннѣй гувернёровъ и гувернантокъ. — Въ городе двѣ площади, старая и новая, и на каждой по каменному гостиному двору. Новый гостинный дворъ, изящной архитектуры, прилегаетъ къ публичному саду, въ который съ 1822 года обращенъ прежде бывшій городской выгонъ для скота. На новой же площади строится великолѣпный новый соборъ на огромные ступы, изъ жертвованій почти исключительно однини золотопромышленниками. Въ старомъ соборѣ есть колокольня, даръ царя Алексія Михаиловича, и образъ св. Адександра Невскаго, присланій цокойнымъ императоромъ. — Въ городе двѣ кондитерскія — одна за главной улицѣ, другая въ парижскомъ общественномъ саду. Каменныхъ зданій много. — Независимо отъ множества лавокъ русскихъ купцовъ, есть французскій магазинъ русскихъ товаровъ Адібера, навсегда расширяющагося съ Парижемъ. — Въ Красноярскѣ господствуетъ дороживанія, еще болѣе ощущительная, чѣмъ въ Томскѣ. Но, чтобы постигнуть вполнѣ эту дороживанію, мы прилагаемъ здѣсь расписаніе цѣнъ (на серебро) главныхъ предметахъ потребленія за прошлее и за нынѣшнее время въ самомъ гороѣ Красноярскѣ (9).

Въ 1832 и 1833 г.

Мука ржаная.	пудъ отъ	5 до 14	коп.
Рожь.	.	.	.
Пшеница	.	.	.
Пшеничная мука.	пудъ отъ	7 до 20	коп.
Гречневая крупа.	.	23 до 28	.
Овѣсъ.	.	5 до 10	.
Сѣно.	цѣлый вовзъ	40 до 85	.
Говядина	пудъ	40 до 50	.
Масло коровье.	.	1½ до 2	руб.
Кедровые орѣхи.	.	57	коп.

Въ моловинѣ сентября 1847 г.

куль.	10	руб.	67	коп.
четверть	9	.	22	.
.	12	.	37	.
.	.	.	.	.
.	13	.	65	.
куль.	8	.	31	.
пудъ	—	.	48	.
.	3*	.	—	.
.	6*	.	—	.
.	5	.	15*	.

(8) Нѣть сельдерей, цетрушки, спаржи, артишоковъ и проч., но за то есть огурцы преогромные, арбузы средней-руки и дыни; сѣютъ въ горшцу и разводятъ со домашнимъ уксусомъ, а въ случаѣ нужды и простынь красить, прѣмыть и безъ солода.

(9) Сѣдѣнія эти извлечены нами за прошлее время изъ «Описания Енисейской Губерніи» г. Степанова; за 1847 годъ изъ «Ирбіскской книжки «Журнал Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», а отмѣченія вѣдѣдочной изъ частного изданія.

		Въ 1832 и 1833 г.	въ половинѣ сентябрь 1847 г.
Кожи	штука	1 р. 15 коп.	3 руб. 50 ^ц коп.
Теленокъ		70	7 ^ц . . . . .
Рыбчиковъ	пара	6	— : 60 ^ц . . . . .
Осетръ въ 2 и 3 п. шт. отъ 3 р. 40 к. до 5 р. 15 к.	отъ 10 до 14 ^ц		
Стерлядь большая пудъ		11 коп.	— : 50 ^ц . . . . .
Квартира комнаты 4 въ голъ.		30 руб. [*]	330 ^ц . . . . .
Содержаніе на постояломъ			
дворѣ въ сутки		12 ^ц коп.	1½ и 2 ^ц . . . . .

Въ продолженіе этого периода времени, справочныя цѣны на ржаную муку и на овесъ въ городѣ Красноярскѣ состояли слѣдующія:

Ржаная мука за куль.

въ началѣ	въ серединѣ	въ концѣ
года.	года.	года.
р. к.	р. к.	р. к.
1833. • 91	• 82	• 99
1834. 1 22	1 22	• 98
1835. • 90	• 96	• 90
1841. • —	3 15	3 6
1843. 3 30	3 48	3 45
1846. • —	8 60	9 33
1847. • —	(10 67)	—

Овесъ за куль.

въ началѣ	въ серединѣ	въ концѣ
года.	года.	года.
р. к.	р. к.	р. к.
1833. • 56	• 53½	• 63
1834. • 75	• —	• 51
1835. • 59	• 51	• 46
1841. 3 35	2 —	2 5
1843. 2 —	2 7	2 43
1846. • —	5 52	5 85
1847. • —	(8 31)	—

Плата за доставку клади изъ Томска въ Иркутскъ, около полуторы тысячи верстъ, возрасла отъ 20 и 28 копеекъ серебромъ до трехъ рублей серебромъ съ пуда.

Въ Красноярскѣ случай свѣль меня съ обществомъ прѣѣзжихъ золотоискателей, которыми, такъ же какъ и мною, предстояла путь на промысла, расположенные по системѣ рѣки Большой-Мурожной. Получивъ приглашеніе отправиться вмѣстѣ съ ними, я предоставилъ себѣ въ полное ихъ распоряженіе и заранѣе одобрилъ ихъ выборъ способовъ совершилъ нашу поездку.

T. LVI. — Онд. VIII.

Утвержденный общимъ согласiemъ планъ путешествія состоялъ въ томъ, чтобы въ Красноярскѣ заказать два плота достаточной величины, устроить на одномъ изъ нихъ палатку для нась самихъ, конѣщіе для десяти человѣкъ рабочихъ, канатныхъ прѣѣзжакъ, а на другомъ—удобные стойла для двадцати-семи лошадей, купленныхъ ими для прѣѣзжакъ, и сдѣлать особое място для складки тяжестей, которыми надлежало наряжать лошадей на сухомъ пути.

Мы должны были отправиться изъ Красноярска внизъ по Енисею до Стрѣлки, или до соединенія съ Енисеемъ рѣки Ангары, впадающей въ него съ правой стороны; это составляло верстъ 150, если не болѣе; оттуда канальдой отправиться въ деревню Кулакову, лежащую на лѣвомъ берегу рѣки Тасѣвой, при самомъ устьѣ ея въ рѣку Ангару, или Большую или Верхнюю-Тунгуску, въ 75 верстахъ отъ Енисея. Въ Кулаковой намъ надлежало напасть что случится, плотъ или лодку, и подняться вверхъ по Ангарѣ до села Рыбнаго, на противоположной сторонѣ рѣки, въ 55 верстахъ отъ устья Тасѣвой. Отъ самой Стрѣлки на нашемъ плоту невозможно было плыть вверхъ по Ангарѣ, потому-что тутъ постѣднѣе ея пороги, въ пяти верстахъ отъ устья, представляли естественное препятствіе подводными камнями и высунувшимися изъ-подъ воды: вершинами утесовъ. Наконецъ, изъ Рыбнаго намъ надлежало настоящимъ таѣжнымъ трактомъ отправиться къ цѣлямъ всѣхъ нашихъ стремленій.

Палатка наша была устроена превосходно; было гдѣ и посидѣть, и по-

лежать, и даже покодить. Въ Красноярскѣ мы закупили всего, чтѣ могло избавить насъ отъ непріятнаго удовольствія питаться цѣлое лѣто одними сухарями да вяленою говядиною. Отъ мяса вообще мы все-таки должны были отказаться по неволѣ: лѣтомъ оно должно было испортиться, да и вынуть его неловко.

День отправленія насталъ. Мы взошли на плоть, уложили все по мѣстамъ, провозгласили приличные тосты и при громѣ ружейныхъ выстрѣловъ отчалили подъ счастливыми предвзименованіями: былъ четвергокъ — легкій день, и при отѣздѣ надъ нами проился мгновенный дождь.

Выѣхавъ на главное русло, мы очутились среди живописной водной долины. Быстро катился Енисей; ни одной волной не колыхались его текучія струи; мы не чувствовали ни малѣшаго колебанія. Казалось, не мы несемся впередъ, а берега бѣгутъ назадъ и шире и шире раздвигаются передъ глазами свои каменистыя стѣны. Городъ все дальнѣе отъ насъ удалялся; но онъ не исчезалъ изъ глазъ: онъ уменьшалъ только свое очерченіе, становился меньше и меньше и долго еще напоминалъ о своемъ существованіи яркою бѣлизною зданій, освѣщенными вечернимъ солнцемъ. Между нами и городомъ появилось въ воздухѣ какое-то мерцаніе, точно креоновая пелена разыссилась и волновалась передъ глазами. Это *мѣрсекъ*: сквозь него дрожали знакомые намъ ландшафты. Скала, за которую мы занеруши, начала всплюнть отъ насъ Красноярскъ. Онъ сокращался все болѣе и болѣе, съувылся въ одну полосу, превратился въ одну линію — и исчезъ.

Связь наша съ людьми теперь, кавадось, рушилась: мы остались один въ глухой дали, въ необитаемой пустынѣ, въ которой не видно было ни одной деревушки, не было ничего, что связывало бы насъ съ остальными мирамъ. Грусть напала на душу; хотѣлось разѣлить ее, раскрыть свое сердце, высказать невольную тоску,

развѣять безутѣшныя мечты, толпами роившіяся въ головѣ... но, Боже мой, я забылъ сѣту! Пришлося покинуть міръ фантазій и обратиться къ житѣскому, потому-что комары и мошки изѣли все лицо и руки. Мученія, съ которыми я уже познакомился въ тайгѣ — ничто въ сравненіи съ тѣмъ испытаніями, который я теперь переносилъ отъ этихъ ужасныхъ наскѣмыхъ. Они здѣсь, на водѣ, носились еще большими массами, чѣмъ въ лѣсу. Въ занятіяхъ обѣ отправленія я забылъ о необходимой предосторожности и теперь очень-хорошо узналъ, что значить комаръ и что мошка: чѣмъ и мойѣ спутникамъ надолго они останутся въ памяти.

Междудѣнье, приближалась ночь; надо было подумать и о желудкѣ. За одинющъ отдѣлкѣ нашего плюта устроена была очагъ, и на мѣстѣ, усыпанномъ землей и камнями, мы развели огонь. Только здѣсь, въ дыму отъ головѣшекъ, можно было найти защиту и спасти лицо отъ Ѣдкихъ узелей. Однакожъ, это не могло быть продолжительно; надлежало придумать другое, болѣе-удобное средство: обвязать лицо платкомъ, или не выходить изъ палатки и постоянно выкуривать нашихъ враговъ дыромъ.

Такъ мы и сдѣлали. Скоро въ зашемь скромномъ помѣщеньи закурилось пойно; потомъ дашумѣлъ самоваръ и раздался звонъ стакановъ; аппетитъ отъ сырости былъ возбужденъ въ сильной степени, и долго мы сидѣли за столомъ, сопровождая бесѣду нашу самодѣльнымъ ужиномъ и ароматическимъ чаемъ, разведеннымъ во вкусной енисейской водѣ. Дышъ жестокоѣль глаза и исторгали потоки слѣзъ: но не смотря на сирадъ, который все было проникнуто, комаръ и мошка кусали насъ беспощадно и вынуждали на конвульсивныя и довольно-весерѣзныя движения, особенно въ то время, когда со всѣ начинать смыкатъ раскраснѣвшіяся вѣжды, а ночной холодъ пробиралъ корозомъ все тѣло

и ведаю насъ въ лихорадочный ознобъ.

Въ противоположность общепринятой манерѣ ложиться спать, мы не только не смѣли раздѣтъся, но еще принуждены были окутаться потешѣ и утѣшившися образомъ въ перчаткахъ, шапкѣ и съ обвязаннымъ лицомъ расположиться на мягкихъ, сравнительно, постеляхъ. Легкое колебание плата наше укачивало, щелестъ и звучные вслески влажной стихіи о бревна и доски наше убаюкивали и, съ одной стороны, въ таинственныхъ словахъ напоминали пѣсни о бѣгѣ Енисея къ роскошной Ангарѣ, а съ другой стороны, приводили на память давнишніе безплодные споры о томъ, какъ слѣдуетъ называть Енисей по соединеніи его съ Ангарою—Ангарою, или въ-самомъ-дѣлѣ Енисеемъ, какъ его все добрые люди зовутъ.

На утро, мы были изумлены страннымъ стукомъ, который раздавался съ вершинъ береговыхъ утесовъ. Говорятъ, что это драка ланей и сохатыхъ и битва ихъ между собою на рогахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, прислушиваясь къ ихъ вознѣ, мы сообразили, что эти беспрестанные звуки не могли происходить ни отъ чего иного, какъ отъ ударовъ крѣпкихъ роговъ объ рога; мы только никакъ не могли поймать изъ-за чего эти тихія и скромныя животный подняли между собой такую перепалку. Не успѣли еще мы проѣхать мѣста, откуда раздавался стукъ сраженія, какъ увидѣли, что одинъ изъ членовъ этого рогоноснаго доколѣнія со всего разбѣга шлѣпнулся въ Енисей, вытянувшись впередъ ноги и заkipувъ назадъ голову, какъ-будто изъ боязни, чтобы предостеречь себя отъ головокруженія при паденіи съ порядочной высоты. Мы, однакожъ, не могли замѣтить, благополучно ли онъ переплылъ рѣку или погибъ въ быстринахъ. Да намъ, признаться, и не до того было.

Этотъ ничтожный самъ-по-себѣ случай врѣзался намъ въ память и подалъ поводъ къ сравненію участія сибирен-

ной лани съ людскою участіемъ. Не такъ ли, молъ, и нашъ братъ, утомившися въ борьбѣ съ мелкимъ горемъ, кидается, очерта голову, въ омутъ тяжкихъ испытаній? Вынесетъ его какая-нибудь волна на берегъ — ладно! а не справится онъ съ бурнымъ течениемъ — никому до него и дѣлать нѣтъ! Ну, пусть бы ужъ закрутило его на самой быстринѣ—все какъ-то не такъ таако: одинъ конецъ, по-крайней-мѣрѣ! А то вѣдь нѣтъ: пересилить человѣкъ всѣ опасности, вынырнетъ изъ пропасти и подплыветъ ужъ къ берегу; но крутыя стѣны утесовъ не даютъ ему возможности спастись, какъ онъ тутъ ни карабкайся. Видѣть вѣстѣ и гибель и спасеніе бѣдный труженикъ, томится онъ страшными муками, а все надѣется: авось судьба помилуетъ! Не-ужъ-ли гордая скала теперь меня отвергнетъ? Не-ужъ-ли бурная волна опять меня отторгнетъ? Но наступаетъ роковая минута, набѣгааетъ девятый валъ и расшибаетъ несчастнаго пловца о тотъ же спасительный берегъ! И ни одна живая душа не откликается на его призываные вопли...

Междудѣмъ, мы подплыли къ деревне Залѣво. Здѣсь мы запаслись сѣтками, вымазали лошадей, гдѣ сльдовало, легтемъ и взяли отсюда къ себѣ вожака, то-есть, юцмана, простаго прибрежнаго крестьянинаго, познаніемъ котораго вѣрили свою участіе при перѣѣздѣ черезъ страшный, какъ говорили, порогъ, находящійся на пути нашего плаванія.

Енисей течеть здѣсь чрезвычайно-быстро; говорятъ, что онъ обыкновенно пробѣгаетъ 10, а мѣстами и 20 верстъ въ часъ, и что будто-бы при устьѣ Кана онъ дѣлаетъ по 50 верстъ въ-продолженіе того же времени.

Быстро Енисей и страшный порогъ заставили насъ привадуматься. Чтобы хоть немножко страхнуть съ себя охватившую насъ робость, мы приступили съ разспросами къ вожаку, толстому и молчаливому рыбаку. Но онъ, вовсе самъ не заводя рѣчи, поглядывая на насъ изъ-подѣбъ и

отвѣчать не то грубо, не то злово, а какъ-то особенно, неохотно, отрывисто-глупо.

— А чтѣ, любезный: я, чай, здѣсь Дева... то-бишь, Енисей... быстро течеть? спросилъ вожака одинъ изъ насть: онъ въ первый разъ въ жизни выѣхалъ изъ Петербурга и потому каждую значительную рѣку называлъ, по привычкѣ, Невой.

— Ну-у! утверждительно отвѣчалъ вожакъ, не удостоивъ его взоромъ.

— А въ вѣтеръ здѣсь каково? Я думаю, волны такъ и хлещутъ?

— Погоди — узнаешь!

— Впрочемъ, здѣсь, я думаю, благополучно можно плавать? Опасаться нечего?

— Сверногъ!

— Какъ свернется? Что значитъ свернется?

— Свернется — и ковецъ!

— А разъѣ бывали эти случаи?

— Ну-у!.. (то-есть — еще бы нѣтъ!)

— Давно ли?

— Часто!

— Ну, чтѣ жъ?

— Куди!

Вопрошатель сильно почесалъ въ затылокъ.

— Гдѣ жъ у васъ тутъ порогъ? спросялъ другой собесѣдникъ.

— Скоро!

— Опасный?

— Дивно!

— Это водонадъ?

Вожакъ только посмотрѣлъ на до-просчина, но не отвѣчать ни слова.

— Тутъ этакой каскадъ бѣть?

Вожакъ все молчалъ; слова «водонадъ» и «каскадъ» ему были неизвѣс-твомы.

— Какой же это порогъ у вѣсъ? Вотъ этакъ вода бѣть? спросилъ любопыт-ный, размахивая рукой и желая передать доцману свои понятія объ Имат-рѣ или о Ниагарѣ. — У вѣсъ доть этакъ же? продолжалъ онъ.

— Швеергъ! крикнулъ доцманъ, съ зевнемъ намѣренiemъ отвязаться отъ докучливыхъ вопросовъ.

— Чѣ-о? Чѣ-о, тако? спросилъ и отвѣчивший.

— Кармачулы! еще громче кри-кнулъ нераазговорчивый Сабира, и отвернулся, чтобы запасти свою коротеньку гамазу.

Теперь мы, въ свою очередь, этихъ словъ не понимали и снова пристушили къ вожаку; но онъ только машиналъ рукой и сталъ внимательно смотрѣть ширь.

Шивера! Кармачулы!.. Должно быть, страшно! Въ-самомъ-дѣлѣ, чю доброго, перевернишь еще наша плоть, и помилай какъ-ава! Мы со-брали сойтъ и, по краткому разсужде-нию, рѣшили: находящійся при насъ воздушный кирштененскій тифакъ не-медленно надуть воздухомъ и въ слу-чай, чего Боже сохрани! какого-либо несчастія, употребить его какъ един-ственное средство спасенія. Работа приводилась къ концу; машина уже завинчивалася — вдругъ раздался по-велительный голосъ вожака:

— Садитесь!.. Молитесь!.. Порогъ!

— Гдѣ? гдѣ? спросили мы въ одни голосъ.

— Ужо скоро! Хлѣба съ солью! прив-баштиль вожакъ, крикнувъ властителю Никитѣ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Веди-ному!.. Есть часы?.. Смотри! Разомъ фефыхъ!

Вожакъ задержалъ ногами и одной рукой руль, сбросилъ съ себя шапку, взялъ въ другую руку краюху хлѣба съ солью, побормоталъ что-то подъ нею и съ благоговѣніемъ бросилъ въ воду, водяному на жертву. Мы, за-готовивъ поближе воздушную перину, выхватили часы и, въ ожиданіи каstra-да, по которому намъ надежда, мож-етъ-быть, перекинуться, стали счи-дить за теченіемъ рѣки.

Енисей въ это время представилъ странное зрѣлице. На немъ не было глади, не было раби, не было волызъ въ томъ видѣ, какъ мы, Петербургцы, привыкли ихъ себѣ представлять. — было что-то особенное, какъ-будто кипѣніе. Бѣздрастно-вѣдьмавшись

но всему видимому пространству беспорядочны, острая возвышенія воды нызотинались другъ обь друга, хлестались изъ-стороны-въ-сторону, раскатывались пѣлою массою, перескакивали одно черезъ другое, крутились въ различныхъ мѣстахъ и издавали особенные шумные звуки, похожіе на вопли и стоны вѣтра во время бури. Но вѣтра не было; однако же, шумъ этотъ былъ такъ оглушителенъ, что намъ нужно было почти кричать, чтобы услышать другъ друга, хоть мы и близко стояли, все въ одномъ мѣстѣ, кучной. Среди этого клоночущаго движенья воды ясно было замѣтно кѣсколько отдельныхъ течений, и каждое изъ нихъ съ явною правильностью извивалось, по зевольханной площади воды, текучей струей. Вожакъ направлялъ нашъ плотъ именно по одной изъ этихъ струй. Потомъ все принялъ обыкновенный видъ.

— Чего стоните? крикнулъ вожакъ въ нашу сторону.

— Гдѣ же порогъ? спросили мы, все еще не отходя отъ перилъ и не спуская глазъ съ карманныхъ часовъ: ужъ двадцать-пять минутъ прошло, какъ мы все ждемъ порога.

— Э!.. эна! взразилъ вожакъ, махнувъ рукой назадъ.

— Какъ? развѣ мы проѣхали?

— Ну-у-у! отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, по которому можно было догадаться, что онъ хотѣлъ сказать:—разумѣется, бестолочь вы этакая!

Такъ что жь это за порогъ такой? Мы ожидали Богъ-знаетъ чего, а вышли—ничего. Тутъ мы узнали, что съ самаго начала мы въ десять минутъ пробѣжали двухъ-верстное пространство такъ-называемаго подпорожья, или шиверовъ, или каменныхъ переборовъ, розсыпей, усыпавшихъ все дно реки огромными валунами, и потомъ въ семь минутъ мы пролетѣли самый порогъ въ три версты, состоящей изъ кармачуловъ, или скалъ, тянувшихся отъ одного берега до другаго и совершенно скрытыхъ подъ водою. Говорятъ, что въ малую воду порогъ втотъ

при неблагопріятномъ вѣтре действитель но опасенъ, и не разъ погибали тутъ лодки съ пловцами и барки съ хлѣбомъ. Мыѣхали въ большую воду и безъ малѣшаго вѣтра: значитъ, не могли видѣть порогъ во всей его ужасной красотѣ.

Шаконецъ, мы прибыли на Стрѣлку, къ устью Ангары, противъ Каргинскаго Почтоваго Отдѣлнія, стоящаго на хвостѣ берегу Енисея, между Красноярскомъ и Енисейскомъ.

Здѣсь, на Стрѣлкѣ, три деревни лежатъ близко одна отъ другой: Савина, Стрѣлкинская и Коновщина. Въ одной изъ нихъ, мы остановились и для временнаго пребыванія своего избрали первую попавшуюся избу.

— А! ваше почтеніе, милости просимъ! сказала хозяйка, протягивая каждому изъ насъ руку по-англійски и приглашая садиться на стоящий въ переднемъ углу подъ образами диванъ.

— Здравствуй, здравствуй, любезный! Ну, ступай съ Богомъ! Оставь насть! отвѣчалъ одинъ изъ нашей компаніи, вообразивъ, что, вѣроятно, некрѣпостной Сибирякъ лѣтѣтъ къ нему целовать руку и, конечно, неминуемо сшибнется въ расчетѣ.

— Поштодъ, поштодъ! мы и тутъ носадимъ, чтобъ вамъ не скучно было. Вы рѣдники?

— Чѣмъ?

— Вы, примѣрно, по золотарской части єдете?

— Да! отвѣчалъ тотъ, усмѣхнувшись:— я єду на пріиски.

— Вотъ, сударь! А чьихъ хозяевъ?

— Я самъ хозяинъ! отвѣчалъ обиженный пріѣзжій:— у меня тутъ свой пріиски.

— Вотъ какъ! А чьихъ вы, почтенный, пишетесь?

— Я, любезный, тебѣ не почтенный: я чиновникъ, коллежскій секретарь — его высокоблагородие! А компанія наша называется: Сибирское Золотопромышленное Братство князя Мусатова-Усатова: понимаешь? Слышишь?

— Виць ты какъ оно! Не слыхали мы, почтенный, такого! отвѣчалъ приступшій хозяинъ, покачавъ головою.

— Ну, ступай же, любезный, ступай съ Богомъ къ себѣ въ избу; да вели намъ приготовить ужинъ.

— Ну, ужъ, ваше почтенство, извините: у насъ ничего не припасено.

— Какъ ничего? Что-нибудь да вѣрно есть?

— Есть-то есть что поесть, да гдѣ-ка вамъ наше християнско кушать.

— Да вѣдь у тебя есть творогъ?

— Творогу какъ, поди, не найти.

— И молоко есть?

— И молоко есть.

— Такъ чего жъ еще?

— Да чего тутъ ужинать? У насъ, пожалуй, и пѣстрокиша будетъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! Можно бы ио деревнѣ курочку поискать да куинть, а не то однихъ яицъ.

— Куры да яйца и дома есть; да что это за кушанье! Вамъ бы, поди, говядина?

— Мало ли чего нѣтъ, да гдѣ жъ ее взять?

— У меня есть; отъ обѣда осталась, да холодная.

— Все равно; давай сюда!

— Али бы, можетъ, стерляди? У меня, правда, есть пяточъ, да не варены.

— Только подавай: мы ужъ сами распорядимся! сказалъ напѣхъ хлопотуихъ, обрадовавшись, что все появились, благодаря привычкѣ здѣшнихъ християнъ изъ лакомыхъ блюдамъ, особенно, когда подъ рукой и нельма и стерляди. Красную рыбу вздѣсь промылиаютъ самоловами, которые безпрестанно встрѣчаются по Енисею и по Ангарѣ. Самоловъ есть родъ перегородки съ толстыми удами и приманками; онъ вставляется близъ береговъ поперекъ теченія рѣки.

Хозяинъ отдалъ приказанія страпонѣ и видимо не хотѣлъ выходить изъ комнаты. Въ Франтовскомъ, для его сословія, халатъ, накинутомъ сверхъ плосовыѣ щароваръ и яркой цвѣтной

рубахи, онъ разсѣлся на стулѣ тутъ же съ нами и закурилъ трубку, набивъ ее табакомъ изъ кисета гордаго чиновника, испросивъ напередъ его позволенія. Вѣжливая безцеремонность хозяина мнѣ очень понравилась. Казалось, онъ думалъ такъ: вы, говорить, тамъ чтѣ хотите, а я у себя въ домѣ господинъ: вы вѣдь не чиновники наши — значитъ, васъ бояться нечего. Посидимъ вмѣстѣ, потолкуемъ.

— Ты крестьянинъ? спросилъ я, заходя съ нимъ разговоръ.

— Крестьянинъ! отвѣчалъ онъ, пынувъ на меня дымомъ.

— Землю пашешь?

— Эна чего? бѣзъ земли чѣмъ и жить!

— А многа у тебя земли подъ пашней?

— Своей десятины двадцать въ полѣ будеть, али побольше.

— Теперь рабочая пора: отъ-чего же ты дома?

— Да далеко-шибко; у веэръ тамо-за работники, и парнишка присматриваетъ.

— А чѣмъ ты самъ занимашся вѣдь?

— А всяко случито! И на шлоту сплавить, и добрыхъ людей привезть, и хлѣбца купить — мало ли чего!

— Ну, и выгодно?

— Да, кормиться можно; времена только нынѣче шибко-плохи стали.

— А что?

— Да подступу ни къ чему нѣтъ бѣда да и только!

— Отъ-чего жъ такъ?

— Пріисково дивно!

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, все туда тащуть.

— Стало, сбыть великанъ?

— Дивно: такъ съ рукамъ и разутъ!

— Ну, и слава Богу; вѣмъ же лучше!

— Не всяко же лучше: все туда, да туда, а сами ни съ чѣмъ.

— По тебѣ судить — тебѣ, кажется, хорошо веаетъ, нѣ на что пожаловать ся. Изба у тебя славная!

— Да вотъ третье вѣто поставилъ.

— Земли много!

— Нештб—Бога благодарить.
 — Всего въ волю!
 — Сытому какъ не быть!
 — Чего жъ тебѣ еще?
 — Эхъ, ваше почтенство, ваше почтенство! не знаю, какъ васъ тамо-ка величать: деньги-то нынче дороги! Серебряный рубль работнику подѣяншины даемъ, да еще корми его! Шутка? Лошадка падеть — сто рублей! А гдѣ ихъ достанешь? Копѣшка сѣна — та три гривенника! Сколько скотинка-то скушаетъ? А какъ работниковъ еще не заманишь къ себѣ — такъ тутъ же и конецъ: некѣмъ взять — нештб и возьмешь! И приходится на разные выду мки пускаться; и то не скоро разбогатѣешь, коли мало-мало совсѣмъ зарѣть и не пойдешь на обиду. Вотъ у меня сосѣдъ напротивъ живетъ: эво, что вышка-то новая; вотъ дѣлецъ — такъ дѣлецъ. Не одна, поди, тысяча лежитъ въ сундуке!

— Что жъ тутъ такого удивительного?.. Раузумѣется, честные труды приносятъ плодъ сторицею.

— Нѣть, не этимъ онъ живетъ, а хлѣбомъ торгуетъ; и такой дѣшлый парень (пройдоха, выжига, тѣртый кашачъ), такъ всѣхъ бѣдныхъ и окрутилъ здѣсь. Какъ прийдетъ время платить подушнины, онъ чистыми деньгами ихъ и одѣляетъ, а назадъ беретъ съ ростомъ сейчасъ же, какъ хлѣбъ уберутъ, и не деньгами — гдѣ бѣдному взять денегъ? — а хлѣбомъ по той цѣнѣ, какую самъ назначитъ. Время выходитъ такое, что прикащики съ промысловъ еще не выѣдутъ, а хлѣбъ-то ужъ сжать — молотить надо. Какъ хлѣбъ-то онъ весь у мужика оберетъ — тому и нѣчего дѣлать: ни самому поѣсть, ни скотину прокормить; а изъ зимы надо и шубѣнку, и того, и другаго. Идеть къ сосѣду и опять забирается на срокъ до весны. Къ веснѣ денегъ у мужика опять нѣту-ка. Онъ въ тѣ поры и пойдетъ молить сосѣда. Сосѣдъ готовъ ждать; но за пожданье нужно прибавить роста, не то — лопадку свѣдѣть со двора, али платье, какое получше, возьметъ, че то набу-

отниметъ. А ужъ про женочъ — курычи, или поросенокъ — это не въ счетъ: это идетъ на поклонъ! Какъ прийдетъ времѧ къ разсчету, хлѣбецъ-то какъ соѣнуть, сосѣдъ-то мужику на счетахъ и прикинетъ, и выйдѣть, что у того опять ничего не остается. Да въ годи-ка два онъ мужичка изведетъ до того, что у него ни кола, ни двора, весь въ долгу, какъ въ шелку. И остается дѣл дороги: или идти по-миру, или идти къ сосѣду въ кабалу; а ужъ коли въ кабалу пойдешь — тутъ ему и конецъ!

— Ну, бѣднакъ пойдешь на пріски, разбогатѣеть!

— Нѣть, ваше почтеніе! По-нашему, пошелъ на пріски — пиши прошло: всякаго недобраго нахватается, будеть буянъ, картёжникъ... ужъ мы знаемъ!

— Что жъ вы до начальства не доведете о злыхъ людяхъ? Раазъ начальство не смотрить?

— Какъ не смотрить! Да узнай про это начальство — такъ богатому сосѣду бѣда будетъ хуже всякаго диха! У насъ исправникъ такой отецъ, что мы все за него Бога молимъ, рѣдкостный человѣкъ, да до его ушей жалобы наши никакъ не дойдутъ. Я донесу — меня все будутъ бѣгать, какъ допо-счика; нужны доказательства — а гдѣ ихъ взять? А если и будутъ — самъ же сосѣдъ скажетъ, что никакихъ долговъ не бывало: на одномъ потеряетъ, на другомъ все воротить. А сами-то бѣдные не смыть жалиться: съ боятымъ сосѣдомъ самъ волостной писарь дружбу ведеть: онъ бѣдника со свѣту сгонитъ, чтѣ заходочетъ — то и дѣлаетъ, да еще исправнику въ уши наружить всякое недобroe.

Что жъ это за волостной писарь? Волостной писарь — мужикъ въ немѣцкомъ платьѣ. Онъ выбирается изъ грамотныхъ крестьянъ или изъ поселенцевъ и, по кругу занятій, есть правая рука исправника, который, временно только съ нимъ видался, не въ силахъ проникнуть его государства. Въ отсутствіе исправника, уѣзда котораго превосходитъ свою общирность.

иное европейское государство, волостной писарь умѣетъ все прибрать къ своимъ рукамъ и становится главнымъ администраторомъ всей волости. Рѣдкій не живеть въ большомъ домѣ, не занимаетъ нѣсколькихъ по-коевъ, не проводить жизни въ полное свое удовольствіе, во всѣхъ возможныхъ утѣхахъ... Важную роль играеть у насъ въ Россіи управитель помѣщичьяго имѣнія въ отсутствіе барина, но роль волостного писаря несравненно значительне: это своего рода царѣкъ, въ подданствѣ котораго находятся и крестьяне и — стыдно сказать—даже золотопромышленники. Они, чрезъ посредство своихъ приказчиковъ при наемѣ рабочихъ, изыскиваютъ всѣ способы пріобрѣсти благорасположеніе этого чрезвычайно-нужнаго для нихъ человѣка, конечно, въ тѣхъ округахъ, откуда чаще всего нанимаются рабочіе на золотые пріиски. Собственныйй опытъ и официальна извѣстная намъ свѣдѣнія о неизвѣданныхъ рабочихъ, о числительности этихъ нѣтчиковъ, о фальшивыхъ ихъ билетахъ въ старые годы и разные другие слухи, которыми земля полнится на счетъ выдачи промышленникамъ билетовъ на поселенцевъ—всему этому надо искать источника въ продѣлкахъ волостныхъ писарей, за которыми мѣстными властями неѣ никакой возможности усмотреть, и которые, по своему положенію, являются тутъ главными дѣйствователями. И между ними изрѣдка попадаются люди прекрасные, но, вообще говоря, волостные писара много напоминаютъ о воеводскихъ временахъ; крѣпкая завѣса тайны и собственной выгоды заставляетъ молчать обо всемъ тѣхъ, кому бы первому надобно было вывести все наружу; но доказательства трудно представить — все дѣлается съ-глазу-на-глазъ. Надо быть самому, въ качествѣ частнаго лица, а не официальна-го чиновника, въ передѣлѣ. у этихъ или у подобныхъ имъ людей, чтобы получить прямое понятіе о тонкостяхъ мастерскихъ изворотовъ и до-

стигнуть всю благотворность узако- будущемъ назначеннія възаго, обра- зующагося въ высшихъ учебныхъ за- веденіяхъ, поколѣнія.

На Стрѣлкѣ мы стали готовиться къ дальнѣйшему вояжу сухинъ путемъ. Съ-вечера еще стали вычищать лошадей и во второмъ часу утра двинулись по-рель, въ числѣ четырнадцати верховыхъ Ѣздоковъ и тринацати вытѣнныхъ лошадей.

Длинный рядъ пѣвой экспедиціи та-нулся далекою цѣпью по дорогѣ, про-ложенной крестьянскими телегами отъ одной деревни до другой. Пустынны-мѣстоположеніемъ, скучными мѣстами и подъ постояннымъ дождемъ мы кой-какъ къ полуночи другаго дня дотащились до деревни Кулаковой и устья Тасѣевой, въ верховыхъхъ кото-рой расположены бирюсинскіе золо-тые промыслы. Бирюса, называюща-ся также Она, по соединеніи съ Удою, носящею также и другое название Чу-ны, составляютъ Тасѣеву.

Въ Кулаковой мы отправили часть людей съ лошадьми берегомъ Ангары, для того, чтобы они, достигнувъ дере-вни, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки противъ села Рыбнаго, переправились тутъ на паромъ и встрѣтились съ нами въ Рыбномъ. Сами же мы, съ остальными людьми и съ сум-ми предприняли, по договору, плаваніе водой. Здѣсь нельзя было достать плota; мы начали пять обыкновен-ныхъ лодокъ и пятерыхъ здѣшнихъ жителей, въ томъ числѣ двухъ мо-лоденькихъ крестьянокъ, которыхъ под-радились везти насъ бечевой вверхъ по рѣкѣ.

Послѣ обѣда, мы заняли свои кѣста. Парни и дѣвки схватили весла и пере-правились къ противоположному пра-вому берегу Ангары. Ангара въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно-широка: одни счи-таютъ ея ширину въ четыре, другіе въ шесть верстъ. Видъ ея великолѣпенъ. Обширною долиною тянется она меж-ду своими массивными берегами, изъ которыхъ то правый, состоятъ изъ об-

рыватъ тѣхъ утесовъ; то лѣвый образуетъ гигантскія стѣны горъ, обрѣзанныхъ и иорваныхъ всемогущими силами природы. Издали берега эти кажутся стѣнами фантастическихъ замковъ: видишь готическія окна, проемы которыхъ пробивается свѣтъ; видишь выступы балконовъ и ожидаешь встрѣтить вдѣсь сказочного героя старинныхъ легендъ и средневѣковыхъ преданій; но подъѣзжаешь ближе — и замѣти превращаются въ сплошныя стѣны скаль и утесовъ, покрытыхъ вѣковыми деревьями, запустившими крѣпкіе корни въ трещины и разсыпанны. Это сходство обоихъ береговъ между собою служитъ существеннымъ отличиемъ Ангары отъ Енисея, у которого правый берегъ постоянно нагорный, а лѣвый — низменный.

Къ вечеру, мы подплыли къ устью Большой-Мурожной и были удивлены желтымъ цвѣтомъ ея воды. Уже послѣ узнали мы, что явление это происходитъ отъ вохры, заключающейся въ золотосодержащихъ пескахъ вершинъ этой рѣчки. На тамошнихъ прискахъ во многихъ мѣстахъ производились работы, и краснобурая муть, отдѣлявшаяся съ фабрикъ, проходила отводными канавами прямо въ главную рѣку, окрашивала ее въ яркій оранжевый цвѣтъ, который, по мѣрѣ приближенія къ устью, постепенно блѣднѣлъ и у Ангары былъ уже желтоватый.

Природа вдѣсь дика и угрюма, но поразительна рѣзкими отпечатками великихъ переворотовъ. Вдѣсь представляется обширное поле для глубокомысленныхъ изслѣдований геолога. Но мы, простые люди, чтѣ мы можемъ извлечь изъ этихъ неприступныхъ для насъ лѣтописей природы? Мы видимъ, и ясно видимъ, что вдѣсь было когда-то что-то необыкновенное; что вдѣсь совершился какой-то чудный переломъ вселенной; что вдѣсь все перебито, все перековеркано, все носить следы ужасныхъ опустошений. Мы знаемъ, что вдѣсь неизмѣримые кости наносного дѣса выставляются изъ обсыпныхъ береговъ Ангары, и подъ водой въадъ-

нею, подобно развалинамъ огромныхъ, уничтоженныхъ и сокрытыхъ отъ взоровъ зданій, замытыхъ хрящомъ, пескомъ и глиною; знаемъ, что еще на памятѣ многихъ вдѣсь случались обвалы, провалы и изверженія, подобныя вулканамъ; но мы безсильны объяснить все это опредѣлительно и проить лучъ свѣта на темные и недоступные для насъ событія.

Межу устьями Большой и Малой Мурожныхъ, впадающихъ въ Ангару съ правой стороны ея теченія, берегъ состоѣтъ изъ дикихъ, совершенно-отвесныхъ скаль, раздѣленныхъ на мѣккія группы узкими впадинами. Мѣсто это, извѣстное подъ именемъ Мурожныхъ-Столбовъ, усыпано прибрежными шиверами и быками. Крутые повороты около нихъ воздымаютъ всю массу воды, которая бурлитъ въ подводныхъ камняхъ и сильно колышеть плавающія вдѣсь суда. Сибирички, тянущія лямку, выбились изъ силъ то пда выше колѣнь въ водѣ, то взльзая на верхушки мѣньшихъ утесовъ и пересекая чрезъ небольшіе обрывы, то путаясь своими веревками въ кустарникахъ. На Малой-Мурожной мы остановились ночевать. На другой день, ровно въ полдень, мы были уже въ Рыбномъ и пріотились у семидесяти-летнаго дьячка, бодраго и сильнаго еще тѣломъ и духомъ старика, который много рассказывалъ намъ о прежнемъ житѣ-бытьѣ вдѣшняго края.

Въ эту поѣзdkу, мы миновали ангарскій порогъ близъ соединенія Ангары съ Енисеемъ. Но, при возвращеніи мое мъ въ сентябрь мѣсяцѣ изъ енисейской тайги, мнѣ случилось его видѣть.

Въ половинѣ сентября, я напалъ въ Рыбномъ двѣ лодочки и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабочихъ съ приска, предпринялъ обратное плаваніе, запасвшись предварительно для каждого суденышка особымъ лоцианомъ. Опасаясь, чтобы вѣтеръ невыгодно насы не запарусилъ, лоциана запретили наѣсть дѣвать талловые наѣсты, которыми мы хотѣли придать лодкамъ належное подобіе нашихъ заботовъ.

имѣть такимъ образомъ возможность укрыться отъ дождя, въ это время весь ма-обыкновенного.

Въ самомъ началѣ плаванія, когда мы не успѣли отъѣхать и десяти верстъ, поднялся попутный намъ вѣтеръ, рѣзкій и холодный. Благодаря шубѣ, которую я и лѣтомъ возилъ по промысламъ во выюкѣ, чтобы защищать себя отъ ночного холода, — я былъ совершенно обезпеченъ отъ простуды; но когда, не смотря ни на что, рѣзкій вѣтеръ все-таки пронималъ меня, я хватался за весла и согрѣвалъ себя сильною греблею. Но большою частію мы плыли безъ всякой съ нашей стороны подмоги: быстрота естественнааго течѣнія влекла насъ съ удивительной скоростію внизъ по Ангарѣ.

Въ сентябрѣ рано смеркается. Остановиться гдѣ-нибудь на берегу для ночлега было бы непростительною тратою времени, и мы предположили плыть всю ночь, въ надеждѣ рано утромъ приблизиться къ порогу. Въ такомъ расположениіи, на носу каждой лодки мы разложили небольшіе костры, чтобы приготовить себѣ пищу.

Небо темнѣло все больше и больше. Еще до сумерекъ пошелъ мелкій снѣгъ. Наконецъ все заволокло тучами; наступила ночь. Передъ нами и свади насъ все погрузилось въ мракъ, тѣмъ болѣе усиливаемый, чѣмъ болѣе разгорались наши костры. Другъ друга при огнѣ мы видѣли, видѣли часть воды, окружающей лодку, видѣли исчрвѣвшійся около насъ снѣгъ, блестѣвшій потоками алмазовъ; но что дѣжалось по бокамъ, что дѣжалось съ другой лодкой, которая была нѣсколько впереди и, отъ разведенаго на ней огня, свѣтилась намъ звѣздой — все это было погружено въ непроницаемую темноту. Съ передней лодкой мы изрѣдка перекликались и старались хоть отъ юцмановъ узнать; гдѣ именно теперь находимся: проѣхали ли мы устье Тасѣевой и далеко ли оставались до порога. Во время чая, который мы пили тутъ же, обѣ лодки сошлились совсѣмъ, сѣптились кормами; люди со-

грѣлись живительными настоемъ и, по обычаю, затянули хоромъ пѣсню. Эффектъ прогулки былъ чрезвычайный!

Къ полуночи вѣтеръ вдругъ перемѣнился: мы принуждены были взяться за весла. Порывы его усилились; всѣхъ ходили волны; обливались скользящимъ пламенемъ ихъ верушки; лодки разъединились; ихъ стало подбрасывать и подкидывать съ одной волны на другую; свистъ вѣтра смѣшивался съ воемъ лѣса и съ ревомъ рѣки. Темень была невыразимая. Мыѣхали точно въ подземномъ царствѣ, по океану мрака. Пѣсни замолкли. Юцманъ пересталъ отвѣтить на наши вопросы и, зазавивъ рукою свѣтъ на своей лодкѣ, устремилъ воркѣ взглядъ на сѣтиющуюся впереди огненную полосу. Это былъ огонь другой лодки: она стояла на одномъ мѣстѣ. Вѣтеръ закрутилъ еще сильнѣе. Въ лодкѣ ясне и яснѣ обозначалось движеніе по мѣрѣ того, какъ мы къ ней приближались, и около озарившаго ее краснаго свѣта показались черныя тѣни людей, которые, какъ привидѣнія, размахивали руками.

— Береги весла! кричали намъ оттуда. — Держи вѣво!

— Что съ вами? спрашивали мы ихъ въ одинъ голосъ.

— Неѣди сюда! Неѣди! Насъ вдвинуло въ мель! Бери вѣво!

Мы старались придвигнуться къ нимъ, никакъ не умѣя отдать себѣ отчета: плывемъ ли мы посерединѣ течения, оборотило ли насъ назадъ, или мы попали промежъ острововъ: эти было не видно.

Въ эту минуту, вѣтеръ ударилъ сильнѣе; пѣнистые волны вытянулись какъ-бы по полотну и занескились между двумя огнями. Мы были уже близко отъ товарищей нашего плаванія; по вдругъ насъ отбросило въ сторону: мы не могли даѣше сдвинуться съ мѣста, сами очутившись на мели. Употребля вѣдо шесты и весла, мы дѣйствовали на удачу, спихиваясь съ полуобнаженнаго ложа и громко зовя оставшихъ спутниковъ, дающіе голоса кото-

рыхъ еще недавно доносились до насъ порывами вѣтра. Но теперь все было тихо — даже эхо замолкло. Мы оглянулись кругомъ: лодка исчезла изъ виду; костеръ ея не мелькалъ ни откуда. Чѣдѣ бы это значило? Не зашла ли она за какой-нибудь островъ? Но вѣдѣ острова безлѣсны, и мы все же бы видѣли какое-нибудь зарево. Мы думали, не мѣшаетъ ли намъ нашъ огонь и выбросили головни въ воду; вѣтъ, ничего не видно: одни только высокіе берега рисовались во мракѣ черною тѣнью на темномъ горизонѣ, а дальнѣе сверканіе волнъ напоминало о томъ безутѣшномъ положеніи, въ которомъ мы находились. Не-уже-ли лодка съ людьми погибла? Я боялся допустить эту мысль; но мнѣ противъ волнъ овѣдало сомнѣніе о постигшей ихъ участіи; я обвинялъ себя въ безразсудной рѣшимости плыть по Ангарѣ ночью; но сѣдавшаго не воротиць. Грозившая собственною намъ опасность заставила насъ удвоить наши старанія, чтобы какъ-нибудь сняться съ каменной мелі. Скинувшись съ себѣ теплое верхнее платье, мы всѣ вмѣстѣ бросились на работу. Наконецъ, лодка покачнулась и накренилась такъ, что мы едва удержались на ногахъ. Стремленіемъ воды насъ понесло дальше и новымъ напоромъ вѣтра опять врѣзало въ отмель.

— Батюшка, ваше благородие, вы это? раздались вблизи знакомые намъ голоса рабочихъ.

— Гдѣ вы? чѣдѣ вы тутъ дѣлаете? спросили мы, не видя ихъ.

— Мы на острову; дѣве огонь зажи-ли, чтобы свѣтлѣѣ было. Выходите! Маленечко въ воду попадете, да ниче-го — близко берегъ!

Мы сошли на островъ и къ радости нашей тутъ же патинулись на огромное изсохшее дерево, закинутое сюда волнами. Мы зажгли изъ него великолѣпную иллюминацію, вскипятили воды, опять напились чаю и измученные, усталые разлеглись на голыхъ камняхъ на покой.

Съ разсвѣтомъ, снова пустились мы въ путь, благополучно перебрацидѣ

черезъ отмель. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ простиралась версты на двѣ; но вдругъ, близь самаго устья, въ пяти верстахъ отъ Енисея, ложе рѣки съувилось только на четыреста сажень; быстрота теченія сдѣлалась черезъ это еще усиленіе. Горные утесы одного берега грядою перебѣжали на противоположную сторону, усыпали собою ложе Ангары во всю ѿ ширину, выказывали во многихъ мѣстахъ свои то острыя, то обтертыя вершины, и посереди теченія, ближе къ правому берегу, выдвинули изъ-подъ воды колоссальную, свѣтлую гранитную скалу, паружнюю формою много напоминающу нашу петровскую скалу, но, конечно, въ неѣсколько кратъ превосходящую ее своею громадностью. На вершинѣ этой скалы растетъ лѣсъ; основаніе занесено кучами сухихъ бревенъ, которыя теченіемъ прибило и выбросило сюда.

Свистъ, стонъ, шумъ, вой и ревъ раздаются здѣсь вѣчно. Бездна кипитъ; волны клюкочутъ; дикие виды поразительны. Нѣть словъ, чтобъ передать всю красоту ужасовъ великолѣпной природы. Здѣсь человѣкъ убить сознаніемъ своего ничтожества; всѣ чувства его подавлены громадою величія творенія Божія. Невольно проникаешься благоговѣйнымъ восторгомъ и съ вамирающимъ отъ страха сердцемъ, но съ непостижимымъ безстрастіемъ ко всему земному, бросаешься на утлой ладѣ въ эту адскую пучину, нисколько не заботясь о томъ, править ли юцманъ въ знакомые ему «ворота», то-есть, пространства, образуемыя верхушками подводныхъ скалъ, или онъ, самъ потерявъ на время сознаніе, предоставляетъ все произволу судьбы. Что юцманъ можетъ потеряться подъ вліяніемъ невыразимыхъ чувствованій, обаяющихъ въ это время человѣка, какъ бы ни была груба его натура, — въ этомъ мы увѣрились собственнымъ его сознаніемъ; но его увлеченіе, забывчивость или даже неискусство — една не обошлася намъ въ дорогую цѣну. Наша

лодка, быстро и чась черезъ порогъ, два раза задѣла киленъ за подводный камень; два раза шорокъ этотъ отдался въ нашей груди; два раза визгливое дрожаніе и скрипъ тополевыѣ боковъ заставляли всѣхъ насыть, и самого лоцмана, побѣднѣть какъ полотно.

Но Ангара:—какъ ужасна была она въ этомъ "безумномъ бѣгѣ" на встрѣчу Енисею! Скованная цѣпями береговыхъ горъ, она летѣла въ нему какъ вырвавшаяся на волю изѣвица. Стиснутая въ узкихъ предѣлахъ грудами громадныхъ скалъ, она тряслась отъ боли и ярости, пынилась, клюнотала и съ дикими воплями неслась впередъ, разметывая камни, которыми ей заграждали путь. Казалось, она боролась и сама съ собой, переступая черезъ посѣдѣвіе родные пороги, стонала, прощаясь съ своимъ ложемъ, но, завидѣвъ знаменитаго избранника, съ торжествомъ раскрыстера ему объятія, кинулась на его мощную грудь, слилась съ нимъ воедино и, уступивъ его могучей волѣ, пустилась съ нимъ въ безпредѣльное море...

Ангара, на всемъ протяженіи своемъ по Иркутской и Енисейской Губерніямъ, бѣжитъ съ изумительной быстротой. Первое слѣдствіе этой быстроты есть чистота и прозрачность воды, ходной въ самые жары. Температура ея рѣдко бываетъ выше + 4° Реомюра и только при продолжительномъ дѣйствіи солнечныхъ лучей въ открытыхъ мѣстахъ возвышается до 13 градусовъ. Вытекая изъ Байкала чрезъ каменистый порогъ, она получаетъ воду верхнихъ слоевъ его, сѣдоватѣльно, очищенную отъ веществъ, способныѣ къ осадкѣ. Не смотря на глубину рѣки, простирающуюся отъ пяти до семи саженъ, легко можно видѣть не только фигуру и цвѣтъ лежащихъ на днѣ ея камней, можно, такъ-сказать, мысленно уловить особый цвѣтъ тѣни, которую бросаетъ рыба, быстро плывущая здѣсь, при ясномъ небѣ.

Второе замѣчательное явленіе и слѣдствіе быстраго теченія состоятъ въ томъ, что Ангара замерзаетъ толь-

ко³ при самыхъ жестокихъ морозахъ, и температура текучей воды бываетъ въ это время всегда ниже шуги. Надъ всю рѣкою и надъ прибрежемъ въ ноябрѣ и декабрѣ безпрерывно стоитъ густой, проникающій туманъ. Ледь начинаетъ образовываться на днѣ рѣки въ видѣ смоченнаго водою сѣга; выпывая на поверхность, онъ поднимаетъ иногда вѣтъ съ себѣ и рѣчные камни. Но у самыхъ береговъ ледь, разумѣется, образуется на самой поверхности. Объ этомъ чрезвычайно-любопытномъ явленіи писали у насъ много, теорію об разованія льда на днѣ рѣки называя, между прочимъ, Го-Люссакъ и Араго; намъ, съ своей стороны, прибавить тутъ вѣчного. Но мы считаемъ неподобающимъ сказать, что подобное же явленіе намъ неоднократно случалось видѣть на Оби, на впадающихъ въ нее Чарышѣ, Чумыши, на Тартасѣ, текущемъ въ Онь, и на Иргызѣ (особенно на Тартасѣ, где ледъ съ усилемъ стремился на поверхность рѣки густо таяшъ). Массу выпытывающихъ такимъ образомъ со дна льдинъ, скрѣпленныхъ между собою въ порядочномъ объединѣ, въ Сибири называютъ шуфу, но это не то, что у насъ на Невѣ называютъ «саломъ», а именно ледь, выпытывший со дна. Во время внезапной оттепели, когда слой этого льда въ одному кѣстѣ бываютъ тоньше, а въ другомъ толще—сильное возвышение температуры угрожаетъ опасностію. Въ позапрошлую зиму, на Ангарѣ, отъ трехдневной оттепели разорвало ледь на нѣсколько сотъ саженъ, и вода поднялась на десять аршинъ, не причинивъ, однакоже, большаго вреда прибрежнымъ селеніямъ.

Здѣсь кстати можно разсказать про другое явленіе, совершиенно-противоположное шугѣ. Это — «надѣя». Мелкие и каменистые горные поточки имѣютъ обыкновеніе чрезвычайно-крутое паденіе. Но въ нынѣшнѣхъ они текутъ покойно, а тутъ, во время морозовъ, вода замерзаетъ все, тогда-какъ тамъ: тутъ сплошное

быстро, она во всю зиму остается течучею. Эта текучая вода, достигая вымершаго и запорошенаго снегомъ ложа, покрываетъ собою его поверхность и въ то же время обращается въ тонкій и неровный слой льда. Слѣдующая ватъмъ струя покрываетъ его новымъ слоемъ и образуетъ дальнѣйшіе разливы далеко по берегамъ. Вновь наплывшая вода снова прохватываетъ ся морозомъ и остываетъ. Такимъ образомъ, во многихъ мѣстахъ и на значительныхъ пространствахъ образуются бугристые холмы прозрачного льда. Это и есть наледи. Во время путешествия, или, скорѣе, странствованія моего по томской-тайгѣ въ зимнее время, наледи эти составляли камень преткновенія для нашей переправы. Путешествие это мы совершили частью пѣшкомъ, частью чѣмъ-кошевѣ, а частью на лыжахъ. На лыжахъ переходить по наледямъ было крайне-неудобно, во-первыхъ, потому-что, залитыя водой, но еще неизмершія пространства не представляли къ этому возможности; а во-вторыхъ, потому-что скользкая покатость обледенѣлыхъ возвышенностей требовала особенного искусства отъ ходока. Пѣшкомъ проходить по этимъ мѣстамъ — было тоже затруднительно, потому-что на скользкихъ пригоркахъ наскѣмунтно спиндало съ ногъ, и дальнѣйший ходъ замедлялся, такъ-какъ обыкновенная обувь съ гладкой подошвой не была вооружена начѣмъ, что могло бы предохранять насъ отъ паденія. Поэтому, во-лею или неволею, переходы эти мы совершили въ кошевѣ, которую на каждомъ шагу ворочало изъ стороны въ сторону по раскатамъ; насъ опрокидывало въ сугробы снѣга при каждомъ крутомъ выступѣ, по которому не могли проѣхать оба колеса дровней (салазокъ), и совершенно истомляло лошадей, запряженныхъ гусемъ длинною вереницей: онѣ сами едва сохранили равновѣсіе, крѣпко упираясь за скользкую поверхность острыми шипами.

Ангара составляетъ первое звѣніо въ цѣнѣ рѣкъ, соединяющихъ два могу-

щікъ соединить Байкалъ съ Волгою. Главнѣйшее затрудненіе представляется въ волоки: 1) между Турою и Чусовою и 2) такъ-называемый Маковской Волокъ, между устьемъ Кеми и Кетью. Водивши сообщенія съ давнихъ временъ составили одинъ изъ главныхъ предметовъ почетительности нашего правительства. Еще въ 1722 году (10) въ инструкціи, данной изъ государственной коммерц-коллегіи, инспектору таможенъ Сибирской Губерніи, ему вмѣнило въ обязанность: 1) подлинно освѣдомиться не можно ли, ради купечества, водяной кодль учинить нѣкоторыми рѣками, которыхъ въ морѣ Великей-Татаріи, или въ иное море, которое къ Японіи прилежитъ, впади; 2) освѣдомиться, не можно ли песчаныя мѣста, где мель есть, также и пороги по рѣкѣ Ангарѣ вычистить, или воду на тѣ мѣста выше привезти, чтобы не всегда были принуждены при тѣхъ мѣстахъ товары выгружать; 3) смотрѣть, не можно ли дорогу отъ Енисейска до Маковскаго-Волока исправить, чтобы товары отъ рѣки Енисея до рѣки Кети провозить; также чтобы сюю дорогою (которой, напримѣръ, 80 верстъ будетъ, изъ которыхъ 40 верстъ лѣсомъ весьма-худоѣхать) можно было телегами ѹзжать, а не вьючить на лошадей. Въ 1761 году наданъ былъ указъ (11) о силоеніи купцовъ, торгующихъ въ Сибири, къ оставлению судоходства по рѣкѣ Кети и къ отправленію судовъ ихъ по Чулыму. Изъ Чулума суда идутъ въ Обь, до впаденія въ нее Иртыша, внизъ по течению этихъ рѣкъ; далѣе по Иртышу, Тоболу и Турѣ до города Тюмени — они идутъ противъ течения. Объ учрежденіи для плаванія по этимъ рѣкамъ пароходомъ товариществъ и о результатахъ его въ настоящее время, мы не можемъ сказать ничего полож-

(10) Полное Собрание Законовъ Российской Имперіи № 4116.

(11) Полное Собрание Законовъ Российской Имперіи № 11203.

жительного, но знаемъ, что въ 1845 году пароходы товарищества ходили съ товарами и что сибирское купечество съ восторгомъ говорило о благодѣтельныхъ для края послѣдствіяхъ, къ которымъ плаваніе это повести можетъ. Чѣмъ жъ касается до расчищенія пороговъ или мелей, то исполненіе этого предпріятія не только не приходитъ никому болѣе въ голову, но даже Сибирики, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ собраться для собственной безопасности, разставить по главнымъ фарватерамъ рѣкъ вѣхи, для указанія пути между воротами пороговъ, хотя исполненіе этого плана кажется имъ дѣломъ нетруднымъ и удобоисполнимымъ.

Рѣка Ангара была окончательнымъ путемъ тѣхъ жертвъ судьбы, которыми, въ-слѣдствіе перемѣнъ счастія, суждено было удалиться отъ блеска столичной жизни въ пустынныя дебри Сибири; но она же была свидѣтельницей умильительныхъ саезъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ снова пригрѣвалъ лучъ радостей. Такъ, на-принѣръ, за сто лѣтъ назадъ (1742 г.), втмъ путемъ возвращалась на родину разстриженная, по повелѣнію правительницы Анны, монахиня Анисія, урожденная Анна Волынская съ братомъ своимъ Петромъ, бывшимъ въ заточеніи въ городѣ Селенгинскѣ; этимъ же путемъ возвращались въ Россію посланные въ Охотскъ генераль Аントнъ Девіерь, а изъ Камчатки князья Алексѣй и Александръ Долгорукіе. О другихъ мы здесь не упоминаемъ, потому-что они возвращались изъ своихъ мѣстъ заключенія не водою, а сухимъ путемъ, по превосходной дорогѣ, проложеній къ берегамъ Енисея изъ Нерчинска.

На памяти многихъ прибрежныхъ жителей происходили по Ангарѣ грабежи бездомныхъ бродягъ, разгуливавшихъ по всему ея протяженію и собиравшихъ дань съ прирѣчныхъ селеній. Видя нынѣшнее благоденствие и благоустройство самыхъ дальнихъ предѣловъ, сомнѣваешься въ истинѣ

этихъ разсказовъ и не хочешь вѣрить, что двадцати лѣтъ не прошло еще тѣмъ событіямъ, о которыхъ теперь на Руси и слыхомъ не слыхать. Въ Европѣ водятся еще понынѣ бандиты и разбойники, но Нѣмшова Сибирь отъ нихъ уже очищена, несмотря на всю обширность разстояній и на трудность способовъ искоренить это ужасное зло. Жители, изъбыткѣ признательности, рассказываютъ про подвиги своихъ исправниковъ, о томъ, какъ они, предаваясь влечению своего долга, приносили въ жертву здоровье, а иногда и жизнь, для повсемѣстнаго сколько возможно искорененія воровства, которымъ заражены почти каждый изъ новоприходящихъ ссыльныхъ; какъ они достигли наконецъ того, что стояло, бывало, только объявить мѣстному начальству не о насильственномъ похищени, а даже о простой какой-нибудь пропажѣ между такою-то, на-принѣръ, и такою-то станціей — и пропавшая венѣцъ немедленно отыскивалась и возвращалась владѣльцѣ: вору нѣть спуска никакого; преступлѣніе рѣдко укроется. Это имѣло огромное влияніе на нравственность всей массы людей, лакомыхъ до чужаго добра; и теперь, если вновь пришедший поселенецъ найдетъ себѣ способъ возворотиться въ селеніи, даже если онъ будетъ вести бродяжническую жизнь съ прискѣвающимъ, но вѣдь съ тѣмъ будетъ лишена возможности пропивать всю заработку, можно быть совершенно увѣрену, что и его зараженная уже зломъ нравственность будетъ исправлена содѣйствіемъ старожиловъ.

Но за двадцать и болѣе лѣтъ, способы къ этому были трудны. Безпріютность, не всегда вознаграждаемые труды, невозможность погода пайдти себѣ опредѣленное честное занятіе и другія обстоятельства, доводящія человека до крайности, были причиной, что гонимый судью и нетвердый въ правилахъ жизни горемычный труженикъ махалъ рукой на свое горе и рѣшался жить легкими средствами изъ

счетъ ближняго. Нѣсколько подобныхъ буйныхъ удальцовъ собирались вмѣстѣ шайкой, выбѣгали изъ среды себя уставщика или атамана, и пускались общими силами на грабежъ, избравъ поприщемъ своихъ проказъ быструю Ангару, на которой имъ легче всего можно было укрыться отъ преслѣдованія.

Бывало, жители селеній завидятъ, что вдали червѣется лодка—и всѣ, отъ старого до малаго, высыпать на берегъ смотрѣть, что за пловцы такие єдутъ? Лодка летить стрѣлой, и попутный вѣтеръ дноситъ до любопытныхъ ушей звуки удалыхъ пѣсень. Но раздвинулись тучи, проглянуло солнышко, на лодкѣ показался подозрительный блескъ оружія, сверкнувшаго яркими лучами—и народъ, почуявъ угрожающую незгоду, съ воплеми и оханьемъ разбрасывается во всѣ стороны и убегаетъ въ лѣсъ. Лодка прикаливается къ берегу. Ватага бѣглыхъ озорниковъ разсыпается по селенію, шарить по всѣмъ избамъ и грозить перебить всѣхъ наповалъ изъ единственнаго ружья—непремѣнной принадлежности атамана. Въ избахъ остались только дряхлые старики, которыхъ иллюзіи ноги не дотащили до лѣса, и изрѣдка баба или дѣвчонка, которую внезапный страхъ приковалъ къ скамейкѣ. Ихъ-то посыпаетъ атаманъ возвѣстить крестьянамъ, что его милость удостоила къ нимъ въ гости собраться. Онъ требуетъ, чтобы они непремѣнно явились къ нему въсѣ, сейчасъ же, и его добрыхъ молодцовъ накормили, напоили и всѣмъ понатѣшили. Вскорѣ являются трусливые хозяева. Шапки долой; покорность и подобострастіе во всѣхъ движеніяхъ. Старшины селенія припадаютъ къ стопамъ предводителя шайки и уступаютъ страшный гиѣвъ его обильными возліяніями доморощенной сивухи. Цирь устронвается. Каждый членъ воровскаго братства выбираетъ себѣ красавицу; общество раздѣляется на партіи; деревенская площадка оглашается новыми пѣснями; молодцы пріударили сво-

ихъ лебедокъ по бѣлыимъ плечамъ и понеслись съ ними въ веселой пляскѣ, шестёркѣ или восьмёркѣ. Чувственныя Сибирички улещаютъ дошльцѣ пришельцевъ ласковыми словами, называютъ ихъ «сахарнымъ приникомъ» и «медовою сътою» и съ предупредительною готовностью передаютъ имъ сдѣлывающіе по уставу игры горячіе поцалуи. Бѣдные отцы, мужья и братья подносятъ страшнымъ гостямъ чарки съ виномъ, готовятъ праздничный ужинъ, подчуютъ орѣхами и другими гостинцами и несутъ атаману и его любамъ, сколько ихъ тутъ слѣчится, связку мѣховъ на поклонъ, лобызаютъ ихъ руки и, искося посмотривая на грозную пищаль, благодарятъ ее милость и просятъ осчастливить — вдругоредь пріѣхать. Горе селу или деревни, гдѣ не сумѣютъ принять незавидныхъ гостей съ подобающею честію: ни возрасту, ни полу — ничему нѣтъ пощады! Полюбилась разбойничью жене ближняго — отступайся отъ нея съ радостію и считай за честь высокое вниманіе! Вадумала матерь защищить свое дѣтище — или ножъ въ бокъ, или дымомъ задушать! Не съ треветною готовностью, не съ высокимъ почетомъ вышли на встрѣчу гостямъ, заранѣе иногда назначавшимъ день своего прибытія — они всю деревню оберутъ до чиста и, въ добавокъ, передерутъ плетыми старшихъ крестьянъ. Чтѣбы шайка бродягъ ни приказала сдѣлать — все должно было исполнить безпркословно, а жаловаться и заявлять начальству никто не смѣлъ и подумать. Притомъ же крестьяне знали, что эти наезды по-большой-части ограничиваются попойкой, нетаостными и очень-обыкновенными потѣхами и легкимъ сборомъ приношений; они смиренno все переносили и боялись не столько воровства, сколько плетей и страшного для нихъ ружья, которое въ тѣ времена тамъ было еще въ рѣдкость.

Смертоубийство и грабежъ имѣли главный притонъ преимущественно по губерніямъ Енисейской и смѣжной

съ именем Иркутской. Число всѣхъ дѣлъ, производившихся въ сибирскихъ судебныхъ изѣстахъ по преступлениямъ этихъ двухъ разрядовъ, начиная съ 1810 года, было

	Число дѣлъ	Число преступниковъ	
	по смерто- убийству.	по гра- бежу.	по смерто- убийству.
1810	54	33	86
			120
1811	37	20	66
			44
1812	53	36	79
			72
1813	53	20	78
			55
1814	37	27	51
			41
1815	46	35	55
			150
1816	39	17	85
			46
1817	45	17	63
			49
1818	40	13	89
			34
1819	47	26	58
			64

Съ увеличенiemъ населения ссыльныхъ увеличимъ и преступныя дѣлнія:

	Число дѣлъ.	Число преступниковъ.	
	по смерто- убийству.	по гра- бежу.	по смерто- убийству.
1823	79	43	107
			97
1824	93	48	98
			131
1825	114	50	155
			139
1826	125	50	163
			143
1827	127	55	167
			142
1828	113	31	182
			118
1829	101	40	138
			94
1830	111	34	146
			93
1831	133	34	188
			82
1832	120	43	176
			124

Въ это десятилѣtie, въ общемъ итогѣ преступниковъ, 2,677 чел., было ссыльныхъ 1,921 человѣкъ, или $\frac{3}{4}$ всей массы преступниковъ, Русскихъ разногласія 365 человѣкъ, или $\frac{1}{8}$, инородцевъ 191 чел. или $\frac{1}{14}$.

Число женщинъ относилось къ числу мужчинъ какъ 1 къ 7.

Изъ этого же числа 2,677 человѣкъ, виновныхъ въ грабежѣ и смертоубийствѣ было—въ Енисейской-Губерніи: всѣхъ преступниковъ 523 человѣка, изъ нихъ: Русскихъ 83, инородцевъ 14, ссыльныхъ 426, или $\frac{1}{8}$, общей массы; въ Иркутской-Губерніи: всѣхъ преступниковъ 1,374 человѣка, изъ

нихъ Русскихъ 195, инородцевъ 87, ссыльныхъ 1,092 или $\frac{1}{8}$ общей массы (12).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда о воровскихъ шайкахъ стала уже замолкать; жители стали сами помогать полиціи и ловить негодяевъ: тишина воцарилась всюду. Вскорѣ за тѣмъ золотые пріски дали работу десяткамъ тысячъ рукъ. Подготовленный къ неистовствамъ преступникъ, глядя на другихъ, рѣшается надѣть ярко, сблизнется надеждой на разжигу и идетъ въ работу. Но, попавъ на пріски и будучи окруженнъ со всѣхъ сторонъ цѣлью казаковъ, онъ видитъ, что лѣтомъ ему нѣтъ выходу; скрѣпя сердце, онъ приужденъ работать, иначе бы ему ни хотѣлось сидѣть сложа руки. Но вотъ въ сентябрѣ онъ свою сталь вольно итицей, руки ему развязаны, полная свобода во всемъ. Онъ уже запьянствовалъ, забудиствовалъ очертя голову, безпутно проходилъ добытый трудомъ деньги и, чтобы наверстать свои убытки, готовъ сейчасъ же идти хоть на рабою, чтобы снова быть въ приволы... но въ сторонѣ показался красный огонь и голубая фуражка — и въ дезаконѣ будни въ одно мгновеніе пропадаютъ хмѣль, вся дурь вылетаетъ вонъ; онъ стаскиваетъ съ головы картузъ, трусливо переминаетъ его съ одной руки на другую, отвѣшиваетъ прокладку низкой поклонъ и, тихе воды, изъ травы, пробирается тихо и спрятно домой, своей дорогой. И здесь, какъ и во всемъ, одно лишь правительство неусыпно и съ непостижимою дѣятельностью уничтожаетъ отростки за одно за другимъ, освѣщаетъ по мѣрѣ возможности истинными лучами сѣѧ нѣвѣжественный мракъ и возвращаетъ каждого на стезю долга, избирая орудіями своихъ людей, понижая важность высокаго служенія обще-

(12) Материалы для Статистики Российской Имперіи, изданные во Высочайшемъ повелѣніи 1839 года.

иу благу. Успѣхъ болѣе-и-болѣе вѣнчаетъ великое дѣло. Но надобно же было умѣть приобрѣсти могучее вліяніе, чтобы однимъ появленіемъ, однимъ намекомъ, однимъ взглядомъ, безъ словъ удержать неистового звѣра отъ покушенія на дурное дѣло. Не будь этого — чего можно было бы ожидать отъ нѣсколькихъ тысячъ повсюду на необозримомъ пространствѣ разметанныхъ пыльныхъ ватагъ, для которыхъ, въ безпамятствѣ опьянѣнія, нетъ ничего святаго.

Надобно знать, что говорить мѣстные жители про эти походки; надобно самому все видѣть своими глазами, чтобы понять ту огромную разницу, которая существуетъ между рабочими частныхъ промышленниковъ и прощецъ массою простаго народа, включая сюда же работниковъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Здѣсь не мѣсто исчислять обстоятельства, послужившихъ причинами этого горестнаго направления пріскаковыхъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаютъ населенцы, но нельзя не упомянуть, что причины эти находятся въ тѣсной связи съ возрастающею дорожниной, съ усиленнымъ и почти-насильственнымъ производствомъ золотой добычи и съ рѣзкою противоположностью началь, обусловливающихъ существование частныхъ золотыхъ пріскаковъ и казенныхъ горныхъ заводовъ; напонецъ, сколько намъ по-крайней-мѣрѣ это кажется — съ характеромъ откупныхъ дѣлъ. — Эти же самые причины возвуждаютъ вопросъ и о томъ, что будутъ дѣлать нынѣшніе пріскаковые рабочие тогда, когда право пользованія многими пріскаками частныхъ лицъ лѣтъ черезъ десять или черезъ пятнадцать должно совсѣмъ прекратиться... И тогда новая система частной золотопромышленности и коренное измѣненіе домашнихъ порядковъ на пріскакахъ положатъ прочное основаніе истиннаго благотворнаго вліянія на благосостояніе края во всѣхъ отношеніяхъ. А теперь больно и горько смотрѣть, какъ тридцать ты-

сячъ хорошихъ работниковъ превращаются въ горчайшихъ пыльницъ и въ одну, много въ двѣ недѣли уничтожаютъ плоды своихъ тяжкихъ лѣтнихъ работъ, лишаютъ себя средствъ къ дальнѣйшему существованію и, не имѣя на зиму опредѣленнаго занятія, скитаются безъ пути и безъ цели изъ одного мѣста въ другое. Картина эта становится тѣмъ болѣе оскорбительной для чувства, чѣмъ болѣе человѣкъ имѣеть случаевъ короче и ближе ознакомиться съ характеромъ, наклонностями и здравымъ смысломъ нашего простонародья, обладающаго несомнѣнныемъ богатствомъ своихъ прекрасныхъ качествъ.

Мы усердно хлопотали о томъ, чтобы добѣгть себѣ сѣдѣнія, которымъ могли бы разрѣшить нашъ вопросъ: сколько въ каждомъ округѣ двѣхъ сибирскихъ губерній, Томской и Енисейской, ежегодно бываетъ рабочихъ изъ крестьянъ и изъ поселенцевъ, и сколько въ мартѣ, апрѣлѣ, въ половинѣ сентября и октябрѣ мѣсяцахъ выпивается ведерь вина въ селеніяхъ Банномъ, Тамбарѣ, Тюсюлѣ и Кіѣ Томской-Губерніи, въ Красноярскѣ, Енисейскѣ, Карагиномъ, Назимовѣ, Стрѣлкѣ, Кулаковой, Сметаниной, Рыбномъ, Бѣльской — Енисейской-Губерніи, чтобы по-крайней-мѣрѣ въ этихъ мѣстахъ имѣть способы вывести вѣроятно-чудовищную цифру серебряныхъ рублей, невозвратно-отвлеченныхъ отъ другихъ болѣе-утѣшительныхъ оборотовъ и обращеній отъ массы къ массѣ; но хлопоты наши не имѣли надежащихъ результатовъ.

На другой день вслѣдъ того, какъ мы прѣѣхали въ Рыбное, черезъ Ангару переправились двадцать-семь лошадей моихъ спутниковъ. Въ тотъ же день я былъ удивленъ звукомъ ко мнѣ прикацика и трехъ конюховъ, высланныхъ съ пріскаковъ собственно для меня съ лишию лошадью и съ казаками сѣдломъ. Подобно роскошью я былъ обязанъ вниманію высокопочтеннаго Захара Ефимовича Первостатейного.

Я не понималъ, какимъ-образомъ онъ узналъ о моемъ прибытии именно въ это время, тогда-какъ я его вовсе не предувѣдомлялъ и хотѣлъ налетѣть на него, что называется, какъ снѣгъ изъ головы.

— Развѣ вы знали, что я пріѣхалъ? спросилъ я прикащика.

— Какъ же-сь! Мы знали-сь! отвѣчалъ онъ съ лукавою улыбкой.

— Кто же васъ обо мнѣ уведомилъ?

— Не знаю-сь. Хозяинъ, Захарь Ефимычъ, приказали выставить вамъ лошадей еще давно, да какъ узнали, что вы наволили побѣхать въ Минусу — и отложили. А нынче вѣтъ, какъ вамъ выѣхать изъ Красноярскаго; настъ и отправили.

— Вѣроятно, къ вамъ писали?

— Должно быть.

— Но какимъ же образомъ дошли до васъ письма? вѣдь въ тайгѣ почты не ходятъ?

— Никакъ не-ть, почты ходятъ, только не казенные, а свои.

Тутъ только я узналъ превосходный способъ сообщенія, устроенный золотопромышленниками.

Въ каждой резиденціи ванимаютъ бывшаго надежнаго крестьянина, съ которыемъ заключаютъ надлежащіе контракты о доставленіи одинъ разъ въ недѣлю пакетовъ и посыпокъ въ тѣ селенія, где расположены почтовыя отдѣленія и оттуда обратно въ резиденцію. На пріѣздахъ,сосѣди или ванимаютъ для себя общими силами бывшаго посыльного, или, смотря по обстоятельствамъ, каждый изъ нихъ дѣстуетъ въ этомъ случаѣ отдельно. Управляющіе компаній незначительныхъ и небогатыхъ средствами находятъ всегда полную готовность у людей, обладающихъ большими силами. Письма изъ тайги собираются къ определенному однажды дню въ недѣли на какомъ-нибудь одномъ пріѣзде, посредствомъ пересыпки ихъ съ конюхомъ, и въ назначенный же день проезжаются съ парочками въ резиденцію съ тетрадкой. Постыльный приноситъ эту корреспонденцію и тоже

въ определенный срокъ доставляетъ въ почтовое отдѣленіе, сдать ее тамъ по распискѣ въ тетради, получаетъ вновь-пришедшия отвѣтныя письма и возвращается немедленно въ резиденцію, где его уже ожидаютъ высланые съ пріѣзда рабочіе.

— Ну, а что, любезный, много ли у насъ этаѣ золота? спросилъ я прикащика, приготовившись выслушать великолѣпный отвѣтъ о нѣсколькоихъ десяткахъ пудовъ.

— Не умѣю вамъ сказать: золото хранится у хозяина.

— Ну, да вѣдь примѣрно?

— Право, не знаю-сь.

— По-крайней-мѣрѣ, сколько у насъ обыкновено въ день памывается?

— Право, ничего не знаю-сь! отвѣчалъ плутоватый прикащикъ.

— Какъ же тебѣ этого не знать, любезный? Вѣдь ты постоянно живешь на пріѣздахъ?

— Никакъ не-ть-сь. Больше все въ откомандировкахъ по надобностямъ.

Странно и досадно! А любопытство мое давно уже было возбуждено въ сильной степени... Но нѣчего гѣлать: надо было еще потерпѣть немножко.

Мы всѣ рѣшили выѣхать на другой день вѣдь-ть. Намъ, по рассказамъ, предстояли три дороги: одна прекрасная, черезъ близь-лежащее селеніе Мотыгино на удерейскую систему и тамъ отъ Шааргана, черезъ Шуалыонъ, выѣхать къ вершинамъ Большой-Мурожной къ промысламъ г. Щеголова и сосѣднаго съ нимъ пріѣзда Асташова, а оттуда уже спуститься на собственную нашу вѣтвь. Но такъ-какъ здѣсь былъ для насъ довольно-значительный крюкъ, то большинство не согласилось. — Другая дорога была тоже превосходная, немножко-узка, но суха и безъ болотъ. Она известна здѣсь, подъ именемъ «Тунгусской-Троцы» и шла примѣхонько чрезъ Малую-Мурожную на Большую-Мурожную къ пріѣзду г. Бѣлова, недалеко отъ рѣчки Средней-Подголещной и Чембуки, но ко-

люхѣ плохо знали эту тропу и боялись съ нею сбиться. Поневолѣ пришлось выбрать такъ-называемую «зимнюю, Масниковскую дорогу», которую намъ очень выхвалили, увѣрия, что она чрезвычайно - удобна для нашихъ вьючныхъ.

Въ-послѣдствіи мы очень жалѣли, что не избрали первой дороги, которая, съверхъ удобства, могла бы доставить намъ удовольствіе ѿхать вмѣстѣ съ дамами, женами управляющихъ, которымъ предпринимали поѣздку къ своимъ мужьямъ.

Женщины здѣсь тоже изрѣдка живутъ на принсахъ. Мы говоримъ не о простомъ классѣ, не о крестьянкахъ и поселихъ, которыхъ путешествуютъ по тайгѣ съ своими сожителеми или предметами страсти по образу иѣшаго хожденія, а о женщинахъ болѣе-возвышенного разряда, о супругахъ нѣкоторыхъ горныхъ чиновниковъ, даже иныхъ владѣльцевъ пріисковъ и о другихъ особыхъ прекраснаго пола, связанныхъ нѣжныни узами съ управляющими и прикащиками. Таежная дорога, какъ бы ни была хороша, для лицъ, непривычныхъ къ проходнымъ истязаніямъ — должна казаться ужасною: еслибы у насъ, въ столицѣ, вдумали искусственно сочинить такую дорогу и стали показывать за деньги, то мало того, что подобной аферой можно сколотить маленький капиталецъ — можно даже возбудить интересный вопросъ о томъ, что удобнѣе: по этой ли дорогѣ упражняться для мюциона, или совершилъ воздушное путешествіе, подобно Леде: одно другаго стдѣть. Естественные неудобства таежнаго пути вынуждаютъ прекрасныхъ наѣздницъ не употреблять дамскаго сѣда и покориться необходимости сидѣть на лошади по - нашему, въ буквальномъ смыслѣ верхомъ. Нѣкоторыя особы перемѣняютъ въ это время свой костюмъ на мужской, другія остаются въ обыкновенномъ женскомъ платьѣ. И какъ это присутствіе амазонокъ для неправильнаго глаза ни должно пока-

заться съмерваго раза довольно-страшнымъ, но сознаніе тѣжкой нужды и мысль о лишенії, которымъ подвергаютъ себя эти чистыя души для исполненія своего долга и для услажденія трудолюбивой жизни на принсахъ своихъ супруговъ — останавливаютъ всякую двусмысленную удыбку и вызываютъ сочувствіе... И сколько тутъ поэзіи! Видишь женщину, и еще прехорошенькую, которая за недѣлю назадъ полькировала на бѣлъ, порхала какъ бабочка въ редовѣ, собирала дань своей красотѣ, а теперь молодцовъ сидѣть на сѣдаѣ, скрывъ хорошенкую ножку въ длинномъ сапожишѣ, напиливъ на нѣжныи руцѣ толстымъ рукавицы и перетянувъ себѣ простымъ мужицкимъ широкимъ кушакомъ. Въ страшномъ лѣсу летитъ она черезъ болота и озера, бойко размахиваетъ нагайкой, поминутно трусливо оглядывается по сторонамъ, не бѣжитъ ли за нею медведь, зорко высматриваетъ даль, чтобы замѣтить, откуда несутся тучи, не разразится ли она надъ нею адской грозой — и весь этотъ страхъ, весь трепетъ, всю нужду она добровольно переноситъ только для того, чтобы имѣть возможность расточить свои ласки тому, кому она посвятила жизнь свою. Какъ не цѣнить, какъ не поклоняться этому глубокому чувству нѣжнаго сердца женщины, которая не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ доказываетъ все величіе своей преданной любви!

Весьма-немногія изъ женщинъ совершаютъ эти путешествія въ особомъ экипажѣ — качалкѣ. Качалка устроивается очень нехитро. Берутъ два длинные шеста и между ними съ обоихъ концовъ впряженуть по лошади, почти какъ въ оглобли. Между переднею и заднею лошадьми на эти шесты прикрепляютъ какой-нибудь кузовокъ, достаточный для занятія лѣста только одному человѣку. Экипажъ этотъ, грубое подобіе палякіновъ, и вѣроятно первобразъ нашихъ каретъ и колясокъ, употребляется исключительно крайне-слабыми созданіями

иесьма-неудобенъ, потому-что перво-
комѣрные шаги лошадей и первоность
ночны производятъ пренепрѣтное ко-
лебаніе, отъ котораго, говорить, у не-
привычнаго человѣка легко можетъ
голова закружиться. Экипажъ этотъ
портитъ и совершиенно изнуряетъ ло-
шадей, особенно, если принять въ со-
ображеніе горы и болота и повѣрить
укоренившемуся у знатоковъ дѣла
правилу, что въ этихъ случаяхъ жен-
щина гораздо-таже мужчины (и, въ
допавокъ — что таже женщины бы-
ваютъ только мужчина въ нетрезвомъ
состояніи).

Наконецъ, мы выѣхали изъ Рыбна-
го и пошли съ ноги-на-ногу по до-
рогѣ, по которой не дай Богъ никому
входить: мы сами надивиться не могли,
какимъ-образомъ наши лошади не це-
ремонили себѣ ногъ и остались цѣлы.
Правда, путь нашъ, простиравшійся
верстъ около девяноста, мы соверши-
ли, вмѣсто однихъ сутокъ, въ три дня и
этими черепашьми шагами избавили
нашихъ полезныхъ животныхъ отъ
конечнаго уѣчья; но три дня посто-
янной мѣки, особенно когда глупое
воображеніе поминутно рисуетъ предъ
глазами торцевую мостовую, кареты
на лежачихъ рессорахъ, гамбсовую
мѣbelь, всѣ удовольствія и удобства
столичной жизни, отъ которой теперь
мы сами себя невольно отчудили —
все это дѣло лично насть-самихъ на-
стоящими страдальцами и одинчальными
пустынниками. — Еслибы общество
наше не было такъ многочисленно и
еслибы рабочіе не тѣшили насъ без-
престанными пѣснями и разсказами,
мы умерли бы со скучи. — Погода бы-
ла постоянно сѣрая; природа — угрю-
мая, безжизненная, мрачная; въ-про-
долженіе всего пути, солнце намъ
ни разу не выглянуло, а есть спровед-
ливая пословица: наряди пень въ крас-
ный день, и тотъ будетъ красавецъ! Не-
сносный путь, сырость, холодъ и без-
престанныя остановки наводили ханд-
ру. Рѣль значительныхъ, скаль, уте-
совыхъ, красивыхъ мѣстоположеній мы
не встречали: сибирской Швейцаріи и

въ поминѣ не было; однѣ трясины, бо-
лота, кой-какія невысокія горы, по-
росшія густынью лѣсомъ — и только
Нѣтъ тѣхъ роскошныхъ видовъ, кото-
рые на каждомъ шагу поражаютъ
путника въ горахъ и лѣсахъ Минуси-
скаго и Томскаго Округовъ, гдѣ, бы-
вало, даже зимой останавливаешься на
возвышенностяхъ и не можешь довольно на-
сладиться великолѣпіемъ очарователь-
ныхъ ландшафтовъ, — здѣсь на сѣ-
ре все уныло, дико, чистая сибир-
ская пустыня!

Но за то какая адѣль бездна зо-
лота!...

П. Ильинскій.

ЛУВРСКІЙ МУЗЕЙ АССИРИЙСКІХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

Два-три года назадъ, время ста-
ломца ассирийской монархіи было эпо-
хна нешь только по своему названію. Съ этимъ названіемъ, правда, славы-
лось иѣсколько библейскихъ сказаний, иѣсколько полуласкрословныхъ выраже-
дженій историковъ древности; но изъ
нимъ прилагали комментаріи, которые
почти ровно ничего не объясняли. На-
иѣтѣть, гдѣ иѣкогда находились столи-
ца Ассирии, не находили ничего, бро-
нѣ иѣкоторыхъ слѣдовъ довольно уз-
кой ограды и груды камней, безобраз-
ныхъ остатковъ какихъ-то неудобо-
жснныхъ зданій. Такимъ-образомъ,
рушилась всякая надежда поднять ис-
проницаемую завѣсу, съ незапамят-
ныхъ временъ покрывающую замы-
занный міръ Ассирии, какъ другъ
одно изъ тѣхъ почти сверхъестествен-
ныхъ открытій, которыми XIX вѣкъ
имѣеть полное право гордиться, раз-
рвала этотъ туманный покровъ и при-
несло намъ пріятную вѣсть объ углас-
шей славѣ Ассирии. Можно ли теперь
съ прежней увѣренностью обратить
Діодора Сіцилійскаго въ смѣшнаго

преувеличенияхъ? Должно ли еще въ текстѣ съ писаніемъ искать такихъ выраженийъ, которые, будто-бы, дозволяютъ произвольно толковать искрометный грамматический смыслъ? Невозможно, рѣшительно невозможно, потому-что это новое, неожиданное открытие еще разъ доказало, что бываетъ время, когда въ истинѣ можетъ казаться неправдоподобною.

Въ настоящее время, Парижъ, благодаря щедрости французского правительства, обладаетъ драгоценнымъ музеемъ ассирийскихъ древностей. Англія тоже не жалѣтъ издержекъ, желая обогатить Лондонъ подобными памятниками. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, мы можемъ свободно дѣлать свои заключенія о существованіи общества, которое, подъ церемонію новѣйшихъ историковъ, получило почти мифологический характеръ. Предъ нами раскрылась цѣлая цивилизациѳ, интересная для наскѣтъ болѣе, чѣмъ сѣльско-гражданская была безвѣстною, мертвую. Цѣлые страницы истории замечтаго народа спасены отъ руки времени. Мы со временемъ прочтены эти чудныя страницы, потому-что люди съ лушо взялись за дѣло, и, безъ сомнѣнія, Ниневія скоро возродится изъ своего праха въ полномъ блескѣ, въ полномъ величіи.

Чтобы лучше опѣнить важность памятниковъ, открытыхъ просященной неустрашимостью г. Ботта, французского консула въ Моссулѣ, припомнимъ въ нѣсколько словъ то, что съ писаніемъ и историей древности передали намъ о происходженіи ассирийскаго царства и о первоначальныхъ фазахъ его истории.

Противъ Моссула, на восточномъ берегу Тигра, разстилается долина, пересѣкаемая рѣкою, которая называется именемъ Каусерь. На этой-то долинѣ была възглаза Ниневія. Какое племя основало ассирийскую монархію? На это мы видимъ неопровергнутое свидѣтельство въ священномъ писаніи. Книга Бытія говоритъ такъ: «У Сима было два сына, Рехамъ и Ассиуръ, у

Хана четыре — Хусъ, Мизранъ, Футъ и Ханаанъ. У Хуса родился Неввродъ и Вавилонъ былъ столицей его царства. Ассиуръ оставилъ эту землю (Сеннааръ) и построилъ Ниневію». Эти слова легко объяснить: Ассиуръ, сынъ Сима, былъ родоначальникомъ ассирийскаго племени, следствіено, это племя по происхожденію семитическое. Неввродъ, исполнитель-хозяинъ предъ Господомъ, былъ сынъ Хуса, сына хамова, и представляетъ собою племя хамитско-арабское, наводившее землю Ассура и основавшее въ ней монархію, которой столицей былъ Бабель или Вавилонъ. Тогда Ассиуръ, изгнанный изъ Сеннаара, основалъ Ниневію. Съ писаніемъ больше не поясняется этого простаго изложенія фактовъ. Читая это иѣсто въ Книгѣ Бытія, можно предположить, что столкновеніе этихъ двухъ племенъ на одной и той же землѣ произвело какои-нибудь великій переворотъ, но недостатокъ подробностей не даетъ возможности узнать причины и слѣдствія этого переворота.

Языческие историки тоже високо не посматриваютъ этого события. Извѣстія сказаний видно, что Ассириецъ Нинъ, сынъ Бела, вѣроятно, изгнанный изъ той страны, въ которой Кушиты основались сплошь, овздѣль страною, лежавшою на сѣверѣ отъ Вавилона и основавшъ на берегахъ Тигра новую монархію, которой столицей была Ниневія. Можно съ достовѣрностью допустить, что вавилонская монархія была основана за 2500 лѣтъ до христіанской эры. Къ этой же эпохѣ должно отнести и основаніе Ниневіи. Нѣсколько вѣковъ позже (за 2000 лѣтъ до Р. Х.), въ царствование Наву и супруги его Семирамиды, государства ниневійское и вавилонское соединились подъ одинимъ скіпетромъ и составили такимъ образомъ одно цѣлое до тѣхъ-поръ, пока Сарданапаль не склонилъ себѣ на кострѣ, избѣгая ищущія его возмущенныхъ сатраповъ (800 лѣтъ до Р. Х.).

Только съ этого времени, уже довольно близкаго къ христіанской эрѣ, исторія Ассиріи начинаетъ проясняться. Уставъ халдейскихъ царей, сохранивший для настъ Птоломеемъ и върятво бывшій произведеніемъ халдейскихъ мудрецовъ, есть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ историческихъ памятниковъ этой эпохи. Эти хронологические списки заслуживаютъ, по-видимому, полное довѣріе. Списокъ Птоломея начинается Набонассаромъ, который именно и поручилъ Птоломею его редакцію и кромѣ того повелѣлъ вачать счисление историческихъ фактовъ, относящихся до Халдіи, съ его царствованія. Читая св. писаніе, мы видимъ, что въ это же самое время въ Ниневіи царствовали послѣдовательно два царя — Теглатъ-Фалассаръ (Телгабелассаръ) и Салманассаръ. Государи вавилонскіе, какъ кажется, бывшіе въ эту эпоху вассалами царей ниневійскихъ, хотѣли избавиться отъ ихъ ига и соединились съ юдейскими царями противъ ихъ общаго непріятеля. Меродахъ Баладанъ заключилъ союзъ съ Езекіею противъ царя ниневійскаго; но послѣдній восторжествовалъ надъ ними, и нѣсколько лѣтъ спустя, Ассаргадонъ, сынъ ассирийскаго царя Сеннахериба, былъ посанженъ отцомъ на престолъ вавилонскій. Такій-образою, обѣ короны соединились на одной главѣ. Нѣсколько позже, Мидане и Халдіи заключили новый союзъ противъ Ниневіи. Ціакарь, царь мидійскій, явился передъ Ниневіемъ, въ которой въ это время царствовалъ Сарданапалъ, второй государь этого имени. Онъ былъ побѣжденъ въ бою, подобно первому, въ пламени资料его горѣвшаго дворца. Ниневія была обращена въ пепель, пала и уже больше не возвставала никогда (622 г. до Р. Х.). Резиденція царская была перенесена въ Вавилонъ. Набонассаръ и сынъ его Навуходоносоръ покрыли имя Вавилона могуществомъ и славой. Халдіи, рѣ свою очередь, сдѣдались завоевателями. Они оттеснили Египтянъ въ царя ихъ Нехао далеко отъ Евфраты; въ 588 году до Р. Х. покорили безпреп-

станно-возмущавшихся Евреевъ, отвели ихъ въ плѣнъ въ Вавилонъ, и рабочецъ овладѣлъ Египтомъ. По возвращеніи изъ этихъ покоровъ, Навуходоносоръ приказалъ построить новый Вавилонъ, прямо противъ первого, на правомъ берегу Евфраты. Все, чтѣ только воображеніе можетъ создать чудеснаго, все сосредоточилось въ этой великолѣпной, роскошной столицѣ, которая поразила своей пышностью Геродота и Кtesія, не смотря на то, что они увидали ее уже послѣ тѣхъ опустошеній, которыя были произведены въ ней нашествіемъ Персовъ.

Эвильмеродахъ, сынъ Навуходоносора, наследовалъ отцу въ 601 году до Р. Х., но черезъ два года былъ убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ Нерглассаромъ. Этотъ похититель братиной короны недолго пользовался ею. Черезъ четыре года по вступленію на престолъ, онъ потерялъ ее въѣтъ съ жизнью, въ сраженіи съ Киромъ. По смерти его, Лаборосаорходъ, сынъ его, вступилъ на престолъ, но скоро былъ свергнутъ сатрапами, пришедшими въ негодованіе отъ его жестокостей. Лаборосаорходу наследовалъ Набонидъ, — забытый геродотовъ или Валтасаръ св. писанія. По окончаніи похода противъ Лидіи, Киръ, уже знакомый съ путемъ въ Вавилонъ, снова явился на берегахъ Евфраты. Тщетно Набонидъ старался остановить грознаго завоевателя. Киръ отвелъ теченье Евфраты въ другую сторону и по его высушенному донгу проникъ въ Вавилонъ въ ту самую минуту, когда таинственная рука писала на стѣнахъ кирпичестенной залы страшныя слова: *мани, ескед, фаресъ*. Эти слова поразили Валтасара, Вавилонъ былъ взятъ 538 г. до Р. Х.) и съ-этихъ-поръ только одно знаменитое имя осталось отъ халдейскаго царства.

Нѣчего и говорить, что въ этомъ краткомъ перечислѣ фактовъ, многіе изъ нихъ крайне сомнительны. Мы допустимъ изъ нихъ только тѣ, которые даютъ намъ возможность основать на нихъ наши предположенія объ этомъ,

въ которую построены памятники, открытые г. Ботта. Ниневия была разрушена въ 626 г. до Р. Х. Съ тѣхъ-поръ, она уже не восставала. Спустя восемьдесятъ-восемь лѣтъ, цара и вавилонская монархія. Такъ-какъ куническія или клинообразныя персепольскія буквы занимаютъ почетное мѣсто во всѣхъ извѣстныхъ намъ письменныхъ памятникахъ (написаны ли эти памятники на двухъ или на трехъ языкахъ) династіи Ахеменидовъ, къ которой принадлежитъ и завоеватель Вавилона, то мы можемъ съ полной увѣренностью предположить, что все памятники, которые могутъ открыться въ Халдѣ, будеть ли то въ Вавилонѣ или Ниневіи, безъ прибавленія перевода текстовъ на персидскій языкъ, принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію этой страны Персами, т. е. ранѣе 538 года нашей эры. Изъ этого простаго и весьма-естественного заключенія выходитъ то, что дворецъ корсабадскій, открытый г. Ботта, построенъ еще до завоеванія Кира и, вероятно, до разрушенія Ниневіи Ціаксаромъ, въ 626 г. до Р. Х.

Безцелезно говорить подробно объ обстоятельствахъ, которыя предшествовали и вѣкоторымъ образомъ подготовили блестящее открытие г. Ботта. Для этого достаточно вѣсколькихъ словъ. Господинъ Ботта, находясь по службѣ неподалеку отъ этой Ниневіи, которой имя столько разъ поражало его въ дѣствѣ, съ надеждой предпринялъ разрытие пространной ограды, которую англійскіе туристы считали оградою города. Груды открытыхъ камней, безобразныхъ, неопредѣленныхъ остатковъ какого-то строенія, можетъ-быть, лишили бы его всякой надежды на успѣхъ, еслибы случай не заставилъ его перенести работы въ довольно-отдаленную отъ этого мѣста деревеньку Корсабадъ. Эта деревня занимала возвышенное мѣсто. Разрытия начались на сѣверозападномъ концѣ ея. Съ первого же дня, г. Ботта сдѣлался обладателемъ одного изъ удивительнейшихъ открытій новѣй-

шихъ временъ. Онъ поспѣшилъ извѣстить ученыхъ о своей находкѣ. Къ несчастію, великое здание, котораго развалины открыты г. Ботта, по всей вѣроятности погибло въ страшномъ пожарѣ. Толстыя стѣны, выложенные изъ грубаго кирпича, въ первобытномъ видѣ, были оштукатурены, украшены барельефами и покрыты куническими надписями. Такимъ образомъ, по самому свойству материала, сохраненіе барельефовъ было почти невозможно. И действительно, подвергшись влиянию свѣжаго воздуха, они быстро разрушались. Г. Ботта съ горестю видѣлъ уничтоженіе его терпѣливыхъ трудовъ. Ученый консулъ попробовалъ срисовывать барельефы помѣрь-того, какъ работники извлекали ихъ изъ земли. Съ удивленіемъ смотрѣли мы на эти копіи барельефовъ и надписей, которыми обязаны карацдашу г. Ботта. Онъ не умѣлъ рисовать, и, однакожъ, въ вѣсколько дней неутомимаго труда, онъ достигъ до того, что, наконецъ, передалъ намъ свое открытие со всемъ желаемой точностью.

Междудѣмъ, средства г. Ботта исощдались. Онъ не имѣлъ ни достаточной ловкости, ни быстроты для того, чтобы, снимая копіи съ надписей, вмѣстѣ съ тѣмъ копировать и барельефы, потому-что работы производились съ удивительной скоростью. Ботта обратился съ просьбою къ правительству. Академія Надписей, которую въ высшей степени интересовали открытия въ Корсабадѣ, употребила свое посредничество у министровъ. Ея просьба была принята. Господинъ Ботта получилъ въ свое распоряженіе достаточную сумму на издержки, необходимыя при разрытии. Кроме-того, г. Фланденъ, молодой талантливый художникъ, былъ отправленъ на помощь г. Ботта для срисовки барельефовъ и другихъ памятниковъ древности, какіе могли бы открыться при разрытии. Г. Фланденъ былъ человѣкъ, уже привыкшій къ этому роду занятий, потому-что долго упражнялся надъ памятниками Персеполя, совер-

шенно аналогичными съ памятника-
ми Ниневии.

При такихъ благопріятныхъ обстоя-
тельствахъ, разрытии, на нѣсколько
времени прерванныи, возобновились и
кончились уже тогда только, когда
всѧ верхняя часть возвышения, на ко-
торомъ находилась деревня Корса-
бадъ, была совершенно срыта. Это
возвышение было гробницей огромна-
го дворца, который оно скрывало въ
своихъ вѣдрахъ. Мы уже говорили,
что этотъ дворецъ былъ разрушенъ
пожаромъ. Отъ этого и произошло то,
что штукатурка, которая нѣкоторымъ
образомъ укрыла земляные стѣны,
разрушилась, и самыя стѣны, болѣе
ничѣмы и не удерживаемы, упали и
при своемъ паденіи образовали то возв-
ышение, въ которомъ доселѣ были
погребены ихъ нижнія части. Это по-
ложеніе иннѣвійскаго дворца совер-
шенно похоже на то, въ которомъ и
дональ находятся нижнія части пом-
пейскихъ домовъ, такъ-сказать, по-
требленыхъ въ массу мелкихъ ноздре-
ватыхъ камней, покрытыхъ грудами
щепа.

По мѣрѣ-того, какъ проникали въ
восторанныя залы, украшавшія нѣ-
когда иннѣвійскій дворецъ, открывалась
возможность воссоздать почти
всѧ планъ его. Стѣны почти вездѣ,
извѣт и внутри, были покрыты гипсо-
вой штукатуркой, отъ 30 до 35 санти-
метровъ толщины. Почти вездѣ на
нихъ изображены были болѣе человѣ-
ческаго роста фигуры боговъ, жре-
цовъ, царей, воиновъ, евнуховъ, не-
вольниковъ. Въ нѣкоторыхъ изъстахъ
были изображены разнаго рода спе-
цы, осалы крѣпостей, сраженія, вы-
садки, торжества побѣдъ, охота, пи-
ры. Въ тѣхъ изъстахъ, где барельефы
были въ мѣньшемъ размѣрѣ и не мог-
ли покрыть всей стѣны, они были въ
два ряда, одинъ надъ другимъ, и отда-
вались довольно широкими поясами
куническихъ надписей,ѣроятно, объ-
яснительныхъ. Очевидно, всѣ эти
скульптурные работы были раскраше-
ны. Многочисленныя ворота дворца,

сдѣланныя всѣ по одному и тому же
плану, имѣли по обѣимъ сторонахъ
огромныхъ кирзатыхъ быковъ съ че-
ловѣческими лицами. Эти быки изъ
цѣлаго камня, вышиною въ пять мет-
ровъ, были покрыты богатыми тиара-
ми. Позади ихъ находились другие ко-
лоссы тоже изъ цѣлаго камня, пред-
ставлявшіе людей, которые давили
львовъ.

Важность этихъ открытій увеличи-
вала трудность, какая представила гг.
Ботта и Фландену въ ихъ занятияхъ.
Первый трудился надъ копировкой
всѣхъ открытыхъ куническихъ надпи-
сей, второй срисовывалъ барельефы.
Оба они прекрасно исполнили свое
дѣло; и вынѣ великолѣпное изданіе
всѣхъ совокупныхъ трудовъ уже даетъ
высокую идею о тѣхъ услугахъ, кото-
рыхъ историческія и физиологическія
науки въ правѣ ожидать отъ соединен-
ныхъ усилий гг. Ботта и Фландена.

Понатао, съ какой жадностью ожида-
ли въ Парижѣ появленія остатковъ ве-
ликолѣпнаго иннѣвійскаго дворца. Не-
бывало попробовать счасти хоть что-
нибудь изъ этихъ древностей. Для
этого г. Ботта долженъ былъ изобрѣ-
сти сперва средства для перевозки ин-
нѣвійскихъ колоссовъ. Но обѣ эти
вѣчнаго было и думать. Оставалось толь-
ко одно средство — распылить ихъ на
нѣсколько мелкихъ частей. Это было
искусно исполнено подъ наблюденіемъ
самого ученаго консула. Но онъ все-
таки сберегъ нѣкоторые экземпляры
этихъ фигуръ и группъ, чтобы въ слу-
чай, еслибы французское правитель-
ство пожелало иметь ихъ въ настоя-
щемъ видѣ, переслать въ цѣлости, че-
го онъ не могъ теперь исполнить по
недостаточности средствъ.

Теперь, когда всѣ эти древности уже
помѣщены въ Луврѣ, когда мы видимъ
предъ собою эти громадные колоссы,
воссозданные изъ мелкихъ частичекъ въ
полнѣй формѣ, съ искусствомъ, дѣлаю-
щимъ честь людямъ, которымъ пору-
ченъ былъ этотъ трудъ, теперь мы мо-
жемъ мысленно перенестись въ этотъ
корсабадскій дворецъ, въ этотъ го-

роль, населенный цѣльмы міромъ ко-
лоссовъ, въ эту обширную галерю
барельефовъ, исписанныхъ историче-
скихъ и религіозныхъ надписями. Что
должно думать о томъ чудномъ на-
родѣ, столица которого зашла доста-
точное число художниковъ для испо-
льзованія такого громаднаго труда въ та-
кое короткое время и съ такимъ иску-
ствомъ? Мы сказали: въ короткое вре-
мя, потому-что возвышенія, подобныя
корсабадскому, покрываютъ почти всю
ниневійскую равнину, окружая со
всѣхъ сторонъ корсабадскую ограду,
которую сочли за городскую стѣну, въ
которой, однакожь, есть не что иное,
какъ ограда обширнаго дворца, иль
сколько большаго, нежели другое,
близъ него находящіеся. Такихъ возвы-
шений множество въ ниневійской до-
лине, и уже одинъ Авгличанинъ, ми-
стерь Ліеръ, началъ разрытия въ немъ
рудовомъ возвышеніи, находящемся
на разстояніи двѣнадцати часовъ пути
отъ корсабадскаго, при ѿпаденіи Заба
въ Тигръ. Уже открыты два новые
дворца: одинъ, вѣроятно, одной и той
же эпохи съ корсабадскимъ, бывш., по-
добно ему, разрушенъ пожаромъ; дру-
гой, кажется, погибъ отъ руки време-
ни. Это предположеніе, впрочемъ,
очень-вѣроятно, потому-что гипсовая
штукатурка, покрывающая стѣны древ-
наго дворца, по его ветхости, была
снята и употреблена въ дѣло при по-
стройкѣ новаго, относящагося, вѣ-
роятно, къ VII столѣтію до христіанской
эры. Въ этомъ дворцѣ точно такое же
устройство, какъ и въ корсабадскомъ,
точно также расположены и барельефы
и надписи. Въ другомъ дворцѣ, поща-
женномъ огнемъ, найдено множество
обломковъ оружія, посуды бронзовой
и изъ слоновой kostи.

Наученіе всѣхъ этихъ древностей
поможетъ намъ проникнуть болѣе въ
хаосъ ассирийской цивилизациіи, кото-
рая открывается теперь предъ нами

послѣ столь долговременнаго забвенія.
Одно изъ величайшихъ завоеваній
г. Ліера есть обелискъ изъ твердаго
чернаго камня, совершенно сохра-
нившійся. Онъ имѣеть въ вышину
вѣсколько метровъ. На четырехъ сто-
ронахъ его изображенія сцены воен-
ныя, въ которыхъ мы встрѣчаемъ жи-
вотныхъ, находящихся исключительно
въ Индіи. Каждая сцена подпи-
сана куническими буквами, которыя
со временемъ будуть, навсегда, раз-
обраны, и, безъ-сомнѣнія, послужатъ
къ воссозданію ассирийской исторіи.
Уже Лондонъ приобрѣлъ вѣкійные
изъ этихъ барельефовъ, найденныхъ г. Ліеромъ въ немрудскомъ дворцѣ. Всѣ
они превосходно сохранились и по
праву могутъ считаться однимъ изъ
драгоцѣнѣйшихъ украшений британ-
скаго музея, въ которомъ собрано уже
столько сокровищъ.

Въ луврскомъ музѣѣ двѣ залы ниж-
наго этажа назначены для помѣщенія
древностей, вывезенныхъ изъ Корсаба-
да. Ящики, содержащіе въ себѣ драго-
цѣнныя остатки ассирийскихъ древно-
стей, перевезены были по Тагру до Бас-
соры на келекахъ, родѣ обыкновенныхъ
плотовъ. Въ Бассорѣ ихъ принялъ, по
особенному повелѣнію короля, военное
судно и въ началѣ 1847 года доставило
въ Гавръ, откуда черезъ вѣсколько
ведѣль драгоцѣнныя памятники были
прямо привезены въ Лувръ.

Въ первой залѣ, на всѣхъ четырехъ
сторонахъ ея, поставлены огромныя ра-
мы, въ которыхъ помѣщены барелье-
фы. Нѣкоторые изъ нихъ, въ - несча-
стію, подверглись дѣйствію огня. Эти
барельефы представляютъ морскія
сцены. На однихъ изображено измѣ-
нство судовъ на вспахъ: они перевоз-
ятъ бревна, по-видимому, назначен-
ныя къ употребленію при осадѣ крѣ-
пости, находящейся на скалѣ; на дру-
гихъ множество водяныхъ животныхъ,
крокодиловъ, змѣй, морскихъ пауковъ,
рыбъ, раковинъ; всѣ они выглѣплены
съ большими тщательностью. Есть одинъ
барельефъ, изображающій Дагона —

бога - рыбь; другой представляет врыцатого быка — символическое животное, или, лучше, изображение ассирийского божества. На третьем матросы вытаскивают из реки бревна: въ рисункѣ этого барельефа видно много искусства, движений, энергии. Въ ятой же аркѣ находится картина, представляющая трехъ воиновъ, изъ которыхъ двое ведутъ лошадей, очень-недурно нарисованныхъ. Всего различие въ рисункахъ этихъ лошадей большое сходство съ тѣми, которыхъ встречаются въ скульптурныхъ работахъ Грековъ древнейшихъ временъ. Ассирийские воины представлены съ копьями въ рукахъ; плеча ихъ и бедра покрыты бараньей кожей. Сверху наброшена туника, обувь съ поднятыми носками, какъ обувь Иудаицевъ, застегнута напереди ноги. У каждого на поясѣ повышенъ эллиптической формы мѣщочекъ, употребление которого очень-трудно угадать. На верху барельефа есть куническая надпись, хѣ-несчастію, много попорченная.

Вашу этого драгоценнаго произведения скульптуры вѣланъ обломокъ черноватаго камня, который гораздо прѣиче гипса. Этотъ камень представляетъ нижнюю часть человѣка, держащаго въ руки тройной листокъ лотуса. Передъ нимъ возвышается мистическое растеніе, вѣроятно, юма или семя, та божественная трава, которая играетъ такую важную роль во всѣхъ религиозныхъ обрядахъ Иудаицевъ и почти всей Азіи.

Противъ этихъ двухъ барельефовъ поставлена третій, огромной величины, на которомъ изображены два воина, несущіе на плечахъ военную колесницу, вѣроятно, составляющую часть добычи, отнятой у непріятеля. Эта колесница сделана точно такъ же, какъ колесницы Египтянъ, на барельефахъ Карнака и Мединат-Абу, то-есть, съ ея находится позади того места, на которомъ стояли вонь и воница. Это странное устройство колесницъ, кажется, было всеобщее, потому-

что его встречаются и въ Египтѣ, и въ Персеполѣ, и въ эпохи, отдѣленные еще насколькими вѣками. Вѣроятно, Ассириици заимствовали его у Египтянъ, потому-что египетские памятники, на которыхъ встречаются подобные колесницы, относятся въ эпохѣ, предшествовавшей, можетъ быть, пятью вѣками постройкѣ корсабадскаго дворца.

Во второй залѣ поражаютъ каждого колоссальные ворота дворца, возобновленыя съ удивительной тщательностью. Нельзя представить эффекта, который производятъ огромные крылатые быки, съ человѣческими лицами, стоящіе по обѣимъ сторонамъ воротъ. Пропорція ихъ чудесны и отдалены съ такой тщательностью, которая ясно доказываетъ внимательное изученіе природы. Мускулы чрезвычайно натуральны, мышцы настѣнны съ удивительной вѣрностью, все дышитъ несомнѣннымъ талантомъ. Головы полны выраженія: они покрыты цилиндрическими тиарами, украшенными розетками. Изъ-подъ этихъ тиар разсыпаются волосы, чрезвычайно-мелко завитые; на бородѣ они тоже завиты, и такимъ-образомъ имѣютъ тотъ особенный характеръ, который мы видимъ въ памятникахъ Персеполя. Подъ ногами этихъ колоссальныхъ быковъ вырѣзаны съ удивительной тонкостью длинныя куническіе надписи, прекрасно сохранившіяся.

Не мею этихъ колоссальныхъ быковъ любопытны два человѣческіе коня, гиганты отъ пятнадцати до восемнадцати футовъ вышиной; головы и туловища ихъ выполнены ан-фасъ, ноги въ профиль. Они, по-видимому, идутъ къ быкамъ, подъ которыхъ поставлены. Въ правой руки у каждого ободу-острое оружіе, загнутое назадъ, съ рукоятью, украшенною головою теленка; въ каждой держитъ за заднюю лапу льва, которого прижимаетъ къ своей груди и такимъ-образомъ залушаетъ рукою. Судорожныя мускулы переданы съ удивительной энергией. Мы не устремимся сказать, что львы Партиона не превосходятъ корса-

бадскихъ по выполнению. У гигантовъ волосы на головѣ и бородѣ художнически завиты, точно такъ же, какъ и у человѣческихъ головъ крылатыхъ быковъ. У обоихъ въ ушахъ одинаковые серьги. Руки украшены массивными браслетами, прекрасно сдѣлаными, съ львиными головами у застежки. Нельзя не заметить, что видъ этихъ фигуръ въ сколько страненъ, потому что ноги, изображенныя въ профиль, какъ то не сходятся съ корпусомъ и головой, представленными ан-фасъ. Пропорціи тоже въ сколько тяжеловаты: въ формахъ этихъ колоссальныхъ фигуръ неѣтъ ничего стройнаго. За то въ-которыхъ частяхъ тѣла отдѣланы съ рѣ-дкимъ искусствомъ. Мускулы рукъ и ногъ, колени и особенно ноги исполнены безукоризненно. По правую и по лѣвую сторону этихъ колоссовъ, поставлены прекрасные маленькие ба-рельефы, представляющіе, безъ сомнѣнія, ассирийскія божества, отличающіяся своими четверными крыльями. Одно изъ этихъ божествъ, съ орлиной головою, вѣроятно, представляетъ Нес-року, бога-орла, одно изъ первона-чальныхъ божествъ ассирийской тео-гоніи, прототипъ баснословной птицы арабскихъ сказокъ, этого гигантскаго орла, который сохранилъ имя Рокъ, окончаніе первоначального названія забытаго Несрока:

Во второй залѣ музеума находится каменный круглый жертвенникъ, при-матическое подножіе котораго въ виду раздѣляется на три ножки, оканчиваю-щіяся каждая львиными когтями. Вѣщ-ная окружность стола вся занята куни-ческой надписью, безъ которой этотъ жертвенникъ можно было бы почесть за произведение Грековъ, хотя онъ и отрытъ въ Корсабадѣ, неподалеку отъ дворца. На этомъ жертвенникѣ нахо-дится бронзовый левъ, одинъ изъ дра-гопѣнійшихъ памятниковъ искус-ства Ассиріи. Этотъ левъ лежитъ па всѣхъ четырехъ лапахъ. На спинѣ его прикрѣплено толстое кольцо. Это об-разцовое произведение пластики, арти-стическихъ исполненіе, прекрасно на-

черченное — имѣть въ длину сорокъ сантиметровъ. Такая изящная фигура и въ такомъ размѣрѣ — дорогая находка, потому что служить доказательствомъ высокаго развитія искусства въ эту отдаленную эпоху. Г-нъ Лѣръ нашелъ множество подобныхъ изображений въ одномъ изъ ассирийскихъ дворцовъ Немруда. Трудно отгадать назначеніе этихъ львовъ; однако же, можно предположить, что они имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ двернымъ украшениямъ, потому что въ одной изъ стѣнокъ двери корсабадскаго дворца было точно такое же бронзовое кольцо.

Нѣкоторые изъ барельефовъ пред-ставляютъ полныхъ, безбородыхъ ев-нуховъ, одѣтыхъ въ длинныя туги. Ихъ обувь состоитъ изъ сандалій, при-крѣпленныхъ шнуркомъ къ большому пальцу ноги; мечи привѣщены у лѣва-го бока на красивыхъ перевязкахъ. Эти евнухи, по-видимому, идутъ куза-то, сложивъ горизонтально руки въ знакъ покорности. На одномъ барелье-фѣ ассирийскій воинъ несетъ на плечахъ колесницу: передъ нимъ, другой несетъ двѣ вещи, украшенныя льви-ными головами. Можно предположить, что это части ихъ военной добычи. Даѣте видимъ — вѣроятно, царя. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, позволительно ду-мать, когда пріймешь во вниманіе его важный, повелительный взглядъ, длин-ный скипетръ. Голова его покрыта коническимъ колпакомъ, совершающимъ подобнымъ головному убору выѣш-нихъ Персіанъ. Онъ говоритъ съ воиномъ, который стоитъ передъ нимъ съ сложенными въ знакъ покорности руками. Потомъ мы встрѣчаемъ двухъ евнуховъ, несущихъ столь, ножки котораго оканчиваются львиными когтями. Какъ кажется, этотъ столь дол-женъ играть роль въ пиршествѣ. Тре-тій евнухъ несетъ двѣ вазы, въ кото-рыхъ, вѣроятно, содержатся ясты, должнѣстующія появиться на пирѣ.

Есть барельефъ еще болѣе любо-пытный. Онъ изображаетъ какое-то божество съ четверными крыльями, съ треугольной тѣлой на головѣ. Къ

тиаръ прикрытъ левъ цвѣтомъ — лилія. Въ правой руцѣ у него сосновая шишша, въ лѣвой ваза, вѣроятно, называемая для воды. Можно предположить, что это есть изображеніе божества, подобнаго персидскому Ормузду. Кажется, что оно примиѳетъ человѣку два необходимыя вещества, огонь и воду, — огонь, олицетворенный въ видѣ сосновой шишши, воду — въ видѣ вазы, которая въ себѣ ее заключаетъ. Передъ этимъ божествомъ представлены два лица, которые, кажется, призываютъ его. Одно изъ нихъ держитъ лѣвою рукою дикаго барана, вѣроятно, для принесенія его въ жертву, другое стоять съ тройнымъ листвонмъ листкомъ лотоса.

Одинъ изъ барельефовъ этой же ча-лы представляетъ воина въ полномъ вооруженіи, съ лукомъ, съ колчаномъ и съ мечомъ. На другомъ изображенъ подобный же воинъ, гонящій лошадей. Есть еще два или три обломка, представляющіе почти тѣ же сюжеты, какіе мы уже описали, то-есть, или воиновъ, или божества; но эти куски барельефовъ, къ несчастію, весьма по-порчены.

Всѣ эти произведенія безъ исключенія были раскрашены. Слѣды красокъ такъ ясны, что нельзя въ томъ и сомнѣваться. При этомъ случаѣ мы не можемъ не вспомнить, что г. Тексѣ, возвратившись изъ Персеполя, утверждалъ, что онъ примиѳилъ слабые слѣды красокъ на барельефахъ персепольскихъ развалинъ. Тогда всѣ возстали противъ этого невѣроатнаго открытия. Замѣчаніе г. Тексѣ, хотя весьма спра-ведливое, было принято за печальную ипотезу; но вотъ, теперь, когда развалины корсабадскаго дворца явились на свѣтъ, онъ вполнѣ доказалъ важность и справедливость мнѣнія г. Тексѣ. Здѣсь будетъ кстати вспомнить, что новѣйшая Персія полна дворцами и мечетями, въ которыхъ разрисованы стекла играютъ важную роль. Эффектъ, который они производятъ, поразителенъ. Нынѣ чѣтакже доказано, что барельефы корсабадскаго дворца

сверху какъ-будто оклеены были разноцѣтными стеклами, которыя вышину трудно опредѣлить. Плафоны были деревянные, раскрашенные ла-зурью.

Намъ остается теперь юговерить только о самомъ важномъ значеніи корсабадскихъ древностей. Всикій до-гадается, что мы разумѣемъ подъ этимъ куническія надписи, открытыхъ въ великолѣпномъ корсабадскомъ двор-цѣ. Истолкованіе ихъ должно прозѣтъ на исторію ассирийской монархіи, досега неизвѣстную и темную. Эти надписи раздѣляются на чѣмъ-ко-классовъ, весьма отличающіе одинъ отъ другаго: 1) надписи, находящіеся на внутренней сторонѣ штукатурки стѣнъ; 2) надписи на порогахъ внутреннихъ дверей; 3) надписи, находящіеся въ ногахъ крылатыхъ быковъ; 4) надписи, служащія истолкованіемъ барельефовъ, украшающихъ всѣ стѣны; 5) наконецъ, надписи на самыхъ барельефахъ.

Надписи четвертаго разряда по всей вѣроятности содержать въ себѣ сказа-нія, которыхъ истолкованіе было бы чрезвычайно важно для исторіи; но нѣтъ возможности разобрать ихъ, такъ онѣ многочисленны. Было бы выго-дно угадать имена городовъ и лицъ, которыхъ встречаются на самыхъ барельефахъ. Но гдѣ приходится только догадываться, не мудрено вѣстъ изъ заблужденіе. Надписи, находящіеся въ ногахъ быковъ, вѣроятно, религіоз-наго содержанія. По-крайней-мѣрѣ, можно предполагать такъ, если воз-немъ во вниманіе, что онѣ обыкновен-но находятся при изображеніяхъ су-ществъ религіозныхъ или символическихъ. Надписи на порогахъ дверей могутъ содержать въ себѣ или польбу въ честь властителя дворца, или тор-жественное прославленіе доблестей монарха, предъ которымъ должно являться, переступая этотъ порогъ. Остаются надписи, довольно-небрежно начерченныя на внутренней сторонѣ штукатурки стѣнъ. Существование ихъ чрезвычайно странно. Что думать о

характеръ народа, который изчерталъ огромными буквами надписи на каждомъ камѣ внутренней окладки дворца и между тѣмъ былъ увѣренъ, что онъ никогда не увидятъ дневного сѣнта. Конечно, какая-нибудь религиозная идея была ихъ источникомъ. Иначе, нельзя себѣ объяснить этого странного, поразительного факта. Мы увѣрены, что эти надписи чисто-религиозного содержания и, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ, какъ и множество другихъ, молитвы о благѣ въ славѣ императора, построившаго этотъ дворецъ.

Таковъ характеръ, таково, по всей вѣроятности, назначение корабельныхъ надписей. Очевидно, пройдетъ время, когда не нужно будетъ вдаваться въ догадки о смыслѣ этого драгоценнаго открытия, потому-что рано или поздно эти таинственные письмена раскроются подъ усилиями новѣйшей науки.

Всѣ, вѣроятно, слышали о системѣ письменъ, которую условились назвать кунической или куненческой, по предмету, первоначально служившему ей основаниемъ. Это—смѣанс, острый уголъ, клинъ, который, будучи или соединенъ съ подобными себѣ или изчертанъ въ различныхъ положеніяхъ, можетъ представить группу буквъ, достаточную для всѣхъ видовъ звѣнъ алфавита. Нѣть ничего проще создания подобной алфавитной системы. По всей вѣроятности, этотъ элементъ куническихъ или клинообразныхъ письменъ есть порожденіе религиозныхъ идей, потому-что вавилонскій памятникъ, хранящійся въ королевской библиотекѣ, представляетъ въ числѣ фигуръ, очевидно относящихся къ религиознымъ предметамъ, и клинъ, какъ священный предметъ, на жертвеникѣ.

Подобное собраніе фигуръ не можетъ быть случайно, и, безъ сомнѣнія, въ одномъ этомъ фактѣ уже есть достаточное указаніе на божественное происхожденіе первоначального элемента этихъ странныхъ письменъ.

До сихъ-поръ, въ этикъ письменахъ отличали три системы, которыхъ, вѣро-

ятно, были представителями звуковъ трехъ различныхъ нарѣчий. Въ развалинахъ персепольского дворца найдены были эпиграфические памятники, касающіеся исключительно династіи Ахеменидовъ. Эти надписи представляютъ три художественные образы письма, вѣроятно, изображающихъ каждый какое-либо нарѣчіе трехъ главныхъ племенъ, находившихся подъ властію Ахеменидовъ, то-есть — Персовъ, Мидянъ и Ассириянъ. Весьма-естественно, что нарѣчіе господствовавшаго племени имѣло почетное мѣсто. Такимъ образомъ, скоро угадали, что въ трехлинейныхъ (трехстрочныхъ или трехъязычныхъ) надписахъ — первая линия была начертана письменами Персовъ, вторая Мидянъ, третья Ассириянъ.

Подицто, какое любопытство возводили эти письмена, съ какой жадностью желали ихъ истолкованія. Долго эти желания оставались безплодны, но нѣть такой загадки, на которую бы человѣческий умъ смотрѣлъ какъ на неразрѣшимую. Истолкованіе поименныхъ трехлинейныхъ надписей въ послѣдніе годы сдѣлало огромные успѣхи. Первый изъ нихъ, т. е. письмена Персовъ, хотя съ трудомъ, но уже разбираются. Здравая философская критика, постоянство и даже самый инстинктъ много помогли въ этомъ дѣлѣ. Ученому Нѣмцу, Гrotтесфенду, первому принадлежитъ честь истолкованія нѣкоторыхъ изъ странныхъ буквъ, составляющихъ алфавитную систему Персовъ. Послѣ долгаго изученія текста, докторъ однажды остановился на небольшой группѣ буквъ, и съ удивленіемъ, впрочемъ, чисто-инстинктивно, воскликнулъ: это имя Даріа! Гrotтесфенъ дѣйственно угадалъ. Онъ замѣтилъ также, что все слова этой системы были отдалены кривымъ угломъ, нѣсколько склонившимся на правую сторону. Съ этой минуты, загадка начала разгадываться и опыты истолкованія этихъ неизвѣстныхъ письменъ значительно увиждались. Судя по свойству новѣйшаго языка Персовъ, и особенно язы-

на ихъ священныхъ книгъ, собранныхъ и переведенныхъ съ столькими пожертвованиями Анкетилемъ-Дюперрономъ, можно съ уверенностью заключить, что эти кунические буквы выразились въ извѣстномъ венскомъ нарѣчіи, которое имѣть къ нарѣчію санскритскому такое же отношение, какое итальянскій языкъ къ латинскому. Во Франціи, г. де-Сен-Мартенъ первый выступилъ на это новое прище филологическихъ изслѣдований, но только ученый Бюрнуль пошелъ за нимъ быстрымъ и твердымъ шагомъ. Долгое время приготовляясь къ этой открытиямъ изученiemъ разлѣчныхъ нарѣчій Индіи, г. Бюрнуль, въ высшей степени одаренный филологическимъ гenieемъ, воссоздалъ вѣсколько прекрасныхъ страницъ персидского языка. Онъ разобралъ и перевелъ вѣсколько чрезвычайно-захѣнныхъ текстовъ. Съ появлениемъ записокъ Бюрнуфа, иностранные филологи тоже устремились на иное прище, и между ними нельзя не поставить во главѣ ученаго Лассена, котораго труды поэтому предмету—истинное сокровище. Онъ разобралъ въ подробности записки Бюрнуфа. Роудиссонъ разсмотрѣлъ и комментировалъ Лассена. Такъ-образомъ, филология каждодневно приобрѣтаетъ новые глубокія свѣдѣнія въ этихъ открытияхъ,—свѣдѣнія, сильно подкрѣпляемыя благороднымъ соревнованіемъ. Въ настоящее время, первая система кунической азбуки читается, и читается такъ легко, что можно утверждительно сказать, что отныне ни одна изъ подобныхъ куническихъ надписей не будетъ неразрѣшимо для науки.

Уэстергардъ первый обратился къ истолковавшю индійской системы куническихъ письменъ. На этотъ разъ, ему не доставало помощи, какую обыкновенно доставляетъ присутствіе какого-либо знака, постоянно употребляемаго для отдѣленія словъ одного отъ другаго. Въ индійскихъ надписахъ буквы слѣдуютъ одна за другою въ такомъ сантонѣ порядке,

что весьма-трудно раздѣлить ихъ належащими образомъ на понятныя группы. Однакожъ, такъ-какъ уже было известно изъ анализа текстовъ первой системы, гдѣ находились имена, уже разобранныя въ надписахъ Персовъ, ваковы, напримѣръ, имена Даріа, Ксеркса, Гистаспа, Ахеменеса и Ормузда, то и довольно легко было обозначить предѣлы этихъ именъ и отдѣлить ихъ, придавъ каждой буквѣ извѣстное значеніе и, поѣтъ, посредствомъ анализа словъ, изображающіи самыя идеи. — Уэстергардъ звался за это, но результаты его изслѣдований оказались вѣсма-недостаточны. Такъ-образомъ, всѣ слова, значеніе которыхъ онъ узнавъ черезъ чисто-математическое разложеніе индійского текста, въ-сравненіи съ персидскими текстами, уже ясно прочтеными, должны принадлежать къ какому-то стравону нарѣчію, которое не принадлежитъ ни къ одному изъ извѣстныхъ семействъ языковъ. Такъ-какъ это почти невозможно, то вѣсма-естественно предположить, что истолкованіе Уэстергарда не совсѣмъ вѣрно и должно подлежать строгому контролю. Молодой французъ ученый, докторъ Оппертъ, действительно занялся разборомъ индійскихъ письменъ, и при первомъ шагѣ изслѣдований уже призналъ въ нарѣчіи индійскихъ текстовъ большое сходство съ письменами монгольского корня. Это неожиданное открытие не должно удивлять насъ. Каждому извѣстно, что отъ монгольского корня происходятъ многочисленные вѣти татарскихъ нарѣчій. По всей вѣроятности, отъ этого же корня произошли и древній языкъ Синеовъ, стѣстственно, очень можетъ быть, что языкъ, изображаемый вторымъ разрядомъ куническихъ буквъ, то-есть, индійской системой, выражалъ звуки нарѣчія, принадлежавшаго какому-нибудь племени, происходившему изъ этого же самого семейства.

Третья система куническихъ письменъ, система иссирийская, находится на многочисленныхъ памятни-

кахъ, открытыхъ Шульцомъ на берегахъ озера Вана и особенно гг. Ботта и Леромъ. При существованіи столькихъ надписей, совершенно сохранившихся, можно надѣяться, что разрешеніе задачи, истолкованіе этихъ текстовъ, не долго останется тщетнымъ. Нѣчего и говорить, что къ этому истолкованію придется доходить отъ известнаго къ неизвестному, то-есть, съ помощью трехлинейныхъ текстовъ, начертанныхъ въ царствованіи Ахеменидовъ. Внимательное изученіе этихъ памятниковъ, существующихъ еще и нынѣ въ Персеполь, Гамаданѣ, Мургабѣ, Ванѣ и въ Накши-Руставѣ, дало филологамъ средство ясно опредѣлить мѣсколько собственныхъ именъ, каковы Ормуздъ, Киръ, Дарій, Гистаспъ, Ксерксъ, Артаксерксъ и Ахеменесъ. Не трудно понять, что истолкованіе этихъ семи именъ не можетъ представить достаточныхъ средствъ для определенія значенія многихъ сотень буквъ. Нынѣ же ясно доказано, что собственные имена въ ассирийскомъ текстѣ всегда имѣютъ предъ собою уголобразный знакъ, вѣсколько отъ нихъ удаленный и начерченный въ вертикальномъ положеніи, острымъ концомъ внизъ. По-видимому, этотъ знакъ не променяется и служить только характеристическимъ признакомъ собственныхъ именъ. Этотъ фактъ помогаетъ, съ первого взгляда, опредѣлить въ ассирийскомъ письмѣ мѣста, занимаемыя именами; но и все тутъ. Что жъ касается до пространства этихъ именъ, его трудно опредѣлить въ priori до-тѣхъ-поръ, пока не узнаемъ съ совершенной точностью алфавитного порядка буквъ. Въ Накши-Руставѣ существуетъ длинная надпись, начерченная на высокой скалѣ, въ содержащей въ себѣ исчисление народовъ, находившихся подъ властью Дарія. Уэстергардъ съ помощью телескопа старался скопировать эту драгоценную надпись; но трудно убѣдиться въ вѣрности подобнымъ образомъ скопированного текста, и притомъ же ассирийскій текстъ, испорченный во

многихъ мѣстахъ, въ исчислении народовъ, поданныхъ персидского цара, по несчастію сохранился хуже, нежели всѣ другіе. Скажемъ болѣе: сравненіе именъ, мѣсть и народовъ не можетъ представить положительныхъ результатовъ, потому-что часто въ двухъ весьма-блѣзкихъ земляхъ название одного и того же мѣста измѣняется до такой степени, что нельзя и подозрѣвать въ нихъ какого-либо сходства. Этого не можетъ случиться съ собственными именами лицъ, потому-что они, переходя изъ одного нарѣчія въ другое, подвергаются только весьма нечувствительному видоизмѣненію и физиономія ихъ все-таки не теряетъ своего характера. Знаменитая близитунская трехстрочная надпись, въ этомъ случаѣ, могла бы значительно помочь въ истолкованіи ассирийскихъ письменъ. Эта надпись начерчена на огромномъ барельефѣ, выѣтленномъ на скалѣ и представляющемъ Дарія, который держитъ рѣчь многими национальными народовъ, покорныхъ его власти. Каждый изъ этихъ послѣднихъ имѣть при себѣ особенный листокъ, на которомъ написано его имя и имя народа, во главѣ котораго онъ находится.

Г. Роулинсонъ, англійскій агентъ въ Багдадѣ, скопировалъ эту важную надпись. Къ-несчастію, Роулинсонъ, вѣроятно, желая сохранить себѣ славу первого открытия смысла ассирийскихъ письменъ, до-сихъ-поръ не хотѣлъ сообщить ученымъ миру неопубликованный текстъ, которымъ онъ одинъ обладаетъ. Надо ожидать, что какой-нибудь неустранимый путешественникъ посвятитъ свои труды въ приобрѣтеніе этого филологического сокровища, передъ которымъ гг. Костѣ и Фланденѣ долго стояли и не подумали обогатить имъ своихъ портфѣлей. Мы не хотимъ доказывать, что отъ приобрѣтенія этой близитунской надписи зависитъ успѣхъ всѣхъ усилий въ истолкованіи ассирийскихъ письменъ, но смило утверждаемъ, что когда эта над-

шись появится въ свѣтѣ, этотъ вопросъ сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ.

Посмотримъ теперь, какіе результаты по настоящее время выведены изъ всѣхъ этихъ исследованій. Уже давно доказанъ признакъ, характеризующій собственные имена въ ассирийскомъ текстѣ. Анализъ этихъ имёнъ тоже не сколько разъ уже былъ сдѣланъ многими тружениками науки. Г. Левенштернъ первый издалъ въ свѣтѣ весьма-важное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Принявшись за этотъ вопросъ *ab ovo*, онъ анализировалъ собственные имена и публиковалъ результаты своихъ исследованій. Эти исследованія убѣдили его, что въ ассирийскомъ текстѣ употреблялись гомофонические знаки, въ полномъ смыслѣ этого слова, то-есть, знаки весьма-различные по формѣ, но представляющіе, подобно египетскому письму, алфавитные звуки постоянно одинъ и тѣ же. Трудъ Левенштерна, хотя и не совершенно безукаризованъ, однакожъ, онъ первый познакомилъ ученыхъ съ нѣкоторыми числами забучныхъ знаковъ, вѣрность которыхъ кажется намъ несомнѣнною. Г. Ботта, въ свою очередь, началъ изданіе труда, въ важности котораго нельзя не убѣдиться. Съ величайшимъ терпѣніемъ раздѣлилъ онъ букву отъ буквы во всѣхъ ассирийскихъ надписяхъ, найденныхъ имъ въ корсабадскомъ дворцѣ. То же сдѣлалъ онъ съ надписями Вана и съ надписями на трёхъ языкахъ, и такимъ-образомъ составилъ чрезвычайно-любопытный каталогъ, въ которомъ обозначены всѣ измѣненіи знаковъ ассирийскаго письма. Отъ окончавшія труда г. Ботта мы въправѣ надѣяться весьма-важныхъ указаний къ разрѣшенію настоящей задачи. Когда всѣ знаки, которые видоизмѣняются въ текстѣ ассирийскомъ, будуть опредѣлены, останется узнать, все ли эти видоизмѣненія суть очевидные признаки гомофоніи, или нѣкоторые изъ нихъ не что иное въ сущности, какъ только простыя грамматическія перемѣны въ окончаніи словъ.

До-сихъ-поръ, мы не знаемъ даже свойствъ ассирийскаго языка. Трудно и невозможно определить въ *a priori*. Во всякомъ случаѣ, географическое положеніе страны, въ которой говорила этимъ языкомъ, позволяетъ догадываться о сходствѣ его съ нарѣчіемъ смежныхъ народовъ. Семитическое начало ассирийскаго племени, начальное достаточно доказанное съ письмомъ, убѣждаетъ въ томъ, что въ немъ существуетъ множество семитическихъ корней, но всей вѣроятности подобныхъ тѣмъ, которые составляютъ языкъ халдейскій. Съ другой стороны, отныне нельзя не замѣтить въ ассирийскомъ языке частаго употребленія гласныхъ, чѣмъ, кажется, не сколько связываетъ его съ системой персидской, и, въ-сдѣлствіе этого, съ общностью матерью всѣхъ ирано-германскихъ нарѣчій, съ языками санскритскими. Притомъ же, если правда, что мидійское нарѣчіе имѣть соотношеніе съ нарѣчіемъ татарскими или монгольскими, то весьма-естественно будетъ предположить, что, можетъ-быть, въ ассирийскомъ языке встрѣтятся слова, которыхъ можно будетъ отнести къ этому разряду языковъ. Наконецъ, въ томъ же мѣстѣ, на которомъ живо вѣкогда ассирийское племя, живеть еще и понынѣ древній народъ, отчизною одинъ изъ первобытныхъ народовъ, обитавшихъ на этой землѣ, нарѣчіе котораго непремѣнно должно сохранить въ себѣ многіе сѣдѣ языка ассирийскаго: мы разумѣемъ племя армянское.

Очевидно, что эта задача представляетъ множество трудностей, потому что решительно невозможно предвидѣть, что будетъ значить то или другое слово, представляющее такую или другую идею, хотя бы даже ее теперь и опредѣлили. Прежде всего надо стысовать истинное значение буквъ, во-д-сихъ-поръ еще слишкомъ-мало элементовъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ уѣренностю сказать это определеніе. Позвавъ въ свѣтѣ близитуская надпись,—половину труда

замѣтилъ небодынной домикъ, принадлежащий къ одному изъ флагелей. Онъ вошелъ въ этотъ домикъ, единственнымъ жильцомъ которого былъ старый музыкантъ, игравшій въ оркестрѣ на гобоѣ, и проводившій всю свою жизнь въ пересыпываніи поть. Ришльѣ предложилъ ему плату за квартиру, сѣсть, чтобы онъ, Ришльѣ, могъ, когда ему велумается, во всякое время дни, занимать одну комнату въ домѣ. Старый музыкантъ принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ. Въ тотъ же самый день, герцогъ привелъ туда каменщица и слесаря, чтобы слѣзать эту комнату обѣдаемою; она отдѣлялась одной стѣной отъ маленькаго кабинета г-жи де-Поплинье, въ которомъ у неї находились фортепіано, библіотека и небольшая кровать для отдыха. Въ послѣдствіи, она очень любила отдыхать на этой кровати. Ришльѣ предупредилъ ее въ-время: они выѣхали изъ країнъ, бывшихъ по случаю свадьбы дофина съ инфанткою.

Каменщикъ и слесарь тотчасъ же принялись за дѣло. Стѣна была пробита въ каминъ г-жи де-ла-Поплинье; слесарь вынула плиту и опять вставила очевидно искусно, укрѣпивъ на незадѣтной шалмерѣ, такъ-что она могла открываться по промывалу. Ришльѣ былъ въ восторгѣ отъ своего нового жилища, приходилъ туда вслѣдъ дня, оставаясь иногда до утра, конечно, предаваясь военнымъ соображеніямъ. Прекрасная соседка его не жаловалась.

— Удивительно, сказала однѣ разъ г. де-ла-Поплинье Мармонтелю: — жена моя помбюла удивленіе. Конечно, въ ней пробудилось раскаяніе съ-тѣхъ-поръ, какъ я догадался забавить-ся отъ герцога Ришльѣ. Напередъ не надо откладывать въ женщинахъ. Вотъ она теперь и сидитъ за книгами, читаетъ Боссюета и Фенелона; вчера я засталъ ее за фортепіано; она играла какую-то деревенскую пѣснь. Шесть недѣль тому назадъ, она совсѣмъ не сидѣла дома, любила удовольствія, общество, а теперь заперлась какъ Пенелопа или Лукреція.

Вечеромъ, за ужиномъ, г-жа де-ла-Поплинье, извинившись передъ единственнымъ гостемъ, удалилась въ свой маленький кабинетъ. Когда пришелъ откупщикъ, его приняли, какъ скучнаго и невзапанаго гостя. Онъ съ некоторымъ удивленіемъ замѣтилъ, что жена его не читала и не играла на фортепіано, но занималась своей прическою, хотя никуда не собираясь въ тотъ вечеръ. Букетъ испанскихъ жасминовъ, только-что сорванныхъ изъ фарфорой вазы, былъ прикованъ къ волосамъ. Несносное постыденіе мужа беспокоило ее, потому-что она не его ждала.

— Вашъ угодно мнѣ что-нибудь сказать? спросила она, прохаживаясь по комнатѣ.

— Признаюсь, сударыня, я пришелъ сюда изъ любопытства; у васъ такъ хорошо, что я хотѣлъ бы отдохнуть заѣдь отъ своихъ заботъ. Согласитесь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я заперъ дверь побѣдителю, воюющему только противъ мужей, всѣмъ намъ стало очень-шокойно.

— Да, сударь, радуйтесь...

Въ то самое время, герцогъ Ришльѣ былъ за стѣною; раздался условный ударъ въ плиту; г-жа де-ла-Поплинье побѣднѣла.

— Чѣмъ это? спросилъ г. Поплинье прислушиваясь.

— Вѣрою замѣгаютъ огонь по ту сторону каминна, отвѣчала она развязно: — Это сосѣдство никогда очень-непріятно; тамъ живетъ музыкантъ.

Раздался второй ударъ.

— Какой онъ несносный! продолжала г-жа де-ла-Поплинье: — я напоминаю ему, что и заѣдь живутъ люди.

Она взяла щипцы и стукнула ими раза два по плитѣ. То было звать удалиться.

— Если вы хотите, я привожу вашему сосѣду удерживать свои музыкальные порывы; эта стѣна, можетъ быть, не прикасается...

— О, не беспокойтесь! Мнѣ очень-жаль будетъ вспоминать привычное

этого музыканта; я никогда люблю его слушать.

Чрезъ несколько дней послѣ этого неудачного съединенія, г. де-ла-Поплинье-эръ получалъ безънечисленное множество такого содержанія:

«Не знаю кто, самъ чорть или чехо-вѣкъ, но только каждую ночь и пробирается къ вашей женѣ любовника, не въ дверь и не изъ окна.»

На слѣдующую ночь, г. де-ла-Поплинье-эръ караулилъ у дверей маленькаго кабинета, и скоро замѣтилъ, что жена не одна: она слышала два голоса.

— Огонь, пожаръ въ домѣ! закричали они громко.

Горничная дѣвушка (сторожъ пленочный!), заснувшая въ сосѣдней комнатѣ, отворила дверь откупщику.

Она вошла въ сапогахъ со шпорами, какъ Лудовикъ XIV въ парламентъ, вооруженный болѣю Лудовика XIV, потому-что держать въ одной руки плеть, а въ другой скічу. Она вошла прямо къ кровати жены. Она сидѣла на одной подушкѣ и съ такою непрочностью, что обезоружила ревизора.

— Но, сударыня...

Гжа де-ла-Поплинье-эръ проснулась.

— Какъ вы меня испугали!

— Я вѣдь слышала сію минуту.

— Вѣ-самомъ-ѣѣѣ?

— Я узнала голоса Ришлья.

Г. де-ла-Поплинье-эръ посмотрѣлъ подъ кровать, чтотъ за кровать.

— Вотъ фантазія, дѣвушка г-жа де-ла-Поплинье-эръ, очень-милѣ-ѣѣѣзувъ и высматриваетъ свои тубы, блѣые, какъ у молодыхъ всичѣ. — Отворите вѣнчикъ въ мои туалѣтѣ; вѣроятно, горячо тута спряталася.

Откупщикъ блѣелъ.

— Если вы симѣетесь надо мной, сударыня, я вѣдь удастся. Здесь было мужчинъ?

— Ахъ, г. Поплинье-эръ! еслибы вы знали, какъ искѣ холеста сидѣть.

Поплинье-эръ искала погоня своего соперника подъ корточками, за за-

пальцами, за каминъ, подъ лампой между креселами.

— Вотъ чудеса! борется онъ сквозь зубы: — завтра я привезу Бланшонна, чтобы разгадать...

При этихъ словахъ, сѣть отъ стѣнъ упала на шлагу, землю и кровати въ ногахъ... Христофоръ Блонбъ не такъ обрадовался открытию Америки!

— Не угодно ли звать суперъ идѣ, заѣхать эта шлагу лежитъ тѣ земли?

IV.

Маршалъ де-Саксъ хотѣлъ отыскать де-ла-Поплинье-брата если не упаковку, то у маршала де-Ришлья; онъ зналъ, впрочемъ, что великий побѣдитель сердца былъ еще при началѣ своего романа съ этой красавицей, ободвѣнѣйшией которой своротилъ дверь, весь Парижъ. Онь прѣѣхалъ отъ откупщику утромъ, когда можно было только-что встать. Приложивъ вѣжливое къ кончику ногтей г-жи де-ла-Поплинье-эръ, онь проسىсь отъѣхать съ нимъ въ Саблонскую-Долину, гдѣ хотѣлъ сдѣлать смотръ своихъ начальниковъ улановъ.

То былъ праздникъ для всего Парижа. Г-жа де-ла-Поплинье-брата поняла, что для такого праздника нужна прелестная, и, не умѣя скрыть своей романтизмы, примирила предложеніе прекраснаго Мориса. Рожденная для спасы, она любила показать себя. Попросивъ изрѣша подождать и созвать всѣхъ своихъ женщинъ, она вѣѣла одѣть себѣ нарядъ-можно-скорѣе, обращая, вѣрчень, зоркое внимание на свѣжесть, красоту и блескъ наряда.

— Самъ Амуръ не умѣлъ бы вѣѣть лучше и съ большими прусами, сказала маршалъ, который, по обычью того времени, оставался при ея услугѣ. — Хоть, правда, Амуръ не имѣетъ привычки одѣвать женщинъ, прѣѣхалъ онъ съ видомъ побѣдителя...

Сѣли въ карету и съ шумомъ всполоились въ Саблонскую-Долину, въ сопровожденіи всѣхъ лучшыхъ солдатъ рода французской армии, граѣстыхъ

если не храбростю, то проворствомъ съмъ. Маршала де-Ришль таинъ не былъ: онъ былъ у короля. Г-жа де-ла-Поплиньеъ утѣшилась и развлеклась этимъ смотромъ, который льстилъ ей самолюбію. Она любила Ришль, но еще той очаровательной, уютною любовью, которая не допускаетъ ви гора, ни слезъ. Въ послѣдствіи, дорого заплатила она за эти сладкія минуты любви и увеселій. Но теперь, беззечно предложеніе жизни, она торжествовала красотой.

Междудѣньемъ, какъ г-жа де-ла-Поплиньеъ любовалась смотромъ улановъ, знаменитый Вокансонъ, получивъ записку отъ откупщика, отправился изъ неї въ домъ съ испредусмотрительностью поэта и подложилъ первый камень въ воздушныхъ замковъ.

Г-де-ла-Поплиньеъ встрѣтилъ Вокансона, взялъ его за руку и отвѣтъ, молча, въ мѣдѣстный камъ кабинетъ.

— Другъ мой, сказала онъ ему съ чувствомъ: — каждый день и каждую ночь прокрадывается сюда человѣкъ; я поставилъ караулъ у дверей и у оконъ; скажи мнѣ, есть ли еще другаго входа?

Вокансонъ, не отвѣчая ни слова, повернулся три или четыре раза на одномъ мѣстѣ, погомъ снялъ поясной портретъ Данкура, писавшій Даржерию и вставленный въ богатую раму.

— Есть, есть, проговорилъ онъ, поступивъ голову: — здесь есть двери.

Онъ повернулся къ камину.

— Зачѣмъ есть виброзвъ, на очага въ каминѣ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, подхватилъ де-ла-Поплиньеъ, затопавъ ногами отъ радости: — вѣрою въ каминѣ есть ходъ.

Вокансонъ сталъ на колѣни и прогнувшись голову подъ мраморную обдѣлку.

— Невозможно! тутъ можетъ проходить развѣ только лесати-жѣтій трубоочистъ. Говори это, онъ ударилъ пальцемъ по плитѣ.

Въ эту минуту вошелъ Мармонтель, и вѣть, что онъ рассказываетъ себѣ исторію.

T. LVI. — Отд. VIII.

вотъ приключеніи (*). Вокансонъ вѣтилъ, что плита на шалмерѣ и такъ хорошо призажена, что соединеніе съ каменностѣнкой почти незамѣтно.

— Ахъ, чтѣ за чудная работа вскричнула онъ, обратившись къ Поплинье: — какой искусный мастеръ это фѣлъ! Плита подважная; она отворяется, но шалмерѣ удивительно тонокъ. Есть табакерки, которая была бы такъ хорошо отлѣана.

— Чѣдѣ променѣе Поплиньеъ блѣдѣла: — вы уѣрены, что доска отворяется?

— Да, я въ этомъ уѣренъ. Я совершенно вижу, отвѣчалъ Вокансонъ въ восхищеніи: — это просто чудо!

— Чѣдѣ мнѣ за дѣло до вашихъ чудесъ? Есть тутъ чѣмъ восхищаться!

— Да, такие мастера теперь рѣдки; у меня вѣтъ ви одного, который бы...

— Оставимъ вашихъ мастеровъ, а пускай мнѣ приведутъ такого, который бы снялъ эту плиту.

— Кѣкъ жалъ юбить такую превосходную работу! сказалъ Вокансонъ.

Полчаса спустя, комиссаръ того квартала утвердилъ формальною бумагой открытие этого потасянаго хода.

Г-ла-де-Поплиньеъ, выслушавъ съ твердостью чтеніе этой бумаги, сказала:

— Г- комиссаръ, вы забыли подтвердить мое уничтоженіе, потому-что Ришль ужъ полгода ходить сюда каждый день.

Комиссаръ сдѣлала тѣ, о чѣмъ просилъ его откупщикъ.

— А я, сказалъ Мармонтель, утирая слезу (онъ долженъ былъ пролить ее за своего хозяина): — я васъ уѣшу; я окажу вамъ услугу, которую Гораций приводитъ въ музамъ: *Vos vescere consilium et datis, et dato gaudetis atque.*

V.

Если мы возвращимся на смотръ улановъ, то найдемъ г-жу де-ла-Поплинье

(*) *Mémoires d'un père, pour servir d'instruction à ses enfants.*

еръ небрежно покояющуюся въ своей каретѣ, разсѣянно слушающую любенности маршала де-Ловендана, третьего маршала, прикованного къ ея колесницѣ, говоря слогомъ того времени.

Но вотъ, видитъ она, останавливается знакомый ей человѣкъ, очень-дурной наружности, по однѣ видѣй кого раго давно уже приводить ее въ величие; тѣ былъ Гимонъ, адъютантъ герцога де-Ришльѣ.

— Большое несчастіе случилось, сказала онъ ей таинственно. — Вашъ мужъ и этотъ негодай Вокансонъ открыли ваши тайныя симпакіи съ герцогомъ.

Г-жа де-ла-Поплиньѣръ почувствовала, что вся кровь ея хлынула въ сердце: но она сохранила на лицѣ всю прелестъ улыбки и спокойствія.

— Не правда ли, маршаль, сказала она Ловендану: — вы будете такъ любезны, что проводите меня домой сей-часъ же?

— Я готовъ провожать васъ толькъ на край свѣта.

Когда карета остановилась у польфѣда, швейцарь, не отворяя двери, закричалъ г-же де-ла-Поплиньѣръ, что она получила строгое приказаніе не пускать ея домой. Какъ ни кричали, какъ ни грозилъ ему виселицей маршаль де-Ловенданъ, дверь оставалась непоколебимою, какъ прусская армія при Ростбахѣ.

Г-жа де-ла-Поплиньѣръ уѣхала, но скоро воротилась на новую попытку, и въ этотъ разъ съ герцогомъ де-Саксъ. Швейцарь, нѣхотя и слегка растянувшись, объявилъ, что ему запрещено...

— Знаешь ли ты, кто я? сказала маршаль: — для меня нѣть запрѣта на дверей. Войдите, сударыня.

Дверь пошатнулась на петляхъ, и швейцарь отступилъ на три шага.

Г-жа де-ла-Поплиньѣръ вошла въ сопровожденіи маршала.

— Вотъ какъ, мой другъ, мой милый Поплиньѣръ! Огласка, сцены, поводъ къ толкамъ... Къ-чему все это? Ты умный человѣкъ. Война, такъ война! И не-уже-ли ты вѣришь всѣмъ этимъ

задорамъ? Добротѣсть подавалась иногда въ свѣти: но остается добротелью. Еслибы ты живалась на женщинѣ некрасивой и глупой, то и тодобы бы никакихъ не было. Прощай, мой другъ: ручаюсь за сердце твоей жены.

— Маршаль, не сѣйтесь ни въ чѣмъ, ви назъ же мой зорѣ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ маршаль де-Ришльѣ ходить сюда чрезъ каминъ.

— Маршаль за маршаломъ: иѣ съ мономъ хотѣлось бы лучше быть на естѣстѣ: но прежде всего молчаніе; тѣль вѣчнѣмъ храниться. Я знаю извѣгія, которые больше любить знати все про себя, нежели рассказывать за весь міръ. Впрочемъ, мена ждутъ въ Версалѣ; оставляю вѣсть въ соѣтую землю чистую мирную.

Когда маршаль де-Саксъ уѣзжалъ, г-жѣ де-ла-Поплиньѣръ ушла изъ ливавъ и закрыла голову руками: тѣ была побѣженный передъ врагомъ побѣдителемъ. Жалкая побѣда! Она думала, что врагъ будетъ великодушъ; но ошиблась.

— Вы видѣли не у себя, сказала она, какъ-бы съ высоты своего званія и богатства: — вовѣ отсюда, и тѣль скрѣе, тѣль лучше! Можете взять вороты своего дланя и его довѣри. Если вы переживете свой сѣмъ, то вѣнчачу вашъ пленко на профілѣ.

При послѣднѣхъ словахъ, г-жа де-ла-Поплиньѣръ встала съ неудобившись и бросила взглядъ предрѣшилъ и грустнаго человѣка, о которому всѣ говорили; пусть его насыщается своимъ златомъ..

— Прощайте же! сказала она съ прѣстью вѣтой, которую чувствуетъ изъѣмный, предающійся въ первый разъ своей горькой участіи: — прощайте, и не оскорблайте мои воспоминанія!

Она ушла и не возвращалась болѣе. Когда ея хорошенькая рожка, щегольски обутая въ сталь, отчекасилась и посыпалась, она почувствовала горячую существенность жизни. Куда иѣ? она не знала. Мать-то умерла, матъ, о которой она, въ концѣ свѣта, не успѣла даже помнить.

Бѣлая женщина! Утромъ, весь дворъ былъ къ ея услугамъ; къ вечеру, она не имѣла подушки, чтобы усою помѣтъ свою измученную голову.

Маршалъ де-Ришлье уѣхалъ въ Тулузу; но еслиъ она и не уѣжалъ, она не осмѣялась бы просить у него пристыща, а тѣмъ болѣе денегъ. Она готова была съ нимъ спорить въ могущества, но темерь свергнула съ престола, на вѣто что не рѣшилась бы умиться передъ нимъ.

Остановясь въ углу Целеройяля, не вѣзя, куда идти, предавшись вполнѣ своему горю и любви своей она взругъ замѣтила, что ее окружала толпа любопытныхъ; слышать, что проѣзжаетъ шоуточомъ ея виза, толкуютъ о ея приключеніи. Прежніе слуги ея вслухъ радовались исторіи подвижнаго каминя: камъ не подѣяться такою соблазнительною новостью со всѣмъ Парижемъ! Г-жа де-ла-Поплиньеѣръ поняла, какъ глубока пропасть!

Она шла вправо, и вдругъ вспомнила о маленькой квартирѣ въ улицѣ Вандатуръ, которую она оставила за собой послѣ смерти матери, чтобы сохранить съ благоговѣніемъ мѣбель знатной Мими Данкуръ, не желая, чтобы ее продали съ аукціона и пахали ее слишкомъ-старомодною для помѣщенія въ домѣ де-ла-Поплиньеѣра. Эта мысль для нея была какъ спасительная доска утопающему: она вспомнила у прибрѣтницы, торопливо вошла за лѣстницу и съ стѣсненнымъ сердцемъ отворила дверь. Ей казалось, что она входитъ въ могильный сименъ. Комната была мрачная, уныла; воздухъ въ ней былъ сырой и удушливый. До сихъ-поръ, г-жа де-ла-Поплиньеѣръ удерживала слезы; но此刻 только дверь за нею затворилась, она дала вѣсъ волю, и рыданія раздались по всѣмъ комнатамъ.

Не о матери, о себѣ-самой плакала она.

Странное игра судьбы! Чаше всего случается, что любовное приключение не только не вредитъ героямъ, но даже вызываетъ ее, даетъ ей голосъ въ

свѣтѣ; иногда такое приключение дѣлается источникомъ богатства — на этотъ разъ, оно было совершеннымъ падениемъ. Всѣ пасмуринки были противъ г-жи де-ла-Поплиньеѣръ; журналисты не щадили ея: они жестоко осмѣяли романъ ея жизни, и скоро исторія о подвижномъ каминѣ разнеслась по Парижу, по Франціи, по Европѣ, по всему свѣту; ее рисовали въ карикатурахъ, сочиняли стихи на голосъ изъ «Вѣчнаго Жиза», и представляли на театрѣ *de la Foire*. Г-жа де-ла-Поплиньеѣръ не смѣла никаку показаться; она осуждена была на вѣчное заточеніе. Стѣни только маршалу де-Ришлье входить черезъ окно, а не чрезъ каминъ, и никакого бы шума не было. Вотъ, какъ опасны нововведения!

Почти пѣть лѣтъ прожила г-жа де-ла-Поплиньеѣръ деньгами, вырученными за платье и кружевной чепчикъ, которые вродала въ Тамплѣ ея горничная. Г. Поплиньеѣръ вездѣ рассказывала, что даетъ женѣ пенсію въ 20 тысячъ лиардовъ; но на дѣлѣ, она прислала ей только фортепиано, книги ея, парады и горничную. Что касается до него самого — она уѣхала изъ всѣхъ силъ. Чтобы лучше отпраздновать свое вдовство, она пригласила къ себѣ всю оперу; вѣглавъ былъ Рамо, который не разставался съ нимъ. Въ числѣ ежедневныхъ посѣтителей были: Фонтенель, Бавло, ла-Туръ, Жантиль-Бернаръ, Монтирифъ, Мартиро, Креблійонъ; но маршалы Франціи неѣдили. Мармонтель продолжалъ прымѣнять въ нему стихи Горация и читать трагедіи. Откупщики не знали лагинскаго языка, а въ Александрийскѣ стихахъ своего поэта не понимали ни слова. Вокансенъ былъ частыи гостемъ и, такъ какъ былъ развлеченою своей механикой, но при каждомъ появленіи спрашивалъ о здоровье г-жи де-ла-Поплиньеѣръ и отомъ, сколько ли она слова покажется.

Когда маршалъ де-Ришлье возвратился въ Парижъ; онъ уже зналъ, что тайна неѣтъ искритъ. Онъ открылъ тайное убѣжище г-жи де-ла-Поплиньеѣръ и явился къ дворянѣ ея.

Она ему отворила дверь и безъчувствств упала въ ногиъ его. Трудно было узнатъ красавицу: такъ измѣнило и всушило ее горе.

— Къ чему всѣ эти печали при первой неудачѣ? сказалъ герцогъ, когда г-жа Поплиньеъ открыла глаза.

Онъ отнесъ ее въ кресло, стаъ передъ нею на колѣни и нѣжно цаювалъ ея руки.

— Маршалъ! проговорила она голосомъ, въ которомъ слышались слезы: — все конченѣ: вся Франція симѣется надо мной; а слишкомъ-хорошо понимаю это, читая газеты.

— Чѣдъ за слабость—огорчаться толками этихъ негодяевъ! Хотите ли послушать доброго совета?

Она опустила голову и старалась улыбнуться.

— Шадѣнтье лучшеѣ свои наряды, садѣйтесь красавицей до наглости, сядьте въ карету, поѣзжайте въ оперу и съ твердостью снимите маску. При видѣ вашихъ прекрасныхъ глазъ, всѣ сочинители этихъ глупыхъ сказокъ скажутъ: «ѣтренница г-жа ла-Поплиньеъ!» потому-что, видите ли, съ вашою красотой, если хотите быть правы, надо непремѣнно являться въ свѣтѣ.

— Никогда! сказала Поплиньеъ, красавица при одной мысли, что надо будетъ показаться въ публикѣ.—Да и гдѣ мои слуги? подумала она. — Гдѣ моя карета?

Маршалъ де-Ришлье не имѣлъ обыкновенія долго просить о чѣмъ бы то ни было, ни Бога, ни женщины. Когда онъ убѣдился, что г-жа де-ла-Поплиньеъ твердо рѣшилась жить въ изгнаніи, онъ ея не мучилъ болѣе. Во время пребыванія своего въ Шарнѣ, онъ видался съ нею почти каждый день, но скоро почувствовалъ, что любилъ ее только веселую. Этотъ человѣкъ не могъ себѣ врѣчить тѣ слезы. Впрочемъ, у него было такъ много дѣла! Исторія колвищаго камнина не покрала ему впечатлѣніе; для него она была — одинъ изъ лицъей побѣдой, побѣдой, которая должна была

покорить ему много сердецъ, хотѣніе непокорныхъ. Его признаніи всегда, какъ побѣдителя; онъ чуть-чуть воевалъ подъ лаврами, или, лучше сказать, подъ мирами. Передъ отѣщеніемъ въ Тулузу, онъ проводилъ пѣвый вечеръ съ г-жею де-ла-Поплиньеъ и довольно хорошо сыгралъ роль страстнаго юбовника, чтобы обмануть блѣдную женщину, заставить ее думать, что сказана не одна. Оставляя ее, онъ сожѣвалъ ей разсѣяться, говорилъ, что желалъ бы и по возвращеніи найти ее прекрасною и веселую. Въ угощеніе ей, г-жа де-ла-Поплиньеъ сострахомъ рискнула поѣхать въ некоторыѣ изъ по-другуѣ своей матери, и между прочими г-жу де-Суврѣ, гдѣ видѣла иконки живописцевъ и литераторовъ, которыхъ знала прежде въ домѣ г-на Поплиньеира. Около этого времени, она написала то вѣжное и страстное письмо, которое послѣ найдено было, имѣть с множествомъ другихъ письмъ, въ архивахъ семейства Ришлье.

Оно было написано правильно, но все въ немъ доказывало, что тутъ говорило сердце, а не умъ:

«22 января.

«Милый мой, твой посланный еще не уѣхалъ; я такъ и думала: чѣдъ и глупость, чтобы забыть, дѣйствій 19, уѣхалъ 20! Но что дѣлать! надо слушаться, когда нельзя повиновѣтств. Я стыжусь письма, которое написала тебѣ вчера. Наииншее чувство, по-моему, есть начало безумія; надо быть въ томъ же настроеніи и читать эти вещи съ такою же любовью, съ какою они написаны: тогда, только они способны воспоминать, а не оглашать; не-уже-ли письма можно забыть и тебя это послѣднее дѣйствіе? Все въ головѣ моей проходитъ быстро, и я часто давала тебѣ замѣтки, что въ мѣй остается только то, чѣдъ можетъ меня огорчить. Отъ природы я застѣчива, а ощущать сѣдѣль, иска и недовѣрчивою; все мѣй представляется въ дурномъ видѣ, и въ борьбѣ, чѣдъ я должна, что моя длинныя письма наскучили тебѣ. Ты из-

говоришь, что они составляютъ твое счастье, но говоришь такъ слabo, такъ рѣдко повторяешь; отычашь мнѣ на то, о чёмъ я пискалько не забочусь, на-прим., о г-жѣ Суврѣ и о монхѣ письмахъ. Мое единственное удовольствіе писать къ тебѣ, думать, что ты будешь менѣ читать, что письмо мое будетъ въ твоихъ рукахъ, что ты займешься мною, хоть насильно, хоть разсѣянно, въ-продолженіе цѣлаго часа; это одно заставило бы менѣ переписывать газеты, еслибы мнѣ чѣчего было больше писать; но безпредѣльная довѣренность, которую я имѣла къ тебѣ, заставляетъ менѣ говорить тебѣ обо всемъ, до глупостей—и это чувствую, потому-что представляю тебѣ все въ томъ безпорядкѣ, какой у менѣ въ головѣ, и даже болѣше; я не хочу ничего забыть, а все подавляю; отъ — того и вѣтъ никакого порядка.

• Пускай же мои новости, даже мои опасенія, не имѣютъ на себѣ ни малѣшаго влиянія, какъ мечты моего воображелія; но что до монхѣ чувствъ къ тебѣ, какъ бы я ихъ ни выражала прибавь къ тому все, что ты можешь выдумать: сѣйлай усиліе, чтобы хоропо ихъ себѣ представить, и все-таки ты не поймешь того, что есть въ-самомъ-дѣлѣ. Я люблю тебя до безумія; нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы я не предприняла, чтобы доказать тебѣ мою любовь и за служить отъ тебѣ такое же чувство; но мнѣ кажется, что если положить ихъ на вѣсы, то онѣ никогда не сравняются; чѣмъ таже становится моя сторона, твоя все облегчается; беспокойство — принадлежность любви; но зюи чувства къ тебѣ больше любви. Голова моя воспламенена такъ, что ты бы надо мною скжалился. Я думаю, мое уединеніе и совершенное отсутствіе развлечений много способствовали къ этому физически. Бываютъ минуты, когда я желаю и согласилась бы увидѣть тебя на одно мгновеніе, обнагть и умереть. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ все кажется, что оно такъ и случится. Поэтому, желанія моя ростутъ, и ветерітвіе и препятствія, которыя но-

гутъ встрѣтиться, представляются моему воображенію такъ правдоподобно, что я падаю въ смертномъ изнеможеніи. Но подумай, мой милый, что еще цѣлый годъ я должна провести безъ тебѣ; все, что прошло, не считается; я даже не увѣрена, будеть ли и черезъ годъ конецъ моимъ страданіямъ. И какъ многое можетъ случиться въ это время! А я желаю тебя такъ сильно, что еслибы пришлось видѣть тебя сегодня же вечеромъ—даже это мнѣ показалось бы вѣчностью. Ты виноватъ, что я такая несчастная. Я не предвижу себѣ въ будущемъ достойнаго вознагражденія за всѣ муки, которыя терплю; одного только хочу я—насладиться тобою свободно, сколько бы захотѣлось, въ мои посаѣдніе дни. Но это никогда не сбудется. Можно ли предполагать, чтобы тонкій тростникъ устоялъ противъ желѣза? а мы съ тобой еще слабѣ... Ты мнѣ разсказываешь ходько о походѣ, который долженъ продолжиться еще годъ; могу ли же я быть довольна? Позвѣши ли ты — оно довольно-смѣшно—но изъ всѣхъ людей, которыхъ я видѣла послѣ твоего отѣзда, никто мнѣ не былъ такъ пріятель, какъ Гимонъ; я его вижу съ такимъ волненіемъ, что боюсь, не отгадаешь бы онъ, что со мной дѣлается; онъ говорить со мною о тебѣ только мимоходомъ, и я его не вижау, какъ при другихъ; но слушаю его съ такимъ удовольствіемъ, смотрю на него такъ вѣжно, что другой на его месте счѣлъ бы меня за сумасшедшую. Онъ меня очень занимаетъ; онъ увѣдѣтъ тебя, будеть говорить, жить съ тобою въ тѣхъ беззрастанныхъ спошніяхъ, о которыхъ я столько мечтаю; быть у твоего язголовья, при твоемъ туалетѣ, въ оперѣ, за обѣломъ, на войнѣ, на праздникахъ — все съ тобой однимъ, душа моя! Я чувствую къ нему нѣжность, какое-то особенное влечениѣ, какъ-будто къ лучшему моему другу; хотя говорю съ нимъ о бездѣлицахъ, о самыѣ обыкновеныхъ вещахъ; одно его слово меня интересуетъ... его пѣсѧ даже, которое

ты, можетъ быть, видѣлъ: Я бессущая...»

На это нѣжное письмо маршалъ Ришльѣ не отвѣчалъ. Количество любовныхъ писемъ, которое онъ получалъ тогда, испугало бы теперьшихъ льзовъ Гагацкаго-Бульвара. Онъ отвѣчалъ на нихъ только изустно, не удостоивъ даже воспоминаніемъ тѣхъ бѣлыхъ оставленныхъ, которыхъ не случалось ему больше встрѣтить. Протя оконо двухъ лѣтъ, а г-жа де-ла-Попланнѣръ и не слыхали о немъ.

Однѣ разъ утромъ, Ришльѣ проходилъ по улицѣ Вандатуръ.—Ахъ, Боже мой! сказала она:—я забыла. Она вспомнила къ г-же де-ла-Попланнѣръ. На этотъ разъ, священникъ отворилъ ей дверь.—Что это значитъ? Гдѣ г-жа де-ла Попланнѣръ?

Священникъ молча провезъ ее въ спальню. Та, которую она оставилъ въ полномъ расцвѣтѣ красоты, которую она утѣшалъ—лежала теперь въ предсмертномъ бреду.

Горничная плакала, молча и неподвижно стоя у ногъ ея. Докторъ только-что вышелъ, объявивъ, что госпожа остается жить нѣсколько часовъ.

— Ахъ, г-нъ маршалъ! рыдала говорила лѣтушка:—вы ее убили; мы жили въ совершенной нищетѣ, прода-вали пластина, чтобы прожить сутки; а еслибы вы отвѣчали на ея письма, все бы она не дошла до этого. Еслибы только вы знали, какъ она мутилась!

— Какое томленіе, какая мука! сказала растроганный священникъ:—изъ счастію, она со вчерашняго дня въ беззапамятствѣ, и не чувствуетъ болѣе своихъ страданій.

Маршалъ Ришльѣ грустно взялъ за руку умирающую и долго оставался въ такомъ положеніи молча, наклонясь вѣдь ея кроватю.

— Столько красоты, сказала она вдругъ:—столько свѣжести... о, неужели вы меня не слышите?

При звуки милаго голоса, г-жа де-ла-Попланнѣръ пристала и опустила

голову, какъ-бы пораженна вспыш-то смутнымъ воспоминаніемъ.

— Слушайте, сказала она:—это письмо моей матери.

Ослабѣвшей рукой всада она открытое письмо, лежавшее на кровати, и начала громко читать то пѣсто. Мадамъ Данкуръ описываетъ смерть своего отца:

«Онъ всплылъ въ церковь сани, гдѣ день и ночь горѣли даѣтъ лампады: скромная гробница и надѣйкой костяное изображеніе — поражали взоры при входѣ. Каждую ночь приходилъ онъ и ложился туда, какъ бы искушаемъ грѣхами, и оставался тамъ цѣлый часъ—онъ, который столько разъ и такъ же—ко ложился на кровати, непрѣменно склонивъ голову. Лежа тамъ, онъ восторженными голосомъ произносилъ псалмы: я особенно запомнила слѣдующія слова: «Страсти окружили меня со всѣхъ сторонъ», какъ пчелы; онъ пожираютъ меня, какъ огонь пожираетъ терновникъ». Выходя изъ гроба, онъ встрихивалъ плачами, какъ-бы чувствуя холодныя обѣлки смерти».

Г-жа де-ла-Попланнѣръ остановилась, вскрикнула:—Мне страшно! и протянула руки.

— Откройте мой гробъ: Ришльѣ не ждетъ. Слышиште ли, онъ подалъ знакъ въ плиту каминu... Гдѣ же... Ноги маршала де-Сансъ смотрѣли удивлено. А! Видо! какой хорошенький портретъ! Теперь я ужъ умерла; огнили его къ Ришльѣ. А вѣдь рисунокъ де-Туръ, чтѣ изъ него будешь?

— О, прости мнѣ твою смерть! проговорилъ маршалъ, сжимая руки упрашающей.

— Кто говорить со мнѣ? Я не то че-ничего слышать. Еслибы она была здѣсь, я бы и его не слушала. Кончено! Мой лѣдъ говорилъ: «Какъ постыдѣ себѣ постель, такъ и ложись».

Г-жа де-ла-Попланнѣръ упала на подушки, истощенная послѣднимъ при-ступомъ смерти. Она заснула въ юности просыпалась бѣлье въ этой же самой

Нашико маршалъ говорилъ о ней самыи изжитыи голосомъ: она не произнесла ви одного слова. Въ ночь она умерла, и не оставила, говоритъ Колѣ, ничего на свои похоронны.

Скромное погребеніе было въ Сев-Рошѣ, и никто не пришелъ поплакать на ея могилу. Даже Мармонтель не написалъ эпитафіи.

Узнавъ о смерти жены, г-нъ де-ла-Шопиньёръ почувствовалъ, что любить ее, но не хотѣть ее видѣть, не скотрѣ на увѣщаніе Машо и д'Аржансонъ; потому-что полъ-конецъ вѣ-жливъ обѣ участіи времпрастной покойну-той женщины; онъ сознавалъ себя из-внѣ-жестокимъ, и, любя литературу, сказалаъ этотъ стихъ Малерба:

Elle etait de ce monde...

Когда Ришльё умеръ, у него нашли рисунокъ да Тура.

— Вы влюблялись во всѣхъ же-щины, сказъ ему однажды аббатъ Сузави: — но никогда не любили

Ришльё взялъ аббата за руку и под-велъ его къ портрету г-жи де-ла-Шо-плиньёръ.

— Аббать, я любилъ вотъ эту же-щину; но любилъ — ужъ послѣ смерти.

	Мочит-Духо- венныхъ вен- зданій, ста.
Римско-католи- ческаго . . .	2,769,929 2,250 2,185
Мухаммедав- скаго . . .	2,322 021 6,159 18,580
Лютеранскаго. 1,756,763 927 440	
Ерейскаго. . 1,188,648 650 5,329	
Армяно-греко- ріанскаго. . 364,236 1,007 2,264	
Ламайскаго. . 224,548 287 6,674	
Папанскаго и др. идолопок. 169,749 65 507	
Армяно-католи- ческаго . . .	19,998 52 51
Реформатскаго. 14,361 33 31	

Всего не-христіанъ — 3,904,966, христіанъ не православныхъ — 4,925,287; мол-итвенныхъ вензій вообще иновѣр-ныхъ исповѣданій 11,432; духовенства — 35,944.

Къ православію обратилось: рим-скихъ католиковъ — 3,328, протестан-товъ — 32,932. Перешло въ римско-ка-толическую церковь: лютеранъ — 3, Ев-реевъ — 73; въ армяно-грегоріанске — 12 мухаммеданъ.

Число сектаторовъ протестантскаго исповѣданія, которые развезлись было какъ въ коловіяхъ на югѣ Имперіи, такъ и въ другихъ протестантскихъ приходахъ, — звачительно уменьши-лось.

По новоу несоразмѣрного уможе-нія таврическаго мусульманскаго духо-венства, правительствомъ приваты иѣ-ры, чтобы лица, непроисходящія отъ духовенства, не были допускаемы къ занятию духовныхъ должностей, а ме-жду-тѣмъ приступлено къ предполо-женію обѣ общихъ мѣрзъ къ умень-щению этого сословія.

Движеніе народонаселенія, въ-отно-шевшіе къ состоянію, представляется въ сѣдующихъ числахъ: возведеніо въ званіе почетныхъ гражданъ — потом-ствоенныхъ: мужскаго пола — 73, жен-скаго — 19; личныхъ — мужскаго пола 41 человѣкъ. Въ свободные хлѣбопаш-цы уволено 1 264 души муж. пола. Ихъ проживающихъ въ Имперіи изостран-

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

Изъ «Краткаго Обзора Правитель-
ственныхъ Дѣйствій Министерства
Внутреннихъ Дѣлъ за 1846 годъ», по-
мѣщеннаго въ декабрской книжкѣ
журнала этого министерства, открывается
следующія статистическія дан-
ныя:

Послѣдовательность всѣхъ иновѣрныхъ
исповѣданій въ Имперіи считалось въ
1846 году 8,830,253 человѣка обоего
пола; въ томъ числѣ:

певъ присягу по подданству принесли — 267 человѣкъ; уволено изъ подданства — 26.

Постановлены мѣры къ огражденію правъ помѣщиковъ при увольненіи крестьянъ въ обязаннны. Въ слѣдствіе изъявленнаго дворянами Динабургскаго Уѣзда желанія опредѣлить правила для улучшевія быта помѣщичьихъ крестьянъ, предложено имъ составить проектъ договора объ увольненіи ихъ крестьянъ въ обязаннны. Устройство быта лифляндскихъ и востляндскихъ помѣщичьихъ крестьянъ подвергнуто разсмотрѣнію особо учрежденныхъ комитетовъ.

Изъ учрежденныхъ въ западныхъ губерніяхъ мѣстныхъ комитетовъ для составленія инвентарей помѣщичьихъ имѣній, — минскій, кіевскій, подольскій, волынскій и віленскій окончили разсматрѣніе инвентарей; что же касается до губерній Витебской и Могилевской, то, по уваженію затрудненій, встрѣченныхъ помѣщиками къ представленію инвентарей въ комитеты, данъ имъ льготный окончательный срокъ, съ тѣмъ, что если кто и къ новому сроку сего не исполнитъ, то будутъ приняты мѣры къ составленію инвентарей отъ правительства, начиная съ 15-го марта.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и вообще сословіями, подвѣдомственными Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по обеспеченію продовольствія, посѣяно было хлѣба: осенью 1845 года — 13,686,655, весною 1846 — 21,801,299 четв.; собрано осимаго — 42,027,319, яроваго — 66,532,126 четвертей. Весь посѣя составлялъ — 35,487,854, а весь сборъ — 108,559,445 четв. (противъ 1845 года — 4,892,907 четв. менѣе); урожай, складователемъ, въ общей сложности, былъ съ небольшимъ замѣткѣ; въ частности же, по 7-ми губерніямъ — весьма-хорошъ, въ 19 ти — посредственныи, въ 18 ти — недостаточныи, и въ 3 — скучныи; цѣны на хлѣбъ, овесъ и сѣно представляли въ разныхъ мѣстахъ огромную разность: такъ, куль ржаной муки продавался въ Саратов-

ской Губерніи по 95%, кон., а въ Віленской — по 9 р. 65%, к. сер. Зачетверть овса платили въ Оренбургской Губерніи 76%, а въ Енисейской — 5 р. 82%, к. сер. Чудь сѣва въ Керчи стоила 3%, а въ Курляндской Губерніи 37%, к. сер. Запасовъ для обеспеченія продовольствія въ 1847 году состояло: а) хлѣба, въ сѣвѣскихъ запасныхъ изгавинахъ: пшеница — 9,720,847, въ пеноимахъ и ссудахъ — 5,015,720, всего 13,736,567 четвертей; б) капитала: въ кредитныхъ установленияхъ — 3,270,529 р.: въ ссудахъ, недомикахъ и займахъ — 4,301,412 руб., итого 7,571,942 р.

Чо слушаю неудовлетворительного урожая иссигновано для выдачи ссудъ обывателямъ Витебской, Могилевской, Віленской и Псковской Губерній, изъ Государственного Заемнаго Банка, изъ Государственнаго Казначейства, изъ продовольственнаго капитала и изъ суммы Приказовъ Общественнаго Прізвѣнія, всего — до 1,593,955 р. сер. Въ тѣхъ же губерніяхъ производились безвозвратныи пособія безземельнымъ и поземельнымъ дворянамъ, отставнымъ и бессрочно-отпускнымъ солдатамъ и другимъ лицамъ: левыги — 10 34,467 р. и хлѣбомъ — по 30 фунтовъ въ мѣсяцъ на душу. Кроме того, выдано трестное и двухмѣсячное жалованье чиновникамъ разныхъ вѣломостей; разрешено выдавать паспорты на простой бумагѣ и беззепечновсѣмъ податныхъ сословіямъ; для снабженія крестьянъ средствами къ пропитанію, открыты изъ разныхъ мѣстахъ шоссейныи работы и оказаны другія льготы.

Относительно введенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ общественной запаски, какъ одной изъ мѣръ для лучшаго устройства народнаго продовольствія, запаска эта вводилась съ особенными успѣхами въ губерніяхъ Оренбургской и Новгородской. Въ первой она введена уже во всѣхъ имѣніяхъ другъ уѣздовъ и въ 251 имѣніи срочнѣхъ уѣзовъ. Въ Сибирской Губерніи этотъ способъ обеспеченія продовольствія

принять уже прежде единодушно всѣми засѣдющими.

Всѣиъ каютались общественного призыва состояли къ 1847 году: собственныхъ — 17,968,682 р., вкладныхъ — 46,434,046 р., итого 64,422,729 руб. (противъ 1845 года — 3,254,032 руб. болѣе). На содержаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній употреблено 4,583,675 р. (противу 1845 г. — 765,956 р. болѣе). Затѣмъ осталось приращеніе къ полву Приказовъ — 122,875 р., не-вѣ противъ 1846 г. 161,621 рубль, что проявляло отъ весьма значительныхъ расходовъ, сдѣланныхъ некоторыми Приказами, въ особенности петербургскими, на учрежденіе временныхъ больницъ по случаю распространенія тифозной горячки.

Общее число воспитанниковъ вѣдѣнія Приказовъ было въ 1846 году — 5,421.

Всѣхъ лечебныхъ заведеній въ зависимости отъ Приказовъ состояло — 564; въ нихъ призыва было 660,485 больныхъ. Дома умалишенныхъ находились въ 33 городахъ; въ нихъ содержалось 2,243 помѣшанныхъ. Въ 117 благадѣльныхъ и инвалидныхъ домахъ пользовалось призывающими 10,070 человѣкъ (противъ 1845 г. — 753 болѣе). Въ исправительныхъ заведеніяхъ, т. е. смирительныхъ и рабочихъ ламахъ, существующихъ въ 31 городѣ, содержалось 3,124 человѣка (287 болѣе противъ 1845 г.).

Городскими жителями, разоренными отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, выдаво: въ ссуду — 15,502 р., безвозвратно — 2,191 р. Добровольныхъ приносящихъ на тотъ же предметъ собрано было 6,942 р. сер..

Въ общественныхъ больницахъ въ частной практикѣ пользовалось всѣго 2,171,666 человѣкъ. Умершіе относились къ числу пользовавшихъ, какъ 1 къ 17. Число врачей по всей Имперіи простиралось до 8,072; кроме того, врачей глазныхъ, зубныхъ и другихъ, имѣющихъ чешское право практики, считалось 654. Въ общемъ числѣ врачей, болѣе половины (4,560) было воль-

конрактнующихъ. Вольныхъ докторъ состояло въ Имперіи къ 1847 году — 691; но и затѣмъ 171 городъ все еще оставалось безъ нихъ. Число рецептовъ во всѣхъ вольныхъ аптекахъ простиралось до 3,137,226; среднимъ числомъ приходилось на каждую: въ столицахъ по 14,690, въ губернскихъ городахъ по 6,850, въ уѣздахъ по 2,136 рецептовъ.

Сумма всѣхъ городскихъ доходовъ Имперіи составляла 7 677,127 руб. (противъ 1845 года 364,126 руб. болѣе). Городскіе расходы простирались до 7,561,807 р. 88 к. сер. (на 937,653 р. 4 $\frac{1}{4}$ к. сер. болѣе чѣмъ въ 1845 г.). Затѣмъ остатокъ отъ 1846 года равняется 135,319 р. 32 $\frac{1}{4}$ к. сер. (573,526 р. 67 $\frac{1}{4}$ к. сер. менѣе противу 1845 г.). Запасныхъ городскихъ капиталовъ считалось въ 1846 году 5,464,269 р. 5 $\frac{1}{4}$ к. сер. (234,178 р. 87 $\frac{1}{4}$ к. сер. болѣе чѣмъ въ 1845 г.). Недоимки по сборамъ доходовъ простирались до 2,266,747 р. 42 к. сер. (на 427,178 р. 37 $\frac{1}{4}$ к. сер. болѣе противу 1845 г.). Такимъ-образомъ, городскіе доходы и самые капиталы въ 1846 году вѣсколько увеличились не только безъ новыхъ налоговъ, но даже съ прекращенiemъ многихъ незаконныхъ сборовъ и за израсходованiemъ на необходимыя потребности почти мильономъ р. сер. болѣе противъ 1845 года. Увеличеніе городскихъ доходовъ относится, впрочемъ, только до общихъ сложности; остатки оказываются же болѣе какъ въ 318 городахъ, въ 95 — расходы равняются съ доходами, а въ 232 — оказывается недостатокъ доходовъ противу потребностей.

Къ 1847 году пропагандены подробныя описания 68 городовъ по всѣмъ предметамъ хозяйственной статистики; составлены специальная описания городскихъ яѣсовъ — по 13, въ населеніи которыхъ имѣй — по 16 городамъ; собраны статистическія свѣдѣнія о 216 изѣчечкахъ.

Составленіе въ новомъ порядкѣ городскихъ списковъ доходовъ и расходовъ по Санктпетербургу, Москвѣ и Одессѣ не осталось безъ послѣдствій

на удовлетворение членущих наименств; въ три послѣдніе года остатки сметаны: а) по Санктпетербургу — 1,266,362 р., изъ которыхъ употреблено на разные строительныя работы 1,246,222 р.; б) по Москве — 460,832 р., изъ которыхъ также отложено на строительныя наименства 409,014 р.; в) по Одессѣ — 788,299 руб., изъ которыхъ употреблено на удовлетвореніе разныхъ потребностей 428,379 р.

По разнымъ городамъ, кроме столицъ, извѣщено сверхъ сметы 414,079 р.; въ томъ числѣ: на постоянные расходы — 19,223 р.; на единовременное, по части городскаго управления — 7,930, и на постройки — 386,824 р.

Въ 1846 году учреждены ярмарки 91 ярмарка и 38 базаровъ.

Привозъ товаровъ на главныя ярмарки Имперіи простирался въ 1846 году на 143,978,211 р. сер. (противъ 1845 года — на 18,704,009 р. 25 к. сер. болѣе); продано было изъ того количества на 100,818,373 р. 50 к. сер. (противъ 1845 года — на 9,491,152 р. 50 к. сер. болѣе). Собственно же на нижегородскую ярмарку привезено было товаровъ — на 57,214,906, а продано изъ того — на 55,843,731 р. сер.; сравнительно съ 1845 годомъ, въ первомъ случаѣ — на 1,371,175, во второмъ — на 7,193,603 р. сер. болѣе.

По части полицейской — открыто вновь семь тюремныхъ комитетовъ; въ тѣмъ число ихъ къ 1847 году простиралось до 264 мужскихъ и 12 женскихъ. Всѣхъ арестантовъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, было 192,221; на содержаніе ихъ употреблено всего 365,323 р., что даетъ на каждого арестанта кругомъ по 1 р. 90 к. или по 3*½* к. въ сутки, если число это раздѣлить на 30 днѣй заключенія, приходящихся на каждого арестанта. На пересыльныхъ и ссыльныхъ арестантовъ издержано — 298,872 р. Слѣдовательно, общій итогъ суммъ, употребленныхъ на арестантовъ, составляетъ 664,196 р., противъ 1845 года — 46,067 р. менѣе.

Въ-течение 1846 года произошли слѣдующія преступленія: 1,911 случаевъ ограбленія (наибольшее въ Петербургѣ 365, въ губерніяхъ Лифляндской — 336, Тобольской 329 и Вологодской — 105).

— 1,499 самоубийствъ (наибольшее въ губерніяхъ: Волынской — 88, Черниговской — 72, Кіевской — 68, Подольской — 57, Гродненской — 55 въ Полтавской 50).

1,477 убийствъ разваго рода; изъ нихъ случайныхъ — 87, въ дракѣ или застольчивости — 924, умышленныхъ — 630; совершенныхъ незадѣтными людьми — 536. Наибольшее число этого рода преступленій произошло: въ Области Каспийской — 132, въ губерніяхъ Грузино-Имеретинской — 115, Енисейской — 78, Томской — 72, Пермской — 49, Ковенской — 47, Кіевской — 38, и Саратовской — 37.

Поджиги, то младенцевъ — 805; изъ нихъ живыхъ — 721, мертвыхъ — 84.

Грабежей и разбоевъ было 376. Важнѣйшіе имѣли мѣсто въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Смоленской; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грабители собирались шайками отъ 10 до 20 человѣкъ; между прочими, одна шайка явилась на Волгѣ, гдѣ и ограбила 8 небольшихъ судовъ.

Поджоговъ было — 140.

Стрѣгими мѣрами, принятыми еще въ 1845 году къ обнаруженію страстѣющихъ людей, которые подъ видомъ сбора подаяній въ пользу заграниценныхъ церквей и монастырей, употребляютъ собранные деньги въ свою пользу, въ-течение 1846 года открыто такихъ сборщиковъ, преимущественно изъ турецкихъ и персидскихъ подданныхъ, до 50 человѣкъ.

Земскіе сборы поступили своеобразно по вѣсмъ губерніямъ, исключая Могилевскую, Батабскую, Псковскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Смоленскую и Курляндскую. Изъ этихъ суммъ употреблено на постройки и исправленія: комицкихъ зданий — 59,070 р., стационарныхъ логовъ — 59,287 р., мостовъ и батай-

282,672 р., верстовыхъ столбовъ — 6,395 р.; всего — 407,426 р. сер.

Результатомъ археологическихъ разысканий, производимыхъ на счетъ Министерства оного и на мѣсто города Царева, мѣстоположенія бывшей столицы золото-ордынскихъ хановъ, города Сарай, было — открытіе 2,777 золото-ордынскихъ монетъ и значительного числа разныхъ вещей.

Совѣтъ при министрѣ занимался: а) начертаніемъ кѣръ къ устройству вольныхъ людей, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ; б) проектомъ положенія объ опекахъ; в) составленіемъ дополнительныхъ правилъ по производству торговъ, и г) начертаніемъ кѣръ для охраненія казны отъ убытковъ при подрядахъ.

Движеніе дѣлопроизводства по Министерству Вн. Д. за 1846 годъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: общее число дѣлъ простирилось до 31,929; изъ нихъ рѣшено — 19,515, осталось нерѣшенными: за Министерствомъ — 3,483, за другими мѣстами — 8,931. Бумагъ входящихъ было всего 121,311; изъ нихъ исполнено и принято къ свѣдѣнію — 120,429. Число исходящихъ бумагъ простирилось до 109,081; изъ нихъ 49,336 — за подписаніемъ министра и директоровъ; 59,645 — за подписаніемъ однихъ директоровъ.

Изъ отчета по Министерству Государственныхъ Имуществъ за 1846 г. (№ 12 Ж. М. Г. И.), между прочими, видно, что число податного народонаселенія вѣдомства государственныхъ имуществъ доходило въ 1847 году до 8,123,524 ревизскихъ душъ мужского пола (наличныхъ 9,330,632 души). Между государственными крестьянами въ кавененныхъ селеніяхъ постоянно проживало: купцовъ — 4,854, мѣщанъ — 47,702, разночинцевъ — 25,995, безсрочно-уволенныхъ — 46,246, отставныхъ солдатъ — 82,929; кантонистовъ — 70,764, солдатокъ — 203,656.

Взысканія съ государственныхъ крестьянъ за проступки, неподлежащіе уголовнымъ наказаніямъ, равно

какъ и разбирательство споровъ и тажъ ихъ между собою; производилось — 5,625-ю сельскими расправами и, въ видѣ второй инстанціи — 1,381-ю волостными расправами. Въ нихъ производилось дѣлъ — 56,466 (противъ 1845 года — 1,428 менѣ), изъ которыхъ кончено и миромъ 9,388, передано въ общія судебнія мѣста — 1,020.

За проступки было подвергнуто суждению:

	муж. и жен. п.
За воровство	6,938 — 1,018.
За развратное поведение	7,512 — 791.
За обиды и драку	9,816 — 942.
За пьянство	14,558 — 909.
За грубость и непослушание	7,715 — 819.
За нарушение или неисполнение полицейскихъ постановлений	24,922 — 1,580.
Итого	71,461 — 6,059.

Изъ нихъ оправдано, и освобождено 11,419 и. 1,658 ж.

	муж. жен.
Къ тѣлесному наказанию разгами	32,964 — 1,958.
Къ аресту	10,825 — 1,051.
— работамъ	4,395 — 518.
— денежному штрафу	8,392 — 369.
Итого	56,376 — 3,896.

Эти послѣднія числа къ общимъ числамъ народонаселенія того и другаго пола относятся: для мужчинъ — какъ 1 къ 711; а для женщинъ — какъ 1 къ 2,104.

Въ 1846 году перенесено селеній къ шоссейнымъ дорогамъ и послѣ пожаровъ выстроено по планамъ — 406; крестьянами построено новыхъ домовъ — 35,623 (противъ 1845 г. — 26,802 бол.). въ томъ числѣ, 103 каменныхъ, 3,808 изъ композиціоннаго кирпича, 967 мазанокъ, 6,864 деревянныхъ на каменныхъ фундаментахъ и 22.081 на столбахъ безъ фундаментовъ. Сверхъ того по селеніямъ въ западныхъ губерніяхъ устроено дымовыхъ трубъ въ курныхъ избахъ — 7,057.

Хороший урожай хлѣба былъ въ 27 губерніяхъ, скудный — въ 5, а въ остальныхъ 14-ти урожай былъ посредственный, и оказавшееся избыточные недостатки почти вездѣ покрыты изъ общественныхъ запасовъ, которыхъ въ 1846 году состояло на лицо 8,927,415 четверт.; вновь поступило 1,603,468; раздано крестьянамъ 1,089,336 четв. За тѣмъ въ 1847 г. общественного хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ на лицо состояло 9,441,542 четв.; т. е. по 1 четверти, 1 четверику и 3 гарница на каждую ревизскую душу.

Денежного продовольственного капитала состояло: на лицо — 987,517 р., въ ссудахъ и недоимкахъ — 2,986,098 р.; Всего — 3,973,616 р. Поземельствованій, сдѣланныхъ на счетъ этого капитала, оставалось на счету — 843,148 руб.

При значительномъ количествѣ хлѣба въ сельскихъ магазинахъ, за невозможность довольствовать неурожайная губернія передвижениемъ запасовъ изъ другихъ, болѣе или менѣе удаленныхъ, министерство вынуждено было прибѣгать къ закупкѣ хлѣба на продовольствие и посѣлье для крестьянъ въ 1845 году — десяти, въ 1846 — пяти губерній, и тѣмъ истощило продовольственный капиталъ; но, какъ и въ предыдущіе неурожаи 1839 и 1840 года, не потребовало отъ государства казначейства никакихъ суммъ на эти издержки.

Врачей по вѣдомству государственныхъ имуществъ состояло 239; фельдшерскому искусству обучалось крестьянскихъ мальчиковъ 239, ветеринарному — 103. Попивадильныхъ бабокъ въ казенныхъ селеніяхъ было 129. Въ 23-хъ лечебницахъ пользовалось больныхъ 14,727. Въ 384 богадѣльняхъ состояло на попеченіи сельскихъ обществъ 4,570 человѣкъ безсемейныхъ, немогущихъ трудами снискивать себѣ пропитаніе.

Оброчныя подати и другіе денежные сборы для уравненія перелагались съ душъ на землю. До 1846 года они взимались по новой системѣ

только въ Петербургской и Воронежской Губерніяхъ; а въ этомъ году поселенная раскладка открыта въ губерніяхъ Тамбовской и Царицынской. За тѣмъ, въ Рязанской и Тульской Губерніяхъ, въ которыхъ опѣнка земель была кончена въ 1845 году, — проводилось предъявленіе ея крестьянамъ и погѣрка; въ губерніяхъ Орловской и Курской — продолжалась начатая въ 1846 г. опѣнка. На эту операцию употреблено въ 1846 году 91,062 р. изъ хозяйственнаго капитала государственныхъ крестьянъ — замообразно, на счетъ увеличенія оброчной подати.

При возостныхъ правленіяхъ земель открыто кассы: всеномогательныя 29, сберегательныя 3; всѣхъ же въ 1846 г. состояло: всеномогательныхъ 408, сберегательныхъ 101, наль-которыхъ въ течение года выдано крестьянамъ въ ссуду 177,800 р.; принятъ въ владеніе отъ земель, частныхъ лицъ и въ мѣрскихъ крестьянскихъ капиталахъ 89,248 р. За тѣмъ въ 1 января 1847 г. состояло въ кассахъ налико и въ ссудахъ 446,827 р.

У государственныхъ крестьянъ въ колонистовъ состояло 6,721 фабрикъ (противъ 1845 г. болѣе 14), на нихъ работниковъ 37,717 (болѣе 3,150). Ярирокъ и базарокъ въ казенныхъ селеніяхъ было 15,656 (мѣдно 949). Обороты торговли приблизительно простирались на 22,961,000 р. (болѣе чѣмъ 873,000); Паспортовъ и билетовъ на отлучки по промысламъ и для работъ выдано 1,103,501.

Государственныхъ крестьянъ перешло въ купцы 145, въ мѣщане 887, въ вольные матросы 140.

Изъ нынѣющаго народовъ болѣе 40% начинаютъ обращаться къ осѣлости Калмыкии. У нихъ въ улусахъ считается уже до 818 домохозяйствъ; въ селеніи было въ 1846 г. хатъба на 1,312 дес. и картофеля на 38. Предприимчивъ осла привезена 2,000 Калмыковъ.

Предназначено приступить къ постепенному поселенію Калмыковъ въ станицы Русскими, начиная съ учрежденія 14 станицъ по избраниемъ путей черезъ

кальмыцкія стени. Въ этихъ станицахъ будуть учреждены православныя церкви, училища и образцовые хозяйства, которые выйдутъ съ общемъ администрацію для Русскихъ и Калмыковъ послужатъ основаниемъ къ образованію посѣльщиковъ, а между тѣмъ отводъ земель для русскихъ поселеній дастъ въ возможность облегчить положеніе малоземельныхъ губерній, изъ которыхъ значительная часть нуждающихся крестьянъ будетъ переселена на калмыцкія стени.

Между учебными заведеніями, подѣломъ домашнимъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, первое место занимаетъ Горыгорѣцкая Земледѣльческая Школа, въ которой было 117 воспитанниковъ. За нею следуютъ фермы, учреждаемыя для обученія молодыхъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщицкихъ, практическимъ пріемамъ улучшенаго хозяйства. Изъ нихъ въ сѣверной фермѣ (Вологод. Губерн.) воспитывалось 126 крестьянъ, въ Горыгорѣцкой (Могил. Губ.) 109, въ юго-восточной (Сарат. Губ.) 82, въ центральной (Тамб. Губ.) 64, въ луганской (Екат. Губ.) 29, и въ сѣверо-восточномъ (земль открытой близъ Казани) 24. Всего на фермахъ воспитывалось 434 человѣка (201 больше, нежели въ предшествовавшемъ году). Кроме этикъ шести фермъ продолжалось построеніе седьмой, которая должна замѣнить луганскую ферму, и начато устройство восьмой, близъ Харькова.

Возобновлено устройство образцовыхъ усадебъ для молодыхъ поселенцевъ, выпускаемыхъ изъ фермъ; одна изъ нихъ, близъ Орла, кончена. Было избраны места и составлены планы для такихъ же усадебъ въ Московской, Смоленской и Псковской Губерніяхъ. Въ Лѣсномъ Институтѣ обучалось 219 кадетъ; въ егерскихъ училищахъ (при Лѣсномъ Институтѣ и при островскомъ лѣсничествѣ) и при островскомъ лѣсничествѣ въ Московской Губерніи 129.

Что касается до сельского хозяйства, то оно · далеко еще отъ того состоянія, въ которомъ должно быть въ Россіи,

какъ государство земледѣльческое. Полный успѣхъ рациональнаго улучшенія нашего земледѣлія тогда только можетъ быть обеспеченъ, когда трудъ и употребляемый для этого капиталъ будутъ находить достаточное вознагражденіе. Доселѣ сельскіе нации хозяева не получали этого вознагражденія, из-за недостатокъ требованій и невыгодность цѣни. Въ 1846 году предстаивались и требование въ хорошія цѣны въ портахъ; но они мало имѣли влиянія на выгодный сбытъ хлѣба въ губерніяхъ, удаленныхъ отъ портъ, по причинѣ огромныхъ расстояній, препятствующихъ скорой и дешевой доставкѣ. По-этому, предпринятія споруженія новыхъ путей, въ настоящемъ нашемъ положеніи, составляютъ предметъ величайшей важности, и всакое пожертвованіе на это сооруженіе оправдывается святостю самой цѣли: возвысить материальное благосостояніе государства».

— Въ изданыхъ въ концѣ минувшаго года «Видахъ Торговли за 1846 годъ», включаются слѣдующія даніи, опредѣляющія состояніе нашей вѣтшней торговли:

Въ 1846 году вывезено товаровъ:	
Чрезъ европейскую и авіатскую границы на 98,880,961 р. с.	
Въ Царство Польское 2,339,930 . .	
Въ Финляндію . . . . . 1,493,887 . .	
	102,714,778 р. с.

Привезено товаровъ	
изъ-за границы на 84,958,999 руб.	
Изъ Царства Польскаго . . . . . 1,316,268 —	
Изъ Финляндіи . . . . . 720,523 —	
	86,995,789 руб.

Золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ:

Привезено изъ-за границы на . . . . . 9,744,263 руб.	
Изъ Царства Польскаго . . . . . 1,473,106 —	
	11,217,369 руб.

Выявление за границу
на . . . . . 12 973,817 р.
Въ Царство Польское 88,156 —
13,061,973 руб.

Общая сумма торго-
вый оборотов со
ставляет . . . . . 213,989,909 р. с.
Въ 1845 году сумма

торгового баланса
была исчислена въ 190,425,481 р. с
Сравнительно, торговля 1846 года
по правому и отпуску превышаетъ
1845 годъ всего на 23,564,428 руб.
сер.

Очнуюкъ главныйныхъ товаровъ по
сравнению съ предшествовавшимъ лу-
ми годами, быть съдующий:

	Въ 1844	1845	1846 г.
Пеньки	2,970,636	2,841,718	2,695,652 пуда.
Лыса	3,731,501	2,691,320	2,504,550 —
Сала	3,360,932	3,229,097	3,522,614 —
Погаша	300,256	247,846	181,608 —
Шерсти свечной	844,154	783,588	498,763 —
Щетины	70,450	84,638	80,851 —
Желѣза	781,084	817 020	691,205 —
Мѣди	85 342	82 963	126,646 —
Сѣмени льняного и коноп- лиеваго	1,390,645	1,394,149	928,826 четв.
Льняного товара на	3,203,283	3,069,165	3,745,356 руб. сер.
Кожъ незыдѣланыхъ	1,018,058	1,322 027	1,119,552 —
Юфти	794,789	921,093	1,169 162 —
Хлѣба всяаго	16,340,025	16,572 731	28,929,916 —

Количество призыва главныхъ товаровъ, оплаченныхъ пошлиною въ со-
следствіе три года, показываетъ съдующее сравненіе:

	Въ 1844	1845	1846 г.
Бумаги хлопчатой	587,961	749,985	728,496 пудовъ.
Бумаги оряденой бѣлой	597,177	606,045	486,441 —
Шелка	10,814	13,676	14,819 —
Шерсти	36,677	43,414	50,779 —
Масла деревянаго	484,823	443,062	301,404 —
Кофе	180,007	160,095	196,905 —
Сахарного песку	2,134,955	1,315,868	935,791 —
Сахарного лумпа	—	358,807	778,947 —
Красокъ на	4,915,018	3,347,657	5,348,266 руб. сер.
Машинъ и инструментовъ	1,318,692	1,630,529	1,918,972
Надѣлъ бумажныхъ	3,523,887	3,731,907	3,674,031
— шелковыхъ	3,846,027	3,460,248	3,502,495
— льняныхъ	336,631	259,903	385,702
— шорсткихъ	2,674,305	2,543 116	2 200,862
Винъ и пр. напитковъ	5,553,023	5,637,349	5,876 099

Междуди нашими портами первое ме-
сто по обширности торговыхъ обо-
ротовъ занимаетъ Санктпетербургскій
портъ. Отпускъ товаровъ отсюда про-
стирался въ 1846 году на 34,391,630 р.;
противъ 1845 года болѣе на 3,421,714
руб. Главныя статьи вывоза: хлѣбъ

веселѣи (на 4,289,604 р.), сало (2,929,388
пуд.), пенька (1,643,842 п.); кожа вы-
ѣзжанная на 668,330 р..

Привозныхъ товаровъ оплачено пош-
линною въ Санктпетербургской Ти-
можѣ на 44,817,034 р., противъ 1845
года болѣе на 3,944,835 р. Главныя

статьи привоза: краски на 4,496,110 руб., вина в прочія вазиты на 2,559,346 р., бумажные, шелковые и шерстяные изделия на 3,181,517 р., машинные инструменты на 1,599,039 руб., фрукты на 1,338,988 р., москательные товары на 948,432 р.

Кромѣ того, многие товары были отправлены на складку въ Москву. Въ томъ числѣ 268,851 пудъ прядевой бумаги и 137,540 бутылокъ шампанского.

Изъ рижскаго порта отпущено хлѣба на 1,777,310 р., лѣснаго товара на 1,620,253 руб., льна: 1,285,470 пуд., сенокоски 988,584 п., линняго сѣмени 193,117 четвертей. Очищено помимо: соли 2,226,262 п., сельдью на 722,285 р. сер., винъ и прочихъ напитковъ на 590,160 р. сер..

Изъ прочихъ балтийскихъ портовъ вывезено льна 364,019 пуд., хлѣба на 455,374 р. и лѣснаго товара на 441,216 руб.; привезено соли 806,812 пудовъ.

Въ отпускъ архангельскаго порта главныя статьи: хлѣбъ (на 2,625,783 р.) и ленъ (332,912 пуд.); въ привозъ: са-харный весокъ (39,172 п.), рыба (на 94,398 р.) и мягкая рукальдъ (на 72,214 руб.).

По сухопутной западной границѣ также увеличился отпускъ хлѣба, котораго вывезено на 922,695 р., противъ 1845 года болѣе на 328,881 р. Чрезъ Радзиньскую Ганжнюю выущено вина хлѣбного 12,037 ведръ, болѣе противъ 1845 г. 7,115 ведръ. Лѣснаго товара сдано изъ Юробурга по Нѣману на 860,542 р., болѣе 1845 на 284,565 руб. Отпускъ шерсти овечьей и свинчныхъ шкуръ по сухопутной границѣ былъ незѣ, кежели въ 1845 году, а юти съвѣзенобойно. Значительное увеличился отпускъ рогатаго скота, пѣново на 763,279 р., противъ 1845 года болѣе на 639,909 р. Фольксъ чистой руландъ уменьшился на 74,802 руб.

На западной границѣ, особенно по Радзиньской Ганжней, увеличился привозъ несоло 5217 пуд., а въ 1845 году было только 2442 п.; пряденый шерсти до 3072 п.,ъ предыдущемъ

же году было 1484 пуда. Значительную статью привоза составляетъ пряденый шелкъ: по Таурогенской Ганжней ввезено 1736 пуд., по Полавгевской 838 въ Брестской 1644 п., всего по сухопутной границѣ 4806 пуд., на 1,353,321 р.

На югъ существуетъ одесский портъ, изъ котораго отпринесено за границу: пшеницы 1,935,316 четв., шерсти овечьей 130,763 п., линняго сѣмени 114,210 четв. и сала 322,632 пуда. Изъ присоединенныхъ товаровъ главные: бумажные, шелковые и шерстяные изъѣка (на 891,124 р.), фрукты (на 885,964 р.), вина (на 487,086 р.) и деревянное масло (103,286 пуд.).

Изъ Таганрога, Мариуполя, Ростова, Бердянска и прочихъ южныхъ портовъ отпущено пшеницы 1,081,108 четв.; привезено вина на 472,650 р., масла деревяннаго 61,994 п., фруктовъ на 478,731 р.

Итогъ торговыхъ оборотовъ съ Финляндіею оставался въ 1846 году тотъ же, какой былъ и въ 1845 году. Хлѣба вывезено въ Финляндію на 898,455 р., противъ 1845 года болѣе на 123,406 р.; веревокъ и канатовъ, сала и юти отпущено также больше. Менѣе вывезено: табаку, масла коноплянаго и ят-, которыхъ другихъ товаровъ Привозъ уменьшился почти на 143,000 р. Масла коровьяго привезено въ половину менѣе на 77,815 р., жалѣзъ и чугула тоже менѣе, а чугуна болѣе противъ 1845 г. Всего вывезено на 1,498,887 р., а привезено на 720,523 р.

Торговля съ Царствомъ Польскимъ увѣличилась въ по отпуску и по привозу. Первый простирался на 2,839,930 р., послѣдній — на 1,816,268 р.

По торговли съ Закавказьемъ привозъ доходилъ до 8,950,207 р., а вывозъ до 850,098 р.

Къ астраханскому порту привезено товаровъ на 425,403 р., въ томъ чи-саѣрыбы на 182,000 р. Сумма вывоза равняется 283,618 руб.

Торговля изъ съ Средне-Азіею и Киргизии увѣличилась по привозу на 430,000 р., а по отпуску на 75,000 р.

Вывезено бумагиныхъ изделий на 949,688 руб., противъ 1845 года на 50,000 р. болѣе; желѣза, юсти и другихъ кожъ вывезено также болѣе.

Изъ привозныхъ товаровъ бумажные изделия состояли изъ главную статью: ихъ привезено на 757,962 р., противъ 1845 года болѣе на 128,000 р.; желѣзовыхъ и чугунныхъ товаровъ на 120,000 руб., болѣе на 25,000 р. Столовыхъ ложеи вывезено на 80,000 р. Сверхъ-того, сарачинскаго шелка, чаю байковаго и кирпичнаго, фруктовъ, хлопчатой бумаги, шелка и козыаго шука привезено противъ предшествовавшаго года болѣе, а вредной бумаги, щерсти, кожъ и мягкой рухлади было въ привозѣ не вѣ.

Всѣхъ товаровъ привезено на 3,150,871 р.; вывезено на 2,341,132 р., и монеты на 128,910 р.; иностраннаго серебра въ слиткахъ привезено на 43,040 руб.

Весь оборотъ кахтицкой торговли по привознымъ и отпускнымъ статьямъ простирался на 14,026,000 р., противъ 1845 года болѣе на 404,000 руб. Промышлено Китайцамъ: бумагиныхъ изделий русскихъ фабрикъ на 1,498,191 руб. (на 438,000 р. болѣе противъ 1845 г.), сукна на 2,934,226 р. (на 53,000 р. болѣе); юсти и другихъ кожъ на 396,000 руб. (на 48,000 р. болѣе); мягкой рухлади вымытено менѣе противъ предшествовавшаго года на 382,000 р. Чай разныихъ сортовъ получено 164,923 мѣста, въ томъ числѣ байковаго 136,198 мѣстъ.

Что касается до таможенного дохода, то онъ простирался до 31,756,052 руб.; т. е. 202,030 р. менѣе противъ 1845 года Расходы на содержание таможенныхъ мѣстъ и пограничной стражи составляли 6%, процентовъ брутто дохода. Хотя недоборъ таможенныхъ доходовъ произошелъ большую частію на тѣхъ товарахъ, на которые повинжены пошлины, но изданная 1 июня 1846 года сбивочная распись имѣла въ первомъ году то выголное на торговлю вліяніе, что вывозъ сырья про-

дуктовъ, а въ особенности лена, мыки и сала, съ которыхъ образовалася лодка, не уменьшился при существенномъ изъ портажа и на внутреннихъ рынкахъ высокихъ проданныхъ цѣнъ, и что уменьшилось лодка при обварившаго часъ узаконеніемъ изъ Кахти.

— Въ послѣдніе годы, когда общественная неофиціальна жизнь нача замѣтный образомъ определяться въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ, точно такъ, какъ она опредѣтилась въ прошломъ въ балльныхъ и лахъ и театрахъ. Число обществъ постоянно увеличивается, составъ ихъ улучшаются, а выѣтѣ въ засѣданіи получаются болѣе и болѣе определенный характеръ, между-тѣмъ, какъ базы соаждымъ годомъ становятся рѣже и рѣже, скучнѣе и скучнѣе, и держатся, кажется, только потому, что въ-точнѣе полтора столѣтія успѣли войти въ число обычавшихъ, которые вообще пользуются особынными благоволеніемъ публики. Что касается до товаровъ, то они наполняются и, вѣроятно, долго еще будуутъ наполняться зрителями въ-слѣдствіе того непрѣложнаго закона, по которому человѣчество идетъ впередъ не одновременно, а длинною вереницею: одна уже выплыла изъ театра, другіе всплываютъ икъ иѣста, третіе берутъ вѣзты или сбираются въ театръ, а четвертые еще и не думали о театрѣ. Вышедши сдѣлались слишкомъ-строги къ своимъ требованиямъ: для нихъ сцена утратила свой сценическій смыслъ и можетъ имѣть впечатліе только тогда, когда она походитъ на художественную выставку, а никогда въ трибуну.

Не тотъ же законъ равнѣтія, который обваружилъ переходаніе общественной жизни изъ балльныхъ въ лахъ и театры и изъ театровъ въ засѣданія, т. е. отъ непосредственнаго физическаго участія къ совершательному и отъ совершательного къ неподожительному, — повторяется въ равнѣтіи каждого изъ этихъ трехъ сферъ. Си-

чала, люди собираются из назначенного време-
ни, из установленного места, каждый
съ своюличною, частную целью. Для
членов этого собрания нетъ ничего
общаго, прошлъ времена и места. Одинъ
хотеть пасатъ, другой пить, третій
видѣть любимую женщину, четвертый,
или лучше, четвертая показать свой
стройный станъ, свои розовые щеки,
свое розовое платье, свою розовую
дочку. И пытуть, и пляшутъ, и мечутъ
отрастевые зборы, и показываютъ чѣмъ
примѣтна, единицъ словомъ, каждый
следуетъ своимъ наклонностямъ и дѣ-
лаетъ чутъ-то же, чѣмъ дѣлается во всѣ
все времена, привыкъ къ сображенію
только условія време-и простран-
ства, увлека-ся только одною мыслью,
что находитъ и смерть краски: друг-
ой общей мысли — быть. Мало-по-ма-
лу, въ этомъ шумномъ хаосѣ образуют-
ся партии; люди болѣе или менѣе
сходныхъ наклонностей располагают-
ся въ группы: мальчики сажи-по-себѣ,
дѣвочки сами-по-себѣ, девчонки осо-
бо, пинетки особо. Но такъ-какъ это
дѣление происходитъ единственно на
основаніи того же времени — по возра-
сту — и того же пространства — по
углахъ, — а внутренней связи, общей
идеи въ стихъ группахъ все-таки есть,
то и наступаетъ тотъ совершательный
періодъ, когда мальчики смотрятъ на
дѣвочекъ, дѣвочки на девчонки, а дев-
чонки смотрятъ за папенками; все
смотрятъ болѣе или менѣе испод-
лобья другъ на друга и въ-особенно-
стя на хозяина, который обязанъ всѣхъ
заклыть, всѣмъ задать уроки, потому-
что никто изъ членовъ не знаетъ, что
намѣренъ дѣлать прочие члены. Нако-
нецъ, устанавливаются балльные пра-
вила; наступаетъ соревновательный пері-
одъ, когда каждый Ѣдетъ на балль по
обязанности, для приличія, вхола ис-
пользовать свои обязанности приличія,
во все времена сторожить за собою: какъ
бы не нарушить своихъ обязанностей,
и наконецъ съ удовольствіемъ нару-
шасть ихъ, какъ-только захочется
дверца его кареты... И когда эти при-
личія начнутъ осмысливаться, поте-

ряютъ силу ненужнаго закона; — нач-
инается эпоха разрушенія, паденія:
потому что осмыслить безсмыслия-
го, хотя бы губами освященнаго обычая — невозможно; а какой смыслъ
въ собраніи людей, между которыми
общаго только одна готовность зайти
или вѣтхать въ известный часъ въ из-
вестное место, и вѣяющихъ заранѣе,
что роль ихъ въ этомъ обществѣ буд-
етъ самая неестественная, насколько
несоответствующая ни ихъ нормально-
му характеру, ни сознанию своихъ
разумныхъ силъ, одниъ словомъ, —
роль самая ничтожная!..

Въ исторіи народа тѣ же три періо-
да: сначала онъ наполняется врѣтеля-
ми, которые, глядя на сцену, подчиня-
ются той же врожденной наклонности
къ созѣрцанію, которая остановила
ихъ взоры на подавныхъ кружкахъ,
образовавшихся на поверхности рѣки
отъ брошенаго въ нее камешка или
на другомъ какомъ предметѣ, на которыи
присталъ, но совершило слу-
чайно посмотрѣть одинъ изъ прохо-
дящихъ... Потомъ зрители хотятъ,
чтобы ихъ чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь
разсѣяли или заставили зашевелить.
Наконецъ, образуется вкусъ, являющ-
ся зрителей, которыхъ легко разсѣ-
шить и еще труднѣе ввести въ слезы;
которые сами предписываютъ условія
актёрамъ, которые сами произносятъ
ими болѣе или менѣе единогласный
приговоръ, независимый отъ степени
впечатлительности каждого. И когда
прекращается непосредственное, пра-
вое, свободное отношеніе между эти-
ми судьями-опѣтывщиками и дѣйствую-
щими лицами, тогда послѣднія, конеч-
но, не могутъ вполнѣ удовлетворять
потребностямъ первыхъ.

Наконецъ, въ исторіи самого выс-
шаго, самого разумнаго проявленія об-
щественной неофициальной жизни, —
въ такъ-называемыхъ «обществахъ»,
опять повторяются тѣ же три періода:
непосредственное участія, совершатель-
наго, и сознательно-дѣятельнаго.

Въ первый періодъ, члены собира-
ются скорѣе подъ одниъ предлогомъ,

нежели съ одною общую цѣлью; и между ними нѣть еще никакого внутреннеаго единства; личные цѣли перевѣшиваются общую и каждый больше разсчитываетъ на пользу общества для себя, нежели отъ себя, отъ своего въ немъ участія; званіе члена считается болѣе почетнымъ, нежели обязантельныи. Всѣ хотятъ бытъ и всѣ дѣлаются членами, исколко не соображаясь съ тѣмъ, способны ли они хотя сколько-нибудь содѣйствовать достижению общей цѣли. И польза отъ такого младенческому сборища, конечно, только та, что въ немъ люди привыкаютъ вести дѣла съобща и отъ частаго столкновенія противоположныхъ именій приучаются соображать, доказывать истину и мало-по-малу терять то упорство въ защищении однажды, можетъ-быть, совершиенно случайно образовавшихъ убѣждений,—однимъ словомъ, привыкаютъ жить разумно общественномъ жизнью. Въ заѣданіяхъ этого періода, слово, логическій выводъ еще не имѣеть значенія, и дѣла рѣщаются болѣе частію шарашками, балотированиемъ, односложными, почти всегда совершиенно случайными звуками — да и нѣть.

Наконецъ, отъ общей безкарактерной массы отдѣляется въ сколько счастливыхъ, энергическихъ личностей, которые придаются обществу характеръ созерцательный: и званію члена присоединяется оканченіе партіи. Правда, въ этихъ партіяхъ почти столько же единства, какъ и въ большихъ группахъ состоявшемуго періода: потому-что они образуются не вслѣдствіе логического убѣжденія въ справедливости жизни, высказанаго тѣмъ или другимъ фатальнымъ членомъ, но вслѣдствіе что называется особеннымъ расположениемъ къ той или другой личности. Это партіи не именій, а лицъ; здесь голоса подаются не за именіе, но за человѣка, высказавшаго его именіе, тѣмъ-что главы партій можетъ противорѣчить самому себѣ и его приверженцы подадутъ голоса въ защиту обеихъ его именій.

Тутъ общества собственно нѣть, а есть только начальники партій, въ сколько счастливыхъ личностей, на которыхъ устремлены взоры всѣхъ прочихъ. При томъ, большей частію случается, что самыя эти счастливые личности оказываются такими же по действительному превосходству, предъ другими, а по превосходству болѣе вѣшнему: умѣнью говорить, умѣнью держаться въ общемъ житѣи, или даже чо другимъ еще болѣе случайнымъ причинамъ...

Общество вступаетъ въ свой положительный періодъ, когда общая нѣть возвьметъ перегъзъ надъ личностями иллами, когда дозвунъ общества слѣдится дозвуномъ каждого изъ его членовъ: На этой только степени развитія возможны партіи именій; рѣчи отдѣляются отъ фразъ и становятся строгими логическими выводами. Такія общества въ настоящее время не могутъ быть ни многочисленны, ни многочленны.

Изъ нашихъ многочисленныхъ и многочленныхъ обществъ, Русское Географическое Общество раздѣляется быстрѣе прочихъ; особенно видимыя его послѣднія собрания, въ которыхъ рассматриваются вопросы, важные по непосредственности ихъ практическаго примѣненія и требование, сдѣлевательно, тщательнаго предварительного изученія.

Дѣйствительный членъ Общества К. С. Веселовскій чудаъ извѣстое изъ только-что оконченаго имъ сочиненія *Статистическое исследованіе о недвижимыхъ имуществахъ отъ С. Петербурга* (*). Материалы для этого труда, по-большей-части, служили передаваемы въ Географическое Общество, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, сѣдѣнія о результатахъ горемской оценки недвижимыхъ имуществъ, произведенной въ 1842 и 1844 годахъ.

(*) Сочиненіе это будетъ напечатано въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

Итогъ этой оцѣнки простирается до 88,809,650 руб. серебр., тогда-какъ въ 1804 г. онъ не превышалъ 56,478,060 р. сер. Почти въ этой же соразмѣрности увеличился итогъ взимаемаго городомъ налога, который въ настолюще время составляетъ сумму свыше 875,000 р. сер. Въ числѣ недвижимыхъ имуществъ, дома составляютъ самую важную статью и по числу и по величинѣ валового дохода, и, наконецъ, до оцѣночному капиталу. Съ 6,259 частныхъ домовъ, подвергнутыхъ оцѣнкѣ, валовой доходъ исчисленъ свыше 10 мил. р. сер. Это—сумма, платимая столицѣ народонаселеніемъ за пасъ своихъ жилищъ. Распределеніе недвижимыхъ имуществъ между разными сословіями дало г. Веселовскому возможность сдѣлать выводы объ относительномъ богатствѣ отдельныхъ классовъ общества и объ относительномъ участіи, причинаемомъ имъ въ недвижимой собственности въ столицѣ, и сравненіе въ этомъ отношеніи результатовъ оцѣнки 1843 года съ оцѣнкою 1804 года приводятъ къ заключенію, что въ-течение этого періода въ Петербургѣ участіе дворянъ и чиновниковъ въ недвижимой собственности возрасло въ гораздо-значительнейшей степени, нежели участіе другихъ сословій, тогда-какъ въ Москвѣ, наоборотъ, главное возрастаніе произошло въ имуществахъ среднихъ сословій. Въ этомъ фактѣ изображается одна изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ характера общихъ столицъ: такъ въ Москвѣ главное возрастаніе недвижимостей произошло въ сословіи людей, производимыхъ туда промышленностью, такъ въ Петербургѣ — оно достоитъ въ удѣль сословія, привлекаемаго изъ всѣхъ концовъ Россіи пріиманіемъ государственной службы.

Записка имуществъ на имя женщинъ составляется также предметъ не лишнѣй интереса. Значительная пропорція этихъ женскихъ собственостей въ Петербургѣ, издавна была защищена статистикою; особенно въ сословіи чиновниковъ. То же самое за-

мѣчено и въ Москвѣ, гдѣ пѣла третья домовъ записана на имя женщины, и въ-особенности въ сословіи мало-чиновничихъ и мѣщанъ. Это явленіе совершенно подтверждается и результатами послѣдней оцѣнки въ Петербургѣ, гдѣ оказалось, что подобная записка имуществъ на имя женщинъ наиболѣе дѣлается въ сферѣ мелкихъ собственностей.

Но главную часть труда г. Веселовскаго составляютъ разысканія о жилищахъ. Общее число всѣхъ квартиръ въ С. Петербургѣ, въ частныхъ домахъ оказалось 46,215. Если опредѣлить приблизительно число ихъ обитателей въ 320,000 человѣкъ (все народоваселеніе столицы въ 1843 году составляло 443,360; но изъ него, по приблизительнымъ вычисленіямъ, до 123,360 жило въ бывенныхъ и другихъ домахъ, не подвергнутыхъ оцѣнкѣ), то на каждую квартиру придается по 7 человѣкъ, а расходъ на наемъ этихъ жилищъ составить по 31 рублю на душу, пропорція весьма значительна и объясняемая дорожевизною вообще квартиръ въ Петербургѣ. Исследованія о причинахъ этой дорожевизны привели автора къ выкладкамъ, съ другой стороны, о значительности городского налога на дома, который составляетъ по 2 р. 22 коп. сер. на каждого жителя, и по 15 р. 57 коп. серебр. на каждую квартиру, съ другой о тягости страховыхъ премій, изъ которыхъ не болѣе 30% обращалось до-сихъ-поръ Первымъ Страховымъ Обществомъ на вознагражденіе пожарныхъ убытковъ, а изъ остальныхъ 50% раздавалось акціонерамъ. Акція Общества, конечно, возрасли въ цѣнѣ своей въ весьма значительной пропорціи, но это на-счетъ налога, который увеличиваетъ наемную плату за квартиры. Прославивъ за тѣмъ статистической свѣдѣнія о числѣ квартиръ по разнымъ частямъ города, и сдѣлавъ изъ этого некоторые выводы о характерѣ и общественномъ положеніи разныхъ разрядовъ жильцовъ, г. Веселовскій переходитъ въ жилищную значитель-

ной части столичного населения, имеющей чакъ-называемыхъ чернорабочихъ, и показываетъ, что жилища ихъ всегда соответствуютъ гигиеническимъ условиямъ, а именно: часто бываютъ темны, сыры и худо устроены. Это ведетъ его къ разысканію вообще о вѣликихъ жилищахъ на физический и нравственныій бытъ рабочихъ класса.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ авторъ: «какъ статистика обратились къ разысканіямъ о бытѣ рабочихъ классовъ; много собрано наблюдений надъ тѣмъ, что тѣснота народонаселенія столь же средна здоровью, сколько и нравственности. Представимъ себѣ въ сапожникъ-дѣлѣ, комнату въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, служащую въ одно время и мастерскою, и кухнею, и спальню, и прачечною. Сколько должно быть тутъ смрада, сколько изобрѣденыхъ испареній! Представимъ себѣ эту самую комнату ночью, когда все населеніе ея расположилось по нарамъ на покой, лѣти подъ взрослыхъ, женщины подъ мужчинъ. Не говоря о нравственности, скажемъ, что однѣ болѣзни, часто приличивыя, составляютъ уже зло, грозящее опасностю цѣлому обществу, а когда смерть постыдитъ тѣсное жилье работника, то можно себѣ представить всю мрачность квартиры: тѣло, которое не можетъ быть предано землѣ рапье третьего дня, по необходимости остается среди живущихъ, подъ стола, на которомъ обѣдаются, рядомъ съ постелями, на которыхъ спятъ. Нужны ли еще членные факты, чтобы показать влияние этой причины на народную нравственность, на народное здоровье? Въ Брюсселѣ, во время послѣдней переписи (въ мартѣ 1842 года) оказалось, что изъ 25,289 семействъ, составлявшихъ населеніе этой столицы, 9,386 было такихъ, изъ которыхъ каждое занимало по одной комнатѣ, и 6,011 имѣвшихъ каждое по двѣ комнаты. Это были семейства рабочихъ. Возьмемъ теперь метрическія

показанія; въ Брюсселѣ на 100 рождающихся приходится 36 рожденій вѣнѣбра; но это есть общая пропорція; въ частности же въ склонѣ рабочихъ приходится 88 незаконно-рожденныхъ на 100 дѣтей. Это касается нравственности; передаемъ къ смертности. Въ кварталахъ наиболѣе занятыхъ рабочими и вообще бѣдныхъ населеніемъ, умираетъ 1 изъ 29 жителей, тогда какъ въ тѣхъ, которые находятся въ болѣе благоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, 1 изъ 53 (1840—1842). Въ другихъ большихъ городахъ замѣчено то же явленіе. Въ Париже, во время холеры найдено было, что въ улицахъ узкихъ и съ наиболѣе скопившимся населеніемъ умирало почти 34 изъ 1000 жителей, а въ улицахъ, находившихся въ этомъ отношеніи въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, только 19 изъ 1,000. Въ Сальпетриерѣ также замѣчено, что число заболевавшихъ уменьшалось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда употребляли вентиляцию для освѣженія воздуха. Грекійский кварталъ, находящийся въ отношеніи къ чистотѣ воздуха въ самыхъ нѣвыгодныхъ условіяхъ, былъ страшно опустошенъ эпидеміей, и если въ此刻и широкія улицы составили здесь исключение, то за то почти всѣ тѣсные жилища были ею посещены. Виллермѣ приводитъ исчисленіе еще болѣе разительное:

Изъ 100 жилищъ, занимаемыхъ бѣдными людьми холера измѣнилась въ	4
— — — людьми меньшаго состояния	8—9
— — — кухнями, чайовымиами, студенками	19
— — — бѣдными ремесленниками	52
— — — самымъ простымъ народомъ	60

Въ кварталахъ, наиболѣе занятыхъ бѣдными и рабочими народомъ, заболѣвалъ холерою 1 изъ 9, умиралъ 1 изъ 19; а въ занятыхъ богатою частью народонаселенія заболѣвалъ 1 изъ 31, умиралъ 1 изъ 97.

• Постъ такихъ раздѣльщихъ при-
• мѣровъ, могло ли оставаться сомнѣніе
• въ важности и пользѣ, какъ для рабо-
• чихъ, такъ и для всего общества,
• улучшенній въ жилищахъ простаго
• народа? Но какъ было достигнуть
• этого улучшеннія? Отъ частной про-
• мышленности, этого ожидать было
• нельзя; она имѣть девизомъ — «из-
•влекать наибольшую пользу изъ
• лѣ, где можно», а жилища, отда-
• ваемыя въ наемъ чернорабочимъ, во-
• обще, многими дороже, остальныхъ.
• Придавать ли было на помощь част-
• ную благотворительность, филантро-
• пію? — Тутъ нужны были болѣція де-
• нежныя средства, нужно было посто-
• янство дѣйствія и, что еще важлѣ,
• дѣло што не оличныхъ бѣдствіяхъ,
• имѣющихъ свойство возбуждать bla-
• готворительность и филантропію, а о
• бѣдствіи общемъ, о бѣдности цѣлыхъ
• классовъ, бытѣ которыхъ могъ быть
• улучшеннѣ, только дѣйствіемъ мѣръ
• постороннихъ и общирныхъ.

• Такимъ образомъ, раскрывъ суще-
• ствованіе ала, разыскавъ его послѣд-
• ствія и разобравъ средства къ его
• испытанію, статистика привела и къ
• решенію вопроса, которое въ этомъ
• случаѣ находится въ соединеніи част-
• ной промышленности съ филантропі-
• ей. Она показала, что компаніи съ
• довольно-значительнымъ капиталомъ,
• для того, чтобы выстроить дома, при-
• способленные для помѣщенія рабоча-
• го народа, т. е. съ соблюдениемъ всѣхъ
• гигієническихъ условій, предлагаютъ
• науку, для устроенія много-
• людныхъ жилищъ — могли бы достиг-
• нуть двойкой цѣли; во-1-хъ) доста-
• вить рабочимъ и вообще бѣднымъ
• сословіемъ здоровыя жилища, и во-
• 2-хъ) доставить вкладчикамъ капитала
• зовь достаточную денежную выгоду.
• Истина, однажды доказанная и раз-
• витая, не погибаетъ, и потому подоб-
• ные компаніи не замедлили явиться.
• Въ Лондонѣ въ 1844 году образова-
• лось такое общество подъ именемъ
• «Общества Метрополіи». Первоначаль-
• ный капиталъ его составленъ изъ

• 100,000 фунт. стер., раздѣленныхъ на
• акціи, каждая въ 25. фунт., и прино-
• сящія 4% въ годъ. Цѣль его состояла
• въ устройствѣ удобныхъ, простор-
• ныхъ домовъ, приспособленныхъ для
• жилья бѣднѣшихъ классовъ, кото-
• рымъ отдаются квартиры по цѣнамъ
• пониженнѣмъ противъ обыкновен-
• ныхъ цѣнъ въ Лондонѣ. И за всѣмъ
• тѣмъ-сборъ, получаемый такимъ об-
• разомъ отъ найма домовъ, долженъ
• составить отъ 5%, до 9%. Разность
• между этими и 4%, выдаваемыми ак-
• ціонерамъ въ видѣ дивиденда, назна-
• чена на составленіе особаго капитала,
• какъ для погашенія первоначаль-
• наго вклада, такъ и для расширенія
• дѣйствій этого благодѣтельнаго учре-
• жденія. Сверхъ-того, подобное заве-
• деніе чрезвычайно облегчило наадзоръ
• за этой частью населенія, дало сред-
• ство дѣйствовать на улучшеніе ея
• нравственности и притомъ облегчило
• для рабочихъ отысканіе работы. Тру-
• дно было бы найти капиталъ въ
• 100,000 фунт. стер. въ видѣ подарка,
• но легко было его съскать для выго-
• днаго предпріятія. Общество всѣмъ
• быстро образовалось, приступило къ
• дѣйствіямъ и уже устроило нѣсколько
• общирныхъ зданій. Подобный же
• предпріятія осуществились или осу-
• ществляются въ Гамбургѣ, Верзье,
• Інгѣ. Не даѣте какъ въ 1846 году,
• такой же проектъ представлена была
• Комиссію Центральнаго Совѣта На-
• роднаго Здравія въ Брюсселѣ и нынѣ
• разсматривается тамошнею город-
• скую думою. Въ этомъ проектѣ, меж-
• ду прочимъ, сказано, что для поощ-
• ренія скорѣйшаго образованія по-
• добныхъ компаний городское обще-
• ство могло бы обеспечить известный
• процентъ дивиденда, первымъ соста-
• вившимся компаниймъ. Та же мысль
• обратила на себя вниманіе и въ Па-
• риже.

Въ заключеніе, г. Веселовскій дѣла-
• етъ примѣненіе къ Петербургу. «Кон-
•ечно говорить онъ: рабочие классы
• у насъ находятся въ гораздо луч-
• шемъ положеніи, нежели въ иѣзоте-

• рыхъ странахъ Западной Европы, • однако и у насъ осуществленіе компаній для улучшения ихъ жилищъ • могло бы имѣть неисчислимый пользы и для рабочихъ и для цѣлаго общества.

Принявъ въ основаніе количество временныхъ и постоянныхъ жителей Петербурга, принадлежащихъ къ рабочему классу, а также среднюю плату ихъ за свои квартиры, г. Веселовский находитъ, что расходъ ихъ по этой статьѣ составляетъ до 648,000 р. сер. Эта сумма, если ее принять хоть по 6%, представляетъ собою огромный капиталъ въ 10,800,000 р. сер., который могъ бы себѣ найти выгодное помѣщеніе въ постройкѣ зданій, примѣненныхъ къ нуждамъ и обычаямъ рабочаго народа. Что такое поимѣщеніе можетъ быть для капиталовъ выгоднымъ, доказывается уже тѣмъ, что и теперь дома, преимущественно занимаемые простымъ народомъ, суть, какъ всѣмъ извѣстно, самые доходные. Плата за наемъ помѣщеній, отдаваемыхъ работникамъ, вообще многимъ дороже остальныхъ. Кому не случалось видѣть квартиры чернорабочихъ, стоящія по 12 и 13 р. сер. въ мѣсяцъ, тогда какъ въ гла- захъ нанимателей изъ другихъ сосло- вий онѣ бы не стоили и половины.

Мысль К. С. Веселовскаго, разумѣется, требуетъ развитія; представленныя имъ данными недостаточны для того, чтобы основываться на нихъ, можно было приступить къ составленію компаніи; недостаточны эти данные даже и для того, чтобы произнести окончательное рѣшеніе о возможности или неудобствахъ построенія особенныхъ жилищъ для рабочаго класса. Но почтенному автору «Статистики недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ» принадлежитъ честь вчиненія иска по дѣлу весьма важному и остававшемуся до сихъ-поръ, сколько вамъ извѣстно, ветронутымъ. А дѣло важное, какъ потому-что высшие рабочие классы—самые многочисленные въ составѣ столичнаго населенія,

и, такъ и потому - что жилище, до машній бытъ, составляютъ основу нравственности этихъ классовъ; точно такъ, какъ общественный отишевія опредѣляютъ нравственное значеніе людей высшихъ сословій. И вѣтъ повода думать, чтобы мысль г. Веселовскаго осталась безплодною на нашей почвѣ, на которой такъ легко прини- маются, по-крайней-мѣрѣ, всякое быв- гое «вачинавіе».

При томъ, чѣмъ болѣе будетъ вникать въ эту мысль, тѣмъ болѣе представляется материальныхъ выгол отъ ея исполненія. Самая цифра 10,800,000 руб. сер., исчисленная приблизительно на устройство жилищъ для рабочаго класса, не можетъ быть камнемъ преткновенія: потому-что нѣтъ необходимости воздвигнуть разомъ всѣ зданія, нужныя для помѣщенія всего рабочаго населения столицы. И какое обширное поприще для разумной, радикальной филантропіи!

Впрочемъ, въ настоящую минуту, филантропія можетъ позорить дѣло: потому - что нужно математическое, безъ умѣченія, строгое изслѣдованіе вопроса; нужно собрать точныя статистическія данныя, нужно привести въ извѣстность потребности рабочаго класса со всѣми икъ видозмѣненіями въ различныхъ подраздѣленіяхъ этого класса, нужно воспользоваться резултатами подобныхъ иностраннѣхъ предпріятій; нужно смета, нуженъ подробный проектъ для «начальныхъ» дѣйствій. Трудъ важный и К. С. Веселовскій или само Географическое Общество, вѣроятно, не предоставятъ его исполненія — благопріятному случаю.

Высказанную П. С. Савельевымъ (Отеч. Записки, № 12. Отд. VIII, стр. 154) мысль «О важности изученія Средней - Азіи преимущественно со стороны Россіи», развивалъ — въ Собраниі Географическаго Общества, бывшемъ 3 декабря, дѣйствительный членъ П. А. Чихачевъ, читавшій изъведеніемъ статью свою «Объ изслѣдо-ваніи верхнаго бассейна Сыръ и Аму-

Дарьи и нагорной площади Памиръ, изъ которой, по всей вѣроятности, эти рѣки вытекаютъ.

Г. Чихачевъ доказываетъ, что расширение нашихъ торговыхъ сношений съ Востокомъ и направление торговли путемъ, о которомъ такъ заботился Петръ-Великій, — посредствомъ рѣчныхъ артерій Сыръ и Аму-Дарыи, — весьма много содѣствовало бы распространенію нашей мануфактурной промышленности, которая нашла бы огромный сбытъ своимъ произведеніямъ на рынкахъ Средней-Азіи. Въпринципѣ г. Чихачевъ приводитъ, между прочими, хлопчатую бумагу и марену. Изъ официальныхъ свѣдѣній, говоритъ онъ, известно, что Россія употребляла въ 1845 году около 750,000 пудовъ привозной хлопчатой бумаги и 200,000 пудовъ марены, между тѣмъ, какъ въ 1826 году потребление хлопчатой бумаги не доходило до 150,000 пудовъ. Значительная часть этого количества могла бы получаться изъ Средней-Азіи, ибо и нынѣ, благодаря усилиямъ нашей мануфактурной промышленности, уже вывозится изъ одного Хивинскаго Ханства слишкомъ 20,000 пудовъ марены, а въ нынѣшнемъ году одинъ домъ извѣстнаго московскаго фабриканта Баранова получилъ оттуда слишкомъ 35,000 пудовъ хлопчатой бумаги. Эти цифры сколь ни значительны, однако, очевидно, какъ онъ еще далеки отъ настоящаго количества всего потребленія этихъ двухъ предметовъ.

Главная польза замѣты американской хлопчатой бумаги и заморской марены азиатскими, говоритъ г. Чихачевъ, состояла бы въ томъ, что Россія платила бы за нихъ своими мануфактурными издѣліями, и что притомъ доставкой хлопчатой бумаги и марены занимались бы не иностранцы, но большую частью сами Русскіе, которые перевозили бы также и свои издѣлія на азиатскіе рынки.

Но въ этомъ дѣлѣ, продолжаетъ г. Чихачевъ, изслѣдованія науки должны оказать помощь желаемому развитию

торговли, ибо напередъ всего Русскимъ необходимо ближайшее знакомство съ «географіей Средней-Азіи», изученіе ея торговыхъ потребностей, требований ея жителей, путей, по которымъ идетъ средне-азіатская торговля, связывающая Западный Китай съ верхнимъ бассейномъ Сыръ и Аму-Дарыи, и т. д.

Изъ ученыхъ выводовъ г. Чихачева слѣдуетъ, что этотъ край весьма мало извѣстенъ европейской наукѣ, а тѣмъ менѣе знаетъ она что-либо о теченіи и судоходствѣ Сыръ-Дарыи. Съ рѣкою Аму Европа иѣсколько болѣе ознакомилась, благодаря изслѣдованіямъ новѣйшихъ англійскихъ путешественниковъ Эльфинстоуна, Макартнера, сэра Александра Бёрнса, Вуда и др. Верховья же Сыръ-Дарыи, Кашгорь-Дарыи, составляющей начало большой китайской рѣки (Таришъ), одного рукава Илада (р. Куннеръ), равно — какъ нагорная площадь Памиръ, вышиною въ 15,600 футовъ, служащая, вѣроятно, источникомъ всѣхъ этихъ рѣкъ, донынѣ вовсе не изслѣдованы и могутъ быть названы по всей справедливости *terra incognita*. Одному только просвѣщеному Европѣйцу, англійскому лейтенанту Вуду удалось въ 1838 г. коснуться юго-западной окраины ея, при открытии имъ источника Аму-Дарыи.

Не согласиться съ извѣдѣніемъ г. Чихачева — невозможно: состояніе мануфактурной промышленности вообще обусловливается количествомъ рѣиковъ, на которыхъ сбываются мануфактурные произведенія. А где, какъ не въ Средней-Азіи искать намъ этихъ рынковъ? Соперничество съ европейскими мануфактурами для насъ еще слишкомъ-опасно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разсмотрѣть существующее положеніе нашихъ торговыхъ отношеній къ Азіи, къ самому важному для насъ азиатскому рынку — тавризскому. О состояніи торговли въ Тавризѣ мы имѣемъ свѣдѣнія за 1846 годъ.

Весь привозъ товаровъ въ Тавризъ

простирался на 18,179,102 р. асс., въ томъ числѣ доставлено: 1) изъ Константинонали Персіанами на 10,205,161 р.. асс., русскими подданными на 1,338,772 руб. асс. и иностранцами на 102,337 р. асс., всего на 11,646,270 р. асс.; 2) съ лейпцигской ариарки и изъ Англіи доставлено изъ Грекамъ и Армянамъ разныхъ мануфактурныхъ и другихъ товаровъ на 6,106,338 р. асс., и 3) изъ Россіи доставлено на 326,793 р. асс., въ томъ числѣ привезено Персіанами на 227,502 р. асс. и русскими подданными на 98,960 р. асс. Главныя статьи русскогоправа суть: посуды стеклянной и хрустальной на 30,125 р. золотыхъ и серебряныхъ листовъ и позументовъ на 19,710 р.; бумаги писчей на 18,420 р.; посуды изъ дровъ: самоваръ, чайникъ и подносъ на 18,365 р.; посуды фарфоровой, фаянсовой и глиняной на 15,399 р.; ткани на 13,170 р.; восковыхъ свѣчей на 7,700 р.; судаковъ макарьевскихъ и сибирскихъ на 4,113 р.; подносъ бумажныхъ лакированныхъ на 4,737 р.; ман-

ки на 3,120 р.; бумаги оберточной и 2,732 р.; стеариновыхъ свѣчей на 2,404 р.; замѣдъ и гвоздей на 1,116 р. ассигнациями.

Вызовъ товаровъ изъ Таврии въ 1846 году простирался на 8,213,289 р. асс., т. е. двумя мильонами менѣе противъ вызова 1845 года, что произошло, вѣроятно, въ-силѣствѣ возлѣженія колеры. Въ Россію отпущенъ разныхъ товаровъ на полторы суммы всего отпуска, именно на 4,364,706 р. противъ 1845 года на 700,000 р. асс. болѣе. Главныя статьи вывоза были: шелковые ткани—на 1,870,225 р. асс.; шелкъ гиляцкій — на 1,214,132 руб.; бумаги ткани—на 1,163 626р.; шерстяные ткани — на 227,902 р.; изгото рухладь — на 159,703 р.; полуцшамовыя ткани — на 69,516 р. асс. Сахаръ, враны, черимильные орѣхи, и проч.

О ходѣ нашей торговли съ Тавризомъ въ послѣднія четырнадцать лѣтъ можно судить изъ слѣдующей таблицы:

Отправлено въ Россію.	Привезено изъ Россіи.	Привезено изъ Лейпцига, Англіи и Франціи.
Въ 1833 г. на 1,658,366	188,225	955,200 р. асс.
— 1834 — 1,275,358	1,682,217	1,259,032 —
— 1835 — 879,308	686,924	3,936,978 —
— 1836 — 2,042,000	904,592	5,578,292 —
— 1837 — 2,512,760	1,776,600	6,664,592 —
— 1838 — 2,514,204	505,080	5,302,096 —
— 1839 — 2,143,732	195,777	1,534,107 —
— 1840 — 2,861,139	404,320	782,800 —
— 1841 — 2,038,690	199,592	6,538,939 —
— 1842 — 2,106,844	283,643	3,434,224 —
— 1843 — 2,145,954	82,500	3,309,128 —
— 1844 — 4,553,484	433,429	4,426,101 —
— 1845 — 3,665,130	371,479	5,672,506 —
— 1846 — 4,364,706	326,493	6,106,338 —

Кромѣ гг. Веселовского и Чихачева, въ послѣднія засѣданія Географическаго Общества В. С. Порошинъ изложилъ нѣкоторыя замѣчанія о способахъ собирания статистическихъ сѣдѣній о народонаселеніи; а М. П. Врон-дѣнко сообщилъ краткія сѣдѣнія о

хронометрической экспедиціи, совер-шенней иже, по порученію Общества, въ прошедшемъ году.

Что касается до уральской экспедиціи (см. О. З. 1847 г., № 12. Отд. VIII, стр. 152), то отъ Э. К. Гофмана по-лучены (отъ 7 октября иже Бородина)

и отъ 11-го октября изъ Тобольска), съ-
дующія свѣдѣнія:

« Въ концѣ августа, говорить г. Го-
фманъ, на мѣсто бывшихъ до того вре-
мени теплыхъ дней, наступили хо-
лодъ и дожди, которые побуждали
насъ спѣшить окончаніемъ нашихъ
работъ. Присутствіе многихъ участни-
ковъ препятствовало скорымъ переходомъ
экспедиціи, а между тѣмъ коли-
чество взятаго нами провіанта позволя-
ло намъ оставаться въ горахъ весьма
недолго. Потому мы рѣшились опять
раздѣлить экспедицію на два отряда.
тѣмъ болѣе, что это доставляло въ-
можность сдѣлать еще нѣсколько наблюденій на восточномъ склонѣ. Ос-
татокъ Алексѣй, который въ-течение все-
го лѣта былъ проводникомъ экспеди-
ціи, повелъ главный отрядъ ехъ крат-
чайшимъ путемъ къ рѣкѣ Сигвѣ, въ
остацкое селеніе Хорнпaulъ, а отту-
да водой въ Березовъ. Майоръ Стра-
жевскій принялъ на себя начальство
надъ этимъ отрядомъ. Топографъ Юрь-
евъ находился при немъ для съемокъ.
Другой отрядъ, состоявший подъ начальствомъ г. Гофмана, съ г. Бранд-
томъ, топографомъ Брагинскимъ и не-
обходимымъ числомъ нартъ и провод-
никовъ, направилъ свой путь по хребту
прямо на сѣверъ, съ тѣмъ, чтобы
достигнуть дороги, идущей изъ Ара-
неца въ Березовъ, т. е. полагая дойти
до горы Красиль-Ніаръ, назначеннай
на картѣ Регули. Оба отряда высту-
пили 2 сентября.

Майоръ Стражевскій благополучно
достигъ Березова. Отрядъ г. Гофмана
сдѣловалъ по дикому скалистому кра-
жу, который идетъ въ-лево отъ водораз-
дѣла и по всему Уралу извѣстенъ подъ
названіемъ полосового краяка. Онъ слѣ-
дуетъ въ направлении отъ юга къ сѣ-
веру и состоитъ изъ высокой, обнажен-
ной и скалистой цѣпі горъ, кото-
рую можно считать продолженіемъ
Тѣль-Поссы. Эта цѣпь отдѣлена отъ
Урала сначала не слишкомъ широкой
долиной р. Шатималы, текущей на
югъ къ Щугору; къ сѣверу же отъ
истока Шатималы сама эта цѣпь об-

разуетъ водораздѣлъ. Тамъ она не
имѣть особеннаго названія, по-край-
ней-мѣрѣ, г. Гофманъ не могъ узнать
его отъ своего проводника. «Изъ
моихъ разспросовъ», говорить онъ, «я
долженъ заключить, что гора Сабля,
которую я видѣлъ изъ Щугора, но къ
которой не могъ подойти, есть только
отрогъ выше-помянутой цѣпи, а не
отдельный кряжъ. Посему я долженъ
отдать преимущество въ этомъ случаѣ
карты Регули предъ картой Кейзерлин-
га. Сравнивая мои замѣтки съ картой
Регули, я заключаю, что у самыkhъ
Остяковъ горы извѣстны не подъ од-
нимъ постояннымъ именемъ, но при-
ходящими съ разныхъ сторонъ людьми
называются различно. Я убѣждаюсь
въ этомъ еще тѣмъ, что многія встрѣ-
чающіяся на картѣ названія были во-
все неизвѣстны нашимъ проводникамъ.
Вполнѣ достовѣрно, что названія од-
ной и той же горы и рѣки у Зырянъ
и у Остяковъ совершенно различны. »

Послѣ бурной и холодной ночи,
продолжаетъ г. Гофманъ, наступили
опять ясные дни, лучшіе всего прошли-
лого лѣта, ибо мы могли наслаждаться
дѣйствіемъ солнца, не подвергаясь
мученію отъ комаровъ и мошекъ. Въ
одинъ изъ подобныхъ дней, мы поди-
нялись на одну изъ высочайшихъ горъ,
на гору Шадмаху. Къ-сожалѣнію, дни
были уже коротки и мы не могли пред-
принять поиска даѣтъ на западъ, гдѣ
видѣ равнины скрывалася отъ насъ от-
дельными пиками и горными кряжа-
ми, которыхъ мы не могли перейти
въ одинъ день; провести же ночь въ
бездѣсныхъ горахъ, безъ теплого
платья и огня, мы не находили благо-
разумнѣй. Впрочемъ, въ этомъ поис-
кѣ и не состояло особенной надоб-
ности, потому-что мы видѣли уже эти
горы при устьѣ вытекающихъ изъ
нихъ двухъ рѣкъ Патѣкъ, впадающихъ
въ Щугоръ». — Г. Брандъ въ-теч-
еніе этого времени собралъ разныя сѣ-
мена и дѣлалъ наблюденія, которыя
послужатъ материаломъ для карты лѣс-
ныхъ породъ, составленіемъ которой
онъ занимается. Для собравшій по части

бронитология и зоология она не встрѣчалъ уже ничего новаго. Она стрѣляла птицъ и снабжала экспедицію дичиной въ столь значительномъ количествѣ, что еслибъ она не имѣла оленей, то и тогда, какъ говорить г. Гофманъ, не почувствовала бы недостатка въ мясной пищѣ.

Экспедиція оставила дикій, скалистый кряжъ въ г. Шадмакъ и направилась къ NNO, къ горѣ Квосьмь-Ніарѣ. «Дождь и снѣгъ были опять нашими спутниками», говоритъ г. Гофманъ; «и мы уже не надѣялись обозрѣть съ этой горы окрестностей, но 11-го числа, когда мы расположились въ палаткѣ у подошвы Квосьмь-Ніары, на западной сторонѣ ея, небо выяснило и топографъ имѣлъ возможность произвести весьма удовлетворительныя работы. Въ направлѣніи WNW отъ насъ возвышался самый сѣверный пикъ голого скалистаго кряжа — гора Ярутъ-уръ. Къ сѣверу отъ нея кряжъ понижается и обростаетъ лѣсомъ. Онъ имѣть направление прямо на сѣверъ.—Къ сѣверу отъ горы Квосьмь-Ніарѣ, въ разстояніи отъ 50 до 60 верстъ находится гора Тилиби-уръ, которая, сколько мы могли разсмотрѣть въ зрительную трубу, покрыта доверху лѣсомъ. Хотя на картѣ и означенено отклоненіе хребта къ NO, начиная съ этого пункта, но мы не могли замѣтить этого».

Слѣдующую ночь экспедиція прошла у подошвы горы Квосьмь-Ніары, на восточной сторонѣ ея, а затѣмъ отправилась въ Березовъ. На другой же день, г. Гофманъ вступилъ въ долину р. Пульи, одного изъ притоковъ Сукеръи а 15 сентября достигъ береговъ сей послѣдней. — Въ Сукерыхъ-юртахъ она взяла лодку и, опредѣля направление рѣкъ, слѣдовала по рѣкамъ Сукерѣ, Сигвѣ и Сосѣ, протекающими по равнинѣ, наполненной болотами и низко-растущимъ лѣсомъ. Зима наступила прежде, чѣмъ она достигъ Сосы, а приѣхавъ 28 сентября въ Березовъ, она нашелъ тамъ уже ледь на рѣкѣ. Пробыть въ Березовѣ необ-

ходимое время для распоряженій по заготовленію для экспедиціи на будущій годъ нужныхъ вещей, г. Гофманъ прибылъ 10 ноября въ Тобольскъ, откуда онъ располагалъ выѣхать на другой же день въ Богословскъ. На пути изъ Обдорска въ Тобольскъ, она два раза проваливалася сквозь ледь на р. Оби, несмотря на то, что морозъ доходилъ до 25°. Къ-счастью, говоритъ г. Гофманъ, журналы экспедиціи и топографическая съемка спасены. Путешественники потеряли только свою дорожную antennу.

Благія начинанія Географического Общества возбуждаютъ общее сочувство; число членовъ его постоянно увеличивается; послѣ каждого собранія, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выхода «Санкт-Петербургскихъ Вѣдоностей», въ которыхъ обыкновенно помѣщаются извѣстія объ этихъ собраніяхъ; а здѣшнее купечество выразило свое участіе къ дѣятельности Общества самыми осознательными образомъ, пожертвовавъ въ его распоряженіе изъ своихъ общественныхъ суммъ 5,000 рублей серебромъ, которые и назначены совѣтомъ Общества, согласно съ желаніемъ жертвователей, «на статистическія работы съ цѣлью раскрытия и опредѣлить наилѣпшее положеніе, средства и потребности отечественной торговли внутри Имперіи». Предварительные соображенія по этому предмету возложены Совѣтомъ Общества на Отдѣленіе статистики Россіи, которое при этомъ случаѣ,ѣроѣто, не упустить изъ вида предложенія барона А. К. Мейендорфа объ изслѣдованіи нашей центральной полосы чернозема, какъ предмета первой важности для нашей внутренней торговли.

— Послѣднія засѣданія Минералогического Общества были посвящены трилобитамъ, ископаемымъ животнымъ, которыхъ до сихъ-порѣ были известны только въ обломкахъ, и полные, безъ всякаго поврежденія сохранившіеся экземпляры которыхъ на-

дены директоромъ Общества, С. С. Куторгю.

Чтобы оцѣнить важность этого открытия для науки, надо принять въ соображеніе трудность и сбивчивость того пути, которымъ палеонтологія обыкновенно ведетъ своихъ приверженцевъ къ разясненію іероглифовъ еgyptописи. А для того, чтобы судить, какъ труденъ и сбивчивъ этотъ путь, достаточно вспомнить шейхцерова ископаемаго человѣка и птицу грифъ.

Вотъ, какъ разсказывается С. С. Куторга эти два знаменитыя факта изъ исторіи палеонтологіи:

«Одинъ изъ трудолюбивыхъ и неутомимыхъ изслѣдователей, жившихъ въ началѣ XVIII столѣтія, Иоаннъ Шейхцеръ, написалъ цѣлые фолианты обѣ окаменѣостяхъ, недоумѣвалъ, почему ему никогда еще не попадался въ горныхъ пластахъ человѣкъ, между тѣмъ, какъ въ нихъ много другихъ окаменѣостей, которая тогда считались несомнѣнными признаками и свидѣтелями всемирнаго потопа, и по этой причинѣ назывались допотопными, и теперь у не-натуралистовъ слывутъ таковыми же. Наконецъ, судѣтъ угодно было облегчить и разяснить думы Шейхцера: въ 1726 году ему доставили изъ каменоломни близъ Эннингена (Oeningen) шиферную плиту съ именемъ отпечаткомъ скелета въ 3 фута длиною. Голова его была 4 дюйма длиною, 6 дюймовъ шириной, слѣдовательно, больше обыкновенной человѣческой головы; книзу отъ нея лежала какъ-бы дугообразная нижняя челюсть; далѣе слѣдовали позвонки хребетного столба, а по обѣ стороны не-много отброшенныя передniaя и задニアя конечности, съ разбросанными суставами иальцевъ. — Шейхцеръ немедленно напечаталъ сочиненіе: *Homo diluvii testis* (человѣкъ — свидѣтель потопа). Не только современники, но и отдаленное потомство говорило обѣ ископаемомъ человѣкѣ, свидѣтель всемирнаго потопа; очень-поздно начали появляться сомнѣнія насчетъ его, и только спустя цѣлое столѣтіе Кювье окон-

чатально и невозвратно опредѣлилъ, что шейхцеровъ человѣкъ есть амфибій изъ отряда лягушекъ и изъ рода саламандръ. При этомъ надоѣно замѣтить, что вѣрный ключъ для опредѣленія ископаемыхъ животныхъ доставляетъ сравнительная анатомія, а она, какъ наука, ведетъ свое начало отъ Кювье.

• Не менѣе замѣчательна исторія древнаго грифа (*Gryphus antiquitatis*). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Шубертъ, а за нимъ всѣ компилаторы, сообщили слѣдующее описание этой птицы:

«Нашли стержни перьевъ, когти и черепъ исподинской птицы. Стержни или очины перьевъ ея такъ огромны, что въ нихъ можно всунуть человѣческую руку; когти въ 2 и черепъ въ 2½ фута длиною. Судя по этому, между распростертыми крыльями ея было до 40 футовъ (до 6 сажень). — Эти остатки найдены во льду, на сѣверныхъ берегахъ Америки и Азии, въ особенности же на Лаховыхъ Островахъ.»

Голь (Holl, *Handbuch der Petrefaktenkunde*, 1828), прибавляетъ къ этому еще слѣдующее:

«Если вѣрить извѣстіямъ русскаго путешественника Георга Тимковскаго, то такія же исподинскія птицы живутъ еще и теперь въ горахъ Восточнаго Туркистана. На лету ихъ сравниваютъ съ черною тучею; маховая перья ихъ отъ 8—10 футовъ (т. е. до 1½ сажени!?), и онѣ такъ сильны, что уносятъ лошадей и быковъ.»

Въ октябрѣ 1836 года, ветеранъ русскихъ естествоиспытателей, профессоръ Московскаго Университета Фишеръ, подвергнуль древнаго грифа строгому розысканію, изъ котораго и оказалось, что Шубертъ (Первобытный Миръ, *Urwelt*), Крюгеръ, (Исторія первобытнаго міра), Голь и даже специально ученый, осторожный, высоко и по заслугамъ уважаемый Броннъ (*Ornitholithen*, въ *Encyclopédie von Ersch und Gruber*) взяли матеріалы для составленія и описанія этой птицы по преимуществу изъ извѣст-

наго всѣмъ Русскимъ Геденштрѣма (Отрывки о Сибири, 1830), который описываетъ очень вѣрно большие черепа и роговыя, болѣе аршина длиною, изогнутыя части, но къ-несчастію соглашается съ мнѣніемъ Юкагировъ, полагающіхъ, что это головы и когти огромной птицы. Въ началѣ настоящаго столѣтія открыты были въ горныхъ пластахъ огромныя морскія ящеры, ихтіозавръ, плесіосавръ и другія. Эти открытія пустили въ ученій, и въ особенности въ литературный міръ идею, что будто бы въ первобытные времена все было огромно и чудовищно. Проникнутые этимъ понятіемъ, писатели ловили всякий случай, который, повидимому, подтверждалъ ихъ любимыя мечты. Надобно было отыскать чудовищную птицу первого бытнаго міра и она отыскалась въ соглашеніи мнѣнія Геденштрѣма съ мнѣніемъ Юкагировъ, которые принимали черепа и рога испоконъ яко носороговъ за птичіи. Остатки эти очень обыкновенны въ наносахъ Россіи, по обѣ стороны Уральскаго Хребта, и любопытные могутъ видѣть отличные экземпляры въ Музѣ Горнаго Института.

— А что дѣлается въ нашихъ многочисленныхъ хозяйственныхъ обществахъ? — Мы оставляемъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ до того времени, когда намъ удастся разыскать себѣ основу, существенный характеръ ихъ дѣйствій, и такимъ образомъ сократить необходімый при настоящемъ положеніи дѣль перечень безчисленныхъ распоряженій. Что касается до периодическихъ изданій по сельскому хозяйству, то первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежитъ преобразованіямъ въ прошедшемъ году «Запискамъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи». Но и объ этомъ послѣ: все, чтд мы могли бы сказать въ настоящую минуту о сельскомъ хозяйстве, гораздо-полезнѣе замѣнить однимъ практическимъ замѣчаніемъ рязанскаго помѣщика Александра К...

(помѣщеннымъ въ № 99 Земл. Газ.); замѣчаніемъ, которое, не отличаясь ни новизною, ни оригинальностью взгляда, — важно, какъ наличное доказательство той утѣшительной мысли, что въ схоластической соображеніи нашіхъ хозяевъ начинаетъ проникать живительное психологическое начало современной науки.

Вотъ, что говорить г. Александръ К.... по поводу нашей народной пословицы — «охота пуще неволи».

Чего не дѣлаетъ мы по охотѣ! Скажемъ по большинству дорогамъ, не спимъ ночи, работаемъ съ утра до вечера, и наль все это не тяжело. Усиѣмъ большою частю увѣличиваются наши усилия; почему? — Потому именно, что мы все это дѣлаемъ добровольно, что мы имеемъ въ виду достиженіе нашей цѣли и работаемъ для себя. — Всѣкое привужденіе тяжело. Мы хотимъ служить въ военной службѣ, а меня опредѣляютъ въ гражданскую; я не люблю деревни, а родители посыпаютъ меня хозяйствничать въ отдаленную губернію; для излеченія отъ болѣзни, мы хотимъѣхать за границу, а меня отправляютъ на Кавказъ: гражданская служба, деревня, Кавказъ — сами-по-себѣ весьма хороши и для многихъ составляютъ предметъ пламеныхъ желаній, но бываютъ тяжелыми, для тѣхъ, которые дѣйствуютъ не по охотѣ.

• Если непріятво, тяжело совершасть по неволѣ только нѣсколько дѣль въ жизни, то каково цѣлою жизнью, почти всѣ дѣйствія свои производить не по охотѣ, а по неволѣ. Сидора мы называемъ въ повара, Андрея въ лакея. Гаврилу въ портные и такъ даѣте, между-тѣмъ, какъ они, быть-можетъ, имѣютъ наклонности къ совершенно инымъ занятіямъ. Родители желали бы сохранить при себѣ дѣтей своихъ, и лично наблюсти за ихъ нравственностию: а мы отдаемъ ихъ въ училище въ Москву, гдѣ мальчики и девочки болѣе развращаются поведеніемъ, чѣмъ научаются ремесламъ. И мы еще удивляемся, что у насъ мастеровые умѣютъ только перепимать и ничего не выдумываютъ»

не улучшаютъ! Мы ставимъ въ прі-
мѣръ Нѣцевъ и Англичанъ, которые
постоянно доводятъ до большаго совер-
шенства всѣ ремесла, которыми они
занимаются. Да, разница тутъ велика!
Они посвящаютъ себѣ тому, чѣму хо-
тять; добрая воля развиваетъ ихъ умъ
съ-дѣлства; они хлопочутъ, трудятся—
для себѣ, а не для другаго.

• Взглянемъ на барщинскую работу: прійдетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дальше, а работаетъ сколь возможно меныше—ему не дѣло дѣлать, а день убить.

• На господина работаетъ онъ три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обрабатываетъ земли болыше, управляетъ всѣ домашнія дѣла, и еще имѣеть много свободнаго времени. Господскіи работы, особенно тѣ, кото-
рыя не могутъ быть урочными, пра-
водятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе или въ гнѣвъ. Наказыва-
ешь нехотя, но прибѣгаешь къ этому средству, какъ къ единственно-воз-
можному, чтобы дѣло впередъ подви-
нуть. — Съ этой работою сравните те-
перь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все го-
рить, матеріаловъ не наготовиши, времени проработаютъ они менѣе бар-
щинскаго крестьяниня, отдохнутъ они болыше его; но надѣлаютъ вдвое, втрое. Отъ-чего? — Охота пуще неволи.

• Войдите въ мануфактуру, гдѣ рабо-
таютъ по наряду, даже гдѣ въ видѣ по-
ощренія дается иѣкоторая задѣльная шлата. Что вы тамъ найдете? Инстру-
менты непремѣнно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ; они за нихъ не отвѣчаютъ; можно этихъ лю-
дей наказать, но нельзя прогнать. По
этой причинѣ, работа производится в
дурно и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно оно едва въ половину вольнаго работ-
ника.—Какая разница войдти въ ману-
фактуру, истинно на коммерческой но-
гѣ, устроеннную. Какъ тамъ одинъ пе-
редъ другимъ боится переработать,
такъ здѣсь они другъ друга одушевля-

ютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставля-
етъ каждого строже всякаго надсмотр-
щика, наблюдать за чистотою работы.
Собственная выгода будить его досѣ-
та и свѣтить ему вечеромъ.—Охота пуще неволи.

• У насъ въ домаѣ слугъ много, а прислуки мало. Всякій имѣеть свою, часть и каждый свою часть исправля-
етъ столько, сколько необходимо, а
всего чаще и гораздо менѣе, чѣмъ не-
обходимо. За границею, и даже въ Петербургѣ, у иностраннныхъ купцовъ въ домѣ одинъ слуга; а между-тѣмъ, все чисто, все убрано; за столомъ, онъ одинъ служитъ пятидцати, двадцати человѣкамъ; вездѣ онъ поспѣваетъ; никогда нѣть зданий остановки. Почему? Потому-что, онъ получаетъ жалованье хорошее, т. е. то, чего намъ стоятъ двое, трое нашихъ слугъ; потому-что если онъ не будетъ исполнять всѣхъ требованій своего хозяина, не будетъ предупреждать его желаній, — то его отошлютъ въ деревню и возьмутъ слу-
гу болыше усерднаго. Спросите иностраннцевъ въ Петербургѣ, какъ они доволыны нашими такъ-называемыми артельщиками: одинъ человѣкъ слу-
жить за троихъ. Отъ-чего? — Охота пуще неволи.

• Мы часто жалуемся, что слуги на-
ши глупы, беспечны, лѣнивы; да какъ же имъ и быть иными? — О чѣмъ имъ заботиться? Они знаютъ, что баринъ ихъ накормитъ и одѣнетъ. Къ-чemu имъ радѣтъ? Чѣмъ больше они будуть ра-
ботать, тѣмъ больше навалять на нихъ дѣла; остается одно средство:
быть покойнымъ, дѣла не дѣлать и отъ дѣла не бѣгать. Дѣло дру-
гое съ наемными человѣкомъ: онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы при本事и себѣ къ старости, на слу-
чай болѣзни; ему надобно поду-
матъ или объ отцѣ и матери, или о женѣ и дѣтяхъ. Если онъ будетъ слу-
жить плохо, то его прогонятъ; если онъ можетъ въ домѣ исправлять толь-
ко одну должностъ, то онъ и жало-
ванье получить за четвертѣ, за поло-
вину слуги; однимъ словомъ, наемный

слуга служить без устали; мечется во все углы; все имъ приведено въ порядокъ — потому-что онъ служить по доброй волѣ, и получаетъ жалование по мѣрѣ того, какъ служить.

«Одна привычка, одна восточная лѣни (не могу говорить сильнѣе) удерживаетъ насъ отъ освобожденія себя отъ не наемныхъ слугъ. Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ свободнаго труда передъ барщинкою работою, вольной услуги передъ наемною — а остаемся при худшемъ, знаемъ лучшее. Многое можно сказать на счетъ невозможности, теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ-крестьянъ въ обиженные: но что удерживаетъ насъ мало-по-малу, дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12 июня 1844 года, давать отпускныя съ замѣченіемъ съ ними обязательствъ? Обезпечениія имѣемъ мы полныя: если они не заплатятъ слѣдующихъ намъ денегъ въ назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно предъ всѣми прочими ихъ долгами и даже передъ казенными повинностями; если имущества ихъ недостаточно, то они отдаются въ рекрутъ, и зачетныя квитанціи намъ выдаются; а негодные въ рекрутъ отправляются въ крѣпостные работы. — Чего же намъ ждать болѣе? Средства намъ даны; исполненіе зависитъ отъ насъ самихъ. Есть уже прикѣры, но, къ-сожалѣнію, они не столь многочисленны какъ бы того слѣдовало ожидать. Пусть люди благонамѣренные пріимутся за дѣло дружинѣи тогда вѣрно отсталыхъ будетъ не много. »

Да, именно: стоять благонамѣренными людьми приняться за дѣло дружинѣи и тогда отсталыхъ будетъ немногого, потому-что отсталые большою частію люди самые благонамѣренные и отстаютъ отъ людей здравомыслящихъ только по образованіи временемъ привыкъ къ извѣстному образу мыслей, по недостатку того полезнаго называ доискиваться истины путемъ дружелюбно обсужданія, безъ котораго поступательное движение невозможно. Они отстанутъ только потому, что хо-

тятъ жить не тревождымъ умомъ, требующимъ строгаго отчета въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ словѣ, а тою все-ублажающею, лѣнивою памятью, для которой все прошлое, былое представляется въ привлекательныхъ, но часто призматическихъ цѣтахъ.

Такъ-какъ г. К.... вывелъ насъ изъ зачарованнаго столичнаго кружка, то мы и пойдемъ въ губерніи. Что тамъ дѣлается, какъ проявляется общественная неофиціальная жизнь тамъ, гдѣ быть даже въ обществѣ сельскаго хозяйства?

Именинные обѣды, свадебные балы и другія торжественные собрания по разнаго рода праздничныя случаи... Есть кое-гдѣ и спектакли. Но что дѣлается на этихъ - торжествахъ, и что дѣлаютъ члены этихъ обществъ въ подобныхъ случаяхъ? — На этотъ вопросъ могли бы весьма-удовлетворительно отвѣтить «губернскіе вѣдомости», въ которыхъ, кромѣ двухъ офиціальныхъ отдѣловъ, есть и отдѣль неофиціальный (иногда «не офиціальный»). Могли бы отвѣтить, но отвѣчаютъ весьма-немногія. Въ этихъ - вѣдомостяхъ - большою частію говорится о погодѣ, о небесныхъ явленіяхъ, о полезныхъ въ домашнемъ быту мѣрахъ противъ разрушительныхъ силъ природы, каковы: черви, рѣка, моль и прочія сильы орудыя и неорудыя, физическая и химическая; нерѣдко сообщаются мѣстные историческіе и статистическіе материалы; что же касается до общественной жизни, то съѣздынія этого рода почти-всегда можно пересчитать по пальцамъ одной руки. Такъ въ Херсонскихъ Вѣдомостяхъ печатаются списки изъ протоколовъ засѣданій Одесской Общества Исторіи и Древностей; выдѣски-перечни различныхъ опредѣлений Общества, опредѣленій — что куда передать, кого благодарить, какой приходъ куда записать, что и какъ приобрѣсть для общества. Въ казанскихъ — поимѣется иногда «Казанская Хроника». Въ Екатеринодарскихъ...

Въ Екатеринославѣ вѣдѣтъ «ученый и любезный», какъ говорятъ Екатеринославскія Вѣдомости, г. Пилону, недавно устроилъ театръ, для которого тамошній архитекторъ М. Ц. Львовъ устроилъ, въ частномъ домѣ, помѣщеніе, «по удобству и благообразию не только соотвѣтствующее своему назначению, но даже превозшедшее ожиданія публики». На сценѣ этого театра отличаются: г. Пилони и г-жа Пилони, г. Жбановъ и г-жа Жбанова. Вотъ слова одного тувинчаго любителя театра о второмъ представлѣніи:

• Въ этомъ спектаклѣ г. Пилони устроилъ на сценѣ знаменитой комедію Гоголя «Ревизоръ». — Всѣ гоголевскія пьесы, — какъ истинно-художественные произведения, — составляютъ пробный камень для всякаго театра: и мы, вѣ обиравшись, можемъ сказать, что труппа г. Пилони счастливо выдержала это испытаніе. Понтификъ «Ревизора» въ нашемъ театрѣ сыгралъ быль удовлетворительно, въ такой мѣрѣ, какъ намъ не удавалось еще видѣть его ни на одной сцѣнѣ: а мы можемъ похвастаться, что видѣли эту пьесу не разъ и исполнительную реальнѣю первоклассными профессиональными артистами. — Если мы показали удовлетворительно, то, можетъ, это еще очень-далеко отъ того идеального совершенства, въ какомъ представляется наше исполненіе этой пьесы; вскакой разъ, при чтеніи ея: что для такого исполненія нужно, чтобы замѣла роль была исполнена такими артистами, соединеніе которыхъ на одной сцѣнѣ невозможно. А потому, ограничиваясь въ своихъ по этому предмету желаніяхъ, наѣгъ, какъ должно быть, но тѣмъ наѣтъ можно было, — мы снова повторимъ, что «Ревизоръ» исполненъ быль труппою г. Пилони, въ возможной степени, весьма-удовлетворительно. Въ этой пьесѣ, пальма первенства принадлежитъ г. Дрейсику, за исполненіе имъ роли Городничаго: роль эта поистинѣ вѣро и выдержанна ровно съ начала до конца; были у него и мѣста истинно-прекрасные, каково все первое дѣйствіе, но своей ди-

вно-естественнѣй простотѣ въ исполненіи, и пятое — по высоко-одушевленной игрѣ г. Дрейсика, удачно дебютировавшаго въ первый разъ на нашемъ театрѣ. Уважая талантъ его, съ которымъ мы имѣли теперь удовольствіе въ первые познакомиться, мы решившись сдѣлать ему сию замѣтку, въ которой она не можетъ не увидѣть всего нашего вниманія къ нему. Мы видѣли много разъ М. С. Щепкина въ роли «Городничаго» и вѣчно незабываемыи остапуются для насъ малѣйшіе оттѣнки его художественной игры; особенно же насы поразили тѣ маттическія мгновенія его роли, въ которыхъ она дѣлается почти драматическою — высшая цѣль истиннаго юмора. Нѣкоторыя изъ такихъ мгновеній прошли едва-замѣтно, а иные остались вовсе незамѣтны у г. Дрейсица. Сравненіе его съ первокласснымъ артистомъ, каковъ М. С. Щепкинъ, чего мы никогда себѣ не позволяли до-сихъ-поръ, можетъ доказать г. Дрейсику степень высокаго понятія нашего о его таланѣ: ибо изъ всѣхъ видѣвшихъ ими этого амплуа артистовъ, мы не замѣтили ни у одного труднаго свойства соединить элементъ комической съ драматическими въ таѣ мѣрѣ, какъ это удастся заслѣдѣ М. С. Щепкину и отчасти г. Дрейсику. — Переходъ отъ роли городничаго къ роли Хлестакова, мы долготъ пострадали засвидѣтельствовать, что роль эта исполнена г-же Пилони тщательно, ровно и отчетливо, но мѣрѣ того, сколько это возможно по самой сущности роли — все же невыразимо-запечатленной съ перваго раза и доступной къ понятію только при глубокомъ въ нее вниканіи, а потому и весьма-трудной къ исполненію такимъ-образомъ, чтобы она могла произвѣсть сценическій эффектъ, особенно въ параллели съ рѣжко-рельефною ролью Городничаго. — Прочіи роли, каждымъ изъ артистовъ, не своими средствами, исполнены болѣе или менѣе удачно. Иль менѣе розой г-жа Бардакова въ роли Алии Андреевны столько же бѣла изнуренная въ

шерохъ подозрѣй пьесы, сколько царь скажа, начнется съ явленія VI-го лѣтъ стаи III-го. Г-жа Шбанова — я короткая, рѣзко одесорщи исполнница безупречна. Мы должны сдѣлать одно необходимое замѣчаніе, разъ пасека, для всѣхъ труппъ г. Циловы, въ отношеніи исполненія пьесы Гоголя: пьесы эти такого рода, что въ нихъ помощь супреда, рѣшительно неумѣстна; — даѣтъ роли въ нихъ должны бы бѣдурально выучившись память, — ибо въ нихъ имѣютъ характеристическое разнообразие, каждое выраженнѣемъ именемъ, каждое слово въ особенности; отъ этого итакъ, не въ правѣ вѣдѣть рѣчи чистого изобрѣтателя, ни прибавлять, отъ себя. — Задача это привыкли мы необходимыѣ тѣмъ болѣе, что г. Циловы обѣщаются намъ и прочихъ пропагандистъ Гоголя, «Бесѣдѣ», и «Игроки»; жалю, иже съ потеряніемъ и въ исключительной уверенности, что окончательно и неизменѣнно та же удача; какъ въ «Ревизорѣ».

Прогрессъ, рѣшительный прогрессъ! Если г-нъ Циловъ въ выборѣ пьесы руководствуется не случайностью, а себестоимостью звука, то мы предрекаемъ склоннославную публику въ первыхъ пріобрѣтеніяхъ.

«Вѣдѣте — въ воспоминѣи отъ молодаго артиста-сироты: Вильгельмъ Бланкенштейнъ; въ воспоминѣи, который выразилъ съѣзжающимъ воспоминаніемъ: «Давно уже» говорилъ Вильгельмъ Владимира, — именно со временемъ бытъ его въдѣлъ Сквириковскаго Берда, Оле-Бруля; анатомы мѣмы не воспоминали: эта такъ мутнѣющаяся вещь — романъ, какой доставилъ иль г. Бань кончи спектаклю, тѣкъ трукою отъ доставленія за совершенства и изъ совершенствъ таѣъ воспитательными для тѣхъ, которые не могутъ быть размолушены чѣмъ-то иначе, чѣмъ въпечатлѣніемъ упорного инструменталистъ!!!»

«А наше веселое сдѣлалось въ Казани посоль холера! Но живопись этой бѣды: прошло всего четырьмъ большая коано-памятка! Картина изъ Венеции,

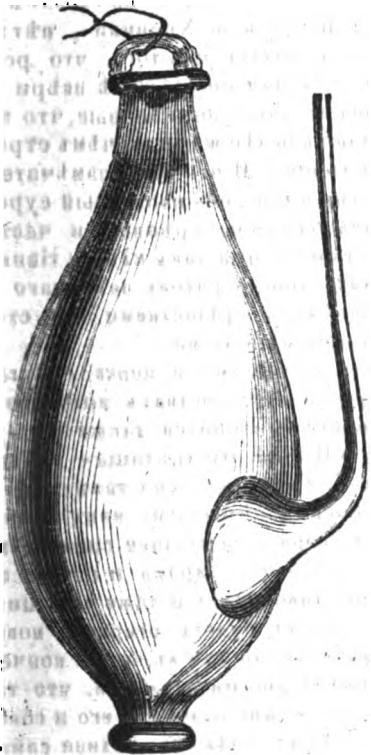
съ видами Италии берегъ «антаго», — пра-врата чѣба, съ берегами Насоба бѣзы-очаровательности; съ Флорен-цией и Римомъ, чистъ историанъ: изъ духа тѣхъ прачекъ и густы, какъ будто въ Казани осеніе, когда избрекутъ на пѣль мѣсяцъ дождикъ».

Въ зорилица г. Берга, по словамъ автора «Казанской Хроники», иѣть и левати десятыхъ изъ того, что рекомендуется афишию. «Все вѣѣри та-кіе вѣѣри, такие общипанные, что возбуждаютъ болѣе жалость, чѣмъ страхъ и удивленіе». И что всегда замѣчательно: простой, обыкновенный сурокъ сидить за самою прѣѣю и частою рѣшеткою, тогда какъ кѣни гіоны и прочихъ аристократовъ знатнаго рода снабжены рѣшетками и столь прѣѣими и частыми».

Есть въ Казани и циркъ Рудольфа Георги, о достоинствахъ котораго въ Хроникѣ говорится также въ вро-ній: «Но все эти арѣища — подождѣши — Хроника: «вѣ таинъ удовлетворяютъ постыдѣлѣй, какъ пріятъ удовлетворить настоящее сценическое искусство, — т. е. драма и поэму вѣтъ-терпѣливо ждутъ и даже спрашиваютъ: когда будетъ открытии новый театръ? Зданіе его въ черту кончено созѣмъ и изогнанъ кажется, что также скоро можно отѣвать его въ совер-шенно; тѣнъ болѣе, что вѣши самого театра возникло большое деревянное строеніе, назначеннѣе для мастерской, въ которой будуть рисоватьсь декорати-віи. Кѣ-сожалѣю, мы должны изѣт-стати всѣхъ потерпѣлихъ! Неклон-никовъ Талии и Мельпонены, что они увидятъ окончательную отѣдѣлку зданій, посвященнаго этимъ чудищамъ, вѣ-ранѣе какъ черезъ годъ, а можетъ-быть и болѣе».

— Нѣкто г. И. Ф. изобрѣлъ недавно приборъ, который, можетъ-быть, съ помощью употребляемъ для извѣз-ти мгновенныхъ перемѣнъ ногоды въ такиъ-образомъ отчасти замѣтить ртутный барометръ. Теоріей устрой-ство этого прибора оправдывается, но

еще не приводило достаточное оныть для того, что бы можно было съ уѣренностю сказать, въ какой мѣрѣ онъ можетъ быть полезенъ, и велико ли будетъ его приобрѣтеніе въ сельскомъ быту и на морѣ.

Устройство этого прибора чрезвычайно просто, какъ можно заключить изъ прилагаемаго рисунка. Оно состоить изъ овального стеклянаго сосуда, длиною около 9-ти дюймовъ, на-глухо запаянаго сверху и снизу. Неже сердцевина сосуда находится отверстіе, въ которому придаана длинная стеклянная трубка, загнутая къ верху. Вода наливается въ приборъ при ленокъ ягодъ и въ такомъ количествѣ, чтобы внутреннее отверстіе трубки было ею покрыто. При менѣе ясной ягодѣ, вода въ трубкѣ значительно поднимается, а иногда и выливается чрезъ верхнее отверстіе. Это явленіе объяс-

T. LVI. — Отд. VIII.

няется разностью давленій воздуха въѣзжаго и заключеннаго въ сосудѣ.

Г. К. Ф. въ-течение пяти мѣсяцей слѣдилъ за показаніями этого прибора: изъ берегу и на морѣ, и съѣзжалъ ихъ съ показаніями отличного ртутнаго барометра и синиозаметра. По его оты-зу, новопрѣбрѣтенный приборъ показывалъ перенѣгу погоды рялье и лестинные обыкновеннаго барометра, особенно предъ непродолжительною грозою, во время которой пониженіе ртути въ барометрѣ было почти исчѣмѣніе. Подобны же наблюденія про-изведены были многими другими лицами, и все приводятъ къ одно-му и тому же заключенію: что приборъ этотъ весьма отчетливо предсказываетъ высокія перенѣги ягоды. Простота и дешевизна этого прибора, названнаго г. К.-Ф. конодикомъ или конодикометромъ, заставляютъ же-лать, чтобы дальнѣйшия, отчетливые наблюденія зволѣ оправдали степень важности этого изобрѣтенія.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. г. Я, противъ воли, всеѣ вѣсъ въ слово предъ вашими читателями, не доставивъ вамъ статей, предположен-ныхъ мною къ напечатанію въ вашемъ журнале, и некоторые изъ вашихъ со-братій не замедлили упрекнуть васъ въ томъ, чѣмъ виноватъ одни я, се-ли тутъ была чѣ-либо вина въ-самомъ-дѣлѣ. Для кого изъ петербургскихъ жителей, хотя сколько-нибудь заня-тиющихся общественными интересами, могъ бытъ тѣмъ обстоятельства практической жизни, въ которыхъ я вежливо былъ поставленъ, и кото-рые одѣлали для меня уже второй годъ невозможную всякую литературную дѣятельность, въ какомъ бы то ни бы-ло учено-и, или литературномъ на-де-ніи? Предупреждать о тойъ публике, какъ о дѣлѣ, вовсе для нее неизвѣст-номъ, было бы съ моей стороны или немомѣрныиъ тщеславіемъ, или нево-итрѣнѣиъ смиреніемъ; и то въ другое было бы заиній: живъ я — до-

вольно-открыта и публична; я этого не искалъ, но и не имѣю права сожалѣть о томъ; печатать же статьи, которыми настоятельная срочность другихъ занятій не позволила мнѣ дать окончательной отдаѣки — было бы противно моей литературной совѣсти, имену уваженію къ публикѣ, уваженію къ вашему журналу и чаковецъ — къ самому-себѣ. Вътъ объясненіе человѣка, который всегда сохранилъ и будетъ сохранять свою полную независимость среди всѣхъ литературныхъ наѣтій и интересовъ. Надѣюсь, что для благомыслившихъ людей, такого объясненія достаточно для устраненія всѣхъ возможныхъ недоразумѣній.

Пріимите увѣренія въ истинныхъ чувствахъ моего совершенного почтѣвія и преданности.

Князь В. Одоевскій.
25 с. дес. 1847.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Мы напечатали это письмо по особому желанію уважаемаго нами князя В. Ф. Одоевскаго, а не до собственному побужденію. Мы не видимъ никакой надобности оправдываться въ томъ, въ чемъ есть наша вина, и что очевидно для каждого, сколько-нибудь знакомаго съ журнальными дѣломъ. Объявленіе о тѣхъ статтяхъ, которыя редакція надѣется на печатать въ своемъ журнальѣ, не можетъ быть дѣлано безъ согласія лицъ, възложихъ на себѣ приготовленіе объявленыхъ статей для журнала. Но намѣреніе и исполненіе — не всегда уживаются вмѣстѣ, и, при самомъ добромъ, рѣшительномъ желаніи исполнить обѣщанное — исполненіе иногда не отъ насъ зависитъ. Продолжительное отсутствіе, болѣзнь и сотни другихъ препятствій могутъ остановить это исполненіе... Мы могли бы напечатать объясненія всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ обѣщанные статьи, по разнымъ обстоятельствамъ, не могли войти въ книжку «Отеч. Записк.» 1847 года. Но къ-чему бы это послужило? Публикѣ очень-хорошо известны источники всѣхъ этихъ об-

винений, заводимыхъ на «Отеч. Записк.» со стороны всѣхъ журналовъ; следственно, дѣло это въ безнашихъ объясненій; а оправдываться передъ этими журналами — уже излишне — не стоять.

ЗАГРАНИЧНЫЕ НОВОСТИ.

Сорбонна блестала, когда въ неї раздавались голоса Гизо, Кувена, Вильмева и иныхъ подобныхъ. Тогда вышла молодежь тѣсной толпой блеска на лекціи слушать развивающіяся благородныя идеи: то былъ энергический гимнъ цѣлаго народа. Въ посѣствіи, этотъ жаръ впечатлительно остылъ. Знаменитые профессоры нѣкоторыя теперь — адьюнкты, которые съ трудомъ поддерживаютъ тяжелое бремя вѣтринныхъ иныхъ обязанностей. Извѣстно, что эти титулованые профессоры обращаются своимъ касады въ собственность и располагаютъ ею по промашволу. Они присваиваютъ себѣ право избирать по собственному усмотрѣнію адьюнктоў и, изъ предосторожности, крайне-полезной для вѣтчины, не пропускаютъ случаевъ назначать министру на такихъ людяхъ, которые бы не могли захмѣтить ихъ. Благодаря счастливому средству, слава изъ конечто, не замеркнетъ, а между тѣмъ, они наслаждаются сладкими покоями, сохранила свои титлы и довольствуясь частью слѣдующаго имъ содержанія. Есть между этими профессорами п-кой, который уже пятнадцать лѣтъ не читаетъ лекцій и почти половину своего жалованья отдаетъ адьюнкту. Это очень-удобно для господъ титулованныхъ; но очень-несправедливо для адьюнктовъ и чрезвычайно-неблагоприятно для самого преподаванія, которое отъ того только страдаетъ въ большемъ ничего. Если ко всему этому

прибавить всегда съюное покровительство недостаткамъ избранныхъ и достоинствамъ другихъ кандидатовъ, то станетъ совершенство-поятию, о чьемъ Сорбонскій аудиторіи почти всѣ пусты; потому что виной посторонии толка, часто составленной изъ Богъ - взаимъ какихъ разнохарактерныхъ лицъ, гг. синтес въ амфитеатрахъ Сорбонны собственno для литературы, которая таинъ гораздо-прѣятіе, неожиданъ на уши. Жары — это пробный камень для профессора: если аудиторіи не пустыть въ лѣтніе мѣсяцы — значитъ, репутація оратора чиста и непорочна. Но чаще лучшее время года, пора полной жизни природы, бываетъ порой опустошевія аудиторіи: скамьи изло-по-нацу очищаются, слушателямъ дѣлается все просторій, потому во всей залѣ остаются только профессоръ, аппараторъ, да иѣсколько молодыхъ людей, вѣщущихъ ученої степени, слушателей по обязанности; а наконецъ и самы профессоры левертируютъ изъ Сорбонны. Они уже читаются по одной лекціи въ недѣлю, вместо двухъ, составляющихъ ихъ служебную обязанность. Такимъ-образомъ, каждый учебный семестръ приводится къ окончанію въ три мѣсяца, благодаря ваканціямъ, которыми эти господа наслаждаются спокойніемъ.

Профессоры, удостоивающіе читать двѣ лекціи въ недѣлю, раздѣляютъ ихъ на большія и малыя. Вотъ, чѣмъ это такое: большая лекція — публичная, дается въ извѣстный часъ, въ извѣстной залѣ. Малая лекція бываетъ въ особый часъ, въ особой залѣ, и проходитъ обыкновенно въ разговорѣ профессора съ иѣсколькоими избранными, близкими ему слушателями. Публика, непредувѣдомленная о такомъ расположении, вотще является въ назначенный день и часъ: она встрѣчаетъ вѣкѣко-запертые двери. Такимъ-образомъ, профессоръ безъ труда увертывается отъ своихъ обязанностей, не нарушая въ открыто. Привыкъ сказывать, это значитъ не церемониться съ публикой и смотрѣть сквозь

шальцы на должность, которая все-таки не игрушка. Ноѣтъ этого не удивительно, чѣмъ подобная избрежность, да еще иногда при посредственномъ глазѣ, отталкиваетъ отъ Сорбонны любознательную молодежь, которая нуждается въ преподаваніи дѣлности, послѣдовательности.

Просимъ читателя за нами въ сорбонскія залы съ черными, заключенными стѣнами. Туда ведетъ узкая, темная лѣсница, въ которой мурене разойдясь двумъ встрѣтившимся; во мы совершимъ отъ труднаго пути къ достигнутому мѣста, где Жюль Симонъ читаетъ курсъ исторіи древней философіи. Густая толпа заставляетъ тѣснится въ залу и профессоръ, занимавшій предыдущій часъ, съ изумлениемъ видѣть, какъ подъ конецъ его лекціи аудиторія, вопреки обычному порядку, становится полнымъ-полна. Но скоро обнаруживается передъ нимъ горькая истина: молодые люди, жаждущіе слѣдующей лекціи, не внимають настоющей, и шумное нетерпѣніе ихъ привуждаетъ оратора къ преждевременному бѣгству. Затающимъ-больше и больше, толпа вынуждена вплоть до каѳедры, иные усаживаются даже на ея ступеняхъ; не остается ни одного уголка незанятаго. Наконецъ, Жюль Симонъ появляется среди почтительного молчанія, прерваннаго громкими аплодисманами, свидѣтельствующими о глубокой извѣстной симпатіи слушателей. Съ трудомъ пробирается онъ на каѳедру сквозь раздающуюся передъ нимъ толпу, и становится, не опускаясь на стулъ, чтобы лучше видѣть всю аудиторію.

Въ первыя минуты, на лицѣ его выражается усталость; приложивъ къ губамъ болѣй власовыи платокъ, онъ старается унять легкій кашель, который, кажется, мучитъ его; слова медленно и слабо вырываются изъ устъ оратора. Но подождите; Жюль Симонъ приготовляется; онъ взвѣсть всѣ средства искусства: первыя слова онъ произноситъ тако; во это для того, чтобы распространить молчаніе и возврачъ въ-

ирие слушателей; она привораживает усталих для того только, чтобы сбре-речь свои силы и употребить ихъ во время и участиа. Скоро рѣчъ его становитъ тверда и выразительна; оду-живаше ростотъ; слова дѣлаются все жаркій и звонкиній, но-иѣтъ-того, наѣтъ ростотъ и развязается пыль. Тогда она истинно красорѣчна: не при времѣ топъ, ни на минуту не переста-етъ влѣдѣть самаъ себѣ: даже въ то время, когда она лѣжитъ наъ широ-вокзаторскій жарѣ; она уходитъ удер-жаться, уѣздѣть рѣчъ, даже влѣдѣть выраженіемъ лица, въ это выраженіе, всегда живое и умное, никогда дѣлающее застѣнчивыи въ двусмыслии. Не-опредѣленная улыбка искалечаетъ на его губахъ, всегда хотѣть онъ въ конецъ опровергнуть ошибочную систему или ложное мнѣніе. Переходъ изъ спокойни-но отъ простаго, естественнаго разго-ворнаго тона въ драматической рѣчи оратора, она успокаиваетъ духъ отъ счастливаго развообразіемъ и доско-бережетъ вниманіе слушателей. Спок-ойко въ началѣ преувеличиваются ею же усталости и неподвиженіе, стоящимъ въ концѣ обнаруживаются силы, энергія и жара. Такій-то образъ Жюль Симонъ чаруетъ свою аудиторію; она вол-нуетъ ее, увлекаетъ куда ему хотется, и, благодаря этому рѣчному дару, стоять въ первомъ ряду университетской оратории.

Счастлиса, что люди, усердно посѣ-щающіе лекціи Жюль Симонъ, устюютъ его слушать. Искусство, какъ бы оно совершенство ни было, скоро слѣбѣть, если расточается однажды безъ раз-бора. У Жюль Симона искусство пере-ходитъ всеву иѣру: она влѣдѣть въ жаждето и ломается наѣтъ конюти. Она черезъ-чуръ вѣжливъ, черезъ-чуръ щегольевъ, черезъ-чуръ напе-ренъ, и за то у всѣма-иѣвныхъ слы-шетъ за чеснота, мало уѣжденнаго въ преподаваемыхъ иѣтъ вѣтиахъ, на-личающей на себя новаслуженные упра-ни.

Философія — наука такая отмечен-на, что мудрено профессору въ пуб-

личности бурой, лиздѣть, для которой она не составляетъ специального пред-мета изученія, развиивать говоры, гра-бующіе долгаго, глубокаго размышле-нія. Жюль Симонъ старается только показать общіе выводы практическіе. Но если она не вѣдется въ глубину, филосо-фіи, задача, за то по-арадѣй-иѣтъ распространять чистые, яркыя, изысканныя мысли. У него великое пре-зенію ко православному изученію, по-тому-что тутъ его рѣчъ всего могуше-ственіе лѣжитъ на уши и ласкъ имъ благодорное запрещеніе. Нѣтъ членота, который бы вышелъ съ гло-хоніемъ, не вѣдомовавши въ глубинахъ души его быстрой, увлекающей инар-вацией: подъѣзжай-чувствовать себя какъ — то возвышенно, сильнѣ.

Эти рѣдкія качества, при свобод-номъ, независимомъ иѣтѣ, доставили Жюль Симону уваженіе и любовь ста-вающей въ его докладѣ молодежи. Философія помѣщала бы своему проис-хожденію и конечной цѣли, еслибы не содѣствовала свободной иѣтѣ. Развѣ рожденіемъ, сродни она не однажды духу свободнаго восстѣданія, свобод-ному развитію человѣческой мысли? Развѣ не вѣсть она доказаніемъ пѣтъ — указать человѣку его обязанности? А можетъ ли она, указавъ человѣку его обязанности, не доказать ему въ то же время его права? Определѣда, общія есть обязанности, она опредѣляетъ и общія вѣдѣть права... Жюль Симонъ не разъединяетъ своей ученої дѣланіи отъ жизни общественной; не послѣд-нѣхъ выборахъ она была нападатою оппозиціи, и хотя ей не достало иѣ-сколькихъ голосовъ, но напѣхасъ, что въ слѣдующій разъ она будетъ счаст-ливѣе и свой ораторскій даръ, уже ис-пытанный на профессорской каѳедрѣ, сославшо перенесеть на общественную трибуну.

Г-ну Жюлю судьба не дала подоб-наго счастья. Жюль Симонъ покре-шился въ малой иѣтѣ Кусса; г. Жюль-вѣ ничѣмъ не напоминаетъ блестатель-ной рѣчи Вильнѣца. Жюль Симонъ ав-

зачастіши иногда краснорѣчивыи въ предметахъ отвлеченныхъ и трудныхъ; Жерюэ почти ненавидитъ холодецъ въ тѣхъ пурѣ, где рѣчь влѣтъ обѣ огнинѣ великихъ писателей. Какъ бы то ни было, все же нужно оратору занимать каседру, ссыпавшую полъ пыльнильшиевъ каседры краснорѣчию, а г. Жерюэ мнѣше всего ораторъ: рѣчь его не общана, ни легка; медленно и трудно слагаетъ онъ свои періоды, и каждая фраза кѣнь-будто таинствъ него душу. Но за то у него есть зовкій, габкій умъ; слово его метко, ударъ вѣрный и силенъ. Никогда не упустить онъ случая бросить извѣтный замокъ, всвернуть диаграмму, но дѣлаетъ это съ такой сдержанностью, таинъ разумно, что остается совершиенно-и-безукоризненнымъ. Жерюэ не за что не лѣть себѣ пойти въ честь; не унаследуетъ, не упакуетъ: онъ умѣетъ съ удивительнымъ яснѣствомъ пройти и по скользкой почѣ и по горючему пеплу. Онъ весь одинаково упрѣренъ: и въ литературныхъ сужденіяхъ, и въ политическихъ или религіозныхъ изысканіяхъ: Вильменъ—меня, которому онъ поклоняется; онъ воспроизводитъ его идеи во всевозможныхъ формахъ, раздѣлть ихъ во всѣ покромы; но ему плохо удается сирѣть ихъ даже подъ самыи страшныи kostюмы. Конечно, литературные труды Вильмена стоятъ великихъ похвалъ; но самое это обстоятельство велитъ не склонять низъ безусловно, чтобы избѣжать незыгодной параллели. Г. Жерюэ, напротивъ, не склонно идти по слѣдамъ предшественника, и вурь его не что иное, какъ болѣе подражавшіе урокиъ учителя. Слѣдовало бы, отдавъ полную справедливость таланту мудраго патрона, свернуть немнога съ того направлениѧ, на которомъ Вильменъ со словою находилъ и пробивалъ недѣломъ до сего трошки. Короче сказать: профессору Сорбонны нужно бы побольше засвидѣстности и оригинальности.

Г. Гарньѣ читаетъ исторію новой философіи. Это—человѣкъ съ широкимъ, возвышеннымъ членомъ, мало ростомъ,

тощъ, постоянно въ черномъ фракѣ и блонъ галстукѣ — профессорскій костюмъ во всей строгости. По его устойчивой поступи, строгому тему, медленной, важной рѣчи и неподвижно-пристальному взгляду, съ первого раза можно угадатьъ кѣнь психология. Мы глубоко уважаемъ психологію вообще и психологію-г. Гарньѣ—въ особенности; но — въ исключеньи случаѣ, просимъ возможнаго припомнить разумные слова Сен-Бёза: «Чистый психологъ всегда и нѣй представляется рыболовомъ, который пѣные часы неподвижно сидитъ надъ удоною въ камѣнѣ-нибудь мирномъ затишье, на берегу спокойно-тишайшей рѣчки. Онъ смотрится, видитъ себя въ водѣ и заичаетъ тысячи малѣйшихъ оттѣнковъ на своего лицѣ. Заблуждение его состоитъ тѣ томъ, что онъ считаетъ для себя возможнѣмъ отрѣзиться отъ этого чувства самосозерцанія; но какъ только вадумается ему вытащить изъ воды добычу, — а эта добыча онь самъ, его собственный образъ — чуть только шевельнетъ онъ удонку, поверхность задрожитъ, добыча исчезнетъ, желанного ященія накъ не бывало.»

Г. Гарньѣ не смущается этой труднѣстью; онъ преслѣдує свой психологический анализъ съ неутомимымъ жаромъ; опустивъ голову на грудь, онъ постоянно пакется погруженными въ самого-себя, пытающимися поймать неуловимыи, таинственныи явленія мысли. Можно подумать, что ему и-самому-дѣлѣ удастся ловить ихъ, потому-что онъ съ веноколебимой увѣренностью классифицируетъ различные психологические факты; съ невозмутимыи спокойствиемъ дѣлаетъ душу на столько камерь, сколько образовалось у него классовъ, раздѣляясь и подраздѣляясь до бесконечности умственныхъ силы.

Этотъ анализъ до того неслыханъ, что наконецъ даже совсѣмъ ему вѣришь; но нашему мнѣнію, онъ очень-похожъ на столько же гипотетические выводы френологовъ, состоящихъ въ открытой враждѣ съ психологами. Френологи

дѣлать уже не душу, а мозгъ на извѣстное число департаментовъ, изъ которыхъ каждый завѣдуетъ своимъ совершенію особымъ рядомъ идей, и нѣть недостатка въ странныхъ, уродливыхъ "именахъ", означающихъ разныя склонности и страсти, которыя, по мнѣнію френологической мудрости, соотвѣтствуютъ развитію разныхъ частей черепа: разрушительность, подражательность и другія подобныя способности въ великомъ множествѣ существуютъ въ системахъ Галля и Шпурцгейма. Конечно, не все же въ краніоскопіи заблужденіе и ложь; но эта роскошь дѣлевія, это до чрезвычайности точное разиѣщеніе способностей по разнымъ частямъ мозга — предубѣждаетъ противъ системы и доводить ее до смѣшнаго, и прежде не жели опять откроеть въ ней неизвѣстности. Точно такъ же странно и дико дѣлать душу на множество существенно отдѣльныхъ другъ отъ друга способностей, изъ которыхъ каждая илья бы свой особый кругъ дѣйствія. Здѣсь психологи подаютъ руку френологамъ; здѣсь сходятся они въ общемъ заблужденіи: они увѣрены, что анализъ, основанный на опыте, служить имъ неизѣмѣннымъ оружиемъ, а сами даются въ обманъ абстракціи.

Легко можно употребить во зло анализъ въ философіи. Психологи очень искусно различаютъ и дѣлать то, что составляетъ единственную нераздѣльную принадлежность мысли; но когда приходится возводить эти раздѣленные элементы, востановить душу въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно есть, — тутъ-то иногда и находить на нихъ совершенный тупикъ. Когда оконченный анализъ остается только завершить синтезомъ, тутъ-то и начиняется самая трудная работа, истинная проба таланта. Иной даже посредственный умъ, если только онъ надѣленъ некоторой изворотливостью, можетъ съ помощью анализа разложить сложный предметъ; но нуженъ широкий умъ и мощное пониманье для того, чтобы, изучивъ подробности предмета,

обнять его во всей цѣлостности. Случается часто, что психологи считаютъ послѣдовательными такие факты, которые въ мыслительной дѣятельности одновременны; а все это происходитъ отъ того, что не умѣютъ уловить природу въ фактѣ, не умѣютъ наблюдать фактъ въ совокупности представляемыхъ имъ явлений.

Отсюда происходитъ та великія опасность, что, отыскавъ въ душѣ различные способности, при этомъ различіи теряютъ изъ вида ея единство и оскорбляютъ одну важную истину, которую утверждать суждено философіи. Были философы, которые думали, что душа состоять изъ частей существенно различныхъ: Платонъ полагалъ три души; другие философы считали больше. Поэтому, тщательно должно избрать всего того, что можетъ спокойно-либъдъ ватемнить этотъ вопросъ и вызвать возраженія противъ неизреченаго единства души.

Этими замѣтками мы одолжены г. Гарньѣ, который преимущественно держится ученія психологіи и, какъ большая часть психологовъ, теряется въ анализѣ способностей души, анализѣ часто произвольномъ и бесподобномъ. Это ученіе требуетъ столько же благороднія, сколько гибкости ума, и хотя бы основаніе ему служило наблюдение, оно, какъ и всякое другое, даетъ пищу умозрительнымъ ипотезамъ; предаваться ему нужно съ осторожностью и не совсѣмъ довѣрять самому себѣ.

Г. Гавѣ — адъюнктъ Лѣ-Клерса, декана филологического факультета по каѳедрѣ латинского языка. Въ дѣлѣ перевода, Гавѣ, можетъ быть, самый точный, точный до мелочности человѣкъ во всей Сорбоннѣ. Говорить, будто онъ во всю свою жизнь не сказаълъ на одной бесенѣлицы, — вотъ его вполнѣшшая характеристика! Разумѣется, ученая и сознательная точность не исключаетъ таланта; говорить даже, что г. Гавѣ однажды былъ красноречивъ. Но какъ бы то ни было, избытокъ устойчивости, благороднія и

правильности необходимо отыскивается изъ некоторых недостатковъ силы и оригинальности: вѣ крупныхъ заблуждений впадаютъ больше люди талантливые; а никогда не дѣлать ошибокъ — едва ли не исключительная доля посредственности.

Впрочемъ, нравится изъ г. Гавѣ изъ-
на скромность; случается даже, что
иногда легкая краска — досадный при-
знакъ смущеній — выступаетъ у него
на щекахъ. Г. Гавѣ чувствуетъ, что
онъ еще слишкомъ-далекъ отъ необъ-
ятной ученоosti своего предшествника;
что слова его еще не пріобрѣли того
вѣса, и — быть худа безъ добра! это то
чувство и хранить г-на Гавѣ отъ того
нестерпимаго недостатка, отъ той
язвы ученоыхъ, которую обыкновенно
зовутъ шедантизмомъ. Впрочемъ, ну-
жно прибавить, что этотъ недостатокъ
принадлежитъ больше старому уни-
верситету; а теперь онъ уже исчеза-
етъ съ каждымъ днемъ.

Голосъ у г-на Гавѣ слабый, рѣчь —
медленная, монотонная; если приба-
вить къ этому природный недостатокъ
произношеній, который изъ некоторыхъ
буквъ заставляетъ свистѣть самымъ
непріятнымъ образомъ, то надо буде-
ть призваться, что г. Гавѣ не совер-
шенный ораторъ. Непонятно, для чего
хотятъ преобразжать въ профессоровъ
такихъ людей, которые въ иной, болѣе
скромной сферѣ могли бы отличаться
превосходными качествами, и обнару-
живаютъ отсутствие необходимаго та-
ланта на извѣстной высотѣ? Вѣдь это
значить сдѣлать человѣку явное зло;
оторвавъ его отъ того назначенія, ко-
торое онъ могъ выполнить доблестно,
для того, чтобы подвергнуть силы его
сугубому испытанію на такомъ попри-
щѣ, где только смущаются его малень-
кия, но вѣрныя способности.

— Въ ночь 18 ноября, лондонскій
астрономъ Гиндъ (Hind) открылъ не-
большую планету, названную г. Гер-
шелемъ Флорой. Это восьмая изъ тѣхъ
маленькихъ планѣтъ, орбиты которыхъ
тѣсно переплетены между собою, одно

изъ тѣхъ съвѣтъ, которыхъ Гершелъ,
но изъ-за ихъ объема, называетъ
астероидами и которыхъ все вращаются
въ пространствѣ, заключенномъ
между Марсомъ и Юпитеромъ. Это
открытие увеличило число извѣстныхъ
намъ планѣтъ, вращающихся около
солнца, до шестнадцати.

Новая планета г. Гинда, конечно, не
есть послѣдняя и мы въправѣ ожидать
съ каждымъ днемъ больше и больше по-
добнаго рода открытий.

Въ самую ночь открытия, г. Гинду
опредѣлилъ положеніе Флоры на небѣ,
но результатъ его наблюденій былъ
неточенъ.

Наблюденія парижской обсерваторіи
не были публикованы, а отосланы
только г-ну Гинду для того, чтобы
доставить ему честь — первому вычи-
слить элементы открытой имъ плане-
ты..

Два дня спустя послѣ открытия Фло-
ры, наблюденія ирландскаго астронома
Грагама (Graham) подали надежду
къ открытию девятой планеты той же
группы: г. Куперъ, директоръ обсер-
ваторіи въ Маркри, известилъ г. Лев-
ерье, что одна звѣзда исчезла, и г.
Грагамъ, его помощникъ, занимается
теперь изслѣдованиемъ, не есть ли эта
звѣзда одна изъ недавно открытыхъ
планетъ или новая, еще неизвѣстная
планета.

Изъ этихъ послѣднихъ двухъ откры-
тий, равно какъ и изъ всѣхъ предъ-
идущихъ, видно, что ищутъ планеты
то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ неба,
смотря по обстоятельствамъ, и потому
открытия всегда бывають болѣе или
менѣе случайныя. Г. Вальцъ предла-
гаетъ приступить къ систематическо-
му отыскиванію всѣхъ съвѣтъ по-
добнаго рода, которыя могутъ быть
замѣчены только вооруженнымъ гла-
зомъ. Для этой цѣли онъ предлагаетъ
очень простой и удобоисполнимый
способъ въ-продолженіи четырехъ
дней открыть всѣ неизвѣстныя намъ
телескопическія планеты. И способъ
этотъ можно объяснить въ нѣсколь-
кихъ словахъ: первоыи движенія не-

большихъ планетъ вообще, не более четырехъ лѣтъ. Слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени она два раза проходить чрезъ эклиптику и каждые два года, по причинѣ эллиптическаго вида ихъ орбитъ, пересѣкаютъ этотъ кругъ. Надо стараться наблюдать оба эти прохождения, потому что близость солнца можетъ помѣшать наблюдению одного изъ нихъ. И такъ, достаточно наблюдать всѣ альбады, лежащія вдоль по эклиптицѣ, для того, чтобы тотчасъ узнать всякую звезду, появившуюся планету; но надо будетъ распространить изысканія на одинъ или нѣсколько градусовъ дающіе къ сѣверу и къ югу отъ эклиптики для того, чтобы нѣсколько ненастырьхъ дней не могли помѣшать наблюдению прохожденія. Этотъ трудъ весьма-легко можетъ быть исполненъ, если его раздѣлить двѣнадцать астрономовъ. Г. Вальцъ представилъ Парижской Академіи Наукъ проектъ составленія двадцати-четырехъ картъ, которыхъ послужили бы главой наблюдателямъ и некоторые они наполнили бы всѣми видимыми звѣздами до двѣнадцатой величины. Подобного рода карты составлять теперь Берлинская Академія, но они совершенно отличны отъ картъ г. Вальца, послѣднія гораздо специальнѣ. Берлинскіи карты обнимаютъ все пространство отъ -15° до -15° склоненія, т. е. все пространство на 15 градусовъ къ сѣверу и къ югу отъ эклиптики, слѣдовательно, содержать по-зосу въ 30° ширину, между тѣмъ, какъ первыи карты заключаютъ въ себѣ пространство въ пятнадцать разъ меньшее и потому, во-первыхъ, могутъ обніять большую часть по длине эклиптики, нежели берлинскія, а во-вторыхъ могутъ быть гораздо прежде изданы.

— Съ тѣхъ поръ, какъ стало известно анестезическое свойство сѣрнаго вина, многіи ученые пришли идея распространить изслѣдованія этого замѣчательнаго свойства и на другія вещества. Опыты были производимы

такъ же-частими, и г. Флурену удалось доказать, что хлороформъ (треххлористый формаль) производитъ изогнутыи въ биологическомъ состояніи лежащіе снаружи сѣрнаго вина. Но это открытие оставалось до настоящей минуты безъ всякаго приложенія. Только очень- недавно г. Симсонъ, здѣсъ-боргскій хирургъ, рѣшился воспользоваться его при операциіи. Онъ сдѣлалъ множество операций съ хлороформомъ и при этомъ проще и спокойнѣе достигъ тѣхъ же самыхъ результатовъ, какіе получались и отъ сѣрнаго вина. При большой части этихъ операций выхаживали изъ хлороформа проще и спокойнѣе, привыкнувшись къ зосу болѣваго глаза, или зогногой губки, смоченныхъ нѣсколькою каплю этого вещества и въ большей части случаевъ это средство было такъ действительно, что черезъ два или три минуты больной приходилъ въ совершенно-безчувственное состояніе.

Опыты г.-на Симсона были произведены въ Здѣсъ-боргѣ въ присутствіи г. Дюма, который потомъ въ 1852 году причинилъ себѣ самоубіи, на этотъ предметъ было обращено и во Франціи. Французские хирурги незадолго приступили къ опыту и получили тѣ же результаты, какъ и г. Симсонъ. Всѣ извѣстія объ этомъ, сообщенные Академіей посредствомъ керрессоводеній, подтверждаютъ то же самое; также, какъто, съ этого времени хлороформъ, какъ средство анестезическое, долженъ быть замѣнить употребление сѣрнаго вина. Способъ приготовленія этого вещества открыты только около десяти лѣтъ тому назадъ, и до сихъ-и-нѣръ совсѣмъ не было изобрѣтено практическое приложеніе.

Вотъ какъ приготавляется хлороформъ г. Суберана въ центральной госпитальной аптекѣ, въ которой въ-течение вѣковъ-дліи было такъ великъ запросъ на него, что изо-за него могли удовлетворить потребованія требований операторовъ.—Г. Суберанъ бѣ

роте 10° изогревают предварительно хлористую кальций въ 90° или сколько того, и разводятъ его въ 60-ти чил. воды; получившее известковое молоко переливается въ юбкий кубъ, такъ, чтобы оно наполнилось не болѣе двухъ третей своего объема; прибавляютъ туда 2 чил. алькооля въ 85%; потомъ преливаютъ изъ куба юбку съ юбкой-капю и разводятъ воду этого краборомъ сильный огнь. Когда масса нагревается до 80°, въ неї обнаружится сильная реакція; она начнетъ ведутъся все болѣе и болѣе, такъ-что легче можно перейти въ пресинки, если сейчасъ же не принять должной предосторожности, то есть не убрать алѣтсіи жара. Толькъ этого момента опасенія представляется некоторую трудность, но приближеніе его предупреждается тѣмъ, что юбка шампана сильно вскрѣвается; и когда она нагревается до верхней оконечности, пока прогрѣвшая жидкость еще не покидалась въ пресинки, то немедленно должно уменьшить огонь. Выгонка начиняется чрезъ нѣсколько итчюсей послѣ того, идетъ очень-быстро и потому сама собою прекращается. Если алѣтсіи нѣсколько замедлится, то нагревъ долженъ возыметь. Окончаніе пресинки обозначается тѣмъ, что жидкость, которая еще продолжаетъ переходить въ пресинки, почти совсѣмъ потеряетъ сладковатый вкусъ, свойственный хлорреорму. Но это проходитъ не проходо, какъ не перегорѣтъ отъ двухъ-до трехъ затратъ жидкости.

Полученный продуктъ состоитъ изъ двухъ слоевъ: нижній, густой и слегка жгучеватый, состоитъ изъ смѣси хлорреорма и алькооля, слабо окрашенной хлоремъ; верхній слой, болѣе тоистый, есть смѣсь (иногда молочного цвета) воды, алькооля и хлорреорма. На слѣдующій день, извѣстное количество этого продукта отдѣляютъ отъ остальной жидкости посредствомъ сѣживанія, и промываютъ, забалтывая его спачка съ водой, а потомъ съ слабымъ растворомъ юбки (углекислого натра);

бросаютъ въ него хлористаго кальция и послѣ того юбка перегоняютъ на водной банѣ. Сѣдовато бы получиться такимъ образомъ жидкость перегнать еще разъ съ юбкой юбкой, но для медицинскаго употребленія это было бы наилѣчшую точностью. Жиности, которые всыпаются на хлорреормъ въ продутѣ, полученной послѣ первой перегонки, и тѣ, которыя были употреблены для промыванія его, сливаются вѣсты, разводятся нѣсколько количествомъ воды и перегоняются на водной банѣ. Хлорреормъ скоро перейдетъ въ пресинки, увлекши съ собою небольшое количество насыщенной воды, которая и всыпается на хлорреормъ. Тогда его очищаются тѣми же средствами, какъ и въ первый разъ.

— Въ послѣднее время, въ учено-мій производились г-нъ Меллони очень интересныя паслѣдованія, цѣлью которыхъ было—довершить и подтвердить неоспоримыи доводы тѣоріи образования росы, предложенную докторомъ Вельсономъ (Weiss).

Удивительно, что при такомъ важномъ значеніи росы для жизни растительной, которую она единственно поддерживаетъ во время засухъ и обновляетъ послѣ жаркихъ лѣтнихъ дней, это превоходное естественное явленіе, которое, кажется, происходитъ такъ просто, оставалось необъясненнымъ до вчера настоящаго стоятія. Правда, уже давно были известны обстоятельства, болѣе или менѣе благоприятствующія появленію росы; знали, напримѣръ, что для ея образования необходимо ясное небо, безъѣтров и извѣстная степень влажности воздуха; замѣчали также, что она гораздо больше осаждается на ровныхъ и плоскихъ мѣстахъ, чѣмъ на горахъ; болѣе на травѣ и измѣненныхъ растеніяхъ, чѣмъ на деревьяхъ; знали, наконецъ, что всегда производило въ недоумѣніе естествоиспытателей, что металлы, оставленные на ночь на открытомъ мѣстѣ, совсѣмъ не покрываются сыростью;

тогда какъ дерево, камень, стекло и иного другихъ веществъ, такъ же какъ и деревья, весьма способны открыться ю. Всегда были теоріи, отвѣщающія къ образованію росы, и никогда они не объясняли всѣхъ явленій, сопутствующихъ обыкновенно ей появленію и который видимо зависятъ отъ общихъ съ нею причинъ. Аристотель рассматривалъ росу, какъ особенный видъ дождя, который образуется изъ нижнихъ слоевъ атмосферы отъ дѣйствій ночной стужи, которая стущаетъ содѣржащіеся въ воздухѣ частицы водяныхъ паровъ. И въ первое время Лесли раздѣлялъ это мнѣніе Герстенъ, не различая отъ росы сырость, осѣдающую въ видѣ камель на внутренней поверхности стеклянныхъ колпаковъ, которыми садовники прикрываютъ на ночь свои растенія, утверждалъ, что роса поднимается съ земли. Мусшонбройъ опытнымъ образомъ изучавшій это явленіе, открылъ исключительное свойство металловъ относительно росы, но не могъ извлечь изъ этого открытия никакого заключенія, похожаго на истину. Онь, напротивъ того, соратился съ прямаго пути, приведшему совершенно-дѣтское воззрѣніе на это явленіе:—будто бы капли росы, осаждающіеся на листьяхъ растеній, располагаются на нихъ такимъ образомъ, что фигуры своихъ напоминаютъ органическіе и расположение листовыхъ первьевъ въ сосудахъ: съ тѣхъ-поръ, онъ сталъ утверждать, что сырость, которая появляется на растеніяхъ, происходитъ отъ дыханія самихъ растеній. Всѣ эти разнообразные изысканія очень неудовлетворительны и не могутъ выдержать небольшо-возникшіхъ возраженій. Составленіемъ полной теоріи образования росы, мы обязаны доктору Вельсу. Онъ дошелъ до нея, соглашаясь съ совѣтностью законовъ лучистаго теплорода съ основными началами гигрометрии.

Для того, чтобы имѣть полное представление объ этой теоріи, не изложимъ будемъ повторить здѣсь то, что уже было высказано относительно

обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ скапливаніе водяныхъ паровъ, защищающіхъ ихъ въ будущемъ.

Всѣ физическія тѣла постоянно стремятся уравновѣсить свою температуру съ температурою окружающихъ предметовъ: теплѣйшее тѣло уступаетъ часть своей теплоты тѣлу болѣе холодному. Такимъ образомъ, холдное тѣло охлаждаетъ теплое, которое не имѣетъ съ нимъ никакого сообщенія, възаоборотъ, горячее тѣло согреваетъ другое, холодѣйшее. Такой обменъ совершается и на разстояніи, — если только между тѣлами есть известнаго рода проградъ, — вслѣдствіе лучепускавія тепла. Воздухъ въ потокѣ прозрачный тѣла, находясь между тѣлами възаимно уравнивающими свою температуру, не препятствуютъ передачи чреѣи имъ теплорода. Но чѣмъ значительно измѣняетъ скорость распространенія теплорода, такъ это свойство самой поверхности теплого тѣла. Свойство теплопускания вѣдно въ различнѣхъ тѣлахъ. Каждое тѣло одарено свойствомъ въ большей или меньшей степени терять свой теплородъ погрѣдствомъ лучепусканія; имѣть особенную способность радиевать тепло; способность, къ тойра очень велика въ сажѣ, стеклѣ, въ растительныхъ веществахъ, и чрезвычайно мала въ воздухѣ и металлахъ.

Предположимъ это, посмотримъ, что должно произойти на поверхности земли, когда солнце, послѣ яснаго и теплого дня, сироется за горизонтомъ? Тогда все предметы, находящіеся въ поверхности и самая атмосфера остаются подъ чистыемъ небомъ, которое совсѣмъ не сообщаєтъ имъ тепла, т. е. въ присутствіи пространства бѣзпрѣдѣльнаго и очень-холоднаго; слѣдствіемъ, конечно, будетъ охлажденіе. Въ тѣлахъ обнаружится ихъ различная радиевавшія силы; окінъ изъ нихъ охлаждатъ скорѣе другихъ; и всѣ вѣдоще охлаждаются болѣе, чѣмъ атмосфера и отъ-того ставятъ скапливать, съ болѣею или менѣею силой, водяные пары, распространенные въ воздухѣ. И

какъ стекать съ холодной водой, вспесенный въ теплую комнату, покрывается каплями сгущенныхъ паровъ, такъ и охлажденные части растений покрываются сгущенными водяными парами атмосферы.

Эта простая теорія основывается, съдѣдовательно, на томъ, что охлажденіе тѣла предшествуетъ появленію росы. Безчеленное множество термоэтическихъ наблюдений совершенно подтверждаютъ это. Теорія утверждаетъ, что роса не падаетъ, не подымается съ земли, не выпотьвается изъ соры растений, но образуется на тѣмъ самонѣ есть, где видна и появляется на всѣхъ предметахъ, которые только подвержены сильному почвенному лучистусканию; на всѣхъ поверхностиахъ совершиенно безразлично: будуть ли то наружныя, внутреннія, боковые или косвенные поверхности, лишь бы только они были довольно охлаждены.

Теорія Вельса такъ хорошо объясняетъ всѣ обстоятельства, сопровождающія образование росы, что очень скоро была признана всѣмъ за истинную. Она введена во всѣ курсы метеорологии. Но подозрительные характеры живутъ во всѣ времена: нашлись учёные, которыхъ когда-и теперь еще хотятъ опровергнуть очевидность этой теоріи и ищущають свою изобрѣтательницу въ нападкахъ и возраженіяхъ весьма неосновательныхъ. Усилия ихъ были причиной того, что Меллони произвелъ рядъ опытовъ, которые все болѣе и болѣе подтверждаютъ изложенную вами теорію. Эти возражатели утверждали, что роса падаетъ съ неба или поднимается съ земли, и потому приписывали металлическому совершение особенное отталкивающее или отражающее свойство. Меллони разомъ уничтожилъ всѣ ихъ натянутыя предположенія, опыты, который при правильномъ истолкованіи его, можетъ ручаться за всю теорію.

Итальянскій учёный вырѣзалъ изъ тонкаго, новаго листа бѣлого желѣза два верховыхъ кружка и насадилъ ихъ центрами на жердь такъ, что они оста-

лись на ней неподвижны: въ разстояніи другъ отъ друга въ 6 миллиметровъ. На сторонѣ большаго кружка, обращенной къ нальму, она вывѣсилась на краю кружка. Этотъ аппаратъ былъ вынесенъ въ средину поля и жердь воткнута въ землю, отчего оба кружка пришли въ горизонтальное положеніе. Если смотрѣть на этотъ приборъ сверху, то сначала увидимъ свободную металлическую поверхность верхнаго кружка, далѣе вокругъ него вѣтвистое покрытие изъ металлического оружия, встроеннаго въ нижній кругъ, и наконецъ на самой вѣтви охваченную окружность, крайнее кольцо, представляющее чистую металлическую поверхность.

Когда г. Меллони оставилъ этотъ приборъ полѣ вѣтнемъ почваго охажденія, то верхній кружокъ съ чистою металлической поверхностью совсѣмъ не огустѣлъ на себѣ паровъ, потому что онъ, какъ металлъ, имѣя весьма слабую расщепляющую силу, охлаждался очень мало. Что касается до нижнаго кружка, то скромная часть его, обращенная къ небу, очень-скоро покрылася значительнымъ количествомъ росы, и это очень明白: она тутъ действовала не именъ металль: отъ нея присходило сильное лученіе-испускание, какъ отъ большей части органическихъ тѣлъ. Крайний металлическій волнистый конецъ тоже, наконецъ, покрылся сыростью, потому что охлаждалось透过 сообщеніе съ выхвашеною частью. Какъ-скоро это кольцо покрылось сыростью, то уже во этотъ разъ теряетъ свой металлический характеръ; съдѣствительно, охажденіе постоянно возрастаетъ, такъ-что и нижняя поверхность тоже наконецъ увлажняется, только не около самаго центра, гдѣ нижній кружокъ защищается отъ охлажденія верхнимъ кружкомъ.

Этотъ простой и легкій опытъ весьма поучителенъ; онъ отвѣчаетъ на всѣ возраженія, направленныя противъ теоріи

рін Волея. Подиже ли роса съ неба? Нѣтъ; потому-что верхній кружокъ всегда остается сухъ, а большая часть нижн资料 кружка увлажняется. Поднимется ли она съ земли? Нѣтъ, потому-что хотя поверхность большого кружка, обращенная къ землѣ, и покрывается влагой росой, но всегда около центра остается пространство совершенно сухое и блестящее. Можно ли предположить, что потамъ отталкивается пары, изъ которыхъ образуются роса, или что они испаряются во избрѣ того, какъ осаждаются на его поверхности? Невозможно, побѣду-что подъ сухимъ частямъ металлической поверхности находится мѣсто совер-шенно влаги.

Развѣваемъ сила, различная для разныхъ тѣлъ, недостаточна для объясненія такого значительного пониженія температуры, какое показывается при различныхъ обстоятельствахъ термометръ, предоставленный начальному лученію. Строеніе тѣла тутъ имѣть также большое значеніе, какъ то это ярко указываетъ г. Меллони. Между тѣлами, строеніе которыхъ наиболѣе благопріятствуетъ лученію тепла, за первое пактъ стоитъ: хлопчатая бумага, шерсть и вообще тѣла, составленыя изъ нитей или кости. Докторъ Волея доказывалъ ночное охлажденіе тѣла, обвязывая термометръ такими тѣлами и выставляя его на открытый воздухъ при лунной побѣ. Изъ этого эксперимента видно, что при этомъ термометръ опускался на 7 или 8 градусовъ ниже температуры окружающего воздуха. Г. Меллони долго дѣлалъ тщетные попытки произвести такое поразительное явленіе подъ чистымъ небомъ Италии. Онь поступилъ несосновательно, стараясь обвертывать шарикъ термометра какъ-никакъ-больше, но однажды онъ оставилъ на ночь, для сравнительного опыта, въ сколько термометровъ, обвернутыхъ шерстью болѣе или менѣе плотно и замѣтилъ на нихъ, что охлажденіе происходило сильно не разныхъ и легкихъ ключ-

иахъ матери, чѣмъ на скользкѣхъ плотно-закрученныхъ.

Это явленіе объясняется слѣдующимъ образомъ:

Всасое тѣло, предоставленное подобно лученію тепла, склоняется быстрина склона, еслиъ окружающей его воздухъ, слабо-издѣланый теплорезомъ, не въмѣграждалъъ весь отдача котораго тепла. Чрезвычайно подвижность воздуха очень способствуетъ такому всасывающему явленію, беспредѣльно въвѣвляясь въ промежутки съ тѣломъ. Но когда оно, включивъ между нитями перетянутаго ключика, то, по-большой-части затрачивъ подвижность, отъ которой зависитъ всасываніе тепла изъ тѣла, и потому тѣло сильнѣе всасывается.

Точно то же, что происходитъ на ключикахъ хлопчатой бумаги, или шерсти, всасывающими обвернутый свое термометръ, можетъ случиться при различныхъ обстоятельствахъ, и конечно вышѣя путемъ, такимъ образомъ, растворяясь въ волосистинѣ или шерстевыми волнистинами, болѣе поверхности почкою склоненію, чѣмъ растворѣя съ глазами листьями.

Итакъ, съ этого времени, благодаря г. Меллони, роса и вѣтъ вѣсны, проходящіе отъ начальнаго лученію тепла, объясняны тѣлько нагдѣнными наблюдѣніями.

— Развѣніе волосъ у позвоночныхъ животныхъ всегда обозначается на сведеніе, и именно изъ тѣхъ частей, которая соответствуетъ волосистымъ органамъ. Г. Пушо занимался изысканіемъ волосъ стоячій на сведеніи лягушекъ. Онь говорилъ, что у земной лягушки (*Rana eurientis*) склонъ значительно видоизмѣняется, для сведенія акту рожденія, даже и въ частяхъ очень узкихъ отъ истощенія ходїніемъ половыи органовъ. У лягушки этого вида самецъ приговаривается къ онкологоремію, постояннѣмъ сильнѣмъ обхватомъ сидимъ своимъ передними конечностями, продолжающимся отъ восеми до двадцати

цати дней; и первоюю конечности его устроены соответствующими образами. Отличие состоит въ томъ болѣшемъ развитіи, и въ томъ, что въ періодъ течея, подѣлъ толстого пальца образуется особенное косточка. Кромѣ того, скелетъ и мышечная система самца представляютъ замысловато-изысканнія также и въ частяхъ далекорѣзущихъ отъ кисти руки; видоизмененія, которыхъ именно выражаютъ особенность пола. Крестцовая кость у самца короче, то есть въ крѣвиче крестцовой кости самки. Ребра стопы разныхъ частей и ключицы также короче и тоньше, чѣмъ у самки, отъ чего передние конечности могутъ склоняться съ большою силой. Плечевая кость самца привыкаетъ такое сильное развиціе, что, смотря на нее, можно съ первого взгляда угадать, принадлежитъ ли она самку или самцѣ: — она сравнительно гораздо длиннѣе и массивнѣе плечевой кости самки и имеетъ плоскій видъ, такъ что составляетъ два гребня: одинъ передний и верхній по больши, чѣмъ у самки; а другой, поѣзденный, слабъ и занимающій симуа для трети длины плечевой кости, встрѣчается только у самца. Эта особенность плечевой кости очевидно назначенна для усиленія мышечныхъ рычаговъ, чтобы способствовать продолжительному обниманію, которымъ самецъ предваряетъ актъ оплодотворенія.

— Человекъ г. Бланшо представилъ на рассмотрѣніе Парижской Академіи устроенный имъ аппаратъ для измеренія степени глухоты и постепеннаго выѣдоравливанія органа слуха при лечении. Этотъ инструментъ, названный акуметромъ, состоять изъ стального камертока, производящаго при температурѣ 15° стоградусоваго термометра 512 колебаній въ секунду. Камертонъ установленъ на продольговатомъ ящичкѣ одинакового съ нимъ напряженія звука, т. е. производящемъ также 512 колебаній. Съ одного конца ящика закрыть неподвижную стѣн-

кой, черезъ центръ противоположной стороны проходить металлическая ось, около которой свободно вращается подвижная стѣнка, закрывающая при изгибѣюъ положеніи, отверстіе ящика съ этой стороны. При изучаніи инструмента происходитъ дрожаніе оси, около которой и можетъ вращаться падаетъ на все подвижная стѣнка; большее или меньшее закрываніе этого отверстія, всердствомъ подвижной стѣнки, показывается стѣнкою на утвержденій передъ нею и раздѣленной на десять равныхъ частей четверти круга. Первое дѣленіе соотвѣтствуетъ полному раскрытию отверстія, и, следовательно, наиболѣе сильному звуку; а послѣднее, т. е., десятое, такому положенію подвижной стѣнки, при которомъ отверстіе ящика совсѣмъ закрыто, следовательно, звуку самому слабому. Промежуточные дѣленія, 2—9, соотвѣтствуютъ переходными степенями напряженія звука. Звукъ акуметра соотвѣтствующій 1/4, гораздо сильнѣе звука, издаваемаго органомъ трубы, и притомъ наимѣетъ передъ нею ту выгоду, что продолжается гораздо дольше и сохраняетъ первоначальную звонкость. Вообще этотъ приборъ такъ легко приводить въ вибраціе сотрясеніе, что для такого инструмента совершенно одновѣчныъ, звучать възможно одинъ отъ вибраціи другаго на отстояніи 200 футъ, на разстояніи 35 сажень.

Звукъ акуметра, издаваемый имъ при полномъ закрытіи отверстія ящика, можетъ быть слышанъ обыкновеннымъ ухомъ на разстояніи 6 саж. и 4 фут. А когда отверстіе съ одного конца совсѣмъ открыто, звукъ его слышанъ на разстояніи 125 саж.

Чтобы приводить акуметръ въ вибраціе сотрясеніе, изобрѣтатель употребляетъ смычокъ отъ контрабаса, когоръ, впрочемъ, можно замѣнить стѣржнемъ изъ буйволовой кожи.

— На желѣзной дорогѣ между Лондономъ и Брайтономъ испытанъ недавно новый способъ сообщенія между

кондукторомъ и машинистомъ поѣзда. На локомотивѣ, подлѣ самого машиниста, устроенъ предостерегательный звонокъ тѣкъ, что отъ толчюка поѣзда ему не сообщается никакого движенья. Звонокъ заводится какъ часы, приблизительно, разъ въ недѣлю. Пружина изѣщаетъ ему звонокъ безъ надобности. Неводимый магнитъ плотно приѣланъ къ звонку и находится въ связи съ гальванической батареей, которая поставлена на противоположность концѣ токидера Желѣзныя проволоки проникнуты отъ звонка къ батарѣи и потомъ проходять чрезъ всѣ скакушки поѣзда слѣдующими образомъ. — Всюкому известно, что скакушки, составляющіе поѣзда, соединены между собою и съ токидеромъ желѣзными полуушами (fers d'assouplissement), по сторонамъ которыхъ поѣзданы предохранительные пѣни, которые вытягиваются только въ случаѣ ненуждемія полуушами. Отъ одной такой цѣпи до другой проводится вдоль всѣхъ каретъ гальваническая проволока, такъ что, если есть предохранительные цѣпи, то образуется гальваническое сообщеніе между всѣми вагонами. На концѣ кареты вѣтъ проволока идетъ къ мѣсту, где помѣщается машинистъ, и поворотомъ маленькой рукоятки гальванический токъ наводится. Тогда отъ дѣйствія магнита пружина поднимается и звонокъ приходитъ въ движенье подлѣ машиниста.

— Въ одномъ изъ послѣдніхъ вѣденій Французской Академіи, Кузенъ говорилъ о стѣсневшемся положеніи въ некоторыхъ литераторовъ и о необходимости принять мѣры къ обезспеченію ихъ печальной участіи. Собрание было тронуто этимъ предложеніемъ и положило нарядить комиссию, которая должна представить проектъ, какимъ образомъ осуществить мысль Кузена. Въ члены комиссіи выбраны: Лебрѣвъ, Кузенъ, Вакторъ Гюго и Вьеннѣ.

— Въ послѣдній день исправительного конгресса (congrès pénitentiaire)

въ Брюсселе, некоторые члены были созваны вечеромъ къ генеральному съкритарию конгресса. Члены эти, члены до тридцати единої, собрались для того, чтобы заняться облегченіемъ участія подсудимыхъ, не хотѣвшихъ разойтись, не предумѣвъ иѣры для улучшенія состоянія класса многочисленнаго и еще болѣе достойнаго вниманія; одинъ изъ нихъ предложилъ основать благотворительное общество, члены которого не состояли бы исключительно изъ одной націи. Это предложеніе, поддержанное и развитое Густавомъ де Бомономъ, Юлусомъ, Сирингаронъ и Дюкесію, было принято обществомъ безъ возраженій и изѣненій.

Представителями Франціи въ этомъ собраніи были выковъ де-Мелюнь и Шевалье, члены общества экономической благотворительности; Марбо — основатель яслъ — пріютовъ, Демецъ — учредитель Метрэя — первой исправительной землѣльческой колоніи; Воловскій, профессоръ въ Консерваторіи Художествъ и Ремесъ; Дроузъ, Виллерме и Де-Бомонъ, профессоры иави тута.

Общественное благотворительное общество имѣть цѣлью уменьшить отношенія между людьми изущинами оработанныхъ и ихъ нуждахъ, подвергнуть гощательному обсужденію все вопросы, возбуждаемые бѣдностью, и искать рѣшенія ихъ не въ теоріяхъ, часто недостаточныхъ, но за изученіе фактовъ; наконецъ, доставить возможность пользоваться просвѣщеніемъ и опытомъ всѣхъ трудолюбивыхъ и страждущихъ классовъ всѣхъ націй.

Общество будетъ управляться центральнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ десяти членовъ и вѣтъ въ каждомъ государствѣ своего представителя. — Каждый годъ члены должны собираться въ генеральное собраніе для слушанія отчета о трудахъ общества и решать вопросы, предложенные на ихъ разсмотрѣніе. Общество имѣть свое пребываніе въ Парижѣ, въ конгрѣ

журнала *Annales de la charité*, который оно избрало для своихъ объявленій.

— Парижское бюро корреспонденции для уничтоженія невольничества, обращается ко всемъ Французамъ съ слѣдующею просьбою:

• Милостивые государи,

• Прислушайтесь къ просьбою о безотлагательности и полномъ освобождениі черныхъ во французскихъ колоніяхъ, мы уѣрены, что это наше прошеніе согласуется вполнѣ съ собственнымъ вашимъ убѣжденіемъ и встрѣтить въ васъ сочувствіе. И потому мы представляемъ въ немногихъ словахъ причины нашей протестаціи.

• Опять доказадь, что всякая надежда на смягченіе и улучшеніе участія негровъ мечтательна. Нельзя улучшить того, что самъ въ себѣ есть уже зло. Порядокъ не простирается въ бѣзвордака: стараніе подвѣсти безпорядокъ подъ правила, только яснѣе обличаетъ его.

• Въ-течение многихъ лѣтъ Франція, принимая живое участіе въ черныхъ, издавала законы, усиливала свой бюджетъ, употребляла всѣ возможныя средства, чтобы улучшить ихъ положеніе. Чѣмъ же явъ этого, вышло? почти ничего. — развѣ только иѣкоторое улучшеніе ихъ материальнаго быта. Мѣнѣе наше подтверждѣть вѣсъ сѣть: въ негрофильы и приверженцы плантаторовъ.

• Начального образованія не существуетъ въ колоніяхъ; миллионы были на это потрачены даромъ и положеніе дѣлъ не перемѣнится до тѣхъ-поръ, пока будетъ существовать невольничество, потому-что проселѣскій негръ невольникъ есть чистая аномадія. Не-благородство надѣяться, даже, можетъ-быть, противозаконно требовать, чтобы владѣльцы самъ содѣствовали къ уменьшению своего собственнаго богатства. Надо требовать большаго или терпѣть зло въ настоящемъ ею видѣ.

• Наконецъ, иѣтъ воспитанія религиознаго и моральнаго въ точномъ смы-

слѣ слова. Религія чернаго въ такомъ состояніи, какъ онъ находится, не что иное, какъ тупое исполненіе обрядовъ, значеніе которыхъ ему непонятно.

• Нѣтъ никакой справедливости въ отношеніяхъ господина къ невольнику. Впрочемъ, она и невозможна, ибо противорѣчитъ действительности. Неравенство состояній имѣть силу въ судахъ, и имѣть слѣдствіемъ несопаримѣрность наказаній.

• Изъ этого слѣдуетъ, что предварительныхъ мѣръ къ освобождѣнію негровъ существовать не можетъ, потому что образованіе, религія, права и правосудные законы—нельзя согласить съ теперешнимъ состояніемъ черныхъ.

• Въ будущемъ ожидать нѣчего. Продолжайтесь тѣмъ же путемъ, какими шли до сихъ-поръ, продолжать только страданія черныхъ, а можетъ-быть, даже и несчастія ихъ, владѣльцевъ.

• Мы не будемъ говорить о правѣ частнаго выкупа. Слишкомъ очевидно, что этимъ правомъ можетъ воспользоваться только весьма-малое число негровъ, поставленныхъ въ благоприятнѣйшія обстоятельства. Частный выкупъ не промоведетъ никогда общей эманципаціи.

• Нѣчего говорить и объ организаціи работъ, которая возможна только въ широкихъ размѣрахъ и неудобосогласима съ работой невольнической.

• Въ пользу теперешняго положенія негровъ говорятъ только денежныя выгоды владѣльцевъ колоній. Но для націи, которая носитъ наименіе христіанскої и имѣть црквица въ уваженіе другихъ державъ, денежный расчетъ не можетъ взять верхъ надъ великими и святыми обязанностами религіи, справедливости и человѣчества.

• Вероятно, англійскія колоніи на дѣлѣ докажутъ справедливость нашей мысли. Пожертвованія въ настоящемъ будутъ вполнѣ вознаграждены выгодами въ будущемъ.

• Итакъ, мы умоляемъ васъ, милостивые государи, поспѣшить рѣшеніемъ вопроса объ освобождениі Негровъ въ,

французскихъ колоніяхъ. Того требуетъ христіанство, общее нынѣе и пра-
вильное колоній.

Жители Филиппинскихъ-Острововъ обращены въ христіанство стараниемъ четырехъ монашескихъ орденовъ: Доминиканского, Августинского, Францисканского, и бывшихъ Кармелитовъ; не смотря на то, трудно рѣшить, какой религіи держатся жители? Идолопоклонство кроется подъ католическими обрядами. Они почитаютъ себя христіанами потому только, что несуть парашинки, убѣютъ творить крестное знаменіе. Священные медали, четки, ладушки и амулеты, ремень св. Августина, шнурокъ св. Франциска, и тысячи тому подобныхъ предметовъ вочитаніе, составляютъ сущность ихъ религіи. Вотъ что наль говорить объ этомъ г. Касавъ Раймондъ.

Священники и даже монахи почтятъ всѣ выраженья тѣль же суевѣрій, которое иронизируютъ и всячески поддерживаютъ: «мы представимъ тому единѣ только пригѣрь, но съ доста-
точно - убѣдительствомъ. Дѣйствующее лицо — членъ турецкаго духовенства, домъ-Ж. Суріано Мазарро», при-
ходской священникъ, человѣкъ съ извѣстными образованіемъ, и къ тому признанный способныи на-
ставлять другихъ. Этотъ несчастный, забралъ въ голову, что наль его окол-
дована, и на этомъ основаніи совер-
шилъ пятьдесятъ-шесть убийствъ! На-
питанный, не смотря на свой санъ,
суевѣрными новатіями страны, съ-
вѣржалъ, что сила колдовства про-
кратится, когда будутъ наказывать
смертью всѣхъ тѣль, кого подозрѣ-
вали въ чародѣйствѣ».

Въ Манилѣ, рассказываютъ много-
чество другихъ анекдотовъ болѣе или менѣе предосудительныхъ на счетъ ду-
ховенства, благо и неблаго-
существующаго:
• Служители церкви посыпаютъ толь-
ко о своихъ правахъ и стараются обо-
гачаться».

Что касается до религіозной сторо-
ны предистата, то жители держатся ка-

ного-то Фетишизма, а за нихъ болѣе или менѣе и сами пастыри.

Удлинское многобожіе безъ сомнѣнія было бы лучше такого христіанства. Сверхъ-того надо замѣтить, что до-
сихъ-поръ только нѣкоторая часть острова Люсона принадла католиче-
скую вѣру, прочие жители Десона и всѣхъ другихъ острововъ архиеписката остаются язычниками. Но слава г.
Раймона, монахи, жены и въ раздѣлѣ
въ своихъ приходахъ, и не думаютъ о
распространеніи въ нихъ христіан-
ства.

Здѣсь представляется очень занима-
тельный вопросъ: почему миссионеры
пропаганды, не окраинъ дѣлѣ-
ствуютъ, гдѣ они основались, пре-
небрегая усѣѧніемъ евангелія, стара-
ются, во что бы то ни стало, и не смо-
тра ни на какія опасности, проникнуть
на острова Южного-Океана? Какъ рас-
положить такое пренебреженіе изъ лѣ-
да религіи съ одной стороны въ такое
расстояніе съ другой? Но естественнѣе ли
бы было изобрѣтиться о прочномъ об-
ращеніи Филиппинцевъ, можна пры-
ваться съ оружиемъ въ рукахъ на
островъ Танги? Нѣкоторые язычники,
можетъ-быть, скажутъ, что поводомъ
къ послѣдней экспедиціи, была вѣнчаль-
ная ускаканія, протестантизмъ, а то
страстное желаніе распространять
слово Божіе... По-праиной-мѣрѣ фак-
ты говорятъ въ пользу такой мните-
зы.

• Теперь рассмотримъ подорожіе ко-
толицізма на Филиппинскихъ-Островахъ съ точки зритія финансовой: не-
вѣдно, что четыре монашескихъ орде-
на и приходские священники, соби-
раютъ дань, значительную часть
которой удерживаютъ за собою, «
гражданскому начальству», пред-
ставляютъ крохи еть трезсы... • Ты-
нинъ-образомъ говорить г. Касавъ
Раймондъ, «продолжа индульгіей, на-
римниковъ, чѣтой, священническихъ меда-
лей, ремень св. Августина, шнурокъ св.
Франциска, пояса св. Фомы и другаго
предметовъ приступной, набокъ

ности туземцевъ, производится ду-
ховенствомъ, и только съ недавнаго
времени свѣтская власть стала поль-
зоваться частью выгоды, получаемой
отъ этой прибыльной продажи.

Какъ расходимся мы въ этомъ слу-
чай съ бѣднымъ Причардомъ!.. Из-
вѣстно, какой на его счетъ подняли
шумъ, ультрамонтанскіе журналы, а
за ними и ораторы и политики. По
ихъ словамъ, протестантскіе миссіоне-
ры и что иное, какъ жадные купцы,
эксплуатирующіе совѣтъ простодушиныхъ Отавіанъ и расхищающіе
ихъ кошельки. Что жъ ничего не го-
ворятъ объ католическихъ миссіоне-
рахъ. Что жъ вѣчно не слышно объ
ихъ безкорыстіи, щедрости, самоот-
верженіи? О нихъ преврѣтій въ пре-
лестамъ и богатствамъ міра сего? Какъ
жаль, что подобная реторика разсы-
пается въ прахъ отъ прикосновенія
къ дѣйствительности. Они вдоволь
извѣшиваются, продаютъ, покупаютъ, оби-
гащаются.

Намъ достовѣрно не извѣстно про-
давалъ ли, миссіонеръ Причардъ свои
медицинскіе туземцамъ или только
раздавалъ. Но во всякомъ случаѣ его
лекарства служили въ чему-нибудь,
между тѣмъ, какъ статьи прода-
ваемыя монахами Филиппинскими
Островами, ни въ чему не служить.
Справивается, какую выгоду эти бѣ-
дные люди, могутъ извлечь изъ спурка
св. Франциска, изъ пояса св. Фомы въ
изо всѣхъ этихъ ладуокъ? Ихъ за-
ставляютъ платить Богъ-знаетъ, какъ
дорого, за вещи, которые могутъ спо-
собствовать только въ поддержкѣ
ихъ непрѣжества. Торгъ ведостойный
и плутовской, хуже котораго никогда
не существовало.

Замѣтите еще, что это продолжает-
ся въ-течениеи трехъ или четырехъ вѣ-
ковъ, а въ Таити протестантскіе мис-
сіонеры основались только вѣсмѣлько
зять тому назадъ. Если проповѣдники
Евангелія, и принимаютъ участіе въ
нѣкоторыхъ торговыхъ дѣлахъ и въ
администраціи, то нельзѧ не согла-
ситься, что это выѣшательство было

почти немѣжъ въ младенческомъ
народѣ, и что учрежденіе миссіонера-
ми народныхъ собраний, имѣло цѣлью
пріучать жителей мало-по-малу къ
разумной самостоятельности. На Фи-
липпинскихъ же Островахъ, поколѣнія
и вѣка проходить, не производя и тѣ-
ни улучшений.

— Общественный переворотъ въ от-
томанскої имперіи особенно обнару-
живается въ попыткахъ Порты внести
измененіе европейскихъ наукъ и
искусствъ. Въ «Courrier de Con-
stantinople» помѣщены объ этомъ из-
вѣстия любопытныя извѣстія. Тѣ-
перь дѣятельно занимаются тамъ уст-
ройствомъ университета, нормальной
школы, медицинской академіи, инже-
нерного училища и техническихъ учеб-
ныхъ заведеній. Успѣху агіятъ заведе-
ній будутъ содѣйствовать приготови-
тельные школы, которымъ устраиваю-
тся въ провинціяхъ.

Послѣ годичныхъ ваканцій, во время
рамазана^(*), курсъ начался во всѣхъ
уже устроенныхъ заведеніяхъ. Удач-
ный толчокъ, который даетъ въ послѣд-
нее время общественному образова-
нію, уже принесъ плодъ. Первые тру-
ды внушили склонность къ новымъ за-
нятіямъ; замѣтно рвение въ науки,
стремленіе къ познанію и желаніе от-
личиться.

И преподаватели и правительство
содѣйствуютъ успѣху. Съ одной стороны
изыскиваютъ средства расширить
хругъ познаній, чтобы скорѣе достиг-
нуть до удовлетворительныхъ результатовъ; съ другой — охотно утверждаютъ
предлагаемыя мѣры, не жалѣя из-
держеній, когда дѣло вдѣтъ объ улуч-
шении преподававія. Донесеніе о тру-
дахъ медицинской школы въ-продолж-
еніи прошлого года представляетъ
очевидный примѣръ удвоившаго ста-
ранія расширить, посилить, улучшить
и почитать образованіе. Въ каждой изъ

(*) 9-й мѣсяцъ мухаммеданскаго кален-
дари посвящается посту и молитвамъ.

школъ замѣтнъ тотъ же духъ, то же стремлениѣ къ прогрессу. Въ прошломъ году инженерное училище, состоящее подъ управлениемъ Ахмеда Фети-Паши, испросило себѣ суммы на устройство помѣщенія для учащихся, по премѣру школъ медицинской, военной и морской. Нынѣшній курсъ идетъ успѣшно, прибавлено преподаваніе французскаго языка и рисованія-европейскими профессорами. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые болѣе съѣдущи и скоро выйдутъ изъ училища, для поступленія на службу, уже начали курсъ физики, а во второй семестрѣ будуть слушать курсъ химіи. Школа богата инструментами математическими, топографическими и друг., но не имѣетъ еще кабинетовъ физического и химическаго, зато она получила разрѣшеніе пользоваться скровищами политехнической школы.

Специальные руководства составлены лапами способными; въ нихъ наука изложена въ современномъ ея развитіи, съ примѣненіемъ къ понятіямъ учениковъ. Ибрагимъ - Паша издалъ уже нѣсколько сочиненій о грамматикѣ, Дервишъ-Паша составилъ трактатъ о химіи, первый томъ котораго ученіе напечатанъ, и приготовляется трактатъ о физикѣ. Въ Галата-Серадѣ переведены ариѳметика, изданная для королевскихъ училищъ Франціи, и географія Мишлѣ. Одинъ изъ переводчиковъ, назначенныхъ отъ правительства, приготовляется для молодыхъ Оттомановъ. *Histoire ancienne à l'usage de l'école militaire de Saint-Cyr.*

Многіе изъ офицеровъ, получивши образованіе въ Европѣ, занимаются переводами тѣхъ книгъ, на которыхъ особенно целика потребность. Жаль только, что большая часть изъ тѣхъ, которые могли бы приносить огромны услуги государству, излагая юношеству науки съ пріимѣненіемъ къ ихъ повѣдѣнію, въ то же время занимаются другія должности по разнымъ отраслямъ администраціи, такъ-что сложность служебныхъ занятій поглашаетъ почти всю ихъ дѣятельность. Глав-

ное затрудненіе въ недостаткѣ личнѣ специальныхъ.

Совѣтъ народнаго просвѣщенія занять теперь предварительствомъ уѣзжей въ первоначальномъ образованіи.

— Говорить, въ Турціи, законецъ, начнутъ строить желѣзныя дороги. Какъ - только въ Парижѣ узали съ назначеніемъ министромъ Решидъ - Паша, многіе капиталисты явились въ оттоманское посольство, предлагая министерству устройство желѣзной дороги отъ Смирны до Константиноぽоля. Исполненіе этого предпріятія должно окрѣпить торговлю, потому - что течею Дарданельскаго Пролива такъ сильно, что безъ сильнаго юго-западного вѣтра суда не могутъ проходить чрезъ него вверхъ и стоять цѣлые мѣсяцы на водахъ Тенедоссіяхъ. Теперь они будутъ приходить въ Смирну и грузъ будетъ оттуда отправляться по назначению въ Константиноぽоль.

Разумѣется, подобное предпріятіе должно было встрѣтить огромные препятствія въ предрасудкахъ Мусульманъ. Однако, кажется, препятствія эти преодолены. Давнія желѣзныя дороги соединить со столицею кронъ Смирны Бруссу, городъ со ста тысячами жителей, богатый мануфактурными и сельско-хозяйственными произведеніями.

— Въ нѣмецкихъ журналахъ обнародованы недавно любопытныя извѣстія о современному населеніи Австріи. Изъ сравненія съ прежними цифрами видно значительное возрастаніе прогрессіи.

Населеніе Австріи простиралось: Въ 1820 году до 30,857,103; въ 1830 году до 34,503,824; въ 1840 году до 36,930,401. Въ 1843 году, мужскаго пола 18,331,183, и женскаго пола 19,159,937, изъ нихъ нѣмецкихъ и славянскихъ провинціахъ 17,072,146; въ итальянскихъ провинціахъ 4,808,463; въ Венгрии, Трансильвании и на восточной границѣ 15,610,540; всего

37,491,120. Въ настоящее время до 39,000,000.

Такимъ образомъ, съ 1820 по 1830 годъ приращеніе простиралось до 11,8 на 100, а съ 1830 по 1840 годъ, до 7 на 100. Увеличевіе это зависѣло отъ рожденій, потому-что число переселеніихъ въ австрійскій владѣніи было не свыше 186,111 душъ, а число выбывающихъ никакъ не менѣе того. Въ этихъ цифрахъ не показано числа войска, котораго въ 1843 году было до 500,000 человѣкъ. Число женщинъ въ 1843 году превышаетъ число мужчинъ 800-ти. Это тѣмъ болѣе удивительно, что число мужскихъ рожденій къ числу женскіхъ относится, какъ 106 къ 100. Причины такой разности надобно искать въ войнахъ и переселеніяхъ, которыхъ болѣе касаются мужчинъ. Число браковъ въ 1840 году было 1 за 1,285 дѣтей; число незаконнорожденныхъ въ 1843 году, къ числу законнорожденныхъ дѣтей относится какъ 1 къ 2,9, въ провинціи Австріи, кроме Энса, и только какъ 1 къ 87 на военной границѣ, какъ 1 къ 29 въ Галиции, какъ 1 къ 25 въ Ломбардіи, какъ 1 къ 43 въ Трансильваниі. Вообще чиство незаконнорожденныхъ постепенно увеличивается: По всей Империи оно было съ 1819 по 1828 годъ: 1 незаконнорожденный на 9,6 законныхъ, въ 1839 по 1843 годъ 1 на 8.

Смертность за 1843 годъ для мужчинъ 1 на 31, для женщинъ 1 на 35. Смертность дѣтей, свыше года, въ всѣхъ которыхъ изъ провинцій доходила до 37 на 100 изъ всей суммы умершихъ. Ежегодно среднимъ числомъ считается до 5,000 случайно-умершихъ и 200 самоубійцъ, изъ нихъ третья часть въ Галлії; Италия совсѣмъ не считана. За исключеніемъ Венгрии, въ австрійской имперіи дѣтей ежегодно происходило 550 убийствъ, но изъ нихъ пака-заны бываютъ не болѣе 40.

— Офиціальные калькутскіе документы показываютъ, что Ост-Индская компания продала въ нынѣшнемъ году на своихъ девяти - периодическихъ

аукціонахъ 21,649 ящиковъ опіума, на сумму 2,800,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ это число не входитъ малівійскій опіумъ, непринадлежащий калькутскому аукціону, но вывезенный прямо изъ Бомбая, на сумму 1,200,000 франсовъ. Компания покупаетъ опіумъ отъ производителей, по дешевой цѣнѣ, въ четыре раза менѣе той, за которую продаётъ его. Итакъ, она получаетъ чистаго ежегоднаго дохода до 75 миллионовъ, употребляя въ свою пользу съ одной стороны бѣдность и слабость Индійцевъ, съ другой стороны — страсть Китайцевъ къ опьяненію, которую компанія всѣми мѣрами старается развивать, для своихъ денежныхъ выгодъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ ни огромно покажется філантропамъ континента количество яда, отправленное въ этомъ году въ Китай, оно почти неудовлетворяетъ требованіямъ и компанія разослала приказанія всѣмъ производителямъ, доставить въ будущемъ году, по-крайней-мѣрѣ, 32,000 ящиковъ, т. е. умножить количество на цѣлую половину.

— Въ «Friend of China» помѣщено извѣстіе о вывозѣ изъ Китая чая за 1846 годъ. Въ Англію 53,648,339 фун.; въ Соединенные - Штаты 18,886,287; въ Голландію 3,054,540; въ ганзейскіе города 1,071,560; во Францію 226,790. Всего 76,687,519 фунтовъ. Сверхъ того, въ Россію въ 1846 году привезено чрезъ Кахту 136,198 мѣстъ байковаго чая.

— На Парижскомъ Монетномъ Дворѣ заготовлены двухъ родовъ образцы бронзовой монеты, пред назначенной для пополненія монетной системы. Образцы эти будутъ представлены въ палаты министровъ финансовъ.

Вотъ означение этихъ монетъ:

Модель Модель

А. В.

Въ 1 децимъ 10 грам. 15 граммовъ.

— 5 сантимовъ 5 — 7 —

— 2 сантима 2 — 3 —

— 1 сантимъ 1 — 1% —

— Съ одной стороны изображение короля съ надписью: «Louis Philippe I^e, roi des Français 1847». На оборотѣ карты; сверху съ королевской короной, снизу гальвий вѣтухъ, окруженный цѣлемъ. Слѣва цифра, обозначающая цѣнность монеты, справа буква С, т. е. сокращеніе слова «сенти».

— Для вооруженія восемнадцати укрѣплений Парижа собрано въ Венесуэлѣ и укрѣпленіи Алльфортѣ до 1,850 пушекъ, мортиръ и другихъ артиллерійскихъ орудій.

— Въ Нью-Йоркѣ скроются пароходы ледовыхъ дамбы. Онь предназначены для плаванія по рекѣ Гудзону. Длина его будетъ 125 метровъ, т. е. слишкомъ наидѣстѣ три сажени. На той же рекѣ уже ходятъ другой пароходъ Голденрикс — Гудсонъ длиною 105 метровъ.

— Въ 1841 году, 90,300 путешественниковъ перешли Леманъ въ Англію во Францію и за оборотъ. Въ 1843 г., со времени открытия железнѣй дорогъ фольстоунской и изъ Дувра въ Лондонъ, число это возрасло до 102,958. Въ 1846, по открытіи Сѣверной дороги, число путешественниковъ простиравлось до 158,865. Въ томъ же году въ Остенде было приблизительно 35,635, а въ Альтерпенѣ 5,635, всего 41,270, общій втогъ 199,935 человѣкъ.

— Г. Мина, ученый геманіистъ, по-славный французскимъ правительствомъ въ ученную экспедицію изъ Востока, отыскала пропавшее Платона, которого не могли найти ни древніе, ни новѣйшіе ученые. Это вопросъ о родѣ человѣческому, — трактать этотъ отличается такими же превосходствами, какъ и вся сочиненія знаменитаго философа.

— Во всѣхъ мадритскихъ журналахъ говорить объ открытии весьма-заживомъ для науки и литературы.

Найдено сочиненіе Серантаса подъ заглавіемъ *El Vizcaíno*, которое слу-жило заключеніемъ, или, лучше ска-зать, ключемъ къ «Дон-Кихоту». Ру-копись эта была погорана; и всѣ со-хранимъ къ отъясненію ея, по смерти автора, были тщетны, наконецъ, она найдена. Вся Испанія сагородила об- этомъ въ академіи собралась для раз-смотрѣнія этого дѣла.

— Вы Брюггѣ, г. Стоопъ (Stoop) членъ общества сервизаціи отыскала въ архивахъ древней соборной церкви св. Домата, подъ имѣниемъ Фак-Дейка, о чёмъ до сихъ-порѣ достоѣв-но не было известно. Оказывается, что знаменитый живописецъ умеръ въ юной вѣцѣ 1440 года и похороненъ былъ въ церкви св. Домата. Стойте! съобщаютъ любопытныя подробности; между про-чимъ, счеты расходовъ на похороны и роцнеки тѣхъ, кому было уплачено за поставку разныхъ материаловъ въ оказание разныхъ услугъ необходимыхъ покойнику при потребѣ, а также завѣщаніе Фак-Дейка.

— Дорогъ: обвиняша въ бродяж-ническѣй и приведены въ судъ. — Пр-видѣть. Весь вини въ... для часа угра на большой дорогѣ? — Отвѣтъ. Правда, съ Богу пранда. — Вопросъ. Чѣмъ вы занимаетесь? — Отвѣтъ. Всѣмъ по-поможку. — Вопросъ. Т. е. ничего не дѣлаете. — Отвѣтъ. Не-дѣляйте, какъ хотите; я противъ это-го не спорю. — Вопросъ. Чѣмъ вы живете? — Отвѣтъ. У меня есть до-ходеніе, разумѣется; а не-извордъ та-кой избудь; мыльниковъ у меня тутъ, а есть 330 франковъ изъ годы, есть и что выпить иногда лишнюю чарку. — Вопросъ. Вы не живете постоянной квартиры? — Отвѣтъ. Помилуйте, что вы; спросите квартиранта-жилья. — Вопросъ. Зачѣмъ же вы бре-дите по почамъ? — Отвѣтъ. Ну, я скажу пожалуй отчего, — такъ, изи-ду нами. Видите ли, у меня субъ ги-дой... .

(Въ загѣ слышенъ сильный, смѣхъ, Лоранъ звончески подымаетъ голову и продолжаетъ):

— У меня зубъ гнилой, у всякаго можетъ быть гнилой зубъ... Въ тотъ день, какъ меня взяли, зубъ у меня страшно разболелся; я не могъ спать и верхомъ на констали; вдругъ мнѣ вѣдомалось прогуляться и задѣрить Поля Нике... Вы знаете Поля Нике?

Судь прерываетъ Лорана и отмѣляетъ дѣло безъ последствій.

— Въ декабрьской книжкѣ прошлого года мы упомянули о недавно-дамской изъ Парижа на «Théâtre Français» трагедіи г-жи Эмиль Жирардеть: Клеопатра. Съ тѣхъ-поръ успѣхъ и въ прощѣсть много весьма подобныхъ другъ другу отзывовъ обѣ этой трагедіи и наименѣй самую трагедію. Всѣ эти отзывы вспоминаютъ пользу г-жи Жирардеть, и не безъ основанія, потому что произведеніе ея имѣетъ не одну хорошую сторону, замѣчательно не въ однѣхъ отношеніяхъ, но при всемъ томъ, это множествѣ галузей (если смотрѣть на нихъ взоромъ добродушнаго оптимиста, не загадывая подъ сѣтью обомбочку чистосердечной критики), возбуждено не столько достоинствомъ исполненія, сколько самыми предметами трагедіи. Приводились всѣ, ко-го въ разныя времена, съ болѣйшей или менѣйшей силой, съ болѣйшей или менѣйшей счастливостью, вдохновляли чистоту Клеопатры. Платархъ, въ свѣтѣ котораго драматизмъ постыдованій, начерталъ портреты Клеопатры и Антонія, изобразилъ картину ихъ любви, украсилъ ее живописными деталями, которыми не даромъ завладѣлъ Шекспиръ, соединивъ *Antony and Cleopatra*, драму, дышащую силой и граціей, изумительно рисующую и упевшую солдатской энергіи съ беззаботнымъ увлечениемъ Антонія, и обольстительную, увлекающую красоту и прихотливый прахъ Клеопатры. Антоній Шекспира — тутъ самый человѣкъ, о которомъ Платархъ, вспоминая слово

Платона, сказалъ, что душа влюбленнаго живеть въ чужомъ тѣлѣ; его Клеопатра также неувязимо-гибка и коварна, какъ умертвившая ее змѣя: это имена *the pretty Womt of Nîmes* (прекрасная пильская змѣя). На Французской сценѣ съ давнихъ поръ пользовалась Клеопатра; еще въ 1552 году представлена была пьеса *Cleopatra* (Сѣбореста *captive*) Жозема, которая, соприимѣя точности черты древности, была на сценѣ первѣрнаго поклонника; чтобы же сдѣлаться по очередно той-же геройней: Тарнѣ, Меро, Бансераль, Торньѣръ, Шапель, Никонеицъ — Мармонтель, для которого знаменитый механикъ Вокансонъ устроилъ даже искусственную змѣю, долженствованную укусить Клеопатру на сценѣ. Укуненіе совершилось очень удачно, механическая змѣя поддержала трагедію, такъ, что однѣ изъ зрителей, выходя изъ театра, сказали: «Je suis de l'avis de l'aspie».

Носїй вѣѣхъ исчисленныхъ попытокъ французскаго гenia, принялъ за эту женственную поэму геній женщины и видимо оставилъ за собой предшественниковъ. Оно и понятно, если неможко подумать о томъ, чего требуетъ эта поэма.

Клеопатра, говорить однѣ изъ критиковъ — Теофиль Готье, — есть самыи высокий женскій типъ, какой только представляется исторія. Красота, слава, могущество — все въ ней соединилось. Она — истина идеала, и никогда воображеніе самаго необувданнаго мечтателя не пойдетъ дальше. Одна только древность, гдѣ множество воплощалось и сосредоточивалось въ единичной личности, могла порождать подобные могучіе образы, эти колоссальные существа, выходящіе изъ всѣхъ размѣровъ новыхъ временъ, которые возникали высоко надъ созерцающимъ ихъ міромъ и развивались предъ нимъ, среди сіающей атмосферы, въ титаническіе необытные призраки. Во власти этихъ исполнинскихъ натуръ вовсе не казались излишествомъ ни груды золота,

накопленный двадцатью династиями, ни покорность сотни разноплеменных народовъ, ни многолюдныя толпы невольниковъ, эти послушныя машины, живыя смы, движимыя одной высшей волей. При такихъ нейзывѣримыхъ средствахъ действовать, Клеопатра Владѣла еще чарующей прелестю пола невиданной, безпримѣрной. Никто не былъ въ такой степени царица и въ такой степени женщина. Начиная съ окружавшаго ее царственного блеска, осанки богини, огненныхъ глазъ, олимпійскаго движенья бровей, — до фамильярности съ привлекательными и солдатскихъ шутокъ — все было въ ея рукахъ. Ея често; такое величественное въ сиющемъ вѣкѣ, кажется еще выше подъ кипящимъ искрамъ ночной авантюристки: представивъ-ли ее супругой и сестрой Иохуемъ, грозой народовъ, мощной партией или женщиной, которую завертываютъ въ коверъ, чтобы привести къ Цезарю, — вездѣ и во всемъ она неотразимо-увѣлѣтельна. Можно было подумать, что Фенера Вертикордія уступила ей свою власть надъ людскими сердцами, и она играла этой властью по произволу, мѣня геройзмъ на малодушіе, и малодушіе на геройзмъ, какъ-будто нарочно для того, чтобы доказать свою силу. Она заставила бѣжать Антонія; она вдохнула мужество въ Октавія... Быть одинъ только человѣкъ, который могъ любить ее, не сдѣлавшись ни жертвой, ни игрушкой; но то быть великій характеръ совершеннейшій типъ человѣка; рѣдкое соединеніе качествъума и сердца; плодъ величайшаго усиленія природы; однимъ словамъ — это быть Цезарь!

То обстоятельство, что Клеопатра, при всей своей идеальной женственности, есть порожденіе древности, личность исключительно ей принадлежащая — это обстоятельство и составляетъ трудность задачи; отъ-того и вся появлявшаяся до-сихъ-поръ на сценѣ Клеопатры были болѣе или менѣе женщины нашихъ временъ; ибо трудно

для новѣйшей трагедіи воспроизвести эту древнюю женщину во всей подлинности, не безобразить или искажить ее. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоять только припомнить бѣглый эскизъ, набросанный вѣрной рукой поэта, которому дана была высшая способность переселяться во всѣ вѣка и народы...

«Черты сіамъ. Гремѣлъ коромъ
Пѣнцы при звукѣ флейты и лиры;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживалла ниръ;
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашѣй золотой
Она задумалась, и долу
Поникла дивною главой...

«И пышный ниръ, вѣнь будто дрожь
Лицъ;
Бесмолвны гости; морь молчитъ.
Но вновь чуда она подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вами купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продамъ;
Скажите: кто можетъ вами купить
Цѣною жизни, почь мою?

Тroe отважныхъ принимаютъ вызовъ и — вотъ что вырывается изъ устъ царицы:

«Клянусь... о, матерь наслажденій,
Тебѣ вселыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простей вспоминай скромную.
Ещели же, моя юная Жирарда,
И ты, подземные цари
И боги грознаго анда,
Клянусь, до утренней зары
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю.
Но только утренней порфирий
Аврора вѣтнамъ блеснетъ,
Клянусь, подъ смѣртною сѣверой
Голова спастливцевъ опредѣлъ!»

Вотъ этотъ образъ, во всей, его древне-африканской красотѣ! Что-то подобное происходитъ въ первомъ актѣ трагедіи г-жи Жирарданъ; но тутъ

оно смажено, смягчено, введено въ условій новой драмы. Рабъ, простой незвѣнникъ горить дикой, неутолимой страстью къ Клеопатрѣ; но молчитъ, хоронить въ себѣ эту страсть со всей терпѣливостью раба. Въ то время, когда Клеопатра ждетъ Антонія и тоскуетъ, рабу случилось встрѣтить обожаемую царицу. Онь упала къ ногамъ ея и, трепеща отъ восторга и страха, прошепталъ:

*Reine, je suis esclave,
Mais j'aime, et je voudrais mourir.*

Царица улыбнулась. Раба ждетъ ночь и ложе и рабъ помнялся, что не увидитъ два послѣ этой ночи. Скоро, заря; готовится смертный кубокъ, а въ открытыхъ палатахъ дворца два человѣка: Вентидій, приближенный Антонія и Діомедъ секретарь Клеопатры — ведутъ переговоры о томъ, что необходимъ разрывъ Антонія съ Клеопатрой; что Антоній, надежда римской республики, гибнетъ въ сѣтихъ очаровательницы, которую таинь характеризуетъ Вентидій:

*Quand elle aimait César, elle n'était jeune
encore;
Elle avait la beauté d'une enfant qui
s'ignore,
Qui sourit pour sourir, et séduit au hasard.
Maintenant tout s'unît, et la nature et
l'art,
Et la grace et l'esprit, et la science
même,
Pour lui donner l'orgueil de la beauté
suprême;
Cet attrait merveilleux est un pouvoir
divin...

C'est un étrange effet qu'on ne peut dé-
finir,
Où la crainte à l'amour vient vaguement
s'unir:
Un plaisir plein d'angoisse, un effroi plein
de charme,
Un danger menaçant qui pourtant vous
désarme.
Sa colère vous plait, on l'aime, et quel-
que fois
On s'en laisse accabler pour entendre sa
voix.*

*Elle est reine toujours... mais aussi tou-
jours femme.
Dans cet être si frêle on sent une grâ-
de éme;
À travers sa faiblesse on sent la royauté;
On tremble; on est vaincu, mais avec
volupté...
Sa pensée est un monde, et son cœur
un abîme.
C'est ainsi qu'elle va, forte, de crime en
crime,
Bravant impunément et le peuple et la
cour,
Ne méritant que haine et n'inspirant
qu'amour (*) .*

Только что Вентидій и Діомедъ положили дѣйствовать сообща для желанной цѣли — оторвать Антонія отъ Клеопатры, какъ появился упоенный блаженствомъ рабъ; онъ пришелъ за роковымъ расчетомъ; онъ береть кубокъ, произносить сильными стихами молитву смерти и пить ядъ. Вдругъ Вентидію и Діомеду пришла мысль — употребить раба орудіемъ замысла, уликой Клеопатрѣ, источникомъ ревно-

(*) «Когда она полюбила Цезаря, тогда была еще юдова; тогда была у неї красота ребенка, не знающего самого себя, который улыбается для того только, чтобы улыбаться, и обольщаетъ случайно. А теперь — природа и искусство, грация и умъ и вламія — все соединилось, чтобы вдохнуть въ нее гордость высокой красоты... Эта чудесная привлекательность — сверхъестественная власть... Странно, необъяснимо вліяніе, въ которомъ страхъ смутно сливаются съ любовью: въ немъ — полное тоски упоеніе, въ полный прелестъ ужасъ; грозящая опасность и прищей безсила, безоружность. Миль еж гнѣвъ; его любишь, иногда готовъ наплечъ его на себя, чтобы только услышать еж голосъ. Всегда она царица, и всегда женщина! Въ этомъ хрупкомъ существѣ чуешь теплую душу; сквозь я слабости видится парственность. Дрожитъ человѣкъ, побѣжденъ человѣкъ, во сладко, употельно побѣженъ!.. Ея мысль — миръ, ея сердце — бездна; и идетъ она, сильная, отъ преступленій къ преступленію, безнаказанно презирая мнѣніе и Еврода и двора, не заслуживъ ничего, кроме ненависти, и не изумляя ничего, кроме любви.»

сти — Антонию. Они уносят его безчувственного, и съ помощью врача в противодѣлія, оживляютъ.

Во второмъ актѣ Клеопатра, окруженнная всемъ блескомъ двора, во полна тоскливаго ожиданія, полуразсѣянно слушаетъ жреца, читающаго книгу закона. Скоро она удаляется всѣкъ, кроме двухъ приближенныхъ; доказываютъ о прибытии гонца съ письмомъ отъ Антонія; она хочетъ видѣть гонца; явится преодѣтый Антоній; при немъ Вентидій. Переодѣтаго узнаютъ; онъ говоритъ, что прокрался тайкомъ во дворецъ; что его ждутъ друзья, которыемъ необходимо его присутствіе для важнаго дѣла. Клеопатра обнаруживаетъ отчаянную скорбь при вѣстѣ о новой разлукѣ; но тутъ же замѣчаетъ какую-то тайну и переходитъ къ кроткой покорности; отпускаетъ Антонія и даетъ тайное приказаніе сѣдѣть за нимъ зорко. Когда она осталась одна съ своей молоденькой любимицей Ирой (весьма грациознымъ созданіемъ), — въ глубинѣ театра промелькнула фигура раба и скоро къ ногамъ царицы падаетъ стрѣла съ прикрытой ею запиской, въ которой сказано, что Клеопатра обманута, что Антоній хитритъ, что онъ измѣнилъ ей и женится на Октавіи, сестрѣ цесара... Царица закипѣла всей своей энергией —

O honte!.. et l'on ose croire que je l'aimais!
Moi l'aimer, comme un jour j'aimais Cé-sar?.. jamais!..
Non, je ne l'aime pas... Et que dis-je, insensée?
Quand je me sens mourir à la seule pensée
Qu'il vient de m'échapper, qu'une autre a son amour,
Et que pour elle il veut me quitter sans retour!
Une autre!.. Est-il donc vrai? Folie, insolente audace!
Est-ce moi que l'on quitte? Est-ce moi qu'on remplace? (*)

(*) «О, стыдъ!.. и смѣши думать, что я люблю его! Мне его любить, какъ люби-

Она узнаеть, что Октавія прекрасна, хочетъ во что бы то ни стало видѣть ее и, подъ именемъ греческой невольницы, въ сопровожденіи одной малютки Иры, тайно оставляетъ дворецъ.

Третій актъ происходитъ въ саду виллы въ окрестностяхъ Тарента. Въ первой сценѣ Антоній высказываетъ Вентидію свои беспокойства: Клеопатра тоскуетъ, умираетъ безъ него, она его любить; — быть ей силъ оставаться дольше съ Октавіей; отъѣхать, она не можетъ неѣхать въ Египетъ. Возраженія Вентидія не действуютъ на него... Здесь высказывается сильный человѣкъ, со всемъ силами души увлеченій страстью; человѣкъ, который изъ самоублаженія не хочетъ противостоять этой страсти, не хочетъ подавлять чувства; словомъ — человѣкъ, достойный Клеопатры. Является Октавія; Антоній говоритъ ей о необходимости отъѣзда и уходить; въ слѣдъ за нимъ удаляется и Октавія съ Вентидіемъ. Сцену занимаютъ Клеопатра и Ира, одѣтые невольницами. При приближеніи Октавіи съ братомъ, иными невольницами скрываются въблизи подъ колонадой. Въ разговорѣ съ своимъ славнымъ братомъ, Октавія обнаруживаетъ въ себѣ римскую матрону, со всеми ея суровыми доблестями, неприкосновенно — чистую, великолушную, но замкнутую въ свою гордость сознаніи. Видишь ясно, что образъ этой женщины, сия невинностю, долженъ блѣдѣть предъ страшнѣмъ огнемъ Клеопатры, въ глазахъ такого же страшнаго Антонія. Но вотъ сдѣлутъ живое драматическое движение: когда Октавія послѣдняя готова была уда-

ла я когда-то Цезара?.. Нѣогляд!.. Нѣть, я не люблю его... Но, чтъ говорю я, безумная, — когда чувствуешь смертьное томленіе, при одной мысли, что онъ погибъ для меня, что другая любила его, что для нея онъ покидаетъ меня безвозвратно! Другая!.. И это правда?.. Безумная, неизпана дерзость! Меня-ли оставляютъ? Меня-ли хотятъ замѣнить?..»

ляться со сцены, вдругъ изъ-подъ колонады бросается Клеопатра съ полу-задышаннымъ прикомъ:

«Le supplice est trop long, et je me sens mourir.» (*)

Женщины окружаютъ царицу: Ира поддерживаетъ ее и выдастъ за больную; Октавія воротилась, обращается съ вопросами; но Клеопатра, вся изволнованная, молчанъ, опустивъ голову, не поднимая глазъ. Потомъ, оставшись одна съ Ирой, она послыаетъ ее скорѣй приготовить все къ отѣзду; потому что Антоній измѣнилъ ей и любить, непремѣнно любить Октавію; а по уходѣ Иры, Клеопатра продолжаетъ сана съ собой.

«Il est donc vrai! c'est moi, moi, la fille des rois!
J'ai rougi, j'ai rougi pour la première fois...
Et d'un mot, d'un seul mot elle a su me confondre.
Elle m'interrogeait, je n'osais lui répondre,
Ni jeter sur son front un regard curieux;
J'avais peur de ma voix, j'avais peur de mes yeux;
Je craignais cet accent que je ne puis contraindre,
Je craignais ce regard que je ne puis éteindre!.
Car tout en moi, cet air, et ces traits contractés,
Cette ardente pâleur, trace des voluptés,
Tout devait, racontant les heures de ma vie,
Dénoncer Cléopâtre à la chaste Octavie...
O soleil Africain! dieu du jour! dieu du seul!
Des plus chastes efforts, toi qui te fais un jeu!
Et sans pitié, riant de nos promesses vaines,
Fais courir tes ardeurs dans le sang de nos veines,
Sois mandat!.. (**)

Проклявшіи африканское солнце, Клеопатра пытается уѣхать себѣ, что она еще не совсѣмъ пала; что еще можетъ она возвращиться и разг҃вѣсть свѣжимъ, гордымъ цвѣткомъ; что прошлое ея темно, нѣть судьи—обличителя... И вдругъ — видѣть вдали раба. Ужасъ нападаетъ на нее при появлѣніи этого воскресшаго мертвѣца, живой улики; но ужасъ исчезъ, когда рабъ, прикованный невидимыми цѣпями къ сайданъ очаровательной царицы, уѣршиль ее, что Антоній ей не изменялъ и любить ее неизѣбѣнно, вѣчно. Рабъ говорилъ правду: скоро онъ скрылся, потому что завидѣлъ прибывающаго Антонія. Встрѣтились двѣ страстныя души, слились въ общемъ энтузиазмѣ и готовый корабль унесъ ихъ подъ африканское солнце.

Четвертый актъ представляетъ инниту послѣ битвы при Акціумѣ. Жалкий лагерь разбитъ на Александрийской долинѣ; бѣглецъ—Антоній скрывается въ шалатѣ; онъ хотѣлъ бы скрыться отъ самаго себя, потому что его терзаетъ мучительной стыдъ и горькое, жедчное чувство къ Клеопатрѣ, виновницѣ погубившаго его бѣгства. Онъ ненавидитъ ее, для него невыносима встрѣча съ ней, невыносимы утѣшения не многихъ оставшихся ему вѣрными, предлагающихъ снова начать борьбу. Онъ ничего не想要, онъ

ла смутить меня; она меня спрашивала, а я не смѣла отвѣтить ей, не смѣла бросить на чено ея любопытного взгляда; я боялась своего голоса, боялась своихъ глазъ; страшенье миѣ было этой голосъ, котораго не могу измѣнить, страшенье этой взглядъ, котораго не могу потушить!.. Все во мнѣ—этотъ видъ, эти измѣнившіяся черты, эта горячая блѣдность, слѣдъ страстныхъ наслажденій—должны были разсказать всю мою жизнь и разоблачить Клеопатру предъ дѣвственной Октавіей... О, африканское солнце! божество дня и огня! Ты, играющее самыми непорочными стремленіями, безжалостно смѣющіеся надъ нашими тщетными обѣтами, вливая свой жаръ въ наши жилы,—будь проклято!..

(*) «Мѣка слишкомъ долга, я умираю.»

(**) «Такъ это правда! Я, я, царская дочь, я красива, красива въ первый разъ... Словомъ одинъ она умѣ-

хочеть только смерти. Но—вотъ явается Клеопатра, убитою, блѣдной, скорбящей женщиною, и просить позволѣнія плакать у ногъ его. Эти горячія слезы опять пролились въ душу Антонія: ненависть его замолчала; онъ слушаетъ Клеопатру; Клеопатра разсказывается, какъ съ палубы корабля сѣдила она за ходомъ битвы; видѣла егъ, Антонія, кипѣшаго жаромъ отваги, слышала вдали мужественный, одушевлѣнныи голосъ...

*... j'admirais ta rage,
Et j'avais tant d'orgueil que j'avais du
courage.
Mon corps était d'airain, mon âme était
de feu,
La guerre me semblait un magnifique
jeu.
Va, je ne tremblais pas!.. Au milieu de
mes femmes,
Sur le pont du vaisseau, recevant l'eau
de fames,
Liftant aux vents mon voile et mes che-
veux flottans,
Mâlant ma voix de reine aux cris des
combattants,
Je m'envirais, ainsi que d'une grande
fête,
De cet orage humain, plus beau que la
tempête.
Nous buvions à Neptune, à Jupiter Statore,
À Mars, et nous jetions aux flots nos
coupes d'or... (*)*

Но вотъ — битва сильный и ожесточенный; кровь льется въ виду Клеопатры, все ближе и ближе...

(*) «...Я восхищалась твоей яростью; я такъ гордилась, своей отвагой. Мое тѣло было мѣдное, а душа огненная; война казалась мнѣ великолѣпной игрой. Да, мнѣ не было страшно!.. Окруженная моими женщиными, я стояла на палубѣ, крошилась брызгами волнъ; и покрывало мое и распущенныи долосы клубилось по вѣтру; голосъ царицы вторилъ крикамъ бойцовъ... Какъ блестящимъ щиромъ, я была упосена этой человѣческой бурей, которая прекраснѣе бури природы. Мы пили въ честь Нептуна, Юпитера Сатора, Марса... пили, и бросали въ воду золотые кубки...»

*«Ce tumulte sans fin brisa ma force
value...
Oh! c'était trop d'orgueil, même pour
une reine...
Je ne te voyais plus combattre à l'ho-
rizon...
Et déjà je sentais chanceler ma pa-
rem... (*)*

Къ доконченію всего, на палубѣ корабля Клеопатры упалъ раненый солдатъ. Кровь лилась изъ него широкимъ ручьемъ, царица подходитъ къ нему... Боги! онъ похожъ на Антонія!.. Быть ли то бредъ, мечта или таинственное предвѣщаніе,—во Клеопатра забыла все — и борьбу и будущность; прокляла и войну и силу...

*«Je ne voyais plus rien que ton sang
répandu,
Que sur toi, sur ta tête un glaive sus-
pendu...
Et tout me sembla bon, dans cet horrible
rêve,
Pour arrêter ce sang et détourner ce
glaive!
Tremblante, lyre de peur, je donnai le
signal... (*)*

Этотъ одушевленный манологъ окончательно убаюкалъ всѣ безиконныи чувства Антонія; онъ снова любовникъ, и весь миръ для него въ Клеопатрѣ. Вдругъ является Вентидій, съ вѣстью, что Египетскій берегъ во власти Октавій и что общая мозга говорить о тайномъ союзѣ Клеопатры съ Октавіемъ Антоній вѣрить и оскорбляетъ Клеопатру. Негодующая царица уходитъ съ горькой жалобой. Вентидій торжествуетъ...

(*) «Этотъ безконечный шумъ разбѣжалъ мои хрупкія сиды... Oh! тутъ было слишкомъ много гордости, даже для царицы... Я ужъ не видѣла тебя среди баты... Я чувствовала, что разсудокъ мой колеблетсѧ...»

(**) «Я видѣла только свою пролитую кровь, видѣла только мячи висящіе падь твоей головой. Въ этомъ страшномъ бреду, мнѣ казалось хорошимъ все, что могло удержать эту кровь, отвѣсти этотъ мячъ! Трепещущая, обезумѣвшая отъ страха, я подала знакъ...»

ствуетъ; потому-что Антоній опять свободенъ; въ немъ пробуждается воинственная энергія; онъ хочетъ битвы, распоряжается; но—одно слово и все рушится: рабъ, знакомый намъ рабъ, пришелъ сказать, что царица умерла... Антоній требуетъ отъ вѣрного воина, чтобы онъ убилъ его; но воинъ былъ Римлянинъ: онъ поражаетъ себя, чтобы не исполнить страшного приказанія. Антоній самъ бросается на мечъ.

Пятый актъ полонъ драматического движения. Умирающій Антоній лежитъ на богатомъ ложѣ въ дворцѣ Иоанна Птолемеевъ; надъ нимъ—плачущая Клеопатра. Прекрасенье предсмертный разговоръ и послѣднее прощанье. Антоній умираетъ; Клеопатра въ первую минуту стоитъ и неподвижно смотритъ на трупъ. Потомъ—говорить какъ будто сама съ собой о томъ, какъ горячо и сильно любила она Антонія, и какъ страшно, невыразимо страшно жать холодную руку, которая недавно пытала въ ея руки... Но посль этотъ менологъ переходитъ въ другой характеръ: Клеопатра, тоскующая Клеопатра начинается говорить о доблестяхъ Антонія, о значеніи его, какъ человека и гражданина. Это, кажется, немножко не въ время, и объясняется только тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ героями древности.

За то все остальное до конца—безумортизно—хорошо: сцена между Клеопатрой и Октавіей... Гордая Римлянка, гордая своей суровой добродѣтелью, пришла оспаривать трупъ мужа у женщины, которая владѣла имъ жизнью, владѣла по праву своей страстной натурѣ, и теперь хочетъ завладѣть этимъ трупомъ; съ какимъ-то ожесточениемъ хочетъ она отстоять его, опираясь на свою беспредѣльную любовь. Упрекаетъ Октавію въ недостаткѣ любви, доказывая это тѣмъ, что и посль смерти мужа, она, Октавія, будетъ жить.— Я буду жить, отвѣчаетъ Октавія, чтобы видѣть тебя своей невольницей... — Никогда! вскрикиваетъ Клеопатра, заискала надъ собой кинжалъ; но ея обез-

оруживаютъ: она изѣница, она пойдетъ въ цѣпяхъ за колесницей Октавія. Она какъ милости ищетъ смерти, и никто не даетъ ей смерти. Но жрецъ, съ корзиной, наполненной священными плодами и убранный цѣпями, пришелъ къ царицѣ изъ храма Амона. Уважая обычай страны, стража пропускаетъ его. Жрецъ падаетъ передъ царицей и ставитъ къ ногамъ ея священную корзину... Это не жрецъ, а вѣрный, любящій рабъ; въ корзинѣ не священные плоды изъ храма Амона, а желанная смерть. Восхищенная царица облекается во всѣ регалии, садится на тронъ и съ наслажденіемъ опускаетъ руку въ корзину. Змѣйный ядъ быстро лѣтаетъ по ея жиламъ.— Я жду тебя, цезарь, говорить она съ торжествующей улыбкой входящему Октавію, протягиваетъ ему руку и умираетъ...

Изъ сдѣланныхъ выписокъ читатели могутъ судить о языке г-жи Жирарденъ; а изъ разсказанныхъ сцены—о самомъ сочиненіи. Въ заключеніе, вместо всѣхъ разсужденій, припомнимъ, что Клеопатру играла Рашиль, следовательно, публика не могла оставаться равнодушной, потому-что роль достойна артистки и на оборотъ.

— Говорятъ, что у знаменитой пѣвицы Альбони рука также легка, какъ голосъ. Развѣ, въ Берлинѣ, сидя въ мужскомъ платьѣ за *table d'hôte*, она до того была возмущена нѣсколькими словами одного Пруссака, что кровь бросилась ей въ лицо и она дала ему пощечину. То былъ офицеръ. Назначили свиданіе на слѣдующій день, но секундантъ: напилъ тамъ вчерашняго буяна въ женскомъ платьѣ. Г-жа Альбони дожидалась, подобно обиженному, удовлетворенія. Разумѣется, дѣло окончилось хорошо, никого не убили, всѣ обнимались.

Не смотря на вспышчивость, Альбони нѣжна какъ женщина: когда нужно было подписать контрактъ на три года съ Констанц-Гарденскимъ Театромъ, молодая артистка вдругъ отказалась.

— Развѣ принятимъ вами условія вами не нравится? спросилъ директоръ.

— Именно. Позвольте замѣтить, что одно изъ нихъ выпущено.

— Которое?

— Принятие бѣдника режиссера, котораго вы отставили.

— Но...

— Чѣдь за то; одно условіе связано съ другимъ, выбирайте же.

Директоръ подписалъ оба условія. Режиссеръ былъ бѣдный, но честный малый; отецъ большаго семейства.

— Споръ г. Пелльтана съ Луи Бланомъ, по поводу «Исторіи Революціи» не только не кончился, но получилъ характеръ еще болѣе серьёзный (*). Луи Бланъ перевелъ дѣло въ высшую инстанцію, и предоставилъ рѣшеніе спора «Обществу Литераторовъ». Къ этому онъ былъ подвигнутъ не совсѣмъ ловкими выходками Пелльтана, который старался затронуть вопросы, не идущіе къ дѣлу, но касающіеся самыхъ интимныхъ убѣждений Луи Блана, и отчаянной казуистикой и придиличностью къ словамъ, которыя смѣнила реторика и чувствительные возгласы Камила Демуленна, вызванного имъ съ того свѣта для того только, чтобы деликатнымъ образомъ поучить уму-разуму «молодаго историка» г-на Луи Блана... Ожидаемъ окончательной развязки этого дѣла, и тогда постараемся (если удастся...) представить читателямъ подробный отчетъ этого интереснаго процесса; а въ настоящую минуту представляемъ отзывы другаго писателя, автора «Ораса» и «Компавийона», какъ новое доказательство глубокаго сочувствія и энтузиазма, пробужденаго сочиненіемъ Луи Блана въ живой половинѣ французскаго общества.

— Старики, теряющіе память, теряютъ ее только относительно; событія

молодости, даже дѣтства легко возникаютъ въ ихъ памяти, и въ то же время они не могутъ дать себѣ отчека въ своихъ вчерашнихъ дѣйствіяхъ...

Такъ точно и человѣчество; оно всегда менѣе знаетъ и обсуживаетъ то время своего существованія, которое только-что миновалось.

При недостаткѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній, о первыхъ моментахъ своего существованія, оно создаетъ ихъ; принимаетъ поэзію баснословныхъ временъ, проникаетъ въ ея символы; ученые громоздятъ груды комментарій на грудахъ неточныхъ свѣдѣній.

Первые великия событія, обрисовывающіеся съ нѣкоторою ясностью, служатъ предметомъ обожанія и глубокаго изученія.

Ребенокъ слѣдуетъ тому же шуті; лишь только онъ можетъ чему-либо учиться, его учить исторіи древніхъ монархій и республикъ. Онъ познаетъ по-крайней-мѣрѣ десять лѣтъ своей жизни на изученіе жизни Гро-ковъ и Римланъ; когда жъ изучить онъ исторію Франціи, свою собственную исторію?

Преподаваніе исторіи дѣтамъ, оказывающіе обыкновенно времена́ Людовика XIV, фактъ несомнѣнныи, освященный общественнымъ воспитаніемъ. Причина его заключается въ томъ, что при официальномъ преподаваніи, исторія прошедшаго предстаиваетъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ; съ современной исторіей этого нельзя сдѣлать и, следовательно, пришлось бы представить истинныи факты, какъ слѣдствіе совершило зложныхъ основаній.

Но напрасно слѣдуютъ этой системѣ, она совершенно неудачна, какъ и всѣ безчестныи уловки. Истина должна и будетъ существовать, она уже существуетъ. Законъ природы, вслѣдствіе котораго память людей какъ бы помрачается на другой же день послѣ великаго событія, этотъ законъ, по-видимому, столь нагубнѣй, не можетъ, однакожъ, взять верхъ надъ

(*) См. «Отеч. Записки» 1847, томъ LV, отд. VIII, стр. 178—194.

воплощющей необходимостью истины, разлагающей мракъ. Битва окончена. Усталые бойцы отъ пыли, дыму покидают арену. Они ищутъ отдохновенія въ какомъ-то самозабвеніи; они перевесили слишкомъ-много ощущеній, чтобы быть въ состояніи произнести съдъ надъ совершившимъ событіемъ. Но фактъ не погибаетъ. Земля пропитана кровью и покрыта обломками; завтра надо будетъ вернуться, чтобы очистить поле и предать землѣ мертвыхъ. Тогда всій становеть припомнить событія, расскажетъ сдѣланное и видѣвшее имъ; противорѣчащія свидѣтельства прійдутъ въ столкновеніе и наставятъ борьба не менѣе кипучая и смущающая — борьба идей. Явятся предразсудки, распространится клеветы. Одинъ скажетъ слишкомъ-много, другой мало. Но еще день, и вѣтеръ разгонитъ туманъ, солнце освѣтитъ често дѣйствія, настанетъ пора истории и фактъ оживетъ во всей полнотѣ своей. Мертвые воскреснутъ для исповѣди и оправдыванія. Славные останки внесены будутъ въ храмы, выгнаны оттуда гробницы, которыми поклонялась толпа. Вотъ священная обязанность исторіи.

Изъ всѣхъ явленій, когда-либо подымающихъ облака пыли, осыплюющихъ зрителей одаренныхъ самимъ именемъ взглядомъ и вызывающихъ всплески проклатія, оглушающія самыхъ сосредоточенныхъ свидѣтелей, не было ни одного подобного французской революціи. — Какое страшное сотрясение отъ разрушающагося общества! Какое ужасное смѣщеніе обломковъ! Сколько окровавленныхъ жертвъ извергнутыхъ въ глубину пропасти.

Сраженіе, обыкновенная битва, съ которой я сравнивалъ сейчасъ битву общественную, представляетъ цѣльность легко-уловимую, результатъ легко-опредѣляемый; не-смотря на бесконечное разнообразіе сочетаній, неожиданность событій. Дѣло въ томъ, что если въ этой случай драглись за идею, то все были проникнуты единой и нераздѣльной. Она представляется намъ

вполнѣ разумированной и принятой. Она уже воплотилась въ фактѣ. — Но въ общественномъ переворотѣ, подобномъ французской революціи, — идея множественна; она принимаетъ всевозможныя образы, всевозможныя оттѣнки; воплощается въ столькихъ формахъ, сколько должна создать личностей и внести ударовъ.

Итакъ, для того, чтобы история какого-нибудь явленія сдѣлалась возможна, недостаточно будетъ собирать факты и наводить слѣдствія. Надо распутать идемъ, познать, уловить ихъ и извлечь изъ хаоса разнообразныхъ толкованій; надо также, чтобы слѣдствія каждой идемъ укрѣплены были за истинными ея представителями, а для этого необходимо, чтобы поколѣніе, совершающее втотъ трудъ, находилось въ непосредственномъ отношеніи къ идеямъ, которыхъ выражались въ изучаемыхъ явленіяхъ.

Человѣкъ, глубже всѣхъ проникнутый гениемъ, руководящимъ подобнымыми переворотами, будетъ, безъ-сомнѣнія, въ состояніи разсказать ихъ лучше всякаго другаго. — Онъ угадаетъ, въ случаѣ надобности, характеръ сомнительного факта, если понимаетъ его причину и значеніе. Исторія есть не только рассказъ, это приговоръ, а приговоръ, отъ которого зависитъ честь и жизнь людей, — не провозносится свидѣтелями.

Революція оставила столько документовъ, вызвала столько сочиненій, что для изученія ихъ потребна цѣлая человѣческая жизнь. И ихъ необходимо изучать съ вѣрою и увлеченіемъ, иначе, какъ бы велики не были аналитическая способности ученаго, — онъ не приведетъ его ни къ какому важному результату; потому-что нигдѣ въ исторіи мы не встрѣтимъ такого множества разнообразныхъ ощущеній, вызывающихъ столько предразсудковъ, симпатій и венависти партій.

Теперь слѣдовало бы сдѣлать разборъ всѣхъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ французскую революцію, но это значило бы преступить границы жур-

иальной статьи.— По моему лучше не сказать о нихъ ничего, нежели сказать слишкомъ мало.— Жироидсты Ламартин и первой томъ Исторіи Мишлѣ—вотъ двѣ крайнія противоположности; у Мишлѣ—рассказъ бѣглый, рѣзкій, взволнованный, трепещущій, точно рассказъ запыхавшагося гонца; трудъ Ламартина: исполненъ краснорѣчія, обиленъ содержаніемъ, старательно обѣданъ,—поражаетъ художественностью колорита; — оба они выставляютъ особенно рельефно типы, которымъ наиболѣе сочувствуютъ, по характеру таланта и образу мыслей; оба равно правдивы, равно проникнуты своимъ предметомъ, у обоихъ однажды—потрести и увѣчъ уны.

Трудъ, о которомъ я хочу говорить, принадлежитъ Луи-Блану, который, вѣсколько лѣтъ тому назадъ, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, въ ряду современныхъ историческихъ писателей, своею *Histoire des dix ans.* — Задавать говорить современниковъ съ такимъ приличіемъ и убѣдительностью, какъ это сдѣлалъ Луи-Бланъ, есть задача въ высшей степени трудная; теперь ему предстоитъ другая, не менѣе трудная—стать лицомъ къ лицу съ вчерашними дѣятелями. Дѣло уже не въ томъ, чтобы анализировать факты современные и животрепещущіе; вѣдь надо возводить къ источнику идей, начертать достойную генеалогію французской революціи, окунуть бѣглымъ въѣрнымъ взглядомъ исторію, принципы и развитіе прогресса въ человѣчествѣ.

Когда этотъ логическій и отчетливый умъ, приступилъ къ своему труду, то онъ былъ объятъ восторгомъ и ужасомъ, при видѣ неизбѣжной связи, причинъ и слѣдовъ. Онъ постигъ, что отъ первого дня революціи, таится въ непрерывномъ рядѣ предшествовавшихъ причинъ, проходящій чрезъ всѣ вѣка.—И браѣ соціаліи было мгновеніе, когда онъ видѣлъ необходимость, начать исторію свою со временемъ давно-минувшихъ, и прослѣдить ее до будущей разладки 93 года. — Принуж-

денный, однако, сдѣлать трудъ свой недоступнымъ для другихъ, онъ рѣшился заключить его въ болѣе-тѣсныя предѣлы, вывелъ его формулу, раздѣлилъ планъ на три части и не могъ не возводiti до начала реформаціи, чтобы хотя отчасти объяснить непрерывное движение, въ которомъ крывалась зародышъ переворота.

Чтобы объяснить явленія французской революціи, Луи-Бланъ зачищаетъ трудъ свой Констанскимъ соборомъ, не приниціа, однако же, протестації Іоанна Гусса и Ероѳима Прагскаго, за безотносительныя источники ученій Робеспіера и Сен-Жюста.—Въ этомъ случаѣ безотносительности несуществуетъ, и желать отыскать, въ прошлой жизни человѣчества, вполнѣ опредѣленную и изолированную причину нравственнаго факта —значило бы отвергать солидарность, неразрывно связующую между собою всѣ фазы человѣческой мысли, всѣ формы дѣятельности. *L'histoire de соціаліе n'est pas finit nulle part*—вотъ слова, которыми начинается сочиненіе Луи-Бланъ.

Въ первомъ томѣ онъ съ чрезвычайной ясностью обнимаетъ и резюмируетъ исторический періодъ, связающій пятнадцатый вѣкъ съ восемнадцатымъ. Этотъ бѣглый и зрий очеркъ отличается глубокою основою взгляда и служить послѣдующацъ событиемъ. Иоаннъ Гусъ, Лютеръ и Кальвинъ являются, какъ представители принципа индивидуализма, трудящагося надъ религіознымъ освобожденіемъ.

Второй томъ—борьба буржуазіи съ аристократією, отъ эпохи общинъ до временъ регенерѣтвъ. Это все индивидуализмъ въ борьбѣ съ древнимъ принципомъ авторитета.

Наконецъ, въ исторіи XVIII вѣка, мы видимъ революцію уже вполнѣ совершившуюся, совершившуюся въ областахъ: религіи, философіи, литературѣ, и готовую разразиться фракціи.

Второй томъ начицается послѣдними минутами жизни философіи и оканчивается смертью превалировавшей аристократіи. Тѣлько что его

Жанъ-Жакъ-Руссо и Вольтеръ, умирающие почти одновременно; въ концѣ—дворянство и духовенство, добровольно отрекающееся отъ правъ своихъ въ день 4-го августа.

Исторія идеи, предшествующая Луи-Блану исторіи фантастъ, отличается удивительной ясностью и точностью.—Изложить ее въ достаточномъ объемѣ, не охладивъ къ ней даже людей, вовсе несклонныхъ къ умственному труду, была задача весьма-трудная.—И въ этомъ отчаиніи сочинение Луи-Блана превосходное.—Требовалось не мало искусства, чтобы сдѣлать общепопулярными сложные финансовые вопросы, и обнять на нѣсколькихъ страницахъ всю систему La (Law). Въ цифрахъ авторъ открываетъ идеи, и всюду преслѣдуетъ философию фанта... Въ сухой ци佛ъ сдѣлать жизнь народа, насущный хлѣбъ семействъ, плачъ младенцевъ и слезы матерей.

Но въ эти суровыхъ экономическихъ вопросовъ выводить онъ благоденствіе, развитіе человѣческаго рода. Кольберъ, Тюргѣ, Неккеръ—перестаютъ быть безличными абстрактами.

при такомъ ясномъ изложении причинъ, слѣдствій и цѣли подвиговъ, или задуманныхъ, или только задуманныхъ.

Страшный хаосъ философскихъ идей XVIII вѣка, предшествовавшій революціи, опредѣленъ и уясненъ въ скользкихъ чертахъ. Борьба Жан-Жака Руссо за свой вѣкъ и противъ него — становится очевидною. Противорѣчіе энциклопедистовъ получаетъ свое мѣсто и значеніе.. Назначеніе всякой личности отъ самыхъ блестательныхъ до самыхъ тусклыхъ — объясняется. Масоны и другія тайны общества, мистицизмъ и вовѣріе, стоявшіе за одно и тоже дѣло, дѣйствовавшіе одни и тѣмъ же оружиемъ, всѣ эти разнородные и нестройные элементы, разступившіеся наконецъ предъ лучезъ свѣта, даже непостижимыя предѣлы Сен-Мартена, чудеса Мессера и Калестро, формулы и смыслы чернокнижія — все исчеливано, все находить свое мѣсто и настоящую роль, подъ искусственнымъ перомъ Луи Блана, и эти главы его исторіи блещутъ живостью красокъ и исполнены занимательности.

М О Д БІ.

Большіе балы все еще не начались; но за то на маленькихъ вечерахъ и въ спектакляхъ, наряды съ каждымъ днемъ являются лучше и великолѣпнѣе. Надобно прибавить еще, что теперь, по случаю праздниковъ, самые изысканные утренние наряды. Многія дамы, почти цѣлые дни, посвящають на лизиты и возвращаются домой иногда болѣе уставши, нежели послѣ бала.

Вотъ чудесный костюмъ для утренняго визита: платье изъ синяго шарап, общштое червѣми широкими кружевами въ три ряда. Мантильи... но о мантильяхъ надо поговорить подробнѣе. Нынѣче появились кашемировые мантильи точно съ такими же бортами, какъ у шалей—только, разумѣется, не такимъ широкимъ, но пропорціональнымъ мантильи. Фасонъ же этихъ мантий самый обыкновенный: сзади онъ имъ-

ютъ видъ длинной шелеринки, къ рукавамъ нѣкакого вырѣзы, напереди довольно-длинные концы... кажется, очень-просто; но онъ очень—нарядны и есть дамамъ чрезвычайно понравились; впрочемъ, лучшею похвалой для нихъ можетъ служить то, что когда эти мантильи только показались въ магазинахъ, черезъ нѣсколько недѣль ихъ уже ни одной не было, и теперь едвѣ ли гдѣ-нибудь можно ихъ достать до нового привоза, который,ѣроятно, не замедлитъ, потому-что, говорятъ, щеголихъ, войдя въ магазинъ, прежде всего спрашиваютъ кашемировые мантильи... Теперь будемъ продолжать описание того наряда, о которомъ начали говорить: сдѣлать съ синимъ платьемъ была надѣтъ белая кашемировая мантилья; шапочка была изъ неразрѣзанаго бархата съ букетомъ барабу; къ этому при-

Баньте роскошный черный кружевный воротникъ и самую яркую розовую бархатную ленту, надѣтую подъ воротничокъ и застегнутую большой брошкой съ антикомъ.

Еще нельзя не сказать и о другомъ костюмѣ, который въ своемъ родѣ то же заслуживаетъ вниманіе: платье изъ темно-зеленаго пу-де-суса съ прорѣзями, въ которыхъ вшиты атласы такого же цвета, какъ платье, и перехвачены вѣсколько разъ агемантономъ. Мантилья черная бархатная въ видѣ длинной пелеринки, съ рукавами и концами скругленными; эта мантилья бѣла подбита лиловой тафтой, которая простегана кѣтками и обшита бахрамой, или, лучше сказать, двумя бахрамами: первая лиловая, точно такого же цвета, какъ подкладка, а вторая черная. Нельзя себѣ представить, до чего хороша была эта мантилья! черная бахрама, казалось, была то же подбита чѣмъ-то лиловымъ, и вѣтъ платья такъ хорошо гармонировала съ зеленымъ цветомъ платья, что глаза всѣхъ невольно останавливались на щегольскомъ нарядѣ. Наконецъ сѣрая изъ неразѣнаго бархата плата съ плечомъ приколотымъ точно такъ, какъ показано на картинѣ моды, приложенной къ этой книжкѣ нашего журнала, и съ небольшими розами подъ плечами; плата эта такъ хорошо шла къ чернымъ волосамъ дамы, что она, бывъ далеко не красавица, обратила на себя всеобщее вниманіе. Шляпы вообщѣ вѣдаются выпуклой тулей, какъ показано на этой же картинѣ моды; черные кружева на шляпѣ очень многими краются, но первое условіе въ уборкѣ — простота.

Платья вообще для утреннихъ визитовъ дѣлаются изъ пу-де-суса и бархата; цветъ же преимущественно употребляется тѣмно-синий, черный и тѣмно-зеленый; впрочемъ кѣтчатые яркія матеріи также еще не забыты, но они очень рѣдко мелькаютъ между этими темными цветами.

Рукава и лифы все тѣ же.

Теперь скажемъ что-нибудь о бальновыхъ платьяхъ. Во-первыхъ, замѣтимъ, что берги перестаютъ быть въ модѣ.

Какъ скучно было видѣть, что всѣ бальныя платья непремѣнно дѣлались съ бергой! Мода эта продолжается уже вѣсколько лѣтъ. Берги всѣхъ фасоновъ надѣяны до высшей степени. Теперь ихъ замѣняютъ драпири, которыхъ бываютъ изъ одивадой матеріи съ платьемъ, или изъ тюля; пока эта уборка лифа сносна; но если и она сдѣлается также необходимостью для каждого платья, то и она скоро надоѣсть. Вообще, у васъ очень малоарьнуютъ уборку лифовъ на бальновыхъ платьяхъ: объ этомъ надо было бы позаботиться модисткамъ — одно да тоже скоро надоѣсть. Легкія платья дѣлаются во-прежнему въ двѣ, въ три, въ четыре и даже въ пять юбокъ; всѣ эти юбки иногда вырѣзаются зубцами, а иногда обшиваются увенчанными рулонами атласа одинакаго цвета съ платьемъ. Вообще уборка на платьяхъ все еще прежняя: вѣроятно, когда начнутся большия балы, появится что-нибудь новое; тогда и мы не замедлимъ передать новость нашимъ читательницамъ.

Буриусовъ для гуляй у насъ теперь не видно, потому-что при выѣздахъ холодахъ для насъ нужны изъ ховыя салоны; впрочемъ, такъ-какъ многія жалуются, что въ теплыхъ салопахъ тяжело и жарко ходить, то мы посовѣтовали бы сдѣлать такой бурнусъ, когораго фасонъ показанъ на картинѣ моды, приложенной къ этой книжкѣ. Какъ этотъ фасонъ оригиналенъ и какъ должно быть тепло въ такомъ бурнусѣ, потому-что такая стѣжка тогда только красива; когда бурнусъ будетъ толсто подбитъ! Рукава эти очень хороши при нашей холодной зимѣ: въ нихъ уже не пройдетъ холода, потому-что они застегнуты у кисти, чего до-сихъ-поръ не дѣлалось въ бурнусахъ, и если къ этому бурнусу прибавить кашишонъ, разумѣется также выстеганный, то онъ очень-хорошъ будетъ для разѣгаюсь послѣ баловъ и спектаклей. О другомъ бурнусѣ говорить нечего, потому-что въ немъ быть ничего нового; но все-таки нельзя не заметить, что онъ хороши.

